Digitized by Google

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Печатано въ типографіи Департамента Удѣловъ. Литейный просп., № 39.

1869

Отъ Санктпетербургскаго комитета духовной цензуры печатать позволяется. С.-Петербургъ. 2 іюля 1869 г.

Цензоръ *Архимандритъ Фотій.*

НЕЕСТЕСТВЕННОСТЬ И НЕПРАВИЛЬНОСТЬ ОТРИЦАНІЙ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННАГО.

(ОКОНЧАНІЕ) (¹)

Религія въ настоящее время такъ надоѣла многимъ, что они ищутъ оружія противъ нея и въ своей философіи и въ своей природѣ и въ устройствѣ земли и неба, полагая, что будто бы *астрономія* разрушаетъ библейское ученіе о назначеніи вселенной для человѣка и на мѣсто этого ученія поставляетъ болѣе высокія идеи. Но болѣе высокихъ идей, чѣмъ назначеніе вселенной для зрѣлища и наблюденія разумнымъ существамъ мы и представить не можемъ. Пророкъ Давидъ говоритъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Псал. XVIII, 1). Будто повѣданіе славы Божіей живущимъ на землѣ недостойно для существованія небесъ. Самый простой человѣкъ знаетъ, что во вселенной нѣтъ такого отрѣшеннаго бытія, которое бы въ цѣпи существъ ни съ однимъ не стояло въ связи. Въ великой и неизмѣримой вселенной каждая нить нужна для всѣхъ и всѣ для нея. Слово Божіе поставляетъ насъ зрителями вселенной и намъ

(¹) См. Хр. Чт. № 6 1869 г.

естественно и справедливо представляется, что все служитъ для насъ, потому что выше и совершеннѣе себя человѣкъ не находитъ никого между видимыми тварями. А если бы и нашелъ: то и тогда назначеніе вселенной для человѣка не теряло бы своей силы. Великіе астрономы, видя мудрый организмъ или механизмъ міра исполнялись благоговѣнія къ Творцу. Менѣе смыслящіе и болѣе погруженные въ свои внутреннія мечты, износятъ изъ себя *яже сквернитъ человѣка*. Вотъ какъ мудрые разсуждаютъ о назначеніи вселенной для человѣка.

„Скажетъ ли кто при семъ, что слишкомъ гордо думать, будто для насъ и земля, и солнце, и небо; таковому отвѣтствую: еслы ты думаешь о семъ гордо, совѣтую тебѣ отложить свою гордость, и думать о семъ смиренно и благородно предъ благодѣтелемъ Богомъ, а не думать, будто мысль, злоупотребленная гордостію, потому самому перестаетъ быть истиною. Скажемъ ли еще, что землею, солнцемъ и небомъ пользуешься не ты одинъ, и не только всѣ человѣки, но и безчисленное множество другихъ тварей Божіихъ; отвѣтствую: что до того? Тѣмъ болѣе чудно, тѣмъ болѣе необъятно богатство Божіе, что, хотя имъ пользуются безчисленныя существа, но и ты пользуешься имъ такъ, что оно совершенно для тебя приготовлено, и къ твоимъ потребностямъ приспособлено. Найди способъ обойтись безъ земли, солнца и неба,—и тогда не почитай себя за нихъ должникомъ предъ Богомъ: а если сего не можешь сдѣлать, то признай, что каждый лучь солнца, который тебя освѣщаетъ или согрѣваетъ, каждая капля воздуха, которую ты берешь себѣ дыханіемъ, есть твой новый заемъ изъ сокровищъ Божіихъ, — заемъ,

всегда продолжаемый, ежеминутно возобновляемый, и слѣдственно, всегда неоплатный" (1).

Враги христіанскаго ученія говорятъ: „*химія* хотя далеко отстала отъ астрономіи, впрочемъ и она уничтожаетъ идею о созданіи и разрушеніи матеріи. Химія будто не колеблясь утверждаетъ ученіе о вѣчности вещества, не допускаетъ его творенія изъ ничего ни совершеннаго его уничтоженія или изчезновенія. А мы скажемъ, что эта наука менѣе всѣхъ другихъ противорѣчитъ Откровенію. Жизнь химіи, неизчезающую, а переходящую, какъ изъ зерна ростокъ, изъ ростка стебель, изъ стебля плодъ, ни разумъ, ни Евангеліе не отрицаютъ. Но эта не та вѣчная, безсмертная жизнь человѣка, проповѣдуемая Евангеліемъ. Химія, какъ наука, не противорѣчитъ Евангелію и не разрушаетъ его; скорѣе сама она сокрушится, чѣмъ поколеблетъ и разрушитъ вѣчную истину Откровенія Божественнаго. Не химія утверждаетъ ученіе о вѣчности вещества, а настроеніе людей, *въ разумъ истины не пришедшихъ*.

Вотъ нападенія наукъ на религію! На нее нападаютъ собственно не науки, но злохудожныя мудрованія человѣческаго разума, который именемъ наукъ вооружается противъ вѣры, никакъ не предполагая, что она въ истинахъ Откровенія и нравственности несравненно положительнѣе и благонадежнѣе, чѣмъ безконечно дробящій разумъ, въ своихъ нравственныхъ сужденіяхъ и дробленіяхъ предмета путающійся.

Всѣ тѣ стороны, съ которыхъ страстный разумъ нападаетъ на религію во имя науки, не главныя и не существенныя въ Откровеніи, а потому нападенія его очень слабы и легкомысленны. Главный предметъ От-

(1) Слово преосвящ. Филарета, митрополита московскаго, въ недѣлю 6-ю по Пятдесятницѣ, томъ I.

кровенія, какъ выше замѣчено было, грѣхопаденіе, и искупленіе міра Сыномъ Божіимъ: но это истина выше человѣческаго разума и нисколько не боится его нападеній. Они опасны и страшны изобрѣтеніямъ разума человѣческаго, который обыкновенно выдумываетъ, улучшаетъ и отмѣняетъ свои недолговѣчныя изделія. Развѣ въ состояніи угасить спасительный свѣтъ откровенной истины философія своимъ мрачнымъ безполезнымъ умничаньемъ? Геологія—находимыми въ землѣ слоями и сваями? Физіологія—своимъ смѣшеніемъ мозга и души или превращеніемъ духовнаго начала въ матеріальное? Астрономія—сомнѣніемъ о предназначеніи вселенной для человѣка? Химія—неумѣніемъ согласить разложенія и возникновенія съ истиннымъ началомъ и концемъ существованія вещей.

Нападенія разума во имя разныхъ наукъ на религію показываютъ, что вооружающіе человѣческія ученія на Библію, смотрятъ на нее, какъ на кодексъ всѣхъ наукъ, коихъ вопросы она должна рѣшать по прихотливымъ желаніямъ умствователей. Но неограниченныя и неуясненныя требованія и придирки совершенно неразумны и странны. Если напримѣръ, система Птоломея и Коперника не противорѣчатъ Библіи, потому что она и до и послѣ появленія ихъ не теряетъ нисколько своего божественнаго достоинства: значитъ, что противорѣчія слову Божію предполагаетъ и старается отыскать въ системахъ человѣческихъ злонамѣренность или невѣжество нашего разума. Неумѣніе понять истину Библіи приписываютъ недостаткамъ божественной книги, и думаютъ находить въ ней противорѣчія здравому смыслу, вмѣсто того, чтобы скудость здраваго смысла усматривать не въ Откровеніи, а въ своей головѣ.

Вообще слова: наука, научный, разумный, раціональный, слышимыя даже въ устахъ людей, которые ничему не учились, свидѣтельствуютъ, что общество сильно злоупотребляетъ этими словами, и что на науку и разумность въ настоящее время сильно клевещутъ. Наукою и раціональностію стараются подтвердить всякую выдумку и всякое мнѣніе, которое родилось не въ наукѣ, а въ головѣ, чуждой науки.

Доселѣ мы видѣли ненависть къ христіанству въ невѣрующихъ іудеяхъ, которые считали его соблазномъ (1 Кор. 1, 23); нападки разума на него во имя науки, потому что разумъ нѣкоторыхъ всегда учащійся, никогда же не могущій дойти до познанія истины (2 Тим. III, 7), обыкновенно по своей запальчивости считаетъ ученіе Христово безуміемъ (1 Кор. 1, 23). Доселѣ мы видѣли въ іудеяхъ ненависть къ христіанству изъ ревности къ вѣрѣ не по разуму, и изъ ревности языческаго разума къ себѣ—противъ вѣры.

Не въ этихъ только противленіяхъ разума человѣческаго разуму Божію нападки на христіанство. Являются глумленія и устремленія противъ спасительнаго ученія Библіи, какъ бы въ оправданіе словъ ап. Павла, что „Богъ даетъ истиннымъ христіанамъ духъ силы, любви и здравомыслія“ (2 Тим. 1, 7), а у невѣрующихъ во Христа Богъ отъемлетъ нравственную силу, любовь и здравомысліе, относительно религіи и нравственности.

„Въ природѣ человѣческой, говоритъ глубокомысленный христіанскій благочестивый философъ, странная двоякость и противорѣчіе направленій: съ одной сто-

роны чувство нужды въ божественномъ и желаніе общенія съ Богомъ, съ другой какая-то тайная неохота заниматься Божественнымъ и наклонность убѣгать отъ собесѣдованія съ Богомъ. Первое изъ сихъ направленій принадлежитъ природѣ первозданной, а послѣднее природѣ, поврежденной грѣхомъ. Это есть продолженіе до нынѣ того движенія, которое оказалось въ прародителяхъ по первомъ нарушеніи заповѣди Господней. *Услышаста гласъ Господа Бога ходящаго въ раи пополудни, и скрыстася Адамъ же и жена его отъ лица Господа Бога*" (Быт. III, 8) (¹).

Грѣшникъ бѣжитъ и скрывается отъ Бога, присутствіе Котораго для преступника тяжело и страшно. Прародители, утративъ естественный союзъ съ Богомъ, поставили себя на путь неестественный, превратный; вздумали сокрыться отъ Бога въ кустахъ; какъ настоящіе грѣшники стараются прятаться отъ Творца въ кусты науки, которая, кажется грѣшникамъ, что укрываетъ и защищаетъ ихъ. Грѣховно-искаженное здравомысліе бываетъ такъ разслаблено, что сужденіе человѣка о дѣйствіяхъ вѣры и нравственности является призрачнымъ, скользитъ по кажущейся скорлупѣ, не проникая подъ нее. Въ неумѣньи согласить движеніе науки съ ученіемъ Евангелія видиѣтся недостатокъ человѣческаго разума, который по своей надменности всегда оправдываетъ себя и винитъ то, чего не понимаетъ. Отсюда происходятъ всѣ кажущіяся противорѣчія науки и Откровенія. По выраженію Писанія душевный человѣкъ не пріемлетъ того, что отъ Духа Божія, потому что это кажется юродствомъ ему (1 Кор. 2, 14), и во истинѣ

(¹) 20-е слово на день преподобнаго Сергія во 2 том. москов. мит. Филарета.

не стоитъ" (Іоан. VIII, 44); истину историческую старается отвергнуть, перетолковать и исказить ее, ибо она кажется ему невозможностію, миѳомъ. Таково сужденіе людей, нападающихъ на религію во имя науки. На выраженіи *кажется* основывается философія многихъ. На этомъ бездоказательномъ кажется зиждется слѣдующее сужденіе о важномъ предметѣ.

„Державинъ, говоритъ авторъ, проповѣдуетъ въ своихъ одахъ самыя святыя истины. Но эти истины были ложью по отношенію къ самому Державину. Потому что онѣ не имѣли никакой внутренней связи съ его мыслію, были чужды его живому убѣжденію, такъ точно, какъ чужды были чувству тѣ ощущенія или впечатлѣнія, которыя онъ выдавалъ за прочувствованныя имъ самимъ и ему принадлежащія. Возмемъ, напримѣръ, хоть извѣстную оду Державина: Богъ. Въ богословскомъ отношеніи эта ода безукоризненно истинна; потому что она содержитъ истины, совершенно также излагаемыя и въ православномъ катихизисѣ. Но въ поэтическомъ отношеніи она безусловно ложна, потому что къ тѣмъ абстрактнымъ мыслямъ, которыя излагаются въ ней, никакимъ образомъ не могло приразиться лиричекое чувство. Подобная ода по самому предмету своему могла быть произведеніемъ холоднаго созерцательнаго ума, но никакъ ни мысли, руководимой чувствомъ". Такъ кажутся автору мысли оды „Богъ" абстрактными, къ которымъ будто бы лирическое чувство никакимъ образомъ не могло приразиться! Св. истины Библіи будто бы не имѣютъ никакой связи съ мыслію и природою поэта!

Истины Божественнаго Откровенія особенно кажутся юродствомъ тѣмъ, коихъ душа, по Писанію злохудож-

на; *въ злохудожную душу не внидетъ премудрость*, говоритъ Соломонъ (Прем. 1, 4). Эта порча, уродство души и природы человѣческой, низведенной грѣхомъ изъ области религіозной и нравственной, совершенно погашаетъ вкусъ къ богобоязненности, вѣрѣ и благочестію; наклонностями плотскими страшно порабощаются христіанскія стремленія духа. *Сущіи по плоти плотская мудрствуютъ*. Горькія слѣдствія плотскихъ мудрованій и жизни суть вражда на Бога, непокорность закону Божію (Рим. VIII, 5—8). Злоупотребленіе свободою, которая служитъ поводомъ только къ угожденію плоти, дѣла которой прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство, вражды, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласіе, соблазны, ереси, ненависть, убійства, піянство, безчинство и тому подобное“ (Гал. V, 13, 19 — 21). Такія дѣла убиваютъ духъ и причиняютъ человѣку духовному смерть (Рим. VIII, 6). Самыя удовольствія, которыя міръ называетъ духовными, напримѣръ пѣніе, музыка, чтеніе, эти свѣтскія удовольствія вовсе не духовны, а только утонченны и также плотски, ибо они угождаютъ собственно не духу, который ищетъ Бога, а страстямъ, болѣе сокровеннымъ и внутреннимъ. Что мірскіе люди называютъ духомъ, то часто совершенно пропитано вожделѣніями плоти, только менѣе грубыми и вещественными. Добродѣтели и пороки, дѣйствія духа и плоти имѣютъ свои степени. Такимъ образомъ злохудожество души человѣческой, отвращающееся отъ богопознанія и богопочтенія, нисколько не ослабѣваетъ въ людяхъ, по мірскому выраженію, благородныхъ, грамотныхъ, ученыхъ, воздержныхъ, преданныхъ удовольствіямъ и занятіямъ утонченнымъ и возвышен-

нымъ, но потерпя однакожъ совершенно не духовныя а плотскія, не въ духѣ Христа и вѣры, а въ духѣ языческомъ и плотскомъ. Утонченность и возвышенность духа не всегда бываетъ родственна духовности религіозной, а часто враждебна ей, злохудожна. Духовный, благочестивый человѣкъ не одно и тоже, что человѣкъ благородный, ученый, образованный. Первый есть Божій человѣкъ, второй бываетъ душевный, мірскій, только общественно вычищенный и приглаженный, но въ то же время рабъ грѣха, „предающій члены тѣла своего въ орудіе неправды (Рим. VI, 13). Гортань его открытый гробъ; языкомъ своимъ обманываетъ, уста его полны злословія и горечи; ноги быстры на пролитіе крови; разрушеніе и пагуба на пути его" (Римл. III, 13—16). Это же лице слыветъ въ обществѣ благороднымъ, благовоспитаннымъ, ученымъ, многознающимъ. Духовно-благочестивый со всѣмъ не то, что человѣкъ мірской, свѣтски образованный и ученый. Мірскія совершенства наши могутъ соединиться съ духовно-христіанскими качествами, но часто, очень часто мірской выполированный для общества членъ бываетъ невѣрующимъ, антихристіанномъ, злохудожнымъ человѣкомъ. Внутренно и духовно гордый человѣкъ по наружному суду міра часто хвалится, какъ отличный гражданинъ, но по духу религіи осуждается какъ человѣкъ негодный. Злохудожной личности внутренно порочной, а наружно приличной, попокажется ли истина Божественнаго Откровенія такою, какою она дѣйствительно есть, и какою представляется человѣку благохудожному?

Встрѣчается видъ вражды противъ истины Откровенія не во имя науки и не по злохудожеству души, а

изъ рабскаго *подражанія и угожденія* большинству зараженныхъ современною модою вольномыслія, невѣрія и атеизма. Этотъ видъ вражды къ религіи у большей части нашихъ современниковъ происходитъ изъ совершеннаго невѣдѣнія положительныхъ истинъ Откровенія и слѣпаго усвоенія духа новизны, которая безъ самостоятельнаго знанія, безъ отечественнаго народнаго воспитанія, у насъ принимается легко и довѣрчиво. Подражательность и переимчивость—вотъ нравственный недугъ, (который можно назвать неуваженіемъ или недовѣріемъ къ себѣ самимъ и своимъ силамъ, лѣностію ума и легкомысліемъ,) изъ коего вырождается въ нашемъ обществѣ язва вольномыслія, невѣрія и отступничества. Девизъ этого недуга: чужое лучше своего.

Чужое лучше своего можно принять за истину въ смыслѣ цивилизаціи и умственнаго развитія запада, но не въ отношеніи религіозномъ. Православіе чище и выше всякаго христіанскаго вѣрованія. Уклоненіе отъ него въ иновѣріе есть крайняя степень безразсудства и невѣжества; отступники отъ православія, напримѣръ въ латинство, мѣняютъ истину на ложъ. Въ нашихъ лѣтописяхъ очень мѣтко замѣчено: „латыни ложъ есть, о многихъ глаголютъ и все лжутъ“ (¹). Это замѣчаніе совершенно вѣрно. Самохваленіе папистовъ основано на чистой лжи, потому что въ Писаніи и въ исторіи христіанской Церкви нѣтъ никакого основанія для этого гордаго самохваленія и безсовѣстнаго униженія другихъ исповѣданій. Все, что написты пишутъ въ пользу своей церкви, есть одно пустословіе. Напримѣръ они говорятъ: будто мать и учительница другихъ церквей есть церковь римская. Будто латинской церкви одной

(¹) Никонов. лѣт. кн. V, стр. 138.

между всѣми церквами Спаситель міра далъ привилегію полновластнаго владычества на землѣ. Будто папа всю вселенную имѣетъ право считать своею областію, и во всѣ концы міра можетъ безпрепятственно назначать епископовъ, даже безъ всякой нужды. Будто римская церковь не признаетъ народностей и стремится къ полному господству надъ всѣми народами и царствами (¹).

По мнѣнію папъ и ихъ канонистовъ, будто весь міръ составляетъ область (діоцезъ) римскаго первосвященника, какъ единственной на землѣ власти, намѣстника І. Христа. Полновластіе папъ будто обнимаетъ не только, такъ-называемыя, дѣла духовныя, но и свѣтскія. Всякая власть происходитъ отъ Бога, а папа будто представитель Его на землѣ; поэтому только та власть имѣетъ законное значеніе и право на существованіе, которая будто бы поставлена или признана папою, единственнымъ обладателемъ божественнаго права на землѣ. Во сколько душа выше тѣла, во столько будто бы власть папы возвышается надъ всякою иною властію. „Свѣтскіе государи будто бы должны быть только исполнителями его повелѣній. Папа Сильверстъ, будто бы въ виду не послушанія враговъ церкви, передалъ императору мечь только для ихъ наказанія". Можетъ ли быть и сомнѣніе въ томъ,—говоритъ папа Иннокентій VI—что папа, который будетъ судить ангеловъ на небѣ, не могъ бы судить дѣлъ міра сего. Ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что папы получили власть отъ императора Константина; напротивъ она основана Іисусомъ Христомъ, онъ передалъ св. Петру во власть небо и землю, а папы будто бы прямые наслѣдники св. Петра.

(¹) Вѣстн. Европы 1868 г. Январь. Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи.

Такъ дерзновенно и лживо говорятъ о себѣ отступники отъ апостольскаго ученія. Эти гордыя, совершенно лживыя слова папистовъ, ни на чемъ неоснованныя, для образца необъяснимой безстыдной лжи приводятся только изъ каноническаго ученія папистовъ, потому что догматическія доктрины и практическія неустанныя козни ихъ, съ ихъ крестовыми походами, инквизиціями, уніями, езуитскими плутнями, поддѣлками документовъ, искаженіями исторіи, — извѣстны всему міру. По словамъ блаженнаго Ѳеофилакта Болгарскаго: „величайшая ихъ ошибка, вслѣдствіе которой они находятся въ опасности, по словамъ Соломона *„обрѣстися во днѣ ада“* (Притч. IX. 18), есть сдѣланное ими въ символѣ вѣры нововведеніе, проповѣдующее Духа исходящимъ отъ Отца и Сына ([1]).

Въ эту-то бездну лжи нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, по духу своего подражательно-иностраннаго воспитанія, основанному на полномъ невѣдѣніи ученія родной православной церкви, совратились и погрязли, и даже сдѣлались всесвѣтными проповѣдниками папистической пропаганды и клеветниками на церковь православную и на русскій народъ.

Въ настоящее и особенно въ недавно минувшее время превратное понятіе о прежнемъ, по мнѣнію однихъ— будто бы совершеннѣйшемъ, а по суду другихъ—будто отсталомъ, убило и подавило у многихъ общечеловѣческій смыслъ и легкомыслію открыло широкій путь. Изъ безтолковой оцѣнки старины и новизны выродились нашъ темный, слѣпой расколъ, и грубыя мечты о какой-то новой Россіи, и проч., такъ что раздѣленіе исторіи на древнюю и новую стало непонятнымъ, пустымъ.

([1]) Въ словѣ діакону Николаю.

Расколъ въ русской православной церкви, возникшій среди темной толпы народа изъ невѣжественнаго упорства Евангелію и власти, привлекъ въ среду свою многихъ немыслящихъ а только подражающихъ и перенимающихъ, вѣрующихъ не Евангелію, котораго не читаютъ и не знаютъ, а словамъ близорукихъ расколоучителей и близкихъ къ нимъ людей по званію и состоянію. Расколъ по видимому за вѣру, но въ сущности совершенно противъ вѣры. Въ догматическомъ отношеніи онъ прикровенно и тайно осуждаетъ всѣ переводы Библіи на иные языки съ ея первоначальнаго нарѣчія, за погрѣшительную цѣлость словъ и буквъ котораго расколъ стоитъ и воюетъ. Если позднѣйшія исправленія и переложенія церковно-богослужебныхъ книгъ служатъ поводомъ къ отдѣленію невѣдущихъ отъ церкви: то всѣ переводы Библіи и церковныхъ книгъ достойны того же порицанія, какое расколъ позволяетъ себѣ на наши богослужебныя книги. Сами евангелисты дозволяли себѣ дѣлать дополненія прежденаписанныхъ Евангелій и переводы съ еврейскаго на греческій. Слѣдовательно пониманіе и сужденіе раскольниковъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ очень ограниченно и погрѣшительно.

Въ смыслѣ практическомъ, расколъ есть смертный грѣхъ. Расколъ обольщаетъ, совращаетъ и портитъ людей простыхъ и неграмотныхъ, расторгаетъ союзъ народности, поселяетъ непримиримую вражду и рознь. Это раздѣленіе одного народа, ослабляя взаимный родственный союзъ, поселяетъ вражду противъ божественной вѣры, которую простолюдины, отдѣляясь отъ церкви, безчестятъ, поносятъ, унижаютъ. Такимъ образомъ потрясается и расторгается союзъ общественный и религіозный.

Точно также при превратномъ пониманіи новаго, какъ непремѣнно лучшаго, чѣмъ старое, являлась и является вражда противъ религіи. Все новое, молоденькое, живенькое, не упорядоченное горделиво смотритъ на себя какъ на силу, а все не только древнее, но только нѣсколькими годами старѣйшее, считалось и считается устарѣлымъ, неупотребительнымъ, отжитымъ. При такомъ искаженномъ настроеніи общества, въ которомъ, какъ наказаніе отъ Бога, по словамъ пророка Исаіи „будутъ юноши князи и дѣти управлять, юноши поднимутся на стариковъ, приразится отроча къ старцу" (Ис. III, 4, 5), между насъ появились новые люди презирателями старшихъ, дѣти учителями родителей, юноши самозванными правителями. Могла ли не встрѣтить вражды между такими членами общества Божественная вѣра?

Такимъ образомъ естественное и разумное заключается въ духѣ вѣры Христовой; все неестественное и неразумное въ противорѣчіяхъ вѣрѣ и нападкахъ на нее.

Протоіерей Г. Дебольскій.

МАТЕРЯМЪ СЕМЕЙСТВЪ.

О РЕЛИГІОЗНОМЪ ВОСПИТАНІИ МАЛЫХЪ ДѢТЕЙ ([1]).

Въ какое время нужно начинать религіозное воспитаніе дѣтей? — Парадоксъ Жан-Жака Руссо. — Религіозное воспитаніе дѣтей состоитъ въ развитіи религіознаго инстинкта.—Это развитіе должно начаться очень рано.—Оно должно состоять въ дѣйствіяхъ и примѣрахъ.—Оно должно слѣдовать возрастанію дитяти.—Описаніе и подробности.—О молитвѣ.— Какъ нужно учить дитя молиться?

Религіозное воспитаніе дѣтей составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, достойныхъ вниманія воспитателя. Извѣстно знаменитое мнѣніе Жан-Жака Руссо, которое сознательно или безсознательно раздѣляетъ большая часть философовъ. Руссо думаетъ, что дитя не должно знакомить съ понятіями о Богѣ, Его свойствахъ и Его Провидѣніи, не должно знакомить даже и отрока, потому что эти понятія, для того, чтобы быть понятыми, предполагаютъ умственное развитіе, до котораго не достигаютъ эти возрасты. Онъ откладываетъ первое религіозное воспитаніе до шестнадцати, осьмнадцати или даже до двадцати лѣтъ возраста. Такое мнѣніе возбудило противъ себя сильное возраженіе, это и понятно: непонятно только одно, что за него судили Руссо съ гнѣ-

([1]) Изъ книги: *L'Education*, par M. Emmanuel Chauvet. Paris. 1868.

вомъ или даже съ презрѣніемъ. По нашему мнѣнію, нужно всегда имѣть вѣжливость и даже почтеніе къ добросовѣстному противнику, котораго опровергаютъ. Это тѣмъ болѣе обязательно къ Руссо, который былъ постояннымъ и горячимъ защитникомъ Божества въ вѣкъ нечестія и вольномыслія. Это забываютъ, но справедливость требуетъ это припомнить.

Вмѣсто того, чтобы порицать Руссо, нужно разъяснить его заблужденіе и указать на истину.

Заблужденіе Руссо состояло въ томъ, что онъ смѣшивалъ двѣ вещи совершенно различныя, а именно: религіозный инстинктъ и разумъ. Руссо думалъ, что мы однимъ только путемъ можемъ возноситься къ Богу и именно путемъ разума, т. е. разумѣнія, которое размышляетъ, ищетъ, разсуждаетъ, доказываетъ и разъясняетъ. Отсюда его теорія: для того, чтобы говорить дитяти о Богѣ, нужно дождаться того времени, когда дитя начнетъ умозаключать; нужно дождаться, чтобъ его умъ былъ въ состояніи размышлять, изыскивать, разсуждать, доказывать и разъяснять; нужно дождаться, когда онъ будетъ имѣть шестнадцать, осьмнадцать или двадцать лѣтъ.

Смѣло можно сказать: съ этой точки зрѣнія теорія Руссо неопровержима. Въ самомъ дѣлѣ, первый пунктъ ясенъ какъ день: если Богъ доступенъ только для разума, было бы совершенно нелѣпо хотѣть знакомить съ понятіями о Немъ прежде возраста разума. Это значило бы стараться знакомить съ разнообразіемъ цвѣтовъ слѣпаго. Второй пунктъ также не менѣе справедливъ: Богъ есть высочайшій предметъ разумѣнія, самый труднѣйшій для постиженія и пониманія. Слѣдовательно, для того, чтобы познавать Его, нуженъ не несовершен-

ный разумъ маленькаго дитяти, а разумъ развитый и усовершенствованный во всей своей чистотѣ и могуществѣ; нуженъ разумъ молодаго человѣка. Религіозное обученіе, поэтому, должно принадлежать возрасту юношескому.

Но теорія Руссо ложна, потому что ложенъ пунктъ ея отправленія. Разумъ не есть ни единственный, ни первый путь къ познанію Бога. Прежде разума существуетъ еще религіозный инстинктъ, безъ котораго разумъ былъ бы не дѣйствителенъ; мы хотимъ сказать, безъ котораго онъ не проникъ бы въ сферу божественныхъ вещей, по неимѣнію необходимыхъ данныхъ. Въ дѣйствительномъ существованіи религіознаго инстинкта сомнѣваться нельзя; также не менѣе вѣрно и его раннее пробужденіе. Онъ появляется прежде возраста разума—съ третьяго или четвертаго года. Матери, эти нѣжныя и тонкія наблюдательницы дѣтства, это знаютъ очень хорошо; это могутъ сказать женщины, которыя писали о воспитаніи и особенно о начальномъ воспитаніи, какъ, напримѣръ, г-жа Неккеръ. Самымъ философамъ, для того чтобы знать это, недостаетъ только хотѣнія понять. Что религіозный инстинктъ есть въ маленькомъ дитяти, т. е. онъ инстинктивно чувствуетъ Бога въ себѣ и въ природѣ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Вотъ гдѣ находится основаніе, мѣсто и предметъ религіознаго воспитанія съ самаго нѣжнаго возраста.

Само по себѣ понятно, что этотъ религіозный инстинктъ, который представляетъ уму и душѣ дитяти Бога темно, но дѣйствительно, долженъ быть развиваемъ наравнѣ съ другими нѣжными и благородными инстинктами его благородной натуры и даже съ боль-

мею заботливостію и вниманіемъ, по высотѣ его предмета и по его величайшей важности, не только въ жизни вообще, но и въ частности, въ жизни дѣтской. Для дитяти, какъ и для взрослаго, важно чувствованіе въ своемъ нѣдрѣ божественнаго впечатлѣнія. Это тѣсное таинственное общеніе съ Богомъ, повторяясь и укрѣпляясь, одушевляетъ, согрѣваетъ и воспитываетъ нравственность дитяти и предрасполагаетъ его къ мужественнымъ добродѣтелямъ зрѣлаго возраста; оно сообщаетъ глубину его естественнымъ привязанностямъ. Соединяя дитя съ Богомъ, оно еще болѣе нѣжно, болѣе свято соединяетъ его съ родителями. Отъ августѣйшаго чувства Отца, который на небесахъ, онъ низводитъ на отца и мать, которые здѣсь на землѣ, что то божественное, что ихъ освящаетъ.

Сколько бы ни былъ теменъ и неопредѣленъ этотъ религіозный инстинктъ, само собою разумѣется, его нужно развивать съ первой же минуты, съ перваго же его обнаруженія. Съ нимъ нужно обращаться, какъ со всѣми другими инстинктами; пренебрегать имъ значитъ погубить его. Кто знаетъ, не заглушитъ ли его излишнее развитіе другихъ началъ человѣческой природы? Если онъ однажды убитъ, то не оживитъ его никакая сила. Огонь его далеко надъ нами на самомъ небѣ. Итакъ нужно бодрствовать надъ этою первою искрою, нужно разжигать ее элементами, которые могутъ развить ее, если мы хотимъ, чтобъ она сдѣлалась современемъ тѣмъ живымъ и яркимъ пламенемъ, тѣмъ свѣтомъ, который освѣщаетъ насъ среди тьмы, тою теплотою, которая согрѣваетъ насъ среди окружающаго насъ холода, тою силою, тѣмъ могуществомъ и, такъ сказать, душою нашей души, которая возвышаетъ насъ въ святомъ восхищеніи даже до небесныхъ сѣней.

Разсуждая здраво и без предубѣжденій, въ какомъ же возрастѣ приличнѣе всего начать развитіе религіознаго инстинкта? Въ какое время легче, естественнѣе вѣрить, любить, молиться? Дитя не сковано привычками; его узы не такъ тѣсно привязываютъ его къ землѣ; оно можетъ вѣрить тому, чего оно не видитъ; оно можетъ любить, не слишкомъ сознавая то, что̀ оно любитъ. Иногда въ его взглядахъ видны важные и торжественные отпечатки; ему только не достаетъ словъ для ихъ выраженій. По лицу дитяти мы составляемъ идею объ ангелахъ; смѣющееся, съ отпечатками небесной чистоты, приковывающее насъ, оно можетъ служить эмблемою для почитанія чистыхъ духовъ. Языкъ дитяти весь молитва; сознавая больше насъ чувство своей слабости, онъ лучше сознаетъ, какъ нужна ему посторонняя помощь; сыновняя преданность въ немъ самая искренняя: чего же не достаетъ ему для приближенія къ Богу?

Заботьтесь же о дѣтствѣ! представьте только эти отличительныя особенности дитяти, и для васъ будетъ ясно и очевидно, что время для этого—именно это время, время вѣры простой, наивной, глубокой, которая раждается, такъ сказать, съ жизнію, развивается съ жизнію и продолжается столько, сколько и сама жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, не легче ли и не сильнѣе ли наша душа чувствуетъ впечатлѣніе любящаго, покровительствующаго Бога въ то время, когда вся природа намъ улыбается, когда всѣ ближніе насъ любятъ и намъ покровительствуютъ? И какъ благословенно это святое впечатлѣніе! И кто въ состояніи измѣрить его благодѣтельность! Кто знаетъ, кто можетъ сказать, что̀ значитъ для насъ этотъ залогъ надежды, которая никогда не оставитъ васъ, ко-

торая показываетъ намъ на блестящій міръ выше этого міра, на небесное совершенство, выше совершенства человѣческаго, на счастіе болѣе великое, болѣе чистое, чѣмъ все то, что мы только можемъ вообразить здѣсь на землѣ, и которая, наконецъ, насъ увѣряетъ, что самыя бѣдствія здѣсь существуютъ для нашего блага? Тамъ нѣтъ одиночества, тамъ нѣтъ изгнанія, тамъ нѣтъ старости, тамъ нѣтъ смерти! Тамъ Богъ; Онъ насъ поддерживаетъ, Онъ насъ слушаетъ, Онъ намъ говоритъ, Онъ насъ успокоиваетъ. Опасность велика, неминуема, неизбѣжна, мракъ смерти насъ окружаетъ— это Онъ хочетъ насъ принять въ свои нѣдра! Пріятный и мягкій свѣтъ распространяется на всѣ предметы; атмосфера любви покрываетъ всю природу; люди, животныя, самая неодушевленная тварь, растѣнія, ручьи, горы,—все это дышетъ любовію! Все это—дѣло Божіе, все это говоритъ намъ о нашемъ Отцѣ! И миръ, и счастіе, которое все это проливаетъ въ нашу душу, намъ говорятъ о Немъ еще яснѣе.

И не это ли счастливѣйшее время дѣтства мы должны избрать для развитія всѣхъ этихъ впечатлѣній? И въ какое другое время мы можемъ сдѣлать удовольствіе изъ того, что должно быть всегдашнею нашею обязанностію? Нужно, чтобъ жизнь была во всемъ своемъ цвѣтѣ, для того чтобъ религія была для нея радостію; нужно, чтобъ жизнь украшалась для этого всею своею красотою. Когда эта красота поблекнетъ, когда блескъ окружающаго насъ земнаго міра потухнетъ, тогда безъ сомнѣнія небо, какъ въ продолженіе ночи, будетъ искриться звѣздами; но насъ будетъ окружать тьма. Именно для первой юности, для дѣтства солнце съ высоты блеститъ во всемъ своемъ великолѣпіи; именно дѣтство

должно напитываться божественнымъ присутствіемъ, этимъ нѣжнымъ и тонкимъ благоуханіемъ; именно дѣтство должно обиловать сокровищемъ святыхъ движеній благочестія и невинности,—движеній, о которыхъ пріятное воспоминаніе даетъ предчувствовать вѣчное счастіе даже въ преклонныя лѣта, когда не находятъ больше ни въ чемъ счастія.

Да, религіозное воспитаніе должно начаться съ первыхъ дней жизни, и оно должно существенно состоять въ воспитаніи религіознаго инстинкта.

И какъ нужно воспитывать религіозный инстинктъ?

Есть благочестивыя матери, которыя, съ первыхъ дней возраста, много говорятъ дѣтямъ, много учатъ ихъ познавать Бога, Его существованіе, Его природу, Его свойства, Его Провидѣніе. Пусть бы такъ онѣ разсказывали имъ о твореніи и управленіи міромъ; но онѣ хотятъ разсказать и объяснить имъ и самыя высшія и самыя непостижимыя тайны христіанства. Правда, эти благочестивыя матери имѣютъ превосходныя намѣренія, но онѣ поступаютъ едва ли благоразумно.

Да, эти благочестивыя матери ошибаются. И онѣ совершаютъ двѣ ошибки. Первая ошибка — это ихъ уроки. Уроки, даже самые простые, говорятъ разуму. Что такое урокъ, даже самый простой? Это есть изложеніе, разсужденіе, объясненіе. А все такое можетъ быть понято только однимъ разумомъ. Но у дитяти разумъ отсутствуетъ, потому едва ли возможно, чтобъ дѣти понимали уроки .Можно буквально сказать, что эти матери говорятъ глухимъ, глухимъ умомъ, которые, при всемъ желаніи быть просвѣщенными и наставленными, попросту только скучаютъ.

Вторая ошибка ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ,

въ естественной ли то религіи, или въ религіи христіанской, не различаютъ вещей простыхъ отъ вещей сложныхъ, предметовъ ясныхъ отъ темныхъ,—неопредѣленныхъ отъ точно опредѣленныхъ, для того чтобы выбирать тѣ изъ нихъ, которые доступны каждому возрасту, и сообразовать обученіе имъ съ силами и развитіемъ дитяти. Относясь къ нему какъ къ равному, какъ къ взрослому, онѣ его утомляютъ, запутываютъ, притупляютъ и, что еще хуже, рискуютъ развить въ немъ нерасположеніе къ жизни вѣры и благочестія.

Пусть онѣ возмутъ предосторожности противъ всего этого: онѣ поступятъ тогда мудро и достигнутъ возвышенной цѣли, которую преслѣдуютъ. Не слова, не рѣчи здѣсь нужны; здѣсь идетъ дѣло не о томъ, чтобы убѣдить разумъ, который еще не образовался, который даже не существуетъ: но пробудить, возбудить, развить религіозный инстинктъ. А религіозный инстинктъ понимаетъ только одинъ языкъ. Это языкъ дѣйствія и примѣра. Матери благочестивыя, матери нѣжно любящія, помните это твердо: именно живя предъ Богомъ всѣмъ вашимъ поведеніемъ, всею вашею жизнію, любя Его, благословляя Его, молясь Ему, вы научите ваше дитя; ибо его сердце, его душа естественно, по сочувствію соединится съ вашею душою, и оно будетъ вѣрить, какъ вы, будетъ любить, будетъ благословлять, будетъ молиться подобно вамъ. Также переходя отъ предмета къ предмету, отъ явленія къ явленію, въ природѣ ли то, или въ человѣческой душѣ, указывая дѣтямъ всюду присутствіе Бога—Его могущество, Его мудрость, Его правду, Его благость, вы заставите его чувствовать божественное дѣйствіе, вы пробудите пламя, которое покоится въ его нѣдрѣ и которое

при первомъ же случаѣ загорится яркимъ огнемъ и согрѣвающею теплотой. Еще разъ: дѣйствіе, примѣръ— вотъ что должно быть основою религіознаго воспитанія вашего дитяти; оно будетъ плодоносно только подъ этимъ условіемъ.

Это не все, нужно еще имѣть въ виду возрастъ дитяти и раскрытіе, я не говорю его ума, но его души. Нужно различать дитя прежде возраста разума и дитя послѣ возраста разума. Даже въ первомъ періодѣ нужно различать дитя четырехлѣтнее отъ пятилѣтняго, это—отъ шестилѣтняго, а послѣднее въ свою очередь—отъ семилѣтняго. Однимъ словомъ, нужно слѣдовать шагъ за шагомъ за возрастомъ дитяти, изъ года въ годъ, даже изо дня въ день. И для чего это? Для того чтобы приспособить примѣры и дѣйствія къ каждому возрасту, къ каждому году, къ каждому дню. Мать должна понять, что такая заботливость существенно необходима. Тотъ или другой примѣръ, то или другое дѣйствіе, которое не имѣло смысла въ четыре года, будетъ имѣть смыслъ въ семь; тотъ или другой примѣръ, то или другое дѣйствіе, которые не имѣли смысла сегодня, будутъ имѣть его завтра. Матери должны обратить на такое обученіе всевозможное вниманіе, что составляетъ ихъ первую и самую пріятную обязанность, соблюдать въ немъ ту же самую постепенность, которую природа полагаетъ въ духовномъ развитіи дитяти.

Учить дитя примѣрами и дѣйствіями: вотъ два начала, которыми должны матери руководствоваться въ религіозномъ воспитаніи, для котораго онѣ служатъ первыми и необходимыми наставниками.

Войдемъ теперь въ подробности.

Вотъ какъ мы представляемъ первое начало религі-

ознаго воспитанія. Дитя имѣетъ три или четыре года. Оно покоится на своей маленькой кроваткѣ, прикрытой бѣлыми занавѣсками,—чистомъ образѣ его юной и невинной души; пробуждаясь по утру, засыпая вечеромъ, его первый и послѣдній взглядъ останавливается на самомъ простомъ, самомъ пріятномъ и самомъ восхитительномъ зрѣлищѣ: его мать близь него на колѣнахъ, съ сложенными на груди руками, съ глазами поднятыми къ небу, въ положеніи молитвы. Она молится, эта благочестивая мать молится не устами, но сердцемъ и душою. Она молится съ умиленіемъ, горячо; ибо съ того времени, какъ она мать, она вся любовь; и столько вещей она имѣетъ сказать благому Богу, близъ этого дѣтскаго маленькаго ложа.

Не осыпана ли она милостями въ мирѣ этого дорогаго маленькаго лепечущаго творенія? И для нея это не самое ли прекраснѣйшее дитя въ мірѣ; оно такое бѣлое, такое розовое, такъ хорошо улыбается, въ немъ для нея самыя прекрасныя дарованія уже соединяются съ самыми богатыми надеждами?.. И такъ, она благодаритъ небо за то, что оно сдѣлало ее матерью счастливою и довольною. Но съ другой стороны, сколько вещей она имѣетъ просить! Боже мой сохрани ему здоровье! Боже мой удали отъ него всѣ роды зла, которое угрожаетъ дѣтству, всѣ тѣ болѣзни, которыя отравляютъ всю жизнь человѣка! Боже мой возрасти его въ силѣ и красотѣ! Боже мой дай ему любить меня какъ я его люблю, любить своего отца, любить своего брата, свою сестру, и Тебя любить больше всего, Тебя, Который безконечно великъ и безконечно благъ! Вотъ мольба души матери, вотъ желанія ея сердца; если онѣ не выразятся въ словахъ, онѣ выкажутся, онѣ обнару-

жатся въ лицѣ, во взглядѣ, въ позѣ, во всей ея фигурѣ. Эта молодая женщина, эта молодая мать мгновенно преображенная внутреннимъ чувствомъ молитвы—это небесный ангелъ.

Такою бы она показалась вамъ; будьте увѣрены, такою же она является и дитяти. Оно смотритъ на нее, оно понимаетъ ее по своему, т. е. оно поражено, оно удивляется, въ немъ нѣчто начинаетъ шевелиться, и это *нѣчто* есть религіозный инстинктъ. По нѣкоторому непонятному и невыразимому сочувствію, оно въ нѣкоторой мѣрѣ раздѣляетъ впечатлѣнія его матери, и во глубинѣ его души полу-пробуждается чувство Божества. Богъ ему открывается безъ словъ, безъ идей, не въ свѣтѣ мысли, но въ теплотѣ чувства. Оно знаетъ Его, не зная; однимъ словомъ, оно чувствуетъ Его. И таковъ, въ самомъ дѣлѣ, характеръ инстинкта, всякаго рода инстинкта, не одного только религіознаго. Не сознавая не обсуждая, не понимая, инстинктъ угадываетъ свой предметъ какимъ-то необъяснимымъ образомъ. Такимъ образомъ дитя по инстинкту угадываетъ груди своей матери; такимъ образомъ оно угадываетъ своего отца, отъ котораго оно между тѣмъ не пользовалось первыми заботами. Знаетъ оно груди своей матери? Нѣтъ; но оно бросается туда съ любовію: оно чувствуетъ, что тамъ его жизнь. Знаетъ оно кто его отецъ? Нѣтъ; но оно съ довѣріемъ бросается въ его объятія: оно чувствуетъ, что тамъ его покровительство. Точно также при видѣ своей матери, благочестиво бесѣдующей съ Богомъ, оно угадываетъ Бога. Оно не знаетъ кто Онъ; но его сердце его душа смутно, но сладостно уже стремятся къ Нему; оно чувствуетъ, что тамъ источникъ блага и убѣжище отъ всякаго зла.

Опустя нѣкоторое время матери остается только произнести слова для того, чтобы закончить свой первый урокъ. Пусть она покажетъ дитяти на небо и скажетъ благоговѣйнымъ голосомъ: *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ!* Дитя узнаетъ и никогда не забудетъ, что тамъ на высотѣ бодрствуетъ надъ нимъ Отецъ, отецъ его отцу, какъ и всѣхъ дѣтей и всѣхъ людей.

Послѣ, когда дитя подростетъ нѣсколькими мѣсяцами, пусть мать къ тому уроку, который мы описали, прибавляетъ новые уроки, пусть она беретъ для этого предметы самые доступные для дитяти и пусть она указываетъ божественныя свойства, не называя ихъ по имени.

Дитя бѣгаетъ по саду, рѣзвится самымъ веселымъ образомъ; вдругъ оно останавливается: его вниманіе приковано цвѣткомъ, который блеститъ среди густой зелени. Мать подходитъ. Она тоже удивляется. Какіе прекрасные листочки! Какъ они разнообразны, сколько въ нихъ оттѣнковъ, съ какимъ искусствомъ они расположены! И пахнутъ пріятно и какъ пріятно вдыхать этотъ ароматъ! Кто сотворилъ это чудо? Это не отецъ дитяти: онъ очень искусенъ, довольно силенъ; но для этого у него недостаточно ни могущества ни способности. Только благой Богъ могъ сдѣлать это, только Онъ легко можетъ устроивать все это. Онъ посѣялъ всѣ эти цвѣты; Онъ сотворилъ всѣ эти маленькія растенія, которыя боязливо скрываются въ муравѣ, Онъ же сотворилъ и эти большія деревья, которыя гордо возносятся къ небу и покрываютъ своими вѣтвями довольно большое пространство, даютъ тѣнь, подъ которою такъ пріятно отдохнуть въ лѣтній жаркій день.

Вотъ птичка. Она порхаетъ съ вѣтки на вѣтку,

ударяя своими крыльями и издавая веселое щебетаніе. Потомъ она вдругъ вспархиваетъ и исчезаетъ изъ виду въ неизмѣримомъ пространствѣ неба. Дитя замѣчаетъ въ первый разъ это маленькое удивительное твореніе. Оно удивляется, по крайней мѣрѣ можетъ удивляться. Мать тоже удивляется. Какъ это маленькое твореніе граціозно въ своей подвижной и стройной формѣ! И эти перышки блестятъ разнообразными цвѣтами, такими подвижными, такими измѣнчивыми! И эти крылышки, они то расправляются, то сжимаются, и они такъ легки и такъ сильно ударяютъ по воздуху! И какъ она играетъ въ пространствѣ, какъ она прорѣзываетъ его своимъ полетомъ, а вотъ она во мгновеніи ока исчезла! Кто сотворилъ это превосходнѣйшее твореніе? Не можетъ быть, чтобы это отецъ дитяти: весь его умъ, всѣ его силы недостаточны для этого. Это сотворилъ благой Богъ. Онъ одинъ имѣетъ для этого достаточно мудрости, потому что Онъ мудрѣйшій изъ всѣхъ мудрецовъ, — достаточно искуства, потому что Онъ есть Художникъ, высшій всѣхъ художниковъ. И Онъ сотворилъ, какъ эту маленькую птичку, такъ и всѣ другія. Онъ сотворилъ птицъ, животныхъ малыхъ и великихъ. Все что живетъ, все что дышетъ, это дѣло Его рукъ.

Позже мать должна перейти отъ предметовъ доступныхъ къ тѣмъ, которые менѣе доступны, отъ самыхъ малыхъ къ наиболѣе великимъ. Вмѣстѣ съ дитятей она удивляется вѣтру, который дуетъ, и бурѣ, которая бушуетъ;—горѣ съ ея пропастями, съ ея снѣгами, съ ея потоками; — ручейку, который направляется къ рѣкѣ; рѣкѣ, которая, стремится въ море;—голубому небу и искрящимся звѣздамъ;—и во всемъ этомъ, въ звѣздахъ и небѣ, въ морѣ, рѣкѣ и ручейкѣ, въ горѣ, въ вѣт-

трахъ спокойныхъ и строительныхъ пусть она вмѣстѣ съ дитятей узнаетъ, провозглашаетъ, почитаетъ Того, Кто сотворилъ все это своимъ могуществомъ и все управляетъ своею мудростію.

Впрочемъ, пусть мать остерегается ограничивать область религіознаго воспитанія дитяти матеріальнымъ міромъ: пусть она вмѣстѣ съ собою старается ввести его въ міръ нравственный. Лишь только дозволитъ его возрастъ, пусть она мало по малу, не спѣша, но благоразумно обращаетъ его вниманіе на то, что происходитъ въ немъ самомъ; и всегда раздѣляя его чувства, его мысли, дѣлаясь, такъ сказать, сама дитятей въ уровень съ своимъ дитятей, она научитъ его въ явленіяхъ внутренней жизни чувствовать святое воздѣйствіе божественной правды, милости и милосердія.

Во всемъ этомъ ея единственною цѣлію, ея единственнымъ желаніемъ должно быть то, чтобы заставить любить Бога, а не страшиться Его. Это варварство—извращать свѣтлое довѣріе этого нѣжнаго возраста, и, смѣемъ сказать, это несправедливо даже въ отношеніи къ самому Богу. И на какомъ основаніи мы будемъ поступать такъ для развитія благочестія, когда мы ничего подобнаго не дѣлаемъ для возбужденія привязанности чисто земной? Мать долгое время ласкала свое новорожденное дитя, прежде чѣмъ стала его наказывать, она выказывала къ нему долгое время только любовь и нѣжность, чтобы воспоминаніе ея нѣжности со временемъ могло умѣрить дѣйствіе ея строгости. Самъ Богъ такимъ образомъ дѣйствуетъ въ отношеніи къ маленькому дитяти: прежде чѣмъ Онъ обращается къ нему въ строгомъ голосѣ совѣсти, Онъ является ему только въ своихъ благодѣяніяхъ. Безъ сомнѣнія, Богъ

есть справедливость, но Онъ есть благость и милосердіе. Онъ есть Отецъ маленькихъ дѣтей, Онъ избираетъ, Онъ хранитъ тѣхъ, которыя ведутъ себя благоразумно; Онъ слышитъ тѣхъ, которыя Ему молятся и помогаетъ тѣмъ, которыя Ему повинуются. Если дѣти невольно совершатъ какіе нибудь проступки, Онъ тотчасъ же проститъ ихъ, если только они раскаются. Не Онъ ли произнесъ эти слова нѣжности: *оставите дѣтей приходити ко Мнѣ?* И не Онъ ли прибавилъ къ этому: *имъ принадлежитъ царство небесное?*

Такому религіозному воспитанію, чтобъ оно было тѣмъ, чѣмъ должно быть, недостаетъ только, такъ сказать, помазанія или освященія. Такое освященіе есть молитва. И здѣсь ученіе матери должно состоять въ дѣйствіи и примѣрахъ. Дѣло не въ томъ, чтобы заставлять дитя выучивать наизусть длинныя молитвы и обязывать его прочитывать эти молитвы въ извѣстные часы дня, при извѣстныхъ опредѣленныхъ обстоятельствахъ. Достаточно самыхъ короткихъ, самыхъ простыхъ молитвъ: пусть только онѣ ясно относятся къ его мыслямъ, его чувствамъ, его занятіямъ и его нуждамъ. Пусть онѣ раждаются и разнообразятся примѣнительно случаю. Пусть мать принимаетъ въ нихъ участіе, или лучше, пусть она произноситъ ихъ отъ своего имени и отъ имени дитяти, даже не требуя, чтобы оно принимало въ нихъ прямое участіе. Напримѣръ, когда дитя здорово, пусть она говоритъ: *Боже мой, благодаримъ Тебя за милости, которыя Ты намъ оказываешь!* Когда дитя больно, пусть она говоритъ: *Боже мой, удали отъ насъ эту болѣзнь, умоляемъ Тебя смиренно, воззри на насъ окомъ милосердія!* Пусть она говоритъ по утру: *Боже мой, дай намъ милость провести нынѣшній*

день въ миръ, благоразумно, въ счастіи; — и вечеромъ: *Боже мой, благодарю Тебя; огради насъ Твоимъ покровомъ въ грядущую ночь и дай намъ сонъ мирный и безмятежный!* Пусть она говоритъ это и дитя будетъ говорить съ нею, сначала сердцемъ, а потомъ и устами. Оно привыкнетъ молиться, и тѣмъ болѣе охотно, что его не принуждаютъ здѣсь силою, а возбуждаетъ къ этому его собственный инстинктъ. Оно окончитъ тѣмъ, что будетъ молиться по побужденію собственнаго сердца; и каковъ бы ни былъ его молитвенный лепетъ, сколько бы ни было въ немъ наивности, простоты, дѣтскости, дайте ему свободу: это самый чистѣйшій ѳиміамъ восходящій къ небу, это самый вѣрный залогъ будущаго.

Таково должно быть религіозное воспитаніе до возраста разума. Какъ видите, оно существенно есть дѣло матери. Мать тогда есть, нѣкоторымъ образомъ, священникъ, равно какъ и дѣтская комната, есть почти что храмъ: тамъ матерью совершаются святыя таинства.

Мы, впрочемъ, не хотимъ сказать, что отецъ и другіе члены семейства вообще должны оставаться сторонними и равнодушными къ религіозному воспитанію дитяти. Нѣтъ. Они принимаютъ въ немъ свое участіе, правда, второстепенное, но полезное и даже необходимое. Пусть отецъ, въ извѣстныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ является предъ дитятей растроганнымъ, пораженнымъ великими зрѣлищами природы и важными домашними событіями; пусть онъ является проникнутымъ божественнымъ могуществомъ, божественною правдою, божественною мудростію, однимъ словомъ, божественнымъ присутствіемъ. Пусть онъ умѣетъ молиться, пусть онъ молится. Пусть онъ собираетъ вокругъ себя свое семейство, для того чтобы склонить колѣна, воздѣть

руки предъ Верховнымъ Существомъ. Присущій ему авторитетъ и особенное почтеніе, которымъ онъ пользуется въ семействѣ, самая торжественность подобныхъ религіозныхъ фактовъ, безъ сомнѣнія, будутъ производить глубокое впечатлѣніе на душу дитяти и увѣнчають дѣло матери, запечатлѣвая его августѣйшею и священнѣйшею печатію отца.

Такъ понимаемое и такъ веденное религіозное воспитаніе дитяти будетъ вліять на него, на его мысли, на его дѣйствія, на его чувства не одинъ только день, не временно; но всю его жизнь. Вліяніе это въ бурѣ страстей юности, въ честолюбивыхъ волненіяхъ зрѣлаго возраста, можетъ на минуту ослабляться; но при первомъ же случаѣ оно вспыхнетъ и явится къ намъ на помощь.

Матери семействъ, вамъ ничего не стоитъ дать вашимъ дѣтямъ эту религію дѣтства, для того чтобы вооружить ихъ этимъ щитомъ противъ ожидающихъ ихъ ударовъ судьбы, этимъ талисманомъ противъ капризовъ счастія! Позже другіе будутъ учить вашихъ дочерей божественному знанію; но они будутъ говорить больше ихъ уму, чѣмъ ихъ сердцу. При самыхъ великихъ несчастіяхъ жизни заученное умомъ забывается, и человѣкъ остается безъ защиты, безъ средствъ, безъ утѣшеній. Но материнскія впечатлѣнія дѣтства остаются. Онѣ поднимаются среди развалинъ, онѣ прикрываютъ насъ среди бури, онѣ спасаютъ насъ во время крушеній. Когда все погибаетъ, онѣ остаются; когда все насъ оставляетъ, онѣ насъ спасаютъ; ибо онѣ несокрушимы, онѣ святы, онѣ благодѣтельны, какъ самъ Богъ, отъ Котораго онѣ приходятъ и къ Которому онѣ насъ зовутъ.

Н. К—іева.

ИСТОРІЯ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ ГАЗЕМАННА.

Новая исторія восточной церкви Газеманна неизвѣстна у насъ, безъ сомнѣнія, только потому, что помѣщена въ малодоступной многотомной „Энциклопедіи наукъ и искуствъ Ерша и Грубера“ (1). Обстоятельство это можно считать весьма благопріятнымъ для правильнаго пониманія церковной исторіи въ Россіи; смѣлой постановкой ненаучныхъ результатовъ въ наукѣ, добытыхъ новотюбингенской школой, эта исторія можетъ ослѣпить малосвѣдущихъ въ церковной исторіи, подобно „Жизни Іисуса“ Ренана, особенно если знакомить съ ней примутся писатели, неполучившіе всесторонняго богословскаго образованія, какъ недавно случилось это съ книгой Гергенрётера о Фотіи патріархѣ константинопольскомъ, содержаніе которой со всѣми ультрамонтанскими взглядами передавалось на русскомъ языкѣ, какъ послѣднее слово науки. Въ виду возможнаго повторенія такой исторіи съ исторіей восточной церкви Газеманна, мы сочли нужнымъ изложить содержаніе ея съ

(1) Allgemeine Encyclopädie der wissenschaften und Künste, herausgegeben von J. S. Ersch und S. G. Gruber. Erste Section, 84 Theil. Leipzig, 1866. Въ этой, богатой дѣльными статьями, энциклопедіи исторія восточной церкви Газеманна, подъ названіемъ: Griechische Kirche, занимаетъ 290 страницъ въ большую четвертку въ два столбца.

православно-исторической точки зрѣнія, какъ единственно истинной, научной.

Слѣдящимъ за церковно-исторической наукой на западѣ извѣстна благородная, къ сожалѣнію почти одиночная попытка Пихлера разсмотрѣть безпристрастно, на сколько это возможно для католика, исторію раздѣленія церквей (1). Книга его, представляющая почти полную исторію восточной Церкви, идетъ въ разрѣзъ съ католической наукой; потому немедленно по появленіи внесена была въ „списокъ запрещенныхъ книгъ". Впрочемъ и между католиками онъ не единственный защитникъ православной Церкви, на сколько это относится къ вопросу о раздѣленіи церквей. Намъ случилось слышать въ лекціяхъ мюнхенскаго же профессора церковной исторіи Дёллингера вполнѣ безпристрастное, справедливое и миролюбивое изложеніе исторіи раздѣленія церквей: ни разу не вырвалось у него рѣзкаго слова осужденія, противъ грековъ даже въ такихъ случаяхъ, когда разсказывалась исторія попытокъ къ соединенію церквей, когда греки подписывали и немедленно нарушали грамоты соединенія, противъ чего особенно свирѣпствуютъ непрошенные ревнители соединенія церквей, не обращая вниманія на то, при какихъ обстоятельствахъ подписывались уніи (2). Ученый профессоръ входилъ подробно въ положеніе грековъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, бралъ во вниманіе ихъ взгляды и чувствованія въ связи съ вѣковыми преданіями и по-

(1) Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident von den ersten Anfängen bis zur jüngsten Gegenwart. 213-de München, 1864, 1865.

(2) Наприм. Гагаринъ въ „возможномъ соединеніи россійской церкви съ западною" и въ „замѣчаніяхъ на римскія письма" (Русск. загран. сборн. 1858 и 1859 г.).

требностями даннаго времени, съ насиліемъ и ложью представителей западной церкви; оттого могущее показаться достойнымъ осужденія въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ грековъ изчезло само собою и въ результатѣ оставалась чистая истина. Еще больше сочувствія къ восточной церкви можно видѣть у англиканскихъ историковъ, изъ которыхъ напр. Нилю единственно законнымъ идеаломъ историка восточной церкви представлялся слѣдующій: „историкъ (восточной Церкви), говоритъ онъ, долженъ писать не какъ членъ римской, не какъ членъ англиканской церкви, но по возможности съ восточными воззрѣніями, чувствованіями и даже, можетъ быть, предрасположеніями“ (¹). Послѣднее, конечно, излишне. Англиканскіе ученые, занимавшіеся исторіей восточной церкви, пришли къ болѣе справедливому сужденію о ней, нежели другіе западные, особенно католики, не потому, что имѣли предрасположеніе къ ней, а потому, что искали истины, которую ищущіе находятъ, и въ слѣдствіе того получили расположеніе къ ней, обнаруживающееся въ послѣднее время изысканіемъ способовъ къ соединенію англиканской церкви съ восточной, какъ съ единой истинно апостольской вселенской Церковью.

Далеко отстоитъ отъ Нилевскаго идеала историка восточной Церкви Газеманнъ, издавшій первый и вполнѣ неудачный опытъ полной исторіи *восточной церкви*. Протестантъ по воспитанію, послѣдователь новотюбингенской школы по богословскому направленію (стр. 26 и мн. друг.) Газеманнъ никакъ не можетъ простить греческой церкви того, что она приняла, утвердила и сохранила христіанство въ томъ видѣ, какъ оно пре-

(¹) History of the holy eastern church. The patriarchat of Alexandria. 1847. Vol. 1 p. XVI.

подано Христомъ Спасителемъ и Его апостолами. Отвергая все божественное въ первоисторіи христіанства, онъ разсматриваетъ Православіе какъ произведеніе узкозоркихъ умовъ и плодъ интриги сильнѣйшихъ партій въ христіанскомъ мірѣ противъ слабѣйшихъ. Поэтому онъ почти всегда беретъ подъ свою защиту еретиковъ, какъ людей геніальныхъ, свободно мыслящихъ, благороднѣйшихъ по характеру, гонимыхъ. Исключеніе дѣлается только для неподходящихъ подъ его воззрѣніе еретиковъ. Трудно впрочемъ въ точности опредѣлить его религіозно-богословское воззрѣніе; потому что онъ принимаетъ и отвергаетъ историческіе факты единственно по произволу, оставаясь даже невѣрнымъ и ново-тюбингенской школѣ, когда ему вздумается. Направленіе Газеманна даже не отрицательная критика, старающаяся возстановить апостольское христіанство; это полный нигилизмъ, враждебный существующему порядку въ исторіи церковной и не ставящій ничего на мѣсто его. Чтобы такая характеристика новаго историка восточной Церкви не показалась черезъ чуръ рѣзкой, мы прослѣдимъ коротко его исторію, останавливаясь только на важнѣйшихъ пунктахъ.

Мы не станемъ разсматривать его раздѣленія исторіи восточной Церкви на 7 періодовъ и каждаго періода на 15 отдѣловъ или параграфовъ; потому что всегда можно найти основанія за и противъ подобныхъ раздѣленій, и кромѣ того въ настоящемъ случаѣ они не представляютъ особенной важности. Замѣчу только, что главные указанные имъ (стр. 5) источники: Гизлеръ, Газе, Ульманъ и Тило, Виггерсъ и Дёллингеръ, далеко и далеко недостаточны для изученія исторіи восточной Церкви. Конечно, при каждомъ періодѣ и параграфѣ

указывается особо и литература и часто весьма обильно: но многіе источники стоятъ только для перечня, многихъ недостаетъ и главнѣйшіе источники—византійцы оставлены вовсе безъ вниманія, не говоря уже объ арабскихъ, доступныхъ для весьма немногихъ по своему языку.

Исторія Газеманна начинается разсмотрѣніемъ религіозныхъ и философскихъ понятій язычества и іудейства предъ явленіемъ христіанства. Уже Сократъ и Платонъ представляются у него проповѣдниками христіанскихъ идей, показывающими удивительное сродство съ ученіемъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ и новозавѣтныхъ евангелій и посланій: „духъ такъ называемыхъ апокрифовъ не безъ сродства, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, съ діалогами Сократа и особенно продолжается въ евангеліяхъ Новаго Завѣта mutatis mutandis (стр. 11). Особенное сродство идей съ новозавѣтными замѣчаетъ онъ у іудеевъ, получившихъ языческое образованіе, какъ Филонъ, и у Терапевтовъ. Что касается ортодоксальныхъ іудеевъ, послѣдователей исключительно Ветхаго Завѣта; то, по его мнѣнію, основаніе его—Моисеевы книги принадлежатъ позднѣйшему времени; только „священническо-левитскія воззрѣнія позднѣйшими историками отнесены къ болѣе древнему времени“; представителями болѣе чистаго древнѣйшаго, неизмѣненнаго фарисейскими элементами, іудейства служатъ саддукеи, которые потому отвергали воскресеніе мертвыхъ (9. 13). Такимъ образомъ новый историкъ разрываетъ связь Ветхаго Завѣта съ Новымъ, чтобы вѣрнѣе лишить христіанство божественнаго достоинства и сблизить его съ язычествомъ. Но непонятнымъ образомъ въ евреяхъ возбуждаются ожиданія Мессіи и „однимъ изъ многихъ тогдашнихъ проповѣдни-

ковъ пришествія Мессіи является Іоаннъ Креститель. Хотя онъ крестилъ Іисуса, какъ Мессію, но вскорѣ разошелся съ Нимъ въ воззрѣніяхъ, никогда не вступалъ въ Его общество, и потому ученики Его составляли въ послѣдствіи отдѣльную секту; яснѣйшимъ доказательствомъ такихъ отношеній между Крестителемъ и Мессіей служатъ для Газеманна слова Мессіи, что въ царствѣ Его Іоаннъ менѣе малѣйшаго христіанина (стр. 14. Мѳ. XI, 11).

Въ основаніе взгляда Газеманна на лице Спасителя міра положена мысль, добытая ново-тюбингенской школой, что „4 евангелія не только частію противорѣчатъ другъ другу или по крайней мѣрѣ отступаютъ одно отъ другаго, особенно три первыя отъ 4-го, но и теперешнюю редакцію свою, въ высшей степени вѣроятно, получили гораздо позднѣе и носятъ на себѣ очевидно миѳическія черты“ (1). Послѣ этого, ничѣмъ не подтверждаемаго, замѣчанія авторъ, съ величайшимъ произволомъ, обращается съ жизнію Іисуса. Прежде всего отвергаются всѣ чудесныя событія въ Его жизни, какъ позднѣйшіе вымыслы: сверхъестественное зачатіе, виѳлеемское рожденіе со всѣми послѣдующими за нимъ событіями, воскресеніе и вознесеніе на небо. Впрочемъ онъ на столько снисходителенъ, что соглашается признать: путешествіе

(1) Такіе историки, какъ Газеманнъ не обращаютъ вниманія на произведенія подобныя книгѣ К. Тишендорфа: Wann wurden unsere Evangelien verfusst (Leipzig, 1866), въ которыхъ строгой повѣркой всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ и исторіей самаго текста священныхъ книгъ Новаго завѣта неопровержимо доказывается, что онѣ существовали уже въ концѣ перваго вѣка и въ половинѣ 2-го имѣли уже цѣлую исторію текста (см. особенно стр. 124, 126 и др.), что потому всѣ жизнеописанія Іисуса, составленныя съ отверженіемъ подлинности Евангелій, или взяты съ воздуха, какъ Страуса, или чистая каррикатура, какъ Ренана (стр. 129). Газеманнъ повторяетъ въ миніатюрѣ постройку прежнихъ воздушныхъ замковъ, по прихоти своей фантазіи.

Его въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ въ Іерусалимъ съ ограниченіемъ, крещеніе Его безъ чудесъ, называя отверженіе этого событія вымысломъ гиперкритики (16), разныя исцѣленія „психическимъ вліяніемъ сильнаго духа на больныхъ" (18), и даже, если бы нужно было, воскресеніе Его, разумѣется, безъ предварительной совершенной смерти (vor einem Tode). Всѣ чудеса, по его мнѣнію выдуманы первыми и позднѣйшими христіанами, чтобы Спаситель *ихъ* (?) стоялъ по крайней мѣрѣ не ниже пророковъ, также совершавшихъ чудеса (17). Что касается ученія Спасителя, то оно „безпристрастному взгляду автора представляется весьма сроднымъ съ свободнымъ отъ предразсудковъ, одухотвореннымъ іудействомъ, особенно какъ оно изображается въ раціоналистически-супранатуральныхъ апокрифахъ" (19), или, по другому выраженію, „какъ оно представляется у пророковъ" (18). Потому Спаситель міра, по его мнѣнію, не училъ о спасеніи человѣка своей крестной смертью, а поставлялъ „существеннымъ условіемъ для гражданъ небеснаго царствія нравственные постуляты свободнаго самоходатайства предъ Богомъ"; установленное имъ Крещеніе не считалъ необходимымъ для спасенія и Евхаристію не заповѣдывалъ повторять. Впрочемъ самъ Газеманнъ не знаетъ въ точности, чему училъ Спаситель: ему не извѣстно на какомъ языкѣ говорилъ Іисусъ Христосъ, на арамейскомъ или греческомъ, и потому онъ не можетъ рѣшить, точно ли воспроизведены Его слова въ евангеліяхъ (20). Но если евангелія не подлинны, не принадлежатъ тѣмъ апостоламъ, которымъ приписываются; то къ чему подобное сомнѣніе о языкѣ: въ томъ и другомъ случаѣ нельзя полагаться на нихъ. Такъ разрушительная критика, потерявши путеводную

нять, сама не знаетъ, на чемъ остановиться; а ея последователи компиляторы добытыхъ ею результатовъ не смѣютъ имѣть даже собственныхъ сомнѣній. Какое жалкое состояніе!

Съ такимъ же или еще съ бóльшимъ произволомъ обращается Газеманнъ съ жизнію и ученіемъ св. апостоловъ. Считая, вслѣдъ за вождями новотюбингенской школы, подлинными только 4 посланія апостола Павла (въ Римл., Кор. и Гал.), онъ однакоже заимствуетъ изъ неподлинныхъ доказательства для своихъ мнѣній, большею частію неблагопріятствующихъ апостоламъ, прибавляя иногда: „если это посланіе подлинно" (прежде объявленное неподлиннымъ). Такъ апостолъ Петръ, всегда primus inter pares по евангеліямъ, является (будто бы) совсѣмъ другимъ въ своихъ Посланіяхъ, которыя потому не подлинны (какъ и евангелія), и стоитъ по своимъ дѣйствіямъ и ученію въ противорѣчіи съ апостоломъ Павломъ. Такъ возлюбленный ученикъ Господа апостолъ Іоаннъ, проповѣдникъ любви и братства, является въ посланіяхъ и особенно Апокалипсисѣ (неподлинныхъ, впрочемъ, какъ и самое евангеліе) фанатикомъ ограничивающимся узкимъ кругомъ богословскихъ воззрѣній (22). Но этотъ узкій кругъ, по нему же, состоитъ въ слѣдующемъ: „Богъ такъ возлюбилъ грѣшный міръ, что далъ за него Іисуса, своего единороднаго Сына, и Христосъ такъ возлюбилъ людей, что положилъ за нихъ жизнь Свою и далъ имъ Себя, какъ истинный хлѣбъ жизни; въ Сынѣ открывается Отецъ, и Слово сдѣлалось плотію; кто вѣруетъ въ него, какъ въ воплотившагося Сына Божія, тотъ наслѣдуетъ вѣчную жизнь, кто не вѣруетъ, тотъ погибъ". Ученіе, заключающее въ себѣ всю сущность христіанства,—узкій кругъ идей! Апостолъ Павелъ,

проповѣдникъ универсальнаго христіанства, потому стоявшій въ противорѣчіи съ другими іудействовавшими апостолами и особенно съ Петромъ (36), не имѣлъ будто бы постоянныхъ убѣжденій и въ послѣдующихъ посланіяхъ исправлялъ то, что находилъ неисправнымъ въ предъидущихъ (26); а впрочемъ будто бы опредѣленно и рѣшительно училъ, что Сынъ ниже Отца и въ концѣ міра явится только идеаломъ истиннаго чада Божія, и не училъ объ оправданіи и спасеніи человѣка крестною смертію Христа. Новый историкъ представляетъ, по видимому, что никто не читалъ даже, по его мнѣнію, подлинныхъ посланій апостола Павла, въ которыхъ съ такою силой и глубиной раскрыто искупленіе рода человѣческаго смертію Іисуса Христа, единороднаго Сына Божія, обладающаго полнотой божества, т. е. равнаго Богу Отцу. Однако и самъ онъ не знаетъ, подлинны ли другія посланія апостола Павла или нѣтъ: такъ второе пришествіе Христово близко, „если первое посланіе къ Солунянамъ Павлово“ или не близко по другимъ посланіямъ (2 Сол.), „которыя или несомнѣнно Павловы или носятъ его имя“ (27. 28); такъ апостолъ отвергаетъ суетную философію, „если посланіе къ Колоссянамъ подлинно“ (29) и пр. Но когда вздумается автору защитить какое-нибудь свое мнѣніе, то онъ не затрудняется приводить доказательства изъ неподлинныхъ писаній. Такъ наприм. апостолъ Павелъ, умершій не позже 67 г., былъ не первый почитавшій Моисеевъ законъ необязательнымъ для язычниковъ; тому же училъ и Христосъ, по евангеліямъ (28), которыя впрочемъ сочинены послѣ 70 г. (35) и которыхъ апостолъ вовсе не зналъ (27). Такъ вѣра въ близкое пришествіе Христово (хиліазмъ) была общей во времена апостоловъ:

доказательствомъ служатъ посланія Павла къ Солунянамъ, посланія Петра и Апокалипсисъ стр. 35, (всѣ по тому же автору неподлинныя). Такъ во времена апостоловъ не было особаго священства, отличнаго отъ мірянъ, но всѣ христіане составляли священство Божіе, какъ видно изъ (неподлиннаго) посланія Петра (33), и т. д. ([1]). Враждебныя христіанству лица находятъ защитника въ авторѣ: такъ законодательство и правительство, даже іудейское, были въ высшей степени снисходительны, и потому христіанство могло свободно распространяться; распятіе Христа, мученичество Стефана и Іакова младшаго ничего будто бы не говорятъ противъ этого увѣренія (30). Сопоставленіе противорѣчащихъ фактовъ у самаго автора является иногда въ высшей степени наивнымъ. „По смерти Ирода, говоритъ онъ напр., послѣдовавшей въ 44 году, іудейское царство было вполнѣ соединено съ имперіей, а отселѣ до разрушенія Іерусалима христіанская община въ Іерусалимѣ, подъ управленіемъ апостоловъ Петра, Іоанна и Іакова младшаго, котораго повелѣлъ побить камнями въ 63 году принадлежавшій къ Саддукеямъ первосвященникъ Ананія, могла мирно распространяться“ (31). Мирно распространяться и подъ градомъ камней, при постоянныхъ преслѣдованіяхъ со стороны іудеевъ и язычниковъ, какъ показываетъ исторія апостола Павла, разсказываемая самимъ же авторомъ! Если мы упомянемъ еще о сознаніи новаго историка, что вступающіе въ христіанскую Церковь обязывались вѣровать въ Отца, Сына и Св.

([1]) Хорошо прилагаются къ Газеманну слова св. Иринея о еретикахъ, защищавшихъ свои мнѣнія евангеліями: tanta est circa evangelia haec firmitas, ut et ipsi haeretici testimonium reddant eis, et ex ipsis egrediens unusquisque eorum conetur suam confirmare doctrinam (adv. haer. III, 11, 7).

Духа и что это ученіе о Троицѣ, какъ оно находится у Матѳея (28, 19), безъ сомнѣнія, существовало уже весьма рано и что не смотря на то, первыя христіанскія общины будто бы вѣровали въ единаго Бога въ смыслѣ ветхозавѣтнаго Богословія, хотя начатки ученія о божествѣ Христа и вмѣстѣ съ тѣмъ нападенія на догматъ о единствѣ Бога тогда уже возникали въ христіанскихъ общинахъ изъ язычниковъ (35): то этимъ покажемъ всю шаткость разсужденій автора новой не христіанской исторіи христіанской Церкви о первомъ періодѣ ея.

Во второмъ періодѣ исторіи греческой церкви Газеманна (отъ разрушенія Іерусалима до Константина великаго) стóитъ обратить вниманіе на его изложеніе причинъ быстраго распространенія христіанства. Это были: „единство римскаго государства и греческаго языка, частое и облегченное сообщеніе, мало ограниченная свобода публичнаго ученія, въ сравненіи съ которой должны краснѣть христіанскія церковныя правительства предъ своими мелочными мѣрами даже въ 19 столѣтіи, недовольство вымиравшими языческими богослуженіями, сердечная, крѣпкая, до самопожертвованія братская любовь христіанской вѣры, которая давала бѣднымъ милостыню, больнымъ попеченіе, женщинамъ облегченіе отъ многихъ, тяготѣвшихъ на нихъ, общественныхъ узъ, рабамъ свободу или по крайней мѣрѣ добрыхъ господъ, всѣмъ членамъ равенство, обязывающее къ братскому обхожденію. Съ особенной мощной силой дѣйствовало высокое, одушевленное, радостное мужество вѣры, съ которымъ христіане предавали себя мучительной смерти, и которое представляло доказательство, что должно было быть что-то чрезвычайное въ томъ,

чѣмъ оно поддерживалось“ (45). Впрочемъ это правдивое, хотя весьма недостаточное (¹) описаніе причинъ быстраго распространенія христіанства авторъ старается ослабить замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ: „показанія многихъ христіанскихъ писателей, каковы: Іустинъ мученикъ, Ириней, Тертулліанъ, содержатъ преувеличенныя описанія распространенія ихъ (?) вѣры“ (45); „число гоненій (10) получается только при натянутомъ разсмотрѣніи или исчисленіи“ (50); число, конечно не малое, мучениковъ въ легендахъ очень преувеличено“; „смертной казни только въ рѣдкихъ случаяхъ предшествовали мучительныя пытки“ (50) (²) и под.

Новая исторія греческой церкви положительно, хотя большею частію и отрицательнымъ путемъ, доказываетъ древность христіанскихъ таинствъ, обрядовъ, учрежденій и ученія. Такъ напр., говоря о крещеніи, какъ необходимомъ условіи вступленія въ христіанскую церковь въ первыхъ вѣкахъ, авторъ замѣчаетъ, что вѣра „въ магически-сверхъестественную силу этого таинства была уже всеобщей“ (46); сознается, что во 2-мъ вѣкѣ видны уже слѣды особеннаго священства или клира, отличнаго отъ міранъ, хотя и неохотно: „если Festa-

(¹) Даже Гиббонъ, который не отличается особеннымъ расположеніемъ къ христіанской церкви, сознается, что главными первоначальными причинами быстраго распространенія христіанства были: „поразительная очевидность истинности самаго ученія и управляющій промыслъ его великаго Основателя“, и потому другія причины рѣшается назвать только „вторичными“ (History of the romain empire, 1829. Leipzick, vol. II. p. 221, 222). Между тѣмъ новый авторъ, разсматривая языческую полемику противъ христіанства и церкви, находитъ въ нихъ слабыя стороны (стр. 43 и 44).

(²) Попытка не новая уменьшить число мучениковъ и разнообразіе пытокъ; тоже говорили Додвель (de pancit te martyrum) и Гиббонъ (стр. 356 и 357). Но эта попытка была и останется всегда одиночной; безчисленные несомнѣнно подлинные мученическіе акты ясно говорятъ противъ нея.

menta duodecim patriascharum составлены во 2-мъ вѣкѣ ([1]) и если письмо Поликрата къ Виктору подлинно ([2]), то тогда уже существовало христіанское священство съ очень опредѣленными чертами" (52). „Въ посланіяхъ Игнатія, конечно весьма загадочныхъ (?), епископъ опредѣленнѣйшимъ образомъ отличается отъ пресвитеровъ и представляется верховнымъ главой ихъ и церкви"; автору не хочется только видѣть въ посланіяхъ св. Игнатія, „если онѣ подлинны", изображеніе уже существующаго состоянія церкви, а только еще желаемаго (53) ([3]). Онъ сознается, что епископы большихъ городовъ, особенно основанныхъ апостолами церквей тогда уже начальствовали надъ другими епископами: но, согласно съ Оригеномъ, отвергаетъ видимое главенство въ церкви или мысль о единственномъ основаніи церкви— Петрѣ, и замѣчаетъ, что „послѣдующее время еще яснѣе доказываетъ, какъ рѣшительно протестовалъ востокъ противъ притязаній Рима" (54). Такимъ же отри-

([1]) Апокрифическое сочиненіе, весьма часто встрѣчающееся и въ древне-славянскихъ рукописяхъ подъ именемъ „Завѣта дванадесяти патріарховъ", составлено, по всей вѣроятности, въ концѣ перваго или въ самомъ началѣ втораго вѣка (См. Langen, Iudenthum in Palästina zur Zeit Shristi, Freiburg, 1866, S. 145—148).

([2]) По словамъ лучшихъ историковъ, это письмо есть „достовѣрнѣйшій" памятникъ (Neander, A. Geschichte d. chr. Rel. und Kirche, 1, 161—2).

([3]) Посланія Игнатія, изъ которыхъ 7 несомнѣнно подлинны (см. напр. Tischend стр. 21—25), полныя яснѣйшихъ доказательствъ въ пользу христіанскихъ догматовъ, ранняго существованія священныхъ новозавѣтныхъ книгъ и церковныхъ учрежденій, всегда возбуждали сомнѣніе писателей отрицательнаго направленія, особенно потому, что онѣ существуютъ въ двухъ редакціяхъ, краткой и пространной, но главнымъ образомъ потому, что онѣ обличаютъ гиперкритику Баура, Швеглера, Гильгенфельда и подобн. Не смотря на всѣ усилія опровергнуть ихъ подлинность, по сознанію Газеманна, „критика рѣдко была доселѣ въ такомъ отчаяніи, какъ относительно очень интереснаго Игнатіева вопроса" (81).

цательно-положительнымъ характеромъ отличаются его замѣчанія о монашествѣ (56) объ иконахъ, постахъ (57), евхаристіи, крещеніи, мvропомазаніи (59) и молитвахъ за умершихъ (60).

Если гностики съ своими мечтательными религіозно-философскими системами мало возбуждаютъ сочувствія въ положительномъ авторѣ новой исторіи греческой церкви, а нѣкоторые, какъ офиты, даже строго осуждаются; то онъ становится рѣшительно на сторону другихъ еретиковъ, особенно антитринитаріевъ, и противъ православной церкви. Самъ Газеманнъ высочайшій догматъ христіанскій о Святой Троицѣ понимаетъ слѣдующимъ образомъ: „если уже имѣли двухъ боговъ (Отца и Сына), то этимъ преодолѣто было препятствіе поставить наряду съ ними Св. Духа, какъ третьяго бога, равнаго по существу, хотя при этомъ всегда увѣряли, что учатъ собственно объ одномъ Богѣ только въ трехъ лицахъ, какъ будто бы три равныя Божественныя Лица не должны быть и равными Богами" (74). Съ этой точки зрѣнія антитринитаріи представляются „настоящей наукѣ" новаго историка людьми „свободнаго воззрѣнія", ученіе которыхъ притомъ искажено противниками, а на самомъ дѣлѣ было лучше (75), представителями „здраваго критическаго разума", доказывающими своимъ ученіемъ, какъ Савелій, что даже „главы церкви тогда еще не держались твердо позднѣйшаго православнаго ученія о Троицѣ" (76). По его мнѣнію, „вся исторія христіанской церкви доказываетъ, что почти всегда самые остроумнѣйшіе, талантливѣйшіе, образованнѣйшіе и ученѣйшіе мужи обвиняемы были въ неправославіи, потому что они возвышались надъ уровнемъ обыкновеннаго низкаго пониманія, которое привязывалось къ буквѣ,

которому недоставало духа (88). Сознается онъ, что и еретики не безъ упрека, но замѣчаетъ, что „если еретики имѣли странныя, не основанныя на христіанской древности религіозныя мнѣнія, то и у такъ называемыхъ православныхъ не было недостатка въ безчисленныхъ суевѣрныхъ воззрѣніяхъ, каковы особенно вѣра въ злыхъ духовъ, въ воплощеннаго дьявола, въ дѣйствительность его великой силы на ряду съ могуществомъ Божіимъ, въ союзы съ нимъ, въ воскресеніе мертвыхъ и въ другія невозможныя вещи“ (79). Если подобныя мнѣнія и способы доказательствъ оскорбительны для православнаго слуха, то въ научномъ отношеніи онѣ имѣютъ то значеніе, что, можетъ быть, безъ намѣренія писателя, доказываютъ древность православнаго ученія; защита же еретиковъ, осужденныхъ всѣмъ христіанскимъ міромъ на всѣ времена, сама собой осуждаетъ такихъ писателей и не требуетъ опроверженія.

Еще большей ненавистью къ греческой церкви проникается новый историкъ ея при обозрѣніи 3-го періода (отъ Константина великаго до Магомета), самаго блестящаго періода развитія христіанской догматики и церковнаго законодательства, когда въ борьбѣ съ многочисленными врагами правой вѣры, окончательно объяснены и утверждены были высочайшіе догматы христіанской вѣры, содержащіеся въ книгахъ Новаго Завѣта, великими богословами—вселенскими учителями и всеобщимъ разумѣніемъ всей христіанской церкви на вселенскихъ соборахъ. Такъ всегда понимаемъ былъ этотъ періодъ исторіи греческой церкви какъ православными, такъ католическими и протестантскими историками. По словамъ новаго историка, въ продолженіе этого періода „развили зародочные начатки поэтически-

мистической христологіи въ цѣлый рядъ догматическихъ опредѣленій, который, исходя отъ логическаго или философскаго πρῶτον ψεῦδος, болѣе и болѣе долженъ былъ вести къ логическимъ невозможностямъ и противорѣчіямъ съ коренными понятіями. Коротко, суевѣріе православія хотѣло въ одно и то же время признавать одного и многихъ боговъ". Однакожъ нашлись нѣкоторые здравомыслящіе и мужественные люди, которые возстали противъ этого суевѣрія. „Арій, учившійся у Лукіана въ разумной антіохійской школѣ, мужъ высокаго образованія и учености, одаренный краснорѣчіемъ и поэтическимъ духомъ, строгій аскетъ, который, безъ сомнѣнія, не хотѣлъ защищать ничего противо-христіанскаго, понялъ необходимость избѣгнуть противорѣчія, заключавшагося въ томъ, что Христа на ряду съ „единымъ истиннымъ Богомъ" изъ „посланника" Его сдѣлали Богомъ (124). Однако Арій осужденъ былъ, какъ еретикъ, на вселенскомъ соборѣ; послѣдователи его отселѣ должны были считаться врагами церкви подъ именемъ порфиріанъ. „И такое наказаніе, говоритъ авторъ, положено было богословіемъ, которое было въ очевидномъ противорѣчіи съ священнымъ писаніемъ (съ неподлиннымъ?) и съ самимъ собою" (125). Поелику многіе аріане Духа Святаго почитали служебною тварію, то утверждено было также соборомъ ученіе о божествѣ Св. Духа. И съ 360 или 362 г., говоритъ авторъ, аріане и полуаріане у Аѳанасіанъ (послѣдователей никейскаго православія), которые своимъ догматомъ о Троицѣ на полторы тысячи лѣтъ обременили церковь, къ великому вреду ея, положеніемъ, вѣчно противорѣчащимъ здравому смыслу, логикѣ и философіи, назывались духоборцами или македоніанами, по

имени полуаріанскаго церковнаго учителя „Македонія" (127). Христіанскій историкъ утѣшается по крайней мѣрѣ тѣмъ, что на востокѣ долго еще существовали разныя аріанскія партіи, „потому что въ 5-мъ вѣкѣ вообще еще не было въ греческой церкви замороженнаго православія" (128). По мнѣнію автора, православіе опускало при этомъ изъ виду человѣческую сторону Христа; „на дѣлѣ считали и почитали Христа только Богомъ; одни антіохійцы старались спасти во Христѣ истинныя права человѣчества, при чемъ они однакожъ не имѣли намѣренія (какъ Газеманнъ, слѣдовательно все еще лучше его мыслили) оставлять безъ вниманія божественную сторону" (129). Во главѣ новаго еретическаго движенія стоялъ Несторій, извѣстный своей ученой гордостью; но православная церковь осудила и эту ересь и „умеръ въ бѣдствіи несчастный мужъ, котораго высокій нравственный характеръ не былъ признанъ, котораго ученіе было искажено, напр. Кассіаномъ и Львомъ великимъ". (130) (¹). Явился Евтихій, родоначальникъ монофизитскихъ партій, соединявшій два естества Христа въ одно; но церковь осудила и эту ересь, признавши, будто бы „вопреки всеобщей логикѣ", два естества во Христѣ, соединенныя нераздѣльно-неслiянно (131). Въ такомъ же смыслѣ разсматриваются Газеманномъ и другіе богословскіе споры (оригенистскій, пелагіанскій), при чемъ авторъ обращаетъ особенное вниманіе на внѣшніе безпорядки на соборахъ, неизбѣжные при многолюдныхъ собраніяхъ противоположныхъ

(¹) Не все-ли равно для Газеманна, по православному или по несторіански признавать Христа не просто человѣкомъ, но и Богомъ, равнымъ Отцу? Въ томъ и другомъ случаѣ выйдетъ, по его разумѣнію, двубожіе. Почему же онъ защищаетъ не церковь, а Несторія?.. Потому что послѣдній былъ еретикъ!

партій, и забывается до того, что напр. третій вселенскій соборъ клеймитъ именемъ разбойничьяго (138, 131—139). Отсюда понятенъ уже взглядъ Газемана на богословіе того времени, „какъ на не христіанское и не научное", (143) и на великихъ богослововъ. „Въ 4-мъ вѣкѣ, говоритъ онъ, свободная философская наука и классическое образованіе, какъ критическая закваска, стали изчезать изъ богословія, и въ той же степени стало подниматься грубое монашество, которое становилось большею частію на сторону фанатиковъ (135), съ того времени стала изчезать горячая, дѣятельная, освящающая жизнь вѣры, чтобъ уступить мѣсто оцѣпенѣлымъ церковнымъ формамъ" (138). Поэтому напр. св. Аѳанасій, въ глазахъ Газемана по „своему уму, характеру, силѣ воли, послѣдовательности, по тяжкимъ жизненнымъ испытаніямъ, есть одинъ изъ величайшихъ богослововъ всѣхъ временъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ главный основатель односторонняго, критически-несостоятельнаго православія, которое стоитъ въ неразрѣшимомъ противорѣчіи съ наукой здраваго человѣческаго разума и свидѣтельствомъ первохристіанской исторіи" (140) и под. Несправедливо было бы впрочемъ не видѣть нѣкоторыхъ исторически вѣрныхъ сужденій Газеманна при обозрѣніи этого періода; таковы: взглядъ на побудительныя причины для Константина великаго къ принятію христіанства, по которому политика не входила въ разсчетъ, такъ какъ христіанство составляло меньшинство (101) ([1]), на коварныя дѣйствія Юліана по отношенію къ христіанамъ (103), на отношенія грече-

---

([1]) Впрочемъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ о сильной въ политическомъ отношеніи партіи Константина изъ христіанъ (95).

ской церкви къ латинской и на значеніе патріаршей власти (109), на поведеніе римской церкви, начинающійся въ ней подлогъ документовъ (100. 112. 147), на вмѣшательство византійскихъ императоровъ во внутреннія церковныя дѣла; на преимущественное положеніе въ богословско-канонически-церковномъ отношеніи востока сравнительно съ западомъ (147, 150, 151) и нѣкоторыя другія.

Слѣдующіе три періода исторіи восточной церкви, когда собственно начинается она, потому что доселѣ западъ и востокъ составляли единую, православную, вселенскую церковь, отличаются у Газемана необыкновенной краткостью и такими же историческими невѣрностями, какъ предъидущія. Причина очевидна: самостоятельнаго изученія восточной церкви не замѣчается у него ни малѣйшаго слѣда; опущены даже нѣкоторыя, важныя для этой исторіи, западныя сочиненія и изданія византійскихъ историковъ и другихъ греческихъ сочиненій; поэтому при бѣдности вообще западной литературы по исторіи восточной церкви, исторія Газемана еще бѣднѣе другихъ. Такъ въ 4-мъ періодѣ (622—1054) главныя событія этого времени иконоборство и исторія Фотія удостоены самаго ничтожнаго и невѣрнаго вниманія. Замѣчательно, что новый историкъ „простое, ясное ученіе Ислама о единобожіи" ставитъ несравненно выше христіанскаго ученія о Троицѣ (154); что, порицая православныхъ государей за преслѣдованіе реформатскихъ сектъ павликіанъ и богомиловъ, а также иконоборцевъ, беретъ подъ свою защиту иконоборческихъ государей, вынужденныхъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ только „грубыми оскорбленіями величества" со стороны православныхъ и осо-

бенно монаховъ.—Пятый періодъ (1054—1453) исторіи Газеманна, не занимаясь собственно внутренней исторіей греческой церкви, останавливаетъ главное вниманіе на крестовыхъ походахъ и соединенныхъ съ ними насильственныхъ стремленіяхъ латинской церкви подчинить себѣ восточную вооруженной силой и такъ называемыми мирными соединеніями на соборахъ. „Греческіе богословы, чтобы утвердить и оправдать свое сопротивленіе уніи, указывали теперь главнымъ образомъ на согласіе ихъ ученія съ древней церковью и ея отцами; тоже дѣлали, правда, и латиняне, какъ Ѳома Аквинатъ въ своемъ opusculum contra Graecos, но они дѣйствовали при этомъ нечестно, измѣняя изреченія древнихъ отцевъ церкви и повреждая документы“ (178). Этотъ періодъ исторіи Газеманна, при краткости, отличается сравнительно съ другими большей вѣрностью, и умѣренностью, если не обращать вниманія на свойственныя ему рѣзкія выраженія неудовольствія противъ неправящихся ему историческихъ фактовъ (напр. о флорентійскомъ соборѣ „фарсѣ уніи“ (179) и под.—Шестой періодъ исторіи греческой церкви (1453—1821), вообще мало разработанный въ литературѣ, является у Г順земанна чрезвычайно бѣднымъ. Страдальческое существованіе греческой церкви подъ турецкимъ владычествомъ, къ прискорбію христіанскаго сердца, доселѣ продолжающееся, мало возбуждаетъ участія въ авторѣ; даже, по его мнѣнію, „греки всѣхъ званій въ турецкой имперіи сами большею частію виноваты въ унизительномъ обхожденіи со стороны турокъ; ихъ нравственная жизнь все болѣе вырождалась въ пресмыкательство, корыстолюбіе и взаимныя ссоры“ (194). Безпристрастный историкъ, если и замѣчаетъ недостатки у грековъ, подоб-

ные указанным, недостатки, свойственные во всѣ времена и у всѣхъ народовъ рабскому униженному состоянію націи; то прежде всего будетъ искать причинъ ихъ въ самой угнетающей силѣ и въ тѣхъ, которые содѣйствовали этому угнетенію. Исторія никогда не забудетъ тѣхъ интригъ со стороны западныхъ христіанъ, особенно іезуитовъ, которые помогали турецкому правительству душить несчастный народъ въ видахъ корыстолюбія и невозможнаго уничтоженія православной церкви на востокѣ: сами западные, какъ Айнонъ и другіе, собрали и издали довольно документовъ, объясняющихъ „черные замыслы іезуитовъ" ([1]) и вообще Рима противъ греческой церкви, особенно въ лицѣ патріарховъ константинопольскихъ. Самъ Газеманнъ сознается, что единственнымъ стремленіемъ Рима въ отношеніяхъ къ Греціи и Россіи было „сдѣлать посредствомъ такъ называемой уніи обряды и догматы ихъ совершенно римскими", т. е. уничтожить грековосточные, и разсказываетъ, какъ причисляемые папами къ лику святыхъ за злодѣйскіе подвиги противъ православной церкви на пр. Іоасафатъ Кунцевичъ въ Полоцкѣ, въ своей ненависти къ православію, доходили до того, что вырывали тѣла восточныхъ христіанъ изъ могилъ и бросали собакамъ (191). Такое нехристіанское поведеніе исповѣдниковъ латинской церкви, помимо догматическихъ разностей, легко объясняетъ, почему греческое духовенство съ своей „ограниченной точки зрѣнія" смотрѣло на унію съ такими христіанами какъ на ересь (192). Отдаетъ Газеманнъ справедливость восточной церкви, что она всегда твердо сохраняла установленные

([1]) Monumens authentiques de la réligion des Grecs (1708), стр. 201, 211 и др.

догматы и обряды; но удивляется тому, что она рѣшается не признавать католичества и протестантства чистымъ христіанствомъ, забывая, что въ другихъ мѣстахъ и самъ не признаетъ ихъ такими (286 и др.). По поводу грамоты патріарха Іереміи объ учрежденіи въ Россіи патріаршества онъ замѣчаетъ: „здѣсь, какъ и вездѣ въ восточной церкви, единственнымъ мѣриломъ подлиннаго христіанства служитъ узкое православіе, которому и боговнутреннѣйшее (gottinnigste) благочестіе протестантства представляется достойной отвращенія ересью“ (197). Такъ какъ въ этомъ періодѣ исторіи Газеманнъ начинаетъ болѣе касаться русской церкви; то между его извѣстіями можно встрѣтить весьма любопытныя, напр. о „митрополитѣ Никонѣ“, который „въ началѣ 18-го столѣтія, въ согласіи съ царемъ Петромъ I, предпринялъ многія богослужебныя реформы“ (198), и под. Но подробнѣе авторъ занимается исторіей и особенно современнымъ состояніемъ всѣхъ восточныхъ церквей въ 7 періодѣ своей исторіи греческой церкви.

Въ 7 періодѣ исторіи греческой церкви (отъ 1821 до настоящаго времени) Газеманнъ описываетъ состояніе всѣхъ восточныхъ церквей, т. е. какъ православныхъ, такъ соединенныхъ съ Римомъ и отдѣлившихся въ древности несторіанскихъ и монофизитскихъ, именно: 1) греческой въ турецкой имперіи и греко-уніятской; 2) въ королевствѣ греческомъ; 3) греко-уніятской въ Италіи; 4) православной въ Сербіи; 5) въ Румыніи; 6) въ Черногоріи; 7) православной и греко-уніятской въ Австріи; 8) православной церкви въ Россіи, уніятской и раскольническихъ сектъ; 9) армянской—грегоріанской, и армяно-уніятской; 10) маронитской, 11) несто-

ріанской, 12) халдейской и несторіано-уніатской, 13) остъ-индской (христіанъ Ѳомы); 14) коптской въ Египтѣ и наконецъ 15) монофизитской въ Абиссиніи. Если въ предъидущихъ періодахъ авторъ излагалъ свѣдѣнія, добытыя другими, только украшая ихъ своими воззрѣніями; то въ этомъ онъ болѣе самостоятеленъ. Онъ самъ составилъ описаніе настоящаго состоянія восточныхъ церквей большею частію на основаніи газетныхъ извѣстій и вообще періодической литературы и описанія путешествій, а также нѣкоторыхъ важныхъ въ этомъ отношеніи сочиненій, напр. церковной статистики Виггерса. Но извѣстно, какъ трудно полагаться на газетныя извѣстія, въ которыхъ истина постоянно смѣшивается съ ложными или невѣрными свѣдѣніями, особенно на показанія католическихъ и протестантскихъ газетъ относительно православной церкви. Что касается до статистики, то если вообще это наука новая, то въ частности истинной статистики восточной церкви и особенно отдѣлившихся отъ нея христіанскихъ обществъ доселѣ не существуетъ, и всякая попытка установить истинную цифру была бы напраснымъ трудомъ. Оттого статистическія данныя у Газеманна сильно расходятся съ числами напр. Зильбернагля (1), котораго онъ впрочемъ не имѣлъ въ виду, какъ и нѣкоторыхъ другихъ. Мы не будемъ входить въ подробности описанія Газеманна, это потребовало бы слишкомъ много мѣста, потому что 7 періодъ его исторіи составляетъ третью часть всей исторіи греческой церкви, и кромѣ того въ концѣ его есть общее обозрѣніе настоящаго состоянія восточныхъ церквей, результаты котораго мы приведемъ

(1) Verfassung und gegenwärtiger Bestand sämmtlicher Kirchen des Orients, Landshut, 1865.

потомъ. Разбирать его показанія и опровергать ихъ въ родѣ того, напр., что восточная церковь въ турецкой имперіи дозволяетъ второбрачнымъ по смерти второй жены занимать опять всякую церковную должность, (214) что греческіе священники изъ анаѳемы, постоянно ими налагаемой и слагаемой, сдѣлали значительный источникъ доходовъ (215), что церкви на востокѣ обыкновенно темны и даже днемъ зажигаются въ нихъ во время богослуженія свѣчи съ намѣреніемъ произвести магическій эффектъ (216), что исповѣдь не считается необходимой предъ причащеніемъ (217), что вѣнчаніе производится обыкновенно подъ открытымъ небомъ (217), и под., было бы совершенно излишне. Въ примѣръ того, на сколько можно полагаться на свѣдѣнія, сообщаемыя Газеманномъ о восточныхъ церквахъ, — я укажу на нѣкоторыя извѣстія его о русской церкви.

При обозрѣніи состоянія русской церкви авторъ говоритъ сначала объ обращеніяхъ въ ней въ Китаѣ, лютеранъ въ остзейскихъ губерніяхъ, уніатовъ въ западныхъ губерніяхъ, при чемъ „римская церковь поплатилась за свои грѣхи въ 16 и 17 столѣтіяхъ“, и наконецъ инородцевъ, потомъ объ одиночныхъ отпаденіяхъ (Гагарина и нѣкоторыхъ другихъ). Здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго, если авторъ, на основаніи папской энциклики отъ 30 іюня 1864 года, говоритъ объ обращеніяхъ уніатовъ въ православіе „кнутомъ и силой“, (286), замѣчая впрочемъ въ другомъ мѣстѣ, что народъ не чувствовалъ принужденія и весьма доволенъ возсоединеніемъ (256) съ православною церковію; въ западной литературѣ иначе и не говорится о такихъ вещахъ. Ничего также нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что онъ вслѣдъ за другими „покровителя и вѣрнаго

сына церкви“ Государя Императора считаетъ „совершенно и дѣйствительно правящимъ и законодательнымъ главою церкви, которой всѣ органы, богослуженіе, догматы должны служить государству, какъ на оборотъ государство заботится о ней“ (239). Конечно, доказательства на это приводятся весьма странныя, напр. глубокое уваженіе и благоговѣніе народа предъ лицемъ императора, празднованіе церковію высокоторжественныхъ дней царской фамиліи, церковныя молитвы за нее и внушеніе въ проповѣдяхъ повиновенія, любви и уваженія къ Особѣ Императора (240). Неужели было бы нормальнѣе отношеніе церкви къ государству, если бы народъ не уважалъ своего государя, церковь не молилась за него, въ богослужебныхъ пѣсняхъ и проповѣдяхъ духовенства вмѣсто любви и повиновенія внушалась ненависть и возмущеніе противъ него, какъ дѣлали недавно польскіе ксендзы?! Особенно странно видѣть подобное сужденіе у протестанта, для котораго исторія его вѣроисповѣданія выработала государственный догматъ: cujus regio, illius religio; если „богоьвнутреннѣйшее благочестіе протестантства“ предоставляло государямъ право перемѣнять религію народа, какъ платье, (въ jus reformandi religionem), то православное благочестіе русскаго народа всегда обязывало и обязываетъ Государя быть православнымъ и не перемѣнять вѣры народа. Но не смотря на сознаніе даже враговъ, что русскій Государь никогда не провозглашалъ себя главою или папою господствующей церкви (240), не смотря на ясныя изложенія дѣйствительныхъ отношеній между государствомъ и церковью, какъ въ брошюрѣ о. Васильева, мысль объ этомъ главенствѣ повторяется и долго будетъ повторяться во всякомъ

новомъ сочиненіи, по принятому обычаю, хотя бы приходилось сознаваться, что во „всѣхъ другихъ государствахъ, кромѣ церковной области, государственные интересы подчиняютъ себѣ церковно-религіозные“ (240). Потому что въ противномъ случаѣ нужно изучить дѣйствительное состояніе русской церкви, а это дѣло не легкое при скудости доступныхъ источниковъ. Не странно также, если новый историкъ образованіе русскаго духовенства считаетъ слишкомъ низкимъ, поведеніе бѣлаго и чернаго духовенства не соотвѣтствующимъ званію, по „поразительно-согласному“ свидѣтельству Герцена и Долгорукова (242. 243). Свѣтское и духовное правительство видитъ недостатки духовнаго образованія и заботится о возвышеніи его; но было бы нелѣпо утверждать, что воспитанники высшихъ духовныхъ заведеній не умѣютъ ни читать по славянски, ни отправлять обѣдни или вечерни (242). Случающіяся исключенія не могутъ также оправдывать герценовскаго или долгоруковскаго взгляда на поведеніе духовенства. Но въ книгѣ новаго историка встрѣчаются и такія извѣстія о русской церкви, которыя большею частію могли быть исправлены даже по западной литературѣ объ ней. По новому историку, всѣ митрополиты, архіепископы и епископы, равняясь въ общественномъ положеніи генераламъ, носятъ общее названіе эрцпристеровъ (241—архипастырей); избираются обыкновенно изъ монастырей перваго класса (243); члены бѣлаго духовенства, по смерти жены, обязаны идти въ монастырь и въ случаѣ вторичнаго брака должны отказаться на всегда отъ повышенія по должности (242); монастыри, ни мужскіе, ни женскіе не стоятъ подъ надзоромъ и юрисдикціей епископовъ, но подчинены въ

первой инстанціи настоятелямъ и во 2-й Св. Синоду (243); рѣзные, писаные и литые образа терпятся въ алтаряхъ (244); проповѣдь произносится послѣ чтенія евангелія (245); библія не дается народу для чтенія (247); богословскихъ газетъ и журналовъ почти совсѣмъ нѣтъ (247), или иначе не болѣе 6-ти, но подъ духовной цензурой находятся 26 какихъ-то періодическихъ изданій (248); докторство богословія, для котораго требуется императорское согласіе, такъ рѣдко, что въ 1836 году было во всей Россіи только три доктора богословія (247); церковь почти совершенно безучастно относится къ просвѣщенію народа, и потому „не церковь", а Государь повелѣлъ ввести преподаваніе классическихъ языковъ въ гимназіяхъ и учредить женскія гимназіи (249) и под. Понятно, что протестантскому вкусу автора церковныя зданія кажутся некрасивымъ византійствомъ (244), иконы—безвкусными произведеніями живописи (244), церковное пѣніе—безвкуснымъ, носовымъ, монотоннымъ (245), литургія чрезвычайно растянутой и потому утомительной (244) (¹), посты—вредными для здоровья (250), путешествіе къ св. мѣстамъ—страстью полудикаго народа къ бродяжничеству (250) и т. д. Сознается авторъ, что русскій народъ отличается отъ

(¹) Не можемъ не замѣтить здѣсь, какъ благодѣтельно дѣйствуетъ на христіанскую жизнь русскаго народа это „утомительное" богослуженіе—самая лучшая его школа; даже враги, подобные Газеманну, не смѣютъ отказывать ему въ благочестіи. Между тѣмъ при протестантскомъ богослуженіи, доведенномъ въ нѣкоторыхъ странахъ, такъ сказать, до нулевой простоты и краткости (состоящемъ изъ одной пѣсни, воскреснаго евангелія и объясненія его или проповѣди), по сознанію самихъ лучшихъ протестантовъ, для религіозной жизни народа недѣли потеряны если проповѣдь неудачна или, что почти постоянно бываетъ, недоступна пониманію слушателей, какъ мы имѣли случай убѣдиться изъ многократныхъ разговоровъ съ протестантами.

западныхъ) строгимъ благочестіемъ какъ въ церквахъ, такъ и въ домашней жизни; но это благочестіе представляется ему только внѣшнимъ, лишеннымъ духа, потому что, по его мнѣнію, „невозможно истинное духовное углубленіе въ себя при непрестанныхъ колѣнопреклоненіяхъ и вставаніяхъ, окропленіяхъ св. водой и крестныхъ знаменіяхъ“ (246 и 250). Особеннымъ признакомъ необразованности „русскихъ богослововъ или философовъ“ считается то, что „они въ своемъ національномъ ограниченномъ самодовольствѣ большею частію имѣютъ великій horror отъ стоящаго на современной высотѣ западнаго, особенно нѣмецко-протестантскаго (газемановскаго?) пониманія религіозныхъ идей и относятся къ нему или совершенно пассивно или грубо, умалчиво“ (247). Порицаніе лучше похвалы!

Исторія греческой церкви Газемана заключается общимъ обзоромъ настоящаго состоянія восточныхъ церквей, (278—290). Сущность этого обзора состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Въ числѣ исповѣдниковъ восточной церкви незамѣтно приращенія; но 2) не видно и значительнаго уменьшенія; 3) приблизительно оно простирается до 83 милліоновъ; 4) въ христіанскихъ державахъ государственная власть преобладаетъ надъ церковью, въ нехристіанскихъ послѣдняя свободнѣе; 5) дѣятельность церкви переходитъ въ государственную; 6) высшая іерархія парализована въ своихъ дѣйствіяхъ; 7) низшее духовенство не образовано, бѣдно и замѣтно уменьшается въ числѣ; 8) монашество въ упадкѣ; 9) церковныя имѣнія ничтожны; 10) богослуженіе пышное, но механически—внѣшнее, безъ живаго слова проповѣди; 11) церковное ученіе мертвое, замкнувшееся

въ себя и отказавшееся отъ свѣта науки (¹); 12) совершенный недостатокъ богословскаго образованія; 13, 14) безучастіе и даже противодѣйствіе іерархіи въ дѣлѣ народнаго образованія; 15) народная жизнь, полная внѣшними знаками благочестія, лишена духа жизни.

Вообще нужно сказать о новой исторіи восточной церкви, что, по своему направленію, враждебному церкви и христіанству, она не заслуживаетъ названія церковной исторіи; а по недостатку самостоятельной работы, по отрицанію общепринятыхъ въ ученомъ христіанскомъ мірѣ историческихъ истинъ и фактовъ, не заслуживаетъ названія исторіи. Это, подобно произведеніямъ Ренана, холостой выстрѣлъ легкомысленнаго невѣрія противъ христіанства, невѣрія не прикрытаго даже мнимыми доказательствами отрицательной критики и потому не имѣющаго ничего общаго съ истинной наукой.

Ив. Добротворскій.

(¹) Насмѣшливое изложеніе ученія восточной церкви и даже высочайшихъ догматовъ (о Троицѣ, искупленіи и проч.), общихъ всему христіанскому міру, восточному и западному (католическому и протестантскому), кромѣ того, что не достойно серьезной науки, въ нѣкоторыхъ пунктахъ и не вѣрно. Входить въ полемику съ подобнымъ изложеніемъ наука не можетъ, не унижая себя; потому что невѣріе отрицаетъ даже тѣ авторитеты, на которые по временамъ само ссылается. Справедливо говоритъ Тишендорфъ: „противъ невѣрія, коренящагося въ новѣйшемъ легкомысліи, въ плотской распущенности умовъ, которые не хотятъ вразумляться Духомъ Божіимъ, наука не имѣетъ оружія“ (Wann wurden unsere Evangelien verfasst?—S. 130).

ПИСЬМО

КЪ АРХІЕПИСКОПУ МАННИНГУ (Р. Кат.)

Эдмунда С. Фалкса (Ffoulkes), B. D., автора сочиненія подъ заглавіемъ: «Christendom's Divisions».

(окончаніе) (1)

I. Сколько мнѣ извѣстно, еще не открыли положительнаго доказательства, что псевдо-декреталіи и pseudo-donatio выработаны въ Римѣ, или по приказанію Рима; тѣмъ не менѣе вся отвѣтственность падаетъ на него, какъ еслибы дѣйствительно учинилъ онъ и то и другое. Цѣль ихъ была—выразить, сколько возможно полнѣе, формальное ученіе прежнихъ понтифексовъ. Слѣдовательно, Римъ въ самомъ началѣ долженъ былъ знать, или въ самомъ началѣ могъ разузнать, откуда онѣ вышли, — изъ его архивовъ или нѣтъ; все, однакожъ, онъ нарочито уклонялся отъ всякаго изслѣдованія, и нарочито хранилъ молчаніе. Для него было довольно того, что вообще стали вѣрить въ подлинность ихъ, что онѣ содѣйствовали къ возвеличенію его, и съ рѣ-

(1) См. Хр. Чт. №№ 5 и 6 1869 г.

шительнымъ эффектомъ могли быть употребляемы противъ тѣхъ, которые ихъ оспоривали. Онъ ни мало не заботился о томъ, что между ними и общепризнанными канонами всей Церкви, которые онъ долженъ былъ охранять во всей ихъ силѣ, находилось самое осязательное противорѣчіе. Такъ какъ именно отъ этого пункта отъигрывались (eluded) апологеты ложныхъ декреталій, то намъ нужно, съ нѣкоторою подробностію, разобрать все это дѣло.

Что такъ называемый „Кодексъ Вселенской Церкви" существовалъ въ видѣ коллекціи, во время Четвертаго Собора, то положительно доказано Юстелломъ и другими, и доказано именно тѣмъ, что тамъ ссылались *на книгу* каноновъ въ девятомъ и одиннадцатомъ Дѣяніяхъ, и дѣйствительно приводили 83-й, 84-й, 95-й и 96-й каноны, согласно съ той самой нумераціей, въ которой они и теперь стоятъ. По той же самой причинѣ именно эта, а не другая какая-либо коллекція авторитетно была утверждена первымъ канономъ того же Собора въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Мы находимъ нужнымъ и справедливымъ, чтобы каноны святыхъ отцевъ, постановленные ими на всѣхъ Соборахъ, по настоящее время оставались въ полной своей силѣ" (1). Къ этимъ канонамъ Соборъ, впослѣдствіи, присовокупилъ свои собственные; и всѣ они, до 28 канона, прошли единогласно (а этотъ я опускаю на томъ основаніи, что онъ не былъ утвержденъ Римомъ; древнее же правило говоритъ, какъ мы читаемъ у Сократа, Созомена и Өеодорита,—а это все греки, — что никакіе каноны не могли проходить безъ согласія папы). Итакъ, кодексъ Вселенской Церкви

(1) Авторъ пользуется переводомъ г. Джонсона: Vade mecum, vol. II, p. 41 et seq.

до этого 28-го канона—Халкидонскаго, безспорно доселѣ имѣетъ всю свою обязательную силу для всей Церкви, и всегда имѣлъ ее, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ, быть можетъ, онъ видоизмѣнялся законодательною властію одинаковаго съ прежнимъ авторитета. И вотъ въ этомъ кодексѣ нѣтъ ни малѣйшаго упоминовенія о каѳедрѣ Рима, какъ о верховной власти, или даже какъ о послѣднемъ аппеляціонномъ судилищѣ, хотя первенство его вездѣ подразумѣвается implicitеr. Отъ того-то, когда дѣло объ его аппелляціонной юрисдикціи дошло до предстоятелей Африканской Церкви въ V вѣкѣ, среди которыхъ былъ св. Августинъ, то, по надлежащемъ обсужденіи его,—о чемъ было донесено ими и папѣ, они нашли, что „никейскія опредѣленія просто и ясно предоставили и низшее духовенство и самыхъ епископовъ ихъ собственнымъ митрополитамъ, мудро и справедливо положивъ, что все должно быть рѣшаемо на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ что произошло; ибо благодать Св. Духа никогда не оскудѣетъ въ той или другой области; при помощи ея правота дѣла разумно можетъ быть раскрываема и постоянно сохраняема служителями Христовыми, особенно когда каждому дано, если онъ не доволенъ рѣшеніемъ своихъ судей, обращаться съ аппеляціей къ областному, или, если то нужно будетъ, вселенскому собору“. Африканскіе епископы ограничиваютъ свои замѣчанія никейскими канонами, не находя надобности при данныхъ обстоятельствахъ, входить въ дальнѣйшія изысканія; но всякій, кто только изучалъ остальные законы, заключающіеся въ семъ кодексѣ, не можетъ не согласиться, что его опредѣленія, относительно аппеляцій, обозначены и ясно и полно. Правда, съ тѣхъ поръ приняты были и на востокѣ также, какъ

на западѣ, сардикійскіе каноны, (неизвѣстные тогда африканской церкви) уполномочивающіе епископовъ въ крайнихъ случаяхъ—и только епископовъ,—обращаться съ аппеляціей къ папѣ: но при семъ должно всегда памятовать, что имъ долженъ быть противопоставляемъ 9-й канонъ четвертаго собора, и слѣдов. канонъ того кодекса, который обязателенъ для Рима, канонъ, гласящій такъ:

„Если кто либо изъ епископовъ или изъ духовныхъ будетъ имѣть препирательство съ своимъ митрополитомъ, то пусть они обращаются съ аппеляціей къ экзарху ихъ эпархіи, или же къ престолу константинопольскому, и тамъ пусть дѣло ихъ обсуждается" ([1]). Слѣд. большее число лицъ уполномочивается въ семъ кодексѣ обращаться къ престолу константинопольскому, чѣмъ въ самыхъ сардикійскихъ канонахъ къ Риму. А за исключеніемъ этого единственнаго аппеляціоннаго случая, юрисдикція во всѣхъ отрасляхъ положительно и строго,—положительно ограничивается мѣстными предѣлами, существовавшими тогда, и не имѣетъ права расширяться. На семъ то основаніи Римъ упорно отказывалъ въ своемъ согласіи на 28 халкидонскій канонъ. 2-й константинопольскій канонъ до сего дня остается свидѣтельствомъ противу того престола, въ пользу коего составленъ 28-й халкидонскій: „Епископы да не исходятъ изъ своихъ эпархій къ церквамъ, сущимъ внѣ ихъ предѣловъ: но епископъ александрійскій, согласно съ канономъ, да управляетъ дѣлами Египта, а епископы востока дѣлами востока только, съ соблюденіемъ древнихъ привиллегій антіохійской церкви, упоминаемыхъ въ никейскихъ канонахъ... И да не исходятъ епископы изъ сво-

([1]) 17-й канонъ имѣетъ ту же силу.

ихъ эпархій ради рукоположенія, или ради другаго какого либо служенія, если они къ тому не приглашаются. А изъ вышеприведеннаго канона, который предписанъ для соблюденія относительно эпархій, очевидно, что областный сунодъ имѣетъ завѣдывать каждою областію, какъ то̀ опредѣлено въ Никеѣ. Церкви, сущія среди варваровъ, да управляются согласно съ обычаями, которые господствовали во времена ихъ предшественниковъ, „with their ancestors".

Этотъ канонъ былъ составленъ по поводу неправильныхъ поступковъ со стороны александрійскаго патріарха; можно сказать, въ немъ заключается духъ всего кодекса. Другой канонъ, 8-й Эфесскій, составленный по поводу покушеній патріарха антіохійскаго на независимость Кипра, не менѣе замѣчателенъ и гласитъ такъ:— „нашъ собратъ—епископъ Reginus, возлюбленный Богомъ, и Зенонъ и Эвагрій, благочестивѣйшіе епископы области Кипрской, открыто объявили нововведеніе, противное церковнымъ законамъ и канонамъ святыхъ Отцевъ, такое нововведеніе, которое *касается свободы всѣхъ*...

Посему святый вселенскій (General) соборъ опредѣлилъ, чтобы права всякой области, изначала принадлежащія ей, ясно и ненарушимо сохранялись, и чтобы древній обычай преобладалъ: каждый митрополитъ имѣетъ теперь власть хранить въ копіи, ради охраненія себя, все то, что положено (на соборѣ). *Но если кто введетъ какое либо распоряженіе (regulatio), противное настоящему опредѣленію, то распоряженіе это, согласно съ опредѣленіемъ святаго вселенскаго собора, считать не имѣющимъ силы*".

До такой-то степени отцы третьяго собора были

убѣждены, что гораздо опаснѣе для единства церкви отмѣнить какіе-либо древнія и незапамятныя права, чѣмъ позволить какимъ-либо отдѣльнымъ епископамъ оставаться въ независимости отъ какой-либо высшей церковной власти и быть „autocephal".

Отъ этихъ каноновъ я прямо перехожу къ псевдодекреталіямъ и pseudo-donatio (¹), чтобы такимъ образомъ очевиднѣе былъ контрастъ, представляемый ими. Напримѣръ, св. Анаклетъ, въ окружномъ своемъ посланіи къ вѣрнымъ такъ будто бы говоритъ:—„Въ случаяхъ, когда возникнутъ болѣе затруднительные вопросы, или откроется дѣло особенной важности, или будетъ касаться епископовъ высоко поставленныхъ, пусть сіи послѣдніе съ аппеляціей своей обращаются къ Апостольскому престолу; ибо такъ, *по повелѣнію Господа нашего, положили Апостолы*, чтобы всѣ болѣе важные и болѣе трудные вопросы были представляемы на рѣшеніе Апостольскаго престола, на которомъ Христосъ основалъ свою Вселенскую Церковь". И еще: „Апостольскій престолъ, и отнюдь не другой какой-либо, поставленъ Господомъ во главу и правило (hinge—петля) для всѣхъ церквей; и какъ дверь держится на петлѣ, такъ, по распоряженію (disposal) Господа, всѣ церкви держатся на столько, на сколько можетъ соизволять сей святый престолъ". Или, какъ Константинъ будто бы сказалъ въ упомянутой Pceudo-donatio: „мы опредѣляемъ и постановляемъ, чтобы римскій престолъ имѣлъ преобладаніе какъ надъ четырьмя главными престолами — александрійскимъ, антіохійскимъ, іерусалимскимъ и константинопольскимъ, такъ и надъ всѣми церквами Божіими на всей землѣ; и чтобы римскій понтифексъ всегда былъ

(¹) Migne-Patrol., vol. CXXX.

верховнымъ властителемъ (superior a prince) всего свѣта и, наконецъ, чтобы все необходимое относительно Богослуженія и Вѣры христіанской опредѣлялось его судомъ".

Есть ли хоть одно слово изъ всего этого, милордъ, въ подлинномъ кодексѣ церкви? И можно ли хоть на минуту остаться въ сомнѣніи, которой изъ этихъ двухъ теорій, юрисдикціи, т. е. теоріи ли псевдо-декреталій или теоріи кодекса папство обязано своимъ развитіемъ? Можно ли хоть на минуту усумниться, что это развитіе совершилось какъ-либо иначе, а не путемъ „расторженія предѣловъ, поставленныхъ отцами", какъ говоритъ св. Бернардъ? Къ числу же этихъ предѣловъ именно относятся тѣ каноны, на которые я обращалъ ваше вниманіе. Если же универсальная юрисдикція, на которую римскій понтифексъ объявлялъ свои притязанія въ средніе вѣка, не основана на авторитетѣ псевдо-декреталій, то зачѣмъ же было такъ часто, постоянно указывать на нихъ, когда дѣло шло о защитѣ этой юрисдикціи? Гдѣ тотъ законъ вселенской церкви, который бы свидѣтельствовалъ о ней или на который она могла бы опираться?

Мѣстные сѵноды и мѣстныя церкви не могутъ взять на себя предписывать законы для всей Церкви, и еще меньше отмѣнить то, что положено всею Церковію. Конкордаты съ королями, à fortiori, не могутъ ни того, ни другаго дѣлать. Вѣроятное ли дѣло, чтобы папство стало такъ часто ссылаться на эти поддѣлки, ради своихъ притязаній, если бы оно могло указать на лучшіе авторитеты,—на авторитеты ясные, положительные? Всѣ спорщики съ латинской стороны находятъ въ этихъ поддѣлкахъ (т. е. въ ихъ глазахъ) доводъ

противу грековъ. „Доказать это“, т. е. универсальную юрисдикцію папы, сказалъ аббатъ Варлаамъ, самъ обращенный ими изъ греческой церкви, съ цѣлію обращать потомъ и своихъ соотечественниковъ „легко: стоитъ только пересмотрѣть декретныя посланія римскихъ понтифексовъ отъ св. Климента до св. Сильвестра“. На двадцать пятомъ засѣданіи Собора флорентинскаго провинціалу доминиканскому велѣно было обратиться къ грекамъ съ рѣчью о правахъ папы, и въ присутствіи папы. Чтожъ? Дважды онъ сослался на псевдо-декреталіи св. Анаклета, разъ на сунодальное письмо св. Аѳанасія къ Феликсу, и разъ на письмо Юлія къ восточнымъ, т. е. сослался на одни поддѣльные документы. Потомъ, въ отвѣтѣ своемъ на возраженія Виссаріона относительно ихъ авторитета (оставляя въ сторонѣ вопросъ о ихъ подлинности), онъ вздумалъ защищать слѣдующаго рода положеніе, а именно: „что *эти декретныя посланія папъ*, какъ посланія соборныя, имѣютъ право на такой же авторитетъ, какъ и самые каноны“. Нужно ли еще показывать и доказывать, сколько вѣсу усвояла имъ латинская сторона? Папы ссылались на нихъ и въ качествѣ папъ и въ качествѣ privati Doctores. Левъ IX, напримѣръ, ссылался на Pseudo-Donatio въ много-словномъ своемъ письмѣ, писанномъ имъ самимъ, или отъ его имени, къ Михаилу Керулларію патріарху Константинопольскому, на канунѣ схизмы; Евгеній IV на псевдо-декреталіи св. Александра и Юлія, во время негоціацій объ уврачеваніи этой схизмы, въ своихъ наставленіяхъ армянамъ. Но зачѣмъ мнѣ, милордъ, идти далѣе за доказательствами, когда въ катихизисѣ тридентинскаго Собора, который, въ продолженіи трехъ сотъ лѣтъ, считался авторитетнымъ

учителемъ для самаго духовенства, гласно и властно былъ одобряемъ столь многими папами, не смотря на всѣ эти жалкія поддѣлки, триста лѣтъ ходившія по свѣту, я нахожу слѣдующія слова: (¹) „Что до приматства верховнаго понтифекса, см. третье посланіе (то есть, ложную декреталію) св. Анаклета!“ Таковъ то на самомъ дѣлѣ, авторитетъ, на который указываютъ духовенству нашего времени, указываютъ *прежде и паче всего*, и указываютъ ради истинныхъ и здравыхъ взглядовъ (views) на приматство! И потомъ, когда все это будетъ усвоено имъ, даютъ ему обращаться къ новымъ тремъ авторитетамъ, которые всѣ выбиты изъ Граціана, и которые, само собою разумѣется, онъ толкуетъ согласно съ идеями, предварительно уже имъ усвоенными.

При видѣ такихъ-то доказательствъ и свидѣтельствъ, Милордъ, я рѣшительно не могу не заключить, что любовь къ истинѣ не есть одна изъ тѣхъ характеристическихъ чертъ, которою любитъ отличаться ученіе даже новѣйшей Церкви: скажите, что тутъ думать, когда высшія и сущія въ живыхъ власти равнодушно смотрятъ на неправду возвѣщаемую съ каѳедры, и еще болѣе чѣмъ равнодушно, смотрятъ на фальшивые, ложные документы, приводимые на каѳедрахъ въ удостовѣреніе въ какихъ-то фактахъ, и все это уже послѣ того, какъ подлогъ положительно открытъ? Ревнуютъ эти власти не мало, не мало; но о чемъ? О томъ, чтобы вѣрили, какъ истинѣ, тому, чему онѣ учатъ, а не о томъ, чтобы ученіе ихъ было согласно съ дѣйствительною истиною: къ самой истинѣ, какъ-то свидѣтельствуютъ факты, онѣ нечувствительны, какъ камень. О,

(¹) De Ord. Sacram., § 49.

будемъ надѣяться, что эти камни преткновенія будутъ устранены тѣмъ соборомъ, который имѣетъ собраться въ Римѣ.

2) Еще нѣсколько словъ о крестовыхъ походахъ, и я заключу. Для меня дѣло рѣшенное (¹), что они окончательно довершили церковное возвеличеніе папства, и довершили силою. Разно судили о нихъ, смотря на нихъ съ разныхъ сторонъ, т. е. смотря на нихъ съ соціальной, политической и церковной точки зрѣнія, и, наконецъ, принимая въ разсчетъ то обстоятельство, что въ дѣло крестоносцевъ вмѣшались худые и добрые, и что они, начавъ его энтузіастически, кончили его преступно. Но какъ бы ни смотрѣли на крестовые походы какимъ бы свѣтомъ не освѣщали ихъ, вѣрно только то, что не будь папы, не было бы и крестовыхъ походовъ; и слѣдовательно во всѣхъ отношеніяхъ,—къ добру ли, къ худу ли, онъ остается здѣсь единственнымъ отвѣтчикомъ. Впрочемъ и въ соціальномъ и политическомъ отношеніяхъ, по моему убѣжденію, крестовые походы породили гораздо больше бѣдствій, чѣмъ добра, въ церковномъ же отношеніи, безъ наималѣйшаго сомѣнія, они причинили столь же много гибели (Ruin) религіи и Церкви Христовой, какъ и турки, и, къ тому еще, въ самый злостный періодъ ихъ существованія. Въ соціальномъ отношеніи, крестоносцы понесли съ собою и слѣдовательно принесли на Востокъ мало религіи или добродѣтели; рыцарство же свое скоро потеряли тѣ изъ нихъ, которые тамъ остались, и потеряли именно въ слѣдствіе тиранніи надъ тѣми, которыхъ они пришли освобождать; тѣ же изъ нихъ, кото-

(¹) Авторъ доказалъ это въ своемъ сочиненіи: „Греки и Латиняне". См. „Дух. Бесѣду" № 27. 1867. Спб.

рые воротились, просто наводняли Европу своими пороками. Далеко не таковы были Commodités, внесенныя въ Европу греками, бѣжавшими сюда, по паденіи Константинополя. Купцы миролюбиво торговавшіе съ Востокомъ, легко могли бы снабдить нашихъ предковъ всѣми, не мнимыми, а дѣйствительными улучшеніями (improvements), какими будто бы снабдили насъ крестоносцы,—снабдили безъ грѣха и преступленія, или, по крайней мѣрѣ, на половину меньше. Въ политическомъ отношеніи, крестовые походы просто фатальная, роковая ошибка, для человѣчества, оставляя въ сторонѣ истинную религію. Часто дѣлали кредитъ папамъ, будто они спасли Европу отъ Турокъ. Исторія же говоритъ, что они открыли ту дверь, которою турки вошли въ Европу. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что латиняне гораздо болѣе причинили гибели греческой имперіи, чѣмъ турки. Если бы греческая имперія была предоставлена самой себѣ, или если бы помогли ей честнымъ образомъ, то она до сего дня ограждала бы Европу отъ турокъ, и сохранила бы въ ней для насъ и цивилизацію, и населеніе, и христіанство. Но въ церковномъ отношеніи, то есть, во всѣхъ тѣхъ предѣлахъ, которые принадлежатъ папамъ, какъ главамъ Церкви, я не могу открыть въ кресковыхъ походахъ—отъ перваго до послѣдняго — ни одной черты (feature), которою искупалось бы или устранялось зло, причиненное ими. Сочетаніе креста съ мечемъ деморализовало всѣ ордены безъ различія. Подъ вліяніемъ ихъ христіанскіе епископы (¹) сдѣлались предводителями армій и кровопролійцами, вступавшими въ рукопашный бой, съ копьемъ и щитомъ въ рукахъ. Послѣ того, какъ первый взрывъ

(¹) Т. е. римско-католическіе.

энтузіазма прошелъ, всѣ пытались сдѣлать только одно, а именно,—поработить Церкви Востока Риму, совершенно вопреки канонамъ, съ незапамятныхъ временъ и повсюду принятымъ церковію. Восточныхъ просто попирали за то, что они отстаивали свои права, на сколько было возможно,—извергали (ejected) ихъ изъ собственныхъ ихъ церквей, и іерархіи ихъ замѣняли или замѣщали чуждой имъ іерархіей,—и дѣлали то вездѣ, гдѣ только крестоносцы являлись завоевателями. Изъ изслѣдованій покойнаго Сира „Francis Palgrave“ открывается, что они дѣйствительно съ этою цѣлію и въ походъ отправились: нѣкоторыя изъ ихъ писемъ, писанныя ими домой—къ папѣ, который организовалъ (organised) ихъ, во всякомъ случаѣ показываютъ, что эта мысль блеснула имъ тотчасъ же при первомъ успѣхѣ. „Что до турокъ“, говорятъ они, и язычниковъ, то мы одолѣли ихъ; но не можемъ еще одолѣть еретическихъ грековъ, и армянъ, Сиріанъ и Яковитовъ. Приди только къ намъ, и доверши то, что ты началъ съ нами,—и тогда весь свѣтъ покорится тебѣ“ (1). И вотъ именно это самое и довершилъ Иннокентій III, при взятіи Константинополя франками и венеціанами. Изъ всѣхъ нарушеній каноновъ въ церковной исторіи трудно было найти актъ столь преступный, каковъ былъ актъ этого Иннокентія: онъ посвятилъ на патріаршій константинопольскій престолъ Morosini тогда, какъ его по его же собственнымъ выраженіямъ, „досточтимый собратъ“, Іоаннъ Camater, былъ законнымъ патріархомъ, былъ въ живыхъ, но насильно былъ изгнанъ, безъ всякаго предварительнаго суда или изслѣдованія. Извиненіемъ Иннокентію (скажутъ) служитъ то, что

(1) Balug. Misiel. III. 60 ed. Mansi.

онъ вѣрилъ въ подлинность ложныхъ декреталій, и дѣйствовалъ согласно съ примѣрами прежнихъ дней (precedens), когда власть сдѣлалась сама собою правомъ. Но его собственныя письма свидѣтельствуютъ, что онъ былъ въ постоянной борьбѣ: онъ, по видимому, желалъ уступать то лучшимъ своимъ чувствамъ или расположеніямъ, то внѣшнимъ требованіямъ оффиціальнаго его положенія. Онъ отлучилъ Венеціанъ за то, что они вторглись въ христіанскую территорію: и онъ же впослѣдствіи принялъ ихъ завоеванія, и своими собственными руками посвятилъ того, кого они избрали. Что за положеніе для того, который называетъ себя главою Церкви! Что за положеніе—быть до такой степени связаннымъ свѣтскими узами! Что мы находимъ? Онъ соглашается на опустошеніе огнемъ и мечемъ безконечно большей и наиболѣе цвѣтущей части Церкви!—На опустошеніе ея руками остальной ея части!—вопреки его собственнымъ приказаніямъ! Онъ смотритъ все это время, какъ древніе предѣлы Церкви одинъ за другимъ насильственно расторгаются; и наконецъ, принимая часть добычи, не только себя самаго, но и престолъ свой на вѣки отождествляетъ (identifies) со всей этой неистовой процедурой! Какое страшное лицемѣріе, какое отъявленное нечестіе все это называть крестовыми походами, святою войною, войною предпринятою во имя и ради Животворящаго Креста! Кто можетъ вѣрить въ Бога правды и сомнѣваться, что папство подлежитъ тяжкой отвѣтственности на судѣ Его?

Милордъ, есть торжественный (solemn) документъ предъ лицемъ свѣта, могу сказать, наиторжественнѣйшій, съ наибольшимъ торжествомъ обращенный ко всѣмъ намъ безъ исключенія, а потому и наименьшій изъ этой

среды не лишенъ права испрашивать себѣ объясненія въ случаѣ, если что окажется въ этомъ документѣ неудобопонятнымъ или выше его разумѣнія. Я ограничу мое прошеніе слѣдующимъ мѣстомъ изъ этого документа: „Всѣмъ извѣстно неутомимое попеченіе, съ которымъ римскіе понтифексы старались охранять залогъ вѣры, благочиніе (discipline) духовенства, и воспитаніе его въ святости и въ правотѣ ученія, равно какъ и въ святости и достоинствѣ (dignity) брачнаго состоянія (matrimonial state); (всѣмъ извѣстно, съ какимъ попеченіемъ) они, все болѣе и болѣе усиленно, заботились о христіанскомъ воспитаніи того и другаго пола, и о всякомъ возможномъ благопоспѣшеніи религіи, благочестію и доброй нравственности; равно съ какимъ попеченіемъ они старались охранять правду, спокойствіе, порядокъ и благоденствіе гражданскаго общества“. Если этотъ документъ понимать *de jure*, какъ декларацію того, чтó римскіе понтифексы должны были дѣлать во всѣ времена, то это вѣрно, какъ нельзя болѣе; если же смотрѣть на него *de facto*, какъ на декларацію того, что они сдѣлали въ продолженія послѣдняго тысящелѣтія, то и одной исторіи крестовыхъ походовъ довольно для того, чтобы опредѣлить, до какой степени все это гораздо вѣрнѣе въ противномъ смыслѣ. Нѣтъ нужды въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ. Теперь, какія же заключенія слѣдуютъ изъ вышеприведенныхъ нами фактовъ? Во первыхъ, что, хотя Римъ, быть можетъ, и не отступалъ отъ вѣры или не заблуждался въ догматическомъ отношеніи, все однакожъ такъ часто на дѣлѣ,— и въ продолженія цѣлой тысячи лѣтъ, легкомысленно относился къ ней по одному извѣстному догмату, что его поведеніе было камнемъ преткновенія для другихъ,

и причиною дѣленія восточной и западной церквей на догматическомъ основаніи. Во вторыхъ, что, позволивъ себѣ первобытный кодексъ церкви тихонько, украдкою замѣнить новымъ кодексомъ, основаннымъ на фальшѣ, на подделкѣ, принявъ его, къ тому еще, безъ всякаго испытанія, и насильственно сдѣлавъ его обязательнымъ для другихъ, онъ причинилъ дѣленіе восточной и западной церквей на дисциплинарномъ основаніи, другими словами: это отдѣленіе отъ общенія съ римскою церковію произошло и досель происходитъ въ слѣдствіе ея отъявленной невѣрности и неправосудія въ дѣлѣ церковнаго управленія, какъ по отношенію къ доктринѣ, такъ и по отношенію къ дисциплинѣ.

Не думаю, чтобы противу этого заключенія, въ теоріи, могли возстать даже и „maximisers" (¹). Во всякомъ случаѣ я начну съ той партіи, которую, надѣюсь, безобидно можно назвать „lign orthodox". Въ „обозрѣніи", какъ видно изъ заглавнаго листа, „Par les Pers de la compagnie de Jesus", и слѣд. въ трудѣ, за содержаніе котораго отвѣчаетъ все это общество, ровно два года назадъ, я слѣдующее прочиталъ относительно ложныхъ декреталій (²). Новая дисциплина, т. е. какъ онъ выше выразился, „*la réforme pseudo-Isidorienne!!!* (³)—была конечно хороша". Писателю этому было бы трудно иначе выразиться, потому что онъ такъ продолжаетъ:—„Принятая папою Николаемъ въ 865 г. и осьмымъ вселенскимъ соборомъ въ 870"—

(¹) „Maximiser и minimiser", очевидно, отъ „maximum и minimum"—термины послѣднихъ двухъ трехъ лѣтъ, порожденные здѣшнею богословскою полемикой *Перев.*

(²) Etudes Religieuses, № 47, p. 392.

(³) Лжеисидоровская реформа.

безъ вѣдома и безъ участія Востока — „утвержденная тридентинскимъ соборомъ въ 1564 г., она уже девять вѣковъ имѣетъ значеніе общаго права въ католической церкви. А чтожъ и я сказалъ, какъ не тоже самое, а именно, что наша, существующая система обязана своимъ *происхожденіемъ* ложнымъ декреталіямъ и опирается на нихъ, какъ на свое *основаніе*? Къ большой чести, однакожъ, автора, онъ слѣдующее дѣлаетъ прибавленіе: (¹) „но древняя дисциплина была также хороша, потому что, въ продолженія первыхъ восьми вѣковъ, Церковь не знала другой дисциплины... Новая дисциплина могла быть слѣд. полезна; но она не была необходима. А вотъ что ни оправдать, ни даже извинить невозможно: это — средство, употребленное лже-Исидоромъ, для достиженія его цѣлей. Ложь всегда остается зломъ, даже и тогда, когда пользующійся ею, имѣетъ въ виду добро. *Non faciatus mala ut veniant bona* (²). И пусть не говорятъ намъ: тутъ нѣтъ обмана, а только недоразумѣніе. Пусть не сваливаютъ этой вины, *изъ-за которой міръ христіанскій былъ въ обманѣ въ продолженіи седьми вѣковъ*, на стеченіе обстоятельствъ, независящихъ отъ воли лже-Исидора. Нѣтъ, съ его стороны то была ложь, напередъ обдуманная". Въ концѣ: „Ложныя декреталіи, *кромѣ зла, ничего не произвели*". Такъ чье же дѣло было смотрѣть, чтобы христіанство не страдало отъ подобныхъ подлоговъ и обмановъ? Вотъ гдѣ папамъ тысячу разъ надлежало бы сказать—„Non possumus"; а они вмѣсто того, сами сдѣлались дѣятельными соучастниками всякой неправды. Впрочемъ всѣми допускается, что папы,

(¹) Авторъ пишетъ, какъ членъ римско-католической церкви.
(²) Не будетъ дѣлать зла въ видахъ добра.

какъ правители церкви, могутъ дѣлать „серьозныя ошибки—serious mistakes". „Каждому папѣ", читаемъ мы въ „Dublin Review" за прошлый Іюль, принадлежитъ, съ одной стороны, служеніе учителя церкви, а съ другой служителя, правителя и кормчаго ея. Всѣми католиками допускается, всѣми безъ исключенія, что папа можетъ дѣлать важныя ошибки въ прохожденіи сего послѣдняго служенія, хотя они хорошо знаютъ, что, при всемъ томъ, онъ получаетъ особеннѣйшую помощь отъ Святаго Духа". Дѣйствительно, „только особеннѣйшая помощь отъ Святаго Духа" могла воспятить ихъ „serions mistakes" сдѣлаться болѣе важными заблужденіями или ошибками; дѣйствительно, только она могла, дѣйствія или слѣдствія ихъ безчинства (misruce) направить такъ, чтобы вся бесѣда между Господомъ и св. Петромъ при извѣстномъ всѣмъ случаѣ открылась во всемъ свѣтѣ, и именно освѣщенная свѣтомъ историческихъ событій. Догматическая непогрѣшимость была обѣщана Господомъ св. Петру, когда онъ стоялъ во главѣ и говорилъ отъ лица всѣхъ апостоловъ, — обѣщана въ отвѣтѣ на вопросъ, сдѣланный имъ всѣмъ, а не одному Петру. Преемники его, даже до самаго предсѣдателя флорентинскаго собора, сознались, какъ я то докажу далѣе, что они никогда не говорили отъ имени всей церкви—*со времени схизмы*. Въ самый таки первый разъ, какъ св. Петръ попытался учить, *послѣ своего исповѣданія*, на основаніи своего собственнаго мнѣнія (iudgement), и независимо отъ прочихъ учениковъ, онъ оглашенъ былъ слѣдующими властными словами Господа: „иди за мною сатано, соблазнъ ми еси: яко не мыслиши, яже суть Божія, но человѣческая". Слѣдовательно другіе Апостолы погрѣшили бы, если бы

послѣдовали ему или стали бы защищать то, чему онъ тогда училъ. Подобнымъ образомъ допустимъ теперь, что всякая догматическая непогрѣшимость, усвоенная св. Петру, завѣщана имъ его преемникамъ: чтожь выходитъ? Явно, она не спасла ихъ отъ искаженія символа церкви, отъ искаженія противу канонической, и въ угоду какимъ-то королямъ; она не спасла ихъ отъ принятія подложныхъ документовъ, и не помѣшала имъ защищать ихъ, какъ подлинныя свидѣтельства; она не спасла ихъ отъ самыхъ нечестивыхъ дѣйствій, совершенныхъ подъ прикровомъ ихъ авторитета...; спрашивается теперь: изъ того, что они владѣютъ даромъ непогрѣшимости , хотя бы то въ наиполнѣйшей мѣрѣ, слѣдуетъ ли, непремѣнно ли слѣдуетъ, что корпоративное единеніе съ Римомъ ни въ какомъ случаѣ не должно быть расторгаемо, или что отрѣшеніе отъ Рима никогда не можетъ быть для насъ обязательнымъ? Папамъ не должно слѣдовать тамъ, гдѣ они погрѣшаютъ; вѣдь не слѣдовали даже и св. Петру тамъ, гдѣ онъ погрѣшалъ; и потому тамъ, гдѣ для общенія съ ихъ престоломъ необходимо требуется общеніе и съ ихъ заблужденіями, такъ что одного безъ другаго и имѣть нельзя, тамъ, говорю, остается одно, а именно: — оставить общеніе съ Римомъ и общеніе съ его заблужденіями. Непогрѣшимая Вѣра необходима для Церкви, но это еще не все: въ числѣ опредѣляющихъ началъ, которыми связуются христіане, вмѣстѣ съ Вѣрою требуются—честность, правда, вѣрность, правдолюбіе, кротость и самоотверженіе. Непогрѣшимая Вѣра должна править и управлять согласно съ вышеприведенными добродѣтелями, иначе она должна оставить дѣло управленія. Имѣющій непогрѣшимую Вѣру тѣмъ

самымъ не можетъ еще ни себя ни другихъ обезопасить, при видѣ нравственныхъ кривизнъ того или другаго рода въ поведеніи общественнаго тѣла: простое владѣніе этимъ даромъ послужитъ только къ вящей винѣ владѣтеля ея, подобно тому, какъ пророческій даръ первосвященника, осудившаго Христа, послужилъ къ большему его осужденію; оставивъ же дѣло управленія, этотъ владѣтель истины необходимо долженъ умолкнуть, потому что онъ долженъ говорить не иначе, какъ во главѣ и отъ имени всего тѣла...

Эта теорія въ совершенной гармоніи съ фактами, которыхъ нѣтъ возможности оспорить; а кромѣ того она оправдывается сколько дѣлами, столько же и словами папъ со времени схизмы, и гораздо отчетливѣе объясняетъ намъ существующія явленія (церковнаго міра), какъ я надѣюсь доказать, чѣмъ всякая другая теорія. Вообще, дѣйствія Рима были скоры, самовластны, рѣшительны до нельзя; смѣлы до дерзости; отважны до надменности: Римъ, казалось, заботился всего больше о томъ, какъ бы поразить всѣхъ своею самостоятельностію, какъ бы увѣрить всѣхъ, что онъ никакъ не можетъ впасть въ заблужденіе или учинить какую-либо ошибку. Сравните этотъ образъ его дѣйствія съ его необычайными увертками и нерѣшительностію — относительно двухъ символовъ Вѣры, т. е. Символа древняго и символа съ прибавленіемъ. Когда онъ утверждалъ, что оба они въ догматическомъ смыслѣ одинаковы? Или: въ чемъ, по его мнѣнію, настоящая разность въ нихъ относительно ученія объ исхожденіи? Что до употребленія ихъ, то намъ снова остается обратиться къ фактамъ, уже упомянутымъ нами. Левъ III воспрещалъ употреблять символъ съ прибавленіемъ.

Его преемники помалчивали сначала, но кончили тѣмъ, что сами усвоили его, хотя не имѣли отваги навязать его тѣмъ, которые предпочитали древнюю форму символа. Григорій X. письма восточныхъ, гдѣ они не соглашались на принятіе символа съ прибавленіемъ, прочиталъ на 2-мъ ліонскомъ соборѣ, но оставилъ безъ всякаго отвѣта: и символъ этотъ три раза былъ пропѣтъ именно въ этой формѣ исключительно. Иннокентій V, преемникъ его, властно требовалъ, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не опускали „Filioque" при чтеніи или пѣніи символа. Николай III пошелъ дальше, и прибавилъ, что „такъ какъ единство Вѣры не можетъ состояться при разности въ дѣлѣ ея исповѣданія...; потому римская Церковь желаетъ, чтобы символъ Вѣры былъ пѣтъ однообразно и греками и латинянами, съ прибавочной *clausa*". Это, на самомъ дѣлѣ, рѣшительно значило, что имѣлось въ виду устранить старую форму символа; все однакожъ это требованіе осталось безъ исполненія. Когда дѣло это снова поднялось на соборѣ флорентинскомъ, Римъ еще дипломатичнѣе здѣсь дѣйствовалъ, чѣмъ прежде. Тутъ вовсе никакого символа Вѣры не читали; и даже никакого намека не сдѣлали, какой символъ считать символомъ Церкви, — символъ ли въ древней его формѣ или символъ съ прибавленіемъ. Въ видахъ примиренія этихъ различныхъ пріемовъ политики, Климентъ VIII и потомъ Венедиктъ XIV прибѣгли наконецъ къ слѣдующему извороту: „Graeci credere tenentur, etiam a Filio Spiritum S. procedere, sed non tenentur pronuntiare, nisi subesset scandalum" (¹). Я вамъ обязанъ, милордъ, тѣмъ, что мое особенное

(¹) Греки вѣруютъ, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына, но удерживаются исповѣдывать это, изъ опасенія подвергнуться осмѣянію.

вниманіе обращено на это положеніе. Посмотримъ теперь, какъ бы это отозвалось въ устахъ св. Аѳанасія. „Ariani credere tenentur Filium homousion esse cum Patre, sed non tenentur pronuntiare, nisi subesset scandalum“ (¹). Александрійскіе отцы, А. Д. 362, при св. Аѳанасіѣ, вѣроятно, простерли свое снисхожденіе дальше, чѣмъ какой либо соборъ изъ прежде или потомъ бывшихъ, но и самъ папа Либерій, если бы онъ тутъ былъ, не могъ бы склонить ихъ къ тому, чтобы они позволили еретикамъ читать или пѣть никейскій Сѵмволъ Вѣры безъ тѣхъ словъ, которыми именно обличается ихъ ересь: и такъ чтожь отсюда выводить? Ужели то, что Климентъ VIII и Венедиктъ XIV безразлично и безучастно относились къ ереси? Я не думаю. Во глубинѣ души своей, дѣлая подобное рѣшеніе, они, конечно, вовсе не считали ихъ еретиками. И дѣйствительно, какъ могли они считать ихъ еретиками, когда на флорентинскомъ соборѣ представители Восточной Церкви засѣдали, разсуждали и, наконецъ, подписались на тѣхъ же самыхъ условіяхъ (on the same terms), какъ и западные? Въ подлинномъ опредѣленіи, постановленномъ въ Базелѣ, которымъ восточные туда приглашались, было мѣсто, гдѣ они названы были „еретиками“ или „диссентерами“: мѣсто это нарочито вычеркнуто, съ замѣчаніемъ притомъ еще, что вышеозначенныя слова вкрались въ него вовсе невзначай. Далѣе, самые соборы—Ліонскій и Флорентинскій на какихъ основаніяхъ были собраны? Григорій X такъ говоритъ по сему случаю... „Чрезвычайно горько видѣть расторженіе вселенской Церкви, предображенное мрежею Петра рыбаря,

(¹) Аріане вѣруютъ, что Сынъ равносущенъ съ Отцемъ, но удерживаются и проч.

которая *проторилась* отъ множества рыбъ, ятыхъ ею... мы не говоримъ, что она раздѣлилась въ отношеніи къ ея вѣрѣ... но поразительно и жалостно раздѣлилась въ отношеніи къ ея вѣрнымъ членамъ". Евгеній IV такъ сказалъ своимъ посланникамъ: „вы посылаетесь ради единенія Западной и Восточной Церкви, ради единенія, котораго такъ давно и такъ пламенно мы желаемъ"; онъ же, отчаяваясь въ дѣлѣ единенія, такъ выразился передъ греками: „какого добра намъ ожидать, если мы не успѣемъ соеденить Церковь Божію" (1)? Совершенно согласно съ симъ взглядомъ предполагалось и флорентинскій соборъ, если бы онъ былъ принятъ съ обѣихъ сторонъ, считать осьмымъ Вселенскимъ Соборомъ. Да и въ наше время имѣется посланіе Пія IX „къ епископамъ Церквей Восточнаго обряда", не находящимся въ общеніи съ нимъ, въ которомъ встрѣчаемъ слѣдующую „сентенцію", какъ бы только что вышедшую изъ подъ пера":—Мы умоляемъ Васъ придти на этотъ вселенскій Соборъ, подобно тому, *какъ ваши предшественники приходили на второй Ліонскій Соборъ*, бывшій при блаженномъ Григоріѣ, нашемъ предшественникѣ досточтимой памяти, *и на Соборъ Флорентинскій*, со славою совершенный нашимъ предшественникомъ блаженной памяти, Евгеніемъ IV: возобновимъ узы древней любви (affectio), и воззовемъ къ жизни тотъ древній миръ, этотъ небесный и благословенный даръ Христовъ, который въ теченіи вѣковъ утратился для насъ: тогда ясный свѣтъ долго-жданнаго единенія, такъ печально омрачаемый тяжкою тьмою старо-давнихъ препирательствъ, снова во всемъ блескѣ возсіяетъ предъ всѣми".

(1) См. Divisions of Christendom; part. II, pp. 259—61, и 337—40, by Foulkes, London.

Восточные приглашаются придти на этотъ вселенскій Соборъ, подобно тому, какъ предшественники ихъ приходили на соборы — ліонскій и флорентинскій; отсюда неизбѣжно заключеніе, что его святѣйшество движется чувствами и расположеніями его предшественниковъ и усвояетъ ихъ языкъ. То есть, Пій IX представляетъ себѣ и согласно съ симъ дѣйствуетъ, представляетъ себѣ то самое зрѣлище, которое Григорію X причиняло такъ много заботъ,—представляетъ себѣ расторженіе вселенской Церкви, предъображеное мрежею Петра рыбаря, которая проторглась... Церкви, не раздѣлившейся въ отношеніи къ ея Вѣрѣ... но поразительно и жалостно раздѣлившейся въ отношеніи къ ея членамъ: и слѣд. имѣетъ въ виду на предполагаемомъ соборѣ то самое, что имѣлъ въ виду Евгеній IV, какъ онъ увѣрялъ Грековъ, а именно — „соединить Церковь Божію въ семъ смыслѣ. Отъ того-то, столь же неизбѣжно, со времени схизмы до настоящихъ дней, папы формально (formaliter) учили, что Церковь *раздѣлена* относительно ея членовъ, но что есть Церкви составляющія собою часть Вселенской Церкви, которыя и теперь находятся и цѣлые вѣка были внѣ общенія съ ихъ престоломъ. Въ самой вещи, на практикѣ (practically) папы говорили такъ только о Восточныхъ Церквахъ, и, ктому еще, только о тѣхъ Восточныхъ Церквахъ, которыя были и находятся въ общеніи съ патріархомъ Константинопольскимъ; все однакожъ, допустивъ и это одно, они непремѣнно и неоспоримо должны допустить, что то, что мы называемъ римско-католическою Церковію, не составляло всей Церкви, и слѣдов. они сами, со времени схизмы, не говорили отъ лица или во главѣ всей Церкви. Безпристрастному наблюдателю не можетъ

не казаться, что при данныхъ обстоятельствахъ, положеніе ихъ должно быть было очень неловкое: они никакъ не могли быть увѣрены, что ихъ de facto положеніе не пострадаетъ, если дѣло дойдетъ до разбора ихъ купчей (title-deed): они никакъ не могли убѣдить себя, что будто восточные по своей собственной винѣ отложились отъ общенія съ ними, и будто они впали въ ересь, уклонившись внести въ Сvмволъ Вѣры „Filioque". Иначе, почему бы имъ не созвать вселенскій соборъ,—и сдѣлать это давнымъ давно?—Почему бы не осудить имъ на немъ восточныхъ, какъ еретиковъ, вмѣсто того чтобы каждый разъ, приглашать ихъ на вселенскіе соборы для изслѣдованія догматовъ подъ ихъ предсѣдательствомъ?

„Даже въ отношеніи къ западу, они никогда не усиливались называть свою церковь purement et simplement „*каѳолической*", но и сами называли ее, и были довольны, когда другіе называли ее—римско-каѳолическою Церковію, находя этотъ титулъ вполнѣ и строго опредѣляющимъ ея значеніе. То правда, что они всякимъ случаемъ пользовались заявить свое ученіе о собственномъ ихъ главенствѣ надъ Церковію, de „jure" даже „divino", и таково было ученіе всѣхъ тѣхъ, кои желали остаться въ послушаніи имъ; но если смотрѣть на эти притязанія при свѣтѣ тѣхъ уступокъ и ограниченій, которыя они дѣлали и дѣлаютъ относительно восточной Церкви, то окажется, что подобною декларацiей (declaration) заявляется не то, что есть, а нѣчто только искомое папами: предъ нами картина идеальной или первобытной, а не дѣйствительно существующей Церкви.

(Затѣмъ авторъ переходитъ къ тому, что ему привелось видѣть и

слышать въ разныхъ католическихъ странахъ, и что смущало и возмущало его совѣсть, какъ члена римской Церкви: но мы выпустимъ эти путевыя, и слѣд., болѣе или менѣе, преходящія впечатлѣнія, и ограничимся указаніемъ въ его письмѣ тѣхъ злоупотребленій, которыя получили въ римской Церкви какъ будто законное существованіе).

„Милордъ, я вовсе не имѣю въ виду извинять то блазненное отсутствіе благоговѣнія, котораго и мы еще были свидѣтелями, и которое, я боюсь, и теперь еще, болѣе или менѣе, замѣтно въ англиканскомъ духовенствѣ, при совершеніи имъ таинствъ Церкви; но не могу закрыть глазъ при видѣ того факта, что это неблагоговѣніе, естественно, происходило въ слѣдствіе скуднаго мелкаго (low) его взгляда на таинства, а самый этотъ взглядъ родился въ слѣдствіе той дерзости, съ которою, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, безстрашно такъ говорили объ эвхаристіи,—„Sacerdos creat Deum“ о покаяніи же „Deus remittit culpam: Papa vero culpam et poenam“, и т. п. Но если взять во вниманіе наши (¹) собственные взгляды на благословенную эвхаристію, то чѣмъ окажется это неблагоговѣніе англиканъ въ сравненіи съ тѣми ужасами, о которыхъ мы читаемъ въ исторіи сосудовъ и гостій (Hostiae), напоенныхъ ядомъ? Слѣды этого мы видимъ даже до сего дня въ тѣхъ особенныхъ предосторожностяхъ, которыя дѣлаются каждый разъ, какъ папа служитъ. Прежде нежели папа приступитъ къ таинству, обыкновенно, испытываютъ виды его такимъ образомъ. Діаконъ беретъ одну изъ гостій, положенныхъ имъ на дискосѣ, и передаетъ ее священнодѣйствующему прелату. Когда этотъ употребитъ ее, тогда кардиналъ дьяконъ изъ двухъ остальныхъ беретъ еще одну и, прикоснувшись ею ко внутренней и внѣшней сторонамъ потира и дискоса, подноситъ ее тому же прелату, который, обратившись лицомъ къ папѣ, дол-

(¹) Т. е. римско-католическіе.

женъ употребить ее такъ же какъ и первую. Послѣдняя гостія употребляется для самаго жертвоприношенія. Кардиналъ беретъ сосуды съ виномъ и водою и вливаетъ изъ нихъ по нѣскольку въ чашу, которую держитъ передъ нимъ священно-дѣйствующій прелатъ; этотъ послѣдній и долженъ тотчасъ же употребить влитое (1).

Такое извращеніе Животворящихъ Таинъ, потребовавшее нарочитаго его огражденія, и въ такомъ видѣ, какъ выше описано, въ тѣ дни, когда жертву совершаетъ намѣстникъ Христовъ, рѣшительно не имѣетъ себѣ параллели въ лѣтописяхъ церкви: при всей высотѣ нашего взгляда на таинство Евхаристіи, оно нигдѣ такъ тяжко не профанируется, какъ у насъ (2).

„Я хорошо знаю, милордъ что выводы и заключенія мои въ самомъ корнѣ подрываютъ ваше положеніе въ Англіи, если только онѣ вѣрны; но вѣдь я жилъ для изслѣдованія этихъ вопросовъ, жилъ болѣе двадцати лѣтъ, и потому едва ли вы можете обвинить меня или сказать, что въ дѣлѣ окончательнаго ихъ рѣшенія мною двигали личные разсчеты. Напротивъ, я желаю въ каждомъ допустить самую чувствительную совѣсть, точно такъ, какъ желаю, чтобы и во мнѣ тоже самое видѣли. И не противъ частныхъ лицъ, и не противъ системъ я возстаю, а возстаю противъ злоупотребленія и извращенія системъ. Когда я былъ членомъ одной коллегіи въ Оксфордѣ, то мы ежечасно нарушали тамъ статуты, къ соблюденію которыхъ каждый изъ насъ обязывался клятвою, — и я былъ одинъ изъ тѣхъ, которые требовали, чтобы эти статуты или формально были отмѣнены, или, въ противномъ случаѣ,

(1) L'année Liturgique, p. 158.
(2) Т. е. у рим. кат.

добросовѣстно были выполняемы. Наши нарушенія ихъ постепенно увеличивались, и незамѣтно становились какимъ-то закономъ (law): какъ же, спрашивается, могъ бы я всю вину въ томъ взводить на настоящія или непосредственно предшествовавшія поколѣнія правителей и членовъ коллегій, и укорять ихъ, какъ людей, не имѣющихъ правилъ честности? Подобнымъ образомъ я вовсе не думаю относиться къ живымъ авторитетамъ римско-католической церкви съ какимъ либо чувствомъ неуваженія или непріязни, когда обращаю ихъ вниманіе на тотъ неоспоримый фактъ, что они ежедневно нарушаютъ законъ церкви. Я разбираю и осуждаю то, что было дѣломъ цѣлыхъ столѣтій, и многихъ, столѣтій, и чего всѣ эти авторитеты, всѣ эти власти, даже вмѣстѣ взятыя, и при всей любви къ правотѣ дѣла, не могли бы измѣнить сразу, еще меньше выработать изъ него что-либо въ родѣ „perfection". Еще разъ скажу: я разбираю и осуждаю не вѣру папъ, но ихъ правительственную политику, и, кътому еще, только ту политику, которая началась съ тѣхъ поръ, какъ они сдѣлались одновременно и свѣтскими властителями и епископами. Такъ какъ ихъ дворъ и престолъ, со времени основанія перваго, на дѣлѣ, для практическихъ цѣлей, слились въ одно; то напрасно было бы пытаться проводить между ними линію разграниченія, и особенно потому, что приговоръ исторіи падаетъ на ихъ совокупное дѣйствіе на церковь, а не на царства или вообще на людей. Я хорошо знаю, и нерѣдко говорилъ, что Римъ оказалъ извѣстныя заслуги народамъ Европы, и въ нравственномъ, и въ общественномъ, и въ религіозномъ отношеніяхъ; споспѣшествуя цивилизаціи, онъ дѣлалъ нерѣдко трудныя усилія; и за то Европа обязана ему нѣкоторою благодарностію, хотя я полагаю, что пло-

дами этихъ усилій никто столько не воспользовался, и особенно въ средніе вѣка, какъ сами же папы. За то, когда я смотрю на дѣленія христіанскаго міра, — временъ прошедшихъ и настоящихъ, и извѣдываю путемъ исторіи происхожденіе ихъ: то нахожу, что, въ продолженіи послѣдняго тысящелѣтія, ничто столько не служило къ раздѣленію церкви, какъ поведеніе папъ въ дѣлѣ управленія ихъ церковію. И во 1-хъ, они позволили властителямъ сего міра обращаться съ символомъ церкви, какъ имъ было угодно, а это причинило если не разъединеніе въ вѣрѣ церкви, то разъединеніе въ домостроительствѣ церкви. Во 2-хъ, они попустили ложному кодексу войти въ постепенное употребленіе, именно тѣмъ, что нимало не позаботились справиться о немъ, т. е. о подлинномъ его происхожденіи въ своихъ архивахъ, и, наконецъ, дали ему стать на мѣсто подлинныхъ законовъ церкви. Въ 3-хъ, они потакали и помогали одной части Церкви, бывшей тогда въ меньшинствѣ, возстать противъ другой части Церкви, бывшей тогда въ большинствѣ, и овладѣть не только свѣтскимъ ея имуществомъ, но и церковными доходами, даже самыми церковными престолами; — и все это къ погибели христіанства, и къ торжеству полулунія надъ крестомъ, впослѣдствіи, въ тѣхъ самыхъ странахъ, откуда въ первый разъ сталъ распространяться свѣтъ Евангелія. Всему этому они содѣйствовали потому, что все это было въ ихъ выгодахъ и все это служило къ увеличенію и возвеличенію ихъ самихъ и ихъ престола,—и все это дѣлали согласно съ правилами ложнаго и вопреки правиламъ подлиннаго кодекса Церкви. Въ 4-хъ, какъ то я доказалъ (1), они отлагали преобразо-

(1) См. Christendom's Divisions, part. I, 128—153.

ваніе Церкви въ своемъ собственномъ патріархатѣ законными, зависящими отъ нихъ средствами, отлагали до того, что Провидѣніе попустило совершиться ему средствами незаконными, гнусными. Таковъ приговоръ, произносимый исторіей надъ поведеніемъ папъ, какъ правителей Церкви, съ того времени, какъ они сдѣлались князьями или принцами. Я вовсе не думаю, однакожъ, что я вывелъ на свѣтъ какіе-либо новые или малоизвѣстные факты; нѣтъ, я только сгруппировалъ ихъ побольше, чѣмъ другіе, и свелъ ихъ въ одинъ фокусъ.

Если такъ, милордъ, то спрашивается: какъ же это вышло, что нѣтъ ни малѣйшаго намека на эти факты въ тѣхъ приглашеніяхъ, которыя дѣлаются, по случаю имѣющаго быть собора? Римъ уже говорилъ; но въ томъ, что имъ сказано, я не могу найти ничего, чтобы походило на исповѣдь во грѣхахъ, на признаніе правосудія Божія, карающаго за грѣхи: нѣтъ тамъ ни одного слова раскаянія въ прошедшемъ, нѣтъ ни малѣйшаго обѣщанія исправиться въ будущемъ. Весь христіанскій міръ заблудился, кромѣ его, кромѣ Рима. Изъ всѣхъ учрежденій (Jnstitutions) одно папство стоитъ прямо, непреклонно: оно никогда не заблуждалось ни по какому дѣлу, ни по какому предмету; оно никогда не бывало чѣмъ-либо инымъ или какъ-либо иначе, а всегда было тѣмъ, чѣмъ оно есть теперь; оно сохранило и честь свою и вѣру свою—незапятнанными. Оно одно никогда не причиняло дѣленій въ христіанствѣ, оно одно не доводило христіанъ до возстанія; оно одно никогда и ничего не дѣлало, чего бы можно было постыдиться или въ чемъ бы можно было раскаяться. „Азъ есмь, и нѣсть иныя, не сяду вдовою, и не поз-

ваю сиротства“. Babylon loquitur, non Ierusalem.— Триста лѣтъ тому назадъ былъ папа, который говорилъ иначе, и сказалъ людямъ правду. Съ какимъ общимъ одобреніемъ, съ какимъ сочувствіемъ всѣхъ добрыхъ и строго—мыслящихъ людей подобная откровенность была бы принята, если бы она повторилась въ настоящемъ случаѣ! „Вы скажете также“, продолжалъ говорить Адріанъ VI своему легату, „что мы откровенно сознаемся, что Богъ попустилъ этому злоключенію пасть на его Церковь за грѣхи людей, и главнымъ образомъ за грѣхи священниковъ и прелатовъ Церкви... Мы знаемъ, что на семъ святомъ сѣдалищѣ (seat), въ мимошедшіе теперь годы, много было гнусныхъ (enormous) дѣяній, много было злоупотребленій по дѣламъ духовнымъ, много было безчинія въ дѣлахъ благочинія, словомъ — все было извращено... Вотъ почему нужда настоитъ намъ воздать славу Богу, смириться предъ Нимъ и каждому, озираясь кругомъ, вопрошать себя, въ чемъ его паденіе и откуда оно“.

Лучше бы было приглашенія папы на Соборъ для возсоединенія христіанства предварить приглашеніемъ къ общему смиренію (humiliation). Еще: разумно ли, мудро ли приглашать христіанъ на Соборъ и въ то же время оскорблять ихъ? Восточные adjurantur явиться на соборъ, подобно ихъ предшественникамъ, бывшимъ на ліонскомъ и флорентинскомъ соборахъ: но на тотъ и другой изъ этихъ соборовъ власти восточной Церкви имѣли формальное приглашеніе, въ которомъ онѣ надлежащимъ образомъ были титулованы, и на Соборѣ флорентинскомъ онѣ возсѣдали и разсуждали съ западными епископами на одинаковыхъ съ ними условіяхъ (terms); и только тогда, когда онѣ ушли, введены были

депутаты отъ потомковъ еретическихъ обществъ — несторіанъ или монофизитовъ. Піемъ же IX всѣ епископы восточнаго обряда, безъ различія, поставлены въ одну и ту же категорію: для какой цѣли? Трудно сказать; ужь конечно для того только, чтобъ не дать явиться на соборъ наиболѣе именитымъ изъ нихъ. Подобнымъ образомъ съ Non-Catholics, т. е. не римскими католиками поступлено какъ съ чернью, не имѣющей вождя, какъ съ стадомъ, не имѣющимъ пастырей, безъ всякаго между ними различенія; какъ будто всѣ они одинаково лишены организаціи, и у всѣхъ одинаково отнято разумѣніе. И однакожъ часть этой черни жила подъ правленіемъ ея епископовъ 300 лѣтъ; была пора, что всячески усиливались епископовъ этой черни привлечь на соборъ тридентинскій; во всякомъ случаѣ, должно сказать, что они нѣчто знаютъ и о самомъ дѣлѣ препирательства между этой чернью и Римомъ...

Нѣтъ, если Римъ искренно расположенъ заняться дѣломъ возсоединенія христіанства, то на это есть самыя простыя средства. Стоитъ только честно, добросовѣстно выполнить два правила—и дѣло возсоединенія христіанства совершится. Первое изъ нихъ есть древнее и хорошо извѣстное правило: „Nullum tempus praescribit Ecclesiae“. Его удобно можно примѣнять къ церковнымъ землямъ и имуществамъ: но съ безконечно бо́льшею силою его должно прилагать къ законамъ церковнымъ, — къ законамъ повсюду принятымъ и не отмѣненнымъ. То одно, что отвыкли ихъ держаться, не можетъ сдѣлать ихъ упраздненными и недѣйствительными. Другое правило заключается въ слѣдующемъ motto: „peau through the truth=мѣръ путемъ истины“. Настойте на этомъ правилѣ: и однимъ изъ первыхъ послѣдствій будетъ то, что ложные декреталіи и все,

что на нихъ основано, распадутся, слѣдовательно распадется основаніе нынѣ царствующей дисциплины,—и древняя дисциплина Церкви еще разъ возстанетъ во всей своей силѣ. Во-первыхъ, согласно съ догматическимъ канономъ, приложеннымъ къ опредѣленію 4-го, 5-го и 6-го соборовъ, Никейскій символъ будетъ употребляться только въ той формѣ, въ которой онъ тогда существовалъ. Конечно мнѣ нечего и напоминать вамъ, милордъ, что членъ Вѣры, составляющій теперь предметъ препирательства, выраженъ былъ тогда собственными словами Христа Спасителя:—„Иже отъ Отца исходитъ"; употребляя его въ настоящей нашей формѣ, мы только дерзостно отваживаемся какъ бы поправлять самыя слова Христовы; слѣдовательно, обратившись, по прежнему, къ самымъ словамъ Христовымъ въ ихъ чистотѣ, мы, въ самой вещи, сдѣлаемъ только то, что обратимся къ самому Христу. Это одно само собою устранитъ главный предметъ спора между Востокомъ и Западомъ. Во-вторыхъ, Римъ, согласно съ 8-мъ канономъ Эфесскаго Собора, войдетъ въ первоначальные предѣлы своего патріархата, другими словами, — ограничится материкомъ Европы; аппелляціи же пойдутъ къ нему изъ Англіи и остальнаго Запада, согласно съ Сардикійскими канонами. Аппелляціи съ Востока будутъ подаваться въ Константинополь, согласно съ 9-мъ и 17-мъ канонами Собора Халкидонскаго. Такимъ образомъ съ одной стороны кончится препирательство между Англіей и Римомъ, а съ другой—кончится вмѣшательство Рима въ дѣла Востока. Латинскіе патріархи греческихъ престоловъ сами собою уничтожаются. Вселенскій Соборъ, съ папою на первомъ мѣстѣ и патріархомъ константинопольскимъ на второмъ, будетъ послѣднимъ убѣжищемъ—для всѣхъ одинаково; какъ это,

по словамъ африканскихъ епископовъ, сказаннымъ ими папѣ Целестину, и было истинною цѣлію Никейскихъ каноновъ. Въ-третьихъ..., дѣло могло бы кончиться тѣмъ... что для христіанъ было бы доступно общеніе съ Церковію и съ таинствами при посредствѣ одного Никейскаго Сѵмвола Вѣры,... согласно съ упомянутымъ нами канономъ.

„Христіанство есть одно передъ Богомъ и *de jure*, доколѣ эти законы составляютъ часть кодекса Церкви, и остаются неотмѣненными. Оно разъединено только *de facto*, потому что они нарушаются, и исполнительная власть Церкви или не беретъ на себя пріостановить эти нарушенія, или сама относится къ нимъ соумышленно ([1]). Если Римъ дѣйствительно имѣетъ въ рукахъ своихъ исполнительную власть Церкви, какъ онъ на то объявляетъ свои притязанія, если онъ дѣйствительно желаетъ единенія, то ему остается, — а именно — подвигнуть себя и другихъ къ соблюденію этихъ законовъ. Многіе меня увѣряли, и увѣряли положительно, что подобнаго рода усиліе будетъ для него возможно только тогда, когда онъ будетъ и „disestablished и disendowed“. Конечно, это ложные пророки!

Честь имѣю быть,

Милордъ Архіепископъ,

вашимъ послушнымъ и обязаннымъ вамъ слугой

E. S. Ffoulkes.

Перев. Прот. Евгеній Поповъ.

8-го апрѣля с. с. 1869.
32 Welbreck Str. W.
Cavendish Square,
London.

([1]) Св. православная каѳолическая Церковь изначала и до сего дня служитъ неизмѣннымъ свидѣтелемъ и хранителемъ истины и вѣрнымъ обличителемъ всякой исторической неправды въ области церковной. *Перев.*

ПИСЬМА

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ РЕЛИГІОЗНО-ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

IV.

Мадридъ. 5 (17) мая 1869.

Англійскія церковныя конвокаціи; ихъ современное направленіе въ религіозномъ и обрядовомъ отношеніи; формальная сторона ихъ; отношеніе къ православной Церкви. Религіозное движеніе въ Испаніи. Приготовленія къ Собору въ Римѣ. Борьба римско-католическихъ епископовъ съ гражданскою властью въ Австріи.

Въ предшествующемъ письмѣ я обѣщалъ вамъ сообщить свѣденія объ англійскихъ церковныхъ конвокаціяхъ нынѣшняго года. Исполненіемъ этого обѣщанія я и начну мое настоящее письмо. Но такъ какъ въ моихъ письмахъ приходится говорить только еще въ первый разъ объ этомъ предметѣ и такъ какъ конвокація служитъ самымъ полнымъ и, можетъ быть, самымъ вѣрнымъ выраженіемъ внутренняго состоянія теперешней англиканской церкви, то я и считаю нужнымъ, прежде чѣмъ говорить о разсужденіяхъ конвокацій нынѣшняго года, дать о нихъ возможно точное *общее* понятіе, представить ихъ *общую* физіономію. Постараюсь,

впрочемъ, въ этомъ случаѣ быть возможно краткимъ, потому что вовсе не думаю ограничивать моего письма однимъ только этимъ предметомъ, когда на очереди ждутъ отмѣтки другіе не менѣе важные и интересные факты изъ текущей церковной жизни другихъ странъ.

Оригинальность англичанъ извѣстна. Церковныя конвокаціи относятся къ числу ихъ оригинальностей. Я оставляю англійское названіе *Convocation* (Конвокещинъ) безъ перевода. Въ своемъ историческомъ происхожденіи конвокаціей называется собраніе клира, но это собраніе нельзя назвать ни соборомъ, ни сvнодомъ въ общепринятомъ ихъ смыслѣ, потому что предметомъ конвокацій бывали не исключительно церковные вопросы, иногда даже эти вопросы вовсе и не входили въ предметы ихъ разсужденій. Англійскія конвокаціи имѣютъ въ исторіи одну, и то не полную, аналогію—это именно съ толедскими соборами Испаніи временъ Готфовъ: какъ тѣ, такъ и другія занимаются обсужденіемъ не однихъ только церковныхъ вопросовъ, но и гражданскихъ. Но между тѣмъ какъ на толедскихъ соборахъ преобладаетъ церковный элементъ, здѣсь иногда короли умоляютъ отцовъ собора диктовать имъ гражданскіе законы, приносятъ предъ ними присягу, что будутъ исполнять всѣ повелѣнія Собора, смиренно преклоняются предъ нимъ, прося у него прощенія; въ англійскихъ конвокаціяхъ дѣло происходило совершенно наоборотъ: здѣсь иногда все дѣло клира состояло согласиться, какимъ образомъ удовлетворить короля по требуемымъ имъ денежнымъ субсидіямъ.

Тогда какъ толедскіе соборы были единымъ верховнымъ собраніемъ, которое опредѣляло церковные каноны и вмѣстѣ диктовало гражданскіе законы; англій-

скіе конвокаціи были только дополнительными и даже подчиненными собраніями клира при другомъ высшемъ собраніи, каковымъ былъ Парламентъ. Всѣ сословія Англіи призывались къ исполненію своихъ политическихъ обязанностей; въ этомъ случаѣ и клиръ не составлялъ исключенія. Аристократія и средній классъ собирались для этого въ Парламентъ, первая составляя его верхнюю палату, а второй—нижнюю. Епископы и аббаты монастырей по своему положенію принадлежали къ аристократіи; приходскіе священники къ среднему классу. Если бы дѣйствующимъ началомъ жизни клира было только одно это различіе его политическаго положенія, тогда, нѣтъ сомнѣнія, въ Парламентѣ онъ слился бы съ другими сословіями: епископы и аббаты вошли бы въ составъ верхней палаты, а низшій клиръ въ составъ нижней, не образуя ничего особаго внѣ Парламента. Но въ исполненіи своихъ политическихъ обязанностей клиръ не могъ остаться внѣ вліянія своей церковной организаціи. Еще за долго прежде зарожденія въ Англіи Парламента клиръ собирается тамъ въ соборы для разсужденія о церковныхъ дѣлахъ. Эти Соборы англійскіе историки отличаютъ отъ позднѣйшихъ конвокацій и называютъ именно соборами. Теперь призываемый и обязываемый участвовать въ гражданскихъ дѣлахъ, клиръ является не отдѣльно епископы отъ приходскихъ священниковъ, какъ аристократы отъ средняго класса, потому что іерархическое единство церкви не допускало подобнаго раздѣленія, но цѣлой своей корпораціей. Однимъ словомъ, клиръ для исполненія своихъ гражданскихъ обязанностей рядомъ съ Парламентомъ составлялъ свои особыя собранія. Эти-то собранія и суть конвокаціи. Такимъ образомъ въ существѣ дѣла

конвокаціи не церковнаго, а чисто гражданскаго происхожденія.

Но онѣ не могли долго оставаться такими. Дѣло Соборовъ незамѣтно сдѣлалось дѣломъ конвокацій. Собираясь для рѣшенія чисто гражданскихъ вопросовъ, клиръ какъ бы кстати сталъ заниматься разсужденіями о вопросахъ церковныхъ. Съ XII вѣка въ Англіи соборы почти исчезаютъ, а есть только конвокаціи, т. е. срочныя собранія клира, одновременныя съ собраніемъ Парламента. Здѣсь произошло любопытное явленіе, имѣвшее впослѣдствіи весьма важное вліяніе на судьбу англійской церкви. Какъ на востокѣ, такъ и въ древней Англіи на церковныхъ Соборахъ дѣйствительными членами, *jure proprio* были только епископы; но епископы являлись на соборы не одни, а окруженные совѣтниками изъ подчиненнаго себѣ низшаго клира, которыхъ они выбирали изъ людей отличавшихся наибольшими дарованіями и образованіемъ. Съ такой же свитой епископы являлись и на конвокаціи. По присущей и въ конвокаціи идеѣ соборовъ, члены низшаго клира въ началѣ имѣли здѣсь только совѣщательный голосъ. Но это не могло продолжаться долго. Не смотря на то, что въ конвокаціяхъ обсуждались и церковные вопросы, слишкомъ живо чувствовалось ихъ политическое назначеніе; къ тому же рядомъ, въ Парламентѣ, который былъ подобнымъ же собраніемъ, и почти въ тоже самое время, каждый принимавшій тамъ участіе имѣлъ самостоятельный голосъ и значеніе. Это не могло не повліять на образованіе конвокацій по модели Парламента. По замѣчанію одного историка англійскихъ соборовъ (*England's Sacred Synods by Soyce*), въ XIV в. на конвокаціяхъ уже нерѣдко случается, что епископы,

послѣ общихъ разсужденій, собираются одни отдѣльно отъ своихъ совѣтниковъ для секретныхъ совѣщаній; въ тоже время эти послѣдніе составляютъ особыя собранія. Вскорѣ это обратилось въ норму: епископы собирались особо, а члены низшаго клира особо. Въ своихъ особыхъ собраніяхъ члены низшаго клира были не зависимыми совѣтниками своихъ епископовъ, а совершенно самостоятельными дѣятелями. Въ XIV вѣкѣ члены конвокацій изъ низшаго клира выбирались и назначались еще епископами, но уже въ XV вѣкѣ они избираются самимъ низшимъ клиромъ, какъ его представители. Такимъ образомъ, конвокація являлась наконецъ рядомъ съ Парламентомъ—своего рода церковнымъ Парламентомъ, въ которомъ есть верхняя палата, состоящая изъ епископовъ и аббатовъ, и нижняя палата, состоящая изъ представителей низшаго клира. Такимъ образомъ іерархическое начало организаціи клира, помѣшавшее ему слиться съ другими сословіями въ Парламентѣ, не помѣшало однако же ему раздробиться въ его собственныхъ аналогическихъ собраніяхъ, въ конвокаціяхъ.

Важно то, что съ своею парламентскою формою конвокаціи были собраніями клира не для однихъ гражданскихъ дѣлъ, но и дѣлъ церковныхъ. Это не могло не имѣть высшей степени важныхъ слѣдствій для англійской церкви. Раздробляя клиръ на высшій и низшій въ разсужденіяхъ о церковныхъ вопросахъ, конвокаціи весьма много содѣйствовали ослабленію іерархическаго единства англійской церкви. Съ этимъ естественно подготовлялось уничтоженіе папскаго преобладанія; но важнѣе всего то, что дарованіе самостоятельности низшему клиру на конвокаціяхъ полагало прочную основу для развитія въ немъ пресвитеріанскихъ тенденцій,

ослабляло единство англійской церкви въ себѣ самой и приготовляло ей порабощеніе гражданской власти. Нѣтъ спора, что реформа Генриха VIII и затѣмъ расколъ пресвитеріанизма, происшедшій въ самой созданной имъ реформированной церкви, подготовлены за долго прежде, конвокаціями. Въ послѣднихъ двухъ крупныхъ фактахъ состояло какъ будто бы и все назначеніе конвокацій. При Генрихѣ VIII онѣ собирались только для вотированія субсидій и для исполненія воли короля; а вскорѣ потомъ прекратились вовсе.

Прошло почти двѣсти лѣтъ, и англійская церковь, изъ католической сдѣлавшись протестанской, т. е. англійской, не собирала конвокацій. Онѣ возникли снова всего только осьмнадцать лѣтъ тому назадъ, и любопытно! подъ вліяніемъ религіознаго движенія пьюзеистовъ. Зная, что такое пьюзеизмъ, мы поймемъ какимъ нуждамъ думаетъ удовлетворить англиканская церковь, возобновляя свои конвокаціи. Пьюзеизмъ, назовите его какъ угодно—религіозной партіей или религіознымъ движеніемъ,—пьюзеистъ хочетъ реформы англиканской церкви, уже разъ реформированной; но онъ хочетъ эту реформу произвести не насильственнымъ переворотомъ, а легальнымъ путемъ. Мы знаемъ, что пьюзеизмъ съ своимъ главою, докторомъ Пьюзеемъ, не смотря на свое разногласіе съ началами англиканской церкви, крѣпко, упорно держится внутри этой церкви: онъ хочетъ реформы своей церкви изъ внутри самой церкви, но не отъ внѣ. Первая реформа англиканской церкви, хотя и была подготовлена внутреннимъ броженіемъ въ самой церкви, но была закончена и закрѣплена внѣшнею для нея гражданскою властію: англиканская церковь, можно сказать, насильственно создана

королемъ Генрихомъ VIII. Пьюзеизмъ требуетъ ея свободнаго пересозданія. Въ виду этого весьма естественно возвращеніе новыхъ англійскихъ реформаторовъ къ той эпохѣ своей церкви, въ которую ея свободная жизнь была надломлена насильственнымъ переворотомъ; въ виду этого вполнѣ естественно возникновеніе церковныхъ конвокацій, которыя представили собою послѣдніе признаки церковной самостоятельности.

Но могутъ ли и какимъ образомъ могутъ конвокаціи удовлетворить открывшемуся въ англиканской церкви стремленію къ новой реформѣ? Англійскія конвокаціи теперь снова возникли со всѣмъ своимъ гражданско-церковнымъ характеромъ, съ которымъ ихъ застала реформа Генриха. Онѣ собираются въ двухъ архіепископіяхъ Англіи, Кэнтербери и Йоркѣ, и открываются одновременно съ открытіемъ Парламента. Засѣданія ихъ продолжаются всего три дня: уже это одно показываетъ, что конвокаціи собственно не самостоятельныя собранія, а приготовительныя для чего то иного; если бы онѣ рѣшали дѣла, то въ три дня онѣ едвали бы сдѣлали много дѣльнаго. И дѣйствительно, конвокаціи представляютъ родъ особыхъ коммисій Парламента: имъ теперь не приходится разсуждать о чисто политическихъ предметахъ, но за то чисто церковные вопросы, которые онѣ поднимаютъ, подвергаются чисто политической процедурѣ. Конвокаціи обсуждаютъ церковные вопросы, соглашаются въ формахъ ихъ рѣшенія, заявляютъ требованія церкви; но рѣшеніе этихъ вопросовъ, удовлетвореніе этимъ требованіямъ онѣ предоставляютъ Парламенту и королевѣ. Если теперь взять во вниманіе желаніе пьюзеистовъ найти для церковной реформы средства внутри самой церкви, то конвокаціи никакъ

не могутъ удовлетворять ихъ желаніямъ, потому что въ своей дѣятельности онѣ зависятъ отъ внѣшней для церкви власти. При этомъ еще конвокаціи являются не въ древней соборной формѣ съ крѣпкимъ іерархическимъ единствомъ, но въ парламентской формѣ съ двумя палатами, верхней и нижней: первую составляютъ епископы—аббатовъ теперь уже нѣтъ, потому что нѣтъ монастырей,—вторую представители низшаго клира. Все, что объединяетъ обѣ палаты, состоитъ въ слѣдующемъ: та и другая палаты номинально имѣютъ одного президента въ Кентербери архіепископа Кэнтерберійскаго, въ Йоркѣ архіепископа Йоркскаго. Но на дѣлѣ у каждой палаты есть свой президентъ: президентами верхнихъ палатъ естественно служатъ архіепископы, президентами нижнихъ палатъ служатъ такъ называемые *пролокуторы;* они выбираются представителями низшаго клира изъ собственной среды и правда, что они не пользуются званіемъ президентовъ, а называются только пролокуторами, т. е. намѣстниками и утверждаются въ своемъ званіи президентами верхнихъ палатъ, т. е. архіепископами, но это ничего незначащая формальность. Избраннаго пролокутора, при существующей самостоятельности нижней палаты, архіепископъ едва ли осмѣлится не утвердить; и пролокуторъ такой же самостоятельный призидентъ въ нижней палатѣ, какъ архіепископъ въ верхней, съ тѣмъ только несомнѣннымъ преимуществомъ, что онъ свободно избирается своими сочленами, тогда какъ архіепископъ какъ бы навязанъ въ президенты верхней палаты своимъ оффиціальнымъ положеніемъ. Обѣ палаты одинаково пользуются правомъ возбуждать вопросы, принимать жалобы, формулировать рѣшенія. Формулированныя рѣшенія нижней па-

латы чрезъ пролокутора передаются въ верхнюю и на оборотъ; верхняя палата можетъ не принять рѣшенія нижней, измѣнить это рѣшеніе, и на оборотъ, нижняя палата можетъ не согласиться и измѣнить рѣшеніе верхней палаты. И здѣсь тѣмъ менѣе причинъ къ единодушнымъ рѣшеніямъ, къ согласнымъ разсужденіямъ, къ единству взглядовъ на предметъ, что окончательное рѣшеніе поднимающихся на конвокаціяхъ вопросовъ принадлежитъ не имъ, а парламенту и королевѣ—рѣшенія административныя и законодательно-каноническія и частному совѣту и королевѣ—рѣшенія судебныя. Отъ этого разсужденія на конвокаціяхъ представляютъ самую странную разноголосицу и при разноголосицѣ часто какую-то удивительно равнодушную нерѣшительность. Здѣсь можно слышать требованія и въ смыслѣ пьюзеистовъ и въ смыслѣ пресвитеріанъ и даже раціоналистовъ; можно слышать попытки примирить самыя непримиримыя крайности равнодушнымъ отношеніемъ къ той и другой и неизбраніемъ ничего. Нѣтъ, реформы англиканской церкви, въ смыслѣ крѣпкой новой ея организаціи, едва ли можно ждать отъ конвокацій, пока онѣ остаются въ настоящемъ видѣ.

Чтобъ дать вамъ самое наглядное понятіе о внутренней физіономіи нынѣшнихъ конвокацій, я воспользуюсь одной брошурой, которая появилась не слишкомъ давно и которая посвящена этой спеціальной цѣли. Брошура носитъ заглавіе *Comedy of the English Convocation*. Она подписана именемъ архидіакона Шазубля; но многіе приписываютъ ее перу извѣстнаго доктора Ньюмана, другіе католическому архіепископу Маннингу, третіе нѣкоему — имени не называютъ — знаменитому лицу, тоже перешедшему изъ англиканской церкви въ

католическую. Но кто бы ни былъ авторъ этой брошуры, изъ ея содержанія очевидно то, что она принадлежитъ не дюжинному перу и человѣку близко знакомому съ англиканскою церковію, жившему ея жизнію и можетъ быть участвовавшему въ ея конвокаціяхъ. Рекомендаціей талантливости ея автора и правдивости ея изображенія можетъ служить то, что она съ жадностію читается всѣми, и католиками и протестантами, разошлась въ милліонахъ экземпляровъ и, говорятъ, страшно обогатила издававшаго ее уже въ нѣсколькихъ изданіяхъ книгопродавца. Эпиграфомъ брошуры служатъ слова св. Григорія Назіанзина: ἵνα τι γελοιον εἰπῶ και περὶ γελοίου πράγματος—позвольте мнѣ смѣяться надъ предметомъ смѣшнымъ.

Авторъ вводитъ насъ въ такъ называемую іерусалимскую палату, находящуюся во дворцѣ Вестминстерскаго аббатства, гдѣ обыкновенно происходятъ засѣданія нижней палаты Кэнтерберійской конвокаціи и гдѣ бываетъ церемонія открытія конвокаціи въ присутствіи членовъ обѣихъ палатъ. Мы присутствуемъ при разсужденіяхъ членовъ нижней палаты: здѣсь есть представители всѣхъ мнѣній и даже оттѣнковъ мнѣній; есть послѣдователи высокой церкви, низкой церкви, широкой церкви, евангелической и даже, если только можно такъ сказать, раціоналистической церкви. Это настоящее смѣшеніе языковъ, а между тѣмъ это близко къ дѣйствительности.

Секретарь провозглашаетъ стоящій на очереди предметъ разсужденій. Это былъ вопросъ: „Будетъ ли считаться ересью въ англиканской церкви отрицать существованіе Бога?“ Этотъ вопросъ съ перваго разу кажется страннымъ на церковномъ собраніи, но онъ

почти — что возможенъ въ англійскихъ конвокаціяхъ. Это вамъ сейчасъ же докажетъ архидіаконъ Жолли.

— „Чѣмъ особенно хвалится англиканская церковь?“ спрашиваетъ архидіаконъ и отвѣчаетъ: „широтою своихъ взглядовъ. А предложенный вопросъ есть одинъ изъ самыхъ широкихъ; онъ можетъ быть поднятъ даже самимъ частнымъ совѣтомъ. А это и нужно имѣть въ виду при рѣшеніи этого вопроса“. Извѣстно, что частный совѣтъ, это верховное судилище англиканской церкви, въ свое время оправдалъ извѣстнаго епископа Колленсо и даже присудилъ судебные расходы взыскать съ архіепископа кэнтерберійскаго: въ этомъ случаѣ вышепредложенный вопросъ онъ рѣшилъ отрицательно, т. е. почти атеиста епископа Коленсо оставилъ и доселѣ оставляетъ епископомъ англиканской церкви.

— „Я совершенно того же мнѣнія“, вторитъ архидіакону Жолли докторъ Блёнтъ; и широта взглядовъ и частный совѣтъ суть двѣ идеи совершенно однородныя. Впрочемъ, всегда можно спросить: ужели же эластичность этого трибунала способна дойти до того, что онъ въ состояніи допустить такую чудовищную гипотезу, которую заключаетъ въ себѣ предлагаемый вопросъ? По моему мнѣнію: да. Объясню примѣромъ: какой-нибудь служитель англиканской церкви, пусть хоть архиепископъ кэнтерберійскій, будетъ публично проповѣдывать, что нѣтъ Бога. Дѣло будетъ передано частному совѣту. Будьте увѣрены, что рѣшеніе его будетъ слѣдующее: „англиканская церковь не противъ вѣрованія въ Бога. Но не нужно опускать изъ виду того факта, что по XIX артикулу всѣ церкви, включая сюда и апостольскую, заблуждались въ вѣрѣ, слѣдовательно и наша церковь можетъ также заблуждаться. Вотъ почему ан-

гликанская церковь, пожалуй, дѣйствительно находится въ заблужденіи, уча, что Богъ существуетъ. Итакъ, рѣшая, что архіепископъ впадаетъ въ крайность при рѣшеніи этого вопроса, мы объясняемъ безъ колебаній, что служитель церкви можетъ отвергать или допускать существованіе Бога".

Это заключеніе показалось блестящимъ архидіакону Теори, который воскликнулъ: „я всегда поддерживалъ, что это долгъ всякаго англиканца сомнѣваться въ существованіи Бога". Между слушателями поднялось волненіе и ропотъ, но смѣлый архидіаконъ не смутился: „да я имѣю вѣру въ Бога, продолжалъ онъ, и безъ сомнѣнія всѣ члены собранія раздѣляютъ это вѣрованіе. Но рѣчь идетъ не объ объективной истинѣ и не нашихъ обязанностяхъ, какъ христіанахъ; дѣло идетъ о нашихъ обязанностяхъ, какъ членовъ англиканской церкви. И какъ такіе, мы имѣемъ долгъ сомнѣваться не только въ этой истинѣ, но и въ истинѣ каждаго артикла вѣры. Не отвергаетъ ли англиканская церковь сама собственную непогрѣшимость? А кто считаетъ свои вѣрованія погрѣшимыми, тотъ скептикъ. Сознавать свои вѣрованія погрѣшимыми — это значитъ нетолько впадать въ заблужденія, но жить въ состояніи заблужденія". Здѣсь, конечно, ораторъ доходитъ до парадокса, но тѣмъ не менѣе это типъ, который нерѣдко выступаетъ въ разсужденіяхъ конвокацій. Такихъ типовъ не мало выступало именно въ дѣлѣ Коленсо: никто не осмѣлился открыто защищать его противохристіанскія мнѣнія, но на конвокаціяхъ у него нашлось не мало защитниковъ, которые подобными парадоксами доказывали, что церковь должна оставить въ покоѣ человѣка, отвергавшаго самыя основы церкви и даже всякаго епископскаго званія.

А вотъ другой типъ. Въ Англіи есть не мало служителей церкви, которые, мѣняя епархію, часто бываютъ принуждены мѣнять и свои вѣрованія, смотря по тенденціямъ епископа или другихъ близко стоящихъ служителей церкви. Типъ этотъ представляетъ собою докторъ Вьюви. Онъ не любитъ крайнихъ мнѣній, но онъ принимаетъ ихъ и признаетъ за ними право существованія, считая ихъ признакомъ плодотворности англиканской церкви.

— „Такъ какъ нашу церковь, говоритъ онъ, обвиняютъ, будто она въ одно и то же время всему учитъ и все отрицаетъ, начиная съ самаго крайняго папизма до самаго крайняго кальвинизма, то я, чтобъ избѣжать укоризны въ ереси, держусь принципа безусловно повиноваться епископу или ректору, у которыхъ я нахожусь временно въ подчиненіи. Такъ, когда я былъ уже діакономъ, я поступилъ въ діоцезъ одного прелата, принадлежавшаго къ низкой и даже къ очень низкой церкви. Согласно моему принципу, я тотчасъ же рѣшился проповѣдывать ученіе этого епископа, которое выражалось въ двухъ пунктахъ: отрицаніе всякаго догмата и восхваленіе моего *я*. Но въ самомъ же началѣ я былъ поставленъ въ затрудненіе: мой ректоръ, у котораго я былъ въ непосредственномъ подчиненіи, былъ пьюзеистъ и слѣд. утверждалъ то, что отрицалъ епископъ и отрицалъ то, что послѣдній утверждалъ. Это такъ обыкновенно въ нашей странѣ, что каждый пойметъ даже въ полусловѣ. Какъ тутъ быть? Мой принципъ является мнѣ на помощь: очевидно, нужно больше повиноваться епископу, чѣмъ ректору, тѣмъ не менѣе нужно tantum-quantum и этому послѣднему. Вопросъ такимъ образомъ сводился для меня къ проблеммѣ про-

порціи или къ тройному правилу: чтобы представить доказательства повиновенія моему епископу, воскресенье я проповѣдывалъ доктрины низкой церкви, отрицая дѣйствительность таинствъ и все что при этомъ слѣдовало. На недѣлѣ же я поддерживалъ доктрины высокой церкви со всѣми ихъ послѣдствіями: это была дань моему ректору. Прихожане сначала ворчали, находя, что мое ученіе лишено единства; но когда я имъ объяснилъ мою систему *качанія*, которая отражала два лица нашей церкви, каждый апплодировалъ моей добросовѣстности. Къ несчастію, спустя нѣкоторое время епископъ и ректоръ умерли: первый былъ замѣненъ прелатомъ, державшимся высокой церкви, а ректоръ былъ теперь изъ низкой. Я поворотилъ мою пропорцію: теперь я былъ уже пьюзеистомъ воскресенье и евангеликомъ (крайнимъ протестантомъ) на недѣлѣ. Но я долженъ признаться, мое стремленіе слѣпо повиноваться моимъ суперіорамъ на этотъ разъ возбудило несогласіе въ приходѣ и я вышелъ въ отставку. Это жестоко. Я было замѣтилъ, что скорѣе же должны вытти въ отставку епископъ и ректоръ, но мой голосъ не нашелъ поддержки. Побѣжденный съ этой стороны, я предложилъ трибуналу компетентныхъ теологовъ слѣдующую задачу: давши доктрины пьюзеистовъ и противоположные принципы крайняго протестантизма, найти средній христіанизмъ. Послѣ тщетныхъ усилій они отказались рѣшить задачу“.

Но докторъ Вьюви, какъ онъ дальше разсказалъ, слѣдуя совѣтамъ своихъ друзей, самъ нашелъ ея рѣшеніе. Онъ сталъ воздерживаться отъ проповѣди всякаго положительнаго христіанства, всякаго положительнаго ученія, противъ котораго можно было сдѣлать ка-

кое бы то ни было возраженіе. Принявши такое рѣшеніе, онъ сталъ жить въ мирѣ со всѣми и мало по малу поднялся по іерархической лѣстницѣ и вотъ даже явился на конвокацію въ качествѣ избраннаго представителя клира. Примѣняя систему своего поведенія къ вопросу, занимавшему въ это время собраніе, онъ теперь спрашивалъ: можетъ ли считаться ересью въ англиканской церкви отрицаніе бытія Бога? „Очевидно нѣтъ", отвѣчалъ онъ. „Ересь, по этимологическому значенію слова, есть избраніе своего собственнаго вѣрованія вопреки всякому авторитету. Очевидно, повинуясь невозможно сдѣлаться еретикомъ. Вотъ епископъ или ректоръ отрицаютъ бытіе Бога; частный совѣтъ уполномочиваетъ ихъ на это; они не еретики—они повинуются. Повинуйся только, не ошибешься. Замѣтьте, прибавилъ докторъ Вьюви въ заключеніе своей рѣчи, агликанская церковь не претендуетъ на непогрѣшимость, подобно церкви римской. Такъ какъ же вы хотите при этомъ поступать? Если вы не примете моей системы, то и будетъ то, что вы видите на каждомъ шагу: священникъ даетъ уроки своему епископу, а викарій своему ректору".

Рѣчь доктора Вьюви удостоилась самыхъ живыхъ одобреній, но и возбудила въ другихъ самые горячіе протесты. Значитъ, она отвѣчала настроенію значительнаго большинства, хотя и оскорбляла людей серьёзныхъ.

Считая направленіе доктора Вьюви рабствомъ, а рѣчь его неосновательною, противъ него встаетъ говорить докторъ Пліабль. Его теорія иная: онъ далекъ отъ того, чтобы слѣдовать личнымъ мнѣніямъ одного какого нибудь епископа или ректора; служитель англиканской церкви долженъ поддерживать всѣ роды христіа-

низма, которые живутъ въ нѣдрахъ англиканской церкви. И почему же не такъ? Если въ ея нѣдрахъ возможно единство, почему же эти многія разнообразія ея вѣрованій не могутъ сами по себѣ составить этого желаемаго единства? Докторъ Пліабль — самъ счастливый результатъ этой системы. Онъ развилъ эту систему еще въ первой своей проповѣди, которою онъ началъ свое проповѣдническое служеніе, и эта проповѣдь, одобренная епископомъ, доселѣ считается образцовою. Возьмемъ напр., разсуждаетъ докторъ Пліабль, слова св. ап. Павла: *Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе*. Апостолъ какъ будто ограничиваетъ этимъ широкую свободу англиканской церкви; но въ существѣ дѣла этого нѣтъ. Онъ объясняетъ крещеніе основою христіанства, такъ что безъ крещенія невозможно войти въ царство небесное. Но если епископъ и ректоръ, которымъ долженъ повиноваться викарій, считаютъ и объявляютъ крещеніе простою формой, церемоніей, не имѣющей никакой связи съ христіанскимъ возрожденіемъ, и, слѣд., формой безполезной для спасенія;—тогда что же? А вотъ что, по мнѣнію доктора Пліабля: эти пункты ученія суть крайности, а крайнихъ ученій нужно всевозможно остерегаться. Остается золотая средина, которая состоитъ въ томъ, что на крещеніе нужно смотрѣть какъ на добрый и назидательный обычай, превосходный для малыхъ дѣтей, которому взрослые могутъ и не предавать особеннаго значенія. По мнѣнію Пліабля, также нужно смотрѣть и на евхаристію и на всѣ догматы и тайны вѣры. Ту же систему онъ примѣняетъ и къ вопросу о бытіи Бога. Въ послѣднемъ заключеніи, такимъ образомъ, оба почтенные служители англиканской церкви приходятъ къ одному и тому же результату.

При этомъ въ палатѣ водворяется молчаніе. Вдругъ разсужденія перемѣняютъ характеръ.

— Скажите мнѣ пожалуста, обращается къ собранію почтенный деканъ N., гдѣ мы должны искать верховнаго авторитета англиканской церкви? Я вижу, гдѣ его нѣтъ, но я желалъ бы знать, гдѣ онъ находится.

— Въ архіепископѣ кентерберійскомъ, прерываетъ его одинъ голосъ.

— Извините, возражаетъ авторъ, наши исповѣдныя формулы не говорятъ этого. Я питаю къ лорду—архіепископу глубокое уваженіе, но я не вижу въ немъ авторитета рѣшать религіозные вопросы, какъ не вижу его въ его любезной супругѣ, которая удостоиваетъ насъ такого любезнаго гостепріимства, или...

— Ну—такъ въ королѣ Сандвичевыхъ острововъ! произнесъ кто-то въ шутку. Раздался смѣхъ.

— Верховной рѣшительницей всѣхъ дѣлъ, религіозно-церковныхъ и гражданскихъ, наша церковь признаетъ королеву.

— Королеву! А!... да, она образецъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей; но она безразлично посѣщаетъ богослужебныя собранія пресвитеріанъ и храмы нашей церкви. Если она въ своемъ лицѣ сосредоточиваетъ верховный авторитетъ англиканской церкви, то значитъ и мы пресвитеріане... Но можетъ быть это частный совѣтъ? А? Но нѣтъ; его рѣшенія вѣдь сводятся къ слѣдующему: церковь не учитъ ничему, не отрицаетъ ничего, это значитъ: не вѣритъ ни во что. Этотъ трибуналъ не объявляетъ ли при каждомъ случаѣ, что и обвиненіе и обвиненный одинаково имѣютъ право,— обвиненіе обвинять, а обвиненный учить тому, въ чемъ его обвиняютъ? Такъ какъ же онъ будетъ имѣть авторитетъ для человѣческой совѣсти?

Многіе члены палаты указывали авторитетъ своей Церкви то въ исповѣдныхъ формулахъ этой Церкви, то въ Библіи, взятой какъ она есть, то въ первоначальной церкви, то въ св. отцахъ. Но вдругъ раздается голосъ:

— По мнѣнію доктора Пьюзея объясненія 39 артикловъ нашей вѣры нужно искать въ канонахъ Тридентскаго Собора.

Но, возразили другіе, это значитъ верховный судья англиканской церкви есть папа?..

Собраніе наконецъ единодушно приняло слѣдующее рѣшеніе: въ нѣдрѣ англиканской церкви можно всему учить и все отрицать, съ однимъ только условіемъ беречься іудейскихъ объясненій Частнаго совѣта.

Остановимся на этомъ. Во второй половинѣ своей брошуры авторъ представляетъ намъ картину того, что бываетъ тотчасъ же послѣ закрытія засѣданій Конвокацій въ частныхъ покояхъ архіепископа Кэнтерберійскаго, куда собираются вмѣстѣ и совершенно семейнымъ образомъ члены обѣихъ палатъ, и гдѣ, онъ между прочимъ вывелъ одного почтеннаго профессора Оксфордскаго университета, который теперь, вдали отъ публики и стенографовъ, развиваетъ свои доказательства, что англиканская церковь должна признаться, что она не имѣетъ апостольскаго преемства своего священства, т. е. что она, прямо сказать, не можетъ и считаться собственно церковію. Было бы слишкомъ долго передавать содержаніе этой второй половины брошуры; да къ тому же здѣсь дѣло идетъ такъ сказать о домашней сторонѣ конвокацій, а въ домъ, какъ во внутренній домъ совѣсти, постороннему человѣку проникать не слѣдуетъ. Авторъ брошуры могъ это сдѣлать, потому

что онъ былъ тамъ, кажется *своимъ* человѣкомъ. Но для насъ, людей посторонныхъ, достаточно и публичныхъ разсужденій конвокаціи. Всмотримся пристальнѣе въ эту картину... Ужели это собрались и такъ разсуждаютъ представители одной церкви, именно одной, а не различныхъ церквей? Ужели такъ разсуждаютъ представители христіанской Церкви?.. Кажется невѣроятно, но это вѣрно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, что внутри англиканской церкви уживается пьюзеизмъ, что здѣсь уживаются такія крайности, какъ почтенный Линъ, извѣстный больше подъ именемъ *отца Игнатія*, и епископъ Коленсо. Объ отцѣ Игнатіѣ я имѣлъ случай говорить въ прежнихъ моихъ письмахъ: это англиканскій священникъ, который одѣлся въ рясу бенедиктинца, задумалъ устроить бенедиктинскій монастырь, пилигримомъ отправлялся въ Римъ чтобъ поцѣловать туфлю папы, принимаетъ и проповѣдуетъ даже ультра-латинскія суевѣрія. И не думайте, что это человѣкъ, перешедшій изъ англиканской церкви въ католическую; нѣтъ, онъ остается въ нѣдрахъ англиканской церкви. А вотъ другая крайность: епископъ Наталя (городъ на мысѣ Доброй Надежды), докторъ Коленсо, отвергающій богодухновенность св. Писанія и дѣйствительность пришествія въ міръ Сына Божія. Кстати, на дняхъ я прочиталъ извѣстіе о послѣднемъ рѣшеніи пресловутаго вопроса о Коленсо: для вѣрныхъ англиканцевъ Натальской эпархіи наконецъ посвященъ во епископа почтенный Макрорій; посвященіе совершено тамъ же на мысѣ Доброй Надежды; вновь посвященный не посмѣлъ поселиться въ епископской резиденціи, въ Наталѣ и не посмѣлъ принять титула епископа Натальскаго, оставшагося все-таки за епископомъ Коленсо,

который и считается действительнымъ епископомъ англиканской церкви, а епископъ Макрерій остается внѣ ея. Вотъ вамъ дѣйствительные, живые краски, для выше начертанной картины англиканскихъ конвокацій!

Впрочемъ, представляя конвокаціи англиканскаго міра въ этомъ видѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительности, я не желалъ бы никого оставить съ такимъ впечатлѣніемъ, какъ будто я хочу сказать, что на этихъ собраніяхъ не поднимается серьезныхъ вопросовъ, что на нихъ не бываетъ людей вполнѣ серьезныхъ и горячо вѣрующихъ. Нѣтъ, англичане умѣютъ вести свои дѣла на собраніяхъ и приводить ихъ къ доброму концу. И на конвокаціяхъ тѣ вопросы, которые всего меньше касаются вѣроисповѣдныхъ различій и относятся къ числу внѣшней сторонѣ церкви, обсуждаются и рѣшаются серьезно и практично. Здѣсь появляются и люди серьезно вѣрующіе, для которыхъ тяжела всякая сдѣлка съ вѣрованіемъ, противнымъ ихъ совѣсти: но замѣчательно, эти люди скоро убѣждаются, что атмосфера англиканской церкви не для нихъ, и они бѣгутъ изъ нея; Ньюманъ, Пальмеръ, Виземанъ, Маннингъ, сдѣлались католиками, другіе склоняются на сторону православія. Не отвергнемъ этихъ послѣднихъ!—Но перехожу къ конвокаціямъ нынѣшняго года.

Кентерберійская конвокація была открыта собственно 2-го февраля, но на этотъ разъ не было разсужденій. Вся сессія состояла только въ томъ, что обѣ палаты впрочемъ не въ полномъ своемъ составѣ, собравшись вмѣстѣ въ такъ называемой Іерусалимской палатѣ Вестминстера, были свидѣтелями двухъ фактовъ: протеста декана Вестминстера, извѣстнаго Стаклея, и представленія президенту новаго пролокутора нижней палаты.

Вестминстерское аббатство теперь уже не аббатство, т. е. не монастырь, но деканъ его сохраняетъ всѣ преимущества аббата древняго монастыря. Извѣстна средневѣковая система папъ исключать монастыри изъ подъ надзора непосредственнаго епископа и подчинять ихъ въ видѣ привиллегіи себѣ. Противъ этого, какъ злоупотребленія нынѣ возстаютъ сами католики: припомните письмо парижскаго архіепископа, Дарбуа, содержаніе котораго я вамъ передалъ прошлый разъ. Но вотъ новое доказательство уживчивости въ Англіи странныхъ аномалій, протестантское Вестминстерское аббатство крѣпко держится привиллегіи, данной ему еще папою и имѣющей смыслъ только въ папствѣ, а никакъ не въ протестанствѣ. Извѣстно, что Кэнтерберійскій архіепископъ, въ митрополіи котораго находится Вестминстерское аббатство, только что вступилъ въ свою должность. А предъ каждымъ новымъ архіепископомъ деканъ Вестминстера считаетъ долгомъ заявить о своей неподсудности. Лишь только епископъ Лондона произнесъ на латинскомъ языкѣ литанію, деканъ Вестминстера началъ читать свой формальный протестъ, который говорилъ, что его церковь подчинена ея величеству королевѣ (поставлена вмѣсто папы), а никому нибудь другому и что онъ—деканъ и капитулъ аббатства, съ удовольствіемъ принимая архіепископа съ его священнымъ сvнодомъ, по удобствамъ мѣста, въ предѣлахъ аббатства, никакъ не допуститъ, чтобы это дало поводъ его милости распространить на нихъ свою юрисдикцію ([1]). Почтенный примасъ съ своей стороны

([1]) Любопытно, этотъ обычай протеста относится еще ко временамъ католическимъ, именно къ 1530 году. До сего времени конвокаціи собирались въ соборѣ св. Павла. Но въ это время кэнтерберійскій архіепи-

прочиталъ формальный отвѣтъ, въ которомъ заявилъ, что онъ не имѣетъ намѣренія нарушать правъ, привилегій и преимуществъ декана и капитула. Оба эти документа были подписаны и засвидѣтельствованы.

За тѣмъ члены нижней палаты, почтительно вставши, представили президенту своего пролокутора, въ которые былъ выбранъ почтенный Биккерстетъ, архіdіаконъ Букингама. Избранный выступилъ впередъ, имѣя по правую руку архідіакона Таунтона, почтеннаго Денисона, а по лѣвую діакона гор. Ѳли. Архідіаконъ Денисонъ обратился отъ имени нижней палаты къ президенту съ латинской рѣчью, въ которой, представляя избраннаго пролокутора, подробно говорилъ о нуждахъ англиканской церкви, удовлетворить которымъ должны конвокаціи. Въ его рѣчи, которая нѣкоторыми своими мѣстами возбуждала въ собраніи смѣхъ (не дивитесь этому: при самыхъ разсужденіяхъ конвокацій никогда не обходится безъ смѣха и аплодисментовъ, хотя бы обсуждались и несмѣшные предметы), слышится сознаніе того неутѣшительнаго положенія англиканской церкви, которое мы представляли выше. Agitur, говорилъ ораторъ, apud nos de fundamentis Fidei. Agitur de ipsa Fide. Agitur de Verbo Dei; de Ecclesiae munere et auctoritate; immo agitur de ipso Ecclesiae angulari lapide—Iesu Christo. Haec ab ecclesiasticis viris. Haec ab isto quoad civilia jura etiam nunc Episcopo quoad Ecclesiae jura non nunc Episcopo. Haec ab aliis,

скопъ, соперничая съ Йоркскимъ, который былъ въ то же время папскимъ легатомъ, захотѣлъ собрать конвокацію по многочисленнѣе, а для этого искалъ по просторнѣе помѣщенія, которое и нашелъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Допуская его съ соборомъ въ предѣлы аббатства, монастырь счелъ долгомъ предварительно заявить свою неподсудность. Вотъ гдѣ начало этого обычая.

Presbyteris. Haec omnibus libera, nullisque repressa poenis. Libertas Veritatis Solemniter vindicandae sive deest, sive negatur. Въ частности, ораторъ признается въ самыхъ непримиримыхъ противоположностяхъ ученія отдѣльныхъ членовъ англиканской церкви о таинствахъ крещенія и причащенія, жалуется на отсутствіе компетентнаго судилища въ религіозныхъ вопросахъ, которые теперь отдаются на судъ не компетентному Частному совѣту, на малочисленность, сравнительно съ нуждами народонаселеній, епископовъ, на отсутствіе эпархіальныхъ сѵнодовъ и проч. Самое представленіе избраннаго прококутора онъ выразилъ слѣдующими заключительными словами своей рѣчи: Superest ut precemur, ut pro auctoritate tuâ; huic nostrae suffragationi consentire, hanc nostram Prolocutoris designati commendationen comprobare velis. На это президентъ отвѣчалъ: Vir venerabilis, suffragia Cleri confirmo teque Prolocutorem domus inferioris hujusce nostrae Convocationis libenter accipio. За этимъ произнесъ, и тоже на латинскомъ языкѣ, нѣсколько словъ благодарности и самъ избранный прококуторъ, чѣмъ и кончилась сессія. Самыя разсужденія были отложены до 23 февраля, когда одновременно онѣ начались обѣими конвокаціями, какъ Кантерберійской, такъ и Йоркской.

Первый предметъ, на который естественно конвокаціи обратили вниманіе, былъ: вопросъ объ англиканской церкви Ирландіи. Объ этомъ вопросѣ онѣ рѣшили упомянуть въ адресѣ, который по обычаю онѣ представляютъ королевѣ каждый разъ при открытіи своихъ сессій. Въ этомъ случаѣ, онѣ, представляя собою своего рода парламенты, дѣлаютъ тоже, что и этотъ послѣдній, который на рѣчь королевы, коею она от-

крываетъ засѣданія парламента, отвѣчаетъ адресомъ. Кантерберійская конвокація въ своей верхней палатѣ составила проектъ такого адреса, который, послѣ обычнаго выраженія преданности трону и лицу королевы и послѣ изъявленія полнѣйшей готовности содѣйствовать ей въ возвышеніи духовнаго развитія народа, говорилъ: „Мы не можемъ скрыть затрудненій, которыя окружаютъ нашу духовную дѣятельность, но мы твердо вѣримъ, что благодѣтельное Божіе провидѣніе, которое досслѣ покровительствовало нашей реформированной церкви, и впередъ соблюдетъ ее и намъ, ея служителямъ, поможетъ поддержать ея истину неповрежденною среди испытаній этихъ послѣднихъ дней. Мы не можемъ не скорбѣть о мѣрахъ, которыя могутъ быть предложены парламенту относительно ирландской вѣтви соединенной церкви. Но надѣемся что интересы истинной религіи не будутъ забыты среди борьбы политической партіи, и просимъ, каково бы ни было рѣшеніе законодательства, чтобы услышаны были всѣ законные голоса въ пользу мира, просвѣщенія и добраго управленія Ирландіи“. Въ этомъ видѣ проектъ адреса былъ переданъ нижней палатѣ. Здѣсь было представлено къ проекту нѣсколько поправокъ, которыми положительно порицались предполагаемыя мѣры объ ирландской церкви и въ которыхъ говорилось, что съ принятіемъ ихъ королева нарушитъ присягу оберегать англиканскую церковь, т. е. явится не больше, не меньше какъ клятвопреступницей; и между прочимъ одна поправка, которая просила увеличенія въ Англіи числа епископовъ сообразно съ увеличеніемъ народонаселенія. Съ этими поправками проектъ адреса былъ возвращенъ верхней палатѣ; здѣсь послѣ длинныхъ разсужденій по-

правки, касавшіяся ирландской церкви не были приняты на томъ основаніи, что противорѣчили конституціонной практикѣ, потому что дѣло шло не о рѣшенномъ вопросѣ, а только о предполагавшихся мѣрахъ и заранѣе клеймить королеву клятвопреступницей было бы неумѣстно; но во второй поправкѣ, т. е. въ вопросѣ увеличенія числа епископовъ, верхняя палата уступила нижней, за что послѣдняя уважила резоны первой относительно поправокъ, касавшихся ирландской церкви. Такимъ образомъ обѣ палаты согласились въ редакціи адреса.

Въ Йоркской конвокаціи съ проектомъ адреса случилось почти то же самое: члены верхней палаты составили его въ умѣренномъ тонѣ; члены нижней палаты предложили было относительно ирландской церкви поправки въ радикальномъ духѣ, но за тѣмъ принуждены были уступить благоразумію и такту первой.

Самую большую часть времени и разсужденій Кэнтерберійская конвокація посвятила послѣднему рѣшенію частнаго совѣта по дѣлу Макконохи. Я считаю теперь излишнимъ входить въ подробности этого дѣла, которыя я имѣлъ случай передать въ одномъ изъ прежнихъ писемъ; но отношеніе къ нему конвокаціи такъ интересно и такъ характеристично для современнаго внутренняго положенія англиканской церкви, что на немъ нельзя не остановиться. Кстати, это будетъ случаемъ познакомиться съ формальною стороною разсужденій на конвокаціяхъ, которая у насъ извѣстна весьма мало.

Архидіаконъ Таунтона, почтенный Денисонъ, членъ нижней палаты конвокаціи, тотъ самый, подъ предсѣдательствомъ котораго былъ многочисленный митингъ,

протестовавшій противъ суда частнаго совѣта, человѣкъ весьма уважаемый въ англиканской церкви, представилъ верхней и нижней палатѣ петицію за подписью девяноста девяти священниковъ. Между подписавшимися его имя стояло первымъ. Петиція говорила слѣдующее:

„Его милости президенту и ихъ лордствамъ епископамъ верхней палаты Кэнтерберійской конвокаціи.

Почтеннѣйшимъ деканамъ, честнымъ архидіаконамъ и почтеннымъ прокторамъ ([1]) *нижней палаты Кэнтербергійской конвокаціи.*

„Смиренная Петиція нижеподписавшихся священниковъ англиканской церкви,

„Выставляемъ на видъ, — что такъ какъ, начиная съ суда по дѣлу Горгама ([2]), въ продолженіе послѣднихъ осьмнадцати лѣтъ существуетъ систематическая попытка прямо и не прямо, путемъ судебныхъ опредѣленій, *не признавать* ученія о таинствахъ, такъ какъ оно преподано, заключается и доказано Священнымъ Писаніемъ, ученіемъ первоначальной каѳолической церкви и церкви англиканской, которая торжественно обязалась никогда не отступать отъ церкви первоначальной и каѳолической;

„И такъ какъ попытка эта въ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ направлена прямо и особеннымъ образомъ противъ ученія объ Евхаристіи;

„То мы нижеподписавшіеся священники англиканской

([1]) Прокторъ—избранный клирами представлялся въ нижней палатѣ Конвокаціи, не имѣющей сана ни декана, ни архидіакона, которые суть члены Конвокаціи ipso facto.

([2]) Горгамъ (Gorham) епископъ Эксетера былъ судимъ за пьюзеизмъ въ 1850 году *Englanel's sacred Synods. By Ioyce* стр. 371. Дѣло это въ свое время возбудило много шума и, между прочимъ, послужило непосредственно къ возникновенію Конвокацій.

церкви желаемъ указать вашей честной палатѣ слѣдующія строки изъ *Laws of the Church* (Законовъ церкви), писанныхъ и публикованныхъ въ 1659 г. Гербертомъ Торндикомъ, пересмотрщикомъ нашего Служебника (of the Book of Common Prayer) въ 1661 г.:

Реальное присутствіе.

„Невозможно отрицать того, что всѣ церковные писатели единодушно говорятъ о присутствіи Тѣла и Крови Христовой въ Евхаристіи. И это присутствіе не по чему-нибудь другому, но чрезъ освященіе, и присутствіе не по вѣрѣ только, но уже чрезъ самое совершеніе Жертвоприношенія. И поэтому, когда они говорятъ объ освященныхъ элементахъ, они всегда называютъ ихъ именемъ не ихъ матеріальной субстанціи, но именемъ Тѣла и Крови Христовой, которыми они сдѣлались.—Bk. III. ch. IV., sec. 27.

Различное дѣйствіе Причащенія для добрыхъ и злыхъ людей.

„Принимающій ихъ,—т. е. элементы дѣйствительно измѣнившіеся, перешедшіе, обращенные, превратившіеся въ Тѣло и Кровь Христову—съ живою вѣрою духовно питается ими, а кто принимаетъ ихъ съ мертвою (sic) вѣрою то есть преступникъ предъ распятымъ Христомъ. Bk. III. ch. IV., sec. 45.

Почитаніе.

„Присутствіе Тѣла и Крови Христовой въ Таинствѣ Евхаристіи не составляетъ ли справедливаго повода выражать внѣшнимъ актомъ то почитаніе, которымъ мы всегда чтимъ нашего Господа Христа, какъ Бога?.... Я думаю, что такъ было и такъ дѣлалось въ древней церкви. Bk. III. ch. XXXI., sec. 4, 5.

Жертва Евхаристіи.

„Евхаристія есть жертва Христа на крестѣ; въ ней совершается жертва Христа на крестѣ, представляемая, обновляемая, оживляемая, возобновляемая, и, какъ всякое представленіе, она соотвѣтствуетъ тому факту, который она представляетъ, принимая въ этомъ случаѣ *представляющее* не въ смыслѣ простаго значенія, но въ смыслѣ предложенія и воспроизведенія того, что представляетъ. Bk. III. ch. V., sec. 13.

Евхаристическая жертва есть умилостивительная и просительная.

„Я говорю поэтому, что, почитая освященіе Евхаристіи произведеніемъ Тѣла и Крови распятаго Христа, или причиною Его таинственнаго присутствія въ элементахъ, какъ въ таинствѣ, представляющемъ распятіе Христа и почитая жертву Христа на крестѣ искупительною и вмѣстѣ просительною, мы не можемъ отрицать, что и таинство Евхаристіи, такъ какъ она, есть та же жертва Христа на крестѣ, есть жертва какъ искупительная, такъ и просительная въ силу его освященія, чрезъ которое она дѣлается жертвою Христа на крестѣ. Bk. III. ch. V. sec. 19.

Евхаристическая жертва есть искупительная и просительная за живыхъ и вѣрно скончавшихся.

„Дни рожденія мучениковъ, т. е. годовщина ихъ страданій, были случаемъ совершенія Евхаристіи, какъ видно изъ Тертулліана, ев. Кипріана (Epist. XXXIV). „Мы всегда приносимъ за нихъ жертву, какъ вы помните, когда ежегодно совершаемъ воспоминаніе дней страданія мучениковъ". Св. Кириллъ Іерусалимскій говоритъ (Catech. Mystag. V): „Тогда по совершеніи этой

духовной жертвы, этого безкровнаго служенія, этого искупительнаго жертвоприношенія, мы молимъ Бога за общій миръ церквей, за благосостояніе міра, царей, ихъ армій, за дарованіе дождей“ и проч. къ этому онъ прибавляетъ: „молясь за умершихъ, мы обращаемся къ Богу Христу, распятому за наши грѣхи, чтобъ испросить Его милости какъ къ тѣмъ, такъ и къ намъ“. Bk. III. ch, V. sec. 35.

„Утверждая ученіе о Святой Евхаристіи на выше-цитованныхъ мѣстахъ, нижеподписавшіеся просятъ покровительства сvнодовъ англиканской церкви отъ обвиненія въ невѣрности въ отношеніи къ англиканской церкви; и во имя Христа, Его Евангелія и Его Церкви они считаютъ долгомъ держаться этого ученія тѣмъ съ большею твердостію, что со стороны англиканской церкви отрицать ученіе о Святой Евхаристіи, высказанное въ выше-цитованныхъ мѣстахъ, значитъ *ipso facto* отсѣкать ее отъ Церкви Православной и Каѳолической.

„Ваши просители, поэтому, смиренно просятъ вашу честную Палату обсудить, какимъ образомъ можетъ быть лучше оказано покровительство, котораго они просятъ для собственнаго ихъ дѣла и дѣла Церкви.“ Слѣдуютъ подписи.

Петиція была составлена на митингѣ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ Денисона, вскорѣ послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстнымъ рѣшеніе Частнаго совѣта о почт. Макконохи. Вы припомните, что Частный совѣтъ осуждалъ Макконохи за преклоненіе предъ Освященными Дарами и за зажженіе свѣчей при совершеніи Евхаристіи; собственно прямаго осужденія ученія пьюзеистовъ о Евхаристіи здѣсь не было. Но осужденіе первыхъ пунктовъ заключало въ себѣ самомъ осужденіе послѣдняго; пью-

зеисты, и въ частности Макконохи, преклоняются предъ Освященными Дарами, потому что признають въ нихъ реальное присутствіе Тѣла и Крови Христовой; они зажигаютъ свѣчи не съ цѣлію только освѣщенія, но опять въ уваженіе къ реально присутствующему здѣсь распятому Христу. Въ этомъ настоящемъ смыслѣ пьюзеисты и приняли осужденіе Макконохи; поэтому они и встревожились. Теперь они прямо ставятъ вопросъ предъ церковнымъ собраніемъ; къ сожалѣнію и здѣсь имъ не даютъ прямаго отвѣта. Въ разсужденіяхъ конвокаціи по этому вопросу со всею поразительною очевидностію выступаетъ эта неопредѣленность, эта нерѣшительность, эта *ни холодность, ни теплота*, о которыхъ говоритъ Писаніе, и которыя всегда отличаютъ англиканскія конвокаціи, когда на нихъ заходитъ рѣчь о какомъ-нибудь предметѣ вѣроученія, для признанія котораго нужна искренность, религіозная ревность и доля геройскаго духа, отличавшаго первыхъ исповѣдниковъ христіанства.

Въ верхней Палатѣ первый высказался объ этой петиціи президентъ, архіепископъ Кэнтербері́йскій. Лордъ Примасъ Тантъ, бывшій лондонскій епископъ, говорятъ, особенно отличается тѣмъ, что не любитъ входить въ тонкости богословскихъ вопросовъ, а все измѣряетъ юридическими формами: онъ смотритъ на предметъ вѣроученія не съ точки зрѣнія ихъ богословской истинности или ложности, а съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія юридически опредѣленному положенію англиканской церкви. Съ юридической точки зрѣнія онъ взглянулъ и на петицію. Онъ не обращаетъ вниманія на требованіе просителей, не подтверждаетъ и не осуждаетъ ихъ ученія о Св. Евхаристіи. Онъ не видитъ этого осужденія и въ

рѣшенія Частнаго совѣта. Умствованіе Примаса въ этомъ случаѣ въ высшей степени любопытно и характеристично. Онъ признаетъ, что Частный совѣтъ осудилъ поступки Макконохи на томъ основаніи, что съ этими поступками соединяется вѣрованіе въ реальное присутствіе Тѣла и Крови Христовой въ Евхаристіи. Но поэтому самому нужно различать резоны или основанія, на которыхъ выведено заключеніе или осужденіе, и самое осужденіе: въ основаніи осужденія лежитъ вѣрованіе въ реальное присутствіе, но самое осужденіе падаетъ только на факты преклоненія и зажженія свѣчей, какъ несоотвѣтствующіе закону. Стало быть, по его мнѣнію, пьюзеисты и не должны такъ оскорбляться рѣшеніемъ Частнаго совѣта, которое юридически не осуждаетъ ихъ вѣрованія; стало быть, поэтому, о сущности дѣла, о которой теперь такъ хлопочутъ пьюзеисты, Частный совѣтъ не узаконилъ и не рѣшилъ ничего положительнаго. „А по моему мнѣнію, говоритъ Примасъ, какъ бы выводя отсюда практическое приложеніе, „по моему мнѣнію, въ вещахъ положительно не узаконенныхъ, относительно которыхъ возникаетъ сомнѣніе въ умѣ священника или споръ между священникомъ и его прихожанами, такой священникъ обязанъ обратиться за совѣтомъ къ своему епископу, который, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства случая, рѣшитъ какъ онъ долженъ здѣсь поступить. Я не полагаю никакой нужды и пользы въ томъ, чтобы (церковную) службу во всѣхъ мѣстахъ и при весьма различныхъ обстоятельствахъ нашихъ весьма различныхъ конгрегацій приводить къ одной стереотипной и неизмѣнной формѣ. Законъ церкви очевидно дозволяетъ нѣкоторую долю свободы относительно напр. музыки и другихъ предметовъ, и я не думаю,

чтобы кто нибудь изъ епископовъ захотѣлъ ограничивалъ эту свободу и считалъ себя обязаннымъ ограничивать ее. Но должно быть обращено заботливое вниманіе на предѣлы той области предметовъ, которые предоставляются личной волѣ священника, обязаннаго, впрочемъ, всегда, въ случаяхъ сомнѣнія и затрудненій, слѣдовать совѣту и мудрому руководству своего епископа".

Епископъ Оксфорда въ параллель съ петиціей Денисона представилъ другую петицію, подписанную громаднымъ числомъ клира, изъ котораго многіе, по его словамъ, занимаютъ высокое положеніе и извѣстны своимъ умомъ и благоразуміемъ; почему онъ просилъ для петиціи особеннаго вниманія палаты. Петиція высказываетъ глубокое сожалѣніе о возникшихъ въ послѣднее время спорахъ и несогласіяхъ относительно обрядовъ и проситъ конвокаціи Кентерберійскую и Йоркскую, чтобы онѣ выхлопотали королевское дозволеніе для составленія одного канона или каноновъ, которые бы, получивши санкцію парламента, вошли въ силу закона и такимъ образомъ положительно уничтожили бы эти споры и разногласія.

Желая уяснить смыслъ петиціи, епископъ Оксфорда говорилъ, что просители вовсе не думаютъ и не желаютъ того, чтобы самъ парламентъ занимался напр. такими предметами, какъ опредѣленіе цвѣта эпитрахили и т. п. Они хотятъ въ этихъ вопросахъ дать голосъ клиру, которому парламентъ посредствомъ канона можетъ передать свою власть провозглашать время отъ времени дополнительныя постановленія уже къ существующему закону. Касательно напр. церковныхъ облаченій къ существующему узаконенію о такихъ облаченіяхъ, гдѣ

говорится, что „употребляются тѣ, которыя были въ употребленіи во второй годъ царствованія Эдуарда VI“, у парламента можетъ быть испрошенъ слѣдующій добавочный канонъ: „и тѣ, которыя время отъ времени будутъ указываемы конвокаціями Кэнтерберійскою и Йоркскою съ согласія Ея Кор. Величества“.

Президентъ. „Не выражая моего личнаго мнѣнія о петиціи, я скажу только, какъ я понимаю сущность ей требованія: облаченіе и внѣшніе обряды суть дѣйствительно предметы дополнительныхъ постановленій, которыми и должны регулироваться эти предметы; и если не согласно съ достоинствомъ парламента разсуждать о цвѣтѣ и формѣ облаченія священниковъ, это затрудненіе будетъ устранено, если парламентъ поручитъ нѣкоему другому собранію регулировать вопросы, составляющіе предметъ особенныхъ постановленій“.

Епископъ Глочестера и Бристоля: „Я весьма затрудняюсь выразить мое мнѣніе... Мое крайнее убѣжденіе то, что тѣ, которые въ нѣкоторой степени отступаютъ отъ того, что въ настоящее время понимается какъ законъ церкви, должны весьма заботливо разсмотрѣть свое положеніе и увѣриться, дѣйствительно ли они поступаютъ согласно съ ея требованіями. Я думаю, что мы не можемъ обойтись безъ того, чтобы не примѣнить закона къ вопросу объ облаченіяхъ, весьма различныхся въ разныхъ церквахъ; въ законѣ же мы должны искать послѣдняго рѣшенія и для церемоніальныхъ обычаевъ.

Епископъ Лихфилда. „Я согласенъ съ епископомъ Глочестера, что здѣсь должны быть постановлены законы... Все, что нужно, это то, чтобы парламентъ согласился дать Конвокаціи власть провозглашать особенныя постановленія съ санкціей короны.

Епископъ Лландафа. „Мнѣ кажется, что для представленія этой петиціи неудачно выбрано время, потому что этотъ вопросъ, какъ я знаю, обсуждается теперь *Ритуальной Коммисіей* и конечно онъ заслужитъ особеннаго вниманія коммисіи".

Рѣшенія объ этой петиціи не было произнесено никакого, но она была сдана въ столъ конвокаціи, откуда она, смотря по обстоятельствамъ, можетъ выйти на свѣтъ и сдѣлаться опять предметомъ разсужденій, а можетъ и погибнуть тамъ, что̀ всего вѣроятнѣе, если принять во вниманіе нерѣшительность мнѣній епископовъ и успокоительное для всѣхъ мнѣніе епископа Лландафа, который отстраняетъ конвокацію отъ обязанности разсуждать объ этомъ вопросѣ, пока онъ такъ или иначе не будетъ рѣшенъ Ритуальной комиссіей.

На другой день въ верхней палатѣ опять возобновилась рѣчь о петиціи архидіакона Денисона. Противъ нея говорилъ епископъ гор. Эли. Онъ былъ гораздо откровеннѣе лорда Примаса. Правда, онъ не осудилъ выраженнаго въ ней ученія объ Евхаристіи; но, признавая это ученіе частнымъ, а вовсе не обще-церковнымъ, онъ говоритъ, что поэтому самому церковные сvноды (конвокаціи) и не могутъ оказать просимаго покровительства. Рѣшеніе о петиціи, впрочемъ, по обычаю нерѣшительное, было произнесено въ нижней палатѣ. Разсужденія этой послѣдней были еще характеристичнѣе.

Въ нижней палатѣ, въ то самое время, когда въ верхней находилась подлинная петиція, архидіаконъ Денисонъ читалъ ея копію, въ которой, впрочемъ, подписанныя имена были сличены съ подлинными подписями. Во время чтенія его прервалъ деканъ гор. Эли, возражая противъ длинныхъ извлеченій изъ богослов-

скаго трактата Торндика. Пролокуторъ пригласилъ почтеннаго джентльмена къ порядку. По прочтеніи петиціи:

Архидіаконъ Меккензи. „Я возражаю противъ принятія петиціи по двумъ причинамъ: a) потому что опасаюсь, что, хотя подписи и провѣрены, но не сообразно съ существующими правилами; b) потому, что сводъ частныхъ мнѣній, каковъ бы ни былъ тотъ предметъ, не можетъ быть вносимъ въ петицію, что̀, вѣроятно, найдетъ и пролокуторъ. (Возгласы одобренія).

Архидіаконъ Денисонъ. „Къ петиціи приложена моя подпись. Я представляю ее, какъ мою собственную петицію.

Каноникъ Сельвинъ. „Языкъ петиціи не таковъ, чтобы эта палата согласилась принять ее. Петиція опирается на словахъ богословов, а не на дѣйствующихъ богослужебныхъ книгахъ и формулахъ Церкви, въ которыхъ только и можно искать основанія, чтобы нападать на судебный трибуналъ.

Архидіаконъ Денисонъ. „Здѣсь нѣтъ нападенія на судебный трибуналъ.

Каноникъ Сельвинъ. „А слова: „что такъ какъ, начиная съ суда по дѣлу Горгама, ведется систематическая попытка утвердить судебными опредѣленіями непризнаніе ученія объ Евхаристіи“... Въ такомъ тонѣ обращаться къ палатѣ по предмету судебныхъ трибуналовъ нельзя.

Архидіаконъ Денисонъ. „Да здѣсь нѣтъ нападенія на судебные трибуналы; здѣсь говорится только, что нѣкоторыя лица пользуются ими для своихъ собственныхъ цѣлей.

Докторъ Фразеръ. „Не лучше-ли петицію передать комитету *жалобъ* (¹).

Архидіаконъ Грантъ. „Петиціи только въ извѣстныхъ предѣлахъ въ правѣ затрогивать дѣла, рѣшенныя ея величествомъ. Петиція, адресованная къ Частному собранію, во-первыхъ, должна быть написана приличнымъ языкомъ; во-вторыхъ, должна быть примѣнима, т. е. должна быть адресована по такому пункту, который то собраніе, къ коему она адресована, въ правѣ разсмотрѣть, и по коему оно въ состояніи удовлетворить. Настоящая петиція проситъ о томъ, чего палата не въ состояніи сдѣлать. Она обвиняетъ комитетъ Частнаго совѣта въ нарушеніи правилъ Церкви въ отношеніи къ ученію. Такой постановки вопроса палата не должна одобрить. Но кромѣ того, петиція проситъ покровительства извѣстнымъ людямъ. Какъ мы окажемъ имъ покровительство? Чрезъ принятіе того ученія, которое они выдаютъ за истинное? Это не по нашей части. Петиція, поэтому, непримѣнима, потому что проситъ того, чего мы не можемъ сдѣлать.

Деканъ Вестминстера. „Два года тому назадъ я представилъ петицію, которую палата тоже отказалась принять, потому-де, что она была написана въ непочтительныхъ терминахъ. Настоящая петиція подвергается тому же возраженію.

Каноникъ Блакслей. „Мы не въ правѣ, безъ снесенія съ президентомъ, принимать инициативу въ какомъ-нибудь предметѣ, если онъ не облеченъ въ форму *gravamen* или *reformandum*.

(¹) Члены конвокаціи дѣлаютъ свои предложенія въ формѣ *жалобъ* (gravamina) и въ формѣ *требованій реформы* (reformanda). Для тѣхъ и другихъ при конвокаціяхъ составляются комитеты. *Петиціи* же поступаютъ отъ лицъ, находящихся внѣ конвокаціи.

Докторъ Джэльфъ. „Протестую противъ заключительныхъ словъ петицiи и прошу архидiакона Денисона взять ее назадъ.

Лордъ А. Комтонъ. „По моему мнѣнiю петицiя должна быть передана *комитету привиллегiй.*

Каноникъ Сеймуръ. „Возраженiя каноника Сельвина и архидiакона Гранта едва-ли вытекаютъ изъ словъ петицiи. Здѣсь нѣтъ осужденiя судебныхъ трибуналовъ, но только утверждается, что нѣкоторыя лица пользуются ими для извѣстныхъ цѣлей. Мѣста, приведенныя въ петицiи, взяты изъ сочиненiй человѣка, занимавшаго весьма высокое положенiе въ Церкви. Петицiя можетъ принять форму *gravamen.*

Каноникъ Сельвинъ. „Чья это петицiя?

Архидiаконъ Денисонъ. „Моя.

Каноникъ Сельвинъ. „Тогда я спрашиваю прolокутора, членъ этой палаты можетъ-ли отъ себя представлять ей петицiю? Онъ можетъ отъ себя представить *gravamen*, а не петицiю.

Прoлокуторъ. „Петицiя этому собранiю отъ члена того же собранiя принята быть не можетъ: онъ долженъ прибѣгнуть къ посредству *gravamen.* Петицiя, я полагаю, должна быть передана комитету привиллегiй. (Возгласы одобренiя).

Деканъ гор. Эли. „Если такъ, то какой же пунктъ долженъ быть переданъ комитету привиллегiй? Просто пунктъ обычнаго порядка или какой нибудь другой. Послѣднее можетъ насъ завлечь въ длинное и трудное доктринальное разсужденiе.

Архидiаконъ Денисонъ. „Одного въ этой петицiи палата не можетъ передать комитету. Девяноста девять священниковъ, включая меня, собрались выразить нашу

вѣру въ слова Торндика, и, прося покровительства нашей вѣрѣ, мы просимъ эту палату сказать, что ученіе, раздѣляемое съ Торндикомъ, не ставитъ насъ внѣ лона англиканской церкви. Я, кажется, выражаю эту просьбу въ самой возможно скромной формѣ. Я чувствую, что я дожилъ до величайшаго кризиса, какой только совершался въ моей жизни, и если палата отвергнетъ эту петицію, я оставляю эту палату. (Почтенный архидіаконъ говорилъ эти слова чрезвычайно растроганный и въ волненіи).

Архидіаконъ Кэй. „Мнѣ кажется, палата не можетъ отказать въ принятіи петиціи отъ такого множества священниковъ: но было бы неблагоразумно связывать себя содержаніемъ петиціи.

Сэръ Превостъ. „Часть клира, представляемая просителями, уже давно и много жалуется. Ужели же мы будемъ дѣйствовать такъ, чтобы заставить ихъ удалиться изъ нашего общества? Не дай Богъ! Ничто не можетъ такъ довести ихъ до отчаяннаго шага, какъ оскорбительное отношеніе этой палаты къ ихъ петиціи.

Деканъ Вестминстера. „Встаю, чтобы сдѣлать поправку. Петиція, о которой я упомянулъ, какъ представленной мною два года тому назадъ, не была отвергнута, но именно была передана комитету привилегій. Конечно, это все равно: потому что изъ этой бездны она не возвратилась и тамъ нашла свой конецъ. Я думаю, что и съ этой петиціей случится тоже.

Докторъ Фразеръ. „Петиція декана Вестминстера была написана не по формѣ, потому что была адресована къ цѣлой конвокаціи, а не къ нижней палатѣ.

Каноникъ Сеймуръ. „Петиція должна быть передана комитету привиллегій.

Бенефиціантъ Джонсъ. „Думаю тоже. Было бы крайне неблагоразумно отвергнуть петицію девяноста девяти священниковъ.

Архидіаконъ Ноттингама почтительно просилъ, чтобы комитету привиллегій указаны были для разсмотрѣнія три слѣдующіе пункта обычнаго порядка:

1. Могутъ-ли сличенныя подписи къ петиціи быть приняты вмѣсто подлинныхъ подписей?

2. Члены этой палаты компетентны-ли для удовлетворенія этой петиціи?

3. Предметъ петиціи не заключаетъ-ли самъ по себѣ основанія къ отверженію этой петиціи?

Въ этомъ смыслѣ палата и приняла свое рѣшеніе.

На другой день архидіаконъ Денисонъ опять возобновилъ дѣло о петиціи: онъ просилъ палату пересмотрѣть его опять. Послѣ нѣсколькихъ возраженій, пролокуторъ, наконецъ, согласился на открытіе разсужденій по жалобѣ Денисона. Всѣ ораторы говорили въ томъ же родѣ, какъ и первый день. Рѣчь шла больше опять о петиціи, и меньше всего о жалобѣ Денисона. Конецъ разсужденій показываетъ, какъ мало серьозно принятъ весьма важный вопросъ, который ставитъ петиція.

Пролокуторъ. „Разсужденіе внѣ порядка. Петиція уже передана комитету привиллегій: къ ней мы не можемъ возвращаться, а лучше передадимъ тому же комитету и жалобу архидіакона.

Докторъ Джебъ. „Я поддерживаю предложеніе: передать жалобу комитету. Этимъ я думаю оказать помощь моему другу архидіакону Таунтона (т. е. Денисону).

Архидіаконъ Денисонъ. „Напротивъ; хуже этого вы не можете мнѣ ничего сдѣлать. (Смѣхъ).

Докторъ Джебъ. „Но вѣдь это единственное средство, когда вы не хотите, чтобы вашу петицію и вашу жалобу отвергнули прямо и рѣшительно.

Архидіаконъ Денисонъ. „Я протестую противъ этого".

Но жалоба Денисона значительнымъ большинствомъ голосовъ все-таки была передана комитету привиллегій, гдѣ ее и вмѣстѣ съ петиціей ждетъ та же участь, которой подверглась и петиція декана Вестминстера. Собственно говоря, серьозный вопросъ рѣшенъ смѣхомъ. Вотъ что грустно! Вотъ что гонитъ серьозныхъ людей англиканской церкви въ католицизмъ и обращаетъ ихъ взоры къ православію!

Увеличившіеся, противъ моего желанія, размѣры моего письма не дозволяютъ мнѣ передать другихъ предметовъ разсужденій на конвокаціяхъ. Впрочемъ, не могу не упомянуть объ исторіи, которая случилась въ нижней палатѣ Йоркской конвокаціи съ предложеніемъ архидіакона Чёртона. Онъ предложилъ, чтобы и нижняя палата образовала комитетъ съ цѣлію сношеній и содѣйствія существующему комитету нижней палаты кэнтерберійской конвокаціи для установленія общенія съ Восточною Православною Церковію. Онъ развилъ свое предложеніе въ довольно длинной рѣчи, въ которой говорилъ о сочувствіи православной Церкви къ англиканской, между прочимъ далъ весьма лестный отзывъ о хіосскомъ митрополитѣ Григоріѣ, какъ человѣкѣ весьма ученомъ и знакомомъ съ богословской литературой и христіанской ученостію запада: но въ тоже время, какъ бы во вредъ своему предложенію, въ заключеніе началъ говорить, на основаніи книги мистера Финна, о господствующихъ суевѣріяхъ между православными христіанами востока. Впрочемъ, онъ при этомъ говорилъ, что это

вовсе не можетъ компрометировать служителей англиканской церкви, потому-де, что имъ не будутъ навязывать этихъ суевѣрій, да къ тому же эти суевѣрія второстепенной важности. Ораторъ забылъ, что если и есть суевѣрія,—а такія есть и на западѣ,—то онѣ принадлежатъ не Церкви, а частнымъ личностямъ. То, что архидіаконъ Чёртонъ высказалъ въ своей рѣчи въ довольно смягченной формѣ, то развилъ съ поразительною рѣзкостію священникъ *Джемсъ Бардслей* изъ Манчестера, который всталъ говорить противъ предложенія Чёртона. Онъ только что возвратился изъ Палестины и Сиріи, и это должно было придать его рѣчи авторитетъ очевидца. Онъ говорилъ, что онъ тамъ былъ свидѣтелемъ извращенія христіанства, самыхъ темныхъ суевѣрій, положительнаго идолопоклонства; онъ отдалъ на востокѣ предпочтеніе католикамъ предъ православными. Объ общеніи съ восточными церквами онъ говорилъ, что для англиканца искать общенія съ ними при настоящемъ ихъ состояніи — это значитъ искать общенія съ идолопоклонствомъ. Предложеніе Чёртона надъ впечатлѣніемъ этой рѣчи было отвергнуто 17-ю голосами противъ девяти.

Справедливость требуетъ сказать, что вскорѣ послѣ этого въ журналѣ *The Guardian* появилось письмо за подписью *An Oxfordshire Incumbent*. Словомъ *Incumbent* подписываются священники, занимающіе приходскіе мѣста, какъ принадлежащую имъ неотъемлемую собственность, которые прочно сидятъ на своемъ мѣстѣ, могутъ не бояться высказывать свои убѣжденія на своего епископа, ни даже Частнаго совѣта. Кто бы ни былъ этотъ священникъ оксфордской епархіи, но мы только знаемъ, что пьюзеизмъ появился и развился особенно въ Окс-

форде; здѣсь же поддерживается и сочувствіе къ православной Церкви. То, что изобразилъ такими мрачными красками священникъ Манчестера, извѣстнаго своими фабриками и матеріалистическимъ направленіемъ, то взялъ подъ свою защиту священникъ Оксфорда, извѣстнаго своимъ ученымъ университетомъ. Авторъ письма говоритъ, какъ тоже лично знакомый съ православною Церковію и особенно съ Церковію русскою; онъ доказалъ Брадслею, что онъ видѣлъ слишкомъ мало, чтобы дѣлать такое несправедливое и жестокое заключеніе о цѣлой Церкви, что если онъ уже хочетъ заключать отъ суевѣрій, которыя можно замѣчать и наблюдать въ народныхъ массахъ, къ той Церкви, къ которой эти массы принадлежатъ, то, конечно напр., въ Ирландіи (я бы сказалъ еще: въ Испаніи), католическую церковь, которую онъ предпочитаетъ на Востокѣ православной, онъ долженъ бы изобразить еще мрачнѣе. „Если мы желаемъ отдать справедливость Восточной Православной Церкви", говоритъ вполнѣ разумно авторъ письма, и то мы не должны останавливаться на какихъ нибудь внѣшнихъ случайностяхъ, которыя скорѣе должно отнести къ проявленіямъ національнаго характера, чѣмъ къ проявленіямъ религіознаго чувства. Посмотримъ на ея изначальныя литургіи и ея неповрежденную вѣру и спросимъ, вѣрна-ли она „вѣрѣ нѣкогда преданной святыми"... Здравомыслящіе англиканцы едва-ли не отдадутъ предпочтенія такой постановкѣ дѣла и мы надѣемся, что по здравомъ обсужденіи сами члены нижней палаты Іоркской конвокаціи поймутъ, что они оказались дѣтьми, поддавшись минутному впечатлѣнію представленной предъ ними картины, отличающейся яркими красками, но чуждой всякой идеи.

Чтобъ покончить на этотъ разъ съ Англіей, упомяну, что билль Гладстона объ англиканской церкви Ирландіи, сущность котораго я изложилъ въ предшествующемъ письмѣ, 7 мая былъ принятъ палатою общинъ почти въ неизмѣнномъ его видѣ. Чтобы перейти въ силу закона, онъ долженъ еще пройти чрезъ палату лордовъ и получить санкцію королевы. Въ палатѣ лордовъ, не сомнѣваются, что мѣры предлагаемыя Гладстономъ имѣютъ наибольшее число противниковъ и пожалуй могутъ найти сопротивленіе: но въ тоже время увѣряютъ, что принятіе билля небывалымъ большинствомъ голосовъ палаты общинъ и то, что билль этотъ принимается послѣднею уже другой разъ, заставятъ наконецъ палату лордовъ склониться предъ этою мѣрою, какъ такою, которой требуетъ страна. Прошлый годъ тотъ же билль палата лордовъ отвергла на томъ основаніи, что такой важный вопросъ требуетъ наиболѣе яснаго выраженія мнѣнія страны, которое надѣялись получить новыми выборами депутатовъ въ палату общинъ;—и вотъ для новой палаты народъ выбралъ также депутатовъ, которые приняли опять тотъ же билль. Общее мнѣніе страны ясно! А предъ общимъ мнѣніемъ никто такъ не умѣетъ склоняться, какъ англичане. Когда шли разсужденія о биллѣ ирландскій клиръ употреблялъ всѣ усилія, разумѣется нравственныя, чтобы помѣшать его принятію: но теперь онъ спокойнѣе и едва ли еще не способнѣе будетъ приготовляться къ новому положенію, которое ему готовитъ реформа Гладстона. На дняхъ англиканскіе священники Ирландіи прислали палатѣ лордовъ петицію, которою, не возставая противъ мѣръ Гладстона, указываютъ только на одинъ пунктъ, пропущенный реформою: въ ней не обращено вниманія на обезпеченіе тѣхъ священниковъ, которые

за болѣзнію и старостію не находятся на дѣйствительной службѣ. Этотъ фактъ указываетъ на миролюбовыя расположенія ирландскаго клира и на то, что онъ понимаетъ неизбѣжность реформы.

Въ Испаніи 5 мая въ окончательномъ вотированіи кортесовъ были приняты слѣдующіе два пункта, входящіе въ составъ конституціи:

„Наука обязывается содержать культъ и служителей католической религіи".

„Публичное и частное отправленіе всякаго другаго культа дозволяется всѣмъ иностранцамъ, живущимъ въ Испаніи безъ всякаго другаго ограниченія, кромѣ всеобщихъ правилъ нравственности и права. Еслибы нѣкоторые испанцы стали исповѣдывать другію религію, кромѣ католической, вышесказанное примѣняется и къ нимъ въ равной степени".

Послѣднее рѣшеніе важно въ высшей степени. Мы знаемъ, что Испанія цѣлыя триста лѣтъ берегла у себя исключительность католицизма, прибѣгая для этого ко всевозможнымъ мѣрамъ: въ стремленіи къ этой исключительности она изгнала евреевъ, отчасти изгнала, отчасти уничтожила жившихъ въ ея предѣлахъ арабовъ, зажигала костры для всякаго, кто осмѣливался высказать религіозное мнѣніе, несогласное съ католицизмомъ. Ревность ея въ этомъ случаѣ не имѣла границъ: она не хотѣла, чтобы на ея землѣ кто-нибудь обращался къ Богу съ молитвою иначе, какъ въ католическомъ храмѣ и съ католическими обрядами. Въ самомъ Римѣ не было такой исключительности: тамъ всегда, хотя съ разными ограниченіями, дозволялось богослуженіе еврейское и протестантское. Отъ этого папы называли Испанію *по преимуществу католическою*. И вотъ теперь Испанія разрываетъ съ своимъ старымъ,

изъ-за котораго она опустошила свою страну, принесла не одну тысячу кровавыхъ жертвъ: она теперь дозволяетъ инославное служеніе Богу нетолько иностранцамъ, но даже своимъ испанцамъ. Каково бы ни было это старое, но такъ какъ за него принесено столько жертвъ, Испанія не можетъ разстаться съ нимъ безъ боли въ сердцѣ, безъ жестокой внутренней борьбы. Эта борьба выразилась въ самыхъ разсужденіяхъ палаты кортесовъ, а затѣмъ отразилась и за ея стѣнами.

Депутаты изъ клира: архіепископъ и кардиналъ г. Сантъ-Яго, епископъ гор. Хаена, каноникъ собора Викторіи, священникъ Монтероля и нѣсколько свѣтскихъ депутатовъ изъ партіи такъ называемыхъ нео-католиковъ (ультрамонтановъ) употребляли всѣ усилія, чтобы отстоять исключительность католицизма въ Испаніи. Любопытно одно и самое важное доказательство, которое они приводили въ пользу ненужности для Испаніи религіозной свободы: въ Испаніи, говорили они, нѣтъ никого, кто бы исповѣдывалъ другую религію, кромѣ католической, и если есть не-католики, то это скептики и атеисты, которые не нуждаются ни въ какомъ культѣ, а слѣд. и въ свободѣ культовъ. То, что между испанцами могутъ быть протестанты, несмотря уже на существующіе примѣры, этому они не хотятъ вѣрить. Католицизмъ и полнѣйшее невѣріе—вотъ два единственныхъ пути, по которымъ, по ихъ мнѣнію, могутъ идти испанцы. Замѣчательнѣе всего то, что съ послѣднимъ мнѣніемъ нео-католиковъ согласно высказались и депутаты—защитники религіозной свободы. Два депутата, врачъ Сандевилья и другой нѣкто Гарсія Руисъ, открыто провозглашая себя невѣрующими ни во что, высказали желаніе, чтобы невѣріе сдѣлалось исповѣданіемъ всѣхъ испанцевъ. Это вполнѣ логическое

слѣдствіе диллемы, которую ставитъ исключительность католицизма: и или ничто. Считающійся самымъ даровитымъ ораторомъ кортесовъ, г. Кастемаръ, тоже защитникъ религіозной свободы высказалъ, что онъ теперь не принадлежитъ къ людямъ вѣры, но что „если когда-нибудь онъ возвратится къ вѣрѣ, то, конечно, не обратится къ протестантизму, котораго сухость поражаетъ его душу и сжимаетъ его сердце, а скорѣе къ католицизму же съ его поэтическими обрядами". Но самое важное мнѣніе принадлежитъ главѣ партіи прогрессистовъ и президенту комиссіи депутатовъ, которые составляли проектъ конституціи и слѣдовательно автору того параграфа конституціи, который допускаетъ религіозную свободу, г. Салюстіану Олосагѣ: онъ говоритъ, что въ Испаніи протестантизмъ невозможенъ, что здѣсь возможенъ и существуетъ „родъ мѣстнаго идолопоклонства, доходящаго до фанатизма. И кто же можетъ думать, спрашиваетъ онъ, что испанецъ удовольствуется чтеніемъ Библіи и холодными понятіями протестантовъ сѣвера?.. Но, замѣчаетъ Олосага, кортесамъ *„представлена челобитная одного религіознаго общества католиковъ апостольскихъ, которые впрочемъ не хотятъ называть себя католиками римскими и не принимаютъ нѣкоторыхъ правилъ Церкви* (т. е. римской) *и преимущественно целибатства священниковъ. Тѣхъ господъ депутатовъ, которые поддерживаютъ эту челобитную, я умоляю, пусть они хорошенько подумаютъ о тѣхъ опасностяхъ, которыя могутъ быть слѣдствіемъ частныхъ реформъ въ этомъ смыслѣ"*.

Я считаю излишнимъ излагать всѣ разсужденія испанскихъ кортесовъ о религіозной свободѣ; я указываю въ нихъ только на болѣе интересную для насъ сторону. Я прошу читателей обратить особенное вниманіе на

послѣдніа слова г. Олосаги и сообразить ихъ съ мнѣніями, отмѣченными выше. Какъ противники религіозной свободы, такъ и защитники согласны въ одномъ: что протестантизмъ въ Испаніи невозможенъ. Едва-ли было бы основательно невозможность протестантизма въ Испаніи принимать въ рѣшительномъ смыслѣ; такія рѣшительныя увѣренія испанскихъ депутатовъ для посторонняго наблюдателя могутъ имѣть только тотъ смыслъ, что въ характерѣ испанцевъ слишкомъ мало элементовъ, могущихъ расположить ихъ къ протестантизму. Но на этой невозможности или нерасположительности испанцевъ къ протестантизму хотятъ опереться какъ противники, такъ и защитники религіозной свободы. Первые говорятъ: для кого вы требуете религіозной свободы, когда въ Испаніи невозможна другая религія, кромѣ католической? Другіе отвѣчаютъ: чего же вы боитесь объявленія религіозной свободы, когда и съ нею католическая религія останется исключительною, раздѣляя свою власть только съ невѣріемъ и скептицизмомъ, которые жили и въ то время, когда государственный законъ католическую церковь признавалъ исключительною? Тѣ и другіе съ провозглашеніемъ религіозной свободы не предвидятъ никакихъ особенныхъ результатовъ; это для нихъ просто подражаніе другимъ государствамъ. Но такъ они думаютъ, не имѣя въ виду ничего, кромѣ протестантизма. Но вотъ, одна челобитная заставляетъ г. Олосагу указать на могущія произойти дѣйствительныя опасности для католической церкви; онъ видитъ эту опасность въ возможности противоримскаго религіознаго движенія не въ смыслѣ уклоненія въ сухой и бездушный протестантизмъ, но въ смыслѣ реформы самой католической церкви съ оставленіемъ всѣхъ ея существенныхъ вѣрова-

ній и обрядовъ и только съ отверженіемъ нѣкоторыхъ ея злоупотребленій. Я не могъ достать копіи этой челобитной; въ самыхъ разсужденіяхъ кортесовъ о ней не было другаго упоминанія, кромѣ того, которое сдѣлалъ о ней г. Олосага. Тѣмъ не менѣе эта челобитная составляетъ фактъ знаменательный. Его нужно прибавить къ суммѣ тѣхъ фактовъ, которые доказываютъ, что на западѣ зачинается религіозное движеніе, которое не хочетъ папства, которое не удовлетворяется и протестантизмомъ, которое хочетъ возстановленія церкви *единой, истинно апостольской и соборной*. Въ виду этого именно извѣстный планъ г. Овербека объ основаніи національныхъ православныхъ церквей на западѣ имѣетъ весь свой смыслъ и значеніе. Отъ всей души желаемъ, чтобъ этотъ планъ нашелъ у насъ полнѣйшее сочувствіе и поддержку.

Принятіе въ Кортесахъ рѣшенія о религіозной свободѣ почти во всѣхъ церквахъ Испаніи было встрѣчено такъ называемыми *службами de desagravios*. На эти службы усердно стекались всѣ ревностные католики, чтобы выслушать приличную случаю проповѣдь и принести присягу въ томъ, что будутъ твердо и неуклонно исповѣдывать католическую вѣру. Нѣкоторая часть народа, особенно женщины, были весьма возбуждены этими службами, которыя принимались какъ протестъ противъ рѣшенія въ кортесахъ. Въ Мадритѣ, въ церкви св. Мартина, во время такой службы, бойко и мастерски сказанная проповѣдь произвела такое сильное впечатлѣніе на слушателей, что внутри церкви раздались крики: *смерть протестантамъ! смерть еретикамъ!* Проповѣдникъ былъ арестованъ за это на нѣсколько дней. Теперь, впрочемъ, все успокоилось.

Съ своей стороны протестанты Мадрита отпраздновали это событіе вполнѣ достойнымъ образомъ. Свою церковь изъ тѣснаго помѣщенія, въ которомъ она находилась прежде, они перевели къ этому дню въ другое, хотя также временное, но обширное, могущее вмѣстить до тысячи слушателей. Я нарочно навѣстилъ это новое помѣщеніе. Во время воскресной вечерней службы оно было полно народу. Я замѣтилъ одну особенность: въ прежнемъ помѣщеніи не было никакого священнаго изображенія; а здѣсь теперь въ мѣстѣ, соотвѣтствующемъ алтарю, виднѣется изображеніе креста. Этотъ повидимому незначительный фактъ весьма важенъ: это уступка характеру испанцевъ, это какъ бы подтвержденіе того, что испанецъ не можетъ удовольствоваться сухимъ протестантизмомъ. Эта уступка важна тѣмъ болѣе, что во главѣ здѣшняго протестанскаго общества стоитъ бывшій французскій пасторъ изъ секты Кальвина; а извѣстно, что ригоризмъ этой секты дозволяетъ въ своихъ храмахъ только изображеніе на переднемъ мѣстѣ въ храмѣ какихъ-нибудь изреченій изъ Библіи, а отнюдь не символическія изображенія. Такимъ образомъ протестантизмъ на первыхъ же шагахъ дѣлаетъ уступку и онъ тѣмъ болѣе можетъ имѣть успѣхъ въ Испаніи, чѣмъ болѣе откажется отъ своихъ крайностей.

На другой же день принятія кортесами рѣшенія о религіозной свободѣ протестанты открыли свою книжную лавку, для которой заранѣе было приготовлено изданіе Библіи на испанскомъ языкѣ, сдѣланное въ самомъ Мадритѣ, въ количествѣ одного милліона экземпляровъ и въ такомъ же количествѣ изданіе Новаго Завѣта. Въ тотъ же день отъ лица протестанскаго общества было поднесено всѣмъ министрамъ по экземпляру

Библіи въ роскошныхъ переплетахъ. Протестанскій храмъ предположено выстроить на мѣстѣ, называемомъ *Quemadero de la Cruz* — *Костеръ креста*, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сожигались жертвы инквизиціи—люди изъ разряда тѣхъ, которымъ теперь дается религіозная свобода. Это довольно знаменательно!

Позвольте разсказать вамъ одинъ вполнѣ достовѣрный и любопытный недавній фактъ попытки одного испанца перейти въ протестантизмъ. Является къ протестантскому пастору молодой человѣкъ и изъявляетъ ему желаніе принять протестантизмъ. Пасторъ спрашиваетъ его: „знаете ли вы что такое протестантизмъ?—Да мнѣ все равно, отвѣчаетъ молодой человѣкъ, я разсорился съ своими родными и хочу сдѣлать имъ непріятность.— Протестантизмъ не состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать непріятности своимъ роднымъ, а любить всѣхъ христіанской любовію, отвѣчалъ ему пасторъ, посовѣтовавъ ему въ тоже время не мѣшать въ дѣло религіи семейныхъ дрязгъ и не шутить такъ легко своею совѣстію.— Молодой человѣкъ есть сынъ извѣстнаго въ Мадритѣ... Онъ оставилъ пастора ни съ чѣмъ. Этотъ фактъ, не смотря на его частность, весьма характеризуетъ религіозное легкомысліе высшаго испанскаго общества, то легкомысліе, о которомъ я говорилъ вамъ въ одномъ изъ прежнихъ писемъ, отъ котораго не спасла испанцевъ исключительность католицизма.

Приготовительныя работы къ Собору въ Римѣ идутъ дѣятельно. Но я уже писалъ вамъ, что эти работы совершаются въ величайшемъ секретѣ, а потому о сущности ихъ мало извѣстно достовѣрнаго. Засѣданія собора предполагаются въ храмѣ св. Петра и именно въ той части его, гдѣ находится капелла святыхъ Протасія и Мартиніана,—которые, по преданію, въ качествѣ вои-

новъ, стерегли св. Петра въ римской темницѣ и потомъ были обращены имъ въ христіанство, удостоившись послѣ мученическаго вѣнца. Мѣста для сидѣнія здѣсь будутъ устроены въ формѣ полукруга. Кардиналы и архіепископы будутъ сидѣть по правую руку папы, а ораторы и посланники католическихъ государей будутъ находиться по лѣвую его руку. Приглашеніе на соборъ адресовано 880 патріархамъ, архіепископамъ и епископамъ, но на Соборѣ ожидаютъ не болѣе 700 или 750, а можетъ быть и менѣе. Стенографы для записи разсужденій будутъ приготовлены изъ числа священниковъ: для нихъ будетъ назначено особое мѣсто. Въ разсужденіяхъ будетъ употребляться одинъ только латинскій языкъ; а такъ какъ англичане, французы, нѣмцы, испанцы и пр. произносятъ по латинѣ каждый на свой образецъ, то стенографы будутъ изъ всѣхъ націй. Въ мѣстѣ засѣданій не будетъ мѣста ни для публики, ни для журналистовъ. Соборъ, думаютъ, будетъ продолжаться не болѣе четырехъ мѣсяцевъ, такъ что къ Паскѣ всѣ епископы могутъ разъѣхаться по своимъ мѣстамъ.

Въ свое время я упоминалъ объ отмѣнѣ въ Австріи конкордата провозглашеніемъ такъ называемаго *исповѣднаго закона*. Такъ какъ это было сдѣлано безъ согласія папы и даже вопреки желаній папы, то мѣра эта подняла жестокую бурю среди католическаго клира. Архіепископъ Праги князь Фридрихъ Шварценбергъ собралъ своихъ епископовъ-суффрановъ и вмѣстѣ съ ними обратился къ своимъ пасомымъ съ посланіемъ, въ которомъ протестовалъ противъ исповѣднаго закона. Исповѣдный законъ уничтожалъ церковные трибуналы для брачныхъ контрактовъ; архіепископъ Шварценбергъ опредѣлялъ: „церковные трибуналы остаются“. Исповѣдный законъ утверждалъ гражданскій бракъ и разводы;

архіепископъ провозглашалъ: „полюбовное раздѣленіе мужа и жены по мѣсту жительства и имѣнію осуждается; для полученія дозволенія на такое раздѣленіе нужно прибѣгать къ церковному трибуналу. Вѣрные, которые удовольствуются только гражданскимъ бракомъ, будутъ считаться публичными грѣшниками и къ нимъ церковь будетъ относиться какъ къ такимъ. Вѣрные, которые заключили только гражданскій бракъ, если умрутъ прежде примиренія съ церковію, могутъ быть погребены на католическомъ кладбищѣ, но лишаются почестей церковнаго погребенія и за нихъ не будетъ приноситься безкровная жертва. Еще съ болѣе рѣзкимъ посланіемъ къ своему клиру обратился епископъ Линца. Это произвело волненіе и обратило вниманіе правительства. Епископовъ начали преслѣдовать судомъ. Ихъ осудили въ первой инстанціи какъ возмутителей: архіепископъ Шварценбергъ аппеллировалъ къ высшей инстанціи. „Я, писалъ онъ, въ своемъ посланіи разсуждалъ о вопросѣ чисто церковномъ, котораго рѣшеніе зависитъ отъ епископской власти; я говорилъ какъ представитель католической церкви въ моемъ архіепископствѣ. Въ этомъ качествѣ я не считаю себя подданнымъ имперіи. Вслѣдствіе историческихъ отношеній, существующихъ между церковію и имперіей, я, какъ епископъ, принесъ присягу въ вѣрности, которая уполномочиваетъ и обязываетъ меня дѣйствовать какъ подобаетъ епископу. Никакой трибуналъ имперіи, никакая гражданская въ мірѣ власть не компетентны судить дѣйствія епископа въ отправленіи имъ своихъ епископскихъ обязанностей. По божественному праву и ученію церкви (т. е. римской) этотъ судъ принадлежитъ только папѣ. Я превысилъ мою власть какъ епископа? Этого не могутъ доказать ни чѣмъ. По праву всѣхъ

государствѣ, епископъ какъ такой не есть ни служитель государства, ни подданный государства. Это признаютъ въ самыхъ претестанскихъ государствахъ". Но архіепископъ былъ осужденъ и въ высшей истанціи суда. Какъ судить это дѣло? Кто здѣсь правъ и кто виноватъ? Конечно, если бы архіепископъ строго держался предѣловъ своей церковной власти, то право было бы на его сторонѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что католическій клиръ часто слишкомъ расширяетъ церковную область до вмѣшательства въ гражданскую. По послѣднимъ извѣтіямъ мы узнаемъ, что епископъ Линца упорно отказывается выдать правительству брачныя записи, находящіяся въ церковныхъ трибуналахъ. Конечно, церковь имѣетъ право вести свои церковные записи и если эти записи имѣютъ только церковный характеръ, едва ли было бы справедливо со стороны гражданской власти требовать этихъ записей. Но дѣло въ томъ, что по конкордату 1855 года австрійскій клиръ взялся вести брачныя записи, которыя служили какъ церковными, такъ и гражданскими документами: это было добровольнымъ согласіемъ церкви и государства; тогда государство уступало клиру свое право, теперь оно хочетъ взять это право назадъ. Епископъ Линца имѣетъ нѣкоторый поводъ удерживать у себя эти документы, но онъ вовсе не поступитъ противъ свей вѣры, если выдастъ эти документы государству; и государство имѣетъ полное право требовать ихъ отъ епископа. Дѣло еще не устроено и борьба продолжается. Въ раздраженіи противъ епископа Линца, правительство отняло отъ его епископіи имѣніе, приписанное къ ней императоромъ Іосифомъ II и приносившее до 12.000 франковъ доходу.

Свящ. К. Кустодіевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ ХОЗЯЙСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СѴНОДѢ.

Въ С.-Петербургскія Сѵнодальныя книжныя лавки: на Петровской площади, въ зданіи Святѣйшаго Сѵнода, и въ домѣ Православнаго Духовнаго вѣдомства, на Литейной, № 36,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

а) *на Русскомъ языкѣ.*

	руб.	коп.	вѣсъ фунты.
БИБЛІЯ въ новомъ Русскомъ переводѣ, 8 д. на обыкновенной бѣлой бумагѣ, въ печ. оберт.			
1 часть по. . .	»	40	2
2 » » . . .	»	60	
БЕСѢДЫ НА ЕВАНГЕЛІЕ св. Григорія Двоеслова, переведенныя съ Латинскаго языка на Русскій архимандритомъ Климентомъ, въ бум. пер.	1	50	1
ИСТОРІЯ (сокращенная) **РУССКОЙ ЦЕРКВИ**, преосвященнаго архіепископа Филарета, въ печ. оберт.	»	50	1
ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ, Муравьева (изд. 1840 г.), въ кор. пер.	»	60	1

МОЛИТВОСЛОВЪ Краткій, съ политипажами, въ 32 д., въ печ. оберт.	»	4	1
ОПИСАНІЕ ДОКУМЕНТОВЪ И ДѢЛЪ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Сѵнода, Томъ I (1542—1721 г.), въ 8 д., въ печ. оберт.	4	»	7
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ постановленій и распоряженій по вѣдомству Православнаго исповѣданія Россійской Имперіи Томъ I. (1721 г.), въ 8 д., на бѣл. бум , въ печ. оберт. . .	1	»	2
» велен. » » » » . .	1	40	
ВРАЧЕБНО-НАРОДНОЕ НАСТАВЛЕНІЕ, профессора Хотовицкаго (изд. 1863 г.), въ бум. пер.	»	6	1

и б) *на одномъ Славянскомъ языкѣ.*

СЛУЖБА преподобнымъ Кириллу и Меѳодію, въ 4 д., въ бум. пер.	»	4	1
МИНЕЯ мѣсячная, въ листъ, ц. п. въ 12 кн. въ кож. пер.	33	»	65

Примѣчаніе. Въ требованіяхъ на книги, поступающихъ въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Сѵнодѣ отъ иногородныхъ лицъ, по большой части показывается одно только мѣсто жительства требователя въ **такомъ-то мѣстечкѣ или селеніи**, безъ обозначенія губерніи и уѣзда и при томъ самыя требованія нерѣдко пишутся не разборчиво, чѣмъ затрудняется удовлетвореніе ихъ до того, что посылки, за неясностію адресовъ, часто возвращались Почтамтомъ обратно въ Управленіе и должны были на долгое время оставаться въономъ. Въ избѣжаніе сего и для безотлагательнаго удовлетворенія требованій, лица, проживающіе внѣ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, благоволятъ при выпискѣ сѵнодальныхъ книгъ, сообщать Управленію, по возможности **четкимъ** почеркомъ, ясные и точные свои адресы, съ означеніемъ при этомъ не только **мѣста жительства**, но и **губерніи и уѣзда**, въ которыхъ оно находится.

ЖИТІЕ

СВЯТАГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРУЗИНСКОЙ РУКОПИСИ ДАВИДГАРЕДЖІЙСКАГО МОНАСТЫРЯ (1)

По вознесеніи Господа и Бога нашего Іисуса Христа, святые апостолы разошлись по разнымъ городамъ и селамъ, смѣло поучали народъ, и многихъ покоряли слову. Преславными чудесами своими обращали многихъ въ христіанство, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Однажды пришли они въ Синопъ (2), городъ, лежащій на берегу Чернаго моря, въ которомъ находилось множество іудеевъ и язычниковъ; послѣдніе же, по свирѣпости и дикости своей, почитались даже отъ многихъ людоѣдами. Недалеко отъ города лежитъ островокъ, гдѣ пріютились блаженные апостолы, и поучали всѣхъ приходящихъ къ нимъ. Нынѣ на этомъ мѣстѣ находятся двѣ церкви, высѣченныя въ скалахъ, во имя св. апостола Андрея. Въ одной изъ нихъ есть образъ, вычеканенный на мраморной доскѣ,

(1) Сообщено.

(2) Въ Пафлагоніи, приморскій городъ, на перешейкѣ полуострова, нерѣдко былъ столицею Понтійскихъ царей.

полный благодатію и чудесами, и во всемъ сходный съ честнымъ ликомъ апостола. Сказываютъ, будто еще при жизни Богоноснаго, сдѣлано это изображеніе. Во дни иконоборства, въ царствованіе Константина Копронима, нѣкоторые изъ гонителей, сожигатели иконъ, пришли сюда, съ желаніемъ сокрушить образъ святаго, однако все ихъ усиліе осталось тщетнымъ и пораженные стыдомъ удалились.

Издавна этотъ островъ былъ гнѣздомъ демоновъ; но присутствіе апостоловъ палило ихъ какъ бы огнемъ, и мучимые взывали: „ученики Назорянина пришли сюда и гонятъ насъ". Обитатели острова и окрестныхъ мѣстъ, услышавъ о томъ, стекались къ апостоламъ и приводили къ нимъ больныхъ, одержимыхъ злыми духами и разнаго рода недугами. Проповѣдники же истины поучали народъ, просвѣщали умы людей ученіемъ Божественнымъ, многихъ изъ іудеевъ и язычниковъ обратили въ христіанство, а бѣсноватыхъ совершенно исцѣлили возложеніемъ на нихъ рукъ.

Одинъ изъ апостоловъ, Матѳій, отплылъ въ городъ по нѣкоторому дѣлу. Тамъ невѣрующіе, съ нѣкоторыми изъ іудеевъ, схватили его и заключили въ темницу, съ намѣреніемъ умертвить его на слѣдующій день. Въ ту же ночь извѣщенный свыше о томъ, блаженный Андрей поспѣшилъ въ городъ, котораго врата и двери самой темницы отверзлись сами собою. Когда апостолъ вошелъ въ оную, внезапно упали цѣпи съ рукъ и ногъ не токмо Матѳія, но и прочихъ узниковъ. Освобожденные узники увѣровали въ Господа Іисуса. Апостолъ велѣлъ имъ семь дней скрываться въ нѣкоторой пещерѣ, отстоящей отъ города на семь стадій, по близости коей расло множество смоковницъ, обремененныхъ плодами.

Здѣсь апостолъ поучалъ ихъ, а на восьмой день, послѣ принятія ими св. крещенія, отпустилъ ихъ, заповѣдавъ о сохраненіи во всей чистотѣ принятой ими вѣры.

Однажды собрались вмѣстѣ проповѣдники истины, привѣтствовали другъ друга, и будучи соединены всегда вѣрою и любовію, мыслію и чувствами, разошлись въ разныя стороны для проповѣди. Блаженный Петръ, взявъ Гаія и нѣкоторыхъ братій, отправился на западъ; блаженный же Андрей, съ Матѳіемъ и прочими учениками, направилъ стопы къ странамъ востока. Въ городѣ Мисоновъ, лежащемъ близъ береговъ Понта, онъ остановился въ домѣ нѣкоего еврея, по имени Доментія. Апостолъ съ учениками вошелъ въ синагогу и, проповѣдуя слово истины, доказывалъ изъ Писанія, что Господь Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій. Въ синагогѣ возстали противъ апостола нѣкоторые изъ еретиковъ, называвшихся иродіанами, и утверждали, что Иродъ былъ Христосъ, который, низвергнувъ первосвященника Гиркана, самъ облекся въ санъ сей, и, будучи царемъ, одержалъ надъ врагами знаменитыя побѣды. Апостолъ же заграждалъ уста противникамъ, говоря имъ, что Иродъ былъ иноплеменникъ, вѣроломный убійца жены и дѣтей, сосудъ беззаконія. Другіе доказывали, будто Іоаннъ былъ Христосъ, такъ какъ онъ происходилъ отъ колѣна Іудина и былъ сынъ священника. Апостолъ отвѣчалъ имъ, что онъ самъ былъ ученикомъ Іоанна, когда сей проповѣдывалъ крещеніе покаянія. „Я слышалъ изъ устъ его свидѣтельство о Іисусѣ: „се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра“,—и я три года слѣдовалъ за Господомъ, когда Онъ проповѣдывалъ о Царствіи Божіемъ, исцѣляя разнаго рода больныхъ и разслабленныхъ, доколѣ, по зависти первосвя-

щенниковъ, не былъ преданъ Пилату на смерть; Его распяли, погребли, но Онъ воскресъ въ третій день, вознесся на небо со славою, и паки пріидетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и воздастъ каждому по дѣламъ".

Поучая такимъ образомъ въ синагогѣ, св. апостолъ, по выходѣ изъ нея, встрѣтилъ людей, которые привели множество больныхъ. Блаженный приказалъ имъ придти на другой день, а самъ возвратился въ домъ вмѣстѣ съ учениками, которыхъ имена суть слѣдующія: Ѳаддей, Матѳій, Тихикъ, Евстаѳій, Еводъ, Симеонъ, Агапитъ и Доментій. Всѣ они питались хлѣбомъ и водою разъ въ день, спали на голой землѣ, и послѣ кратковременнаго отдохновенія, возставали для славословія. На другой день собрались больные, и осѣненные крестнымъ знаменіемъ блаженнаго Андрея совершенно исцѣлялись. Удивленные чудесами приносили пожертвованія, состоявшія изъ необходимыхъ вещей, но апостолъ раздавалъ ихъ неимущимъ. И увѣровали многіе въ Господа Іисуса Христа и крестились во имя Святыя Троицы.

Блаженный апостолъ стоялъ непрестанно на возвышенномъ мѣстѣ въ виду всѣхъ, поучая людей, которыхъ число день ото дня болѣе и болѣе увеличивалось (св. Андрей былъ роста высокаго, видъ имѣлъ величественный, глаза выразительные, брови, волосы и бороду весьма благолѣпныя). Часто, окруженный бѣсноватыми, онъ исцѣлялъ ихъ однимъ словомъ, а больныхъ посредствомъ возложенія рукъ; разслабленныхъ приказывалъ окропить водою, которая испорченному тѣлу мгновенно сообщала нѣжность младенческаго тѣла; а слѣпые отъ одного прикосновенія пальцевъ святаго получали зрѣніе. Всѣ удивлялись чудесамъ блаженнаго, но болѣе—кротости и смиренію его и словамъ Боже-

ственной мудрости. Число вѣрующихъ увеличивалось, за что блаженный апостолъ каждый вечеръ, утро и полдень, или, лучше сказать, безпрестанно возсылалъ хвалу Богу.

Въ это время св. Андрей устроилъ церковь, при помощи новозванныхъ вѣрныхъ, соорудилъ алтарь и поставилъ священниковъ и діаконовъ. Крестились же не одни бѣдные, но и богатые вельможи, отцы и матери, іудеи и язычники. Еще тогда обладатели царства Римскаго Тиверій кесарь, Гаій и Клавдій не препятствовали исповѣданію имени Христова.

Церковь, сооруженная во имя Пресвятыя Богородицы и доселѣ всѣмъ извѣстная, приводила многихъ въ восторгъ. Апостолъ поучалъ ихъ молитвѣ и славословію, послѣдованію св. литургіи; заповѣдалъ вѣрнымъ, чтобы молящіеся становились лицемъ къ востоку, на колѣнахъ, пѣли псалмы, постились и бодрствовали, не читали языческой миѳологіи, а занимались св. Писаніемъ, чтеніемъ Моисея и другихъ пророковъ, и соблюдали всѣ апостольскія постановленія безъ всякихъ измѣненій, какъ установленія Божественныя. Такъ проповѣдывалъ блаженный Андрей и просвѣщалъ жителей городовъ и селеній Понта и утверждалъ ихъ въ вѣрѣ въ Господа Іисуса. Проповѣдь его гремѣла повсемѣстно и, окрыленный силою Божественной благодати, онъ посѣщалъ города и села, поучая всѣхъ слову Божественному.

Св. апостолъ посѣтилъ Трапезонтъ, городъ, лежащій въ землѣ Мингрельцевъ, и послѣ краткаго тамъ пребыванія, замѣтивъ грубое невѣжество жителей, отправился въ Карталинію. Тамъ, находясь долгое время въ городахъ ея: Нигаіѣ, Кларджетѣ и Артапанколосѣ, просвѣтилъ многихъ св. крещеніемъ.

Отселѣ св. Андрей отправился въ землю Пароянъ, или въ Сомхетію, и потомъ прибылъ въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. Ежегодно двѣнадцать апостоловъ собирались въ Іерусалимъ и, въ присутствіи Пресвятыя Богородицы, совершали Пасху. Послѣ же праздника, Андрей, съ братомъ своимъ Петромъ и Іоанномъ Зеведеевымъ, съ Филиппомъ—однимъ изъ двунадесяти, Варооломеемъ и Филиппомъ изъ семи діаконовъ, пошли въ городъ Антіохію сирійскую, называемую городомъ Божіимъ. Тамъ остался Петръ.

Другіе апостолы разошлись по разнымъ городамъ для распространенія проповѣди. Филиппъ изъ двѣнадцати съ Варооломеемъ отправился въ верхнюю Фригію, Ликаонію и Писидію. Филиппъ изъ седьми діаконовъ послѣ крещенія, совершеннаго имъ надъ евнухомъ царицы Кандакіи, посѣтилъ Кесарію палестинскую. Андрей же и Іоаннъ прибыли въ городъ Ефесъ, и жителей онаго поучали слову жизни. Здѣсь явился блаженному Андрею Господь нашъ Іисусъ Христосъ и сказалъ ему: „Спѣши немедленно въ Виоинію, не бойся;—Я съ тобою, доколѣ шествуешь; еще же земля Готоовъ ожидаетъ тебя“. Сіе видѣніе блаженный Андрей пересказалъ Іоанну Богослову и, простившись съ нимъ, пошелъ съ учениками своими въ Лаодикію, а оттолѣ въ мисійскій городъ Одисъ, гдѣ поставилъ епископомъ одного изъ учениковъ своихъ, по имени Аппіона. Отселѣ, горами Олимпійскими, достигъ до обширнаго села виоинійскаго Никеи. (Въ это время Никея не была городомъ, но впослѣдствіи оградилъ и распространилъ ее царь Траянъ). Блаженный Андрей посѣтилъ Никею, проповѣдуя Христа и умоляя жившихъ тамъ іудеевъ и язычниковъ, чтобы приняли ученіе Христово; но они

были горды, вѣроломны и полны лжи, а потому и проповѣдь апостола сопровождали смѣхомъ и поруганіями. Въ этомъ селѣ евреи имѣли синагогу, а у язычниковъ стоялъ идолъ Аполлона губителя, который поражалъ людей злыми чарами, лишавшими ихъ дара слова и чувства слуха. Апостолъ говорилъ имъ, что если не примутъ вѣры Христовой, то они не освободятся отъ болѣзней и бѣснованія; но они по прежнему оставались въ заблужденіи.

Недалеко отъ села возвышается каменная гора, на которой скрывался огромный змій, пожиравшій путниковъ. Узнавъ о томъ, апостолъ въ сопровожденіи двухъ учениковъ своихъ, имѣя въ рукахъ желѣзный жезлъ, съ изображеніемъ животворящаго Креста, пошелъ сокрушить змія и, съ свойственною ему неустрашимостію, жезломъ сокрушилъ главу змію. Многіе изъ слышавшихъ объ этомъ дивномъ дѣлѣ увѣровали въ Господа Іисуса. Когда апостолъ возвратился въ Никею, жители умоляли его, дабы избавилъ ихъ и отъ восьми страшныхъ разбойниковъ, которые скрывались въ недоступной пещерѣ и производили убійства; изъ нихъ двое были одержимы злыми духами. Св. Андрей внялъ мольбѣ народной. Бѣсноватые встрѣтили его громкими восклицаніями; но отъ заклинанія апостола бѣжали злые демоны. Освобожденные съ благоговѣніемъ пали къ ногамъ его; прочіе же разбойники, видя столь необыкновенное чудо, бросили свои оружія и смиренно поклонились апостолу Христову. Тогда блаженный, голосомъ, исполненнымъ любви и кротости, сказалъ имъ: „О, люди! убѣгайте зла, и чего сами себѣ не желаете, не дѣлайте другимъ; уразумѣйте, что есть Богъ на небесахъ, Создатель и Промыслитель, который видитъ все

и каждому воздастъ по дѣламъ. За чѣмъ же убиваете людей, похищаете чужое имущество? Богъ одарилъ васъ здравіемъ и имуществомъ для того, чтобъ вы сами трудились, и не нуждались ни въ чемъ. Наипаче же сами подавайте нищимъ. Отнынѣ удаляйтесь отъ дѣлъ злыхъ и нечистыхъ, и возвратитесь въ свои домы, дабы пріобрѣсть Божію милость и благосклонность отъ царей и правителей". Окончивъ краткую рѣчь свою, апостолъ научилъ ихъ слову жизни, и они пріяли отъ него святое крещеніе.

Недалеко отъ Никеи было мѣсто, которое служило жилищемъ духовъ нечистыхъ, постоянно искавшихъ жертвы; ибо здѣсь стоялъ идолъ Артемиды, и никто не могъ къ нему приблизиться; блаженный Андрей, вооруженный духовнымъ мужествомъ, вмѣстѣ съ учениками своими, посѣтилъ оное и тамъ переночевалъ. Нечистые духи не могли вынести присутствія апостола, превратились въ плотоядныхъ врановъ и улетѣли, восклицая плачевнымъ голосомъ: „О, Іисусъ Назарянинъ! велика язва сія насъ постигшая, ибо ученики твои гонятъ и преслѣдуютъ насъ". Блаженный Андрей сокрушилъ идола, и на томъ самомъ мѣстѣ водрузилъ животворящій Крестъ.

На другомъ мѣстѣ, недалеко отъ селенія Давкома, лежавшаго на лѣвой сторонѣ Никеи, находился змій, чреватый демонами и почитаемый за божество безумнымъ народомъ. Здѣсь же стоялъ скверный идолъ Афродиты, которому народъ приносилъ жертвы. Апостолъ Христовъ, силою своей молитвы, прогналъ змія и злыхъ духовъ, и, возвратившись въ Никею, поучалъ народъ и изцѣлялъ больныхъ.

Въ ночное время восходилъ онъ на холмъ, называе-

мый Клидосомъ, и, подобно Учителю своему, Который часто молился на горѣ, всю ночь проводилъ въ молитвѣ, прося Бога о успѣхахъ проповѣди. Господь же, творящій волю боящихся Его, благоволилъ обратить невѣрныхъ слѣдующимъ образомъ:

У язычниковъ былъ праздникъ, по случаю котораго собирался весь народъ. Всѣ приносили жертву идоламъ и потребляли ее сами. Во время жертвоприношенія, бѣсы овладѣвали людьми съ такою силою, что одержимые ими пожирали другъ друга. Страждущіе спѣшили къ холму, обрѣли на немъ Блаженнаго и умоляли его избавить ихъ отъ жестокихъ мученій.

Апостолъ Христовъ сталъ среди народа и немедленно укротилъ, посредствомъ крестнаго знаменія, тѣхъ, которые сами себя терзали. Съ возвышеннаго мѣста поучалъ онъ народъ истинамъ Божественнаго разума укорялъ ихъ въ томъ, что доселѣ, по жестокосердію своему, не покорялись слову. Такимъ образомъ св. апостолъ обнаружилъ все ничтожество идоловъ и открылъ народу, что демоны, за привязанность къ нимъ, платятъ однимъ только зломъ. Тогда слушающіе уразумѣли силу проповѣди. Апостолъ же на каждаго изъ нихъ возлагалъ руки и изцѣлялъ отъ всѣхъ недуговъ, отпуская съ миромъ. На другой день было еще стеченіе народа; св. апостолъ сталъ на обычномъ своемъ мѣстѣ, привѣтствовалъ его словами: „Миръ вамъ",.. всѣ единогласно отвѣтствовали: „и духу твоему". Онъ началъ говорить о томъ, какъ сотворилъ Богъ Адама, какъ первый человѣкъ за непослушаніе былъ изгнанъ изъ рая; доказывалъ изъ писаній пророческихъ, что Іисусъ Христосъ, пришедшій на землю спасти міръ, есть Сынъ Божій. Далѣе говорилъ о крещеніи и, посредствомъ

возложенія рукъ, изцѣлялъ больныхъ, отпуская же ихъ, приказалъ собраться и на другой день. Когда они собрались, св. апостолъ, опершись на желѣзный жезлъ свой, началъ благовѣствовать о Св. Троицѣ, о промыслѣ Божіемъ, воплощеніи Христовомъ, Его крестной смерти и воскресеніи; о вознесеніи и сѣдѣніи одесную Отца, о славномъ второмъ пришествіи и воздаяніи каждому по дѣламъ его.

По окончаніи бесѣды, народъ воскликнулъ: „истинно ты ученикъ и другъ благаго и милостиваго Бога; и Св. Духъ говоритъ твоими устами“. Апостолъ пребылъ среди нихъ два года, отпадшихъ обращалъ, погибшихъ обрѣталъ, больныхъ изцѣлялъ, изгонялъ бѣсовъ, разрушалъ капища, созидалъ церкви, рукополагалъ священниковъ, обновлялъ всѣхъ св. крещеніемъ. Находившуюся тамъ синагогу еврейскую разрушилъ, и на ея мѣстѣ построилъ церковь во имя Пресвятыя Богородицы, а человѣка нѣкоего доблестнаго и благочестиваго, по имени Драконтія, поставилъ епископомъ, который въ послѣдствіи удостоился и мученическаго вѣнца, мѣсяца маія въ 12-й день.

Первозванный апостолъ Христовъ изъ Никеи отправился въ городъ Никомидію, гдѣ встрѣтили его вѣрные, наученные имъ слову жизни, у которыхъ и остался нѣсколько дней, утверждая ихъ въ вѣрѣ ученіемъ и чудесами. Тамъ воскресилъ онъ нѣкоего Каллиоста, умерщвленнаго яростію бѣсовскою. Оттолѣ отправился водою въ виѳинійскій городъ Халкидонъ и поставилъ тамъ епископомъ Тихика, одного изъ учениковъ своихъ. Потомъ посѣтилъ Ираклію и Амастриду, городъ обширный и великолѣпный, въ которомъ оставался долгое время. Тамъ просвѣтилъ онъ многихъ свѣтомъ Боже-

ственной мудрости, и поставилъ епископомъ Пальма, человѣка знаменитаго словомъ и дѣлами, о которомъ говорятъ жители сего города, что онъ написалъ много Божественныхъ поученій, но, въ послѣдствіи времени, пожаръ, истребившій городъ, истребилъ и домъ, въ которомъ хранились его писанія, и тѣмъ лишились мы великой духовной пользы.

Изъ Амастриды (1) апостолъ отправился рѣкою, Пароеніемъ называемою, въ городъ Хараконъ, который окруженъ двумя рѣками: съ южной стороны, такъ называемая, рѣка Ликъ, или Волкъ, по вредной быстротѣ ея теченія, а съ сѣверной рѣка Лусія. Обѣ сіи рѣки соединяются вмѣстѣ и образуютъ Пароенъ, рѣку глубокую, широкую и удобную для судоходства. Здѣсь, въ особенности въ лѣтнее время, бывало большое стеченіе народа.

Св. проповѣдникъ Христова Евангелія началъ возвѣщать слово истины, обращая многихъ. Для вѣрныхъ онъ избралъ мѣсто молитвы и воздвигъ знаменіе животворящаго Креста, а въ послѣдствіи жители соорудили церковь во имя апостола, съ изображеніемъ на стѣнѣ его образа, совершенно сходнаго съ подлинникомъ, при которомъ совершаются многія чудеса и до нынѣ. Въ послѣдствіи первая церковь разрушилась, но Боголюбивые жители воздвигли новую еще больше первой.

По окрещеніи обитателей Харакона и утвержденіи ихъ въ вѣрѣ, славный апостолъ отправился въ городъ Синопъ. Тамъ обрѣлъ нѣсколько учениковъ своихъ, прежде просвѣщенныхъ, и остался у нихъ.

Въ этомъ городѣ было множество іудеевъ, какъ мы

(1) Амастръ (Amastris) въ 90 стадіяхъ отъ устья рѣки Пароенія на мысѣ.

сказали выше. Узнавъ о прибытіи Богоноснаго Андрея, который еще прежде отверзъ двери темницы и освободилъ изъ оной всѣхъ заключенныхъ, они собрались и съ гнѣвомъ напали на святаго, намѣреваясь предать огню самый домъ, въ которомъ онъ жилъ; его влачили по улицамъ, жестоко били камнями и палками, терзали его тѣло. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ съ звѣрскимъ духомъ, укусилъ палецъ апостола и за это жители Синопа досслѣ называются перстоѣдами. Пораженный жестокими язвами, св. Андрей брошенъ былъ, какъ мертвый, внѣ города. Въ наступившую ночь явился ему Господь Іисусъ Христосъ, и говорилъ: „Встань, избранный мой и первозванный ученикъ! Спѣши въ городъ съ дерзновеніемъ безъ всякаго страха, Я съ тобою". Сказавъ сіе, Господь исцѣлилъ уязвленный палецъ его и вознесся на небо. Съ разсвѣтомъ апостолъ снова явился къ жителямъ города, безъ страха поучалъ и проповѣдывалъ Христа. Они же, видя столь удивительное терпѣніе и кротость, съ какою умолялъ ихъ о принятіи слова, смягчились и со вниманіемъ стали слушать толкованія писаній о Іисусѣ Христѣ, въ Котораго наконецъ и увѣровали.

Въ это время, нѣкто умерщвленъ былъ рукою убійцы и брошенъ въ яму. Жена убитаго горько плакала надъ трупомъ, а народъ искалъ убійцу, но не находилъ его. Апостолъ, сжалившись о несчастной, сотворилъ молитву и воскресилъ мертваго. Видя столь дивное чудо, многіе увѣровали.

Такъ возрастало число вѣрныхъ. Апостолъ нѣкоторыхъ изъ нихъ посвятилъ во священники и діаконы, научилъ ихъ совершенію литургіи и другимъ молитвамъ и, преподавъ благословеніе, отправился къ берегамъ

Понта, посѣтилъ село, называемое Залихонъ. Жители Амасіи съ радостію встрѣтили апостола и послѣ привѣтствій ввели его въ городъ и водворили въ томъ же домѣ, въ которомъ жилъ онъ прежде; ибо сей городъ давно уже просвѣщенъ былъ апостоломъ. Отселѣ отправился въ мингрельскій городъ Трапезонтъ, гдѣ, какъ я сказалъ выше, обитали люди безразсудные, а потомъ посѣтилъ Неокесарію, жителямъ коей, по обыкновенію, проповѣдывалъ слово Божіе, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Оставивъ Неокесарію, апостолъ проходилъ многія мѣста, вездѣ разпространяя слово Божественнаго разума, и наконецъ достигъ до обширнаго города Самосата, лежащаго на границѣ Парѳянъ или Арменіи, гдѣ обитало множество армянъ, грековъ, и идолопоклонниковъ. Жили здѣсь и философы, которыхъ мнѣнія противорѣчили проповѣди апостольской. Но учитель Божественной мудрости сказалъ имъ слѣдующее: „Вы разсмотрите сами безпорядочную жизнь ложныхъ боговъ вашихъ, какъ они враждуютъ другъ противъ друга. Истинный Богъ одинъ. Онъ благъ и дѣлатель добра, и источникъ мира. Разсмотрите, кто творецъ четырехъ стихій и кто образовалъ изъ нихъ видимый міръ. Подумайте, кто распредѣлилъ планеты и звѣзды, и далъ имъ правильное всегдашнее теченіе? Онѣ не двигаются сами по себѣ, ибо бездушны, но волею Творца ихъ. Направьте стопы ваши на путь истинный, на путь искони избраннаго и проповѣданнаго пророками, Который напослѣдокъ явился намъ, примирилъ землю съ небомъ и даруетъ милость исповѣдающимъ Его. Познайте Владыку, благаго Бога истиннаго, Іисуса Христа, именемъ Котораго, какъ вы нынѣ видите, мертвые воз-

стаютъ, бѣсы бѣгутъ, а болѣзни и страсти упраздняются".

Сими и подобными наставленіями, долгое время апостолъ поучалъ ихъ; многіе увѣровали и крестились во имя Святыя Троицы.

Изъ Самосата апостолъ отправился въ Іерусалимъ, для празднованія Пасхи вмѣстѣ съ Пресвятою Богородицею. По совершеніи праздника, апостолъ вышелъ изъ Іерусалима, въ сопровожденіи Симона Кананита, Матѳія, поставленнаго на мѣсто Іуды Искаріотскаго, и Ѳаддея, въ городъ Едессъ. Тамъ остался Ѳаддей, у владѣтеля Авгаря, которому посланъ былъ нерукотворенный образъ Господа нашего Іисуса Христа, чудодѣйственною силою возвратившій царю здравіе тѣлесное и душевное. Блаженный Андрей съ остальными спутниками посѣщалъ города и села. Они вездѣ поучали народъ и творили чудеса; наконецъ достигли до земли Карталинской, прошли часть земли Тіулетской до рѣки, называемой Чорохи, безпрестанно проповѣдуя Христа Спасителя.

Апостолы посѣтили Сванетію, въ княженіе нѣкоей жены, которая приняла ихъ проповѣдь. Здѣсь остался Матѳій съ прочими учениками, а великій Андрей съ Симономъ отправился въ землю Осетинцевъ и достигъ города, Фостофоромъ называемаго, гдѣ они послѣ дивныхъ чудесъ обратили и просвѣтили многихъ.

Оставивъ Осетію, они посѣтили Абхазію и остановились въ городѣ Севастѣ, называемомъ нынѣ Сухумомъ, жители котораго приняли слово Божіе. Блаженный Андрей въ семъ городѣ оставилъ Симона Кананита съ прочими учениками, а самъ отправился въ землю Джигетовъ. Обитатели этой страны Джиги были

жестоки сердцемъ, погружены въ дѣлахъ нечестія, и по этому они не приняли проповѣди апостола, а искали случая умертвить его; но благодать Божія сохранила его. Блаженный, видя ихъ грубость, жестокосердіе и непреклонность, удалился; посему Джигетцы до сего времени остаются въ невѣріи. Отселѣ отправился апостолъ Христовъ въ страну, называемую верхнимъ Суадагомъ ([1]), нынѣ необитаемую; жители ея съ радостію приняли проповѣдь апостола и увѣровали въ Іисуса Христа.

Спустя нѣсколько времени, апостолъ посѣтилъ приморскій (Евксинскаго понта) городъ Босфоръ, лежащій близь земли Тавро-Гунновъ. Здѣсь указываютъ гробъ, съ надписью имени Симона Зилота; могила же Симона Кананита находится въ городѣ Никополѣ, лежащемъ между Абхазіею и Джигетіею.

Въ Босфорѣ апостолъ своею проповѣдію многихъ обратилъ въ христіанство и утвердилъ въ вѣрѣ. Изъ Босфора отправился въ Ѳеодосію, городъ обширный и многолюдный, управляемый въ то время правителемъ по имени Савроматомъ. Нынѣ онъ въ развалинахъ и безлюденъ. Малое число изъ жителей сего города увѣровали въ Спасителя, посему апостолъ оставилъ его и удалился въ городъ Готѳовъ, Херсонесъ, гдѣ обитали люди грубые и невѣрные. Онъ пробылъ у нихъ долгое время, обращая ихъ къ вѣрѣ.

Оставивъ Херсонесъ, апостолъ въ другой разъ посѣтилъ Босфоръ, утверждая жителей въ вѣрѣ; а отсюда Чернымъ моремъ отправился въ городъ Синопъ. Здѣсь привѣтствовалъ просвѣщенныхъ вѣрою, далъ

([1]) Въ 35 верстахъ отъ Владикавказа, въ Осетіи существуетъ и нынѣ аулъ Суадагъ.

имъ епископомъ одного изъ учениковъ своихъ по имени Филолога, посѣтилъ многіе приморскіе города и селенія, и основанныя имъ церкви, и достигъ Византіи. Въ знаменитомъ городѣ Хрисополѣ, или Золотоградѣ, онъ поставилъ епископомъ Стахія, одного изъ семидесяти учениковъ, прошелъ Византію, а въ мѣстечкѣ называемомъ Акрополисомъ построилъ церковь во имя Пресвятыя Богородицы, которая донынѣ находится вблизи вратъ городскихъ, называемыхъ Авгенопомъ, а самая церковь называется Армасономъ.

Отселѣ отправился въ ѳракійскій городъ Ираклію, и, оставаясь тамъ долгое время, посѣялъ сѣмя Божественнаго вѣдѣнія. Посѣщая города Македоніи, онъ проповѣдывалъ, поучалъ, утѣшалъ и изцѣлялъ больныхъ, крестилъ и утверждалъ въ вѣрѣ во Христа, созидалъ церкви, посвящалъ священниковъ и безпрестанно наставлялъ на путь истинной жизни. Въ Ѳессалоникіи Апостолъ оставался долго, поучая народъ и утверждая вѣрующихъ, наученныхъ св. апостоломъ Павломъ. Изъ Ѳессалоникіи отправился въ Пелопонисъ, посѣтилъ ахайскій городъ Патры и остановился у нѣкоего Сосія. Онъ нашелъ его на смертномъ одрѣ, и изцѣлилъ. Въ томъ же городѣ увидѣлъ еще человѣка, одержимаго жестокимъ недугомъ и лежавшаго на навозной кучѣ. Апостолъ сжалился надъ нимъ, подалъ ему руку, и именемъ Христовымъ воздвигъ его.

Вѣсть о семъ славномъ чудѣ распространилась по городу. Всѣ говорили о пришельцѣ, который именемъ нѣкоего Іисуса изцѣляетъ больныхъ, воскрешаетъ мертвыхъ и изгоняетъ духовъ нечистыхъ. Вѣсть сія дошла и до Анѳипата, именемъ Лезвіоса, человѣка, одержимаго духомъ идолопоклонства. Лезвіосъ внушалъ народу, что

пришелецъ тотъ волхвъ и льстецъ, и что непростительно вѣрить словамъ его, и вознамѣрился убить апостола. Но, когда размышлялъ о семъ, ночью явился ему ангелъ и грознымъ голосомъ сказалъ: „ты почто умышляешь злое на человѣка, именуемаго Андреемъ, и хочешь умертвить его? Ты отвергаешь Іисуса Христа, Котораго онъ проповѣдуетъ. Но вотъ рука Господа, разгнѣваннаго на тебя. Ты будешь разслабленъ дотолѣ, пока научишься отъ него истинѣ". Послѣ словъ ангельскихъ, Лезвіосъ пораженъ былъ невидимою язвою; онъ лишился дара слова и разудка. Но какъ скоро пришелъ въ себя, почувствовалъ совершенное разслабленіе. Тогда призвалъ воиновъ своихъ и умолялъ немедленно отыскать и привести человѣка—странника, для изцѣленія его отъ тяжкой болѣзни. Воины въ скорости нашли блаженнаго Андрея, и представили Анѳипату, который умолялъ его горькими слезами, говоря: „О, человѣкъ, пришлецъ и проповѣдникъ Бога инаго! помилуй меня заблужденнаго и чуждаго истины, простри руку помощи и изцѣли меня отъ язвы сей, и открой мнѣ двери разумѣнія". Ученикъ же благаго Владыки сжалился надъ нимъ, возложилъ руку на разслабленное тѣло его, возвелъ очи на небо, и произнесъ слѣдующую молитву:

„Господи Іисусе Христе! Боже истинный, Сынъ Единородный безначальнаго Бога! Сый прежде вѣкъ, и на послѣдокъ дней пришедшій на землю, для спасенія людей! Сотвори милость съ симъ рабомъ Твоимъ; изцѣли его отъ тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ, и удостой его быть Твоимъ служителемъ; соедини его стаду Твоему, дабы и онъ проповѣдывалъ славу Твою". Ска-

завъ это, апостолъ взялъ за руку больнаго и, поднявъ его, изцѣлилъ отъ недуга.

Тогда Лезвіосъ исповѣдалъ Бога и сказалъ апостолу: Истиненъ Богъ, котораго ты проповѣдуешь. Отнынѣ я рабъ Его и твой ученикъ, со всѣмъ моимъ семействомъ, и вѣрую въ Пославшаго тебя". Св. апостолъ отвѣтствовалъ: „Ежели ты такъ пламенно вѣруешь въ Господа нашего Іисуса Христа, то Онъ и дастъ тебѣ уразумѣть Себя". Такъ увѣровалъ Анѳипатъ, о изцѣленіи котораго радовался весь народъ. Жители стекались со всѣхъ сторонъ, и были свидѣтелями чудесъ, совершаемыхъ апостоломъ. При видѣ изцѣленія жестокихъ болѣзней посредствомъ молитвы, объятые чувствомъ удивленія вопіяли громогласно: „Великъ Богъ, Котораго проповѣдуетъ пришлецъ Андрей!" Потомъ устрѣмились на идольскія капища, разрушая и сожигая ихъ, и всѣ единодушно прославляли Бога. Анѳипатъ Лезвіосъ душевно радовался и усердно вспомоществовалъ людямъ во всѣхъ ихъ добрыхъ начинаніяхъ.

Слухъ о распространеніи проповѣди апостольской достигъ до императора Нерона. По его повелѣнію, смѣненъ былъ Лезвіосъ, и присланъ другой правитель. Обрадованный Лезвіосъ, съ радостію обратился къ блаженному Андрею, говоря: „Благой мой наставникъ! Отнынѣ я съ большею ревностію готовъ служить Господу; ибо я свободенъ отъ суетныхъ земныхъ занятій и славы: прими меня, апостолъ Христовъ!" Съ тѣхъ поръ, оставивъ всѣ дѣла мірскія, онъ повсюду сопровождалъ св. проповѣдника. Около сего времени, Андрей видѣлъ слѣдующее сновидѣніе: является ему Іисусъ Христосъ и говоритъ: „Андрей, избранный Мой! Возложи руки на Лезвіоса и сообщи ему благодать твою,

а самъ возьми крестъ твой, и спѣши въ Патры;—ибо скоро оставишь міръ сей, для полученія уготованнаго тебѣ вѣнца". Проснувшись, апостолъ разсказалъ о видѣніи ученикамъ своимъ, а самъ, по повелѣнію Господа, отправился въ Патры.

По отставленіи Лезвіоса отъ должности правителя, занялъ мѣсто его нѣкто Егеатъ—человѣкъ, проникнутый духомъ идолослуженія. Жена его Максимилла, слыша о чудесахъ, совершаемыхъ апостоломъ Христовымъ, отправила къ нему вѣрную рабыню свою, по имени Иѳидамію, женщину разсудительную, чтобы болѣе удостовѣриться въ истинѣ распространившагося ученія. Иѳидамія пришла въ домъ Сосія, у котораго жилъ апостолъ. Здѣсь она услышала то высокое благовѣстіе, которое такъ сладостно исходило изъ устъ его, и, возвратившись къ госпожѣ своей, разсказала ей обо всемъ, что видѣла и слышала.

Спустя нѣсколько дней, жена Анѳипата заболѣла смертною болѣзнію и была оставлена всѣми врачами. Въ минуту отчаянія, она вспомнила о Андреѣ, и призвала его. Апостолъ явился и нашелъ больную въ отчаяніи, а мужа ея въ совершенномъ ожесточеніи. Онъ держалъ въ рукахъ мечь, готовый умертвить себя, тотчасъ послѣ смерти жены. Апостолъ сказалъ ему голосомъ, исполненнымъ кротости и любви: „Вложи мечь твой въ ножны, и призови Господа, Бога неба и земли; вѣруй во имя Его, и ты спасешься съ женою твоею". Анѳипатъ стоялъ какъ окаменѣлый, ничего не отвѣчая. Ревностный же ученикъ Врача душъ и тѣлесъ возложилъ руку на главу страждущей жены, и жестокое воспаленіе вдругъ оставило ее. Она потребовала пищи, по принятіи коей, встала съ одра здравою,

славя Бога. Многіе изъ видѣвшихъ столь дивное исцѣленіе увѣровали въ Господа.

Нѣкоторые умоляли его идти на пристань, гдѣ лежалъ прокаженный, человѣкъ, нѣкогда знаменитый родомъ и богатствомъ. По причинѣ зловонія никто не приближался къ нему, а только издали бросали ему хлѣбъ, какъ бы псу. Весь народъ принималъ участіе въ его страданіяхъ, но никакой врачь не могъ исцѣлить его. Ученикъ милостиваго Владыки, услышавъ о томъ, поспѣшилъ къ больному и, не страшась его зловонія, сказалъ: „я пришелъ исцѣлить тебя благодатію Господа нашего“. Послѣ сихъ словъ, больной воспрянулъ, сбросивъ съ себя рубище, проникнутое смрадомъ и червями. Апостолъ повелъ его къ морю, и, сотворивъ молитву, погрузилъ въ воду. Страждущій вышелъ изъ ней совершенно здравымъ, безъ всякихъ признаковъ долгой болѣзни. Апостолъ обратился къ изумленнымъ жителямъ и приказалъ имъ снабдить несчастнаго одѣяніемъ; но исцѣленный обнаженнымъ бѣгалъ по всему городу, дабы всѣ видѣли, отъ какой мучительной болѣзни онъ исцѣлился, и восклицалъ: „Благодарю Тебя, Господи, Боже мой! Ты сотворилъ милость, и всѣми оставленнаго утѣшилъ; Ты призрилъ меня, и обновилъ истлѣвшаго. Слава Тебѣ, Владыко страшный!“

Жители города Патры со всѣхъ сторонъ стекались и обращались къ апостолу. Онъ же поучалъ ихъ слову жизни и благодати, вѣрѣ правой и заповѣдямъ Божіимъ; а приходящихъ къ нему больныхъ, какими бы они ни были одержимы болѣзнями, исцѣлялъ посредствомъ возложенія рукъ.

Жители, озаренные свѣтомъ истины, разрушали капища и сокрушали идоловъ, были ли они золотые, или

серебряные, каменные или деревянные; книги языческой мифологіи сожигали, и большія пожертвованія полагали къ ногамъ блаженнаго апостола. Ученики его снабжали ими нуждающихся вдовъ и сиротъ, а нѣкоторую часть употребляли на сооруженіе и украшеніе церквей, сами довольствуясь самою малою пищею. Апостолъ заповѣдалъ всѣмъ читать книги ветхаго и новаго завѣта и почитать священниковъ и діаконовъ, которыхъ рукоположилъ. Онъ предложилъ вѣрнымъ, построить большую церковь, что и было исполнено ими со всею ревностію и усердіемъ. По окончаніи строенія, апостолъ велѣлъ расписать стѣны храма изображеніями, взятыми изъ повѣствованій книгъ ветхаго и новаго завѣта, какъ свидѣтельствуютъ жители сего города.

Анѳипатъ Егеатъ, послѣ дивнаго изцѣленія жены его, отправился въ Римъ повидаться съ императоромъ Нерономъ. Тамъ жилъ братъ Егеата, именемъ Стратоклисъ, который, испросивъ у императора позволеніе оставить званіе философа, прибылъ въ Патры, въ сопровожденіи вѣрнаго раба своего, по имени Алкмана. Въ Патрахъ рабъ сей впалъ въ болѣзнь, будучи одержимъ злымъ демономъ. Стратоклисъ, видя его страждущимъ жестоко и въ бѣшенствѣ терзающимъ собственное тѣло, сердечно о немъ сокрушался. Но когда узналъ отъ жены брата своего Максимиллы, какъ она сама была избавлена отъ смерти блаженнымъ Андреемъ, Стратоклисъ умолилъ ее призвать къ себѣ апостола Христова. Максимилла послала къ нему вѣрную рабу свою Ифидамію. Блаженный Андрей явился въ преторію и объявивъ всѣмъ, что въ этомъ домѣ обитаетъ нечистый духъ, прямо обратился къ страждущему юношѣ, при которомъ находился и Стратоклисъ. Рабы Страто-

клисовы, видя рубище Апостола, приняли его за человѣка простаго, не стоющаго уваженія, и принуждали удалиться; но нѣкоторые изъ гражданъ, которые знали его, заставляли ихъ молчать. Максимилла же, услышавъ о прибытіи апостола, съ поспѣшностью вышла на встрѣчу и поклонилась ему. Апостолъ, послѣ обычнаго привѣтствія, сказалъ ей: „Вотъ сколько здѣсь волхвовъ и чародѣевъ собрано около юноши и не оказываютъ ему никакой помощи; почему же они не изгоняютъ злыхъ духовъ? Потому что они свойственники и друзья имъ; а я, именемъ Господа моего, изцѣлю его". Сказавъ это, онъ началъ молиться: „Господи, Іисусе Христе, всегда пріемлющій моленія рабовъ Твоихъ! Прими нынѣ молитву мою, изгони бѣса и изцѣли юношу, во славу святаго имени Твоего". Потомъ сказалъ злому духу: „Именемъ Господа моего Іисуса Христа повелѣваю тебѣ, духъ нечистый, оставить юношу и градъ сей, избѣгая и странъ, оглашенныхъ проповѣдію братьевъ моихъ, апостоловъ Господа Іисуса Христа". Вдругъ страшнымъ голосомъ воскликнулъ демонъ: Человѣкъ Божій! По приказанію твоему удаляюсь". Послѣ сихъ словъ юноша палъ, какъ мертвый; апостолъ поднялъ и возвратилъ его господину.

Свидѣтели столь славнаго чуда—Стратоклисъ, Максимилла и Ифидамія, увѣровали въ Господа; а изцѣленный Алкманъ и многіе другіе умоляли апостола удостоить ихъ св. крещенія. Блаженный совершилъ надъ ними св. таинство; они же постоянно находились при апостолѣ и ученикахъ его, которые наставляли ихъ въ правилахъ вѣры и добродѣтели. Достохвальный апостолъ внушалъ имъ, чтобы они мало думали о тлѣнной плоти, а болѣе постились бы, постоянно заботясь

о сохраненіи тѣла въ чистотѣ; благодѣтельствовали бы нищимъ; ненавидѣли корыстолюбіе, многоглаголаніе, ложь; и всегда благодарили Бога.

Около сего времени прибылъ изъ Рима Анѳипатъ Егеатъ. Жена его Максимилла отказалась раздѣлять съ нимъ брачное ложе, извиняясь нездоровьемъ, но тайно исполняя заповѣдь о чистотѣ. Такой поступокъ жены удивилъ Анѳипата; но онъ не долго оставался въ недоумѣніи. Одинъ изъ рабовъ сказалъ ему, что братъ его, жена и многіе другіе увѣровали въ Бога Андреева и приняли христіанство.

Вѣсть сія исполнила гнѣвомъ беззаконника. Онъ приказалъ заключить въ темницу Христова проповѣдника, какъ нѣкогда Иродъ Іоанна Крестителя, а женѣ сказалъ: „оставь ученіе старца-пришельца и будь госпожею всего моего имущества; если же не хочешь, я велю распять пришельца и убить тебя". Максимилла, не обращая никакого вниманія на угрозы мужа, постоянно думала о ученіи апостола, которому, во время тайныхъ свиданій, сообщала о замыслахъ Егеата. Апостолъ же, укрѣпляя ее въ вѣрѣ, говорилъ: „храни всегда страхъ Божій и заповѣди Его, терпи все случившееся съ тобою, ради имени Христова, и ты получишь вѣчную радость; а мое распинаніе на крестѣ есть величайшая для меня радость. Пострадать такъ, какъ пострадалъ Господь, и быть постоянно съ Нимъ,— это мое единственное желаніе".

Подобныя слова болѣе одушевили и укрѣпили Максимиллу. Она явно объявила мужу, что уже христіанка и потому болѣе не хочетъ осквернять себя нечистотою, и не боится временной смерти, какъ училъ ее апостолъ Христовъ.

Слова жены привели въ ярость уже разгнѣваннаго мужа. Онъ устремился въ темницу, собственноручно заключилъ ея двери, приложивъ къ нимъ печать, и строго запретилъ стражамъ кого-либо туда пускать. Ночью Стратоклисъ, Максимилла и вся братія подошли къ темницѣ. Апостолъ, узнавъ о посѣщеніи ихъ, осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ двери, и онѣ отверзлись сами собою. Изумленнымъ и ужаснувшимся стражамъ онъ сказалъ, голосомъ сильнымъ, но кроткимъ: „не бойтесь! Анѳипатъ не узнаетъ о семъ". Темница, освященная посѣтителями, болѣе походила на церковь. Апостолъ, послѣ божественныхъ поученій, потребовалъ хлѣба и вина для литургіи, совершилъ таинство Евхаристіи и пріобщилъ всѣхъ пречистаго тѣла и крови Владычнихъ. Стратоклиса рукоположилъ во епископа, а другихъ во священники и діаконы и заповѣдалъ имъ совершать литургію со страхомъ и благоговѣніемъ. Онъ преподалъ имъ правила для чтенія псалмовъ и различныхъ молитвъ и, облобызавъ ихъ, отпустилъ съ миромъ. Двери же темницы, силою крестнаго знаменія, опять затворились.

Злочестивый Егеатъ, раздраженный отказомъ жены своей, искалъ случая погубить ее; но, опасаясь мщенія родителей ея, излилъ весь ядъ злобы своей на Богоноснаго Андрея. Онъ предалъ его воинамъ, и, какъ нѣкогда Пилатъ — Іисуса Христа, осудилъ на распятіе.

Блаженный апостолъ, еще издали увидѣвъ крестъ, воздвигнутый для него, радостно къ нему устремился, и, ставъ предъ нимъ на колѣна, произнесъ сію хвалебную пѣснь:

„Радуйся всечестный Крестъ! Съ веселіемъ предстою

тебѣ. Радуйся животворящій Крестъ! Я знаю тебя—мою надежду, знаю чудеса твои, для которыхъ ты насажденъ на землѣ, дабы возстановить падшихъ и укрѣпить колеблющихся. Радуйся Крестъ честный, глава котораго касается небесъ, прообразуя тѣмъ Главу всѣхъ Бога-Слова! Средина твоя, на подобіе рукъ, распростерта, чтобы сокрушить силу вражію и разсѣянныхъ совокупить во едино; а подножіе твое утверждено во глубинѣ земли, дабы сѣдящихъ въ преисподней возвести на небо. Радуйся всечестный Крестъ, сокрушитель силы демонской!

Радуйся древо жизни, насажденное на землѣ, плоды котораго суть сокровище неба! Радуйся преславный Крестъ, сладчайшій именемъ и дѣлами!

Радуйся Крестъ достопоклоняемый, принявшій на себя моего Владыку, подобно виноградной лозѣ, гроздіемъ отягченный. Радуйся Крестъ благословенный, спасшій разбойника, и даровавшій ему плоды исповѣданія! Радуйся всехвальный Крестъ, — ты, который приводишь къ Богу всѣхъ достойныхъ увѣровать въ Него".

„Пріидите, свидѣтели моей радости; исполнители воли Егеата, исполните волю обоихъ. Распните агнца, принесите въ жертву Творцу сотвореннаго Имъ, а духъ мой Давшему его мнѣ".

По окончаніи сего пѣснопѣнія, распинатели приступили къ апостолу, чтобы простерть его на крестѣ. Руки и ноги, по приказанію Егеата, не были пригвождены, а только привязаны вервіями, съ тою цѣлію, какъ думалъ нечестивый правитель, чтобы продолжительностію мученій одолѣть твердость апостола.

Народъ съ благоговѣніемъ взиралъ на мученика,

который, раскрывъ уста, такъ поучалъ его: „Неприлично страшиться смерти тѣмъ, которые подвизаются въ этомъ мірѣ. Они достигаютъ вѣчнаго успокоенія. Рабы грѣха спѣшатъ на казнь. Братья! возлюбите искренно вѣру во Отца, Сына и Св. Духа, храните заповѣди Господа Іисуса Христа, и тѣмъ явите себя достойными вѣчнаго блаженства".

Прошелъ день, прошла ночь, а изъ устъ апостола непрерывно истекали слова любви и утѣшенія. Достойный Стратоклисъ приходилъ къ апостолу, съ желаніемъ снять его со креста; но онъ отказалъ ему, и, оставаясь на крестѣ четверо сутокъ, постоянно поучалъ народъ сильнымъ словомъ. Лице его не измѣнялось, голосъ не ослабѣвалъ, вздохи не вылетали изъ его сердца, глаза не увлажались слезами; но ликъ его, полный благодати божественной, озаренъ былъ небеснымъ свѣтомъ. Народъ ублажалъ его, слава Бога, прославившаго раба Своего, и милующаго всѣхъ, уповающихъ на Него.

Жители окружили судилище, на которомъ сидѣлъ Егеатъ, и громогласно проклинали его; ибо онъ столь невиннаго и добродѣтельнаго человѣка осудилъ на жесточайшую смерть.

Нечестивый правитель, видя, что ожесточенный народъ готовъ покуситься на жизнь его, ужаснулся, и произнесъ слова, исполненныя лести: „я погрѣшилъ и раскаиваюсь; иду самъ снять его со креста". И, дѣйствительно, пошелъ къ мученику; но блаженный апостолъ, видя его, громко къ нему возвалъ: О, Егеатъ! Зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ? Я далекъ отъ тебя. Для чего лицемѣришь, будто намѣренъ снять меня со креста, и принести раскаяніе? Я далекъ отъ тебя; ибо сердце

твое объято лукавствомъ, а не раскаяніемъ. Ты напрасно ищешь случая освободить меня: я давно свободенъ. Меня любитъ и милуетъ Избавитель мой. Къ Нему спѣшу, — иду къ Тому, Кто открылъ мнѣ дѣла твои, и сказалъ: не принимай приношенія отъ Егеата, и не страшись его гнѣва".

Сказавъ это, апостолъ возвелъ очи къ небу, хваля Бога. Въ послѣдній разъ со креста благословилъ онъ братьевъ своихъ, и скончался съ миромъ, предавъ духъ свой Господу, ноября 30 дня.

Кончина славнаго апостола оплакиваема была всѣми. Достойный епископъ Стратоклисъ и раба Господня Максимилла сняли святое тѣло со креста и, помазавъ ароматами, погребли его съ великою честію.

Нечестивый Егеатъ, мучимый совѣстію за неправедную казнь апостола Христова, и снѣдаемый скорбію о потерѣ жены своей Максимиллы, впалъ въ мрачное уныніе и въ припадкѣ сумасшествія бросился въ пропасть. Стратоклисъ, братъ его, не захотѣлъ наслѣдовать его имуществу, говоря: „Егеатъ! все твое да исчезнетъ вмѣстѣ съ тобою, а наслѣдіемъ моимъ да будетъ единый Господь, Которому я предалъ себя". Максимилла также не коснулась богатства мужа своего, а съ вѣрною рабынею своею Ифидаміею, во все продолженіе жизни своей, находилась при гробѣ св. апостола Андрея. Стратоклисъ и Максимилла часть изъ собственнаго имѣнія раздали нищимъ, а другую опредѣлили для сооруженія церквей. Долговременна была благочестивая жизнь ихъ, и кончина тихая, блаженная. Со дня преставленія Первозваннаго апостола Христова, безпрестанно совершались великія чудеса. Всѣ страждущіе, съ вѣрою прибѣгавшіе къ святому гробу его, исцѣлялись во славу Бога и въ честь Его апостола.

Теперь разскажу о перенесеніи св. тѣла апостольскаго въ городъ Константинополь, чтобы всѣ вѣдали, какъ это совершилось, и гдѣ оно погребено.

По прекращеніи гоненія противъ христіанъ, бывшаго въ царствованіе Діоклитіана и Максиміліана, Максимина и Максентія, истребленныхъ небеснымъ гнѣвомъ, свѣтъ міра излился на церковь Христову. Благодатію Св. Духа является благочестивый, равноапостольный царь, Константинъ великій. По его повелѣнію, всѣ вѣрные исповѣдники Христа получаютъ свободу и возвращаются изъ заточенія; явнымъ дѣлается исповѣданіе имени Іисуса Христа и распространяется христіанство по всей имперіи; воздвигаются церкви, умножаются архіереи, и благими дѣлами исполняется весь міръ. Наконецъ мать царя, благочестивая Елена, обрѣтаетъ честный и животворящій Крестъ Господень.

По смерти Константина великаго, воцарился сынъ его Констанцій. Онъ построилъ великолѣпную церковь во имя св. апостолъ, въ новомъ Римѣ—Константинополѣ, съ тою цѣлію, чтобы положить въ нее св. останки мужей апостольскихъ, которыхъ благодать охраняла бы городъ.

Онъ призвалъ Артемія, человѣка славнаго между всѣми правителями, который въ послѣдствіи, при отступникѣ Іуліанѣ, удостоился свѣтлаго мученическаго вѣнца за исповѣданіе имени Христова.

Артемій былъ сынъ знаменитаго вельможи, исполненъ разума и добродѣтели и почтенъ любовію царя Константина и сына его: „Спѣши", сказалъ ему Констанцій, „въ ахайскій городъ Патры, и съ честію перенеси сюда останки всехвальнаго апостола Андрея, да почіютъ въ воздвигнутой мною церкви". Доблестный

Артемій немедленно отправился въ Патры. Тамъ, у гроба апостола, проведя всю ночь въ бдѣніи и пѣснопѣніяхъ, онъ наконецъ открылъ раку и вынулъ изъ нея св. мощи. Пришествіе блаженнаго Артемія въ Патры почтено было самимъ апостоломъ; ибо онъ не препятствовалъ ему перенести земные останки свои въ Константинополь. Артемій, по тѣмъ мученическимъ подвигамъ, которые долженъ былъ совершить въ послѣдствіи, достоинъ былъ такой чести.

Когда вынулъ онъ сокровище мощей изъ гроба съ подобающею честію, жители окрестныхъ городовъ со свѣчами и кадильницами выходили на встрѣчу святыни и провожали ее съ пѣніемъ. За вратами царственнаго города, благочестивый царь съ архіереями и синклитомъ, имѣя въ рукахъ зажженыя свѣчи и кадильницы, встрѣтили апостола Христова. Духовные и міряне, юноши и дѣвы, старцы и дѣти, всѣ единогласно воспѣвали и лобызали раку страдальца.

Столбъ истины, твердыня вѣры и вѣрныхъ, сокровище вожделѣнное, честнѣйшій паче всякаго камени честна, злата и жемчуга, храмъ Бога живаго, тѣло св. апостола положено было въ алтарѣ между двумя гробницами — евангелиста Луки и Тимоѳея, проповѣдника истины, которыхъ останки перенесены были тѣмъ же Артеміемъ, еще при жизни царя Константина, первый съ мѣста его кончины, а Тимоѳей изъ Ефеса, гдѣ онъ былъ рукоположенъ во епископа.

За перенесеніе св. мощей и усердную службу, Артемій почтенъ былъ царемъ Константіемъ высокою славою, облеченъ властію правителя города Александріи и всего Египта. А отъ вѣчнаго и безсмертнаго Владыки ему дана свыше честь вѣчная и непреходящая,

онъ удостоенъ славы невечерней, царства безконечнаго и лицезрѣнія Христа Спасителя, Которому слава, честь и поклоненіе, со Отцемъ и Св. Духомъ, всегда и нынѣ, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Святый апостолъ Христовъ, Андрей Первозванный! Ты, который сказалъ первоверховному брату твоему Петру: „мы обрѣли Мессію, предсказаннаго пророками, Христа Назорянина, Спасителя міра“, — и немедленно послѣдовалъ за Нимъ,—ты будь защитникомъ и покровителемъ списателя сей книги, недостойнаго іеромонаха Романа, и сохрани его отъ всякаго смертнаго грѣха. Аминь.

РѢЧЬ

КЪ ВОСПИТАННИКАМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ

при окончаніи перваго учебнаго года послѣ преобразованія семинаріи, сказанная ректоромъ семинаріи архимандритомъ Хрисанфомъ—28-го іюня 1869 года.

Отнынѣ окончаніе каждаго учебнаго года будетъ законченнымъ моментомъ въ исторіи нашего заведенія, и временемъ для рѣшенія вашихъ судебъ...

Многіе изъ васъ—въ настоящія минуты въ послѣдній уже разъ предстоятъ здѣсь въ качествѣ воспитанниковъ школы, приносятъ послѣднюю молитву въ томъ храмѣ, предъ святынею котораго молились такъ долго и такъ часто.....

Васъ ожидаетъ первый рѣшительный шагъ въ вашей еще молодой жизни,—и я увѣренъ, что ваша мысль въ настоящія минуты всецѣло устремлена въ ваше будущее съ вопросами, ожиданіями, недоумѣніями относительно этого будущаго, всегда тревожнаго по своей неопредѣленности, а нынѣ, въ переходную эпоху нашей жизни, особенно тревожнаго.....

Минуя тѣхъ немногихъ, которые оставятъ нашу школу за тѣмъ, чтобы продолжить и закончить начатое

въ ней образованіе въ одномъ изъ центровъ русской богословской науки,—такъ близкомъ къ намъ и пространствомъ, и отчасти внутреннимъ бытомъ (1), я обращаюсь прежде всего къ тѣмъ изъ васъ, которые уже закончили здѣсь свое научное развитіе и изъ школы прямо должны перейдти въ жизнь—на то великое служеніе, для котораго и устроено собственно наше учебное заведеніе.

Но... не о величіи этого служенія я хотѣлъ бы говорить съ вами въ эти послѣднія минуты вашего пребыванія среди насъ. И о величіи пастырскаго служенія, равно какъ и о томъ, въ чемъ должно состоять оно, вы уже слышали, слышали много,—и трудно передать въ короткой бесѣдѣ то, что служило содержаніемъ цѣлой науки, и притомъ не одной науки. Если бы, впрочемъ, мнѣ нужно было въ послѣднія минуты вашей жизни среди насъ вкороткѣ напомнить вамъ о томъ, что было предметомъ науки о пастырствѣ, священствѣ, я сказалъ бы вамъ слѣдующее не многое: вы должны быть для остальнаго общества представителями высшихъ, идеальныхъ началъ человѣческой жизни, т. е. того, что не даетъ человѣческой мысли затеряться среди дробныхъ явленій матеріи, того, что единственно препятствуетъ человѣческому эгоизму обратить жизнь человѣческихъ обществъ въ одну чисто животную „борьбу за существованіе", что единственно благородитъ эту жизнь мыслію о небѣ, о томъ, что есть нѣчто высшее обычныхъ земныхъ, эгоистическихъ, меркантильныхъ разсчетовъ, того, безъ чего наша жизнь сдѣлалась бы безплоднымъ и безцѣльнымъ процессомъ, за которымъ одно ничтожество, того, наконецъ, безъ чего не только

(1) Разумѣется С.-Петербургская духовная академія.—*Авт.*

умерли бы всѣ такъ называемые нравственно-соціальные интересы, но и едва ли уцѣлѣла бы сама наука... Вотъ ваше великое призваніе въ мірѣ. Я, пожалуй, могъ бы сократить это еще болѣе, и сказать только вотъ что: вы должны быть среди общества представителями духа любви. Да! любви, потому что высшія начала жизни и проявляются въ дѣйствительности, какъ нравственная любовь къ человѣку,—та любовь, что не можетъ не скорбѣть о человѣческомъ невѣжествѣ, о человѣческой испорченности, та любовь, что готова саму себя отдать на жертву ради высшихъ цѣлей человѣческой жизни. Да! священникъ—это сердце общины, это ея другъ-утѣшитель. Я прибавилъ бы къ этому въ заключеніе, что такой любви отъ васъ давно уже ждетъ нашъ бѣдный, темный, неразвитый народъ, который, подъ бременемъ тяготѣвшаго надъ нимъ рабства и матеріальныхъ лишеній, до нынѣ еще сознательно и свободно не поднималъ головы своей къ Небу...

Но повторяю — не объ этомъ я хотѣлъ бы говорить съ вами, потому что не объ этомъ, по всей вѣроятности сами вы думаете теперь. Я боюсь, чтобы вы не возразили мнѣ: къ чему рѣчь о пастырствѣ, священствѣ, когда это священство теперь еще далеко отъ насъ, когда до него нужно пройдти еще низшую степень служенія, и когда не извѣстно еще, достигнемъ ли мы священства...

Не удивительно, что новая реформа быта духовенства можетъ пораждать и пораждаетъ различнаго рода недоразумѣнія. Но причина этихъ недоразумѣній главнымъ образомъ въ томъ, что это ново, что этого прежде не было... Все новое, хотя бы и лучшее прежняго,

стараго, все, нами неиспытанное, дѣйствуетъ на насъ сначала не иначе, какъ такъ...

Священство дается не вдругъ и непосредственно послѣ того, какъ вы оставите школу. Но не затѣмъ ли это, чтобы возвысить до нынѣ униженный санъ этого священства, чтобы положить конецъ тому печальному матеріальному положенію русскаго духовенства, какого отъ начала христіанской исторіи не знала ни одна христіанская страна? Не за тѣмъ ли это, чтобы русскій священникъ пересталъ быть простымъ совершителемъ требъ для народа, который смотрѣлъ на нихъ иногда, какъ на какую то непонятную для него необходимость, какъ на тяжелую повинность, и платилъ за нихъ часто съ ропотомъ, неудовольствіемъ? Не затѣмъ ли это, чтобы русскій священникъ пересталъ мыслиться, какъ какой-то чиновникъ, который поставленъ у народа лишь затѣмъ, чтобы слѣдить за важнѣйшими актами въ жизни гражданина—рожденіемъ, смертію,—и выдавать о томъ свидѣтельства, не болѣе? Не затѣмъ ли это, наконецъ, чтобы прекратить то по истинѣ жалкое матеріальное положеніе священника, которое часто приравнивало его къ быту простаго поденщика, которое приковывало его мысль и чувство къ землѣ, къ вопросу о кускѣ хлѣба, отвлекая отъ высшихъ интересовъ его служенія? Да! Русское духовенство, взятое въ массѣ, до нынѣ еще, кажется, и не подозрѣвало въ себѣ того могущества, которое скрыто въ немъ, той нравственной власти надъ народомъ, которая гораздо выше всѣхъ внѣшнихъ чиновъ и отличій, до нынѣ не начинало еще, кажется, дѣйствовать на народъ этимъ для него непривычнымъ внутреннимъ способомъ нравственнаго владычества... И не ужели нужно желать, чтобы продолжался этотъ

порядокъ вещей, чтобы продолжалась инерція этой нравственной силы, нѣкогда дѣйствовавшей, а затѣмъ парализованной подъ вліяніемъ многихъ и различныхъ историческихъ обстоятельствъ? А новый бытъ духовенства, требуя практической подготовки къ пастырскому служенію и обставляя довольствомъ его матеріальное положеніе, и имѣетъ въ виду вызвать эту нормальную пастырскую дѣятельность...

Путь этого приготовленія къ священству лежитъ чрезъ низшую ступень служенія, теперь такъ непочтенную, тяжелую... Но изъ того, что такъ было до нынѣ, не слѣдуетъ, что такъ будетъ и такъ должно быть. Воззрѣнія на службу измѣняются вмѣстѣ съ перемѣною лицъ, занимающихъ извѣстную должность, и съ перемѣною обязанностей и значенія, соединенныхъ съ этою должностію. Въ другихъ христіанскихъ странахъ эти обязанности клирика исполняются лицами высшаго богословскаго образованія, съ высшими учеными степенями, и никто не думаетъ видѣть въ этомъ униженіе ихъ достоинства. Я не говорю уже о томъ, что такъ было и въ древней Церкви, что великіе отцы Церкви начинали свое служеніе съ тѣхъ же низшихъ степеней. Но, что всего главнѣе, съ этимъ низшимъ служеніемъ связана часть уже чисто пастырскаго служенія,—учительство народа, то учительство, въ которомъ такъ нуждается наша громадная страна... Вы напрасно думаете, если думаете, что кто нибудь вполнѣ замѣнитъ васъ для народа въ этомъ дѣлѣ учительства. Не кому замѣнить васъ вполнѣ въ нашей необъятной странѣ, такъ нуждающейся въ людяхъ... И такъ, вы — начало дѣйствія той силы, великой нравственной силы, которая должна пробудить отъ сна спящую мысль могучаго народа. Да! то могу-

щество нашей необъятной страны, какое ожидается въ будущемъ, и которое такъ занимаетъ всѣ народы міра, то умственное развитіе русскаго народа, которое неминуемо отзовется движеніемъ на цѣлой, быть можетъ, міровой исторіи, должно начаться съ тѣхъ селъ, деревень, лѣсныхъ „починковъ", въ которыхъ живетъ теперь нашъ нынѣшній темный человѣкъ, пока ничѣмъ себя не заявляющій... Здѣсь, въ этихъ лѣсахъ и дебряхъ, скрыта сила, которая должна преобразить лице русской земли. Вы первые цивилизаторы этого многомилліоннаго народа... Вы дѣятели не для Церкви только, но и для государства—и притомъ дѣятели, стоящіе въ самой основѣ государственной жизни. Участь даже завидная съ нравственной точки зрѣнія, приготовленіе къ пастырству, вполнѣ достойное того значенія, къ которому призывается священникъ, какъ душа общины, какъ ея нравственная власть и сила...

Да будетъ же миренъ исходъ вашъ въ жизнь, и *да не смущается сердце ваше...* Вѣрьте, есть невидимый Правитель Церкви, Который, конечно, ко благу направляетъ дальнѣйшія судьбы Ея...

Другіе изъ васъ оставятъ нашу среду затѣмъ, чтобы, вмѣсто богословской спеціальности, посвятить себя занятіямъ въ другихъ родахъ знанія,—изученію человѣка въ его физіологической сторонѣ, изученію видимой природы и т. п. Наши заведенія искони, со времени учрежденія въ Россіи высшихъ спеціальныхъ школъ, давали изъ себя дѣятелей для всѣхъ сферъ знанія и жизни, служа источникомъ силъ свѣжихъ, разумныхъ. Наши заведенія никогда не знали той узкой обособленности въ своемъ устройствѣ, какая существовала и существуетъ на западѣ въ церковныхъ школахъ. Быть

нашихъ духовно-учебныхъ учрежденій, служившихъ цѣлямъ не церковнымъ только, но и общественнымъ, искони служилъ нагляднымъ выраженіемъ того широкаго воззрѣнія нашей Церкви, по которому нѣтъ раздѣленія между религіею и наукою, между обществомъ и Церковію, той высокой, истинно христіанской идеи, что всякое научное занятіе—изученіе ли духа съ его таинственными проявленіями, или мертвой матеріи съ ея механическими законами, одинаково есть въ извѣстномъ смыслѣ служеніе Богу, Богу *разумовъ*, Богу истины... Новый бытъ нашихъ заведеній не измѣнилъ этаго порядка вещей. Такъ было, такъ и будетъ. И, какъ бы ни прискорбно было, что въ силу этого, насъ оставляютъ иногда наши лучшія силы, сѣтовать на это мы не можемъ. Мы напутствуемъ исходъ ихъ своими благожеланіями и предлагаемъ одинъ совѣтъ—не забывать среди занятій въ другихъ родахъ знанія и жизни о томъ, во имя чего здѣсь—у насъ соединяются будущіе дѣятели всѣхъ родовъ жизни, что дѣйствительно есть источная сила всей и всякой человѣческой жизни, что одинаково нужно и медику, и юристу, и натуралисту, что есть единственная цивилизующая міръ сила. Имя этой силѣ: евангельская истина, евангельская любовь...

Еще другіе оставятъ нашу школу невольно—вопреки своимъ желаніямъ и ожиданіямъ. Къ счастію, такихъ немного. Говорю къ счастію, потому что невольный выходъ изъ школы воспитанниковъ школы есть несчастіе—если не для нихъ самихъ, то для самой школы. Школа существуетъ затѣмъ, чтобы всѣ успѣвали, и есть страны, гдѣ хорошо организованныя школы почти не знаютъ того, что такое неуспѣвающій, неисправимый воспитанникъ. Къ этому стремится и нашъ

новый уставъ, усиливая педагогическій надзоръ за успѣхами, и облегчая и осмысляя педагогическіе пріемы. И въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что вмѣстѣ съ временемъ и мы избавимся отъ этой печальной необходимости произносить „отлученія“ отъ школы; нѣтъ сомнѣнія, что съ каждымъ годомъ этихъ отлученныхъ будетъ меньше и меньше. Нынѣшнее явленіе этого отлученія есть еще результатъ стараго порядка вещей. Правда, подобное утѣшеніе въ будущемъ не можетъ имѣть никакого значенія для тѣхъ, кто въ настоящую минуту испытываетъ эту печальную участь. Я и не думаю утѣшать ихъ, хотя могъ бы сказать многое въ ихъ утѣшеніе. Я могъ бы замѣтить, что собственно несчастія никакого нѣтъ въ этомъ невольномъ исходѣ изъ нашей школы. Всѣ вы еще слишкомъ молоды, чтобы отчаяваться въ своемъ будущемъ. Немного напряженныхъ усилій съ вашей стороны,—и участь ваша вдругъ измѣнится. Россія слишкомъ нуждается въ людяхъ, въ молодыхъ, свѣжихъ силахъ, чтобы вы не могли найдти себѣ исхода въ жизни, исхода, быть можетъ, лучшаго, чѣмъ какой ожидалъ бы васъ при добровольномъ оставленіи нашей школы. Мѣшаетъ этому только наша сословная косность и нажитая подъ вліяніемъ сословности инерція въ жизни... Подъ вліяніемъ этихъ сословныхъ воззрѣній мы привыкли думать, что все кончено для насъ, какъ скоро разрывается связь съ нашею средою, что подъ ногами нашими открывается бездна, какъ скоро мы принуждены оставить наше сословное заведеніе. Бездны въ дѣйствительности никакой нѣтъ. Многое множество сферъ и родовъ жизни зоветъ васъ къ себѣ. Всюду открыты двери. Кромѣ избитой рутинной колеи многое множество другихъ путей. Пора уже оста-

вить эти фальшивые взгляды, пора перестать чуждаться другихъ сферъ, какъ будто не для насъ назначенныхъ, пора перестать смотрѣть и на наши заведенія, какъ наше родовое достояніе, какъ на какія то благотворительныя сословныя учрежденія...

Всѣ вы, наконецъ, на время оставите стѣны школы съ ея монотоннымъ порядкомъ въ жизни, съ ея дисциплиною, и со всѣмъ, что призываетъ васъ къ порядку. Школа на время отдаетъ васъ жизни, и хорошо дѣлаетъ. Нужно освѣжить ваши напряженныя силы притокомъ новыхъ, свѣжихъ ощущеній, которыхъ не знаетъ и не можетъ знать наша школьная жизнь. И вотъ вы воротитесь въ свои домы, къ жизни семейной, съ ея ласками и свободою, увидите родныя поля и луга съ ихъ привольемъ. Хороша покажется вамъ эта жизнь послѣ работы надъ книгою, которая казалась вамъ иногда скучною, послѣ заключенія въ школѣ...

Но... знаете ли, что несете вы съ собою въ свои родные домы, въ свои родные лѣса и поля изъ этой школы съ ея искуственно созданною жизнію?.. Мысль, просвѣщенную свѣтомъ вѣры, умственное развитіе, чувство человѣческаго достоинства, — величайшія пріобрѣтенія, безъ которыхъ ничтожна, безсмысленна жизнь, мертва природа съ ея красотами. Да! вы воротитесь теперь въ свои домы болѣе людьми, чѣмъ прежде, болѣе умными глазами будете смотрѣть на самую природу... Вотъ зачѣмъ нужны эти книги и эти порядки въ вашей школьной жизни. Жизнь хороша, но къ ней нужно приготовиться разумно; природа хороша, но когда мы понимаемъ ее, научаемся читать ея великую книгу, полную тайнъ, чудесъ. Возвращайтесь же изъ

отчаго крова и изъ подъ крова матери природы съ новыми силами для новыхъ и новыхъ трудовъ...

А теперь еще разъ скажите хвалу нашему общему небесному Отцу за все, что совершили вы въ теченіи протекшаго года, при Его невидимой благодатной помощи.

Слава Ему — Зиждителю и Охранителю нашей Церкви.

О ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРАХЪ.

(по поводу современныхъ явленій въ общей жизни христіанскихъ церквей и толковъ литературы)

Знакомство со вселенскими соборами, — будетъ ли оно своимъ содержаніемъ касаться общаго ихъ значенія, или частныхъ каноническихъ правъ, или только историческихъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ ихъ обстоятельствъ,—всегда можетъ быть сколько важнымъ, полезнымъ и цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ глазахъ самаго изслѣдователя, столько же любопытнымъ, назидательнымъ и занимательнымъ предметомъ повѣствованія для каждаго читателя. Въ подтвержденіе этой мысли довольно сказать, что съ именемъ „вселенскіе соборы“ предъ нами востаетъ во всемъ несомнѣнномъ ея величіи та особенная, благоплоднѣйшая, словомъ образцовая эпоха жизни и дѣятельности Христовой Церкви, когда, по выраженію Овербека, „страны востока и запада исповѣдывали одну и туже вѣру, молились у однихъ и тѣхъ же престоловъ, принимали одни и тѣ же таинства“ (¹), когда внутренній союзъ вѣры и любви, однообразіе уставовъ и законоположеній Церкви

(¹) См. Христ. Чтеніе 1868 г. декабрь стр. 807.

объединяли собою весь христіанскій міръ, и связывали его членовъ взаимнымъ общеніемъ мира. Вселенскіе соборы указываютъ намъ собою на тотъ замѣчательнѣйшій періодъ существованія Христовой Церкви, когда она, бывъ признана государствомъ въ ея законныхъ, самостоятельныхъ правахъ, въ союзѣ съ нимъ и при содѣйствіи его власти, явила человѣческому міру полноту своей разнообразной жизни, раскрыла предъ нимъ величіе своего духовнаго характера, засвидѣтельствовала непререкаемость своихъ божественныхъ правъ, и указала ему на богатство своего Богопреданнаго вѣроученія. При посредствѣ авторитета, и дѣятельностію вселенскихъ соборовъ Христова Церковь и внѣшно и внутренно успѣла организоваться для своего послѣдующаго существованія, установиться въ своей дѣйствительной практикѣ и принять благоустроенный видъ по всѣмъ сторонамъ своего историческаго быта и видимаго управленія. Въ опредѣленіяхъ вѣры и законоположеніяхъ церковныхъ правилъ вселенскіе соборы истолковали глубочайшія тайны Откровенія, опредѣлили изначальное преданіе Церкви; въ общемъ непререкаемомъ авторитетѣ и своихъ раздѣльныхъ правахъ они представили наглядное истолкованіе силы и важности церковной власти, божественныхъ преимуществъ Христовой Церкви; въ общемъ образѣ своего производства и дѣятельности они указали и объяснили даже и требованія тѣхъ началъ, на которыхъ обыкновенно и должно утверждаться внутреннее самоуправленіе и внѣшнее существованіе Христовой Церкви. По всему этому вмѣстѣ, вселенскіе соборы законно посредствуютъ между начальнымъ періодомъ жизни Церкви и существованіемъ ея во все послѣдующее время: они передаютъ намъ богат-

ство тѣхъ результатовъ, по которымъ мы съ одной стороны воспоминаемъ и изучаемъ образцовое, прошедшее Христовой Церкви, съ другой—повѣряемъ и оцѣниваемъ причины и явленія послѣдующаго и нашего времени: вселенскіе соборы даютъ намъ норму и образцы для подражанія; мы слѣдуемъ имъ въ благоустройствѣ Церкви нашего времени.

Такой, нестарѣющійся самъ по себѣ, интересъ знакомства съ настоящимъ предметомъ растетъ и умножается для насъ при соображеніи особенныхъ, предносящихся глазамъ обнаруженій нашего времени. Безъ усилія мысли, безъ дара пророчества можно угадать и признать въ этихъ обнаруженіяхъ историческіе намеки на несостоятельность старыхъ началъ, на пробужденіе новыхъ стремленій во всѣхъ христіанскихъ церквахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на западѣ—въ средѣ католической церкви идетъ опаснѣйшая игра въ самые основные принципы католицизма, т. е. въ духовныя и свѣтскія права римскаго первосвященника, который все еще хочетъ удержаться и быть одновременно главою Церкви и государства. Исходъ и нѣкоторые результаты этой игры уже ясно обозначились въ томъ, что свѣтская власть папы, сильно поколебленная событіями послѣдняго времени въ самой Италіи, повсюду является анахронизмомъ, противнымъ духу и началамъ современной исторіи, что духовное главенство папы надъ церковію, въ самомъ католическомъ мірѣ, трактуется также мифомъ, уже пережившимъ свою исторію. Римъ видимо утрачиваетъ прежнее свое обаятельное значеніе для народовъ и государствъ западной Европы. Угрозы и проклятія римскаго владыки начинаютъ выслушиваться и приниматься почти всѣми—какъ запреты и приказанія того

властелина, который лишился непосредственнаго вліянія на своихъ подчиненныхъ, котораго слуги почувствовали въ себѣ нравственныя права и возможность—безнаказанно ослушиваться его распоряженій. Всѣ явленія нашего времени непосредственно собою говорятъ, что для папства наступила пора исторической расплаты за старые его грѣхи — за непомѣрныя притязанія его духовной и свѣтской власти, что совершенно окончилась эпоха верховнаго торжества его правъ и преимуществъ. А вмѣстѣ съ папствомъ, какъ съ своимъ принципомъ и весь католицизмъ въ наше время, какъ и во времена страшной для него реформаціи, испытываетъ не менѣе тревогъ, смущеній и безпокойствъ за настоящее свое существованіе. Но въ эпоху реформаціи католицизмъ боролся съ отдѣлявшимися отъ него лицами, съ чуждавшимися его ученія и установленій обществами, которыя только поддерживала внѣшняя власть; въ настоящее время вся драма борьбы сосредоточивается въ нѣдрахъ самаго католицизма, борьбы—которая замѣтно принимаетъ характеръ распри паствы съ ея пастырями, церкви съ ея народомъ, которая свидѣтельствуется не однимъ несогласіемъ только внутреннихъ убѣжденій, а вызываетъ и открытое противодѣйствіе внѣшнихъ государственныхъ властей. Поддерживаемое постороннею силою въ эпоху реформаціи, въ современной борьбѣ папство остается почти совершенно одиночнымъ, съ расшатанными основами католицизма, съ несвоевременными претензіями на главенство въ Церкви и патронатство въ государствѣ. Среди другихъ мѣръ, предпринимаемыхъ имъ на защиту собственной самостоятельности и могущества, папство обращается къ послѣдней и рѣшительной мѣрѣ, — къ правамъ и власти вселенскаго собора.

На сколько истинна самая эта мѣра,—съ точки зрѣнія правъ и законовъ Церкви, рѣчь объ этомъ будетъ впереди. Но теперь пока замѣтимъ, что если дѣйствительно подлинною мѣрою, т. е. правами Тридентинскаго собора католицизмъ успѣлъ еще противостать разливу враждебныхъ для него идей реформаціи, успѣлъ, среди превратнаго для него хода исторіи, спасти свое существованіе: то современное настроеніе умовъ, современный ходъ событій прямо не позволяетъ гадать о подобныхъ, благопріятныхъ результатахъ предполагающагося, римскаго, вселенскаго собора. Папа уже получилъ рѣшительный отказъ со стороны представителей другихъ церквей принять участіе въ предполагаемомъ соборѣ. Сами католическія державы ставятъ этотъ соборъ предметомъ своихъ политическихъ и государственныхъ соображеній. Католическія правительства находятъ существенное различіе между Тридентскимъ и вновь созываемымъ соборомъ: на первомъ обсуждались положительно вопросы, касавшіяся Церкви; на послѣднемъ соборѣ предполагается изслѣдовать вопросы, которые имѣютъ свое отношеніе какъ къ Церкви,—такъ и къ государству. Впрочемъ, и самая папская булла, возвѣщавшая созваніе настоящаго собора, видимо проникнута духомъ нѣкоторой безнадежности и умоляющаго безсилія, а не надменной гордости и высокомѣрія. „Всякому вѣдомы, говоритъ эта булла, тяжкія невзгоды, обуревающія церковь, вѣдомо, сколько вопіющихъ золъ гнѣздится въ гражданскомъ обществѣ. Заклятые враги Бога и людей попираютъ пятой церковь католическую, ея спасительное ученіе, ея священную власть и верховный авторитетъ апостольскаго престола; они презираютъ все священное и налагаютъ руку на церковное достояніе. Ду-

ховенство и святая религія, самые почтенные служители алтаря подвергаются неисчислимымъ напастямъ; религіозность болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Нечестивыя книги всякаго рода, газеты распространяющія вокругъ себя нравственную заразу, множество повсюду возникающихъ, зловредныхъ сектъ, вотъ что мы видимъ вокругъ; почти повсемѣстно духовенство удаляютъ отъ воспитанія несчастнаго юношества и, что еще хуже, дѣло это поручается во многихъ мѣстахъ отступившимъ отъ церкви учителямъ. Все это, къ великому сокрушенію нашему и всѣхъ благомыслящихъ людей и на вѣчную погибель душъ, ведетъ къ распространенію повсюду невѣрія, развращенія нравовъ, возмутительнаго своеволія, всевозможныхъ пороковъ и преступленій, презрѣнія законовъ Божескихъ и человѣческихъ и торжества растлительныхъ идей; все это приняло такіе размѣры, что не только пресвятая религія наша, но и все человѣческое общество испытываютъ прискорбныя потрясенія. Вселенскому собору предстоитъ изслѣдовать, изучить и съ самымъ прилежнымъ вниманіемъ опредѣлить все, что въ наше бѣдственное время можетъ послужить къ прославленію Бога, огражденію духовнаго чина, основательному и спасительному воспитанію духовенства, соблюденію церковныхъ законовъ, улучшенію нравовъ и образованію юношества въ духѣ христіанства, а также обезпеченію всеобщаго мира и согласія“.

Въ протестантствѣ смѣняются свои явленія, которыя также приносятъ свои безпокойства протестантскому міру. Протестантизмъ, въ самой реформѣ Лютера, несохранившій единства основныхъ своихъ началъ, и во всей своей исторіи представляетъ постепенное разчлененіе и разложеніе своего церковнаго тѣла.

Какъ Лютеръ, въ теоріи отвергши преданіе и авторитетъ Церкви, на практикѣ въ своей реформѣ удержалъ многое по преданію, оставилъ обязательную для всѣхъ форму вѣрованія: такъ и продолжатели и послѣдователи его реформы различаются между собою усерднымъ проведеніемъ ея началъ и упорнымъ отступленіемъ отъ нихъ. Партикуляризмъ, съ самаго начала пріютившійся въ протестантствѣ, развился въ немъ до самаго крайняго разнообразія сектъ, съ различнымъ раціоналистическимъ, мистическимъ и піетическимъ характеромъ. Общимъ во всѣхъ этихъ сектахъ съ первоначальными основами протестантства можно признать то, что всѣ они, подобно самому Лютеру, только ищутъ и опредѣляютъ, чему и какъ нужно вѣровать, подобно ему, критически обслѣдываютъ вопросы и основанія вѣры христіанской. Раціонализмъ смотритъ на данное откровеніе не какъ на что-то положенное, утвержденное и унаслѣдованное отъ временъ древнихъ, но какъ еще на подлежащее изслѣдованію и критикѣ логической мысли, свои розысканія о предметахъ вѣры онъ нерѣдко оканчиваетъ совершеннымъ отрицаніемъ ея истинъ полнымъ невѣріемъ въ испытуемое имъ откровеніе. Мистицизмъ не соглашается признать и придать протестантству характера и имени готовой и законченной системы, состоящей изъ принятыхъ положеній и установленій вѣры, а желаетъ видѣть въ немъ одно начало свободнаго изслѣдованія, руководимаго голосомъ собственной совѣсти человѣка къ основательнѣйшему будто бы уясненію и прозрѣнію въ смыслъ и требованія откровенія. Піетизмъ, на оборотъ, не чуждается устойчивости въ религіозныхъ понятіяхъ, не отвергаетъ догматизма вѣры, требуетъ внѣшнихъ знаковъ для пол-

ноты вѣроисповѣданія; піетизмъ вообще стоитъ ближе другихъ направленій къ начальному ортодоксизму протестантства. Словомъ, протестантство, во всѣхъ его частныхъ развѣтвленіяхъ общими своими положеніями коренясь будто бы на данныхъ первоначальнаго Откровенія, на самомъ дѣлѣ является взору наблюдателя вѣрованіемъ произвольно выработаннымъ изъ началъ христіанства разумомъ и чувствомъ человѣка. Измѣнчивыя начала философствующей мысли обыкновенно опредѣляютъ въ немъ направленія богословствующаго сознанія. Разнообразіе этихъ направленій, всегдашняя текучесть испытующей мысли составляютъ отличительныя черты протестантскаго пониманія и усвоенія истинъ вѣры. Отсюда и происходитъ то, что весь протестантскій міръ по возрастающей прогрессіи продолжаетъ болѣть и заражаться недугомъ саморазложенія на особыя религіозныя общества. Отсюда проистекаетъ и та нескончаемая борьба мнѣній, взглядовъ и сужденій въ области вѣры, которая составляла всегдашнее отличіе протестантскаго развитія. Служители его алтаря уже успѣли договориться до невозможности существованія единой, общей для всѣхъ, объективной религіи, до невозможности согласія религіозныхъ убѣжденій, договорились до полнаго отрицанія Церкви не въ іерархическомъ только и видимомъ ея представительствѣ, съ котораго началъ Лютеръ, а въ самой ея сущности и основаніяхъ. Отсюда и тотъ открытый разладъ, то видимое несогласіе результатовъ науки съ наличными религіозными убѣжденіями народнаго смысла; этотъ разладъ и это несогласіе въ конецъ разшатываютъ и низпровергаютъ складъ общихъ народныхъ убѣжденій, общее церковное вѣрованіе. Развитіе крайняго индивидуализма

въ религіи, наукѣ, въ философіи, въ самыхъ общественныхъ тенденціяхъ составляетъ общій недугъ современнаго намъ протестантскаго міра. Но этотъ недугъ ясно показываетъ, что протестантизмъ также доживаетъ свои религіозные принципы, что и его историческая роль близится къ паденію.

Словомъ, если начнемъ изучать и сравнивать современныя явленія и католическаго и протестантскаго міра, то не можемъ не усмотрѣть, что католичество и протестантство, какъ два взаимно противоположныхъ другъ другу способа пониманія, усвоенія и примѣненія началъ и сущности христіанства, путемъ исторіи доведены до извѣстныхъ, поучительныхъ результатовъ существованія. Католичество видимо разочаровывается въ своемъ папствѣ; протестантство замѣтно ищетъ исхода и успокоенія отъ своихъ многолѣтнихъ трудовъ и поисковъ. Само папство потеряло много вѣры въ себя,— хотя и не оставляетъ прежнихъ притязаній на возсоединеніе съ собою протестантовъ и подчиненіе себѣ Церкви восточной. Папство все еще напрягаетъ свои, но кажется, послѣднія силы—чтобы явить себя христіанскому міру тѣмъ, чѣмъ оно было въ блистательную эпоху своего могущества, въ періодъ времени Ліонскаго и Флорентинскаго соборовъ но, эти выходки папства принимаются какъ послѣднія вспышки угасающаго историческаго начала, какъ несовсѣмъ еще забытыя воспоминанія о невозвратномъ прошедшемъ. Протестантство, при крайней напряженности его силъ, находясь какъ бы въ апогеѣ своего развитія, мучится сознаніемъ своего односторонняго принципа, тревожится ненормальностію своего положенія, чувствуетъ потребность совокупить въ одно цѣлое свои разрознен-

ныя части, трудится надъ опредѣленіемъ подлиннаго идеала истинной Церкви. Подобно своему первооснователю, оно снова обращается ко временамъ первыхъ вѣковъ христіанства, къ исторіи древней вселенской церкви: но въ противорѣчіи съ нимъ иногда устремляетъ свои взоры и къ церкви восточной. Сыны католицизма не скрываютъ своего намѣренія лишить папу меча и скипетра свѣтскаго владыки, охотно примиряются съ тою мыслію, что папѣ, — для сохраненія церковныхъ правъ и нравственнаго вліянія на общество, нѣтъ нужды стоять за его свѣтскія права, напротивъ съ пользою можно отказаться отъ нихъ. Послѣдователи протестантства пришли къ сознанію, что всѣ, порожденныя ими, заманчивыя ученія, объявляющія собою какъ бы новую эпоху въ развитіи человѣчества, замѣну таинственной сущности христіанства общедоступными результатами знанія, что всѣ эти ученія должны быть отвергнуты какъ противныя не только началамъ истинной Церкви, но и враждебныя самому духу Христіанства. Католицизмъ и протестантизмъ вмѣстѣ выслушиваютъ приговоръ собственнаго историческаго самоосужденія.

Церковь англиканская не принадлежащая исключительно ни къ католичеству, ни къ протестантству, но совмѣщающая въ себѣ по частямъ начала обоихъ вѣроисповѣданій, воспитываетъ и развиваетъ въ своихъ членахъ сознаніе особенныхъ цѣлей, въ которыхъ для насъ наиболѣе знаменательнѡю является именно стремленіе членовъ англиканской церкви къ соединенію съ церковію восточною, православно-каѳолическою. Но читателямъ „Христіанскаго Чтенія“ уже хорошо извѣстны, начала на которыя указываютъ и способъ, къ которому ду-

мають прибѣгнуть главные дѣятели сего соединенія. А потому, не повторяя здѣсь всего, мы только замѣтимъ, что стремленіе къ соединенію съ православною, восточною Церковію не въ первый разъ пробуждается въ членахъ англиканской Церкви и заявляется ими. Такъ уже нѣсколько лѣтъ преемственно развивается и живетъ цѣлое направленіе, извѣстное подъ именемъ „англо-каѳоличества", имѣвшее многихъ ученыхъ представителей, которые главною задачею своихъ изысканій поставляли то, чтобы знакомить своихъ соотечественниковъ съ исторіею, положеніемъ и устройствомъ православныхъ, восточныхъ церквей. Но попытки къ соединенію прежняго времени далеко не имѣли той рѣшительности, которою онѣ отличаются въ настоящее время. „Приступимъ къ дѣлу, заключаетъ Овербекъ свой проектъ церковнаго соединенія, общими силами (viribus unitis), Богъ не оставитъ насъ своимъ благословеніемъ"!

Не говоря о началахъ и способѣ этого соединенія, которые указываютъ для него сами его искатели, мы позволяемъ себѣ замѣтить, что восточная церковь, при твердости и неизмѣнности ея православія, не должна относиться къ подобнымъ явленіямъ съ безразличіемъ. Гласныя и открытыя заявленія въ пользу ея ученія, обряда и законоположеній даютъ понять и надѣяться, что дальнѣйшее, расширившееся знакомство съ ея духомъ и характеромъ еще болѣе разовьютъ чувства благоговѣйнаго уваженія къ ея православію, привлекутъ новыхъ и новыхъ членовъ въ ея спасительное лоно. Настоящія попытки внѣшняго соединенія, управляемыя надлежащимъ образомъ, могутъ увѣнчаться вожделѣннѣйшими успѣхами единенія внутренняго въ союзѣ ученія вѣры, въ единствѣ правилъ церковной жизни, въ

*

однообразіи всей богослужебной практики. Намъ думается, что на обязанности православія и его церкви лежитъ то, чтобы оказать человѣчеству требуемую услугу: предначертать надлежащій планъ къ дѣйствительному союзу, а не внѣшней сдѣлкѣ ищущимъ ея любви и содѣйствія, дать ясные и положительные отвѣты на возникающіе вопросы, указать истинное направленіе колеблющимся мнѣніямъ и стремленіямъ. Если въ этомъ вообще состоитъ назначеніе просвѣтительной дѣятельности Христовой Церкви въ отношеніи къ человѣчеству и его исторіи; если именно въ этомъ и раскрывалась видимая заслуга Церкви вселенской въ первые восемь вѣковъ ея существованія: то, очевидно, служеніемъ тому же дѣлу, исполненіемъ этой же задачи должна сопровождаться и дѣятельность церкви православной; отъ удачнаго и успѣшнаго развитія этой дѣятельности можетъ зависѣть новый ходъ самой исторіи.

Впрочемъ, и безъ отношенія къ явленіямъ церковной жизни на западѣ, въ средѣ самаго православія и въ нѣдрахъ Церкви восточной возникаютъ и опредѣляются свои многознаменательныя явленія. Напр. армяне, много вѣковъ тому назадъ отчуждавшіеся отъ православной восточной Церкви, теперь снова заявляютъ свои законныя права на полное возсоединеніе и теснѣйшій союзъ съ нею, указываютъ даже мѣры и способы къ надежному установленію этого единенія. Болгары, въ видахъ самостоятельности своей мѣстной церкви и независимости ея отъ константинопольскаго патріарха, просятъ и добиваются его согласія на учрежденіе у себя отдѣльной автокефальной Архіепископіи на образованіе у себя особаго мѣстнаго сѵнода для управ-

ленія церковными дѣлами. Дѣло это уже было подвергнуто многимъ серьезнымъ обсужденіямъ и со стороны высокой Порты, и со стороны синода великой церкви. Вселенскій патріархъ, по распространеннымъ слухамъ, отказался самъ рѣшить это дѣло и обѣщалъ представить его на окончательное разсмотрѣніе собора изъ предстоятелей всѣхъ православныхъ, самостоятельныхъ церквей. Въ средѣ отечественной церкви идетъ рѣшеніе своихъ важныхъ вопросовъ, которые не могутъ остаться безъ замѣчательныхъ послѣдствій: возникаетъ мысль о примѣненіи выборнаго начала къ лицамъ всѣхъ степеней россійской іерархіи; сильнѣе и сильнѣе раздаются возгласы о безпрепятственномъ сложеніи церковнаго сана лицами іерархіи, о бракѣ и безбрачія священнослужителей и т. п. Все, это очевидно, вопросы мѣстнаго церковнаго благоустройства; но при рѣшеніи ихъ нельзя забывать и требованій Вселенской Церкви, нельзя отвергать голоса положительныхъ ея правилъ и законовъ. Въ связи ли съ рѣшеніемъ означенныхъ вопросовъ, или въ виду разъясненія другихъ, намъ неизвѣстныхъ, нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ уже успѣли заявить о полученномъ ими отнуда-то слухѣ, будто и въ Россіи предполагается „созваніе православнаго, вселенскаго (!) собора". Газеты, извѣщавшія объ этомъ, не ручались ни за достовѣрность, ни за ложность подобнаго слуха; но тѣмъ не менѣе отнеслись къ нему сочувственно въ высшей степени, не находя какъ бы достаточныхъ словъ къ описанію того восторга, которымъ исполняется сердце, при одной мысли „о православномъ вселенскомъ соборѣ въ XIX вѣкѣ—въ Москвѣ, напр. въ Кіевѣ" и пр. Мы пока сдержимъ наши увлеченія, и—только скажемъ,

что и въ русской церкви какъ есть потребности не рядоваго характера, и вопросы особенной важности, такъ находятся и люди, способные не только плѣняться одною мыслію о православномъ вселенскомъ соборѣ, но и содѣйствовать ея осуществленію.

При указанномъ нами, повсюдномъ въ жизни христіанскихъ церквей, пробужденіи новыхъ стремленій при повсемѣстной постановкѣ важныхъ, очередныхъ вопросовъ, самъ собою раждается вопросъ: какъ удовлетворить всему этому правильнымъ и благоплоднымъ образомъ, какъ ввести въ законную силу новыя стремленія и успѣшно разрѣшать заданные вопросы? Пусть эти стремленія и вопросы составляютъ произведенія условій настоящаго времени; но правильное пониманіе и раскрытіе ихъ, очевидно, должно быть строго сображено съ тѣми началами церковнаго благоустройства, которыя и всегда дѣйствовали въ Христовой Церкви, съ тѣми дѣйственными мѣрами и способами, къ которымъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ прибѣгала древняя вселенская Церковь. Но такими мѣрами и способами служили соборы вообще и вселенскіе въ особенности. Слѣдовательно, и церковныя нужды нашего времени могутъ быть правильно поняты и удовлетворены только совокупнымъ согласіемъ и совмѣстною дѣятельностію тѣхъ самыхъ церквей, которыхъ онѣ непосредственно касаются. Вотъ почему, прежде, нежели мы станемъ говорить и разсуждать о необходимости и возможности созванія общаго собора въ данное время, намъ показалось необходимымъ возобновить для своей памяти: въ какихъ случаяхъ, по какимъ побужденіямъ, съ какою цѣлію и какъ именно составлялись въ Церкви вселенскіе соборы, которые

безъ всякаго сомнѣнія, должны служить обязательнымъ прототипомъ для обще-церковныхъ совѣщаній нашего времени. Безъ предварительныхъ данныхъ этого рода, какими бы привлекательными чертами мы ни изображали актъ созванія вселенскаго собора, какъ бы много ни восторгались вселенскими правами православной церкви, какъ бы вообще ни толковали о возможности, благоплодности и полной законности созванія такого собора, въ наше время: все это не разрѣшитъ должнымъ и надлежащимъ образомъ самаго вопроса, не приведетъ насъ къ положительному результату, не убѣдитъ и другихъ въ правотѣ нашихъ соображеній. Посему, чтобы избѣжать упрека въ произволѣ и суетности нашихъ разсужденій, чтобы сказать что нибудь опредѣленное и рѣшительное о предметѣ, т. е. о томъ: на сколько вообще основательны и несомнѣнны надежды православныхъ созвать и образовать вселенскій соборъ, подобный древнимъ соборамъ того же имени и сколько незаконнаго произвола въ своихъ дѣйствіяхъ допускаетъ папство, когда оно созваніе вселенскихъ соборовъ относитъ къ своему собственному усмотрѣнію? Къ разрѣшенію именно этихъ вопросовъ, живо занимающихъ всѣхъ, мы и направляемъ наше разсужденіе.

Соборомъ, въ общемъ церковномъ смыслѣ, называется собраніе вѣрующихъ безъ различія ихъ правъ служенія и власти въ церкви. Соборомъ, въ смыслѣ каноническомъ, называется составленное во имя I. Христа и по нуждамъ Его церкви собраніе ея пастырей для общаго разсужденія о дѣлахъ вѣры, предметахъ

благочестія и церковнаго благочинія. Эти соборы исторически и канонически раздѣляются въ церкви на два порядка: на соборы помѣстные и соборы вселенскіе.

Вселенскимъ соборомъ называется собраніе пастырей изъ разныхъ помѣстныхъ церквей, собравшихся для разрѣшенія такихъ вопросовъ, которые по ихъ важности касались всей вселенской церкви и требовали для своего разъясненія какъ единодушнаго приговора самихъ пастырей, такъ вмѣстѣ и единомысленнаго согласія ихъ паствъ. Эти соборы въ своихъ опредѣленіяхъ дѣйствовали не отъ лица одной какой либо мѣстной церкви, но отъ имени всего каѳолическаго ея общества. Потому и постановленія ихъ всегда признавались важнѣе и обязательнѣе, чѣмъ опредѣленія другихъ, хотя бы то и многочисленнѣйшихъ соборовъ, но не отмѣченныхъ въ исторіи титломъ вселенскихъ.

Происхожденіе совѣщательнаго образа управленія дѣлами церкви свидѣтельствуется слѣдующими явленіями церковной исторіи.

— Іисусъ Христосъ, какъ Глава и Пастыреначальникъ Своей церкви, снабдивъ первыхъ ея пастырей, своихъ апостоловъ, всѣми нужными правами церковной власти, не установилъ прямо особенной формы церковнаго управденія: Онъ только предоставилъ самой церкви приговоръ окончательнаго суда: *аще и церковь преслушаетъ буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь* (Мѳ. XVIII. 17); въ тоже время Онъ обѣтовалъ непремѣнное, непосредственное Свое присутствіе въ средѣ двоихъ или троихъ Своихъ учениковъ: *аминь глаголю вамъ, яко аще два отъ васъ совѣщаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будетъ има отъ Отца Моего, иже на небесѣхъ. Идѣже*

бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь по средѣ ихъ (Мѳ. XVIII. 19. 20). Оставшиесь послѣ І. Христа пастырями его церкви, апостолы приняли образъ именно собирательнаго, совокупнаго устройства и управленія дѣлъ церкви. Доказательствомъ сему то, что дѣла, касавшіяся всей церкви, они рѣшали и устрояли не иначе, какъ, по взаимномъ между собою совѣщаніи, общимъ своимъ согласіемъ и приговоромъ, въ присутствіи прочихъ членовъ церкви. Мало того, при апостолахъ, во времена полнаго обилія чрезвычайныхъ дарованій въ церкви, мы встрѣчаемъ очевидные примѣры: когда отдѣльный вѣрующій—ктобы онъ ни былъ—повѣрки и оправданія своего образа мыслей искалъ непремѣнно въ другихъ, даже во всемъ обществѣ вѣрующихъ. Такъ, по свидѣтельству посланія къ Галатамъ, апостолъ Павелъ, удостоенный особеннаго, божественнаго откровенія, представлялъ на судъ другихъ апостоловъ свое исповѣданіе, чтобы получить отъ нихъ приговоръ: *право ли онъ проповѣдуетъ* (Галат. 11, 2)? Другой приговоръ: апостолъ Петръ іудействуетъ въ Антіохіи; его поведеніе немедленно вызываетъ строгое обличеніе изъ устъ апостола Павла (Гал. 11. 11 и слѣд.). Подобный образъ рѣшенія недоумѣній и сомнѣній въ церкви апостольской очевидно былъ обыкновеннымъ и общепринятымъ.

Апостолы, въ свою очередь, по данному имъ отъ самаго І. Христа полномочію, поставляя вмѣсто себя въ мѣстахъ ихъ проповѣди особыхъ по себѣ преемниковъ, поручали имъ права управленія церкви, простиравшіяся только на извѣстные, опредѣленные ея предѣлы. Такъ юный Тимоѳей былъ епископомъ въ Ефесѣ, Титъ въ Критѣ, Линъ въ Римѣ, Евадій въ Антіохіи,

другія лица въ другихъ опредѣленныхъ мѣстахъ (¹). Но, какъ правители только опредѣленныхъ мѣстностей и представители только частныхъ церквей, они въ благоустройствѣ и управленіи дѣлами всей Христовой церкви, очевидно, должны были дѣйствовать данными имъ правами сообща, собирательно, чтобы такимъ образомъ наглядно представить составъ цѣлаго правительства церкви—для всего ея тѣла. Отдѣльный голосъ каждаго изъ нихъ въ этомъ составѣ могъ имѣть значеніе и силу только голоса совѣщательнаго. Особенно, если еще представимъ, что всѣ права своего служенія и власти пастыри получили не для себя лично, а для церкви, т. е. для устроенія нравственныхъ нуждъ ея членовъ; слѣдовательно и употреблять и пользоваться ими законнымъ образомъ они могутъ только отъ имени и на пользу церкви, т. е. по личной готовности, но непремѣнно съ обращеніемъ своего ума и сердца къ даровавшему имъ эти права, съ сознаніемъ нравственнаго долга—служить именно нуждамъ и цѣлямъ церкви; слѣдовательно въ согласномъ, единодушномъ и единомысленномъ ихъ приговорѣ и рѣшеніи даннаго вопроса должно выражаться полное обнаруженіе ихъ совокупныхъ правъ, общій авторитетъ ихъ раздѣльнаго полномочія.

Древніе, замѣчательные пастыри церкви, такъ выражали свой общій взглядъ на дѣла управленія всей церкви. „Одно тѣло Господа нашего, говоритъ св. Игнатій Богоносецъ, поэтому одинъ въ мірѣ алтарь и одинъ повсюду епископъ“ (²), т. е. видимое, вселенское едино-

(¹) См. указанія на это у Евсевія во II-й. книгѣ его церковной исторіи и апостольскія постановленія стр. 244. Казань, 1864 года.

(²) Въ посланіи къ Магнезіанамъ VII 7.

ство церкви свидѣтельствуется единствомъ ея богослуженій и управленія при различіи мѣстъ и властей церковныхъ. „Предстоятели церкви, пишетъ и св.Ириней, наблюдая всю вселенную, твердо блюдутъ преданіе апостольское и руководствуются одними и тѣми же правилами и одними и тѣми же законами въ управленіи и чиноположеніяхъ церковныхъ" (¹). „Блаженный апостолъ говоритъ и св. Кипріанъ (²), указывая таинство единства (церкви), говоритъ: *едино тѣло*, *единъ духъ*, *якоже и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего*; *единъ Господь*, *едина вѣра*, *едино крещеніе*, *единъ Богъ* (Ефес. IV. 4—6). Сіе то единство надлежитъ крѣпко поддерживать и отстаивать намъ, особенно епископамъ, которые предсѣдательствуютъ въ церкви, дабы показать, что и епископство одно и нераздѣльно". „Общество священниковъ, говоритъ тотъ же отецъ, связанное узами взаимнаго единенія и согласія для того и многочисленно, возлюбленнѣйшій братъ, чтобы, въ случаѣ попытки кого либо изъ нашего сонма произвесть ересь, терзать и разсѣявать Христово стадо, другіе противодѣйствовали, и, какъ попечительные и милосердые пастыри, собирали Господнихъ овецъ во едино стадо... Насъ много пастырей, но мы пасемъ едино стадо" (³). Пастыри Церкви полное управленіе вселенской, Христовой Церкви всегда представляли раздѣленнымъ между различными, въ разныхъ мѣстахъ находящимися лицами, но дѣйствующими непремѣнно въ живомъ между собою соотношеніи и согласіи. „Единство тѣла каеолической Церкви и заповѣдь божественнаго писанія,—такими сло-

---

(¹) Haeres. lib. V. cap. 20.

(²) О единствѣ церкви, стр. 178, въ русск. переводѣ.

(³) Письмо 55 къ Стефану еписк. Рим. стр. 261—262.

веки начинает свое окружное послание ко всем православным епископам Александрійскій епископ Александр, по поводу обнаружившейся ереси Арія—повелѣвает хранить союз единомыслія и мира; потому нам слѣдует писать и объявлять друг другу о мѣстных событіях, чтобы—страждет ли, или здравствует один член—либо сострадать ему, либо сорадоваться" ([1]).

И так, по указанію примѣра самих апостолов, дѣйствовавших совокупно в дѣлах благоустройства и управленія Христовой Церкви, на основаніи полнѣйшаго единства прав их преемников, пастырей Церкви и вмѣстѣ живых свидѣтельств самих пастырей, мы непосредственно убѣждаемся в том, что управленіе и благоустройство дѣл Христовой Церкви, в общем ея составѣ, происходя под невидимым дѣйствіям ея Главы, видимо свидѣтельствуется общим союзом правителей Церквей частных, помѣстных и совершается при посредствѣ совокупной власти и собирательном соучастіи прав всѣх пастырей ([2]). Основаніем такого образа управленія служит самая вѣра и благодать связующія всѣ частныя Церкви, как особые, самостоятельные члены в одном цѣлом, великом вселенском тѣлѣ Христовой Церкви.

Неоспоримым и осязательным, собственно историческим доказательством в настоящем случаѣ служат тѣ дѣятельныя, постоянныя между отдѣльными церквами сношенія, чрез особыя, видимыя их правительства. Эти сношенія открылись при самих апостолах ([3]), установились и имѣли всю свою силу в древ-

---

([1]) У Сократа Церковн. Ист. 1, 6, стр. 16—17.
([2]) Посланіе восточных патріархов члены 10 12.
([3]) Дѣян. X. 22. 23. XV. 22. 23 и др.

ной вселенской Церкви (1), составляютъ отличительную особенность управленія и современныхъ имъ православныхъ Церквей. Эти сношенія употреблялись не въ случаяхъ только взаимнаго извѣщенія одною церковію другой о своихъ мѣстныхъ домашнихъ дѣлахъ, дѣлались не для соблюденія только порядка и оказанія другъ другу взаимной чести: напротивъ они производились главнымъ образомъ и непремѣнно для разрѣшенія и разъясненія—общимъ голосомъ церквей, совокупнымъ участіемъ ихъ пастырей—важнѣйшихъ вопросовъ, касались ли они ученія вѣры, церковныхъ обрядовъ, или предметовъ дисциплины. Исторія говоритъ, что именно такимъ путемъ отъ одной помѣстной Церкви къ другой распространялись правила, законы и обычаи, впервые получившіе свое начало и принятые практикою Церкви, основанной апостолами. Такимъ же путемъ рѣшались разныя недоумѣнія, смущавшія Церковь, вопросы каноническіе и судебные, всѣ нужды возникавшія въ одномъ какомъ либо мѣстѣ, но своею важностію касавшіяся всего вселенскаго тѣла Церкви. Въ разрядъ такихъ нуждъ входили между прочимъ избраніе и поставленіе пастырей и самое извѣщеніе объ ихъ смерти (2). На основаніи того же обычая новопоставленные епископы обыкновенно посылали свои окружныя посланія къ епископамъ другихъ церквей, какъ знакъ мира и единомыслія съ ними, а также союза со всею Церковію, и извѣщали ихъ о дѣлахъ своихъ церквей. Особенно живы

(1) Евсев. Церков. Истор. V. 24. VII. 3 и др.

(2) Такъ, церковь Смирнская посылала извѣстіе о мученической кончинѣ своего пастыря Поликарпа „церкви Филадельфійской и всѣмъ обществамъ вѣрныхъ и каѳолической церкви по всей землѣ“ Acta Mortir. 1, 77.

и дѣятельны были подобныя сношенія между церквами въ то время, когда на ихъ благодатной нивѣ появлялось какое либо лжеученіе, или поднимался вопросъ, касавшійся самаго существа православія. Въ такомъ случаѣ, весь христіанскій міръ, вся совокупность церквей, можно сказать, являли изъ себя одну нераздѣльную паству; потому что для всѣхъ пастырей были равно дороги чистота вѣры и истина Церкви. Стоитъ замѣтить, что пастыри, дѣятельнѣйшіе и вліятельнѣйшіе въ дѣлахъ подобныхъ сношеній, пользовались особымъ уваженіемъ и отъ своихъ пасомыхъ и отъ членовъ другихъ церквей. Таковы именно были сохранившія до нашего времени всю свою память личности: Поликарпа, епископа Смирнскаго, Иринея Ліонскаго, Діонисія Александрійскаго и другихъ. Онѣ пользовались всеобщимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ своихъ современниковъ, были столпами Церкви своего времени и заправителями благочестивой жизни христіанъ своего вѣка. Объ этихъ и подобныхъ имъ лицахъ исторія сохранила намъ память—какъ о такихъ, которые своимъ примѣромъ, своимъ мужествомъ укрѣпляли вѣрующихъ не измѣнять вѣрѣ при всѣхъ превратностяхъ жизни, своею мудростію, своимъ ученіемъ и посланіями оберегали общество христіанъ отъ предразсудковъ и заблужденій. Но таже исторія дополняетъ, что эти и подобныя имъ лица были высоки и велики въ Церкви и заправляли религіознымъ духомъ ихъ эпохи не по каноническимъ преимуществамъ ихъ каѳедръ, не по правамъ особенно-дарованной имъ власти, а единственно по собственному ихъ нравственному характеру, по достоинствамъ ихъ ума и сердца, по особому ихъ усердію къ общему дѣлу Церкви.

Означенный союзъ взаимообщенія церквей простирался до того, что распоряженія, уставы и законныя дѣйствія одной изъ нихъ были уважаемы всѣми другими. Крещенные въ одной какой либо церкви, обыкновенно становились дѣйствительными членами и всѣхъ другихъ, вступали въ общество всей вселенской церкви; наоборотъ, отлученные въ одной не были принимаемы всѣми и становились отступниками для всего вселенскаго ея общества (1). Преданія и обычаи, сохранившіеся отъ апостоловъ, но подвергшіеся измѣненію въ одной церкви, вызывали на себя строгія и немедленныя обличенія всѣхъ другихъ, хотя бы они и не касались существа вѣры и благочестія (2).

Такъ текли дѣла, и, по большой части, разрѣшались общія недоумѣнія церкви; установлялся и образовывался полный союзъ вселенскаго ея тѣла, пока не обозначилась вполнѣ и не вошла въ силу и дѣйствіе общая повсемѣстная форма церковнаго управленія, т. е. соборъ, какъ организованное собраніе пастырей церкви для устройства и управленія дѣлъ ея существованія. Впрочемъ и соборы, какъ законная форма управленія церкви, ведутъ свое начало отъ самихъ апостоловъ (3), и съ ихъ времени продолжаютъ непрестанно существовать и дѣйствовать въ Христовой церкви (4). Церковь

(1) Апост. 12, 13, 16. всел. 1, 5 и др.

(2) Апост. 64, всел. 1, 20 и др.

(3) Дѣян. гл. 1, VI, XV, XXI. Всѣхъ апостольскихъ соборовъ державныхъ въ Іерусалимѣ насчитываютъ четыре. На первомъ было дѣло избранія Матеея во апостола на мѣсто Іуды; второй—для избранія семи діаконовъ; третій—для разрѣшенія спора о соблюденіи обрядоваго Моисеева закона; четвертый — для дозволенія ап. Павлу совершить іудейскій обрядъ (см. Начертъ Церковн. Библейск. Исторіи, стр. 625—627).

(4) Такъ открываемы были соборы: противъ Павла самосатскаго (Цер. Ист. Евсев. VII. гл. 27, 28, 29, 30), противъ Монтана (ibid. V. 16), про-

особыми своими постановленіями ввела въ непремѣнное правило, въ законъ, то, что́ уже было въ практикѣ, т. е. чтобы всѣ важнѣйшія дѣла по ея управленію всегда были рѣшаемы не иначе, какъ соборами.

Такъ, апостольское 37-е правило говоритъ: „дважды въ году дабываетъ соборъ епископовъ и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о догматахъ благочестія и да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія. Въ первый разъ въ четвертую недѣлю пятьдесятницы: а во вторый октября во вторый надесять день“. Никейскій, первый вселенскій соборъ законополагаетъ подобное же въ пятомъ его правилѣ. Соборъ халкидонскій, IV вселенскій, обличая уже, вкравшіяся въ областяхъ, отступленія отъ означенныхъ правилъ, снова подтверждаетъ ихъ требованія съ слѣдующими разъясненіями. „Святый соборъ, говоритъ 19-е его правило, опредѣлилъ, согласно съ правилами святыхъ отецъ, чтобы въ каждой области епископы дважды въ году собиралисъ во едино, гдѣ назначитъ епископъ митрополія, и исправляли все, что откроется. А епископамъ, которые не пріидутъ на соборъ, хотя находятся въ своихъ градахъ, и притомъ пребываютъ въ здравіи, и свободны отъ всякаго необходимаго и неотложнаго занятія, братолюбно оказали слово прещенія. Соборъ трульскій, VI вселенскій, возобновляя правила предшествующихъ соборовъ, „по причинѣ набѣговъ варваровъ и по инымъ случайнымъ препятствіямъ, по которымъ предстоятели церквей не

тивъ Борolla еретика (ibid. VI. 23), по поводу спора между Цициліаномъ и Маіориномъ (ibid. стр. 581 — 582), по случаю спора о праздновапіи Пасхи (ibid. V. 23), о перекрещиваніи еретиковъ (ibid. VII. 5), и по другимъ предметамъ (ibid. стр. 372, 436, 386 и др.). Соборы эти собирались въ разныхъ мѣстахъ Европы, Азіи и Африки....

имѣють возможности составлять соборы дважды въ году, узаконяеть „всемѣрно быти собору единожды въ лѣто между святымъ праздникомъ Пасхи и между исходомъ мѣсяца октаврія каждаго лѣта“ VII вселенскій, вторый Никейскій соборъ, соглашаясь съ требованіемъ собора VI-го, прибавляетъ: „аще обрящется нѣкій начальникъ, возбраняющій сіе (т. е. созваніе собора) да будетъ онъ отлученъ. Аще же кто изъ митрополитовъ пренебрежетъ исполнить сіе, не по нуждѣ и насилію, и не по какой либо уважительной причинѣ: таковый да подлежитъ эпитиміи по правиламъ“ (¹). Настоящее требованіе соборовъ вселенскихъ со всею полнотою его смысла не только повторялось, но и на самомъ дѣлѣ осуществлялось соборами помѣстными (²).

Словомъ, если захотимъ обозначить полный и общій смыслъ правила св. соборовъ, разсуждающихъ о настоящемъ предметѣ, то онъ будетъ слѣдующій: для разсмотрѣнія церковныхъ нуждъ, благоустройства всѣхъ вообще дѣлъ и разрѣшенія сомнительныхъ случаевъ должны быть каждогодно собираемы соборы, которые признаются единственнымъ, законнымъ органомъ церковнаго управленія и благоустройства, высшимъ всѣхъ другихъ „областные епископы, законополагаетъ вторый вселенскій, 1-й Константинопольскій соборъ, да не простираютъ своея власти на Церкви, за предѣлами своея области, и да не смѣшиваютъ церквей... Не бывъ приглашены, епископы да не преходятъ за предѣлы своея области для рукоположенія, или какого либо другаго церковнаго распоряженія. При сохраненіи же вышеписаннаго правила о церковныхъ обла-

(¹) VII. 6.
(²) Ант. 20, Карѳ. 27.

стяхъ, явно есть, яко дѣла каждыя области благоупреждать будетъ соборъ тоя же области“ (¹). Эти соборы, оставаясь высшимъ, должны быть также постояннымъ, административнымъ органомъ въ дѣлахъ каждой области, въ предѣлахъ каждой помѣстной церкви—для разрѣшенія недоумѣнныхъ въ нихъ случаевъ и разбирательства дѣлъ судныхъ. „Ради нуждъ церковныхъ, и ради разрѣшенія сомнительныхъ случаевъ, за благо признано быти въ каждой области соборамъ... Къ симъ соборамъ да приступаютъ пресвитеры и діаконы и всѣ почитающіе себя обиженными и отъ собора да пріемлютъ судъ (²).

Необходимость, законность и благотворность соборовъ какъ высшаго и постояннаго органа въ дѣлѣ управленія Христовой церкви, обыкновенно связываютъ съ тѣмъ общимъ объ ней понятіемъ, по которому она признается вселенскимъ обществомъ вѣрующихъ, неограниченнымъ никакимъ мѣстомъ, временемъ и даже народомъ, съ тѣмъ, что І. Христосъ, самъ пребывая божественной Главою своей Церкви, не далъ никому изъ апостоловъ особенныхъ правъ вселенскаго полномочія и преобладанія надъ всею церковію, а тѣмъ самымъ ясно предуказалъ начало для совѣщательнаго, именно соборнаго образа управленія его Церковію, что апостолы, чувствуя надъ собою и въ самихъ себѣ силу и дѣйствія Святаго Духа, послѣдовали именно сему способу управленія. Принимая подобныя мысли дѣйствительными доказательствами въ настоящемъ случаѣ, мы попытаемся представить другія, новыя для сего основа-

(¹) II, 2.
(²) Антіох. соб. прав. 20.

нія, которыя скрываются въ самыхъ началахъ устройства и характерѣ ученія Христовой Церкви.

Съ именемъ „Христова Церковь“ необходимо соединяются три неотдѣлимыхъ другъ отъ друга понятія: во-первыхъ, понятія о ней какъ благодатномъ, божественномъ на землѣ Христовомъ царствѣ, въ которомъ живетъ и дѣйствуетъ Самъ Христосъ нераздѣльно со Святымъ Духомъ для обновленія міра и возсозданія человѣчества (Іоан. III. 5); во-вторыхъ, понятія о ней какъ о нравственномъ союзѣ, который свободно образуютъ изъ себя люди, по вѣрѣ и благодати І. Христа для совокупнаго и совмѣстнаго пользованія Его истиною и Его оправданіемъ, и въ-третьихъ, понятія объ ней, какъ видимомъ организованномъ обществѣ, котораго члены соединены между собою опредѣленнымъ, божественнымъ закономъ видимымъ благодатнымъ священноначаліемъ и обрядами спасительныхъ таинствъ. По первому понятію, Церковь есть непосредственное дѣло самаго Іисуса Христа и органъ его божественнаго Духа въ человѣческомъ мірѣ; по второму она есть внутренняя связь лицъ, различныхъ по ихъ званію, состоянію и настроенности, но добровольно вступившихъ въ духовное между собою общеніе для одного и того же нравственнаго блага жизни,—устрояемой по духу требованій евангельскаго закона, — для полученія спасенія; по третьему она есть взаимодѣйствіе и раскрытіе двухъ первыхъ сторонъ: божественной и человѣческой въ видимомъ и осязательномъ организмѣ, доступныхъ исторіи и наблюденію, подлежащихъ извѣстнымъ законамъ внутренняго развитія и внѣшняго разнообразія. По первому же понятію, Церковь есть внесеніе въ міръ и человѣчество Христовыхъ заслугъ, Христовой истины, Хри-

стовой любви, Христовой благодати: потому вѣровать въ нее непремѣнный долгъ каждаго желающаго и ищущаго спасенія; по второму она есть свободное восприятіе всего этаго сознаніемъ, чувствомъ и всѣмъ существомъ человѣка, управляемое инстинктомъ самосохраненія, потребностію вѣры въ Бога и жаждою примиренія съ Нимъ: отсюда принадлежать къ ней составляетъ естественный долгъ и высшее благо для человѣка; по третьему понятію, видимые и всегдашніе члены церкви т. е. люди, дѣлаются носителями невидимой ея сущности, становятся служителями и послѣдователями Іисуса Христа, храмами Святаго Духа и причастниками его благодати: отсюда жить въ Церкви и повиноваться ея уставамъ—значитъ служить своему собственному спасенію.

Означенныя нами понятія не только не отдѣлимы одно отъ другаго, но во всѣхъ ихъ вмѣстѣ кроется и одинъ общій смыслъ тотъ, что Іисусъ Христосъ, какъ Ходатай міра, еще здѣсь, на землѣ, благоволившій соединить съ собою искупленное имъ человѣчество въ существѣ своей Церкви, предоставилъ его членамъ полную возможность самымъ дѣломъ воспользоваться и освятиться плодами искупленія; что Церковь, такимъ образомъ, есть всеміриое общество вѣрующихъ, которые, при всемъ внѣшнемъ различіи своего положенія, званія и состоянія, предположили для себя одну цѣль—спасеніе, съ одинаковыми естественными и божественными средствами неуклонно стремятся къ достиженію этой цѣли, подъ руководствомъ своихъ духовныхъ отцевъ и Богопоставленныхъ учителей вѣры. Спрашивается: на какихъ же законахъ и началахъ порядка основанъ и покоится самый строй жизни и дѣятельности членовъ этого общества? Отвѣчаемъ: на самыхъ возвышенныхъ,

святыхъ и дѣйственныхъ: на свободѣ, единодушіи и любви.

Свобода, какъ внутреннее, безпринужденное, разумное самоопредѣленіе человѣка къ исполненію требованій закона вообще, служитъ первымъ, необходимымъ и источнымъ началомъ всякаго добра, вмѣняемаго человѣку въ заслугу, свобода духовная, какъ самостоятельное повиновеніе человѣка голосу собственной его совѣсти, какъ усердное послушаніе и покорность требованіямъ святѣйшаго, божественнаго закона, составляетъ основное начало всякой добродѣтели, и корень всей христіанской религіи. *Аще сынъ вы свободитъ, во истину свободни будете* (Іоан. VIII, 36) наставлялъ Спаситель состязавшихся съ Нимъ іудеевъ. Собирая повсюду къ себѣ послѣдователей, Іисусъ Христосъ не обращался ни къ какимъ мѣрамъ внѣшняго насилія и принужденія, полагаясь на неотразимость истины и очевидную благотворность своего ученія. Подобнымъ же образомъ Онъ заповѣдалъ дѣйствовать и своимъ ученикамъ, когда говорилъ: *аще не пріимутъ вы, ниже послушаютъ васъ, исходяще оттуду, отрясите прахъ, иже подъ ногами вашими* (Мар. VI, 11), когда запретилъ Іакову и Іоанну низвести огнь съ небеси для истребленія жителей самарянской веси, говоря: *не вѣсте коего духа есте вы, сынъ бо человѣческій не пріиде душъ человѣческихъ погубити, но спасти* (Лук. IX. 55, 56). *Покайтеся и вѣруйте во Евангеліе... будите совершени... пріидите ко Мнѣ вси труждающіися... поминайте слово, еже глаголахъ вамъ...* и пр.—вотъ тѣ немногія изъ многихъ выраженій, которыми Спаситель обозначаетъ для насъ образъ своего служенія человѣчеству, которыя въ тоже время показываютъ, что духъ свободы и сынопо-

ложенія проникаетъ всѣ требованія заповѣдей Евангелія. Но тѣ же начала, во всей ихъ непосредственной цѣлости, Спаситель перенесъ и въ Церковь, какъ свое созданіе, основавъ ее не на существѣ видимыхъ народныхъ цѣлей, не на требованіяхъ обыкновеннаго, людскаго разсчета, а на тѣхъ, хотя и скудныхъ, но еще дѣйственныхъ остаткахъ добра и истины, отъ которыхъ происходитъ и которыми опредѣляется все лучшее и совершеннѣйшее въ жизни и стремленіяхъ человѣчества. Въ примѣненіи къ Церкви начало духовной свободы выражается тѣмъ, что она не требуетъ отъ своихъ членовъ невольнаго и потому незаконнаго по духу Христову подчиненія чисто человѣческому вліянію, людскому насилію. Истина и добро, какъ неизгладимыя начала природы богоподобнаго человѣка, какъ очевидные слѣды его Божественнаго происхожденія, служатъ и побужденіями и закономъ нравственной дѣятельности всѣхъ лицъ, составляющихъ общество Церкви. Въ этомъ обществѣ одни (іерархія) призваны управлять и руководить, другіе (паства) слушаться и повиноваться: но тѣ и другіе дѣлаютъ свое дѣло по одинаковымъ побужденіямъ истины и добра для одной и той же, общей для нихъ, спасительной цѣли. Члены іерархіи пользуются данными имъ правами не для нихъ лично усвоенной имъ власти, не по какимъ-либо преимуществамъ своихъ собственныхъ заслугъ; а потому, что Самъ Христосъ, Глава Церкви, поставляетъ ихъ быть видимыми органами невидимыхъ, божественныхъ дѣйствій для прочаго общества Церкви. Члены паствы несутъ свои обязанности не въ силу нравственнаго ихъ недостоинства, не по требованіямъ закона рабства, а потому, что видятъ въ своемъ положеніи исполненіе плана и намѣре-

ній того же Христа, Главы Церкви. Словомъ, іерархія, стоящая на первомъ планѣ церковнаго общества, стоитъ здѣсь потому, что ей отъ Самого Христа дано право благодатно служить, духовно руководить и нравственно поддерживать паству на пути святой истины, спасительнаго добра и нравственнаго преспѣянія: но она не отдѣлима отъ прочаго общества церкви и существуетъ только съ нимъ и для него; ея соотвѣтственныя цѣли достигаются по мѣрѣ достиженія цѣлей всѣхъ прочихъ членовъ сего общества. Іерархія и паства, при нераздѣльности спасающей и оправдывающей ихъ благодати, при единствѣ общей вѣры, вмѣстѣ находятся подъ осѣненіемъ и водительствомъ самого Главы, Іисуса Христа, вмѣстѣ достигаютъ указаннаго имъ назначенія. Но, іерархія стоитъ ближе ко Христу, носитъ въ своемъ званіи особенныя, чрезвычайныя дарованія Его Духа единственно для того, чтобы служить совершенствованію вѣры, любви и упованія всего общества Церкви, чтобы воспитывать и руководить всѣхъ вѣрующихъ въ благочестіи. Паства входитъ въ дѣйствительное общеніе съ дарованіями Церкви не иначе, какъ чрезъ посредство іерархіи. Но это видимое, несомнѣнное превосходство іерархіи не скрадываетъ собою совершенно полнаго значенія и достоинства паствы въ Церкви. Паства служитъ нравственною охраною для самой іерархіи, если бы ея члены, увлекшись своекорыстными предпріятіями, рѣшились дѣйствовать во вредъ благу и истинѣ церковнаго общества. Паства служитъ нужною опорою законности и дѣйственности распоряженій іерархіи уже тѣмъ, что принимаетъ и хранитъ у себя истины вѣры, что своею вѣрою оживляетъ духъ общаго вѣрованія Церкви, своею жизнію развиваетъ и поддер-

живаетъ духъ благочестія во всемъ церковномъ тѣлѣ. Словомъ, іерархія и паства взаимно существуютъ другъ для друга; а обѣ вмѣстѣ для исполненія полнаго смысла Церкви, для достиженія ея цѣлей, для осуществленія требованій основнаго закона ея строя, т. е. закона несомнѣнной и совершеннѣйшей духовной свободы: іерархія—благонамѣреннымъ и усерднымъ содѣйствіемъ нуждамъ паствы; паства—совѣстливымъ и охотнымъ повиновеніемъ указаніямъ іерархіи. Обѣ вмѣстѣ тѣмъ, что, взаимно чуждаясь деспотизма и насилія, стараются согласно мыслить, желать и дѣйствовать въ требованіяхъ одинаковой вѣры, въ надеждахъ общаго блага, въ предписаніяхъ одного закона. Мы переведемъ наши мысли о данномъ предметѣ на одну общую картину, если мысленно вообразимъ себѣ рядъ такихъ воиновъ, которые, различаясь между собою отвагою, мужествомъ и силою, однакожъ всѣ по требованію долга и данныхъ обѣтовъ съ одинаковою нравственною покорностію, съ общимъ довѣріемъ къ своимъ вождямъ, ободряющимъ и руководствующимъ ихъ въ подвигахъ предпріятій, смыкаются въ одинъ стройный организмъ и идутъ овладѣть тою страною, которая своими надеждами, своими радостями, своими красотами пробуждаетъ въ нихъ къ себѣ тайное сочувствіе, внутреннюю привязанность. Всѣ лица этой мысленной панорамы дѣйствуютъ сколько свободно, столько и самостоятельно, что каждымъ здѣсь руководятъ: сознанный законъ долга и живое родство порывовъ души къ внѣшнимъ предметамъ. Но подобная картина, оставаясь вполнѣ привлекательною для вида, поучительною для ума и назидательною для сердца, окажется только отблескомъ настоящей истины, явится тѣнью подлиннаго предмета, будетъ только сравненіемъ,

если начнемъ говорить о тѣхъ законахъ, по которымъ внутренно живетъ и дѣйствуетъ Христова Церковь. Общество ея, съ точки зрѣнія этихъ законовъ, мы должны представлять себѣ подъ образомъ вселенской семьи братьевъ, которые разсѣяны по всему лицу земли, но взаимно и вполнѣ понимаютъ и знаютъ другъ друга, которые, при различіи положенія и правъ внѣшняго существованія, одинаково чуждаются заявленій своего превосходства и преобладанія другъ надъ другомъ; въ этой семьѣ каждый,—кто бы онъ ни былъ,—пользуется правами отдѣльнаго и самостоятельнаго члена, безпринужденно располагаетъ своею личностію и свободою, дѣйствуетъ самъ и вмѣстѣ служитъ и другимъ, по мѣрѣ собственнаго сочувствія и стремленія, къ одной общей, высокой цѣли. Въ этомъ обществѣ нѣтъ ни деспотизма одного, ни насилія многихъ, ни рабства всѣхъ: напротивъ для каждаго дѣйствуетъ одинъ законъ полнѣйшей свободы, раскрывающійся въ общихъ и частныхъ требованіяхъ добра, истины и правды. При повиновеніи этому закону каждый вѣрующій чувствуетъ себя и сознаетъ живымъ членомъ въ общемъ организмѣ Церкви, воспитываетъ въ себѣ сочувствіе и содѣйствіе общимъ нуждамъ, общимъ выгодамъ. Единство плоти и крови, единство происхожденія соединяющія людей, здѣсь разрѣшается единствомъ нравственнаго закона, единствомъ средствъ божественной благодати, единствомъ внѣшняго руководства, при невидимомъ водительствѣ самаго Христа и Его божественнаго Духа. Это духовное единство, при широтѣ одинаковой для всѣхъ цѣли, достигаемой лишь совокупными силами всего общества, скрываетъ отъ взаимнаго завистливаго или предосудительнаго взора, какъ совершенства однихъ, такъ и недостатки другихъ,

уполномочиваетъ всѣхъ и каждаго на взаимныя непринужденныя и свободныя отношенія. Это единство, напутствуемое общимъ и частнымъ желаніемъ спасенія, оставляетъ существовать Христову Церковь безъ всякой внѣшней ограды, гдѣ бы ея члены задерживались посторовнею силою, закрытыми выходами. Она существуетъ,—какъ соборъ лицъ, свободно сошедшихся для одного нравственнаго блага жизни, для одного духовнаго воспитанія себя въ добрѣ и истинѣ. Свобода, лежащая при началѣ образованія церковнаго общества, какъ отличительная стихія его строя, сохраняется и во все послѣдующее время, при всѣхъ отношеніяхъ. Внушая вѣрующему ученіе и правила нравственности, служитель Церкви остерегается усвоять себѣ власть надъ его совѣстію и мыслію вѣры, чтобы тѣмъ сохранить коренное отличіе члена Церкви—свободную его преданность Господу, свободную его покорность вѣрѣ и благодати. И въ тѣхъ случаяхъ, когда вѣрующій, по собственному его желанію и нуждѣ, обращается къ руководству и предается распоряженію служителя вѣры Христовой,—послѣдній характеромъ своего вліянія поставляетъ то, чтобы держать совѣсть, мысль и чувство вѣрующаго обращенными къ Самому Господу, чтобы сохранить самостоятельными права его свободы и личности, совершенно вольныя въ его жизни и смерти. Тамъ и здѣсь служитель Церкви только служитъ совершенствованію вѣры, любви и упованія вѣрующаго, только облегчаетъ тяготу его нравственнаго положенія, на сколько дано служителю на это правъ отъ Самаго Господа: но вѣрующій самъ, по своей волѣ, стремится или къ усовершенствованію, или къ развращенію. Какъ въ служеніи пастыря Церкви сказывается особенность

его положенія, избранія и назначенія: такъ въ принятіи и непринятіи пасомымъ дѣйствій того служенія открывается полная свобода и безпринужденность его поведенія. Свобода отношеній и взаимныя нравственныя нужды, связывая пасомаго съ его пастыремъ и на оборотъ, распространяютъ собою и во всемъ обществѣ Церкви непринужденность дѣйствій и поддерживаютъ сохраненіе общаго, обязательнаго для всѣхъ порядка жизни.

Впрочемъ, сохраненіе этаго порядка больше всего зависитъ отъ другаго, новаго закона жизни церковнаго общества, мы имѣемъ сказать, закона единодушія и единомыслія вѣры. Необходимость этаго закона вполнѣ понятна изъ смысла перваго, указаннаго нами. Законъ свободы, уполномочивая каждаго быть самостоятельнымъ въ его стремленіяхъ и дѣятельности, нисколько не направляется своими требованіями противъ той нравственной духовной силы, которая безъ внѣшнихъ мѣръ способна сдерживать и управлять порывами своеволія и безнаказанности. Законъ свободы вообще непонятенъ и недостаточенъ безъ закона послушанія, какъ несовершенна теорія безъ ея примѣненія. Такимъ закономъ послушанія для каждаго члена Церкви и служитъ единодушіе и единомысліе всѣхъ въ союзѣ вѣры и упованія. Оставаясь отдѣльною и самостоятельною личностію по закону свободы, каждый въ Церкви, въ силу требованій этаго новаго закона, сознаетъ священною для себя необходимостію то, чтобы слушаться и подчиняться мнѣнію и авторитету всѣхъ, чтобы дорожить и покоряться приговору и суду многихъ. Примѣненіемъ требованій этаго закона, въ Церкви, какъ въ духовномъ обществѣ, сами собою падаютъ и изгоняются всякое

нестроеніе и непорядокъ, которыми обыкновенно управляютъ произволъ мысли, или дѣйствія. По этому закону—каждый, какъ живетъ за одно со всею Церковію, такъ и пользуется своими правами вмѣстѣ со всѣми. По этому же закону, всѣ опредѣленія и постановленія Церкви бываютъ не плодомъ только личныхъ мнѣній и убѣжденій, не свидѣтельствомъ голоса только нѣкоторыхъ, хотя бы то и пастырей Церкви, но выраженіемъ общей вѣры всего состава Церкви, обыкновенно руководствующейся въ познаніи всѣхъ истинъ Откровеніемъ и преданіемъ. По тому же закону ни іерархія безъ паствы, ни тѣмъ болѣе паства безъ іерархіи отдѣльно не можетъ быть полнымъ двигателемъ и законнымъ хранителемъ чистой истины и животворнаго духа всей Церкви: но полная, правильная жизнь всего церковнаго тѣла слагается изъ совокупной и совмѣстной дѣятельности іерархіи и паствы. Іерархія первая располагаетъ и пользуется своими правами, но не по произволу и ея личнымъ соображеніямъ, видамъ и выгодамъ, а непремѣнно въ согласіи, на основаніи сочувствія и отъ имени порученной ей паствы, всегда только на духовную пользу и благо послѣдней. Паства обыкновенно слѣдуетъ за іерархіею не страдательно, но самодѣятельно. Паства вообще не мертвая масса, лишенная всякихъ правъ дѣятельнаго участія въ разрѣшеніи вопросовъ и благоустройствѣ нуждъ Церкви, не толпа людей, отданныхъ на волю и произволы ея церковныхъ представителей. Она,—если не по частямъ, какъ это умѣстно между отдѣльными лицами іерархіи, то во многомъ и особенности въ цѣломъ своемъ составѣ такой же живой и дѣйственный членъ въ живомъ и постоянно развивающемся организмѣ Церкви, потому что

и члены паствы также чада Церкви, духовно рожденныя ею, причастники небеснаго званія (Евр. III, 1) и сонаслѣдники Христу (Рим. VIII, 17). Прямое дѣло паствы участвовать въ священнодѣйствіяхъ іерархіи, питать сердечное довѣріе и совершенное послушаніе къ своимъ пастырямъ, какъ Богопоставленнымъ судіямъ вѣры и руководителямъ совѣсти, снисходить, по чувству братской любви къ ихъ человѣческимъ немощамъ, помогать ихъ естественнымъ нуждамъ. Но все сіе паства должна дѣлать въ предѣлахъ закона, не заходя за ту черту умѣренности, за которою уже становятся замѣтными: проблески какъ бы безотчетнаго и слѣпаго увлеченія, отсутствіе надлежащей ревности, и даже податливость измѣнить чистотѣ и истинѣ Богопреданной Вѣры. Законъ единодушія и единомыслія строго судитъ лицъ іерархіи за всякую измѣну православію, но онъ же никакъ не прощаетъ сего и членамъ паствы. Единеніе іерархіи и паствы между собою въ духѣ вѣры и истины, совмѣстное ихъ служеніе дѣлу и выгодамъ Церкви, очевидно, должно признать необходимымъ и единственнымъ условіемъ успѣшнаго и благоплоднаго развитія и состоянія жизни въ духовномъ и нравственномъ обществѣ: по сравненію съ тѣмъ, какъ объединеніе обыкновенныхъ выгодъ, согласіе цѣлей дѣйствованія составляютъ главную, движущую силу всякаго общества. Но въ Церкви есть своя особенная сторона дѣла, которую можно пояснить новымъ сравненіемъ, заимствованнымъ отъ аналогіи человѣческаго тѣла. Какъ въ тѣлѣ человѣческомъ оторванный отъ своего организма членъ, или поврежденный въ его строеніи, обыкновенно становится не способнымъ къ его дѣятельности и умираетъ: такъ тоже самое бываетъ и съ членами Церкви,

Христова тѣла. Тотъ лишаетъ себя чистоты вѣры и силы благодатной жизни, кто нарушаетъ требованія закона единодушія и единомыслія, кто легкомысленно уклоняется отъ внутренняго союза съ церковнымъ обществомъ. Идея единства вѣры и нераздѣльнаго пользованія единою благодатію, положенная въ основу бытія и единства Церкви служитъ и животворнѣйшею силою для ума и сердца каждаго вѣрующаго. Благодаря этой идеѣ, всѣ христіане вмѣстѣ и каждый изъ нихъ въ частности духовно роднятся и между собою и съ составомъ всей Церкви, и ея совокупнымъ множествомъ всѣхъ бывшихъ и будущихъ ея послѣдователей. Благодаря этой идеѣ, мы осязательно убѣждаемся въ единствѣ и нераздѣльности Церкви — земной и небесной, видимой и невидимой,—Церкви живыхъ и скончавшихся въ той же самой вѣрѣ и напутствіи благодати. Распространеніе видимыхъ предѣловъ Церкви нисколько не разрушаетъ этого единства; численное сокращеніе ея членовъ не уничтожаетъ его силы. Это единство необходимо требуется и предполагается неизмѣнными началами вѣры и существомъ благодати; а не создается людьми, входящими въ Церковь, и принадлежащими къ ней, хотя непремѣнно должно свидѣтельствоваться внѣшнимъ и внутреннимъ ихъ единодушіемъ и единомысліемъ. По этому единодушію и единомыслію, какъ по внѣшне указательному началу, каждый въ Церкви, какъ опредѣляетъ достоинство и недостоинство мнѣній другихъ людей, такъ и отыскиваетъ повѣрку для своего личнаго и частнаго убѣжденія. Въ единствѣ нравственнаго сознанія своихъ членовъ, въ сочувственномъ согласіи ихъ религіозныхъ вѣрованій, вся Церковь,—какъ собирательное множество, какъ соборъ единомыслен-

шихъ лицъ,—представляетъ наглядное ручательство правоты и непоколебимости ея ученія, являетъ внѣшній признакъ своей внутренней непогрѣшимости, свидѣтельствуетъ предъ міромъ и человѣчествомъ о своемъ божественномъ, нечеловѣческомъ происхожденіи. Ради и въ силу соблюденія этого закона, Церковь не раздѣляетъ лжеученій и заблужденій частныхъ лицъ, не сообщается съ ними въ ихъ нечестіи, но судитъ и отвергаетъ ихъ отъ своего единства, отсѣкаетъ отъ своего спасительнаго лона, за ихъ открытое и упорное непослѣдованіе требованіямъ сего закона. Закономъ духовной свободы въ Церкви дается полный просторъ ея членамъ составлять свои личныя, религіозныя убѣжденія, жить отдѣльною, самостоятельною жизнію: закономъ единодушія и единомыслія вѣры указывается правильный и благонадежный исходъ для этихъ убѣжденій, полагается основа общей, благодатной и успѣшной дѣятельности; свидѣтельствуется и крѣпнетъ внутреннее единство при внѣшнемъ разнообразіи множества. На это и указываетъ св. Кипріанъ, когда говоритъ: „Церковь одна, хотя съ приращеніемъ плодородія расширяясь, дробится на множество. Вѣдь и у солнца, продолжаетъ отецъ, много лучей, но свѣтъ одинъ; много вѣтвей на деревѣ, но стволъ одинъ, крѣпко держащійся на корнѣ; много ручьевъ истекаетъ изъ одного источника, иб, хотя разливъ, происходящій отъ обилія воды, и представляетъ многочисленность, однако при самомъ истокѣ все же сохраняется единство. Отдѣли солнечный лучъ отъ его начала, единство не допуститъ существовать отдѣльному свѣту; отломи вѣтвь отъ дерева,— отломленная потеряетъ способность расти; разобщи ручей съ его источникомъ,—разобщенный изсякнетъ. Рав-

нымъ образомъ Церковь, озаренная свѣтомъ Господнимъ, по всему міру распространяетъ лучи свои; но свѣтъ, разливающійся повсюду одинъ и единство тѣла остается нераздѣльнымъ. По всей землѣ она распростираетъ вѣтви свои, обремененныя плодами; обильныя ея потоки текутъ на далекое пространство: при всемъ томъ глава остается одна, одно начало, одна мать богатая преспѣяніемъ плодотворенія. Отъ нея раждаемся мы, питаемся ея млекомъ, одушевляемся ея духомъ. Невѣста Христова искажена быть не можетъ, она чиста и нерастлѣнна, знаетъ одинъ домъ и цѣломудренно хранитъ святость единаго ложа. Она блюдетъ насъ для Бога,— уготовляетъ для царства рожденныхъ ею. Всякъ, отдѣляющійся отъ Церкви, присоединяется къ женѣ — прелюбодѣйцѣ и дѣлается чуждымъ обѣтованій Церкви; оставляющій Церковь Христову лишаетъ себя наградъ, предопредѣленныхъ Христомъ; онъ для нея чуждъ, непотребенъ, врагъ ея (¹). „Церковь, учитъ и св. Ириней, хотя разсѣяна по всему міру, однакожъ тщательно хранитъ единство вѣры, какъ бы имѣла одну душу и одно сердце, согласно проповѣдуетъ и учитъ, какъ бы у ней были одни уста. Въ мірѣ живутъ разные языки и народы, но сила преданія одна и та же для вѣры" (²). Предъ этимъ единствомъ должны преклоняться народы требованіями ихъ народнаго духа и характера; должны поступаться племена ихъ національными стремленіями; къ этому единству умомъ и сердцемъ долженъ принадлежать каждый, дорожить и восторгаться имъ не въ видахъ ласкающихъ наградъ, не по внѣшнему страху

(¹) Творенія св. Кипріана о единствѣ церкви, стран. 174, по русск. перевод.

(²) S. Irin. advers. Haerès. lib. 1, p. X.

и насилію, а по безпринужденному опасенію оказаться недобросовѣстнымъ предъ всѣмъ обществомъ Церкви, по свободному желанію жить и оставаться въ союзѣ съ прочими, ради собственнаго спасенія, ради собственной пользы.

Но все это можетъ совершиться и быть дѣйствительнымъ не безъ нѣкоторыхъ нравственныхъ жертвъ и уступокъ со стороны требующихъ и ищущихъ этого единства, не безъ трудовъ и подвиговъ нравственнаго самоотреченія и самоограниченія. Принесенію тѣхъ жертвъ и уступокъ, подъятію этихъ трудовъ и подвиговъ и помогаетъ новое, именно третье начало и законъ жизни церковнаго общества. Этимъ закономъ служитъ мирная, братская любовь, представляющая собою союзъ христіанскаго совершенства, по мысли апостола (Кол. III. 14) и непремѣннѣйшій признакъ истиннаго Христова послѣдователя, по собственному Его ученію: *Заповѣдь новую даю вамъ: да любите другъ друга, якоже Азъ возлюбихъ вы, да и вы любите себе. О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XVIII. 34, 35). Требованіе и дыханіе любви, соединяя всѣхъ вѣрующихъ, какъ братій во Христѣ, въ одинъ союзъ его тѣла, тѣмъ самымъ служитъ надежною порукою того, что общество церкви не можетъ совершенно раздѣлиться и раздробиться до уничтоженія, что его члены взаимно обязаны другъ другу полнѣйшимъ содѣйствіемъ и состраданіемъ, полнѣйшимъ миромъ и спокойствіемъ. На этой любви, какъ на своей несокрушимой, таинственной основѣ, возникаютъ развиваются и зрѣютъ: вся близость, естественность и непринужденность отношеній между всѣми членами церкви, будутъ ли это пастыри, или пасомые. Предъ ея внушеніями смолкаютъ и высоко-

мѣріе ума и капризы воли; подъ ея вліяніемъ уравниваются и затихають всякіе расчеты, проистекающіе отъ различія внѣшняго положенія и неодинаковости внутреннихъ дарованій. А это безусловно необходимо для церкви, какъ духовнаго общества, какъ нравственнаго союза лицъ, основаннаго Іисусомъ Христомъ и существующаго въ мірѣ для того, чтобы развить и воспитать въ его членахъ начала любви и мира, совершеннѣйшія чувства братства и дружества. *Возлюбимъ другъ друга*, говоритъ церковь, *да единомысліемъ исповѣмы. И даждь намъ, Владыко, едиными усты и единѣмъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпое имя твое Отца и Сына и Св. Духа.* На взаимной любви вѣрующихъ, говоритъ церковь, утверждается основа ихъ единомыслія вѣры и единодушія исповѣданія. Во взаимной любви вѣрующихъ, скажемъ и мы, скрывается вся сила къ тѣснѣйшему единенію душъ и сердецъ, къ живѣйшему обмѣну мыслей и чувствъ, къ беззавѣтному довѣрію и преданности одного лица къ другому. *Любы*, учитъ апостолъ, *долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидитъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ, вся покрываетъ, всему вѣру емлетъ вся уповаетъ, вся терпитъ* (1 Кор. XIII. 4—7). Примѣненіе каждаго изъ означенныхъ свойствъ любви не только требуется, но и необходимо предполагается какъ во всемъ обществѣ церкви, такъ и въ отношеніяхъ между собою отдѣльныхъ его членовъ. Начало любви, совмѣщая въ себѣ всю сущность евангельскаго закона, очевидно должно одушевлять и каждаго члена Христовой церкви, призваннаго жить и совершенствоваться по духу и требованіямъ этого закона.

Итакъ, мы указали начала внутренняго строя и жизни церковнаго общества, и сознаемся, что на нашей грѣшной землѣ нѣтъ и не можетъ быть другихъ болѣе нравственныхъ, святыхъ и возвышенныхъ узъ,— кромѣ узъ свободы, единомыслія и любви, — которыя были бы вполнѣ достойны Богоучрежденнаго, благодатнаго, божественнаго царства, и которыя дѣйствительно связывали бы разнонародное и разноплеменное собраніе членовъ церкви въ одно цѣлое и стройное Божіе царство. Указанные нами начала и законы прямо выдѣляютъ церковь изъ ряда обыкновенныхъ человѣческихъ обществъ, ставятъ ее въ отношеніе къ нимъ вполнѣ подобное отношенію души къ тѣлу, наблюдающей каждое біеніе жизни въ его организмѣ, дѣлаютъ ее нравственною силою, разливающеюся по всей массѣ разнообразныхъ характеровъ, разнообразныхъ явленій и дѣйствій, уподобляютъ потоку, невозбранно заливающему все своими струями благодати, свѣта и истины. По этимъ началамъ церковь Христова видимо принадлежитъ всему міру, а не одному народу въ частности, способна обнять въ своемъ лонѣ людей всѣхъ племенъ и народовъ, всѣ поколѣнія человѣчества. Но, со всѣмъ этимъ, тѣ же законы и начала какъ даютъ намъ ясно понять всю свободу мысли и непринужденность поведенія съ полнымъ спокойствіемъ сердца и совѣсти для каждаго вѣрующаго, такъ заставляютъ сознательно убѣдиться, что не аристократическій деспотизмъ, т. е. преобладаніе нѣкоторыхъ и не демократическое своеволіе, т. е. произволъ всѣхъ могутъ быть управляющими и зиждущими началами порядка, благоустройства и жизни въ церкви; напротивъ законное участіе всѣхъ, одушевляемое личною свободою каждаго, поддерживае-

мое одинаковыми стремленіями чувствъ напутствуемое сознаніемъ истины желаній и правоты дѣйствій, при взаимныхъ чувствахъ любви и братства. Но къ объединенію, раскрытію и вмѣстѣ выраженію всѣхъ этихъ условій и служитъ именно соборъ, какъ готовая форма для отлитія и опредѣленія настоящаго предмета. Подлинно, въ соборѣ, и только въ немъ одномъ находятъ для себя полное примѣненіе, раскрытіе и разъясненіе указанные нами законы и начала жизни Христовой Церкви. Въ соборѣ эти законы и начала не только требуются и ищутся, но и необходимо предполагаются и непосредственно дѣйствуютъ,—какъ готовыя данныя,—для раскрытія и воспроизведенія полной, всецѣлой, совершеннѣйшей идеи собора. Такъ, многочисленностію представителей своего состава, представителей съ одинаковыми правами власти и голоса, соборъ прямо покровительствуетъ и развиваетъ законъ и начало духовной свободы; составленіемъ опредѣленій и правилъ, обязательныхъ и важныхъ для всѣхъ членовъ, состоящихъ въ церкви, онъ возвѣщаетъ и утверждаетъ законъ и начало единодушія и единомыслія въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ вѣры; присутствіемъ различныхъ, разномѣстныхъ и разнородныхъ своихъ членовъ, собравшихся на соборъ по однимъ и тѣмъ же побужденіямъ, для одной и той же желанной для нихъ цѣли, соборъ открыто держится и громко провозглашаетъ законъ и начало истинно братской и взаимно совершеннѣйшей любви. А по всему этому вмѣстѣ, онъ является живымъ отображеніемъ существа Христовой Церкви, если разсматривать эту церковь въ основныхъ началахъ ея историческаго существованія, если смотрѣть на нее, какъ на отдѣльное въ мірѣ царство, предназначенное развить

и воспитать въ человѣчествѣ начала истинной свободы, взаимной любви и полнѣйшаго единодушія, приготовить въ нихъ Христовыхъ послѣдователей.

Такимъ образомъ внутреннія начала жизни церкви и внѣшняя форма ея управленія такъ тѣсно и неразрывно между собою связаны, что первыя служатъ необходимымъ основаніемъ послѣдней,—послѣдняя непремѣнно предполагаетъ первыя. Связь и соотношеніе между ними таковы, какъ между идеею и ея выраженіемъ, между причиною и слѣдствіемъ. Соборы составляясь изъ представителей правъ и власти церкви, по дѣйствительнымъ и неотложнымъ ея нуждамъ, открывали собою совершеннѣйшія гарантіи—какъ къ сохраненію истины вѣры,—такъ и установленію законнаго порядка жизни церкви. Эти соборы, какъ собраніе многихъ отъ имени всѣхъ, дѣлали совершенно невозможнымъ никакое ярмо своевольнаго деспотизма, который всюду привноситъ съ собою только нравственный разладъ, развиваетъ насиліе, крайне противное духу христіанской религіи, какъ откровенія въ мірѣ свободы и любви. Тѣ же соборы, собираясь для разъясненія вопросовъ и удовлетворенія нуждамъ церкви, съ общаго совѣта, указывали собою и законный, нравственный авторитетъ для свободы личной, когда требовали, чтобы частные вѣрующіе въ своихъ убѣжденіяхъ точно согласовались съ опредѣленіями церкви, постановленными съ общаго голоса соборовъ, а въ ихъ поведеніи слѣдовали правиламъ, предложеннымъ тѣми же соборами для совмѣстнаго руководства всѣхъ членовъ церкви. По соображеніи всего сказаннаго вмѣстѣ мы должны заключить, что форма общаго, т. е. соборнаго образа управленія и благоустройства нуждъ Христовой Церкви, требуемая

самымъ сильнымъ закономъ ея бытія и существованія, должна быть признана нами не только великою и благоплоднѣйшею, но вмѣстѣ и истинною церковною формою, что въ этой формѣ безъ отношенія къ чрезвычайнымъ дарованіямъ Духа, непрестанно дѣйствующаго въ церкви, кроются уже нѣкоторыя ручательства того, что въ Христову Церковь не легко проникнуть и вторгнуться чему-либо противному духу ея ученія и существу утвердившихся въ ней порядковъ.

Но мы еще продолжимъ разъясненіе нашего предмета. Если, по подлиннымъ законамъ жизни Христовой Церкви, не одна іерархія, а вмѣстѣ и паства могутъ взаимно участвовать въ дѣлахъ и вопросахъ благоустройства церкви: то отнюдь не въ полномочіи одного лица и не въ собраніи только нѣкоторыхъ должно заключаться все видимое средоточіе и представительство права и власти церкви. Подобная постановка предмета, если бы была допущена, то противорѣчила бы подлинному понятію о церкви, какъ живомъ благодатномъ царствѣ, въ которомъ во всѣхъ, чрезъ всѣхъ и на всѣхъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же духъ своими дарованіями (1 Кор. XII. 4—11), въ которомъ всѣ законы, уставы и правила должны имѣть полный, непререкаемый одинаковый авторитетъ для всѣхъ членовъ. Особенность смысла и духа примѣненія этихъ законовъ и правилъ въ церкви производитъ здѣсь свои исключительныя послѣдствія. Въ обществахъ обыкновенныхъ, большая часть, чтобы не сказать всѣ ихъ постановленія, уясняется и получаетъ свою силу отъ опыта и практики; обыкновенно сама историческая жизнь государства какъ приводитъ къ сознанію существо извѣстныхъ постановленій, такъ вмѣстѣ она же провѣряетъ ихъ

пользу и дѣйственность. На оборотъ бываетъ и должно быть въ церкви, какъ обществѣ существующемъ для цѣлей другаго міра, и на другихъ основаніяхъ. А именно: законы церкви представляютъ собою не сочиненное кѣмъ-либо положеніе, но извлеченіе и изъясненіе уже сокрытыхъ и положенныхъ въ идеѣ церкви и вѣры требованій, только примѣнительно къ данному историческому обстоятельству; законы церкви вообще вызываются историческими условіями ея существованія, формулируются ея правительствомъ въ буквальныя и ясныя положенія. Но смыслъ каждаго изъ нихъ всегда готовъ вмѣстѣ съ идеею искомаго предмета, вмѣстѣ съ общимъ духомъ требованій нравственнаго порядка жизни церкви. А потому,—въ то время, какъ законы общества только предупреждаютъ безпорядочныя дѣйствія человѣческой воли, противныя благу и счастію людей, только судятъ поступки всѣхъ и притомъ одинаково,—законы церкви стремятся усовершить нравственный порядокъ жизни, исправить и преобразовать ея начала, воспитать въ человѣкѣ внутреннее повиновеніе долгу и совѣсти: они допускаютъ различную степень вмѣняемости для оникъ и тѣхъ же преступленій, смотря по нравственному положенію лицъ совершившихъ ихъ. Требованія церковныхъ законовъ сколько соображаются и принаравливаются къ явленіямъ обыкновенной жизни, столько же всегда подчиняютъ ихъ себѣ, какъ предложеннымъ своимъ началамъ и предначертаніямъ; они судятъ жизнь и обличаютъ ея непослѣдовательность себѣ, будучи сами изъяты отъ приговора и суда жизни. Но что мы замѣчаемъ о законахъ церкви; тоже самое нужно сказать и о прочихъ ея установленіяхъ и правилахъ ея вѣры. Совмѣстность небеснаго начала съ земными

явленіями, связь общаго, неизмѣннаго съ частнымъ и преходящимъ, полное и безусловное господство божественнаго надъ человѣческимъ и въ тоже время свободное и безпринужденное послушаніе человѣка Богу: все это вмѣстѣ, отличая духъ самыхъ началъ и историческое существованіе церкви, необходимо предполагаетъ такой видъ ихъ соотношенія, при которомъ во всей непосредственности смысла съ одной стороны сохранились бы: небесный авторитетъ церкви, общность и неизмѣнность ея установленій, полное и безусловное господство ея дѣйствій и распоряженій, съ другой остались бы цѣлыми и было отведено свое мѣсто: обнаруженію земныхъ и частныхъ правъ человѣка, самоопредѣленію личныхъ и непринужденныхъ требованій его свободной воли. Словомъ, при двусторонней постановкѣ и рѣшеніи каждаго вопроса въ церкви, гдѣ съ одной стороны дѣйствуетъ полнота благодати Св. Духа, съ другой— нравственныя нужды и требованія человѣка, можетъ быть умѣстенъ и пригоденъ только такой органъ ея самоуправленія и благоустройства, который бы служилъ живымъ выраженіемъ дѣйствій этого Духа, указывающихъ общія и неизмѣнныя требованія церкви, и въ тоже самое время, давалъ мѣсто обнаруженію нуждъ человѣка, самостоятельнымъ дѣйствіямъ его свободы. Необходимо и законно такое посредство, въ которомъ бы какъ въ своемъ непосредственномъ фокусѣ, сходились съ одной стороны: оттѣнки и требованія всеобщихъ божественныхъ, всеобъемлющихъ и неизмѣнныхъ началъ церкви; съ другой—частныя, относительныя и случайныя нужды и заявленія человѣка. Попробуемъ представить такимъ органомъ одно какое нибудь лице, поставимъ на мѣсто этого посредства только немногихъ лицъ:

вмѣстѣ съ этимъ для насъ сама собою исчезнетъ живая, моральная связь свободы лица съ авторитетомъ Церкви, согласіе поведенія одного съ общеобязательнымъ закономъ, для насъ умретъ живой союзъ вѣры и проявленій жизни частнаго лица съ вѣрованіемъ и жизнію всей Церкви, всего совокупнаго ея множества. Отдѣльное лице, равно и совокупность нѣкоторыхъ, являясь единственными двигателями всего авторитета Церкви, носителями ея всеобъемлющихъ правъ, посредниками между Церковію и ея исторіею, въ нравственное общество Церкви, основанное на чисто духовныхъ началахъ любви, единодушія и свободы, непремѣнно вносятъ духъ міра, оффиціальности и преобладанія; вмѣсто взаимныхъ, братскихъ и дружескихъ устанавливаютъ одни юридическія, кровавыя отношенія. Единоличный и нѣсколько-личный представитель правъ и власти церкви—скрадываетъ ихъ вселенское значеніе; характеръ объективнаго, предлежательнаго, историческаго самоопредѣленія и разрѣшенія нуждъ и вопросовъ церкви замѣняетъ частными, субъективными, личными, а потому произвольными и необязательными для каждаго. Но всѣ эти и много другихъ, подразумѣваемыхъ здѣсь, крайностей устраняются сами собою такимъ положеніемъ дѣлъ, когда, при приведеніи въ дѣйствіе полнаго авторитета Церкви, дается мѣсто участію всѣхъ ея представителей при непремѣнномъ довѣріи къ нимъ прочихъ ея членовъ, когда съ общимъ толкованіемъ духа ученія и правъ церкви сохраняется мѣсто отдѣльнаго принятія самыхъ распоряженій и опредѣленій этого толкованія. Словомъ: согласное и единодушное распоряженіе правами церкви, раздѣленными между всѣми ея предстоятелями, совмѣстное и единомысленное со стороны этихъ предстоятелей

объясненіе ученія церкви и ея преданій; а также принятіе и усвоеніе всего этого мыслію и послушаніемъ каждаго вѣрующаго вполнѣ возможны только при собирательной, соборной формѣ церковнаго управленія и благоустройства, только при отсутствіи въ церкви одного, или нѣсколькихъ лицъ такого характера, которые своею властію, своимъ полномочіемъ возвышаясь надъ всѣми прочими, отрицаютъ всякое самодѣятельное ихъ участіе въ дѣлѣ пониманія и усвоенія церковной истины, церковной жизни. При соборной формѣ управленія и небесныя права церкви, и ея божественная вѣра и благодать, наглядно удерживая свой непосредственный характеръ общеобязательности, единства и неизмѣнности въ совокупномъ и единодушномъ дѣйствованіи различныхъ членовъ собора, — въ наглядномъ и единомысленномъ ихъ пониманіи разными умами, въ самомъ этомъ дѣйствованіи и пониманіи подпадаютъ закону разнообразія, дѣлаются частными, становятся достояніемъ личной вѣры предметами частнаго сознанія. На соборѣ церковь дѣйствуетъ сама своими правами отъ лица всѣхъ ея предстоятелей, и отъ имени всѣхъ прочихъ своихъ членовъ, но ни отъ кого въ частности; въ соборѣ же открывается и возможность къ свободному и непринужденному признанію каждымъ ея истинъ. Но намъ и исторически и психологически хорошо извѣстенъ тотъ законъ, по которому человѣкъ внутри его природы носитъ инстинктъ, побуждающій его личныя мнѣнія и сужденія непремѣнно повѣрять и оцѣнивать судомъ и приговоромъ мнѣній другихъ людей. Намъ также хорошо извѣстно, что въ силу этого инстинкта мы тогда только спокойно полагаемся на истину собственныхъ нашихъ разсужденій, когда нахо-

димъ сочувствіе къ нимъ и выслушиваемъ одобреніе на нихъ отъ другихъ мыслящихъ лицъ; словомъ, когда наше личное, субъективное убѣжденіе, принимаясь другими за истину, дѣлается чрезъ это для насъ самихъ истиною и убѣжденіями объективными. Но этотъ же самый инстинктъ, объясняя для насъ способъ образованія общихъ объективныхъ истинъ и понятій общественнаго мнѣнія, говоритъ и въ пользу того, что всѣ люди могутъ составить изъ себя единодушное собраніе, когда они другъ въ другѣ и каждый во всѣхъ будутъ искать сочувствія и отголоска своимъ воззрѣніямъ и мыслямъ.

И такъ, при посредствѣ указаній исторіи, путемъ теоретическихъ соображеній о законахъ жизни церкви, о характерѣ ея ученія и установленій, мы пришли къ несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что внѣшнею единственно законною формою дѣйствованія и обнаруженія правъ и авторитета церкви служитъ совокупное собирательное и совмѣстное участіе всѣхъ ея членовъ, съ преимущественнымъ значеніемъ лицъ, облеченныхъ правами служенія и власти. Но такое совокупное совмѣстное участіе можетъ выражаться: какъ въ то время, когда предстоятели церкви, въ силу полномочія даннаго имъ свыше, а также на основаніи нравственнаго къ нимъ довѣрія всѣхъ другихъ членовъ, собравшись вмѣстѣ на соборъ церковный, раскрываютъ догматы вѣры и законополагаютъ правила для жизни; такъ и въ томъ случаѣ, когда каждый изъ нихъ, оставаясь на своемъ мѣстѣ, нарочитымъ посланіемъ по данному вопросу, выражающимъ непосредственный образъ его воззрѣній и вѣрованія его паствы, раскрываетъ надлежащій смыслъ ученія церкви. При подобномъ образѣ раз-

рѣшенія недоумѣній и устройства дѣлъ церкви невозможенъ ни абсолютизмъ власти, который убиваетъ свободу лица, разрушаетъ права его разума, ни индивидуализмъ дѣйствій, который не терпитъ никакого общаго руководства, тяготится всякимъ, сдерживающимъ авторитетомъ и который всегда вредитъ при вопросахъ общихъ интересовъ. Но соборъ, нужно замѣтить, имѣетъ на своей сторонѣ больше преимуществъ сравнительно съ письменнымъ, совѣщательнымъ рѣшеніемъ церковныхъ вопросовъ. На соборѣ удобнѣе и легче, безъ замедленій и недоразумѣній можетъ совершаться повѣрка ложныхъ и неправыхъ мнѣній, очищаться и возстанавливаться смыслъ древняго истинно апостольскаго преданія, утверждаться образъ одинаковаго вѣрованія во всемъ христіанскомъ мірѣ. На соборѣ каждый являющійся на него пастырь лично можетъ открывать свои нужды и недоумѣнія его паствы, и здѣсь же немедленно получать полное удовлетвореніе и обстоятельное разъясненіе.

(Продолженіе будетъ)

Т. Барсовъ.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ РУССКОМЪ РАСКОЛѢ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

(продолженіе)

Изъ предъидущей статьи [1] мы видѣли, что въ прошлое царствованіе, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, ученіе о необходимости брака болѣе и болѣе усвоялось Поморской безпоповщиной и выражалось не только въ формѣ безсвященнословныхъ, или сводныхъ, брачныхъ союзовъ, заключавшихся по благословенію родителей и наставниковъ, но и въ видѣ правильныхъ браковъ, освящавшихся молитвами православныхъ и единовѣрческихъ пастырей, хотя, разумѣется, оставалось еще не мало поморцевъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, которые безбрачіе считали единственно правильною и законною формою жизни. Какъ же относилась въ разсматриваемое нами время къ вопросу о бракѣ безпоповщина Ѳедосѣевская, и прежде всего ѳедосѣевщина Московская, которая, благодаря своему Преображенскому кладбищу, задавала тонъ всѣмъ иногороднимъ послѣдователямъ Ковылина?

---

(1) Смотр. Христ. Чт. 1869 г. Іюнь.

Мы говорили [1], что, еще въ концѣ царствованія Императора Александра 1-го, власть обратила свое вниманіе на развращавшее народную нравственность ученіе Преображенскаго кладбища объ обязательномъ для всѣхъ дѣвствѣ и признала это ученіе вреднымъ, а распространителей его подвергла суду и преслѣдованію. Гнусинъ и Таровитый — главные руководители московскихъ ѳедосѣевцевъ въ то время и самые ревностные проповѣдники безнравственнаго ученія были схвачены и заточены въ Соловецкій монастырь, — за Преображенскимъ кладбищемъ усиленъ былъ надзоръ и наконецъ Ѳедосѣевцы, какъ безпоповцы, отвергавшіе бракъ, лишены были права на выборы въ общественныя должности [2]. При такихъ обстоятельствахъ, казалось бы, ѳедосѣевцамъ московскимъ можно было понять, что они въ ученіи своемъ о всеобщемъ безбрачіи идутъ ложною, и притомъ не безопасною, дорогою. Къ сожалѣнію, лица, которымъ порученъ былъ ближайшій надзоръ за Преображенскимъ кладбищемъ, были слишкомъ податливы на деньги, а у богатыхъ московскихъ ѳедосѣевцевъ этого добра всегда было много. Съ другой стороны хотя, по Высочайшему повелѣнію, Гнусина и Таровитаго должны были держать въ Соловецкомъ монастырѣ „подъ самымъ строгимъ карауломъ", тѣмъ не менѣе хитрые ѳедосѣевцы находили случаи не только пересылать „мученикамъ за вѣру" деньги, но и лично бесѣдовать съ ними [3]. А слѣдствіемъ этого было то, что, и послѣ заключенія Гнусина и Таровитаго въ Соловецкомъ монастырѣ, вліяніе ихъ на московскихъ и даже

(1) Христ. Чт. 1867 г. части II; стр. 994.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 66; 68—71.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 258; Кельсіев. вып. 1, стр. 63.

иногороднихъ ѳедосѣевцевъ не прекращалось, какъ не прекращалось среди ѳедосѣевцевъ и бракоборное ученіе ихъ. Семенъ Кузьминъ, одинъ изъ главныхъ наставниковъ Преображенскаго кладбища, навѣстившій Гнусина и Таровитаго въ Соловецкомъ заточеніи, привезъ отъ „семиименной особы" посланіе кладбищу, въ которомъ „страждущій праведникъ", какъ величали Гнусина его ученики, убѣждалъ своихъ бывшихъ послѣдователей не смущаться тѣмъ, что „антихристъ правитъ царствомъ", и твердо пребывать въ „древнемъ благочестіи", а самъ Кузьминъ, какъ наставникъ, получилъ отъ Гнусина наставленіе „отверзать вхожденіе и исхожденіе на ложе мужеское женщинамъ и дѣвкамъ" и „разрѣшать" своихъ духовныхъ чадъ какъ можно болѣе, чтобы они видѣли въ наставникѣ „истиннаго молитвенника о грѣхахъ своихъ" (1), т. е. получилъ наставленіе отрицать бракъ и потворствовать разврату. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Кузьминъ вѣрно слѣдовалъ кощунственному наставленію Соловецкаго узника, — тѣмъ болѣе, что обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали этому. Возвратившись въ Москву, Кузьминъ нашелъ, что нѣкоторые изъ послѣдователей Преображенскаго кладбища, вѣроятно, по внушенію поморцевъ, вступили, въ его отсутствіе, въ браки и—даже съ женщинами православнаго исповѣданія, въ слѣдствіе чего нерѣдко и сами обращались въ православіе (2); между тѣмъ наставники, вмѣсто того, чтобы отлучать подобныхъ нарушителей ѳедосѣевскаго устава отъ общества, довольствовались наложеніемъ на нихъ епитимій по 80 и по 100 поклоновъ въ день, при чемъ называли ихъ

(1) Кельсіев. вып. 1, стр. 63—4.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 204.

„староженами". и даже допускали въ моленьи, наравнѣ „съ истинными христіанами". Такое, по выраженію фанатика, „запустѣніе на мѣстѣ святѣ" должно было вызвать со стороны Кузьмина,—усерднаго почитателя Гнусина,—самое рьяное противодѣйствіе появившемуся злу—горячею проповѣдію въ пользу дѣвства, съ разрѣшеніемъ „любиться", какъ кому вздумается, только безъ брака. А когда, въ первые годы царствованія Императора Николая Павловича, послѣдовали распоряженія о томъ, чтобы не преслѣдовать раскольниковъ за ихъ внѣ-церковные браки, въ слѣдствіе чего пропаганда поморцевъ въ пользу брачной жизни усилилась, Кузьмину и подобнымъ ему фанатикамъ предстояла необходимость отстаивать бракоборство всѣми правдами и не правдами; въ противномъ случаѣ Преображенскому кладбищу грозила опасность лишиться многихъ изъ своихъ послѣдователей. Къ счастію проповѣдниковъ бракоборства, въ 1831 году является въ Москвѣ холера со всѣми ужасами неразгаданной и смертельной болѣзни. „Вотъ седьмой фіалъ гнѣва Божія изливается на Россію за ея отпаденіе отъ христіанской вѣры",—завопили Кузьминъ и его помощники; но такъ какъ умирали не одни православные, а и ѳедосѣевцы, то проповѣдники прибавляли: „христіане забыли свои обѣты и, послѣдуя антихристу, стали вступать въ беззаконныя брачныя сплетенія и даже внѣшнимъ обрядомъ, сі—есть, еретическимъ вѣнчаніемъ; вотъ праведная десница Всевышняго и каратъ отступниковъ". Болѣзнь была такъ страшна, опасность смерти такъ близка, а вопли вожаковъ ѳедосѣевскихъ такъ сильны, что многимъ не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать имъ. И вотъ не только ѳедосѣевцы, такъ или иначе вступившіе въ бракъ, но

и многіе изъ православныхъ, обольщенныхъ наставниками Преображенскаго кладбища, расторгали свои семейные союзы, какъ грѣшные, или по крайней мѣрѣ — неблаговременные, и бѣжали въ пріюты кладбища, ища въ нихъ спасенія душевнаго и, если можно, тѣлеснаго, и давая обѣты ко всегдашнему безбрачію. Миновала гроза, успокоились оставшіеся въ живыхъ жители древней столицы, но не почили отъ трудовъ своихъ вожаки московскаго ѳедосѣевскаго общества. Когда нѣкоторые изъ послѣдователей Преображенскаго кладбища стали снова склонять слухъ свой къ проповѣди поморцевъ о необходимости брачной жизни,—они завопіяли: „не обращайтесь вспять, ратоборствуйте противъ искушеній, — иначе кара Божія снова постигнетъ не хранящихъ уставовъ, которые заповѣдали намъ отцы наши". А когда правительство, снисходительно отнесшееся къ безсвященнословнымъ бракамъ поморцевъ въ началѣ прошлаго царствованія, стало съ теченіемъ времени преслѣдовать эти браки, какъ „поселяющіе развратъ и беззаконную жизнь",—ѳедосѣевскіе наставники нашли въ этомъ обстоятельствѣ новый предлогъ къ требованію отъ своихъ учениковъ жизни безбрачной. „Правильнаго брака, стали говорить они, теперь быть не можетъ, потому что нѣтъ нынѣ не только православнаго священника, но и учителя истиннаго и нелестнаго: а составлять бракъ общимъ изволеніемъ брачущихся и благословеніемъ родителей, по образу новопротестантскихъ сектъ (т. е. поморцевъ), противно писанію, не твердо и зѣло опасно, понеже сугубое начальство препятствуетъ симъ самочиннымъ женитвамъ бывати". Заключеніе понятно. А чтобы сильнѣе подѣйствовать на массу, вожаки ѳедосѣевскіе, не ограничиваясь устными наставле-

ніями, стали писать и распространять между своими послѣдователями сочиненія, въ которыхъ развивали и доказывали тѣ же мысли. Одно изъ сочиненій съ такимъ содержаніемъ мы уже указали въ предъидущей статьѣ: это—„отсловіе къ новоженамъ“. Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ содержаніемъ этого ѳеодосѣевскаго произведенія, изъ котораго они увидятъ, что преслѣдованіе правительствомъ безсвященнослов-ныхъ браковъ поморскихъ, бывшее причиной того, что большая часть поморцевъ вынуждена была вѣнчаться въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, дало ѳедосѣевскимъ наставникамъ основаніе указывать на это обстоятельство, какъ на сильное побужденіе къ без-брачію.

Сказавъ въ началѣ, что браки поморцевъ, заключав-шіеся по благословенію родителей, на основаніи „чисто-сердечнаго обѣщанія“ брачущихся „между собою предъ Богомъ и святымъ евангеліемъ“, составляются „несо-образно законному основанію и ближайшее подобіе имѣ-ютъ къ тѣмъ, кои сужденіемъ святыя церкви за беззакон-ные и за несущіе вмѣняются“, что такія сопряженія „основаны и оправдываются въ сіе послѣднее и много-бѣдственное время отъ мужей злоумныхъ, посредствомъ растлѣннаго толкованія словесъ святаго писанія, не безъ оскорбленія всего древлецерковнаго узаконенія,“ въ слѣдствіе чего „женящіися“ такимъ образомъ „правильно нарицаются новоженами“, потому что „новозаконіемъ составляются“, сочинитель замѣчаль далѣе, что сводные браки поморцевъ „и существовати въ своей силѣ и закон-номъ образѣ не могутъ, яко законно неутвержденные, особно, егда по обстоянію сего времени и внѣшнихъ сугубое начальство препятствуетъ симъ самочиннымъ

женитвамъ бывати. И какой опасности и сколь великимъ неудобствамъ и бѣдамъ подвержены“ вступающіе въ подобные браки; „понеже всѣми, какъ церковными, такъ и градскими, учрежденіями запрещаются потаенные браки и осуждаются казнію, да и самое существо брачной вещи къ своему составленію и продолженію соитія требуетъ публичнаго—и въ мірѣ, а не въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ.... Живущимъ же въ мірѣ сколь неудобно есть утаити брачное сопряженіе надолзѣ,—особливо, егда рождшіяся дѣти возопіютъ, никого же боясь, и егда сіи несчастныя, яко зазорныя, вмѣнятся въ мірѣ, и лишены будутъ законнаго имени, права и родительскаго наслѣдства.... И что тогда сотворятъ женящіеся между собою благословеніемъ своихъ родителей, егда сущее начальство поищетъ о семъ отвѣта; но все, елико ни возглаголютъ, утвердити своей законности отнюдь не возмогутъ, понеже и въ святыхъ древлецерковныхъ законахъ, и у внѣшнихъ въ новоцерковныхъ и гражданскихъ учрежденіяхъ, сего образа“ брачныхъ сопряженій „не обрѣтается“. И остается новоженамъ, въ случаѣ разслѣдованій и преслѣдованій,—либо „искать своей женидьбѣ новаго подтвержденія, за небытіемъ благочестиваго, самымъ церемоніальнымъ запечатлѣніемъ нечестивыхъ и принести жертву въ веельфегорѣ образованную (т. е. вѣнчаться въ церкви православной), либо принять начертаніе екфернаго богоборца вмѣсто креста Спасова на челѣ, либо имя онаго звѣря, емуже число 666 (т. е. принять православіе)“; въ противномъ же случаѣ „страданіе предлежитъ и бѣдственное объятіе; и сіе, замѣчалъ авторъ „отеловія,“ на самомъ опытѣ довольно извѣстно.“ Если же и удается нѣкоторымъ изъ вступившихъ въ безсвященнословные браки избѣжать

*

суда и преслѣдованія," особливо удаляющимся въ лѣсные улусы, или во многонародныхъ градѣхъ пребывающимъ", это еще не доказательство правильности и законности новоженческихъ союзовъ, такъ какъ „не токмо безчинносоставныя, или возбраненныя, по правиломъ, браки, но и самыя блудныя и прелюбодѣйныя сожитія могутъ обрѣстися въ мірѣ, кои не абіе судъ и наказаніе, или слѣдующее по закону исправленіе, пріемлютъ, но по времени и по случаю: но не убо законными кто почтетъ до сего оныя, или оправдаетъ, за еже находятся не расторжены".

Доказывая далѣе незаконность формы брачныхъ сопряженій новоженческихъ—„за небытіемъ священныхъ лицъ точію благословеніемъ родителей"—и сказавъ, что „во всѣхъ узаконеніяхъ, въ соборныхъ и отеческихъ правилахъ и въ чиновникахъ церковныхъ и въ градскихъ законахъ вездѣ священническому лицу благословляти и молитвою утверждати честные браки указано, родителей же благословенія къ брачному составленію нигдѣ въ законныхъ правилахъ не упомянуто", а требуется только „соизволеніе" ихъ на бракъ, авторъ „отсловія" продолжалъ: „самовластніи же, сі-есть, совершенный имѣющіи возрастъ,—и не хотящу отцу ихъ, женятся и посягаютъ законно, по силѣ градскаго закона; кто же будетъ сихъ благословляти?" Притомъ же „не у всѣхъ чадъ родители случаются здравствовати до совершеннаго ихъ возраста, но мнози лишаются сего средства, и смертію временною оныхъ и вѣчною, сі-есть, невѣріемъ, или зловѣріемъ до конца одержимыхъ"; какое же „отъ сихъ послѣднихъ родителей можетъ истечь духовное благословеніе?" Что же касается другой формы брачныхъ новоженческихъ сопряженій, по которой, независимо отъ родительскаго

благословенія, „сопрягавшаяся чета клялась еще предъ всемогущимъ Богомъ и цѣлымъ свѣтомъ во всю жизнь ложе свое хранить безпорочно и свято“,—то авторъ „отсловія“, назвавъ эту форму „странною“, замѣчалъ: „здѣ указать прилично слѣдующее: всѣмъ извѣстно, что мало таких новозаконныхъ браковъ, кои бы и сицевымъ образомъ совокуплялися, но и того меньше видится, чтобы сицевыя сопряженія до конца устояли въ своемъ образѣ. На самомъ опытѣ видно, что большая часть, согласясь между собою, кромѣ воли родительской и совѣщаній, еще нѣціи и подъ властію тѣхъ, творятъ свою женитву блудосоставнымъ образомъ, или тайно похищаютъ себѣ дѣвицъ, уводя изъ домовъ родителей съ великимъ сихъ оскорбленіемъ, а для избѣжанія законной казни и дабы дать видъ брака своему сочетанію, прибѣгаютъ къ веельзегору и, съ покорнымъ прошеніемъ жертвуя и кадя, съ приношеніемъ дара, отъ престола ложнаго агнца ищутъ утвержденія, покупая себѣ погибель и защиту оттуду и моля, да служители нечестія запишутъ ихъ въ число и въ книгу смерти, и, принявше отъ сихъ письменное свидѣтельство, бываютъ безопасны.“ Другіе, по словамъ бракоборца, „чувствуя несовершенство“ безсвященнословныхъ браковъ „и не взирая на велеумное своихъ родителей и законниковъ мудрованіе, признаютъ за необходимую нужду укрѣпляти своя сожитія внѣшнимъ обрядомъ, си есть, еретическимъ вѣнчаніемъ и благословеніемъ, сколь бы сіе ни разумѣли быть душевреднымъ“. Сказаннаго, по мнѣнію автора „отсловія“, „довольно къ ясному понятію о новоженящихся различнымъ образомъ и о силѣ родительскаго въ брацѣ благословенія и о самой ихъ новой формѣ и проч., сколь все то недѣйствительно и незаконно и по основанію

недостовѣрно и въ существованіи неблагонадежно, паче же и бѣдоносно лицевое новоженство: и самая рѣдкость женящихся сею формою есть тому доказательствомъ“.

Нельзя не сознаться что пріемъ, къ которому прибѣгли ѳедосѣевскіе вожаки, для убѣжденія своихъ учениковъ въ необходимости безбрачія, былъ довольно искусный. При глубокомъ отвращеніи къ церкви православной, истому послѣдователю Преображенскаго кладбища оставалось одно средство обзавестись семьей, — это — вступить въ бракъ безсвященнословный, или сводный, по примѣру поморцевъ; но такой бракъ, замѣчали ему ревнители безбрачія, незаконенъ не только „по сужденію святыя церкви“, но и по суду „градскаго закона“, преслѣдующаго такія сожитія. Что же остается послѣ этого дѣлать, спрашивали своихъ наставниковъ молодые ѳедосѣевцы и ѳедосѣевки, ощущавшіе въ своихъ жилахъ кровь, и притомъ горячую? „Не жену, а стряпуху держи, и, часто перемѣниваючи, отклони вазоръ; дѣтей не роди, а если и родишь, тайно воспитай и племянничкомъ називай; а когда покинешь жену съ дѣтьми, тогда только будешь чистый рабъ“ (1), — былъ отвѣтъ ѳедосѣевцамъ—мужчинамъ. „Дѣвство каждый сохраняй, тайну брака не познай, — сколько хочешь — народи, только за мужъ—не ходи, — насъ отцы за грѣхъ простятъ, въ райско мѣсто помѣстятъ“ (2), — такъ успокоивали старые развратники молодыхъ ѳедосѣевокъ—дѣвицъ и женщинъ. Эти отвѣты были даны не Гнусинымъ и Таровитымъ, но они до іоты согласовались съ

(1) „Истина“, — соч. издан. за границей, кн. 2, 1867 г. листъ 67.

(2) „Дѣвственица—ѳедосѣевка“, — соч. Андреяна Сергѣева, — въ сборн. бракобор. сочин., находящихся въ публич. библіот. № 30.

ученіемъ о бракѣ и семьѣ указанныхъ изувѣровъ. А послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и въ разсматриваемое нами время семейная жизнь большинства московскихъ ѳедосѣевцевъ представляла тѣже дикія явленія самаго грубаго разврата, какія совершались въ жизни послѣдователей Преображенскаго кладбища—въ то время, когда ими непосредственно руководилъ „гражданинъ всей Россіи" Гнусинъ съ своимъ „лукавымъ и непотребнымъ товарищемъ—Ванькою Ѳедотовымъ" Таровитымъ. По свидѣтельству Андреяна Сергѣева, зорко слѣдившаго за жизнію своихъ противниковъ и хорошо знавшаго всѣ закулисныя тайны ихъ,—московскіе ѳедосѣевцы въ разсматриваемое нами время составляли „седмиглавое общество" и дѣлились на слѣдующія группы: на дѣвственниковъ, староженовъ, половинки, новоженовъ, дѣвкоженовъ, тайноженовъ и многоженовъ. Подъ *дѣвственниками* Сергѣевъ разумѣлъ тѣхъ изъ ѳедосѣевцевъ, которые отрицали бракъ и признавали законнымъ одно дѣвство, но въ случаѣ „безсилія къ чистотѣ" предавались „любострастію", въ надеждѣ на покаяніе и разрѣшеніе отъ отцевъ духовныхъ. *Старожены*—это—лица, вступившія въ бракъ до перехода въ ѳедосѣевскій расколъ; одни изъ нихъ, давши обѣтъ цѣломудрія, вели себя воздержно и не смѣшивались съ своими женами, хотя и жили съ ними въ однихъ домахъ „по гражданству", т. е. чтобы скрыть отъ общества свой переходъ въ бракоборный расколъ; другіе, не смотря на данный, при вступленіи въ секту, обѣтъ чистоты, продолжали жить съ своими женами на правахъ мужей, но за чадородіе подвергались разнаго рода епитиміямъ, а за четвертое рожденіе и со всѣмъ отлучались отъ общества. *Половинками* назывались такіе брачные

союзы, въ которыхъ одно лице (и по преимуществу—женское) принадлежало къ ѳедосѣевщинѣ, а другое (мужъ)—къ православію; по правиламъ ѳедосѣевскимъ, такіе браки, заключавшіеся большею частію въ церкви православной, „отречены и уничтожены“ и „суть, по словамъ автора „отсловія къ новоженамъ“, „знаменія втораго Христова пришествія“, или—такіе беззаконные браки, какими были браки сыновъ Божіихъ съ дщерями человѣческими, за которые Господь истребилъ родъ человѣческій потопомъ (1). Если же лице православное переходило потомъ въ расколъ, его послѣ перекрещиванія разводили съ лицемъ, принадлежащимъ къ ѳедосѣевщинѣ, и если напр. это былъ—мужъ, онъ считался, какъ староженъ, законнымъ, а жена его, какъ новоженка, признавалась блудницей; рождать дѣтей такому старожену отъ жены—новоженки запрещалось, а „за измѣненіе дѣвственной обязанности“ онъ подлежалъ тѣмъ же наказаніямъ, какимъ подвергались за чадородіе и всѣ вообще старожены. *Новоженами* считались тѣ изъ ѳедосѣевцевъ, кои открыто жили съ одною какою-либо женщиною на правахъ мужей, по взаимному согласію между собою, безъ всякихъ впрочемъ формальныхъ обязательствъ; по вѣрѣ ѳедосѣевцевъ, такіе союзы—явный блудъ, мужчина—любовникъ, а женщина—любодѣйка; „по гражданству“, т. е. во мнѣніи людей стороннихъ, они были мужъ и жена и дѣти ихъ считались законными; по правиламъ ѳедосѣевскимъ, такія лица находились въ постоянномъ отлученіи отъ общества, и только предъ смертію „сочетавались съ церковію съ покаяніемъ блудническимъ“; отъ этого ѳедосѣевцы—новожены, отвергнутые своимъ обществомъ, дѣлались

(1) Быт. VII. 1—7; снес. Мѳ. XXIV, 37—42.

иногда совершенно равнодушными ко всему религіозному и впадали въ безвѣріе; нерѣдко предавались нетрезвой и развратной жизни, считая женъ своихъ наложницами, отъ чего союзъ семейный часто расторгался, особенно если не было дѣтей, а „духовные отцы" одобряли подобный разводъ (¹). *Дѣвкожены*—это—молодые, холостые ѳедосѣевцы, жившіе въ тайной связи съ дѣвицами, съ которыми вступали въ сожительство „по взаимному началу" предъ Богомъ — жить супружески, а въ публикѣ и въ обществѣ считаться безбрачными и дѣтей подкидывать". Эти лица, какъ безбрачныя, не отлучались отъ общества ѳедосѣевскаго и только предъ смертію каялись предъ наставниками въ своемъ сожительствѣ, какъ блудѣ. Были впрочемъ между дѣвкоженами и такіе, которые „имѣли сожительство семейственное, въ гражданствѣ же по пашпортамъ и билетамъ" значились „дѣвица" и „холостой"; дѣти считались,—„зазорными", или незаконно рожденными, и находились „при матери", а отецъ ихъ трактовался человѣкомъ „безъ жены и безъ дѣтей"; въ народѣ они слыли за мужа и жену, а въ обществѣ ѳедосѣевскомъ признавались явными блудниками и до смерти находились въ отлученіи. *Тайноженьі*—это—тѣ изъ ѳедосѣевцевъ, кои „для общей плотской жизни втайнѣ" сходились „вдовцы съ дѣвицами, холостые со вдовицами—по домашнему началу предъ святыми иконами", давая обѣщаніе другъ другу „почитать себя якобы въ союзѣ супружескомъ, увѣряя другъ друга: я твой, а ты моя, и она взаимно: я твоя, а ты мой, и хранить сіе втайнѣ, никому о семъ не объявляя; въ публикѣ показываться безбрачными, жить въ раздѣльности, посѣщать другъ друга какъ

(¹) Истор. мин. внутр. дѣл,—кн. 8, стр. 635.

можно сокровеннѣе, подъ видомъ дружества, или знакомства, а дѣтей подкидывать". Эти лица не только не отлучались отъ общества ѳедосѣевскаго, но даже „одобрялись, на исповѣди духовниками" за то, что „въ супружествѣ законномъ не числились". Наконецъ были въ разсматриваемое нами время между московскими ѳедосѣевцами и такіе мужчины и женщины, которые, не желая стѣснять себя „обязательнымъ союзомъ", ставили себѣ правиломъ: „каждый для всякой и каждая для всякаго, кому, когда и гдѣ прилучится желаніе свое исполнить"; этихъ-то безпардонныхъ развратниковъ и развратницъ и называлъ Сергѣевъ „*многоженами*", или „преклятыми магометанами"; одни изъ нихъ подкидывали своихъ дѣтей, другіе оставляли ихъ при матеряхъ—„дѣвицахъ и вдовицахъ", въ качествѣ незаконнорожденныхъ, а „нѣкіи имѣли и дѣтогубленіе отравою". Тѣ изъ многоженовъ, кои умѣли вести дѣла свои осторожно, находились „въ соединенности церковной, яко цѣломудренные и чистаго житія"; а неумѣлые и явные развратники „точію въ подозрѣніи" были и хотя „подлежали" нѣкоторымъ „взысканіямъ церковнымъ", но „въ числѣ ревностныхъ и твердыхъ христіанъ являлись" (1). Такимъ образомъ, и въ разсматриваемое нами время, какъ и при Гнусинѣ, начала, которыми руководилось и жило большинство московскихъ ѳедосѣевцевъ, были слѣдующія: дѣвство на словахъ и полный развратъ на дѣлѣ, безбрачіе въ теоріи и самое

(1) „Дѣвственница—ѳедосѣевка",—соч. Андреяна Сергѣева; это сочиненіе, находящееся въ сборникѣ бракобор. сочин. публ. библ. подъ № 30, мы читали еще въ сборн. библ. покойнаго митропол. Григорія № 154; здѣсь оно помѣщено въ двухъ, нѣсколько различныхъ по выраженіямъ, редакціяхъ; первая на л. 264—268; вторая на л. 271—278; вторая редакція полнѣе, за то первая яснѣе.

разнообразное наложничество на практикѣ. Это—худо, но въ скоромъ времени открылись въ московской ѳедосѣевщинѣ явленія еще болѣе возмутительныя.

Мы видѣли, что въ числѣ разныхъ формъ, въ которыхъ проявлялось ѳедосѣевское безбрачіе, было, между прочимъ, новоженство. Хотя новоженство ѳедосѣевское было не больше, какъ открытое наложничество, тѣмъ не менѣе наставники Преображенскаго кладбища смотрѣли на него очень неблагосклонно. Новоженъ, избиравшій себѣ для сожительства одну, любимую имъ, женщину и открыто признававшій ее, по крайней мѣрѣ „по гражданству“, своею женою, а дѣтей, прижитыхъ съ нею, оставлявшій при себѣ, какъ своихъ, очевидно, уже de facto отдѣлялся отъ ѳедосѣевской общины, такъ какъ отвергалъ дѣвство, какъ обязательный для всѣхъ законъ, и склонялся на сторону жизни семейной; а это было уже значительнымъ шагомъ въ пользу признанія необходимости брака. И вотъ, видя, что новоженство болѣе и болѣе распространяется между послѣдователями Преображенскаго кладбища, и опасаясь, чтобы оно не повело „малодушныхъ“ къ дальнѣйшимъ уступкамъ въ пользу жизни брачной, нѣкоторые изъ „лютыхъ“ московскихъ бракоборцевъ, желая внушить своимъ ученикамъ омерзѣніе къ браку, семьѣ и дѣтямъ, стали проповѣдывать.

„Что къ зачатью человѣка, нынѣ въ жизни душу вѣка,
Богъ Творецъ не посылаетъ, самъ діаволъ помѣщаетъ,
Сатана зиждетъ людей, множество числомъ семей“.

Прочитавъ эти вирши, разоблачающія изувѣрный взглядъ ѳедосѣевцевъ на семью со всѣми ея послѣдствіями, мы думали сначала, что Андреянъ Сергѣевъ, которому принадлежатъ означенные стихи, въ жару

споровъ съ бракоборцами, увлекся, впалъ въ преувеличеніе и за тѣмъ для краснаго словца, или вѣрнѣе: для риѳмы, позволилъ себѣ клевету на своихъ противниковъ, и никакъ не хотѣли допустить, чтобы ѳедосѣевскіе вожаки, какъ ни дико ихъ ученіе о бракѣ, могли такъ изувѣрно толковать о современномъ происхожденіи на свѣтъ Божій грѣшнаго человѣчества въ лицѣ ни въ чемъ невиновататыхъ дѣтей. Къ сожалѣнію, несомнѣнныя данныя убѣдили насъ, что Сергѣевъ, изображая въ своей „дѣвственницѣ—ѳедосѣевкѣ" возарѣнія на бракъ, нравы и обычаи бракоборцевъ москвичей, не сочинялъ, а писалъ съ натуры, и что дѣйствительно нѣкоторые изъ наставниковъ Преображенскаго кладбища въ 40 годахъ настоящаго столѣтія стали учить, будто нынѣ—въ царство антихриста—умноженіе рода человѣческаго зависитъ отъ сатаны и что каждый, вновь рождающійся, младенецъ является на свѣтъ Божій съ душею, данною ему діаволомъ. Около 50 годовъ найдена была на Преображенскомъ кладбищѣ тетрадь, содержавшая въ себѣ, такъ сказать, исповѣданіе вѣры послѣдователей Ковылина. Въ этой тетради, имѣвшей заглавіе: „отеческія завѣщанія изъ книги пандекта, сочиненія блаженнаго, почившаго отца Сергія Семеновича", находились, между прочимъ, слѣдующія пункты: „отъ лѣта по Рождествѣ Христовѣ 1667 установленная Богомъ царская власть и начальствующая, за искаженіемъ образа Божія богомерзкимъ брадобритіемъ, упразднися и настало царствованіе антихриста (пун. 1-й); бракъ отъяся и запретися (пун. 3); къ зачатію младенца душа отъ діавола (пун. 9-й); христіане брачащіеся суть змѣино гнѣздище, сатанино и бѣсовъ его прескверное дворище (пун. 10-й); въ бракахъ христіанскихъ (т. е. ѳедосѣевскихъ сожитіяхъ) родства

тѣлеснаго не признаваетъ (пун. 11-й); о умноженіи рода человѣческаго промышляетъ сатана" (пун. 12-й)(1). Мы не знаемъ, кто былъ этотъ Сергѣй Семеновичъ, оставившій Преображенскому кладбищу такое страшное наслѣдство (2), но то несомнѣнно, что въ 40-хъ годахъ преемники Ковылина въ своемъ ученіи о бракахъ руководились пунктами „отеческихъ завѣщаній", такъ какъ найденная тетрадь была подписана старшимъ попечителемъ Преображенскаго кладбища и тѣмъ какъ бы признана за руководительное начало для его послѣдователей. Къ какимъ послѣдствіямъ должно было привести московскую ѳедосѣевщину ученіе, основанное на указанныхъ пунктахъ, понять не трудно. Если зачавшемуся во чревѣ молодой ѳедосѣевки ребенку посылаетъ душу діаволъ, а не Богъ, то что же препятствуетъ стыдливой дѣйственницѣ лишить его жизни, если не до рожденія, такъ по крайней мѣрѣ — по рожденіи? Вотъ

(1) Голосъ 1866 г., 9 ноябр., № 310; Раскольники и острожники— Ливанова 1868 г. стр. 266—7.

(2) Судя по изувѣрству указанныхъ пунктовъ, можно думать, что „отеческія завѣщанія", которыми руководились въ своей жизни преображенцы въ прошлое царствованіе, принадлежатъ тойже „семиименной особѣ", которая своимъ ученіемъ повергала въ развратъ московскую ѳедосѣевщину въ первой четверти настоящаго столѣтія, т. е. Гнусину, который, какъ извѣстно, иногда назывался Сергѣемъ и оставилъ послѣ себя сочиненіе подъ названіемъ: „пандектъ" (собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 69; Катал. Люб. стр. 62 № 174; Кельсіевъ вып. 1, стр. 42). При такомъ предположеніи остается одно недоумѣніе: Гнусина Любопытный называетъ по отечеству Ивановымъ (сборн. для истор. стр. т. 2, вып. V, прилож. стр. 142), между тѣмъ какъ писатель „отеческихъ завѣщаній" величается „Семеновичемъ". На письменный вопросъ нашъ объ этомъ предметѣ, о. іеромонахъ Павелъ (Прусскій) отвѣчалъ, что „отеческія завѣщанія не принадлежатъ одному автору и не въ одно время составлены, но въ разныя времена на разныхъ ѳедосѣевскихъ сходбищахъ", и что „въ нихъ содержатся разныхъ настоятелей мнѣнія о управѣ ѳедосѣевства по нынѣшнему времени, а больше входитъ въ ихъ составъ время Гнусина, есть и польскія статьи".

и объясненіе, почему, при обслѣдованіи Преображенскаго кладбища агентами правительства, въ Хапиловскомъ пруду выловлено было неводами огромное количество—не рыбъ большихъ, а утопленныхъ ѳедосѣевскихъ младенцевъ ([1]). Если далѣе въ бракѣ, какъ бы онъ ни былъ заключенъ, нѣтъ, по мнѣнію изувѣровъ, тѣлеснаго родства, то что мѣшаетъ пожилому ѳедосѣевцу утолить похоть свою съ красивой, молодой дѣвицей, родившейся отъ женщины, бывшей когда-то его стряпухой (кухаркой) и вмѣстѣ подругой („сударкой")? Вотъ вамъ и готова, такъ называемая, „*отцовщина*", по правиламъ которой, трудящемуся подобаетъ прежде вкусить отъ плода своего ([2]).

Но говорятъ: „нѣтъ худа безъ добра". Такъ случилось и въ настоящій разъ. Указанные нами пункты „отеческихъ завѣщаній", которыми наставники Преображенскаго кладбища хотѣли остановить развитіе въ московской ѳедосѣевщинѣ семейной жизни, хотя бы въ видѣ новоженства, были до того противоестественны и дики, до того противорѣчили здравому смыслу и физической природѣ, что на многихъ они произвели дѣйствіе, совершенно противоположное тому, какого ожидали отъ нихъ „лютые бракоборцы". Масса, люди невѣжественные и грубые до животности, мастеровые и рабочіе, трудившіеся изъ-за куска хлѣба на фабрикахъ богатыхъ московскихъ ѳедосѣевцевъ,—„призрѣнцы" богадѣленные, жившіе подаяніемъ кладбища, шли, какъ стадо скота, по пути, который указывали имъ ихъ „кормилицы". Жена и дѣти были въ тягость этимъ бездомнымъ голышамъ, и они съ восторгомъ слушали про-

(1) Голосъ 1866 г. № 310.

(2) Кельсіев. вып. 4, стр. 22—3; Истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 642.

новѣдь какого-либо наставника — какова о томъ, что нынѣ „бракъ отъяся и запретися“, что „къ зачатію младенца душа дается отъ діавола“ и что, въ случаѣ „безсилія къ чистотѣ“, можно дозволять себѣ „паденіе“, и даже хоть съ сестрой, если нѣтъ средствъ для пріобрѣтенія ласкъ сторонней женщины; „понеже въ нынѣшнихъ бракахъ родства тѣлеснаго нѣтъ“, и притомъ „за грѣхъ отцы простятъ“ и даже „въ райско мѣсто помѣстятъ“. Не то могли и должны были чувствовать, слыша подобную проповѣдь, лица болѣе или менѣе развитыя, еще не убившія окончательно развратомъ своей совѣсти и своего человѣческаго достоинства, — люди состоятельные, которымъ только и недоставало въ жизни семейныхъ радостей и которые занимали въ обществѣ видное положеніе, — особенно новоженцы ѳеодосѣевскіе, имѣвшіе уже дѣтей, которыхъ такъ позорили „отеческія завѣщанія“, — по преимуществу же — женщины — ѳеодосѣевки, которыя, если не умомъ, такъ, по крайней мѣрѣ, своимъ женскимъ инстинктомъ, понимали всю гнусность и жестокость роли, какую пришлось бы имъ занять, въ случаѣ „бременошенія“. Всѣ эти лица ясно увидѣли теперь, что бездна, въ которую хотятъ ввергнуть ихъ разные Семены Кузьмины, Сергѣи Семеновы, Макары Стукачевы и подобные имъ, можетъ привести только къ безднѣ преисподней. И стали эти люди, оскорбленные своими вожаками въ самыхъ завѣтныхъ и дорогихъ для нихъ чувствахъ, колебаться въ своей преданности Преображенскому кладбищу, которое такъ дерзко и безжалостно хоронило семью и ея радости, — и начали искать они выхода на свѣтъ Божій изъ-за мрачныхъ каменныхъ стѣнъ, въ которыхъ Ковылинъ и его преемники хотѣли создать особое темное царство — съ

особыми безнравственнѣйшими нравами. Не легка была эта борьба свѣта со тьмой, добрыхъ и законныхъ человѣческихъ стремленій разумнѣйшихъ московскихъ ѳедосѣевцевъ съ „злыми и лютыми“ правилами, которыя старались навязать имъ ихъ темные вожди. Но на помощь добру явились благопріятныя обстоятельства—внѣшнія, и оно мало по малу восторжествовало надъ зломъ.

Мы уже говорили, что еще въ 1820 году Преображенское кладбище обратило на себя вниманіе правительства—своими вредными правилами и, между прочимъ, тѣмъ, что проповѣдывало „неповиновеніе къ властямъ и закону и развращеніе браковъ“. Тогда же Высочайше повелѣно было Гнусина, разсѣявавшаго вредное ученіе, отыскать и предать суду. Съ тѣхъ поръ правительство стало постоянно слѣдить за этимъ „гнѣздомъ раскола и убѣжищемъ бѣглыхъ и опасныхъ людей“ и употреблять всѣ средства къ ограниченію зла, какое таилось въ немъ. Въ 1823 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе съ слѣдующими предписаніями: а) метрическихъ книгъ по преображенскому богадѣльному дому не заводить, дабы сіе не принято было за утвержденіе раскольническаго общества, а завести подъ вѣдомствомъ полиціи списки всѣхъ живущихъ въ домѣ, въ которые вступающихъ въ оный вновь вносить немедленно и въ которыхъ отмѣчать выбывающихъ; полиціи же сіи списки повѣрять и наблюдать неослабно, дабы не записанные въ списки, также не имѣющіе о себѣ законныхъ видовъ, отнюдь въ семъ домѣ не проживали, а если таковые окажутся, то непремѣнно подвергать ихъ сужденію по законамъ; б) вступленіе кого-либо вновь въ ѳедосѣевскую секту ни въ какомъ

случаѣ, на основаніи законовъ, коими строго воспрещается кого-либо изъ православія обращать въ расколъ, дозволеннымъ не почитать, а потому если откроются таковые соблазнители, то оныхъ безъ всякаго послабленія предавать суду; в) поелику существованіе Преображенскаго дома допущено правительствомъ въ качествѣ богадѣльни, но учредители вмѣсто полезнаго и богоугоднаго заведенія сдѣлали его гнѣздомъ раскола и убѣжищемъ бѣглыхъ и опасныхъ людей, то впредь мѣстному начальству съ точностію держаться первоначальнаго устроенія сего дома и поступать съ нимъ, какъ съ богадѣльнею, и не допускать, чтобы онъ присвоилъ себѣ какія-либо права, какъ заведеніе раскольнической секты; г) посему пріема подкидышей обоего пола не возбранять, но воспитывать ихъ въ домѣ только до четырнадцатилѣтняго возраста, а затѣмъ попечитель дома обязанъ отпускать, или пристроить ихъ внѣ онаго; д) престарѣлыхъ принимать также не возбранять, но притомъ возрастъ престарѣлости считать не менѣе пятидесяти лѣтъ; е) больныхъ принимать до излеченія, полиціи же наблюдать, чтобы подъ названіемъ больныхъ не проживали въ домѣ здоровые для другихъ видовъ; ж) моленныхъ и келій въ Преображенскомъ домѣ не умножать и з) попечителя дома правительству имѣть въ виду одного, который бы отвѣтствовалъ военному генеръ-губернатору и полиціи за то, что въ домѣ ничего нѣтъ противнаго общественному порядку и настоящимъ положеніямъ (¹).

Уже одни эти правила довольно ограничивали свободу Преображенскаго кладбища, запрещая ему совращать православныхъ въ расколъ и позволяя держать

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 78—80.

въ пріютахъ только малолѣтнихъ дѣтей и престарѣлыхъ.

Въ царствованіе императора Николая Павловича, указанныя правила были усилены новыми распоряженіями, болѣе и болѣе стѣснявшими гнѣздо ѳедосѣевскаго московскаго раскола въ его противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Такъ 26 мая 1834 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе—оставить на Преображенскомъ кладбищѣ изъ наличныхъ подкидышей только тѣхъ, коимъ было въ то время менѣе трехъ лѣтъ; тѣхъ, кои имѣли отъ трехъ до двѣнадцати лѣтъ, приказано было отдать въ воспитательный домъ, — всѣхъ въ возрастѣ свыше 12 лѣтъ мужескаго пола опредѣлить въ военные кантонисты, а женскаго пола взрослыхъ—постараться по возможности пристроить; прочихъ же, равно какъ и тѣхъ, коимъ нельзя будетъ доставить приличнаго житія, обратить въ воспитательный же домъ; начальству воспитательнаго дома поставить въ обязанность размѣщать означенныхъ подкидышей такъ, чтобы они росли и воспитывались подъ надзоромъ учрежденнаго начальства, а не отдавать ихъ въ стороннія руки; при чемъ попечителю кладбища было объявлено въ объясненіе указанныхъ распоряженій, что такъ какъ онъ, согласно указу 1823 года 24 марта, подкидышей свыше 14 лѣтъ не пристроилъ, то правительство приняло само на себя обязанность пещись объ участи сихъ сиротъ (1).

Того же 1834 года 24 декабря указанныя распоряженія о подкидышахъ Преображенскаго кладбища были нѣсколько измѣнены и усилены, и именно, повелѣно было: всѣхъ подкидышей мужескаго пола, находившихся на кладбищѣ, считать военными кантонистами, съ исклю-

(1) Тамъ же стр. 161—2.

ченіемъ ихъ изъ ревизскаго счета по мѣщанскому сословію; подкидышей менѣе трехъ лѣтъ оставить на кладбищѣ, а по достиженіи трехлѣтняго возраста отправить ихъ въ воспитательный домъ; имѣвшихъ отъ трехъ до пятнадцати лѣтъ отдать въ воспитательный же домъ, а по достиженіи ими шестнадцатилѣтняго возраста, отсылать ихъ въ военное вѣдомство, для помѣщенія въ учебные карабинерные полки, куда приказано было передать и всѣхъ, находившихся на лице на кладбищѣ, подкидышей, коимъ было 16 и болѣе лѣтъ; на будущее время всѣхъ подкидышей, кои будутъ принимаемы на кладбищѣ, велѣно было считать военными кантонистами и поступать съ ними согласно съ изложенными правилами; относительно подкидышей женскаго пола приказано было руководствоваться Высочайшимъ повелѣніемъ 26 мая (¹).

Хотя всѣ изложенныя распоряженія власти касательно дѣтей ѳедосѣевскихъ, жившихъ на Преображенскомъ кладбищѣ, имѣли въ виду главнымъ образомъ внѣшнее благоустройство кладбища, какъ богадѣленнаго дома, тѣмъ не менѣе они не могли не влiять и на самую доктрину московскихъ послѣдователей Ковылина. До тѣхъ поръ, пока дѣти, прижитыя блудомъ, могли свободно проживать въ пріютахъ кладбища, въ качествѣ его воспитанниковъ, или подкидышей, московскіе ѳедосѣевцы и ѳедосѣевки, согласно съ наставленіями своихъ наставниковъ, могли, не задумываясь много, оставаться безбрачными и развратничать — въ надеждѣ, что беззаконные плоды ихъ мнимаго дѣвства найдутъ себѣ пріютъ и кромѣ Хапиловскаго пруда. Но когда, по силѣ указанныхъ Высочайшихъ повелѣній, питомцамъ Прео-

(¹) Тамъ же стр. 172—3.

браженскаго кладбища оставалось на выборъ одно изъ двухъ: или „поступать на службу антихристу“, какъ думали фанатики о военной службѣ, или, для избѣжанія этой страшной участи,—воспитываться на собственныя средства матерей, такъ какъ московскіе, равно и другіе, ѳедосѣевцы не любили слишкомъ заботиться о о своихъ „посестріяхъ“ и рождавшихся отъ нихъ „кобеличищахъ и таймичищахъ“, — многія изъ мнимыхъ дѣвственницъ должны были серьезно призадуматься надъ своимъ положеніемъ. „Вотъ, думала краснощекая ѳедосѣевская дѣвка, сидѣвшая за ткацкимъ станкомъ на фабрикѣ какого-либо Гучкова и подобныхъ ему „кормильцевъ“,—теперь молода да легка, такъ всѣ „поди сюда“, а затяжелѣла, такъ и милу дружку надоѣла... Мужикъ, что ему? мужикъ—баловникъ, козелъ—мужикъ, похотникъ. Одна плоха, другую найдетъ: нашей сестры-то вездѣ довольно; рѣдкій, рѣдкій такой найдется, что своимъ дѣтямъ родительницу почтитъ, какъ слѣдуетъ; а ты вотъ роди дитя, да и корми его на свои гроши, коли не хочешь въ Хапиловку; нѣтъ, наша жисть, бабья бѣда, въ нашемъ званіи“ (¹). И начинали соображать подобныя неугомонныя головы, какъ бы лучше устроить имъ „судьбу свою“, и приходили онѣ къ одному заключенію — тому, что „въ бракѣ не въ примѣръ счастливѣе женщина“, чѣмъ „въ полюбовной связи“. Правда, и замужнія женщины льютъ иногда горячія слезы; но все же къ этимъ слезамъ о неудавшемся счастьѣ не прибавляется, по крайней мѣрѣ, мучительная забота о тепломъ углѣ и кускѣ хлѣба, а главное объ участи дѣтей, которыя для порядочной матери за-

(¹) „Съ людьми древняго благочестія“—Стебницкаго 1865 г. стр. 12—3.

мѣняютъ многое. И вотъ до тѣхъ поръ, пока попечители кладбища, при помощи подкупленныхъ агентовъ власти, находили возможнымъ уклоняться отъ исполненія приведенныхъ выше указовъ, скрывая на время обысковъ по деревнямъ и селамъ воспитывавшихся въ его пріютахъ подкидышей, или даже возвращая ихъ вновь на кладбище изъ самаго воспитательнаго дома (1), отцы и матери этихъ мнимыхъ сиротъ еще не рѣшались предпринимать что-либо рѣшительное въ пользу свою и своихъ дѣтей и по прежнему оставались вѣрными кладбищенскому уставу о безбрачіи. Развѣ только иногда толпы мастеровыхъ и рабочихъ, узнавъ, что прижитыхъ ими съ кладбищенскими и другими дѣвками дѣтей хотятъ отобрать „въ казну", собирались на дворѣ кладбища и шумѣли, крича: „вотъ немилосердый царь грабитъ дѣтей у матерей", о чемъ впрочемъ московскій оберъ-полиціймейстеръ не считалъ нужнымъ доводить до свѣдѣнія высшаго правительства, даже когда его спрашивали объ этомъ.

Такой порядокъ вещей продолжался однако же не долго. Послѣ ревизіи Преображенскаго кладбища графомъ Строгоновымъ, который отыскалъ въ немъ, въ числѣ прочихъ бумагъ, и указанныя выше „отеческія завѣщанія" и довелъ объ нихъ до свѣдѣнія покойнаго Государя Императора Николая Павловича, послѣдовали новыя Высочайшія повелѣнія, болѣе и болѣе стѣснявшія разгульную жизнь послѣдователей Ковылина. Такъ 8 декабря 1846 года было Высочайше утверждено мнѣніе Московскаго Секретнаго Совѣщательнаго Комитета, по которому дѣти „раскольниковъ Преображенскаго кладбища, кои бракъ вовсе отвергаютъ и имѣютъ дѣтей

(1) Кельсіев. вып. 1, стр. 69—70.

только прижитыхъ внѣ брака", признавались *незаконнорожденными*; а „матери ихъ, по случаю отверженія ими брака", не имѣли права считаться „женами раскольниковъ Преображенской секты" (¹). 18 апрѣля 1847 года, въ слѣдствіе „противозаконныхъ дѣйствій раскольниковъ московскаго Преображенскаго кладбища", послѣдовало Высочайшее повелѣніе о подчиненіи „Преображенскаго богадѣленнаго дома вѣдѣнію попечительнаго Совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ", при чемъ попечителемъ его былъ назначенъ графъ Строгоновъ, которому поручено было „немедля принять тотъ домъ въ свое завѣдываніе и устроить въ немъ порядокъ управленія, соблюдаемый въ другихъ подобныхъ богоугодныхъ заведеніяхъ, приведя въ извѣстность все имущество, доходы и вообще способы (?) сего заведенія"; въ то же время дозволено было, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта, принимать въ Преображенскій богадѣленный домъ единовѣрцевъ и православныхъ „съ допущеніемъ и священниковъ для напутствованія и утѣшенія страждущихъ"; это послѣднее распоряженіе было сдѣлано для того, чтобы впослѣдствіи имѣть предлогъ „къ обращенію одной изъ часовень Преображенскаго кладбища въ единовѣрческую церковь" (²). Въ 1850 году, независимо отъ общаго распоряженія о томъ, чтобы дѣтей всѣхъ вообще безпоповцевъ, а слѣдовательно и ѳедосѣевцевъ, показывать по ревизіи въ семействахъ раскольниковъ *незаконнорожденными*, а матерей ихъ женами раскольниковъ не записывать, но вносить въ списки тѣхъ семействъ, къ которымъ онѣ принадлежали по рожденію,—Высочайше повелѣно было

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 461.

(²) Тамъ же стр. 471—8; Голосъ 1866 г. № 310.

графу Закревскому: крестильный домъ, находившійся на Преображенскомъ кладбищѣ, запечатать, уничтоживъ въ немъ крещальню,—не дозволять въ зданіяхъ кладбища не только новыхъ построекъ, но даже никакихъ починокъ, и строго наблюдать, чтобы на будущее время не было допускаемо на кладбищѣ „оказательства раскола и мнимаго незаконнаго монашества“ ([1]), которое, какъ извѣстно, всего болѣе выражалось въ безбрачіи преображенцевъ. Въ 1853 году послѣдовали новыя Высочайшія повелѣнія относительно Преображенскаго кладбища. Согласно съ этими повелѣніями, пріемъ на Преображенское кладбище раскольниковъ, достигшихъ 60 лѣтъ, не воспрещался впредь до усмотрѣнія, но—съ условіемъ, чтобы попечитель кладбища о каждомъ принимаемомъ сносился предварительно съ московскимъ (или другимъ, смотря по мѣсту прежняго жительства принимаемаго) епархіальнымъ начальствомъ для удостовѣренія, не принадлежитъ-ли онъ по своему рожденію къ православію, или единовѣрію; при чемъ приказано было привести „въ точную извѣстность“ всѣхъ, живущихъ въ богадѣльнѣ и на Преображенскомъ кладбищѣ, раскольниковъ, съ показаніемъ противъ каждаго: лѣтъ, пола, званія, мѣста рожденія, времени поступленія въ въ богадѣленный домъ, или на жительство въ зданіяхъ кладбища; лицамъ, которымъ поручено было составить эти списки, объявлено было, что „за пропуски и упущенія они подвергнутся строжайшей отвѣтственности“; списки эти велѣно было повѣрять и дополнять и каждые полгода представлять въ двухъ экземплярахъ московскому военному генералъ-губернатору—одинъ для него, другой для сообщенія министру внутреннихъ дѣлъ;

([1]) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 540—1.

въ тоже время командированнымъ въ распоряженіе графа Закревскаго чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ сдѣлано было описаніе и повѣрка по планамъ принадлежавшихъ Преображенскому кладбищу зданій (1). Наконецъ, когда и послѣ всего этого противозаконныя дѣйствія раскольниковъ Преображенскаго кладбища не прекращались, Государь Императоръ 21 декабря 1853 года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) „Преображенскій богадѣленный домъ подчинить вѣдѣнію Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и ограничить значеніемъ благотворительнаго и притомъ временнаго учрежденія, до смерти, выбытія или перемѣщенія, призрѣваемыхъ въ немъ, въ правительственныя богоугодныя заведенія; 2) призрѣваемыхъ, живущихъ въ отдѣльныхъ деревянныхъ домахъ, называемыхъ кельями, внутри кладбищенскихъ оградъ, перевесть въ зданіе богадѣленнаго дома, а самыя кельи снесть; 3) по мѣрѣ уменьшенія числа призрѣваемыхъ, сосредоточивать ихъ по удобству и постепенно—съ тѣмъ,—чтобы, по очищеніи корпусовъ, закрыть ихъ, или дать имъ другое назначеніе; 4) призрѣваемымъ довольствоваться моленными, находящимися въ домахъ, въ коихъ они жительствуютъ; 5) запретить содержать наемныхъ псаломщиковъ и псаломщицъ, дозволяя впрочемъ церковное пѣніе приходящимъ; малолѣтнихъ клирошанъ — до 16 лѣтняго возраста—возвратить въ семейства, а буде таковыхъ нѣтъ, то принять мѣры къ призрѣнію ихъ; взрослыхъ изъ числа иногороднихъ возвратить на родину, а московскимъ уроженцамъ воспретить жительство въ слободкѣ близъ кладбища; 6) принадлежащимъ къ безпоповщинской сектѣ дозволить приходить на мо-

(1) Тамъ же стр. 603—4.

литву, для погребенія и для панихидъ въ упомянутыя выше моленныя, но какъ для посѣщенія моленныхъ посторонними, такъ и для отлучекъ призрѣваемыхъ назначить часы съ строгимъ наблюденіемъ, чтобы въ другіе часы никого изъ постороннихъ тамъ не было, а призрѣваемые находились бы на лицѣ; 7) на содержаніе призрѣваемымъ назначить: а) проценты съ капитала, принадлежащаго кладбищу; б) добровольныя пожертвованія за погребеніе, за панихиды и т. п. — съ тѣмъ, чтобы подаянія ограничивались произволомъ каждаго, но отнюдь не производились бы отъ какого-либо общества, или товарищества; при недостаткѣ средствъ, размѣщать призрѣваемыхъ въ заведенія, зависящія отъ Совѣта Императорскаго человѣколюбиваго общества, или въ другія, по сношенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; продажу и всякую раздачу на кладбищѣ иконъ, книгъ, свѣчей и т. под. воспретить; в) завѣдываніе домомъ и всѣми приходами и расходами поручить эконому и другимъ управителямъ—съ строгимъ наблюденіемъ, чтобы не было безгласныхъ ни расходовъ, ни приходовъ; выборъ ихъ изъ числа призрѣваемыхъ поручить смотрителю, съ утвержденія Совѣта Императорскаго человѣколюбиваго общества; 8) опредѣленіе смотрителя и преподаніе ему инструкціи предоставить министру внутреннихъ дѣлъ; смотритель постоянно долженъ жить въ какомъ-либо помѣщеніи богадѣленнаго дома и получать содержаніе изъ суммъ министерства; 9) для введенія всѣхъ сихъ правилъ въ дѣйствіе и для приведенія въ точную извѣстность современнаго положенія раскольниковъ безпоповщинской секты въ Москвѣ и ея окрестностяхъ командировать чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ въ распоряженіе тамошняго во-

еннаго генералъ-губернатора; 10) бывшихъ старшинъ Преображенскаго богадѣленнаго дома, по существу проступковъ каждаго изъ нихъ и по вредному вліянію, ими производимому, удалить *главныхъ* изъ Москвы, а *менѣе вредныхъ* оставить въ Москвѣ подъ присмотромъ мѣстнаго начальства" (1).

Всѣ эти сильные и вмѣстѣ справедливые удары власти постигли Преображенское кладбище за то, что оно, какъ дознано было правительствомъ, „подъ личиною благотворительности распространяло расколъ и своимъ возмутительнымъ ученіемъ способствовало разврату молодежи, привлекая тысячи бездомныхъ людей въ Москву" (2). И хотя много было употреблено богатыми ѳедосѣевцами усилій къ тому, чтобы если не совсѣмъ остановить, такъ по крайней мѣрѣ отсрочить на неопредѣленное время исполненіе указанныхъ Высочайшихъ повелѣній, тѣмъ не менѣе ничто не помогло — ни интриги, ни подкупы, ни вопли о гоненіяхъ, достигавшія самыхъ высшихъ сферъ общества (3); отзывъ о покойномъ Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ: „царь-то этотъ сильной натуры" (4), данный петербургскимъ купцемъ Яковлевымъ агенту Преображенскаго кладбища еще въ 1826 году, оправдывался теперь въ очію Преображенцевъ. Не видя возможности избавиться отъ заслуженной кары закона, многіе изъ самыхъ видныхъ членовъ Преображенскаго кладбища рѣшились принять единовѣріе (5); другіе, болѣе упорные и особенно про-

(1) Тамъ же стр. 614—616.

(2) Кельсіев. вып. 2, стр. 200.

(3) Тамъ же, стр. 189—190.

(4) Кельсіев. вып. 1, стр. 61.

(5) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 616; дѣло департ. общ. дѣлъ министер. внутр. дѣл. № 212, 1854 г. л. 49 и 50.

тиводѣйствовавшіе устройству единовѣрія, и въ томъ числѣ Семенъ Кузьминъ—самый вѣрный ученикъ Гнусина и горячій защитникъ безбрачія, удалены были изъ Москвы (1); наконецъ въ 1854 году двѣ моленныхъ Преображенскаго кладбища обращаются въ единовѣрческія церкви (2). При такомъ положеніи дѣлъ, уже самъ собою рѣшался поднятый многими московскими ѳедосѣевцами, и особенно ѳедосѣевками, вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ замѣнить имъ неудобоносимое бремя дѣвства. Предаваться по прежнему тайному разврату — въ надеждѣ, въ случаѣ беременности, найти пріютъ ребенку въ созданныхъ Ковылинымъ аппартаментахъ Преображенскаго кладбища, стало теперь болѣе, чѣмъ неудобно. Топить незаконно прижитыхъ дѣтей въ Хапиловскомъ прудѣ, какъ исчадіе діавола, можно только дѣйствительному исчадію діавола, а не родной матери. Воспитывать сына, или дочь, на свои средства—тяжело да и „зазорно“. И пришли послѣ всѣхъ этихъ разсужденій лучшія московскія ѳедосѣевки къ тому заключенію, что можно любить, но не иначе, какъ въ бракѣ, — да не въ такомъ, какой заключаютъ новожены ѳедосѣевскіе, и даже поморскіе, и который не сегодня—завтра можетъ быть разорванъ, по капризу мнимаго мужа, которому съумѣла бы приглянуться болѣе красивая и молодая дѣвственница, а въ бракѣ „церковномъ“, который хотя и незаконенъ „по вѣрѣ“, да за то крѣпокъ „по гражданству“. И тѣмъ легче могли придти московскія ѳедосѣевки къ желанію брака *церковнаго*, что въ то время,

(1) Кельсіев. вып. 2, стр. 201; дѣло департ. общ. дѣлъ 1854 г. № 212, л. 21.

(2) Свѣдѣн. о единов. церквахъ, Москва, 1858 г. стр. 49; Правосл. Обозр. 1866 г. Май, стр. 118; Истор. очеркъ единов. М. С—го, 1867 г. стр. 157—161.

какъ наставники Преображенскаго кладбища своимъ изувѣрнымъ ученіемъ возбуждали въ нихъ отвращеніе къ безбрачію въ формѣ блуда,—а власть за это ученіе налагала на кладбище свою мощную руку, — правительство, какъ мы уже видѣли, стало строго преслѣдовать безсвященнословные браки даже поморцевъ. Съ другой стороны сближенію съ Церковію многихъ московскихъ ѳедосѣевцевъ, хотя бы только для освященія ея молитвами брачнаго союза, содѣйствовали сами прежніе вожди ихъ, рѣшившіеся принять единовѣріе. И вотъ, вопреки всѣмъ разглагольствіямъ наставниковъ кладбища о святости и спасительности дѣвственной жизни, являются въ концѣ прошлаго царствованія въ московской ѳедосѣевщинѣ браки, — и притомъ — не въ формѣ только гражданскихъ союзовъ, заключенныхъ по взаимному согласію брачущихся, а браки церковные, которые совершались въ храмахъ православныхъ и единовѣрческихъ. И въ подобные браки стали вступать, по выраженію автора „отсловія", не только „низшаго сословія люди", но и „почтенныя и знаменитыя лица христіанскаго рода и благочестія", и послѣдніе даже чаще, чѣмъ первые, такъ как на людей богатыхъ и занимавшихъ видное общественное положеніе было обращено преимущественное вниманіе правительства. Главною виною этого несчастія и „нечестія", какъ выражается авторъ „отсловія къ новоженамъ", были „жены", которыя, „изъ самыхъ обстоятельствъ видяще, сколь неблагонадежно, опасно и недѣйствительно" вступать въ сожительства по одному взаимному согласію, „иначе и не соглашались, или очень рѣдко, итить" въ домы своихъ возлюбленныхъ, которыхъ „дерзали прельстить", какъ „съ вѣнчаніемъ". Какъ сильно было это движеніе въ мо-

сковской оедосѣевщинѣ въ пользу брачной жизни, вызванное изложенными выше обстоятельствами, мы не знаемъ; но знаемъ, что и въ это время скрывались за стѣнами Преображенскаго кладбища личности, пользовавшіяся уваженіемъ большинства московскихъ оедосѣевцевъ, которыя по прежнему путь дѣвственный въ жизни считали единственно законнымъ, разрѣшая въ то же время „падать и каяться". Таковъ былъ, между прочимъ, недавно умершій Макаръ Ивановъ Стукачевъ, который, благодаря своему недугу, продолжавшемуся 38 лѣтъ, и терпѣнію, съ которымъ онъ переносилъ свое страдальческое положеніе, „заслужилъ, по выраженію почитателей его, не простую и не обыкновенную почесть отъ многихъ, не только своихъ одновѣрцевъ, но и иновѣрцевъ", и въ послѣдніе 25 лѣтъ былъ „незримымъ руководителемъ" московскаго оедосѣевства ([1]), и который до конца дней своихъ требовалъ отъ всѣхъ оедосѣевцевъ безбрачія, хотя бы и не дѣвственнаго. А потому неудивительно, если большинство московскихъ оедосѣевцевъ и въ разсматриваемое нами время по прежнему продолжало гнушаться брака и вело жизнь развратную. И это не предположеніе только, а горькая правда, засвидѣтельствованная лицами, имѣвшими случай близко ознакомиться съ московскимъ оедосѣевскимъ расколомъ въ концѣ прошлаго царствованія. Въ 1854 году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ командированъ чиновникъ ([2]) въ Москву для „приведенія въ извѣстность" тогдашняго „положенія раскола безпоповщинской секты" въ древней столицѣ, и вотъ что писалъ онъ о оедосѣевскомъ безбрачіи: „когда малолѣт-

([1]) „Истина", 1867 г. кн. 2, л. 62—74.

([2]) Дѣйств. Ст. Совѣтн. Игнатьевъ.

ній начнетъ приходить въ возрастъ, старухи знакомятъ его съ своими же молодыми дѣвицами, только бы отклонить отъ женидьбы и отъ связей съ православными женщинами; а чтобъ не допускать браковъ и между своими, предоставляютъ юношамъ и дѣвицамъ всѣ случаи къ любовнымъ интригамъ и связямъ, полагая въ основаніе такой порочной жизни, что „не женивыйся печется о Господѣ, а женивыйся — како угодити женѣ", что неженатый и не замужняя всегда могутъ покаяться въ своемъ грѣхѣ, а обрачившіеся не захотятъ до смерти оставить своего сожительства и плотскаго грѣха, присовокупляя къ тому писаніе основателя преображенскаго дома Ильи Ковылина, гдѣ сказано: „эта прелесть пестра — пестра, зане сатанина сестра". При переходѣ же въ расколъ православныхъ, пріискиваютъ для молодаго мужчины молодую и хорошей наружности крестную мать, а молодымъ дѣвицамъ — не старыхъ и зажиточныхъ крестныхъ отцевъ, дабы они пригодились другъ другу въ любовныхъ интригахъ. За это духовные ихъ отцы не строго наказываютъ, особенно если такая связь будетъ скрытною. Люди же, знающіе всѣ подробности этого раскола, удостовѣряютъ, что при подобныхъ связяхъ за уничтоженіе дѣторожденія сильными и извѣстными имъ медикаментами, или за умерщвленіе окрещеннаго уже ребенка, многіе духовные отцы даже одобряютъ, объясняя, что тайный грѣхъ тайно и судится, а умерщвленный младенецъ будетъ святъ и своею молитвою на небесахъ испроситъ спасеніе и родителямъ. Если же ктонибудь изъ раскольниковъ, соскучивъ порокомъ любодѣянія, или но любви къ одной какой-либо своей сектанткѣ, пожелаетъ любовь ея присвоить себѣ одному, въ такомъ случаѣ, при безуспѣшности всѣхъ средствъ къ

отклоненію молодаго раскольника отъ женидьбы, старухи стараются сосватать ему любимую, или другую, по ихъ видамъ и по его желанію, невѣсту изъ своего толка, и свадьба устраивается безъ вѣнчанія, а однимъ пріѣздомъ невѣсты въ домъ жениха, при чемъ многіе привозили себѣ женъ въ посты, даже на первой и страстной недѣляхъ великаго поста. Родители удаляются отъ присутствія на этихъ свадьбахъ, чтобы не подвергнуться за допущеніе брака дѣтей установленной епитиміи — шестидневному посту и поклонамъ, чему подвергаются и сторонніе, участвовавшіе въ брачномъ торжествѣ". Мало этого: какъ бы въ замѣнъ тѣхъ ѳедосѣевокъ, которыя, гнушаясь разврата и не вѣря въ прочность сожительствъ—по одному взаимному согласію, не иначе рѣшались идти въ домы къ избраннымъ ихъ вниманіемъ мужчинамъ, какъ „съ вѣнчаніемъ", образовался около 1850 года въ окрестностяхъ Москвы новый толкъ—изъ женщинъ и дѣвицъ, при вступленіи въ который отъ каждой изъ нихъ требовалось „письменное удостовѣреніе кровью изъ руки въ томъ, что она ненавидитъ брачное супружество". Невольно чувствуется грусть при встрѣчѣ съ подобнымъ изувѣрствомъ; за то тѣмъ большее сочувствіе возбуждаютъ къ себѣ разные Соколовы, Осиповы, Тихомировы и другіе московскіе купцы и мѣщане — ѳедосѣевцы, которые, внявъ голосу совѣсти, или устрашась преслѣдованія власти, бросали ѳедосѣевское мнимое дѣвство и вступали въ законные браки съ благословенія Церкви, за что изгонялись изъ своего общества, какъ зачумленные, и могли бывать въ прежнихъ своихъ моленныхъ только при совершеніи погребенія умершихъ, или при крещеніи. Число подобныхъ „отступниковъ" отъ православія, какъ

величали ихъ бракоборцы, было не велико; но за то это были лучшіе люди московской ѳедосѣевщины, которыми сами вожаки бракоборцевъ старались впослѣдствіи „защитить свое общество отъ нареканій правительства и общественной печати за непріятіе браковъ“ (¹).

Если же мощная рука покойнаго Императора въ состояніи была поколебать московскую ѳедосѣевскую общину съ ея знаменитымъ Преображенскимъ кладбищемъ, то само собой понятно, что ѳедосѣевцы петербургскіе, бывшіе, такъ сказать, на глазахъ правительства, еще менѣе могли скрыть отъ власти свои злоупотребленія, а въ слѣдствіе этого еще болѣе должны были сосредоточить на себѣ ея вниманіе. А злоупотребленія петербургскихъ ѳедосѣевцевъ были тѣже, какія замѣчены были правительствомъ и на Преображенскомъ кладбищѣ, именно: отрицаніе брака и допущеніе въ слѣдствіе этого блудной жизни и дѣтоубійства, и затѣмъ неповиновеніе власти и отрицаніе молитвы за нее (²). Эти-то пункты ѳедосѣевскаго ученія, замѣченные правительствомъ собственно въ петербургской ѳедосѣевщинѣ Волковскаго кладбища, и были причиной того, что съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Императора Александра 1-го власть стала постоянно и зорко слѣдить за этой сектой, и притомъ, какъ увидимъ ниже, не только въ столицахъ, но и въ другихъ городахъ, въ которыхъ ѳедосѣевцы составляли наибольшій процентъ въ населеніи раскольничьемъ. Петербургскіе ѳедосѣевцы имѣли въ столицѣ въ разсматриваемое нами

(¹) Дѣло департ. общихъ дѣл. 1854 г. № 212; Истор. минист. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 635—6; „Истина“, 1867 г. кн. 2, л. 71 об. и. 72.

(²) Кельсіевъ вып. 4, стр. 235.

время слѣдующія заведенія: богадѣльню и моленную, называвшуюся Косцовой и находившуюся въ 3 адмиралтейской части; моленную съ богадѣльней, называвшуюся Зеленковой и находившуюся въ Рождественской части на Малоохтенскомъ проспектѣ (¹); богадѣльню, больницу, моленную и кладбище, находившіяся въ Охтенской части и называвшіяся Димитріевскими,—наконецъ мужскую и женскую богадѣльни съ двумя моленными и кладбищемъ, называвшіяся Волковскими и находившіяся въ каретной части на Волковомъ кладбищѣ (²). На эти-то заведенія петербургскихъ ѳедосѣевцевъ правительство главнымъ образомъ и обратило свое вниманіе. Еще въ 1820 году, по поводу открытыхъ петербургскою полиціею разнаго рода злоупотребленій между ѳедосѣевцами Волковскаго кладбища, были изданы слѣдующія распоряженія относительно раскольниковъ этой секты: 1) „гражданское правительство должно обращать вниманіе на все то, что въ дѣйствіяхъ раскольниковъ ѳеодосіевской секты заключаться можетъ противозаконнаго, посему 2) полиція должна неослабное наблюденіе имѣть, чтобы лица, живущія въ домахъ кладбищенскихъ раскольническихъ обществъ, или, иначе, стеченіе людей заключающихъ, имѣли непремѣнно: а) узаконенные паспорты; б) опредѣленный родъ жизни, заключающійся или въ честномъ ремеслѣ, или въ извѣстномъ промыслѣ, и в) постоянное занятіе дѣломъ своимъ; 3) люди беспаспортные, или съ ложными и разнообраз-

(¹) Въ истор. мин. внутр. дѣл. (кн. 8) въ одномъ мѣстѣ (стр. 293) обѣ эти моленныя называются филиповскими, а въ другомъ (стр. 402)—ѳедосѣевскими; справедливо послѣднее мнѣніе (собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 473; сборн. для истор. стар. т. 2, вып. V стр. 187 прилож.)

(²) Истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 402.

ными видами живущіе въ раскольническихъ общественныхъ домахъ, или частно у кого—нибудь изъ нихъ, должны быть немедленно задержаны, для поступленія соотвѣственно законамъ о безпаспортныхъ, бѣглыхъ, бродягахъ и людяхъ подозрительныхъ изданнымъ; 4) женщины безъ дѣла и письменныхъ видовъ, а наипаче молодыя, живущія въ сихъ общественныхъ домахъ, не должны быть въ нихъ терпимы и подлежатъ къ разсылкѣ къ родственникамъ своимъ (кто ихъ имѣетъ), или въ мѣсто ихъ рожденія, или отколь онѣ въ сіи общественные домы зашли; 5) строгое наблюденіе быть должно за послѣдствіями незаконнаго рожденія, обнаруживающаго подкидываніе дѣтей и убійство оныхъ рождающими ихъ дѣвками; обязанность полиціи--таковые пагубные поступки обнаруживать и виновныхъ отдавать суду; 6) полиція не оставитъ имѣть надлежащаго наблюденія, дабы какъ въ общественныхъ раскольническихъ заведеніяхъ, такъ и частно въ домахъ ихъ исполняемы были обязанности, возложенныя вообще на всѣхъ жителей, домы имѣющихъ: объявлять о прибылыхъ и убылыхъ людяхъ, о видахъ ихъ, занятіи, времени пребыванія и пр.; посредствомъ сего прекращены быть могутъ злоупотребленія, нынѣ нерѣдко по пристанодержательству раскольниками бѣглыхъ, или людей соблазнительныхъ, открывающіяся; 7) обязанность полиціи будетъ имѣть поименный списокъ всѣхъ тѣхъ лицъ, кои при богадѣленныхъ и иныхъ общественныхъ раскольничьихъ домахъ находиться будутъ, повѣрять виды ихъ, удостовѣряться въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца о убыли, или прибыли въ нихъ и проч.; 8) обратить вниманіе на больныхъ, оставляемыхъ раскольниками безъ всякой помощи и доставлять имъ нужное

пособіе посредствомъ помѣщенія ихъ въ больницы приказовъ общественнаго призрѣнія, или употребленіемъ на мѣстахъ жительства ихъ врачей; по исцѣленіи же таковыхъ, обращать ихъ въ мѣста, гдѣ они по законамъ находиться должны". Всѣ эти правила были направлены къ тому, чтобы показать, что ѳедосѣевцы „не преслѣдуются за мнѣнія ихъ секты, относящіяся до вѣры, и могутъ спокойно держаться сихъ мнѣній и исполнять принятые ими обряды, безъ всякаго впрочемъ публичнаго оказательства ученія и богослуженія своей секты, но что ни подъ какимъ видомъ не должны они уклоняться отъ соблюденія общихъ правилъ благоустройства, закономъ опредѣленныхъ" (¹).

Не смотря впрочемъ на указанныя правила, петербургскіе ѳедосѣевцы не стѣснялись въ своихъ сектаторскихъ дѣйствіяхъ. Такъ напр. въ 1829 году дошло до свѣдѣнія святѣйшаго сунода, что моленная Косцова не только совращала въ ѳедосѣевскую секту православныхъ, но даже, неизвѣстно какими путями, выхлопотала себѣ у свѣтскаго правительства право на это. И хотя св. сунодъ распоряженіе военнаго генералъ-губернатора, дозволившаго петербургскимъ раскольническимъ моленнымъ завести у себя книги для записи въ нихъ, между прочимъ, и „вступавшихъ въ расколъ отъ греко-россійской Церкви", призналъ незаконнымъ и требовалъ „немедленно отмѣнить оное" (²), — тѣмъ не менѣе и послѣ того пропаганда петербургскихъ ѳедосѣевцевъ въ пользу ихъ вѣрованій не прекращалась. Такъ въ 1840 году правительство само заявляло, что ѳедосѣевская секта, не смотря на то, что она была

(¹) Собран. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 62—5.
(²) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 229—233.

признана „весьма вредною для общества" еще въ 1820 году, „болѣе и болѣе распространяется" въ столицѣ; въ слѣдствіе этого еще въ 1839 году Высочайше повелѣно было—„обратить вниманіе на находившуюся въ Петербургѣ раскольничью моленную Косцова". И хотя свѣдѣнія, собранныя въ 1839 году объ означенной моленной петербургскою полиціею, были крайне невѣрны [1] и благопріятны ѳедосѣевцамъ, тѣмъ не менѣе секретный комитетъ о раскольникахъ, которому поручено было разсмотрѣніе этихъ свѣдѣній, взглянулъ на дѣло иначе и журналомъ, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія въ 25 день ноября 1840 года, положилъ: 1) духовное завѣщаніе купца Апарина, коимъ онъ предоставилъ купленный имъ у мѣщанина Петрова 3 адмиралтейской части во 2 кварталѣ домъ во владѣніе раскольническаго общества, законнымъ непризнаваемаго, считать недѣйствительнымъ и отдать помянутый домъ (въ которомъ помѣщалась моленная Косцова) со всею при немъ землею въ распоряженіе его законныхъ наслѣдниковъ; 2) обративъ такимъ образомъ сей домъ во владѣніе того, кому по закону оный принадлежитъ, существующія въ немъ моленную и богадѣльню, произвольно раскольниками заведенныя и какъ уже неумѣстныя, закрыть, оказавъ престарѣлымъ, дряхлымъ и

(1) Вотъ что напр. писалъ военный генералъ-губернаторъ министру внутреннихъ дѣлъ о ѳедосѣевцахъ моленной Косцова, разумѣется, со словъ полиціи: „всѣ они исповѣдуютъ св. единосущную и нераздѣльную Троицу, и покланяются св. животворящему Кресту и всѣмъ св. иконамъ, за Государя Императора и за всю Царскую фамилію молятся; раскольники сіи преданія и таинства древлеправославной греко-россійской Церкви всѣ безъ изъятія пріемлютъ и за свято почитаютъ; божественную же службу отправляютъ по древлепечатнымъ книгамъ, какъ была сначала ихъ предками отправляема, безъ всякаго измѣненія, но священства не пріемлютъ, вновь же никакого учительства не распространяютъ" (Дѣл. департ. общ. дѣл. 1839 г. № 77 л. 3 и 4).

одержимымъ неизлечимыми болѣзнями должное призрѣніе въ другихъ существующихъ благотворительныхъ заведеніяхъ; колокола же, при сей моленной находящіеся, какъ принадлежность православныхъ церквей, передать въ вѣдѣніе С.-Петербургской духовной консисторіи. При этомъ подтверждено было „мѣстному губернскому начальству", чтобы оно строго соблюдало изданныя въ 1820 году правила относительно петербургскихъ ѳедосѣевцевъ и „съ бдительнымъ надзоромъ" слѣдило за тѣми изъ нихъ, кои жили въ кладбищенскихъ домахъ—Волковскомъ и на Малой Охтѣ, не дозволяя „вновь учреждать подобныя раскольническія заведенія, а существующія—распространять новыми зданіями" (¹). Въ этомъ распоряженіи, которымъ моленная Косцова обрекалась на уничтоженіе, а ѳедосѣевскія заведенія на Волковомъ кладбищѣ и на Малой Охтѣ подчинялись строгому полицейскому надзору, ни слова не говорится о ѳедосѣевской моленной, которая была извѣстна подъ именемъ Зеленковой и находилась на Малоохтенскомъ проспектѣ въ Рождественской части. Это—потому, что еще въ 1833 году домъ Зеленкова, въ которомъ находилась моленная, вмѣстѣ съ землею переданъ былъ, по распоряженію правительства, признавшаго завѣщаніе Зеленкова недѣйствительнымъ, наслѣдницѣ Зеленкова—княгинѣ Шаховской, въ слѣдствіе чего моленная съ богадѣльней потеряли свое прежнее значеніе и наконецъ, благодаря переходу этого дома отъ одного владѣльца къ другому,—такъ какъ княгиня Шаховская передала домъ и землю по купчей крѣпости мѣщанину Терентьеву, а этотъ послѣдній—купцу Зиновьевскому,—совершенно

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 380—2.

прекратили свое существованіе (1). Той же участи подверглась, въ силу вышеприведеннаго постановленія, и моленная Косцова, не смотря на всѣ старанія ѳедосѣевцевъ—пріостановить исполненіе Высочайше утвержденнаго мнѣнія секретнаго комитета. 13-го ноября 1842 года моленная была запечатана; а потомъ, когда правительство узнало, что ѳедосѣевцы снова стали собираться сюда для молитвы, избравъ для этого нѣкоторыя комнаты въ верхнемъ этажѣ,—моленная была совершенно уничтожена (въ 1848 г.) и иконостасъ сломанъ (въ 1849 г.), а находившіеся при ней богадѣленные, не смотря на предложеніе со стороны правительства—перейти въ городскія заведенія приказа общественнаго призрѣнія,—всѣ разошлись или на родину—въ губерніи, или помѣстились у своихъ родственниковъ въ Петербургѣ (2). И хотя покойный Государь Императоръ, соглашаясь на уничтоженіе моленной Косцова, выражалъ опасеніе, чтобы при закрытіи ея не произошло какихъ-либо „безпорядковъ" со стороны раскольниковъ, такъ какъ домъ, въ которомъ помѣщалась моленная, находился „среди самаго многолюднаго стеченія народа" (3),—тѣмъ не менѣе дѣло обошлось безъ всякаго сопротивленія со стороны заблуждающихъ (4)—къ искренней радости петербургской полиціи.

Въ то время, какъ правительство обсуждало мѣры къ искорененію безпорядковъ въ моленной Косцова, имъ замѣчены были „противозаконныя и вредныя дѣйствія раскольниковъ" и въ ѳедосѣевскихъ богадѣльняхъ,

(1) Тамъ же стр. 146; ист. мин. внут. дѣл. кн. 8, стр. 406—7.

(2) Дѣл. департ. общ. дѣл. 1839 г. № 77 л. 190+244, собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 473; истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8. стр. 404.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 383—4.

(4) Снес. истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 636.

находившихся на Волковомъ кладбищѣ. Вслѣдствіе этого 18 апрѣля 1847 года секретный комитетъ съ Высочайшаго соизволенія опредѣлилъ: „въ видахъ учрежденія порядка, въ законахъ постановленнаго о частныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ, находящіяся въ С.-Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ богадѣльни подчинить вѣдѣнію здѣшняго попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія“, — на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ подчинено было вѣдѣнію того же совѣта въ Москвѣ Преображенское кладбище. Попечителемъ волковскихъ ѳедосѣевскихъ богадѣлень былъ назначенъ членъ попечительнаго совѣта сенаторъ Жемчужниковъ ([1]), которому поручено было завѣдываніе и поморскими богадѣльнями, какъ это мы уже видѣли.

Въ 1850 году доведено было до Высочайшаго свѣдѣнія „о противозаконныхъ дѣйствіяхъ раскольниковъ, жившихъ въ Малоохтенскихъ богадѣльняхъ ѳедосіевскаго согласія“. Съ цѣлію положить конецъ злоупотребленіямъ здѣшнихъ ѳедосѣевцевъ, Государь Императоръ, 28 апрѣля того же 1850 года, Высочайше повелѣть соизволилъ — подчинить вѣдѣнію попечительнаго совѣта общественнаго призрѣнія и Малоохтенскія ѳедосѣевскія богадѣльни, по примѣру волковскихъ, причемъ завѣдываніе этими богадѣльнями возложено было на того же сенатора Жемчужникова ([2]); а 8 декабря того же года послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе, которымъ запрещалось на будущее время принимать на призрѣніе въ столичныя раскольничьи богадѣльни не только раскольниковъ, но даже и постороннихъ лицъ; это—съ тою цѣлію, чтобы современемъ, когда изъ богадѣлени

([1]) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. 473—477.

([2]) Тамъ же стр. 530.

мало по малу выбудутъ всѣ призрѣваемые, можно было уничтожить эти богадѣльни совершенно; для этого попечителю богадѣлень вмѣнялось въ обязанность ежегодно представлять въ министерство внутреннихъ дѣлъ именные списки о лицахъ, проживавшихъ въ богадѣльняхъ, и о всякой, по какому бы ни было случаю происшедшей, убыли въ личномъ составѣ призрѣваемыхъ (1). Наконецъ, когда, вслѣдствіе этого распоряженія, число призрѣваемыхъ въ Малоохтенской ѳедосѣевской богадѣльнѣ уменьшилось до значительной цифры, они были переведены въ 1852 году въ волковскую ѳедосѣевскую богадѣльню, причемъ имущество Малоохтенской богадѣльни и моленной и денежныя суммы были присоединены къ собственности волковской богадѣльни, богослужебныя вещи, находившіяся въ нихъ, переданы были „на распоряженіе духовнаго начальства — съ тѣмъ, чтобы предметы, противные ученію церкви, были доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а не вредные, составлявшіе частную собственность, возвращены были по принадлежности“; самая же моленная Малоохтенская (ѳедосѣевская) сперва была запечатана, а за тѣмъ и совершенно уничтожена, при чемъ всѣ зданія и постройки, находившіяся при ней, переданы были въ вѣдѣніе попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Петербургѣ (2); а въ декабрѣ того же 1852 года упразднено было и ѳедосѣевское кладбище на Малой охтѣ, при чемъ ѳедосѣевцамъ дано было право хоронить тѣла умершихъ своихъ единомысленниковъ на волковскомъ кладбищѣ (3). Послѣднее распоряженіе касательно ѳедосѣевскихъ за-

(1) Тамъ же стр. 555.

(2) Тамъ же стр. 571—573.

(3) Тамъ же стр. 578.

веденій въ Петербургѣ относится къ 1853 году и состояло въ томъ, что волковскимъ раскольническимъ богадѣльнямъ—„съ цѣлію духовно-нравственнаго дѣйствованія на заблуждающихъ" дано было „значеніе обыкновенной городской богадѣльни на законномъ основаніи", подъ главнымъ завѣдываніемъ сенатора Жемчужникова, въ помощь которому командированъ былъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ; въ тоже время дозволенъ былъ пріемъ въ означенныя богадѣльни и лицъ православныхъ, для которыхъ одну изъ ѳедосѣевскихъ моленъ велѣно было обратить въ православную церковь „съ опредѣленіемъ къ ней особаго священника"; наконецъ и зданія закрытой еще прежде Малоохтенской ѳедосѣевской богадѣльни переданы были въ распоряженіе совѣта Императорскаго человѣколюбиваго общества—съ тѣмъ притомъ, чтобы на мѣстѣ одной изъ бывшихъ тамъ моленъ также устроена была церковь (¹).

Такимъ образомъ, въ царствованіе Императора Николая Павловича, всѣ моленныя и другія заведенія петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, за исключеніемъ одной волковской молельни съ богадѣльнею, были или уничтожены, или лишены раскольническаго характера и обращены въ обыкновенныя городскія богоугодныя учрежденія, а за самими ѳедосѣевцами усиленъ былъ надзоръ полиціи. А послѣ этого не трудно понять, какъ должна была въ указанное время отнестись къ вопросу о бракѣ петербургская ѳедосѣевщина. Понимая, что главной причиной всѣхъ невзгодъ, какія съ 1820 года стали постигать послѣдователей Крестецкаго дьячка, было изувѣрное ученіе Гнусина, которое имѣли неблагоразуміе

(¹) Тамъ же стр. 607—8.

усвоить и приложить къ своей жизни нѣкоторые изъ столичныхъ учениковъ „премудраго Ѳеодосія“, петербургскіе ѳедосѣевцы, и прежде, благодаря особымъ условіямъ жизни столичной—на глазахъ правительства, смотрѣвшіе на брачную жизнь довольно снисходительно (1), теперь должны были еще болѣе убѣдиться въ томъ, что ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ—хорошо, да только тяжело и-главное-не безопасно. А слѣдствіемъ такого убѣжденія было то, что, за исключеніемъ ѳедосѣевскихъ наставниковъ и тѣхъ лицъ изъ обыкновенныхъ смертныхъ, которые питались крупицами своихъ благодѣтелей и кормильцевъ, или жили въ общественныхъ раскольническихъ заведеніяхъ на счетъ подаяній разныхъ благотворителей, и поэтому *обязаны* были строго соблюдать правила своей секты, остальные столичные ѳедосѣевцы мало по малу стали сближаться въ ученіи о бракѣ съ поморцами, и, по примѣру ихъ, начали обзаводиться семьей. Въ 1829 году моленная Косцова уже хлопочетъ предъ свѣтскимъ правительствомъ о разрѣшеніи ей—имѣть метрическія книги—для внесенія въ нихъ, между прочимъ, и „бракосочетавшихся“ (2). А потомъ, когда эта попытка не удалась, петербургскіе ѳедосѣевцы рѣшились вступать въ безсвященнословные браки, по обрядамъ поморской секты, и стали вѣнчаться въ Малоохтенской поморской часовнѣ (3). Такъ, между прочимъ, вступила въ бракъ (въ 1836 г.), какъ мы уже видѣли, дочь извѣстнаго вожака петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, купца 1-й гильдіи Абрама Яковлева, съ купцемъ Се-

(1) Христ. Чт. 1867 г. ч. 1, стр. [illegible]; ч. 2, стр. 1007—8.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2 стр. 229—233.

(3) Въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ есть свѣдѣнія о томъ, будто вѣнчаніе раскольническихъ браковъ совершалось въ 30-хъ годахъ даже въ Малоохтенской *ѳедосѣевской* моленной (Дѣл. департ. общ. дѣлъ 1839 года № 77 лист. 56—7); но это извѣстіе едва ли справедливо.

меновымъ (1). Принимая во вниманіе то обстоятельство, что Яковлевъ, пользуясь расположеніемъ многихъ въ Петербургѣ, былъ въ тоже время главою и руководителемъ столичной ѳедосѣевщины, за совѣтами къ которому обращалось само Преображенское кладбище (2), можно понять, какое вліяніе на петербургскихъ бракоборцевъ должно было произвесть торжественное бракосочетаніе его дочери въ поморской часовнѣ. Наконецъ, когда правительство обратило (съ 1839 г.) свое вниманіе на безсвященнословные, или сводные, браки безпоповцевъ и стало преслѣдовать ихъ, когда въ слѣдъ за тѣмъ вѣнчаніе браковъ въ Малоохтенской поморской часовнѣ сдѣлалось болѣе, чѣмъ затруднительнымъ, когда наконецъ въ 1842 году ѳедосѣевцы, за отверженіе ими брака и молитвы за царя, были причислены властію къ „вреднѣйшимъ сектамъ" (3), — петербургскіе ѳедосѣевцы, какъ люди, дорожившіе хорошимъ о себѣ мнѣніемъ и желавшіе ничѣмъ не отличаться (по внѣшности) отъ православнаго общества (4), стали не только вступать въ браки, но даже вѣнчаться въ единовѣрческихъ и православныхъ церквахъ, разумѣется, оставаясь въ тоже время послѣдователями „древняго благочестія" и неся за свой невольный грѣхъ разнаго рода эпитиміи, по указанію и настоянію наставниковъ, большинство которыхъ впрочемъ потворствовало увлеченіямъ своихъ богатыхъ и вліятельныхъ учениковъ и сквозь пальцы смотрѣло даже на тѣхъ изъ нихъ, кои „бракались съ дѣтьми антихристовыми", т. е. вступали въ бракъ съ лицами православнаго исповѣданія.

И. Нильскій.

(1) Христ. Чт. 1869 г. іюнь, стр. 865.
(2) Кельсіев. вып. 1, стр. 60—1.
(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 409.
(4) Сборн. для истор. старообр. т. 1, стр. 27—8; 52—3.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Философія отцовъ и учителей Церкви. Соч. профессора Кіевской д. академіи *К. Скворцева,* Кіевъ, 1868 г.—**Богъ въ природѣ по Камиллу Фламмаріону.** Перев. подъ редакціею *М. Чистякова,* Спб. 1869 г.

Періодъ вселенскихъ отцевъ и учителей Церкви составляетъ одинъ изъ знаменательнѣйшихъ періодовъ въ исторіи не только христіанскаго богословія, христіанской церковной жизни и дѣятельности, но и въ исторіи христіанской науки, христіанскаго просвѣщенія вообще. Это было время, когда человѣчество, просвѣщенное свѣтомъ Евангельской благодати и истины, возраждалось въ новой жизни во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, когда быстро исчезалъ образъ міра древняго, языческаго и постепенно, но также быстро, занималась заря міра новаго, христіанскаго. И никто не можетъ отрицать того, что отцы и учители Церкви первыхъ христіанскихъ вѣковъ были не просто свидѣтелями, не праздными зрителями, но ближайшими въ распоряженіи Промысла Божія орудіями, ревностными дѣятелями въ исполненіи этого необычайнаго, исполненнаго глубочайшаго интереса и важности, переворота въ жизни

человѣчества на всѣхъ ступеняхъ его. Совершенно справедливо называютъ ихъ не просто отцами и учителями *Церкви*, но отцами и учителями *христіанскаго времени вообще*. Трудясь надъ раскрытіемъ, уясненіемъ, опредѣленіемъ Богопреданнаго ученія Христова, они въ то же время полагали своими руками первые камни въ основаніи будущей христіанской науки, христіанскаго просвѣщенія, христіанской общественной жизни. Міръ древній, языческій оставлялъ, правда, въ наслѣдство новому христіанскому міру много дѣльнаго и полезнаго въ области науки, искуства, литературы; но это дѣльное и полезное было перемѣшано въ язычествѣ со множествомъ дурнаго и негоднаго, было связано съ языческими традиціями, примѣнено къ языческимъ вкусамъ и понятіямъ; нужно было отдѣлить чистыя зерна отъ плевелъ,—указать христіанскому любомудрію истинныя цѣли научнаго знанія, его высшія нравственно-просвѣтительныя задачи, равно какъ его границы, источники, основанія его прочнаго и успѣшнаго развитія и совершенствованія. И мы знаемъ, дѣйствительно, какъ многіе отцы и учители Церкви ревностно изучали произведенія языческихъ философовъ, поэтовъ, ораторовъ, усвояли себѣ все богатство свѣдѣній въ свѣтскихъ наукахъ и искуствахъ того времени и это богатство потомъ, очищенное, переработанное въ горнилѣ просвѣщеннаго вѣрою разума, принесли на пользу христіанства; благодаря такимъ-то трудамъ ихъ христіанство и ученость, философія и богословіе, вѣра и наука были скоро между собою сближены и такимъ образомъ христіанскому образованію была положена прочная основа,—а нимъ была упрочена самая счастливая будущность. И какъ бы далеко наука и просвѣщеніе нашего времени не

ушли впередъ въ сравненіи съ наукою патристическою, во всякомъ случаѣ первыя начала и основанія ихъ лежатъ въ этой послѣдней и отрѣшаться отъ нея совершенно не могутъ безъ ущерба для себя. Вотъ почему для насъ никогда не могутъ потерять интереса и значенія всѣ труды, посвященные изученію и разбору патристической эпохи съ той или другой стороны. Къ числу такихъ трудовъ принадлежитъ и выписанное нами выше сочиненіе проф. Скворцева „Философія отцовъ и учителей Церкви".

Доселѣ мы не имѣли ничего цѣльнаго въ нашей литературѣ по тому предмету, который составляетъ содержаніе труда г. Скворцева; есть нѣсколько небольшихъ статей въ нашихъ духовныхъ журналахъ за разные годы и, между прочимъ, въ „Трудахъ Кіевской д. академіи",—статей, не лишенныхъ научныхъ достоинствъ, но по самой тѣснотѣ своихъ предѣловъ или ограничивающихся общимъ очеркомъ святоотеческой философіи, ея сущности, ея задачъ и пр., или останавливающихся на изложеніи и оцѣнкѣ религіозно-философскаго умозрѣнія того или другаго изъ отдѣльныхъ отцовъ и учителей Церкви. Что касается западной, католической и протестантской литературы, то желающему ближе ознакомиться съ философіею отцевъ и учителей Церкви она представляетъ богатый выборъ пособій, знакомящихъ съ святоотеческою философіею и въ полномъ объемѣ ея историческаго развитія и по частямъ. Таковы труды Риттера, Муссмана, Штёкля, Губера, Баура, Земиша, Дункера и мн. др. Нѣкоторыми изъ этихъ и другихъ трудовъ западныхъ ученыхъ пользовался, какъ видно, и нашъ авторъ.

Г. Скворцевъ представляетъ намъ доколѣ въ своемъ

сочиненія обозрѣніе святоотеческой философіи одного лишь періода,—именно періода апологетовъ, или философіи отцовъ и учителей Церкви до времени Никейскаго собора, съ котораго обыкновенно обозрѣватели патристической философіи начинаютъ второй періодъ, кончая его на востокѣ временами Синезія, Захаріи Схоластика, Іоанна Филоппона, Іоанна Дамаскина, Максима Исповѣдника, а на западѣ временами Боэція, Кассіадора и др. „Періодъ, который мы намѣрены разсматривать,—говоритъ г. Скворцевъ, — принадлежитъ къ интереснѣйшимъ частямъ исторіи церкви и христіанской литературы и имѣетъ особенное значеніе для богословія. Св. Церковь, будучи преслѣдуема и за вѣроученіе и за нравоученіе и за Богопочтеніе, должна была выдержать страшную и продолжительную борьбу со всѣмъ древнимъ міромъ, со всѣми классами общества. Такимъ образомъ это есть время безчисленныхъ сраженій, опасностей, испытаній, волненій, съ которыми Церковь отстаивала свои права, дарованныя ей ея Основателемъ. Но если сила вѣры во Христа была жива и крѣпка, при видѣ ужасовъ мученій и смерти; то она не менѣе блистательно явила себя и въ другой борьбѣ, на другомъ полѣ, гдѣ христіанскій духъ долженъ былъ бороться не столько съ суровой силой, сколько съ утонченностію науки, не смотря на то, что эта борьба требовала отъ него и новыхъ силъ и новаго искусства“ (стр. VI). И дѣйствительно, въ исторіи патристической философіи это былъ періодъ особенно сильнаго возбужденія философскаго умозрѣнія въ нѣдрахъ христіанства, самаго широкаго и свободнаго, доходившаго, впрочемъ, иногда до неумѣренныхъ увлеченій, примѣненія этихъ умозрѣній въ области христіанскаго богословія, такъ

что богословствованіе большей части отцовъ и учителей Церкви этого періода имѣетъ философскій характеръ по преимуществу. Причины такого положенія дѣла понятны. Представителямъ христіанства, въ первые вѣка его существованія, предстояла двоякая работа. Съ одной стороны имъ нужно было постоянно защищать его въ борьбѣ съ древней цивилизаціей, съ идеями древняго міра, который, какъ ни дряхлъ и безсиленъ былъ, не могъ всё-таки предаться сразу, безъ всякой рефлексіи новому ученію, долго пытался отстоять выработанную имъ культуру, свои вѣковые соціальные, религіозные порядки; при этомъ дѣло шло не о тѣхъ или другихъ частныхъ пунктахъ вѣроученія и нравоученія христіанскаго, но о цѣломъ строѣ христіанскаго міросозерцанія объ основныхъ началахъ и требованіяхъ его, — что, естественно, давало самую обильную пищу философскому умозрѣнію. Въ то же время, съ другой стороны, исповѣдникамъ христіанства нужно было, въ виду потребностей времени и по требованію собственнаго любомудрія, обосновывать, раскрывать, опредѣлять Евангельское ученіе, которое, при вступленіи своемъ въ міръ, было именно какъ бы едва примѣтное зерно, но такое зерно, которое только ожидало благопріятной почвы для себя, чтобы разростись въ величественное дерево. При этомъ раскрытіи и опредѣленіи Евангельскаго ученія спекулятивной работѣ христіанской мысли открывался въ первые три вѣка христіанства тѣмъ больщій просторъ, что христіанская символика до времени вселенскихъ соборовъ еще не представляла чего-либо вполнѣ развитаго и окончательно сложившагося цѣлаго и богословствующій разумъ, въ рѣшеніи разныхъ частныхъ вопросовъ и недоумѣній еще не имѣлъ подъ

руками какого-либо наглядного и обязательного для всѣхъ церковнаго руководства, какое дано было ему впослѣдствіи тѣми же вселенскими соборами въ видѣ разныхъ правилъ и вѣроопредѣленій. Поэтому-то въ первые три вѣка мы видимъ особенно сильное развитіе религіозно-философскаго созерцанія въ области христіанства; видимъ, какъ вліятельнѣйшіе отцы Церкви съ любовію обращаются къ греческой философіи и теоріями ея пользуются при раскрытіи и построеніи высокихъ истинъ христіанства. При этомъ особеннымъ почетомъ между христіанскими мыслителями пользовалось имя Платона. Таковы главнѣйшія обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ совершилось развитіе философіи въ мірѣ христіанскомъ въ первый періодъ — періодъ апологетовъ. „Какъ нѣкогда іудеи одной рукой управляли оружіемъ,—говоритъ г. Скворцевъ,—а другой воздѣлывали поля и города, такъ и христіанскіе апологеты, въ одно и то же время, и отражали нападеніе враговъ и созидали науку. При неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, среди разрушающагося царства, они создали христіанскую философію, которая оставила далеко позади себя все то, что сдѣлано было въ области мысли, и наконецъ одержали побѣду надъ самымъ сильнымъ, цѣлыя вѣка стоявшимъ врагомъ — философіей языческой“ (стр. VI).

Своему обозрѣнію философіи отцовъ и учителей Церкви періода апологетовъ авторъ предпосылаетъ небольшое введеніе, въ которомъ онъ излагаетъ общее понятіе о философіи отцовъ и учителей Церкви, разбираетъ нѣкоторыя возраженія противъ ея научнаго и самостоятельнаго значенія, дѣлаетъ краткій очеркъ судьбы языческой философіи предъ временемъ явленія

въ міръ Христа Спасителя, равно какъ кратній очеркъ сущности тѣхъ системъ, которыя возникли на развалинахъ древней философіи—системъ гностической и неоплатонической въ ихъ отношеніи къ христіанству. Важности и необходимости выясненія всѣхъ этихъ пунктовъ невозможно, конечно, отрицать; и мы думаемъ даже, что нѣкоторые изъ нихъ заслуживали бы гораздо большаго вниманія, чѣмъ какое удѣляетъ имъ авторъ на нѣсколькихъ страницахъ введенія къ своему сочиненію. Въ особенности недостаточно краткаго замѣчанія, сдѣланнаго авторомъ, о системахъ гностическихъ и неоплатонической въ ихъ отношеніи къ христіанству; замѣтка его имѣетъ болѣе церковно-историческій, чѣмъ философскій характеръ; изъ нея мы узнаемъ объ отличительныхъ пунктахъ гностицизма, какъ *ереси*, а не какъ религіозно-философской системы, въ которой Бауръ находитъ даже слѣды идей новѣйшей философіи; равнымъ образомъ изъ неоплатонизма авторомъ указаны немногія частныя черты, на основаніи которыхъ нѣкоторые считали его величественнымъ заключеніемъ языческой философіи и переходомъ къ христіанству, тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ совершенно противоположенъ этому послѣднему. Изъ всего этого для читателя, незнакомаго съ дѣломъ по другимъ источникамъ, весьма трудно составить себѣ ясное понятіе о томъ, каково было дѣйствительно отношеніе гностицизма и неоплатонизма къ христіанству, — отношеніе при томъ въ области именно философскаго міросозерцанія. Между тѣмъ прослѣдить отношеніе ихъ къ христіанству въ этой именно области сколько любопытно, столько же важно для историка патристической философіи. Въ гностицизмѣ и неоплатонизмѣ древній міръ дѣлалъ послѣднюю, от-

чаянную попытку отстоять свое существованіе противъ новаго порядка вещей, открытаго христіанствомъ; въ первомъ онъ хотѣлъ, — употребимъ выраженіе самаго г. Скворцева,—*измѣнить* христіанство, облекши его въ одежду язычества; во второмъ онъ старался *устранить* его и сдѣлать переходъ къ нему ненужнымъ для язычниковъ. И въ томъ и другомъ случаѣ онъ шелъ къ своей цѣли путемъ самымъ заманчивымъ для умовъ того времени,—путемъ религіозно-философскаго умозрѣнія, надѣясь философскимъ глубокомысліемъ, полнотою и систематичностію міровоззрѣнія, облеченнаго въ добавокъ въ изящную, привлекательную форму, побѣдить, уничтожить „грубое, варварское ученіе", т. е. христіанство. Такимъ образомъ въ то время, когда христіанскими апологетами полагались первые начатки христіанской философіи, міръ языческій предлагалъ любителямъ мудрости двѣ уже готовыя, во многомъ родственныя между собою, хотя и стоявшія на дѣлѣ во враждебныхъ отношеніяхъ, религіозно-философскія системы, имѣвшія гордое притязаніе проникнуть непосредственно въ область абсолютной истины. Что же такое были это за системы? Что предлагали онѣ любителямъ мудрости въ замѣнъ христіанства? На какихъ началахъ утверждалось ихъ міровоззрѣніе? Почему философствующій разумъ не могъ найти себѣ удовлетворенія ни въ одной изъ этихъ системъ и онѣ, при всемъ своемъ внѣшнемъ блескѣ, при всей высотѣ и выспренности своего созерцанія, не могли устоять предъ христіанствомъ, предъ новымъ, открытымъ въ христіанствѣ міромъ идей, чувствъ и стремленій, и должны были неминуемо пасть, какъ и и пали дѣйствительно скоро? Вотъ вопросы, которые самымъ естественнымъ образомъ возникаютъ въ умѣ

при мысли объ отношеніи новой только-что зарождавшейся христіанской философіи къ двумъ, въ теченіе долгаго времени одновременно развивавшимся съ нею, религіозно-философскимъ системамъ—гностицизму и неоплатонизму, и на которые небольшая замѣтка о нихъ г. Скворцева не даетъ читателю никакого отвѣта. Между тѣмъ съ разъясненіемъ этихъ вопросовъ открылось бы много весьма интереснаго въ послѣдней судьбѣ древней, языческой философіи и науки, равно какъ въ начальной судьбѣ новой, христіанской; при этомъ также стало бы, быть можетъ, яснымъ и то, въ чемъ состоялъ тотъ рѣзкій и трудно-понятный переломъ, какой замѣчаютъ историки философіи въ развитіи философскаго мышленія при переходѣ древней философіи въ новую.

Для полноты и обстоятельности дѣла автору, взявшему на себя задачу представить исторію философіи отцовъ и учителей Церкви, не мѣшало бы также указать во введеніи же характеристическіе моменты въ развитіи ея, на основаніи которыхъ ее дѣлятъ, какъ дѣлитъ и самъ авторъ, на извѣстные періоды, равно какъ показать и выяснить различіе въ характерѣ, въ направленіи философіи отцовъ и учителей Церкви восточныхъ отъ западныхъ,—различіе, которое бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ сравненіи. Все это и подобное вовсе не столь мелочно или малозначуще, чтобы можно было оставлять совершенно безъ вниманія въ ученомъ трудѣ,—такомъ при томъ трудѣ, который имѣетъ цѣлію представить изъ своихъ изысканій объ извѣстномъ предметѣ нѣчто систематически-цѣльное и обстоятельное.

Первымъ по времени философомъ христіанскимъ счи-

тается св. Іустинъ мученикъ; съ него начинаетъ свое обозрѣніе патристической философіи и г. Скворцовъ, заканчивая Лактанціемъ, послѣднимъ изъ западныхъ апологетовъ. Нельзя не отдать должной справедливости автору: трудъ его показываетъ въ немъ знатока дѣла, внимательно изучавшаго отеческую литературу, равно какъ и лучшія иностранныя пособія, относящіяся къ этому предмету. Если же ученый трудъ его не чуждъ нѣкоторыхъ недостатковъ, то они по бо́льшей части общи всѣмъ подобнаго рода трудамъ и вытекаютъ съ одной стороны отъ особеннаго характера самаго предмета, съ другой—изъ неустановившихся еще научныхъ требованій къ его изложенію. У отцовъ Церкви, какъ извѣстно, философія подчиняется религіи и служитъ ея дѣлу, такъ что и содержаніемъ ея служатъ почти исключительно предметы христіанскаго богословія, христіанскаго вѣроученія и нравоученія; вслѣдствіе этого почти всѣ историки патристической философіи сознаются въ трудности установить, при изложеніи философскаго міровоззрѣнія отцовъ и учителей Церкви, точную пограничную линію, которая бы, съ одной стороны, по своей обширности, позволяла возстановить во всей цѣлости и полнотѣ систему ихъ міровоззрѣнія, со всѣми существенными, характеристическими моментами ея, а съ другой стороны своею отчетливостію указывала бы, что́ изъ ихъ ученія принадлежитъ ближе или далѣе къ области собственно философскаго умозрѣнія, и что́ къ области церковнаго ученія, богословія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Едва ли, впрочемъ, и нужно трудиться много надъ проведеніемъ такой пограничной линіи, въ родѣ напр. той, какая опредѣляется различеніемъ theologia naturalis отъ theologia revelata. Въ

этомъ случаѣ всё зависитъ отъ личнаго философскаго такта автора, отъ его умѣнья — отыскать въ ученіи извѣстнаго отца или учителя Церкви болѣе выдающіеся, характеристическіе пункты его религіозно-философскаго міросозерцанія,—такіе пункты, въ которыхъ выступала бы передъ нами не чистота или цѣлость вѣры его, а глубина, извѣстный складъ, направленіе его умозрѣнія и затѣмъ, сообразно съ такими пунктами, повести обзоръ остальныхъ частностей его ученія, смотря по тому, на сколько онѣ относятся къ общей характеристикѣ религіозно-философскаго міросозерцанія. Нѣтъ нужды, что при этомъ предметы главные съ богословской точки зрѣнія займутъ въ изложеніи второстепенное мѣсто и наоборотъ—второстепенные выступятъ на первый планъ; и на первыхъ нужно будетъ остановиться съ особеннымъ вниманіемъ, съ особенною подробностію, а о послѣднихъ придется сказать кратко или даже и во-все пройти нѣкоторые изъ нихъ молчаніемъ. Философичность и пригодность такого метода изложенія религіозно-философскаго умозрѣнія отцовъ и учителей Церкви весьма очевидны, несомнѣнны. Между св. отцами и учителями Церкви, если смотрѣть на нихъ съ философской точки зрѣнія, есть также своего рода типы, весьма рельефно отличающіеся одинъ отъ другаго, не смотря на то, что онѣ были учениками одной и той же Евангельской истины. При самомъ поверхностномъ сравненіи между собою, напр., св. Іустина Философа, св. Иринея Ліонскаго и Тертулліана легко замѣтить, какъ много различается религіозно-философское міросозерцаніе одного изъ нихъ отъ другаго по своему характеру, складу; однѣ и тѣ же истины христіанскаго вѣроученія и нравоученія рефлектируются

въ сознаніи каждаго изъ нихъ особеннымъ образомъ, принимаютъ своеобразную субъективную окраску, а вслѣдствіе этого и всё міросозерцаніе принимаетъ свой извѣстный характеръ, извѣстный колоритъ. Эти индивидуальныя особенности въ развитіи и построеніи цѣльнаго христіанскаго міросозерцанія выступаютъ у христіанскихъ мыслителей первыхъ трехъ вѣковъ тѣмъ рельефнѣе, тѣмъ свободнѣе, что въ это время, какъ мы уже замѣчали выше, субъективной діалектикѣ человѣческаго духа въ пониманіи и разъясненіи евангельскаго ученія былъ открытъ бóльшій просторъ, чѣмъ впослѣдствіи, когда христіанскій догматъ былъ заключенъ соборами въ строго опредѣленныя, неизмѣнныя формы.

Г. Скворцевъ слѣдуетъ въ своемъ изложеніи философіи отцовъ и учителей Церкви методу самому простому. Послѣ краткаго замѣчанія о жизни и сочиненіяхъ извѣстнаго Отца или Учителя Церкви онъ излагаетъ его ученіе и мнѣнія о разныхъ предметахъ вѣры и знанія, наблюдая при этомъ всюду почти одинъ и тотъ же порядокъ, такъ хорошо извѣстный каждому изъ слушавшихъ уроки по Патристикѣ: сначала предлагается ученіе о Богѣ и Его отношеніи къ міру, въ частности—о Богѣ Сынѣ и Духѣ Св.; затѣмъ слѣдуетъ ученіе о человѣкѣ, нравственное ученіе и пр. При этомъ, выходя изъ того убѣжденія, что „философія отцевъ Церкви должна быть разсматриваема, по возможности, въ полномъ своемъ составѣ, какъ она являлась въ исторіи“, авторъ старается выставить все главное, замѣчательное въ ученіи извѣстнаго отца о томъ или другомъ предметѣ вѣры и знанія и при томъ, во избѣжаніе извращенія смысла тѣхъ или другихъ отческихъ взглядовъ (какъ это дѣлается часто въ исторіяхъ

философіи и особенно протестантскаго богословія), въ подлинныхъ словахъ и выраженіяхъ его. Книга его, поэтому, представляетъ непрерывный рядъ выписокъ изъ разныхъ отеческихъ сочиненій и со стороны полноты, обстоятельности изложенія не можетъ, безсомнѣнія, не заслуживать полнаго вниманія. Но, къ сожалѣнію, у автора, за анализомъ частностей ученія того или другаго отца церкви, совершенно скрывается характеръ цѣлаго міровоззрѣнія его; всему авторъ даетъ въ своемъ изложеніи одинаковый вѣсъ и значеніе, сопровождая лишь по мѣстамъ свои выписки изъ отцевъ небольшими критическими, богословскими или философскими замѣчаніями. Неудивительно, если при такомъ способѣ изложенія дѣла всѣ типическія, индивидуальныя особенности, отличающія тѣхъ или другихъ отцевъ Церкви, какъ мыслителей, совершенно почти стушевываются у автора и вмѣсто ожидаемаго разбора и характеристики религіозно - философскаго умозрѣнія читатель встрѣтитъ въ книгѣ его обыкновенный анализъ ученія отцевъ Церкви о разныхъ предметахъ вѣроученія и нравоученія христіанскаго. Всего этого мы не думаемъ, впрочемъ, ставить въ большую вину автору; трудъ его во всякомъ случаѣ съ пользою могутъ прочесть всѣ, интересующіеся философіею отцевъ и учителей Церкви. Не интересоваться же ею можетъ только тотъ, кто или, въ слѣпомъ пристрастіи къ интересамъ чистаго знанія, къ опыту, совершенно отвергаетъ возможность христіанской, религіозной философіи, считая ее абсурдомъ, или не видитъ въ ней для современнаго мыслителя ничего заслуживающаго вниманія, ничего поучительнаго для современной науки и знанія. Но какъ первый, такъ и послѣдній изъ этихъ взглядовъ на христіанскую

патристическую философію былъ бы большимъ заблужденіемъ со стороны всякаго, чуждаго крайностей и слѣпаго пристрастія. Здѣсь не мѣсто разсуждать, возможна ли философія въ области христіанскаго вѣроученія и нравоученія, основанная на богооткровенныхъ, христіанскихъ началахъ, дѣйствительно ли — говорить о христіанской философіи—значитъ злоупотреблять словами (Льюисъ), — рѣшеніе этого вопроса читатели могутъ отчасти найти въ книгѣ же г. Скворцева (стр. 1—3). Чтò же касается того, имѣетъ ли философія отцевъ интересъ и важность для нашего времени, то объ этомъ прекрасно говоритъ Ѳ. Прессансэ, словами котораго г. Скворцевъ заканчиваетъ свое сочиненіе, словами же котораго заключимъ и мы свою рѣчь о его книгѣ: „христіанство отвѣтило на всѣ возраженія; побѣдоносно окончило свое дѣло на судѣ правительства; геройскою смертію своихъ послѣдователей заслужило удивленіе царей и проконсуловъ; обратило вниманіе синагогъ и философовъ своими глубокомысленными и нерѣдко окропленными кровію сочиненіями; наконецъ явило міру образецъ чистой и святой жизни. Но борьба христіанства съ язычествомъ существуетъ и теперь, и при томъ еще въ бòльшихъ размѣрахъ. Наша литература часто бываетъ проникнута такими началами, которыя явно или тайно враждебны началамъ христіанскимъ. Древняя языческая идея, натурализмъ Цельса и Порфирія, смѣшанный съ восточнымъ пантеизмомъ, снова сдѣлался живъ и силенъ. Тѣ же системы, на которыя отвѣчали древніе апостолы, воскресаютъ въ новомъ видѣ, особенно же древній матеріализмъ, который повторяетъ слова язычника, приводимыя Минуціемъ: „чтò мнѣ до того, чтò выше міра?“ И теперь слышатся насмѣшки скеп-

тика, невѣрящаго ничему; и теперь скептицизмъ имѣетъ своихъ Гераклита и Демокрита. Словомъ: нѣтъ ничего новаго подъ блѣднымъ солнцемъ XIX-го столѣтія". Обращаясь затѣмъ къ мысли, что современное человѣчество, отъ котораго удалено христіанство, болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ немъ, и не смотря на свое сильное и искусное сопротивленіе, оно всегда можетъ быть приведено ко кресту, если только защитники истины не будутъ компрометтировать своего дѣла дурными средствами и превратными методами, Прессансэ указываетъ современнымъ апологетамъ христіанства на древнихъ, какъ на образецъ побѣдоносной и истинно-христіанской апологетики. „Изученіе христіанской древности, говоритъ Прессансэ,—можетъ предохранить насъ отъ опасныхъ заблужденій и научить насъ избѣгать всего, что походитъ на гнетъ, принужденіе. Душа можетъ слѣдовать только кроткому зову истины, а не грознымъ и витіеватымъ словамъ. И потому мы должны заботиться о томъ, чтобы христіанство было приводимо въ прежнее положеніе, чтобы оно являлось человѣчеству только съ оружіемъ истины и правды, чтобы оно всегда помнило слова Господа, что тотъ, кто въ области религіи беретъ мечь, мечемъ погибнетъ" (стр. 363—364).

Для многихъ, можетъ быть, покажется болѣе интереснымъ, чѣмъ книга г. Скворцева, переведенное и изданное товариществомъ „Общественная польза" сочиненіе парижскаго астронома Камилла Фламмаріона: „*Богъ въ природѣ*". Въ самомъ дѣлѣ предметъ книги и еще болѣе имя автора, стоящее на ея obertкѣ, не могутъ не возбуждать къ себѣ интереса, а потому мы не лишнимъ считаемъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній для

нашихъ читателей и относительно этой книги, стоющей дѣйствительно вниманія по многимъ своимъ особенностямъ.

Камиллъ Фламмаріонъ, профессоръ астрономіи въ Collége de France, извѣстенъ во французскомъ ученомъ и литературномъ мірѣ нѣсколькими сочиненіями по астрономіи; кромѣ того, по особенной тенденціозности нѣкоторыхъ изъ своихъ сочиненій философско-астрономическаго содержанія, онъ пользуется особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ спиритовъ. Въ слѣдъ за многими натуралистами и мыслителями древнихъ и новыхъ временъ Фламмаріонъ явился жаркимъ защитникомъ фантастической гипотезы объ обитаемости небесныхъ свѣтилъ; доказательствамъ этой гипотезы посвящены у Фламмаріона два сочиненія: „Многочисленность обитаемыхъ міровъ“ (1) и „Міры воображаемые и міры дѣйствительные“ (Les mondes imaginaires et les mondes riéls); въ первомъ изъ нихъ авторъ изслѣдуетъ условія обитаемости небесныхъ міровъ съ точки зрѣнія астрономіи, физіологіи и философіи; во-второмъ онъ представляетъ историческое доказательство того же,—доказываетъ именно, что съ самой глубокой древности и до нашихъ дней идея обитаемости звѣздъ была защищаема многими писателями, при чемъ Фламмаріонъ изложилъ мнѣнія и тѣхъ писателей, которыхъ описанія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Эти-то сочиненія и доставили Фламмаріону особенную популярность среди спиритовъ, такъ какъ его взгляды на жизнь и судьбу человѣчества, временную и вѣчную, развиваемые имъ въ связи съ ученіемъ объ обитаемости небесныхъ свѣ-

---

(1) Сочиненіе это имѣется на русскомъ языкѣ.

тикъ, подходятъ самымъ близкимъ образомъ къ ученію новѣйшихъ духовызывателей.

Сочиненіе Фламмаріона „Богъ въ природѣ“ написано авторомъ съ другими, чисто апологетическими цѣлями, хотя и въ немъ нельзя не замѣтить вѣянія его любимой идеи. „Въ настоящее время,—говоритъ Фламмаріонъ,—въ мірѣ есть два великія заблужденія, которыя дѣйствуютъ столько же сильно и глубоко, какъ и въ самыя темныя времена язычества, въ тѣ отдаленныя эпохи, когда умъ человѣческій еще не имѣлъ никакого точнаго понятія о Богѣ. Эти два заблужденія—съ одной стороны атеизмъ, отвергающій существованіе духа въ природѣ; съ другой стороны—суевѣріе, которое унижаетъ величіе божества, во всемъ приноравливая его къ человѣку, и всю вселенную воображаетъ въ видѣ волшебнаго фонаря, назначеннаго для его употребленія. Такъ какъ оба эти заблужденія хотятъ опираться на прочныя начала современной науки, то мы сочли своею обязанностію показать, что онѣ не могутъ пользоваться этими началами для своихъ цѣлей, что у нихъ съ положительнымъ знаніемъ нѣтъ ничего общаго, что онѣ падаютъ, какъ дѣтскія постройки отъ малѣйшаго критическаго движенія; между ними занимаетъ вѣрную и прочную средину и идетъ прямымъ путемъ научный спиритуализмъ“ (стр. 369—370). Какого рода атеизмъ, отвергающій существованіе духа въ природѣ, разумѣетъ здѣсь Фламмаріонъ,—понятно само собою; атеизмъ этотъ есть современный матеріализмъ, къ опроверженію котораго и направлено главнымъ образомъ сочиненіе автора. Но изъ приведенныхъ словъ Фламмаріона, равно какъ и изъ другихъ мѣстъ его книги, не совсѣмъ понятно, что *за суевѣріе* и при томъ *рели-*

ціозное суевѣріе (стр. 373) разумѣетъ онъ, которое унижаетъ величіе Божества, во всемъ приноравливая его къ человѣку и пр. Только ли разумѣетъ онъ при этомъ антропоморфическое представленіе Божества Гегеліанской школы, представителями которой въ нынѣшнее время служатъ Вашро, Ренанъ, Тэнъ, Шереръ и др., или еще что другое? При такой неопредѣленности невольно въ душу читателя западаетъ мысль, не обольщается ли авторъ, говоря его же словами, какою-нибудь мечтою и не скрывается ли у него обмана подъ обаяніемъ истины. И эта мысль, какъ увидимъ далѣе, будетъ не совсѣмъ несправедлива.

Все сочиненіе Фламмаріона дѣлится на пять частей или книгъ, которымъ авторъ предпосылаетъ небольшое введеніе, объясняя въ немъ цѣль, характеръ, планъ и задачу сочиненія. „Наше сочиненіе,—говоритъ между прочимъ Фламмаріонъ во введеніи, — своевременно; но мы не надѣемся, чтобы оно понравилось всѣмъ; найдутся и такіе, которыхъ оно не пробудитъ отъ сна, и такіе, желанію которыхъ оно не удовлетворитъ“ (стр. V). Въ этихъ немногихъ словахъ авторъ самъ произноситъ вполнѣ вѣрный, по нашему мнѣнію, и безпристрастный судъ надъ своимъ произведеніемъ.

Среди широкаго разлива современнаго невѣрія, среди господствующаго въ нашъ вѣкъ эгоизма и матеріальныхъ стремленій появленіе сочиненій, подобныхъ сочиненію Фламмаріона, дѣйствительно весьма благовременно; и нельзя не раздѣлять съ полнымъ сочувствіемъ искренняго желанія автора, чтобы чтеніе его книги бросило хотя одинъ лучь свѣта въ умы колеблющіеся, и чтобы хотя одна печально поникшая голова, при чтеніи его изслѣдованій, поднялась съ чувствомъ

своего человѣческаго достоинства. „Нашъ вѣкъ,—говоритъ Фламмаріонъ,—обвиняютъ въ холодности и онъ, въ самомъ дѣлѣ, заслуживаетъ это обвиненіе. Гдѣ найти человѣка, сердце котораго говоритъ чистою любовью къ истинѣ? Въ чьей душѣ еще царствуетъ вѣра? Ужъ не говоря о чистой христіанской вѣрѣ, даже нѣтъ искренней вѣры во чтобы-то ни было. Куда дѣлось время, въ которое поклонялись обоготворенньмъ силамъ природы, когда человѣкъ погружался въ созерцаніе ихъ, удивлялся имъ и покланялся вѣчному могуществу, отразившемуся въ твореніи? Куда дѣлось время, когда люди изъ-за какого бы то ни было убѣжденія готовы были пролить кровь до послѣдней капли? Гдѣ то время, когда религіозный геній народа выразился въ этихъ чудныхъ созданіяхъ храмовъ—Парижской Божіей Матери и св. Петра въ Римѣ и самъ съ благоговѣніемъ покланялся имъ? Что сталось съ патріотическою добродѣтелію нашихъ отцовъ, которые открыли двери Пантеона для праха великихъ мыслителей? Признаемся же безъ стыда, что мы вполнѣ предались эгоизму и употребляемъ наши умственныя способности только для личныхъ выгодъ. Мы гоняемся за богатствомъ, какимъ бы средствомъ ни пріобрѣсти его, за лаврами, какъ бы они намъ ни достались, за спокойствіемъ, съ полнымъ равнодушіемъ ко всѣмъ нравственнымъ началамъ. Тѣ, которые не преклоняютъ головы предъ притворствомъ, живутъ въ сторонѣ, внѣ блестящаго міра; они работаютъ въ тишинѣ, въ безмолвномъ размышленіи погружаются въ глубины философіи и если сохраняютъ всю свою душевную силу, не впадаютъ въ оцѣпенѣніе, то только потому, что не увлекаются призраками и обольщеніями современности. Печально сознаться, что въ то время,

когда умъ человѣческій такъ быстро и такъ основательно развился въ области опытной науки, удивляетъ міръ своими наблюденіями и открытіями, сердце наше такъ упало во всѣхъ чувствахъ, такъ унизилось. Очень грустно думать, что сердце не идетъ объ руку съ развитіемъ и успѣхами ума; чувство въ немъ угасаетъ, жизнь духа все болѣе и болѣе подчиняется физической" (стр. V—VI). Нельзя не сознаться, что въ этихъ можетъ быть нѣсколько рѣзкихъ словахъ Фламмаріона высказано много горькой правды не относительно только французскаго общества, но и относительно современнаго образованнаго міра вообще,—и Фламмаріонъ, повторяемъ совершенно правъ, называя свое сочиненіе своевременнымъ. Это право на современность мы готовы признать тѣмъ болѣе за сочиненіемъ Фламмаріона, что онъ въ своей защитѣ истины бытія Божія противъ современнаго атеизма стоитъ на такой почвѣ, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ современному направленію науки и дѣлаетъ его изслѣдованіе дѣйствительно шагомъ впередъ для современниковъ. „Въ эпохи переворотовъ, — говоритъ Фламмаріонъ,—обыкновенно пробуждаются споры о *вѣчныхъ вопросахъ*; они текутъ, какъ перемежающіеся ключи, и только сообразно духу времени измѣняютъ форму и принимаютъ характеръ ему свойственный. Въ наше время опыта и наблюденія матеріалисты опираются на ученыхъ изслѣдованіяхъ и, повидимому, выводятъ изъ нихъ систему положительнаго знанія. Спиритуалисты же, напротивъ, довольствуются тѣмъ, что носятся въ области отвлеченностей, пренебрегаютъ опытомъ и держатся въ высотахъ чистаго разума. По нашему мнѣнію, спиритуалисты могутъ успѣшно побѣждать только тогда, когда возмутся за то же оружіе, какое

употребляютъ матеріалисты. Спиритуализмъ не потеряетъ своего характера, если низойдетъ на ту же арену; ему нечего бояться борьбы съ опытными знаніями. Заблужденія, которыя спиритуалисты должны опровергать, и борьба ихъ нисколько не опасны для открытія истины; напротивъ, онѣ послужатъ къ болѣе строгому изслѣдованію вопросовъ и дадутъ спиритуалистамъ возможность одержать надъ матеріалистами совершенную побѣду" (стр. VII—VIII).

Но вполнѣ признавая вмѣстѣ съ Фламмаріономъ своевременнымъ трудъ его, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что между читателями, по крайней мѣрѣ между русскими православными, найдутся дѣйствительно такіе, которымъ сочиненіе его не понравится во многомъ, желанію которыхъ оно не удовлетворитъ. И во первыхъ, едвали можетъ понравиться кому-либо, кромѣ самообольщенныхъ натуралистовъ, то значеніе, какое даетъ Фламмаріонъ опытному знанію или проще естествознанію въ дѣлѣ религіознаго вѣрованія и убѣжденій человѣка. Фламмаріонъ не знаетъ и не хочетъ знать другаго откровенія о Богѣ, кромѣ откровенія природы; это естественное откровеніе онъ признаетъ единственно истиннымъ и единственно достойнымъ современнаго человѣчества. „Послѣдніе выводы, до которыхъ умъ человѣческій дошелъ при изученіи природы, по нашему мнѣнію, философствуетъ Фламмаріонъ,—*одни только* могутъ служить прочнымъ основаніемъ всякаго философскаго и религіознаго убѣжденія. Основываясь на законахъ ума, такъ поразительно доказанныхъ новѣйшими успѣхами знанія, и на незыблемыхъ началахъ логическихъ, кажется, *только при помощи знаній опытныхъ* можно отыскивать истину. Если мы стремимся разрѣ-

имѣть величайшую задачу, если мы желаемъ укрѣпить въ себѣ вѣру, въ которой умъ нашъ можетъ найти успокоеніе и жизнь, если насъ одушевляетъ желаніе доставить отраду и утѣшеніе тѣмъ, которые ее отыскиваютъ и которую мы нашли,—скажемъ прямо, гдѣ же намъ взять доказательства, *если не въ опытномъ знаніи?* Только опираясь на него, мы можемъ идти вѣрнымъ путемъ (стр. 1). Такимъ образомъ какъ астрономія, по словамъ Фламмаріона, высказаннымъ имъ въ другомъ своемъ сочиненіи (¹), должна быть компасомъ философіи и служить ей путеводительною звѣздою, озаряющею всѣ ея пути, такъ опытныя знанія вообще составляютъ единственное и самое прочное основаніе религіозныхъ убѣжденій человѣка и должны служить средствомъ развитія и повѣрки нашихъ понятій о Богѣ (стр. 357). Эти положенія Фламмаріона, какъ согласится всякій, несостоятельны не только съ богословской точки зрѣнія, но и предъ судомъ простаго здраваго смысла. Природа и познанія ея составляютъ, дѣйствительно, пробный камень религіозныхъ идей, равно какъ и философскаго изслѣдованія о послѣднихъ причинахъ бытія и явленій; природа есть первое и древнѣйшее откровеніе Божіе; но какъ немощно, какъ недостаточно Богопознаніе, извлекаемое человѣкомъ изъ одной лишь природы,—это очень ясно показываютъ собственныя понятія Фламмаріона о Богѣ, какія онъ представляетъ намъ въ своемъ сочиненіи. „Мы отыскивали Бога,—говоритъ Фламмаріонъ,—созерцая жизнь земли; стараясь найти его въ роскошной природѣ, въ сверкающихъ лучахъ солнца, на берегу бушующаго моря, на берегу журчащаго потока, подъ таинственнымъ шопотомъ

(¹) Многочисленность обитаемыхъ міровъ, стр. IX.

лѣса, отливающаго (?) разнообразными и прихотливыми цвѣтами осени, и въ нѣжной красотѣ весеннихъ полей и благоухающихъ цвѣтовъ, и въ тишинѣ звѣздной ночи; мы повсюду отыскивали Его. И въ природѣ, озаренной наукой, мы увидѣли Бога“ (стр. V). Но какого Бога Фламмаріонъ увидѣлъ въ природѣ? Бога невѣдомаго, по собственному его признанію (стр. 357, 358 и др.). Называя Его силой, все движущей, началомъ всего существующаго, духомъ, постоянно присущимъ самой сущности вещей, невидимымъ закономъ явленій, Фламмаріонъ тѣмъ не менѣе прямо говоритъ, что всѣ наши представленія объ этомъ абсолютномъ, *невѣдомомъ Существѣ* отстоятъ гораздо дальше отъ истиннаго объ Немъ понятія, чѣмъ представленіе какой-нибудь рыбы отъ нашихъ идей (стр. 357). Такимъ образомъ Богопознаніе Фламмаріона, обоснованное на прославленномъ имъ до небесъ принципѣ опытнаго знанія, ничѣмъ не возвышается надъ Богопознаніемъ язычества, какъ извѣстно, покланявшагося невѣдомому Богу. Думаетъ ли Фламмаріонъ, что въ вѣрѣ въ этого Бога умъ нашъ можетъ найти успокоеніе и жизнь, отраду и утѣшеніе? Нѣтъ — такимъ понятіемъ о Богѣ можетъ удовлетвориться только развѣ натуралистъ, и то весьма недальновидный, для котораго Богъ нуженъ только, какъ первая причина, какъ первый двигатель; христіанинъ же, и вообще человѣкъ, сколько нибудь внимательный къ голосу своей совѣсти и разума, не найдетъ никогда отрады и успокоенія себѣ въ такомъ Богѣ.

Но послѣдуемъ далѣе за объясненіями Фламмаріона о Богѣ. Въ искренности вѣры Фламмаріона въ бытіе Божіе не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; онъ вооружается всѣми силами своего ума и своего горя-

щаго чувства противъ современныхъ атеистовъ, которые въ своихъ лабораторіяхъ разлагаютъ все, что добыто новѣйшими знаніями, чтобы извлечь изъ нихъ эссенцію и квинтэссенцію и доказать, что присутствіе Бога не обнаруживается въ ихъ опытахъ. Но поражая атеизмъ, Фламмаріонъ предлагаетъ въ замѣнъ его такое ученіе о Богѣ, такія религіозныя убѣжденія, съ которыми не можетъ согласиться нетолько христіанинъ, но и ни одинъ мыслитель. Страннымъ представляется уже то, почему это Фламмаріонъ, столь искренно, повидимому, вѣрующій въ Бога, такъ горячо отстаивающій бытіе его, тѣмъ не менѣе открыто объявляетъ о себѣ съ первыхъ же строкъ, что онъ не принадлежитъ къ партіи богослововъ, что онъ не хочетъ становиться ни подъ какое знамя; мало того: прямо даже сознается, что „богословы, покоющіеся въ своихъ вѣковыхъ креслахъ и наслаждающіеся сладкою дремотой, предпочитающіе сумракъ яркимъ лучамъ солнца“, назовутъ его еретикомъ (стр. 333). Одно это обстоятельство заставляетъ уже читателя отнестись со всѣмъ вниманіемъ, съ строгою критикою къ религіознымъ воззрѣніямъ Фламмаріона. Какого рода эти воззрѣнія, — это всѣмъ ясно даетъ, впрочемъ, понять самъ Фламмаріонъ. „Во всемъ этомъ сочиненіи, — говоритъ Фламмаріонъ, — можно было замѣтить, что мы своему ученію не присвоиваемъ никакого особеннаго названія. Одни могутъ сказать: это динамизмъ; другіе — это динамическій дуализмъ; третьи — это анимизмъ; четвертые — это органицизмъ. Остается теперь виталисту сказать, что мы ему слѣдуемъ. Большею частію насъ обвиняютъ въ эклектизмѣ, пантеизмѣ, деизмѣ, матеріализмѣ и атеизмѣ. Тотъ, кто ищетъ только истины, осужденъ оставаться въ совершенномъ

одиночествѣ: католики станутъ называть его протестантомъ, реформаты—католикомъ, христіане назовутъ его еретикомъ, философы—христіаниномъ; по ихъ мнѣнію, непремѣнно надобно принадлежать къ какой-нибудь сектѣ, къ какой-нибудь системѣ, къ какой-нибудь школѣ; а мы объявляемъ, что мы не принадлежимъ ни къ какой.—Отъ чего не брать намъ хорошаго вездѣ, гдѣ оно находится, и не отбрасывать дурнаго также вездѣ, гдѣ оно находится? Зачѣмъ уважать заблужденіе только въ уваженіе его давности? Зачѣмъ замыкаться въ кругъ назначенный впередъ? Зачѣмъ эти границы, эти догматы, эти знамена, эти національности? Все это заблужденіе. Прочь системы! Пусть преслѣдованіе истины, какъ и поклоненіе ей, будетъ совершенно свободнымъ" (стр. 360). Такимъ образомъ Фламмаріонъ, какъ очевидно изъ приведенныхъ словъ, относится совершенно индифферентно къ христіанству и его различнымъ вѣроисповѣднымъ формамъ; онъ не хочетъ знать никакихъ догматовъ, никакихъ системъ въ своемъ изслѣдованіи истины. Что-же, однако, за ученіе, проповѣдуемое Фламмаріономъ? „Ученіе, излагаемое нами, можно назвать *онтологическимъ деизмомъ*. Деизмъ, по словамъ Фламмаріона, изъ всѣхъ религіозныхъ ученій болѣе всего согласенъ съ нашимъ умомъ" (стр. 361). И такъ вотъ profession de foi Фламмаріона! Понятно послѣ этого, что значитъ то унижающее величіе Божества религіозное суевѣріе, противъ котораго такъ ратуетъ Фламмаріонъ вмѣстѣ съ иконоборствующею, какъ онъ выражается, наукою нашего времени, какія мелкія, поверхностныя понятія о Богѣ находитъ онъ нужнымъ отвергнуть, какъ недостойныя его величія,—почему, наконецъ, такъ вообще сильно и до крайности настаиваетъ

онъ на непостижимости существа Божія. Какъ деисту (деистомъ, впрочемъ, въ строгомъ смыслѣ нельзя назвать Фламмаріона) Фламмаріону не нравятся антропоморфическія представленія божества,—антропоморфическія въ самомъ возвышенномъ, духовномъ смыслѣ этого слова. „Когда мы называемъ Бога, говоритъ Фламмаріонъ,—святымъ, великимъ, могущественнымъ,—благимъ, справедливымъ,—все это ничтожно въ сравненіи съ этимъ недовѣдомымъ Существомъ; все это, по Фламмаріону, мелкія, поверхностныя понятія о Богѣ, недостойныя его величія (стр. 357); даже въ самомъ имени Божества заключается идея, его недостойная, объ немъ надобно было бы говорить, не давая ему никакого имени (стр. 346). Такимъ образомъ о Богѣ Фламмаріона можно сказать только, что Онъ есть,—и болѣе ничего. Очевидно, что въ такомъ понятіи о Богѣ Фламмаріонъ далеко отступаетъ отъ христіанскаго Богооткровеннаго ученія, доходитъ въ своей полемикѣ противъ антропоморфическаго представленія Божества до такихъ крайностей, которыя разрушаютъ основныя истины христіанскаго ученія о Богѣ. Совершенно справедливо, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ своей книги Фламмаріонъ: „больше всего сдѣлало вреда умамъ то, что они сами захотѣли идти или ихъ повели по пробитой колеѣ“ (стр. 360). Справедливость этого замѣчанія оправдалась надъ нимъ же самимъ, во всей силѣ. Поставленный самою профессіею своею въ необходимость слѣдовать извѣстной пробитой колеей,—именно колеей опытнаго знанія, Фламмаріонъ захотѣлъ этимъ же, единственно вѣрнымъ, по его понятію, путемъ дойти и до познанія самаго существа Божія. Но путь этотъ не только, какъ и естественно, не привелъ къ предположенной цѣли, но и

спуталъ совершенно понятіе Фламмаріона о Богѣ: живой, сильный Богъ превратился у Фламмаріона въ совершенно непостижимую, абстрактную сущность, о которой ничего нельзя сказать кромѣ того, что она есть. Неудивительно, если при такомъ понятіи о Богѣ и вопросъ о конечномъ назначеніи существъ природы, какъ и многое другое остался неразрѣшимымъ для Фламмаріона,—явился для него *подавляющею и уничтожающею тайною* (стр. 334, 336). Весьма, впрочемъ, благоразумно поступилъ Фламмаріонъ, не взявшись за разрѣшеніе этого вопроса; но онъ поступилъ бы еще благоразумнѣе, если бы вмѣсто гордаго, пренебрежительнаго отношенія къ богословію и богословамъ, обратился къ нимъ въ этомъ и другихъ случаяхъ за руководствомъ и наученіемъ.

И такъ, повторяемъ, сочиненіе Фламмаріона по собственному справедливому его признанію, должно дѣйствительно не понравиться многимъ или лучше всѣмъ, кто знаетъ и понимаетъ, какъ далекъ отъ истиннаго, христіанскаго понятія о Богѣ восхваляемый Фламмаріономъ деизмъ, какъ онъ противорѣчитъ не только богословскому, но и здравому философскому пониманію Божества и Его отношенія къ міру. Вообще послѣдняя книга или пятая часть сочиненія Фламмаріона, озаглавливаемая „Богъ", весьма много уменьшаетъ то пріятное впечатлѣніе, какое выносишь изъ чтенія первыхъ четырехъ частей. Въ этихъ частяхъ Фламмаріонъ является, дѣйствительно, и ученымъ, и краснорѣчивымъ обличителемъ современнаго матеріализма. Онъ разбираетъ матеріализмъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ его ученія,—въ ученіи его *о силѣ и матеріи и взаимномъ отношеніи ихъ, о происхожденіи жизни и органиче-*

ствія существъ на землѣ, въ ученіи о душѣ и пр. Въ своемъ разборѣ Фламмаріонъ ни на шагъ не отступаетъ отъ принятаго имъ метода — поражать своихъ противниковъ ихъ же собственнымъ оружіемъ. Но и здѣсь также пробивается себѣ идея, на которой онъ идетъ неотступно, во многихъ случаяхъ вредитъ болѣе широкому и подчасъ болѣе правильному взгляду на дѣло: Фламмаріонъ является нерѣдко слишкомъ пристрастнымъ судьею по отношенію къ разнымъ естественнымъ теоріямъ, — не видитъ или не хочетъ видѣть въ нихъ недостатковъ тамъ, гдѣ они очевидны даже и не для спеціалиста (см. кн. 2, гл. II); или же высказываетъ иногда очень легкомысленныя, поверхностныя сужденія о такихъ предметахъ, которые не подлежатъ натуралистической мѣрѣ. Фламмаріонъ находитъ, напр., что жизнь наша и назначеніе отнюдь не теряютъ своей святости и возвышенности, если допустить, что „нашею земною колыбелью были ясли грубаго хлѣва“, т. е. что человѣчество происходитъ отъ какой-нибудь исчезнувшей породы обезьянъ. „Зоологическая гипотеза, говоритъ Фламмаріонъ, по которой человѣкъ представляется потомкомъ какой-то человѣкообразной породы обезьянъ, не противна ни нравственности, ни спиритуализму. Тѣ, которые въ послѣднее время приняли ее, не имѣли намѣренія ниспровергать христіанства и проповѣдывать язычества; напротивъ, они доказываютъ, что *наши прародители были существа совершенныя, а мы — ихъ выродившіеся потомки*“ (??!). „Многіе изъ насъ, — съ сожалѣніемъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 150) Фламмаріонъ, — хотятъ лучше происходить отъ поврежденнаго Адама, нежели отъ усовершенствованной обезьяны. Но природа не совѣтовалась съ нами!“ При чтеніи этихъ

и подобныхъ строкъ едва-ли какая-нибудь печально поникшая голова можетъ подняться въ чувствѣ своего человѣческаго достоинства! Но нужно, впрочемъ, отдать справедливость Фламмаріону въ томъ, что онъ въ своей книгѣ повсюду даетъ прекрасный и убѣди-тельный урокъ мелкому тщеславію натуралистовъ, показывая имъ, какъ необдуманны, скороспѣлы, неосновательны ихъ атеистическіе выводы на основаніи разныхъ естественнонаучныхъ данныхъ, какъ „въ самыхъ дерзскихъ своихъ предположеніяхъ они только доказываютъ необходимое существованіе премудрой и промыслительной силы въ мірѣ или „Бога въ природѣ“.

Сдѣланныхъ нами замѣчаній, полагаемъ, весьма достаточно для того, чтобы наши читатели могли составить себѣ понятіе о содержаніи и достоинствахъ книги Фламмаріона. Книга его имѣетъ много несомнѣнныхъ достоинствъ и изданіе ея на русскомъ языкѣ товариществомъ „Общественная Польза“ дѣйствительно небезполезно. Въ сочиненіи Фламмаріона собрано много весьма интересныхъ подробностей и разныхъ фактовъ, служащихъ къ обличенію матеріализма (см. кн. III и IV); изложеніе—легкое и популярное и по мѣстамъ представляетъ самыя живописныя, поэтическія описанія природы въ разныхъ ея явленіяхъ. Но книга Фламмаріона, какъ мы видѣли, небезупречна и требуетъ отъ читающаго вниманія и критики къ себѣ.

В. Рождественскій.

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ВАЛЬДЕНЦЕВЪ КЪ РЕЛИГІОЗНЫМЪ СЕКТАМЪ СТАРОЙ ЧЕХІИ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ СТАТЬИ ЧЕШСКАГО ИСТОРІОГРАФА ПАЛАЦКАГО, ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ ЧАСОПИСѢ ЧЕШСКАГО МУЗЕЯ ЗА 1868 ГОДЪ, ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

„О стыцйхъ а помѣру секты вальденскѣ къ нѣкдейшимъ сектáмъ въ Чехахъ" (1).

Религіозная исторія Чехіи довольно затемнена вслѣдствіе фанатическаго истребленія памятниковъ чешской церковной исторіи въ XVII в.—въ періодъ католической реакціи прежнему реформаціонному движенію. Не разъяснено отношеніе къ этому движенію вальденской секты, вліяніе которой нерѣдко преувеличивается, благодаря иногда намѣренному смѣшенію понятій и подстановкѣ фактовъ. Такъ, напримѣръ, чешскіе братья цѣлыя вѣка слыли у иностранцевъ братьями вальденскими, хотя Чехи всегда отпирались отъ такого титула. Причина смѣшенія тѣмъ болѣе понятна, что объ исторіи вальденцевъ мы имѣемъ довольно смутное представленіе. Писатели этой секты ведутъ преданія своей церкви не отъ Петра

(1) Эта статья вышла и въ нѣмецкомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: „Ueber die Beziehungen und das Verhältniss der Waldenser zu den ehemaligen Secten in Böhmen". Prag. 1869.

Вальда, а отъ императора *Константина* и папы *Сильвестра*, относя къ себѣ всѣ проявленія тысячелѣтней оппозиціи Риму въ Италіи и Франціи (кромѣ Манихейства), утверждая, будто уже *Клавдій*, епископъ туринскій (821—839), *Петръ Брюискій* (1104—1124), *Генрихъ Италіанскій* (1116—1148) и другіе противники римской іерархіи были учителями церкви вальденской, ученіе которой почти вполнѣ наслѣдовала реформа XVI в. Такъ учатъ потомки этой секты (теперь въ итальянскихъ Альпахъ до 30.000) и нѣкоторые писатели французскіе и итальянскіе (ср. Revue des deux mondes 1867. 15 Nov.; 1868. Avr. et Août. Статья Hudry Menos).

Вторая, болѣе учено-критическая, чѣмъ традиціонная, школа считаетъ основателемъ секты богатаго купца ліонскаго (ок. 1170 г.) *Петра Вальда*, который, проникнутый апостольскимъ духомъ, затѣялъ переводъ на народный языкъ Новаго Завѣта и другихъ духовныхъ книгъ, роздалъ имѣніе, проповѣдуя добровольное нищенство, апостольскую жизнь и пр. Это была реакція противъ испорченности духовенства. Около него собралось много единомышленниковъ, и въ 1179 г. онъ представилъ Александру III-му на утвержденіе новое общество; *Луцій III* на веронскомъ соборѣ въ 1184 г. проклялъ ихъ за признаніе права проповѣдыванія за каждымъ способнымъ христіаниномъ, безъ епископскаго постановленія. Въ этой буллѣ вальденцы называются *pauperes de Lugduno* (ліонскіе нищіе), и это имя на долго осталось за ними.

Въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка распространилось много сектъ, особенно гностическо-манихейскихъ, каковы—*катары* (καθαροί, или чистые, отсюда чешское

слово Kacir, нѣмец. Ketzer—еретикъ). Они—въ связи съ *альбигойцами*, патаренами и болгарскими *богомилами*.

Впрочемъ, между этими сектами есть существенная разница: *катары* представляютъ анти-христіанскій элементъ восточнаго дуализма; *вальденцы* же—библейскій протестантизмъ, строго придерживающійся св. Писанія. Обѣ секты сходились, однакожъ, въ отрицаніи присяги, смертной казни, пролитія человѣческой крови, какъ смертныхъ грѣховъ. Неповиновеніе Риму катаровъ отличало въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ вальденцевъ, которые отличались отъ католической Церкви болѣе нравоученіемъ, чѣмъ догматикой; послѣдняя не нашла себѣ у нихъ замѣчательныхъ представителей. Вальденцы не гнушались причащаться и отъ католическихъ священниковъ, лишь бы они были хорошей жизни.

Самые древніе слѣды *ереси въ Чехіи* относятся къ 1244 году. Иннокентій IV-й, 19-го августа 1244 г., изъ Ліона писалъ духовенству Угріи: Excoecata (1) praesumtio haereticae pravitatis, locustarum more cuncta devastans, adeo circa Boemiae partibus dicitur pullulasse, ut non solum simplices contra matrem ecclesiam convertat ad bellum, verum etiam principes et potentes ex dolosa haereticorum fabrica in arma iniquitatis bellantia asserantur informiter formavisse: protrahentes siquidem iniquitatem in funiculis (Isa. 18) falsitatis, in tantam immanitatis proruperunt audaciam, ut more simiae,

---

(1) Разсказываютъ, что ослѣпленное высокомѣріе еретическаго извращенія, словно истребительная саранча, кишитъ во всѣхъ углахъ Богеміи, такъ что не только простой народъ возстаетъ противъ матери Церкви, но даже князья и вельможи, по коварнымъ наущеніямъ еретиковъ, безумно принимаются за мятежное оружіе нечестія: и вотъ, распростирая нечестіе на вервіяхъ лжи, они дошли до дерзости столь безмѣрной, что,

quae rationis expers laborat animal imitari rationale, haeresiarcham quemdam, quem Papam nominant, habentem horroris (erroris?) discipulos potentes, cum ingenti multitudine venerantur, et in sinu alieno confoeti matris gremio alieno virus pestiferum exhauriunt aspidum, lacte doctrinae simplicis conculcato. Volentes igitur invalescentis morbi corruptelae adhibere antidota sanitatis, ne ipsorum sermo, qui serpit ut cancer, membra occupet saniora, Illius auctoritate confisi, cujus vices gerimus, qui ligandi plenam nobis contulit facultatem: excommunicamus et anathematizamus haeresiarcham, quem Boemi Papam vocant, cum discipulis falsitatis, ac utriusque sexus haereticos in Boemiae regno constitutos, fautores, receptatores et defensores eorum: vobis per apostolica scripta praecipientes districte, quatenus ipsos excommunicatos in terris vestris et dioecesibus publice denuntietis et faciatis ab omnibus arctius evitari. Si quis autem zelo fidei succensus praedictorum bona invaserit et manu occupaverit violenta, prout cari mei in Christo filii nostri illustris regis Hungariae digna prae-

---

подобно обезьянѣ, при отсутствіи разума, старающейся подражать существу разумному, — они избрали нѣкоего ересіарха, котораго зовутъ папою; онъ имѣетъ ревностныхъ учениковъ своего нечестія и окруженъ поклоненіемъ многочисленной толпы; вскормленные въ чуждыхъ нѣдрахъ чуждой матери, они изрыгаютъ заразительный ядъ аспидовъ, поправши ногами млеко ученія простаго. И такъ, желая дать противуядіе все усиливающейся заразительной болѣзни, изъ опасенія, чтобы ихъ рѣчь, ползучая какъ ракъ, не заразила здоровыхъ членовъ, мы силой ввѣренной нашему намѣстничеству власти вязать грѣхи, объявляемъ отлученіе и анаѳему на ересіарха, зовомаго у богемцевъ папою, съ учениками лжи, а равно и на всѣхъ еретиковъ богемскихъ, ихъ благопріятелей, укрывателей и защитниковъ, не взирая на различіе пола. Вамъ же симъ апостольскимъ писаніемъ строго наказываемъ публично оглашать и устранять отъ всякаго общенія отлученныхъ, находящихся въ вашихъ земляхъ и эпархіяхъ. Если же кто, воспламененный ревностію по вѣрѣ, захватитъ имѣнія оглашенныхъ и возметъ ихъ насильственной рукой, — то, согласно съ достохвальными постановленіями любезнаго о Христѣ нашего сына

comiis statuta decernunt, praesentis scripti patrocinio confirmamus et ad ipsorum jus et proprietatem volumus pervenire, cathedralium et aliarum ecclesiarum in omnibus jure salvo. Ipsum vero haeresiarcham et ejus complices, nec non potentes regni praedicti ac multitudinen universam, qui religione juramenti damnabiliter praestiti ad violentam et abjuratam haeresim saepius sunt relapsi, seculari judicio sine ulla penitus audientia secundum canones decernimus relinquendos. Ne vero vobis dormientibus zizania pejus in deteriora proficiant, moneatis principes, inducatis potentes, populos animetis, ut ad eradicandam injuriam Crucifixi se accingant et malos de ipsorum finibus male perdant. Dat. Lugduni, XIV Kal. Sept. pontif. nostri. anno secundo (¹).

Чешскіе памятники о борьбѣ съ духовенствомъ въ началѣ XIII в. были уничтожены. Можно однако полагать, что эта ересь была въ связи съ заговоромъ, свергнувшимъ папскаго услужника Вячеслава I-го. Это же могло быть въ связи съ борьбой папы съ императоромъ Фридрихомъ II. Упоминаемый въ буллѣ *папа* былъ не изъ *ліонскихъ* нищихъ, а можетъ быть изъ *катаровъ*,

---

славнаго короля Угорскаго, мы подтверждаемъ силою настоящаго посланія, и желаемъ, чтобы (захваченное) принадлежало намъ въ собственность по праву, сохраняя въ полной силѣ права каѳедральныхъ и другихъ церквей. Самаго же ересіарха и его соумышленниковъ, а равно вельможъ и всѣхъ простолюдиновъ названнаго королевства, которые, преступно измѣнивши своей присягѣ, больше и больше отпадали къ беззаконной и отверженной ереси,—мы постановляемъ предать свѣтскому суду, безъ всякаго снисхожденія, согласно съ канонами. И такъ, чтобы по вашей бездѣятельности не распространились еще далѣе эти плевелы, вы увѣщавайте князей, руководите вельможъ, одушевляйте народъ, чтобы всѣ препоясались крестомъ для искорененія неправды и съ ревностію всецѣло очистили (свою страну) отъ нечестивыхъ. Дано въ Ліонѣ.

(¹) См: Annales Monastici (Буртонскій монастырь въ Англіи) by H. R. Luard vol. 1 Lond. 1864 г. стр. 264. Это указаніе сдѣлано Палацкому В. И. Ламанскимъ.

которые, дѣйствительно, имѣли своего папу, и въ то время всюду въ Европѣ были очень распространены. Они подавлены во второй половинѣ XIII в. дѣятельностію *миноритовъ и доминиканцевъ*; вѣроятно чешскіе еретики тоже исчезли около того времени. Но что ереси вновь возникали, видно изъ того, что 1257 г. Оттокаръ II требовалъ отъ Александра IV помощи противъ еретиковъ; были присланы два берненскіе минорита (нѣмцы), въ качествѣ инквизиторовъ въ Чехію (См. буллу 17 февр. 1257 г. (¹)). Это могли быть уже не только катары, но и *вальденцы*, которые около 1265 г. были уже въ Баваріи: in Nitnav... (²) inventi sunt et comprehensi haeretici sectae pauperum de Lugduno.

Славный регенсбургскій проповѣдникъ Бертольдъ (Францисканецъ † 1272) проповѣдывалъ уже противъ альбигойцевъ (³).

Потомъ вальденцы появляются въ верхней Австріи (Pez. Script. rer. Austriac. II, 534). О давнишнемъ пребываніи вальденцевъ въ Чехіи свидѣтельствуетъ ихъ вліяніе на позднѣйшія чешскія ереси. Можетъ быть многіе катары тогда перешли въ вальденцевъ; между ними было много общаго (непризнаніе присяги, смертной казни); этимъ способомъ и катары ускользнули отъ инквизиціи.

Послѣдній пражскій епископъ *Янъ изъ Дражицъ* (1301—43) былъ вызванъ папою Іоанномъ XXII (1 февр. 1318 г.) въ Авиньонъ и нѣсколько лѣтъ тамъ продержанъ по обвиненію—de inobedientia exhibita sedi apo-

---

(¹) Boczek. Cod. dipl. Morav. III, 238.

(²) Въ Нитнавѣ найдены и схвачены еретики изъ секты ліонскихъ нищихъ. Thom. Ried, Codex chronol. diplom. episcop. Ratisb. I, 481.

(³) Gieseler. Kirchen Gesch. II, § 80, p. 479; § 88, p. 593.

stolicae, de haereticorum defensione, nec non de Simoniaca pravitate et de pluribus etiam criminibus (¹). Обвинитель (*каноникъ Вышеградскій Schönburg*) доносилъ папѣ: quod (²) in Pragensi civitate et diocesi multa magna haereticorum est copia, credentium et praedicantium, quod jurare, quantumvis licite, sit peccatum; inter sacerdotes et laicos in audiendis confessionibus et absolutionibus impendendis differentiam nullam esse, et quod rebaptizari possunt, licet rite et a catholicis baptizati; resurrectionem mortuorum et essentiae divinae denegant unitatem; salvatorem nostrum dominum Jesum Christum juxta damnatas haeretecorum haereses non corpus humanum, sed phantasticum praedicant habuisse. Asseruit insuper idem praepositus tantam praedictorum haereticorum esse multitudinem in civitate ac diocesi praelibatis, quod suum habent archiepiscopum et septem episcopos, et cuilibet ipsorum episcoporum trecenti haeretici stent subjecti. A quibus quidem episcopis praedicationes audiunt nocturnis temporibus in cavernis: quid autem post execrabiles praedicationes suas, extracto (extincto?) faciunt lumine, sub silentio verecundiae gratia praeterimus.

(¹) Въ непослушаніи апостольскому престолу, защищеніи еретиковъ, въ симоніи и многихъ другихъ преступленіяхъ.

(²) Что въ пражскомъ городѣ и епархіи находится весьма значительное число еретиковъ, которые вѣруютъ и проповѣдуютъ о грѣховности всякой присяги, о безразличіи исповѣди и разрѣшенія отъ грѣховъ у священниковъ и міранъ, о возможности перекрещивать крещенныхъ даже католиками; они отрицаютъ воскресеніе мертвыхъ и единосущіе Божества; учатъ еще проклятые еретики, будто Христосъ имѣлъ тѣло не человѣческое, но мнимое. Тотъ же прелатъ увѣрялъ, что въ городѣ и епархіи находится столь значительное число еретиковъ, что они имѣютъ своего архіепископа и семерыхъ епископовъ, изъ которыхъ каждому подчинено триста еретиковъ. Эти епископы проповѣдуютъ въ ночныхъ собраніяхъ по пещерамъ: послѣ скверныхъ проповѣдей они тушатъ свѣчи и о дальнѣйшемъ умалчиваемъ изъ скромности. Въ числѣ ихъ заблужде-

Tenent etiam inter infandos supradictos errores, in quibus ipsos operit umbra mortis, adhuc Luciferum regnaturum. Ipsos, cum tantorum errorum abominatione foedatos,—appellat idem Pragensis episcopus bonos viros. Далѣе говорится, что епископъ лишь по настояніямъ короля Яна выдалъ инквизиторамъ еретиковъ (14 ч.); между ними одинъ былъ докторъ Ричардъ, который издалъ еретическую книгу. Когда они были заключены, то Епископъ ихъ освободилъ (отъ сожженія) и выгналъ самихъ инквизиторовъ къ неудовольствію короля и пражанъ ([1]).

Объ этомъ, кажется, знали *Гаекъ* и *Дубравій*. *Гаекъ* подъ 1315-мъ годомъ говоритъ: были въ Чехіи какіе-то блудники, тайно ходившіе по краямъ, соблазнявшіе простой народъ и, въ ночныхъ сходкахъ, гласно исповѣдывавшіе свои грѣхи. Они вошли и въ Прагу, но пражане сожгли ихъ 14 ч.—другіе разбѣжались". *Дубравій* тоже упоминаетъ „Spurcissimam ([2]) haeresim cujus originem ad Dulcinum († 1307) et Margarettam lenones Navarienses referunt";—далѣе онъ хвалитъ короля Яна за то, что онъ quod ([3]) nocturnis pervigilationibus, ritu Dulcianorum fraterculorum — Pragae occulte fieri incipientibus, in ipso statim introitu (1311?) obstiterit, exustisque 14 viris mulieribusque hac corruptela depravatis, reliquis eum metum injecerit, ut bacchanalia facere desinerent etc. (Hist. Bohem. lib. XX p. 168).

ній, порожденныхъ мракомъ смертнымъ, есть вѣрованіе о предстоящемъ царствѣ антихриста. Впрочемъ, не смотря на мерзость заблужденій, сами они, по словамъ того же пражскаго епископа, ведутъ жизнь благочестивую.

([1]) Dudik. Iter. Romanum II. 130.

([2]) Мерзкую ересь, основаніе которой приписываютъ Дульцину и Маргаритѣ, наваррскимъ сводникамъ.

([3]) Въ самомъ началѣ пресѣкъ ночныя сходбища, на которыя стали было тайно собираться въ Прагѣ по обычаямъ братьевъ Дульціанцевъ; отдавши на сожженіе 14 мужей и женъ, зараженныхъ этимъ соблазномъ, онъ навелъ такой ужасъ на всѣхъ прочихъ, что вакханаліи прекратились и проч.

Вѣроятно Шенбургъ правъ: 14 еретиковъ не были сожжены, и именно благодаря заступничеству епископа Яна, котораго кардиналъ Бернардъ (1315) укорялъ въ томъ, что вы-де quasdam (1) religiosas, appellatas Magdalenitas, nullius tamen religionis approbatae, defenditis, quas magis repellere debuistis (Über Formelbücher II, 174). Вѣроятно, этотъ епископъ смотрѣлъ болѣе на примѣрную жизнь, чѣмъ на еретическіе взгляды.

Обвиненія еретиковъ въ безнравственности конечно измышлены. Они вѣдь жертвовали жизнью. Не тоже ли говорили лѣтъ 100 назадъ про старыхъ братьевъ, которые держали нѣсколько разъ въ году тайныя, иногда ночныя, сходки въ лѣсахъ Годславскихъ, гдѣ въ пещерахъ и ямахъ зарыты были братскія книги, которыя читались и пѣлись при богослуженіи!

Судя по особенностямъ вѣроученія, эти чешскіе еретики какъ будто болѣе походили на катаровъ, чѣмъ на вальденцевъ. Впрочемъ обвиненія Шенбурга могли быть совершенно голословны и измышлены по общему представленію о еретикахъ.

Matthias Flaccius Illyricus или *Франковичъ*, отецъ критической исторіи протестантской церкви въ Германіи, въ своемъ сочиненіи: *Cathalogus testium veritatis* (изд. 1608 стр. 1505) говоритъ: In Boemiam (2), inde porro in Saxoniam, Slesiam, Moraviam et Poloniam doctrina Valdensium est ante annos 300 disseminata. Fuerunt enim in Longobardia veluti scholae seu academiae quaedam hujus verae Christi theologiae: quae omnia ex

(1) Защищаете какихъ-то монахинь Магдаленитокъ, которыхъ напротивъ должны преслѣдовать за какую бы то нибыло непризнанную религію.

(2) Вальденское ученіе за 300 л. до насъ разсѣялось въ Богеміи, отсюда же въ Саксоніи, Силезіи, Моравіи и Польшѣ. Въ Ломбардіи были будто школы или нѣкоторыя академіи этой истинно-христіанской теоло-

inquisitionum libris aliisque minime obscuris testimoniis probare possum. *Habeo inquisitionem in Boemia et Polonia contra Valdenses sub rege Joanne circa 1330 domini annum factam*, ubi inter alia diserta fit mentio collectarum, quas fratribus et praeceptoribus suis in Lombardiam soliti sunt mittere; et in alia inquisitione invenio, eos esse solitos ex Boemia causa discendi theologiam ad suos praeceptores Waldenses in Lombardiam proficisci, veluti ad scholam seu academiam quandam.

Тотъ же Франковичъ 1568 года въ приписке къ „Confessio Valdensium" говоритъ: Habeo (1) libros inquisitionum ante annos 300 conscriptos, qui testantur in Bohemia, Saxonia, Slesia et Polonia multos Valdensium dogmatis sectatores fuisse, eamque doctrinam ex Lombardia seu Gallia Cisalpina propagatam fuisse. Eo reperio solitos esse Bohemos tum collectas pecunias, tum et discipulos ut praeceptoribus et ad scholas theologiae mittere. De qua re in Cathalogo testium veritatis prolixius disserui, propositis etiam plenius eorum dogmatibus.

Ужели Франковичъ смѣшивалъ вальденцевъ съ катарами, которые тогда тоже жили въ Ломбардіи? Едва-ли.

ціи: все это я могъ бы подтвердить судебными актами и другими несомнѣнными свидѣтельствами. У меня подъ руками слѣдственное дѣло о Вальденцахъ въ Богеміи и Польшѣ, произведенное при королѣ Янѣ, около 1330 года, гдѣ между прочимъ упоминается о сборахъ, обычно посылаемыхъ ихъ братьямъ и учителямъ въ Ломбардіи; а въ другомъ слѣдствіи нахожу, что Вальденцы Богемскіе отправлялись для изученія богословія къ своимъ учителямъ въ Ломбардію, въ какую то школу или академію.

(1) Имѣю судебно-слѣдственныя документы, за 300 л. до насъ писанные, изъ которыхъ видно, что въ Богеміи, Силезіи и Польшѣ было много приверженцевъ Вальденскихъ догматовъ, и что это ученіе распространялось изъ Ломбардіи или Цизальпинской Галліи. Туда отправляли Чехи какъ собранныя деньги, такъ и учениковъ, будто къ учителямъ и въ богословскія школы. Подробнѣе я говорилъ объ этомъ въ Cathalogus testium veritatis, гдѣ также изложены подробнѣе ихъ догматы.

Энеей Сильвій, который въ своемъ изложеніи все преувеличивалъ, пишетъ, между прочимъ, о своемъ пребываніи въ Таборѣ 1451 года: ubi (1) tot sunt haereses, quot capita, et libertas est, quae velis, credere... Ad Taboritas omnes haereses migravere, quas ab initio nascentis ecclesiae usque in hanc diem pestifera ingenia seminarunt. Sunt ibi Nicolaitae, sunt Ariani, sunt Manichaei, sunt Armeni, sunt Nestoriani, sunt Berengarii, sunt pauperes de Lugduno: praecipui tamen apud eos Valdenses habentur" etc.

Впрочемъ Энеей отличался больше ученостію, чѣмъ критическимъ смысломъ.

Гаекъ (хроника) подъ 1176 г. сообщаетъ довольно вѣрныя свѣдѣнія о Вальденцахъ въ Ліонѣ; за тѣмъ говоритъ объ ихъ распространеніи во Франціи, Германіи, Чехіи. „Около городовъ Жатца (Saaz) и Лауна (Laun) стали они изподишка проповѣдывать, и порицать св. таинства, духовныя общества и священство; разсѣевая эти заблужденія по сараямъ и ямамъ, они прослыли *ямниками*. Потомъ они стали ходить нагими, какъ Адамъ и Ева: потому-то ихъ прозвали Адамитами и т. д." Но тутъ Гаекъ, по обычаю, перепрыгнулъ отъ Вальда XII в. къ адамитамъ XV в. Этому повѣрилъ Павелъ *Странскій*, а отъ него перешло къ другимъ несообразное мнѣніе о мнимыхъ вальденсахъ въ Чехіи отъ 1176 г. Мнимаго Пикарда у Энея Сильвія Гаекъ уже положительно отнесъ къ французскимъ пикардамъ и сдѣлалъ его сектаторомъ вальденцевъ и т. д.

(1) Гдѣ столько ересей, сколько лицъ и полная свобода вѣрить, какъ хочешь. Къ Таборитамъ перешли всѣ ереси, какія только разсѣевались зловредными умами отъ начала церкви по сей день. Тамъ есть Николаиты, Аріане, Манихеи, Армяне, Несторіане, Беренгаріи, Ліонскіе нищіе,—особенно же Вальденцы и т. д.

Еретики все не переводились въ Чехіи. 1376 г. сентябр. 18 Карлъ IV издалъ строгій мандатъ противъ еретиковъ. Предшественники Гуса, особенно Миличъ, могли имѣть нѣкоторыя сношенія съ чешскими вальденцами, но ихъ проповѣди была направлена больше противъ злоупотребленій монашества и іерархіи.

30 іюля 1408 г. Пражскій архіепископъ Збынекъ судилъ за вальденство ксендза (священника) Николая Велемовицкаго, проповѣдника у св. Духа въ Прагѣ: interrogatus (1), qua auctoritate praedicaverit et praedicat, respondit, quod auctoritate sacerdotali et secundo respondit, quod auctoritate Christi... nedum presbyteris, sed etiam laicis licitum est praedicare evangelium".

Гусъ говоритъ объ этомъ: Dixi (2) coram inquisitoribus haereticorum,... quando vexabant sacerdotem Abraham, dicentes coram me, quod noluisset jurare... Qui respondit: Juravi ipsis per deum vivum, et ipsi urgebant me, ut jurarem super evangelium et imaginem Crucifixi. Quibus ego J. Hus dixi, quod S. Johan. Chrysostomus tales vocat stultos, qui expetunt juramentum super creatura, quasi majus sit jurare per creaturam, quam per deum... Ecce, vos vultis istum sacerdotem condemnare,

(1) Спрошенный, какой властью онъ проповѣдывалъ и проповѣдуетъ, отвѣчалъ, что властію священническою, а потомъ сказалъ, что властію Христа... не однимъ священникамъ, но и мірянамъ можно проповѣдывать евангеліе. Vol. XVII Actorum Consist. Prag. lit. № 7.

(2) Я говорилъ предъ инквизиторами еретиковъ... когда они мучили священника Авраама за то, что будто онъ не хотѣлъ присягать. Онъ сказалъ: я клялся имъ живымъ Богомъ, а они меня принуждали клясться на евангеліи и распятіи. Тогда я, І. Гусъ, сказалъ, что І. Златоустъ называетъ глупцами тѣхъ, которые требуютъ клятвы твореніемъ, какъ будто оно выше клятвы самимъ Богомъ... Вѣдь вотъ вы хотите осудить этого священника за приверженность къ вальденской ереси, а онъ вамъ клялся самимъ Богомъ: можно-ль такъ поступать?..

dicentes eum *tenere errorem Valdensium*, et ipse jura- vit vobis per deum: est ne hoc justum? etc ([1]).

1414 г. Михаилъ de Causis, чешскій инквизиторъ, говоритъ папѣ Іоанну XXIII въ Констанцѣ: Habet (Hus) ([2]) pro se etiam generaliter omnes quasi haereticos, quia ipsorum pavit errores: scilicet Leonistas, Runcarios (отрасли вальденцевъ) et Valdenses, qui omnes non curant censuram ecclesiasticam et odiunt Romanae ecclesiae auctoritatem, imo detestantur et vilipendunt.

1418 г. прибыло въ Прагу до 40 пикардовъ, съ женами и дѣтьми,—уходя отъ преслѣдованій изъ разныхъ странъ. Ихъ хорошо приняли въ Чехіи: сама Софія королевна посѣщала ихъ.

Объ нихъ-то говоритъ *Лаврентій Брезовскій*: raro ([3]) tamen visitabant divina, nec visi sunt sub duplici specie sacramentaliter communicare, nec proprium secum habebant presbyterum, sed solum quemdam virum Latinum, qui in eorum languagio libellos eis legebat. Слѣдовательно, это были романцы, а этотъ vir—извѣстный въ исторіи вальденцевъ „barbas". Здѣсь (у Лаврентія Брезовскаго) какъ вообще въ XV вѣкѣ слово *Пикардъ* означало не Пикардца (изъ Франціи), а *Бегарда*, отрицавшаго пресуществленіе ([4]). Брезовскій, наряду

([1]) Depositiones testium. Documenta I. Hus, Edit. 1869, p. 184—5.

([2]) Онъ (Гусъ) имѣетъ за себя всѣхъ почти еретиковъ, потому что питаетъ ихъ заблужденія, какъ напр. Леонистовъ, Рункаріевъ и Вальденцевъ, которые вообще не признаютъ церковнаго суда, ненавидятъ власть римской церкви, даже презираютъ и хулятъ ее. Ibid. p. 198.

([3]) Рѣдко однако они посѣщали богослуженіе и по видимому непричащались подъ двумя видами; они не имѣли даже особаго священника, но держали какого-то латынянина, который читалъ имъ книги на ихъ языкѣ.

([4]) Добровскій Gesch. d. Böhm. Pikarden und Adamiten. Acta Soc. Boh. 1788, стр. 300.

съ Яномъ Прибрамомъ, сильнѣйшій непріятель *таборитовъ* и всѣхъ *никартовъ*, радъ былъ представить ихъ пришельцами, чтобы унизить: Эней Сильвій принялъ это въ буквальномъ смыслѣ, а за нимъ и другіе.

Эти вальденцы (1418) исчезли потомъ изъ Праги безслѣдно, хотя чехи были въ какихъ-то сношеніяхъ съ французскими еретиками. Такъ 1432 г. 26 февраля на французскомъ соборѣ въ Буржѣ читаны Advisamenta prolocuta per dominos praelatos et alios Clerum regni Franciae et Delphinatus representantes, qui Bituris convenerunt ad mandatum D. Regis. Тутъ одна статья гласитъ: *in Delphinatu* (¹) *est quaedam portio inter montes inclusa, quae erroribus adhaerens praedictis Bohemorum, jam tributum imposuit, levavit et misit eisdem Bohemis*" (²). Это можно объяснить тѣмъ, что въ альпійскихъ мѣстностяхъ Дофинѐ изстари были главныя поселенія вальденцевъ: видно они считали себя тогда единовѣрными гуситамъ.

Можно положительно сказать, что 1419—1471 г. въ Чехіи нигдѣ не было настоящихъ вальденцевъ: чехи, льнувшіе къ ихъ ученію, расплылись въ духовной анархіи безчисленныхъ гуситскихъ толковъ 1419—22, изъ которыхъ мало по малу образовались партіи съ болѣе опредѣленными программами. О вальденцахъ—чехахъ нигдѣ нѣтъ ни намека, хотя Янъ Прибрамъ долженъ бы сказать о нихъ, если бы они были. Перепадали правда послѣ 1420 г. вальденцы заѣзжіе—большею частію нѣмцы — купцы.—На упоминанія *брата Яфета* (1600), будто 1433 г. легаты базельскаго со-

(¹) Въ Долоинѐ есть одна мѣстность, окруженная горами, которая была склонна къ ереси Чеховъ и даже собрала и послала Чехамъ матеріальное пособіе.

(²) Mansi. Collestio conciliomen. vol. XXIX, p. 402.

бора посвятили въ Прагѣ нѣсколькихъ вальденскихъ священниковъ,—нельзя полагаться; да и это ничего не измѣняетъ. Надо, поэтому, ограничить и слова *Энея Сильвія*, будто 1451 г. онъ нашелъ въ Таборѣ вальденскую секту: всѣ еретическія исповѣданія имѣли тамъ просторъ. Почемужъ бы и вальденцамъ не имѣть его? Но когда послѣ окончательнаго подавленія таборитовъ 1452 г. Юріемъ Подѣбрадомъ стали въ Чехіи и Моравіи образоваться новыя секты, то *jednota bratri czeských*, возникшая 1457 г. скоро обратила на себя общее вниманіе. Ихъ враги безразлично называли ихъ еретиками, пикартами, вальденцами. Въ устахъ калишника слово Пикартъ было выраженіемъ гнѣва, ненависти и омерзенія за то, что они (табориты и братья), не признавая пресуществленія и не преклоняясь предъ святыми дарами, отвергали такимъ образомъ ту чашу (калихъ), на которой сосредоточена была вся сила религіознаго чувства утраквистовъ, отличавшая ихъ отъ католиковъ. *Вальденцы*—было менѣе бранное названіе, означавшее просто иноземныхъ еретиковъ.

Мы знаемъ, впрочемъ, что въ 1467 году братья обращались къ вальденцамъ за посвященіемъ священниковъ; а въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. Вальденцы, дѣйствительно, сильно льнули къ ученію братьевъ. *Лютеръ* въ своихъ сочиненіяхъ тоже смѣшивалъ братьевъ съ вальденцами и пикартами.

Братъ *Ортуинъ Грацій*, въ своей книгѣ Fasciculus rerum expetendarum ac fugiendarum 1535, назвалъ братское исповѣданіе: „Professio fidei fratrum Valdensium“,— и „Oratio excusatoria atque satisfactoria fratrum Valdensium regi Vladislao ad Hungariam missa“.

Иллирикъ (Франковичъ) нашедши между своими ру-

конфессіи первую часть такъ называемой хроники таборской, исповѣданіе таборское 1431 г. и другія сочиненія противъ пражскихъ мистровъ, издалъ ихъ 1568 г. въ Базелѣ подъ названіемъ confessio Valdensium, о которомъ онъ говоритъ (cathalogus testium veritatis): cum (1) nostra (doctrina Lutteri) consentiens validissimisque argumentis subnixa. Testatur vero Sylvius, apud Taboritas Valdensem doctrinam regnasse. Est sane longe melior ac purior in ea confessione sententia de omnibus religionis partibus, quam vel Hussi, vel Viclefi fuerit. Ac nequeo satis mirari, qui acciderit, quod cum eodem tempore simul Hussius et Valdenses in Boemia fuerint, non tamen ex eorum collatione Hussius suam doctrinam aliquanto purgatiorem ac solidiorem effecerit, validioribusque argumentis sua comprobaverit.

Въ приписке (1568 г.) къ confessio Valdensium Иллирикъ говоритъ: credo (2) hanc puriorem doctrinam etiam ante Hussium in Bohemia et vicinis locis fuisse, ac a Valdensibus propagatam esse, occasioneque tam vehementium certaminum Huss refloruisse.

Такимъ образомъ, по его мнѣнію, вальденсы были учителями не только Гуса, но и таборовъ. *Balthasar Lydius* (дортрехтскій проповѣдникъ) издалъ 1616—17 года въ Роттердамѣ въ 2 частяхъ Valdensia, i. e. con-

(1) Исповѣданіе согласное съ нашимъ и опирающееся на прочныхъ основаніяхъ. Сильвій свидѣтельствуетъ, что у Таборитовъ господствовало вальденское ученіе. Въ этомъ исповѣданіи предлагается понятіе о каждомъ изъ предметовъ религіи гораздо лучше и чище Гусса и Виклефа. Я даже удивляюсь, почему Гуссъ, одновременно съ Вальденцами бывшій въ Богеміи, не воспользовался сличеніемъ своего ученія съ вальденскимъ, чтобы сдѣлать его болѣе чистымъ и твердымъ и укрѣпить на вѣрныхъ основаніяхъ

(2) Думаю, что это чистѣйшее ученіе раньше самаго Гуса было уже въ Богеміи и сосѣднихъ мѣстахъ; оно было распространяемо Вальденцами и по случаю этихъ сильныхъ столкновеній прославился Гусъ.

servatio verae ecclesiae demonstrata ex confessionibus cum Taboritarum ante CC fere annos, tum Bohemorum circa tempora reformationis scriptis. Въ предисловіи ко 2 отдѣлу онъ доказываетъ, что таборы, духовные отцы братьевъ чешскихъ, были потомки вальденцевъ, которые произвели Виклефа, какъ Виклефъ—Гуса, а Гусъ—таборитовъ etc.

Но мы знаемъ, что основатель чешскаго братства *Григорій* († 1473) въ сочиненіи Kterak se lidé mají míti k církvi Rimské (т. е. какъ люди должны относиться къ римской церкви) отрицаетъ всякую связь братьевъ съ вальденцами; *Благославъ*, епископъ братства, въ сочиненіи summa historiae fratrum говоритъ: primi (¹) auctores Unitatis fratrum erant quidam Bohemi, reliquiae auditorum Matthiae Parisiensis, Hussii, Jacobelli, Rokecanae etc., quibus nulla fuerunt commercia cum Valdensibus, imo quibus vix quisquam Valdensium visus fuit. Nam illi latitabant iis temporibus dispersi per regiones istas circa Boemiam". Другой историкъ братьевъ *Іоахимъ Камерарій* пишетъ: nihil (²) cum Valdensibus negotii gestum, neque illorum conventus actus est, hominum externorum et advenarum, neque palam congredientium cum Bohemis, sed inter Bohemos res omnes tractatae sunt.

Что касается до насъ, то мы увѣрены, что гусситъ-

(¹) Первые основатели братства были нѣкоторые чехи, остатки учениковъ Матвѣя парижскаго, Гуса, Якубка, Рокицаны и др., которые не имѣли никакихъ сношеній съ Вальденцами, даже едва-ли и видали ихъ. Ибо въ то время Вальденцы скрывались въ различныхъ странахъ, сосѣднихъ съ Богеміей.

(²) Съ Вальденцами не было никакихъ ни сношеній, ни собраній: они люди чужіе и пришлецы, явно даже не сходились съ чехами, которые одни обсуждали всѣ дѣла.

скіе чехи были болѣе учителями, чѣмъ учениками вальденцевъ. Разсмотримъ этотъ вопросъ.

Самые древніе изъ уцѣлѣвшихъ вальденскихъ памятниковъ восходятъ не раньше половины XV, большею же частію принадлежатъ къ началу XVI вѣка: болѣе раннее погибло. Но собиратели ихъ сочиненій, *Jean Paul Perrin* (Женева 1618—19) и *Jean Leger* (въ Лейденѣ 1669), преувеличивая ихъ древность, относили нѣкоторыя къ началу XII в., съ чѣмъ согласились было библіографы *Senebier* и *Raynouard*; но новыя изслѣдованія *Dr. Todd*'а въ Дублинѣ и Prf. *Herzog*'а въ Галлѣ (*Die romanichen Waldenser*. Halle 1853) относятъ ихъ ко второй половинѣ XV вѣка. Найдены даже у первыхъ издателей поддѣлки и измѣненія въ смыслѣ новопротестантскомъ, чтобы, такимъ образомъ, приписать давнимъ вальденцамъ взгляды, выработанные гораздо позднѣе.

Эпоху въ этомъ отношеніи составляетъ сочиненіе *A. Vill. Dieckhoff'a*: „*Die Waldenser im Mittelalter*", Götting. 1851.

Доискиваясь генеалогіи вѣроученій, онъ неожиданно открылъ, что сочиненія вальденцевъ мнимыя XII—XIII вѣка писаны несомнѣнно на основаніи таборскаго исповѣданія 1431 (по изданію Иллирика и Лидія). Это повело къ различенію трехъ эпохъ въ вальденскомъ ученіи: 1) до—гуситской, 2) гуситской, 3) реформатской. Сочиненій отъ перваго періода не уцѣлѣло. Хотя это открытіе не могло быть неожиданнымъ, ибо еще 1741 года *Köcher* показалъ, что напечатанная у *Perrin*'а Epistola al serenissimo Rey Lancelau былъ переводъ братскаго исповѣданія вѣры, однако это открытіе привело многихъ историковъ въ уныніе.—*Herzog*—1853 г. еще болѣе разъяснилъ дѣло.

1863 года профессоръ *Gerhard von Zezschwitz* издалъ сочиненіе *„Die Katechismen der Waldenser und Böhmischen Brüder, als Documente ihres wechselseitegen Lehraustausches"*. *(Erlangen)* съ цѣлію защитить нѣсколько вальденцевъ, не опровергая однако выводовъ Дикгофа.

Долго продолжалась эта полемика: выводы не могли быть рѣшительными потому, что исторія братьевъ иностраннымъ ученымъ извѣстна очень неполно, по сочиненіямъ *Лазицкаго, Камераріа, Регенвольскаго* (Венгерскаго), которые сами не всегда имѣли хорошіе источники. Не смотря на труды Гиндели, исторія—особенно вѣроученіе—братьевъ въ древнюю эпоху очень мало еще разъяснена, да это и быть иначе не можетъ, пока богатыя сочиненія Хельчицкаго, Григорія, Прокопа изъ Индрихова Градца, Луказа—разсѣяны въ иностранныхъ библіотекахъ и едва извѣстны по именамъ: какъ же можно войти въ ихъ содержаніе, указать прогрессъ развитія мысли и т. д.? Поэтому не надо спѣшить съ выводами и обобщеніями. Надобно ограничиться слѣдующими указаніями: *таборское ученіе* (1416—1452) прошло много фазисовъ въ своемъ развитіи; особенно быстро шли измѣненія въ промежутокъ времени съ 1419—20 г. Ихъ можно бы видѣть въ сочиненіяхъ Мораванина Мартина *Гуски* (Loquis сожженъ 1421), Яна Чапка, Сигизмунда Рѣпанскаго, Яна Нѣмца Жатецкаго и др., но они всѣ истреблены реакціей. Въ 1422 г. выдѣлились двѣ секты: Табориты и Сиротки. Таборитское исповѣданіе получило опредѣленную форму 1424 г. въ сочиненіи *Николая Пелгримовскаго*, перваго и единственнаго таборитскаго епископа: confessio Taboritarum 1431 есть лишь первая часть этого сочиненія; вторую часть недавно издалъ Гёфлеръ. Сохранилось, однако, нѣсколько ученыхъ со-

чиненій Таборитскихъ въ латинскихъ и чешскихъ рукописяхъ, о которыхъ къ сожалѣнію никто болѣе не думаетъ.

Теобальдъ приписываетъ таборитамъ какое-то исповѣданіе 1443; но это невѣрно. *Хельчицкій* можетъ быть названъ первымъ по Гуссѣ чешскимъ мыслителемъ XV в. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ рано—до 1420 г. имѣлъ близкое знакомство съ ученіемъ Вальденскимъ и любилъ его, хотя никогда къ нему не присоединился. Въ 1420 или 19 г. онъ противъ *Якубка* защищалъ положеніе о грѣховности всякой войны, чему онъ остался вѣренъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ (1433—43), послѣ споровъ съ Калишниками и Таборитами. Онъ эклектически выбиралъ изъ Вальденцевъ, изъ Противы и другихъ, но составилъ потомъ систему самостоятельную и законченную, по которой запрещалось принимать участіе въ военной и чиновной службѣ, казнить, торговать и т. д.

Чешскіе братья сначала приняли это ученіе; но въ 1491—95 г. отказались отъ него (кромѣ небольшой части „странии малой", Коленцовой). Лукашъ уже полемизировалъ противъ Хельчицкаго и вообще потомъ братья неохотно признавали Хельчицкаго основателемъ ихъ общины.

На основаніи этихъ соображеній считаемъ возможнымъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) *Вальденцы* имѣли свои отличныя отъ Рима начала, но, по недостатку выдающихся ученостію людей, эти начала не были развиты.

2) *Вальденцы* были въ Чехіи почти непрерывно съ конца XII до начала XV вѣка, когда они поглощены Гусситствомъ.

3) *Петръ Хельчицкій* познакомился съ ученіемъ

Вальденскимъ изъ стараго преданія, а не отъ Вальденцевъ, пришельцевъ 1418 года, о которыхъ онъ совершенно умалчиваетъ.

4. Романскіе Вальденцы стали потомъ составлять свои вѣроучительныя книги по Таборскимъ (1482).

5. Хотя несомнѣнно вліяніе Вальденцевъ при основаніи общества чешскихъ братьевъ (1457 г.) чрезъ посредство Петра Хельчицкаго,—и хотя очевидно участіе епископа (1) Вальденскаго при устройствѣ общины 1467 г., но въ своемъ ученіи и устроеніи церковномъ братья были совершенно независимы отъ Вальденцевъ, съ которыми они изначала были не согласны во многихъ отношеніяхъ, особенно послѣ отреченія братьевъ отъ ученія Хельчицкаго (1491—95). Нѣтъ слѣдовъ заимствованія ими ученія отъ Вальденцевъ—и неосновательны домыслы Герцога и Цезинга, будто братъ Лука, посѣтившій 1498 года Романскихъ Вальденцевъ на ихъ романской родинѣ, заимствовалъ оттуда новый свѣтъ.

6. Большая часть Вальденскихъ сочиненій составлена подъ вліяніемъ ученія таборитскаго и братскаго. Можно думать, напр., что приводимое Герцогомъ Вальденское сочиненіе: „Ayczo es la causa des nostre departiment de la gleysa Romana" (2), есть переводъ братскаго сочиненія 1472 г.; ибо странно было бы Вальденцамъ говорить объ отдѣленіи, когда они считали себя старою церковію, ведущею преданія отъ царя Константина и папы Сильвестра.

7. Литература чешскихъ братьевъ въ послѣдней четверти XV-го и въ первой XVI-го вѣка была гораздо

(1) Епископа, а не священника. См. письмо Коранды, Утраква. администр. 1478 г. Дѣяны 1478 г.

(2) Вотъ причина нашего отдѣленія отъ римской церкви.

богаче и ученѣе, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ. Современники не цѣнили ихъ сочиненій лишь по педантическому высокомѣрію къ чешскому, а не латинскому языку этихъ сочиненій. Ихъ укоряли даже Калишники (1515 г.) за то, что bludní pikharté—kacíři při svém nauczeni ozdobných slov lahodných i pochlebných uživaji, aby pod sladkými a lahobnými reemi jedovata nauczeni v srdce lidi sprostných k zatracení rozsivali (1). Братья оправдывались тѣмъ, что благородство и обработанность формы особенно приличны высокому содержанію сочиненій богословскихъ.

8. Сомнѣнія о первенствѣ катихизиса Вальденскаго, или братскаго (1522) не могутъ быть разрѣшены по даннымъ. Цешвица. Попадаются еще многочисленные катихизисы Гуситскіе XV-го вѣка. Такъ въ Вѣнской библіотекѣ есть рукописный катихизисъ (№ 4557), писанный между 1420—36 г., принадлежащій, кажется, Гусу (по языку и выраженіямъ) и составленный до 1414 г., ибо безъ упоминанія о чашѣ. Многія положенія катихизиса Вальденцевъ и братьевъ 1522 года какъ будто буквально списаны изъ этого Гусова (sit venia verbo) катихизиса, (этотъ катихизисъ изданъ въ Documenta I. Hus. 1869).

9. Очевидна ошибочность мнѣній, относящихъ къ 1489 году начало взаимодѣйствія ученій Вальденцевъ, Таборитовъ и братьевъ; уже 1432 года Вальденцы были тѣсно связаны съ Таборитами.

10. Столь же ошибочно отождествленіе ученія Таборитскаго и братскаго. Даже *Эней Сильвій* не оспари-

(1) Заблуждающіеся еретики Пикарды употребляютъ въ своемъ ученіи изящную рѣчь, ласковую и льстивую, чтобы, подъ сладкими и милыми словами, разсѣвать въ сердца простыхъ людей ядовитое ученіе, къ ихъ погибели.

валъ богословской учености у *Таборовъ*. Чешскіе же братья первые 20 лѣтъ своего существованія — при братѣ *Григоріѣ* († 1473), намѣренно устранялись отъ субтильныхъ теологическихъ преній, желая довѣрять слову писанія. Не углубляясь слишкомъ много въ его символическій смыслъ, они не довѣряли надутой учености своего вѣка. Лишь потомъ стали и они развивать свое ученіе на болѣе глубокомъ и широкомъ основаніи. Въ ученіи о причащеніи они склонились къ Таборитамъ, потому что Хельчицкій оставилъ вопросъ этотъ въ тѣни. Но они устраняли всякія подозрѣнія въ *жижкованьѣ* или защитѣ своей вѣры мечемъ. Первый по времени братскій ученый былъ *Прокопъ Индрихова градца*, пражскій баккалавръ 1467 г. († 1507, 13 сент.); съ обширными знаніями онъ соединялъ природный умъ, хотя къ сожалѣнію его труды такъ мало намъ извѣстны. Потомъ учеными трудами извѣстны *братья Лукашъ*, *Янъ Черный* (первый чешскій ботаникъ) и другіе. Все это вопросы подлежащіе еще ближайшему обслѣдованію; но предварительно необходимо собрать памятники чешской богословской литературы XV—XVI в.: это должно пополнить значительный пробѣлъ въ исторіи христіанской Церкви.

Антонъ Будиловичъ.

БОГОСЛОВСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ КОРОЛЕВСКАГО БЕРЛИНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Подъ именемъ богословскаго факультета извѣстно въ Германіи отдѣленіе университета, въ которомъ читаются богословскія науки. Къ этому факультету, въ обширномъ смыслѣ, какъ университетской корпораціи, принадлежатъ ординарные и экстраординарные профессора, приватдоценты и студенты; но какъ власть, этотъ факультетъ составляютъ только ординарные профессора́, доктора̀ богословія. Назначеніе этого факультета состоитъ, какъ вообще въ распространеніи богословскихъ знаній, по ученію евангелической церкви, такъ особенно въ приготовленіи юношей къ служенію Церкви посредствомъ лекцій и другихъ академическихъ упражненій (1). Все богословіе, предваряясь энциклопедіею и методологіею, раздѣляется у протестантовъ на четыре области:

1) *Экзегетическую*, къ которой относятся: библейская филологія, библейская археологія, библейская исагогика, библейская критика, библейская герменевтика, библей-

---

(1) Statuten der theologischen Facultät der Königlichen Eriedrich-Wilhelms—Universität zu Berlin § 1, 2—1838. Параграфы этого устава указываются впослѣдствіи въ самомъ текстѣ предлагаемой статьи.

ское богословіе вообще и въ частности библейская догматика, толкованіе священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта, географія Палестины, еврейскій языкъ и прочія семитическія нарѣчія.

2) *Историческую*, которую составляютъ библейская исторія, церковная исторія, исторія догматовъ, патристика, символика, церковная археологія, церковная статистика, исторія мистики.

3) *Систематическую*, которая заключаетъ въ себѣ апологетику, догматику съ полемикою, нравственное богословіе и общее философское богословіе.

4) *Практическую*, къ которой принадлежатъ практическое богословіе вообще, катехетика, литургика, гомилетика, пастырское богословіе и церковное право.

Изъ всѣхъ этихъ богословскихъ наукъ главными считаются: богословская энциклопедія и методологія, введеніе въ ветхій и новый завѣтъ, библейская критика и герменевтика, ветхозавѣтная исторія и библейская археологія, изъясненіе пятикнижія, Іова, псалтыри, Исаіи, важнѣйшихъ историческихъ и дидактическихъ писаній новаго завѣта, церковная исторія и исторія догматовъ, догматика, нравственное богословіе, символика и практическое богословіе или вообще или въ его отдѣльныхъ отрасляхъ. Богословскій факультетъ долженъ стараться, чтобы изучающій богословіе въ университетѣ, въ продолженіе полныхъ *трехъ* одинъ за другимъ слѣдующихъ годовъ, имѣлъ случай слушать, по крайней мѣрѣ, два раза лекціи по всѣмъ этимъ главнымъ богословскимъ наукамъ (1) (§ 39).

Лекціи въ богословскомъ факультетѣ распредѣля-

(1) Поступающіе въ студенты богословскихъ факультетовъ въ Германіи, предварительно не изучаютъ полнаго курса богословскихъ наукъ, подобно нашимъ семинаристамъ. *Ред.*

ются по семестрамъ или полугодіямъ (отъ октября до марта и отъ апрѣля до августа). Для сего, за двѣ недѣли до окончанія текущаго семестра, публикуется печатное на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ росписаніе лекцій, составленное деканомъ факультета по заявленіямъ профессоровъ. Въ росписаніи каждаго семестра назначается нѣсколько отдѣловъ по каждой изъ вышеозначенныхъ четырехъ областей богословія. Лекціи читаются отъ 8 часовъ утра до 1 часу по-полудни и отъ 3 до 7 часовъ вечера, и бываютъ или публичныя — для всѣхъ студентовъ богословскаго факультета, или приватныя—только для извѣстнаго ихъ числа. Слушать всѣ лекціи въ богословскомъ факультетѣ студентъ не можетъ, потому что въ одни и тѣ же часы одну и ту же богословскую науку читаетъ, или одну и ту же священную книгу объясняетъ не одинъ профессоръ, а нѣсколько (два и три) ([1]); равнымъ образомъ въ одни и тѣ же часы нѣсколько профессоровъ изъясняютъ разныя священныя книги ветхаго и новаго завѣта. У какого профессора слушать лекціи по извѣстной богословской наукѣ или толкованіе извѣстной священной книги, это предоставляется свободному выбору студентовъ. Руководствъ, для изученія богословскихъ наукъ, кромѣ извѣстныхъ въ литературѣ, не полагается. На экзаменѣ студентъ долженъ отвѣчать то и такъ, что и какъ себѣ усвоилъ, долженъ говорить свое и по-своему. Студенты должны слушать богословскія лекціи въ факультетѣ не менѣе трехъ лѣтъ, но могутъ слушать ихъ и долѣе сего времени. Окончившій изученіе богословскихъ наукъ, но

([1]) Такая конкурренція профессоровъ заставляетъ ихъ какъ можно лучше читать свою науку ради собственныхъ выгодъ: тѣмъ лучше читается наука, тѣмъ больше слушателей, а чѣмъ больше слушателей, тѣмъ больше денегъ: студенты платятъ за слушаніе лекцій по назначенію профессора. *Авт.*

не державшій еще экзамена по богословію называется въ Германіи кандидатомъ богословія; это названіе не составляетъ ученой академической степени.

Кромѣ слушанія лекцій, студенты, подъ руководствомъ профессоровъ, занимаются еще разными практическими упражненіями, какъ-то: катехетическими, гомилетическими, археологическими (въ университетскомъ музеѣ) и т. п., богословскими сочиненіями, богословскими состязаніями и проч. Для сего изъ профессора и извѣстнаго числа студентовъ составляются, такъ называемыя, богословскія общества. Собранія такого рода обществъ бываютъ, по большей части, отъ 8 до 10 часовъ вечера.

Для главныхъ отраслей богословія въ факультетѣ по уставу положено шесть ординарныхъ номинальныхъ профессуръ, а именно:

1) Двѣ для экзегетической части богословія, изъ коихъ одна для новозавѣтнаго экзегеса, а другая—для ветхозавѣтнаго, вмѣстѣ съ введеніемъ въ ветхій и новый завѣтъ, библейскою критикою и герменевтикою, ветхозавѣтною исторіею и библейскою археологіею.

2) Двѣ для систематической части богословія, изъ коихъ одна для догматики и символики, а другая для нравоученія, вмѣстѣ съ энциклопедіею и методологіею богословскихъ наукъ.

3) Одна для церковной исторіи и исторіи догматовъ.

4) Одна для практическаго богословія (§ 43).

На богословскомъ факультетѣ вообще и на деканѣ его въ частности лежитъ обязанность бдительно смотрѣть за прилежаніемъ и нравственностію студентовъ богословія, и при случаѣ давать имъ совѣтъ, дѣлать увѣщаніе, предостереженіе и выговоръ, равнымъ образомъ обращать вниманіе на то, чтобы не было упу-

щеній по обще-философскимъ и историческимъ наукамъ. Деканъ обязанъ, по требованію ректора университета, въ каждое полугодіе назначать слѣдствіе о прилежаніи студентовъ, и потомъ представлять ему результатъ этого слѣдствія, равно какъ и доказательства прилежанія, напр., разнаго рода сочиненія (§§ 73, 74).

Бѣднымъ, достойнымъ студентамъ, изъ назначеннаго министерствомъ фонда, факультетъ выдаетъ пособія, въ видѣ премій за сочиненія; премія должна быть не выше 30 и не ниже 10 таллеровъ. Для сего, въ іюнѣ мѣсяцѣ каждаго года, факультетъ назначаетъ конкурсъ; деканъ объявляетъ его мѣсто и время. Явившимся на конкурсъ предлагается нѣсколько вопросовъ, именно каждый изъ членовъ факультета предлагаетъ три вопроса изъ круга своихъ лекцій. На одинъ или нѣсколько такихъ вопросовъ, по свободному выбору, студентъ тотчасъ (ex tempore), подъ надзоромъ факультета, пишетъ на латинскомъ языкѣ отвѣтъ. Эти отвѣты пересматриваютъ всѣ члены факультета, и каждый изъ нихъ подаетъ мнѣніе о достоинствѣ отвѣта и о преміи, какая должна быть назначена его автору. За симъ деканъ назначаетъ факультету время для засѣданія, и въ этомъ засѣданіи, по абсолютному большинству голосовъ, присуждаются преміи (§§ 76, 77).

Кромѣ этихъ пособій, въ факультетѣ учреждены стипендіи. Если студентъ, для полученія стипендіи, обязанъ держать рѣчь или имѣть диспутъ, то онъ заявляетъ объ этомъ декану. Деканъ разсматриваетъ рѣчь или тезисы для диспута въ томъ отношеніи, удовлетворяютъ-ли они условіямъ стипендіи, и если удовлетворяютъ, то приглашаетъ для сего всѣхъ наставниковъ факультета. Диспутъ бываетъ подъ предсѣдательствомъ декана или назначеннаго имъ для сего члена факуль-

тета. Оппоненты должны быть объявлены прежде декану для утвержденія. Сверхъ сего, ежегодно, въ день рожденія короля, факультетъ, по предложенію декана или кого-либо изъ его членовъ, съ соизволенія министерства, назначаетъ задачу для преміи. Главныя и основныя положенія этой задачи должны быть извѣстны изъ лекцій преподавателей, но, для разрѣшенія ея, требуется собственное основательное изслѣдованіе; притомъ задача должна быть выбрана такая, чтобы писатель, разрѣшая ее, могъ выказать какъ основательное научное образованіе, такъ и разсудительность. Сочиненія должны быть писаны на латинскомъ языкѣ. Ихъ разсматриваютъ всѣ члены факультета и даютъ о нихъ свои отзывы письменно; потомъ премія присуждается въ засѣданіи факультета, послѣ предварительнаго совѣщанія, по абсолютному большинству голосовъ. Премія состоитъ изъ золотой медали цѣною въ 25 червонцевъ (§§ 80, 81).

Въ концѣ семестра, наставники факультета собственноручно отмѣчаютъ въ такъ называемомъ объявительномъ листѣ (Anmeldungsbogen) степень прилежанія студентовъ, слушавшихъ ихъ лекціи. Эти отмѣтки вносятся потомъ въ выпускное свидѣтельство (Abgangszeugniss), которое выдаетъ студентамъ университетскій судія, при выходѣ ихъ изъ университета. Эти свидѣтельства подписываетъ и деканъ богословскаго факультета, взимая за каждое изъ нихъ по таллеру (§ 84).

Богословскій факультетъ даетъ двѣ степени: низшую лиценціата и высшую доктора богословія (§ 88).

Желающій получить степень лиценціата долженъ, по крайней мѣрѣ три года, проучиться въ одномъ или нѣсколькихъ университетахъ и взять выходное свидѣтельство (§ 89). Потомъ, онъ долженъ представить въ

факультетъ на латинскомъ языкѣ прошеніе о допущеніи къ экзамену и промоціи, и къ сему прошенію приложить: краткое описаніе своей жизни на латинскомъ языкѣ и особенно изложеніе своихъ бывшихъ, до сихъ поръ, учебныхъ занятій; доказательство трехлѣтняго слушанія лекцій въ университетѣ и выходное свидѣтельство, и латинское или нѣмецкое сочиненіе о предметѣ, взятомъ изъ той богословской науки, которой онъ хочетъ особенно посвятить свои силы, можетъ приложить къ сему и другія свидѣтельства о своемъ прилежаніи, о своихъ познаніяхъ, о своемъ поведеніи и о своихъ прежнихъ обстоятельствахъ жизни (§ 90). Деканъ сообщаетъ все это членамъ факультета, которые письменно подаютъ голосъ, должно-ли кандидата допустить къ экзамену или нѣтъ (§ 91). При семъ, факультетъ можетъ, если находитъ нужнымъ, потребовать отъ кандидата письменной декларации на его честное слово о томъ, что онъ самъ, безъ чужой помощи, писалъ пробное сочиненіе (§ 93). Получить степень лиценціата можетъ только тотъ, кто, кромѣ равномѣрнаго образованія во всѣхъ главныхъ богословскихъ наукахъ, особенно знаетъ ту науку, которую желаетъ обрабатывать или преподавать. Напротивъ отказывается въ этой степени тому, кто показываетъ существенный недостатокъ въ какой-либо главной части богословія или не выказываетъ преобладающей силы въ той богословской наукѣ, которой особенно хочетъ посвятить свои силы (§ 94). Въ частности отъ него требуется: 1) въ отношеніи къ изъясненію ветхаго и новаго завѣта—основательное знаніе языковъ подлиннаго текста, знаніе герменевтическихъ началъ (принциповъ), способность и ловкость въ приложеніи ихъ, какъ это должно оказаться при изъясненіи мѣстъ изъ библіи, предложен-

ныхъ экзаменуемому; знаніе пособій, потребныхъ для толкованія библіи; знаніе основныхъ положеній библейской критики и ея пособій; обладаніе необходимыми вспомогательными познаніями историческими; а отъ того, кто намѣренъ читать лекціи о ветхомъ завѣтѣ въ особенности, кромѣ основательнаго знанія еврейскаго языка, требуется также еще въ особенности нѣкоторое знаніе прочихъ семитическихъ нарѣчій; 2) въ отношеніи къ историческому богословію — знаніе источниковъ и пособій для его обработки, основательная отчетливость во всѣхъ составляющихъ эпоху фактахъ, изъ которой видно было бы научное пониманіе предмета и научное обозрѣніе цѣлаго; 3) въ отношеніи къ догматическому и нравственному богословію—научное знаніе всего того, что составляетъ особенность христіанской вѣры и изъ нея происходящихъ законовъ для христіанской жизни; знаніе систематической связи каждой изъ обѣихъ наукъ и ихъ взаимнаго отношенія, такъ чтобы, при изложеніи важнѣйшихъ предметовъ изъ обѣихъ наукъ, видно было научное пониманіе цѣлаго; знакомство съ различными существующими догматическими направленіями и съ тѣмъ, что между ними подлежитъ спору; далѣе основательное знакомство съ библейскою и церковною формою догматики; предполагаются также въ немъ нужныя вспомогательныя познанія изъ исторіи философіи; 4) въ отношеніи къ практическому богословію — знакомство съ систематическимъ образомъ цѣлой науки и ея особенныхъ частей, съ ея исторіею и литературою (§ 95).

Къ устному экзамену допускается только тотъ, чье пробное сочиненіе имѣетъ требуемыя качества. Если же это сочиненіе показываетъ недостатокъ школьнаго, общаго научнаго или богословскаго образованія, или неспособность кандидата своеобразно понимать и раз-

вивать избранный имъ научный предметъ, то онъ не долженъ быть допущенъ къ устному испытанію (§ 96). Для устнаго экзамена деканъ назначаетъ время, и приглашаетъ на оный всѣхъ членовъ факультета, а кандидату велитъ прежде сего представиться имъ лично (§ 97). Этотъ экзаменъ, по требованію декана, начинаетъ тотъ членъ факультета, которому поручено испытаніе въ той богословской наукѣ, какою преимущественно занимался экзаменующійся; за нимъ слѣдуютъ прочіе члены (§ 98). По окончаніи экзамена, кандидатъ уходитъ, а факультетъ, по абсолютному большинству голосовъ, рѣшаетъ дѣло какъ о возведеніи его на степень лиценціата, такъ и объ отмѣткѣ въ дипломѣ: похвально или весьма похвально (cum laude или summa cum laude), смотря по тому, въ какой степени онъ удовлетворилъ постановленнымъ для сего требованіямъ. За тѣмъ деканъ объявляетъ это рѣшеніе кандидату внѣ собранія (§ 99).

Черезъ шесть недѣль послѣ устнаго экзамена, бываетъ публичный диспутъ на латинскомъ языкѣ, и съ этимъ диспутомъ непосредственно соединяется торжественный актъ промоціи или возведенія на степень лиценціата. Кандидатъ можетъ диспутировать или о предметѣ своей диссертаціи, или о составленныхъ на латинскомъ языкѣ и одобренныхъ деканомъ тезисахъ, или о томъ и другомъ вмѣстѣ. Диссертацію или тезисы онъ долженъ отпечатать на свой счетъ и раздать членамъ министерства, профессорамъ университета, своимъ оппонентамъ и другимъ лицамъ (§ 101). Диспутъ происходитъ подъ предсѣдательствомъ или въ присутствіи декана (§ 102). Оппоненты должны быть признаны факультетомъ, и должны быть, по крайней мѣрѣ, три; они оппонируютъ сперва, по опредѣленному деканомъ порядку; послѣ

нихъ могутъ оппонировать всѣ принадлежащіе къ университету (§ 103).

Если диспутъ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, возбужденнымъ диспутантомъ въ факультетѣ при своемъ экзаменѣ, то деканъ, послѣ вступительной рѣчи (proëmium), провозглашаетъ возведеннаго на степень лиценціата съ верхней каѳедры, и вручаетъ ему дипломъ, напечатанный на пергаментѣ, съ приложеніемъ большой факультетской печати и за собственноручнымъ подписомъ. Для принятія сего диплома, кандидатъ, по требованію промотора, всходитъ на ступени верхней каѳедры, потомъ возвращается на прежнее мѣсто и оттуда говоритъ ему краткую благодарственную рѣчь. Послѣ торжественной промоціи, дипломъ печатается на счетъ возведеннаго на степень лиценціата, вносится въ надлежащемъ мѣстѣ въ акты и раздается членамъ министерства, профессорамъ университета и прочимъ, имѣющимъ право на это лицамъ (§ 105).

На степень доктора не можетъ быть возведенъ неимѣющій признанныхъ заслугъ церковныхъ или богословско-научныхъ (§ 108).

Ищущій докторства долженъ представить и отпечатать диссертацію на одобренную факультетомъ тему; промоція можетъ быть допущена только въ томъ случаѣ, если факультетъ единогласно признаетъ диссертацію обогащеніемъ науки. Кромѣ диссертаціи, отъ факультета зависитъ назначить еще такъ называемую бесѣду (colloquium) о тѣхъ научныхъ предметахъ, которыми преимущественно занимался докторантъ. Вообще факультетъ долженъ быть убѣжденъ, что докторантъ не только удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ лиценціата богословія, но и показываетъ особенныя

знанія или высшую степень глубины и объема ученаго взгляда какъ практическое духовное лице или въ отдѣльныхъ отрасляхъ богословской науки (§ 109).

При промоціи, сперва поется гимнъ: „Пріиди творческій Духъ“, потомъ докторантъ говоритъ латинскую приличную торжеству рѣчь. Далѣе, совершается присяга. Старѣйшина (Senior) факультета читаетъ формулу ([1]) и докторантъ утверждаетъ ее предписанными словами и ударомъ по его рукѣ (?) За симъ промоторъ передаетъ ему, съ краткими объясненіями, напечатанный на пергаментѣ дипломъ, библію и перстень (§ 110).

Факультетъ можетъ также дать степень доктора богословія для почета (honoris causa) оказавшему отличныя заслуги богословской наукѣ только черезъ пересылку диплома. Для сего, два члена факультета въ своемъ предложеніи должны изложить отличныя общеизвѣстныя заслуги такого лица для богословія или же представить при предложеніи его сочиненія (§ 111).

За степень лиценціата вносится 50 талеровъ золотомъ; за степень доктора, данную чрезъ торжественную промоцію, 100 талеровъ золотомъ, и сверхъ сего, за ту и другую по 5 талеровъ на университетскую библіотеку; за степень почетнаго (honoris causa) доктора не взимается ничего. Деньги за промоцію раздѣляются между ректоромъ университета, судьею, деканомъ, членами факультета и педелемъ (§ 116. 117).

Желающій читать лекціи въ факультетѣ какъ приватдоцентъ долженъ имѣть степень лиценціата или док-

---

([1]) Именно спрашиваетъ: обѣщается ли и клянется ли онъ: 1) не учить ничему, противному писаніямъ пророческимъ и апостольскимъ и вселенскимъ символамъ церкви, особенно аугсбургскому исповѣданію, 2) вездѣ охранять достоинство этой степени отличною честностію и строгостію нравовъ, и 3) не искать этой степени въ другомъ факультетѣ? *Авт.*

тора богословія, и доказать, что онъ исполнилъ военную обязанность (въ Пруссіи военная служба обязательна для всѣхъ), и что онъ три года, по окончаніи трехлѣтняго обученія въ университетѣ, употребилъ на научныя занятія. Къ прошенію въ факультетъ на латинскомъ языкѣ онъ долженъ приложить описаніе своей жизни (curriculum vitae) на латинскомъ языкѣ и свои писанныя или печатныя сочиненія на латинскомъ или нѣмецкомъ языкѣ о предметахъ, заимствованныхъ изъ тѣхъ наукъ, какія думаетъ читать (§ 56). Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій, факультетъ, по абсолютному большинству голосовъ, избираетъ двухъ коммисаровъ. Потомъ, эти сочиненія вмѣстѣ съ отзывами коммисаровъ, деканъ представляетъ въ факультетъ, который въ своемъ засѣданіи, по абсолютному большинству голосовъ, и рѣшаетъ допущеніе или недопущеніе его къ праву быть (habilitatio) приватдоцентомъ (§ 57). Послѣ сего, черезъ четыре недѣли по объявленіи ему темы, онъ долженъ прочитать, въ собраніи факультета, пробную лекцію на нѣмецкомъ (можетъ и на латинскомъ) языкѣ о предметѣ, назначенномъ факультетомъ или избраннымъ, съ его соизволенія, имъ самимъ (§ 58. 59). Послѣ пробной лекціи бываетъ бесѣда (colloquium) его объ ея содержаніи съ членами факультета (§ 60). По окончаніи бесѣды, ищущій права быть приватдоцентомъ выходитъ изъ собранія, а присутствующіе члены факультета, по абсолютному большинству голосовъ, рѣшаютъ, принять ли его или не принять, какъ приватдоцента. При рѣшеніи, факультетъ обязанъ брать во вниманіе не только его научныя знанія и учебныя способности, но и нравственное поведеніе (§ 61. 62). Результатъ рѣшенія деканъ объявляетъ ему послѣ за-

сѣданія. При благопріятномъ рѣшеніи, онъ долженъ еще черезъ три мѣсяца, прочитать публичную лекцію на латинскомъ языкѣ на тему, назначенную факультетомъ или избранную, съ его соизволенія, имъ самимъ (§ 63).

За право быть привагдоцентомъ взимается 5 талеровъ на университетскую библіотеку и 20 талеровъ, если онъ получилъ степень лиценціата или доктора въ здѣшнемъ факультетѣ, или 40 талеровъ, если—въ иностранномъ (§ 65).

Экстраординарный профессоръ обязанъ имѣть, по крайней мѣрѣ, степень лиценціата богословія (§ 42), а ординарный профессоръ—степень доктора богословія (или получить ее черезъ годъ) и, передъ вступленіемъ въ должность или черезъ четверть года послѣ сего, отпечатать вступительную программу о научномъ предметѣ, а прежде или послѣ появленія этой программы прочитать публичную лекцію или сказать вступительную рѣчь на латинскомъ языкѣ. Пока не сдѣлаетъ этого, онъ именуется professor designatus, не имѣетъ голоса въ факультетѣ и не пользуется правами ординарнаго профессора (§ 9).

Изъ ординарныхъ профессоровъ факультетъ, для завѣдыванія своими дѣлами, ежегодно избираетъ декана (§ 10) и, подъ его предсѣдательствомъ, пользуется предоставленными ему правами и исполняетъ возложенныя на него обязанности (§ 2). Эти права и обязанности касаются надзора за преподаваніемъ и его полнотою и за студентами въ научномъ и нравственномъ отношеніи, раздачи пособій и премій, и промоціи, или производства въ ученыя степени (§ 2. 3).

Т. С.

Берлинъ,
6 (18) мая 1869 г.

ПОСЛАНІЯ

СВЯТѢЙШИХЪ ПЕРВОСТОЯТЕЛЕЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КАѲОЛИЧЕСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ КЪ ЕГО СВЯТѢЙШЕСТВУ ВСЕЛЕНСКОМУ ПАТРІАРХУ ГРИГОРІЮ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМУ СУНОДУ

ПО ПОВОДУ ГРЕКО-БОЛГАРСКАГО ЦЕРКОВНАГО ВОПРОСА (¹).

ПОСЛАНІЕ

Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода къ Его Святѣйшеству Вселенскому Патріарху Григорію и Константинопольскому Синоду.

О Господѣ возлюбленному брату и сослужителю, Святѣйшему Патріарху Вселенскому Григорію и всему, находящемуся при немъ, священному собору — Святѣйшій Сунодъ Всероссійской церкви посылаетъ братское во Христѣ цѣлованіе и желаетъ радоватися.

Тяжелое время переживаетъ нынѣ Великая Константинопольская церковь. Смуты и волненія, происходящія въ ней уже нѣсколько лѣтъ, изъ-за такъ называемаго Греко-Болгарскаго церковнаго вопроса, и то утихавшія, то снова усиливавшіяся, достигли, повидимому, теперь послѣд-

(¹) Сообщено.

няго предѣла. Оглашаемыя чрезъ многочисленные органы печати, онѣ, естественно, не могли оставаться неизвѣстными и Святѣйшему Всероссійскому Синоду, и всегда производили въ насъ самую глубокую скорбь, самое искреннее сочувствіе къ страждущей единовѣрной церкви и къ ея верховному Архипастырю. Но какъ ни сильны были чувства нашей скорби и нашего сочувствія, Святѣйшій Синодъ доселѣ считалъ себя не въ правѣ обратиться къ Вашему Святѣйшеству съ какимъ либо словомъ или посланіемъ, опасаясь, чтобы это не показалось нѣкоторымъ вмѣшательствомъ съ нашей стороны въ Ваши внутреннія епархіальныя дѣла. Святѣйшій Синодъ только молилъ Господа, да укротитъ Онъ человѣческія страсти, волнующія Его святую Церковь, да вразумитъ непокорныхъ и недовольныхъ ея чадъ, да умудритъ и наставитъ ея пастырей къ ея всецѣлому умиротворенію. Нынѣ же, когда Ваше Святѣйшество, вмѣстѣ съ другими іерархами, изложивъ въ своемъ почтенномъ посланіи къ намъ скорбныя обстоятельства Вашей Великой церкви и Ваши предположенія объ устраненіи ихъ, сами пригласили насъ дать Вамъ отвѣтъ по предмету Вашего посланія, Святѣйшій Синодъ, имѣя въ виду единственно благо святой Христовой Церкви и одушевляемый одинаковою любовію ко всѣмъ единовѣрнымъ братьямъ, Грекамъ и Болгарамъ, считаетъ своимъ долгомъ изложить предъ Вашимъ Святѣйшествомъ и членами Константинопольскаго собора свое искреннее объ этомъ мнѣніе со всею братскою откровенностію. 1) При рѣшеніи церковнаго Греко-Болгарскаго вопроса надобно руководствоваться, прежде всего, истиною и справедливостію. А истина и справедливость говорятъ, что Вселенскій Патріархъ есть за-

конный Архипастырь надъ всѣми православными Болгарами, находящимися въ его духовной паствѣ, и имѣетъ, по отношенію къ нимъ, неоспоримыя іерархическія права. Слѣдовательно, если Болгары хотятъ, чтобы Вселенскій патріархъ сдѣлалъ имъ тѣ или другія уступки и отказался, по отношенію къ нимъ, отъ какихъ либо, или даже отъ всѣхъ, своихъ правъ, то они могутъ и должны только просить объ этомъ Его Святѣйшество, а отнюдь не насильно отъ Него требовать этого. Самъ Вселенскій Патріархъ въ правѣ дѣлать Болгарамъ уступки, какія признаетъ справедливыми или нужными, въ правѣ даже, по своей доброй волѣ, признать и полную независимость Болгарской церкви, доселѣ отъ Него зависящей, какъ призналъ нѣкогда независимость отъ Него церкви Русской и потомъ церкви Греческой, но безъ согласія Его Святѣйшества и противъ его воли, Болгары не въ правѣ взять или отнять у Него то, чего домогаются, а тѣмъ болѣе не въ правѣ совершенно отказаться отъ церковнаго подчиненія своему верховному Архипастырю, самовольно отторгнуться отъ Него,—это былъ бы уже расколъ, и Болгары, по церковнымъ правиламъ, неизбѣжно были бы признаны раскольниками. Но, съ другой стороны, тѣ же истина и справедливость не могутъ не сказать, что нѣкоторыя, если не всѣ, желанія Болгаръ, заявляемыя ими предъ Вселенскимъ Патріархомъ, суть желанія самыя естественныя, основательныя, законныя, и что, слѣдовательно, Его Святѣйшество призывается самымъ своимъ пастырскимъ долгомъ удовлетворить, по возможности, этимъ желаніямъ во имя Христіанской правды и любви, для мира и блага своей духовной паствы, и чѣмъ больше удовлетворитъ, тѣмъ лучше.

2) По мнѣнію Святѣйшаго Синода, не только благо православной церкви вообще, но и благо самихъ Болгаръ требуютъ, чтобы они не домогались совершеннаго отдѣленія отъ Вселенскаго Патріарха и полной церковной самостоятельности. Еслибы Болгары составляли отдѣльное государство, какъ составляютъ Русскіе и жители Греціи, тогда существованіе самостоятельной Болгарской церкви было бы и естественно, и безопасно: она легко могла бы уклоняться отъ всякихъ столкновеній съ другими православными церквами, существующими въ другихъ государствахъ, а для себя всегда могла бы имѣть, какъ бы опору и охрану въ самомъ своемъ государствѣ. Но теперь, когда предполагаемая самостоятельная церковь Болгарская и церковь Греческая или Константинопольская находятся въ предѣлахъ одного государства, и члены той и другой во многихъ мѣстахъ совершенно перемѣшаны между собою, столкновенія между обѣими церквами были бы неизбѣжны; люди недоброжелательные и враги православія могли бы намѣренно возбуждать или поддерживать такія столкновенія и пользоваться ими для своихъ цѣлей, ко вреду и уничиженію Православія, къ усиленію взаимной ненависти между Греками и Болгарами, и церковь Болгарская, предоставленная одной себѣ, не могла бы находить для себя, въ крайнихъ случаяхъ, ни въ комъ поддержки и защиты. Напротивъ, если Болгары удовольствуются только значительными уступками со стороны Вселенскаго Патріарха, которыя были бы способны удовлетворить всѣ ихъ справедливыя желанія, и давали бы ихъ церкви видъ нѣкоторой самостоятельности, но останутся въ іерархическомъ единеніи съ церковію Константинопольскою и подчиненіи Его Свя-

тѣйшеству, въ такомъ случаѣ взаимная вражда между Греками и Болгарами мало по-малу могла бы утихнуть, столкновенія между ними сдѣлались бы рѣже и удобно могли бы прекращаться, и какъ церковь Греческая, такъ и Болгарская, связанныя единствомъ вѣры и высшей іерархической власти, всегда могли бы находить поддержку одна въ другой и совокупными силами противодѣйствовать врагамъ Православія. 3) Путь къ такому соглашенію Болгаръ со Вселенскимъ Патріархомъ, къ такому іерархическому единенію церкви Болгарской съ Великою Константинопольскою, по мнѣнію Святѣйшаго Синода, уже предуказанъ, съ одной стороны, въ проектѣ, начертанномъ въ іюлѣ 1867 г. самимъ Его Святѣйшествомъ, нынѣшнимъ Вселенскимъ патріархомъ Григоріемъ,—а съ другой, въ проектѣ, представленномъ Его Святѣйшеству отъ лица умѣренныхъ Болгаръ, прежде бывшимъ Филиппопольскимъ Митрополитомъ Паисіемъ. Оба эти проекта въ главныхъ своихъ чертахъ совершенно сходны между собою, а разнятся только въ частностяхъ, которыя оказываются невыгодными, то для одной, то для другой стороны. Эти-то главныя черты, общія въ обоихъ проектахъ, и могутъ служить началомъ для дальнѣйшаго и окончательнаго соглашенія между Греками и Болгарами, при новыхъ, взаимныхъ уступкахъ, на основаніи совершенной справедливости и Христіанской любви. 4) Что же касается до Вселенскаго собора, на судъ котораго Его Святѣйшество рѣшается передать церковный Греко-Болгарскій вопросъ, то, не говоря о многочисленныхъ затрудненіяхъ, какія могутъ встрѣтиться при созваніи и составленіи такого собора изъ епископовъ разныхъ странъ и народовъ, Святѣйшій Синодъ не можетъ скрыть своихъ опасеній,

какъ бы этотъ Вселенскій соборъ, вмѣсто умиренія церкви, не послужилъ поводомъ еще къ большимъ волненіямъ въ ней и раздорамъ и, вмѣсто ожидаемой пользы, не принесъ въ своихъ послѣдствіяхъ только вредъ. Болгары, если вопросъ рѣшится въ пользу Патріарха, а не ихъ, могутъ не покориться рѣшенію Вселенскаго собора, и тогда послѣдуютъ три самыя печальныя событія: Соборъ объявитъ Болгаръ раскольниками; Вселенскій Патріархъ потерпитъ, чрезъ отпаденіе Болгаръ, крайне чувствительную потерю, а въ то же время и вся церковь Православная должна будетъ понести эту величайшую потерю. Если же Болгары и согласятся покориться рѣшенію Вселенскаго собора, даже не удовлетворившему ихъ, то эта покорность будетъ какъ бы вынужденная и совершенно ненадежная; она еще усилитъ въ нихъ ненависть къ Грекамъ, и, при первомъ случаѣ, вновь обнаружатся прежнія и даже большія распри и волненія между тѣми и другими. Нѣтъ, гораздо лучше, если Его Святѣйшество, не дожидаясь Вселенскаго собора, постарается самъ (ибо это Его частное, епархіальное дѣло) войти въ соглашеніе съ Болгарами, которое какъ онъ, такъ и они могли бы принять по доброй своей волѣ: вотъ такое соглашеніе было бы и прочно, и надежно, и вожделѣнно для всей Христовой Церкви. Изложивъ такимъ образомъ, прямо и откровенно, свои мысли предъ Вашимъ достоуважаемымъ и возлюбленнѣйшимъ о Христѣ Братствомъ, Святѣйшій Всероссійскій Синодъ питаетъ себя надеждою, что мысли эти, хотя бы нѣкоторыя изъ нихъ показались не вполнѣ согласными съ Вашими, будутъ приняты Вашимъ Святѣйшествомъ съ такою же братскою любовію, съ какою онѣ высказаны нами, и что, во вся-

комъ случаѣ, Архипастырская мудрость Вашего Святѣйшества, опытность и справедливость, извѣстныя всему христіанскому міру, найдутъ наконецъ возможность окончательно рѣшить этотъ столько важный и столько многотрудный вопросъ церковный въ общему удовлетворенію, умиренію и радости всей православной церкви. А Господь Богъ, въ Троицѣ славимый, да просвѣтитъ и подкрѣпитъ Ваше Святѣйшество Своею всемощною благодатію и да сохранитъ Васъ и Насъ и всѣхъ сыновъ православной Церкви въ неразрывномъ союзѣ вѣры, надежды и любви христіанской навсегда, во славу Его Пресвятаго Имени. Вашего превожделѣннаго Намъ и досточтимаго во Христѣ Святѣйшества любящіе во Христѣ братья.

ПОСЛАНІЕ

Антіохійскаго Патріарха къ Вселенскому Константинопольскому Патріарху Григорію. (¹)

Святѣйшій, божественнѣйшій и всечтимый Вселенскій Патріархъ Киръ Григорій, о Христѣ Богѣ возлюбленнѣйшій и любезный братъ и сослужитель нашей мѣрности! Ваше всечтимое Святѣйшество съ состоящимъ при Васъ святымъ и священнымъ Сѵнодомъ братски о Господѣ любызаемъ и сладчайше привѣтствуемъ.

Получивъ съ удовольствіемъ уважаемое соборное Ваше посланіе, данное отъ 16-го числа истекшаго мѣсяца и года, и содержащее подробности о Болгарскомъ вопросѣ, мы прочли оное съ особеннымъ вниманіемъ,

(¹) Это и слѣдующія три посланія переведены съ греческаго.

нѣсколько разъ глубоко обдумывали все, что въ ономъ заключается, равно какъ и приложенные на особыхъ листахъ акты, и узнали обо всемъ, что сдѣлано и совершено доселѣ по сему серьёзному и важному вопросу. По сему, приступая нынѣ къ отвѣту относительно сего существеннаго и важнаго дѣла, мы объявляемъ, что мы и прежде черезъ газеты и по общимъ слухамъ имѣли свѣдѣнія о случавшемся по временамъ по сему соблазнительному болгарскому вопросу и скорбѣли душею и сильно печалились, хотя и утѣшала насъ какая-то неясная надежда о соглашеніи.

Нынѣ же, усматривая, что вмѣсто уповаемаго соглашенія поднялся вопросъ и перешелъ изъ худаго положенія въ еще худшее судьбами извѣстными единому всевѣдущему Богу, знающему тайное, мы были поражены въ средину сердца, и соболѣзнуемъ скорбной душѣ Вашей; а еще болѣе соболѣзнуемъ страждущей общей нашей Матери святой Христовой Церкви, коей всѣ мы есмы члены и соучастники ея радости и печали. Въ такомъ положеніи дѣла, мы, Богомъ поставленные защитники священныхъ положеній и каноновъ каѳолической Церкви, обязаны всегда и во всемъ всѣми силами покровительствовать ненарушимому ихъ охраненію, дабы подобно тому, какъ мы ихъ преемственно получили, такъ бы и передали нашимъ потомкамъ неприкосновенными и неумаленными.

Какъ сильно и мы въ сей окраинѣ терпимъ отъ прозелитской маніи западныхъ враговъ Церкви съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, подобно потокамъ, потопляющихъ Сирійскія страны и не пропускающихъ никакого средства позволительнаго или не позволительнаго для обмана людей простыхъ и для совращенія съ

пути даже самыхъ избранныхъ, объ этомъ долго было бы разсказывать. Но не должно при этомъ терять надежды; напротивъ въ величайшихъ опасностяхъ и надлежитъ являть вящшее мужество въ упованіи на помощь свыше; „ибо сила Божія въ немощи совершается путемъ вѣры“.

Посему такъ какъ и предстоящій, мучительный вопросъ, не смотря на всѣ доселѣ бывшія старанія, вмѣсто того, чтобъ уладиться, все грознѣе сплетается, то мы предварительно хвалимъ достоуважаемую ревность и дѣятельную заботливость, съ какими Ваша попечительная, Божественная особа постаралась всемѣрно объ устроеніи онаго въ предѣлахъ долга, согласно съ священными канонами Церкви, въ духѣ кротости, такъ, чтобы и вопросъ былъ улаженъ и авторитетъ Божественныхъ канновъ оставался бы неприкосновеннымъ и честь Вселенскаго престола незапятнанною. Особенно одобряемъ мы во всемъ отвѣтъ Вашъ на высокій указъ (тескерѐ), отвѣтъ, который по истинѣ есть отблескъ мудраго и благочестиваго разума; почему мы и полагаемъ, что онъ рѣшительно достигнетъ желаемаго результата. Если же, сверхъ всякаго чаянія, онъ такого результата не достигнетъ, то безусловная необходимость потребуетъ созванія Вселенскаго Собора, въ которомъ мы окажемъ зависящее отъ насъ усердное содѣйствіе, когда будемъ приглашены къ засѣданію вмѣстѣ съ другими, если не самолично, по обстоятельствамъ и особенно по преклонности лѣтъ, то по крайней мѣрѣ черезъ представителя, судя по надобности.

Коротко сказать, мы нынѣ же объявляемъ, что мы не терпимъ и никогда не потерпимъ, чтобъ вообще были устраняемы права и издревле переданныя намъ

преимущества Церкви, и всѣ каноны богодохновенныхъ Апостоловъ и всѣхъ священныхъ Соборовъ, какъ Вселенскихъ, такъ и помѣстныхъ, а равно и отдѣльныхъ святыхъ Отцевъ Церкви, ни даже, чтобъ одна черта ихъ была поколеблена подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, что бы ни случилось. Ибо Церковь достаточно сдѣлала уступокъ требованіямъ православныхъ Болгаръ и слишкомъ уже много оказала снисхожденія; и если они всѣмъ симъ не удовольствуются, то всякое дальнѣйшее требованіе ихъ и уступка почтены будутъ положительно за оскорбленіе и будутъ причиной неисправимыхъ волненій, возмущающихъ согласіе въ каѳолической Церкви, которой благочиніе и стройность должны мы, Богопоставленные пастыри, всемѣрно беречь и хранить и не позволять ни себѣ самимъ, ни другимъ, потрясать или нарушать и измѣнять что либо изъ существующаго и благоустроеннаго, дабы и намъ не пришлось незамѣтно содѣлаться соучастниками смертельно погрѣшающихъ.

Вотъ что мы вкратцѣ нынѣ отвѣчаемъ на Ваше Соборное посланіе. Да будутъ же богохранимыя лѣта Вашего безпредѣльноуважаемаго нами братолюбиваго Святѣйшества многочисленны, здравы и спасительны.

Въ Бейрутѣ 31-го января 1869 г.

Вашего всечтимаго Святѣйшества и состоящаго при Васъ святаго и Священнаго Синода,

Любящіе о Христѣ и всеусердные братья:

(Подпись) † Патріархъ Антіохійскій *Іероѳей*.
† Архіерей Селевкійскій *Меѳодій*.
† — Аркадійскій *Хрисанѳъ*.
† — Лаодикійскій *Мелетій*.
† Архимандритъ *Іероѳей*.
† — *Прокопій*.

ПОСЛАНІЕ

Іерусалимскаго патріарха къ Вселенскому константинопольскому патріарху Григорію.

Святѣйшій и всечтимый вселенскій патріархъ константинопольскій Киръ Григорій, и святый и священный Синодъ всечтимыхъ святыхъ архіереевъ, и всѣ возлюбленнѣйшіе о Христѣ Богѣ братья и сослужители нашей мѣрности! Ваше всечтимое и уважаемое Святѣйшество и Ваше всечтимое Преосвященство братски о Господѣ обнимая, отъ всей души святымъ лобзаніемъ лобызаемъ и сладчайше привѣтствуемъ.

Намъ и прежде сего были не безъизвѣстны изъ многаго, что говорилось и писалось во многихъ случаяхъ, многообразные и хитрые замыслы, высканные въ разныя времена сѣятелемъ плевелъ, для отторженія и отдѣленія православнаго народа болгарскаго, отъ лона духовной его Матери, кормилицы и благотворительницы, Великой Христовой Церкви. Но не давно получивъ въ сохранности почтенное и любезное соборное братское посланіе Вашего всечтимаго Святѣйшества отъ 16-го декабря истекшаго года съ его приложеніями,—и съ напряженнымъ вниманіемъ и размышленіемъ читая оное съ состоящимъ при насъ святымъ и священнымъ синодомъ, мы по истинѣ скорбѣли душею и томились сердцемъ, слыша о совершенно странномъ и чудовищномъ злоумышленіи, которое замышлено вѣчнымъ онымъ злокозненнымъ губителемъ рода человѣческаго, опять для растерзанія свыше тканной ризы и для возмущенія богодарованнаго мира и согла-

сія православной Христовой Церкви, назданной на неколебимомъ и несокрушимомъ камени—единеніи любви, небеснымъ Строителемъ и Создателемъ, внушавшимъ любовь и миръ, какъ единственный правдивый признакъ истинныхъ Его учениковъ, и съ глубокимъ чувствомъ молившимся Небесному Отцу Своему о единеніи и благосостояніи разсѣянныхъ отъ предѣловъ и до предѣловъ вселенной Святыхъ Божіихъ Церквей.

„Отче Святый! соблюди ихъ во имя Твое, ихъ же далъ еси Мнѣ, да будутъ едино, яко же и Мы" (Іоан. 17, 11). Да, мы возскорбѣли, о чтимая и уважаемая нами Особа, мы возскорбѣли сердцемъ и возтомились утробой, узнавъ о великомъ и грозномъ волненіи, которое опять недавно поднялось отъ сильнаго вѣтра, повѣявшаго изъ православной Болгаріи, и снова угрожаетъ потопить Богоспасаемое судно святой Христовой Церкви, какъ будто недовольно тѣхъ навѣтовъ лукаваго, которые возмущали православную Христову Церковь, да и по нынѣ ее мѣстно удручаютъ. Ахъ, да кто же и не возскорбитъ, помышляя о томъ, что какая-то малая доля хитрыхъ и превратно толкующихъ людей (ибо это не вообще народъ благочестивыхъ и православныхъ болгаръ и не большая его часть, что не мало насъ утѣшило); что доля, говоримъ, людей, дѣлающихъ соблазны и вводящихъ въ обманъ, орудій сатаны и вѣрныхъ служителей мрака, возмутившая и встревожившая почти всѣ области благочестивой болгаріи, достигла до такой степени безумія, что замыслила устранить вѣчныя правила, положенныя отцами нашими, и внести въ православную Христову Церковь доселѣ неизвѣстныя и неслыханныя племенныя и народныя различія и честолюбія, — въ православную

Христову Церковь, въ которой нѣтъ ни іудея, ни эллина, ни раба, ни свободнаго, ни мужескаго, ни женскаго пола, но всѣ мы едино о Христѣ, чѣмъ эта доля людей разрываетъ и возмущаетъ единеніе духа, состоящее въ союзѣ мира, устроиваетъ новыя антіевангельскія церкви, предлагаетъ антиканоническія права, присвояетъ себѣ неслыханныя преимущества, и безчисленными иными способами интригуетъ весь Богоутвержденный народъ православныхъ болгаръ, усиливаясь нощно и денно исказить его мягкую и простую душу. Кто же не будетъ пораженъ, говоримъ, въ самую средину сердца, видя, что исконныя дѣти православной церкви, почерпнувшія изъ нея спасительную струю вѣры и благочестія и посредствомъ Евангелія ею рожденныя, такъ дерзостно и нагло возстаютъ противъ своей духовной Матери, питательницы и благотворительницы, оказываютъ ей такое неизреченное нечестіе, — противъ Матери, изъявляющей имъ такую любовь, терпящей съ такимъ чадолюбіемъ и нѣжностію ихъ юношескія увлеченія, переносящей съ такою кротостію и уступчивою справедливостью ихъ немощи, и ежедневно приносящей за нихъ такія жертвы? Ахъ, видно лукавый не пресыщается злобъ, видно нѣтъ предѣла для тѣхъ вымысловъ и козней, которые изначала замыслилъ онъ воздвигнуть на православную Христову Церковь.

Посему мы, симъ нашимъ соборнымъ посланіемъ, выражая сію нашу глубокую печаль и скорбь о плевелахъ, выросшихъ на нивѣ Господней, чему быть не надлежало бы (ибо, по словамъ Апостола, „когда страждетъ одинъ членъ, то сострараждутъ ему и всѣ члены, когда прославляется одинъ членъ, то сорадуются и всѣ

члены"), мы увѣряемъ Ваше достопочтимое и боголюбимое Святѣйшество, по священному и непремѣнному долгу, что мы не только не покинемъ отеческаго порядка, который передали намъ въ храненіе наши предки дѣяніями своими, но содѣлаемся и единодушными сподвижниками и помощниками въ искорененіи выросшихъ по Божію попущенію въ средѣ Церкви плевелъ. Если же, съ помощію и при просвѣщеніи Божіемъ, созовется святѣйшій Соборъ каѳолической православной Церкви, къ которому великая Христова Церковь мудро и вмѣстѣ разумно аппелировала, для окончательнаго рѣшенія возникшаго въ средѣ ея многосложнаго вопроса, то мы тогда съ великою поспѣшностію и усердіемъ, либо самолично, либо чрезъ мѣстоблюстителей, сдѣлаемъ совокупное представленіе объ устраненіи сообща изъ среды Церкви недавно подползшей ехидны племенныхъ различій и народнаго честолюбія, и по мѣрѣ силъ рѣшительно будемъ тому содѣйствовать. Ибо если она распространится, то будетъ прямая опасность,—въ скоромъ времени всѣ Христовы Церкви одна отъ другой отторгнутся и истерзаются когтями родословія и безсловія, чего не въ силахъ была произвесть ни одна изъ бывшихъ досель ересей. Но мы убѣждены, что Богъ мира и любви, давшій Себя въ искупленіе за жизнь и спасеніе міра, благодатію и внушеніемъ всесвятаго и тайнодѣйствующаго начальнаго Духа Своего, всегда сущій и предстоящій въ средѣ собравшихся во имя Его, отсѣчетъ по возможности безвредно лукавыя отрасли зла возросшаго въ Христовой Церкви, и отъ всеизбраннѣйшаго и уважаемаго нами Святѣйшества Вашего отведетъ сію чашу печали и горечи, а со главы состоящей при Васъ Святѣйшей Христовой

Церкви сниметъ терновый вѣнецъ безпрерывныхъ страданій, возложенный на нее истинными и возлюбленными ея дѣтьми о Господѣ, ея законнымъ духовнымъ порожденіемъ. Вотъ что отвѣчаемъ мы въ братской любви на соборное братское посланіе Вашего многочтимаго Святѣйшества! Лобызая опять отъ всего сердца и отъ всей души какъ Васъ, такъ и состоящій при Васъ святый и священный Синодъ, молимъ, да будутъ вожделѣнныя намъ лѣта Ваши многочисленны и радостны.

Въ Святомъ градѣ Іерусалимѣ 24-го января 1869 г.

Вашего многочтимаго Святѣйшества возлюбленный о Христѣ братъ и всеусердный.

(Подпись) Патріархъ Іерусалимскій *Кириллъ.*
Архіереи: Газскій *Прокопій.*
Лидскій *Неофитъ.*
Неапольскій *Іоасафъ.*
Севастійскій *Никифоръ.*
Филадельфійскій *Іоасафъ.*
Іорданскій *Григорій.*

Святѣйшему и божественнѣйшему Архіепископу Константинопольскому и Вселенскому Патріарху киръ Григорію, и состоящему при немъ Святѣйшему Синоду, священный Синодъ Эллинской Церкви посылаетъ братское о Христѣ Богѣ лобызаніе.

Получивъ съ простертыми руками посланіе Вашего божественнѣйшаго Святѣйшества отъ 10-го декабря истекшаго года, Синодъ эллинской церкви, по внимательномъ его прочтеніи, опечалился несказанною печалью, по случаю требованій любезнѣйшихъ о Христѣ

чадъ нашихъ—болгаръ, каковыя требованія, по своей отвлеченности и неопредѣленности, не только противятся всякому церковному законоположенію, но и лишены всякаго практическаго смысла и приложенія, свидѣтельствуя тѣмъ, что они скорѣе происходятъ отъ нѣкоего заблужденія, нежели суть отблескъ христіанской совѣсти и необходимости.

Не менѣе того опечалило сердце наше и высказанное сими братьями нашими поведеніе, относительно той особенно уважаемой Церкви, отъ коей питались они первою духовною пищею и отъ коей непосредственно пріяли они спасительное евангеліе Господа Іисуса и всѣ соединенныя съ нимъ преимущества и благодѣянія.

Да и самое отвращеніе сихъ братьевъ нашихъ о Христѣ отъ греческаго языка, не только въ церковныхъ ихъ службахъ, въ которыхъ справедливо имъ употреблять свой народный языкъ, но и отвращеніе ихъ вообще отъ сего языка, на которомъ написано и проповѣдано спасительное слово Господа и Бога нашего Іисуса Христа Его Апостолами, на которомъ учили и сочиняли мудрѣйшіе и святѣйшіе Отцы Церкви, которымъ, какъ неистощимою сокровищницею, хранятся спасительныя истины вѣры, и самое это, говоримъ, настроеніе ихъ разогорчило наше сердце, причемъ мы убѣждены, что сіи любезнѣйшіе братья и дѣти наши о Христѣ не вѣдаютъ, какое средство къ ихъ собственному развитію они утрачиваютъ, отвергая такимъ образомъ этотъ царственный языкъ.

При всемъ этомъ и противоевангельское стремленіе сихъ о Христѣ братьевъ нашихъ къ племенному различію, ведущее къ разрыву единаго православнаго не-

подненія, противоборствующее истинному духу и человѣколюбивымъ цѣлямъ Единой Святой Христовой Каѳолической Церкви, въ которой нѣтъ ни іудея, ни эллина, но мы всѣ есьмы единое Тѣло Христово, неразрывное и нераздѣльное, убѣдило насъ, что врагами посѣяны многочисленныя и пагубныя (какъ бы не слѣдовало!) плевелы, посреди возлюбленныхъ сихъ нашихъ о Христѣ братьевъ, отведенія ихъ отъ духа любви и братства Святой Матери нашей Церкви.

И такъ, по причинѣ всего этого и Ваше божественнѣйшее Святѣйшество съ состоящимъ при Васъ Святѣйшимъ Синодомъ, исполняясь исконнымъ духомъ Единой Святой Каѳолической и Апостольской Церкви, и побуждаясь чувствомъ стародавняго чадолюбія и евангельской любви къ симъ братьямъ, выразились весьма правильно и разсудительно (сказавъ), что, послѣ сдѣланныхъ имъ уже братолюбивыхъ уступокъ, сей вопросъ, какъ чисто церковный, долженъ быть и рѣшенъ церковнымъ образомъ. Ничего не можетъ быть канонически дано или уступлено православнымъ болгарамъ, безъ рѣшенія Вселенскаго Собора каѳолической православной Восточной Христовой Церкви.

И такъ, если когда по Божіему благоволенію созовется снова послѣ стольких вѣковъ вселенскій соборъ изъ всей Каѳолической Православной Восточной Церкви, то и Православная Церковь досточтимой Эллады почтетъ священнымъ долгомъ своимъ охотно привѣтствовать и мнѣніе и призывъ Вашего божественнѣйшаго Святѣйшества, дабы и ей, сдѣлавъ свое представленіе, содѣйствовать по своимъ силамъ къ утвержденію вѣры и къ братскому единенію православнаго исполненія, по божественнымъ и священнымъ канонамъ, которые она

вмѣстѣ со всѣми вѣрными православнаго исполненія непоколебимо бережетъ и хранитъ, какъ самонадежнѣйшій якорь, который отцы наши передали намъ во спасеніе.

Прекращая слово свое, Священный Синодъ эллинской церкви не перестаетъ денно и нощно молиться о томъ, чтобы Богъ мира даровалъ всѣмъ благоразуміе и евангельское разумѣніе для скораго и братолюбиваго разрѣшенія вопроса, возмущающаго нынѣ Православную Церковь, и взывать къ Господу неба и земли, да даруетъ Вашему божественнѣйшему Святѣйшеству и состоящему при Васъ Святѣйшему Синоду крѣпость и самыя долгія и благополучныя лѣта, и пребываетъ Вашего Святѣйшества и состоящаго при Васъ Святѣйшаго Синода о Христѣ братомъ и сердечнымъ другомъ.

Подписи: Митрополитъ Аѳинскій *Ѳеофилъ*, предсѣдатель.
Архіерей Перскій и Илидскій *Кириллъ*.
Архіерей Акарнанскій и Этольскій *Герасимъ*.
Архіерей Ипакійскій *Гавріилъ*.
Архимандритъ Аверкій *Ламбири* секретарь.

Въ Аѳинахъ.
7-го апрѣля 1869.

ПОСЛАНІЕ

Кипрскаго митрополита Софронія къ вселенскому патріарху въ Константинополѣ.

Святѣйшій, божественнѣйшій и всечтимый вселенскій патріархъ, Киръ Григорій! Досточтимое и уважаемое нами Ваше Святѣйшество со священнымъ со-

стоящихъ при Васъ Синодомъ, братски о Христѣ любимая, сладчайше привѣтствуемъ.

Съ радостью получили почтенное окружное посланіе Вашей божественнѣйшей Всесвятости, съ приложеніями онаго, касающимися такъ называемаго Болгарскаго вопроса, мы : внимательно прочли все это. Мы усмотрѣли съ величайшею душевною скорбію то, что пространно излагается въ нихъ о вопросѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Да, это правда, что тяжко страдаетъ вся православная Христова Церковь, какъ составляющая единое тѣло, коего глава Христосъ; но Великая Христова Церковь, промышленію и попеченію которой издавна уже вѣрено православное исполненіе болгарское, безъ сомнѣнія сильнѣе чувствуетъ скорбь, такъ какъ она отъ начала породила болгарскій народъ и млекомъ благочестія его воскормила. Но увы! нынѣ братья о Христѣ, болгары пренебрегли этимъ событіемъ, стремительно нападаютъ на Великую Церковь и дѣлаютъ предложенія стѣснительныя и полныя соблазна, отчасти даже оскорбительныя, особенно въ такое критическое время, какъ нынѣ, когда надлежало бы имъ почтительнѣе обращаться съ требованіями своими; но таковъ, кажется, почти повсюду ходъ человѣческихъ дѣлъ: скорбь искушеній и испытаній вовсе не есть для насъ что либо неожиданное по неложному прореченію Спасителя нашего: „Въ мірѣ“, говоритъ Онъ, „скорбны будете, но дерзайте, Я побѣдихъ міръ“. Посему мы убѣждены, что Великая Христова Церковь, какъ чадолюбивая Матерь, не перестанетъ обращаться съ кроткою справедливостію и отъискивать способы убѣжденія, которыми братья о Христѣ болгары, пребывающіе вѣрными древнимъ соборнымъ постановле-

ніемъ Церкви, утвердились бы еще болѣе прежняго, заблудшіе же случайно съ прямого пути возвратились бы на путь естественный, отъ котораго вслѣдствіе различныхъ земныхъ помышленій и внушеній, они уклонились, и такимъ образомъ дѣло получило бы благое напутствіе взаимною любовію и единодушіемъ. Притомъ же Вашему уважаемому Святѣйшеству извѣстно, что соблазны суть навожденіе искони—злобнаго и ненавидящаго добро врага человѣковъ, который подъ всякимъ видомъ и всѣми способами возмущаетъ святую и единую Христову Церковь отъ ея основанія.

Итакъ, въ таковыхъ обстоятельствахъ и всѣ блаженнопамятные божественные и церковные учители, всеславно правившіе Церковью Христовою, въ одномъ сходясь, единогласно и единомысленно устраняли всякое новое навожденіе, и, изложивъ священные каноны, оставили ихъ намъ, какъ бы какіе маяки, при свѣтѣ коихъ получаетъ направленіе и благополучное плаваніе богопостроенное судно святой нашей Церкви. Имѣя конечно подобные помыслы, и Ваше достопочтимое Святѣйшество созвало священный Соборъ и, обдумавъ, заблагоразсудило поставить вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, на воззрѣніе общаго Собора, имѣющаго составиться изъ всѣхъ единовѣрныхъ церквей, котораго мнѣніе и рѣшеніе будетъ наилучшимъ руководителемъ при разрѣшеніи вопросовъ таковаго свойства, такъ какъ оный (т. е. Соборъ) имѣетъ болѣе общій авторитетъ. Сіе мнѣніе и мы одобряемъ и, сколько отъ насъ зависитъ, его послушаемъ, когда пробьетъ часъ, если оно будетъ одобрено и чтимымъ правительствомъ и дастся на сіе позволеніе. Да сохранитъ же больше всего благодать Божія Ваше Святѣйшество и состоящій

при насъ Святѣйшій Сунодъ на многія блаженные періоды лѣтъ въ славу и именитость святой нашей православной восточной Церкви и въ назиданіе всего православнаго исполненія.

Вашего Божественнѣйшаго и всеуважаемаго Святѣйшества о Христѣ смиренный братъ

(Подпись) Митрополитъ Кипрскій *Софроній.*

Въ Левкосіи
7-го января 1869 г.

ПОСЛАНІЕ

Сербскаго Митрополита къ Вселенскому Патріарху въ Константинополѣ (*).

Ваше Святѣйшество!

На чтимое посланіе Вашего Святѣйшества отъ 1-го февраля сего года, съ приложеніемъ нѣсколькихъ экземпляровъ книжекъ на греческомъ и французскомъ языкахъ, въ коихъ излагаются дѣйствія Великой Церкви по вопросу о Болгарской отдѣльной іерархіи, и на приглашеніе изложить мои мысли по сему вопросу, имѣю честь отвѣтить слѣдующее:

Со дня возникновенія этого вопроса мы все время внимательно слѣдили за нимъ и желали, чтобы онъ разрѣшился не ко вреду, но ко благу нашей Святой Православной церкви и вѣры, дабы мудрымъ и правильнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса лишить иновѣрныхъ возможности порождать интригами раздоры между пра-

---

(*) Переводъ съ сербскаго.

вославными народами. Но мы увидѣли, что сужденія о столь важномъ предметѣ велись не спокойно, и что съ теченіемъ времени въ дѣло божеское замѣшались людскія страсти, и церковный вопросъ перешелъ на политическую почву. Объ этомъ мы крайне сожалѣемъ.

Польза какъ церкви, такъ и святой нашей вѣры требуетъ, чтобы вопросъ этотъ разрѣшился взаимнымъ братскимъ соглашеніемъ на основаніи началъ православной церкви. Давно пора вывести его на правый путь и постановить такое рѣшеніе, которое прекратило бы смущеніе и утушило бы народное раздраженіе.

Исторія свидѣтельствуетъ, что Великая Церковь всегда мудро относилась къ народамъ, которыхъ просвѣтила православною вѣрою, и мы убѣждены, что и теперь она разумно оцѣнитъ положеніе дѣлъ, и, своимъ праведнымъ рѣшеніемъ занимающаго насъ вопроса, побудитъ Болгарскій народъ остаться твердымъ и непоколебимымъ въ нашей святой вѣрѣ.

Мы стоимъ за сохраненіе силы православной Церкви, что и будетъ, если между православными народами пребудетъ любовь или единство догматовъ. Что же касается церковнаго управленія, то мы полагаемъ, что оно можетъ видоизмѣняться согласно требованіямъ необходимости, и что слѣдуетъ удовлетворить народъ, желающій имѣть архіереевъ, которые бы, рожденные среди него, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ распространяли просвѣщеніе на родномъ языкѣ. Единство догматовъ всегда будетъ связывать православныхъ архіереевъ съ Великою Церковью и заставитъ ихъ сохранить Вселенскаго Патріарха въ его высокомъ положеніи, дабы онъ могъ соблюдать свою церковь согласно съ соборными канонами, опредѣлившими границы власти Цареградскаго Патріарха.

Излагая Вашему Святѣйшеству мое скромное мнѣніе, потребованное Вашимъ вышеупомянутымъ посланіемъ, смиренно молю Господа нашего Іисуса Христа даровать миръ Своей церкви, дабы вѣрные христіане, не соблазняясь свѣтскими сомнѣніями и колебаніями вѣка, могли обрѣтать спасеніе у вратъ святой православной церкви, которая одинаково возлюбила и Болгаръ и Сербовъ и Грековъ.

Поручая себя и паству мою святымъ молитвамъ Вашего Святѣйшества, пребываю съ высокопочитаніемъ и преданностію

Вашего Святѣйшества
покорнѣйшимъ слугою

М. Митрополитъ Сербскій.

№ 653
10-го мая 1869 г.
Бѣлградъ.

О ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРАХЪ.

(по поводу современныхъ явленій въ общей жизни христіанскихъ церквей и толковъ литературы)

(продолженіе)

Признавъ соборы единственно законнымъ и вмѣстѣ благоплоднѣйшимъ органомъ для удовлетворенія нуждъ и разрѣшенія недоумѣній, возникающихъ въ церкви, намъ представляется необходимымъ дознать также и истину ихъ опредѣленій. Тѣмъ болѣе, что сама Церковь основываетъ несомнѣнность своего православія на опредѣленіяхъ соборовъ (1); также ихъ правилами утверждается порядокъ всего управленія, благоустройства и благочинія церкви.

Но сами соборы говорятъ о несомнѣнности своихъ опредѣленій въ такомъ общемъ духѣ. „Да не отмѣняется символъ вѣры трехъ сотъ осминадесяти отцовъ, бывшихъ на соборѣ, въ Никеѣ, что въ Виѳиніи, но да пребываетъ оный непреложенъ", говорятъ отцы II-го Вселенскаго Собора (2). „Да не будетъ позволено ни-

(1) Посл. Вост. Патр. чл. I и II, стр. 17—27.
(2) См. книгу правилъ II всел. пр. 1.

кому, законополагают и отцы III-го Собора ([1]), произносити, или писати, или слагати иную вѣру, кромѣ опредѣленныя отъ св. отцевъ въ Никеѣ градѣ со Св. Духомъ собравшихся". „Отъ св. отецъ, на каждомъ соборѣ, до нынѣ изложенныя правила соблюдати признали мы справедливымъ" говорятъ отцы IV Вселенскаго Собора ([2]). Перечисливъ коротко догматическія опредѣленія прежде бывшихъ соборовъ, и предавъ анаѳемѣ тѣхъ, кто „не тако мыслитъ и проповѣдуетъ, но покушается итти противу оныхъ", отцы VI Вселенскаго Собора говорятъ: „сообразно съ тѣмъ, что опредѣлено прежде, совершенно рѣшили, ниже прибавляти что либо, ниже убавляти, и не могли никоимъ образомъ" ([3]). Тотъ же св. соборъ призналъ прекраснымъ и крайняго тщанія достойнымъ и то, чтобы „къ исцѣленію душъ и уврачеванію страстей тверды и ненарушимы пребывали пріятыя и утвержденныя бывшими прежде святыми и блаженными отцами, а также и намъ преданныя именемъ св. и славныхъ апостолъ осмьдесять пять правилъ. Согласіемъ нашимъ, продолжаетъ онъ, запечатлѣваемъ и всѣ прочія священныя правила, изложенныя отъ святыхъ и блаженныхъ отецъ нашихъ". Предложивъ самый перечень соборовъ и отцовъ, трудившихся въ составленіи этихъ правилъ, VI соборъ опредѣляетъ: „никому да не будетъ позволено вышеозначенныя правила измѣняти, или отмѣняти... аще же кто обличенъ будетъ, яко нѣкое правило изъ вышереченныхъ покусился измѣнити, или превратити: таковый будетъ повиненъ противу того правила понести епити-

([1]) Ibid. III, всел. пр. 7.
([2]) Ibid. IV, пр. 1.
([3]) Ibid. VI, пр. 1 въ концѣ.

мію, каковую оно опредѣляетъ“ (1). „Божественныя правила, говорятъ отъ себя и отцы VII Вселенскаго Собора, со услажденіемъ пріемлемъ, и всецѣлое и непоколебимое содержимъ постановленіе сихъ правилъ, изложенныхъ отъ всехвальныхъ апостолъ, святыхъ трубъ Духа, и отъ имени св. вселенскихъ соборовъ, и помѣстно собиравшихся для изданія таковыхъ заповѣдей, и отъ св. отецъ нашихъ“ (2). Такой единодушный взглядъ соборовъ на неотмѣняемость ихъ собственныхъ опредѣленій только повторяетъ собою мнѣніе апостола о несомнѣнности хранящагося въ церкви ученія. *Аще мы*, говоритъ онъ, *или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ... аще кто благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 8. 9).

Какъ апостолъ Павелъ внутреннее основаніе непреложности своего благовѣствованія, благовѣщеннаго Галатамъ, полагалъ въ томъ, что *оно нѣсть по человѣку: нибо азъ отъ человѣка пріяхъ е, ниже научихся, но явленіемъ Іисусъ Христовымъ* (Гал. 1, 12). Такъ и всѣ апостолы свое и старцевъ со всею церковію единодушное опредѣленіе подкрѣпляютъ особымъ, божественнымъ на нихъ вліяніемъ. *Изволися Св. Духу и намъ* (Дѣян. XV, 28). Св. Духъ, глаголавшій древле отцамъ чрезъ пророковъ, дававшій и апостоламъ *провѣщавати иными языки* въ день Пятьдесятницы (Дѣян. II, 4), Онъ представляется внушившимъ и собору іерусалимскому изложенное отъ него опредѣленіе. Но согласно съ апостолами и соборомъ іерусалимскимъ, образцовымъ въ церкви, разсуждаютъ о своихъ опредѣ-

(1) Ibid. VI, пр. 2.
(2) Ibid. VII, пр. 1.

леніяхъ и всѣ послѣдующіе соборы. „Божіею благодатію определяемъ", говорятъ напр. отцы VI Вселенскаго Собора (1). „Опредѣлено отъ св. отецъ, выражаются отцы ефесскаго собора, со Св. Духомъ собравшихся" (2). VII-й Вселенскій Соборъ о правилахъ всѣхъ, предшествовавшихъ ему и принятыхъ Церковію, соборовъ и отцовъ замѣчаетъ: „всѣ они, отъ единаго и того же Духа бывъ просвѣщены, полезное узаконили" (3). Не противорѣча Вселенскимъ Соборамъ, разсуждаетъ и соборъ карѳагенскій, когда говоритъ: „ни для единыя области не оскудѣваетъ благодать Св. Духа, чрезъ которую правда іереями Христовыми и зрится разумно и держится твердо" (4). Но вслѣдъ за соборами и вся Христова Церковь, на основаніи однажды даннаго ей въ лицѣ апостоловъ Спасителемъ обѣтованія: *на вся дни пребыть съ нею* (Матѳ. XXVIII. 20), постоянно вѣровала и вѣруетъ, что Самъ Іисусъ Христосъ, какъ невидимый *Глава Церкви* (Еф. 1, 22. V, 23), *веляя міру въ себѣ Отца* (Іоан. 1, 18. XIV, 9 и сл.), и *дѣйствуя въ немъ отъ Его имени силою и благодатію Св. Духа* (Іоан. XIV, 16. 17. XVI, 7—14), Онъ Самъ, устами поставленныхъ Имъ пастырей Церкви (5), преподаетъ всему обществу вѣрующихъ истину и правду Своего ученія, законополагаетъ правила быта, управленія и благоустройства Церкви. Существо настоящаго вѣрованія Церкви излагаютъ для насъ восточные патріархи. Они говорятъ: „Свидѣтельство каѳолической церкви не меньшую имѣетъ силу, какъ и Божественное писаніе.

(1) VI, пр. 1, стр. 101.
(2) III, пр. 7.
(3) VII, пр. 1, стр. 190.
(4) Посл. къ Келестину папѣ Римскому, стр. 407.
(5) Посл. Вост. Патр , чл. 10, стр. 42—43.

Поелику виновникъ того и другаго есть одинъ и тотъ же Святый Духъ: то все равно: отъ писанія ли научаться, или отъ вселенской Церкви. Человѣку, который говоритъ самъ отъ себя, можно погрѣшать, обманывать и обманываться: но вселенская Церковь, такъ какъ она никогда не говорила и не говоритъ отъ себя, но отъ Духа Божія (Котораго она непрестанно имѣетъ и будетъ имѣть своимъ учителемъ до вѣка), никакъ не можетъ погрѣшать, ни обманывать, ни обманываться: но, подобно Божественному писанію, непогрѣшительна и имѣетъ всегдашнюю важность" (¹). Еще: „Вѣруемъ, что Св. Духъ учитъ каѳолическую церковь: ибо Онъ есть тотъ истинный Утѣшитель, Котораго Христосъ посылаетъ отъ Отца для того, чтобы учить истинѣ и прогонять мракъ отъ ума вѣрныхъ. Учитъ Духъ Св. Церковь, чрезъ св. отцевъ и учителей каѳолической Церкви... Посему мы не только убѣждены, но и несомнѣнно исповѣдуемъ, какъ твердую истину, что каѳолическая Церковь не можетъ погрѣшать или заблуждаться, и изрекать ложь вмѣсто истины" (²). Въ такомъ живомъ, постоянномъ и неослабномъ, по мысли самой Церкви, соучастіи и водительствѣ Св. Духа и заключается для насъ все внутреннее основаніе къ признанію истины и непогрѣшимости, правды и неотмѣняемости опредѣленій Церкви, возвѣщаемыхъ на ея соборахъ. „Что показалось богоугоднымъ тремъ стамъ епископовъ, писалъ въ свое время Константинъ Великій о никейскомъ соборѣ, то должно считать не иначе, какъ опредѣленіемъ Божіимъ, тѣмъ болѣе, что въ умахъ столь преславныхъ мужей обиталъ Духъ Святый, откры-

(¹) Посл. Вост. Патр., чл. 2, стр. 29—30.
(²) Ibid. чл. 12, стр. 51—52.

вавшій имъ волю Божію" (1). Духъ Святый, какъ внутренняя, творящая сила, наполняя собою всю Церковь, какъ Свой органъ, не только дѣйствуетъ Своими дарованіями въ частныхъ ея членахъ (1 Кор. XII, 4—11), но и преимущественно открываетъ себя всеобщему согласію отцевъ на соборахъ, разъясняя ихъ устами догматы вѣры и законополагая ихъ правами уставы церковнаго благоустройства и благочинія (2).

Благоговѣя предъ указаннымъ вѣрованіемъ Церкви, какъ предъ голосомъ святой истины, мы находимъ возможнымъ пояснить нашъ предметъ и собственными, нижеслѣдующими соображеніями. Безъ сомнѣнія, никакъ нельзя успокоиться на той мысли, будто бы однѣми, собственно человѣческими, силами было возможно установить единодушіе и поддержать единомысліе христіанъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ, и живших въ различныя времена; будто бы однихъ, естественныхъ усилій человѣческаго разума было вполнѣ достаточно къ тому, чтобы разрѣшить пытливые вопросы человѣчества о высочайшихъ тайнахъ спасенія и вѣры. Безъ сомнѣнія, для всего этого, какъ и для самаго спасенія человѣка, было необходимо содѣйствіе высшей, сверхъестественной помощи, всегда восполняющей немощи человѣчества. Безъ сомнѣнія, для всего этого было нужно особое наблюденіе необыкновеннаго, божественнаго ума, вѣдущаго вся (3). Неослабное дѣйствіе Св.

(1) Въ посланіи къ Александр. церкви. „Мы должны исповѣдывать вѣру, писалъ послѣ и св. Василій Великій, преданную намъ отцами, собранными нѣкогда въ Никеѣ, и не отлагать въ ней ни одного слова, зная, что триста и осьмнадцать отцовъ изрекали не безъ внушенія св. Духа (Epist. 114, см. Ambros. epist. 32).

(2) См. объ этомъ во Введеніи въ Правосл. Догм. Богословіе, Макарія. § 138, ср. 135, 136.

(3) 1 Кор. II, 11. Евр. IV, 13. Іов. XXVIII, 24 и др.

Духа, о которомъ мы сказали, и есть та высшая сверхъестественная помощь, которая спасаетъ вступающихъ въ Церковь, и есть тотъ божественный умъ, который руководитъ человѣчество по стезямъ истины и правды. Но, памятуя сіе, мы хотимъ сказать, что самый образъ составленія соборныхъ опредѣленій весь также въ пользу ихъ несомнѣнности и истины.

А именно, историческія нужды и потребности времени обыкновенно обращали собою вниманіе членовъ Церкви на тѣ или другіе предметы, ставили ихъ очередными и главными въ составѣ церковнаго ученія, въ развитіи церковной практики и церковнаго благоустройства. Недоумѣнія и вопросы объ этихъ предметахъ могли касаться—какъ существа вѣры,—такъ вмѣстѣ и внѣшнихъ сторонъ существованія Церкви. Но самый надежный и законный путь къ разрѣшенію этихъ недоумѣній и вопросовъ—одинъ и слѣдующій: отдѣльные члены и все общество Церкви, которымъ дорога истина, обыкновенно, прежде всего, обращались къ своимъ пастырямъ, какъ богопоставленнымъ судьямъ вѣры и учителямъ правды, какъ стражамъ и блюстителямъ церковнаго порядка; они старались услышать отъ нихъ удовлетворительное раскрытіе и правильное разъясненіе предложенныхъ обстоятельствами времени вопросовъ. Но пастыри, въ свою очередь, смотря—сколько по важности этихъ вопросовъ,—столько по необходимости—положить конецъ произвольнымъ, колебавшимъ истину, мнѣніямъ,—обращались къ собору, какъ высшему органу власти, уполномоченному окончательно рѣшать всѣ недоумѣнія въ Церкви. Соборы, въ такомъ случаѣ, были слѣдствіемъ единодушнаго желанія народа и пастырей, чтобы ихъ опредѣленіями востановить истину вѣры и

утвердить порядокъ Церкви. Чѣмъ же были ихъ опредѣленія? Они были плодомъ дознанной истины и правды, принятыхъ общимъ согласіемъ. Мы поймемъ всю возможность сего факта, когда сообразимъ, что пастыри Церкви, собираясь на соборы съ разныхъ странъ, не только могли лично свидѣтельствовать о томъ ученіи, которое по преданію сохранилось въ ихъ церкви объ искомомъ предметѣ, но, съ указаніемъ на живую практику, сносили и дѣйствительныя правила церковнаго быта и благоустройства. При этомъ совершеннѣйшія изъ ученій сами собою дѣлались догматами для всей Церкви, лучшія изъ правилъ также сами собою обращались въ каноны для повсюдной церковной практики. Равнымъ образомъ, на соборахъ, какъ учреждавшихся по требованію нуждъ и для пользы Церкви, и особыми разсужденіями и соображеніями пастырей, старавшихся всегда согласоваться съ духомъ, существомъ и назначеніемъ Церкви, тщательно разсматривались, открыто обсуждались всякія заявленія объ изслѣдуемомъ предметѣ вѣры и жизни; и уже, на основаніи этихъ, довольно долгихъ разсмотрѣній и обсужденій, провѣренныхъ указаніями Писанія и свидѣтельствами преданія, излагались ясныя и единодушныя опредѣленія, согласныя съ существомъ всего вѣроученія и составомъ благоустройства Церкви (1). Словомъ, соборы, въ такомъ

(1) Въ настоящемъ случаѣ объ опредѣленіяхъ, постановленныхъ отцами на соборахъ нужно сказать тоже самое, что св. Іустинъ мученикъ замѣчалъ объ ученіи апостольскихъ преемниковъ: „они ничему не учили по собственнымъ соображеніямъ и никогда не впадали во взаимныя несогласія: ибо, будучи чужды всякаго искательства и злоумышленности, какъ пріяли отъ Бога, такъ передали намъ ученіе“ (по переводу въ Христ. Чт. 1838 г. ч. II, стр. 4—5),—что сказалъ Блаженный Августинъ о тѣхъ же лицахъ: „они что̀ нашли въ церкви, то и содержали, чему сами научились, тому и поучали“ (Advers. Iulian. lib II, c. 10).

случаѣ, своими опредѣленіями вѣры только изъясняли и раскрывали то, что implicite уже скрывалось въ общемъ, откровенномъ вѣроученіи и преданной догматикѣ Церкви; своими правилами дисциплины они только исчерпывали и формулировали тѣ требованія порядка, которыя, какъ норма, уже имѣлись въ организмѣ церкви, благодатномъ обществѣ, основанномъ на извѣстныхъ началахъ и для опредѣленныхъ цѣлей. Но соборы дѣлали все сіе по вызову внѣшнихъ обстоятельствъ времени, по требованію нуждъ историческаго существованія Церкви, для удовлетворенія вопросамъ мысли и дѣятельности человѣческой, для руководства на будущее время жизни церковнаго общества. Такой, оправдывающій самъ себя, путь какъ бы объективнаго самосоставленія соборныхъ опредѣленій ясно и много говоритъ о совершенствѣ ихъ внутренняго смысла. А то обстоятельство,—что эти опредѣленія, будучи изложены предстоятелями Церкви, принимались въ то же время и дружнымъ согласіемъ всего прочаго ея общества,—то обстоятельство сообщаетъ этимъ опредѣленіямъ и признаки внѣшней важности и обязательности. Потому что, странно не соглашаться съ тѣмъ, что признано за истину сознаніемъ многихъ и принято ихъ согласіемъ, что, оставаясь вѣрнымъ св. Писанію и св. Преданію, какъ догматъ, какъ законъ, уважается вѣрованіемъ и поведеніемъ всей Церкви; неразумно отвергать то, что личная воля, поведеніе одного человѣка, совершенно правильно, съ полнымъ сохраненіемъ нравственной свободы лица, могутъ слѣдовать тому ученію, которое принято участіемъ многихъ, по требованіямъ ясной и несомнѣнной истины, подчиняться тому закону, кото-

рый представляется взятымъ изъ сущности извѣстнаго учрежденія и выведенныхъ изъ его началъ ([1]).

Но, чтобы удержать полный смыслъ изслѣдуемаго предмета, въ виду исторической правды, необходимо досказать, что опредѣленія соборовъ были и сознательнымъ голосомъ лицъ, присутствовавшихъ на нихъ, излагались для установленія вѣрованія и поведенія всего общества церкви; т. е. къ опредѣленіямъ соборовъ примѣшивались личныя мнѣнія и убѣжденія пастырей, какъ представителей частныхъ церквей; и эти опредѣленія направлялись къ удовлетворенію тѣмъ вопросамъ, которые волновали человѣческое общество, отвѣчали тѣмъ желаніямъ и требованіямъ, которыя одушевляли членовъ церковнаго общества. Но и эта сторона предмета, бывъ правильно понята, не представитъ достаточныхъ, разрушающихъ истину, основаній.

Начнемъ съ того, что и въ человѣческихъ дѣйствіяхъ зло всегда является съ примѣсью добра, ложь всегда прикрывается личиною истины; что человѣкъ живетъ въ заблужденіи только по упорству и гордости, коснѣетъ въ неправдѣ только по нераскаянности и легкомыслію! Въ рукахъ самаго человѣка находится много средствъ противостоять заблужденію и сочувствовать откровенной истинѣ. По ученію откровенія, онъ носитъ въ своей душѣ *образъ и подобіе Божіе* (Быт. 1, 26. V, 1. IX, 6); превосходитъ всѣхъ земныхъ тварей *умомъ и свободою*

([1]) „Всѣ имѣющіе здравый смыслъ, замѣчаетъ св. Кириллъ Александрійскій, стараются слѣдовать ученію отцовъ: ибо и сами они вразумились апостольскимъ и евангельскимъ преданіемъ, и ученіе вѣры изъясняли изъ св. писаній совершенно правильно, безъ ошибки и погрѣшности, бывъ свѣтилами въ мірѣ (Defens. ad anathem. 8, tom. II. Concil. Binii pag. 457)“. „Кто отступаетъ отъ единодушнаго согласія отцовъ, тотъ отступаетъ отъ всей церкви, говорилъ и блаж. Августинъ (Advers. Iulian lib. 1)“.

(Быт. I, 26. 28. II, 20. Еккл. VII, 10); въ немъ и послѣ паденія (Быт. III) сохранились *остатки первобытныхъ совершенствъ*: стремленіе къ истинѣ, любовь къ добру, уваженіе къ правдѣ (Рим. VII, 15—23). Апостолъ Павелъ открываетъ и въ язычникахъ *способность безъ откровенія познавать Бога* (Рим. I, 19, 20); по требованію собственнаго естества *дѣлать сообразное съ нравственнымъ закономъ* (Рим. II, 14—16); полагаетъ въ человѣкѣ *внутреннее сочувствіе откровенному ученію* (Рим. X, 8). Апостолъ Іоаннъ, не безъ мысли, усвояетъ всѣмъ вѣрующимъ особое *помазаніе отъ святаго*, которое *живетъ въ нихъ и научаетъ ихъ несомнѣнной истинѣ* (1 Іоан. II, 20. 21). Вѣрованіе самой церкви, вслѣдъ за св. писаніемъ (Рим. VIII. 9. 1 Кор. III, 16), допускаетъ для каждаго *внутреннее водительство и благодатное озареніе отъ Св. Духа* (1). Обыкновенный разумъ не отказываетъ никому въ чувствѣ истины и требованіяхъ закона добра. Вѣковый опытъ жизни заставляетъ признать за всею массою способность правильно разгадывать и истинно узнавать предложенія добра и зла, истины и заблужденія. Эта способность, какъ внутренній инстинктъ самосохраненія въ человѣкѣ, удерживаетъ массу отъ послѣдованія очевидной лжи и заблужденію.

Простирая законное дѣйствіе всѣхъ, названныхъ нами, началъ на область изслѣдуемаго предмета, на сколько участвуютъ въ немъ люди своимъ умомъ и свободою, намъ необходимо допустить, что соборы устами пастырей изрекали тѣ, опознанныя ими, ученія,

(1) „Святымъ Духомъ, поетъ церковь, всяка душа живится и чистотою возвышается“. „Не менѣе получать Духа Святаго тѣ, на которыхъ нынѣ возлагаются руки епископа, какъ и тѣ, которыя, бывъ исполнены Духа Святаго, говорили разными языки“, замѣчаетъ блаж. Августинъ.

которыя смутно, какъ бы по предчувствію, казались истиною всему обществу вѣрующихъ; обнародывали правами предстоятелей тѣ законы, которые, какъ правила нравственнаго порядка жизни, могли предощущаться умомъ и сердцемъ каждаго, способными угадывать и различать требованія святаго и добраго. При несомнѣнной дѣйственности названныхъ нами началъ и простые вѣрующіе, т. е. масса членовъ церкви, не по недостаточности своего смысла, и не по слѣпому подчиненію власти своихъ предстоятелей, а по нравственному довѣрію къ нимъ, по внутреннему сочувствію къ правдѣ и истинѣ, соглашались на опредѣленія соборовъ и принимали ихъ рѣшенія. Они видѣли въ этихъ опредѣленіяхъ готовые отвѣты на свои недоумѣнія относительно предметовъ вѣры; находили въ этихъ рѣшеніяхъ сочувственное согласіе съ задушевными своими мыслями и убѣжденіями; узнавали живой отголосокъ на требованія своего ума, вѣрующаго съ простотою сердца. Все сіе могло совершаться тѣмъ естественнѣе, что истина представляетъ собою общее достояніе человѣческаго ума; что пути къ достиженію добра одинаковы для человѣческой свободы; что исканіе этихъ предметовъ и обладаніе ими составляетъ существо природы и вмѣстѣ цѣль дѣятельности всего человѣка; могло быть тѣмъ легче, что паства обыкновенно любитъ своихъ пастырей, какъ братій во Христѣ, сердечно вѣритъ имъ, какъ своимъ духовнымъ отцамъ, свято уважаетъ распоряженія ихъ, какъ дѣйствія богопоставленныхъ руководителей; могло происходить тѣмъ спокойнѣе, что и пастыри на ряду съ паствою вѣруютъ и служатъ одному и тому же Богу, питаются и живутъ однимъ и тѣмъ ученіемъ и одинаковою благодатію, спасаются и

молятся въ одной Христовой Церкви, что уклоненія отъ истины этой церкви и заблужденія въ ея вѣрѣ губятъ паству; но онѣ ровно на столько же не спасаютъ и самихъ пастырей. Слѣдовательно простые вѣрующіе имѣли много средствъ распознать истину и правду соборныхъ опредѣленій, много побужденій принимать ихъ свободно, съ полнымъ спокойствіемъ сердца, и вмѣстѣ разумно.

Но и пастыри Церкви, продолжимъ, являясь на соборы съ непритворнымъ желаніемъ найти истину и открыть правду, отклоняютъ отъ себя всякую тѣнь подозрѣнія и недовѣрія къ ихъ дѣйствіямъ. Сверхъ требованій общаго долга совѣсти, они, по самому ихъ званію и особенно по данной ими присягѣ, обязаны преподавать народу и возвѣщать предъ всѣми только святую истину и священную правду; за ложныя понятія они, прежде всѣхъ и преимущественно предъ всѣми, подлежатъ суду и отвѣтственности предъ требованіями законовъ божескихъ и человѣческихъ; прежде всего на ихъ отвѣтственности лежатъ образъ вѣрованія и поступки поведенія народа (¹). Пастыри Церкви уполномочены думать и разсуждать о предметахъ вѣры за своихъ пасомыхъ (²); но и пасомые также не лишены права открыто протестовать противъ заблужденій, навязывае-

(¹) Внимайте себѣ и всему стаду, наставлялъ апостолъ Павелъ пресвитеровъ Ефеса, въ немже васъ Духъ Святый постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога (Дѣян. XX, 28).

(²) „Должно повиноваться пастырямъ, находящимся въ Церкви, училъ св.Ириней, т. е. повиноваться тѣмъ, кои имѣютъ, какъ мы сказали, преемство отъ апостоловъ, и, по благословенію Отца, вмѣстѣ съ преемствомъ епископства, пріяли несомнѣнный даръ истины“. Advers. Haeres. lib. IV, cap. 43. „Мы, преемники апостоловъ, правящіе Церковію Божіею тою же властію, говорилъ Кипріанъ на Соборѣ Кароагенскомъ. Acta Concil. Carthag. У насъ мѣсто апостоловъ занимаютъ епископы, замѣчалъ блаж. Іеронимъ. Epist. ad Paulin.

ныхъ имъ ихъ пастырями (1). Дѣйствуя подъ такими обязательствами и гарантіями, собиравшіеся на соборъ пастыри очевидно не могли сознательно и намѣренно проводить своихъ предзанятыхъ понятій, злоумышленно искажать истины Писанія и преданія: въ такомъ случаѣ они были бы обличены своими же сослуживцами и всѣмъ церковнымъ народомъ. Равнымъ образомъ, они также не могли поддаться заблужденію искренно, по совѣсти; искренніе заблужденія прежде всего бываютъ удѣломъ единицъ, личностей, а не принадлежностію множества, тѣмъ болѣе вселенскаго согласія; потомъ, какъ показываетъ исторія латинства, нужны вѣка для того, чтобы извѣстное заблужденіе глубоко пустило свои корни и сдалось *profession de foi* извѣстнаго племени, или отдѣльнаго народа. Но это совершенно невозможно въ Церкви, „гдѣ, когда нужно, скажемъ словами Хомякова, по усмотрѣнію Божію, отрокъ получаетъ даръ видѣнія, младенцу дается слово премудрости, ересь ученаго епископа опровергается безграмотнымъ пастухомъ, дабы всѣ были едино въ свободномъ единствѣ живой вѣры, которое есть проявленіе Духа Божія“ (2). Взаимное увѣщаніе другъ друга къ истинѣ, обоюдное наставленіе другъ друга къ добру—вотъ на какомъ руководительномъ началѣ утверждается вся сущность соборныхъ совѣщаній. Но при общемъ исканіи очевидной и несомнѣнной истины, всѣ частныя заблужденія, если бы онѣ и были кѣмъ-либо заявлены, только болѣзненно отзовутся для другихъ и

(1) Очевидныя доказательства сей мысли мы имѣемъ какъ въ исторіи древней Церкви—въ отверженіи опредѣленій разбойничьяго собора, такъ и исторіи нашей русской церкви—въ протестѣ міранъ противъ введенія унія въ западной Россіи.

(2) Богосл. сочиненія, стр. 64. Прага. 1867.

послужать къ скорѣйшему обличенію и осужденію преданныхъ этимъ заблужденіямъ. Притомъ, пастыри Церкви на соборахъ только тогда произносили свое окончательное сужденіе объ извѣстномъ предметѣ, когда находили его видимо согласнымъ съ истинами откровенія и преданія, когда убѣждались, что ихъ опредѣленіе повсюду встрѣтитъ себѣ сочувствіе, когда узнавали, что оно не будетъ противорѣчить всегдашнему вѣрованію Церкви, когда замѣчали въ средѣ своей согласіе на изрекаемое опредѣленіе ([1]). Руководясь такимъ взглядомъ, какъ внѣшне указательнымъ началомъ истины и несомнѣнности, при составленіи соборныхъ опредѣленій, пастыри Церкви не только сами убѣждались въ совершенной правотѣ своихъ рѣшеній; но вызываютъ и у насъ полнѣйшее довѣріе и послушаніе соборнымъ догматамъ и канонамъ. Понимая такъ настоящій предметъ, мы не можемъ приписывать всецѣло кому-либо изъ отцовъ извѣстное опредѣленіе, хотя бы оно и было заявлено имъ; напротивъ, принимаемъ его за непосредственный голосъ самой Церкви, за выраженіе сознанія и мыслей всего вселенскаго ея состава ([2]). Частное заявленіе, убѣжденіе лица останутся въ Церкви безъ послѣдствій для другихъ, коль скоро они не будутъ поддержаны общимъ вниманіемъ, не будутъ приняты всеобщимъ согласіемъ и не сдѣлаются предметомъ повсюднаго примѣненія ([3]). Таковъ законъ существованія

([1]) Для увѣренія въ этой мысли слѣдуетъ читать подлинныя дѣянія соборныхъ совѣщаній.

([2]) „Мнѣніе полнаго собора есть согласіе всей церкви" утверждалъ блаж. Августинъ: de baptism c. 18.

([3]) Мы отнюдь не должны, говоритъ тотъ же Отецъ, почитать разсужденія нѣкоторыхъ, хотя и православныхъ и похваляемыхъ мужей, наравнѣ съ каноническими писаніями, и думать, яко бы намъ не позволительно было, при достодолжномъ уваженіи къ этимъ лицамъ, въ писа-

Церкви, какъ вселенскаго союза Христовыхъ последователей; такова проба истинъ вѣры, какъ чрезвычайнаго дара для наученія, освященія и оправданія всего человѣчества; такова повѣрка всѣхъ явленій въ Церкви, какъ всемірномъ организмѣ, слагающемся изъ народовъ по мѣрѣ свободнаго объединенія ихъ въ вѣрѣ и любви. „Что у многихъ, замѣчалъ еще въ свое время Тертулліанъ, обрѣтается единымъ: то не измышлено, а предано" (1). „Всѣми мѣрами, говоритъ и Викентій Лиринскій, писатель V вѣка, надобно держаться того, во что вѣрили *повсюду*, во что вѣрили *всегда*, во что вѣрили *всѣ*: потому что только то въ дѣйствительности и въ собственномъ смыслѣ есть вселенское, какъ показываетъ и самое значеніе этого слова, что, сколько возможно, вообще все обнимаетъ" (2). Но опредѣленія соборовъ во всемъ являются именно проповѣдникомъ, покровителемъ и охранителемъ означеннаго начала. Они проповѣдуютъ *древность*, когда опредѣляютъ не отступать отъ того ученія, котораго несомнѣнно держались прежде бывшіе отцы и учители Церкви; покровительствуютъ *всеобщности*, когда объявляютъ истиннымъ то, что должно соблюдаться, или соблюдалось во всей Церкви; хранятъ *согласіе* всѣхъ, когда говорятъ отъ имени и отъ лица каѳолической Церкви. Слѣдовательно эти опредѣленія и всегда истинны, во всемъ несомнѣнны, и для всѣхъ обязательны. Истинны потому, что гово-

ніяхъ ихъ кое что не принимать и даже отвергать, если несомнѣнно узнаемъ, что они мыслили иначе, нежели какъ велитъ истина, другими или нами понятая при помощи Божіей. Epist. 148, ad Fortunat. n. 15, сн. Ambros. Epist 47, tom. III, pag. 152.

(1) Въ прещеніяхъ (de praescriptionib. haer.) на еретиковъ cap. XXVIII.

(2) Христ. Чт. май. 1869 г. стр. 154 сн. Пам. Запис. Викентія Лиринскаго въ руск. перев. I. Н. Казань 1863 г., стр. 16.

рать только согласное съ духомъ писанія и преданія; несомнѣнны отъ того, что законополагаютъ достойное существа и назначенія Христовой Церкви; обязательны на томъ основаніи, что предлагаются отъ имени правъ и авторитета Церкви, какъ носительницы силы и дѣйствій Святаго Духа. „Сознаюсь, пишетъ св. Григорій Великій, что я точно также пріемлю и уважаю четыре собора (бывшіе до него), какъ четыре книги святаго евангелія" (1). „Благоговѣйно почитаю и принимаю, исповѣдуетъ и Никифоръ, патріархъ константинопольскій, седмь святыхъ и вселенскихъ соборовъ, и всѣ сверхестественные догматы и опредѣленія, постановленные и утвержденные на нихъ святыми и божественными отцами нашими" (2). „Все то, что ни постановили, читаемъ и въ православномъ исповѣданіи, св. отцы на всѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ, гдѣ бы они ни были составлены, происходитъ отъ Духа Святаго, какъ апостолы на соборѣ своемъ сказали: *изволися Святому Духу и намъ*" (3).

Но указанныя свойства: истины, несомнѣнности и обязательности, необходимо дополнить, сполна и всецѣло принадлежатъ опредѣленіямъ только соборовъ вселенскихъ, подобно тому, какъ святость, непогрѣшимость и неоскудѣваемость усвояются только всей Церкви въ полномъ, вселенскомъ ея составѣ, а не церкви частной, помѣстной, заключенной въ извѣстныхъ предѣлахъ территоріи, притомъ опредѣленіямъ, принадлежащимъ къ догматамъ вѣры или касающимся существенныхъ сторонъ управленія и благоустройства Церкви. Частныя

(1) Oper. lib I, epist. 24.
(2) Biblioth. Graeca. Fabr. tom. XI, pag. 166.
(3) Правосл. испов. ч. I, вопр. 72.

церкви, по откровенію Іоанна Богослова (Ап. II, 5), и вмѣстѣ по свидѣтельству исторіи, могутъ отпадать отъ истины Христовой и покровительствовать заблужденію, такъ что *свѣтильникъ ихъ можетъ быть двинутъ отъ мѣста своего*. Между тѣмъ какъ каѳолическая (вселенская) Церковь не можетъ погрѣшать, или заблуждаться и изрекать ложь вмѣсто истины" [1]. Она, какъ *Церковь Бога жива*, какъ *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. III, 14—16), непогрѣшима въ своемъ ученіи и не оскудѣваетъ въ данной ей благодати". „Она безъ всякаго поврежденія преподаетъ всѣ догматы, которые нужно знать людямъ [2]; во всѣ времена имѣетъ одну и ту же благодать, чтобы сохранялось ея тѣло, и ни въ чемъ не воспреобладалъ ядъ еретическихъ догматовъ" [3]. „Она сражается со всѣми ересями, но не можетъ никогда быть побѣжденною" [4]. Такимъ образомъ, если не погрѣшима и не оскудѣваетъ Церковь каѳолическая вселенская, выраженіемъ согласія которой служитъ вселенскій соборъ [5]: то нашъ непремѣнный долгъ: указать самые признаки, отличающіе вселенскіе соборы.

Въ понятіи *вселенскій*: οἰκȣμενικὸς (отъ οἰκȣμένη—вселенная), которое обыкновенно прилагается къ соборамъ (ἡ οἰκȣμενικὴ σύνοδος), и καθολικὸς (отъ κατὰ и ὅλος), которое всегда усвояется Церкви (ἡ καθολικὴ ἐκκλησία) [6],

---

(1) Посл. Вост. Патр. чл. 12.

(2) Слова Кирилла Іерусал. Огл. поуч. XVIII, п. 23.

(3) Слова Θеоѳила Алекс. Epist. 77 ad. S. Epiph.

(4) Слова блаж. Августина: Sermo de Symbolo c. 6.

(5) По словамъ блаж. Августина: Plenarii concilii sententiam totius ecclesiae consensionem esse. de baptism. c. 18.

(6) Церковь названа каѳолическою (καθολική), по замѣчанію Климента Александрійскаго (Strom. lib. VII, c. 15), въ противоположность расколу (προς διαςολήν), которымъ называются ереси. Какъ ересь означаетъ отпа-

могутъ заключаться и, на самомъ дѣлѣ, имѣются два смысла: внѣшній и внутренній. Первымъ указывается на то, что Церковь есть царство, назначенное для всего міра, для всѣхъ мѣстъ и народовъ земнаго шара, для всѣхъ временъ и поколѣній человѣческаго рода. Такое всеміриое предназначеніе Христовой Церкви составляетъ первое ея отличіе отъ іудейской теократіи и всѣхъ языческихъ, религіозныхъ обществъ, обыкновенно связанныхъ съ извѣстнымъ мѣстомъ и опредѣленнымъ народомъ. Спаситель повелѣлъ своимъ апостоламъ нести евангеліе *во весь міръ*, проповѣдывать его *всей твари* (Марк. XVI, 15), научить спасительной вѣрѣ *вся языки* (Матѳ. XXV, 10, 19) и распространить ее даже до послѣднихъ земли (Дѣян. I, 8). Согласно съ этимъ *вселенство* Церкви понимали и св. отцы. Напр. св. Кириллъ Іерусалимскій говоритъ: „Церковь называется *вселенскою* (*καθολική*) (1) потому, что она находится во всей вселенной, отъ предѣловъ до предѣловъ земли" (*διὰ τὸ κατὰ πάσης εἶναι τῆς οἰκουμένης, ἀπὸ περάτων γῆς διὰ περάτων*) (2). Церковь называется греческимъ: *καθολική*,

---

деніе отъ единства, такъ Церковь каѳолическая хранитъ единство во множествѣ и при томъ такъ, что никакъ не можетъ распасться съ уничтоженіемъ частей, составляющихъ ее. Такое замѣчаніе сдѣлано Климентомъ на основаніи значенія ὅλος, которое употребляется въ рѣчи: о такихъ предметахъ, которыхъ части не мыслимы безъ цѣлаго, въ которыхъ все органически связано, будетъ ли эта связь физическая, или духовная, или мысленная; или о такихъ, въ которыхъ каждая часть служитъ образцомъ цѣлаго. см. Die Einheit in der Kirche... Mohler. стр. 265—270. Tubingen. 1843 г. Замѣчательно, что и указами греческихъ императоровъ каѳоликами предоставлено называться только христіанамъ православнымъ въ отличіе также отъ еретиковъ. Thesaur. Eccles. Suiceri: καθολικός.

(1) Такое названіе уже встрѣчается у св. Игнатія Богоносца въ Посл. къ Смирн. гл. 8: Ὅπου ἂν ᾖ Χριστὸς Ἰησοῦς, ἐκεῖ ἡ καθολικὴ ἐκκλησία.

(2) Оглас. поуч. XVIII, n 23, cм. Irenei contr. haeres. lib I, cap. 10, n 1; Cypr. de Unitate Eccles.

потому, замѣчаетъ блаж. Августинъ, что она распространена по всему лицу земли, что у всѣхъ народовъ есть Церковь (quia per totum orbem diffusa, omnes gentes habent ecclesiam) (¹). „Церковь, говоритъ св. Златоустъ, не обдержится качествомъ временъ, но управляется благодатію Духа Святаго, и потому не состарѣвается, не ослабѣваетъ, не преодолѣвается, будучи многими тѣснима“ (²). Вторымъ, т. е. внутреннимъ смысломъ понятія: *вселенскій* означается то, что ученіе, которое содержитъ и преподаетъ Церковь, обнимаетъ собою весь смыслъ жизни человѣка: его прошедшую, настоящую и будущую судьбу, и вполнѣ близко и родственно сердцу и совѣсти каждаго, что вѣра, которой научаетъ Церковь, необходима для всѣхъ, что благодать, которою пользуетъ Церковь, спасительна для каждаго, кто бы и гдѣ бы онъ ни былъ. Раскрытіе этихъ мыслей составляетъ главную тему посланій св. апостола Павла. Но мы находимъ за себя свидѣтельство также и въ писаніяхъ св. отцевъ. Напр., св. Кириллъ Іерусалимскій наименованіе Церкви *вселенскою* (καθολική) объясняетъ тѣмъ, „что она повсемѣстно и въ полнотѣ преподаетъ все то ученіе, которое должны знать всѣ люди— о вещахъ видимыхъ и невидимыхъ, небесныхъ и земныхъ, что весь родъ человѣческій приводитъ къ истинной вѣрѣ, начальниковъ и подчиненныхъ, ученыхъ и простыхъ людей, и что повсемѣстно врачуетъ и исцѣляетъ всѣ роды грѣховъ, душею и тѣломъ содѣваемыхъ, имѣетъ въ себѣ всякій видъ совершенства“ (³). Оба нами указанные смысла слова: *вселенскій*, въ его при-

(¹) Epist 52, n 1, in Psalm. 60, 6, сн. Θеодор. in Psalm. 47, 4. Ambr. in Luc. lib. VII. 91.

(²) Serm. de Pentec. сн. in Ies. homil. II, 2. in Psalm. 9, 6.

(³) Оглас. поуч. XVIII и 23.

мѣненіи къ Церкви, не противорѣчатъ другъ другу, напротивъ, необходимо предполагаютъ, требуютъ и подкрѣпляютъ другъ друга. Послѣдователи вселенскаго ученія, вселенской вѣры и благодати, безъ сомнѣнія, могутъ составить изъ себя вселенское общество вѣрующихъ, т. е. *всемірную Церковь*; на оборотъ и *всемірная Церковь* должна преподавать только *вселенское ученіе*, наставлять только *вселенской вѣрѣ* и пользовать только *спасительною для всѣхъ благодатію*. Очевидно тотъ и другой смыслъ слова вселенскій имѣла въ виду Церковь, когда она отличала этимъ титломъ нѣкоторыхъ своихъ, особо замѣчательныхъ и великихъ пастырей, когда по временамъ украшала имъ другихъ своихъ пастырей (¹) и навсегда усвоила патріарху цареградскому (²). Говоримъ: оба смысла потому, что Церковь сдѣлала это — сколько по уваженію къ проповѣданному лично ими или защищенному отъ нихъ ученію, вполнѣ согласному съ общею ея вѣрою, столько и по вниманію къ тѣмъ трудамъ, которые были подъяты ими на благоустройство и умиротвореніе всей вообще Церкви. Но какъ во всякомъ предметѣ внутренняя его сторона обыкновенно преимуществуетъ предъ внѣшнею: такъ и названіе: *вселенскій* дается Церкви по преимуществующему значенію ея внутренняго характера: т. е. *по свойству ея ученія*, *вѣры и благодати*. На этомъ основаніи Церковь названа вселенскою еще со временъ апостоловъ и удер-

(¹) См. въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акад." Январь, стр. 1, 1866 г.

(²) Впрочемъ о названіи титломъ „вселенскій" патріарховъ Константинополя и Рима, особенно нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ сочиненіи Досиѳея, патріарха іерусалимскаго, замѣчено, что это названіе давалось имъ „по причинѣ управленія великою частію вселенской", и оставалось за нѣкоторыми изъ нихъ „по одному лишь обычаю", въ соотвѣствіе тому, какъ египетскіе цари назывались Птоломеями; римскіе—Кесарями и владыками вселенной ibid. стр. 5. 11. 12—13.

живала это названіе въ первые вѣка, когда только начиналась ея всемірная миссія (1). На томъ же основаніи она, и всегда исключительно одна, называлась вселенскою, хотя общества еретиковъ и раскольниковъ бывали гораздо многочисленнѣе ея видимаго состава (2). „Гдѣ же тѣ, обличаетъ аріанъ св. Григорій Богословъ, которые укоряютъ насъ за нашу бѣдность и хвалятся своимъ мнимымъ богатствомъ, которые опредѣляютъ Церковь множествомъ членовъ (πλήθει τὴν ἐκκλησίαν ὁρίζοντες), а малое стадо презираютъ“ (3). „Множество, учитъ и св. Аѳанасій, приписывающее себѣ важность, можетъ наводить на людей страхъ, но убѣдить никого не можетъ“ (4). „Мы должны уступить вамъ въ числѣ вѣрующихъ, писалъ и патріархъ Нектарій патеру Петру, но вы должны подумать объ изреченіи вашего Іеронима, что истинная Церковь состоитъ не во множествѣ народа, а въ чистотѣ и въ божественности ученія“ (5). По преобладающему значенію внутренняго смысла: *вселенскій*, и мы называемъ современную намъ православную Церковь *вселенскою* не въ томъ смыслѣ, будто она на самомъ дѣлѣ объемлетъ всѣ народы, будто ея территорія, въ данное время, равна всему міру, или что она будетъ *вселенскою*, по обѣтованію, въ предстоящемъ будущемъ: мы называемъ православную Церковь *вселенскою* по ея существу, гдѣ исчезаютъ всѣ народности, дѣлаясь однимъ духовнымъ тѣломъ, по свой-

---

(1) Правосл. Догм. Богосл. Макарія, т. III, § 180; сн. Правосл. Догмат. Богосл. Филарета т. II, § 296—297.

(2) Sviceri. Thesavr. ecclesiast. sub voce: καθολικός.

(3) Изъ слова, говореннаго на II вселенскомъ соборѣ.

(4) Въ словѣ противъ аріанъ.

(5) Макар. Πατριαρχ. Νεκταρίου αντιρρησις. 1692; сн. Догм. Богосл. Филарета т. II, стр. 386, прим. 58.

ству ея ученія, въ которомъ сводятся всѣ племена къ единству вѣры и любви; мы называемъ Церковь *вселенскою* потому, что она вся, въ настоящемъ ея составѣ, живетъ и держится единствомъ общаго согласія; блюдетъ и хранитъ нужныя для всего міра начала вѣры и благодати; свѣтитъ всему человѣчеству лучами свѣта и истины; спасаетъ всѣхъ прибѣгающихъ къ ея благодатному лону (¹).

Двоякій смыслъ, какой понятіе *вселенскій* имѣетъ въ примѣненіи къ Церкви, долженъ быть сохраненъ намъ во всей его цѣлости и въ отношеніи къ соборамъ, поколику они называются симъ именемъ. Вселенскій соборъ не только отвѣчаетъ собою идеи Церкви, какъ царства свободы, единодушія и любви (²): но и служитъ чрезвычайнымъ выраженіемъ всѣхъ ея правъ и преимуществъ, какъ самостоятельнаго въ мірѣ учрежденія для цѣлей вѣры и благодати. Онъ не чужеядное растеніе, а живой и здоровый отпрыскъ духа и силы на живомъ, цѣломъ и саморазвивающемся древѣ Церкви. Онъ—оправданіе и новѣрка истины и правды Церкви, которыя производятся не человѣческими силами, но съ непремѣннымъ участіемъ всѣхъ внѣшнихъ частей ея организма. Вселенскій соборъ — необычайный актъ самоиспытанія и самоувѣренія въ богопреданной истинѣ, къ которому прибѣгаетъ вся Церковь въ минуты тяжелыхъ, историческихъ испытаній отъ человѣческой лжи и неправомыслія. Такое, особенное значеніе вселенскаго собора для Церкви, по необходимости, пере-

---

(¹) Нѣкоторыя изъ настоящихъ мыслей метко схвачены въ письмѣ Хомякова къ редактору „L'Union Chretienne" о значеніи словъ „каѳолическій и соборный". см. Богословскія Сочиненія, Прага 1867 г., стр. 277—283.

(²) Эта мысль была раскрыта нами выше.

носитъ на него всѣ признаки и свойства ея соборности и вселенства. Собраніемъ пастырей изъ разныхъ церквей, отъ различныхъ народовъ, съ правами дѣйствовать отъ имени всей каѳолической Церкви, соборъ отвѣчаетъ внѣшнему смыслу слова вселенскій; а изложеніемъ ученія, по точному духу вѣрованій всей Церкви, постановленіемъ правилъ, непреложныхъ и обязательныхъ на всѣ времена ея существованія (¹), соборъ приближается къ внутреннему значенію того же понятія. Всѣми желаніями и цѣлями соборъ сообразуется

(¹) Многихъ смущаетъ такая непреложность и обязательность церковныхъ правилъ. Для разсѣянія своего смущенія они прибѣгаютъ къ разнымъ мѣрамъ,—между прочимъ, раздѣляютъ церковныя правила на *важныя и неважныя, неизмѣняемыя и подлежащія измѣненію.* Этотъ взглядъ прямо противорѣчитъ взгляду Церкви, когда она на соборахъ признала неотмѣняемыми всѣ вообще правила, безъ раздѣленія ихъ на важныя и неважныя (IV, 1. VI, 2). Притомъ этотъ взглядъ похожъ на то, какъ если бы кто-нибудь сказалъ, что это грѣхъ по такой-то заповѣди св. Писанія, а сіе, напротивъ, не составляетъ грѣха, хотя и на сіе также есть запрещеніе въ св. Писаніи, потому что заповѣди св. Писанія не всѣ одинаковой важности, такъ что одни изъ нихъ можно нарушать съ спокойною совѣстію и не раскаяваться. Но св. апостолъ говоритъ: *иже бо весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ* (Іаков. II, 10)... Не принимая на себя труда рѣшать сего догматическаго вопроса, предложимъ нѣсколько мыслей, ведущихъ, кажется, къ его разрѣшенію.

Неоспоримо исторически то, что правила Церкви вызывались нуждами извѣстнаго времени и излагались для удовлетворенія этихъ нуждъ; но нельзя догматически отрицать того, что во всѣхъ, изложенныхъ по такимъ побужденіямъ, правилахъ сокрыто внутреннее присутствіе какой либо церковной, слѣдовательно истинной идеи, свѣтится сила того божественнаго авторитета, который одинъ можетъ законополагать подобныя правила. Слѣдствіе понятно: въ отношеніи къ этимъ правиламъ церковь непремѣнно должна быть послѣдовательна—хотя до извѣстной степени, если она хочетъ остаться одною и тою же, словомъ истинною церковію. Пользуясь во всякое время своими законодательными правами, Церковь можетъ дѣлать извѣстнаго рода уступку изъ строгости этихъ правилъ, во уваженіе историческимъ обстоятельствамъ и нуждамъ времени, применять къ нимъ внутренній смыслъ, а не объявлять вовсе недѣйствительными и отмѣнять самыя правила. Подобное поведеніе, если бы оно

съ общими началами существованія Церкви и служить ея вселенскому умиротворенію и благоустройству. На этомъ основаніи и всѣ признаки, которые только могутъ отличать вселенскіе соборы, должны отражать на себѣ духъ и требованія того же вселенскаго характера, должны быть признаками также внѣшними и внутренними.

Первымъ, бросающимся прямо въ глаза, внѣшнимъ признакомъ вселенскихъ соборовъ, которымъ они наглядно отличаются отъ соборовъ помѣстныхъ, служитъ

было допущено, обличало бы несостоятельность божественныхъ началъ, положенныхъ въ основаніе Христовой церкви, вводило бы въ ея законы противоположныя ея назначенію цѣли, показывало бы торжество человѣческихъ страстей надъ требованіями духовнаго авторитета церкви. Подобное поведеніе удовлетворяло бы той ложной мысли, будто дѣло спасенія человѣчества, усвоеніе міру искупительныхъ заслугъ Христа Спасителя должно совершаться не всегда по однимъ и тѣмъ же началамъ, помощію однихъ и тѣхъ же способовъ и средствъ... Начало обратной дѣятельности церкви, въ настоящемъ случаѣ, можно опояснить другимъ. У каждаго народа навсегда остаются одинаковыми нравственныя требованія жизни, особенно если разсматривать этотъ народъ въ предѣлахъ времени одной и той же исторической эры. Народъ, при правильномъ его развитіи, съ каждымъ временемъ, только болѣе и болѣе старается уяснять для себя и своего народнаго сознанія, начала добраго, честнаго, справедливаго. Требовать отъ народа того, чтобы онъ измѣнилъ однажды принятымъ имъ нравственнымъ началамъ—значитъ искушать природу человѣчества и вредить его исторіи. Слѣдовательно требовать и отъ церкви, какъ нравственнаго общества, того, чтобы она въ данное время совсѣмъ отмѣняла узаконенія, постановленныя ею въ прежнее время—значитъ ставить ее въ противорѣчіе съ самой собою, требовать того, чтобы она принесла въ жертву случайнымъ условіямъ существованія внутреннія вышеопытныя ея начала. Если только церковь для своихъ правилъ и опредѣленій, вызываемыхъ духомъ времени, почерпаетъ смыслъ изъ авторитета и мыслей божественныхъ (но мы такъ вѣруемъ, такъ научаетъ насъ вѣровать самый взглядъ на церковь, какъ на божественное учрежденіе, на органъ Св. Духа): то слѣдовательно они истинны и неизмѣнны въ своей сущности. Противъ нихъ едвали основательны возраженія частныхъ членовъ, достигающихъ своего нравственнаго и духовнаго воспитанія въ Христовой Церкви и ея установленіяхъ.

участіе въ нихъ всѣхъ мѣстныхъ церквей. Это участіе безъ сомнѣнія равно выражалось — какъ въ томъ случаѣ, когда помѣстныя церкви отправляли самихъ своихъ предстоятелей для непосредственнаго присутствованія на предполагаемомъ соборѣ, — такъ и въ томъ, когда предстоятели частныхъ церквей, отъ ихъ и своего имени, чрезъ особо уполномоченныхъ лицъ и вмѣстѣ съ ними, отправляли на соборъ посланія, написанныя по предмету предполагаемыхъ соборныхъ разсужденій, выражавшія живой голосъ и мнѣніе мѣстной церкви. Нельзя, разумѣется, отвергать того же участія и въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоятели частныхъ церквей, предварительно обсудивъ дѣло на мѣстномъ областномъ соборѣ, отправляли изъ своей среды одного или двухъ представителей и на соборъ вселенскій, или когда предстоятель одной церкви, занятый ея нуждами, поручалъ свое мнѣніе предстоятелю другой, хорошо зная его образъ мыслей, или, наконецъ, когда отъ извѣстной церкви по чему-либо не послѣдовало другаго отвѣта на приглашеніе къ вселенскому собору, кромѣ заявленной готовности сполна принять, имѣющія составиться на немъ, единодушныя опредѣленія. Такая готовность, коренясь на вѣрѣ въ несомнѣнную истину соборныхъ опредѣленій, имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ и дѣйствительное на соборѣ присутствіе уполномоченныхъ лицъ: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавше* (Іоан. XX, 29), сказалъ Самъ Спаситель. Соображая указанные нами способы, посредствомъ которыхъ мѣстныя церкви могли выражать свое участіе въ дѣяніяхъ вселенскихъ соборовъ, и припоминая ту дѣйствительную многочисленность отцовъ, присутствовавшихъ на нихъ съ разныхъ мѣстъ и отъ разныхъ народовъ, мы не видимъ

причины сомнѣваться въ томъ фактѣ, что дѣйствительно вся Церковь, во всемъ ея вселенскомъ составѣ, участвовала въ дѣяніяхъ и опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ. Особенно, если представимъ, что предѣлы христіанскаго міра, по крайней мѣрѣ въ началѣ дѣятельности вселенскихъ соборовъ, были почти равны территоріи Римскаго царства, что обычай постоянныхъ сношеній между церквами, начавшійся при апостолахъ, никогда не умиралъ въ Церкви, что строй церковнаго управленія, оставляя всю свободу дѣйствій каждой церкви въ ея частныхъ дѣлахъ ([1]), по распоряженіямъ въ дѣлахъ болѣе общихъ предоставлялъ инниціативу предстоятелямъ церквей знатнѣйшихъ мѣстъ и знаменитѣйшихъ городовъ ([2]).

Вслѣдъ за участіемъ всѣхъ церквей въ производствѣ вселенскихъ соборовъ также требуется принятіе самыхъ ихъ опредѣленій отъ предстоятелей тѣхъ же церквей, какъ присутствовавшихъ на соборѣ, такъ и отсутствовавшихъ. Подобное принятіе первыми свидѣтельствовалось собственноручнымъ ихъ подписомъ самыхъ соборныхъ актовъ; принятіе послѣдними выражалось ихъ согласіемъ на объявленныя имъ соборныя опредѣленія. Наблюденіе за полученіемъ такого согласія въ областяхъ меньшихъ возлагалось на митрополитовъ, въ областяхъ большихъ на екзарховъ. Стоитъ замѣтить что въ древности было правиломъ, чтобы для принятія соборныхъ опредѣленій требовать преимущественно согласія предстоятелей знаменитѣйшихъ христіанскихъ церквей: римской, константинопольской, антіохійской, александрійской и іерусалимской,—церквей, такъ ска-

([1]) Ант. 9, Карѳ. 6, Вас. Вел. 89 и др.
([2]) Ап. 34. 1, 4, 6, IV. 28, II, 2. Ант. 19, и м. д.

зать, столицъ христіанскаго міра. Это требованіе, на нашъ взглядъ, нисколько не разрушаетъ общаго смысла понятія: вселенскій. Въ настоящемъ случаѣ, съ внѣшнимъ значеніемъ этихъ церквей, которое онѣ получили отъ важности городовъ, принималась во вниманіе внутренняя важность ихъ, какъ мѣстъ, гдѣ апостолы по преимуществу сѣяли сѣмя своей проповѣди и оставили какъ духъ своихъ преданій,—такъ и букву своего ученія. Притомъ согласіе предстоятелей этихъ церквей, какъ многолюднѣйшихъ и имѣвшихъ большее вліяніе на дѣла всей Церкви, требовалось прежде другихъ и потому, что среди нихъ главнымъ образомъ нарождались ереси, что несогласіе предстоятелей этихъ церквей могло открыться болѣе гибельными для Церкви послѣдствіями, что на оборотъ ихъ согласіе могло расположить другихъ къ нравственному довѣрію и послушанію. Еще: несогласіе прочихъ іерарховъ накликало на нихъ судъ только митрополитовъ области; несогласіе митрополита—судилось екзархомъ или патріархомъ; несогласіе же, наконецъ, самаго патріарха становилось дѣломъ общецерковнымъ и требовало участія въ судѣ надъ нимъ первостоятелей другихъ престоловъ.

Вмѣстѣ съ согласіемъ предстоятелей на принятіе соборныхъ опредѣленій, необходимо требуется также и согласіе всего клира и народа. Это согласіе, въ ряду внѣшнихъ признаковъ вселенскихъ соборовъ, имѣетъ особенную важность потому, что затрогиваетъ собою весь составъ церковнаго общества, свидѣтельствуетъ объ единодушномъ — въ буквальномъ значеніи этого слова—сознаніи правоты и благоплодности соборныхъ опредѣленій. Пусть соборныя опредѣленія будутъ выданы отъ имени всѣхъ собравшихся на соборъ пред-

стоятелей; но, если только они не встрѣтятъ одобренія со стороны всего церковнаго народа: то подобныя опредѣленія не могутъ дать своимъ соборамъ титла вселенскій. „Бывали, скажемъ словами Хомякова, соборы еретическіе, каковы напримѣръ тѣ, на которыхъ составленъ былъ полуаріанскій символъ; соборы, на которыхъ подписавшихся епископовъ насчитывалось вдвое болѣе, чѣмъ на никейскомъ, соборы на которыхъ императоры принимали ересь, патріархи провозглашали ересь, папы подчинялись ереси. Почему же отвергнуты эти соборы, не представляющіе никакихъ наружныхъ отличій отъ соборовъ вселенскихъ? Потому единственно, что ихъ рѣшенія не были признаны за голосъ Церкви всѣмъ церковнымъ народомъ“ (¹). Согласіе церковнаго народа на принятіе соборныхъ опредѣленій дѣлаетъ то, что изъ области теоріи переводитъ ихъ въ дѣйствительную практику Церкви, ставитъ непосредственнымъ достояніемъ всего ея общества. И добавимъ, что означенное согласіе должно имѣть мѣсто не только во время самаго обнародованія соборныхъ опредѣленій, а и во все остальное время жизни Христовой Церкви.

Но всѣ означенные нами признаки вселенскихъ соборовъ, поколику суть внѣшніе, не могутъ быть названы признаками самостоятельными: они получаютъ свое значеніе лишь потому, что служатъ слѣдствіемъ и дополненіемъ признаковъ внутреннихъ, взятыхъ изъ сущности вселенскихъ соборовъ и дѣйственности ихъ опредѣленій.

Вселенскій соборъ тотъ, который былъ созванъ отъ имени всей каѳолической Церкви, созванъ вслѣдствіе

(¹) Богосл. сочиненія т. II. Прага, 1867 г., стр. 64.

дѣйствительныхъ и неотложныхъ нуждъ, касавшихся всей Церкви, созванъ съ цѣлію удовлетворить именно этимъ нуждамъ, положить конецъ нестроеніямъ и безпорядкамъ, смущавшимъ Христову Церковь. Высказывая это, мы хотимъ сказать, что предметами разсужденій собора, какъ вселенскаго, должны быть не тѣ частные предметы, которые касаются управленія, дисциплины и благоустройства одной какой-либо мѣстной церкви, а вопросы общіе, относящіеся до существа вѣры и ученія Церкви, касающіеся коренныхъ началъ и цѣлей ея существованія, и имѣющія важность для всѣхъ церквей христіанскаго міра. Если не будетъ этой внутренней черты, т. е. *предмета разсужденій вселенскаго характера*, то и въ существѣ собора, названнаго вселенскимъ, не останется основанія, по которому его разсужденія могутъ имѣть вселенское значеніе, простираться на всю Христову Церковь и занимать вселенское ея общество. Только *вселенность предмета*—если только можно такъ выразиться—подлежащаго обсужденію, ставитъ соборъ въ органическую связь со всѣмъ тѣломъ Церкви, необходимо требуетъ живаго участія всѣхъ отдѣльныхъ его членовъ; нуждается также и во всеобщемъ признаніи соборныхъ опредѣленій, которое выражается единодушнымъ согласіемъ паствы съ ея пастырями.

Но чтобы означенное согласіе непремѣнно воспослѣдовало и было законно, для сего вселенскій соборъ долженъ провозглашать въ своихъ опредѣленіяхъ не новое какое-либо, неслыханное въ Церкви ученіе, а отыскивать и изрекать истину древняго преданія (¹).

(¹) „Тѣ, кои толкуютъ писанія вопреки церковному преданію, потеряли правило истины", учитъ Климентъ Александрійскій (Strom VII;

Отсюда возникаетъ новая внутренняя черта вселенскихъ соборовъ, касающаяся прямо ихъ опредѣленій. Эта черта: *совершенная вѣрность соборныхъ опредѣленій всему божественному ученію Церкви, сохраняющемуся въ св. Писаніи и св. Преданіи.* На эту вѣрность, какъ указательное начало истины, намекалъ и св.Ириней, когда говорилъ: „Если бы о чемъ-либо возродился споръ, то не надлежало ли бы обратиться къ древнѣйшимъ, видѣвшимъ у себя апостоловъ, церквамъ, и отъ нихъ получить, что только касательно настоящаго, спорнаго предмета, есть извѣстнаго и очевидно яснаго" (¹). Эту вѣрность, какъ необходимый признакъ истины, утвердилъ и VII-й Соборъ. „Хранимъ не нововводно все, писаніемъ или безъ писанія установленныя для насъ церковныя преданія" (²). Эта вѣрность, какъ осязательное свидѣтельство богодухновенности соборныхъ опредѣленій, располагаетъ всю Церковь къ свободному принятію ихъ и совершенному послушанію имъ.

Указанные нами признаки даютъ всѣ права соборамъ на то, чтобы они и сами называли себя вселенскими и были признаны таковыми въ Церкви. Но *самое это признаніе, какъ довершительный ихъ признакъ,* обыкновенно выражается утвержденіемъ соборовъ предшествующаго времени соборами послѣдующими. Такъ II-й Соборъ утвердилъ опредѣленіе Собора I-го (II, I). Соборъ III-й бывшіе прежде него (III, 7. 8). Тоже сдѣлалъ и соборъ IV (IV, I). Соборъ Трульскій, VI Вселенскій, въ

см. Orig. tract. in Matt. 29. De princip. praefat c. 11). „Если мы обратимся къ источнику божественнаго преданія, то прекратится заблужденіе человѣческое", говоритъ св. Кипріанъ. Epist. 74.

(¹) Изъ сочиненія: Advers. Haeres. въ Христ. Чт. 1838 г., ч. II, стр. 7.

(²) См. Догматъ о иконопочитаніи въ кн. Правилъ.

своемъ утвержденіи буквально переименовалъ всѣ принятые имъ соборы (VI, 2). Соборъ II-й Никейскій, VII-й Вселенскій, хотя въ общихъ словахъ, но также призналъ и утвердилъ авторитетъ прежнихъ шести соборовъ вселенскихъ (VII, I). Соборъ константинопольскій (879 г.), „бывшій въ храмѣ премудрости слова Божія“, утвердилъ правила послѣдняго, т. е. VII Вселенскаго Собора ([1]). Но самъ константинопольскій соборъ,—хотя онъ и называетъ себя въ своихъ правилахъ вселенскимъ и надписывается таковымъ, какъ VIII-й Вселенскій, въ нѣкоторыхъ сборникахъ ([2]), — остается неутвержденнымъ и потому непризнаннымъ въ Церкви. Церковь знаетъ только седьмь вселенскихъ соборовъ, которые почтила особыми, духовными торжествами, назвала ихъ седьмью столпами, на которыхъ утверждена истина православія ([3]). Больше этого числа и нельзя назвать, имѣя въ виду указанные нами отличительные признаки вселенскихъ соборовъ ([4]).

Вселенскіе соборы, какъ собраніе пастырей изъ разныхъ церквей и мѣстъ государственной территоріи, по самому порядку ихъ образованія, должны быть признаны нами за чрезвычайныя событія не только въ Церкви, а вмѣстѣ и въ государствѣ. Причинами къ созванію

([1]) Въ надписаніи этаго собора говорится: *κανόνες ἐκτεθέντες παρὰ τῆς ἁγίας Συνόδυ, τῆς ἐν τῷ περιωνύμῳ ναῷ τῆς Θεοῦ Λόγυ Σοφίας συςάσης, καὶ τῆς ζ οἰκυμενικὴν σύνοδος βεβαιωσάσης, πᾶσαν δὲ σχισματικὴν καὶ αἱρετικὴν πλάνην ἀπελασάσης*. Словами: *καὶ τῆς ζ οἰκυμενικὴν σύνοδον βεβαιωσάσης*—указывается на утвержденіе имъ дѣяній собора VII вселенскаго, см. Beveregii. Pandectae. t —II, также Славян. Корм., опытъ Курса Церк. Законов. т. II, стр. 573.

([2]) См. 1 и 2 его правила, въ которыхъ встрѣчаются выраженія: „святый и *вселенскій* соборъ опредѣлилъ“... Книга правилъ, стр. 437—438.

([3]) Память перваго собора празднуется въ VII-ю недѣлю по Пасхѣ; шести первыхъ вмѣстѣ 16-го іюля; седьмаго вселенскаго 11-го октября.

([4]) Подробное раскрытіе этой мысли принадлежитъ Догматикѣ.

вселенскихъ соборовъ обыкновенно служили особенныя нужды Церкви; но эти нужды всегда развивались въ жизни общества, стояли въ связи съ господствовавшими въ немъ направленіями и непосредственно вліяли на его положеніе. — Поэтому вопросъ о томъ, кому принадлежитъ законное право созывать вселенскій соборъ, съ перваго взгляда, является вопросомъ сложнымъ и двусторонним, касающимся правъ Церкви и вмѣстѣ власти общества. Чтобы правильно рѣшить этотъ вопросъ, намъ необходимо имѣть въ виду и теорію правъ Церкви и теорію законныхъ отношеній власти общества къ дѣламъ церковнымъ.

Но, по теоріи правъ Церкви, какъ отдѣльнаго на землѣ духовнаго общества, какъ особаго среди людей, благодатнаго Божія царства (Іоан. XVIII, 36), необходимо слѣдуетъ признать общимъ то заключеніе, что Христова Церковь должна быть самостоятельна въ устройствѣ собственныхъ ея дѣлъ, порядковъ и учрежденій; что ей самой принадлежитъ власть разрѣшать вопросы своей вѣры и насаждать порядокъ своей жизни; что распоряженія, касающіяся этихъ предметовъ, должны истекать отъ нея самой, стоять въ тѣсной связи съ существомъ ея общей цѣли и настоятельными нуждами ея бытія. Въ такомъ порядкѣ самоуправленія Христовой Церкви и скрывается вся истинная сущность обязательности и авторитета всѣхъ ея дѣйствій и распоряженій. Но при отсутствіи въ Церкви, какъ нравственномъ царствѣ, одного высшаго правителя, видимаго, единоличнаго главы, въ правахъ и власти котораго, какъ бы въ общемъ центрѣ, сходились и объединялись всѣ ея отправленія, который одинъ своимъ полномочіемъ, какъ внѣшне указательнымъ началомъ,

напередъ диктовалъ бы смыслъ и определялъ законный исходъ для всякаго проявленія церковной мысли и жизни, — при отсутствіи съ одной стороны такого правителя, равнымъ образомъ съ другой, при недостаткѣ въ Церкви, какъ духовномъ обществѣ, внѣшняго, юридическаго права,—по которому обнародованныя ею распоряженія дѣлались бы вмѣстѣ и положительными, юридически обязательными законами, — которое въ то же время, внѣшнимъ образомъ, ограждало свободу, миръ и благоденствіе Церкви,—говоримъ: при отсутствіи того правителя и при недостаткѣ у Церкви этого права, нечувствительно, по необходимости, какъ бы самъ собою, усложняется порядокъ ея полнаго благоустройства, выступаютъ своего рода неизбѣжныя условія и нужды, которыя дѣло общаго благоустройства Церкви ставятъ предметомъ вниманія всего ея общества, вводятъ его въ кругъ непосредственныхъ заботъ власти, правящей государствомъ, требуютъ, чтобы оно совершалось въ извѣстномъ порядкѣ, съ соблюденіемъ государственной законности. Словомъ для Церкви,—пока она остается духовнымъ царствомъ, находится въ союзѣ съ человѣческимъ обществомъ и отъ него получаетъ всѣхъ своихъ членовъ,—является неизбѣжнымъ участіе въ ея дѣлахъ сторонней власти, важнымъ внѣшнее ея содѣйствіе. Но та же теорія правъ Церкви заставляетъ насъ здѣсь дополнить, что и при этихъ участіи и содѣйствіи первоначальная творческая сила, какъ говорится, инипіатива во всемъ, что касается судьбы Церкви, должна принадлежать ей самой, должна истекать непосредственно отъ ея авторитета. Участіе и содѣйствіе внѣшней власти должны быть только служеніемъ и вспомоществованіемъ успѣшному обнаруженію и дѣйствованію ду-

ковныхъ правъ и авторитета самой Церкви, должны согласоваться съ внутренними началами и цѣлями ея существованія, направляться только къ сохраненію блага и поддержанію истины Церкви. Какъ Церковь неистощимымъ богатствомъ сверхъестественныхъ своихъ дарованій не отрицаетъ естественныхъ средствъ бытія и существованія человѣческихъ обществъ, напротивъ примѣнительно къ ихъ быту устроиваетъ собственную организацію и дѣйствуетъ своими правами: такъ и человѣческое общество и его власть, призываясь къ участію въ дѣлахъ Церкви, оказывая содѣйствіе успѣхамъ ея существованія, не должны посягать на внутренній строй ея жизни, насиловать ея нравственнаго авторитета, святотатственно касаться ея духовной свободы и истины. Церковь неотдѣлима отъ человѣческаго общества, какъ отъ своихъ собственныхъ членовъ, наоборотъ и человѣческое общество не мыслимо безъ Церкви, какъ безъ своей внутренно-просвѣщающей, нравственной силы. Но Церковь оберегаетъ и развиваетъ духовные интересы человѣчества, вліяя вмѣстѣ и на внѣшнее его благополучіе; общество преимущественно служитъ временнымъ его выгодамъ, не пренебрегая и нравственными его стремленіями. Съ точки зрѣнія такихъ общихъ, неизбѣжныхъ, взаимныхъ соотношеній Церкви и государства безъ труда можно понять всю необходимость совмѣстнаго ихъ участія и въ дѣлѣ созванія вселенскихъ соборовъ. Въ общемъ смыслѣ, они созываются по нуждамъ церкви, но не безъ содѣйстія власти государства.

Если пожелаемъ раздѣльно представить, требуемое самымъ существомъ предмета, совмѣстное участіе и церковной и гражданской власти въ созваніи все-

ленскихъ соборовъ: то мы должны будемъ сказать, что, по внутренней сторонѣ, вселенскіе соборы сполна были произведеніемъ и дѣломъ власти церковной, между тѣмъ какъ со стороны внѣшней они были подчинены вѣденію и вліяніямъ власти государственной. Въ частности: причины, побудившія къ созванію вселенскаго собора, предметы его разсужденій, также лица, имѣвшія право обсуждать и рѣшать эти предметы, наконецъ изложеніе соборныхъ опредѣленій: все это и подобное прямо зависѣло отъ власти Церкви, устанавливалось правами ея духовнаго авторитета. Напротивъ: указаніе мѣста и времени для соборныхъ совѣщаній, ручательство за непомѣшательство дѣйствіямъ собора и безопасность лицъ, присутствовавшихъ на немъ, ручательство за то, что опредѣленія, постановленныя соборомъ, будутъ обнародованы во всеобщую извѣстность и ограждены отъ оскорбленій упорства и злонамѣренности: все это и подобное требовало участія власти государственной, достигалось ея распоряженіями. Правдозаконность такого образа участія обѣихъ властей въ дѣлѣ созванія вселенскихъ соборовъ оправдывается непосредственнымъ характеромъ этихъ властей и ихъ различнымъ назначеніемъ; она же свидѣтельствуется и неопровержимыми историческими фактами. Для доказательства этой мысли довольно упомянуть, что, до обнародованія и признанія христіанской вѣры господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, не было и не могло быть вселенскихъ соборовъ; съ одной стороны сему мѣшало враждебное противъ христіанской вѣры настроеніе языческаго общества, и отсюда повсемѣстныя гоненія, стѣснявшія Христову Церковь; съ другой сама государственная власть только преслѣдовала Церковь и, по

временамъ, терпѣла ея вѣру, но не служила благоустройству ея существованія. Въ такомъ положеніи Церкви ея представителямъ нельзя было и думать о вселенскомъ соборѣ, чтобы не вызвать большихъ преслѣдованій со стороны государства и его власти, чтобы не подвергнуть правъ и авторитета Церкви большему позору и осмѣянію. Только со времени мирнаго союза государства съ Церковію открывается пора довольно длиннаго ряда соборовъ.

Но было бы крайнею несправедливостію, если бы кто, на основаніи замѣченныхъ фактовъ, сталъ утверждать, что вселенскіе соборы своимъ существованіемъ были обязаны исключительно желанію и правамъ одной государственной власти, что созваніе ихъ сполна условливалось произволомъ государей Византіи. Подобная мысль, не имѣя за себя ничего въ указанныхъ фактахъ, противорѣчитъ послѣдующимъ указаніямъ исторіи. Исторія говоритъ, что всѣ вселенскіе соборы были созваны для обличенія и осужденія важнѣйшихъ еретическихъ ученій, распространившихся въ Церкви, что опроверженіе такихъ лжеученій всегда принадлежало пастырямъ Церкви и было непосредственною ихъ обязанностію, что пастыри обыкновенно первые заявляли желаніе положить конецъ церковнымъ нестроеніямъ посредствомъ собора, что соборы, собираясь по указамъ и распоряженіямъ государей, были удовлетвореніемъ желанію пастырей, ревновавшихъ о мирѣ Церкви и чистотѣ ея вѣры. Такъ говоритъ исторія очевиднѣйшими ея фактами; а внутреннее пониманіе самаго предмета здѣсь дополняетъ, что еслибы и не воспослѣдовало собора по заявленію пастырей, то голосъ ихъ, какъ предстоятелей, долженъ имѣть свою несомнѣнную силу въ

Церкви, долженъ служить защищенію ея истины и обнаруженію ея собственнаго авторитета. „Ужели еще нужно собирать соборъ, — писалъ въ свое время блаженный Августинъ, разсуждая о ереси пелагіанъ, — чтобы обличить столь явную погибель! Какъ будто никакая ересь никогда не была осуждена безъ созванія собора, тогда какъ, напротивъ, извѣстны весьма не многія ереси, для обличенія которыхъ открывалась такая потребность, и многія, и притомъ несравненно большее число, гдѣ являлись, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ и подвергались справедливому обличенію и осужденію, и уже оттуда давалось это во извѣстіе всѣмъ прочимъ церквамъ для предостереженія“ (1). И вселенскіе соборы, собираясь по распоряженіямъ государей, въ существѣ своемъ были произведеніемъ того дѣйствовавшаго отъ начала Церкви права, которое прежде проявляло себя во взаимныхъ и единодушныхъ сношеніяхъ церквей, свидѣтельствовалось обсужденіемъ церковныхъ вопросовъ чрезъ частныя посланія пастырей или помѣстныя ихъ собранія. Вселенскіе соборы только преимуществовали предъ этимъ порядкомъ. Каждому ясно, что на соборѣ, при свободномъ обсужденіи различныхъ мнѣній и сомнѣній, возникающихъ при разсмотрѣніи даннаго вопроса, долженъ быть полученъ болѣе рѣшительный и успѣшный результатъ, чѣмъ въ то время, когда каждый епископъ въ отдѣльности или нѣсколько ихъ вмѣстѣ отвѣчаютъ на вопросъ, требующій неотложнаго рѣшенія. Каждый понимаетъ, что принятое на соборѣ опредѣленіе, благодаря участію и покровительству государственной власти, какъ обязательный законъ, дѣлалось извѣстнымъ во всѣхъ концахъ христіанскаго міра, огра-

(1) Lib. IV ad Bonifac. contra duas epist. Pelagian. cap. 12.

ждалось отъ открытыхъ выходокъ упорства и наглости (1). Благоплодность слѣдствій вселенскаго собора откроется для насъ еще яснѣе, когда представимъ, что востокъ и западъ, какъ отдѣльныя части имперіи, составляя въ то же время одно тѣло Христовой Церкви, могли на вселенскихъ соборахъ самымъ непосредственнымъ образомъ, обмѣниваться взаимною помощью въ нравственныхъ, религіозныхъ предпріятіяхъ, благихъ цѣляхъ. Результаты подобнаго обмѣна нечувствительно возрастутъ для насъ, когда присоединимъ сюда покровительство государственной власти, устраняющей здѣсь внѣшнія препятствія и содѣйствующей успѣхамъ благихъ начинаній. „Первою моею обязанностію, писалъ Константинъ Великій церквамъ, послѣ никейскаго собора, было заботиться о томъ, чтобы между всѣми блаженнѣйшими общинами вселенской Церкви соблюдалась единая вѣра, искренняя любовь и согласное почтеніе Вседержителя Бога. Но такъ какъ это не могло пріити въ неизмѣнный и твердый порядокъ, пока не сошлись бы въ одно мѣсто всѣ, или по крайней мѣрѣ весьма многіе епископы, и не разсмотрѣли бы каждаго предмета, относящагося къ божественной вѣрѣ; то я собралъ, сколько можно, болѣе епископовъ“ (2). Но, по подражанію Константину Великому, если не вполнѣ въ его духѣ, дѣйствовали и другіе послѣ него импера-

(1) Слѣды обращенія власти Церкви къ власти государственной за огражденіемъ ея распоряженій отъ упорства и непокорности виновныхъ можно встрѣчать еще до союза Церкви съ государствомъ. Соборъ Антіохійскій осудилъ Павла Самосатскаго за его лжеученіе; но Павелъ и не думалъ слушаться сего осужденія, продолжалъ по прежнему занимать епископскую каѳедру и жить въ домѣ епископа. Для отрѣшенія виновнаго соборъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ императору Авреліану (Церк. Ист. Евс. VII. 30).

(2) Евсевій. О жизни Констант. III, гл. 17, стр. 179.

торы, когда созывали вселенскіе соборы по требованію настоятельныхъ нуждъ и для пользы Церкви, а не изъ тщеславнаго угожденія своему цезарскому властолюбію.

И такъ содружественнымъ участіемъ церковной и гражданской власти и разрѣшается весь вопросъ о томъ, кому принадлежитъ прямое право созывать вселенскій соборъ. Оно принадлежитъ прежде всего самой Церкви, поколику въ ней усматриваются нужды къ созванію такаго собора; ея властію устанавливается истина соборныхъ опредѣленій; къ ея непосредственной пользѣ направляются и самыя эти опредѣленія. Потомъ и государство, частнѣе его власть, раздѣляетъ съ нею это право, поколику въ распоряженіяхъ этой власти находятся средства — какъ къ созванію пастырей въ одно мѣсто, — такъ и къ охраненію внѣшней ихъ безопасности здѣсь; поколику отъ покровительства этой же власти зависитъ охраненіе соборныхъ распоряженій отъ наглаго упорства и злобнаго ожесточенія. Въ такомъ совмѣстномъ участіи обѣихъ властей въ актѣ созванія вселенскаго собора, если только они дѣйствуютъ здѣсь согласно ихъ назначенію, нѣтъ ничего предосудительнаго и незаконнаго, а скрывается наивѣрнѣйшій залогъ къ успѣху дѣйствій и процвѣтанію мира, какъ самой церкви, такъ и государства.

(Продолженіе будетъ)

Т. Варсовъ.

РУССКІЙ ПРОСТОНАРОДНЫЙ МИСТИЦИЗМЪ.

(СООБЩЕНІЕ, ЧИТАННОЕ ВЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛЕНІИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, 13-ГО МАЯ 1869 Г.)

Мм. гг. Литература отечественной этнографіи недавно обогатилась двумя капитальными пріобрѣтеніями. Я разумѣю изданную въ началѣ настоящаго года въ Казани профессоромъ церковной исторіи въ тамошнемъ университетѣ г. Добротворскимъ монографію: „Люди Божіи, русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ" и двѣ статьи г. Мельникова въ „Русскомъ Вѣстникѣ": „Тайныя секты" и „Бѣлые голуби". Книга г. Добротворскаго и статьи Мельникова посвящены одному и тому же предмету — изслѣдованію исторіи, ученія и обрядовъ секты, извѣстной въ народѣ подъ именемъ Хлыстовщины и болѣе точно названной г. Добротворскимъ „Людьми Божьими"—именемъ, которое усвояетъ себѣ въ своихъ пѣсняхъ сама секта. Но, не смотря на замѣчательное обиліе свѣдѣній, сообщаемыхъ двумя почтенными изслѣдователями, нельзя сказать, чтобы этотъ важный и интересный предметъ былъ исчерпанъ ими вполнѣ, такъ, чтобы наукѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только подвести итогъ и сдѣлать окончательныя заклю-

ченія о сектѣ. Вотъ почему, мм. гг., я испросилъ у васъ позволеніе обратить ваше вниманіе на собранные мною новые матеріалы, относящіеся къ тому-же предмету, которому посвятили свои труды гг. Добротворскій и Мельниковъ. Съ давнихъ поръ занимаясь съ особеннымъ вниманіемъ изученіемъ русскихъ сектъ, я имѣлъ возможность, между прочимъ, изъ разныхъ источниковъ, преимущественно въ г. Липецкѣ (лѣтомъ 1868 г.) собрать 145 пѣсенъ секты Людей Божіихъ, отчасти историческихъ и догматическихъ, отчасти — обрядоваго и смѣшаннаго содержанія (1).

Отвергая богослуженіе Церкви и находя ея пѣснопѣнія недостаточными для своихъ радѣній, сектанты учатъ, что нужно Господеви воспѣвать всегда пѣснь нову. На практикѣ, конечно, этотъ принципъ строго не выдерживается сектантами; есть много церковныхъ пѣснопѣній, употребляемыхъ и хлыстами: это тѣ пѣсни, которыя хлысты находятъ возможнымъ истолковать въ смыслѣ своего ученія (преимущественно пѣсни церковныхъ каноновъ). Нѣкоторыя хлыстовскія пѣсни представляютъ текстъ пѣсенъ православныхъ въ извращенномъ и испорченномъ видѣ, или въ стихотворномъ переложеніи, какъ напр.:

Бога человѣкомъ
Видѣть не возможно;
На него не смѣютъ
Ангелы взирати. И т. д.

Но тѣмъ не менѣе, въ силу указаннаго принципа, хлыстовскіе пророки и пророчицы на радѣніяхъ большею частію считаютъ себя обязанными, по крайнему своему разумѣнію, импровизировать каждый разъ новые

(1) Изъ числа ихъ 36 пѣсенъ представляютъ болѣе полные варіанты пѣсенъ, уже напечатанныхъ прежде въ разныхъ изданіяхъ.

гимны и пророчества. Здѣсь источникъ необычайнаго обилія хлыстовскихъ пѣсенъ. Въ литературномъ отношеніи, въ отношеніи своего грамматическаго и стихотворнаго склада, пѣсни хлыстовъ имѣютъ не одинаковое достоинство, хотя всѣ непремѣнно выражаютъ хлыстовское ученіе въ примѣненіи къ частнымъ обстоятельствамъ цѣлой секты или одного корабля. Неудачно составленныя, будучи разъ пропѣты, забываются, лучшія же записываются желающими, усвояются другими кораблями и получаютъ въ сектѣ такъ сказать классическое значеніе.

Какъ велико число этихъ пѣсенъ, можно судить по тому, что не смотря на то, что эти пѣсни, какъ и самое ученіе хлыстовъ содержатся сектантами въ строгой тайнѣ, что онѣ становятся достояніемъ изслѣдователей лишь случайно или съ чрезвычайными усиліями, что собираніемъ этихъ пѣсенъ, какъ и изслѣдованіемъ самой секты стали заниматься весьма недавно, — кромѣ собранныхъ мною 145 пѣсенъ, мы имѣемъ еще больше 50-ти пѣсенъ, собранныхъ покойнымъ Н. И. Надеждинымъ (въ приложеніи къ его „Изслѣдованію о скопческой ереси"), 85 пѣсенъ, собранныхъ г. Добротворскимъ (изъ нихъ впрочемъ около 20 пѣсенъ — тѣже, что и у Надеждина) (¹), да въ разныхъ мелкихъ статьяхъ о скопчествѣ и хлыстовщинѣ можно насчитать до 40 пѣсенъ (въ статьѣ Крыжина—въ Вѣстникѣ Географ. Общества, въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, и пр.).

Пѣсни хлыстовъ, по моему мнѣнію, имѣютъ двоякій интересъ: историко - литературный, какъ памятники

(¹) Именно пѣсни: 5-я (у Кел. 25-я), 6-я (—1-я), 7-я (—2-я), 8-я (—3-я), 15-я (—4-я), 16-я (11-я), 19-я (26-я), 24-я (—27-я), 25-я (9-я), 32-я (13-я), 35-я (6-я), 39-я (10-я), 42-я (5-я), 43-я (8-я), 45-я (20-я) 68-я (12-я), 80-я (30-я).

устной народной словесности, поэтическаго народнаго творчества, и — историко-культурный, какъ матеріалъ для характеристики одного изъ наиболѣе распространенныхъ видовъ русскаго религіознаго разномыслія, какъ болѣе или менѣе значительный фактъ духовной самобытности и умственной самодѣятельности русскаго простолюдина. Какъ произведенія поэтическаго творчества эти пѣсни, мнѣ кажется, должны быть поставлены отнюдь не ниже, если не выше нашихъ духовныхъ стиховъ и легендъ, къ которымъ онѣ непосредственно примыкаютъ по своему религіозному характеру и отъ которыхъ отличаются лишь большею самобытностію въ замыслѣ, своеобразіемъ основнаго мотива и внѣшняго построенія. Въ большинствѣ ихъ замѣчается искусное соединеніе мысли и образа, глубокое лирическое чувство, доходящее по временамъ до восторженности, живописность образовъ и стройность картинъ. Во второмъ отношеніи—какъ матеріалъ для характеристики секты, ея ученія и обрядовъ, ея внутренняго быта—пѣсни хлыстовъ, по моему мнѣнію, имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ тѣ показанія уличенныхъ въ хлыстовствѣ крестьянъ, какія записаны слѣдователями и затѣмъ изъ министерскихъ архивовъ попадаютъ въ руки изслѣдователей. Если въ этихъ послѣднихъ вѣрованія хлыстовъ излагаются съ документальною ясностію и опредѣлительностію, то въ пѣсняхъ они представляются намъ съ большею полнотою, рельефностію и, главное, съ большею вѣрностію. Что касается до такихъ матеріаловъ, какъ письма Радаева, которыя послужили главнымъ источникомъ для изслѣдованія г. Добротворскаго, то можно опасаться, что въ нихъ содержится не столько ученіе цѣлой секты, сколько личныя понятія о предме-

тахъ вѣры—самаго арзамасскаго пророка: тогда какъ пѣсни хлыстовъ, распѣваемыя повсемѣстно въ хлыстовскихъ корабляхъ съ давнихъ поръ, содержатъ въ себѣ несомнѣнно ученіе цѣлой секты.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, представляя собранныя мною пѣсни въ распоряженіе отдѣленія энтографіи, для котораго изученіе памятниковъ самобытной народной культуры, народнаго русскаго творчества составляетъ прямую задачу, я полагалъ бы полезнымъ напечатать ихъ въ одномъ изъ изданій общества, предварительно обработавъ ихъ для изданія въ томъ видѣ, въ какомъ вообще принято издавать памятники народной словесности, какъ это дѣлаютъ г.г. Безсоновъ и Рыбниковъ при изданіи былинъ и духовныхъ стиховъ, Аѳанасьевъ—при изданіи сказокъ: раздѣлить ихъ на группы, примѣнительно къ характеру ихъ содержанія, сдѣлать сводные тексты нѣкоторыхъ болѣе распространенныхъ пѣсенъ, имѣющихся въ нѣсколькихъ редакціяхъ, снабдить каждую пѣсню необходимыми комментаріями, какъ дѣлаетъ г. Добротворскій въ своей книгѣ, наконецъ всему изданію предпослать этюдъ объ этихъ пѣсняхъ, о степени художественнаго ихъ достоинства, и, пожалуй, составить къ нимъ словарь, такъ какъ языкъ ихъ постоянно метафорическій, своеобразный, подобный языку офеней, и почти каждое обыкновенное слово имѣетъ въ нихъ свой особенный аллегорическій смыслъ.

Въ настоящемъ случаѣ я имѣю въ виду предложить, вмѣстѣ съ критическими замѣчаніями о трудахъ гг. Добротворскаго и Мельникова, нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній и общихъ соображеній о сектѣ Людей Божіихъ, на основаніи собранныхъ мною пѣсенъ, а также другихъ матеріаловъ, рукописныхъ и печатныхъ, которыми

не воспользовались ни Добротворскій, ни Мельниковъ между первыми особеннаго вниманія заслуживаетъ обширная записка калужскаго священника Сергѣева „О расколѣ, именуемомъ Христовщина“, представленная въ 1809 г. въ Святѣйшій Синодъ и обращающаяся въ рукописи между специалистами; между вторыми—VIII-й томъ Исторіи министерства внутр. дѣлъ, составленной г. Варадиновымъ, въ которомъ между многими другими свѣдѣніями помѣщена записка крестьянина Андреянова о скопцахъ, представленная авторомъ Императору Александру Павловичу въ Таганрогѣ въ 1825 году, и потомъ—Тульскія Епархіальныя Вѣдомости за 1867 годъ, гдѣ помѣщена замѣчательная исповѣдь обратившагося хлыста. Кстати позволяю себѣ здѣсь замѣтить, что епархіальныя наши вѣдомости несправедливо игнорируются нашей ученой литературой: матеріала этнографическаго, археологическаго и статистическаго онѣ представляютъ гораздо больше, чѣмъ вѣдомости губернскія..

I.

Состоя баккалавромъ по расколу въ Казанской духовной академіи, г. Добротворскій, какъ онъ объясняетъ въ предисловіи къ своей книгѣ, особенно занимался изученіемъ такъ называемыхъ духовныхъ русскихъ сектъ, и настоящее его изслѣдованіе есть плодъ шестилѣтнихъ его трудовъ по этому предмету. Большая часть изданной теперь книги, въ видѣ отдѣльныхъ статей, была напечатана еще въ 1858 и 1860 годахъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, издающемся при Казанской д. академіи. Теперь авторъ лишь собралъ эти статьи въ одно цѣлое, присоединилъ новую главу о пѣсняхъ хлыс-

товъ и скопцовъ и напечаталъ самыя пѣсни въ числѣ 85-ти. Автору удалось воспользоваться матеріалами доступными далеко не всякому. Это — 1) Двѣ обширныя рукописныя монографіи о сектѣ, принадлежавшія извѣстному своею миссіонерскою противораскольническою дѣятельностію, покойному нижегородскому архіепископу Іакову, составляющія, по всей вѣроятности, систематическій сводъ изъ тѣхъ подробныхъ отчетовъ и секретныхъ дознаній о сектѣ, какія представляемы были преосвященному подвѣдомственными ему приходскими священниками и миссіонерами. 2) Рукописи библіотеки Соловецкаго монастыря, принадлежащей въ настоящее время Казанской академіи (напечатавшей по этимъ рукописямъ столько замѣчательныхъ памятниковъ древней русской литературы въ своемъ „Православномъ собесѣдникѣ"). Въ Соловецкій монастырь, какъ извѣстно, хлысты и скопцы, со дня своего оффиціальнаго обнаруженія и до послѣдняго времени, были ссылаемы на жительство и здѣсь, допрашиваемые, дѣлали обстоятельныя письменныя изложенія вѣрованій и обрядовъ своей секты. Изъ этихъ ихъ показаній соловецкій архимандритъ Досиѳей еще въ 30-хъ годахъ составилъ свою монографію о скопцахъ (существующую доселе въ рукописи), которою, въ свою очередь, воспользовался Надеждинъ въ извѣстномъ своемъ „изслѣдованіи о скопческой ереси". 3) Дѣла нижегородской и казанской духовныхъ консисторій, въ архивахъ которыхъ, вслѣдствіе-ли особеннаго развитія сектанства въ предѣлахъ этихъ эпархій, или въ слѣдствіе какихъ другихъ обстоятельствъ, оказались особенно обстоятельныя свѣдѣнія о хлыстовщинѣ. 4) Письма крестьянина Радаева, пророка арзамазскаго корабля людей Божіихъ, который

въ этихъ письмахъ является для секты тѣмъже, чѣмъ былъ авторъ „Поморскихъ отвѣтовъ“ — Денисовъ для безпоповщинскаго раскола: „ученымъ“ истолкователемъ вѣрованій секты и систематизаторомъ ея ученія. 5) Наконецъ слушатели г. Добротворскаго, студенты Казанской академіи, по выходѣ изъ академіи, сдѣлавшись учителями семинарій казанскаго духовно-учебнаго округа, въ предѣлахъ котораго особенно процвѣтаетъ въ настоящее время секта людей Божіихъ, изъ мѣстъ своей службы присылали г. Добротворскому собранныя ими лично или, можетъ быть, какъ это иногда бываетъ, чрезъ своихъ учениковъ-семинаристовъ, пѣсни людей Божіихъ и скопцовъ, изъ которыхъ г. Добротворскій напечаталъ 85 пѣсенъ. Такое обиліе и такихъ важныхъ матеріаловъ заинтересовываетъ насъ въ пользу труда почтеннаго профессора и заставляетъ надѣяться найти въ ней важное пріобрѣтеніе для литературы этнографіи.

Но значеніе труда г. Добротворскаго возрастетъ въ нашихъ глазахъ, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что до него въ нашей печатной литературѣ не было рѣшительно ничего, что̀ бы сколько нибудь знакомило съ избраннымъ имъ предметомъ, что г. Добротворскому пришлось самому пролагать дорогу въ области до него, можно сказать, не початой наукою. Статьи его въ „Православ. Собесѣдникѣ“ были первымъ опытомъ гласнаго и строго-научнаго изслѣдованія о такъ называемыхъ тайныхъ русскихъ сектахъ (1). Правда,

---

(1) Единственный *печатный* источникъ, на который ссылается г. Добротворскій, это небольшая статья Прав. Обозр. (1862, 8) излагающая „дѣло о квакерской ереси въ Москвѣ“, за которую принимали въ прошломъ столѣтіи хлыстовщину.

съ давнихъ поръ, съ XVII еще столѣтія, по мѣрѣ того, какъ въ различныхъ мѣстностяхъ дѣлались извѣстными правительству отдѣльныя обнаруженія хлыстовщины, въ подлежащія правительственныя учрежденія представлялись донесенія епархіальныхъ и свѣтскихъ властей, составленныя на основаніи показаній подсудимыхъ хлыстовъ предъ слѣдователями. Но и подсудимые сектанты, большею частію рядовые члены хлыстовскихъ общинъ, не имѣли ни достаточныхъ знаній о сектѣ, ни побужденій быть вполнѣ искренними въ своихъ показаніяхъ; и слѣдователи, большею частію люди свѣтскіе, часто военные, были мало компетентны въ дѣлѣ религіозныхъ ученій и не могли представить свѣдѣній о сектѣ обстоятельныхъ и точныхъ, тѣмъ болѣе—сдѣлать какія либо соображенія о ея сущности и характерѣ. Да и эти неудовлетворительныя, часто противорѣчивыя, свѣдѣнія до послѣдняго времени оставались достояніемъ архивовъ, гдѣ хранились въ строгой тайнѣ, такъ какъ не признано было полезнымъ гласно обнаруживать существованіе этихъ такъ называемыхъ тайныхъ или вредныхъ сектъ. Только въ 1863 году эти оффиціальныя донесенія и отчеты резюмированы въ весьма добросовѣстно составленной, къ сожалѣнію мало распространенной, извѣстной однимъ спеціалистамъ, книгѣ г. Варадинова: „исторія правительственныхъ распоряженій по расколу" (VIII томъ исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ) которою, впрочемъ, г. Добротворскій не могъ воспользоваться уже потому, что его сочиненіе написано раньше чѣмъ явилась книга г. Варадинова... Были двѣ-три попытки научнаго изслѣдованія секты: таковы упомянутыя выше—записка Сергѣева, изслѣдованіе архим. Досиеея и книга Надеждина; но труды Сергѣева и архим.

Досиѳея вовсе не были напечатаны (¹), а книга Надеждина хотя и была напечатана въ 1845 г., по распоряженію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Перовскаго, но въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, кажется 50-ти, и не для публики, а для высшихъ правительственныхъ лицъ. Уже въ 1861 году она была перепечатана въ Лондонѣ г. Кельсіевымъ и составила 3-й томъ его сборника статей о расколѣ... Такимъ образомъ безъ преувеличенія можно сказать, что когда въ Православномъ Собесѣдникѣ (за 1858 и 1860 годы) г. Добротворскій сталъ излагать, на основаніи исчисленныхъ выше источниковъ, исторію, ученіе и обряды секты Людей Божіихъ, онъ открывалъ для насъ совершенно новый, дотолѣ невѣдомый міръ русскаго простонароднаго мистицизма. Имя секты, имъ изслѣдованной, до него въ печати только разъ было упомянуто — въ „Розыскѣ" св. Димитрія Ростовскаго... Въ свое время прочитанныя съ живымъ интересомъ всѣми статьи Православнаго Собесѣдника послужили первоначальнымъ источникомъ для всѣхъ, писавшихъ или только упоминавшихъ о томъ-же предметѣ послѣ него: для гг. Максимова (²), Ливанова (³), Протопопова (⁴), и въ значительной мѣрѣ для самаго г. Мельникова.

Но самое важное, безъ сомнѣнія, достоинство книги г. Добротворскаго — ея научный характеръ, выражающійся какъ въ строго-научной обработкѣ того матеріа-

---

(1) Мы имѣли случай прочесть изслѣдованіе архим. Досиѳея, хотя и не имѣемъ его подъ руками въ настоящее время. Авторъ пытался напечатать его, въ бытность свою въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ своимъ описаніемъ Соловецкаго монастыря, но попытка его не имѣла успѣха.

(2) „За Кавказомъ", Отеч. записки 1867 г.

(3) „Раціонализмъ русскихъ сектантовъ", Всеміри. Трудъ 1868 г.

(4) „Опытъ обозрѣнія мистическихъ сектъ въ Россіи", Труды Кіевск. духовн. академіи 1867 г.

ла, какой былъ у него подъ руками, въ систематическомъ его изложеніи, такъ и въ томъ отношеніи, въ какое ставитъ себя авторъ къ сектѣ, въ его основномъ взглядѣ на нее. Излагая въ строгой системѣ ученіе секты съ возможною обстоятельностію и полнотою, и въ качествѣ богослова полемизируя съ нею, авторъ, однако, не глумится надъ нею, подобно г. Мельникову, не трактуетъ ее какъ простой курьезъ, какъ это дѣлаетъ въ своей книгѣ баронъ Гакстгаузенъ (1): уважая человѣческое убѣжденіе, хотя и ошибочное, сожалѣя о заблуждающихъ, авторъ ученію сектантовъ противопоставляетъ обстоятельное и спокойное опроверженіе съ точки зрѣнія православнаго богословія... Оказывается, что хлысты далеко не такіе жалкіе сумасброды, какими представляютъ ихъ обыкновенно, что въ основѣ ихъ странныхъ обрядовъ лежитъ цѣлая система ученія, ложнаго конечно, но далеко не безсмысленнаго (слѣдовательно тѣмъ болѣе опаснаго), въ которомъ каждый отдѣльный пунктъ органически примыкаетъ къ цѣлому и обоснованъ на неправильно понятомъ текстѣ св. Писанія или словахъ церковныхъ пѣсенъ. Это нисколько и не удивительно, если возмемъ во вниманіе то обстоятельство, что ученіе Людей Божіихъ, хотя и содержится въ настоящее время исключительно простолюдинами, но не ими измышлено, что оно во многомъ повторяетъ ученіе еретиковъ первыхъ вѣковъ христіанства, съ которыми боролись великіе отцы Церкви, вооружась всею тогдашнею эллинскою и христіанскою ученостію, что, наконецъ, въ теченіи своего по крайней мѣрѣ свыше-двух-

(1) Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie, par le baron Auguste de Haxthausen 1847, Hanovre, t. I, c. IX.

вѣковаго (¹) существованія на Руси, оно не разъ находило себѣ пріютъ „въ домахъ благородныхъ и въ монастыряхъ и не страшилось становиться не разъ даже на мѣстѣ святѣ, въ лицѣ самихъ служителей алтаря Господня" (²). Вообще въ научномъ отношеніи книга г. Добротворскаго далеко оставляетъ за собою труды всѣхъ другихъ, занимавшихся изслѣдованіемъ русскихъ сектъ, не только такіе, какъ записка Сергѣева или „изслѣдованіе" архим. Досиѳея, но и труды, не лишенные научныхъ достоинствъ, какова книга г. Новицкаго „о духоборцахъ", изданная въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія и, благодаря отсутствію всякой критики, вмѣсто ожидаемой пользы, принесшая лишь вредъ (извѣстно, что она была вся раскуплена самими духоборцами: представляя систему ихъ ученія, она сдѣлалась ихъ символической книгой, своего рода катихизисомъ), и какова въ особенности упомянутая уже книга Надеждина, которая, не смотря на замѣчательную церковно-историческую эрудицію автора, чужда необходимаго научнаго безпристрастія и оказывается не столько научнымъ изслѣдованіемъ, сколько судебнымъ розыскомъ... Мы уже не говоримъ о книгѣ г. Ливанова „Раскольники и острожники", расходящейся съ такою необычайною быстротою (въ одинъ годъ — два изданія): въ этихъ quasi-беллетристическихъ разсказахъ, вовсе ужъ лишенныхъ научнаго характера, составленныхъ не съ особеннымъ мастерствомъ по документамъ министерства внутр. дѣлъ, въ которомъ, какъ видно изъ предисловія, служилъ авторъ, и по печатнымъ статьямъ, о которыхъ онъ благора-

(¹) Говоримъ: свыше двухъ-вѣковаго, слѣдуя г. Добротворскому, по которому начало секты не восходитъ ранѣе половины XVII вѣка.

(²) Слова священника Сергѣева.

зумно умалчиваетъ—едва ли кто можетъ найти серьезный научный интересъ (¹)...

Къ сожалѣнію, въ научномъ отношеніи книга г. Добротворскаго даетъ намъ далеко не все, чего можно было бы желать отъ „изслѣдованія", какъ авторъ называетъ свою книгу.

Какъ секта, существующая нѣсколько столѣтій, хлыстовщина имѣетъ не только внѣшнюю исторію своей общины, но и исторію внутренняго развитія, исторію ученія, слагавшагося постепенно, изъ элементовъ, какъ увидимъ, довольно разнообразныхъ, объединившихся уже въ позднѣйшее время и не образовавшихъ изъ себя системы лишь по причинѣ малаго числа образованныхъ членовъ въ сектѣ и по отсутствію чего-либо похожаго на общеобязательное символическое изложеніе. Ученіе одной хлыстовской общины, при сходствѣ въ основной доктринѣ, очень часто весьма много разнится въ частностяхъ отъ ученія другой общины. При первомъ же взглядѣ на секту въ ея цѣломъ легко можно различить въ ея ученіи два составные элемента: первоначальную фабулу, идущую издалека, отъ самыхъ первыхъ временъ христіанства, и позднѣйшее наслоеніе, плодъ бытовыхъ условій русской жизни. Отъ *изслѣдованія* мы въ правѣ ожидать, что, не ограничиваясь послѣдовательнымъ изложеніемъ ученія въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ настоящее время, авторъ прослѣдитъ постепенное наростаніе хлыстовскаго ученія, начиная отъ первоначальнаго его зерна, сопоставитъ русскую секту съ однородными ей проявленіями мистицизма въ первые вѣка христіанства, съ совершенно—тожественными

(¹) Въ этой книгѣ напечатаны двѣ статьи относящіяся къ хлыстовщинѣ.

ими, по меньшей мѣрѣ, аналогическими съ нею безчисленными сектами средневѣковой, а особенно современной западной Европы и Америки: съ этими бичующимися и пляшущими, квакерами, виртембергскими михеліанами, назареями, іерусалимскими друзьями, однимъ словомъ со всѣми тѣми сектами, о которыхъ такія обстоятельныя свѣдѣнія сообщаетъ Диксонъ въ своей „Новой Америкѣ“ (Спб. 1869) и въ книгѣ о духовныхъ женахъ (Спб. 1869), изслѣдуетъ генетическую связь хлыстовщины съ этими сектами, дастъ научное объясненіе появленія и развитія ея у насъ въ Россіи—изъ общечеловѣческихъ и мѣстныхъ, историческихъ и бытовыхъ, условій страны: однимъ словомъ приложитъ къ изслѣдованію секты Людей Божіихъ тотъ методъ, которымъ такъ удачно воспользовался г. Щаповъ по отношенію къ расколу старообрядства и который въ сочиненіяхъ этого писателя, не смотря на ихъ односторонность, далъ такіе богатые результаты ([1]).

Къ сожалѣнію, г. Добротворскимъ въ этомъ отношеніи или ничего не сдѣлано или сдѣлано очень мало. Въ его сочиненіи секта разсматривается внѣ всякой связи ея съ соціальными и историческими условіями, среди которыхъ она возникла и развивалась у насъ, такъ что представляется явленіемъ оторваннымъ отъ жизни,

([1]) Книга г. Щапова: „Русскій расколъ старообрядства“ въ свое время критикой признана замѣчательнѣйшимъ явленіемъ русской исторической литературы (смотри напр. статью Соловьева въ Атенеѣ (1859, № 8) „Унія, казачество и расколъ“, статьи Бестужева-Рюмина въ Отеч. Зап. (1859, №№ 5, 6 и 11) и др.). Въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ о расколѣ, начиная съ статьи „Земство и расколъ“, г. Щаповъ измѣнилъ объективному характеру перваго своего изслѣдованія и задался тенденціей доказать исключительно политическій противо-государственный характеръ раскола, невѣрность которой мы имѣли случай доказать въ своей монографіи о Денисовыхъ (Прав. Обозр. 1865 г.).

случайнымъ, наноснымъ. О мистическихъ сектахъ Востока и Запада, съ которыми наша хлыстовщина имѣетъ несомнѣнное сродство, у г. Добротворскаго мы находимъ лишь краткое упоминаніе; генетическая связь ея съ ними не только не выяснена, но и не сказано существуетъ ли она. Авторъ распространяется, правда, о связи хлыстовщины съ масонствомъ, усиливаясь доказать вліяніе послѣдняго на нашу секту; но съ этимъ его мнѣніемъ трудно согласиться, какъ объ этомъ мы будемъ имѣть случай сказать ниже.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ напечатанія статей г. Добротворскаго въ „Православномъ собесѣдникѣ", явилась въ „Русскомъ Вѣстникѣ", статья г. Мельникова: „Тайныя секты", и чрезъ два мѣсяца послѣ книги г. Добротворскаго о людяхъ Божіихъ, статья: „Бѣлые голуби" въ томъ же журналѣ (¹). По вопросу о русскихъ сектахъ г. Мельниковъ долженъ по видимому считаться судьею болѣе компетентнымъ, чѣмъ кто-либо:

(¹) Мы не безъ цѣли указываемъ на время появленія статей г. Мельникова. Между двумя почтенными изслѣдователями существуетъ, по видимому, какое-то недоразумѣніе. Г. Добротворскій, въ своемъ предисловіи, разсказываетъ, что еще въ 1862 г. его сочиненіе было готово къ напечатанію и, отправляясь за границу, онъ отдалъ его для изданія одному извѣстному книгопродавцу. Возвратившись изъ-за границы онъ не только не нашелъ своей книги напечатанною, но и самая *рукопись его сочиненія оказалась затерянною*, такъ что только по уцѣлѣвшимъ черновымъ тетрадямъ ему удалось воспроизвесть свое изслѣдованіе и напечатать. Съ своей стороны г. Мельниковъ объясняетъ, что всѣ тѣ матеріалы, какими воспользовался г. Добротворскій, были и въ его рукахъ и въ нѣкоторомъ родѣ составляли его авторскую собственность, что покойный митрополитъ Григорій, которому передалъ эти матеріалы министръ внутреннихъ дѣлъ, переслалъ ихъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ „отчетомъ о состояніи раскола въ Нижегородской губерніи" въ библіотеку Казанской духовной академіи, гдѣ ими и воспользовался г. Добротворскій. Г. Мельниковъ видитъ въ этомъ, кажется, нарушеніе своихъ авторскихъ правъ. По нашему мнѣнію претензія его едва-ли справедлива, такъ какъ онъ не доказываетъ, чтобы г. Добротворскій что-нибудь буквально заимствовалъ изъ его „отчета".

его „письма о расколѣ“, „историческіе очерки поповщины“, его беллетристическіе разсказы изъ раскольничьяго быта („Гриша“, „за Волгой“), а главное его дѣйствительно замѣчательный „отчетъ о состояніи раскола“ въ Нижегородской губерніи“, обращающійся въ рукописи между спеціалистами, доставили ему почетную извѣстность между изслѣдователями раскола и вообще русскаго сектанства. Благодаря своему прежнему оффиціальному положенію, онъ имѣлъ возможность составить такую богатую коллекцію матеріаловъ для изслѣдованія о сектахъ, какою едвали обладаетъ кто–либо другой. Но за всѣмъ тѣмъ справедливость требуетъ замѣтить, что послѣ книги Добротворскаго, хотя этотъ послѣдній далеко не обладалъ такимъ богатствомъ матеріаловъ, скороспѣлыя журнальныя статьи г. Мельникова о „Бѣлыхъ голубяхъ“ (тѣже „Люди Божіи“) даютъ намъ очень не многое. Авторъ очевидно не успѣлъ воспользоваться должнымъ образомъ всѣми своими матеріалами, спѣша изготовить статью, имѣвшую интересъ дня въ виду Плотицынскаго дѣла, возбудившаго въ публикѣ интересъ къ скопчеству и хлыстовщинѣ. Мы такъ думаемъ на томъ основаніи, что двумя замѣчательными записками, о которыхъ мы упомянули выше и которыя г. Мельниковъ указываетъ въ числѣ своихъ источниковъ (записки священника Сергѣева и крестьянина Андріянова: о томъ, что послѣдняя напечатана, г. Мельниковъ и не зналъ, хотя не знать книги Варадинова грѣшно такому спеціалисту по расколу, какъ г. Мельниковъ), онъ воспользовался въ самой незначительной степени. При всемъ обиліи матеріаловъ рукописныхъ, авторъ оказываетъ предпочтительное вниманіе источникамъ печатнымъ. Такъ, говоря о скопчествѣ вообще и излагая его исторію, онъ эксплуатируетъ книгу На-

деждина ни сколько не меньше, чѣмъ это дѣлали наши газетные публицисты (въ статьяхъ о скопчествѣ по поводу Плотицынскаго дѣла), щеголявшіе надеждинскою ученостію и выписывавшіе на столбцы газетъ греческіе и латинскіе цитаты, безъ малѣйшаго упоминанія объ источникахъ своей учености ([1]). Разсказъ о послѣднемъ хлыстовскомъ христѣ Копыловѣ и о тамбовскихъ хлыстахъ онъ заимствуетъ изъ Тамбовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей; пѣсни хлыстовъ, приводимыя имъ, перепечатаны изъ Тульскихъ епархіальныхъ вѣдомостей и т. д. Но чего особенно не достаетъ статьямъ г. Мельникова, это—научнаго характера: его нѣтъ ни во взглядѣ автора на секту, ни въ изложеніи ея исторіи и ученія. Для г. Мельникова секта, надъ ученіемъ и странными обрядами которой нельзя не задуматься, по видимому составляетъ не болѣе, какъ простой курьезъ, предметъ скорѣе празднаго любопытства, чѣмъ научной любознательности; тонъ статей анекдотическій — по мѣстамъ шутливый, иногда скабрёзный ([2]). Точка зрѣнія автора на предметъ не научная, а публицистическая. Хотя секту далеко нельзя еще считать окончательно выяс-

([1]) Безцеремонность „Голоса“ въ этомъ случаѣ дошла до геркулесовыхъ столбовъ: выписывая изъ книги Надеждина, онъ однакожъ цитуетъ рукописные матеріалы, единственные экземпляры которыхъ хранятся въ библіотекѣ Нижегородской семинаріи, узнать о которыхъ авторъ статьи могъ только изъ книги Добротворскаго, а самъ, конечно, и въ глаза не видалъ.

([2]) Таковъ, напр., разсказъ г. Мельникова объ одномъ изъ хлыстовскихъ христовъ, Андреѣ Петровѣ (Рус. Вѣст. 1869 г. мартъ, 392). Замѣтимъ, что въ курсахъ всеоб. исторіи, существующихъ у насъ, и обыкновенно цѣликомъ пересаживающихъ на русскую почву западныя историческія воззрѣнія (въ этомъ отношеніи самостоятеленъ только Хомяковъ въ своихъ „Запискахъ по всеоб. исторіи“) о западныхъ мистикахъ-масонахъ, квакерахъ и пр., вездѣ говорится серьезно, научно, до нѣкоторой степени уважительно; только въ отношеніи къ русскимъ сектамъ не находятъ нужнымъ прилагать обычные историческіе пріемы...

ненною и хотя г. Липранди, не менѣе г. Мельникова компетентный по вопросу о сектахъ, находитъ (въ замѣткѣ о скопцахъ, по поводу Плотицынскаго дѣла, въ „Голосѣ"), что даже секта скопцовъ вовсе чужда политическаго, противогосударственнаго значенія,—г. Мельниковъ, съ точки зрѣнія государственнаго благоустройства настаиваетъ на преслѣдованіи хлыстовъ. Изложеніе ученія сектантовъ въ статьяхъ г. Мельникова лишено всякой системы. „Обозрѣніе мое не стройно, въ немъ встрѣтятся противорѣчія", сознается самъ г. Мельниковъ и оправдывается тѣмъ, что „не смѣетъ для стройности изложенія и избѣжанія противорѣчій переиначить что-либо", какъ будто для того, чтобы излагать предметъ стройно, необходимо переиначивать! То онъ утверждаетъ, (и совершенно справедливо) что хлысты даютъ страшныя клятвы никому не открывать тайнъ своей секты и скорѣе тѣло свое готовы отдать на раздробленіе, чѣмъ постороннему человѣку сообщить что-нибудь слышанное и видѣнное въ кораблѣ" (стр. 332); то увѣряетъ, что хлыстъ бываетъ „довольно откровененъ" (стр. 333). То онъ сближаетъ хлыстовщину съ квакерствомъ (и не безъ основанія) и разсказываетъ, какъ английскіе квакеры, пріѣзжавшіе отъ времени до времени въ Россію, съ нарочитою цѣлію познакомиться съ хлыстовщиной, посѣщая хлыстовскія радѣнія, находили въ нашихъ сектантахъ своихъ братьевъ; то рѣзко разграничиваетъ одно отъ другаго: квакеры-де-люди образованные; ученіе ихъ изложено систематически, формулировано научно, а наша „доморощеная" хлыстовщина содержится безграмотными мужиками; и въ тоже время, нѣсколько позже, перечисляетъ многочисленные примѣры принадлежности къ сектѣ лицъ духовнаго сана

и высокообразованныхъ особъ изъ высшаго свѣтскаго общества, г. Татаринову, семейство Буксгевденъ, князя А. Н. Голицына, тайнаго совѣтника Попова, генерала Головина, князя Энгалычева, камергера Елянскаго, помѣщика Дубовицкаго, г.г. Родіонова, Кошелева, Пилецкаго и другихъ... О пѣсняхъ хлыстовъ, въ которыхъ г. Добротворскій весьма справедливо видитъ „замѣчательныя произведенія народной поэзіи“ (51 стр.), „нерѣдко возвышенной и обольстительной, особенно для простолюдиновъ“ (стр. 102),—г. Мельниковъ отзывается весьма неблагосклонно: они отличаются, по его мнѣнію, безсмыслицей, хотя и не лишены печати какого-то дикаго поэтическаго вдохновенія. Наконецъ къ числу ошибочныхъ мнѣній г. Мельникова относится и то, что онъ совершенно отождествляетъ хлыстовъ съ скопцами: хотя скопчество выросло на хлыстовской почвѣ и хотя обряды и нѣкоторые пункты ученія совершенно сходны у обоихъ сектъ (почему хлысты позволяютъ скопцамъ присутствовать при своихъ радѣньяхъ и наоборотъ — что и ввело г. Мельникова въ заблужденіе), тѣмъ не менѣе хлысты отнюдь не скопцы... Не смотря, впрочемъ, на всѣ свои недостатки, статьи г. Мельникова изобилуютъ фактическими подробностями, значительно восполняютъ во многихъ случаяхъ книгу г. Добротворскаго и въ этомъ смыслѣ не лишены своего значенія. Г. Мельниковъ, по нашему мнѣнію, сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы, вмѣсто того, чтобы сочинять на скорую руку свои компиляціи изъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, какими онъ располагаетъ, напечаталъ бы эти самые матеріалы, въ ихъ полномъ составѣ, хоть въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“, гдѣ уже не мало помѣщено подобныхъ матеріаловъ г. Липранди и другими.

Если почтенная редакція этого изданія нашла возможнымъ напечатать въ немъ „Страды великаго искупителя“, то едва ли бы она затруднилась помѣстить въ немъ письма Радаева или „объясненіе“ Ивана Кудимова.

II.

Переходимъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ о сектѣ, какія сообщаютъ въ своихъ записках Сергѣевъ и крестьянинъ Андреяновъ. „Свойства сей секты удивительны, говоритъ Сергѣевъ, она есть необыкновенная и отличная отъ всѣхъ породившихся въ россійской Церкви расколовъ... Она изъ всѣхъ ересей заимствуетъ и ни съ одной (въ цѣломъ) не согласуется“. Дѣйствительно ученіе секты въ томъ видѣ, какъ излагаетъ его Сергѣевъ, представляетъ элементы самыхъ разнообразныхъ ученій, начиная отъ гностическихъ ересей первыхъ вѣковъ христіанства до позднѣйшаго квакерства и ирвингіанства.

Первый вопросъ, съ которымъ мы встрѣчаемся при изученіи хлыстовской догматики, это вопросъ о томъ, что такое по понятіямъ сектантовъ ихъ христы: Сусловъ, Лупкинъ, Петровъ и другіе? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно знать взглядъ сектантовъ на Божественнаго Основателя христіанства, Господа Іисуса Христа, лежащій въ основѣ всего ихъ догматическаго ученія. По словамъ Сергѣева наши сектанты „не признаютъ того, что Іисусъ Христосъ, совокупивъ въ особѣ своей оба естества, Божеское и человѣческое, въ самомъ дѣлѣ принялъ на себя содѣйствіемъ Святаго Духа отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи плоть нашу и благоизволилъ родиться изъ нея истинно, яко совершенный младенецъ, во всемъ, кромѣ грѣха, съ другими человѣками соестественный“: они учатъ, что *Сынъ Бо-*

жій, второе Лице Святой Троицы, сошедши на землю „Духомъ Своимъ Святымъ вселился *въ чужую душу и плоть прежде зачатаго и рожденнаго* по общимъ законамъ природы человѣка" Іисуса Назарея,—вселился на тридцатомъ году его жизни, „ради безпорочности его жизни, чистоты сердца и святости дѣлъ". Съ этого времени человѣкъ Іисусъ Назорей сталъ *Христомъ*, т. е. помазанникомъ, по причинѣ духовнаго помазанія, сообщеннаго ему Духомъ Святымъ, т. е. чрезвычайнаго дара ученія и пророчества. „И такъ, продолжаетъ священникъ Сергѣевъ, у нихъ Іисусъ Христосъ есть не больше, какъ первоначальный учитель, Сынъ Божій не по естеству, а по благодати, причастію и вселенію въ Него Духа Святаго". Таковъ взглядъ нашихъ сектантовъ на Іисуса Христа, или „стараго Христа", какъ они выражаются. Нельзя не видѣть, если не тождества, то близкаго родства такого взгляда съ ученіемъ многихъ еретиковъ первыхъ вѣковъ христіанства...

Но то, чего удостоился Іисусъ Назарей, продолжаютъ сектанты, можетъ быть пріобрѣтено и другими людьми. Іисусъ Назорей сдѣлался Христомъ, въ него благодатно вселился Сынъ Божій, второе Лице Святой Троицы—единственно ради его естественной святости и чистоты жизни; но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы и другой кто-либо изъ людей достигалъ той же степени нравственной чистоты, какой достигъ родившійся отъ Іосифа и Маріи; слѣдовательно и другіе люди могутъ удостоиваться благодатнаго вселенія въ нихъ Сына Божія — дѣлаться христами. Вселюся *въ нихъ* и похожду, а не *въ него*, сказано въ писаніи, говорятъ хлысты. Кто заповѣди мои сохраняетъ, тотъ во Мнѣ пребываетъ и *Азъ въ Немъ*, сказалъ Сынъ Божій, ус-

тами „стараго“ Христа,—и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ *и обитель у него сотворимъ*. Такимъ образомъ, говорятъ хлысты, извращая смыслъ словъ Спасителя, Христосъ, очевидно, не единственъ; отъ времени до времени христы могутъ „открываться“ въ мірѣ снова, по мѣрѣ надобности, т. е. по мѣрѣ упадка въ мірѣ „чистоты“ и благочестія и по усердной, наронитой молитвѣ „умныхъ людей“, т. е. сектантовъ. Потому-то хлысты и молятся постоянно на своихъ радѣніяхъ:

«Дай намъ, Господи, Іисуса Христа,
Дай намъ, сударь, сына Божьяго!
И помилуй, сударь, насъ...
Пресвятая матерь Божія!
Упроси, свѣтъ объ насъ,
Свѣта—сына твоего...
Безъ тебя, нашъ свѣтъ,
Много грѣшныхъ на землѣ,
На сырой землѣ на матушкѣ,
На сударынѣ, на кормилицѣ!

Эта молитва составляетъ непремѣнную принадлежность каждаго хлыстовскаго радѣнья, и смыслъ ея совершенно понятенъ послѣ того, что мы только что сказали. Хлысты молятся собственно о томъ, чтобы Христосъ *открылся*, т. е. явенъ сталъ своимъ дѣтушкамъ; невидимо то или, точнѣе, незнаемо для нихъ онъ всегда пребываетъ съ ними „переселяясь духомъ своимъ изъ одного человѣка, по смерти его, въ другаго, и пребудетъ съ ними по обѣтованію стараго Христа до скончанія вѣка“. Основаніе для этого послѣдняго своего мнѣнія о непрерывномъ, невидимомъ пребываніи въ ихъ обществѣ христовъ, хлысты видятъ въ томъ, что волхвы, пришедшіе поклониться рождшемуся Спасителю міра, спрашивали: гдѣ Христосъ *раждается*, а не гдѣ родился. Да и въ церковной пѣсни поется: Христосъ *раж-*

дается, славите. Значитъ, говорятъ сектанты, Христосъ не одинъ разъ родился, а постоянно раждается, и христы постоянно являются и существуютъ въ мірѣ (¹). Христовъ „открывшихся" или „изобрѣтенныхъ" досель было въ мірѣ, по понятіямъ сектантовъ, шесть (по другимъ—семь): Аверьянъ (при Димитріѣ Донскомъ: о немъ есть хлыстовская пѣсня)", Иванъ Емельяновъ (открывшійся и замученный, по словамъ другой хлыстовской пѣсни, при Грозномъ, котораго будто бы обличалъ за жестокость), Сусловъ, Лупкинъ, Петровъ и государь Петръ Ѳедоровичъ, въ лицѣ котораго, по словамъ хлыстовъ „открылся Вышній на престолѣ суда" (тамбовскіе хлысты седьмымъ христомъ считаютъ крестьянина Аввакума Копылова). „Изобрѣтенный" или „открывшійся" Христосъ, по словамъ сектантовъ, повторяетъ въ своей жизни и дѣятельности всю исторію земной жизни Христа Спасителя, или, по ихъ выраженію, стараго Христа: проповѣдуетъ и собираетъ свое „малое стадо", которому даетъ вѣдать тайны царствія, т. е. своего ученія. „Злые іудеи", т. е. люди невѣрующіе въ него, враждуютъ противъ него, преслѣдуютъ его и его послѣдователей, наконецъ распинаютъ его, какъ это было, напримѣръ, по разсказамъ хлыстовъ, съ Иваномъ Тимоѳеевичемъ Сусловымъ. Въ свою очередь нашъ Спаситель, по понятіямъ сектантовъ, былъ и по ученію и по жизни совершенный „божій человѣкъ", первый провозвѣстникъ ихъ ученія (²).

И такъ, очевидно, м.м. г.г., что христы людей Бо-

(¹) См. Записку Андреянова, въ VIII т. Ист. минист. внутр. дѣлъ, стр. 259.

(²) Объ одномъ изъ своихъ христовъ хлысты говорили даже, что „у нынѣшняго сына Божія больше благодати, чѣмъ у прежняго". Записка Андреянова, стр. 255.

ніяхъ вовсе не то, что еврейскіе лжемессіи, являвшіеся до и послѣ Рождества Христова, или лжехристы первыхъ вѣковъ христіанства, которые пытались замѣнить собою личность Божественнаго Основателя христіанства, каковы были: Симонъ волхвъ или Менандръ, его ученикъ. И вообще ученіе хлыстовъ объ ихъ христахъ на христіанской почвѣ не находитъ ничего себѣ родственнаго или аналогическаго. Между христіанскими сектами не было и нѣтъ ничего подобнаго... Единственное ученіе, которое представляетъ черты сходства съ хлыстовскимъ миѳомъ объ ихъ христахъ,—это индійское ученіе о многократныхъ воплощеніяхъ Вишну. Ужъ не этотъ-ли индійскій миѳъ непонятнымъ образомъ отразился въ хлыстовскомъ ученіи, подобно тому, какъ въ нашихъ народныхъ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и другихъ богатыряхъ, по остроумнымъ соображеніямъ г. Стасова (1), повторились тѣ же фабулы, какія легли въ основу индійскаго, персидскаго и вообще восточнаго героическаго эпоса?.. Не восточное-ли также ученіе о переселеніи душъ отозвалось въ слѣдующихъ чертахъ хлыстовскаго ученія, передаваемыхъ священникомъ Сергѣевымъ: „отдѣльнаго существованія духовъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, не признаютъ, а ихъ существованіе заключаютъ только въ человѣкѣ. Вѣруютъ, что по смерти добрыхъ и угодившихъ Богу людей души ихъ преобразуются въ ангеловъ, а иныя причисляются, по мѣрѣ заслугъ, къ лику святыхъ; злыя же и грѣшныя души дѣлаются діаволами, а *нечестивые люди*, не познавшіе пути Божія, т. е. вѣры ихъ, *переселяются въ скотовъ, гадовъ* и проч. и опять изъ скотовъ и гадовъ переходятъ въ новорожденныхъ младенцевъ, потому что

(1) См. Вѣстн. Европы 1868 г. О происхожденіи русскихъ былинъ.

младенцы, по их мудрствованію, раждаются отъ нечистоты... *Вѣруя въ переселеніе душъ*, они такъ тѣсно сближаютъ небо съ землею и смѣшиваютъ небесную іерархію съ земною, что земля, по ихъ понятію, ничѣмъ не отличается отъ неба; самъ Богъ будто бы, сходя къ нимъ съ небесъ, со всѣми святыми ангелами, архангелами и прочими небесными силами, а также со всѣми святыми, пребываетъ съ ними во плоти, видимо утѣшаетъ и ублажаетъ, и они предъ нимъ ликуютъ и кружатся здѣсь на землѣ, думая, что также будутъ по смерти кружиться на небѣ"...

Какъ ни далеко хлыстовское ученіе отъ истиннаго христіанства, тѣмъ не менѣе хлысты хотятъ видѣть въ Іисусѣ Христѣ основателя своего ученія, въ св. апостолахъ—проповѣдниковъ его, въ мученикахъ, преподобныхъ и вообще христіанскихъ святыхъ—послѣдователей этаго ученія. Какимъ же образомъ они соглашаютъ это свое ученіе съ сказаніями библіи и церковной исторіи, когда несообразность его съ библіей очевидна съ перваго взгляда? Не рѣшаясь совершенно отвергать подлинность евангельскихъ и вообще библейскихъ сказаній, наши сектанты въ сказаніяхъ библіи, на сколько они не согласуются съ хлыстовскимъ ученіемъ, видятъ аллегорію, „духовное, по выраженію священника Сергѣева, прелагаютъ на чувственное, и чувственное на духовное; представляютъ невидимое—видимымъ, неосязаемое—осязаемымъ, а видимое и осязаемое—невидимымъ и неосязаемымъ". Руководствомъ для нихъ при такомъ толкованіи библіи служитъ, такъ называемое, толковое евангеліе (книга, бывшая въ большомъ употребленіи между православными), въ которомъ событія евангельской исторіи истолкованы, съ цѣлію нравоученія, въ смыслѣ

иносказательномъ, таинственномъ. Этотъ иносказательный смыслъ толкованій они принимаютъ за подлинный смыслъ евангельскихъ сказаній, а буквальный смыслъ послѣднихъ—за аллегорическій. Что касается до четіихъ-миней и прологовъ, разсказывающихъ жизнь святыхъ, то, производя названіе *пролога* не отъ греческаго слова πρόλογος (предисловіе), а отъ русскаго глагола *пролыгаю*, хлысты говорятъ, что жизнеописатели святыхъ въ прологахъ и четіихъ-минеяхъ *облыгали* святыхъ, изображали ихъ жизнь не такою, какова она была на самомъ дѣлѣ (потому что въ дѣйствительности всѣ святые, по понятіямъ сектантовъ, были хлысты, то есть хранили чистоту, совершали корабельныя радѣнія и проч.), а иною, для того, чтобы утаить дѣйствительную жизнь святыхъ отъ міра, по силѣ словъ церковной молитвы: *не бо врагомъ твоимъ тайну повѣмъ*,—подобно тому, какъ и теперь хлысты въ глазахъ міра являются добрыми христіанами — посѣщаютъ церковь, исповѣдаются и причащаются, и вообще бываютъ, по видимости, лучшими прихожанами православныхъ церквей, въ душѣ презирая Церковь, ея таинства и обряды.

Вотъ цѣлая система аллегорическихъ толкованій библіи и церковныхъ священнодѣйствій хлыстами, какъ она изложена въ запискѣ священника Сергѣева. 1) „*О паденіи перваго человѣка*. Ни Адама, ни рая вовсе не было. Подъ Адамомъ нужно разумѣть умъ нашъ, Ева—это душа, жена или помощница, которую Богъ будто бы создалъ Адаму—это плоть; Едемъ—общество „Божьихъ людей"; древа райскія—люди ихъ согласія; дерево среди рая, красное въ снѣдь—прелестный женскій полъ; змій искуситель — плотское вожделѣніе, чрезъ которое падаетъ человѣкъ въ грѣхъ, плодъ древа райскаго, отъ

котораго будто бы вкусили прародители—самый грѣхъ.

2) Въ сказаніи *о переходѣ израильтянъ чрезъ Чермное море*: израильтяне знаменуютъ истинно вѣрующихъ (т. е. хлыстовъ древнихъ), Египетъ—міръ; Фараонъ—грѣхъ; Моисей—законъ Божій, жезлъ Моисеевъ—сила его; переходъ чрезъ Чермное море—избытіе соблазновъ мірскихъ; манна—слово Божіе (изрекаемое пророками хлыстовъ); скрижали закона — человѣческое сердце. 3) Въ евангельскомъ сказаніи *О воплощеніи Сына Божія*: Дѣва Марія—чистая душа, архангелъ Гавріилъ—человѣкъ, удостоившійся Божіей благодати; зачатіе Сына Божія—вселеніе въ душу Духа Святаго, рождество Христово—обнаруженіе въ хлыстѣ дара пророчества. Страданія Спасителя—скорбная жизнь въ мірѣ праведника; смерть Іисуса Христа—грѣхопаденіе праведника; положеніе во гробъ—лишеніе благодати и ослѣпленіе житейскими попеченіями; Воскресеніе Іисуса Христа — истинное покаяніе; вознесеніе—преуспѣяніе въ добродѣтели. Въ повѣствованіи *о самарянкѣ*: самарянка—грѣшная душа, кладязь—крещеніе, живая вода—Святой Духъ, пять мужей самарянки—пять книгъ Моисеевыхъ. Болящій Лазарь—человѣческій умъ, немощію побѣждаемый; Марѳа—плоть, Марія—душа и проч. Іуда, предавшій Господа, по сказанію евангелія, *шедъ удавися*; народная легенда дополняетъ, что Іуда удавился *на осинѣ*; по толкованію хлыстовъ это значитъ, что онъ женился *на Аксиньѣ*. „Они говорятъ о вступившемъ въ бракъ: такой-то удавился или окрутился, а женитьбу почитаютъ за великій грѣхъ, младенцевъ называютъ грѣшками; повивальнымъ бабкамъ, говорятъ, за ихъ грѣхъ и прощенія не будетъ...“ (1). Совершенныя Іи-

(1) Записка Андреянова, стр. 255.

сусомъ Христомъ и святыми чудеса сектанты объясняютъ такъ. Ходить по водамъ, яко по суху — значитъ, жить въ мірѣ и не касаться его соблазновъ; горѣть и не сгорать (о купинѣ) быть искушаемымъ и не впасть въ искушеніе, исцѣлять разслабленныхъ—подкрѣплять маловѣрныхъ, возставлять болящихъ отъ одра — ободрять унывающихъ, давать слѣпымъ прозрѣніе—научать истинной вѣрѣ (хлыстовщинѣ), отверзать слухъ глухимъ—проповѣдывать чистоту, отверзать уста нѣмымъ—поощрять на пѣснопѣнія во славу Божію и проч. Милоти и козія кожи, въ которыхъ, по выраженію апостола, прошли святые поприще своей жизни — по понятіямъ сектантовъ суть таинства и обряды православной Церкви, которые хлысты выполняютъ для вида, чтобы прожить безпечально, не терпѣть гоненій „отъ злыхъ іудеевъ“... Тамъ, гдѣ хлысты не могутъ библейскаго или богослужебнаго текста объяснить въ смыслѣ иносказательномъ, они переиначиваютъ слова и буквы, напримѣръ, вмѣсто: тѣло Христово пріимите, они говорятъ: дѣло Христово творите; вмѣсто: разрѣшеніе вина и елея (выраженіе церковнаго устава)—отпущеніе виновностей и прекращеніе ссоръ; Іорданъ рѣка, значитъ, у нихъ гортань, изъ которой проистекаетъ пророческое слово—„какъ рѣка льется“.

Подобнымъ образомъ православнымъ иконамъ сектанты усвояютъ символическое значеніе. Иконостасъ въ цѣломъ своемъ составѣ есть символическое изображеніе ихъ великаго радѣнья, въ полномъ составѣ корабле икона, называемая деисусъ или деисисъ—малыя радѣнія; иконы двунадесятыхъ праздниковъ—разные моменты хлыстовскаго радѣнья; разныя иконы Пресвятой Богородицы—суть изображенія ихъ знаменитыхъ пророчицъ;

икона Спасителя въ томъ или другомъ видѣ—изображеніе того или другаго изъ ихъ христовъ. Въ этомъ смыслѣ хлысты охотно смотрятъ на иконы и даже покланяются имъ, хотя гораздо охотнѣе молятся другъ на друга, говоря, что гораздо разумнѣе покланяться живому существу, въ которомъ можетъ быть невѣдомо для покланяющагося обитаетъ Богъ, Духъ Святой или даже самъ Сынъ Божій, нежели неодушевленному дереву... У скопцовъ (1) особеннымъ уваженіемъ пользуются иконы архангела Михаила, восѣдающаго на крылатомъ огненномъ или бѣломъ конѣ, поражающаго копьемъ змія, и св. Георгія Побѣдоносца, изображаемаго въ подобномъ же видѣ: архангелъ Михаилъ и св. Георгій, по ихъ толкованію, изображаютъ скопца, огненный конь—обожженную плоть его, бѣлый конь — пламенную чистоту, пріобрѣтаемую оскопленіемъ, змій—знаменуетъ похоть плотскую, копье—орудіе оскопленія; на иконѣ св. Георгія изображаются, кромѣ самаго святаго и змія—царская дочь, имъ спасенная, царь, отецъ дѣвицы и городъ. Первая знаменуетъ душу, спасаемую отъ вѣчной погибели—оскопленіемъ, второй—самого Бога, съ любовію взирающаго на угодный будто бы ему подвигъ самоизуродованія, третій — небо, котораго удостоится скопецъ за свой подвигъ...

После всего этого что же такое въ глазахъ сектантовъ Церковь, ея исторія, ученіе, таинства, обряды? „Божественную нашу религію почитаютъ простымъ человѣческимъ изобрѣтеніемъ, выдумкою мудрыхъ зако-

(1) Скопчество, выдѣлившись изъ хлыстовщины, и образовавши отдѣльную секту, удержало однакожъ все ея ученіе и обряды. Единственное отличіе его составляетъ оскопленіе, котораго отнюдь не хотятъ допустить хлысты: не трудно бороться съ умерщвленнымъ врагомъ, а ты поборись съ живымъ, говорятъ они.

нодателей, изложенною въ равной силѣ, какъ и гражданскія постановленія.. Церковь есть учрежденіе, ничѣмъ не отличающееся отъ ветхозавѣтной синагоги и другихъ языческихъ собраній и только предзнаменующее ихъ духовную церковь“. Таинствъ они не признаютъ; особенно издѣваются надъ священствомъ. „Съ насмѣшкою говорятъ, будто вся духовность священнаго сана переродилась въ чувственные знаки. Монашескій, ангельскій бѣловидный чинъ преобразился въ черный... Окомъ зависти взирая на святительскія свѣтлыя и блистательныя украшенія, говорятъ, что вся благодать церковная окаменѣла и обратилась въ дорогія каменья, золото и серебро, которое могло бы многихъ бѣдныхъ пропитать. Вмѣсто всякаго благолѣпія церковнаго употребляютъ, при своихъ богослуженіяхъ, простыя бѣлыя рубахи“. „Священниковъ именуютъ сопатыми ослами“. „Супружеское сожитіе почитаютъ наравнѣ съ беззаконнымъ прелюбодѣяніемъ, указывая на слова Спасителя: въ воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели, ибо почитаютъ себя таинственно воскресшими. Первый человѣкъ согрѣшилъ не тѣмъ, что вкусилъ плодъ отъ древа, а паденіемъ въ грѣхъ супружескаго совокупленія“. Остальныя всѣ таинства отрицаютъ на томъ основаніи, что по совершеніи ихъ, съ тѣми, надъ кѣмъ они совершены, не происходитъ будто бы никакой видимой перемѣны, ничего подобнаго тому, что испытываютъ хлысты во время своихъ радѣній. Истинные христіане, духовные, каковы хлысты, не имѣютъ надобности въ чувственныхъ знакахъ, какіе составляютъ принадлежность церковныхъ таинствъ: только сущій по плоти плотская мудрствуетъ, а иже по духу— духовная, а идѣже духъ, тамъ—свобода.

Мы не считаемъ нужнымъ доказывать, какъ пре-

вратно и несмысленно во всемъ этомъ ученіи хлыстовъ пониманіе ими св. Писанія. Какъ для испорченнаго желудка пища есть уже вредъ, справедливо замѣчаетъ Сергѣевъ, и какъ дряхлѣющему малѣйшее хврастіе преткновеніемъ бываетъ, а преткновеніе предускоряетъ и самое паденіе: такъ и для сихъ заблуждающихъ все служитъ къ соблазну,—всякое книжное сказаніе и всякій глаголъ Божій".

III.

Въ настоящее время, по видимому, у хлыстовъ нѣтъ „изобрѣтенныхъ" христовъ. Послѣднимъ такимъ христомъ признается у нихъ Государь Петръ III, который доселѣ, будто бы, сокровенно живетъ въ странѣ восточной, иркутской. Мѣсто христовъ заступаютъ теперь у хлыстовъ пророки. Такой пророкъ есть непремѣнно въ каждой частной хлыстовской общинѣ, даже каждый частный членъ общины можетъ во время радѣнія удостоиться чрезвычайныхъ дарованій и изрекать пророчества. Подобно сектѣ ирвингіанъ, существующей въ настоящее время въ западной Европѣ (особенно въ Англіи) и въ Америкѣ, наши сектанты хотятъ видѣть въ своей сектѣ осуществленіе, повтореніе церкви первобытной, апостольской, когда овы были пророками, овы апостолами, овы пастырями и учителями. Когда были у хлыстовъ христы, при нихъ большею частію было двѣнадцать апостоловъ, которые помогали ему „уловлять вселенную". Теперь, хотя и нѣтъ у нихъ христовъ, тѣмъ не менѣе чрезвычайныя благодатныя дарованія церкви первобытной существуютъ у нихъ въ полной мѣрѣ: и теперь овому дается Духомъ пророчество, иному даръ

языковъ, иному сказаніе языковъ. Хлыстовскіе пророки обладаютъ, по отношенію къ своимъ общинамъ, чрезвычайными полномочіями и авторитетомъ, свойственнымъ органамъ непосредственно дѣйствующаго чрезъ нихъ св. Духа, какъ въ постановленіи ученія и богослуженія, такъ въ устроеніи всей общественной и частной жизни членовъ секты. По словамъ г. Мельникова власть Далай-Ламы между буддистами—ничто, въ сравненіи съ тою властію, какою пользуется пророкъ въ хлыстовской общинѣ.

Въ чемъ же состоитъ, и какимъ способомъ достигается это нравственное совершенство, при которомъ простолюдинъ дѣлается христомъ или, по крайней мѣрѣ, пророкомъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ *нравственное* ученіе хлыстовъ, обстоятельно изложенное и разобранное въ книгѣ Добротворскаго. Мы изложимъ его лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, словами г. Мельникова. Назначеніе каждаго человѣка, говорятъ хлысты, состоитъ въ томъ, чтобы умереть, воскреснуть и сдѣлаться ангеломъ, ибо всѣ ангелы (какъ мы видѣли выше) суть не что иное, какъ отжившіе люди, сподобившіеся таинственнаго воскресенія. Есть смерть о Адамѣ и есть смерть о Христѣ, есть мертвые о Адамѣ и мертвые о Христѣ. Смерть о Адамѣ есть послѣдствіе Божескаго приговора: земля еси и въ землю отъидеши. Смерть о Христѣ есть смерть таинственная, состоящая въ умерщвленіи воли, себялюбія и гордости, а главное въ умерщвленіи плоти, этаго злаго демонскаго начала въ природѣ человѣка,—въ полнѣйшемъ безстрастіи и святости. За этою смертію слѣдуетъ погребеніе о Христѣ, т. е. отвлеченіе мыслей отъ всего внѣшняго и углубленіе въ самого себя, какъ въ могилу. Въ тай-

никѣ каждой души есть начатокъ духа Божія, и если кто умеръ о Христѣ, говорятъ хлысты, и спогребся Ему въ смерть, т. е. послѣ умерщвленія воли и плоти низойдетъ въ самаго себя, тотъ услышитъ въ себѣ внутренній голосъ, и въ глубинѣ души своей найдетъ царствіе Божіе, которое внутрь насъ есть. Кто услышитъ въ себѣ этотъ таинственный голосъ, тотъ таинственно воскресъ. Съ той минуты онъ дѣлается храмомъ Божіимъ и Духъ Божій живетъ въ немъ; съ той минуты онъ оправдится отъ грѣха, сдѣлается безгрѣшнымъ, и тогда ему, какъ праведнику, законъ не лежитъ.... Таинственно воскресшій вмѣсто своей воли получаетъ волю Божію; что онъ ни дѣлаетъ, что ни говоритъ—дѣлаетъ и говоритъ не онъ, но самъ живущій въ немъ Духъ Святой. Если онъ дурачится, прикидывается юродивымъ—во всемъ нужно видѣть особенную премудрость Божію, ибо буее Божіе премудрѣе человѣка есть.

Отсюда уже, съ свойственною русскому уму смѣлостію и послѣдовательностію въ выводахъ, сектанты заключаютъ, что даже такія дѣйствія таинственно воскресшаго, какъ развратъ Радаева, сознавшагося на судебномъ слѣдствіи въ связи съ тринадцатью женщинами, безпрекословно отдавшимися ему изъ повиновенія его пророческому авторитету, — есть не грѣхъ, а дѣло святое, такъ какъ оно не было дѣломъ собственно Радаева, а живущаго въ немъ Духа Святаго. Отсюда и свальный грѣхъ, которымъ оканчивается большая часть чрезвычайныхъ или великихъ радѣній—дѣло святое, дѣло религіознаго культа, любовь Христова,—такъ какъ совершается непосредственно вслѣдъ за радѣніемъ, когда Духъ Святой „накатитъ“ на радѣющихъ: плотское возбужденіе, которое является какъ слѣдствіе уси-

леннаго раздраженія нервовъ послѣ усиленнаго бѣганья „на кругу"—есть дѣйствіе „накатившаго" на нихъ Св. Духа... Дѣти, зачатыя отъ этого грѣха, признаются зачатыми по наитію Св. Духа, родившимися не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога; имъ усвояется названіе *христосиковъ*; воспитываются они подъ надзоромъ мальчики—пророковъ, а дѣвочки — пророчицъ и впослѣдствіи заступаютъ ихъ мѣста въ сектѣ. Такимъ образомъ, у секты людей Божіихъ мы находимъ даже обоготвореніе разврата, нѣчто въ родѣ культа Афротиды и Астарты, хотя далеко не въ той эстетически-облагороженной формѣ, въ какой онъ является у грековъ и народовъ эллинизованныхъ. А что касается до умерщвленія плоти, этого злаго, демонскаго начала въ природѣ человѣка, посредствомъ воздержанія, то въ этомъ пунктѣ хлыстовскаго ученія, равно какъ въ ученіи о близкомъ сродствѣ и постоянномъ общеніи человѣка съ небомъ и небожителями, о легкомъ переходѣ изъ одного міра въ другой, по нашему мнѣнію нельзя не видѣть самой близкой аналогіи съ гностицизмомъ.

Хлыстовскія радѣнья, подробно описанныя г. Добротворскимъ въ 3-й главѣ его книги, служащія внѣшнею формою богопочтенія таинственно воскресшихъ, составляютъ явленіе родственное богослуженію греческихъ евхитовъ, западныхъ бичующихся и пляшущихъ и наконецъ—квакеровъ. Подобно тому, какъ во всѣхъ этихъ сектахъ, бѣганье и верченье хлыстовъ на радѣньяхъ имѣетъ значеніе прежде всего аскетическое, дѣлается съ цѣлію изнуренія плоти (хотя, какъ видно изъ послѣдствій, какими они сопровождаются, цѣль эта достигается въ смыслѣ совершенно противоположномъ):

Богу порадѣйте,
Плотей не жалѣйте,
Мареу (¹) не щадите,
Богу послужите,

поютъ хлысты на радѣньяхъ. Затѣмъ уже эти богослужебныя ихъ дѣйствія имѣютъ значеніе духовнаго веселія и ликованія, по образу небожителей, которыхъ блаженство, по понятіямъ хлыстовъ, состоитъ именно въ томъ, что они „ходятъ въ кругу", доказательство чего видятъ въ словахъ церковныхъ пѣсней: *съ небесныхъ круговъ слетѣлъ Гавріилъ...*, *небеснаго круга верхотворче, Господи...* На землѣ первообразъ своихъ радѣній сектанты видятъ въ дѣйствіи царя Давида, который, по выраженію церковной пѣсни, *скакаше играя*,—и въ собраніи апостоловъ въ Сіонской горницѣ въ день пятидесятницы: Духъ Святый, по словамъ одной хлыстовской пѣсни, сошелъ на нихъ (подобно тому, какъ онъ сходитъ на сектантовъ во время радѣній) въ то время, какъ они „радѣли на кругу".

Въ дополненіе къ описанію хлыстовскихъ радѣній, имѣющемуся въ изслѣдованіяхъ гг. Добротворскаго и Мельникова, сообщаемъ описаніе того же предмета Сергѣевымъ, отчасти пополняющее свѣдѣнія двухъ изслѣдователей, отчасти разнящееся отъ нихъ. „Когда наступаетъ какой-нибудь праздникъ, то наканунѣ уходятъ изъ домовъ, подъ предлогомъ ярмарки или другой причины, и незамѣтнымъ обрязомъ собираются въ тотъ домъ, въ которомъ предполагается радѣнье. Когда наступитъ ночь, собираются въ одну горницу. Помолившись образамъ, кланяются въ ноги сначала глав-

(¹) Евангельская Мареа, по понятіямъ хлыстовъ, есть аллегорическое имя плоти, подобно тому, какъ подъ Маріей, ея сестрой, нужно разумѣть душу.

ному учителю, потомъ всѣмъ братьямъ и сестрамъ, которые вошедшему отвѣчаютъ тѣмъ же. Вставши, вошедшій цѣлуетъ въ руку и въ уста наставника, потомъ цѣлуется съ прочею братіею. Въ случаѣ, если собранію грозитъ какая-либо опасность со стороны мірскихъ властей, прежде, чѣмъ начать радѣнье, разставляютъ около дома караулы... Всѣ бываютъ одѣты въ длинныя бѣлыя рубахи, нарочито для радѣній устроенныя, съ длинными рукавами, а женщины одѣты въ лучшія свои одежды и подпоясаны голубыми или вообще цвѣтными поясами и лентами. Предъ иконами зажигаются свѣчи; учитель беретъ кадильницу, кадитъ иконы и предстоящихъ; потомъ, отдавши кадильницу, учитель, по образу нашихъ іерарховъ, кладетъ себѣ на плечи полотенце, подобіе омофора..., беретъ въ одну руку крестъ, въ другую—зажженную свѣчу, и вмѣстѣ со всѣми начинаетъ пѣть: царю небесный.., многое множество моихъ, Богородице, прегрѣшеній.., большею частію переиначивая слова, отчасти по незнанію, отчасти преднамѣренно, примѣнительно къ своему ученію. Потомъ, обращаясь поочередно на всѣ четыре стороны, осѣняетъ крестомъ и свѣчею предстоящихъ, приговаривая.: Христосъ воскресе! Предстоящіе отвѣчаютъ: воистину воскресе! Затѣмъ ставитъ крестъ и свѣчу на мѣсто; всѣ садятся по лавкамъ и разстилаютъ на колѣнахъ платки и полотенца, приготовляясь къ радѣнью. Въ это время наставникъ говоритъ поученіе, въ родѣ слѣдующаго: возлюбленные мои дѣтушки! не сомнѣвайтесь въ великой милости небеснаго Отца, возлетайте всѣ мыслями на небо къ престолу Батюшки Царя небеснаго, проливайте отъ сердца теплыя свои молитвы къ Нему, просите Его, Государя, чтобы нис-

послалъ милость Свою намъ, Сына Своего Іисуса Христа къ намъ послалъ, изволилъ бы намъ милости Свои послать, излилъ на насъ Духа Святаго благодать. „Посидѣвши затѣмъ нѣсколько времени въ глубокомъ молчаніи, наставникъ обращается къ хозяину дома съ такими словами: „ну-ко-сь, господинъ хозяинъ, благоволите-ка намъ съ Государемъ батюшкою повеселиться, небесною пищею Его насладиться, Богомъ-свѣтомъ завладать и на святомъ кругу его покатать". Хозяинъ, вставши и поклонившись, отвѣчаетъ: „родимый ты нашъ батюшка, вить знаешь: народъ Божій собрался не стѣнъ моихъ смотрѣть, а мягкихъ пироговъ твоихъ покушать и слова Божьяго, отъ тебя, Государь послушать". (У нихъ св. Писаніе называется сухарями, черствымъ хлѣбомъ, давно уже испеченнымъ, т. е. проповѣданнымъ, а ихъ пророчество—мягкими и горячими пирогами, которые вынимаются прямо изъ печи, т. е. изъ устъ пророка). Тогда наставникъ, перекрестившись, начинаетъ вмѣстѣ со всѣми молитву:

Дай намъ, Господи, Іисуса Христа,
Дай намъ, сударь, Сына Божія и проч.

По окончаніи этой молитвы, одинъ изъ собранія, заранѣе предназначенный „ходить въ словѣ", т. е. пророчествовать, какъ бы въ изступленіи, вдругъ встрепенувшись, вскрикиваетъ, въ знакъ того, что на него „накатилъ духъ", разувается, иногда его разуваютъ сидящіе подлѣ него; между тѣмъ все собраніе продолжаетъ пѣть протяжно ту же пѣснь: дай намъ, Господи и пр.; когда молитву запоютъ въ третій разъ—скорымъ напѣвомъ—онъ встаетъ, начинаетъ кружиться съ всхлипываньемъ, до тѣхъ поръ, „пока благодать совершенно имъ не овладѣетъ"; тогда онъ останавли-

вается, оправляется, приговаривая; „Христосъ воскресе“; имѣя дикій видъ, „быстрыми глазами смотритъ на всѣхъ гордо“, называетъ себя Богомъ, посматриваетъ въ находящійся въ его рукахъ платокъ, какъ бы въ нѣкій талисманъ, что-то говоритъ про себя; беретъ въ горсть руки воду и кропитъ ею горницу и присутствующихъ, чтобы къ нимъ не вкралась въ корабль какая нечистота, бросаетъ воду на воздухъ, какъ бы заливая пожаръ, т. е. могущій случиться розыскъ и раззореніе ихъ секты. Послѣ этого всѣ встаютъ, крестятся и молятся на него, а онъ „тихимъ и дикимъ голосомъ, „произноситъ на распѣвъ свое пророчество, сначала обращая свою рѣчь къ цѣлому кораблю (такъ называется „общая судьба“) въ такомъ родѣ (¹):

Ахъ мой батюшка, отецъ—да
Ты услыши вѣдь меня—да
Ты небесный вѣдь творецъ—да
Ты мой-то вѣдь глава—да
Благослови-кась ты меня—да
Своего-то вѣдь раба—да
Въ золоту трубу трубить—да
Во небесный колколецъ—да
На святомъ кругу звонить—да
Что могу я безъ тебя—да?
Ну мой батюшка родной—да
Научи-же ты меня—да
Твое слово проповѣдать—да...
А вы други-ль вы мои—да
Вы меня-то вѣдь простите—да
Проливайте горьки слезы—да
И вы батюшку просите—да
Умоляйте вы его—да...
Чтобы онъ вѣдь заступилъ—да
Ужь за насъ-то вѣдь сиротъ—да
Упросилъ бы изъ рая—да
У небеснаго царя—да

(¹) Приводимъ это „пророчество“ въ томъ видѣ, какъ оно записано Сергѣевымъ.

Ужь вѣдь птицу сокола—да
Что вѣдь духа-то свята—да
Ужь и къ намъ-то-ли сюда—да
Утѣшителя благова—да...
Ужь я вижу чудеса—да
Что всходились облака—да
Всколебались небеса—да
Отворяетъ намъ владыка—да
Ужь небесную-то дверь—да...
Наливается сосудъ—да
Ужь вѣдь Божьей-ли рукой—да
Что катитъ съ неба вѣдь судъ—да
Стойте всѣ вы, да со страхомъ—да
Дарить хочетъ вѣдь отецъ—да
Изъ насъ всякаго вѣдь даромъ—да...
Ну живите, не тужите—да...
Только Богу мнѣ служите—да...
Вы имѣйте чистоту—да
Что вѣдь дѣвство-то святое...
Не своимъ—да, вѣдь умомъ—да
Ужь вамъ други—да, говорю—да
А все Божьимъ-то судомъ—да... и проч.

За „общею судьбою“ слѣдуетъ „судьба частная“—предсказанье каждому члену корабля въ отдѣльности. Ниже мы представимъ характеристическіе образцы этихъ частныхъ пророчествъ. Здѣсь пророки истощаютъ всю свою изобрѣтательность, потому что каждому нужно сказать что-нибудь примѣнительно къ его частнымъ обстоятельствамъ. За частною судьбою слѣдуетъ самое радѣнье, состоящее въ бѣганьи и верченьи на одномъ мѣстѣ. Различные виды радѣнья описаны подробно г. Добротворскимъ: круговое—корабельное, крестикомъ и проч. Въ продолженіе круженія и скаканія, продолжаетъ Сергѣевъ, они поютъ свои пѣсни „очень согласно и пріятно“, по временамъ единогласно всхлипывая, издавая порывистыя трели и гоготанье, непрерывно повторяя: ой духъ, ой духъ, ой духъ! Ой гогъ, ой гогъ, ой гогъ! Царь—богъ, царь-богъ, царь-богъ!

Этимъ гоготаньемъ они наводятъ на слушателей ужасъ, и если послушать ихъ изъ-за стѣнъ, то можно подумать, что они чѣмъ-то сѣкутся, отъ чего и существуетъ въ народѣ молва, будто они, бѣгая около чана, хлыщутся, приговаривая: хлыщу, хлыщу, Христа ищу! Выйди къ намъ наружу и дай денегъ на нужу... При круженіи нѣкоторые трясутся, кривляются, топаютъ ногами, присѣдаютъ къ землѣ, приходятъ въ изступленіе и говорятъ „иными языки странные глаголы" которыхъ и сами, конечно, не понимаютъ. Случается, что иной хвалится: „я-де богъ великъ", а другой отвѣчаетъ: „а я богъ больше тебя", и чтобы рѣшить споръ, одинъ другому даетъ пощечину: кто равнодушно вынесетъ ее, подставивъ и другую ланиту, тому и приписывается большее божество: смиреннымъ-де дается благодать... У нѣкоторыхъ сектантовъ радѣнье имѣютъ нѣсколько другой видъ: эти, какъ они называютъ себя—„стараго повѣту" ограничиваются богослуженіемъ, по словамъ Сергѣева, совершенно тождественнымъ съ квакерскимъ... Радѣнье у обыкновенныхъ хлыстовъ оканчивается пѣніемъ стиховъ: воскресеніе Христово видѣвше..., воскресъ Іисусъ отъ гроба..., прикладываніемъ ко кресту, къ рукѣ главнаго учителя и взаимными лобзаніями со словами: Христосъ воскресе—воистину воскресе!

Кромѣ радѣній, составляющихъ родъ богослуженія наиболѣе торжественнаго, совершаемаго только подъ двунадесятые и годовые праздники, а также въ случаяхъ принятія въ секту новыхъ членовъ, есть еще другой родъ богослуженій хлыстовъ, совершаемыхъ гораздо чаще: это простыя „бесѣды", на которыхъ бываетъ все, что и на радѣньяхъ, за исключеніемъ той

торжественной обстановки, какую мы описали выше. Для знакомства съ этими „бесѣдами“ приводимъ характеристическій разсказъ одного обратившагося хлыста. „Однажды, наканунѣ новаго года, собрались мы на „бесѣду“, часу въ десятомъ вечера. Въ пророческомъ дѣлѣ ходилъ домохозяинъ Ѳедоръ Силантьевичъ. Онъ карауломъ забылъ распорядиться предварительно, и мы были въ нѣкоторой тревогѣ. Онъ это замѣтилъ и обратился къ собранію съ такимъ пророческимъ словомъ:

Возлюбленные други!
Вы себя не тревожьте,
Надежду на меня, свята духа положьте,
Соборъ вамъ я крѣпкой стѣной огорожу,
На караулъ легіонъ ангеловъ пошлю...
Врага злого на сто сажень къ собору не допущу;
А вы мнѣ святому духу вѣрьте,
Живую благодатную воду мою пейте,
Подите, други, кораблемъ порадѣйте,
Въ духовной моей банѣ попотѣйте...

„Мы образовали около пророка корабль и предались радѣнью со всѣмъ азартомъ, въ той надеждѣ, что нашъ соборъ караулитъ легіонъ ангеловъ. Въ самомъ разгарѣ „божьей работы“ вдругъ вбѣгаетъ въ соборъ работница: „бѣгите кто куда знаетъ, къ намъ кто-то пріѣхалъ“! На насъ напалъ паническій страхъ; мы не знали что и дѣлать. Духъ Святый изъ пророка въ одно мгновеніе улетѣлъ. Ѳедоръ Силантьевичъ только бѣгалъ по горницѣ и ахалъ. Марья была дѣвка сметливая: успокойся, говоритъ, сними верву, передѣнь бѣлье, а я приму ихъ и скажу, что ты моешься. Между тѣмъ мы всѣ кинулись бѣжать въ однихъ потныхъ рубашкахъ, босые, кто куда. Снѣгъ былъ по колѣно, морозъ градусовъ 25-ть, а намъ не холодно—жарко; казалось благодать насъ согрѣвала. Наконецъ хозяинъ прово-

дилъ пріѣзжихъ: то были голова и сборщикъ податей. Насъ увѣдомили и мы собрались—взять свое платье и обувь. Доканчивали бесѣду уже на другой день. На караулъ нарядили двухъ молодцовъ, а на ангеловъ уже не надѣялись. Сначала говорили о вчерашнемъ событіи. „Эки чудеса Богъ творитъ, говоритъ одинъ: до выселокъ — саженъ двѣсти; а я домой прибѣжалъ — у меня ноги до того горячи, что снѣгъ подо мной таялъ, и готовъ еще столько же бѣжать. Ну, милость Божія дивная"! Другой говоритъ: „я думалъ, что бѣгу по травѣ, а не по снѣгу; если-бъ не стыдно было босому и раздѣтому придти въ домъ свой, то, кажись, добѣжалъ бы до самаго своего села (версты три)". Наконецъ говорю и я: „братцы, а я палецъ на правой ногѣ жестоко ознобилъ". „Это значитъ—ты повиненъ грѣху, отвѣчалъ Ѳедоръ Силантьичъ: отъ того благодать тебя и не согрѣвала". Въ заключеніе разговора вчерашній пророкъ обратился къ обществу съ такою рѣчью: „Господь Богъ одинъ и тотъ же: какъ древле онъ разженные одры охлаждалъ и мученикамъ казалось, что они лежатъ не на огненномъ одрѣ, а на мягкой постели, такъ и до конца Господь свои чудеса творить будетъ. Помолимтесь, братья и сестры, поблагодаримъ Господа за его къ намъ милости". Началась „бесѣда". На пророческое дѣло нарядили Молявку. Она пророческимъ словомъ запѣла:

Вы любезные мои!
Будьте вѣрны до конца:
Не лишу злата вѣнца.
Хотя воронъ налетѣлъ,
Стадо мое распугалъ;
А самъ Господь Саваоѳъ
Съ неба на васъ поглядѣлъ,
Помощь—силу вамъ послалъ,

Ноженькамъ вашимъ, други,
Теплоту свою ссылалъ;
А мои небесные круги
Всѣ блаженные духи
Невидимо васъ одѣвали,
Тѣла ваши согрѣвали;
И я, духъ святой, съ вами невидимо пребывалъ,
Ваши душеньки въ уборъ небесный убиралъ,
Всѣ ступеньки ваши я самъ духъ святой считалъ
За каждую ступень я сторицей заплачу,
А злого врага во гробъ вколочу,
Чтобъ не смѣлъ пужать небесный мой синодъ,
И не смѣлъ-бы тревожить моихъ вѣрныхъ рабовъ.
А надъ вами благодатный всегда мой покровъ.
Оставайтеся, Богъ съ вами,
Милость Божія надъ вами.

Затѣмъ послѣдовала частная судьба. Помолившись сперва предъ образами, чтобы, благословилъ ее „небесный доброхотъ“ „идти ей въ походъ“ по его вѣрнымъ рабамъ“, помогъ ей евангелъ толковой его вѣрнымъ прочитать, чтобъ могли они живаго Бога почитать, полнаго духа въ сердца свои включать, Отца и Сына непрестанно прославлять“,—она обратилась сначала къ Өедору Силантьичу, вчерашнему пророку, поклонилась ему съ крестнымъ знаменіемъ въ землю и запѣла:

Здравствуй, вѣрный, дорогой,
Изобранный воинъ мой!
Со врагомъ смѣло воюй,
Ни о чемъ ты не горюй.
Хоша злой врагъ помѣшалъ
Совершать мои дѣла,
И разстроилъ весь мой здѣсь
Благодатный кабинетъ (!)
Я злого того врага грозно накажу,
А тебя, моя душа,
Благодатью награжу.
Въ царствіе опредѣлю,
Со ангелами вселю,
Оставайся, Богъ съ тобой,
Покровъ Божій надъ тобой!

Затѣмъ началась судьба Семену Аринovичу:

Здравствуй, вѣрный рабъ ты мой,
Возлюбленный Симеонъ!
Ты дивишься на мои
Премудрыя чудеса:
Не могли вотъ тѣлеса
Повредиться отъ мороза.
Такъ тебѣ я что скажу:
Вѣра твоя горяча
Несумнѣнная была,
Она тебѣ помогла,
А благодать-то моя
Теплоту тебѣ дала.
Будь же вѣренъ до конца;
Не лишу тебя царства,
Обведу всѣ мытарства.
Оставайся, Богъ съ тобой,
Милость моя надъ тобой.

Потомъ—судьба Ильѣ Ариновичу:

Ну, Богъ помощь и тебѣ,
Возлюбленный, дорогой!
Вѣдь батюшка духъ святой
И тебѣ тожъ помогалъ,
Твое тѣло согрѣвалъ,
Благодатью одѣвалъ,
За то, что ты, душа моя,
Къ Богу сердцемъ воспылалъ,
Свое сердце надрывалъ,
Бога въ помощь призывалъ.
Доведу я и тебя
До небеснаго дворца,
До блаженнаго рая.
Во судѣ меня прости,
А самъ въ небушко рости.

Дошла очередь до меня.

Ну, поди, душа, на судъ.
Ты бери дѣло въ разсудъ,
Какъ Богъ вѣрнымъ помогалъ,
А тебя, душа моя,
Лютый морозъ озноблялъ,
За чѣмъ вѣры не имѣлъ.
Вѣдь сомнѣніе Петра

На дно моря повлекло,
И онъ слезно закричалъ:
Господи, спаси меня!
Тогда самъ Господь Петра
За правую руку взялъ,
На корабль его поставилъ,
А Петръ Господа прославилъ.
Такъ и ты, душа моя,
Поди Богу помолись,
И праведнымъ поклонись,
Ихъ молитвъ себѣ проси.
А мнѣ святу духу вѣрь,
Не погубитъ и тебя
Никакой лютый звѣрь.
Оставайся, Богъ съ тобою,
Покровъ Божій надъ тобою.

Отъ меня Молявка пошла съ частной судьбой по очереди къ другимъ „вѣрнымъ душамъ" и благодарила за вчерашніе труды. А я принужденъ былъ, какъ маловѣрный, молиться Богу и кланяться всѣмъ въ ноги. Чрезъ нѣсколько дней я узналъ, что и другіе многіе ознобили ноги. Тогда я пожалѣлъ о своихъ поклонахъ, да уже дѣлать было нечего: слово—не воробей; выскочитъ — не поймаешь. Если-бъ я не сказалъ о своемъ ознобѣ, конечно и меня мнимый „духъ святой" благодарилъ бы за крѣпкую вѣру и труды" (1).

Наконецъ, къ числу обрядовъ секты Людей Божіихъ наши изслѣдователи, гг. Добротворскій и Мельниковъ, относятъ еще изрѣдка будто-бы совершаемый хлыстами гнусный обрядъ причащенія тѣломъ и кровію. „Во время моленія Люди Божіи сажаютъ въ чанъ, наполненный теплой водой 16-ти лѣтнюю дѣвицу. Когда она усядется въ чанѣ, подходятъ къ ней старухи, дѣлаютъ глубокій надрѣзъ на ея груди, потомъ отрѣзываютъ одинъ изъ сосцовъ—лѣвый и съ удивительною ловко-

(1) Тульскія Епарх. Вѣд. 1867 г., №№ 17 и 18.

стію останавливаютъ теченіе крови. Во время этой страшной операціи даютъ ей въ руки икону Св. Духа (по Мельникову—икону нерукотвореннаго Спаса), чтобы она, углубившись въ благоговѣйное созерцаніе, легче переносила страшную муку. Потомъ отрѣзанный членъ тѣла кладутъ на блюдо, разрѣзываютъ на мелкіе куски и раздаютъ присутствующимъ еретикамъ, которые ѣдятъ ихъ. Когда окончится это людоѣдство, дѣвицу сажаютъ на возвышенное мѣсто, для нея особо устроенное, и все собраніе пускается плясать около нея, припѣвая: поплясахомъ, погорахомъ на сіонскую гору. Пляска дѣлается живѣе и живѣе, безуміе достигаетъ высшей степени; вдругъ свѣчи гаснутъ, и тогда начинается сцена, для которой напрасно будемъ искать примѣровъ и въ язычествѣ". Эта сцена и есть свальный грѣхъ, о которомъ мы упоминали выше. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что наши изслѣдователи заимствуютъ этотъ разсказъ не изъ оффиціальныхъ документовъ и не изъ письменныхъ какихъ-либо показаній самихъ хлыстовъ, какъ это они дѣлаютъ обыкновенно во всѣхъ другихъ случаяхъ, даже не столь важныхъ, какъ настоящій, а изъ книги Гакстгаузена, который „слышалъ" этотъ разсказъ отъ одного „достовѣрнаго" лица. Какъ ни уважаемъ мы барона Гакстгаузена, особенно за открытое имъ общинное начало въ быту русскихъ крестьянъ (въ чемъ онъ, какъ извѣстно, предупредилъ самихъ славянофиловъ),—мы не находимъ достаточнымъ его авторитетъ въ настоящемъ случаѣ. Для того, чтобы переданный выше разсказъ могъ быть занесенъ въ *научное* изслѣдованіе, какъ *несомнѣнный* (какъ это мы находимъ въ книгѣ г. Добротворскаго), необходимо, чтобы онъ былъ подтвержденъ оффиціальнымъ разслѣ-

дованіемъ, чего мы въ настоящемъ случаѣ не видимъ, не видимъ даже того, чтобы фактъ, подобный разсказанному, былъ упомянутъ хоть въ одномъ изъ тѣхъ многочисленныхъ письменныхъ источниковъ которые были въ распоряженіи г.г. Добротворскаго и Мельникова. Самъ же Мельниковъ говоритъ (¹), что православный народъ питаетъ къ хлыстовщинѣ отвращеніе и какую-то суевѣрную боязнь; что „о ней ходятъ въ народѣ странные разсказы, *съ примѣсью чудеснаго*, какъ о колдунахъ, оборотняхъ, фармазонахъ и пр.“ Не подъ вліяніемъ ли подобнаго взгляда на хлыстовщину сложился и разсказъ о причащеніи тѣломъ и кровію? Самъ же г. Мельниковъ отрицаетъ, сложившійся подобнымъ способомъ въ средѣ православныхъ, разсказъ о хлыстаньи „святыми жгутиками“ во время бѣганья вокругъ чана, на томъ основаніи, что онъ не подтвержденъ судебными разслѣдованіями, хотя о немъ говорится въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, бывшихъ въ его распоряженіи, и даже въ самыхъ пѣсняхъ хлыстовъ: почему же онъ находитъ болѣе достовѣрнымъ разсказъ Гакстгаузена ни на чемъ, кромѣ показанія „достовѣрнаго“ разсказчика, неоснованный? И возможное-ли дѣло, чтобы такое ужасающее и омерзительное явленіе, какъ мнимое людоѣдство хлыстовъ, осталось неизвѣстнымъ ни одному изъ составителей записокъ и донесеній о хлыстовщинѣ, которыхъ такое множество насчитываетъ г. Мельниковъ въ началѣ своей статьи, и о немъ зналъ лишь неизвѣстный „достовѣрный“ свидѣтель Гакстгаузенъ?... Оффиціально дознанъ только одинъ видъ хлыстовскаго причащенія — хлѣбомъ и квасомъ, существовавшій у московскихъ хлыстовъ, обнаруженныхъ въ царствованіе

(¹) Въ статьѣ: „Тайныя секты“, Русск. Вѣстн. 1868 г., май.

Анны Іоанновны,—какъ это видно изъ дѣла о квакерской сектѣ (1).

IV.

Прежде, чѣмъ обнародованы будутъ всѣ имѣющіеся въ архивахъ матеріалы и собраны будутъ всѣ нужныя свѣдѣнія о хлыстовщинѣ, окончательное заключеніе о сектѣ было бы дѣломъ преждевременнымъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи имѣющихся уже въ литературѣ данныхъ, мнѣ кажется, можно сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ и соображеній о ней. Такъ:

1. Пересматривая всѣ имѣющіеся въ настоящее время въ печати матеріалы для изученія хлыстовщины, особенно статистическія данныя въ книгѣ г. Варадинова, мы не можемъ не придти къ тому убѣжденію, что секта Людей Божіихъ, послѣ раскола старообрядства, *самый распространенный изъ всѣхъ существующихъ на руси видовъ религіознаго разномыслія*. Нѣтъ, кажется, губерніи въ Россіи, гдѣ бы они, отъ времени до времени, не обнаруживали своего существованія. Начиная съ Костромской губерніи, гдѣ секта появилась въ царствованіе Алексѣя Михайловича, она обошла сначала всѣ центральныя губерніи: Ярославскую, Московскую, Рязанскую, Тульскую, Тамбовскую, Владимірскую, Орловскую, Калужскую, Пензенскую. Позже она появилась въ губерніяхъ поволжскихъ: Нижегородской, Казанской, Самарской, Саратовской, Астраханской, затѣмъ замѣчены обнаруженія ея въ губерніяхъ Воронежской и Таврической (шелапуты, ползуны, сусленики); губерніи малороссійскія, дотолѣ остававшіяся чуждыми

(1) Полн. Собр. Зак., т. IX, № 6813.

сектанству, не избѣгли общей участи, какъ видно изъ сообщаемыхъ гг. Мельниковымъ и Варадиновымъ данныхъ. Наконецъ въ губерніяхъ сѣверо-западнаго и эсто-латышскаго края также отъ времени до времени оказывались хлысты. Правда, численность сектантовъ опредѣлить даже приблизительно нѣтъ возможности. „Ибо свойства сей секты удивительны, скажемъ словами священника Сергѣева: хотя въ тайнѣ она больше всѣхъ сектъ хулитъ церковь, но священныхъ храмовъ, священства и всей святыни церковной, какъ тѣ, не удаляется, да и наставники оной не только не запрещаютъ ученикамъ своимъ ходить въ церковь, но, наравнѣ съ благочестивыми, велятъ принимать всю святыню церковную: не сквернитъ-де васъ сіе, дѣтушки,—дабы удобнѣе вамъ утаить отъ міра вѣру и тайны свои,—иногда-де и изъ ослей главы истекаетъ вода сладка (т. е. изъ устъ православныхъ священниковъ не противныя сектантамъ истины)“. Примѣняя къ себѣ слова Спасителя апостоламъ: вамъ дано есть вѣдати тайны царствія, прочимъ же въ притчахъ, да видяще не видятъ, слышаще не уразумѣютъ, а также принимая къ руководству для себя слова церковной молитвы предъ причащеніемъ: не бо врагомъ твоимъ тайну повѣмъ,—сектанты подъ страшными клятвами даютъ обѣщанія не обнаруживать своихъ вѣрованій „предъ міромъ“. Они, поэтому, усерднѣе самихъ православныхъ посѣщаютъ храмъ и принимаютъ къ себѣ въ домъ священниковъ, говѣютъ иногда по четыре раза въ годъ, дѣлаютъ большія пожертвованія въ пользу церквей, золотятъ ихъ куполы, покупаютъ колокола и пр. Удивительно ли послѣ этого, что численность хлыстовъ опредѣлить даже приблизительно—нѣтъ возможности, если

даже раскольниковъ, открыто отдѣляющихся отъ церкви, не могутъ досель надлежащимъ образомъ исчислить?

2. Народная психологія, наука еще новая, только зараждающаяся на западѣ (1), а у насъ пока еще вовсе неизвѣстная, должна съ теченіемъ времени выяснить причины такой живучести и такого усиленія этой странной секты въ Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что то направленіе религіознаго сознанія, какое представляетъ собою наша хлыстовщина, есть явленіе общеисторическое: гностицизмъ Александріи и Сиріи, евхиты, маникеи и богомилы, бичующіеся и пляшущіе, квакеры и ирвингіане—все это явленія, родственныя нашей хлыстовщинѣ; мы указали выше въ хлыстовщинѣ нѣкоторыя черты сходства или даже тождества съ этими сектами, а дальнѣйшее, болѣе обстоятельное изученіе нашей секты, по тѣмъ матеріаламъ, какими, будемъ надѣяться, г. Мельниковъ не откажется подѣлиться съ публикой, покажетъ намъ и новыя черты такого сходства или тождества. Но съ другой стороны то или другое психическое настроеніе, въ которомъ беретъ свое начало каждое ученіе, каждая секта, существенно условливается складомъ духовныхъ силъ извѣстнаго племени и народа, національнымъ темпераментомъ, историческими и бытовыми условіями жизни.... Г. Добротворскій думаетъ, что секта Людей Божіихъ „вовсе не сродна съ направленіемъ умовъ русскихъ простолюдиновъ“ (стр. 26), что „основатели секты, привязанные къ внѣшности и неспособные къ мистическимъ тонкостямъ, заняли свое ученіе отъ западныхъ еретиковъ“ (стр. 24)... Намъ

(1) Благодаря трудамъ Штейнталя (ученикъ Гумбольдта), съ 1859 г. предпринявшаго спеціальное изданіе: Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft.

кажется, что народная психологія у насъ сдѣлала пока еще слишкомъ мало (1), „направленіе умовъ русскихъ простолюдиновъ", складъ ихъ духовныхъ силъ выяснены далеко не на столько, чтобы можно было говорить такъ категорически. Въ настоящемъ случаѣ нельзя разсуждать a priori, нужно выходить изъ фактовъ; а такой фактъ, какъ свыше — двухвѣковое (по меньшей мѣрѣ) существованіе секты, ея живучесть и постепенное усиленіе по всему пространству обширной русской земли, не смотря на условія существованія самыя неблагопріятныя, едвали можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнія г. Добротворскаго, а скорѣе указываетъ на тѣсную органическую связь секты съ складомъ духовныхъ силъ русскаго простолюдина, съ нашимъ народнымъ характеромъ, наконецъ съ историческими и бытовыми условіями русской жизни. Что касается до привязанности русскаго простолюдина къ внѣшности, къ обрядности, то хлыстовщина — не молоканство, вовсе отрицающее внѣшній богослужебный культъ; мы видѣли, что кромѣ многочисленныхъ и сложныхъ обрядовъ, измышленныхъ самими сектантами, хлысты не чужды нѣкоторыхъ обрядовъ церкви и пародируютъ ихъ на своихъ радѣньяхъ. Наконецъ утонченныя разсужденія Радаева, не лишенныя остроумія и софистической изворотливости, равно какъ „видѣнія" Аввакума Копылова и другихъ сектантовъ, вовсе не доказываютъ „неспособности простолюдина къ мистическимъ тонкостямъ". Мы еще согласились бы съ г. Добротворскимъ, если бы онъ отнесъ свое замѣчаніе

(1) Нѣсколько данныхъ и соображеній изъ области этой науки мы находимъ въ замѣчательномъ изслѣдованіи г. Данилевскаго: „Россія и Европа" (въ журналѣ „Заря"), а также въ статьѣ И. В. Кирѣевскаго: „О характерѣ просвѣщенія западной Европы". Вообще у насъ честь почина въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ славянофиламъ.

къ сектамъ раціоналистическаго характера: онѣ дѣйствительно если и появлялись на Руси, то имѣли успѣхъ лишь временный (жидовствующіе); если и существуютъ въ ней въ настоящее время (молокане и духоборцы), то численность ихъ далеко не такъ значительна, какъ численность хлыстовъ. Русскій человѣкъ есть по преимуществу человѣкъ чувства, а въ преобладаніи чувства надъ мыслію, ощущенія надъ рефлексомъ и содержится источникъ мистицизма и мистической экзальтаціи, характеризующей хлыстовщину.

Вліяніе историческихъ и бытовыхъ условій жизни русскаго простолюдина также замѣтно отразилось въ ученіи и вѣрованіяхъ хлыстовъ. При рѣшительномъ отсутствіи всякой свободы и самобытности въ жизни гражданской и общественной, нашему простолюдину естественно было пытаться вознаградить себя самобытностію въ жизни духовной, самодѣятельностію въ области мысли и чувства, и чѣмъ меньше было у него свободы въ жизни внѣшней, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ обнаружить смѣлости въ неподлежащей завѣдыванію извнѣ области внутренняго убѣжденія. Въ крайностяхъ и абсурдахъ хлыстовскаго ученія очевидно сказалась страстность раздраженія наболѣвшаго чувства, не оставляющая мѣста спокойному разсужденію, которое бы положило во время предѣлъ мистическому порыву и не допустило бы мужика сознаніе своего человѣческаго достоинства довести до самообожанія. При низкомъ и тяжеломъ общественномъ положеніи простолюдину отрадно утѣшать себя примѣненіемъ къ себѣ словъ Спасителя, что нищихъ и худородныхъ міра избралъ Богъ, чтобы посрамить крѣпкихъ, что Богъ утаилъ свою бе-

жественную истину отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ ее младенцамъ.

Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики!
Ужь какъ эти мужики
Словно съ медомъ бураки...
Ужь какъ въ этихъ мужикахъ
Самъ Господь Богъ обитаетъ...

Такъ поютъ хлысты. Весь энтузіазмъ, все то глубокое чувство, какія мы находимъ въ хлыстовскихъ пѣсняхъ и какія ставятъ эти пѣсни, по нашему мнѣнію, выше всѣхъ другихъ видовъ народной лирики, возникаютъ изъ убѣжденія, съ такою простодушною нагэтою выраженнаго въ этомъ не большомъ отрывкѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что съ отмѣною крѣпостнаго права, вообще съ улучшеніемъ общественнаго положенія крестьянина, особенно же съ успѣхами образованности въ средѣ крестьянъ, хлыстовщина, какъ и другія секты, почерпающія свою живучесть въ тяжеломъ положеніи и невѣжествѣ нашего простаго народа, должны все болѣе и болѣе ослабѣвать. Не даромъ въ послѣднее время у хлыстовъ уже перестали являться христы, и начальники хлыстовскихъ общинъ именуютъ себя уже только пророками или даже просто — кормщиками кораблей; не даромъ ученіе Радаева уже чуждо крайностей ученія Суслова, а ученіе Аввакума Копылова еще мягче и менѣе враждебно ученію церкви.

Въ соціальныхъ условіяхъ жизни нашего простолюдина находитъ себѣ объясненіе и тотъ гностическій аскетизмъ, какой, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, въ ученіи, если не въ практикѣ, составляетъ одно изъ болѣе выдающихся характеристическихъ отличій хлыстовщины. Исторія воспитала въ русскомъ человѣкѣ особенную

наклонность къ аскетизму. Припомнимъ чрезвычайное развитіе у насъ монашества, въ первую, до-петровскую половину нашей исторіи, припомнимъ исторію образованія мнимо-монастырскихъ раскольническихъ общежитій и скитовъ — олонецкихъ, иргизскихъ и другихъ — это упорное отрицаніе брачнаго принципа раскольниками въ теченіе столѣтій, и намъ станетъ нѣсколько понятною подобная же наклонность въ хлыстовщинѣ. Историческія судьбы нашего простолюдина были таковы, что мало оставляли ему возможности думать о наслажденіяхъ и радостяхъ брачной жизни. Они отнюдь не способствовали развитію въ немъ привязанности къ благамъ земной жизни вообще и оставляли лишь одно: гадать о блаженствѣ въ жизни загробной.

Но вотъ среди тяжелаго и малопроизводительнаго труда, среди нуждъ и злополучій крѣпостнаго быта выпадаютъ для простолюдина дни отрады и покоя—праздники. Въ то время, какъ „мірской“ человѣкъ предается безобразіямъ пьянаго разгула, хлыстъ тайкомъ отправляется въ „божій домъ“, въ „сіонскую горницу“

На святомъ кругу гулять,
Бога-свѣта прославлять,
Въ золоту трубу играть,
Въ живогласну возглашать,

переживать наслажденія сильныхъ физическихъ ощущеній и мистическаго экстаза въ „банѣ духовной“, пить „пиво (¹) духовное“:

(¹) Подъ пивомъ духовнымъ, на языкѣ сектантовъ, разумѣются пѣсни и рѣчи пророковъ на радѣньяхъ. Слушая эти восторженныя рѣчи, сопровождаемыя нерѣдко слезами, Андреяновъ переживалъ самъ такія ощущенія, такое душевное состояніе, которое дѣйствительно можно назвать „упоеніемъ“. Рѣчи пророчицы Устиньи, по его словамъ, не только его, но и „всѣхъ присутствовавшихъ приводили въ умиленіе и слезы“ (см. Ист. минист. внутр. дѣлъ, т. VIII, стр. 265).

Варилъ пивушко-то Богъ,
Затиралъ Святой Духъ,
Сама матушка сливала,
Вкупѣ съ Богомъ пребывала;
Святы ангелы носили,
Херувимы разносили...

Это „потѣнье въ банѣ духовной" заканчивается иногда, какъ мы видѣли, свальнымъ грѣхомъ—явленіе, повидимому, противорѣчащее той аскетической проповѣди, которую слышитъ хлыстъ на томъ же радѣньи. Но въ то время, какъ „мірской" простолюдинъ, дозволяющій себѣ подобный грѣхъ послѣ плясокъ и пѣсенъ на посидѣлкахъ, спокойно совершаетъ его, какъ завѣдомый грѣхъ, нимало не стѣсняясь запрещеніями своего исповѣданія, — а раскольникъ-ѳедосѣевецъ въ подобномъ случаѣ вступаетъ въ сдѣлку съ своею совѣстію, придумывая казуистическое оправданіе грѣха („не согрѣшишь — не покаешься, не покаешься—не спасешься") хлыстъ, согласно съ своими религіозными убѣжденіями въ томъ, что для другихъ составляетъ грѣхъ, видитъ дѣло религіознаго культа, „любовь Христову". Въ порывахъ грубой чувственности, пробуждающихся съ особенною силою, вслѣдствіе бѣганія и прыганья, одновременно съ порывами мистическаго экстаза, хлыстъ, лишенный руководства св. Церкви, не въ состояніи усмотрѣть *инъ законъ, противовоюющъ закону ума*; онъ отождествляетъ одно съ другимъ, порывъ грубаго инстинкта съ мистическимъ экстазомъ, и тотъ и другой возводитъ къ одному источнику. Для него тутъ нѣтъ насилія совѣсти, хотя, конечно, съ православной точки зрѣнія такое кощунственное извращеніе истины есть величайшая дерзость, до какой только можетъ дойти человѣкъ.

3) По вопросу о происхожденіи секты и времени появленія ея на Руси мы встрѣчаемся съ двумя противоположными воззрѣніями. Г. Добротворскій относитъ начало секты къ первой половинѣ XVII вѣка, къ началу царствованія Алексѣя Михайловича, когда „умные люди“, по выраженію одной хлыстовской пѣсни, пораженные оскудѣніемъ въ мірѣ чистоты и благочестія, собрались на святое мѣсто и своими молитвами созвали съ неба на землю Господа Саваоѳа, въ лицѣ крестьянина Данилы Филипова, который, даровавъ имъ Сына Своего, Христа, въ лицѣ Суслова, вознесся на небо. По мнѣнію г. Мельникова, секта людей Божіихъ перешла къ намъ изъ Греціи, чрезъ Болгарію, и занесена вмѣстѣ съ христіанствомъ еще при св. Владимірѣ, болгарскими священниками; хлыстовщина, по мнѣнію г. Мельникова, есть тоже богомильство или павликіанство, которое въ свою очередь было ничѣмъ инымъ, какъ видоизмѣненіемъ манихейства, древнѣйшей изъ христіанскихъ сектъ востока, образовавшейся изъ смѣшенія христіанскихъ понятій съ ученіемъ Зердушта или Зороастра и проч. (1). Есть еще третье мнѣніе, по которому хлыстовщина произошла изъ сліянія ереси Башкина и Косого съ ученіемъ квакеровъ, или же явилась какъ „и непосредственное порожденье проповѣди квакерства на самой невѣжественной почвѣ русскаго народа, не развитой раціонализмомъ“ (2). Всѣ же во-

(1) Мнѣніе Мельникова вполнѣ раздѣляетъ извѣстный своими этнографическими трудами („Годъ на сѣверѣ“, „На востокѣ“ и пр.) г. Максимовъ („За Кавказомъ“, Отеч. Зап. 1867 г., стр. 500—521).

(2) Ливановъ, въ статьѣ: „Раціонализмъ русскихъ сектантовъ“ (Всем. Трудъ 1868 г., февраль, стр. 49). Онъ пытается отыскать связь между Данилой Филиповымъ и Кульманомъ, котораго преосв. Филаретъ прямо называетъ квакеромъ (Ист. Рос. Церк., пер. 4).

общие изслѣдователи согласны въ томъ, что хлыстовщина есть продуктъ чуждой намъ исторіи, цѣликомъ, искуственно, пересаженный на русскую почву, и отнюдь не хотятъ допустить, чтобы хлыстовщина была мѣстнымъ произведеніемъ русской національности, нашимъ доморощенымъ дѣтищемъ. Намъ кажется, что прямую генетическую связь хлыстовщины съ тѣмъ или другимъ иноземнымъ ученіемъ доказать весьма трудно; самая множественность доктринъ, съ которыми соприкасается хлыстовщина въ частностяхъ своего ученія, доказываетъ, что оно не было простымъ повтореньемъ съ чужаго голоса ученія одной какой либо секты. При сходствѣ или тождествѣ многихъ частностей хлыстовскаго ученія съ ученіями сектъ востока или запада, въ основной своей доктринѣ — о многократныхъ воплощеніяхъ Сына Божія наша секта вполнѣ самобытна. Точно также трудно доказать, что сходство или даже тождество частностей хлыстовскаго ученія съ ученіями западными было слѣдствіемъ прямого заимствованія изъ этихъ послѣднихъ. Ближе всѣхъ наша секта къ богомильству, какъ это доказываютъ выписки изъ слова пресвитера Косьмы на богомиловъ ([1]), но соображенія г. Мельникова *о заимствованіи* хлыстами своего ученія отъ болгарскихъ священниковъ страдаютъ натянутостію и едва-ли выдержатъ строгую критику. Больше значенія въ смыслѣ мнѣнія г. Мельникова имѣютъ нѣкоторые факты, приводимые г. Добротворскимъ, который, впрочемъ, приводитъ ихъ отнюдь не имѣя намѣренія доказывать мнѣніе г. Мельникова: такъ, по словамъ св.

([1]) Г. Мельниковъ приводитъ выдержки изъ слова Козьмы по отрывку, напечатанному въ книгѣ Руднева: „О ересяхъ и расколахъ". Онъ повидимому не зналъ, что *все* слово, въ болѣе исправной редакціи, напечатано въ Правосл. Собесѣдникѣ за 1864 годъ.

Димитрія Ростовскаго въ розыскѣ, о Сусловѣ говорили, что онъ родомъ турченинъ, очевидно на томъ основаніи, что Сусловъ былъ, какъ и его преемникъ Лупкинъ, бѣглый солдатъ и оба они участвовали въ походахъ противъ Турціи, слѣдовательно были въ Болгаріи или вблизи ея и могли тамъ познакомиться съ остатками богомильства. Затѣмъ г. Добротворскій приводитъ показаніе одной хлыстовской богородицы, записанное священникомъ Ваверскимъ о томъ, что „секта хлыстовъ происходитъ отъ запорожскихъ казаковъ, бѣжавшихъ въ турецкія владѣнія (Некрасовцово?). Тамъ они имѣютъ главнаго настоятеля секты, въ видѣ христа" (¹) и проч. Но указывая всѣ эти факты, г. Добротворскій тѣмъ не менѣе не пришелъ къ мнѣнію о тождествѣ хлыстовщины съ богомильствомъ, а находитъ все-таки возможнымъ заключать о происхожденіи нашей секты съ запада, изъ Польши и Силезіи. Главнымъ же образомъ г. Добротворскій видитъ тождество нашей секты людей Божіихъ съ Авиньонскимъ братствомъ народа Божія или новаго израиля, основаннымъ въ Петербургѣ извѣстнымъ искателемъ приключеній въ Россіи, въ царствованіе Екатерины II, полякомъ Грабіенкой и потомъ съ масонствомъ, которое, какъ извѣстно въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія имѣло большой успѣхъ въ Россіи. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Добротворскій находитъ достаточнымъ привести двѣ три мысли изъ масонскихъ сочиненій и указываетъ на то, что Радаевъ ссылался въ оправданіе своихъ мнѣній, на сочиненія г-жи Гіонъ...

(¹) Эта ссылка находитъ себѣ подтвержденіе въ разсказахъ г. Кельсіева („Русскіе двоевѣрцы", Отеч. Зап. 1867 г.), который въ настоящемъ случаѣ имѣетъ нѣкоторый авторитетъ, какъ человѣкъ, собиравшій свои свѣдѣнія на мѣстѣ, въ Турціи.

Что касается до авиньовскаго братства, то достаточно прочитать статью г. Лонгинова, на которую ссылается г. Добротворскій (¹), чтобы видѣть, что затѣя Грабіенки имѣла чисто-политическій характеръ, только прикрытый мистической доктриной, которая впрочемъ далеко не тождественна съ ученіемъ хлыстовъ. Ссылка Радаева на „евангеліе" г. Гіонъ, какъ и вообще большое употребленіе въ средѣ хлыстовъ сочиненій мистической литературы (сочиненій Эккартсгаузена, Штиллинга и друг.) (²), доказываетъ только то, что хлысты искали подтвержденія своего ученія вездѣ, гдѣ могли, что въ мистицизмѣ начала нынѣшняго столѣтія они видѣли одно изъ слабыхъ проявленій „истиннаго вѣдѣнія", открываемаго въ полной мѣрѣ духомъ Божіимъ собственно хлыстамъ. Не говоря уже о томъ, что масонство явилось у насъ значительно позже хлыстовщины, — ни хлыстовскихъ христовъ, ни радѣній, ничего подобнаго этимъ двумъ кореннымъ отличіямъ хлыстовщины не было въ масонствѣ. Масонство—беретъ свое начало совершенно въ другомъ источникѣ, нежели хлыстовщина,—оно не религіозная доктрина, а мистико-философская, отчасти политическая (розенкрейцерство) ученіе... Точно также хлыстовщина не есть квакерство, какъ оно не есть богомильство и масонство. Съ квакерствомъ еще чаще отождествляли хлыстовщину чѣмъ съ богомильствомъ и масонствомъ (³), на томъ основаніи, что Яковъ Барлей основалъ квакерство въ Англіи, а Анна Лей возставала противъ браковъ—въ то самое

(¹) „Одинъ изъ магиковъ XVIII-го вѣка", Рус. Вѣстн. 1860 г., № 16.

(²) См. VIII-й т. Ист. минист. внутр. дѣлъ Варадинова, стр. 545—549. Чиновникамъ-слѣдователямъ не разъ случалось находить у хлыстовъ толкованіе на Апокалипсисъ г. Гіонъ и другія мистическія сочиненія.

(³) См. VIII-й т. Ист. минист. внутр. дѣлъ, стр. 549—550.

время, какъ Прокопій Лупкинъ проповѣдывалъ у насъ хлыстовщину. Но во всемъ остальномъ, кромѣ обрядовъ, наша хлыстовщина столь же существенно отличаеся и отъ квакерства, какъ отъ богомильства и масонства.

Съ своей стороны допуская, что хлыстовщина есть повтореніе на русской почвѣ явленія общеисторическаго, такъ какъ въ ея ученіи есть много аналогическаго или даже тождественнаго съ ученіемъ сектъ греко-болгарскихъ и западно-европейскихъ, мы однако хотимъ думать, что это общеисторическое явленіе возникло у насъ въ началѣ вполнѣ самобытно, возникло изъ повторенія тѣхъ общихъ условій, какимъ обязаны своимъ происхожденіемъ подобныя секты на западѣ и въ Болгаріи, внѣ всякой прямой исторической и генетической связи съ этими послѣдними. Близкая аналогія нашей секты то съ тою, то съ другою изъ сектъ западныхъ и болгарскихъ указываетъ лишь на общій источникъ тѣхъ и другихъ ученій, который содержится въ одинаковыхъ для всѣхъ людей законахъ человѣческаго духа, въ ихъ неправильномъ одностороннемъ развитіи. Г. Мельниковъ указываетъ на обстоятельство, въ высшей степени важное въ настоящемъ случаѣ, которому самъ онъ, впрочемъ, не придаетъ должнаго значенія. Это — близкія отношенія основателя хлыстовщины Данилы Филиппова съ нѣкіимъ чернцомъ Капитономъ (по имени котораго хлысты долгое время, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и до селѣ назывались капитонами), о которомъ отнюдь нельзя сказать, чтобы онъ былъ въ сношеніяхъ съ кѣмъ либо изъ западныхъ сектантовъ-мистиковъ. Этотъ Капитонъ, котораго наши изслѣдователи несправедливо пріурочиваютъ къ расколу старо-

обрядства ([1]), удалившись изъ монастыря, въ которомъ жилъ сначала, училъ, будто ни Церковь, ни таинства не нужны для спасенія, что для этаго достаточно одной молитвы и другихъ личныхъ подвиговъ богоугожденія, а всякое внѣшнее содѣйствіе въ жизни духовной излишне, прежде же всего нужно умерщвленіе плоти посредствомъ строгаго поста и другихъ аскетическихъ подвиговъ. Отъ этаго гордаго отрицанія необходимости всякой сверхъестественной помощи въ дѣлѣ спасенія до хлыстовскаго самообожанія, до христовщины — одинъ шагъ. Этотъ шагъ сдѣлалъ ученикъ Капитона—Даніла Филиповъ. Замѣчательно, что другой ученикъ Капитона Подрѣшетниковъ первый установилъ обрядъ причащенія—изюмомъ, который впослѣдствіи мы не разъ встрѣчаемъ въ исторіи хлыстовщины. Подобно тому какъ у современныхъ хлыстовъ (въ нѣкоторыхъ корабляхъ) на годовомъ радѣньи, во время пѣнія пѣсень въ честь „матушки сырой земли", выходитъ изъ подполья: богородица, неся на головѣ чашку съ изюмомъ или другими сладкими ягодами и причащаетъ ими присутствующихъ ([2]), у подрѣшетниковъ „избираема была дѣвица, которая наряжалась въ цвѣтное платье и скрывалась въ подполье избы, и чрезъ нѣсколько времени... выходила изъ подполья, неся на головѣ рѣшето, наполненное изюмомъ и покрытое чистымъ платомъ и, про-

---

([1]) Первыя свѣдѣнія о Капитонѣ сообщаетъ тобольскій митрополитъ Игнатій, въ своемъ 3-мъ посланіи (см. Прав. Собесѣд. 1858 г.). Что Капитонъ не былъ расколоучитель-старобрядецъ, какъ Аввакумъ и др., это видно уже изъ того, что онъ проповѣдывалъ свое ученіе еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, когда о расколѣ не было и рѣчи. Преосв. Игнатій говоритъ о немъ въ своемъ посланіи потому, что предположилъ обозрѣть всѣ ереси и секты на Руси, въ томъ числѣ и расколъ старообрядства.

([2]) Русск. Вѣстн. 1869 г. мартъ, стр. 381.

износя слова по подобію іерейскому: всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ, причащала ихъ, раздавая ягоды“ ([1]). Этотъ видъ причащенія при Лупкинѣ былъ замѣненъ причащеніемъ хлѣбомъ и квасомъ. При Лупкинѣ же и Андреѣ Петровѣ мы видимъ въ первый разъ хлыстовскія радѣнья въ видѣ верченья, скаканья, что подало поводъ тогдашней слѣдственной коммиссіи отождествить секту съ квакерствомъ. Но на заимствованіе нашими сектантами этихъ обрядовъ отъ квакеровъ или отъ средневѣковыхъ бичующихся нѣтъ ни малѣйшихъ историческихъ указаній... Уже въ позднѣйшее время, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ эпоху непомѣрнаго развитія мистицизма въ Россіи въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, въ лицѣ своихъ членовъ изъ высшаго общества (хлысты михайловскаго замка), хлыстовщина приходитъ въ соприкосновенье и съ квакерствомъ и съ масонствомъ, и, нѣтъ сомнѣнія, испытала на себѣ вліяніе этихъ сектъ, оставаясь, по прежнему, вѣрною своей, самобытно измышленной, основной доктринѣ, и только послѣ этаго она получаетъ тотъ распространенный видъ, въ какомъ мы находимъ ее въ ученіи Радаева и Копылова.

Высказывая въ своей запискѣ постоянное негодованіе на безобразіе хлыстовскаго ученія, Сергѣевъ упоминаетъ и о нѣкоторыхъ добрыхъ свойствахъ хлыстовъ. „Они между собою очень дружелюбны, говоритъ онъ; хотя и бываютъ между ними ссоры, но небольшія и скоро превращаются миромъ... Любятъ ходить опрятно, а достаточные и щеголять. Брадобритіемъ и нѣмецкимъ платьемъ не гнушаются. Между ними не встрѣчается пьянства, такъ какъ употре-

([1]) Исторія раск. преосв. Макарія, стр. 244—245.

бленіе спиртныхъ напитковъ запрещено еще Даниилой Филиповымъ". Большинство хлыстовскихъ пророковъ обладаютъ значительною начитанностію въ св. писаніи и церковныхъ книгахъ и вообще вражды противъ книжнаго образованія, которую будто бы проповѣдывалъ Данила Филиповъ, между современными хлыстами незамѣчается; напротивъ Аввакуму Копылову, христу тамбовскихъ хлыстовъ, когда онъ былъ на седьмомъ небѣ, Богъ велѣлъ *„доходить по книгамъ"* о томъ, что есть грѣхъ, и что спасенье... Радаевъ же знакомъ не только съ св. писаніемъ и аскетическими твореніями отцевъ Церкви и церковныхъ писателей, но и съ произведеніями свѣтской мистической литературы.

Будемъ надѣяться, мм. гг., что съ успѣхами народнаго образованія, для котораго такъ много дѣлается въ настоящее время, народъ нашъ все болѣе и болѣе будетъ выразумѣвать истину православія, что съ улучшеніемъ общественнаго положенія и матеріальнаго быта нашего духовенства, о чемъ такъ усиленно заботится въ послѣднее время наше правительство, оно пріобрѣтетъ болѣе нравственной силы въ народѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе способовъ для обращенія заблуждающихъ на путь истины и для успѣшной духовной борьбы со всѣми заблужденіями, существующими въ нашемъ народѣ, богатое религіозное чувство котораго питается такою недостойною пищей. Такаго рода борьба единственное средство противъ сектантства. Г. Мельниковъ взываетъ къ полицейскому преслѣдованію и настаиваетъ на истребленіи хлыстовщины — правительственными мѣрами. Мы не считаемъ себя въ правѣ въ настоящемъ случаѣ входить въ разсмотрѣніе вопроса: насколько — дѣло науки и литературы предрѣшать по-

добнымъ образомъ дѣйствія администраціи; но намъ кажется, что исторія раскола, за все время его существованія, достаточно доказываетъ, что полицейскія мѣры способны лишь разжечь фанатизмъ сектантовъ, отнюдь не принося пользы дѣлу истины. Намъ кажется, что наука сдѣлаетъ все свое дѣло, если познакомитъ съ сектой, съ сущностью и подробностями ея ученія и т. п. „Обстоятельныя свѣдѣнія о какомъ-нибудь темномъ ученіи, справедливо говоритъ г. Добротворскій, служатъ лучшимъ началомъ къ обличенію ихъ несостоятельности. Въ древности возникали въ средѣ христіанства секты, сильныя софистической діалектикой, умомъ и энергіей своихъ представителей; но, обсуживаемыя всенародно, онѣ изчезали съ изумительной быстротою... Особенно распространяется секта, если, скрывая въ тайнѣ сущность ея ученія, въ тоже время открыто вооружаются противъ нея не мѣрами убѣжденія, а полицейскими: есть, должно быть, думаетъ народъ, какая-нибудь опасность для вѣры въ ихъ ученіи; есть, значитъ, какая-нибудь несостоятельность въ православной Церкви, если она защищается противъ какихъ-то невѣдомыхъ еретиковъ силою свѣтской власти. А между тѣмъ ни опасности для православной вѣры, сильной своею истиною, ни опасности для Церкви, которой неодолѣютъ врата адовы, не представляютъ тайныя секты... Вся тайна успѣха ихъ въ тайнѣ... Приподнимите завѣсу предъ глазами народа и секты потеряютъ свою таинственную прелесть“.

Николай Барсовъ.

ШПЕНЕРЪ

И

ЕГО ПІЭТИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ ВЪ ПРОТЕСТАНТСТВѢ.

(эпизодъ изъ церковной исторіи XVII вѣка)

I

Краткая характеристика Шпенеровой эпохи; время рожденія, обученіе и жизнь Шпенера до 1670 года; религіозныя убѣжденія и основныя воззрѣнія Шпенера; „collegia pietatis", „pia desideria" и „collegia philobiblica"; піэтизмъ Галльскій и Франке — главный его дѣятель; піэтизмъ Вюртембергскій; исчезновеніе Шпенеро-франкскаго піэтизма и возникновеніе его снова въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Филиппъ Яковъ *Шпенеръ* принадлежитъ къ славной семьѣ тѣхъ великихъ мужей, жизнь и дѣла которыхъ составляютъ собою особую эпоху въ исторіи. Съ именемъ Шпенера въ исторіи протестантства неразрывно соединяется понятіе о *піэтизмѣ* (¹), какъ объ извѣстномъ *религіозно-практическомъ* направленіи въ жизни протестантовъ XVII в., вызванномъ разнаго рода историческими обстоятельствами того времени и имѣвшемъ весьма важное историческое значеніе.

(¹) Названіе „*піэтизмъ*" (Pietismus, отъ pietas благочестіе), по сходству съ именами, оканчивающимися на *измъ* (ismus) и обыкновенно принимаемыми въ *дурномъ* значеніи, придумано, въ *насмѣшку*, противниками піэтизма (См. *Herzog's* Real—Enzyklopädie für protest. Theologie und Kirche. B. II, Seite 646).

Въ XVII вѣкѣ Германія представляла собою самую жалкую картину. Въ политическомъ отношеніи, въ ней повсюду слышались тогда жалобные и полусмертельные стоны отъ ужасовъ опустошительной тридцатилѣтней войны. Подъ тяжкимъ гнетомъ жестокихъ и несправедливыхъ страданій, многіе изъ нѣмцевъ доходили даже до отчаянія и не хотѣли вѣрить тому, что на небѣ есть Богъ, потому что, говорили они, если бы Онъ обиталъ тамъ, то Онъ непремѣнно долженъ былъ бы поразить всѣ эти несправедливости громомъ и молніею ([1]). Не лучше была тогда и религіозно-церковная жизнь германскаго народа. Въ протестантствѣ усилилась такъ называемая *цезаропапія* (caesaropapia), или незаконное вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла церковныя; благочестіе въ народѣ почти совершенно исчезало. Вотъ какъ, наприм., I. Валентинъ Андрее, одинъ изъ лучшихъ протестантовъ того времени, описываетъ тогдашнее церковное состояніе протестантскаго общества: „нынѣ, говоритъ онъ, устранены святыя иконы, за то почитаются изображенія страстей. Власть папы отвергнута, за то мы насажали множество маленькихъ папъ. Число епископовъ уменьшилось, за то *циклопы* ([2]) берутъ священниковъ *напрокатъ* и потомъ снова прогоняютъ ихъ; симонія обратилась въ бранное слово... Церковь сдѣлалась *могилою истины*, и на этой могилѣ — слѣдующая эпитафія: „я истина, дщерь Божія, замучена (ermordet) кознями сатаны, заразительнымъ ядомъ міра, чувственною похотію, на-

([1]) См. *Bauer*, kurzer Abriss der Christl. Kirchengeschichte. Leipsig 1866. Seit. 239.

([2]) Циклопы—миѳическіе чудовищные великаны, съ однимъ глазомъ во лбу. Подъ ними Андрее разумѣетъ здѣсь нѣмецкихъ князей, забиравшихъ въ свои руки церковное управленіе.

бинiемъ тирановъ, лѣностiю священниковъ, злодѣянiемъ государственныхъ мужей, легкомыслiемъ историковъ, глупостiю ученыхъ и невѣжествомъ народа" (массы) (¹). Религiя стала чѣмъ-то *внѣшнимъ*. Вѣра сдѣлалась *механическимъ* дѣломъ одной памяти. Покаянiе обратилось въ *формальную* исповѣдь съ неразумнымъ упованiемъ на силу разрѣшенiя отъ грѣховъ и таинственную благодать, прiобрѣтаемую чрезъ евхаристiю. „У современныхъ намъ христiанъ, говорилъ Мюллеръ, четыре *нѣмыхъ* (stumme) кумира, которымъ они поклоняются,—это: *купель*, *проповѣдническая каѳедра*, *мѣсто исповѣди* (Beichtstuhl) и *алтарь*. Ихъ успокоиваетъ то, что они крещены, слушаютъ Слово Божiе, бываютъ на исповѣди и приступаютъ къ евхаристiи; внутреннюю же силу христiанства они отрицаютъ (²). При недостаткѣ искренняго благочестiя, часто не было уваженiя и къ внѣшнему благочестiю. Таинства, говоритъ Гроссгебауеръ, совершаются небрежно и безъ всякаго (даже внѣшняго) благоговѣнiя (³). При богослуженiи многiе стояли въ шапкахъ; собаки стаями бѣгали по церкви, поднимали возню и лай, такъ что проповѣднику часто приходилось прерывать свое слово (⁴).

Да и самое духовенство протестантское отличалось тогда грубостiю и невѣжествомъ, о степени которыхъ можно судить, между прочимъ, по слѣдующей выдержкѣ,

(¹) См. Wendt, kirchliche Ethik. Leipz. 1864. S. 289 — 90. Vgl. *Hossbach's*: Andreä und sein Zeitalter; Schmid's Geschichte des Pietismus. Nördlingen. 1863. S. 7.

(²) H. Müller, die apostolische und evangel. Schlusskette. S. 858. Vgl: Hossbach, Ph. Iac. Spener u. s. Zeit. 1, 39.

(³) Grossgebauer, Wächterstimme u. s. w. S. 95.

(⁴) Tholuck, das kirchl. Leben d. XVII Iahrh. 1 Abth. 1861 S. 172.

приводимой Арнольдомъ изъ сочиненія „Auf Mosis Stuhl sitzen die Pharisäer“, принадлежащаго одному изъ тогдашнихъ писателей. Авторъ спрашиваетъ: „чтó *именно* дѣлаетъ нынѣ фарисеевъ докторами (богословія), магистрами, суперъинтендентами, придворными проповѣдниками и профессорами“?—Отвѣчаетъ: „*деньги, честь, искательство*“ и т. п. (1). Равно и В. Андреэ, говоря объ апатіи тогдашняго духовенства къ просвѣщенію, замѣчаетъ: „монаховъ упрекаютъ въ праздности,—какъ будто нынѣ въ академіяхъ слишкомъ много трудятся (2). Не смотря на это, протестантское духовенство все-таки гордилось предъ низшими себя, особенно предъ причетниками и мірянами, и совершенно не обращало вниманія на свои обязанности касательно попеченія о спасеніи душъ своихъ прихожанъ. Принимая все это во вниманіе, Генке, на нашъ взглядъ, справедливо за-замѣчаетъ: „едва ли во всей исторіи Церкви была такая пора или эпоха, въ которую бы христіанскій народъ, въ такой настоятельной нуждѣ, былъ совершенно оставленъ и такъ забытъ служителями Церкви, какъ это было въ протестантскомъ обществѣ XVII вѣка“ (3). Притомъ, большинство тогдашнихъ протестантскихъ богослововъ и проповѣдниковъ смотрѣло на религію, какъ на дѣло одного разсудка и исполненіе своихъ обязанностей полагало въ одномъ только схоластическомъ защищеніи лютеранскаго исповѣданія противъ иномыслящихъ. Благодаря этому, въ протестантствѣ выработалось цѣлое *особое* направленіе, извѣстное подъ именемъ *ортодоксіи* (die Orthodoxie), т. е. такое направ-

(1) Arnold, Kirchen—und—ketzerhistorie. Th. III. c. XIV, 17.
(2) Wendt, a. a. o. S. 289. Vgl: Hossbach, Andreä u. s. Zeitalter.
(3) Henke, Georg Calixtus und seine Zeit. B. II. Abth 1. S. 9.

леніе, въ силу котораго извѣстная часть протестантовъ строго и съ буквальною точностію держалась символическихъ книгъ лютеранства. Богословская наука постепенно отрѣшалась отъ внутренней религіозной жизни и все болѣе и болѣе принимала схоластическій характеръ. Мертвая и мертвящая схоластика проникла даже въ проповѣдь, которая тогда окончательно утратила прежній свой простой, жизненный и библейскій характеръ. И въ тогдашнемъ протестантскомъ обществѣ, которое забыло религію и, за то, какъ бы само было оставлено религіею, по словамъ Госсбаха, усилились: пьянство, страсть къ сутяжничеству, соединенному съ интригами, а также: распутство, пролетаріатство и т. п. (1).

Печальное положеніе протестантскаго общества въ XVII в. хорошо понимали люди истинно-религіозные и нравственные. Они видѣли, что ихъ (протестантская) церковь,—если только можно назвать ее церковію,—утратила все, кромѣ одного только своего имени. И потому, одни изъ нихъ переходили изъ протестантства въ католичество (напр.: Лука *Гольштейнъ*, бывшій прежде ревностнымъ поборникомъ протестантизма, Петръ *Ламбекъ*, знаменитый ректоръ гамбургской гимназіи, и даже Андрей *Фроммъ*, берлинскій пробстъ,—бывшій жаркимъ приверженцемъ протестантства); другіе проповѣдывали о необходимости *новой* реформаціи въ самомъ протестантствѣ. Противъ ортодоксивнаго направленія появились, изъ среды самого же протестантства, двѣ оппозиціи: одна—со стороны науки, другая—со стороны самой жизни, со стороны религіозно-практической потребности, живущей въ душѣ человѣка и неудовлетво-

(1) Hossbach, Phil. Iak. Spen. u. s. Zeit.

равшейся сухою и безплодною протестантскою ортодоксіею. Во главѣ первой оппозиціонной партіи стоялъ Георгъ *Каликстъ*, человѣкъ благородной души и всесторонне образованный, положившій основаніе такъ называемому *синкретизму* (¹). Представителемъ со стороны второй былъ *Шпенеръ*, котораго обыкновенно считаютъ *основателемъ піэтизма*.

Филиппъ Яковъ Шпенеръ (²) былъ сынъ совѣтника и регистратора; родился 13-го января 1635 г. въ графствѣ Раппольштейнскомъ, въ Раппольтвейлерѣ,—въ верхнемъ Эльзасѣ. Родители Шпенера были люди очень благочестивые и, тотчасъ по его рожденіи, дали Богу обѣтъ посвятить своего сына на служеніе церкви. Объ

(¹) Каликстъ (род. 1586 умеръ 1656 г.) старался дать протестантскому богословію болѣе свободное направленіе и нравственную жизнь—поставить выше одной вѣры въ мертвую букву „formulae concordiae". Онъ соединеніе разныхъ вѣроисповѣданій христіанскихъ считалъ дѣломъ возможнымъ: стоитъ только, говорилъ онъ, возвратиться къ соборнымъ постановленіямъ *первыхъ пяти* вѣковъ христіанства и ими ограничиться. Протестантскіе ортодоксисты страшно вооружились противъ этаго направленія, и назвали его *синкретизмомъ*, подъ которымъ и по нынѣ разумѣютъ такое направленіе, въ области философіи или богословія, которое стремится разнородные и, повидимому, несоединимые пункты того или другаго ученія соединять въ одно цѣлое, въ одну систему. Происхожденіе же самаго слова *синкретизмъ* очень древнее. Плутархъ разсказываетъ, что критяне (Kretenser) часто вели между собою войну; но если на нихъ нападали внѣшніе враги, то они соединялись всѣ вмѣстѣ для общаго отпора непріятелямъ, и этотъ взаимный между собою союзъ они называли *συγκρητισμός* (Plut. T. II, 490). По примѣру критянъ, и многіе писатели (напр. Еразмъ и Меланхтонъ) стали употреблять слово *синкретизмъ* въ смыслѣ *взаимнаго примиренія* (См. *Herzog*, R. Enzykl:. „Synkretismus". B. XV. S. 342 и сл.).

(²) Свѣдѣнія о *Шпенерѣ* мы заимствовали изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) изъ *Госсбаха:* Ph. Iak. Spener und seine zeit 2 aufl. Berlin 1853. 2) *Шмида:* Geschichte des Pietismus; 3) *Герцога:* R. Enzyklopädie, Artik: „Spener" und „Pietismus; 4) *Гагенбаха:* Vorlesungen über Wesen und Geschichte d. Reformation. 2 aufl. 1854 и 5) *Шрекка:* Christliche Kirchengeschichte seit der Reformation. Theil VIII и др.

этомъ обѣтѣ они очень рано объявили Шпенеру, и онъ росъ и воспитывался среди самой благопріятной для его будущаго призванія обстановки. Къ числу лицъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на раннее пробужденіе въ Шпенерѣ духа благочестія принадлежала, прежде всѣхъ, крестная мать его, овдовѣвшая графиня Агаѳія *фонъ-Рапполштейнъ*, а за тѣмъ, благочестивый зять его придворный рапполтвейлерскій проповѣдникъ *Штолле* (Stolle). Подъ опекою двухъ послѣднихъ Шпенеръ находился до 15 лѣтняго своего возраста. Въ маѣ же 1651 года, онъ, будучи хорошо подготовленъ, поступилъ, по совѣту Штолле, въ страссбургскій университетъ. Тамъ онъ, въ первые годы по своемъ поступленіи, ревностно занимался новымъ завѣтомъ и исторіею, преимущественно германскою; съ усердіемъ читалъ древнихъ греческихъ историковъ; изучалъ филологію и философію, языки: греческій, еврейскій и даже арабскій. Для ознакомленія съ доктриною раввинистовъ и талмудистовъ, онъ бралъ уроки у одного еврея. Въ изученіи еврейскаго языка онъ, въ девять мѣсяцевъ, успѣлъ на столько, что могъ свободно держать на немъ диспутъ. Въ 1653 г., послѣ двугодичнаго образованія своего въ университетѣ, онъ, будучи 17 лѣтъ, получилъ уже степень магистра философскихъ наукъ и, еще учившись у еврейскаго раввина, началъ читать философскія лекціи. Въ 1654 г. онъ приступилъ къ богословскимъ занятіямъ. Богословіе, преподававшееся тогда въ страссбургскомъ университетѣ, было *строго лютеранское* (1). Самый Страссбургъ былъ тогда чисто *лютеранскимъ* городомъ. По свидѣтельству Генже, въ

---

(1) Vgl: Alex. Schweitzer, die protestanische Centraldogmen. 1 Hälfte. S. 418 и 438.

Страссбургѣ гораздо больше, чѣмъ въ Саксоніи и Пруссіи, обращали тогда вниманіе какъ на *религіозно-практическіе* интересы, такъ и вообще, на нравственную сторону общественной жизни. Равно и лютеранская апологетика находилась тамъ въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ гдѣ-либо ([1]). Имѣлъ ли кто-нибудь въ частности изъ профессоровъ страссбургскаго университета особенное вліяніе на Шпенера трудно сказать. Правда, Шпенеръ, во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, почтительно отзывается о Даннгауерѣ и двухъ *Шмидахъ* (Севастіанѣ и Іоаннѣ,—послѣдняго онъ называетъ своимъ „отцемъ во Христѣ"), но онъ ничего не говоритъ о болѣе близкихъ своихъ отношеніяхъ къ нимъ. Во всякомъ же случаѣ, несомнѣнно, что страссбургскій факультетъ имѣлъ весьма большое вліяніе на общій складъ мыслей и на характеръ убѣжденій Шпенера. Шпенеръ особенно хвалитъ страссбургскій факультетъ за то, что въ немъ всегда, съ полнымъ усердіемъ, занимались изученіемъ библіи.

Въ Страссбургѣ Шпенеръ оставался до 1659 г. и, не оставляя своихъ богословскихъ занятій, вмѣстѣ самъ читалъ лекціи по логикѣ, метафизикѣ и генеалогіи. Сильное желаніе—послушать чтеній знаменитаго тогда оріенталиста Букеторфа заставило Шпенера отправиться въ 1659 г. въ Базель. Тамъ онъ, между прочимъ, давалъ уроки по исторіи и географіи. Потомъ, посѣтивши Фрейбургъ и Мимпельгардъ, Шпенеръ отправился въ Женеву, гдѣ, по рекомендаціи Буксторфа, онъ былъ принятъ профессоромъ богословія Антономъ Легеромъ, вальденскимъ уроженцемъ. Здѣсь же онъ впервые познакомился съ *І. Лабади*, который былъ

([1]) Henke, Georg Calixtus und seine zeit. B. 11. 2 Abth. S. 31.

тогда проповѣдникомъ въ Женевѣ. Назидательныя проповѣди Лабади, а равно и его стремленія къ строгой нравственности и улучшенію церковной жизни протестантовъ увлекали особенно молодое поколѣніе. Этого увлеченія, кажется, не чуждъ былъ, въ извѣстной мѣрѣ, и Шпенеръ. Онъ перевелъ съ французскаго на нѣмецкій языкъ одно изъ аскетическихъ сочиненій Лабади подъ заглавіемъ: „Von andächtigen Betrachtungen, wie solche christlich und gottselig angestellet und geübt werden sollen“ (¹). И хотя Шпенеръ только однажды лично бесѣдовалъ съ Лабади въ его домѣ, тѣмъ не менѣе онъ этимъ обратилъ на себя вниманіе многихъ и заслужилъ едва ли не справедливый, со стороны лютеранъ, упрекъ въ подражаніи лабадистамъ въ дѣлѣ учрежденія своихъ „благочестивыхъ собраній“ (collegiorum pietatis), о которыхъ у насъ будетъ рѣчь впереди. Возвратившись въ Страссбургъ, Шпенеръ не могъ оставаться тамъ долго. Въ 1662 г. онъ вытребованъ былъ графомъ фонъ-Рапполштейнъ для сопровожденія его въ Штуттгардтъ на бракосочетаніе одной вюртембергской принцессы съ княземъ восточной Фрисландіи. Отсюда онъ, по волѣ вюртембергскаго герцога, отправился въ Тюбингенъ и тамъ открылъ свои чтенія. Но изъ Тюбингена онъ скоро получилъ вызовъ въ Страссбургъ для занятія тамъ проповѣднической должности. По прибытіи въ Страссбургъ, Шпенеръ сдалъ экзаменъ и получилъ степень доктора богословія.

День полученія Шпенеромъ ученой докторской степени былъ вмѣстѣ и днемъ его свадьбы. Въ бракъ съ Сусанною Эргардтъ Шпенеръ вступилъ, главнымъ об-

(¹) „О благоговѣйныхъ размышленіяхъ, какъ ихъ по христіански и благочестно совершать и въ нихъ упражняться“.

разомъ, по совѣту своей матери и дяди; самъ же онъ долго не рѣшался на этотъ важный шагъ въ своей жизни. Опасаясь, что его природная серьезность не позволитъ ему быть особенно любезнымъ и ласковымъ въ обращеніи съ своею женою, Шпенеръ больше всего располагалъ жениться *на вдовѣ*, и притомъ на такой, у которой бы умершій мужъ былъ *строптиваго* характера, такъ чтобы ей не трудно было привыкать къ характеру Шпенера. Но выборъ Шпенеромъ жены, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовалъ его желанію. Шпенеръ былъ вполнѣ доволенъ своимъ супружествомъ и искренно благодарилъ Бога за то, что Онъ послалъ ему такую умную и домовитую жену, какова была его Сусанна Эргардтъ.

Не лишнимъ считаемъ указать также на нѣкоторыя характерныя особенности *частной* жизни Шпенера, потому что онѣ много уясняютъ какъ личныя свойства Шпенера, такъ *отчасти* и самый успѣхъ дальнѣйшій его (піэтистической) дѣятельности. Шпенеръ не начиналъ ни одного важнаго дѣла безъ призыванія имени Божія. Молитвою онъ встрѣчалъ утро, молитвою же заключалъ вечеръ. Вся жизнь его отличалась необыкновенною строгостію и регулярностію и, чрезъ это, рельефно выдѣляла его изъ ряда другихъ людей. Онъ всегда *въ опредѣленное* время вставалъ отъ сна, обѣдалъ и засыпалъ; въ опредѣленные же часы занимался, принималъ посѣтителей и отдыхалъ. Благодаря нормальной жизни, онъ постоянно имѣлъ крѣпкое здоровье, свѣтлый умъ, твердую силу мышленія и хорошую память. Онъ всѣми мѣрами заботился о томъ, чтобы не возмущать своего душевнаго мира ни чувствомъ страха, ни сильнымъ чувствомъ отрадной надежды, ни—тѣмъ

более—порывами страстей. Отличительными чертами его характера были: необыкновенная доброта, честность, снисходительность и сдержанность. При этомъ Шпенеръ, былъ чрезвычайно довѣрчивъ. Ему трудно было представить себѣ, чтобы кто-либо могъ *намѣренно* обмануть его. Онъ былъ искреннимъ другомъ и отцемъ для бѣдныхъ, благодѣтельнымъ товарищемъ для своихъ сослуживцевъ, примѣрнымъ мужемъ и отцемъ въ своей семьѣ. Всѣ эти качества пріобрѣтали ему неподдѣльную любовь и искреннее уваженіе со стороны всѣхъ, знавшихъ его. Личность его была еще тѣмъ свѣтлѣе и симпатичнѣе, что онъ всѣ свои нравственныя доблести увѣнчивалъ непритворнымъ смиреніемъ, просвѣчивавшимъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ и словахъ. Если онъ слышалъ отъ кого-нибудь похвалу себѣ и одобреніе, то всегда говорилъ слѣдующее: „я не знаю, что другіе находятъ во мнѣ такого, за что бы можно было такъ высоко превозносить меня".—Онъ не стыдился публично признаваться въ своихъ недостаткахъ и не рѣдко со слезами просилъ другихъ замѣчать ему о его погрѣшностяхъ. Замѣчанія эти онъ всегда принималъ съ благодарностію, хотя бы они были высказываемы ему людьми низшими его по званію. Для него, по его словамъ, не было ничего непріятнѣе, какъ то, если о немъ съ похвалою говорили на каѳедрахъ и цитовали его сочиненія.

По той же самой причинѣ, по которой мы остановились на нѣкоторыхъ чертахъ частной жизни Шпенера, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ и объ *основныхъ воззрѣніяхъ* Шпенера, которыя всѣ, болѣе или менѣе, отразились *на сущности* самаго *піэтизма*.

Западные богословы, въ своемъ сужденіи объ основныхъ *догматическихъ* взглядахъ Шпенера, расходятся между собою. Всѣ, безъ исключенія, современные Шпенеру ортодоксисты, напр. Лёшеръ, Нейманъ, Шельвигъ и др., считали Шпенера *отступникомъ* отъ лютеранства, *сепаратистомъ* и т. п. Подобнаго же мнѣнія о Шпенерѣ держится большинство и позднѣйшихъ протестанскихъ богослововъ, преимущественно принадлежащихъ къ ортодоксивному лагерю,—каковы: Саккъ (1), Руге (2), Цолльнъ (3), Бретшнейдеръ (4) и др. Тѣ же протестанскіе богословы и историки, которые относятся къ піэтизму болѣе безпристрастно, чѣмъ другіе, видятъ въ Шпенерѣ *совершеннаго лютеранина* по его *основнымъ* догматическимъ воззрѣніямъ,—таковы: Дорнеръ (5), Биндеръ (6), Мэрклинъ (7), Толюккъ (8), Гейнрихъ Шмидъ (9) и др. Мы—на сторонѣ послѣднихъ. Изъ всѣхъ сочиненій, изъ всей жизни и дѣлъ Шпенера нельзя не замѣтить, что онъ, по своимъ догматическимъ убѣжденіямъ, былъ богословъ, *всецѣло* преданный *лютеранскому* вѣроученію. Въ этомъ онъ и самъ старался убѣдить другихъ: подобнаго рода желаніе Шпенера весьма ясно высказывается имъ, между прочимъ, въ третьей части его „Deutschen Bedenken". А то, что онъ дѣйствительно питалъ уваженіе къ Лютеру и его

(1) Sack's, Polemik. S. 304 и слѣд.

(2) См. Der Pietismus und die Iesuiten. Hall. Jahrb. 1839. № 1.

(3) Cölln, Hist. Beitr. zur Erleuterung d. Begr. Pietismus, Mystic. und Fanatismus.

(4) Bretchneider, die Grundläge evang. Pietismus. Leipzig. 1838.

(5) Studien und Kritiken. 1840. S. 137 и сл.

(6) Binder, der Pietismus und die moderne Bildung. Stuttg. 1838.

(7) Merklin, Darstellung und Kritik der modernen Pietismus. Stuttg. 1839.

(8) Herzog, R. Enzyklopädie, Artik: „Pietismus" und „Spener".

(9) Schmid, Geschichte des Pietismus. Nördlingen. 1863.

ученію, видно, съ одной стороны, изъ его письма къ одному изъ его друзей, гдѣ онъ высказываетъ свое сожалѣніе о томъ, что въ (германскихъ) университетахъ слишкомъ мало читаютъ сочиненія Лютера ([1]); съ другой стороны, Шпенеръ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи изъ сочиненій Лютера комментарія на все священное писаніе ([2]). Онъ хвалилъ Лютера также за то, что „имъ членъ *о вѣрѣ и ея плодахъ* изложенъ такъ ясно, какъ едвали съумѣлъ бы изложить *кто-нибудь еще* (?!) послѣ временъ апостольскихъ" ([3]). — Касательно св. писанія Шпенеръ часто выражался, что „оно, по протестанскимъ принципамъ, должно быть *одно* пробнымъ камнемъ всякаго ученія" ([4]). Равнымъ образомъ, идея, такъ называемая у протестантовъ, *всеобщаго священства* составляла душу всего Шпенерова піэтизма ([5]). Даже въ ученіи объ оправданіи Шпенеръ, строго говоря, стоитъ на почвѣ чисто лютеранской,— только у него Лютеровъ взглядъ на оправданіе вѣрою выраженъ гораздо яснѣе, чѣмъ у другихъ тогдашнихъ лютеранскихъ богослововъ. Шпенеръ очень опредѣленно говорилъ: „если мы учимъ, что человѣкъ оправдывается чрезъ вѣру и *безъ дѣлъ*, то это не значитъ, что онъ оправдывается одною только вѣрою, не сопровождающеюся добрыми дѣлами; но это значитъ только то, что дѣла, непремѣнно долженствующія сопровождать вѣру, ничего не значатъ предъ Богомъ; между тѣмъ, оправдывающая вѣра не можетъ быть безъ дѣлъ" ([6]).

(1) Spener, deutsche Bedenken. III, S. 510.
(2) Этотъ комментарій остался неизданнымъ въ свѣтъ.
(3) Schmid, Gesch. d. Pietismus. S. 90.
(4) Herzog, R. Enzykl. „Pietismus", S. 656.
(5) Spener's, Pia desideria.
(6) См. Evang. Glaubenslehre. S. 1046. Vgl: Hossbach, a. a. O. II, 167.

Не то же ли самое говорилъ и Лютеръ? И по его ученію, „живая вѣра необходимо раждаетъ соотвѣтствующія добрыя дѣла. Но эти дѣла менѣе всего принадлежатъ человѣку: въ нихъ онъ участвуетъ не дѣятельно (activ), а страдательно (passiv)“ (¹). Замѣчательно, что Шпенеръ, при своей строго благочестивой жизни, никогда не употреблялъ выраженія: „добрыя дѣла необходимы для спасенія“ (²). Ортодоксивнымъ протестанскимъ богословамъ не нравилось слѣдующее выраженіе Шпенера: „нѣкоторые (изъ протестанскихъ богослововъ) *неправильно* проповѣдуютъ объ оправданіи *почти только* (Fast allein) вѣрою“. Это выраженіе, волею-неволею, наводило многихъ на мысль, что оправданія одною только вѣрою недостаточно и что оправдывающая вѣра должна быть *непремѣнно дѣятельная*. А эта мысль, сама собою, подрывала догматическое ученіе объ оправданіи одною вѣрою, которую ортодоксисты понимали въ смыслѣ одной только *теоретической* вѣры (³). Противъ такого-то ложнаго пониманія оправдывающей вѣры и возсталъ Шпенеръ, будучи самъ въ своей душѣ *истинно-благочестивымъ сыномъ лютеранства*. При этомъ, Шпенеръ съ полнымъ безпристрастіемъ относился какъ къ лютеранству, такъ и къ реформатству. Онъ безъ стѣсненія говорилъ, что лютеранство нуждается въ *новой* реформаціи, именно въ реформаціи церковной и религіозно-нравственной жизни. Равно, онъ, не обинуясь, хвалилъ нѣкоторыя изъ реформатскихъ сочиненій и даже, лежа на смертномъ одрѣ, назидался чтеніемъ

(¹) См. соч. арх. Хрисанфа: Характеръ Протестантства. С.-Петербургъ, 1868 г., стр. 96.

(²) См. Freudige Gewissensfrucht gegen Schelwig. cap. 52, § 2.

(³) Hossbach, a. a. O. II, 167. Vgl. Semid, Gesch. d. Pietismus. S. 448—9.

реформатскаго молитвенника (Rivert's, letzten Stunden), и вообще, онъ отдавалъ полную справедливость всему, что только находилъ добраго въ реформатствѣ. Отношенія его къ мистикамъ и теософамъ были довольно снисходительны. Онъ не раздѣлялъ ихъ мнѣній, но и не считалъ ихъ вредными на столько, на сколько считали ихъ ортодоксивные богословы. Наконецъ, онъ нетолько не былъ врагомъ науки и пропагандистомъ обскурантизма, какъ нѣкоторые утверждаютъ это (1), но, напротивъ, высоко цѣнилъ ученыя занятія и, будучи самъ ученѣйшимъ богослономъ своего времени, убѣждалъ и другихъ заниматься разнаго рода науками (2).

Итакъ, вотъ съ какимъ настроеніемъ духа Шпенеръ вступилъ въ общественную жизнь и дѣятельность въ качествѣ проповѣдника въ Страсбургѣ. Но въ этой должности онъ прослужилъ не долго и, въ 1666 году, вызванъ былъ во Франкфуртъ на Майнѣ въ качествѣ *приходскаго* пастора и сеніора въ министерствѣ.

Не много отраднаго для себя встрѣтилъ Шпенеръ на новомъ поприщѣ своей дѣятельности. Жизнь франкфуртскаго общества представляла въ себѣ мерзость нравственнаго запустѣнія. Изъ среды духовенства слышался зловѣщій голосъ рутины: „*quieta*, non movere“ (3). Эти обстоятельства усилили и безъ того пламенную энергію Шпенера и вызвали въ немъ искреннюю ревность къ попеченію о спасеніи душъ. Теперь задушевнымъ желаніемъ Шпенера стало то, чтобы возбудить въ вѣрующихъ *живую и дѣятельную* вѣру. Для достиженія этой цѣли, Шпенеръ прибѣгъ къ новому, дотолѣ небывалому

(1) См. Evang. Kirchenzeit. 1863. № 79. S. 942.
(2) Hossbach, a. a. O. Th. II, S. 213—15.
(3) Herzog, R. Enzykl. „Pietismus“, S. 647.

въ протестантизмѣ средству,—къ учрежденію „collegiorum pietatis“, или благочестивыхъ домашнихъ собраній. О происхожденіи этихъ собраній самъ Шпенеръ, въ своемъ „Sendschreiben an einen christeifrigen ausländischen Theologum“ (т. е. въ своемъ посланіи или письмѣ къ одному искренно-христіанскому иноземному богослову), говоритъ слѣдующее: „одни изъ моихъ благочестивыхъ друзей (которыми, по мнѣнію Толюкка (¹), были два поклонника Шпенера: адвокатъ права Шутцъ и учитель гимназіи Дифенбахъ)—неоднократно жаловались на то, что всѣ бесѣды и разговоры въ жизни общественной бываютъ на столько нескромны, что почти рѣдко можно выходить изъ того или другого общества съ чистою совѣстію... Поэтому друзья мои желали бы, чтобы между людьми благочестивыми введены были въ обычай такого рода собранія, въ которыхъ они могли бы съ душевною простотою и любовію побесѣдовать обо всемъ необходимомъ для нихъ“ (²). Шпенеръ не хотѣлъ отказать своимъ друзьямъ въ ихъ желаніи и, въ 1670 г., учредилъ свои „collegia pietatis“, которыя состояли въ слѣдующемъ: два раза въ недѣлю, въ понедѣльникъ и среду, небольшой кружокъ благочестивыхъ людей собирался къ Шпенеру въ домъ. Шпенеръ открывалъ собраніе краткою молитвою. Потомъ прочитывали извѣстный отдѣлъ изъ какой-нибудь назидательной книги и, затѣмъ, велась свободная бесѣда въ духѣ истинно-христіанскомъ. Такъ было въ первые годы образованія собраній. Впослѣдствіи же, въ собраніяхъ запрещался всякій частный разговоръ, не заключавшій въ себѣ особеннаго назиданія; нельзя было также предла-

(¹) Ibidem.

(²) Срав. H. Schmid, Gesch. d. Pietismus S. 49—50.

гать въ собраніяхъ никакихъ школьныхъ вопросовъ, касавшихся разныхъ богословскихъ тонкостей. Равнымъ образомъ нельзя было касаться и спорныхъ вопросовъ. Въ 1675 г. въ характерѣ благочестивыхъ собраній произошла небольшая перемѣна: прежнія книги, предназначавшіяся для чтенія въ собраніяхъ, какъ человѣческое произведеніе, стали откладываться въ сторону; теперь съ дѣтскою простотою брались за чтеніе библіи. Чтеніе начиналось, обыкновенно, съ евангелія отъ Матѳея и продолжалось въ слѣдующемъ порядкѣ: Шпенеръ сначала прочитывалъ одну какую-нибудь главу всю сполна; потомъ снова повторялъ каждый стихъ въ отдѣльности, причемъ, выводилъ изъ текста краткое приложеніе, служившее для назиданія членовъ собранія. Послѣ этого, онъ нѣсколько времени выжидалъ, — не завяжется ли между членами собранія разговоръ по поводу его рѣчи. Наконецъ, послѣ краткаго увѣщанія и молитвы, Шпенеръ закрывалъ собраніе. Кромѣ того, по понедѣльникамъ, чтенію и разъясненію новаго завѣта предшествовало еще повтореніе содержанія проповѣди, говоренной наканунѣ въ церкви. Сначала въ collegia pietatis Шпенера участвовало только нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ, большей частью, къ ученому сословію. Но потомъ, къ нимъ стали примыкать люди изъ всѣхъ сословій, всякаго возраста и обоего пола. Но не каждый изъ посѣтителей имѣлъ право говорить и проповѣдывать въ собраніяхъ. Обыкновенно держали рѣчь только мужчины и, притомъ, только получившіе богословское образованіе. Женщины въ собраніяхъ были отдѣлены отъ мужчинъ такъ, что послѣдніе не могли видѣть ихъ.

Учредивши collegia pietatis, Шпенеръ пользовался

ими какъ самымъ лучшимъ средствомъ для проведенія своихъ религіозно-практическихъ тенденцій въ сознаніе какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ семействъ. Онъ, въ своихъ благочестивыхъ собраніяхъ, внушалъ, что „мы должны быть *новою* тварію во Христѣ и что все наше христіанство, безъ *дѣйствительнаго* исполненія христіанскихъ заповѣдей, будетъ одною только иллюзіею или призракомъ (ein Scheinwerk) и, вмѣстѣ, мерзостію (Greuel) предъ Богомъ,—что наша свобода во Христѣ состоитъ не въ одной только свободѣ грѣшить, но и въ томъ, чтобы быть свободными отъ грѣховъ. Ожиданья Шпенера были не напрасны. Его дѣятельность встрѣтила себѣ у многихъ самыя горячія симпатіи и его collegia pietatis послужили первымъ толчкомъ для піэтистическихъ движеній XVII вѣка.

Вторымъ средствомъ для пробужденія религіозно-практическаго направленія въ протестантствѣ послужило Шпенерово сочиненіе, подъ названіемъ: „pia desideria“, или благочестивыя желанія. Оно состоитъ изъ *двухъ* частей: *въ первой* авторъ выражаетъ свои жалобы на современныя ему пороки и злоупотребленія въ лютеранствѣ; *во второй* предлагаетъ средства, какъ помочь этому горю.

Pia desideria, на ряду съ collegiis pietatis, какъ нельзя лучше, служили завѣтной цѣли Шпенера. Сѣмя піэтизма, брошенное опытною рукою Шпенера, возрастало неимовѣрно быстро. Благодаря особенному умѣнью въ обращеніи съ людьми всякаго тона, Шпенеръ, съ своими піэтистическими тенденціями, проникалъ въ общества высшихъ сословій и, какъ говорятъ, особенно сильное вліяніе имѣлъ на женщинъ [1]. Успѣхъ Шпе-

---

[1] Barthold, die Erweckten im protestanischen Deutschland u. s. w. 1852. Abth. S. 157. Vgl: Raumer's histor. Taschenbuch. 1852—53.

нера весьма много зависѣлъ отъ одной уже личности его, которая, какъ видѣли, была самая свѣтлая и симпатичная. Но главная причина его успѣха состояла, конечно, въ правотѣ самаго дѣла Шпенера, въ *жизненности* его направленія, въ христіанскомъ благочестіи, которое сродно сердцу каждаго вѣрующаго христіанина.

Въ 1686 году Шпенеръ изъ Франкфурта на Майнѣ получилъ оффиціальное назначеніе въ Дрезденъ на должность придворнаго проповѣдника и духовника курфирста Георга. Въ Дрезденѣ онъ встрѣтилъ сначала самый радушный пріёмъ; но потомъ, благодаря интригамъ мѣстнаго духовенства, онъ нажилъ себѣ много враговъ, разошелся даже съ самимъ курфирстомъ и, вслѣдствіе всего этого, счелъ за лучшее въ 1689 г. поступить въ Берлинъ на должность пробста и совѣтника консисторіи, гдѣ онъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей 5 февраля 1705 г.

Со смертію Шпенера не умерли его благія начинанія. Распространенію идей Шпенера способствовали, съ одной стороны, самыя сочиненія его, раскупавшіяся въ большомъ количествѣ, съ другой—его друзья и приверженцы. Благодаря тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, сѣмя піэтизма сѣялось и возрастало въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. Отдѣлившись отъ личности Шпенера, какъ перваго своего виновника, и принявши характеръ *особаго*, чисто *практическаго*, религіознаго направленія въ протестантствѣ, піэтизмъ обнаружился одновременно въ *нѣсколькихъ* пунктахъ протестантской территоріи, но главными изъ нихъ, кромѣ Франкфурта и Дрездена, были: *Лейпцигъ*, *Галле* и *Вюртембергъ*.

Въ Лейпцигѣ главными дѣятелями піэтизма были нѣкоторые богословы и студенты. Благодаря ихъ ревно-

сти, здѣсь, еще въ самый годъ вызова Шпенера въ Дрезденъ, молодые люди учредили нѣчто похожее на Шпенеровы collegia pietatis. Мы разумѣемъ лейпцигскія „collegia philobiblica", о происхожденіи и сущности которыхъ самъ Шпенеръ передаетъ слѣдующее: „въ 1686 г. два лейпцигскихъ богослова — Павелъ-Антонъ и А. Г. Франке, въ видахъ большаго обращенія вниманія студентовъ на изученіе кореннаго и священнаго языка (Grund-und heiligen Sprachen), предложили другимъ магистрамъ основать такое collegium, въ которомъ бы свящ. писаніе ветхаго завѣта читалось на еврейскомъ, а новаго—на греческомъ языкахъ. Предложеніе ихъ было принято многими. Скоро образовался цѣлый кружокъ магистровъ, объединенныхъ одними интересами и стремленіями. Всѣ они единодушно согласились каждое воскресенье, послѣ проповѣди, собираться въ одинъ домъ на два часа. Въ этомъ общемъ собраніи одинъ изъ магистровъ говорилъ лекцію по священному писанію и, во время одного собранія, изъяснялъ какой-нибудь текстъ изъ ветхаго завѣта, а во время другаго,—изъ новаго. Прочіе члены собранія дѣлали свои замѣчанія на тотъ же самый текстъ. Прежде всего старались, обыкновенно, отыскивать буквальный смыслъ текста, а потомъ, дѣлали изъ него разныя примѣненія и выводы (porismata)" (1). Такимъ образомъ, это новоучрежденное общество въ Лейпцигѣ поставило еще своею спеціальною задачею—поднять въ Лейпцигѣ уровень библейскаго экзегеса,—доведеннаго въ ту пору до крайняго упадка (2),

(1) Illgen, histor. coll. philobibl. Lipsiensis. 1836—7 г. Vgl: die Beitr. z. Gesch. A. H. Frankes, von Kramer. Halle. 1861.

(2) Проф. Карпцовъ свои лекціи о книгѣ пр. Исаіи оканчивалъ, обыкновенно, *первою* главою этой книги и, въ 20 лѣтъ своей професcіи вовсе не занимался экзегезомъ.

и отсюда дало себѣ названіе collegium *philobiblicum*. Посѣтителей его было большое множество: туда собирались люди всякаго званія, возраста и пола. Успѣхъ дѣйствій членовъ collegium'а былъ необыкновенный. Когда Франке въ своихъ лекціяхъ изъяснялъ 2-е посланіе ап. Павла къ Тимоѳею, то у него число слушателей доходило до 300. Примѣру Франке послѣдовали: Шаде и Антонъ и, всякій разъ, имѣли большой успѣхъ. Благодаря возбужденной дѣятельности этихъ трехъ магистровъ, между студентами начались частныя *оживленныя* сношенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Лейпцигѣ появилось и самое имя *піэтистовъ*. Увлеченіе молодежи христіанскимъ практицизмомъ доходило до фанатизма. Шпенеръ, въ своемъ письмѣ къ Рехенбергу, говоритъ, что „нѣкоторые изъ студентовъ, съ ревностію новообращенныхъ, уходили за городъ—въ поле и, забравши съ собою свои философскія книги, сожигали ихъ, что—затѣмъ—они скоро сами учредили свои особыя собранія" (¹). Вмѣстѣ съ этимъ, у студентовъ пробудилась такая ревность къ изученію священнаго писанія, что въ Лейпцигѣ скоро почувствовали недостатокъ въ продажныхъ экземплярахъ библіи (особенно новаго завѣта на греческомъ языкѣ), вслѣдствіе слишкомъ большаго запроса на нихъ.

Ортодоксальное духовенство сильно вооружилось противъ новаго религіознаго направленія и, между прочимъ, прибѣгло къ литературной полемикѣ, отличавшейся грубымъ ругательствомъ и рѣзкими выходками противъ піэтизма Этимъ тономъ отличались преимущественно два соч.: „Osterprogramm", проф. Карпцова, и анонимное „Imago pietatis".—Такъ какъ Франке, при

(¹) Herzog, R. Encykl: „Pietismus". S. 649; Vgl: Theolog. Bedenken. III, 808.

этомъ, приходилось встрѣчать въ Лейпцигѣ оскорбленіе почти на каждымъ шагу, то онъ, вмѣстѣ съ Шаде и П. Антономъ, долженъ былъ переселиться отсюда въ Галле, который сдѣлался, потомъ, главнымъ разсадникомъ піэтизма, разлившагося оттуда по всей Германіи, проникшаго на сѣверъ въ нынѣшнія остзейскія губерніи, а также въ Нидерланды и, Швейцарію, въ Англію и даже въ Америку (¹).

Главными дѣятелями при распространеніи гальскаго піэтизма были: Франке, Брейтгауптъ, Антонъ и Ланге. Первые три были профессорами гальскаго университета, и этотъ тріумвиратъ соединялъ въ себѣ самыя лучшія силы тамошняго богословскаго факультета. Въ частности же, Франке былъ душею всего гальскаго піэтизма. Онъ отличался сколько благочестіемъ, столько же необыкновенною преданностію своимъ убѣжденіямъ и горячностію характера, который представлялъ собою совершенный контрастъ характеру Шпенера. Если у послѣдняго всѣ дѣйствія отзываются осторожностію и мягкостію, то у перваго все дышетъ огненнымъ рвеніемъ и суровостію. И гдѣ Шпенеръ согласился бы выжидать, терпѣть и страдать, тамъ Франке шелъ на проломъ. Благодаря энергической дѣятельности кипучей натуры Франке и содѣйствію его сослужившцевъ, піэтизмъ гальскій сталъ оказывать сильное вліяніе на школу и жизнь общества. Число студентовъ гальскаго богословскаго факультета скоро превзошло собою число студентовъ въ самыхъ многолюдныхъ германскихъ университетахъ. Студенты дѣлали между собою собранія совершенно въ піэтистическомъ духѣ и, по словамъ Шпагенберга (²), старались

(¹) Herzog, a. a. O. S. 650.
(²) Spangenberg's Leben. S. 27. Vgl: Herzog, a. a. O. S. 557.

общими силами возбудить чувство благочестія въ гражданахъ города.

Франке, проходившій кромѣ профессорской должности, еще должность приходскаго пастора, старался дѣйствовать на своихъ прихожанъ посредствомъ, такъ называемыхъ, Erbauungsstunden (т. е. часовъ назиданія), или ежедневныхъ вечернихъ и утреннихъ собраній, устроенныхъ имъ сперва въ собственномъ домѣ, а потомъ въ храмѣ. Но онъ скоро понялъ, что нравственное улучшеніе общества вѣрнѣе всего достигается посредствомъ воспитанія дѣтей въ духѣ благочестія. И вотъ, онъ учредилъ въ Галле, такъ называемый, сиротскій домъ (Waisenhaus), послужившій образцомъ для многихъ другихъ благотворительныхъ заведеній въ протестантствѣ. Сиротскій домъ въ Галле былъ сначала, ни больше ни меньше, какъ безплатная школа или пансіонъ для призрѣнія и воспитанія сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, состоявшій подъ непосредственнымъ надзоромъ Франке. Потомъ Франке учредилъ при немъ еще учительскую семинарію: онъ задался широкою цѣлію— „воспитать *по своему* все вообще юношество Германіи и чрезъ то образовать особое *новое* поколѣніе въ религіозно-практическомъ направленіи. И усиленная дѣятельность Франке не осталась безуспѣшною: всѣ воспитывавшіеся въ его заведеніяхъ были вполнѣ проникнуты духомъ піэтизма и, въ свою очередь, сами насаждали благочестіе среди тѣхъ, съ которыми имъ приходилось жить и дѣйствовать. Успѣху шпенеро-франкскаго піэтизма способствовало, между прочимъ, и то, что истинные піэтисты все то, въ чемъ они искренно были убѣждены сами и чему они учили другихъ, всегда подверждали собственною жизнію. У нихъ не было

разлада между словомъ и дѣломъ, а это — великое дѣло!.... Вотъ почему піэтистическая проповѣдь находила себѣ горячее сочувствіе почти вездѣ и во всѣхъ.

Наконецъ, однимъ изъ главныхъ разсадниковъ піэтизма былъ еще, какъ мы сказали, *Вюртембергъ* (1). Піэтизмъ вюртембергскій не былъ одною только отраслію галльскаго піэтизма и, своимъ происхожденіемъ, больше всего обязанъ самому Шпенеру. Послѣдній, еще находившись въ Тюбингенѣ, успѣлъ пріобрѣсть себѣ въ Вюртембергѣ такую добрую репутацію, что тамъ тогда же былъ поднятъ вопросъ о предоставленіи ему мѣста. Піэтистическія идеи Шпенера, мало по малу, стали проникать въ сознаніе и жизнь вюртембергскаго общества. Во многихъ домахъ введены были „Erbauungsstunden“ и „collegia pietatis“. Въ 1717 году вюртембергскіе піэтисты вступили въ сношенія съ Франке и относились къ нему съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Число піэтистическихъ богослововъ въ Вюртембергѣ увеличивалось; религіозное оживленіе общества усиливалось, такъ что, по словамъ Толюкка (2), ревизіонныя донесенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, хранящіяся въ архивахъ протестантскихъ консисторій, отличаются отъ подобнаго рода донесеній предшествовавшихъ годовъ на столько, „на сколько засѣянное и зеленѣющее поле отличается отъ дикой пустыни“.

---

(1) Источники для исторіи виртембергскаго піэтизма слѣдующія: 1) *Gruneisen*, Gesch. de religios. Gemeinschaften in Würtemberg, in Allgen's zeitschrift 1841; 2) Historisch-topographische Notizen über den Pietismus in W. Ev. Kzt. 1828. № 10; 3) *Steudel*, der Pietismus in W. Ev. Kzt. 1835. № 70; 4) *Nanz.*, der Pietismus in W. 1841. 5) *Römer*, kirchl Gesch. W. S. 1843.

(2) Herzog, a. a O. S. 660.

Но на ряду съ истинно піэтистическими движеніями,— какъ это всегда бываетъ во время сильнаго возбужденія религіознаго чувства ([1]),—обнаружились и явленія фантастическія, явленія *религіознаго мечтательства* и сумазбродства. Начиная съ 1691 года, почти вся Германія переполнена была доносами о лицахъ—преимущественно женщинахъ,—которыя будто бы находились въ состояніи, такъ называемаго, *восхищенія* (der Entzückung), и которымъ будто бы сообщаемы были, въ видѣніяхъ, различныя божественныя откровенія. Особенное вниманіе въ этомъ отношеніи возбуждали слѣдующія лица: 1) девятнадцати-лѣтняя дѣвица *Розамунда* Юліана (или Ульяна) *Ассебургская*; 2) эрфуртская служанка Анна-Марія *Шухартъ* или Шухартинъ; 3) кведлинбургская служанка Магдалина *Эрлихъ*; 4) *Анна*-Ева-Іаковъ, извѣстная подъ именемъ „Bluthschwitzerin“ (т. е. потѣвшей кровію); 5) Петерсенъ съ своею супругою и др. Всѣ, подобнаго рода, экцентричныя явленія въ средѣ піэтистовъ надѣлали, въ свое время, много шума. Они, въ равной мѣрѣ, интересовали собою и протестантскихъ богослововъ, и врачей, и простой народъ и, конечно, возбуждали собою самые разнообразные и самые странные толки, разсужденія и объясненія. Одни принимали эти экстазы за дѣйствительныя божественныя откровенія, другіе объясняли ихъ, какъ естественныя дѣйствія и послѣдствія черезчуръ напряженнаго воображенія и чрезвычайнаго раздраженія нервной системы; нѣкоторые же видѣли въ нихъ простое шарлатанство, а иные считали ихъ дѣломъ діавола. По поводу этихъ явленій, писались и печатались даже цѣлыя

([1]) Эпоха крестовыхъ походовъ особенно богата была явленіями разнаго рода ясновидѣній (см. *Michaud*, Histoire des croisades).

сочиненія (1) и говорились съ церковной каѳедры проповѣди (2). Въ этихъ сочиненіяхъ говорилось, что всѣ, подобнаго рода, явленія не заключаютъ въ себѣ ничего сверхъестественнаго и легко объясняются одними естественными причинами (3). Но для нась, впрочемъ, важно не то, какъ тогда объясняли эти явленія, а — главнымъ образомъ — то, что самъ Шпенеръ и Франке, какъ это видно изъ ихъ взаимной переписки другъ съ другомъ, придавали всѣмъ этимъ эксцентрическимъ явленіямъ серьёзное значеніе и признавали непосредствен-

(1) Таково, напр. соч. Винклера: „Das schriftmässige Bedenken" 1692.

(2) Напр., гамбургскій проповѣдникъ Фр. Мейеръ (Mayer) всѣ подобныя явленія объяснялъ съ церковной каѳедры, какъ дѣло сатаны.

(3) Взглядъ психологовъ на состояніе *экстаза* еще не установился *окончательно*. Фихте съ своей *антропологіи* (Antropologie. Leipzig. 1860. S. 366—434) и *психологіи* (Psichologie. Leipzig. 1864. S. 569—600) пытается объяснить явленія экстаза; но его объясненія слишкомъ своеобразны, отзываются даже мистицизмомъ и, въ концѣ концовъ, самъ же Фихте сознается, что для объясненія подобнаго рода явленій *нѣтъ научнаго критерія* и что всякое объясненіе ихъ будетъ имѣть характеръ одной аналогіи. Не сказалъ *послѣднято* слова объ этомъ и Ульрици въ своемъ почтенномъ трудѣ „Gott und der Mensch" (Leipzig. 1866. Th. I. S. 390—402). Впрочемъ, что касается собственно тѣхъ эксцентрическихъ явленій, которыми сопровождались піэтистическія движенія въ протестантствѣ, то они, на нашъ взглядъ, могутъ быть, съ большою вѣроятностію, объясняемы, съ одной стороны—болѣзненною слабонервностію вышеозначенныхъ женщинъ, съ другой, чрезмѣрною напряженностію ихъ религіознаго чувства, съ которою всегда соединяется и ненормальная разгоряченность воображенія. При этихъ физическихъ и психическихъ условіяхъ, явленія мечтательства и иллюзіи—дѣло обыкновенное. Опытъ богатъ подобнаго рода фактами. Напр.: Бенъ-Джонсонъ, имѣвшій весьма живое воображеніе, самъ разсказываетъ о себѣ, что онъ „однажды, послѣ продолжительной умственной работы, провелъ всю ночь, смотря на свой большой палецъ, вокругъ котораго являлись и дрались татары, турки, римляне, католики". Причемъ, Джонсонъ очень хорошо сознавалъ, что всѣ эти образы были однимъ только плодомъ его разгоряченнаго воображенія (см. „Чаробѣсіе, или таинственныя явленія человѣческой природы". Москва, 1867 г.).

ную связь ихъ съ новою религіозною жизнію въ протестантизмѣ, возбужденною піэтизмомъ (1).

Итакъ, во второй генераціи галльскаго піэтизма, даже при сынѣ Франке, не стало уже видно духа Шпенерова піэтизма. Религіозное возбужденіе и практическое благочестіе, одушевлявшія собою всѣ происходившія доселѣ піэтистическія движенія, сдѣлались теперь чѣмъ-то *болѣзненнымъ* и перешли въ крайность, которая, въ свою очередь, вызывала цѣлый рядъ другихъ крайностей, какъ-то: холодность къ наукѣ (2), равнодушіе къ церковному авторитету (3), методизмъ (4) и даже мистицизмъ и мечтательство, доходившіе часто до самыхъ широкихъ размѣровъ (5). Но, разрѣшившись въ мистическое чувство, піэтизмъ не могъ долго оставаться въ этомъ исключительномъ состояніи. Въ дѣлѣ религіи, умъ имѣетъ такія же права, какъ и чувство: онъ скоро заявилъ ихъ и въ вырождавшемся піэтизмѣ. Піэтистическое богословіе, придававшее особенное значеніе только *нѣкоторымъ* пунктамъ протестантскаго догматическаго ученія (6) и не заключавшее въ себѣ ничего цѣльнаго, не могло ни удовлетворять разнымъ

(1) См. Die Briefe in den Beiträgen zur Geschichte A. H. Franke's von *G. Kramer*.

(2) Semler's Lebensbeschreibung. 1, S. 79. Vgl. *Tholuck*, Gesch. d. Rationalismus. Th. I. S. 15.

(3) Dav. Michaelis Lebensbeschreibung. S. 14. Vgl. Tholuck. a. a. O. S. 34.

(4) Tholuck, a. a. O. S. 25—34.

(5) Ibidem S. 49. Vgl: *Arnold*, unpartheische Kirch. u. Ketzerhistorie. Th. I. S. 33 и слѣд.

(6) Любимыми догматами піэтистовъ были два: а) ученіе о паденіи въ смыслѣ Лютера и Флація и б) ученіе объ удовлетвореніи правдѣ Божіей кровію Христовою (См. Conversations Lexicon. 9 Aufl. B. II. S. 238. Vgl: *Klarson*, the morals of the Heathendon. Noch: Miss Magasin von Basel.

запросамъ со стороны разума, ни имѣть въ себѣ на столько научной силы, чтобы отстоять свое ученіе предъ наплывомъ новыхъ философскихъ идей. Отсюда нѣкоторые изъ самихъ піэтистовъ до того увлекались духомъ царившей тогда Вольфовой философіи, что возвели ее даже въ принципъ богословской науки; таковъ былъ, напр., Баумгартенъ. И, благодаря послѣднему, а также — Землеру, Грунеру, Нёссельту и Нимейеру, въ галльскомъ піэтизмѣ, вмѣсто интересовъ благочестія, стали выдвигаться интересы чисто научные, и галльскій университетъ, бывшій доселѣ разсадникомъ практическаго благочестія, сдѣлался теперь разсадникомъ того философскаго направленія, которое извѣстно было подъ именемъ „просвѣщенія" (Aufklärung) и которое съ особенною силою развилось въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія. Таковъ былъ послѣдній исходъ историческаго развитія шпенеро-франкскаго піэтизма въ половинѣ прошлаго столѣтія.

Но въ самомъ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій піэтизмъ сталъ снова оживать и піэтистическія движенія начались прежде всего въ Вюртембергѣ. Между вюртембергскими піэтистами издавна было, почему-то, всеобщее ожиданіе, что въ 1836 г. послѣдуетъ второе пришествіе Спасителя на землю и наступитъ тысящелѣтнее царствованіе. Вслѣдствіе этого, у многихъ изъ нихъ пробудилось сильное желаніе отправиться на востокъ, чтобы тамъ удобнѣе сдѣлаться участниками въ блаженствѣ тысящелѣтняго царствованія Христова на землѣ. Правительство сначала принимало противъ этихъ мечтателей строгія мѣры, но потомъ, видя безполезность своихъ мѣръ, стало само содѣйствовать ихъ намѣренію отправиться въ южную Рос-

сію, гдѣ еще при Екатеринѣ II поселилось много нѣмецкихъ и преимущественно виртембергскихъ колонистовъ. Императоръ Александръ I согласился принять виртембергскихъ эмигрантовъ въ Россію; вслѣдствіе чего, въ 1816—17 годахъ, нѣсколько нѣмецкихъ семействъ, собравшись вмѣстѣ, отправились въ южную Россію. Около половины этихъ жалкихъ эмигрантовъ умерло на дорогѣ, отъ множества нуждъ и лишеній. Но и изъ числа благополучно прибывшихъ въ Одессу, большинство не хотѣло оставаться тамъ и желало идти дальше на востокъ—ближе къ Іерусалиму. Такимъ образомъ, около сотни семействъ отправилось въ Грузію и тамъ, около Тифлиса, они основали большія колоніи. Изъ нихъ многіе уведены были персами, многіе умерли отъ холеры, а еще больше обольщены были одною лжепророчицею, по имени Шпонъ (Spohn), считавшею себя невѣстою Іисуса. Съ нею вмѣстѣ выходцы хотѣли отправиться въ Іерусалимъ, затѣмъ, чтобы тамъ ожидать близкаго пришествія Христова и тысящелѣтняго Его царствованія на землѣ. Правительство воспрепятствовало этому движенію нѣмецкихъ колонистовъ. И такъ какъ, съ одной стороны, схваченная полиціею лжепророчица Шпонъ не получила ожидаемой ею небесной помощи, съ другой—посланные въ Іерусалимъ, въ качествѣ соглядатаевъ, возвратились съ вѣстями очень неотрадными для сектантовъ, то у послѣднихъ стало проходить ихъ сумазбродство. Въ колоніяхъ ихъ стало больше порядка, какъ во внутреннемъ, такъ и во внѣшнемъ отношеніи (1).

Пробужденію же и усиленію піэтизма, въ духѣ Шпо-

(1) См. Dr. W. Stricker, „Germania". Frankf. a. M. 1848. B. II. S. 386.

нера и Франке, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, благопріятствовали разныя историческія обстоятельства. Съ одной стороны, для воодушевленія народа къ, такъ называемой, *священной войнѣ* необходимо было дѣйствовать, главнымъ образомъ, на религіозное чувство народа. Съ другой стороны, еще нѣсколько раньше, въ высшихъ слояхъ общества распространилось мнѣніе, будто французская революція была плодомъ водворенія въ западномъ богословіи того направленія, которое извѣстно подъ именемъ „просвѣщенія" и которое, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, отождествляли съ *вольнодумствомъ* (¹). Вслѣдствіе этого, у многихъ благочестивыхъ людей пробудилось искреннее желаніе поддержать интересы религіозной вѣры, чтобы совершенно уничтожить въ обществѣ революціонный духъ. Благодаря такому общему настроенію умовъ и сердецъ, миссіонеровъ піэтизмъ нашелъ себѣ теплое сочувствіе въ тогдашней аристократіи въ разныхъ мѣстахъ европейскаго запада, особенно въ Пруссіи. Въ короткое время піэтизмъ снова охватилъ собою почти всю Германію (²). Къ піэтистамъ стали примыкать разнаго рода знаменитости въ наукѣ и искусствѣ, каковы: Гейнротъ, Мейеръ, Шубертъ и др., а позднѣе: Неандеръ, Толюккъ, Гарлесъ, Госсбахъ и другіе.

Въ недавнее же время піэтизмъ заявилъ себя съ новою силою. Лѣтомъ 1860 года, протестантскій миссіонеръ Гебишъ (Hebisch), сеніоръ базельской миссіи, прибывши на родину, прошелъ съ своею піэтистическою проповѣдію чрезъ всю Швейцарію и южную Германію и произвелъ сильное религіозное движеніе даже въ та-

(¹) Conversations—lexicon. 9 Aufl. Leipzig. 1846 B. II. S. 237.
(²) Ibidem: S. 238.

кихъ городахъ, какъ Базель и Бернъ, жители которыхъ отличаются сколько религіозностію, столько же и умственнымъ развитіемъ. Предъ Гебишемъ преклонялись, какъ предъ человѣкомъ необыкновеннымъ и великимъ, затѣмъ, чтобъ только попасть въ число избранныхъ (Aüsserwählten) (1). Наконецъ, піэтистическія благочестивыя собранія и понынѣ существуютъ въ Бессарабіи и даже у насъ въ южной Россіи, въ особенности въ реформатской колоніи *Робахъ*, между *штундистами*. И, сколько можно вѣрить словамъ тамошняго мѣстнаго пастора, характеръ собраній штундистовъ совершенно сходенъ съ характеромъ collegiorum pietatis Шпенера (2).

Стало быть, піэтизмъ Шпенера еще и понынѣ на столько силенъ, что способенъ производить собою большія религіозныя движенія въ жизни людей даже образованныхъ. Спрашивается: въ чемъ же состоитъ эта живучая сила піэтизма? Что составляетъ его сущность? Какова его доктрина и нравственныя начала и какое, наконецъ, онъ имѣетъ значеніе въ исторіи? Вотъ вопросы, отвѣтъ на которые составитъ предметъ второй нашей статьи.

(Окончаніе будетъ)

П. Нечаевъ.

---

(1) См. Langhans, Pietismus und Christenthum im Spiegel der äusseren Mission. Leipzig. 1864 г. Th. 1. S. 3.

(2) См. газ. „Голосъ“ 1868 г. №№ 71 и 86. Сравн. „Христ. Чтеніе“ за 1868 г. „Современное обозрѣніе“ въ Майской книжкѣ стран. 754—756.

КЪ ВОПРОСУ

О ВЗАИМНООБЩЕНІИ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ СЪ ПРАВОСЛАВНЫМИ ВОСТОЧНЫМИ ЦЕРКВАМИ.

IN CONVOCATIONE ECCLESIAE ANGLICANAE.

„Рапортъ комитета по дѣлу о взаимнообщеніи (Intercommunio) съ православными восточными церквами вновь назначеннаго его милостію (Gratia) архіепископомъ кантербурійскимъ, въ февральское (24) засѣданіе 1869 года".

„Вашъ комитетъ (¹) проситъ позволенія начать настоящій свой рапортъ напоминаніемъ палатѣ, что послѣдній рапортъ подобнаго комитета, въ прошлую конвокацію, былъ поданъ 4-го іюля 1868 г., и что рѣшенія (Resolutions), предложенныя комитетомъ, были единодушно приняты тогда палатою.

Рѣшенія эти были слѣдующія:

(¹) Члены комитета:

Архидіаконъ Taunton'a,
— Gloucester'a,
— Nottingham'a,
— Bedford's,
Varden (смотритель), Коллегіи „Всѣхъ Душъ".

Г. Канцлеръ Massingberg (председат.),
Д-ръ Fraher,
Д-ръ Iebb,
Д-ръ Kay,
Лордъ Alwyne Compton (пасторъ),
Г. Perry,
Г. Popham,
Г. Seymour.

1) Что эта палата покорно проситъ его милость (¹) президента, чтобы онъ, вмѣстѣ съ своими братіями епископскаго сана, благоволилъ принять (тѣ или другія) мѣры къ открытію прямыхъ сношеній (negociations) съ восточными патріархами и митрополитами, съ цѣлію установить такія отношенія (relations) между двумя церквами (communions), которыя давали бы возможность и мірянамъ и духовнымъ той и другой Церкви взаимно участвовать въ таинствахъ и службахъ церковныхъ (sacraments и offices), не лишаясь общенія съ своею собственною церковію.

2) Что вышеозначенное рѣшеніе палаты имѣетъ быть подано Его милости президенту, вмѣстѣ съ двумя репортами комитета настоящей конвокаціи по дѣлу взаимно-общенія съ православными восточными церквами.

Когда эти рѣшенія были приняты палатою, тогда прибавлено было къ нимъ другое слѣдующаго содержанія:

„Такъ какъ генеральная конвенція американской церкви имѣетъ быть осенью сего года (1868), то просятъ покорно Его милость президента означенныя рѣшенія сообщить предсѣдательствующему епископу этого досточтимаго (venerable Assembly) собранія",

Согласно съ симъ, и просили покойнаго глубокоуважамаго примаса препроводить всѣ репорты комитета къ президенту американской конвенціи, епископу области Кентуки; и, въ свою чреду, его милость, съ обычнымъ ему благоволеніемъ, взялъ на себя это сдѣлать, тотчасъ же по возвращеніи своемъ изъ чужихъ краевъ, что было еще прежде послѣдней его болѣзни.

(¹) Таковъ титулъ англик. архіепископовъ.—*Переводч.*

Въ тоже самое время весьма пріятныя увѣренія въ содѣйствіи и сочувствіи были получены отъ настоящаго епископа Флориды, секретаря американскаго комитета по тому же самому дѣлу: имъ же сообщено было и то извѣстіе, что генеральная конвенція снова утвердила свой прежній комитетъ.

Вашъ комитетъ не можетъ и думать безъ благодарности о томъ, какъ постоянно и вѣрно усиливается участіе въ томъ великомъ вопросѣ, который занималъ въ продолженіи этихъ послѣднихъ трехъ конвокацій. Въ семъ случаѣ можно указать на разныя публикаціи восточно-церковной ассоціаціи, на ученый трудъ Хіосскаго митрополита, подъ именемъ „голосъ православія“ (¹), и на распространеніе по Россіи тѣхъ документовъ, которые имѣютъ отношеніе къ дѣлу о взаимно-общеніи. Вашъ комитетъ можетъ приписать (ascribe) это усиливающееся желаніе — возстановленія христіанскаго единенія, и такъ одновременно распространяющееся и въ Англіи, и въ Америкѣ, и въ Россіи, и на Востокѣ, только вліянію (influence) Святаго Духа: единство и истина—это Его дѣло.

И сказать нельзя, въ какой степени важно взаимно-общеніе между этими такъ долго бывшими въ раздѣленіи вѣтвями Вселенской Христовой Церкви,—важно именно въ настоящую пору, когда епископъ римскій собственною своею властію, сзываетъ такъ называемый имъ вселенскій соборъ, на которомъ, однакожъ, ни патріархи, ни другіе прелаты этихъ церквей не могутъ присутствовать, совмѣстно (consistently) съ каноническимъ порядкомъ и примѣрами первыхъ временъ. Отвѣты патріарховъ и другихъ прелатовъ православ-

(¹) Онъ въ свое время былъ переведенъ мною.—*Перевод.*

ной церкви на приглашеніе, сдѣланное имъ папою, вполнѣ показали намъ тѣ основанія, по которымъ оно не могло быть принято ими; въ свою чреду „Responsio Anglicana“, сдѣланное епископомъ линкольнскимъ, ясно показываетъ наши основанія, по которымъ подобное предложеніе не можетъ быть принято. Вслѣдствіе прошенія послѣдней конвокаціи о томъ, чтобы Его милость Архіепископъ и ихъ Lordships благоволили открыть сношенія (communication) съ восточными патріархами и митрополитами, вашъ комитетъ желаетъ теперь поставить на видъ слѣдующія практическія соображенія, въ основаніе (basis) тѣхъ „Recommendationes“, которыя онъ имѣлъ повергнуть на благоусмотрѣніе палаты:

А) Принимая въ разсмотрѣніе весьма значительное число членовъ англійской церкви, которые живутъ на Востокѣ, въ мѣстахъ, весьма отдаленныхъ отъ жительства нашихъ капеллановъ, и равно число нашихъ моряковъ, вызываемыхъ туда нашею обширной торговлей въ Левантѣ и Черномъ морѣ, которые умираютъ, не имѣя возможности получить духовное утѣшеніе отъ своихъ духовныхъ, Вашъ комитетъ находитъ, что, для устраненія необходимости погребать подобныя лица на неосвященныхъ мѣстахъ, и безъ всякихъ выраженій христіанской надежды и молитвы, — остается одно, а именно—искать, чтобы обрядъ христіанскаго погребенія совершаемъ былъ надъ ними мѣстнымъ православнымъ духовенствомъ. Этотъ простый фактъ, что, въ жаркомъ климатѣ Востока, погребеніе совершается по прошествіи двадцати четырехъ часовъ со времени кончины, самъ собою говоритъ, что, въ большей части случаевъ, нѣтъ возможности имѣть кого-либо изъ ан-

глійскихъ духовныхъ для совершенія сего обряда именно изъ-за дальности разстоянія.

B) Равнымъ образомъ, Вашъ комитетъ чувствуетъ (feel), что было бы желательно, чтобы дѣти англійскихъ родителей, рождающіяся на Востокѣ, по просьбѣ ихъ родителей, могли получать таинство крещенія отъ православныхъ служителей церкви, въ особенности, въ случаяхъ „страха смертнаго“, тамъ, гдѣ не имѣется или нельзя имѣть англійскихъ капелллановъ. Но, въ то же время, онъ желаетъ, чтобы тутъ не было никакихъ недоразумѣній, т. е. чтобы допущено было, что отношенія таковыхъ дѣтей къ церкви ихъ родителей остаются нисколько не измѣнившимися (modified или changed) отъ того, что они были такъ крещены; а если гдѣ существуетъ какой-либо законъ, не дѣлающій этого допущенія, Вашъ комитетъ желаетъ, чтобы онъ былъ ослабленъ (may be relaxed). Равно могутъ быть и такіе случаи, хотя они и не часто могутъ встрѣчаться, гдѣ можетъ открыться нужда въ православномъ священникѣ для совершенія брака между англичанами, или гдѣ только одно лицо принадлежитъ къ англійской церкви и т. п.

C) Далѣе, комитетъ не можетъ не повергнуть на разсмотрѣніе и еще одного пункта (point), а именно, преподанія святаго причастія лицамъ умирающимъ или находящимся въ страхѣ смертномъ, и лицамъ, путешествующимъ и находящимся въ дальнемъ разстояніи отъ англійской церкви. Это было бы источникомъ глубокаго утѣшенія и дѣломъ величайшаго христіанскаго братолюбія, если бы подобнымъ лицамъ, благоговѣйно желающимъ пріобщиться, и имѣющимъ „Commendatoriae Litterae“ отъ ихъ духовныхъ или отъ ихъ епископа,

дано было, въ случаѣ нужды, принять или принимать это благословенное таинство (Blessed Sacrament) отъ рукъ восточныхъ духовныхъ.

D) Англійская церковь, въ свою чреду, охотно взяла бы на себя служить подобными службами, — службами вѣры, любви и христіанскаго свойства (Relationship),—членамъ восточной церкви, и на тѣхъ же самыхъ условіяхъ (terms), какъ и въ самой вещи она всегда была готова дѣлать тó, и, какъ церковь,—считала себя обязанною тó дѣлать.

Посему Вашъ комитетъ полагаетъ, что въ настоящее время мы съ успѣхомъ могли бы обратиться (appeal) къ просвѣщенному суду (Indgement) и христіанскому разсужденію (consideration) патріарха константинопольскаго и другихъ патріарховъ, равно какъ и правительствующихъ синодовъ православной Церкви, съ просьбою, — при видѣ возрастающихъ сношеній нашихъ соотечественниковъ съ странами Востока,—сдѣлать всѣ эти службы (offices) христіанскаго братолюбія взаимообразными для тѣхъ членовъ нашей церкви, которые нуждаются въ нихъ и могутъ пожелать ихъ (may desire thene), въ предѣлахъ странъ, подвѣдомственныхъ ихъ духовной юрисдикціи.

Посему Вашъ комитетъ рекомендуетъ (recommend) принять слѣдующія резолюціи (Resolutions):

1) Чтобы, при сообщеніи этого репорта Верхней Палатѣ, вниманіе ихъ Londshiphs было обращено на просьбу (Prayr) послѣдней конвокаціи, (которая такъ гласитъ):—

Эта палата смиренно (humbly) проситъ (prays) его милость президента, чтобы онъ, купно съ своими братіями епископскаго сана, благоволилъ принять мѣры

(steps) къ открытію прямыхъ негоціацій (negociations) съ восточными патріархами и митрополитами, съ цѣлію установить такія отношенія между этими двумя церквами, которыя давали бы возможность и мірянамъ и духовнымъ этихъ двухъ церквей, не лишаясь общенія съ своею собственною церковію, участвовать въ таинствахъ и службахъ то той, то другой церкви, взаимообразно.

2) Чтобы эта палата, имѣя въ виду участіе, съ какимъ, очевидно, многіе члены восточной церкви относятся къ настоящему вопросу, и принимая во вниманіе то обстоятельство, что, можетъ статься, со стороны ихъ будутъ сдѣланы какія-либо сообщенія (communications), предварительно высказалась, и высказалась съ увѣренностію, что всѣ подобныя сообщенія, если таковыя будутъ сдѣланы, будутъ приняты съ самою искреннею благопривѣтливостію и вниманіемъ".

T. C. Massingberd,
Chairman.

Рѣчи, сказанныя въ Нижней палатѣ англійской конвокаціи, по случаю репорта комитета оной относительно этого „взаимообщенія" (англиканской церкви съ православными восточными церквами), текущаго 1869 года, $^{5}/_{17}$ іюня.

Прочитавъ въ нижней палатѣ конвокаціи вышеприведенный репортъ комитета оной по дѣлу о „взаимообщеніи съ прав. вост. церквами", и въ особенности остановивъ вниманіе палаты на послѣднихъ двухъ „Resolutions", приложенныхъ къ репорту, канцлеръ линкольнской каѳедральной церкви и Черманъ комитета, Rev-d Mas-

singberd, въ слѣдующихъ выраженіяхъ убѣждалъ палату принять эти „рѣшенія или резолюціи:

„Обращаясь къ вамъ по настоящему дѣлу (сказалъ г. Массингбердъ), я всего больше боюсь, чтобы какіе либо недостатки съ моей стороны или какія либо случайныя ошибки не породили въ васъ какихъ либо предъубѣжденій. Три конвокаціи тому назадъ, когда мы въ первый разъ взялись за этотъ вопросъ, у насъ едвали былъ даже лучъ надежды, что когда либо на дѣлѣ (practically) осуществится искомое нами взаимнообщеніе съ восточною церковію. Мы смотрѣли на то, какъ на счастіе, о которомъ можно было молиться, но осуществленія котораго мы никогда не могли надѣяться. И при всемъ томъ словъ недостаетъ для выраженія того чувства, съ какимъ представлялась намъ безмѣрная важность настоящаго вопроса. Услыхавъ, что на генеральной конвенціи американской церкви составился комитетъ въ видахъ достиженія этой цѣли, я отважился внести сюда прошеніе для принятія его хоть нѣкоторыми членами этой палаты, именно прошеніе о томъ, чтобы Его милостію (¹) президентомъ разрѣшено было и намъ составить особый комитетъ по этому дѣлу. Я сдѣлалъ то просто съ трепетомъ, но, свыше моихъ ожиданій, нашелъ, что къ прошенію моему съ каждымъ днемъ прилагались новыя имена. Его милость президентъ раздѣлялъ съ нами наши желанія и комитетъ былъ назначенъ. Какъ это дѣло росло въ нашихъ рукахъ, какъ, отъ времени до времени, неожиданно возникали разныя доказательства, что и сама восточная церковь принимаетъ въ немъ великое участіе, какъ, съ одной стороны, смотрѣли на то ищущіе общенія съ Римомъ, и какъ, съ

(¹) Титулъ англ. архіепископовъ. *Перевод.*

другой, относились къ тому лица, пріязненно расположенныя къ намъ,—все это выше всякихъ моихъ ожиданій и предположеній. Теперь мы начинаемъ видѣть нѣкоторое мановеніе благаго Провидѣнія Божія надъ нами и о насъ, и именно въ тѣхъ разныхъ обстоятельствахъ,—которыя наполняютъ насъ надеждою, что, со временемъ, будутъ достигнуты какіе либо великіе результаты;—будетъ ли то въ наши дни или нѣтъ, или намъ будетъ дано прозрѣть это только въ отдаленномъ будущемъ, мы не властны о томъ говорить. Нашъ главный долгъ блюсти за собою, чтобъ не сдѣлать ложнаго, невѣрнаго шага, но продолжать идти съ молитвою и вѣрою, въ упованіи, что Богъ дастъ намъ правый судъ (judgement) во всемъ, и сотворитъ то, что мы не воспящать, а благопоспѣшать этому великому дѣлу будемъ, (Знаки одобренія). Да, этотъ вопросъ есть вопросъ наивозможно величайшей важности для того положенія, которое мы занимаемъ, какъ церковь (as a Church), и не только въ отношеніи къ намъ самимъ, но и ко всѣмъ тѣмъ обществамъ (communions), которые отдѣлились отъ насъ. Что до насъ самихъ, то я и представить себѣ ничего не могу, что бы могло въ такой степени послужить къ скрѣпленію союза англійской церкви и къ соединенію съ нею тѣхъ, которые, въ предѣлахъ нашей земли, отдѣлились отъ насъ, какъ признаніе насъ большею частію христіанскаго міра, какъ признаніе за нами того, что власть и положеніе (authority et position), усвояемыя нами, мы получили отъ апостольскихъ временъ. (Знаки одобренія). Они (¹) снова начнутъ озираться и искать „древней стези", какъ скоро мы представимъ имъ великое наше стяжаніе и древнее наше достояніе,—

(¹) Т. е. диссентеры или англійскіе раскольники. *Переводъ.*

т. е. то „Communio", которое служитъ для насъ царствомъ небеснымъ на землѣ и которое есть церковь Христова, насажденная и признанная въ нашей странѣ (recognized in this land); она будетъ искать этой „древней стези", не ради нашихъ собственныхъ правъ и притязаній, но потому, что она признана таковою такимъ большимъ тѣломъ, какова — церковь въ восточной части свѣта. Это (признаніе) вразумитъ и тѣхъ въ нѣдрахъ нашей церкви, которые, повидимому, не признаютъ или не уразумѣваютъ нашихъ предъявляемыхъ имъ правъ и преимуществъ; они поймутъ тогда, что у насъ есть та дѣйствительная духовная жизнь, которую Богъ-Спаситель нашъ даровалъ Своей церкви, животворимой живущимъ въ ней Духомъ Святымъ и облекаемой духовною силой, преемствено отъ временъ апостольскихъ. И потомъ, если мы прострemъ взоръ нашъ далѣе предѣловъ нашей церкви, далѣе предѣловъ нашей страны, и далѣе предѣловъ настоящаго времени, если мы посмотримъ на вѣка давно минувшіе или проникнемъ взоромъ въ отдаленное будущее, чтó можетъ представиться намъ? О, какъ это поразительно — важно было бы не только для насъ, въ настоящемъ нашемъ положеніи, но для блага всего христіанства, если бы намъ дано было это счастіе—соединить весь христіанскій міръ въ одинъ совокупный протестъ противъ нападеній и вторженій тѣхъ, которые дерзновенно требуютъ, чтобъ мы подчинились ихъ узурпаторской власти, оставили наше положеніе, перестали смотрѣть на нашу церковь, какъ на независимую вѣтвь Христовой церкви, и признали начала, которыхъ не знали болѣе ранніе вѣка и для которыхъ нѣтъ никакого основанія во св. писаніи! Что до насъ и римской церкви, то намъ нужно, необходимо

нужно высказываться теперь относительно нашего собственнаго положенія. Нѣтъ возможности вполнѣ оцѣнить важность взаимнообщенія между этими такъ давно разъединившимися вѣтвями Христовой Вселенской Церкви, и именно теперь, въ настоящее время, когда епископъ римскій, опираясь единственно на свою власть, сзываетъ такъ называемый имъ вселенскій соборъ, на которомъ никто изъ патріарховъ или другихъ прелатовъ этихъ церквей не можетъ присутствовать, безъ нарушенія каноническихъ правилъ и прежде бывшихъ примѣровъ. Отвѣты патріарховъ и другихъ прелатовъ православной церкви на приглашеніе, сдѣланное имъ папой, ясно показали намъ, на какомъ основаніи оно было отринуто ими; извѣстное же „Responsio Anglicana", принадлежащее перу нашего линкольнскаго первостоятеля, показываетъ намъ наши собственныя основанія. Отвѣтъ послѣдняго, конечно, всѣмъ намъ извѣстенъ; да будетъ же позволено теперь сдѣлать нѣкоторыя извлеченія изъ отвѣтовъ константинопольскаго и александрійскаго патріарховъ. Когда посланные папы явились къ нимъ, то ихъ приняли весьма почтительно; и затѣмъ, константинопольскій патріархъ сказалъ:

„Если бы римскія газеты и другіе журналы, заимствующіе оттуда свои свѣдѣнія, не опубликовали пригласительнаго письма его святѣйшества на такъ называемый вами, вселенскій соборъ, и слѣдовательно, если бы мы не знали предмета и содержанія этого письма и началъ (principles) его святѣйшества; то мы съ благодарностію приняли бы письмо, посланное намъ отъ патріарха древняго Рима, въ надеждѣ найти тамъ какое-либо извѣщеніе. Но такъ какъ это пригласительное письмо, отпечатанное уже въ газетахъ, само собою

показало намъ, что начала его святѣйшества совершенно противны началамъ православной восточной церкви; то, по этой причинѣ, съ скорбію сердца, тѣмъ не менѣе открыто и прямо, мы говоримъ, что намъ нельзя принять подобнаго приглашенія, да и никакого другаго подобнаго документа отъ его святѣйшества, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ держаться своихъ началъ, — началъ, противныхъ и духу Евангелія, и ученію вселенскихъ соборовъ и ученію святыхъ отцевъ. Тоже самое было сдѣлано имъ еще прежде, а именно въ 1848 г... Если его святѣйшество, очевидно, думаетъ на всегда остаться при своемъ положеніи, то, по милости Божіей, и мы думаемъ, что не уклонимся никогда отъ нашего положенія... Мнѣніе наше таково, что самый успѣшный и менѣе всего раздражающій методъ рѣшенія спорныхъ пунктовъ есть методъ историческій. Извѣстно, что, назадъ тому десять вѣковъ, существовала церковь, которая содержала одно и тоже ученіе и на Востокѣ и на Западѣ, и въ старомъ и въ новомъ Римѣ: обратимся же теперь къ этой церкви, и посмотримъ, кто изъ насъ что-либо прибавилъ къ ученію ея, или кто изъ насъ что-либо измѣнилъ или отмѣнилъ въ немъ.

На вопросъ, какія бы это мнѣнія могли быть, несходныя съ древнимъ преданіемъ, патріархъ отвѣчалъ:

Во 1-хъ то, что будто во вселенской Христовой Церкви есть какой-то епископъ, въ качествѣ верховнаго правителя и главы, кромѣ Господа; во 2-хъ то, что будто есть какой-то непогрѣшимый и незаблуждающійся патріархъ, въ особенности когда онъ говоритъ-де ex cathedra, и что потому-то онъ выше-де и вселенскихъ соборовъ, въ которыхъ въ самой вещи и обрѣ-

тается эта искомая непогрѣшимость, когда они составляются и дѣйствуютъ согласно съ писаніемъ и апостольскимъ преданіемъ; въ 3-хъ то, что будто апостолы были не равны между собою, не смотря на то, что Духъ Святый просвѣщалъ ихъ всѣхъ равно; въ 4-хъ то, что будто тотъ или этотъ патріархъ или папа имѣютъ то или другое преимущество, не въ силу соборнаго и человѣческаго устроенія или распоряженія, а какъ вы говорите, de jure divino; и, наконецъ, прибавимъ, по нашему ученію, по нашему опредѣленію, вселенскимъ соборомъ, вселенскою церковію, истиннымъ каѳоличествомъ называется то святое и безпорочное тѣло, въ которомъ, независимо отъ его матеріальныхъ протяженій, вполнѣ содержится чистое ученіе апостоловъ и вѣра всей церкви на землѣ, въ томъ ея видѣ, какъ она началась и продолжалась въ теченіе первыхъ восьми вѣковъ отъ основанія церкви".

Сказано было патріархомъ и еще многое; но изъ того, что приведено мною, вы видите, что восточная церковь отвергаетъ всѣ притязанія папы на то или другое главенство. Послушаемъ теперь, что отвѣчалъ патріархъ Александрійскій.

„Какъ видно, сказалъ онъ, папа собираетъ вселенскій соборъ въ праздникъ непорочнаго зачатія Богородицы; но такого догмата церковь совсѣмъ не знаетъ; это послѣднихъ временъ изобрѣтеніе... Но за чѣмъ о томъ и говорить больше? Если блаженнѣйшій (holy) папа древняго Рима искренно желаетъ умиренія и возсоединенія всей Христовой Церкви, то пусть онъ обращается съ своими посланіями, какъ братъ и какъ равный къ равнымъ, къ другимъ святѣйшимъ патріархамъ, и предварительно совѣщается съ ними относительно изысканія

наилучшаго способа для достиженія имѣющейся въ виду цѣли"...

Таковы отвѣты двухъ главныхъ патріарховъ православныхъ восточныхъ церквей! Они намъ даютъ разумѣть, что это дѣло необыкновенной важности и что чрезвычайно важно и для насъ стать на ту же самую почву, и занять тоже самое основаніе, на которыхъ они стоятъ (знаки одобр.). Но есть и другіе вопросы, имѣющіе чрезвычайную важность для насъ. Мы знаемъ и очень хорошо знаемъ, что партизаны римской церкви постоянно пытаются унижать положеніе нашей церкви, утверждая, что наше рукоположеніе не есть совершенное рукоположеніе (defective), что у насъ нѣтъ ни таинствъ, ни священства, и что, словомъ, у насъ нѣтъ и церкви. Не много найдется изъ среды нашей такихъ, которые бы не знали, какъ ложны эти нареканія, тѣмъ не менѣе, повторяясь, онѣ производятъ свое дѣйствіе, и именно на восточныхъ христіанъ. И не удивительно,—если взять во вниманіе и дальность разстоянія ихъ отъ насъ и давность времени, протекшаго безъ всякаго съ нашей стороны общенія съ ними,—что они располагаются къ тому предположенію, будто должны же быть какія-либо основанія для подобнаго рода нареканій (зн. одобр.). Вслѣдствіе, однакоже, сношеній нашихъ съ ними и въ особенности сношеній тѣхъ частныхъ обществъ, которыя основались въ этихъ видахъ,—въ семъ случаѣ въ особенности можно указать на восточную церковную ассоціацію,—факты относительно нашей церковной организаціи до такой степени распространились по восточнымъ странамъ христіанскаго міра, что мы имѣемъ полное основаніе думать, что прежнія недоумѣнія и недоразумѣнія почти совершенно разсѣя-

лись. Мало того: есть основаніе думать,—хотя едва ли можно говорить о томъ съ полною увѣренностію,—что и сами римскіе католики пришли къ заключенію, что невозможно такъ настоятельно отвергать дѣйствительность (validity) нашего рукоположенія, и отъ того они сами признаютъ теперь, что наше рукоположеніе само по себѣ дѣйствительно, но перестаетъ-де быть таковымъ потому только, что мы отлучены, и во все это время отлученія, т. е. въ продолженіи трехъ сотъ лѣтъ, упорно отказываемся признать главенство папы. Если это такъ,—а я полагаю, что это такъ,—то понятно, почему это обстоятельство еще гораздо больше имѣетъ значенія въ дѣлѣ нашихъ сношеній съ восточными церквами. А именно почему? Да потому, что съ той минуты, какъ мы найдемъ какую-либо возможность открыть что-либо въ родѣ единенія (anything like union) съ ними, съ той минуты, какъ онѣ выразятъ свое общеніе съ нами, по крайней мѣрѣ (so far as) на столько, что, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ, позволятъ нашимъ духовнымъ совершать наши церковныя службы для тѣхъ или другихъ православныхъ, съ той, говорю, минуты ясно и несомнѣнно окажется, что онѣ не имѣютъ никакихъ колебаній относительно нашего положенія, т. е. что онѣ смотрятъ на насъ, какъ на живую вѣтвь Вселенской Христовой Церкви; а это-то и составляетъ главную нашу задачу (¹). Есть причина думать, что передовые люди между православными на этотъ счетъ не имѣютъ ни сомнѣній, ни опасеній, хотя то вѣрно, что нѣкоторыя старыя предубѣжденія остаются по прежнему въ своей силѣ. Какъ бы то ни было, я имѣю вся-

(¹) Совершеннѣйшая правда: „Fidem-Virtutem-incultam odimus, Sublatam ex oculis quaerimus"...

не основаніе полагать, что они готовы иногда допустить, а главное, — что мы получили наше рукоположеніе, также какъ и они, отъ древнихъ и апостольскихъ временъ, и что, слѣдовательно, мы составляемъ собою истинную вѣтвь вселенской церкви. Все это относительно нашего положенія у себя (at home) и относительно нашего положенія передъ лицемъ другихъ отраслей христіанской церкви: теперь что сказать о тѣхъ изъ нашихъ собратій, которые, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, — по необходимости ли то или по другимъ причинамъ, — находятся въ чужихъ странахъ, въ странахъ православныхъ, и вынуждены бываютъ искать себѣ тамъ духовной помощи? То правда, что на казенныхъ судахъ нашихъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣются особенные капелланы, равно и въ нѣкоторыхъ изъ главныхъ городовъ есть нарочито назначаемые туда пасторы: но что все это для того огромнаго числа путешественниковъ нашихъ, которые ходятъ по всему Востоку, и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ имъ совершенно невозможно имѣть своихъ духовныхъ? Я думаю, не ошибусь я, если скажу, что на нашихъ купеческихъ судахъ едва ли найдется хоть одно лицо изъ духовныхъ; а между тѣмъ обширная наша иностранная торговля требуетъ огромнаго числа рукъ: ужели жъ имъ и жить и умирать безъ помощи и утѣшенія религіи? Да не подумаетъ кто, будто я желаю, такъ или иначе, подать имъ поводъ оставлять свою собственную церковь. Отнюдь нѣтъ; я желаю только, чтобъ они видѣли въ той или другой православной церкви вѣтвь христіанской церкви, и искали себѣ въ ней духовной помощи, не оставляя началъ своей церкви; за то, равномѣрно, желаю, чтобы и наша церковь служила вос-

точнымъ въ ихъ нуждахъ духовныхъ, не обязывая ихъ отрекаться отъ своей церкви. Вотъ положеніе, котораго мы ищемъ, и вотъ все, что въ настоящее время мы отваживаемся искать. Само собою разумѣется, разныя возраженія возникли бы, и возникли бы вдругъ, если бы мы заговорили о совершенномъ сліяніи (absolut fusion) этихъ двухъ церквей. Возраженія возникли бы и съ той и съ другой стороны, и, кътому еще, по вопросамъ и вѣры и церковной практики. Но, съ другой стороны, уже конечно не противно будетъ христіанской вѣрѣ и христіанской истинѣ, если мы позволимъ себѣ настоятельно утверждать, что, при безконечномъ разнообразіи умовъ человѣческихъ, при обширныхъ разностяхъ въ уставахъ и языкахъ различныхъ вѣтвей христіанской церкви, распространившейся по различнымъ странамъ,—кътому еще такой церкви, съ которою, въ продолженіи длиннаго періода времени, мы не имѣли никакихъ сношеній или сообщеній (communications), разность въ мнѣніяхъ и практикѣ этихъ двухъ церквей еще не даетъ имъ права (и не должна давать) смотрѣть на себя, какъ на два не соединимыя тѣла; равно, съ другой стороны не даетъ намъ права говорить— „мы праведнѣе, чѣмъ вы", или требовать, что бы одни и тѣже взгляды и одна и таже практика были усвоены другими. Ужъ конечно не обинуясь мы можемъ дать имъ „десницу общенія" и сказать, что то братія наши во Христѣ, за которыхъ умеръ Христосъ! Ужели жъ намъ, напротивъ, сказать, что разности между нами таковы, что мы должны отказать имъ въ общеніи и братствѣ христіанскомъ? Я не вижу, на какомъ основаніи мы могли бы уклониться отъ того общенія съ ними во Христѣ, котораго всѣ христіане имѣютъ право

требовать другъ отъ друга. Всѣ мы знаемъ, какъ то было въ первыя времена, когда извѣстный знаменитый епископъ Востока пришелъ въ Римъ; тогда взаимно положено было забыть то, въ чемъ они расходились между собою по извѣстному пункту. Со временемъ, мы можемъ дойти и до вопросовъ, служащихъ предметомъ препирательства; мы знаемъ очень хорошо, что они должны возникнуть; но знаемъ и то, что они могутъ быть рѣшены удовлетворительно для той и для другой стороны. Такъ, я и касаться еще не смѣю того великаго вопроса, который заключается въ прибавленіи „Filioque“ къ символу; но знаю, что возможны разные способы объясненія—ways of explanation, полагаю, удовлетворительные для обѣихъ церквей. Не излишне здѣсь замѣтить, что еще въ царствованіе Вильгельма и Маріи наши коммиссіонеры думали сдѣлать „объяснительную clausula“, которая оградила бы насъ отъ подозрѣнія восточныхъ, будто бы мы настаиваемъ на чемъ-либо противномъ тому, на чемъ они настаиваютъ. Такъ, и въ другихъ случаяхъ, кажется мнѣ, есть надежда отъискать исходные пути. Трудности будутъ; но онѣ не непреодолимы; лишь бы только съ обѣихъ сторонъ имѣлась въ виду одна истина.—Но не о томъ еще рѣчь въ настоящее время; еще мы не говоримъ о совершенномъ и законномъ единеніи; еще мы и не желаемъ или не ищемъ его. А вотъ чего мы теперь желаемъ: мы желаемъ, чтобы нашъ примасъ, при содѣйствіи епископовъ его области, на своемъ областномъ соборѣ, положилъ начало (overture) сношеніямъ съ патріархомъ константинопольскимъ для принятія какихъ-либо мѣръ (Steps) къ общенію (fellowship) между этими—такъ давно разъединившимися—вѣтвями вселен-

ской Христовой Церкви. Вотъ все, чего мы просимъ; и, наверное, такая мѣра (step) есть единственная мѣра, какой, въ настоящее время, всего лучше можно и должно желать. Далѣе, намъ думается, что всего лучше было бы, если бы его милость—архіепископъ—примасъ и, въ отношеніи къ американскимъ и колоніальнымъ церквамъ, можно сказать, патріархъ англиканской церкви, прежде всего, сообщилъ патріарху константинопольскому то окружное посланіе (¹), которое составлено было для англиканскаго синода покойнымъ нашимъ примасомъ.

Каноникъ Selwyn—Синодъ, сказали вы? *Архидіаконъ Denison*—Да, онъ сказалъ —„синодъ", — и мнѣ очень пріятно было слышать это слово.

Канцлеръ Massingberd—Да, то окружное посланіе, которое составлено было на томъ знаменитомъ собраніи (Gathering), и которое, думается мнѣ, оффиціально могло бы быть сообщено примасомъ.

Лордъ А. Compton (²)—поддержалъ это предложеніе. Не вышло бы какое-либо затрудненіе, сказалъ онъ, въ слѣдствіе нѣкоторыхъ выраженій (wording), заключающихся въ этомъ предложеніи. Вотъ въ чемъ все дѣло: полагаютъ просить его милость президента принять тѣ или другія мѣры для того чтобы установить такія отношенія между этими двумя церквами, въ силу которыхъ и духовнымъ и міранамъ можно бы было, не теряя общенія съ своею собственною церковью, пользоваться „Sacraments" и „offices" другихъ церквей (тутъ разумѣются только восточная и англиканская цер-

---

(¹) Оно, въ свое время, сообщено было мною и въ русскомъ переводѣ и въ переводѣ на греческій и латинскій.—*Переводч.*

(²) Пасторъ.

нія). Теперь, съ своей стороны, я желалъ бы во 1-хъ замѣтить, продолжалъ онъ, что въ правилахъ англиканской церкви нѣтъ ничего, что бы возбраняло мірянамъ и духовнымъ ея участвовать въ таинствахъ и службахъ восточной Церкви; равно нѣтъ ничего, что бы воспрещало англиканской церкви принимать къ себѣ восточныхъ. Думаю, ни одного не найдется изъ моихъ собратій, кто бы не допустилъ члена восточной церкви къ причащенію (¹): это не значитъ быть невѣрнымъ своей церкви. Но, продолжалъ онъ далѣе, затрудненія могутъ быть не съ нашей, а съ ихъ стороны. Вотъ почему я и думаю, что предложеніе, сдѣланное нами, есть самое логическое предложеніе (most logical Resolution): искомое нами „Intercommunication" послужитъ самымъ лучшимъ средствомъ для достиженія дальнѣйшихъ результатовъ. Говорятъ, что положеніе англійской церкви есть особенное (peculiar) положеніе. Враги ея говорятъ, что она ни то, ни другое—neither one thing nor the other. Друзья ея говорятъ, и я говорю, что она идетъ среднимъ путемъ. Да, и замѣчательнымъ среднимъ путемъ. Она была въ общеніи со всѣми великими церквами. Въ отношеніи къ западной церкви, она имѣетъ общее съ ней епископатство (Episcopate); и если бы было возможно, какъ нѣкоторые надѣются, ввести въ эту великую западную церковь болѣе здрава ученіе, то—очень статочное дѣло—англійская церковь могла бы послужить орудіемъ къ введенію этой великой западной церкви въ общеніе съ церквами остальнаго христіанскаго міра. Въ отношеніи

(¹) Но кому же можетъ быть возбранено причаститься въ англ. церкви? Въ церквахъ—Low-Church-party могутъ пріобщаться всѣ возможные сектанты. Пріобщаются безъ предъявленія о томъ и, по крайней мѣрѣ, безъ *видимаго* приготовленія.—*Переводч.*

къ восточной церкви, она вмѣстѣ съ нею раздѣляетъ первобытную истину (1). Есть еще третій пунктъ: мы въ благотворномъ общеніи со всѣми великими тѣлами новѣйшихъ христіанъ, съ великими тѣлами реформированной (Reformed) церкви, и, ктому еще, у насъ полная симпатія съ духомъ вѣка (!). Восточная церковь очень много жила ранними преданіями первобытныхъ вѣковъ; римская церковь очень много питалась духомъ среднихъ вѣковъ, а англиканская церковь всегда симпатически относилась къ новѣйшимъ идеямъ. И такъ дѣло начатое нами есть шагъ, хотя не большой, въ этомъ направленіи (in that direction). Не могу не выразить моей благодарности къ г. Черману комитета, заключилъ лордъ Compton, за то, что онъ позволилъ мнѣ принять участіе, хотя въ самой смиренной долѣ, въ такомъ дѣлѣ, которое въ свое время послужитъ благословеніемъ для христіанскаго міра.

Архидіаконъ Denison—предложилъ было выпустить въ резолюціи эти слова—„не лишаясь общенія съ своею церковію" и т. д.

Канцлеръ Massingberd, напротивъ, замѣтилъ, что слова эти взяты изъ резолюціи, положенной на послѣдней конвокаціи, и изъ перваго репорта комитета. Кромѣ того, прибавилъ онъ, комитету извѣстно, что въ Россіи есть законы, въ силу которыхъ причастившійся въ русской православной церкви, будетъ ли то туземецъ или пришлецъ и иновѣрецъ, не иначе можетъ считаться, какъ членомъ православной церкви, и что въ случаѣ брака подобныхъ лицъ, непремѣнно онъ долженъ быть совершенъ русскимъ священникомъ. Былъ

(1) Что и слѣдуетъ доказать. На дѣлѣ же, англ. церковь Quod petit spernit, repetit quod nuper omisit".

такой случай въ С.-Петербургѣ, что, по этой самой причинѣ, англійскому капеллану воспрещено было законами страны повѣнчать одного англичанина на англичанкѣ, которой преподано было русскимъ священникомъ *viaticum* какъ бы *in articulo mortis*.

Д-ръ Frazer замѣтилъ, что выраженія архидіакона Денисона могутъ быть приложимы и къ англиканской церкви: случиться можетъ, что младенца крещеннаго и конфирмованнаго (мvропомазаннаго) въ греческой церкви англійскій епископъ снова пожелаетъ конфирмовать потому только, что конфирмація совершена была надъ младенцемъ, слѣдовательно надъ лицомъ, еще не имѣвшимъ сознанія.

Архидіаконъ Денисонъ отказался тогда отъ всякихъ измѣненій въ резолюціи.

(*Продолженіе будетъ*)

МОУСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОЛУБЕВЪ,

ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

(некрологъ)

22 числа августа скончался въ Петербургѣ еще одинъ усердный и полезный дѣятель отечественнаго духовнаго просвѣщенія, ординарный профессоръ по классу священнаго Писанія въ С.-Петербургской духовной академіи, Моусей Александровичъ Голубевъ. Ровно двадцать два года покойный отслужилъ той академіи, въ которой онъ въ 1843—7 годахъ докончилъ свое образованіе.

Моусей Александровичъ — уроженецъ Петербурга, сынъ діакона. Жителямъ Петербурга не кажутся особенными какими нибудь событіями наводненія, которымъ низменныя части Петербурга подвергаются по нѣскольку разъ ежегодно, когда съ моря подуетъ сильный вѣтеръ. Но наводненіе 1824 года, 7 ноября, до сей поры вспоминаютъ; большая часть Петербурга была затоплена и по улицамъ разъѣзжали лодки, спасавшія жителей низшихъ этажей отъ смерти. До настоящаго времени на стѣнахъ многихъ домовъ сохранились надписи: „7 ноября 1824 года", показывавшія высоту, какой достигла вода въ

этотъ день. 5 ноября, въ Колтовской, въ одной изъ самыхъ низменныхъ частей Петербурга, въ бѣдной квартиркѣ, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ, родился покойный профессоръ и при молитвословіи названъ былъ Михаиломъ. Младенецъ Михаилъ еще не былъ омытъ въ купѣли крещенія, какъ воды моря угрожали ему купѣлью смерти. Вода затопила половину квартиры; мать и новорожденный перебрались на русскую печку, но безмолвный врагъ осаждалъ уже и печку. Стоя въ водѣ, отецъ покойнаго головой сахару, которая стояла на печкѣ, пробиваетъ обшивку потолка и между нею и потолкомъ кладетъ двухдневнаго сына. Подуй еще съ полчаса такой же сильный вѣтеръ, отецъ, мать и сынъ ихъ восприяли бы въ своей квартирѣ въ буквальномъ смыслѣ слова „крещеніе въ смерть", потому что окна и двери были уже залиты водой и спасенія не было. Но вода начала упадать... Отецъ покойнаго при этомъ получилъ простуду, которая, какъ говорятъ, потомъ была причиною его скорой смерти; мать перенесли въ другую комнату въ платяномъ шкафу.

Воспріемниками новорожденнаго при крещеніи были извѣстный архимандритъ Юрьева монастыря Фотій и графиня Анна Алексѣевна Орлова. По ихъ мысли спасшійся отъ воды Михаилъ при крещеніи получилъ другое имя Моусея. Отецъ годъ спустя померъ, а мать вышла замужъ за другаго: покойный остался сиротой, вмѣстѣ съ своей единокровной сестрой, которая тоже недавно скончалась, оставивъ послѣ себя сиротку дочь. Незнаемъ когда именно, но покойный говорилъ, что архимандритъ Фотій благословилъ своего крестника славянской библіей: подарокъ Моусей Александровичъ хранилъ, какъ сокровище, двадцать два года онъ носилъ эту

библію съ собой на лекціи, и разъ пять возобновлялъ ея переплетъ.

Жизнь сироты вообще бываетъ незавидна. Родственники покойнаго не говорятъ, чтобы крестный отецъ и мать принимали особенно живое и постоянное участіе въ сиротѣ крестникѣ: росъ онъ, хранимый Богомъ, да руководимый добрыми природными инстинктами, и былъ, какъ говорятъ, мальчикъ скромный, серьёзный не по лѣтамъ, кроткій, способный и усердный къ ученію. Съ этого времени, подъ вліяніемъ конечно одинаковости положенія, образовалась въ немъ та глубокая привязанность къ своей покойной сестрѣ, которую онъ сохранилъ къ ней предпочтительно предъ всѣми другими родственниками.

Мы не имѣемъ возможности подробно описывать дальнѣйшую жизнь Моусея Александровича, и ограничимся только нѣкоторыми свѣдѣніями. Съ 1837 по 1843 годъ онъ обучался въ петербургской духовной семинаріи: безъ сомнѣнія, не столько усердіе семинарскихъ наставниковъ и семинарскіе порядки, сколько его личное усердіе и хорошія природныя способности и наклонности сдѣлали то, что онъ поступилъ въ 1843 году въ число студентовъ духовной академіи и въ 1847 году окончилъ курсъ здѣсь вторымъ магистромъ. Пишущій эти строки увидалъ въ первый разъ Моусея Александровича въ 1851 году, значитъ когда покойный былъ уже четыре года наставникомъ академіи, и о студенческой жизни покойнаго можетъ судить только по его наставнической дѣятельности: вѣроятно онъ былъ такимъ же добросовѣстнымъ, усидчивымъ, аккуратнымъ, точнымъ въ исполненіи обязанностей студентомъ, какимъ потомъ онъ былъ въ званіи наставника академіи. Не осѣняя бле-

біемъ, этотъ свѣтильникъ науки всегда горѣлъ ровно, пламенемъ чистымъ. Чуждый гордости и зависти, покойный былъ общимъ любимцемъ своихъ сослуживцевъ, старшихъ и младшихъ; а тихій, спокойный юморъ, свидѣтельствовавшій о ясности его души и незлобіи сердца, дѣлалъ характерною и интересною его бесѣду. Немыслившій никогда и никому зла, сдержанный въ словахъ и въ привязанностяхъ, Моусей Александровичъ казался на первый взглядъ нѣсколько нелюдимымъ и страннымъ, но это былъ человѣкъ, противъ котораго никто не питалъ ничего враждебнаго; пріятелей у него было не много, друзей еще меньше (хотя онъ самъ былъ способенъ къ самымъ глубокимъ и прочнымъ привязанностямъ и умѣлъ возбуждать оныя въ другихъ); но за то всѣ знавшіе его, студенты, сослуживцы, родственники и знакомые, считали его за добрѣйшаго и честнѣйшаго человѣка. Его добродушное остроуміе веселило всѣхъ, не оскорбляя никого, даже тѣхъ, которые подвергались его, чуждымъ всякой желчи и коварства, сужденіямъ и замѣчаніямъ. Служебное теченіе его жизни мы считаемъ удобнѣе перевести изъ его формулярнаго списка въ подстрочное примѣчаніе (¹). Теперь же перейдемъ къ

(¹) Покойный Моусей Александровичъ: 1) исправлялъ должность баккалавра по св. Писанію (16 по 31 окт. 1847 г.); 2) утвержденъ въ ней (31 окт.); 3) опредѣленъ помощникомъ инспектора (3 дек. 1848 г.); 4) утвержденъ въ ученой степени магистра (22 март. 1849 г.); 5) опредѣленъ экономомъ академіи (28 март. 1850 г.); 6) награжденъ 214 р. 50 к. (26 сент. 1851 г.); 7) по прошенію уволенъ отъ должности помощника инспектора (5 нояб. 1851 г.); 8) преподавалъ англійскій языкъ въ академіи (съ 21 авг. 1852 г. по 31 дек. 1856 г.); 9) возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора; 10) за усердные и полезные труды получилъ благословеніе Св. Синода; 11) по прошенію уволенъ отъ должности эконома (12 апр. 1856 г.); 12) по прошенію уволенъ изъ духовнаго званія въ свѣтское (10 дек. 1856 г.); 13) возведенъ въ званіе ординарнаго профессора (8 апр. 1857 г.); 14) получилъ за выслугу лѣтъ

его ученымъ занятіямъ и къ трудамъ, пережившимъ его личность и оставшимся въ наслѣдіе намъ.

Одиннадцать курсовъ академическихъ студентовъ преемственно слушали лекціи покойнаго профессора: уча, онъ постоянно учился самъ; поэтому чѣмъ дальше, тѣмъ полнѣе, многостороннѣе и содержательнѣе становились его чтенія. За исключеніемъ древнихъ славянскихъ и новыхъ русскихъ переводовъ нѣкоторыхъ древне-отеческихъ толкованій священнаго писанія, русская богословская литература не представляла профессору почти никакихъ пособій. Ему необходимо было греческими и латинскими толкованіями пользоваться въ подлинникахъ; а знаніе нѣмецкаго, англійскаго и французскаго языка облегчало ему доступъ къ иностранной богословской литературѣ, „сочиненіями которой покойный пользовался, хотя, слѣдуя слову апостола (1 Сол. 5, 20, 21), осторожно“ (¹). Въ его квартирѣ, послѣ его смерти, оказалось огромное количество фоліантовъ, въ разное время забранныхъ имъ изъ академической библіотеки, и много новѣйшихъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ сочиненій по исторіи и толкованію священнаго писанія; между послѣдними большая часть куплены покойнымъ на собственныя средства. Профессоръ всегда желалъ стоять не ниже уровня современной

чинъ коллежскаго ассесора (24 марта 1857 г.), надворнаго совѣтника (21 Авг. 1857 г.), коллежскаго совѣтника (30 авг. 1858 г.), статскаго совѣтника (24 апр. 1863 г.); 15) получилъ ордена: Станислава 3 степ. (17 февр. 1859 г.); Станислава 2 степ. (1864 г. 25 іюля); Св. Анны 2 степ. (24 іюля 1868 г.); 16) за отлично усердную и полезную службу награжденъ, по случаю изданія имъ перваго тома *„Обозрѣнія посланій къ коринѳянамъ“*, годовымъ окладомъ жалованья—въ 858 руб. (4 сент. 1861 г.).

(¹) Фраза эта почти буквально принадлежитъ покойному. См. его *„Обозрѣніе посланій къ Коринѳянамъ“*. Т. 1. 336 стр.

богословской науки, не сходя въ тоже время въ своихъ изслѣдованіяхъ съ твердой основы вселенскаго православія. Но классическія его чтенія, составлявшія его капитальную работу, постоянно имъ исправлявшіяся и дополнявшіяся, остались не приведенными въ порядокъ, написанными на лоскуткахъ, перемаранными, перечеркнутыми, съ непонятными ни для кого, кромѣ самаго писавшаго, выносками, замѣтками и ссылками. Въ цѣломъ видѣ они погибли для отечественной богословской науки, хотя въ послѣдніе курсы студенты записывали его лекціи. Но издавна въ петербургской академіи наставники для репетицій и для экзаменовъ сдавали особенныя коротенькія записки, которыя литографировались по числу студентовъ. Такія записки до послѣдняго времени литографировалъ для студентовъ и покойный профессоръ; онѣ далеко не обнимаютъ всего, что покойный читалъ съ каѳедры, и по нимъ напрасно кто сталъ бы судить объ объёмѣ и содержаніи его чтеній по священному писанію. Тѣмъ не менѣе и эти короткія записки, при бѣдности нашей богословской литературы, служили и служатъ досèлѣ лучшимъ пособіемъ для наставниковъ семинарій, занимавшихъ и занимающихъ классы священнаго писанія. Можетъ быть, печатное изданіе ихъ было бы весьма небезполезно въ настоящее время, хотя онѣ составлены были въ ту пору, когда на экзаменахъ наставникъ не экзаменовалъ студента, а былъ экзаменуемъ самъ,—т. е. духъ и направленіе его лекцій.

Покойный профессоръ, отъ природы склонный къ уединенію, изрѣдка и неохотно являвшійся въ общество, все почти время проводилъ въ своемъ кабинетѣ, въ чтеніи относящихся къ его каѳедрѣ сочиненій и въ выпискахъ изъ нихъ. Уединенный кабинетный трудъ

въ теченіи двадцати двухъ лѣтъ обогатилъ его многосторонними знаніями по спеціальному предмету его занятій. Но нѣсколько робкій отъ природы, нѣсколько мнительный относительно достоинствъ своихъ изслѣдованій, онъ печаталъ свои статьи изрѣдка, по нѣскольку разъ поправляя и отдавая переписывать оныя, такъ что напечатанное имъ составляетъ едва ли двадцатую долю того, что онъ могъ бы, при меньшей мнительности, съ пользою для богословской науки у насъ, издать при своей жизни. Случай доставилъ намъ возможность имѣть при написаніи этого некролога собственноручно написанную покойнымъ въ іюнѣ этого года записку объ его ученыхъ печатныхъ трудахъ, которой мы даемъ мѣсто въ подстрочномъ примѣчаніи (1).

---

(1) Вотъ эта записка. „Профессоръ спб. духовной академіи Моисей Голубевъ:

1) „Участвовалъ въ переводѣ съ греческаго помѣщавшихся при „Христіан. Чтеніи“ писаній древнихъ историковъ церковныхъ, Евсевія и другихъ, а также бесѣдъ и толкованій св. Іоанна Златоуста, и, кромѣ многихъ статей нравственнаго содержанія, помѣстилъ въ Христ. Чт. и въ Духовной бесѣдѣ слѣдующія статьи: 1) *О жилищахъ древнихъ евреевъ* (Христ. Чт. 1849 г., ч. 2, стр. 352); 2) *Св. Пророкъ Наумъ и его книга* (Хр. Чт. 1852, ч. 1, стр. 518); 3) *Новозавѣтныя событія предуказанныя въ книгѣ пророка Іоны* (Хр. Чт. 1853, 2, 229); 4) *Ученіе о христіанской любви къ ближнимъ, изъясненіе 1 Кор. гл. 13* (Христ. Чт. 1856, 2, 91); 5) *Изъясненіе 2 Кор. 6 гл. 1—10* (Хр. Чт. 1857 г., 2. 213); 6) *Изъясненіе Колосс. 2 главы* (Хр. Чт. 1858, 2, 179); 7) *Увѣщаніе св. апостола Петра къ бѣдствующимъ христіанамъ* (Дух. Бесѣда 1858 г., стр. 151); 8) *Изъясненіе 1 Кор. гл. 16* (Христ. Чт. 1859, 1, 126). 9) *О первомъ посланіи евангелиста Іоанна Богослова* (Хр. Чт. 1859 г., 2, 461); 10) *Ученіе о воскресеніи мертвыхъ въ 15 главѣ 1 посланія къ Коринѳянамъ* (Дух. Бес. 1859 г. стр. 70); 11) *Первый праздникъ Пятидесятницы, изъясненіе Дѣяній 2 главы* (Дух. Бес. 1859 г. стр. 271); 12) *Историческое обозрѣніе Новаго Завѣта* (Хр. Чт. 1860 г., 1, 253); 13) *Св. первомученикъ Стефанъ, изъясненіе Дѣяній 6 и 7 главы* (Христ. Чт. 1862 г., 2, 731); 14) *Мысли о высокомъ значеніи начальныхъ главъ Пятокнижія* (Хр. Чт. 1863 г., 3, 9); 15) *О Пятокнижіи Моисея* (Хр. Чт. 1864, 1, 143); 16) *Харак-*

Наиболѣе цѣнный изъ его печатныхъ трудовъ составляетъ, конечно, *„Обозрѣніе посланій св. ап. Павла къ Коринѳянамъ“*, котораго первый томъ вышелъ въ 1861 году. Неизвѣстно, по какой причинѣ онъ не приступалъ къ печатанію двухъ остальныхъ томовъ „Обозрѣнія“, которые, по словамъ его записки, въ рукописи существовали еще въ 1857 году: только причиной этого былъ никакъ не неуспѣхъ перваго тома, который, при архипастырскомъ содѣйствіи высокопреосвященнаго митрополита, расходился хорошо и далъ возможность покойному приготовить достаточныя средства къ печатанію слѣдующихъ томовъ. Зная мнительный характеръ покойнаго, мы думаемъ, что причиной отсрочки печатанія было желаніе его какъ можно внимательнѣе пересмотрѣть рукопись и еще разъ исправить ее, хотя она уже не разъ исправлялась имъ и переписывалась; а можетъ быть онъ боялся и цензуры. Рукопись эта вмѣстѣ съ книгами покойнаго хранится теперь въ академической библіотекѣ и, если послѣдуетъ согласіе родственниковъ и наслѣдниковъ умершаго, академія не замедлитъ изданіемъ ея въ свѣтъ.

Съ 1861 года Моусей Александровичъ, вмѣстѣ съ преподавателемъ еврейскаго языка въ академіи, извѣст-

---

теръ апостола Павла (Хр. Чт. 1864 г., 2, 16); 17) *Замѣтка объ Эвальдовой исторіи израильскаго народа* (Хр. Чт. 1866 2 344); 18) *Книга пророка Аввакума* (Хр. Чтеніе 1867 г. стр. 683).

II) „Издалъ первый томъ своего *„Обозрѣнія посланій св. апостола Павла къ Коринѳянамъ“* (два остальные остаются въ рукописи съ 1857 года).

III) „Участвовалъ въ бывшемъ при академіи комитетѣ по переводу Новаго завѣта.

IV) „Съ 1861 года до настоящаго времени участвуетъ въ трудахъ по переводу книгъ Ветхаго Завѣта съ еврейскаго текста“. Подписано: „Проф. М. Голубевъ“.

нымъ оріенталистомъ Д. А. Хвольсономъ, трудился надъ переводомъ съ еврейскаго языка священныхъ книгъ ветхаго завѣта: переводъ этотъ началъ помѣщаться въ Христіанскомъ Чтеніи съ іюньской книжки 1861 года; онъ доведенъ до половины книги Іова, которую покойный переводилъ уже во время послѣдней болѣзни; печатаніе книги Іова остановились въ іюльской книжкѣ Христ. Чтенія на словахъ: *и отвѣчалъ Іовъ и сказалъ: еще и нынѣ горька будетъ рѣчь моя, страданія мои тяжелѣе стоновъ моихъ* (Іова гл. 23, ст. 1 и 2). Переводъ производился старательно, и потому обратилъ на себя вниманіе святѣйшаго синода и послужилъ для послѣдняго пособіемъ при изданіи недавно отпечатанныхъ по его благословенію первыхъ двухъ томовъ ветхаго завѣта на русскомъ языкѣ.

Моусей Александровичъ отъ природы былъ слабъ здоровьемъ; высокаго роста, некрѣпкаго сложенія, съ впалой грудью, онъ почти постоянно страдалъ отъ кашля. Сидячая жизнь развила въ немъ геморрой, который нѣсколько разъ и прежде лишалъ его возможности бывать на лекціяхъ. Простудамъ онъ подвергался особенно легко. Но серьёзно въ первый разъ онъ захворалъ зимой 1868 года: при открывшемся тогда воспаленіи въ легкихъ, онъ больной, съ мушками на груди, цѣлую недѣлю продолжалъ еще являться на лекціи, скрывая это отъ своего доктора, и только тогда пересталъ ходить въ академію, когда одинъ изъ сослуживцевъ больнаго, при встрѣчѣ съ докторомъ, ненамѣренно выдалъ врачу тайныя поѣздки больнаго профессора. Въ настоящемъ году, предъ великимъ постомъ, прошлогодняя болѣзнь снова посѣтила Моусея Александровича, и онъ, попрежнему, началъ, тихонько отъ

доктора, совершать изъ квартиры поѣздки въ академію, и снова, уже въ этотъ разъ намѣренно, былъ выданъ доктору. О. ректоръ академіи, съ своей стороны, чтобы успокоить черезъ-чуръ совѣстливаго исполнителя долга, обратился къ больному съ настойчивою просьбою—прекратить до выздоровленія свои лекціи въ академіи. Больной страдалецъ продолжалъ однако въ своей квартирѣ, вмѣстѣ съ Д. А. Хвольсономъ, трудиться надъ переводомъ страдальческой исторіи Іова. Между тѣмъ болѣзнь не уступала леченію, и больной, по совѣтамъ врачей и сослуживцевъ, произведя экзамены студентамъ, отправился въ Самару, для пользованія кумысомъ. Св. синодъ для этого выдалъ добросовѣстному и усердному профессору, такъ много потрудившемуся для свящ. Писанія, вполнѣ достаточное пособіе. Самара и кумысъ однако едва-ли не ускорили скорбный исходъ болѣзни. Каждый разъ пріёмъ кумыса повергалъ больнаго въ ужасныя страданія, сопровождавшіяся полузабытьемъ. „Вы не можете себѣ представить, а я не могу вамъ словами выразить,—говорилъ онъ мнѣ по возвращеніи въ Петербургъ, — какія страданія я испытывалъ отъ пріёмовъ кумыса; въ теченіи пяти-недѣльнаго пребыванія въ Самарѣ, я, исключая послѣдней ночи передъ отъѣздомъ оттуда, когда принялъ морфій, ни разу не спалъ настоящимъ образомъ. Я только на короткое время забывался, и о томъ, что спалъ, я заключалъ потому, что видѣлъ лица и предметы, которыхъ около и вблизи меня не было“. „Кумысъ дѣйствуетъ на меня ужасно—писалъ онъ въ Петербургъ пользовавшему его здѣсь врачу;—не оставить ли леченіе? Не хочется мнѣ на чужой сторонѣ сложить свои кости“. Онъ однако, не смотря на страданія, имѣлъ мужество докончить по-

женный курсъ кумыснаго леченія; около 10-го августа возвратился въ Петербургъ и уже не выходилъ изъ своей квартиры. Три раза я навѣщалъ въ это время больнаго,—послѣдній разъ наканунѣ его смерти, когда онъ уже не могъ подняться съ дивана, хотя усиливался, при помощи помощника лекаря, встать, чтобы встрѣтить меня въ гостиной. Кашель давилъ его, рѣчь его была прерывиста и тяжела, на секунды онъ забывался; разъ десять жалъ мнѣ руку, благодаря за память о немъ, хлопоталъ объ угощеніи чашкою кофе, а между тѣмъ распрашивалъ объ академіи, о томъ, что дѣлается въ ея совѣтѣ, и поручилъ даже передать совѣту нѣкоторыя мысли его относительно раздѣленія преподаванія свящ. Писанія между нимъ и вновь избраннымъ вторымъ наставникомъ и пр. О своей смерти онъ не сказалъ однако ни слова мнѣ, хотя, несомнѣнно, онъ думалъ о ней, что доказываютъ его распоряженія на случай смерти, сдѣланныя имъ, послѣ моего ухода, своей служанкѣ касательно приглашенія о. ректора академіи и двухъ профессоровъ, для передачи имъ своей послѣдней воли, и потомъ послѣднія слова въ его скорбномъ листикѣ, въ который онъ самъ записывалъ припадки своей болѣзни; слова эти: „на счетъ похоронъ... полиція...“

На слѣдующій день, послѣ моего посѣщенія, 22-го августа, въ десять часовъ утра собрался совѣтъ академіи для разсужденій по текущимъ академическимъ дѣламъ: покойный въ своемъ скорбномъ листикѣ отмѣтилъ, безъ сомнѣнія съ сожалѣніемъ, что „на совѣтѣ онъ быть не можетъ“, и просилъ меня передать это о. ректору. Я успѣлъ уже передать совѣту не только это, но и свѣдѣнія о безнадежномъ положеніи

Моисея Александровича и его сообщенія относительно преподаванія свящ. Писанія, какъ пришла вѣсть о кончинѣ его, принесенная тотчасъ же послѣ его послѣдняго вздоха усердною и доброю служанкою покойнаго. Всѣ присутствовавшіе перекрестились. Первымъ рѣшеніемъ совѣта было тотчасъ же отправиться въ академическую церковь на панихиду, на которую собрались и всѣ находившіеся въ академіи студенты, и назначили депутата отъ академіи для присутствованія при опечатаніи библіотеки покойнаго, у котораго находилось значительное количество казенныхъ книгъ.

Въ могилѣ... отдыхаютъ истощившіеся въ силахъ (Іова, гл. III, ст. 17). Для „истощившагося въ силахъ" наставника мѣсто „отдохновенія", по благосклонному распоряженію высокопреосвященнаго митрополита Исидора, приготовлено было на новомъ лаврскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою другаго незабвеннаго профессора академіи В. Н. Карпова: учитель и ученикъ, философъ и богословъ, толкователь Платона и толкователь Библіи улеглись рядомъ; товарищи по службѣ стали сосѣдями по могиламъ! Между тѣмъ въ квартирѣ покойнаго, у его праха, ежедневно въ 12 часовъ дня и въ 7 часовъ вечера совершались панихиды то о. ректоромъ академіи, протоіереемъ І. Л. Янышевымъ, то о. ректоромъ семинаріи архимандритомъ Хрисанфомъ, то преосвященнымъ Павломъ, епископомъ академическимъ, изъ которыхъ первый и послѣдній были учениками покойнаго, а второй — его сослуживцемъ по академіи. Выносъ покойнаго изъ квартиры послѣдовалъ въ самый день отпѣванія — 25-го августа. Заупокойную литургію совершалъ преосвященный Павелъ, въ сослуженіи о. ректора академіи, бывшаго смотрителя учи-

лица архимандрита Тихона (теперь епископа выборгскаго) и двоихъ священниковъ; въ отпѣваніи приняли кромѣ нихъ участіе о. ректоръ семинаріи, протоіерей знаменской церкви А. А. Павловскій, въ приходѣ которой жилъ покойный, членъ духовно-учебнаго комитета, протоіерей С. В. Михайловскій и много другихъ протоіереевъ и священниковъ, большею частію бывшихъ академическихъ товарищей и слушателей покойнаго. Просторная лаврская ѳеодоровская церковь была полна: собрались отдать послѣдній долгъ всѣ наставники и всѣ студенты академіи, наставники семинаріи, знакомые и родственники. Гробъ несли на рукахъ отъ квартиры до Лавры (около двухъ верстъ) и изъ церкви на кладбище. Ноша была впрочемъ легкая, хотя и многоцѣнная: ученые труды, а потомъ тяжкая болѣзнь „одухотворили“ тѣло Моѵсея Александровича. При послѣднемъ цѣлованіи умершаго безсемейнаго профессора не слышалось стоновъ, въ которыхъ обыкновенно выражаетъ свою скорбь по умершемъ близкое кровное родство; духовное родство въ подобныхъ обстоятельствахъ выражаетъ себя спокойной, тихой, сознательной грустью. Выразителемъ и истолкователемъ такой общей грусти явился у гроба почившаго о. ректоръ академіи, по прочтеніи евангелія сказавшій рѣчь, въ которой показалъ, кого отняла смерть у академіи, у богословской русской науки и у православной церкви. Послѣднимъ подошелъ дать послѣднее цѣлованіе умершему э. о. профессоръ академіи, ученикъ покойнаго, А. И. Предтеченскій, и когда гробовая крышка сокрыла омертвѣлый ликъ страдальца, онъ, въ прощальной рѣчи, старался обрисовать неумирающую нравственную личность почившаго чертами, взятыми съ двоихъ библейскихъ

лицъ—многострадальнаго Іова и сонменнаго пасейному пророка Божія Моvсея.

Когда гробъ опустили въ могилу, взоры присутствовавшихъ остановились на памятникѣ В. Н. Карпову, и преосвященный Павелъ, вмѣстѣ съ прочими сослуживцами, отслужилъ литію по рабѣ Божіемъ Василіѣ. Вечеромъ, въ день похоронъ, говорятъ, высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ ходилъ на кладбище поклониться свѣжей могилѣ Моvсея Александровича, помянувъ, безъ сомнѣнія, при этомъ и сосѣда Василья Николаевича. — Истинно цивилизованный народъ любитъ свою исторію, помнитъ и уважаетъ свои историческія имена: учебное заведеніе, особенно высшее, не имѣющее своего живаго преданія, равнодушно допускающее забываться именамъ и трудамъ своихъ наставниковъ и начальниковъ, походило бы на постоялый дворъ, хладнокровно и безучастно смотрящій на пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ... Намъ думается, что духовная академія хорошо бы сдѣлала, если бы, для сохраненія и оживленія своихъ традицій, хранила въ особыхъ альбомахъ или въ рамкахъ на стѣнахъ зала собранія или библіотеки фотографическія группы выпускаемыхъ ею курсовъ воспитанниковъ, а потомъ сдѣлала бы для каждаго изъ своихъ наставниковъ обязательнымъ еще при жизни доставить для ней фотографическій портретъ, который бы по смерти могъ быть переведенъ на полотно, а наконецъ пригласила бы находящихся въ живыхъ ея бывшихъ воспитанниковъ и наставниковъ доставить ей фотографическія карточки. На эти предположенія навело насъ то обстоятельство, что покойный Моvсей Александровичъ не оставилъ послѣ себя даже фотографическаго портрета: а между тѣмъ

весьма желательно было бы въ стѣнахъ академіи имѣть масляный портретъ его. Русскій журналъ „Всемірная Иллюстрація“ хотѣлъ помѣстить на своихъ страницахъ некрологъ и портретъ покойнаго и искалъ фотографической его карточки, но академія не могла въ этомъ случаѣ помочь редакціи журнала. Она сама лишена возможности передать своимъ будущимъ наставникамъ и воспитанникамъ лишь усерднѣйшаго и полезнѣйшаго своего дѣятеля. Можетъ быть, также не лишнее было бы, если бы она, на сосѣднемъ съ нею лаврскомъ кладбищѣ, пріобрѣла себѣ какой-нибудь уголокъ для погребенія своихъ тружениковъ, чтобы потомъ ежегодно, въ день, напримѣръ, открытія академіи, совершать на мѣстѣ общаго ихъ упокоенія общую панихиду. Исторія имѣетъ великое значеніе: она развиваетъ и въ народахъ и въ отдѣльныхъ корпораціяхъ самосознаніе, самоуваженіе и энергію.

Э. о. проф. А. И. Предтеченскій въ заключеніе своей рѣчи сдѣлалъ три приглашенія: одно отъ лица покойнаго къ присутствовавшимъ при погребеніи на похоронную трапезу, устроенную на деньги, оставшіяся послѣ него; другое отъ себя — родственникамъ покойнаго принести въ даръ академіи его книги и рукописи, третье—ко всѣмъ, чтущимъ память Моисея Александровича, поставить ему надгробный памятникъ. На похоронномъ обѣдѣ присутствовало около 80 человѣкъ и подписано пожертвованій на памятникъ около 250 руб. Пріемъ пожертвованій продолжается въ канцеляріи академіи, и имена жертвователей будутъ въ свое время напечатаны въ „Христ. Чтеніи“.

РѢЧЬ

КЪ СВЯТѢЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ ВСЕРОССІЙСКОМУ СИНОДУ

смотрителя Александро-Невскаго духовнаго училища архимандрита Тихона, при нареченіи его во епископа выборгскаго, викарія с.-петербургскаго, сентября 10 дня 1860 года.

Ваше Святѣйшество,

Милостивѣйшіе Архипастыри и Отцы!

Съ глубокимъ вниманіемъ и съ благоговѣніемъ выслушалъ я, что рекъ о мнѣ Господь устами Вашего Святѣйшества и изволеніемъ помазанника Своего Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича.

Дерзнулъ и я недостойный, предъ лицемъ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода, торжественно заявить мою рѣшимость безпрекословно пріять возлагаемое на меня бремя епископства.

Не такъ легко, какъ можетъ казаться нѣкоторымъ, произошла во мнѣ такая рѣшимость. Одинъ только Богъ вѣдаетъ, какое тяжкое томленіе духа я долженъ былъ испытать отъ рѣшительнаго перелома своей воли, и отъ столь неожиданнаго и быстраго ея поворота къ по-

ложенію новому и притомъ такому высокому, до котораго я не дерзалъ возноситься даже мыслію.

Мнѣ-ли очень и очень не мудрому пастырю не многочисленнаго и скромнаго, хотя тѣмъ не менѣе любезнаго мнѣ, стада,—мнѣ ли—было думать о епископствѣ? Нѣтъ! мнѣ не безъизвѣстно, что въ нагорныхъ высотахъ витаютъ по преимуществу многомощные и дальнозоркіе орлы. Очень хорошо я понимаю, что къ высшимъ степенямъ священства способны только люди, обогащенные дарами и природы и благодати,—способны только великіе труженники, которые и учебною и ученою дѣятельностію, а равно и тайными и явными подвигами благочестія, измлада и постепенно, впродолженіи многихъ, иногда и очень многихъ лѣтъ, подготовляютъ себя къ высшему служенію Церкви Божіей, а потому, можетъ быть, и не смущаются, когда восходятъ на высшія ступени церковной іерархіи, потому что заранѣе предвидятъ всю ту пользу, какую они способны принести Церкви Божіей своимъ служеніемъ.

А я—кто такой? Никогда я не дерзалъ относить себя къ числу такихъ доблестныхъ личностей, а потому и не имѣлъ такихъ возвышенныхъ стремленій. Для меня епископство никогда не было задачею жизни; а потому и въ настоящія минуты я не чувствую себя въ такомъ состояніи духа, въ какомъ бываютъ рѣшители великихъ и трудныхъ задачъ въ то время, когда, послѣ долгихъ и усиленныхъ изысканій, нападаютъ наконецъ на искомое рѣшеніе. Въ настоящія минуты состояніе моего духа болѣе болѣзненное, чѣмъ радостное,—болѣе тревожное, чѣмъ спокойное. Это—состояніе борьбы между страхомъ и надеждою.

Восходя на высшую степень церковной іерархіи,

прежде всего я боюсь, какъ бы мнѣ, отъ близнецовъ, меня старѣйшихъ, не запнуть кого-либо въ правѣ на то мѣсто, на которое я возвожусь. Боюсь, говорю,— потому что знаю, что подобнаго рода запинанія, хотя бы они были и не произвольны, сопровождаются иногда не вожделѣнными для запинающихъ послѣдствіями. Не по своей волѣ Іаковъ запнулъ брата своего Исава, когда восхитилъ у него право первородства. А, не смотря на то, какихъ-какихъ огорченій не испыталъ онъ за таковое родному брату запинаніе!

Болѣе же всего страшитъ меня самое положеніе, въ которое я поставляюсь. Епископство—это есть передовой, и даже не просто только передовой, но и предводительственный постъ въ воинствующей Церкви. О, сколько же нужно имѣть ума и благоразумія, сколько силы и мужества для того, чтобы, стоя на таковомъ постѣ, съ успѣхомъ ратовать противъ враждебныхъ полчищъ, со всѣхъ сторонъ и всякими способами вооружающихся на Церковь Божію! Епископство—это есть глубокій и неисчерпаемый кладязь, изъ котораго всѣ православные христіане могутъ и должны почерпать удовлетвореніе всѣмъ своимъ духовнымъ нуждамъ. О, сколько же нужно имѣть дарованій и естественныхъ и благодатныхъ для того, чтобы, по слову и по примѣру апостола Павла, для всѣхъ быть всѣмъ, чѣмъ только кому нужно, кому—свѣтомъ, кому—солію, кому—окомъ, кому—ногою, кому—рукою и т. п. Такимъ образомъ быть епископомъ, а не называться только этимъ именемъ, значитъ—быть въ непрестанномъ подвигѣ. Вижу все величіе предлежащаго мнѣ подвига; но вижу и всю скудость духовныхъ силъ моихъ. Вижу—и ужасаюся.

Если что меня ободряетъ, такъ это одно только

убѣжденіе, что не отъ человѣческаго произвола зависятъ судьбы людей. Господь убожитъ и богатитъ. Господь смиряетъ и высится. Господь указуетъ пути громамъ и молніямъ: Тотъ же Господь опредѣляетъ мѣсто и путь паденія и мельчайшей каплѣ росы. Тотъ же Господь исправляетъ и стопы человѣческія. Ни мало не сомнѣваюсь, что и мое положеніе созидается Божіимъ же промышленіемъ. Въ настоящемъ моемъ положеніи я вижу надъ собою чудо Божіей милости.

А при таковомъ убѣжденіи и воззрѣніи, мой духъ, волнуемый страхомъ, успокоивается во упованіи, что Самъ Господь Богъ, молитвами святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго и новоявленнаго чудотворца святителя Тихона Задонскаго, восполнитъ скудость духовныхъ силъ моихъ Своею преизбыточествующею благодатію.

Уповаю, что Тотъ, Кто нѣкогда отверзъ очи слѣпому, просвѣтитъ и мои умныя очи. Тотъ, Кто нѣкогда разслабленному даровалъ силу встать, взять свой одръ, и ходить, подастъ и мнѣ силы къ подъятію и ношенію возлагаемаго на меня бремени. Тотъ, Кто нѣкогда простыхъ рыбарей умудрилъ уловить вселенную мрежею евангельской проповѣди, можетъ умудрить во спасеніе и меня, а чрезъ меня и другихъ, если не очень многихъ, то хотя нѣкіихъ.

Уповаю и на ту святоправительственную силу, которая отъ Господа исходитъ и въ Васъ, святѣйшіе отцы, почиваетъ, а отъ Васъ и чрезъ Васъ и на всѣ составы и члены Церкви всероссійскія простирается своимъ благотворнымъ вліяніемъ. Уповаю, что эта самая сила и меня будетъ касаться, и мнѣ будетъ помогать твердо стоять въ православной вѣрѣ, и крѣпко держать преданія апостольскія и отеческія.

Уповаю, наконецъ, и на помощь архипастыря, подъ наблюденіемъ и руководствомъ коего Господь судилъ мнѣ пройти первое поприще предлежащаго служенія, и поучаться, како отнынѣ подобаетъ мнѣ въ дому Божіемъ жити.

Ободряемый таковымъ упованіемъ, смиреннѣйше молю Ваше Святѣйшество: напутствуйте меня Вашимъ благословеніемъ на предлежащій мнѣ подвигъ, и молитвами Вашими призовите на мое недостоинство благодать Божію, совершающую въ немощѣхъ силу.

ПЕРВОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІИ

ПРЕОСВЯЩЕННАГО АРХІЕПИСКОПА МАКАРІЯ,

НАЗНАЧЕННОЙ ЗА УЧЕБНИКИ ДЛЯ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЙ.

Въ настоящемъ году премія въ 1.000 р. изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго преосвященнымъ Макаріемъ, Архіепископомъ литовскимъ (¹), удостоенъ святѣйшимъ Сvнодомъ, по заключенію Учебнаго комитета, *учебникъ психологіи*, *составленный профессоромъ С. Петербургской духовной академіи И. А. Чистовичемъ.*

„*Курсъ Опытной Психологіи*" г. Чистовича, введенный съ нынѣшняго года какъ учебное руководство въ семинаріяхъ, предварительно разсматривался въ ученомъ комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ признанъ заслуживающимъ полнаго одобренія, и по общему направленію и по научнымъ достоинствамъ; затѣмъ — въ учебномъ при Святѣйшемъ Синодѣ комитетѣ, который, сверхъ научныхъ достоинствъ сочиненія г. Чисто-

(¹) Какъ извѣстно, преосвященнымъ Макаріемъ, архіепископомъ Харьковскимъ, нынѣ Литовскимъ, пожертвованъ въ 1867 году особый капиталъ, изъ процентовъ съ котораго, при жизни жертвователя должна ежегодно выдаваться премія въ 1.000 р. сер. за одинъ изъ лучшихъ учебниковъ, составленный по предметамъ семинарскаго или училищнаго образованія, присуждаемая по распоряженію св. Синода.

вича, нашелъ его вполнѣ приспособленнымъ къ курсу психологіи, указанному новымъ уставомъ семинарій.

До появленія книги г. Чистовича, у насъ извѣстны были, за исключеніемъ чисто-научныхъ изслѣдованій по психологіи, явившихся въ самое послѣднее время—руководства по психологіи Кедрова, Кикодзе, Глѣбова и Автократова. Первое сочиненіе, написанное еще въ 40-хъ годахъ, представляетъ собою не столько научный анализъ психическихъ явленій, сколько реторическое описаніе ихъ, и въ настоящее время лишено всякаго научнаго значенія. Психологія Кикодзе, не смотря на свои относительныя достоинства, также не отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ, и по своему методу, и по незнакомству съ результатами новѣйшихъ работъ въ области психологическихъ изысканій. Учебникъ психологіи г. Глѣбова, очень краткій, построенъ тѣмъ же дедуктивнымъ методомъ, какъ и сочиненіе Кикодзе, и также мало знакомитъ съ новѣйшими пріёмами и результатами психологическихъ изслѣдованій. Книга же г. Автократова есть не что иное какъ необработанная компиляція психологическихъ воззрѣній Лотце.

Съ появленіемъ книги г. Чистовича, въ первый разъ является „курсъ опытной психологіи“, обработанный вполнѣ научнымъ, аналитическимъ методомъ, и знакомящій, на сколько это возможно и умѣстно въ учебномъ руководствѣ, съ новѣйшими психологическими изслѣдованіями. Анализъ сознательной жизни авторъ начинаетъ съ анализа ощущеній, различая въ то же время—путемъ того же анализа—психическую или духовную сторону ощущеній, и на этомъ, чисто-научномъ основаніи, переходя къ анализу дальнѣйшихъ, чисто-психическихъ или духовныхъ въ собственномъ смыслѣ слова проя-

леній, каковы представленія, идеи и т. д. Такимъ образомъ идея духа, съ его вѣчными стремленіями, является въ психологіи г. Чистовича не какъ нѣчто данное уже или предвзятое, а какъ результатъ данныхъ самаго опыта, какъ неизбѣжный выводъ изъ неопровержимыхъ фактовъ психической жизни человѣка. Въ изслѣдованіи о чисто-психическихъ обнаруженіяхъ г. Чистовичъ также вѣренъ своему аналитическому методу, всегда начиная съ простѣйшихъ проявленій, переходя къ болѣе сложнымъ, и указывая процессъ образованія высшихъ сторонъ или обнаруженія духа.

Такой методъ и такое направленіе Психологіи г. Чистовича требовали спеціальнаго знакомства съ новѣйшими изслѣдованіями въ области психологіи и критическаго отношенія къ нимъ. Дѣйствительно, не смотря на краткость учебнаго руководства г. Чистовича, книга его представляетъ собою сводъ всего что извѣстно по спорнымъ вопросамъ объ ощущеніяхъ и ихъ значеніи въ психической жизни — вмѣстѣ съ указаніемъ на послѣднія, неопровержимыя научныя данныя по этому вопросу, столь важныя въ видахъ матеріалистическихъ воззрѣній, и съ критикой прежде сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи работъ и выводовъ. Небольшая по объему глава объ ощущеніяхъ знакомитъ съ вопросами о локализаціи ощущеній, ихъ мѣрѣ, тонѣ и т. п., представляя въ тоже время критику матеріалистическихъ воззрѣній, основанныхъ на односторонне-понятомъ значеніи ощущеній. Это знакомство съ исторіей психологическихъ вопросовъ, и критика различныхъ психологическихъ воззрѣній, проходятъ чрезъ всѣ трактаты и отдѣлы Психологіи г. Чистовича. Вообще книга г. Чистовича написана не въ духѣ какой либудь одной психологической

школы, и свободна отъ неизбѣжныхъ при томъ односторонностей. Она есть осмысленный сводъ всего достовѣрнаго въ настоящее время въ области психологическихъ изысканій, всего лучшаго въ донынѣ сдѣланныхъ психологическихъ работахъ. Значеніе этого обстоятельства увеличивается еще въ виду того, что книга его предназначалась для цѣли учебно-педагогической. Если односторонность (тенденціозность) во всякомъ другомъ учебникѣ неизбѣжно влечетъ за собою узкость воззрѣній, то односторонность въ руководствѣ по психологіи отзовется положительнымъ вредомъ, потому что область вопросовъ этой науки соприкасается съ первыми существенными основаніями нашихъ убѣжденій относительно предметовъ, имѣющихъ наибольшее значеніе въ наукѣ и жизни, каковы свобода воли, идея о безконечномъ, происхожденіе и сущность нравственнаго закона, и т. п.

Отличаясь чисто-научнымъ методомъ и здравымъ направленіемъ, Психологія г. Чистовича, не смотря на свой относительно краткій объёмъ, отличается и особенною полнотою содержанія. Трудно указать вопросъ изъ области психологіи, котораго она не касалась бы. Вся область психическихъ проявленій, начиная съ ощущеній и кончая природой души и вопросомъ о связи ея съ тѣломъ, разсмотрѣна вполнѣ обстоятельно для учебнаго руководства. Также полно и развитіе всѣхъ частныхъ отдѣловъ и вопросовъ. Затронута даже область спорныхъ вопросовъ, касающихся педагогики, логики эстетики и т. п. Говоря объ эстетическихъ чувствованіяхъ, авторъ касается понятія о самомъ искусствѣ, даже отчасти самой исторіи искусства. Говоря о нравственныхъ чувствованіяхъ, онъ излагаетъ понятіе прав-

ственнаго закона, изъясняя его съ психологической точки зрѣнія, и опровергая ложныя нравственныя воззрѣнія и направленія. Въ отдѣлѣ о религіозныхъ чувствованіяхъ авторъ касается философіи религіи и даже отчасти ея исторіи съ психологической точки зрѣнія.

Эти послѣдніе отдѣлы—вообще важные въ руководствѣ по психологіи для семинарій по связи ихъ съ богословскими вопросами—особенно важны нынѣ, при новомъ семинарскомъ уставѣ, который, сверхъ курса психологіи, назначаетъ еще, въ связи съ нимъ, курсъ обзора философскихъ ученій и критики философскихъ направленій. При такой полнотѣ содержанія Психологіи г. Чистовича, послѣдній курсъ (обзоръ философическихъ ученій) получаетъ для себя основанія въ психологіи, и обѣ науки взаимно пополняются въ своемъ содержаніи.

Самое развитіе и изложеніе мыслей и психологическихъ положеній оживлено въ книгѣ г. Чистовича примѣрами, взятыми изъ жизни и наблюденій. Въ примѣчаніяхъ повсюду почти разсѣяны интересные факты и опыты изъ психической жизни. Съ этой стороны книга г. Чистовича, независимо отъ своего учебнаго достоинства, заслуживаетъ вниманія и какъ книга для чтенія.

Языкъ сочиненія вполнѣ приличный учебнику—живой, строго-научный и точный.

КОНКУРСЪ

НА ЗАНЯТІЕ ВАКАНТНЫХЪ КАѲЕДРЪ

ВЪ САНКПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1.

Въ богословскомъ отдѣленіи с.-петербугской духовной академіи состоитъ вакантною каѳедра по изъясненію св. Писанія Ветхаго Завѣта.

Желающіе занять означенную каѳедру обязаны представить въ совѣтъ: 1) дипломъ на ученую академическую степень; 2) печатные или приготовленые къ печати рукописные ученые труды; 3) программу лекцій по изъясненію св. Писанія Ветхаго Завѣта и кромѣ того прочесть публично въ академіи двѣ пробныя лекціи,—одну на тему по собственному избранію, другую по назначенію отдѣленія.

Жалованья вмѣстѣ съ квартирнымъ и столовымъ содержаніемъ полагается ординарному профессору 3000 р.; экстраординарному 2000 р.; штатному доценту 1200 р.

2.

Въ церковно-историческомъ отдѣленіи состоятъ вакантными каѳедры: а) по общей гражданской исторіи

(исторіи христіанской цивилизаціи); б) по русской церковной исторіи и в) по библейской исторіи.

Соискатели на эти каеедры должны представить:

а) Дипломъ на ученую степень доктора или магистра богословія.

§ 47. Получившій степень доктора въ одномъ изъ русскихъ университетовъ можетъ быть избираемъ на каеедру въ духовной академіи, соотвѣтствующую его спеціальности.

б) Сочиненіе, написанное ими на полученіе ученой степени, равно какъ и другіе учено-литературные труды, если такіе есть.

в) Программу лекцій по избираемой каеедрѣ.

г) Сказать двѣ пробныя лекціи—одну по собственному избранію, а другую по назначенію церковно-историческаго отдѣленія.

Чтеніе лекцій по общей гражданской исторіи должно начаться съ настоящаго 1869—70 академическаго года; по библейской исторіи съ слѣдующаго 1870—71 года, по русской церковной исторіи съ 1871—72 г.

Жалованья полагается по означеннымъ каеедрамъ: доценту 1200 р., экстраординарному профессору 2000 р., ординарному 3000 р.

§ 48. Приватъ-доцентами же могутъ быть и кандидаты, представившіе диссертацію (pro venia legendi), по предметамъ того отдѣленія академіи, въ которомъ они намѣрены преподавать, и защитившіе оную публично въ присутствіи профессоровъ и доцентовъ того отдѣленія.

Приватъ-доцентамъ опредѣленнаго жалованья не полагается по штату, а назначается вознагражденіе по усмотрѣнію совѣта.

Въ с.-петербургской духовной академіи состоитъ въ настоящее время вакантной должность библіотекаря.

По § 72 Устава духовныхъ академій библіотекарь избирается Совѣтомъ изъ лицъ, имѣющихъ достаточное образованіе и нужные для успѣшнаго исполненія этой должности опытъ и свѣдѣнія.

Жалованья библіотекарю при казенной квартирѣ полагается 800 р.

Желающіе занять должность библіотекаря академіи приглашаются симъ адресовать прошенія въ совѣтъ академіи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВЫШЕЛЪ И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

VII ВЫПУСКЪ

Чтеній въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

Содержаніе 1. Исторія московскаго епархіальнаго управленія со времени учрежденія Св. Сѵнода (1721—1821 г.). Ч. 1. соч. Н. Розанова. II. **Матеріалы для біографіи Филарета М. Московскаго:** 1) Слова (4) М. Филарета; 2) Его письма (112) къ Зачатейской игуменьѣ Аполлинаріи (Шуваловой). 3) *Замѣчанія* М. Филарета на конспекты: а) введеніе въ Православное Богословіе и б) Православной догматики. 4) О мѣстѣ ученія о церкви въ Богословской системѣ. 5) По поводу изданія въ Константинополѣ перевода Россійскаго Пространнаго Катихизиса. 6) Уставъ священническаго отпѣванія тѣла преосв. Кирилла, архіеп. подольскаго, въ понедѣльникъ Свѣтлыя Седмицы, составленный м. *Филаретомъ*.

Изданія Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія получать можно—въ *Москвѣ*: въ епархіальной библіотекѣ, въ Петровскомъ монастырѣ, въ книжныхъ магазинахъ: А. Н. Ѳерапонтова, братьевъ Салаевыхъ на Николь-

ской, А. И. Глазунова на Кузнецкомъ мосту, И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, и въ складѣ Русская Грамота. Въ *С.-Петербургѣ*: у Кораблева и Сирякова.

1. Чтенія вып. III—50 к., IV и V по 1 р., VI, VII (вышедшіе), VIII (отпечатанъ) и IX имѣетъ выйти въ 1869 г. 3 р., съ пересылкою 4 р., отдѣльно каждая книжка по 1 р. 2) Записки на книгу Бытія М. Филарета изд. IV — 1 р., пересылка за $1^1/_2$ ф. по разстоянію; 3) Лекціи по умозрительному Богословію протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго—75 коп. съ пересылкою 1 р.; 4) Утѣшенія и совѣты опытности скорбящимъ 10 к.; 5) Воскресныя Бесѣды, вып. 1, изд. 2-е и II, изд. 1-е, по 10 к.; 6) Московскія Епархіальныя Вѣдомости, годовое изданіе, 52 №, 3 р., съ пересылкою 4 р.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

въ

РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.

Историческій очеркъ раскольническаго ученія о бракѣ. Выпускъ второй (царствованіе Императора Николая I-го). Сочиненіе экстраординарнаго профессора с.-петербургской духовной академіи И. Нильскаго. Цѣна безъ пересылки 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Желающіе пріобрѣсть означенную книгу благоволятъ присылать свои требованія въ редакцію „*Христіанскаго Чтенія*", издаваемаго при с.-петербургской духовной академіи.

ОПЕЧАТКИ

Въ № 8 Христ. Чтенія, въ первой статьѣ „О вселенскихъ соборахъ", замѣчены слѣдующія опечатки:

					Напечатано:	*Должно быть:*
На стр.	195	строка	4	сверху,	подлинною	подобною
—	—	207	—	19 —	приговоръ	примѣръ
—	—	—	—	1 снизу,	Евадій	Еводій
—	—	209	—	14 сверху,	предсѣдательствуетъ	предсѣдательствуемъ
—	—	217	—	5 и 4 снизу,	доступныхъ и подлежащихъ	доступномъ и подлежащемъ
—	—	223	—	24	разрѣшается	разрѣшаются
—	—	236	—	1 сверху,	самымъ сильнымъ закономъ	самыми основными законами
—	—	239	—	15 —	кровавыя отношенія	правовыя отношенія

РАЗМЫШЛЕНІЯ

ПО ПОВОДУ ПРЕДСТОЯЩАГО РИМСКАГО СОБОРА.

8-го декабря 1869 года будетъ предложено міру зрѣлище, какого онъ не видалъ въ продолженіи уже болѣе трехъ-сотъ лѣтъ. Мы съ намѣреніемъ сказали „зрѣлище", потому что изъ ожидаемаго римскаго собора едва-ли выйдетъ что нибудь больше зрѣлища. Для всѣхъ разсудительныхъ, для всѣхъ серьёзныхъ и искреннихъ христіанъ зрѣлище это будетъ трагедіей. И если папа думаетъ, что пьеса, которую онъ ставитъ, окончится также, какъ оканчиваются комедіи, — бракомъ, и что міръ съ этого времени повѣритъ, будто самъ Духъ Святый сочетался съ папою и будто папа со Святымъ Духомъ составляютъ едино,—на самомъ дѣлѣ христіанство почерпнетъ, можетъ быть, изъ этого зрѣлища совершенно противоположное убѣжденіе, именно, что Духъ Святый совершенно удалился отъ римской церкви.

Если Римъ разсчитываетъ на исторію догматовъ, фабрикованныхъ имъ на средневѣковыхъ соборахъ и особенно на соборѣ тридентинскомъ, то онъ слишкомъ

много предполагаетъ въ своихъ вѣрующихъ. Эти соборы предписывали ученіе и издавали законы, во многомъ противорѣчащіе не только священному Писанію и истинному христіанству, но и просто здравому человѣческому разуму. Что другое можно сказать о 4-мъ латеранскомъ соборѣ, бывшемъ въ 1215 году, при папѣ Иннокентіи III, который (соборъ) *несомнѣнно* вѣритъ, что римская церковь, по опредѣленію самаго Господа, есть матерь и наставница *всѣхъ* вѣрующихъ ([1]). Между тѣмъ всякій, кажется, знаетъ, что уже существовали тысячи вѣрующихъ прежде, чѣмъ римская церковь только была основана. Такимъ образомъ совершенно невозможно, чтобы римская церковь была ихъ матерію и наставницею, потому что мать, по самой природѣ вещей, должна быть старше и слѣдовательно должна существовать прежде своихъ дѣтей. И какая нужна была самонадѣянность, чтобы такое безсмысленное ученіе основывать на самомъ словѣ Божіемъ! А между тѣмъ римскіе католики приняли этотъ догматъ и вѣрятъ въ него до настоящаго дня. Онъ находится во всѣхъ катихизисахъ, во всѣхъ учебникахъ римско-католической религіи, во всѣхъ молитвенникахъ и книгахъ для назиданія; онъ проповѣдуется въ церквахъ съ каѳедръ и преподается въ школахъ. Всѣ римскіе католики въ одинъ голосъ кричатъ: „Римская церковь есть мать и наставница всѣхъ вѣрующихъ, по опредѣленію Господню". И не ужели то, что единодушно исповѣдуютъ эти тысячи и милліоны голосовъ, есть ложь? Конечно ложь. Христіанство—религія ума и чувства, но ни умъ, ни чувство ничего не знаютъ о такомъ папскомъ догматѣ. Христосъ одинъ есть Отецъ и Учи-

---

([1]) Romana Ecclesia disponente Domino cunctorum fidelium mater est et magistra.

тель всѣхъ вѣрующихъ, и если папа со всею римскою церковію не слушаютъ этаго Учителя, то они не члены тѣла Христова».

До какой степени, по истеченіи дальнѣйшихъ трехъ столѣтій, дошло извращеніе христіанства, всего яснѣе показываетъ намъ булла „Pastor aeternus“, обнародованная папою Львомъ X на пятомъ вселенскомъ латеранскомъ соборѣ 19 декабря 1515 года. Тутъ даже и не римская церковь является матерію и наставницею всѣхъ вѣрующихъ, а просто папа. „Не только изъ свидѣтельства священнаго Писанія, изъ изреченій святыхъ отцевъ и другихъ римскихъ епископовъ и нашихъ предшественниковъ, изъ опредѣленій священныхъ каноновъ, но и изъ вѣроисповѣданія самихъ этихъ соборовъ совершенно очевидно, что римскій епископъ всякаго даннаго времени, какъ имѣющій авторитетъ выше всѣхъ соборовъ, одинъ имѣетъ полное право и власть назначать соборы, переносить и распускать ихъ“ (Solum romanum pontificem, pro tempore existentem, tamquam auctoritatem super omnia concilia habentem, tam conciliorum indicendorum, transferendorum ac dissolvendorum plenum jus ac potestatem habere, ne dum ex sacrae scripturae testimonio, dictis sanctorum patrum ac aliorum romanorum pontificum, etiam praedecessorum nostrorum, sacrorumque canonum decretis, sed propria etiam eorundem conciliorum confessione manifeste constat).

Можно-ли себѣ представить злоупотребленіе священнымъ Писаніемъ болѣе грубое, чѣмъ какое содержится въ этомъ опредѣленіи римскаго собора, объявленнаго вселенскимъ? Гдѣ во всей библіи можно найти хоть слабый слѣдъ того, что римскій епископъ, и только онъ одинъ, стоитъ выше соборовъ и имѣетъ право со-

зывать ихъ, переносить и распускать? Священному писанію извѣстенъ только одинъ соборъ — іерусалимскій. Но на немъ предсѣдательствовалъ и имѣлъ наибольшее вліяніе не Петръ, который этому же до этого еще и въ Римѣ не былъ, а Іаковъ. И не смотря на все это весь католическій міръ скоро подчинился этому произвольному папскому опредѣленію и повѣрилъ, что въ священномъ Писаніи должно находиться ученіе о превосходствѣ папской власти надъ соборною, хотя обыкновенный человѣческій глазъ и не въ состояніи видѣть этого. Впрочемъ, папское око одарено гораздо болѣе зоркимъ зрѣніемъ и озарено сверхъестественнымъ свѣтомъ Духа Святаго, вслѣдствіе чего папа и можетъ увѣрять, что даже „совершенно ясно" (manifeste) усматриваетъ то, что сокрыто отъ слабаго зрѣнія всѣхъ другихъ! Въ состояніи этого высшаго прозрѣнія папѣ Льву X-му мерещатся въ библіи, подобно какой нибудь fata morgana, цѣлые соборы созываемые, переносимые и распускаемые имъ самимъ и его предшественниками. Но вѣдь къ такимъ чудесамъ не привыкать стать было въ тѣ времена; каждая простая монахиня могла совершать ихъ въ своихъ видѣніяхъ; отчего же не могъ совершать ихъ и папа.

Уже не трехъ столѣтій, а только трехъ десятилѣтій достаточно было, чтобы вывести все зданіе римскаго католицизма, послѣ того, какъ весь нужный матеріалъ былъ собранъ впродолженіе варварскихъ средневѣковыхъ временъ кропотливымъ трудомъ схоластиковъ, сподручниковъ папскихъ. Попытка къ этому и была сдѣлана въ Тридентѣ. Каждый камень, котораго нельзя было пригнать, немедленно отбрасывался. Такая судьба постигла цѣлые народы и націи, особенно востокъ и Рос-

сію, а также большую часть Германіи. Болѣе четырехъ сотъ проклятій сопровождало отсѣченіе ихъ отъ зданія единой спасающей церкви (?). Появилась громадная пропасть, какъ между бѣднымъ Лазаремъ и богачемъ, и уже болѣе 300 лѣтъ отдѣляетъ римскихъ католиковъ отъ всего христіанскаго міра. Отъ времени до времени, какъ муэдзинъ съ вершины минарета, папа съ высоты своего дворца издаетъ слово увѣщанія, правда, до сихъ поръ безуспѣшно, ко всѣмъ блуднымъ своимъ сынамъ возвратиться въ нѣдра церкви. Но къ своему ужасу онъ видитъ, что въ его собственномъ домѣ становится болѣе и болѣе не спокойно, и что партія, которая съ каждымъ днемъ становится все могущественнѣе, замышляетъ свергнуть его самаго съ престола. Поэтому онъ намѣренъ, подобно Эолу, съ ужаснымъ „Quos ego"? броситься въ бурныя волны, конечно, рискуя при этомъ погубить свой корабль въ морской пучинѣ.

Этимъ страшнымъ „Quos ego" разгнѣванный вице-богъ изъ Латерана хочетъ, 8-го декабря 1869 года, запугать непокорныхъ дѣтей своей семьи, а особенно всѣ милліоны еретиковъ и схизматиковъ, которые уже давно отказались повиноваться ему. Чтобы этому акту придать особенную торжественность, а своимъ словамъ больше вѣса, папа намѣренъ окружать себя большимъ собраніемъ вѣрныхъ своихъ. И всякій, кто только можетъ громко кричать, кто только владѣетъ широкимъ горломъ, будетъ имѣть право голоса на этомъ собраніи. Его примутъ съ радостію, какъ бы сомнительны ни были его прочія способности. Вѣдь дѣло единственно въ томъ, чтобы, какъ можно большимъ числомъ прелатскихъ голосовъ прокричать папу непогрѣшимымъ и чтобы за тѣмъ воззваніе ко всѣмъ погибшимъ сы-

цамъ о возвращеніи имѣло тѣмъ большее дѣйствіе. По извѣщенію газетъ, дворецъ, въ которомъ должны будутъ произойти эти маневры, строится vis-à-vis съ Ватиканомъ и папа цѣлый день стоитъ у окна и радуется успѣхамъ постройки, потому что тутъ каждая новая балка, каждый новый камень, даже всякій гвоздь и всякая песчинка служатъ высокой цѣли — способствовать объявленію непогрѣшимости папы. Какое сладостное ощущеніе долженъ испытывать 76 лѣтній старецъ, когда онъ, пробудившись отъ сна и взглянувъ въ окно, говоритъ про себя, или своему секретарю: „Ebbene, questo é l'edificio, chi mi dichiarà dappo breve infallibile!".

Это мы предпослали какъ введеніе, а теперь займемся болѣе точнымъ изслѣдованіемъ самого дѣла на предстоящемъ соборѣ.

На этотъ соборъ католики возлагаютъ очень большія надежды, выраженіемъ которыхъ служитъ цѣлый рядъ епископскихъ брошюръ, уже появившихся въ Италіи, Франціи, Англіи и Германіи. Тотъ же радостный говоръ о самыхъ прекрасныхъ надеждахъ слышится на всѣхъ ультрамонтанскихъ собраніяхъ. Отголоскомъ увѣренности въ побѣдѣ служитъ вся ультрамонтанская пресса. На послѣднемъ собраніи „католическаго Verein'а Германіи", бывшемъ въ сентябрѣ 1868 года въ Бамбергѣ, городской священникъ Ибахъ фонъ-Линбургъ объявилъ, „что этотъ соборъ есть послѣдній якорь спасенія для вѣры и для европейской нравственности". Задача этаго собора состоитъ въ томъ, чтобы „слѣдовать по тому пути, на который съ такою славою вступилъ силлабусъ 8 декабря 1864 года". Эти слова сопровождались бурными криками bravo почтеннаго собранія (Жур-

нахъ собр. стр. 110). А другой ораторъ, Hülskamp, изъ Мюнстера, редакторъ одного изъ самыхъ распространенныхъ богословско-литературныхъ журналовъ, увѣрялъ, что, въ скоромъ времени, когда соберется вселенскій соборъ, весь міръ услышитъ: non possumus. „И это non possumus дѣйствительно спасетъ міръ; или иначе его уже ничто не можетъ спасти“. Этому изліянію тоже отвѣчали живыми криками bravo.—„Быстрыми шагами приближается великая эпоха 8-го декабря 1869 года“, замѣтилъ недавно французскій Monde (№ 128, 12 мая).—Нѣтъ недостатка и въ такихъ лицахъ, которыя протестантамъ и востоку совѣтуютъ лучше до собора возвратиться къ любвеобильной матери—римской инквизиціи, всегда простирающей, подобно молоху, свои руки къ обреченнымъ на жертву дѣтямъ, чѣмъ подпасть новому проклятію и тѣмъ во всякомъ случаѣ еще болѣе затруднить свое возвращеніе. „Къ чему еще раздѣленіе церквей? спрашиваетъ президентъ Бонифаціева Verein'а въ Германіи, епископъ Мартинъ Падерборнскій. Къ чему еще отдѣленіе отъ апостольской церкви?“ „Почему не возвратиться къ ней?“ спрашиваетъ въ другомъ сочиненіи (стр. 18) прелатъ Воланскій. „Всѣ противники истины, думаетъ французскій Monde (№ 140, 25 мая 1869 г.), боятся собора, предвидя анаѳему, которая неизгладимо заклеймитъ ихъ безбожныя ученія“.

И дѣйствительно, кто не побоится такого собранія! Всѣ приготовленія къ нему показываютъ, что дѣло будетъ состоять въ насиліяхъ, а не въ основательномъ изслѣдованіи, которое выслушало бы всѣ объясненія противниковъ и дало бы имъ свободно и откровенно высказаться. Массы католицизма всѣхъ странъ, въ болѣе новое время, послѣ тридентинскаго собора и ве-

личихъ религіозныхъ войнъ, успѣли нѣсколько поохладиться въ своемъ рвеніи; въ протестантахъ и восточныхъ христіанахъ, которые прокляты, какъ еретики и схизматики, онѣ начинаютъ видѣть хорошихъ сосѣдей и искренних христіанъ. Теперь пора имъ напомнить, что это съ ихъ стороны грубое заблужденіе, что осужденный папою никогда не можетъ быть хорошимъ христіаниномъ, съ которымъ можно было бы католикамъ заключать истинную дружбу, что, напротивъ, есть зараженное ядомъ существо, котораго по возможности надобно бѣгать. На самомъ дѣлѣ, отъ новаго возбужденія этаго фанатизма, государства и отдѣльные граждане опасаются ужасныхъ послѣдствій для націй, народовъ, семействъ и личностей, и—съ основательною боязнію ожидаютъ собора, на которомъ религіозный фанатизмъ снова облечется въ одежду добродѣтели и антихристіанскія проклятія на братьевъ, внушенныя властолюбивыми интересами, будутъ представлены массѣ католицизма, какъ изреченія Святаго Духа. Каждый патріотъ, каждый сторонникъ порядка и спокойствія, наконецъ всякій, кто знаетъ о бѣдствіяхъ большихъ и малыхъ религіозныхъ войнъ, не можетъ по всей справедливости не бояться этаго собора! Правда, познанія и добродѣтели имѣющихъ собраться отцевъ не очень опасны. Но за то опасны ихъ невѣжественное высокомѣріе, властолюбивое фарисейство, слѣпое объявленіе еретиками тѣхъ, на которыхъ никогда не смотрѣли безъ предъубѣжденія и не хотѣли поближе узнать. Объ этомъ невѣжествѣ, объ этомъ фарисействѣ и объ этомъ ослѣпленіи наилучшимъ образомъ свидѣтельствуютъ уже вышедшія въ свѣтъ брошюры католическихъ епископовъ и прелатовъ.

Для всякаго, достаточно знакомаго съ церковною исторіею на самомъ дѣлѣ не можетъ быть ничего возмутительнѣе и противнѣе, какъ лицемѣрно благочестивый, фальшиво нѣжный, повидимому совершенно отеческій тонъ этихъ жалкихъ произведеній: нѣтъ въ нихъ и слѣда сколько-нибудь глубокаго историческаго изслѣдованія, или искренней скорби о безчисленныхъ соблазнахъ, причиненныхъ братьямъ христіанамъ собственными, домашними злоупотребленіями. Совершенно напротивъ,—дерзкое отрицаніе ихъ или прикрытіе съ помощію лжи, столь же ложное убѣжденіе въ мнимыхъ добродѣтеляхъ и преимуществахъ своей партіи, и въ столь же мнимыхъ недугахъ и недостаткахъ у ихъ противниковъ:—вотъ содержаніе этихъ литературныхъ издѣлій! Нигдѣ нѣтъ полнаго признанія чужаго добра: оно или заподозрѣвается, или умаляется. За то вездѣ хвастливое восхваленіе своего, хотя далеко несовершеннаго. Униженные предъ папою до презрѣнія, лишенные своихъ правъ, которыхъ они не хотѣли отдать законнымъ владѣтелямъ ихъ, государямъ своимъ, а между тѣмъ не въ силахъ были и удержать ихъ за собою, католическіе епископы и прелаты старались убѣдить своихъ чадъ покориться тому же игу папства и потому преставляли папу, какъ источникъ всякаго свѣта и всякой истины, всего добраго, справедливаго и прекраснаго, внѣ общенія съ которымъ (папою) только зло, беззаконіе, безобразіе, тьма и ложь. Вотъ коротенькая характеристика всей современной епископской литтературы, особенно брошюръ о предстоящемъ соборѣ!

Правда, явилось уже нѣсколько сочиненій, гораздо лучшихъ, объ этомъ предметѣ, хотя также католическихъ авторовъ, но гораздо лучшихъ и съ совершенно

инымъ направленіемъ. Но они писаны не епископами и почти всѣ, тотчасъ по своемъ появленіи, попали въ index, или ожидаютъ этого; между тѣмъ какъ самыя жалкія издѣлія епископовъ усерднѣйшимъ образомъ рекомендуются вѣрующимъ. Недавно появилось сочиненіе подъ заглавіемъ „*Предстоящій вселенскій соборъ и истинныя потребности церкви. Слово ко всѣмъ истиннымъ христіанамъ духовнымъ и свѣтскимъ. Іена* 1869" (¹). Оно принадлежитъ одному католическому духовному лицу, которое, къ сожалѣнію, не могло назвать себя по имени. Это показываетъ, что нѣтъ недостатка и въ католикахъ, которые очень хорошо сознаютъ потребности своей церкви, но не всегда могутъ говорить изъ-за своихъ епископовъ. Это сочиненіе заслуживаетъ, чтобы его перевели на всѣ языки, и мы думаемъ оказать почтеннымъ читателямъ небольшую услугу, помѣстивши здѣсь нѣкоторыя извлеченія изъ него.

„Среди измѣнчиваго теченія всемірной исторіи", говоритъ ученый католикъ (стр. II), „прошла церковь свои разнообразные фазисы. А теперь развѣ она достигла уже совершенства и законченности? Нѣтъ, церковь теперь дальше отъ этой цѣли, чѣмъ когда-либо. Если же, то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, какой-нибудь благочестивый христіанинъ, въ простотѣ вѣры, или какой-нибудь властелинъ въ іерархіи, въ самодовольномъ чувствѣ собственнаго достоинства и славы, видитъ состояніе церкви въ розовомъ свѣтѣ, то можно только сожалѣть о близорукости и слѣпотѣ того и другаго". Этотъ римскій католикъ очевидно далекъ отъ того,

(¹) Das nächste allgemeine Concil und die wahren Bedürfnisse der Kirche. Ein Wort an alle wahren Christen geistlichen und weltlichen Standes. Wenigen-Jena 1869.

чтобы свою церковь считать идеаломъ совершенства и святости, къ которой должны примкнуть всѣ люди, подъ опасеніемъ лишиться спасенія души. Онъ хочетъ, чтобы въ предстоящемъ соборѣ приняли участіе особенно христіанские государи, въ лицѣ своихъ представителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и всѣ образованные міряне, совершенно какъ въ первые вѣка христіанства, были допущены къ заявленію своихъ желаній и потребностей, потому что на истинно вселенскомъ христіанскомъ соборѣ должны имѣть своихъ представителей также и *всѣ* христіане. Но всего нужнѣе, чтобы соборъ былъ независимъ и чтобы поэтому никакая отдѣльная нація, напримѣръ, романская, не управляла другими, какъ на тридентинскомъ, который, съ самаго начала своего и до окончанія былъ лишь орудіемъ папской власти, и на которомъ не могъ быть даже допущенъ къ обсужденію ни одинъ вопросъ, пока онъ не былъ предложенъ папскими легатами, или пока о немъ предварительно не были взяты инструкціи изъ Рима! Какая тутъ была возможна реформа, когда единственнымъ судіею на соборѣ была именно та сторона, которая всего болѣе нуждалась въ реформѣ. Поэтому авторъ всѣмъ членамъ предстоящаго собора внушаетъ: „здѣсь долженъ господствовать духъ свободы и братской любви. Гдѣ есть властолюбіе съ одной стороны и рабское настроеніе съ другой, тамъ нѣтъ Духа Божія; безбоязненно и мужественно оградить эту свободу преимущественно составляетъ вашу задачу, епископы Германіи и Америки! Не дозволяйте связать свободу рѣчи вашей, не допустите, чтобы римскіе монахи и богословы предлагали собору „brevi manu“, только для подписи, совершенно готовые, односторонно редактированные декреты,

безъ возможности изслѣдованій и разсужденій, какъ будто бы вся задача собора состояла только въ томъ, чтобы одобрять принятыя рѣшенія, а не въ томъ, чтобы принимать ихъ!“ Нѣтъ, продолжаетъ благонамѣренный католикъ, на васъ, германскіе мужи—ревнители церкви, наша надежда, наше упованіе! На предстоящемъ соборѣ вы высоко поднимете знамя христіанской свободы и любви, чтобы потомъ не сказать вмѣстѣ съ пророкомъ: „Горе мнѣ, что я молчалъ; я человѣкъ съ устами оскверненными“.

Что же будетъ? Дадутъ ли дѣйствительно католическіе епископы свидѣтельство такого христіанскаго, благороднаго мужества? Навѣрное нѣтъ. Да они и не могутъ этого; для нихъ, признающихъ въ папѣ верховнаго намѣстника Христова, было бы оскорбленіемъ благоговѣнія къ нему, воспротивиться его желаніямъ и требованіямъ. На этомъ пунктѣ должна, со стороны католиковъ, потерпѣть крушеніе всякая серьёзная реформа. Нѣтъ никакой возможности соглашенія и прочихъ церквей съ католицизмомъ, пока существуетъ этотъ догматъ. Главенство папы есть бездонная бочка данаидъ и ни одинъ католическій богословъ не можетъ съ точностью указать, какъ далеко простирается этотъ авторитетъ папы. Нѣкоторые, правда, различаютъ между существенными и несущественными правами, но никто не можетъ точно опредѣлить, что относится къ той и что къ другой категоріи. И именно въ настоящее время католическое епископство такъ порабощено папствомъ, какъ никогда не было: оно совершенно отказалось отъ своихъ правъ. Касательно отношенія епископовъ къ папѣ, выставляется такое ученіе, по которому всѣ некатолическіе епископы уже не могутъ считаться дѣй-

ствительными епископами. Право папы утверждать епископовъ, явившееся только въ 13-мъ вѣкѣ, расширено на столько, что сама епископская власть представляется истекающею только отъ папскаго авторитета. Это ученіе, прямо противорѣчащее всей христіанской древности, совершенно открыто преподается во всѣхъ учебникахъ догматики и каноническаго права. Чего-же, при такомъ положеніи дѣла, ожидать отъ собора? А между тѣмъ, папа осмѣлился пригласить на него даже епископовъ восточной церкви! Но они навѣрное не будутъ на столько раболѣпны, чтобы отказаться отъ своихъ святѣйшихъ правъ и пренебречь своими обязанностями въ угоду папскому властолюбію (¹).

Число всѣхъ членовъ католической іерархіи въ настоящее время простирается по „annuario pontificio" до 981 прелата. Въ томъ числѣ 12 патріарховъ, 138 архіепископовъ, 723 епископа и болѣе 100 епископовъ in partibus. Если считать по націямъ, то тутъ 334 итальянца (изъ нихъ 40 кардиналовъ), потомъ 90 французовъ, 68 испанцовъ, 22 португальца, 77 южноамериканцевъ, 52 сѣвероамериканца, 65 нѣмцевъ (изъ нихъ 45 австрійцевъ, 11 нидерландцевъ), 48 ирландцевъ и англичанъ, 20 въ Турціи и Греціи и еще нѣсколько армянъ, маронитовъ, сирійцевъ, русскихъ (²), поляковъ. Какъ видите, большинство состоитъ изъ итальянцовъ, на которыхъ римская курія можетъ расчитывать безусловно. Тотъ же характеръ имѣлъ уже тридентинскій соборъ. Тамъ было 187 итальянскихъ чле-

(¹) Читателю Хр. Чт. памятны, конечно, отвѣты восточныхъ іерарховъ на адресованное къ нимъ приглашеніе изъ Рима.

(²) Подъ русскими авторъ разумѣетъ, вѣроятно, уніатскихъ епископовъ изъ славянъ.

новъ, а другихъ всѣхъ вмѣстѣ только 93! Да и въ этомъ числѣ было большинство романцевъ, именно: 34 испанца и португальца, и 26 французовъ. Такимъ образомъ тридентинскій соборъ, произносившій отлученіе на весь восточный и протестантскій міръ, былъ на самомъ дѣлѣ только римскимъ помѣстнымъ соборомъ. Тотъ же характеръ, конечно, будетъ имѣть и предстоящій соборъ. Если бы хотѣли опредѣлять число членовъ по числу христіанскаго населенія, то 70 милліоновъ русскихъ должны бы имѣть 70 представителей, 40 милліоновъ германскихъ и англійскихъ протестантовъ—40, 20 милліоновъ германскихъ и австрійскихъ католиковъ — 20, 35 милліоновъ французовъ — 35, 20 милліоновъ испанцевъ и португальцевъ—20 представителей, и т. д. Но Римъ думаетъ совсѣмъ не объ этомъ, а только о возможномъ увеличеніи числа епископовъ, непосредственно преданныхъ его интересамъ, и о томъ, какъ бы удалить и по возможности сдѣлать безвредными всѣхъ остальныхъ. Уже на тридентинскомъ соборѣ, въ противорѣчіе съ прочими вселенскими соборами, не дозволили имѣть представителей тѣмъ изъ епископовъ Франціи и Германіи, которые не могли явиться лично; были рады, напротивъ, что большинство галликанцевъ и недовольныхъ германцевъ осталось въ сторонѣ.

Относительно предметовъ разсужденія на соборѣ, въ интересахъ соединенія христіанства, нѣкоторыми католиками, а особенно авторомъ упомянутаго сочиненія, дѣлаются самыя разумныя предложенія. Именно желаютъ, чтобы папа отрекся отъ свѣтской власти и отъ всякаго вмѣшательства въ свѣтскія дѣла, чтобы онъ отказался отъ права утверждать епископовъ въ ихъ

должности, отъ дарованія разрѣшеній во всѣхъ тѣхъ вопросахъ и пунктахъ, въ которыхъ мѣстные епископы могутъ сдѣлать это гораздо лучше, какъ болѣе знакомые съ обстоятельствами или же имѣющія больше возможности узнать ихъ, нежели римская курія. Потомъ требуютъ отмѣны безбрачія духовенства, отозвавшагося, по свидѣтельству исторіи, вредными послѣдствіями въ политическомъ и нравственномъ отношеніи; при всей великой пользѣ, какую оказало уже, въ продолженіи многихъ столѣтій, монашество въ дѣлѣ распространенія христіанства, наукъ, исполненія христіанской добродѣтели любви къ ближнимъ, распространеніе безбрачія на все духовенство, какъ это видимъ въ римской церкви и только въ ней одной, приноситъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы. Всѣ безпристрастные католики находятъ также, что необходимо поднять научное развитіе клира, причемъ имѣютъ въ виду не столько развитіе отдѣльныхъ наукъ, сколько возбужденіе новаго духа— духа справедливости и любви ко всѣмъ прочимъ христіанамъ, и ослабленіе духа ненависти и фарисейскаго самодовольства. „Итакъ, къ дѣлу, друзья христіанства,— восклицаетъ католикъ, обращаясь къ членамъ своей церкви,—принимайтесь за работу! Вы, члены собора, вы, епископы и священники, примитесь за трудъ возстановленія святилища, разрушеннаго раздоромъ! Если вы и на этотъ разъ не сдѣлаете этого, то соединеніе произойдетъ и помимо васъ. Минуя папу и епископовъ, народы, раньше или позже, сами сдѣлаютъ, правда по своему, то дѣло, которое вы оставили въ пренебреженіи по лѣности, заслуживающей всякихъ проклятій. Но тогда исполнится слово Господне: „Вы соль земли; а когда соль испортится, то она годна только на то, чтобы выбросить ее вонъ на попраніе людямъ“.

Такая серьёзная рѣчь слышится изъ устъ католика! Не утѣшительный ли это знакъ того, что духъ истины и справедливости еще не вымеръ и въ этой церкви? Но отъ собора чего можно ожидать? Будетъ ли онъ дѣйствовать въ такомъ же духѣ Христовомъ, въ духѣ покаянія и смиренія, въ духѣ любви къ братьямъ и сознанія собственныхъ немощей? Или же онъ будетъ думать только о томъ, какъ бы снова укрѣпить и возстановить падающія заставы и полуразвалившіяся стѣны, воздвигнутыя тридентинскимъ соборомъ, и какъ бы, если можно, возвести ихъ еще выше и толще. По всему, что только сдѣлано относительно приготовленій къ собору, и по фарисейскому тону пригласительныхъ посланій къ востоку и протестантамъ, надо къ прискорбію, ожидать послѣдняго. Но Духъ Святый, Котораго Христосъ—Господь поставилъ единою верховною главою Своей Церкви, знаетъ, какъ обратить къ лучшему и это зло и это извращеніе. Всѣ истинно христіанскія сердца отрекутся отъ папства и соединятся съ тѣми, которые, не заявляя притязаній на непогрѣшимость и святость, исповѣдуютъ съ апостоломъ Павломъ: „я еще не достигъ, но стремлюсь". Только въ такомъ исповѣданіи собственной недостаточности и погрѣшимости, въ такомъ сознаніи необходимости постояннаго очищенія и обновленія заключается залогъ благословенія и преуспѣянія; между тѣмъ какъ всякая горделивая мечта о своей непогрѣшимости и святости влечетъ за собою проклятіе безплодія и разложенія.

А. П.

ПИСЬМА

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ РЕЛИГІОЗНО-ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

V.

Мадритъ. 10 (22) сентября 1869.

Возбужденное вниманіе къ предстоящему въ Римѣ собору. Отвѣты протестантовъ на папское приглашеніе. Протесты католиковъ противъ собора. Окружное посланіе нѣмецкихъ католическихъ епископовъ. Непріятная для ультрамонтановъ книга франц. епископа Марэ. Конвокація Ирландской церкви. Дѣло епископовъ Испаніи. Замѣчательное письмо отца Іоакинеа.

Съ приближеніемъ времени предстоящаго въ Римѣ собора все болѣе и болѣе не только возбуждается интересъ къ нему, но и поднимаются тревожныя сомнѣнія, не только среди католиковъ, которыхъ соборъ касается болѣе всего, но и среди протестантовъ, которыхъ онъ заставляетъ оглянуться на себя. Каковы бы ни были дѣйствительныя слабости латинской церкви, сколько бы ни говорили о крайнемъ ослабленіи на западѣ религіознаго интереса, но предстоящій соборъ поднимаетъ на ноги всѣхъ: въ немъ всѣ видятъ весьма важное событіе, хотя и не всѣ смотрятъ на него одинаковыми глазами и не всѣ ждутъ отъ него однихъ и тѣхъ же

слѣдствій. Очень не многіе, и кажется не особенно дальновидные, смотрятъ на него съ презрѣніемъ, съ высока, какъ на пустую забаву римской куріи, на которую пожалуй любопытно поглазѣть, но отъ которой ни ждать, которой ни опасаться нечего; но всѣ—одни ждутъ отъ собора усиленія латинской церкви къ пользѣ всего христіанства и человѣчества, другіе опасаются тоже усиленія латинской церкви, но ко вреду народовъ, цивилизаціи, науки и жизни; есть и такіе, и болѣе всего между католиками же, которые съ тревогою ждутъ слѣдствій собора, которые опасаются, что онъ можетъ натолкнуть корабль римской церкви на скалы и разбить его въ дребезги. Однимъ словомъ, какъ бы ни смотрѣли на предстоящій соборъ, какихъ бы слѣдствій ни ожидали отъ него, но въ важности его убѣждены всѣ.

Едва ли не самое наибольшее возбужденіе и наибольшія тревоги, въ виду предстоящаго собора, слышны въ послѣднее время въ Германіи, какъ католической, такъ и протестантской.

Протестанты Германіи, послѣ долгихъ думъ и размышленій, наконецъ отказомъ отвѣтили на папское приглашеніе воспользоваться соборомъ къ изъявленію своей покорности римской церкви,—на приглашеніе, на которое, еслибы они хотѣли остаться вѣрными себѣ и еслибы они въ этомъ соборѣ видѣли ничтожное событіе, они бы могли и должны были отвѣтить презрительнымъ молчаніемъ. Но они сдѣлали даже больше: въ своихъ отвѣтахъ они откровенно признаются въ своей слабости и признаютъ преимущественную и даже угрожающую имъ силу церкви латинской.

Мы имѣемъ два такихъ отвѣта. Одинъ принадлежитъ

собранію протестантовъ въ Ворисѣ. Отвѣтъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ выражаетъ собою свободное, чуждое всякаго оффиціальнаго характера и, можетъ быть, господствующее мнѣніе протестантской Германіи о своемъ исповѣданіи и объ отношеніи его къ римской церкви. 31-го мая собрались въ Ворисѣ протестанты, принадлежащіе къ такъ называемому *Protestantenverein*, тому богословскому направленію, во главѣ котораго стоитъ извѣстный Шенкель и которое хотѣло бы видѣть въ Германіи одну раціоналистическую церковь—если только слово раціоналистическая ладится съ словомъ церковь—чуждую всякихъ традицій, даже традицій строгаго лютеранизма Пруссіи. Цѣль собранія была дать отвѣтъ на папское приглашеніе. Конечно, вы помните, что въ Ворисѣ, родинѣ протестантизма, который, впрочемъ, къ немалому удивленію протестантовъ, въ настоящее время насчитываетъ между своими жителями больше католиковъ, чѣмъ протестантовъ, въ іюлѣ прошлаго года былъ открытъ великолѣпный памятникъ Лютеру. Тѣмъ интереснѣе было теперь слышать отвѣтъ на папскій зовъ отъ подошвы памятника Лютеру, изъ колыбели протестантизма, откуда раздался первый протестъ противъ папской лжи. Болѣе чѣмъ чрезъ три вѣка отрицаній родилось ли что-нибудь изъ этого протеста положительное?... Шенкель еще осенью отвѣтилъ на папское приглашеніе особой брошюрой, съ содержаніемъ которой въ свое время мы познакомили читателей. Глава *протестантскаго единенія*, съ негодованіемъ протестуя тогда противъ папскаго приглашенія, признавался однакоже, что протестантизмъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ элементовъ противостоять крѣпости организаціи латинской церкви, что въ протестантизмѣ все слабость, а въ

католицизмъ всё сила и сила превозмогающая, что протестантизмъ можетъ противустоять католицизму только тогда, когда въ немъ не будетъ раздоровъ и будетъ аналогическая по крѣпости организація, т. е. по существу дѣла протестанты могутъ протестовать противъ папы только словами, ожидая дѣла впереди отъ протестантизма реорганизованнаго по образцу, едва ли извѣстному и имъ самимъ. Тоже самое выразилось и въ отвѣтѣ, который дало собраніе Ворса,—отвѣтѣ, формулированномъ тѣмъ же Шенкелемъ. Вотъ нѣкоторыя подробности о собраніи.

Любопытныхъ и участниковъ собранія изъ разныхъ городовъ Германіи къ 31 мая стеклось около 20,000 человѣкъ: цифра почтенная, показывающая, что въ Германіи еще весьма и весьма интересуются религіозными дѣлами. Собраніе было открыто молитвой, послѣ которой пасторъ Бриглебъ высказалъ благожеланіе: „да дастъ Господь нѣмецкой націи нѣмецкую церковь"! Главная роль въ собраніи, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежала Шенкелю: онъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой изложилъ причины, по которымъ протестанты должны отвѣтить отказомъ на апостольское (sic) посланіе папы. „Римъ, говорилъ онъ, не принялъ аугсбургскаго исповѣданія, которое есть истинное основаніе религіознаго мира. Теперь папа имѣетъ въ Германіи только одну цѣль: сѣять вражду и уничтожить гражданственность (das Bürgerthum-противоположность іерархической организаціи церкви). Этимъ тенденціямъ нужно противопоставить нѣмецкую церковь (общину). Народъ протестантскій долженъ организоваться и тогда на гордый зовъ Рима мы можемъ дать отвѣтъ истинно нѣмецкій, который будетъ повтореніемъ протеста нашихъ отцовъ.

Шенкель не имѣлъ смѣлости высказать вѣру и увѣренность въ настоящій протестантизмъ: онъ ждетъ чего-то отъ протестантизма будущаго. Основать церковь безъ церковныхъ элементовъ, какъ мечтаетъ Шенкель, конечно вещь невозможная. Организація протестантизма, расползающагося врозь,—что съ горечью признаетъ самъ Шенкель въ упомянутой брошюрѣ,—тоже, кажется, не сбыточная мечта. Протестанты, отворачиваясь отъ Рима, боясь его силы, ищутъ чего то, ищутъ силы же, чтобы противодоставить ее силѣ. Гдѣ-то они найдутъ эту силу?.. По окончаніи своей рѣчи, ораторъ предложилъ слѣдующія пять рѣшеній:

1) „Мы, протестанты, собравшіеся въ Вормсѣ, побуждаемся нашею совѣстію, впрочемъ, признавая на это право и за католиками, съ которыми хотимъ жить въ мирѣ, убѣжденные въ религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ и общественныхъ благодѣяніяхъ реформы, которою мы пользуемся, публично и торжественно протестуемъ противъ посягательства, выраженнаго въ апостольскомъ (sic) посланіи отъ 13 октября, приглашающемъ насъ вступить въ лоно римско-католической церкви.

2) „Всегда готовые соединиться съ нашими со-христіанами на основаніи чистаго Евангелія, мы съ тою же энергіею, какъ это было сдѣлано 350 лѣтъ тому назадъ, устами Лютера въ Вормсѣ же и устами нашихъ отцовъ въ Спеерѣ, протестуемъ противъ всякаго іерархическаго и священническаго опекунства, противъ всякаго стѣсненія умовъ и совѣстей, и особенно противъ началъ, гибельныхъ для государствъ и цивилизаціи, выраженныхъ въ папской энцикликѣ 8 декабря 1864 г. и въ приложенномъ къ ней Силлабусѣ“.

3) „При подножіи памятника Лютеру, отсюда мы простираемъ руки нашимъ согражданамъ и сохристіанамъ католикамъ, предлагая имъ единеніе на основаніи христіанскаго духа, общаго намъ всѣмъ, на основаніи нѣмецкихъ чувствъ и новѣйшей цивилизаціи. Надѣемся, что они соединятся съ нами, чтобы защитить наши высшія національныя и умственныя блага, которымъ угрожаетъ опасность изъ Рима, и что они вмѣстѣ съ нами возстанутъ на борьбу противъ общаго врага религіознаго мира, національнаго единства и свободнаго развитія цивилизаціи.

4) „Главною причиною религіознаго раскола, который мы оплакиваемъ, мы считаемъ іерархическія заблужденія, особенно духъ и дѣятельность ордена іезуитовъ, который всячески преслѣдуетъ протестантизмъ, стѣсняетъ всякую свободу ума, извращаетъ новѣйшую цивилизацію и управляетъ въ настоящее время католическою церковію. Христіанство возвратится къ миру и будетъ безпрепятственно служить благосостоянію народовъ только тогда, когда съ энергіей отвергнетъ іерархическій захватъ, обновленный съ 1815 г., возвратится къ чистому Евангелію и признаетъ завоеванія цивилизаціи.

5) „Наконецъ, мы объявляемъ, что всѣ тенденціи утвердить въ нѣдрахъ протестантизма іерархическую власть клира и исключительное царство догматовъ суть— отрицаніе протестантскаго духа и поэтому—мосты, которые ведутъ къ Риму. Убѣжденные, что холодность и индифферентизмъ большей части протестантовъ имѣютъ результатомъ возрастаніе силы церковной реакціонной партіи и въ одной изъ самыхъ могущественныхъ нѣмецкихъ странъ (намекъ на Пруссію) служатъ самымъ

главнымъ препятствіемъ къ національному и церковному обновленію, мы увѣщаваемъ всѣхъ нашихъ братій въ вѣрѣ бодрствовать, быть въ единеніи, защищаться противъ тенденцій, которыя угрожаютъ свободѣ ума и совѣсти".

По прочтеніи этого предложенія, начались о немъ разсужденія. Одинъ пасторъ изъ Мангейма, г. Шелленбергъ произнесъ сильную рѣчь противъ іезуитовъ. За этимъ слѣдовала рѣчь профессора изъ Берлина, г. Гольцендорфа, который настаивалъ, что нужно самаго папу пригласить къ соединенію съ протестантами. Это показалось не то шуткой, не то уже слишкомъ смѣлымъ. Наконецъ, одинъ ораторъ изъ Австріи, г. Гаасе потребовалъ простаго принятія предложеній Шенкеля, что и было сдѣлано. Пѣснь Лютера Ein feste Burg ist unser Gott и проч. закончила засѣданіе.

Другой отвѣтъ вышелъ изъ строго-лютеранской Пруссіи и данъ *евангелическимъ нѣмецкимъ синодомъ*. Онъ появился въ газетахъ только въ началѣ текущаго мѣсяца. Онъ снисходительнѣе относится къ папѣ, но тоже мало даетъ чувствовать вѣру протестантовъ въ твердость своего исповѣданія. Вотъ его текстъ.

„То, что главу римско-католической церкви, говоритъ въ своемъ отвѣтѣ нѣмецкій евангелическій синодъ, обстоятельства заставили созвать соборъ—это, конечно, касается ея одной и ни мало не относится къ нашей церкви протестантской. Но самый этотъ фактъ намъ, евангелическимъ еретикамъ, внушаетъ желаніе, чтобы папа, наконецъ, призналси въ несовершенствахъ своей церкви и такимъ образомъ содѣйствовалъ христіанскому единенію, которое возможно только въ истинѣ.

„Но духъ исключительности различныхъ церквей и

недостатокъ церковнаго между-исповѣднаго (?) права заставляетъ насъ сомнѣваться въ исполненіи нашего желанія. Впрочемъ, мы не перестанемъ его выражать, убѣжденные, что когда нибудь, хотя бы этого пришлось долго ждать, но это несомнѣнно, наше желаніе исполнится.

„Въ настоящій разъ папа недовольствуется только созваніемъ своихъ епископовъ; онъ отнесся также и къ церквамъ реформированнымъ. Если бы въ своей энцикликѣ онъ ограничился только выраженіемъ желанія достигнуть соборомъ примиренія христіанскихъ церквей, его призывъ мы сочли бы за спасительный актъ, который мы не могли бы не одобрить. Но онъ сталъ на иную почву и заявилъ претензіи, о которыхъ необходимо объясниться ясно и точно.

„Верховный первосвященникъ относится къ намъ своимъ пастырскимъ авторитетомъ, который ему будто бы довѣренъ нашимъ Господомъ, Іисусомъ Христомъ, и который будто распространяется на все христіанство. Мы не признаемъ этого авторитета, потому что онъ противорѣчитъ идеѣ, которую мы имѣемъ о христіанствѣ. Къ вѣрящимъ въ этотъ божественный авторитетъ папства долженъ быть обращенъ голосъ того, кого они считаютъ носителемъ этого авторитета.

„Но относясь къ намъ, папа хочетъ распространить свои права и на евангелическую церковь, онъ отрицаетъ законность нашего исповѣданія и даетъ нашимъ протестаціямъ характеръ нарушенія порядка вещей, установленнаго Іисусомъ Христомъ.

„А именно воля Господа намъ и повелѣваетъ не признавать главою церкви папу, который выдаетъ себя за поставленнаго Самимъ Богомъ. Мы принимаемъ вмѣстѣ

съ Лютеромъ члены Шмалькальдена, которые отрицаютъ божественное право папства и признаютъ за нимъ только епископскую власть надъ церквами Рима и тѣми, которыя захотятъ подчиняться его приказаніямъ.

„Претензіи, которыя онъ заявляетъ въ энцикликѣ, имѣютъ мало основанія. Авторъ ихъ требуетъ отъ насъ простаго и безусловнаго возвращенія въ римско-католическую церковь, олицетворяемую въ папѣ, и видитъ въ этомъ возвращеніи простой знакъ повиновенія повелѣніямъ Христа, а вмѣстѣ и единственное для насъ средство спасенія отъ угрожающихъ намъ опасностей. Едва-ли нужно говорить, что въ подобномъ смыслѣ адресованное намъ приглашеніе не можетъ быть принято ни въ какомъ случаѣ, потому что мы всею душею привязаны къ евангелическимъ учрежденіямъ, даннымъ намъ реформою.

„Мы ничего не знаемъ ни о какомъ учрежденіи, установленномъ Христомъ, ни о какой церковной монархіи, основанной будто св. Петромъ, которыя будто послѣ нихъ достались въ управленіе епископамъ Рима.

„Подобныя учрежденія мало говорятъ о чистотѣ христіанскаго ученія. Одно только развитіе идей Лютера можетъ уничтожить несовершенства, которыя чувствуются даже и въ церкви реформированной. Мы твердо положили себѣ защищать и сохранять, съ помощію Господа, для нашего блага и блага всего человѣчества, священное наслѣдіе реформаціи. Свѣтъ Евангелія никогда не можетъ быть теперь снова скрытъ отъ глазъ народа".

Какъ не трудно замѣтить, отвѣтъ этотъ отличается нѣкоторою сухостію, въ немъ нѣтъ той сердечной искренности, которая чувствуется въ протестѣ собранія

протестантовъ въ Вормсѣ. И это неудивительно: это отвѣтъ собственно оффиціальной церкви Пруссіи. Но въ существѣ дѣла онъ говоритъ то же самое: отрицаясь папства, онъ говоритъ объ истинѣ, въ которой только и возможно единеніе, но истину онъ считаетъ также мало достояніемъ протестанства, какъ и папства. Недостатки или несовершенства не чужды теперешнему протестантству, свобода отъ нихъ ожидается впереди...

Еще любопытнѣе то движеніе, которое по поводу собора поднялось въ Германіи между самими католиками. Центромъ его служитъ католическій Мюнхенъ, но оно раздается по всей Германіи; оно бьетъ тревогу, что предстоящій соборъ готовится провозгласить догматы, не имѣющіе основанія ни въ Писаніи, ни въ церковномъ преданіи, и утвердить начала, опасныя для государствъ, цивилизаціи и науки. Движеніе это до того сильно и показалось до того опаснымъ, что на него обратили самое серьёзное вниманіе даже въ Римѣ, а въ самой Германіи католическіе епископы были принуждены собраться въ общее собраніе и обнародовать окружное посланіе къ успокоенію встревоженныхъ умовъ и совѣстей.

Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ баварскій министръ, князь *Hohenlohe* обратился ко всѣмъ правительствамъ циркуляромъ, предлагая коллективно принять мѣры противъ рѣшеній предстоящаго собора, могущихъ быть вредными для государствъ и цивилизаціи. Но правительства другихъ странъ уже тѣмъ, что не слишкомъ поспѣшили своими отвѣтами, показали, что они не принимаютъ къ сердцу его предложенія. То, что этотъ дипломатическій походъ начинался не однимъ изъ первостепенныхъ государствъ, не обѣщало ему успѣха; да

и дѣло само таково, что въ настоящее время едва ли можно дѣйствовать въ подобныхъ дѣлахъ дипломатіей. Если отъ дипломатіи въ настоящее время нерѣдко ускользаютъ и вопросы политическіе, то что же она можетъ сдѣлать въ вопросахъ религіозныхъ? Благовидный, впрочемъ, предлогъ не принять предложеніе баварскаго министра заключался въ преждевременности принимать какія-бы то ни было мѣры противъ еще не состоявшагося собора. Намъ извѣстны теперь отвѣты правительствъ Австріи, Пруссіи и Швейцарскаго союза: сущность всѣхъ ихъ одинакова: они говорятъ, въ нашихъ-де рукахъ есть сила противостать какимъ-бы то ни было вреднымъ рѣшеніямъ собора, если только они будутъ посягательствомъ на права государства, но принимать какія-нибудь мѣры противъ несостоявшихся еще рѣшеній неблагоразумно.

Однимъ словомъ, дипломатическій походъ баварскаго министра не удался. Гораздо удачнѣе и практичнѣе былъ другой способъ, избранный баварскимъ правительствомъ для того, чтобы заявить свое мнѣніе о предстоящемъ соборѣ. Кажется въ маѣ, оно предложило католическому богословскому факультету Мюнхена пять вопросовъ по поводу собора, отвѣты на которые должны были произвести сильнѣйшее впечатлѣніе на общественное мнѣніе не только въ Баваріи, но и во всей католической Германіи, какъ громко заявленныя мнѣнія почтенныхъ представителей католической учености. Я передамъ вамъ эти вопросы и сущность на нихъ отвѣтовъ.

Первый вопросъ. „Если на предстоящемъ соборѣ положенія Силлабуса и непогрѣшимость папы будутъ возведены въ число истинъ вѣры, то какія могутъ прои-

зойти тогда перемѣны въ ученіи объ отношеніи между государствомъ и церковію, какъ оно доселѣ принималось въ Германіи какъ по теоріи, такъ и въ практикѣ?"

Отвѣтъ, „Предположивши, согласно точному смыслу вопроса, что положенія Силлабуса будутъ предложены предстоящему собору въ формѣ декретовъ и рѣшеній къ исполненію, и предположивши, что соборъ, какъ такой, т. е. торжественно приметъ положенія Силлабуса чисто и просто какъ они есть и отвергнетъ, поэтому, все что отвергнулъ папа, тогда конечно вещь возможная, что въ доселѣ существовавшихъ отношеніяхъ между церковію и государствомъ произойдутъ значительныя перемѣны. Мы говоримъ, что вещь возможная потому, что извѣстная доселѣ только чисто отрицательная редакція положеній Силлабуса не дозволяетъ произнести научнаго сужденія о всемъ объемѣ смысла нѣкоторыхъ изъ нихъ, и во всякомъ случаѣ такое сужденіе стоитъ въ зависимости отъ пониманія и истолкованія этихъ положеній въ ихъ настоящемъ смыслѣ, на что съ 1864 г. еще не дано никакого несомнѣнно *автентнаго* (т. е. церковію еще не указано настоящее ихъ пониманіе, хотя объясненій ихъ въ томъ и другомъ смыслѣ было много) заявленія. Конечно, есть поводъ предполагать, что положенія Силлабуса будутъ представлены собору въ формѣ положительной и поэтому будутъ поставлены въ болѣе точные предѣлы. Тогда это будетъ дѣло мудрости собора — и въ этомъ на него можно положиться—принять достаточныя предосторожности, чтобы, сообразно съ юридическими отношеніями государствъ и странъ, которыхъ епископы явятся на соборъ, форма, которую онъ дастъ положеніямъ Силлабуса, не послужила причиною безполез-

ныхъ столкновеній, которыхъ легко бы можно было избѣжать, — столкновеній между его рѣшеніями и совѣстію католиковъ, съ одной стороны, и учрежденіями, основанными на правѣ и законахъ гражданскаго общества, съ другой“.

Чтобы доказать, что столкновенія эти возможны, факультетъ для примѣра въ своемъ отвѣтѣ цитуетъ нѣкоторыя страницы изъ сочиненія іезуита Климента Шрадера, которое издано въ 1865 году въ Вѣнѣ, подъ заглавіемъ: *Папа и новѣйшія идеи.* Въ этомъ сочиненіи положенія Силлабуса формулированы такъ, что въ такомъ смыслѣ ихъ уже не оказывается возможности примирить съ учрежденіями различныхъ новѣйшихъ государствъ. Сочиненію этому придаютъ особенную важность потому, что самъ іезуитъ Шрадеръ въ настоящее время находится въ Римѣ и принимаетъ участіе въ приготовительныхъ работахъ къ собору; къ тому же его книга издана съ приложеніемъ одобрительнаго письма самаго папы.

Второй вопросъ. „Въ предположенномъ выше случаѣ публичные профессоры догматики и каноническаго права будутъ ли обязаны представлять ученіе о божественной верховности папы надъ монархами и правительствами связующимъ совѣсть всего христіанства, столько же въ прямой, сколько и не прямой власти папы надъ временными вещами?“

Отвѣтъ. „Ученіе о непогрѣшимости папы, на сколько оно будетъ членомъ вѣры, естественно составитъ фундаментальное и непосредственное основаніе внутренней конституціи церкви въ ея области духовной; но съ точки зрѣнія отношеній церкви и государства оно имѣетъ только посредственное значеніе...

„Что касается слѣдствій, которыя могутъ выходить изъ ученія о непогрѣшимости папы и папской верховности по божественному праву надъ монархами и правительствами, то многіе богословы, какъ-то: Картье, Боссюетъ, Маріана и пр. доказывали, что непогрѣшимость папы существуетъ только въ области духовной. Противоположно этому учила школа италіанскихъ іезуитовъ, представляемая Беллярминомъ, Бекніемъ, Сфондрати и пр., которые учили, что временная верховность папы неразрывно связана съ его духовною непогрѣшимостію. Послѣднее ученіе имѣетъ за себя папъ: Григорія VII, Григорія IX, Иннокентія III, Иннокентія IX, Бонифація VIII, Іоанна XXII, Льва X, Павла IV и Пія V. Но въ какихъ предѣлахъ папа долженъ пользоваться своею временною верховностію? — большая часть богослововъ объ этомъ умалчиваетъ. Беллярминъ и его послѣдователи склоняются къ тому, что это-де зависитъ отъ доброй воли папы.

„Поведеніе въ этомъ случаѣ профессоровъ догматики и каноническаго права не можетъ быть опредѣлено прежде, чѣмъ дѣло еще не рѣшено соборомъ. Когда соборъ произнесетъ свое рѣшеніе, тогда только начнется работа экзегиса, изложенія и проч. и профессоры каноническаго права, конечно, должны будутъ принять въ этомъ участіе. Тѣ изъ нихъ, которые облечены церковнымъ саномъ, должны ждать для этого инструкцій отъ своихъ епископовъ“.

Третій вопросъ. „Профессоры догматики и каноническаго права считаютъ ли себя непосредственно обязанными принять въ свои лекціи и свои сочиненія ученіе, что личныя и церковныя привиллегіи даны клиру по божественному праву, т. е. принадлежатъ къ области вѣры?“

Отвѣтъ. „Если предложенія Силлабуса, относящіяся къ преимуществамъ клира, будутъ рѣшены соборомъ положительнымъ и утвердительнымъ образомъ, то они, конечно, будутъ противорѣчить ученію о чисто-гражданскомъ происхожденіи этихъ преимуществъ. Таково постоянное ученіе каноническаго права. Папа только иногда можетъ дозволить практическую неприменимость извѣстныхъ привиллегій, принимая во вниманіе обстоятельства времени".

Четвертый вопросъ. „Существуютъ ли всеобще признанные *критеріи* (criteria), которые бы дозволяли судить съ достовѣрностію, что такое-то опредѣленіе произнесено папою *ex cathedra*, т. е. поэтому, сообразно съ ученіемъ, которое можетъ провозгласить предстоящій соборъ, такое-то опредѣленіе должно считаться непогрѣшимымъ и обязательнымъ для совѣсти всякаго христіанина? Если существуютъ эти критеріи, то какіе они"?

Отвѣтъ. „Всеобще признаннаго критерія, по которому бы можно было судить съ достовѣрностію, что такое-то опредѣленіе папы сдѣлано имъ *ex cathedra*, не существуетъ. У богослововъ, которые поддерживаютъ ученіе, о которомъ идетъ рѣчь, насчитывается около двадцати различныхъ предположеній объ условіяхъ, необходимыхъ для рѣшенія *ex cathedra*. Изъ всѣхъ этихъ весьма различныхъ и часто совершенно противоположныхъ теорій или предположеній доселѣ еще не отдано предпочтенія ни одному: всѣ они оспариваются значительнымъ числомъ богослововъ. Кажется, что если вселенскій соборъ провозгласитъ опредѣленіе о непогрѣшимости папы, онъ долженъ въ то же время опредѣлить идею рѣшеній его *ex cathedra*, потому что иначе

это опять останется въ неизвѣстности и будетъ предметомъ споровъ.“

Пятый вопросъ. „До какой степени вновь проектированные догматы и вытекающія изъ нихъ необходимыя слѣдствія могутъ имѣть измѣняющее вліяніе на обученіе народа въ церкви и школѣ и на книги народнаго обученія, катихизисы и проч?“

Отвѣтъ. „Очевидно, книги народнаго обученія, именно катихизисы, должны быть измѣнены, если непогрѣшимость папы будетъ возведена въ рядъ всеобщаго ученія церкви, открытаго Богомъ. Въ катихизисахъ, бывшихъ доселѣ въ употребленіи въ Баварскомъ королевствѣ, есть только вопросъ о непогрѣшимости *учащей власти* церкви и говорится такъ, что эта власть принадлежитъ вмѣстѣ папѣ и епископамъ въ ихъ общеніи между собою, и что ихъ рѣшенія главнымъ образомъ провозглашаются вселенскими соборами (Катихизисы: Аусбурга, Бамберга, Вюрцбурга и проч.). Впрочемъ, то правда, что катихизисъ іезуита Гарбы, введенный во многихъ діоцезахъ, содержитъ уже иное ученіе; въ немъ говорится: „учащая власть церкви даетъ свои рѣшенія или чрезъ папу или чрезъ соборъ, утвержденный папой“. Здѣсь очевидно намѣреніе, вопреки прежде бывшимъ въ Германіи въ употребленіи катихизисамъ, перенести непогрѣшимость всецѣло и исключительно на папу.

„Такимъ образомъ, въ этомъ пунктѣ измѣненіе въ катихизисахъ будетъ неизбѣжно. Въ случаѣ, если собравшіеся епископы примутъ этотъ догматъ, то народу въ учебныхъ книгахъ нужно вполнѣ ясно говорить, что весь авторитетъ и вся непогрѣшимость въ дѣлѣ вѣры всецѣло присутствуютъ въ лицѣ папы и что его рѣ-

шенія, поэтому, непогрѣшимы, будутъ ли они даны имъ одиимъ, или въ соединеніи съ большимъ или меньшимъ числомъ совѣтниковъ".

Можетъ быть, кому нибудь изъ нашихъ читателей кое-что покажется не совсѣмъ яснымъ, какъ въ вопросахъ, такъ и въ отвѣтахъ мюнхенскаго богословскаго факультета. Но не нужно забывать, что рѣчь идетъ здѣсь о предметахъ еще не рѣшенныхъ и не ясныхъ самихъ по себѣ: неопредѣленность, какъ въ вопросахъ, такъ и въ отвѣтахъ, тутъ весьма естественна. Папа есть непогрѣшимый глава церкви; но онъ человѣкъ и какъ человѣкъ погрѣшимъ—это признаютъ сами католики. Когда же онъ непогрѣшимъ? Когда говоритъ *ex cathedra*. Если не принять въ буквальномъ смыслѣ перемѣщенія папы на какую-то каѳедру, которая бы давала ему свойство говорить непогрѣшимо, которая бы, поэтому, получала свойство непогрѣшимости вмѣсто папы, то невозможно отдѣлить папу погрѣшимаго отъ папы непогрѣшимаго. Если принимать каѳедру, какъ папство, тогда папа, какъ папа, будетъ непогрѣшимъ всегда, и что тогда онъ будетъ говорить всегда съ каѳедры. Другое ученіе: папа верховный и непогрѣшимый глава церкви и всѣхъ католиковъ, но только въ вещахъ духовныхъ. А отъ духовныхъ вещей стоятъ въ зависимости вещи временныя; стало быть папа есть глава въ вещахъ временныхъ и стало быть онъ имѣетъ власть надъ государями и правительствами. Но прямую ли власть, или не прямую? Теорія о прямой и не прямой власти папы надъ государями развивается до нелѣпостей въ іезуитскихъ религіозно-политическихъ трактатахъ. Тутъ утверждаютъ: верховная власть папы не опасна государямъ, потому что она распростирается

только на духовныя вещи и только не прямымъ образомъ на вещи временныя; верховная власть папы — выше всякой другой власти, потому что временный порядокъ вещей подчиненъ духовному и проч. Во всемъ этомъ понятно только одно: утвержденіе непогрѣшимой верховности папы; но когда начнутъ опредѣлять и объяснять эту непогрѣшимую верховность, тогда заходятъ въ такую бездну тумана и противорѣчій, что не разберешь ничего и незнаешь на чемъ и остановиться. На эту-то бездну противорѣчій, на этотъ-то туманъ, который соборъ хочетъ не разсѣять, а только прикрыть утвердительными положеніями, и указываютъ, какъ вопросы баварскаго правительства, такъ и отвѣты богословскаго факультета Мюнхена. Для послушныхъ сыновъ латинской церкви, или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которые хотятъ казаться такими, рѣшеніе, ясно формулированное папой, недопускаетъ ни сомнѣній, ни возраженій; только можно подъискивать доказательства для его утвержденія, а если таковыхъ не найдется, то принимать его просто такимъ, какимъ оно дается. Вопросъ, нерѣшенный папой, для католика допускаетъ въ себѣ всѣ противорѣчія, всю темноту, которая ему можетъ быть свойственна, но тотъ же вопросъ, оставшійся съ тѣми же качествами, но рѣшенный папой, уже становится для него яснымъ и опредѣленнымъ лишь потому, что онъ не хочетъ видѣть для него иного разъясненія и утвержденія, кромѣ авторитета папы. Это несомнѣнная особенность, которую вы встрѣтите на каждомъ шагу, не въ литературѣ и школахъ, но въ личныхъ сношеніяхъ съ католиками, я говорю объ искреннихъ католикахъ: они могутъ дозволить съ вами разсужденія и споры о какомъ нибудь темномъ не рѣ-

шенномъ папой вопросѣ, и при всѣхъ съ вашей стороны доказательствахъ, при всей повидимому убѣдительности приводимыхъ вами contra доводовъ, въ заключеніе вы услышите отъ нихъ одно: *но такъ учитъ Римъ*. По отношенію къ проектированнымъ рѣшеніямъ предстоящаго собора, совѣсть католическаго общества еще не связана никакимъ авторитетомъ; общественное мнѣніе католиковъ объ этихъ рѣшеніяхъ можетъ, поэтому, выражаться беспрепятственно. Вся цѣль дѣла, затѣяннаго баварскимъ правительствомъ, и состоитъ именно въ томъ, чтобы заблаговременно испытать общественное мнѣніе католиковъ и даже поискать въ немъ возможности отклонить угрожающія рѣшенія предстоящаго собора. И если баварскому правительству не удался дипломатическій походъ противъ собора, то ему, какъ нельзя лучше удалось возбудить противъ него общественное мнѣніе католиковъ Германіи.

Оффиціальный актъ баварскаго правительства не остался одинокимъ. Въ нѣмецкой литературѣ появилось множество брошюръ, въ журналахъ множество статей, которыя забили тревогу въ виду тѣхъ опасностей, которыми грозитъ соборъ въ своихъ проектированныхъ рѣшеніяхъ. И эти брошюры, и эти статьи принадлежатъ не врагамъ католицизма, протестантамъ, но католикамъ и нерѣдко даже католическимъ священникамъ. Таковы замѣчательныя статьи: въ *Historische und politische Blätter* подъ заглавіемъ: *Вселенскій соборъ, его защитники и его приверженцы*; въ *Майнцкомъ журналѣ*: *Вселенскій соборъ и научное нѣмецкое богословіе*. Но особенно глубокое впечатлѣніе, какъ на католически-ученый міръ, такъ и на католическое общество Германіи, произвелъ рядъ мастерски писанныхъ писемъ о соборѣ,

печатавшихся въ Аугсбургской газетѣ *Allgemeine Zeitung*, которыя потомъ были изданы въ особой книгѣ подъ заглавіемъ: *Papa und Concil* съ псевдонимомъ Януса (¹). Вотъ существенныя мысли этихъ писемъ: „При папской системѣ, которая смотритъ на епископовъ, какъ на подчиненныхъ и отвѣтственныхъ агентовъ папы, которая изобрѣла *ordinarius ordinariorum*—непогрѣшимаго рѣшителя въ дѣлѣ вѣры, которая обязываетъ епископовъ клятвою поддерживать, защищать, благопріятствовать всѣми способами и распространять права, почести, привиллегіи и авторитетъ ихъ государя—папы, истинный соборъ въ существѣ дѣла вещь невозможная. Епископы сами не могутъ считать себя свободными членами свободнаго собора, а христіанскій міръ не можетъ признать за ними этого качества, ни считать ихъ отвѣтственными въ рѣшеніяхъ и отрицаніяхъ предстоящаго собора, которыя вовсе не будутъ зависѣть отъ нихъ. Истинная и совершенная свобода для каждаго, отсутствіе всякаго нравственнаго давленія, всякой боязни, всякаго пристрашенія и всякой угодливости—вотъ чего требуетъ самая сущность собора. Собраніе людей, которые напередъ представили клятву повиновенія, которыхъ должна давить боязнь подвергнуться, вмѣстѣ съ неблагорасположеніемъ римской куріи, страшнымъ укоризнамъ въ клятвопреступленіи, которымъ ставятъ самое неодолимое препятствіе къ исполненію ихъ долга, такое собраніе нельзя считать свободнымъ особенно по

(¹) Эта книга появилась въ продажѣ и въ С.-Петербургѣ; вотъ ея полное заглавіе: Der Papst und das Concil, von Janus. Eine weiter ausgefürste und mit den Quellennachweis versehene Neubearbeitung der in der Augsburger Allgemeiner Zeitung erschienenen Artikel: das Concil und die Civilta. Leipzig 1869.

отношенію ко всѣмъ вопросамъ о власти и претензіяхъ святаго престола, т. е. по отношенію почти ко всѣмъ вопросамъ, которые будутъ предложены на предстоящемъ соборѣ. Во времена отдаленныя, когда папы были еще не въ состояніи оказывать вліянія давленія и застращиванія на синоды, императоры иногда компрометировали свободу соборовъ; но начиная съ папы Григорія VII тяжесть папской власти оказываетъ на соборы въ десять разъ большее давленіе, чѣмъ каково было давленіе власти императорской. Въ XVI вѣкѣ половина Европы вполнѣ имѣла право требовать, чтобы соборъ не былъ въ Римѣ, даже, чтобъ онъ не былъ въ Италіи и чтобы епископы были освобождены отъ клятвы повиновенія папѣ. Относительно же будущаго собора, который соберется не только въ Италіи, но даже въ Римѣ, уже извѣстно, что онъ будетъ продолженіемъ и двойникомъ пятаго собора въ Латеранѣ (въ Римѣ). Т. е. каковъ бы ни былъ ходъ собора, ему нельзя приписать ни одного изъ существенныхъ качествъ собора, онъ не можетъ быть истинно свободнымъ соборомъ. Богословы и канонисты утверждаютъ, что безъ полной свободы не обязательны и рѣшенія собора, и что такой соборъ не болѣе какъ псевдо-соборъ".

Сначала думали, что авторъ этихъ писемъ есть извѣстный историкъ, докторъ Пихлеръ. Поводомъ къ этому предположенію послужилъ, кажется, отъѣздъ его въ Петербургъ, въ которомъ хотѣли видѣть какъ бы бѣгство отъ заявленныхъ имъ мнѣній. За этимъ стали положительно утверждать, что они принадлежатъ одному католическому священнику. Въ тоже время появилась въ Германіи дѣльная брошюра безъ имени автора и подъ заглавіемъ: *Ближайшій Вселенскій соборъ. Откровенное*

слово одного католическаго священника. Въ Римѣ этого не сочли пустяками. *Civiltà Cattolica*, журналъ, издаваемый іезуитами въ Римѣ и считающійся доктринальнымъ органомъ папства, напечаталъ ѣдкую статью, обращенную *къ двумъ католическимъ священникамъ* Германіи. Имя автора писемъ не было еще извѣстно іезуитскому журналу, но онъ уже положительно считалъ его священникомъ, какъ и автора брошюры: *Ближайшій Вселенскій соборъ.* Но для Civiltà Cattolica этого было мало. Извѣстна римская система, особенно прилагаемая къ дѣлу іезуитами: когда она безсильна противъ идей, она старается подкопать ихъ защитниковъ, когда эти защитники не извѣстны, будьте увѣрены, она найдетъ и учинитъ съ ними расправу, и она найдетъ или просто подставитъ именно такихъ защитниковъ, съ которыми всего легче можетъ справиться. Папство въ настоящее время не можетъ жечь, такъ оно еще довольно сильно компрометировать своего врага, особенно же, если это врагъ домашній, какой нибудь священникъ. Въ послѣдней своей книжкѣ, наконецъ, Civiltà Cattolica дала другую статью по тому же вопросу и положительно заявляетъ, что авторъ замѣчательныхъ писемъ противъ собора есть извѣстный католическій профессоръ Мюнхена и священникъ *Дёллингеръ.* Замѣтьте, при этомъ, тактику іезуитскаго журнала: съ злорадствомъ объявляя имя своего врага, онъ сравниваетъ мысли и тонъ этихъ писемъ съ циркуляромъ баварскаго министра, разосланнымъ къ иностраннымъ правительствамъ по поводу предстоящаго собора, съ вопросами о томъ же соборѣ, предложенными баварскимъ правительствомъ богословскому факультету Мюнхена и съ отвѣтами послѣдняго, съ разными другими журнальными статьями противъ

собора, и всюду видитъ или тоже перо Дёллингера, или его вліяніе и внушеніе. Такимъ образомъ іезуитскій журналъ безспорно важное движеніе противъ собора въ Германіи хочетъ низвести до предѣловъ вины одного *непокорнаго* и *бунтующаго* священника. Намъ даже еще не вѣрится, чтобы авторъ этихъ писемъ былъ Дёллингеръ, хотя бы онъ и былъ тѣхъ же самыхъ идей, потому что для этого пока нѣтъ положительныхъ доказательствъ; но для іезуитскаго журнала выгоднѣе найти виноватаго въ лицѣ священника Дёллингера, котораго можно *пришибить*, чѣмъ въ лицѣ какого-нибудь Пихлера, до котораго теперь далеко.

Но еслибы и дѣйствительно Дёллингеръ стоялъ во главѣ этого движенія, то все-таки то несомнѣнно, что его идеи нашли готовую почву и самый легкій доступъ въ сердца католиковъ и вполнѣ отвѣчали ихъ чувствамъ. Протесты и адресы, которые представляются католиками своимъ епископамъ и въ которыхъ они высказываютъ тревожныя опасенія въ виду предстоящаго собора, доказываютъ это какъ нельзя лучше. Таковъ энергическій адресъ католиковъ Кобленца епископу Тревеса (Трира?), таковы адресы, представленные архіепископу Кёльна отъ католиковъ Бонна и Андернаха. Тутъ уже нужно признать не возстаніе какого нибудь одинокаго, хотя бы и извѣстнаго, священника, но возбужденіе общественнаго мнѣнія, для успокоенія котораго едва ли окажется достаточною іезуитская тактика. Тутъ самая усердная полиція іезуитовъ не отыщетъ никакого интригующаго внушенія Дёллингера. Это возбужденіе показалось столь тревожнымъ и столь опаснымъ, что нѣмецкіе католическіе епископы къ 1 сентября сочли нужнымъ собраться въ Фульдѣ (аббатство близъ Кёльна) и поду-

мать о мѣрахъ къ его успокоенію. Послѣ нѣсколькихъ дней разсужденія, они, наконецъ, отъ 6 сентября отнеслись къ своимъ пасомымъ окружнымъ посланіемъ. Написанное весьма искусно и осторожно и *не въ разрѣзъ* съ общественнымъ мнѣніемъ католической Германіи, оно слишкомъ длинно для того, чтобы я могъ рѣшиться передать вамъ полный его переводъ, хотя бы оно того и заслуживало. Но я приведу изъ него только наиболѣе замѣчательныя и характеристическія мѣста.

Сказавъ въ началѣ посланія о томъ, что первыя вѣсти о соборѣ повсюду были встрѣчены съ радостію и довѣріемъ, епископы продолжаютъ:

„Между тѣмъ, съ другой стороны, мы не можемъ скрыть, что даже между ревностными и вѣрными членами церкви показались опасенія, которыя могутъ подорвать и довѣріе къ нему (собору). Прибавьте къ этому еще то, что и противники церкви распространяютъ обвиненія, вся цѣль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы поднять опасенія и антипатіи къ собору и даже возбудить подозрѣнія и недовѣріе правительствъ.

„Такъ, громко высказывается опасеніе, чтобы соборъ не провозгласилъ догматовъ, не содержащихся въ божественномъ откровеніи и преданіи церкви и чтобы не узаконилъ принциповъ, могущихъ повредить интересамъ христіанства и церкви и непримиримыхъ съ законными правами государствъ, цивилизаціи и науки, равно какъ и съ справедливою свободою и временнымъ благосостояніемъ народовъ. Идутъ еще дальше: обвиняютъ святаго отца въ желаніи, подъ вліяніемъ партіи (намекъ на іезуитовъ и ультрамонтановъ), воспользоваться соборомъ для непомѣрнаго увеличенія власти апостольскаго престола, для измѣненія древнихъ и истинныхъ учреж-

деній церкви, для утвержденія, наконецъ, духовной верховности, непримиримой съ христіанской свободой. Не боятся называть именемъ партіи главу церкви и епископство — оскорбленіе, которое доселѣ мы привыкли слышать только изъ устъ отъявленныхъ враговъ церкви. Доходятъ даже до того, что выражаютъ подозрѣніе, что епископы не будутъ имѣть полной свободы разсужденія на соборѣ, что имъ не представятъ даже данныхъ и не дадутъ свободы слова, необходимыхъ имъ для исполненія ихъ долга въ этомъ собраніи и, поэтому, даже ставятъ въ вопросъ законность собора и обязательноть его рѣшеній".

Изложивъ такимъ образомъ обвиненія и опасенія противъ предстоящаго собора, епископы успокоиваютъ встревоженную совѣсть своихъ пасомыхъ слѣдующими доводами:

„Каково бы ни было происхожденіе этихъ и подобныхъ рѣчей, онѣ не могутъ выходить отъ вѣры живой, отъ неизмѣннаго довѣрія въ присутствіе, которымъ Богъ никогда не оставляетъ Своей Церкви. Наши отцы въ вѣрѣ, святые Божіи никогда такъ не думали. Знаемъ, возлюбленнѣйшіе пасомые, что эти рѣчи противны и самымъ искреннѣйшимъ чуствамъ вашей вѣры. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ своимъ долгомъ настоятельно увѣщевать васъ не поддаваться обману этихъ рѣчей и не колебаться въ вашей вѣрѣ и вашемъ довѣріи.

„Вселенскій соборъ никогда, *никогда* не провозгласитъ новаго ученія, которое бы не заключалось въ Писаніи или апостольскихъ преданіяхъ; когда церковь опредѣляетъ въ дѣлѣ вѣры, она не провозглашаетъ новаго догмата, она только болѣе выясняетъ древнюю и первобытную истину и защищаетъ ее противъ новыхъ заблужденій.

„Никогда, *никогда* вселенскій соборъ не провозгласитъ догмата, который былъ бы въ противорѣчіи съ началами правды, съ правами государства и его представителей, съ цивилизаціей, съ истинными интересами знанія и съ справедливою свободою и благосостояніемъ народовъ.

„Однимъ словомъ, соборъ не провозгласитъ никакого новаго начала, никакого другаго, кромѣ тѣхъ, которыя напечатлѣны въ вашемъ сердцѣ вашею вѣрою и вашею совѣстію, кромѣ тѣхъ, которыя считались святыми въ продолженіе вѣковъ христіанскими народами и на которыхъ основываются и всегда будутъ держаться благосостояніе государствъ, авторитетъ власти, свобода народовъ и которыя въ тоже время служатъ основаніемъ всякаго знанія и всякой цивилизаціи...

„Равно, пусть никто не думаетъ, что вселенскій соборъ неразсудительно и съ поспѣшностію приметъ рѣшенія, которыя бы, безъ всякой необходимости, стали въ противорѣчіе съ настоящими обстоятельствами и съ современными нуждами; пусть никто не опасается, чтобъ онъ, по возбужденію какихъ нибудь экзальтированныхъ личностей, захотѣлъ перенести въ наше время идеи, нравы и учрежденія временъ прошедшихъ и примѣнимыхъ только къ прошедшему. И на какомъ основаніи можно опасаться чего-нибудь подобнаго отъ собранія, составленнаго изъ епископовъ цѣлаго католическаго міра, отъ этихъ епископовъ, которые, съ полнымъ запасомъ жизненной опытности, знакомые съ обычаями самыхъ разнообразнѣйшихъ странъ, облеченные отвѣтственностію святѣйшаго званія, соберутся для разсужденія съ главою церкви о лучшихъ средствахъ къ осуществленію въ настоящемъ вѣчныхъ истинъ религіи, къ наилучшему

усвоенію и обезпеченію благодѣяній христіанства поколѣніямъ настоящимъ и будущимъ?

„Также мало основанія и мало правды въ опасеніяхъ, будто не будетъ дозволена свобода разсужденій на соборѣ. Тѣ, которые такъ думаютъ, какъ же они мало знаютъ чувства папы, чувства епископовъ и поведеніе церкви! Мы знаемъ изъ самаго вѣрнаго источника, что святой отецъ объявилъ формально и положительно свою волю не полагать никакого препятствія ни свободѣ, ни времени продолженія разсужденій. И это естественно. Въ самомъ дѣлѣ, въ соборѣ церкви нѣтъ партій, которыя бы стали биться изъ всѣхъ силъ, чтобы одержать побѣду краснорѣчіемъ; различнымъ членамъ собора нечего хлопотать о пріобрѣтеніи большинства, благопріятнаго каждому для своихъ видовъ. Не смотря на различіе мнѣній, здѣсь всѣ напередъ согласны въ началахъ вѣры и у нихъ у всѣхъ одна цѣль — спасеніе душъ и благо христіанства. Поэтому, разсужденія на соборѣ не имѣютъ цѣли побѣдить противника или дать торжество частному интересу. Здѣсь разсуждаютъ, да торжествуетъ истина!... Что касается вѣчныхъ истинъ вѣры, соборъ не рѣшитъ ничего, не исчерпавъ сначала всѣхъ источниковъ знанія, и только послѣ самыхъ зрѣлыхъ обсужденій.

„Что сказать о тѣхъ недостойныхъ подозрѣніяхъ, что епископы изъ угодливости могутъ отказаться на соборѣ отъ свободы слова, которую налагаетъ на нихъ ихъ долгъ? Памятуя заповѣдь нашего Господа, мы не отвѣтимъ оскорбленіемъ оскорбляющимъ насъ, а только скажемъ имъ по совѣсти и въ простотѣ сердца: епископы католической церкви, когда они соберутся на соборъ, между своими важными обязанностями они ни-

когда не забудутъ самой святѣйшей изъ нихъ — долга свидѣтельствовать объ истинѣ; они не забудутъ этихъ словъ апостола: *кто хочетъ угождать людямъ—не есть слуга Христа.*

„Нѣтъ ничего страннѣе, несообразнѣе съ характеромъ католической церкви, какъ обвиненіе въ духѣ партіи... Церковь заключаетъ въ себѣ безконечное разнообразіе національныхъ и индивидуальныхъ характеровъ, она содержитъ въ своемъ нѣдрѣ общества, корпораціи и государства, самыя различныя въ своей религіозной жизни; она терпитъ, даже больше, она покровительствуетъ самымъ величайшимъ разнообразіямъ мнѣній, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, но она никогда не терпитъ и неодобряетъ партій, она сама никогда не можетъ быть партіей... И возможно это, чтобъ католическое сердце и любовь, не омраченныя страстями, находили духъ партіи въ томъ, что касается религіи и церкви? На предстоящемъ соборѣ будетъ говорить всѣмъ высочайшая и непогрѣшимая каѳедра церкви, или лучше самъ Христосъ и Его святой Духъ, и всѣ добросовѣстные люди, всѣ тѣ, кто отъ Бога, послушаютъ ея голоса, голоса истины, правды и мира Христа“.

Посланіе подписано двѣнадцатью епископами и во главѣ ихъ архіепископомъ Кёльна. Достигнетъ ли оно своей цѣли — пока неизвѣстно. Но при всей преданности, которую въ своемъ посланіи епископы выражаютъ по отношенію къ Риму, въ немъ ясно и раздѣльно слышится голосъ епископовъ именно Германіи, гдѣ слишкомъ дорожатъ религіозною свободою и гдѣ далеко не хотятъ рабства предъ папою.

Въ параллель съ противо-ультрамонтанскимъ движеніемъ Германіи, во Франціи составляетъ замѣчательное

явленіе недавній выходъ въ свѣтъ двухъ томовъ давно ожидаемаго сочиненія о соборѣ монсеньёра *Maret*, епископа Суры и декана Сорбонны. Это только первая часть всего сочиненія: оно носитъ заглавіе: *Du concile general et de la paix religieuse. Premiere Partie: La Constitution de l'Eglise et la periodicité des Conciles generaux. Memoire soumis au prochain Concile oecuménique du Vatican.* Вы конечно не забыли исторіи, предметомъ которой послужило это сочиненіе нынѣшнею зимою, когда оно только еще начинало печататься: въ газетахъ было указано на его характеръ, въ Римѣ взбунтовались, дано было приказаніе папскому нунцію въ Парижѣ достать корректурные листы, типографу, который взялся печатать его, былъ за это даже обѣщанъ орденъ и пр., но я не повторяю вамъ этихъ свѣдѣній. Однимъ словомъ, Римъ придавалъ появленію этаго сочиненія не послѣднюю важность и ему хотѣлось было пришибить его еще прежде его появленія; но это не удалось. Когда мы получимъ это сочиненіе, мы постараемся познакомить съ нимъ подробно; но теперь журналы передаютъ предисловіе, которое епископъ Марэ предпосылаетъ своему сочиненію. Здѣсь авторъ открыто заявляетъ, что въ вопросѣ о догматической непогрѣшимости папы онъ поддерживаетъ галликанскій тезисъ противъ ультрамонтанскаго; онъ смотритъ на церковь какъ на монархію умѣряемую аристократіей епископовъ и въ ультрамонтанизмѣ видитъ стремленія къ абсолютизму.

Одинъ изъ англиканскихъ епископовъ, именно Cummings, спрашивалъ папу письмомъ, на какихъ условіяхъ англиканскіе епископы могутъ явиться на предстоящій соборъ. Недавно папа отвѣтилъ ему чрезъ католическаго архіепископа Маннинга: первымъ условіемъ

онъ полагаетъ безусловное признаніе главенства папы, безъ котораго они не могутъ быть допущены на соборъ; послѣ того допущенные на соборъ, они самымъ фактомъ присутствія на немъ безъ всякихъ разсужденій и споровъ принимаютъ всѣ догматы латинской церкви. Едва ли на этихъ условіяхъ кто-нибудь изъ англиканскихъ епископовъ приметъ папское приглашеніе на соборъ.

Отдѣленіе англиканской церкви Ирландіи отъ государства теперь есть уже совершившійся фактъ и оно произошло именно на тѣхъ основаніяхъ, которыя были предложены парламенту Гладстономъ, и сущность которыхъ я передалъ вамъ въ свое время съ значительными подробностями. Свободная ирландская церковь теперь начинаетъ самостоятельную жизнь. Въ прошломъ году, когда церковь была еще связана съ государствомъ, два раза англиканскіе епископы Ирландіи обращались къ правительству съ просьбою о дозволеніи собраться въ конвокаціи, какія собираются въ самой Англіи, и два раза имъ было отказано. Теперь уже не зачѣмъ имъ обращаться для этого къ правительству: это право имъ принадлежитъ теперь по самому акту отдѣленія церкви отъ государства.

Такимъ образомъ, текущаго 15 сентября въ Дублинѣ, въ соборѣ св. Патриція, собралась первая конвокація, какихъ не бывало въ Ирландіи съ 1713 года. Тутъ собрались члены только дублинской архіепископіи. Собраніе открылъ рѣчью президентъ, архіепископъ Дублина, который говорилъ, что теперь членамъ неоффиціальной церкви нужно сноситься между собою объ ея общихъ интересахъ. Вслѣдствіе его рѣчи было послано приглашеніе и прелатамъ архіепископіи Армага

тоже собраться въ конвокацію. Послѣ акта открытія собранія, конвокація для разсужденій по обычаю раздѣлилась на двѣ палаты: верхнюю составили епископы, а нижнюю члены второстепеннаго клира. Разсужденія верхней палаты были секретныя, въ нижней палатѣ присутствовали представители печати. Чрезъ нѣсколько минутъ засѣданія, нижняя палата получила слѣдующее предложеніе отъ верхней: „Архіепископъ Дублина, президентъ, и епископы предлагаютъ нижней палатѣ: протестовать противъ послѣднихъ законодательныхъ мѣръ по отношенію къ ирландской вѣтви соединенной церкви Англіи и Ирландіи. Настоящій синодъ, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ начать своихъ разсужденій, не возвысивъ предъ Богомъ и людьми торжественный протестъ противъ мѣры, которою законодательная власть соединеннаго королевства лишила ирландскую церковь ея правъ, освященнымъ закономъ и конфисковала пожертвованія, которыя благочестіе предковъ посвятило на служеніе Богу. Синодъ протестуетъ, поэтому, противъ акта законодательства, по которому, къ великому вреду цѣлаго общества, національное исповѣданіе религіи Христа въ Ирландіи отвергнуто и узы между національною церковію и государствомъ разорваны“.

Протестъ этотъ, конечно, имѣетъ значеніе только формы: англиканскій клиръ Ирландіи уже примиряется съ своимъ новымъ положеніемъ. Нижняя палата единодушно приняла этотъ протестъ.

Спустя нѣсколько минутъ изъ верхней палаты принесено было новое предложеніе: „Проектъ реформы провинціальныхъ синодовъ, какъ епископы, клиръ и міряне ирландской церкви должны составлять общій синодъ“. Существенные пункты проекта слѣдующіе:

„Артикль 1. Въ каждой епархіи собирается епархіальный синодъ и клиръ избираетъ на немъ положенное число представителей изъ клира и мірянъ ирландской церкви для общаго синода или конвокаціи, состоящей изъ епископовъ, клира и мірянъ ирландской церкви.

„Артикль 2. Вмѣстѣ съ избранными представителями въ общемъ синодѣ засѣдаютъ jure proprio деканы и архидіаконы каждой епархіи.

„Артикль 3. Кромѣ вышесказанныхъ представителей, ординарный профессоръ богословія дублинскаго университета есть ipso facto членъ синода; а директоръ, профессора и наставники коллегіи св. Троицы въ Дублинѣ, носящіе священный санъ, назначаютъ отъ себя особаго представителя".

Число всѣхъ представителей для конвокаціи дублинской архіепископіи опредѣляется 124 членами, не считая епископовъ. Проектъ этотъ возбудилъ живые споры, но, наконецъ, онъ былъ принятъ 107 голосами противъ 29.

Въ Испаніи сила и жизнь продолжаютъ тратиться въ гибельной домашней ссорѣ и междусобномъ кровопролитіи. И клиръ Испаніи, который долженъ бы явиться представителемъ и проповѣдникомъ мира въ эти несчастныя времена, нерѣдко недостойнымъ образомъ вмѣшивается въ эту брань и является только разжигателемъ страстей. Можетъ быть, онъ доводится до этого обстоятельствами, въ нѣкоторой степени его извиняющими; тѣмъ не менѣе это фактъ: не мало испанскихъ священниковъ въ послѣднее время явились предводителями шаекъ инсургентовъ, возставшихъ за потомка древняго претендента на испанскій тронъ, Донъ-Карлоса, а въ помощи

претенденту деньгами и другими непрямыми пособіями подозрѣваютъ даже большинство высшаго клира. Вслѣдствіе всего этого, вслѣдствіе несомнѣннаго участія многихъ священниковъ въ возстаніи карлистовъ и вслѣдствіе слуховъ о непрямомъ участіи въ томъ же возстаніи со стороны самихъ епископовъ, министръ культовъ г. Ворилья адресовалъ епископамъ энергическій циркуляръ, которымъ потребовалъ отъ нихъ, чтобы они указали, каждый по своей епархіи, прямыхъ участниковъ въ возстаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ обратились къ своему клиру съ увѣщаніемъ покоряться учрежденнымъ властямъ. Нѣкоторые изъ епископовъ исполнили волю министра, но другіе отказались на отрѣзъ исполнять оскорбительное для нихъ приказаніе и отвѣчали рѣзкими укоризнами правительству въ гоненіи на церковь, въ неуплатѣ слѣдующаго клиру жалованья и въ проповѣдываніи атеистическихъ и противо-католическихъ идей. Послѣдніе епископы, въ томъ числѣ и кардиналъ архіепископъ Сантъ-Яго, отданы подъ судъ. Чѣмъ кончится этотъ судъ, пока неизвѣстно. Въ Испаніи, такимъ образомъ, въ занятіяхъ домашними дрязгами, въ настоящее время меньше, чѣмъ въ какой нибудь другой странѣ, интересуются предстоящимъ соборомъ. А между тѣмъ на последнемъ вселенскомъ (латинскомъ) соборѣ, тридентскомъ, испанскимъ богословамъ принадлежала едва-ли не первая роль.

PS. Я уже оканчивалъ свое письмо, когда газеты принесли въ высшей степени важный документъ, которому, вѣроятно суждено произвести глубокое впечатлѣніе на весь католическій міръ, особенно въ виду предстоящаго собора. Это письмо отца Іоакинфа (по французски Hyacinthe), знаменитаго проповѣдника въ соборѣ на-

рижской Богоматери. Мнѣ не разъ приходилось говорить о двухъ знаменитѣйшихъ французскихъ проповѣдниковъ, кармелитѣ Іоакинфѣ и іезуитѣ Феликсѣ. Оба они вотъ уже нѣсколько лѣтъ проповѣдуютъ въ соборѣ Богоматери при громаднѣйшемъ стеченіи публики; первый проповѣдывалъ каждый годъ обыкновенно въ нѣсколько воскресеній, предшествующихъ Рождеству, въ такъ называемыя, воскресенья *Adventus*, второй всегда въ великомъ посту. Разъ какъ-то въ моихъ письмахъ сравнивая ихъ проповѣди, я говорилъ, что проповѣди отца Іоакинфа, при великомъ ораторскомъ талантѣ, отличаются логичностію и основательностію и чужды излишней фразистости, тогда какъ о. Феликсъ всегда больше дѣйствуетъ на чувство и весьма щедръ на цвѣтистыя фразы. Впрочемъ, проповѣди того и другаго не ограничивались стѣнами обширнаго собора Богоматери, но они тотчасъ же переводились на разные языки и всюду читались съ восхищеніемъ. Такимъ образомъ имена о. Іоакинфа и о. Феликса, и можетъ быть даже больше имя о. Іоакинфа, извѣстны всему католическому міру. Самъ Римъ несомнѣнно уважалъ о. Іоакинфа: въ прошломъ году онъ нарочно былъ вызываемъ въ Римъ для проповѣди тамъ во французской церкви и проповѣдывалъ тамъ въ великомъ посту каждое воскресенье. Одна только особенность замѣчалась въ проповѣданіи о. Іоакинфа: темой для своихъ проповѣдей онъ никогда не бралъ узко-латинскихъ догматовъ, ни непогрѣшимости папы, ни immaculata conceptio, ни т. п. Въ настоящее время господа и владыки латинской церкви—іезуиты, а о. Іоакинфъ — кармелитъ. Іезуиты подозрѣвали его. Нынѣшнею зимою, не могу теперь припомнить по какому поводу, только о. Іоакинфъ, кажется, въ *Revue*

Suisse et Universelle, напечаталъ коротенькое письмо, въ которомъ говоритъ, что онъ не желаетъ имѣть ничего общаго съ тою партіей и съ тою журналистикой, которая подъ видомъ защиты католической церкви, только унижаетъ ее. Это подняло бурю въ ультрамонтанской печати и между іезуитами, которые приняли письмо о. Іоакинѳа на свой счетъ. Газета L'Univers, помнится, извѣщала послѣ, что папа будто бы вызывалъ о. Іоакинѳа въ Римъ, чтобъ нарочно потребовать отъ него объясненіе въ оскорбленіи большинства усердныхъ священниковъ Рима. О. Іоакинѳъ былъ дѣйствительно около этого времени въ Римѣ и являлся лично къ папѣ. Но было-ли при этомъ объясненіе по поводу сказаннаго письма или нѣтъ, только до послѣдняго іюля мѣсяца ничего не было слышно объ отношеніяхъ о. Іоакинѳа къ ультрамонтанской партіи. Въ іюлѣ мѣсяцѣ о. Іоакинѳъ, вмѣстѣ съ другимъ священникомъ, принадлежащимъ къ ораторіанамъ Парижа, принялъ участіе въ засѣданіяхъ, такъ называемой, *Лиги мира* и сказалъ блестящую рѣчь, въ которой, такъ какъ въ собраніи еще присутствовали представители протестантовъ и іудеевъ, онъ допустилъ фразу, которая, если мнѣ не измѣнила память, буквально была слѣдующая: „въ цивилизованномъ мірѣ есть мѣсто только тремъ религіямъ: католической, протестантской и іудейской". Эта фраза тотчасъ же сдѣлалась предметомъ живыхъ протестовъ газеты L'Univers и всей ультрамонтанской печати. Но ультрамонтане не ограничились только заявленіями своего мнѣнія; они воспользовались этимъ, какъ поводомъ, чтобы нанести своему врагу рѣшительный ударъ. Орудіемъ они выбрали суперьора ордена кармелитовъ, живущаго въ Римѣ. Письмо о. Іоакинѳа является отвѣ-

томъ, на стѣснительное распоряженіе суперіора относительно даннаго ему права проповѣдывать. Письмо о. Іакинфа—это вопль души сильной, испытавшей и выстрадавшей много, но которая, наконецъ, не въ состояніи терпѣть, скрывать дальше: она разражается сильнѣйшимъ рыданіемъ. Я прошу васъ прочитать его не разъ и не два. Знайте, что его прочитаетъ весь католическій міръ, и весь католическій міръ, привыкшій съ благоговѣніемъ слушать и читать проповѣди своего знаменитаго проповѣдника, теперь отъ него узнаетъ, что римскія доктрины и римская религіозная практика не могутъ называться *христіанскими*. Но вотъ самое письмо въ полномъ переводѣ:

„Почтенному отцу генералу босоногихъ кармелитовъ въ Римѣ. Почтеннѣйшій отецъ! Вотъ уже пять лѣтъ продолжается мое служеніе въ соборѣ Богоматери въ Парижѣ и не смотря на открытыя нападенія и на тайныя интриги, которыхъ я былъ предметомъ, вы ни на минуту не оставляли меня своимъ вниманіемъ и своимъ довѣріемъ. Доказательствомъ этого я имѣю многочисленные документы, писанные вашею рукою, которые относятся столько же къ моимъ проповѣдямъ, сколько и къ моему лицу. Чтó бы тамъ не послѣдовало, а я сохраню ихъ какъ памятникъ моей благодарности.

„Но теперь я вижу внезапную перемѣну, причины которой я не ищу въ вашемъ сердцѣ, а въ интригахъ партіи, которая теперь всемогуща въ Римѣ: вы меня обвиняете въ томъ, въ чемъ прежде поддерживали, осуждаете за то, что прежде одобряли, и требуете, чтобъ я говорилъ извѣстнымъ языкомъ, или чтобъ хранилъ молчаніе, чтó вовсе не было бы полнымъ и законнымъ выраженіемъ моей совѣсти.

„Не колеблюсь ни минуты. Я не съумѣлъ бы взойти на каѳедру собора Богоматери съ словомъ, извращеннымъ по приказанію, или урѣзаннымъ пропусками. Изъявляю мое глубокое сожалѣніе благоразумному и благонамѣренному архіепископу (Парижа, Дарбуа), который открылъ мнѣ дорогу на сказанную каѳедру и который поддерживалъ меня на ней вопреки зложелательству людей, о которыхъ я упоминаю выше;—моимъ уважаемымъ слушателямъ, которые окружали меня съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ сочувствіемъ и, смѣю сказать, такъ дружественно. Я бы оказался недостойнымъ ни слушателей, ни прелата, я бы явился преступникомъ предъ моей совѣстію и Богомъ, если бы согласился разыгрывать сказанную роль.

„Въ то же время я удаляюсь и изъ монастыря, въ которомъ живу и который, при новыхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я очутился, былъ бы темницей для моей души. Поступая такъ, я вовсе не являюсь не вѣрнымъ моимъ обѣтамъ: я обѣщалъ монашеское повиновеніе, но въ предѣлахъ, въ которыхъ бы не нарушалась честь моей совѣсти, достоинство моего лица и моего служенія; я обѣщалъ это повиновеніе подъ благодѣтельнымъ условіемъ высшаго закона правды и *дѣйствительной свободы*, которая, по словамъ св. апостола Іакова, есть *совершенный законъ* христіанина.

„Наиболѣе совершеннѣйшаго пользованія этою святою свободою десять лѣтъ тому назадъ я и пришелъ просить въ этомъ монастырѣ, побуждаемый энтузіазмомъ, чистымъ отъ всякаго человѣческаго разсчета, хотя и не смѣю сказать, чуждымъ всякой иллюзіи молодости. Если въ замѣнъ моего самопожертвованія мнѣ предлагаютъ теперь цѣпи, я считаю не только правомъ, но даже долгомъ отвергнуть ихъ.

„Пробилъ торжественный часъ. Церковь переживаетъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ, самыхъ темныхъ и самыхъ рѣшительныхъ кризисовъ своего существованія здѣсь долу. Еще въ первый разъ, послѣ трехъ сотъ лѣтъ, не только созванъ соборъ, но и объявленъ *необходимымъ*—таково выраженіе святаго отца. И теперь вовсе не время, чтобы какой-нибудь проповѣдникъ евангелія, хотя бы это былъ самый послѣдній, согласился молчать, какъ тѣ *нѣмые собаки* израиля, невѣрные стражи, которыхъ пророкъ укоряетъ въ *неспособности лаять: canes muti, non valentes latrare.*

„Святые не молчали никогда. Я не изъ нихъ, но чувствую себя принадлежащимъ къ ихъ племени (*filii sanctorum sumus*), всегда считалъ для себя честію направлять по оставленнымъ ими слѣдамъ мои шаги и подражать имъ въ пролитіи моихъ слезъ и, если то нужно, даже моей крови.

„Обращаю же къ святому отцу и собору мой протестъ христіанина и священника противъ *этихъ доктринъ и этихъ практикъ, которыя называются римскими, но которыя не суть христіанскія*, и которыя, разливаясь все болѣе и болѣе самымъ дерзкимъ и гибельнымъ образомъ, грозятъ измѣнить конституцію церкви, основу и форму ея ученія, даже до духа ея благочестія.

„Протестую противъ развода, столько же нечестиваго, сколько и безсмысленнаго, который усиливаются произвести между церковію, которая есть наша мать въ вѣчности, и обществомъ XIX вѣка, котораго мы суть дѣти во времени, къ которому мы стоимъ также въ долгу и съ которымъ связаны узами любви.

„Протестую противъ этой радикальнѣйшей и ужаснѣйшей оппозиціи, которая ведется личными учите-

лями противъ человѣческой природы въ ея самыхъ естественныхъ и святыхъ стремленіяхъ. Громче всего протестую противъ святотатственнаго извращенія евангелія Самаго Сына Божія, котораго духъ и котораго буква одинаково попираются фарисействомъ новаго закона.

„Имѣю самое глубочайшее убѣжденіе, что, если Франція въ частности и латинскіе народы вообще постоянно живутъ въ общественной, нравственной и религіозной анархіи, главная причина этого заключается конечно не въ католицизмѣ, но въ образѣ, какимъ католицизмъ съ давняго времени понимается и практикуется.

„Аппеллирую къ имѣющему собраться собору, пусть онъ поищетъ средства для изцѣленія насъ отъ избытка нашихъ золъ и пусть въ примѣненіи его руководится столько же строгостію, какъ и умѣренностію. Но если оправдаются опасенія, которыя я не желалъ бы раздѣлять, если августѣйшее собраніе не будетъ имѣть свободы въ разсужденіяхъ, какъ оно не имѣетъ теперь въ приготовительныхъ работахъ, однимъ словомъ, если оно будетъ лишено существенныхъ свойствъ вселенскаго собора, я воззову къ Богу и людямъ, прося иного собранія, которое бы соединилось поистинѣ въ Святомъ Духѣ, а не въ духѣ партій, которое поистинѣ представляло бы вселенскую Церковь, а не молчаніе однихъ и давленіе другихъ.

„О сокрушеніи дщери народа моего я сокрушаюсь, хожу мраченъ, ужасъ объялъ меня. Развѣ нѣтъ бальзама въ Галаадѣ? Развѣ нѣтъ тамъ врача? и почему не приложено цѣлебное врачевство къ ранѣ дщери народа моего?“ Іер. VIII. 21, 22.

„Наконецъ, взываю къ Твоему трибуналу, о Господи Іисусе! *Ad* tuum, Domine Iesu, tribunal appello. Въ Твоемъ присутствіи пишу эти строки. При Твоихъ ногахъ, Господи, послѣ того какъ я молился много, размышлялъ много, страдалъ много, надѣялся много, при Твоихъ ногахъ я подписываю ихъ моимъ именемъ. Вѣрю, что если люди осудятъ ихъ на землѣ, то Ты одобришь ихъ на небѣ. Этого для меня довольно, чтобы жить и умереть.

Монахъ Іоакинфъ

„Суперіоръ босоногихъ кармелитовъ въ Парижѣ, второй помощникъ генерала ордена въ провинціи Авиньона".

Парижъ. Паси.
20-го сентября 1869 г.

Къ этому письму нечего прибавлять: оно много говоритъ само за себя; оно много заставитъ подумать многихъ и многихъ католиковъ. У меня въ ушахъ раздается этотъ вопль, возбужденный можетъ быть въ достойнѣйшемъ сердцѣ злоупотребленіями католицизма... Этотъ вопль не одинокій; не одному отцу Іоакинфу становится невыносимо подъ давленіемъ римскаго ига... Гдѣ-то эти люди будутъ искать и найдутъ свое освобожденіе?!...

Священникъ К. Кустодіевъ.

„Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православнаго исповѣданія россійской имперіи“ т. 1. 1721 годъ. С.-Петербургъ, 1869 г.

Высочайше учрежденная при св. правительствующемъ Синодѣ коммиссія для разбора дѣлъ, хранящихся въ его архивѣ, послѣ „описанія документовъ и дѣлъ“, напечатаннаго въ прошломъ 1868 году, въ настоящемъ 1869 издала новый трудъ своихъ занятій: „Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія россійской имперіи“.

Поводомъ къ составленію настоящаго труда, отдѣльно отъ Описанія, по объясненію самой коммиссіи, послужило слѣдующее: „приступивъ, говорится въ предисловіи, къ занятіямъ, коммиссія положила первою для себя задачею составить подробное описаніе дѣлъ, и наиболѣе важные и любопытные документы, въ нихъ заключающіеся, помѣстить въ прибавленіяхъ къ Описанію“ (¹). Коммиссія такимъ образомъ посмотрѣла на свои занятія взглядомъ библіографа и археолога; но, кажется, это не совсѣмъ умѣстно при разборѣ дѣлъ и документовъ архива административнаго учрежденія. Главнымъ содержаніемъ такого архива обыкновенно служатъ судныя

(¹) Предислов. къ Пол. собр. постановл. и распор. стр. 1.

дѣла и административныя постановленія и распоряженія, основанныя или неоснованныя на этихъ дѣлахъ. Поэтому приведеніе именно содержанія этихъ постановленій и распоряженій, вмѣстѣ съ указаніемъ на самыя дѣла, во всеобщую извѣстность должно быть прямою цѣлію при ихъ разборѣ и описаніи. По крайней мѣрѣ, таже коммиссія сочла нужнымъ измѣнить нѣсколько свою задачу, исправить и пополнить ее. „Важное значеніе, говорится въ томъ же предисловіи, находящихся въ этихъ дѣлахъ постановленій и распоряженій св. Синода, до сихъ поръ въ цѣлой совокупности не изданныхъ и остававшихся недоступными наукѣ и неудобство помѣстить ихъ всѣ въ приложеніяхъ къ „Описанію“ архивныхъ дѣлъ привели коммиссію къ мысли составить „Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія россійской имперіи“ (¹). Дополняя свою задачу настоящимъ трудомъ, коммиссія какъ будто боится нападокъ на нее за излишество новаго изданія. Намъ напротивъ думается, что если бы коммиссія, на самомъ дѣлѣ, остановилась на одномъ „Описаніи и его приложеніяхъ“, то она отказалась бы тѣмъ отъ полнаго исполненія возложенныхъ на нее занятій, не выполнила бы своего труда, столь драгоцѣннаго для науки и предпринятаго въ ея видахъ. Изданія коммиссіи, очевидно, должны отвѣчать собою не только на вопросъ: что есть и хранится въ архивѣ св. Синода, но и главнымъ образомъ на вопросъ: что именно и въ какомъ духѣ, направленіи и содержаніи. Но отвѣтъ на первый вопросъ, если бы онъ и былъ данъ, служитъ лишь подготовкою къ распознанію смысла другаго вопроса. Соотвѣтственно сему и „Описанія

(¹) Ibid. стр. 1.

документовъ и дѣлъ" может только предшествовать „Полному собранію самыхъ постановленій и распоряженій", но не замѣнить его. „Описаніе" разсказываетъ намъ, такъ сказать, исторію образованія извѣстныхъ постановленій и распоряженій, передаетъ поводы и обстоятельства, создавшіе ихъ смыслъ. „Полное собраніе постановленій и распоряженій" буквально сообщаетъ самыя эти постановленія и распоряженія, диктуетъ намъ самые законы, которые получили свое начало вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, раскрываетъ тѣ правила, которыми административныя власти и установленія должны руководствоваться при встрѣчѣ съ извѣстными явленіями. Разница между тѣмъ и другимъ трудомъ самая ощутительная и очевидная.

Но если бы предстала новая нужда, которая побудила бы коммиссію снова измѣнить планъ, принятый ею для разбора документовъ и дѣлъ архива Св. Синода: то это измѣненіе, какъ намъ кажется, должно невыгодно коснуться „Описанія" и склониться въ пользу „Полнаго собранія". Наукѣ, безъ сомнѣнія, полезно знать и обстоятельства, вызвавшія извѣстное распоряженіе, но совершенно необходимо прежде всего имѣть передъ глазами самый смыслъ этого распоряженія. Дополняя нашу мысль, мы готовы сказать, что Описаніе въ такомъ случаѣ слѣдовало бы присоединить къ Полному собранію, какъ мотивы, вызывающіе извѣстный законъ, обыкновенно соединяются съ изложеніемъ самаго смысла закона. Описаніе, въ такомъ случаѣ, отвѣчало бы одному юридическому термину указовъ: „*слушали*", а полное собраніе другому: „*приказали*". Оба, будучи соединены вмѣстѣ, объясняли кратко и исторію образованія извѣстнаго узаконенія, передавали также сполна и самое со-

держаніе закона. Намъ думается, что еслибы коммиссія нашла возможнымъ послѣдовать настоящему порядку при дальнѣйшихъ ея занятіяхъ, то труды ея не только значительно сократились и, слѣдовательно, пошли еще успѣшнѣе (1), но и самыя изданія, безъ нужды не повторяли другъ друга и не путались содержаніемъ. Вмѣсто двухъ было бы достаточно одного изданія, подобно Полному собранію законовъ Россійской имперіи. Одно изданіе выигрывало бы въ экономическомъ и практическомъ отношеніи: въ экономическомъ тѣмъ, что можно было бы дешевле пріобрѣсть его; въ практическомъ тѣмъ, что было бы удобнѣе пользоваться имъ при самыхъ занятіяхъ и справкахъ. Акты и документы, не имѣющіе юридическаго значенія, но любопытные по содержанію и замѣчательные по ученому интересу, вошли бы также въ прибавленія, которымъ дано мѣсто въ концѣ Описаній; историческія подробности, нужныя для объясненія смысла извѣстнаго постановленія и распоряженія сверхъ вошедшихъ въ нихъ, удобно могли быть помѣщены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Думается, что въ такомъ изданіи было бы больше системы, единства и стройности, что и наука не потеряла бы съ нимъ ничего существеннаго и необходимаго.

Какъ „Описаніе документовъ и дѣлъ“ въ свое время обратило на себя лестное для коммиссіи вниманіе духовныхъ и свѣтскихъ органовъ, такъ и „Полное собраніе постановленій и распоряженій“, нужно полагать, не останется явленіемъ также неотмѣченнымъ вниманіемъ ученыхъ органовъ. Появленіе такихъ трудовъ, какъ

(1) Коммиссія начала свои занятія 14 января 1866 года, см. Предисловіе къ Описанію документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Синода. стр. 2.

„Описаніе“ и „Полное собраніе“, если только они будутъ продолжены, и, особенно, доведены до конца, могутъ подвинуть собою развитіе русской церковной науки. Общеизвѣстная скудость этой науки, по всѣмъ отраслямъ богословскаго знанія, главнымъ образомъ, зависитъ отъ недостаточной у насъ разработки ея источниковъ. Всѣ опыты отечественной богословской науки представляютъ собою: или компиляціи, или рабское до буквы подражаніе трудамъ иностранныхъ ученыхъ, или наконецъ переработку и варьированье на разные мотивы однажды добытаго кѣмъ либо матеріала. Характеромъ перваго рода отличаются опыты теоретическихъ богословскихъ наукъ; вѣроисповѣдныя разности не позволяютъ имъ безъ разбора черпать все свое содержаніе изъ трудовъ иностранныхъ. Характеромъ втораго рода до очевидности запечатлѣны изданія по общей церковной исторіи; вѣроисповѣдныя разности здѣсь менѣе чувствуются и удобнѣе сглаживаются. Характеромъ третьяго рода оттѣнены сочиненія по описанію обрядовъ и богослуженій церкви; какъ бы заключенные въ какой либо кругъ, изслѣдователи этой спеціальности только перебираютъ и варьируютъ одинъ и тотъ же матеріалъ, повторяя въ перифразѣ другъ друга. Всѣ ихъ труды, которыхъ такъ много наплодилось въ настоящее время, за исключеніемъ двухъ, трехъ, заслуживающихъ вниманія (1), оказываются одною пѣснію, которая распѣвается на разные тоны, безнужнымъ переодѣваньемъ изъ одного платья въ другое. Хочется даже пожелать, чтобы подобныхъ трудовъ являлось поменьше: они только засоряютъ собою поле этой спеціальности и пріу-

(1) Разумѣемъ здѣсь труды б. протоіерея Дебольскаго и сочиненія свящ. о. К. Т. Никольскаго.

чають любознательность къ предметамъ маловажнымъ и знаніямъ поверхностнымъ. Но все это, какъ намъ кажется, происходитъ отъ недостаточнаго нашего знакомства съ общими источниками богословской науки: съ св. писаніемъ и, особенно, съ твореніями св. отцовъ. Послѣднія, до сихъ поръ, остаются далеко неизданными въ полномъ ихъ объемѣ; творенія многихъ отцовъ Церкви мы изучаемъ только по ихъ отрывкамъ,—тогда какъ сочиненія св. отцовъ и вообще писателей церкви представляютъ собою первый, наиважнѣйшій и незамѣнимый родникъ знаній для всѣхъ богословскихъ наукъ: теоретическихъ, историческихъ и практическихъ. Если бы сдѣлать этотъ родникъ доступнымъ для всѣхъ, то можно напередъ быть увѣрену, что отечественная богословская наука не только обновилась бы въ ея содержаніи, но и оставила бы свой сухой и школьный характеръ изложенія.

Мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе 1-го тома „Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія россійской имперіи". Безотносительно къ достоинствамъ, которыми оно несомнѣнно обладаетъ, какъ трудъ, заключающій въ себѣ много новаго матеріала,—такъ и къ тѣмъ недостаткамъ, если бы сіи оказались въ немъ, какъ въ трудѣ, наскоро составленномъ и во многихъ мѣстахъ повторяющемъ „Описаніе", — безотносительно къ тѣмъ и другимъ мы отдаемъ полную нашу благодарность—какъ тѣмъ лицамъ, которымъ впервые пришла счастливая мысль, поведшая къ предпріятію подобнаго изданія, такъ и тѣмъ, которые непосредственно прилагали свои труды на разработку его матеріала. Это изданіе представляетъ собою наиважнѣйшій, не

можно сказать, первый источникъ какъ для науки отечественной, церковной исторіи, такъ вмѣстѣ и для науки отечественнаго церковнаго права. Исторія, безъ этаго источника, страдаетъ неполнотою ея содержанія, терпитъ пробѣлъ въ самомъ изложеніи. Каноника не можетъ выполнить задачи исторической системы, не можетъ показать историческое и генетическое развитіе правительственныхъ учрежденій по духовному вѣдомству, удовлетворительно прояснить перерожденіе старыхъ въ новыя установленія. Каноника не можетъ отчетливо понять послѣдовательнаго развитія важныхъ для нея узаконеній церковной и государственной власти, какъ эти узаконенія съ новыми цѣлями общаго русскаго законодательства создавались, раскрывались, пояснялись, дополнялись, теряли силу, чтобы дать мѣсто новымъ распоряженіямъ, входившимъ въ дѣйствіе. Исторія и каноника вмѣстѣ пріобрѣли для себя много неизвѣстнаго имъ матеріала. Намъ остается только желать и надѣяться, что это дѣйствительно только начало, а не конецъ предпринятаго, многолѣтняго труда, что это собраніе постановленій и распоряженій не ограничится первымъ годомъ дѣятельности св. Синода.

Главнымъ содержаніемъ „Полнаго собранія" служатъ постановленія и распоряженія Св. Правительствующаго Синода. Особенное значеніе ихъ для науки отечественнаго церковнаго права свидѣтельствуется тѣмъ, что Св. Правительствующій Синодъ, какъ высшее, правительственное установленіе въ русской церкви, какъ постоянный, помѣстный ея соборъ, имѣетъ всю непререкаемую силу высшаго, законодательнаго и распорядительнаго органа по дѣламъ и вопросамъ церковнымъ, что опредѣленія его получаютъ важность положительныхъ

законовъ для всей мѣстной церкви. Впрочемъ, и сами по себѣ, т. е. по своему содержанію, эти опредѣленія даютъ намъ не только понять духъ, желанія и цѣли русскаго церковнаго правительства, но и прослѣдить, съ одной стороны, самые тѣ юридическіе судебные моменты, въ которыхъ обнаруживались особенности церковно-народной, русской жизни, съ другой самыя тѣ мѣры и распоряженія, которыя предпринимались законною властію и издавались ею въ видахъ приведенія тѣхъ особенностей въ надлежащіе и законные предѣлы. Въ „Полномъ собраніи", дополняемомъ „Описаніемъ", мы изучаемъ, какъ государство и церковь заодно заботились создать, установить и утвердить тотъ порядокъ жизни и управленія въ русской церкви, который долженъ былъ замѣнить старое теченіе дѣлъ и послужить началомъ и основаніемъ для послѣдующаго развитія. Въ этихъ изданіяхъ вмѣстѣ мы изучаемъ по теоретическимъ и фактическимъ даннымъ церковныя явленія эпохи того времени, знакомимся съ администраціею русской церкви, съ дѣйствительными ея органами, которые, существуя въ прежнее время, или будучи вновь созданы, продолжали свою дѣятельность на новыхъ началахъ, по указанію новыхъ цѣлей, созданныхъ и утвержденныхъ духомъ и требованіями Петровской реформы, составляющей эпоху въ исторіи существованія русской церкви.

Первый томъ „Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи" начинается Духовнымъ Регламентомъ и содержитъ правительственныя постановленія и распоряженія обнародованныя въ 1721 году. Эти постановленія и распоряженія изложены въ послѣдова-

тельномъ, хронологическомъ порядкѣ по времени ихъ происхожденія: такое изложеніе облегчаетъ трудъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ дѣятельности Св. Синода и другихъ правительственныхъ учрежденій по духовному вѣдомству. Въ концѣ тома присоединены томмиссіею два указателя: хронологическій и предметный по порядку буквъ алфавита. Послѣдній помогаетъ изслѣдователю отыскивать постановленія и распоряженія, одинаковыя по содержанію.

I. Духовный Регламентъ.

Онъ изданъ 1720 года и до сихъ поръ не утратилъ силы дѣйствующаго источника отечественнаго церковнаго права. Побужденіемъ къ его составленію служило то, чтобы дать опредѣленный уставъ для занятій и дѣятельности духовной коллегіи, „по которому она знать должненства своя и всѣхъ духовныхъ чиновъ, такожъ и мірскихъ лицъ, поелику оныя управленію духовному подлежатъ и при томъ во отправленіи дѣлъ своихъ поступать имѣетъ“ (1). Духовный Регламентъ былъ составленъ извѣстнымъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ по порученію Петра Великаго; и въ 1720 г., 11 февраля, былъ разсмотрѣнъ самимъ Государемъ, исправленъ и дополненъ имъ, потомъ отданъ на разсмотрѣніе сенату съ духовенствомъ, которыми онъ двукратно былъ читанъ и объясненъ новыми замѣчаніями, наконецъ подписанъ епископами, архимандритами, сенаторами, бывшими при слушаніи, и самимъ Государемъ (2). Послѣ сего онъ былъ

(1) Дух. Регл., стр. 3. Оглавленіе.

(2) Описан. Докум. и Дѣлъ Архива Св. Синода, стр. 136, сн. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. Чистовича, стр. 70.

посланъ въ Москву, Казань, Вологду и другіе города (1) для подписанія неприсутствовавшимъ при его чтеніи лицамъ: епископамъ и архимандритамъ, и подписанъ ими (2).

Разсказанная исторія происхожденія Духовнаго Регламента оставляетъ за нимъ всѣ права и признаки дѣйствительнаго законодательнаго памятника отечественной церкви. Все содержаніе его раздѣлено на три части: I-я занимается описаніемъ духовной коллегіи и раскрываетъ причины ея учрежденія; II-я говоритъ о дѣлахъ, подлежащихъ ея управленію; III-я разсуждаетъ объ обязанностяхъ самыхъ управителей, ихъ правахъ и дѣятельности (3). При изложеніи самаго содержанія этихъ частей, Духовный Регламентъ касается: I) общаго, II) епархіальнаго управленія русской церкви, разсуждаетъ III) о нѣкоторыхъ частяхъ предметахъ церковнаго управленія и благоустройства.

I.

Въ отношеніи къ общему управленію руской церкви, духовный регламентъ исключительно занимается вопросами, относящимися до духовной коллегіи: излагаетъ причины ея учрежденія, указываетъ составъ ея устройства, начертываетъ правила ея занятій и дѣятельности. Учрежденіе духовной коллегіи представлено въ Регламентѣ результатомъ предпринятой Петромъ В. реформы по духовному вѣдомству и вмѣстѣ единственно спасительнымъ способомъ къ лучшему управленію и существованію руской церкви. „Между мно-

(1) Опис. Докум. и Дѣлъ, стр. 42, 51, 56, 109.

(2) См. эти подписи въ концѣ Духовн. Регламента на стр. 30—31.

(3) См. 1-ю стр. Дух. Реглам.

гіями,—читаемъ въ именномъ указѣ объ учрежденіи духовной коллегіи,—по долгу богоданныя намъ власти попеченьми о исправленіи народа нашего, и прочихъ подданыхъ намъ государствъ, посмотря и на духовный чинъ, и видя въ немъ много нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость, не суетный на совѣсти нашей возимѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарни Вышнему, аще, толикая отъ него получивъ благопоспѣшествія во исправленіи какъ военнаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовнаго. И когда нелицемѣрный Онъ, Судія, воспроситъ отъ насъ отвѣта о толикомъ намъ отъ него врученномъ приставленіи, да не будемъ безотвѣтни. Того ради, образомъ прежнихъ, какъ въ Ветхомъ такъ и Новомъ Завѣтѣ благочестивыхъ царей, восприявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго, и не видя лучшаго къ тому способа, паче соборнаго правительства, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, ктому жъ не наслѣдственная власть, того ради вящше небрегутъ,—уставляемъ духовную коллегію, то есть духовное, соборное правительство" (¹).

Самое понятіе о коллегіи регламентъ излагаетъ слѣдующими словами: „Коллегіумъ правительства нѣчто ино есть, токмо правительское собраніе, когда дѣла нѣкія собственныя не единому лицу, но многимъ, къ тому угоднымъ и отъ высочайшей власти учрежденнымъ, подлежатъ къ управденію". Этотъ коллегіумъ можетъ быть временнымъ или постояннымъ учрежденіемъ для управленія встрѣчающихся дѣлъ, подобно тому, какъ церковный синедріонъ въ ветхозавѣтной церкви въ Іерусалимѣ и гражданскій судъ ареопаговъ въ Аѳинахъ (²).

(¹) П. С. П. и Р., стр. 1.
(²) Дух. Регл., стр. 3.

Учрежденіе подобнаго коллегіума для дѣлъ духовныхъ могло показаться новостію, способною породить въ современникахъ много недоразумѣній и возраженій. Въ видахъ предупрежденія и разрѣшенія этихъ недоумѣній и возраженій, духовный регламентъ и распространяется о причинахъ сего учрежденія: „Да не возмнитъ же кто, что сіе управленіе не угодно есть, и лучше бы единому лицу дѣла духовныя всего общества правити, якоже частныхъ странъ, или епархій дѣла управляютъ кійждо особѣ епископы. Предлагаются здѣ важныя вины, которыя показуютъ, что сіе правленіе соборное, всегдашнее, и аки всегдашній сѵнодъ, или синедріонъ, совершеннѣйшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство, наипаче же въ государствѣ монаршескомъ, яковое есть наше россійское" ([1]). Самыя причины учрежденія этого совершеннѣйшаго и лучшаго правительства регламентъ указываетъ въ слѣдующемъ:

α) „извѣстнѣе бо взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицемъ, древнее пословіе есть греческое: „другіе помыслы мудрѣйшіе суть, паче первыхъ, то кольми паче помыслы многіе о единомъ дѣлѣ разсуждающіе, мудрѣйшіе будутъ, паче единаго. Случается, что въ нѣкоей трудности усмотритъ тое человѣкъ простый, чего не усмотритъ человѣкъ книжный и остроумный".

β) При истинности, благодаря означенному обстоятельству, соборныя опредѣленія имѣютъ и большій авторитетъ: „понеже вящше къ увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ... аще единъ что уставляетъ, могутъ противницы

([1]) Ibid.

единымъ лица его оклеветаніемъ силу уставленію его отъяти, чего не такъ возмогутъ, гдѣ отъ соборнаго сословія опредѣленіе происходитъ".

γ) „все сіе имѣетъ особенно мѣсто въ томъ случаѣ, когда коллегіумъ правительское подъ Державнымъ Монархомъ есть и отъ монарха уставлено. Явѣ бо здѣ, что коллегіумъ не есть нѣкая факція тайнымъ и на интересъ свой союзомъ сложившаяся, не на доброе общее".

δ) „въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка за случающимися правителемъ необходимыми нуждами, и за недугомъ и болѣзнію, а когда въ живыхъ не станетъ его, то и наче пресѣкаются дѣла. Инако въ правленіи соборномъ, не присутствующу единому, аще бы и первѣйшему лицу, дѣйствуютъ другіе, и дѣло идетъ непрестаннымъ теченіемъ".

ε) „въ коллегіумъ не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, лихоимному суду... Особенно, когда коллегіумъ состоится въ таковыхъ лицахъ, которымъ отнюдь невозможно тайно всѣмъ слагатися, сіе есть, аще будутъ лица разнаго чина и званія: епископи, архимандриты, игумны и отъ властей бѣлаго священства".

ζ) „коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію, не тако бо, яко же единоличный правитель гнѣва сильныхъ боится; понеже и причины производить на многихъ, а еще разностатейныхъ особъ, не тако удобно есть, яко на единаго человѣка".

η) „отъ соборнаго правительства не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковыя происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго". Регламентъ съ особенною обстоятельностію раскрываетъ это основаніе и, въ заключеніе, говоритъ: „нѣсть здѣ и на самомъ президентѣ великой и народъ удивляющей славы,

нѣсть лишней свѣтлости и позора, нѣсть высокаго о немъ мнѣнія, не могутъ ласкатели безмѣрными похвалами возносити его“.

и) „и сіе угодіе церкви и государству отъ таковаго соборнаго правительства будетъ, что въ немъ не токмо единъ нѣкто отъ сосѣдателей, но и самъ президентъ, или председатель подлежати имать суду своей братіи, то есть томужде коллегіумъ, аще бы въ чемъ знатно погрѣшилъ, не такъ какъ дѣется, гдѣ единъ самовластный Пастырь владѣетъ; ибо онъ не похощетъ отъ подручныхъ себѣ епископовъ судитися. Аще же бы къ тому и принужденъ былъ, то обаче въ народѣ простомъ, правосудія не вѣдущемъ и слѣпо разсуждающемъ, таковый судъ былъ бы подозрительный и поношенію подверженный. Отъ чего дѣется, что на злаго таковаго единовластителя нужда есть созывати соборъ вселенскій, что и съ великою всего отечества трудностію и съ немалымъ иждивеніемъ бываетъ и въ нынѣшнія времена (последствіе турецкаго владычества на востокѣ) отнюдь мнится быти невозможно“.

λ) Наконецъ „въ таковомъ правительствѣ соборномъ будетъ аки нѣкая школа правленія духовнаго, ибо отъ сообщенія многихъ и различныхъ разсужденій, и совѣтовъ и доводовъ правильныхъ, яковыхъ частыя дѣла требуютъ, несякъ отъ сосѣдателей удобно можетъ поучитися духовной политики, и повседневнымъ искуствомъ навыкнути, какъ бы лучше домъ Божій управлять возмогъ“ (1).

Настоящія причины направлялись къ тому, чтобы до нагдядности объяснить благодѣтельную замѣну пат-

(1) Дух. Регл. стр. 3—5, гдѣ означенные причины подробнѣе изложены.

рхіархальнаго управленія коллегіальнымъ, съ очевидностію показать превосходство соборнаго управленія дѣлами церкви сравнительно съ единоличнымъ. Достигали-ли сего настоящія причины на самомъ дѣлѣ—объ этомъ предоставляемъ судить читателямъ. Только въ указанныхъ причинахъ живо также отсвѣчивали основные мотивы и соображенія реформы, которую Петръ I-й рѣшился произвесть въ духовномъ вѣдомствѣ. Объяснимся.

Въ государствѣ всѣ реформы Петра, главнымъ образомъ, направлялись съ одной стороны къ тому, чтобы распространить вездѣ и утвердить всюду торжество государственнаго начала и порядка, съ другой къ тому, чтобы поддержать и узаконить идеи собственнаго, монаршаго абсолютизма. Первому направленію реформы соотвѣтствовало то стремленіе, чтобы образовать изъ всѣхъ своихъ подданныхъ такой общественный союзъ, въ которомъ бы члены всѣхъ сословій, сознавая свое гражданское единство, свою территоріальную отдѣльность, сообща служили своимъ совокупнымъ выгодамъ, закономъ и указаніями надзирающей за всѣмъ въ государствѣ власти призывались неуклонно исполнять тѣ обязанности, которыя наложены на каждаго его собственнымъ званіемъ, исполненіе которыхъ нужно и для общей пользы государства. Это стремленіе, въ смыслѣ предначертанія, можно назвать исходнымъ пунктомъ и начальною цѣлію всѣхъ реформъ и преобразованій Петра Великаго, всѣхъ его правительственныхъ предпріятій и распоряженій: осуществленіемъ именно этого стремленія и было устроеніе государства, какъ такого общественнаго организма и учрежденія, въ которомъ всѣ лица, будучи связаны семейными и родовыми узами, сплачивались еще сословно юридическими и общественными

отношеніями, становясь однимъ цѣлымъ съ сознательнымъ стремленіемъ къ общему благоденствію. Петръ желалъ и требовалъ, чтобы всѣ сословія въ обществѣ и каждое его лице, подъ отвѣтственностію предъ написаннымъ для нихъ закономъ, подъ страхомъ взысканій со стороны верховной власти, исполняли свои обязанности и несли свои отдѣльные труды на общую пользу всего государства. Осуществленіе идеи и цѣлей государства, въ смыслѣ заботы объ общемъ благѣ спокойствіи и безопасности, никогда не оставляло Петра, какъ преобразователя, и заставило его спокойно принести въ жертву старинные обычаи общежитія, вѣковыя привычки подданныхъ, принести въ жертву свое спокойствіе, свои силы. Для сохраненія и торжества тѣхъ же идей онъ приступилъ къ преобразованію и церковнаго вѣдомства.

Но, смотря на всѣ свои преобразованія съ точки зрѣнія государственнаго расчета, преслѣдуя всюду торжество государственнаго начала, Петръ Великій въ то же самое время, не отрѣшался и отъ идей централизаціи, осуществляемыхъ въ государствѣ правами самодержавнаго и неограниченнаго монарха. Проведеніе этихъ идей соотвѣтствуетъ другому направленію реформы. Во всѣхъ статутахъ своей руки и установленіяхъ своей воли Петръ дѣйствительно проводитъ начала безпрекословнаго повиновенія своей власти. „Монарховъ власть есть самодержавная, которымъ повиноватися Самъ Богъ повелѣваетъ за совѣсть. Се же наипаче сильно есть, когда Коллегіумъ правительское подъ монархомъ есть и отъ монарха уставлено" (¹). Мысль и намѣренія Самодержца, по основному взгляду Петра, должны обу-

(¹) Дух. Регл., стр. 4, п. 2—3.

словливать, проникать и узаконять всѣ государственныя установленія; согласіемъ съ этими мыслію и намѣреніями должны свидѣтельствоваться: совершенство и безукоризненность административныхъ отправленій и распоряженій во всемъ государствѣ. Отожествленіе личныхъ выгодъ, какъ Монарха, съ общею пользою государства, какъ совокупности подданныхъ; объявленіе дѣйствій собственнаго правосудія обязательнымъ закономъ для всѣхъ членовъ въ государствѣ, повѣрка государственныхъ нуждъ и цѣлей собственными возрѣніями, разрѣшеніе собственныхъ желаній въ выгодахъ и благоденствіи государства: вотъ что, по нашему мнѣнію, составляетъ отличительную суть взгляда Петра I–го на смыслъ и положеніе правящей государствомъ, Монархической власти.

Но утвержденіе собственно въ государствѣ требованій государственнаго начала и утвержденіе въ немъ идей монархической, неограниченной власти, очевидно должны были проникнуть и отобразиться и въ Церкви сколько вообще по тѣсной ея связи съ государствомъ, столько въ частности по близкой аналогіи тогдашняго ея быта съ прежнимъ общегосударственнымъ устройствомъ. Какъ въ государствѣ до Петра, именно въ основѣ его устройства, лежали родовыя и общинныя отношенія, дѣйствовали владѣльческое и вотчинное начала съ прибавкою выборнаго, такъ подобныя же отношенія и тѣже самыя начала можно наблюдать и въ вѣдомствѣ Церкви того времени. У Церкви также были свои служилые и вотчинные люди, свои особыя земли и угодья, ставившія ея представителей въ положеніе большихъ домохозяевъ и собственниковъ; былъ свой отдѣльный судъ, захватывавшій даже многія гражданскія дѣла;

было стройно организованное, особое вѣдомство, дѣлавшее Церковь, по выраженію Духовнаго Регламента „другимъ, лучшимъ государствомъ“. Лице московскаго патріарха, обставленное всѣми преимуществами верховной въ Церкви власти, представляло собою высшаго правителя и судію этого другаго государства, и названо въ томъ же Регламентѣ, „вторымъ государемъ, Самодержцу равносильнымъ, или и больше его“. Подобное расширеніе вѣдомства Церкви и ея автономія пришлись прямо не по душѣ Петру, который хотѣлъ видѣть вездѣ и всюду присутствіе одной, всё объединяющей, идеи государства и централизующихъ правъ его правителя. Поэтому Петръ и рѣшился какъ уничтожить самое это государство, чтобы составныя его части внести въ общій организмъ государства, такъ и покончить съ самымъ правителемъ этого государства, дѣйствовавшимъ отдѣльно отъ власти монарха. Дѣйствительно, во имя государственнаго расчета и пользы, Петръ своими реформами потребовалъ отъ Церкви извѣстныхъ уступокъ, клонившихся прямо къ сокращенію ея вѣдомства, къ ограниченію ея самостоятельности; въ удовлетвореніе правамъ самодержавной, неограниченной власти монарха онъ пожелалъ замѣны единоличнаго, патріаршаго управленія коллегіальнымъ, соборнымъ. Во всѣхъ церковныхъ реформахъ Петръ дѣйствовалъ такъ, какъ научали его дѣйствовать личныя его воззрѣнія на государство, личныя понятія о верховныхъ, неограниченныхъ правахъ его правителя. Учрежденный, такимъ образомъ, Петромъ Великимъ синодъ былъ учрежденъ сколько по требованіямъ лучшаго и совершеннѣйшаго порядка въ управленіи церковными дѣлами, столько же, если еще не главнымъ образомъ, по желанію удовле-

творить цѣлямъ государственнаго абсолютизма. „Народъ нашъ, говорится въ Регламентѣ, не вѣдаетъ, какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной: но великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый помышляетъ, что таковый правитель есть то вторый государь, самодержцу равносильный, или и больши его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ тако умствовати обыклъ... Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ либо дѣлѣ смотрятъ. И, когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ и за него поборствовати и бунтоватися дерзаютъ. Таковому же въ народѣ мнѣнію весьма ради и не простые, но коварные человѣцы. Чтожъ когда еще и самъ пастырь таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ спать не похощетъ? Изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе бываетъ. И не вымыслы то далъ Богъ, что бы о семъ домышлятися только мощно было, но самою вещію не единожды во многихъ государствахъ сіе показалося. Вникнуть только въ исторію константинопольскую, нижае іустиніановыхъ временъ, и много того покажется. Да и папа не инымъ способомъ толико превозмогъ, не точію государство римское поима пресѣче и себѣ великую честь похити, но и иныя государства едва не до крайняго разоренія не единожды потрясе. Да не воспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахи!“ (1).

Ясно, что не благонамѣреннымъ, необходимымъ, государственнымъ совѣтникомъ, какъ нѣкогда набож-

(1) Дух. Регл., стр. 4—5.

ному Θеодору Іоанновичу и его современникамъ, хлопотавшимъ объ учрежденіи патріаршества, но излишнимъ неумѣстнымъ, даже ужасающимъ призракомъ казался расчетливому Петру образъ патріарха, облеченнаго во всеоружія церковныхъ правъ и преимуществъ, украшеннаго духовнымъ величіемъ, любовію и уваженіемъ народа. Тѣнями по душѣ Петра пробѣгали его досужія представленія о томъ, сколько вреда государству и его монарху можетъ нанести лице патріарха, при всеобщемъ къ нему довѣріи, послушаніи и покорности. Преимущественно эти представленія, озаряемыя идеями монархизма, побудили Петра покончить съ патріаршествомъ, покончить во имя безусловнаго торжества государственной власти. „Соборное правительство монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ уставленное“ (1) замѣнило такимъ образомъ патріарха.

Замѣнившее патріарха, духовное коллегіумъ, по Регламенту, должно было состоять изъ 12 членовъ, избранныхъ изъ лицъ разнаго чина: трехъ архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ, „сколько котораго чина достойныхъ сыщется“. Всѣ они, подобно членамъ других государственныхъ коллегій, носили одинаковыя съ ними названія: первый президента, двое вицепрезидентовъ, четыре совѣтника и четыре ассессоровъ (2). Для большей свободы дѣйствій и независимости убѣжденій, архимандриты, игумены и протопопы, засѣдавшіе въ коллегіумѣ, на время ихъ засѣданія здѣсь, должны быть освобождены изъ подъ власти ихъ архіерея, если и послѣдній вмѣстѣ съ ними также засѣдалъ въ Синодѣ, „ибо таковый архиманд-

(1) Дух. Регл., стр. 5 въ концѣ 7 пункта.
(2) Имен. указъ, стр. 2.

ритъ, или протопопъ будетъ непрестанно наблюдать, къ которой сторонѣ судимой преклоненъ есть епископъ его, къ той и тотъ архимандритъ и протопопъ преклоненъ будетъ, и такъ двѣ или три особы будутъ уже единъ человѣкъ". Президентъ, какъ имѣющій подлежать суду тойжде коллегіи, „аще бы въ чемъ знатно погрѣшилъ", долженъ имѣть одинъ и равный съ прочими голосъ (¹).

При вступленіи въ свое званіе всѣ члены духовной коллегіи обязывались дать присягу по установленной формѣ. Въ этой присягѣ они обѣщаются: „въ совѣтахъ и судахъ и всѣхъ дѣлахъ сего духовнаго, правительствующаго собранія, искать всегда самыя сущія истины и самыя сущія правды, и дѣйствовать вся по написаннымъ въ духовномъ регламентѣ уставамъ"; принимать „и впредь согласіемъ сего духовнаго правительства и соизволеніемъ царскаго Величества" опредѣленныя узаконенія; во всемъ „дѣйствовать по совѣсти, не работствуя лицепріятію,... никаковымиже плѣняяся страстьми, но со страхомъ Божіимъ, съ искреннею Бога и ближняго любовію, во славу Божію, на спасеніе душъ человѣческихъ и созиданіе всей церкви Божіей". Клянутся „во всякомъ дѣлѣ сего правительствующаго собранія, яко въ дѣлѣ Божіемъ, ходити безлѣностно, со всякимъ прилежаніемъ, по крайней силѣ, пренебрегая всякія угодія и упокоенія"; во всѣхъ недоумѣніяхъ „искать уразумѣнія и вѣденія отъ священныхъ писаній, и правилъ соборныхъ и согласія древнихъ великихъ учителей". Даютъ присягу „быть добрыми, вѣрными и послушными рабами и подданными"

(¹) Дух. Регл., стр. 27, п. 1, 2 сначала III-й части.

(²) Имен. указъ, стр. 2.

Государя и назначенныхъ отъ него его наслѣдниковъ; „предостерегать и оборонять“ всѣ права и преимущества, принадлежащія Самодержавной Его Величества власти; всемѣрно споспѣшествовать во всемъ, „что къ Его Величества вѣрной службѣ и пользѣ во всякихъ случаяхъ касатися можетъ. О ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допускать“; хранить тайны, касающіяся пользы Его Величества, или церкви, и не объявлять ихъ безъ повелѣнія. Здѣсь же исповѣдуютъ съ клятвою „крайняго Судію Духовныя сея коллегіи быти самаго Всероссійскаго Монарха, Государя всемилостивѣйшаго“. Въ заключеніе удостовѣряютъ клятвою съ цѣлованіемъ Креста и Евангелія, что все, въ чемъ они обѣщаются и присягаютъ „не инако толкуютъ въ умѣ, яко провѣщаваютъ устнами“ (1). До очевидности ясно, что присягающіе по такой присягѣ, съ одной стороны, клянутся въ ненарушимости нравственныхъ обѣтовъ, налагаемыхъ на нихъ долгомъ членовъ высшаго правительства церкви, съ другой—присягаютъ въ исполненіи законныхъ обязанностей, предписываемыхъ имъ званіемъ управителей существующаго въ государствѣ административнаго учрежденія.

Заступившее мѣсто патріарха, верховнаго правителя церкви, духовное коллегіумъ становилось также высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ по управленію дѣлами духовными. „Повелѣваемъ, писалось въ указѣ объ учрежденіи духовной коллегіи, всѣмъ вѣрнымъ нашимъ всякаго чина, духовнымъ и мірскимъ, имѣть сіе за важное и сильное правительство, и у него

(1) Подроб. см. въ присягѣ при Дух. Регл., стр. 2—3.

крайнія дѣлъ духовныхъ управы, рѣшенія и вершенія просить, и судомъ его опредѣленнымъ довольствоваться и указовъ его слушать во всемъ, подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ" (1). Епископамъ давалось особенное внушеніе на сей предметъ, „Да вѣсть всякъ епископъ, каковый онъ ни есть степенемъ, просто ли епископъ, или архіепископъ, или митрополитъ, что онъ духовному коллегіумъ, яко верховной власти, подчиненъ есть, указовъ онаго слушать, суду подлежать и опредѣленіемъ его доволяться долженъ" (2).

Наслѣдуя высшія права и преимущества для обсужденія дѣйствій всѣхъ лицъ въ государствѣ, духовное коллегіумъ, въ отношеніяхъ къ верховной, государственной власти, должно было приравняться всѣмъ прочимъ коллегіямъ государства, подлежать всегдашнему надзору этой власти и быть органомъ постановленій и распоряженій, одобренныхъ ея соизволеніемъ. „Должна есть коллегія сія, говоритъ именной указъ объ ея учрежденіи, и новыми впредь правилами дополнять регламентъ свой, яковыхъ правилъ востребуютъ разныя разныхъ дѣлъ случаи; однакожъ дѣлать сіе должна коллегія духовная не безъ нашего соизволенія" (3).

Какъ особое въ государствѣ, церковное правительство, духовная коллегія обязывается регламентомъ прилежно и непрестанно наблюдать „еже на пользу церкви, да вся по чину бываютъ, и да не будутъ нестроенія" (4). Это общее наблюденіе касается въ частности: I) дѣлъ вѣры и благочестія, II) жизни и поведенія при-

(1) Въ Имен. указѣ при Дух. Регл., стр. 1.
(2) Дух. Регл., стр. 15, п. 13.
(3) Имен. указъ при Дух. Регл., стр. 1, см. присягу, стр. 2.
(4) Дух. Регл., стр. 3.

стіанъ и III) всего церковнаго управленія и благоустройства.

1) Въ отношеніи къ дѣламъ вѣры и благочестія, духовная коллегія наблюдаетъ: „все ли правильно и по закону христіанскому дѣется и не дѣется ли что и гдѣ закону оному противное“ (1). Для исполненія сей общей цѣли на ея обязанности лежитъ:

α) „разсматривать вновь сложенные и слагаемые акаѳисты и иные службы и молебны... суть ли оная сложенія Писанію священному согласная, и не имѣютъ ли нѣчто въ себѣ слову Божію противное, или хотя нѣчто непристойное и празднословное“ (2). Таже обязанность духовной коллегіи и въ отношеніи къ появляющимся вновь богословскимъ сочиненіямъ (3).

β) „опредѣлять, чтобы оныя моленія, хотя бы и праямыя были, однакожъ не суть всякому должныя, и по воли всякаго на единѣ, а не въ соборѣ церковномъ, употребляять оныхъ можно, дабы по времени не вошли въ законъ и совѣсти бы человѣческой не отягощали“ (4).

γ) „смотрѣть исторій святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія чего не было, или и христіанскому ученію противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти, и таковыя повѣсти обличить и запрещенію предать съ объявленіемъ лжи въ оныхъ обрѣтаемой“. Регламентъ при этомъ указываетъ на извѣстное житіе Евфросина псковскаго, именно на заключающееся въ немъ заблужденіе о сугубой аллилуія (5).

(1) Ibid., стр. 6.
(2) Ibid. стр. 6, п. 1.
(3) Сн. ibid. 27, п. 3.
(4) Ibid. стр. 6, п. 2.
(5) Ibid., п. 3.

δ) „о мощахъ святыхъ, гдѣ нѣкія явятся быть сумнительными, розыскивать—много бо и о семъ наплутано". Также поступать и въ томъ случаѣ: „аще пройдетъ въ слухъ видѣніе чіе, или чудотвореніе (¹).

ε) „о иконахъ святыхъ смотрѣть того, что въ обѣщаніи поставленныхъ епископовъ написано" (²).

ζ) „наблюдать, чтобы какъ дѣлалось, впредь бы того не было: понеже сказуютъ, что нѣцыи архіереи для вспоможенія церквей убогихъ, или новыхъ построенія, повелѣвали проискивать явленія иконы въ пустынѣ, или при источницѣ, и икону оную за самое обрѣтеніе свидѣтельствали быти чудотворную" (³).

II) Въ отношеніи къ жизни и поведенію христіанъ, духовная коллегія печется: „аще довольное христіанамъ наставленіе употребляется". Регламентомъ предписывается здѣсь:

α) „прилежно розыскивать вымыслы, которые человѣка въ недобрую практику, или дѣла ведутъ и образъ ко спасенію лестный предлагаютъ". При этомъ регламентъ указываетъ на нѣкоторые предосудительные обычаи, какъ-то: на празднованіе пятницы, на постъ „въ дванадесять нѣкіихъ именныхъ пятницъ", на преимущественное — предъ всѣми прочими церковными службами—посѣщеніе обѣдни благовѣщенской, утрени воскресенской, и вечерни пятидесятницы, на преданіе, будто

(¹) Дух. Регл., стр. 28, п. 4.

(²) Ibid., стр. 7, п. 7. Въ означенномъ обѣщаніи повелѣвается смотрѣть „дабы св. Иконъ не боготворили, и имъ ложныхъ, вымышленныхъ чудесъ не приписывали, чтобы тѣмъ не дѣлалось вреда истинному благочестію и иномыслящимъ не подано было повода къ поношенію на православныхъ, но почитать иконы, какъ изображается въ опредѣленіи VII Вселенскаго Собора, см. Догматъ сего собора о Иконопочитаніи въ Книгѣ Правилъ.

(³) Ibid., стр. 7, п. 8, сн. стр. 9, п. 8.

потребленный въ кіево-печерскомъ монастырѣ будетъ спасенъ, хотя бы онъ умеръ безъ покаянія (¹).

β) розыскивать о непотребныхъ и вредныхъ церемоніяхъ, подобныхъ той, что „въ малой россіи въ полку стародубскомъ, въ день уреченный, праздничный водятъ жонку простовласую подъ именемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ, и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и съ упованіемъ нѣкоей пользы", что „на иномъ мѣстѣ попы съ народомъ молебствуютъ предъ дубомъ и вѣтви онаго дуба попъ народу раздаетъ на благословеніе" (²).

γ) Заботиться объ обученіи народа. Регламентъ съ особенною обстоятельностію распространяется объ этой обязанности. Сказавъ о необходимости пастырскаго наставленія, Регламентъ продолжаетъ: „понеже мало есть противъ толикаго россійской церкви многонародія, таковыхъ пресвитерей, которые наизусть могли проповѣдать догматы и законы св. Писанія: то всеконечная нужда есть имѣти краткія и простымъ человѣкомъ вразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію довольно есть". Такихъ книжицъ Регламентъ предполагаетъ три: „первую о главнѣйшихъ, спасительныхъ догматахъ вѣры нашей, такожъ и о заповѣдехъ Божіихъ, въ десятословіи заключенныхъ; вторую — о собственныхъ всякаго чина должностяхъ; третью таковую, въ которой собранныя будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди какъ о главнѣйшихъ догматахъ, такъ и наипаче о грѣхахъ и добродѣтеляхъ, и собственно о должностяхъ всякаго чина". Первая и вторая книжицы должны быть

(¹) Ibid., стр. 6, п. 4.
(²) Ibid., стр. 7, п. 5.

составлены на основаніи св. Писанія, третья—извлечена изъ твореній св. отцевъ, приноровительно къ содержанію двухъ первыхъ. Чтеніе двухъ первыхъ должно быть предлагаемо по частямъ и по очередно въ воскресные и праздничные дни на утрени; чтеніе третьей книжицы на обѣдни о томъ же самомъ предметѣ, о которомъ было читано на утрени; такъ чтобы всѣ три могли быть однажды прочитаны въ четверть года. Первую и вторую книжицу могли учить и дѣти, „изъ начала своего букварнаго ученія“ (1).

д) наблюдать за подаяніемъ милостыни. Развивая обязанность духовной коллегіи касательно сего предмета, регламентъ старается, съ одной стороны, установить правильный взглядъ на подаяніе милостыни, съ другой, обличить тѣ грѣшныя злоупотребленія, къ которымъ прибѣгали „здравіи, но лѣниві прошаки“. Отказываясь отъ собственнаго труда, они „нахальствомъ и лукавымъ смиреніемъ чуждые труды поядали... сочиняли нѣкая безумная и душевредная пѣнія, и оная съ притворнымъ стенаніемъ предъ народомъ пѣли и простыхъ невѣждъ еще вящше обезумдивали, пріемля за то награжденіе себѣ“. Относительно частныхъ поступковъ этихъ людей регламентъ замѣчаетъ: „По дорогамъ, гдѣ угодно видятъ, разбиваютъ; зажигатели суть; на шпіонство отъ бунтовщиковъ и измѣнниковъ подряжаются; клевещутъ на властей высокихъ, и самую власть верховную злѣ обносятъ, и простой народъ къ презорству властей преклоняютъ; младенцемъ своимъ очи ослѣпляютъ, руки скорчиваютъ и иные чины развращаютъ, чтобъ были прямые нищіе и милосердія достойные... Надлежитъ убо великая должность духовному Коллегіумъ

(1) Дух. Регл., стр. 7—8.

прилѣжно о семъ думать и совѣтовать, каковымъ бы лучшимъ способомъ зло сіе искоренить и добрый чинъ милостыни опредѣлить“ (¹).

ε) вѣдать и разбирать дѣла о раскольникахъ и еретикахъ, которыхъ регламентъ вообще велитъ отсылать въ духовную коллегію (²). Касательно розыска тайныхъ раскольниковъ онъ даетъ слѣдующее наставленіе: „доношеніе подаетъ епископъ въ духовную коллегію на мірскаго господина не просто, что у него раскольники обрѣтаются, но что господинъ тотъ сильно не допускаетъ священнику прихода онаго, или и посланнымъ архіерейскимъ, сыскивать и обличать раскольниковъ, въ отчинѣ его пребывающихъ, и именовани будутъ въ доношеніи достовѣрные свидѣтели того. А Коллегіумъ, слушавъ свидѣтелей, напишетъ увѣщательнѣе ко оному господину, чтобы попустилъ свободно сыскивать раскольниковъ въ своей отчинѣ. И буде послушаетъ господинъ, то его больше не утруждать; буде же преслушаетъ, то и самъ дѣломъ о себѣ засвидѣтельствуетъ, что онъ раскольщиковъ заступникъ есть, и тогда коллегіумъ приступитъ къ духовному его наказанію всѣмъ тѣмъ порядкомъ, какъ писано о анаѳемѣ“ (³).

III. Въ отношеніи ко всему церковному управленію и благоустройству:

α) Первою и главною обязанностію духовнаго правительства предписывается, „вѣдать кія суть должности и всѣхъ обще христіанъ и собственно епископовъ, пресвитеровъ съ прочими церковными служительми, монаховъ, учителей и учащихся, такожъ и мірскихъ лицъ,

(¹) Дух. Регл., стр. 28—29, п. 12.
(²) Ibid., стр. 28, п. 5, стр. 23, п. 3.
(³) Ibid., стр. 25, п. 5, см. стр. 11, п. 16.

поелику они наставленія духовнаго участницы суть, и наблюдать аще всякъ въ своемъ званіи пребываетъ, а погрѣшающихъ наставлять и наказывать" (1).

β) Свидѣтельствовать производимыхъ на архіерейство: „не суть ли суевѣрцы, ханжи, святокупцы, гдѣ и какъ жили, допросить бы свидѣтельствомъ отъ чего богатство имѣютъ, если кто таковый окажется" (2).

γ) Принимать и разбирать жалобы всѣхъ на суды епископовъ, если кто оными недоволенъ: въ дѣлахъ о недоумѣнныхъ бракахъ, искахъ о разводѣ; жалобы клира или монастыря на обиды нанесенныя имъ ихъ епископомъ; также взаимныя жалобы епископовъ другъ на друга" (3).

δ) наблюдать „кто и какъ владѣетъ землями церковными, и куды на что хлѣбъ и пробыли аще сія суть денежныя издерживаются; и если кто церковные пожитки похищаетъ воровски, духовное коллегіумъ наступать на онаго и на немъ похищеннаго доправлять долженствуетъ" (4).

ε) выслушивать жалобы отъ епископовъ и меньшихъ служителей церковныхъ, которые терпятъ обиды отъ нѣкоего сильнаго господина, и своимъ ходатайствомъ „просить для нихъ скоро управы, гдѣ надлежитъ" (5).

ζ) „отвращать священство отъ симоніи и безстуднаго нахальства". Полезною для сего мѣрою регламентъ предлагаетъ то, чтобы уравнять число дворовъ въ приходахъ и назначить опредѣленный съ каждаго изъ нихъ сборъ въ пользу причтовъ (6).

(1) Ibid., стр. 27, п. 1.
(2) Ibid., стр. 28, п. 7.
(3) Ibid., стр. 28, п. 8, см. стр. 15, п. 13—14.
(4) Ibid., стр. 28, п. 9, см. стр. 10, п. 12.
(5) Ibid., стр. 28, п. 10.
(6) Ibid., стр. 29, п. 13.

η) разрѣшать, когда потребуется, недоумѣнные падежи совѣсти и всѣ другія сомнительныя дѣла по церковному управленію [1].

ι) Заботиться о прекращеніи худыхъ и вредныхъ обычаевъ, вошедшихъ въ церковную практику отъ лѣности клира, какъ то: „пѣть церковныя службы и молебны двоегласно, и многогласно, давать отсутствующимъ лицамъ молитвы въ шапку посланныхъ отъ нихъ" [2].

κ) свидѣтельствовать вмѣстѣ съ юстицъ—коллегіею духовныя завѣщанія знатныхъ особъ [3].

Легко понять, что изложенный нами перечень представляетъ собою скорѣе инструкцію, которою опредѣляются занятія новоучрежденной духовной коллегіи, какъ особаго, среди другихъ, правительственнаго учрежденія въ государствѣ, а не указаніе тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя по существу принадлежатъ духовной коллегіи, какъ самостоятельному правительству церкви, и которыми она свободна пользоваться для духовныхъ цѣлей церкви и нравственныхъ нуждъ государства. Легко усмотрѣть, что единство петровской реформы, какъ отличительная ея черта, сказалось и здѣсь очевидными слѣдствіями. Какъ самое учрежденіе духовной коллегіи было слѣдствіемъ вліянія идей государства на вѣдомство церкви: такъ точно и занятія, указанныя этой коллегіи, стоятъ близко къ выгодамъ государства. Власть послѣдняго, чрезъ духовную коллегію, какъ бы намѣренно пользуется властію церкви для своихъ ближайшихъ цѣлей. Въ самомъ дѣлѣ, духовная коллегія, по регламенту, должна устремить свою дѣятельность

---

(1) Ibid., стр. 28, п. 6.
(2) Ibid., стр. 7, п. 9, 10.
(3) Ibid., стр. 28, п. 13.

на устройство нравственныхъ сторонъ жизни русскаго общества, должна заняться уничтоженіемъ гнѣздившихся въ немъ остатковъ язычества, также суевѣрій и предразсудковъ. Но извѣстно, что реформа Петра прежде всего встрѣтила сначала глухой ропотъ, а потомъ и открытый протестъ со стороны людей стараго закона, старинныхъ понятій и нравовъ; ихъ прежде всего, для успѣха реформы, нужно было обезоружить и уничтожить. Власть духовной коллегіи, какъ власть самой церкви, представляла собою надежное средство къ тому, чтобы съ успѣхомъ бороться съ заблужденіями этихъ людей и противодѣйствовать имъ. Государство пользуется этою властію, обязывая ее чуть не къ полицейскому розыску и преслѣдованію виновныхъ; на руки церковной же власти государство заботится сдать и другой классъ людей, столько для него тягостныхъ, разумѣемъ бѣдныхъ, жившихъ подаяніями и милостынями на общій счетъ государства. Основнымъ мотивомъ подобнаго распоряженія въ регламентѣ, прежде всего выставлены государственныя соображенія: „сколько тысячъ въ Россіи обрѣтается лѣнивыхъ таковыхъ прошаковъ, толикожъ тысящъ не дѣлаютъ хлѣба, и потому нѣтъ отъ нихъ приходу хлѣбнаго;... Хватать бы таковыхъ всюду и къ дѣламъ общимъ приставлять"? (¹) Подобныя соображенія просвѣчиваютъ и въ другихъ распоряженіяхъ Духовнаго Регламента. Справедливо, что всѣ эти распоряженія о занятіяхъ духовной коллегіи суть распоряженія о дѣйствительныхъ нравственныхъ недостаткахъ жизни, которыя старая Русь завѣщала новой, и которые, очевидно, требовали исправленія; но нельзя отвергать того, что мѣры къ пресѣченію этихъ недостатковъ указы-

(¹) Регл., стр. 28—29.

ваются преимущественно по инициативѣ государства и въ видахъ государственной власти, такъ что чувствуется достаточное основаніе думать, что власть Церкви какъ бы становилась служебнымъ органомъ власти государства въ достиженіи указываемыхъ ею цѣлей, что правительство церковное, приравниваясь прочимъ административнымъ установленіямъ государства, обязывалось соображать свою дѣятельность съ пользою и нуждами послѣдняго. По крайней мѣрѣ такое направленіе дѣятельности церковнаго правительства составляетъ главную черту отличія новаго управленія, получившаго начало при Петрѣ, отъ древней администраціи русской Церкви, каковою она является въ періодъ всероссійской митрополіи и московскаго патріаршества.

II.

Въ отношеніи къ епархіальному, или епископскому управленію русской церкви, узаконенія Духовнаго Регламента не предлагаютъ новыхъ, особенныхъ перемѣнъ, которыя сами собою подразумѣвались въ общей, капитальной реформѣ, произведенной въ церковномъ вѣдомствѣ и управленіи. Регламентъ заботится только прояснить обязанности, занятія и характеръ дѣятельности епископовъ въ означенномъ нами направленіи. До очевидности ясно, что Регламентъ не только мало довѣряетъ образованію духовныхъ пастырей; но и не довольствовался ихъ пріемами по епархіальному управленію. Онъ предлагаетъ и, нужно сказать, очень безцеремонно, нѣкоторыя регулы, которыми епископы обязываются изучить для себя „соборы селенскіе и помѣстные“, неопустительно прилежать управленію собственной епархіи, заботиться объ образованіи духовнаго юноше-

ства „въ надежду священства“, быть кроткимъ и осмотрительнымъ въ употребленіи своей власти при наложеніи церковныхъ епитимій и особенно церковной анаѳемы, посѣщать свою епархію для непосредственнаго надзора за ея благосостояніемъ. Характерность этихъ регулъ, проясняющихъ взглядъ новаго, отечественнаго законодательства на административныя права и власть епископовъ, дѣлаетъ болѣе близкое ознакомленіе съ ихъ содержаніемъ не излишнимъ.

„Должни суть епископи, говоритъ Регламентъ, имѣть всякъ у себе соборы селенскіе и помѣстные, и что въ оныхъ заповѣдано, какъ ихъ же самихъ чину, такъ и всему клиру должное, знать гораздо“. Особенно же „должны знать степени однородства и сродства, и каковыя могутъ вмѣстить въ себѣ супружество, и каковыя не могутъ... А понеже та и другая должность не можетъ добрѣ знаема быть безъ прилежнаго чтенія, а будетъ-ли всякъ охотникъ ко чтенію неизвѣстно: того ради поданъ будетъ всѣмъ епископомъ отъ Коллегіумъ Духовнаго указъ, чтобы у всякаго при его трапезѣ чтеніе было каноновъ себѣ надлежащихъ“. Исключеніе допускается только для дней великихъ праздниковъ, на случаи посѣщенія гостей достойныхъ, или по другой уважительной причинѣ (¹).

Въ видахъ успѣшности епархіальнаго управленія Регламентъ предписываетъ епископамъ, „кромѣ обычныхъ домовыхъ управителей, опредѣлять къ дѣламъ нѣкоего умнаго и житіемъ честнаго мужа, архимандрита, или игумена, придавъ къ нему въ помощь нѣсколько и другихъ умныхъ человѣкъ отъ монашескаго, или священническаго чина“. Особенно епископъ обязанъ дѣлать

(¹) Дух. Регл., стр. 9, п. 1—3.

сіе, въ случаяхъ своего отсутствія изъ епархіи, или постигшей его тяжкой болѣзни, которая не позволяетъ ему самому управлять дѣлами епархіи. Организованное такимъ образомъ управленіе обязывалось съ отсутствующимъ епископомъ сноситься письменно, съ большимъ словесно; въ случаяхъ сомнительныхъ писать къ Духовной Коллегіи. Если бы самъ епископъ, въ случаѣ неизлечимой своей болѣзни, или преклонной старости, не согласился „описаться къ Духовному Коллегіумъ" объ увольненіи его отъ должности: то Регламентъ обязываетъ тоже самое управленіе сдѣлать это. Коллегія, по своему усмотрѣнію, или даетъ епархіи администратора, или новаго епископа (1).

Регламентъ поставляетъ каждому епископу въ обязанность имѣть въ своемъ домѣ, или при немъ, „школу для дѣтей священническихъ, или и прочихъ въ надежду священства опредѣленныхъ". Разъясняя свое требованіе, Регламентъ продолжаетъ, что учителемъ школы долженъ быть избираемъ человѣкъ „умный и честный, который дѣтей училъ не токмо чисто, ясно и точно по книгамъ честь, но училъ бы честь и разумѣть"; что учениковъ, какъ тупыхъ, такъ и остроумныхъ, но развращенныхъ и упрямыхъ, непобѣдимой лѣности, „по довольномъ искушеніи", слѣдуетъ отпускать изъ школы „отъявъ имъ всю надежду чина священническаго"; но получившихъ образованіе производить на священство и въ монашескій чинъ предпочтительно предъ неучившимися въ школѣ (2).

(1) Ibib., стр. 9, п. 5, 7. Въ настоящемъ распоряженіи Духовнаго Регламента можно видѣть начало послѣдующихъ и современныхъ духовныхъ консисторій.

(2) Ibid., стр. 10, п. 9—10.

Содержаніе учениковъ въ этой школѣ и снабженіе ихъ книгами должно быть даромъ, на счетъ знатнѣйшихъ монастырей и тѣхъ церквей епархіи, при которыхъ есть земли. Монастыри обязаны давать 20-й, а церкви 30-й процентъ всякаго хлѣба (¹). Смотря по количеству собраннаго, такимъ образомъ, хлѣба, нужно было содержать число учениковъ въ школѣ съ потребнымъ количествомъ служителей. Содержаніе учителю, а таже и жалованье ему Регламентъ указываетъ давать изъ архіерейской казны, по росписанію духовной коллегіи. Если бы епископы стали обременяться исполненіемъ этаго распоряженія и высказывать свое неудовольствіе: то Регламентъ предлагаетъ самую современную, по тогдашнимъ понятіямъ, мѣру: „лишнихъ служителей не держать, не нужныхъ, кромѣ доставляющихъ прибыль, строеній не дѣлать, священныхъ одеждъ и обыкновеннаго платья „надъ подобающею чести своей потребу“ не умножать (²).

Замѣчательно разсужденіе Регламента о правахъ и власти епископовъ. „Вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своей и не высоко бы о ней мыслилъ, и дѣло убо великое, но честь никаковая, почитай въ писаніи знатная опредѣлена“. Настоящую тему Регламентъ разъясняетъ примѣрами и мѣстами св. Писанія, гдѣ пастыри называются только служителями Божіими, и строителями Таинъ его, и, съ усиліемъ мысли, заключаетъ: „точію внѣшнее дѣло пастырское есть проповѣдати, настояти, запрещати благовременно и безвременно, и

(¹) Какъ за сборомъ, такъ и расходомъ этого хлѣба, обязывался надсматривать самъ епископъ; а объ общихъ приходахъ и расходахъ должны быть отчетныя книги и въ Духовной Коллегіи, Ibid., п. 12, стр. 10.

(²) Ibid., стр. 10, п. 13.

обряды Таинъ св. строити". Цѣль сего заключенія та, „чтобы укротить оную вельми жестокую епископовъ славу, чтобы оныхъ подъ руки (донелѣ же здрави) не вожено, и въ землю онымъ подручныя братія не кланялись"; тѣмъ болѣе, что „оные поклонницы самохотно и нахально стелются по земли, да лукаво, чтобы степень исходатайствовать себѣ недостойный, чтобы такъ неистовство и воровство свое покрыть". Продолжая развивать свою мысль о достоинствѣ пастырства, какъ „посольства Божія", Регламентъ настаиваетъ на своемъ, чтобы честь пастырямъ была оказываема „умѣренная, а лишняя и почитай царская да не будетъ, и умѣренной не самимъ пастырямъ искать и отъ подручныхъ истязовать, но свободно подаваннoю удовлятися" ([2]).

На томъ же основаніи Регламентъ основываетъ и свое требованіе, чтобы „епископъ не былъ дерзокъ и скоръ, но долготерпѣливъ и разсудителенъ въ употребленіи власти своей связательной, т. е. въ отлученіи и анаѳемѣ". Достойными послѣдняго наказанія Регламентъ признаетъ тѣхъ, „кто явственно хулитъ имя Божіе, или св. Писаніе, или Церковь, или явно грѣшникъ есть, не стыдяся дѣла своего, но и паче тѣмъ чваняся, или безъ правильной вины покаянія и св. Евхаристіи больше году не пріемлетъ, или что-либо иное творитъ съ явнымъ закона Божія ругательствомъ и посмѣяніемъ". Таковые люди, по мысли Регламента, подлежатъ анаѳемѣ не просто за грѣхъ, а за явное и гордое презрѣніе суда Божія и церковной власти, за великій соблазнъ немощныхъ братій, ведущій къ безбожію". Но и надъ виновными въ подобныхъ грѣхахъ людьми епископъ долженъ не вдругъ произносить анаѳему, а послѣ троекрат-

([1]) Дух. Регл., стр. 11, п. 14—15.

наго увѣщанія ихъ: сначала чрезъ духовнаго ихъ отца наединѣ, потомъ увѣщаетъ самъ епископъ лично, или чрезъ особую депутацію изъ духовныхъ и мірскихъ лицъ, преимущественно друзей увѣщаемаго, такимъ же порядкомъ и въ третій разъ. Когда всѣ означенныя старанія останутся безуспѣшными: въ такомъ случаѣ епископъ обращается къ рѣшительной мѣрѣ: онъ приказываетъ своему протодіакону, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, всенародно объявить виновнаго публичнымъ и нераскаяннымъ грѣшникомъ и увѣщавать всѣхъ, а особенно близкихъ къ нему людей молиться и заботиться объ его исправленіи до извѣстнаго времени, послѣ котораго, въ случаѣ неисправленія, онъ долженъ подпасть отлученію отъ Церкви. При безуспѣшности и этой мѣры, епископъ, не приступая къ окончательному анаѳематствованію виновнаго, обращается въ духовную коллегію, подробно описывая ходъ дѣла и испрашивая соизволенія: предать явнаго грѣшника церковной анаѳемѣ. Формула отлученія, образчикъ которой можно видѣть въ Регламентѣ (¹), прочитанная протодіакономъ въ Церкви, прибивается къ дверямъ мѣстнаго, или и всякаго другаго храма въ епархіи, смотря по распоряженію духовной коллегіи. Если бы отлученный, вмѣсто принесенія истиннаго раскаянія, началъ бы пренебрегать положенною на него анаѳемою и сталъ бы пакостить епископу, или причту: въ такомъ случаѣ епископъ чрезъ духовную коллегію ищетъ суда у гражданской власти, или у самаго царскаго величества (²).

Отлученію малому епископъ уполномочивается подвергать виновныхъ, „не описываясь къ духовному кол-

(¹) На стр. 12.
(²) Дух. Регл., стр. 11, п. 16.

легіумъ для сопровожденія"; но онъ обязывается дѣлать сіе „не по страсти, а съ прилежнымъ розыскомъ"; отлученному невинно дается право приносить на епископа жалобу духовной коллегіи. Малое отлученіе назначается „за великій и явный грѣхъ, но не самое большое явногрѣшеніе". Оно состоитъ въ отлученіи отъ общенія съ правовѣрными въ общихъ молитвахъ, въ запрещеніи входа въ храмъ Божій и въ удаленіи на нѣкоторое время отъ причащенія" (1).

Для ближайшаго надзора за всѣхъ епархіальнымъ управленіямъ (2) и порядкомъ, Регламентъ предписываетъ епископу каждый годъ, или въ два года, посѣщать свою епархію съ соблюденіемъ слѣдующихъ регулъ:

α) Производить сіе посѣщеніе не зимою, а лѣтомъ, когда потребно меньше издержекъ на пріемъ епископа и его свиты: „не надобѣ сѣна, говоритъ Регламентъ, а древъ мало треба, хлѣбъ, рыба, кормъ коневой дешевле; и можетъ епископъ не далеке отъ города, на полѣ, въ палаткѣ время перестоять, чтобы не трудить священства, или гражданъ квартирою, наипаче городъ убогій".

β) Во время самаго посѣщенія, епископъ, совершивъ литургію, въ присутствіи градскихъ и сельскихъ пресвитеровъ, и отслуживъ благодарственный молебенъ, обязанъ сказать духовенству и народу приличное, назидательное слово и вызваться разрѣшить имъ недоумѣнія, смущающія ихъ умъ и совѣсть. Регламентъ

(1) Дух. Регл., стр. 13 на концѣ 16-то пункта.

(2) Въ составѣ этого управленія Регламентъ ставитъ протопоповъ, или нарочно опредѣленныхъ къ тому благочинныхъ какъ-бы духовныхъ фискаловъ; они обязаны были надсматривать за всѣмъ и доносить епископу. Ibid., стр. 10, сначала стр. 13, п. 17.

уполномочиваетъ епископа „тайно у меньшихъ церковниковъ и другихъ лицъ вывѣдывать о жизни и поведеніи пресвитеровъ и діаконовъ, особенно о тѣхъ ихъ проступкахъ, которые явны народу, но скрываются отъ епископа“. Пока епископъ не разсмотритъ и не рѣшитъ жалобъ, принесенныхъ ему, до тѣхъ поръ ни онъ не долженъ принимать къ себѣ посѣтителей, ни самъ навѣщать другихъ, чтобы не подпасть подозрѣнію въ пристрастіи, и не быть увлечену чѣмъ-либо“.

γ) Во время тѣхъ же посѣщеній епископъ разспрашиваетъ—какъ у духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ: не дѣлаются ли гдѣ-либо суевѣрія, не обрѣтаются ли кликуши, не проявляетъ ли кто для скверноприбытка ложныхъ чудесъ при иконахъ, при кладезяхъ и источникахъ и т. п. О правленіи и поведеніи въ монастыряхъ Регламентъ совѣтуетъ епископу спрашивать лучше у духовенства города и его жителей, чѣмъ у самой монашествующей братіи.

δ) Въ особенную обязанность епископамъ Регламентъ вмѣняетъ то, чтобы они внушали своимъ служителямъ, „чтобы тѣ, въ посѣщаемыхъ городахъ и монастырахъ благочинно и трезво пребывали, и не творили бы соблазна, наипаче же не домогались бы у монаховъ и у поповъ кушанья и питья, и конскаго корму лишняго, колми паче не дерзали бы грабить, подъ виною жестокаго наказанія, ибо слуги архіерейскіе обычнѣ бываютъ лакомыя скотины и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостію и безстудіемъ, какъ татаре, на похищеніе устремляются“.

ε) Наконецъ всякій епископъ обязывается Регламентомъ два раза въ годъ доносить духовной коллегіи о состояніи и поведеніи своей епархіи. Въ этихъ доно-

шеніяхъ они не должны скрывать епархіальныхъ нестроеній и умалчивать объ нихъ; за намѣренную утайку, коль скоро она будетъ дознана, епископу грозитъ судъ духовной коллегіи (¹).

III.

Изъ предметовъ, относящихся до церковнаго управленія и благоустройства, духовный Регламентъ разсуждаетъ объ училищныхъ домахъ: академіяхъ и семинаріяхъ, проповѣдникахъ и мірскихъ особахъ, „поелику участны суть наставленія духовнаго". Разсужденія Регламента объ означенныхъ предметахъ, кромѣ того, что вѣютъ непосредственнымъ духомъ эпохи того времени, проясняютъ собою желанныя цѣли русскаго правительства.

Статью о домахъ училищныхъ духовный Регламентъ открываетъ цѣлою апологіею въ защиту просвѣщенія противъ того враждебнаго взгляда на настоящій предметъ, который старая Русь вмѣстѣ съ своими предразсудками и суевѣріями завѣщала новой Руси. Указаніемъ на благодѣтельные плоды образовательныхъ реформъ Державнѣйшаго Монарха въ другихъ отрасляхъ государственнаго благоустройства, Регламентъ начинаетъ свое разсужденіе о необходимости ввести просвѣщеніе и въ вѣдомство церкви. „Когда нѣтъ свѣта ученія, говоритъ Регламентъ, нельзя быть и доброму церкви поведенію и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздоромъ и пребезумнымъ ересямъ". На старое мнѣніе, сдѣлавшееся убѣжденіемъ большинства русскихъ людей, „будто ученіе производитъ только ереси, опасныя для

(¹) Дух. Регл., стр. 14—15.

истины и вѣры“, Регламентъ отвѣчаетъ съ замѣчательною силою и рѣдкимъ понимáніемъ предмета. Въ общемъ смыслѣ онъ говоритъ, что ереси плодились въ церкви не „отъ ученія бѣсновавшихся учителей, а отъ гордаго глупства“, возрастали и укрѣплялись „отъ злобы и гордости, которая не попускала еретикамъ перемѣнить дурное ихъ мнѣніе“; что „если посмотримъ чрезъ исторіи, яко чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣка, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели свѣтлыхъ ученіемъ временахъ“. Но не всякое ученіе и Регламентъ называетъ полезнымъ для церкви и отечества, а только „ученіе доброе и основательное“... „Неосновательные мудрецы не только не полезны, но и весьма вредны суть и дружеству и отечеству и церкви: предъ властьми надмѣру смиряются, но лукаво, чтобъ такъ украсть милость ихъ, и пролѣзть на степень честный; равнаго чина людей ненавидятъ, и если кто во ученіи похваляемъ есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити... когда богословствуютъ, нельзя имъ не еретичествовать; за невѣжествомъ бо своимъ удобь проговорятся, а мнѣнія своего нареченнаго перемѣнить отнюдь не хотятъ, чтобы не показать себѣ, что не все знаютъ..., мудраго человѣка есть свойство отмѣнять мнѣніе“ (¹).

Послѣ предложенныхъ разсужденій Регламентъ начертываетъ и самыя правила проектируемыхъ имъ академій и семинарій. Эти правила касаются пріема учащихся, избранія учителей, управленія и внутренняго устройства заведеній, метода и состава самаго обученія.

„Должны всѣ протопопы и богатшіи или и иніи священницы дѣтей своихъ присылать въ академію. Можно тоежъ

(¹) Дух. Регл., стр. 15—17.

указать и лучшимъ градскимъ приказнымъ людямъ" (1). Въ семинаріи собственно не указывается принимать малыхъ дѣтей, но отъ 10—15 лѣтъ и старше, только не иначе, какъ „по прошенію честныхъ лицъ, свидѣтельствующихъ, что отрокъ и въ домѣ родительскомъ жилъ въ страхѣ и добромъ насмотрѣніи" (2). Новоприведеннаго ученика предписывается испытывать, чтобы отвѣдать его память и остроуміе; оказавшихся явно тупыми не принимать, чтобы они напрасно не тратили лѣтъ, но притворяющихся такими „ради отпуска въ домъ" подвергать „искушенію ума" въ теченія года (3). Отъ поступавшихъ въ академію бралась собственноручная подписка въ томъ, что они „до конца ученій пребудутъ въ академіи, подъ великимъ штрафомъ, еслибы обѣта своего не исполнили" (4). Начальству также вмѣнялось въ обязанность держать учениковъ при академіи до конца всѣхъ ученій и не отсылать безъ вѣдома духовной Коллегіи; начальникъ, тайно отпустившій ученика „за мзду поданную", долженъ подлежать, по Регламенту, жестокому наказанію (5). Но „дѣтинъ непобѣдимой злобы, клеветниковъ, непокорныхъ", которыхъ „чрезъ годовое время ни увѣщаніи, ни жестокими наказаніи одолѣть не возможно, хотя бъ и остроумны были, высылать съ академіи, чтобы бѣшенному меча не дать" (6).

Выборъ на должность учителя долженъ быть самый тщательный; долженъ сопровождаться испытаніемъ знаній кандидата по предмету предстоящихъ ему занятій.

(1) Дух. Регл., стр. 19, п. 14.
(2) Ibid., 21, 14.
(3) Ibid. 19, п. 17.
(4) Ibid. 20, 21.
(5) Ibid. 19, 15.
(6) Ibid. 20, 18.

Оказавшiеся не искусными въ требуемомъ ученiи, но остроумными отъ природы, при недостаткѣ людей, можно давать полгода и даже годъ времени для усовершенствованiя себя въ нужныхъ познанiяхъ „отъ авторовъ въ дѣлѣ томъ искусныхъ“ (¹).

Собственное начальство въ академiи составляютъ: ректоръ и префектъ; въ семинарiи — ректоръ „дому всего управитель“ и два экзаменатора „розыщики ученiя“. Всѣ эти лица и особенно ректоръ и префектъ академiи должны были быть „люди ученые, извѣстные своими трудами“. Ректоръ и префектъ академiи наблюдаютъ какъ за неопустительнымъ хожденiемъ учителей въ классъ, такъ и за самымъ характеромъ ихъ преподаванiя; для сей цѣли они обязываются посѣщать всѣ классы по два въ недѣлю, слушать преподаванiе учителя и испытывать знанiя учениковъ; объ учителяхъ, неблагонадежныхъ чѣмъ либо по службѣ, ректоръ д. доноситъ духовной коллегiи. Ректоръ семинарiи „верховная властъ всѣхъ всякимъ по разсужденiю наказанiемъ наказывать можетъ“, только не отпускать изъ семинарiи безъ вѣдома духовной коллегiи, хотя бы „кто явился и непреклоннымъ къ исправленiю“ (²).

Академiи должны устрояться „не въ городѣ, но въ сторонѣ, на веселомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ народнаго шуму, ниже частыя оказiи, которыя развлекаютъ учащихся“. Семинарiи должны устроятъся при академiяхъ и безъ нихъ. Внѣшнее устройство семинарiи должно быть подобнымъ монастырю; ученики въ количествѣ осми или девяти человѣкъ распредѣлены по особымъ помѣщенiямъ (избамъ); для каждаго помѣщенiя назначается особый

(¹) Ibid. 17, 3, 4.

(²) Дух. Регл., стр. 19, п. 11, 12 и стр. 20, п. 5, 7, 8.

префектъ „человѣкъ хотя не ученый, но честнаго житія, только не вельми свирѣпый и не меланхоликъ отъ 30 до 50 лѣтъ: онъ наблюдаетъ — какъ за доброправіемъ учащихся, такъ и ихъ занятіями въ указанное время, и наказываетъ ихъ: малыхъ „розгою", среднихъ и большихъ „словомъ укорительнымъ", на неисправляющихся доноситъ ректору (1).

Всеобщее въ то время неблагорасположеніе къ занятію науками побудило составителя Регламента начертать довольно строгія правила касательно отпусковъ учащихся, но довольно снисходительныя касательно развлеченій ихъ въ заведеніи. Регламентъ вообще не одобряетъ того, чтобы отпускать семинаристовъ изъ семинаріи въ городъ, или куда бы то ни было, пока они „не обыкнутъ, пребывая въ семинаріяхъ и не ощутятъ замѣтной пользы такого воспитанія". Для подобнаго „обыканія" назначается трехлѣтній срокъ, послѣ котораго дозволяется увольнять, но только не болѣе двухъ разъ въ годъ и притомъ на семь дней; уволеннаго сопровождаетъ особый наблюдатель, который слѣдитъ за нимъ всюду, а, по возвращеніи, доноситъ начальству объ его поведеніи. При посѣщеніи воспитанниковъ сродниками обязывается присутствовать самъ ректоръ, или экзаменаторъ, смотря „по разсужденію" посѣтителей (2).

„Таковое младыхъ человѣкъ житіе", размѣряемое звонкомъ, самъ Регламентъ называетъ „стужительнымъ и подобнымъ плѣнническому заключенію". Но онъ же и старается „разнообразить его особыми развлеченіями: семинаристамъ каждый день назначалось два часа для гулянья „съ играми честными и тѣлодвижными", напр.,

(1) Ibid., стр. 20, п. 1, 4, 6.
(2) Ibid. 21, 10, 12.

водное на регулярныхъ судахъ плаванье, геометрическіе размѣры, строеніе регулярныхъ крѣпостей и т. п., лѣтомъ однажды, или дважды въ мѣсяцъ дозволялись прогулки на острова, поля и веселыя мѣста, къ загороднымъ Государевымъ дворамъ и въ Петербургъ. Въ видахъ отчасти тѣхъ же развлеченій дозволялось дѣлать „акціи, диспуты, комедіи, риторскія екзерциціи“; въ великіе праздники позволялось быть „при столѣ семинаристовъ гласомъ мусикійскихъ инструментовъ“. Для сего Регламентъ допускаетъ нанимать особаго „майстера“, у котораго всѣ желающіе семинаристы учились бы музыкѣ ([1]).

Науками академическаго курса должны быть: грамматика купно съ географіей и исторіею ([2]); ариѳметика и геометрія; логика, или діалектика; реторика съ стихотворнымъ ученіемъ; физика съ краткою метафизикою; политика краткая Пуффендорфа и богословіе. Для каждой изъ пяти первыхъ наукъ назначалось по одному году, для богословія два; всего восемь лѣтъ. Руководствомъ при преподаваніи богословія должны были служить: св. Писаніе и творенія св. отецъ вмѣстѣ съ дѣяніями вселенскихъ соборовъ; изслѣдованія иностранныхъ ученыхъ допускались къ употребленію, но съ крайнею осмотрительностію и осторожностію. „Многажды бо, замѣчаетъ Регламентъ, лгутъ господа оные, и чего не бывало приводятъ: многажды же слово истинное развра-

([1]) Ibid., стр. 21, п. 13, 15, 16, 18, 20. Къ разряду увеселеній Регламентъ относитъ чтеніе за общимъ столомъ происшествій церковной и гражданской исторіи, также расказовъ о великихъ ученыхъ, церковныхъ писателяхъ, древнихъ и новыхъ философахъ, астрономахъ, риторахъ, историкахъ и пр., также раздача иныхъ почестей добрѣ и тщательно учащимся. Ibid., п. 17, 19.

([2]) Исторію и Географію предполагалось учить, дѣлая „экзерциціи“ по „регуламъ грамматическимъ“ напр. переводы ibid., стр. 19, п. 9.

щаютъ". Въ отношеніи къ наукамъ свѣтскимъ главнымъ пособіемъ должны служить трудъ „изряднѣйшихъ во всякомъ ученіи авторовъ, которые свидѣтельствованы въ славныхъ академіяхъ, именно въ Парижѣ" (1).

Какъ воспитанниковъ академіи, такъ и семинаристовъ, по окончаніи ими ученія, Регламентъ предписываетъ рекомендовать самому Царскому Величеству, для опредѣленія изъ нихъ, если бы понадобилось, на мѣста (2).

Въ статьѣ о проповѣдникахъ Регламентъ ограничивается практическими наставленіями, вполнѣ пригодными и для нашего времени.

Званіемъ проповѣдника, по Регламенту, можетъ пользоваться только лице, получившее свидѣтельство отъ самой духовной коллегіи, и выдержавшее предъ нею испытаніе въ проповѣдническомъ искусствѣ (3).

Въ самомъ дѣлѣ проповѣданія Регламентъ предписываетъ руководствоваться слѣдующими правилами. Говорить съ доводовъ св. Писанія о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина, противъ суевѣрій для вкорененія въ людяхъ страха Божія (4). Говоря о грѣхахъ, не упоминать о лицахъ, виновныхъ въ нихъ, если только они не объявлены церковію; о грѣхѣ извѣстнаго лица, который сдѣлался гласнымъ въ обществѣ, также не говорить, чтобы не навлечь на себя мщеніе со стороны виновнаго (5). Проповѣдникъ не долженъ дѣлать своей проповѣди средствомъ для от-

(1) Ibid. 17, 6, 7, 10
(2) Ibid. 20, 21, 22, 25.
(3) Ibid. 22, 1.
(4) Ibid. 22, п. 2.
(5) Ibid. 22, п. 3.

щенія лицу, обидѣвшему его; не слѣдуетъ ему, особенно когда онъ молодъ, говорить о грѣхахъ „властительски“, обличая въ лице слушателей (1); въ составленіи поученій онъ долженъ руководствоваться сочиненіями Златоустаго, но не хвалиться, если бы онъ замѣтилъ успѣхъ своихъ проповѣдей (2). На самой каѳедрѣ церковной проповѣдникъ долженъ быть скроменъ: не поднимать съ гордостію бровей, не дѣлать надмѣнныхъ движеній плечами, не употреблять высокомѣрнаго тона (3). Положеніе всего тѣла должно быть спокойное, безъ крайнихъ движеній: въ родѣ напр. покачиваній изъ стороны въ сторону, сплескиванья руками, упиранья въ бока, подскакиванья, смѣха и слезъ: „вся бросія лишняя и неблагообразна суть и слушателей возмущаютъ“ (4). Въ присутствіи другихъ не слѣдуетъ проповѣднику заводить разговора о своей проповѣди; если бы и была поднята бесѣда объ ней: то онъ не долженъ ни хвалить, ни охуждать своего слова, но стараться окончить рѣчь объ этомъ предметѣ, и начать бесѣду о другомъ (5).

Разсужденіе о мірянахъ Регламентъ ограничиваетъ стороною, съ которой они подлежатъ церковному управленію, или сами принимаютъ участіе въ немъ.

Мірянами, по словамъ Регламента, называются всѣ вѣрующіе, въ отличіе отъ служителей и управителей церковныхъ, какъ ихъ „слышателіе и ученицы“ (6).

Какъ пасомые они обязаны къ совершенному по-

(1) Ibid. 23, п. 4, 5.
(2) Ibid. 23, п. 6, 7.
(3) Ibid. 23, п. 8.
(4) Ibid. 23, п. 9.
(5) Дух. Регл., стр. 23. п. 10.
(6) Ibid., стр. 24 въ концѣ.

вниовенію пастырямъ и послушанію ихъ ученію и руководству. Какъ христіане обязываются часто, и непремѣнно однажды въ годъ, причащаться св. Таинъ. Уклоненіе отъ сего долга Регламентъ считаетъ вѣрнымъ признакомъ отчужденія отъ церкви къ расколу (¹).

Регламентъ не одобряетъ нѣкоторыхъ явленій, идущихъ изъ древней Россіи и имѣющихъ свое основаніе въ тогдашнемъ устройствѣ церковнаго быта. Именно онъ запрещаетъ всѣмъ міряжамъ, кромѣ фамиліи Царскаго Величества, имѣть у себя домовыя церкви и крестовыхъ поповъ; „ибо сіе лишнее есть и отъ единой спеси дѣется и духовному чину укорительное", принимать „волочащихся поповъ" въ себѣ въ духовники, „ибо священникъ, изгнанъ за преступленіе, или своевольно самъ оставилъ врученную себѣ церковь, уже почитай и не священникъ есть, и великій грѣхъ пріемлетъ, дѣйствуя священническая". Чтобы уменьшить на будущее время количество такихъ священнослужителей, Регламентъ старается ввести болѣе опредѣленный порядокъ въ замѣщеніи мѣстъ священническихъ. Онъ обязываетъ всѣхъ прихожанъ и въ частности помѣщиковъ, гдѣ они будутъ, свидѣтельствовать, что избранное ими на священство лице „житія добраго и неподозрительнаго", и точно обозначить, „какая ему руга будетъ, или земля"; указываетъ брать и съ избраннаго подписку въ томъ, „что онъ тою ругою или землею хочетъ быть доволенъ, и отъ церкви, къ которой посвященъ, не отходить до смерти" (²).

Регламентъ далѣе осуждаетъ тѣ случаи, когда „гражданскіе управители и иныя власти, такожъ силь-

(¹) Ibid., стр. 25, 1, 2.
(²) Ibid., стр. 26, 7, 8, 9.

ные помѣщика", подлежа духовному вразумленію за свои дѣйствія, не хотѣли однакожъ слушать и повиноваться своимъ епархіальнымъ епископамъ, не признавали ихъ и своими пастырями. Онъ внушаетъ всѣмъ мірскимъ лицамъ во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ обращаться къ епархіальному ихъ епископу и свое внушеніе еще болѣе усиливаетъ въ отношеніи къ дѣламъ о сомнительныхъ бракахъ. Священникъ, если не рѣшитъ сомнѣнія, обращается къ разсужденію епископа; епископъ—къ духовной коллегіи. Коллегіи для всѣхъ, могущихъ встрѣтиться недоразумѣній, указывается „написать рѣшеніе крѣпкое отъ св. писанія и отъ разсужденія славныхъ, древнихъ учителей; такожъ и отъ уставовъ царскихъ". Для отвращенія самыхъ подозрѣній на неправильность брака, Регламентъ полагаетъ такое общее правило: не вѣнчать браковъ въ чужихъ приходахъ, къ которымъ не принадлежатъ ни женихъ, ни невѣста, а тѣмъ болѣе браковъ изъ другой епархіи; не приглашать для вѣнчанія и священниковъ другой епархіи, и другаго прихода: „сіе, кромѣ укоризны своихъ пастырей, еще являетъ, что такъ женящіися въ подозрѣніи суть неправилнаго сочетанія" (¹).

Соображая содержаніе Духовнаго Регламента въ цѣломъ, нельзя не сказать, что одна часть этого содержанія создана и протолкована требованіями и цѣлями петровской реформы; другая указана и продиктована темными сторонами церковной жизни прежняго времени. Соотвѣтственно этому, одна часть раскрываетъ начала и желанія реформы, другая указываетъ недостатки и нужды церковной жизни, требовавшіе исправленія и удовлетворенія. Цѣли административныя и нравственныя

(¹) Дух. Регл., стр. 26, 27, п. 10, 12.

проникають собою все содержаніе Регламента, такъ что, по указанію этихъ цѣлей и для удовлетворенія ихъ, Регламентъ излагаетъ свои общія и частныя узаконенія. Эти узаконенія, захватывая почти всѣ предметы церковнаго управленія, проясняютъ тотъ общій взглядъ, которымъ дѣятели администраціи должны руководствоваться при завѣдываніи тѣми предметами, указываютъ стороны, устроеніе которыхъ болѣе необходимо для порядка и жизни. Эти узаконенія доводятъ какъ до общественнаго сознанія, такъ и въ частности до сознанія подлежащей власти тѣ нестроенія и недостатки, которые хотя сжились съ русскимъ обществомъ, но никакъ не могутъ быть терпимы среди него, какъ явленія вредныя, противузаконныя и противунравственныя. Къ уничтоженію этихъ нестроеній и этихъ недостатковъ Регламентъ и направляется своимъ содержаніемъ, которое имѣетъ потому не просто юридическое, но вмѣстѣ и педагогическое значеніе: это не только законъ, но вмѣстѣ и правительственное распоряженіе о приведеніи въ исполненіе смысла и требованій сего закона; это не только предписаніе о томъ, что желательно, что нужно: а вмѣстѣ и наставленіе въ томъ, какъ достигнуть желаемаго, какъ получить нужное. На томъ основаніи, что всѣ свои постановленія и распоряженія духовный Регламентъ соображаетъ и раскрываетъ примѣнительно къ дѣйствительнымъ нуждамъ мѣстной церкви, онъ, не смотря на совершенное признаніе смысла вселенскаго права (¹), остается источникомъ однего русскаго права для одной русской же церкви.

Т. Барсовъ.

(¹) Регл., стр. 1.

КЪ ВОПРОСУ

О ВЗАИМНООБЩЕНІИ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ СЪ ПРАВОСЛАВНЫМИ ВОСТОЧНЫМИ ЦЕРКВАМИ.

(окончаніе)

1.

Д-ръ Webb.—Я думаю, что мы можемъ искать (claim) братства (brotherhood) съ греческою церковію, но не полагаю, чтобъ мы могли входить теперь въ разсужденіе о тѣхъ пунктахъ, по которымъ мы расходимся съ нею. Мы еще не созрѣли (not yet ripe for it) для того.—На сей разъ мнѣ хотѣлось бы только устранить тѣ недоразумѣнія, которыя могутъ произойти изъ сказаннаго лордомъ А. Комптономъ. Мы вполнѣ признаемъ каѳоличность (catholicity) нашей церкви и расположеніе каѳолически настроенныхъ лицъ вступить въ синодальныя (synodical) сношенія съ другими православными церквами; и потому-то я не желалъ бы, чтобъ предполагали,—на основаніи тѣхъ или другихъ выраженій,—будто мы равнодушны къ тѣмъ опасностямъ, которыя влекутъ за собою нововведенія. Дайте мнѣ сказать просто: я имѣю здѣсь въ виду именно тѣ сильныя домогательства, которыми отличается наше

время: чего домогаются? Домогаются болѣе и болѣе какой-то популярной администраціи; домогаются ввести мірскій элементъ (lay element) не только въ администрацію церковныхъ дѣлъ,—что̀ весьма желательно,—но, можно сказать, въ самое управленіе церкви и въ законодательство ея. Я боюсь, намъ угрожаетъ опасность: дойдутъ въ этомъ дѣлѣ до крайности. Боюсь, что въ этомъ духѣ слишкомъ много будутъ дѣйствовать, и тогда очень, очень трудно будетъ успѣть намъ въ нашихъ сношеніяхъ съ восточною церковію. Поверьте, одинъ только есть самый надежный и безопасный путь: это тотъ путь, на который указываютъ намъ древніе и первобытные примѣры (precedents) относительно управленія церкви. Я не менѣе другихъ готовъ принять тѣ или другія измѣненія (modifications), лишь бы онѣ не касались цѣлости нашихъ синодовъ (integrity of our Synods) и тѣхъ дѣлъ, которыя имъ подлежать.

Деканъ вестминстерскій.—Я желаю сказать нѣсколько словъ—какъ изъ участія, которое я принимаю въ восточной церкви, такъ и изъ уваженія къ общему характеру этого вопроса. Не буду здѣсь повторять того, что уже прежде говорилъ при разныхъ случаяхъ, а именно, съ какимъ великимъ удовольствіемъ я переношусь въ то время, когда мнѣ доставлена была честь познакомиться съ сановниками и прелатами этой древней и такъ широко распространившейся церкви.—Изъ всѣхъ церковныхъ документовъ, какіе являлись въ христіанскомъ мірѣ въ продолженіи послѣднихъ двадцати или тридцати лѣтъ, я не знаю ни одного, который протестантское христіанство приняло съ такимъ всеобщимъ одобреніемъ, съ какимъ оно приняло отвѣтъ константи-

тинопольскаго патріарха на приглашеніе его папой присутствовать на соборѣ, имѣющемъ быть въ Римѣ. (*оч. одобр.*). Я думаю, что этимъ отвѣтомъ въ совершенствѣ опредѣляется вопросъ: „на опросъ отвѣтъ!“—и отвѣтъ въ тонѣ мѣрномъ, въ духѣ умѣренномъ, въ духѣ христіанскомъ, въ высшей степени достохвальномъ. Когда онъ показался въ печати, то почти всѣ журналы отнеслись къ нему съ особеннымъ одобреніемъ; онъ привелъ въ восторгъ даже тѣхъ, которые всего больше любятъ глумиться надъ всѣмъ тѣмъ, что касается церкви. Я говорю это, вовсе не имѣя въ виду умалить достоинство подобнаго отвѣта, посланнаго патріархомъ александрійскимъ: онъ имѣетъ все свое достоинство, но достоинство его не первостепенное потому самому, что онъ былъ не первымъ, не первоначальнымъ отвѣтомъ.—Я не могъ коснуться этого вопроса, не принеся этой заслуженной дани упомянутому документу.—Мимоходомъ, дайте мнѣ остановиться на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ Д-ра Оеbb'а. Какой дѣйствительный фактъ относительно крещенія въ россійской и константинопольской церквахъ? Дѣло это очень ясно и просто приводится у Вильяма Пальмера. Онъ говоритъ, что онъ могъ бы имѣть условное крещеніе въ русской церкви, но его крещеніе не было бы признано церковію константинопольскою. — За тѣмъ дайте мнѣ нѣчто сказать относительно тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ является предъ нами настоящій репортъ объ „Intercommunion“ съ восточною церковію. Въ самомъ репортѣ, думается мнѣ, нѣтъ ничего, противъ чего можно бы было возстать на какомъ-либо разумномъ основаніи, но въ томъ колоритѣ, который приданъ отношеніямъ между этими двумя церквами, и которымъ

мы освѣщаемся не совсѣмъ-то удовлетворительно, дѣйствительно, на мои глаза, есть нѣчто, на что можно возразить. Въ чемъ заключается „realis status casus" относительно вопроса о взаимнообщеніи, т. е. о преподаніи и пріятіи святыхъ таинствъ, будетъ ли то таинство крещенія или таинство Господней вечери? Ужъ конечно въ томъ, что со стороны англійской церкви нѣтъ никакого препятствія къ преподанію того или другаго изъ нихъ. Если бы патріархъ константинопольскій или патріархъ александрійскій, или почтенный представитель россійской церкви, котораго мы съ радостію видимъ среди насъ въ Лондонѣ (whom we are glad to see amongst us in London) пожелали принять св. причастіе отъ нашей руки, то вѣдь нѣтъ ничего — ни въ законахъ, ни въ практикѣ англійской церкви, чтобы представило имъ хотя малѣйшее затрудненіе. Мнѣ думается, намъ со всею ясностію должно высказаться здѣсь, что намъ нечего въ семъ случаѣ измѣнять или постановлять. Мы вполнѣ согласны на то, чтобъ лица, принадлежащія другимъ церквамъ (¹), принимали св. причастіе отъ нашей руки; если есть какое тутъ затрудненіе, то оно есть или будетъ съ ихъ стороны. Я не на то жалуюсь, что члены восточной церкви, или тотъ или другой, смотрятъ на нее съ большимъ почтеніемъ и благоговѣніемъ (admiration), чѣмъ нѣкоторые изъ насъ, а на то... или лучше—просто привожу фактъ, что, вслѣдствіе чрезвычайно строгой привязанности къ древнимъ формамъ, они не позволяютъ себѣ допускать къ общенію съ обрядами своей церкви даже тѣхъ, на кого, въ другихъ отношеніяхъ, они смотрятъ съ христіанскимъ участіемъ. Такъ я опять говорю, что над-

(¹) Commotions.

желало бы съ наибольшею ясностію прописать въ репортѣ, что въ семъ отношеніи трудности не съ нашей, а съ ихъ стороны. Но есть и другой пунктъ, котораго я желаю коснуться. Меня всегда радуютъ привѣты, дѣлаемые восточной церкви, мнѣ всегда бываютъ пріятны эти „апроши“ къ восточнымъ, какъ къ членамъ истинной церкви, потому что я чувствую, что всякое подобное выраженіе чувства съ нашей стороны ведетъ къ отмѣнѣ (repeal) тѣхъ анаѳемъ въ „Athanasian Credo“, которыя стоятъ на пути къ взаимнообщенію. Эти анаѳемы вѣдь открыто гласятъ, что *никто изъ членовъ восточной церкви не можетъ спастись.* Это постоянно смущаетъ меня, и, за то, на всякое пріязненное выраженіе чувства къ восточной церкви я смотрю, какъ на практическую отмѣну тѣхъ страшныхъ анаѳемъ: этимъ мы показываемъ, что, какъ представители церкви, мы не признаемъ обязательной силы этихъ ужасныхъ извѣтовъ.—И еще есть одна причина между многими другими, почему я привѣтливо отнесся къ прошенію декана Ely'скаго касательно этого предмета: документы этого рода служатъ къ тому, что больше и больше теряетъ свою „prominence“ въ нашей церкви тотъ символъ, который ни въ одной изъ христіанскихъ церквей во всемъ мірѣ не читается публично, предъ народомъ, и сами собою говорятъ, что чѣмъ скорѣе мы перестанемъ читать эти анаѳемы, столь оскорбительныя для восточной церкви, тѣмъ будетъ лучше для всего христіанскаго міра.—Наконецъ я отважусь сдѣлать еще одно замѣчаніе по поводу репорта. Если мнѣ всегда пріятно сочувствовать движеніямъ въ направленіи къ единенію или общенію съ восточною церковію, то, по той же самой причинѣ, желалъ бы я знать, по-

чему намъ ограничиться въ симпатіяхъ нашихъ одними восточными? Они очень далеко отъ насъ,—далеко и по разстоянію и по обычаямъ; и на самомъ дѣлѣ едва ли мы очень близко сойдемся съ ними, если оставимъ въ сторонѣ тѣ отношенія, на которыя съ такимъ чувствомъ указывалъ канцлеръ Масенитбердъ; а между тѣмъ есть такія церкви (Communions), которыя постоянно приходятъ въ самое близкое соприкосновеніе съ нами—въ нашей собственной землѣ, и съ которыми гораздо удобнѣе и легче (practible) для насъ поддерживать и воздѣлывать дружественныя и пріязненныя (interestins) сношенія: и однакожъ въ отношеніи къ нимъ наши выраженія пріязненнаго нашего расположенія слышатся въ этой палатѣ и рѣже и меньше, чѣмъ въ отношеніи къ тѣмъ дальнимъ и далеко уклонившимся отъ насъ (withdrawn) церквамъ. Знаю, могутъ сказать, что за разъ нельзя дѣлать двухъ дѣлъ; но, признаюсь, не могу видѣть этихъ выраженій, по видимому, исключительной привязанности къ восточной церкви, не чувствуя, что мы равно обязаны простирать „десницу общенія" и къ тѣмъ великимъ протестантскимъ церквамъ Германіи, съ которыми въ первое столѣтіе послѣ реформаціи наша церковь была въ столь тѣсномъ союзѣ (communion). Тоже замѣчу и въ отношеніи къ нашей сестрѣ,—т. е. къ пресвитеріанской церкви въ Шотландіи: она *nominaliter* упоминается въ канонахъ англійской церкви, и во многихъ, во многихъ отношеніяхъ весьма близка къ нашему „Establishment". Наконецъ, съ извѣстной точки зрѣнія и наши „Nonconformists" (т. е. раскольники англійской церкви) достойны всякаго вниманія. Вопросы эти не непосредственно предлежатъ намъ, и потому я не желаю теперь настаивать на нихъ; но не

могу не сказать, что, тогда какъ мы говоримъ въ этомъ исключительномъ тонѣ о древней, досточтимой и „interesting“ церкви востока, какъ будто бы то была единственная церковь, съ которою мы должны быть въ пріязненныхъ отношеніяхъ,—не могу не сказать, повторяю, что есть другія церкви, которыя, въ историческомъ и національномъ смыслѣ, поставлены были въ болѣе тѣсный союзъ и въ болѣе близкое соотношеніе съ нашею церковію, что не должны мы забывать правило или пословицу — „charity begins at home—братолюбіе начинается съ своихъ“, и что, напротивъ, должны воздѣлывать, сколько возможно, тѣ же самыя добрыя и пріязненныя отношенія и къ нимъ, какія стараемся воздѣлывать (cultivate) къ церквамъ Россіи и востока.

Д-ръ Frazer. — Сердечно сочувствуя декану вестминстерскому во многомъ, во многомъ, что имъ сказано, я желаю сдѣлать нѣсколько замѣчаній на два изъ тѣхъ пунктовъ, которые онъ поставилъ намъ на видъ. И во-первыхъ, позвольте мнѣ коснуться этихъ выраженій—„на однѣхъ и тѣхъ же условіяхъ“, приводимыхъ, въ параграфѣ D, въ репортѣ комитета. Само собою разумѣется, относительно тѣхъ именитыхъ особъ, на которыя онъ указалъ, не можетъ быть ни затрудненій, ни колебаній: онѣ прямо могутъ быть приняты къ общенію съ нами въ таинствахъ. Но я полагаю, что въ случаѣ, если бы пожелалъ быть причастникомъ безвѣстный членъ восточной церкви, всякій англійскій духовный, истинно добросовѣстный, согласно съ практикою англійской церкви (¹), потребовалъ бы свидѣтельства, что онъ крещенъ, а потомъ освѣдомился бы, что онъ не есть какой-либо отъявленный причинитель

(¹) Быть можетъ, прежнихъ временъ. *Перев.*

соблазновъ (¹). Мнѣ думается, что всякій духовный былъ бы въ правѣ потребовать что-либо въ родѣ litterae commendatoriae" или свидѣтельство отъ православнаго священника, прежде чѣмъ то или другое лицо будетъ допущено къ принятію св. причащенія: совсѣмъ иное дѣло, если ищущій причащенія есть человѣкъ извѣстный, человѣкъ извѣстный по своему неукоризненному поведенію. Однимъ словомъ, духовный нашей церкви поступилъ бы въ семъ случаѣ согласно съ нашею „рубрикою". Вотъ почему я думаю, что нечего возражать на слѣдующія выраженія въ репортѣ комитета:

„Англійская церковь, въ свою чреду, охотно стала бы преподавать эти „offices" религіи, братолюбія и христіанскаго соотношенія (или свойствà) членамъ восточной церкви на однихъ и тѣхъ же условіяхъ, какъ и дѣйствительно она всегда готова была дѣлать тó, и, какъ церковь считала себя обязанною дѣлать тó".

Позвольте мнѣ перейти теперь къ другому пункту, который былъ упомянутъ вестминстерскимъ деканомъ, и о которомъ была уже рѣчь въ прежнемъ засѣданіи конвокаціи относительно анаѳемъ въ Аѳанасіевомъ символѣ вѣры, будто бы направленныхъ противъ восточной церкви. Еще тогда приведены были мною извѣстные „аргументы" и не малому подвергнуты были разбору: но вотъ и теперь, снова разсмотрѣвъ ихъ, я не вижу причины, почему бы мнѣ не держаться ихъ. Въ первоначальномъ своемъ видѣ словá, имѣющія отношеніе къ Св. Духу, значатся такъ: „a Patre et Filio procedens". Теперь, я утверждаю, что словà эти не к-

(¹) Вотъ и въ семъ случаѣ исповѣдь нельзя сдѣлать дѣломъ „произвольнымъ". *Перев.*

саются членовъ восточной церкви: они были бы „затронуты“, если бы тамъ стояло: „ex Patre et Filio procedens“. Безъ сомнѣнія, въ этой палатѣ есть много такихъ, которые гораздо сильнѣе меня въ латинскомъ языкѣ. И такъ я обращаюсь къ нимъ, и спрашиваю ихъ: по точно-буквальному смыслу словъ—„a Patre et Filio procedens“ не разумѣется ли только „temporalis missio?“ И, напротивъ, по тому же смыслу словъ — „ex Patre et Filio“ — разумѣется „aeterna processio?“ Если составители Аѳанасіева символа вѣры желали ясно-раздѣльно выразить вѣчное исхожденіе, то почему они не употребили тѣхъ же самыхъ словъ въ западномъ переводѣ Константинопольскаго, или лучше — Халкидонскаго символа вѣры— „qui procedit ex Patre Filioque?..“ Англійскія выраженія—The holy Ghost is of the Father and of the Son“ не представляютъ тѣхъ возраженій, какія представляются въ латинскомъ оригиналѣ. Они могутъ успокоить восточнаго богослова. И такъ, въ самой вещи, въ Аѳанасіевомъ символѣ вѣры, въ томъ видѣ, какъ онъ имѣется въ нашемъ англійкомъ молитвенникѣ, нѣтъ ни одного выраженія, которое, по справедливости, могло бы причинить хотя малѣйшее оскорбленіе восточнымъ православнымъ церквамъ.

Д-ръ Ray. Я понялъ такъ, что переводъ окружнаго посланія (на греч.) предлагаютъ послать патріарху восточной церкви. Но если не совсѣмъ мнѣ измѣняетъ память, то это было уже сдѣлано покойнымъ архіепископомъ кантербурійскимъ, по настоятельной просьбѣ англо-континентальнаго общества, да такъ, что сіе послѣднее успѣло и принесть ему благодарность за вниманіе его къ этой просьбѣ. И такъ, я полагаю, нѣтъ

болѣе нужды дѣлать то, что уже сдѣлано. (Затѣмъ, какъ путешественникъ, бывавшій въ Константинополѣ, и какъ очевидецъ, онъ сталъ-было доказывать, что между греками много фанатизма, невѣжества, суевѣрія,— а суевѣріе онъ видитъ и въ почитаніи святыхъ и т. п., и что слѣдовательно, все это нужно имѣть въ виду конвокаціи; но, казалось мнѣ, палата нашла эту рѣчь mal à propos, и она такимъ образомъ была кончена ex abrupto).

Пасторъ Т. Т. Perry. Я желаю здѣсь выразить мое сожалѣніе, что труды комитета не касаются церкви армянской. Вообще полагаютъ, что эта церковь первоначально перестала быть или считаться православною вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, а эти недоразумѣнія произошли вслѣдствіе недостатка извѣстныхъ словъ въ армянскомъ языкѣ для выраженія сугубаго естества въ Христѣ Іисусѣ. Но теперь, какъ я слышу, и какъ можно то видѣть въ сочиненіи одного профессора, пользующагося не малою знаменитостію, въ катихизисѣ настоящей армянской церкви ученіе о сугубомъ естествѣ во Христѣ излагается въ православномъ смыслѣ. Вотъ почему, я думаю, очень прилично было бы намъ съ привѣтомъ пріязни отнестись и къ членамъ армянской церкви, какъ мы относимся къ членамъ греческой. И именно въ настоящее время было бы особенно хорошо: вѣдь извѣстно, что именно теперь римская церковь усиливается произвести въ армянской церкви всякаго рода нестроеніе и все для того, чтобы найти въ ней прозелитовъ. Если мы тѣмъ или другимъ актомъ не покажемъ ей, что мы смотримъ на нее, какъ на православную церковь, то она можетъ придти къ заключенію, что мы не только равнодушны къ ней, но еще готовы отторгать

отъ нея, какъ отъ церкви будто бы апостатствующей, и присоединять къ нашей собственной церкви. Я думаю, то было бы величайшимъ зломъ, если бы при настоящемъ благонадежномъ положенiи вопроса о взаимнообщенiи между восточною церковiю и нашею, разошлось *тамъ* мнѣнiе, будто мы желаемъ обращать къ себѣ армянъ или будто мы смотримъ на армянскую церковь, какъ на церковь уклонившуюся отъ ученiя писанiя, и потому не составляющую собою вѣтви святой каѳолической церкви.

Канцлеръ Massingberd замѣтилъ, что комитетъ ограниченъ въ своихъ дѣйствiяхъ и имѣетъ въ виду только православную церковь; въ противномъ случаѣ онъ счастливъ бы былъ заняться и этимъ вопросомъ, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, именно теперь идутъ негоцiацiи между церквами — армянскою и православною, имѣющiя прямою цѣлiю—взаимное ихъ возсоединенiе.

Каноникъ Selwyn. Относительно того, что сейчасъ было сказано канцлеромъ Массингбердомъ, я желалъ бы замѣтить, что, простирая руку общенiя ко всѣмъ церквамъ, находящимся съ нами въ единенiи, или по крайней мѣрѣ согласно съ нами понимающимъ и принимающимъ основные пункты христiанской вѣры, и въ особенности озабочиваясь возстановленiемъ лучшихъ отношенiй между нашею собственною церковiю и церковiю востока, мы должны стараться избѣгать всего, что можетъ какъ-либо послужить къ большему разъединенiю между нами и христiанскими братiями церкви Рима. Какiя бы ни были трудности въ семъ дѣлѣ, все-таки, думается мнѣ, мы не должны позволять себѣ ничего такого,—будетъ ли то словомъ или дѣломъ,—чтобы могло, больше или меньше, мѣшать или препятствовать нашему

въ возможности покуда существующему сближенію съ Римомъ. Мнѣ казалось въ одну пору, что нашъ другъ (Friend), епископъ римскій (смѣхъ), если онъ позволитъ мнѣ такъ назвать его, имѣлъ нѣкоторое основаніе жаловаться на насъ за наши выраженія относительно его, такъ называемаго „вселенскаго собора", потому что мы сами бывшее „собраніе въ Ламбеѳѣ" называли было „знаменитымъ синодомъ, бывшимъ въ Ламбеѳѣ": но мы теперь отказались отъ нашихъ притязаній, и, сколько мнѣ извѣстно, во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ, бывшее собраніе въ ламбеоскомъ дворцѣ называемъ просто „The Conference of Lambeth". Продолжу прежнюю рѣчь свою: по мнѣ, все еще есть надежда, если не на единеніе, то на сближеніе между нами и западною церковію. Хоть и не цитуютъ самихъ себя, а все-таки я въ настоящемъ случаѣ приведу двѣ или три мысли, высказанныя мною въ письмѣ къ Пію IX, на которое, однакожъ, отвѣтъ еще не полученъ (смѣхъ). Да, но я нисколько не отчаяваюсь въ полученіи этого отвѣта (усиленный смѣхъ). Посовѣтовавъ его святости послѣдовать примѣру Климента римскаго, одного изъ раннихъ, если не первыхъ епископовъ Рима, который, какъ я тамъ замѣчаю, въ посланіи своемъ къ церкви коринѳской отъ лица церкви римской, между прочимъ, слѣдующія употребилъ выраженія: „церковь Божія, пребывающая въ Римѣ, церкви Божіей, пребывающей въ Коринѳѣ", — я говорю ему затѣмъ: „въ глазахъ Климента и апостоловъ, да — позвольте прибавить — и въ глазахъ соединенной церкви Англіи и Ирландіи, единая истинная церковь есть не церковь Рима или церковь Коринѳа, но единая, святая, каѳолическая церковь, церковь Христова, объемлющая собою всѣ частныя

церкви во всѣхъ странахъ. Святый отче! Пусть разсмотрятъ на твоемъ соборѣ, т. е. на соборѣ, который имѣетъ быть,—не добро-ли будетъ для твоего святаго престола, въ настоящую годину смутъ и томленія, сдѣлать этотъ отважный шагъ, — а именно — усвоить себѣ образецъ церкви, представляемый тебѣ Климентомъ, и, въ его духѣ братской любви, возъимѣть общеніе съ церквами другихъ странъ, и, наконецъ, сказать: церковь Божія, пребывающая въ Римѣ, церкви Божіей, пребывающей въ Англіи и Ирландіи! Ваша святость (продолжаю я въ письмѣ) можете быть увѣрены, что, поступивъ такимъ образомъ, вы утвердите святый престолъ въ сердцахъ всего христіанскаго міра; вы займете тогда ваше законное положеніе въ средѣ патріарховъ и митрополитовъ разныхъ христіанскихъ церквей въ свѣтѣ; какъ древле епископы римскіе, такъ и вы теперь почтенны будете всѣмъ тѣмъ первенствомъ достоинства и чести, которое по справедливости принадлежитъ митрополиту апостольскаго престола“.

Деканъ Ely'йскій. Вотъ что, какъ мнѣ кажется, должны мы принять всего ближе къ сердцу: тѣ великія затрудненія, на которыя указываютъ въ дѣлѣ взаимнообщенія съ иноземными церквами, происходятъ не отъ сихъ послѣднихъ, и даже не главнымъ образомъ отъ нихъ, а отъ страшныхъ (terrible) разностей, которыя существуютъ между нами самими. Если бы кто-либо изъ членовъ восточной, армянской или другой какой-либо церкви, прочитавъ отчетъ о томъ, что было сдѣлано сегодня нашей конвокаціей относительно сего вопроса, и пріѣхалъ къ намъ въ Англію и сталъ бы наблюдать за положеніемъ той церкви, которая простираетъ къ нимъ десницу общенія, то спрашивается, что онъ на-

шелъ бы? Онъ нашелъ бы, что Великобританія и Ирландія состоитъ изъ трехъ королевствъ и одного княжества. Что касается западной части королевства, онъ нашелъ бы, что парламентъ именно теперь занятъ одною главною мыслію, мыслію о томъ, какъ бы сломать ту самую церковь, которая простираетъ ему „десницу общенія" (само собою разумѣется, рѣчь идетъ объ англиканской церкви въ Ирландіи). Если бы онъ отправился на сѣверъ этого острова, то нашелъ бы, что церковь тамъ въ меньшинствѣ (minority), и этому еще въ „маломъ (smale) меньшинствѣ, массу же народа составляютъ пресвитеріане. Если бы онъ пошелъ въ Валлисъ, то и тамъ нашелъ бы, что церковь, какъ церковь, въ самомъ жалкомъ меньшинствѣ; на обратномъ же пути въ Англію онъ открылъ бы, что, хотя церковь все еще называется національною церковію, тѣмъ не менѣе самымъ страшнымъ образомъ (in the most terrible manner) искажена (изрѣзана) не только внѣшними дѣленіями, но и самыми ужасными (most terrible) внутренними разногласіями. Изъ всего этого я вывожу тотъ урокъ, что, какъ ни желательно, — я не говорю, что не желательно,—простирать „десницу общенія" иноземнымъ христіанамъ, все однакожъ, нельзя думать, чтобы могло выйти что-либо похожее на единство христіанскаго чувства и христіанской симпатіи въ мірѣ, прежде чѣмъ явится у насъ самихъ что-либо похожее на взаимное единство (¹).

Деканъ кантербурійскій. И я вмѣстѣ съ деканомъ вестминстерскимъ желаю и молюсь, да совершится въ-

(¹) „Veritatis simplex oratio est". Такъ и здѣсь: деканомъ Ely'скимъ сказано не много и сказано просто, но сказано вѣрно: все сущая правда. За то никто ничего и не возразилъ ему.—*Перев.*

когда единеніе между нами и прочими протестантскими „communions“. Таково естественное и нормальное слѣдствіе усилій, сдѣланныхъ въ настоящій день. Какъ бы то ни было, въ настоящее, однакожъ, время почти непроходимая пропасть находится между нашею церковію и другими протестантскими „communions“: тогда какъ мы полагаемъ, что необходимо нужны извѣстныя формы управленія и правленія церкви, онѣ смотрятъ на то совершенно другими глазами: отъ того-то, хотя и многіе изъ именитыхъ Nonconformists, какъ полагаю я, желали бы вступить съ нами во взаимнообщеніе, всякое быстрое, ускоренное дѣйствіе (action) съ нашей стороны можетъ только еще больше отдалить отъ насъ достиженіе искомой нами цѣли: вотъ почему, при всемъ моемъ сердечномъ желаніи быть въ общеніи съ нон-конформистами, я нахожу нужнымъ настоящія наши „proceedings“ ограничить, и именно оставить ихъ въ данныхъ имъ предѣлахъ и въ данной имъ формѣ.

Каноникъ Conway'скій. Не безъ боли сердца я встаю, чтобы принять участіе въ настоящемъ разсужденіи, потому что не могу я подать голосъ въ пользу той резолюціи, которая предложена намъ. Эта резолюція обязываетъ насъ, какъ я понимаю, къ совершенному взаимнообщенію, въ силу котораго намъ приведется греческое или православное духовенство вводить на наши проповѣдническія каѳедры („нѣтъ, нѣтъ“). Такъ, по крайней мѣрѣ, приглашать („нѣтъ“) на оныя. Да развѣ тотъ самый, который предложилъ эту „резолюцію“, не ясно сказалъ, что онъ желалъ бы, чтобы и наши, особенно путешествующіе по востоку, были допускаемы ко всѣмъ службамъ (offices) греческой церкви, и, равно, иніе участвовали бы во всѣхъ нашихъ службахъ? Не

значитъ-ли это, что и духовенство той и другой церкви можетъ тѣмъ же пользоваться, и слѣдовательно взаимнообразно восходить на каѳедры для проповѣди слова Божія? („нѣтъ, нѣтъ“). Ну, такъ я ошибся. (Слушайте, слушайте). Что до меня, то я никакъ не посовѣтывалъ бы моимъ прихожанамъ присутствовать при такой службѣ, которою внушается почитаніе Дѣвы Маріи и гдѣ на самомъ дѣлѣ совершается призываніе святыхъ; да полагаю, что и другіе члены этой палаты вполнѣ раздѣляютъ со мною мнѣніе мое по сему дѣлу... И такъ, при всемъ моемъ уваженіи къ личному характеру того, который предложилъ вышеприведенную резолюцію, и предложилъ въ такомъ прекрасномъ тонѣ, я долженъ сказать, что все это дѣло мнѣ не по мысли.

Архидіаконъ Denison. И я желаю сказать нѣсколько словъ, потому что желаю, чтобы все, что исходитъ изъ этой палаты, было ясно и опредѣленно и недопускало никакихъ недоразумѣній. Я съ радостію и благодарностію готовъ трудиться въ качествѣ члена этого комитета, потому что считаю непремѣннымъ моимъ долгомъ молиться о единеніи церквей, хотя и мало, мало надежды на то, и въ особенности мало надежды въ дѣлѣ искомаго нами единенія. Отъ того-то въ началѣ я и не думалъ-было говорить; но теперь мнѣ пожелалось высказаться потому, что деканъ Ely'скій отчасти уже выразилъ то, что и я думаю. Да, послѣ того, что имъ сказано, мнѣ остается только прибавить, что отсутствіе въ мысли моей или въ умѣ моемъ всякой надежды по отношенію къ данному вопросу возникло у меня уже много лѣтъ тому назадъ, изъ того самаго, что такъ хорошо высказано деканомъ, а именно, — изъ того, что между нами самими нѣтъ ни малѣйшаго единенія.

(*одинъ* членъ—„нѣтъ"). Да, я обязанъ это сказать. Если мы мало знаемъ чужія церкви, то и насъ знаютъ столь-же мало; и, какъ вѣрно сказалъ деканъ, если бы члены иноземныхъ церквей пришли къ намъ и посмотрѣли на то, что дѣлается у насъ, то они нашли бы, что среди членовъ англійской церкви, содержащихъ или имѣющихъ въ виду одинъ и тотъ же образецъ вѣры и благочинія, живутъ и царствуютъ разнородныя и самыя непримиримыя мнѣнія. Они нашли бы, что „sacramental и non-sacramental партіи" бьются между собою не на животъ, а на смерть, и все возможное дѣлаютъ, чтобы сгубить другъ друга. Такъ я желалъ бы знать, какая польза во всѣхъ этихъ репортахъ и документахъ предъ лицемъ подобнаго положенія дѣлъ! И то еще можно сказать, что въ отношеніи къ національной нашей церкви,—къ прискорбію моему, я чувствую себя обязаннымъ такъ говорить,—всѣ дѣйствія государства, повидимому, получаютъ одно направленіе, то есть, направленіе, противное каѳолической вѣрѣ. Будучи такъ, а не иначе убѣжденъ, я и говорю теперь такъ, а не иначе; въ противномъ случаѣ можетъ кому либо показаться, что я не все высказалъ, и тѣмъ подалъ поводъ къ какимъ либо недоразумѣніямъ. Да, я думаю, что, сколько бы мы ни трудились въ видахъ единенія и сколько бы ни молились объ единеніи, все однакожъ мы не должны позволить себѣ увлекаться тою мыслію, будто въ настоящее время есть какой-либо „realis prospectus". Если угодно я подамъ голосъ въ пользу „резолюціи", но просто потому, что, думается мнѣ, все-таки лучше въ семъ случаѣ идти „*pro*, чѣмъ contra". (Одобренія) (¹).

(¹) Архидіаконъ Денисонъ принадлежитъ къ числу самыхъ открытыхъ и рѣшительныхъ публичныхъ спикеровъ.—*Примѣч. перев.*

И такъ „Resolution“ была принята. Затѣмъ *Д-ръ Fraser* предложилъ слѣдующую резолюцію, а именно:

„Что, при видѣ участія, очевидно, принимаемаго въ „этомъ дѣлѣ многими членами восточной церкви, эта „палата, принимая въ разсмотрѣніе, что, статься можетъ, „послѣдуетъ съ ихъ стороны какое-либо сообщеніе „(communication), съ увѣренностію готова сказать, что „подобныя сообщенія, если только они будутъ сдѣланы, „будутъ приняты ею съ самымъ сердечнымъ (most „cordial) привѣтомъ и уваженіемъ“,—

и за симъ сказалъ: безъ сомнѣнія, палатѣ пріятно будетъ узнать, что вчера я имѣлъ удовольствіе встрѣтить гибралтарскаго епископа, который только-что третьяго дня пріѣхалъ сюда изъ своей епархіи. Да, и при первой же встрѣчѣ съ нимъ, имѣлъ разговоръ о нашемъ общемъ дѣлѣ. Въ концѣ разговора, онъ замѣтилъ мнѣ, что я воленъ говорить или не говорить о тѣхъ фактахъ, которые имъ были сообщены мнѣ; вотъ почему я и хочу ихъ коснуться теперь, тѣмъ болѣе, что привести ихъ — значитъ оправдать первую часть „резолюціи“, которую я имѣю въ виду. — Епископъ Гибралтарскій ѣздилъ въ Константинополь на освященіе „Memorial Church“ въ Перѣ. По прибытіи туда, онъ тотчасъ же послалъ письмо къ патріарху, давая тѣмъ знать, что онъ пріѣхалъ въ землю, которая находится въ его церковномъ вѣдомствѣ (jurisdition), для совершенія епископскихъ актовъ конфирмаціи и консекраціи, и проситъ у него на то позволенія (permission). Патріархъ тотчасъ же послалъ отвѣтъ, въ которомъ выразилъ просимое у него согласіе. Мало того: послалъ протосинкелла на освященіе церкви, и еще двухъ діаконовъ. Равно епископъ Перы и архимандритъ горы

Аөонской присутствовали тамъ, и, повидимому, принимали великое участіе (interest) въ освященіи этой „Memorial Church“. Изъ Константинополя епископъ проѣхалъ въ Смирну. Тамъ еще освятилъ англійскую церковь. И тутъ епископъ смирнскій послалъ своего архидіакона (Archdiacon) съ другими двумя духовными, и тѣмъ выразилъ свое участіе въ „proceedings“. Вотъ и другой фактъ, о которомъ стóитъ упомянуть. Бывъ въ Өерапіи, епископъ гибралтарскій пожелалъ преподать святое причастіе соотечественникамъ, живущимъ тамъ; но оказалось, что тамъ нѣтъ церковныхъ сосудовъ, потребныхъ въ семъ случаѣ; обратились къ священнику приходской церкви: и что-жъ? Онъ съ сердечною готовностью ссудилъ своими церковными сосудами, и такимъ образомъ далъ возможность епископу совершить святое таинство причащенія. Вотъ и еще фактъ, имѣющій отношеніе къ россійской церкви. Капелланъ русской посольской въ Лондонѣ церкви, протоіерей Е. Поповъ сообщилъ мнѣ, что послѣдовало россійскаго святѣйшаго синода согласіе на то, чтобы, въ день годичнаго собранія восточной церковной ассоціаціи (какъ въ семъ году, такъ и въ будущіе годы) была совершена имъ божественная литургія на англійскомъ языкѣ. Всѣ эти факты, приведенные мною, показываютъ вамъ, что многіе изъ членовъ восточной церкви значительное принимаютъ участіе въ англійской церкви. Позвольте мнѣ и еще примѣра два или три привести, которые свидѣтельствуютъ объ этой къ намъ симпатіи, и которые дошли до моего свѣдѣнія. Такъ, нѣкогда одинъ изъ нашихъ духовныхъ, во время путешествія своего по Сербіи, пріялъ святое причащеніе отъ Студеницкаго архимандрита. Въ Майденбекѣ, въ той же Сербіи, есть же-

лѣпныя и мѣдныя копіи, вырабатываемыя англичанами. И вотъ меня увѣдомили, что смотритель этихъ копей, англичанинъ, обратился разъ къ сосѣднему сербскому священнику, и спросилъ его, что ему дѣлать, въ случаѣ, если понадобится совершить какую-либо церковную требу его землякамъ,—и чтожъ? Священникъ отвѣчалъ: „пока у васъ не будетъ священника вашей церкви, я буду смотрѣть на васъ, какъ на своихъ прихожанъ, и буду дѣлать для васъ то или другое, какъ для моихъ прихожанъ“ (Знаки одобренія). Все это не явно ли показываетъ, что со стороны восточной церкви есть большое „cordiality“ и большой „interest“ къ церкви Англіи? Вотъ почему я полагаю, что предложеніе, „virtualiter“ заключающееся въ „резолюціи“, гдѣ говорится, что „interest“, очевидно, „принимается въ насъ или въ нашей церкви многими членами восточной церкви“, вполнѣ мною доказано. Само собою разумѣется, что въ дѣлѣ негоціацій по этому столь „delicate“ предмету въ самомъ началѣ могутъ открыться разныя трудности. Мнѣ думается, что первый шагъ сдѣлать лучше намъ, чѣмъ восточнымъ: въ нашей натурѣ больше дѣятельнаго и энергическаго начала. Да вѣроятно, это будетъ и благоразумнѣе и дипломатичнѣе.

Теперь я обращусь ко второму пункту моего довода (argument), а именно, что есть основаніе думать, надѣяться и ожидать, что „негоціаціи“ по дѣлу взаимообщенія встрѣтятъ сердечный привѣтъ и поведутъ къ удовлетворительнымъ результатамъ. Начиная свои замѣчанія относительно этого пункта, я желаю предпослать имъ нѣсколько словъ, имѣющихъ особенную для насъ важность; слова эти не мои, но я хочу усвоить ихъ себѣ. Вотъ онѣ:

„Къ счастію, въ послѣдніе годы стало замѣчаться желаніе „съузить“ (to narrow) то пространство, которымъ англійская церковь отдѣляется отъ прочихъ христіанскихъ тѣлъ; многіе начали усматривать, что, и не измѣняя своимъ началамъ и оставаясь вѣрными своей церкви, мы можемъ открыть такія точки соприкосновенія, которыхъ нельзя не признать, и при посредствѣ которыхъ, сами собою, „as matter of fact“, значительно ослабляется непріязненность прежнихъ временъ. Не въ одномъ, а въ разныхъ мѣстахъ сдѣланы усилія не только понять то или другое, но и сочувственно отнестись къ тому или другому въ восточныхъ церквахъ, а именно къ тому, что есть въ нихъ хорошаго и благонадежнаго (hopeful). Усилія эти были дѣломъ обычнымъ нѣкогда для такихъ прелатовъ, какъ Andrews и Ken; но они не такъ *общи* были, какъ теперь, и не раздѣлялись столь многими, какъ они раздѣляются въ наши дни“. . . . .

Слова эти принадлежатъ оплакиваемому нами епископу Cotton'у, который нѣкогда былъ старѣйшимъ прелатомъ въ Калькуттѣ, въ Индіи (зн. одобр.). Повторяя ихъ теперь, мы не можемъ не чувствовать, что Cotton слѣдуетъ здѣсь по стопамъ епископа Heber'а. — Если угодно, есть и весьма, весьма практическія причины, почему намъ усиленно должно желать взаимнообщенія съ восточною церковію. Одинъ джентлеменъ, очень близко знакомый съ Востокомъ, сообщилъ мнѣ, что въ Кустендже и Варнѣ, гдѣ желѣзныя дороги проводятся англичанами, англійскіе наши работники часто умираютъ тамъ внезапно, именно отъ холеры, и обыкновенно, если не всякой разъ, „остаются безъ погребенія“, а не то, — хоронятъ ихъ, какъ собакъ — buried

like dogs". Печальное явленіе! Люди, въ младенчествѣ крещенные въ англійской церкви, и въ дѣтствѣ оглашенные ученіемъ христіанской вѣры, отправлялсь на Востокъ для распространенія нашей торговли и цивилизаціи, въ случаѣ смерти въ этомъ опасномъ климатѣ, тѣмъ самымъ какъ бы лишаютъ себя обрядовъ христіанскаго погребенія! Не явно ли же, что мы сдѣлали бы великое и велико-благотворное дѣло и для себя и для своихъ соотчичей на Востокѣ (знакъ одобренія), еслибы, вслѣдствіе нашихъ усилій, устроилось между церквами такое взаимно-общеніе (reciprocation) относительно отправленія христіанскихъ требъ, по которому наши соотечественники, умирающіе въ этихъ дальнихъ странахъ, были бы погребаемы, какъ христіане, съ соблюденіемъ христіанскихъ обрядовъ? Тогда и пережившіе ихъ сотрудники и сотоварищи отрадно могли бы чувствовать, что и съ ними, въ часъ смерти, поступятъ, какъ съ людьми, имѣющими „recognised" положеніе въ церкви Христовой (знакъ одобренія). Да, ради такого дѣла стóило бы пожертвовать и нѣкоторыми старыми нашими предразсудками и предъубѣжденіями.— Далѣе, относительно втораго пункта въ репортѣ комитета: мнѣ извѣстно, что многіе изъ англичанъ, проживающихъ на Востокѣ, часто остаются безъ крещенія. Вотъ какой анекдотъ разсказали мнѣ, и разсказали, ручаясь за его подлинность. Одинъ англійскій духовный ѣхалъ-де тамъ по желѣзной дорогѣ и остановился на какой-то станціи близъ Адріанополя; ему сказали тутъ, что какіе-то англичане нетерпѣливо желали бы окрестить своихъ дѣтей: что-жь было дѣлать? Ѣхать въ городъ ему не было возможности; онъ непремѣнно долженъ былъ ѣхать далѣе съ своимъ поѣздомъ; и такъ

самихъ дѣтей привѣзли или принесли на станцію,—и здѣсь-то совершено было имъ таинство крещенія. Спрашивается теперь: почему же бы англичанамъ, въ подобныхъ случаяхъ, не обращаться къ мѣстнымъ православнымъ священникамъ? Можно ли хоть на мгновеніе думать, что православный священникъ не долженъ совершать таинство крещенія надъ дѣтьми англійскихъ родителей, проживающихъ въ его странѣ? Говорятъ, что въ Россіи есть нѣкоторыя законныя затрудненія по сему вопросу. Если такъ, то будемъ просить, чтобы подобныя затрудненія, если возможно, были устранены. Что до меня, то мнѣ кажется, что это дѣло есть дѣло здраваго общаго смысла, и прошеніе слѣдовательно не неисполнимо. А что сказать о другомъ пунктѣ, который значится въ нашемъ репортѣ? Какъ я уже выше замѣтилъ, многіе изъ нашихъ соотечественниковъ внезапно умираютъ въ этихъ дальнихъ странахъ Востока. Гдѣ же и отъ кого же могли бы они получить напутствіе въ „часъ смерти и въ день суда?“ У церкви всегда было правиломъ—никого не отвергать въ часъ смерти; даже отлученные отъ нея всегда пріемлются ею при подобныхъ обстоятельствахъ. Я могу замѣтить здѣсь, что даже римская церковь, при всей ея суровости, не возбраняетъ своимъ членамъ, въ часъ смерти, обращаться за напутствіемъ къ православнымъ священникамъ. Такъ почему-жь бы восточной церкви отказать нашимъ соотечественникамъ въ этомъ послѣднемъ на землѣ утѣшеніи, когда они прибѣгнутъ къ ней въ часъ смертный, въ часъ отшествія своего въ вѣчность? Палата, безъ сомнѣнія, замѣтила, что комитетъ въ своемъ репортѣ ограничился только чисто-практическими предложеніями (suggestions). Онъ не входилъ въ бого-

словскія разсужденія относительно единства церкви, не доказывалъ даже, какъ было бы желательно, вожделѣнно, чтобы, по молитвѣ и заповѣди Спасителя, всѣ были „едино“; нѣтъ, какъ бы повинуясь національному англійскому инстинкту, комитетъ заключился въ предѣлахъ чистой практики, и въ основаніе своихъ „recommendations“, предлагаемыхъ имъ палатѣ, положилъ одни практическіе выводы. И вотъ я надѣюсь теперь, что какъ прежняя „Resolution“ прошла, такъ и теперешняя пройдетъ въ палатѣ. Эти „Resolution“ дадутъ возможность открыть негоціаціи (Negotiations), и послужатъ ручательствомъ передъ лицемъ первостоятелей и сvнодовъ православной церкви, что если они приблизятся или приблизятъ себя къ намъ (of they approach us), то ихъ встрѣтятъ со вниманіемъ, съ уваженіемъ и съ сердечнымъ привѣтомъ (with cordial welcome); а потомъ, если таковыя негоціаціи начнутся, и если эта палата своими настоящими дѣйствіями ускоритъ тотъ искомый благословенный результатъ, что падутъ древнія средостѣнія, престанутъ древнія дѣленія и сѣченія и между членами тѣла Христова еще разъ откроется взаимное христіанское общеніе? О, тогда, возблагодаривъ и благодаря Творца и Свершителя всяческихъ всякимъ благодареніемъ, не безъ правды, не безъ причины мы можемъ въ тоже время гордиться (be proud), гордиться благородною гордостію, гордиться такою гордостію, которая никого не можетъ посрамить. Въ самой вещи какъ великъ, какъ грандіозенъ былъ бы результатъ, если бы синодъ кантерберійскій вышелъ съ успѣхомъ тамъ, гдѣ оказался безуспѣшнымъ соборъ флорентинскій! (Знаки одобренія). Но — не должно слишкомъ увлекаться; не должно ожидать слишкомъ большихъ успѣховъ или прі-

обрѣтеній. Нѣтъ, должно подвигаться мало по малу, идти шагъ за шагомъ, лишь бы только подъ конецъ и наконецъ добыть этотъ великій, этотъ славный результатъ для Церкви Христовой. Мнѣ хочется при семъ случаѣ привести вамъ на память слова одного изъ ревностнѣйшихъ и ученѣйшихъ сыновъ англійской церкви нашихъ дней, и въ тоже время одного изъ наименѣе взысканныхъ кѣмъ либо и чѣмъ либо, а именно слова покойнаго д-ра Ниля (Neale) (¹):

„Show us, Lord, Thy work, our *sons* Thy glory,
Yet of us,—though that be ale we ask',—
May be said perchance, in future story,
These were men who *then* did Union's task".

Т. е.

„Яви намъ, Господи, дѣло Твое, *сынамъ* нашимъ славу Твою,
О насъ же,—вотъ и все, чего мы просимъ,—
Пусть скажется когда либо и гдѣ либо:
То были люди, имѣвшіе *тогда* задачей (жизни) единенье".

(Знаки одобренія).

Что касается спичей декана вестминстерскаго и декана Ely'йскаго, то я думаю, что настоящее наше дѣло

(¹) Да, былъ періодъ времени, и именно отъ 40-го по 50-й годъ, когда всѣ партіи въ нѣдрахъ англиканской церкви относились къ нему равнодушно, холодно, безъучастно: и между тѣмъ—въ это самое время,—подъ кровомъ своей коллегіи, онъ трудился, можно сказать „con scienza", „con spirito", „con amore" надъ „Введеніемъ въ исторію святой восточной церкви", надъ Введеніемъ, которое заключаетъ въ себѣ 1243 страницы! На 48-мъ или 49-мъ году его жизни кончились его трудовые дни. Упомянутый трудъ ему позволено было посвятить имени покойнаго Государя Николая Павловича: отъ царскихъ щедротъ послѣдовала ему тогда награда, и едва ли то не единственная была награда, какую онъ имѣлъ за свои труды! *Перев.*

много можетъ содѣйствовать къ достиженію цѣли ихъ желаній. Примѣръ взаимнообщенія между церковію Англіи и церквами востока долженъ будетъ оказать свое дѣйствіе и въ Скандинавіи и въ Даніи. Тамошнія церкви, вѣроятно, пожелаютъ тогда имѣть апостольское преемство, и, быть можетъ, рѣшатся „Formularies" свои согласить съ „Formularies" вселенской церкви. Я съ своей стороны готовъ еще допустить и ту мысль, что и у нашихъ Non-Conformists откроется какая либо реакція, и что такимъ образомъ желаніе единенія будетъ возрастать и кругъ ищущихъ единенія непрестанно расширяться. Дѣло, начатое въ древнихъ и первобытныхъ церквахъ востока, откроетъ путь (way) къ большей мѣрѣ (measure) христіанскаго общенія, и будетъ то со временемъ, что „всѣ, именующіе себя христіанами", „вождел̃ѣютъ" быть „въ единеніи духа и въ союзѣ мира". Такой конечный исходъ непремѣнно можетъ послѣдовать; лишь бы мы сами не воспящали его нашею собственною нетерпимостію, нашею собственною интеллектуальною гордостію и нашими собственными грѣхами. Само собою разумѣется, дѣлая эти предложенія, мы нисколько не компрометируемъ нашу церковь или насъ самихъ (we do do not commite ourselve), т. е. не обязуемся къ ученію или практикѣ другихъ церквей. Комитетъ, составляя свой „Report", всячески старался устранять то, въ чемъ церкви несогласуются между собою, и, напротивъ, сколько возможно, усиливался основать свои „overtures" на тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ онѣ сходятся между собою, т. е. на любви къ общему всѣхъ Спасителю и на вѣрѣ въ общій всѣмъ символъ (Credo). Къ несчастію, и въ христіанскомъ, какъ и въ свѣтскомъ быту, много ревности, завидованія, подозрѣнія и не-

пріязни. Но ужели мы не можемъ отрѣшиться отъ нихъ? Церковь есть живое тѣло. Зло, обдержащее ее, есть мертвое тѣло, — тѣло тлѣнія, и тлѣніемъ своимъ заражающее и отравляющее благовонную чистоту христіанской церкви. Постараемся же отрѣшиться отъ этой мертвой массы (mass) ревности, завидованія, подозрѣнія и непріязни; если возможно, похоронить эту мертвую массу; пусть она лежитъ въ землѣ; засыплемъ ее перстію и пепломъ; — если угодно, крестообразно, по древнему православному обычаю; а потомъ, когда она завалена будетъ землей и не будетъ болѣе зрима для глаза, отвратимся отъ нея, и скажемъ словами православнаго чина погребенія умершихъ: „Слава Богу сице устроившему!" (Знаки одобренія).

Деканъ вестминстерскій. Подавая свой голосъ въ пользу упомянутой „Resolution", я желаю сдѣлать одно или два замѣчанія, которыми, быть можетъ, устранятся возраженія каноника *Conwa'у*скаго относительно первой резолюціи, и еще сказать нѣчто въ отвѣтъ на замѣчаніе декана кантербурійскаго. Прошу друга моего—каноника Conwa'ускаго обратить вниманіе на то, что въ репортѣ (или докладѣ) комитета ни слова не сказано о взаимнообщеніи въ дѣлѣ проповѣди (in preacking). Но еслибы и было что сказано, я полагаю, что не много-то найдется между нами такихъ духовныхъ, которые отважились бы проповѣдывать на русскомъ языкѣ (смѣхъ), да, можетъ быть, немного найдется и такихъ, которые отважились бы бесѣдовать съ греческою паствою на ея языкѣ, и еще менѣе такихъ, которые вздумали бы говорить по коптски (Снова смѣхъ). Съ другой стороны, хоть большая часть русскихъ обладаютъ особенною способностью пріобрѣтать познанія въ иностранныхъ язы-

кахъ, и хоть представители православной здѣсь церкви хорошо знакомы съ нашимъ языкомъ, все однакожъ мнѣ извѣстно, что, вообще говоря, иностранными языками владѣютъ главнымъ образомъ міряне, а не духовные. Слѣдовательно нѣтъ основанія думать, чтобы (предположивъ, что въ репортѣ допускается взаимнообщеніе и въ дѣлѣ проповѣди) наши каѳедры могли быть осаждены русскими ли-то или греческими духовными. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, комитетъ вовсе не имѣетъ въ виду взаимнообщенія въ дѣлахъ проповѣди. Съ другой стороны, именно по этому пункту, желательно бы было открыть взаимнообщеніе съ протестантскими церквами, и въ особенности съ церковію шотландскою и съ Non-Conformists. Такое взаимнообщеніе не только желательно и легко достижимо, но прямо, именно въ настоящее время, допускается англійскимъ закономъ. Такъ, „Act of Uniformity," да быть можетъ, и послѣдній „Subscription Act" даютъ право и Non-Conformists, въ извѣстныхъ случаяхъ, проповѣдывать въ нашей церкви.

Канцлеръ Массинъбердъ сказалъ, что отвѣтъ его — сколько возможно — будетъ кратокъ, но что онъ не можетъ не сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній относительно того, что было сказано по поводу Аѳанасіева символа, а именно, будто англійская церковь, читая этотъ символъ, съ тѣмъ вмѣстѣ или этимъ самымъ анаѳематствуетъ всю восточную церковь. Вотъ что пишетъ мнѣ другъ мой архидіаконъ ноттингамскій, замѣтилъ г. Массингбердъ, и прочиталъ слѣдующіе строки: „опредѣленіе каѳолической вѣры, заключающееся въ Аѳанасіевомъ символѣ, сдѣлано въ выраженіяхъ направленныхъ, въ особенности, противъ Савелліевой ереси, которая сливаетъ Лица Святой Троицы, и противъ Несторіевой ереси,

которая раздѣляетъ существо Святой Троицы. Восточная же православная церковь содержитъ истинное ученіе относительно сихъ предметовъ, равно какъ и относительно божества Святаго Духа, хотя она не усвоила всѣхъ выраженій, которыя гораздо позднѣе внесены были въ никейско-константинопольскій символъ вѣры, относительно исхожденія святаго Духа".

„Ограничиваясь этими замѣчаніями, заключилъ онъ, я прошу теперь палату благосклонно принять вышеприведенныя „Resolutions", и надѣюсь, сердечно надѣюсь, что онѣ будутъ приняты единодушно".

Деканъ вестминстерскій — въ защиту своихъ взглядовъ на пресвитеріанскую церковь въ Шотландіи сослался на двухъ историковъ Hallam и Grub.

Д-ръ Frazer. „Я желаю, въ поясненіе того, что мною сказано относительно восточно-церковной ассоціаціи, прибавить, что члены этой ассоціаціи, въ день генеральнаго ея митинга, имѣютъ *не* пріобщаться, а только присутствовать при совершеніи божественной литургіи, въ россійской здѣсь церкви".

За тѣмъ „Resolution" единогласно была принята.

Пер. Прот. Евгеній Поповъ.

21-го сентября 1869 г.
32 Welbeeck Street, W.
London.

ОБЪ АНГЛІЙСКОМЪ СВЯЩЕНСТВѢ

(ПО ПОВОДУ ОБНАРУЖИВАЮЩИХСЯ ВЪ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ СТРЕМЛЕНІЙ КЪ СБЛИЖЕНІЮ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ ЦЕРКОВЬЮ)

При возникшемъ въ послѣднее время стремленіи къ сближенію и соединенію церквей—православной и англо-американской, одинъ изъ главныхъ вопросовъ, обратившихъ на себя вниманіе сочувствующихъ этому движенію, есть вопросъ *о законномъ епископствѣ*, сохраняющемъ благодать священства на основаніи непрерывнаго апостольскаго преемства (смотр. Христ. Чт. за февр. 1865 г., стр. 193). Всѣ вопросы, возникающіе или могущіе возникнуть по отношенію къ догматическимъ разногласіямъ, имѣютъ, такъ сказать, характеръ теоретическій, и по безпристрастномъ обсужденіи дѣла, на началахъ истинно-каѳолическихъ, представляютъ еще собою нѣкоторую надежду на соглашеніе. Но отъ вопроса объ апостольскомъ преемствѣ іерархическихъ лицъ неразрывно зависитъ, можно ли признать англійское священство законнымъ, т. е. дѣйствительнымъ орудіемъ для сообщенія Божественной благодати. Очевидно, что въ случаѣ отрицательнаго рѣшенія этого вопроса англійской церкви не достаетъ одного изъ

главныхъ и существенныхъ условій для признанія ея составною частію каѳолической и апостольской семьи, не достаетъ истинныхъ совершителей таинствъ, дѣйствительныхъ преемниковъ апостольскаго и пастырскаго служенія въ церкви. Не забудемъ притомъ, что вслѣдствіе своеобразнаго характера и развитія свойственнаго англо-американской епископальной церкви, вопросъ о дѣйствительномъ сохраненіи нити апостольскаго преемства въ дѣлѣ рукоположенія священныхъ лицъ ревнителями строго-церковныхъ началъ всегда былъ поставляемъ въ Англіи на первый планъ въ числѣ условій истиннаго *каѳоличества* и предпочтительно предъ другими существенными принадлежностями вселенской церкви подвергался обсужденію и разсмотрѣнію со стороны такъ называемыхъ англо-каѳоликовъ (смотр. Христ. Чт. октябрь 1864, стр. 179 и дал.). Естественно поэтому, что вслѣдъ за Никео-Цареградскимъ символомъ (filioque), какъ главнымъ выраженіемъ каѳолической *вѣры*, вниманіе со стороны поборниковъ нынѣшнихъ движеній обратилось, какъ сказано, къ тому, чтобы доказать сохраненіе въ англійской іерархіи непрерывнаго апостольскаго преемства и вмѣстѣ законнаго священства.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это преемство сохранялось и законнымъ образомъ передавалось въ теченіи всего *римско-католическаго* періода англ. церкви; нѣтъ также никакого основанія сомнѣваться, что преемственное рукоположеніе англійскихъ архипастырей непрерывно имѣло мѣсто, начиная со времени окончательнаго утвержденія епископальной церкви, т. е. со вступленія на престолъ королевы Елизаветы и изданія „акта однообразія". Но между этими двумя періодами въ церковной исторіи Англіи лежитъ промежутокъ, обнимающій собою время

царствованія Генриха VIII-го, Эдуарда VI-го и королевы Маріи, время постоянныхъ религіозныхъ смутъ и колебаній между римскими и реформатскими идеями, время деспотическаго, произвольнаго вмѣшательства гражданской власти въ управленіе церковью. Сохранилась ли въ это время нить апостольскаго преемства и перешла ли она чрезъ законное рукоположеніе къ священству вновь учрежденной епископальной церкви,— вотъ вопросъ, къ которому сводятся всѣ недоумѣнія и споры относительно каноническихъ правъ нынѣшней англиканской іерархіи. Если „нить преемства" была прервана въ Англіи во время реформаціонныхъ движеній XVI-го вѣка, то очевидно всѣ послѣдующія іерархическія лица и вмѣстѣ весь нынѣшній англиканскій клиръ лишенъ благодати священства и не имѣетъ каноническаго права на пастыреначальство и совершеніе таинствъ. Въ этомъ случаѣ соединеніе съ православною церковью потребовало бы со стороны англичанъ новаго рукоположенія всѣхъ іерархическихъ лицъ,—вещь очевидно несбыточная и невозможная. Между тѣмъ римскіе католики, умѣвшіе съ большимъ успѣхомъ извлечь для своей церкви пользу изъ прежнихъ стремленій англичанъ къ востановленію началъ католичества, конечно и нынѣ не намѣрены оставаться праздными зрителями начавшихся движеній. Отвергая каноническое достоинство англиканскаго рукоположенія, римскіе католики стараются увѣрить англичанъ въ томъ, что одно лишь соединеніе съ Римомъ, какъ съ „средоточіемъ церковнаго единства", можетъ послужить къ возстановленію въ Англіи законнаго епископства, и утверждаютъ, что—кромѣ канонически правильнаго рукоположенія — законность священства обусловливается церковнымъ общеніемъ съ

римскою каоедрою. Для того, говорятъ паписты, чтобы англичане могли не мнимо, а истинно и дѣйствительно возстановить у себя начала каоолпчества, необходимо прежде всего, чтобы іерархія епископальной церкви возвратилась въ той же зависимости отъ „Намѣстника Христова“, въ которой она находилась до реформаціи; безъ этой связи съ Римомъ, какъ съ источникомъ всякой церковной власти и всѣхъ благодатныхъ дарованій, само преемство рукоположенія, если оно дѣйствительно сохранилось, остается безсильнымъ и недѣйствительнымъ, англійская церковь, подобно восточной, будетъ не болѣе какъ церковью „схизматическою“ и слѣдовательно останется „сухою вѣтвію на древѣ единой спасающей церкви“.

Англійская церковь дѣйствительно въ теченіи долгаго времени входила въ составъ римскаго патріархатства и папа, въ качествѣ западнаго патріарха, былъ главою англійской церкви не только de facto, но и de jure; понятно поэтому, что вышеизложенныя соображенія поборниковъ папства не могутъ не производить болѣе или менѣе сильнаго впечатлѣнія на сердца многихъ склонныхъ къ каѳоличеству англичанъ, и что, при продолжающемся до нынѣ отсутствіи всякаго дѣятельнаго соучастія въ начавшихся движеніяхъ со стороны представителей и членовъ правосл. церкви, мы—на основаніи бывшихъ прежде примѣровъ (особенно съ пьюзеитами)—въ правѣ опасаться за дальнѣйшій ходъ и направленіе самихъ движеній. Вотъ почему мы съ радостію привѣтствуемъ статьи, которыми англо-американская богословская литература старается распространить и утвердить среди членовъ епископальной церкви правильный взглядъ на отношенія Рима къ началамъ и

условіямъ каѳоличества или православія. Съ содержаніемъ одной изъ такихъ статей, недавно появившейся въ весьма распространенномъ англ. церк. журналѣ „The Church Review“, мы желаемъ нынѣ же познакомить нашихъ читателей; она, по нашему мнѣнію, довольно удовлетворительно рѣшаетъ вопросъ какъ *о каноническои зависимости англійской церкви отъ Рима*, такъ и объ *апостольскомъ преемствѣ іерархіи епископальной церкви*; кромѣ того, она свидѣтельствуетъ о готовности англичанъ признать авторитетъ древнихъ вселенскихъ соборовъ, этихъ основныхъ столповъ Православія.

Статья эта „Anglican orders and mission (объ англійскомъ священствѣ и о правахъ его) начинается историческимъ изслѣдованіемъ спорнаго вопроса о сохраненіи нити апостольскаго преемства во время англ. реформаціи. Весь вопросъ сводится у автора къ тому, чтобы, на основаніи фактовъ и несомнѣнно вѣрныхъ документовъ, доказать дѣйствительность и законность рукоположенія лица, занявшаго каѳедру Кентерберійскаго архіепископа при окончательномъ учрежденіи епископальной церкви. Послѣднимъ звѣномъ въ цѣпи лицъ, преемственно занимавшихъ эту каѳедру во время многовѣковой связи англійской церкви съ Римомъ, былъ кардиналъ *Поль* (Pole); послѣ его Кентерберійская каѳедра во время реформаціонныхъ смутъ оставалась нѣкоторое время праздною, пока парламентъ и королева Елизавета не возвели въ санъ Кертерберійскаго архіепископа и примаса Англіи *Паркера*, сдѣлавшагося какъ бы родоначальникомъ іерархіи епископальной церкви. Остановивъ вниманіе своихъ читателей на этомъ обстоятельствѣ, авторъ разсматриваемой статьи слѣдую-

щимъ образомъ раскрываетъ мысль свою о сохраненіи законнаго рукоположенія и апостольскаго преемства въ англиканской церкви. „Не подлежитъ никакому сомнѣнію“, говоритъ онъ, „что, по смерти кардинала Поля, Кентерберійская каѳедра оставалась праздною, пока деканъ и капитулъ не избрали *Матвея Паркера*, посвященнаго за тѣмъ весьма торжественно и публично четырьмя епископами, согласно съ каноническими правилами церкви“. Далѣе авторъ переходитъ къ довольно обстоятельному разбору вопроса, имѣли ли лица, посвящавшія Паркера, сами законное право на совершеніе рукоположенія, другими словами, имѣли ли они благодать священства по преемству отъ апостоловъ; онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ, что если не всѣ, то по крайней мѣрѣ трое изъ рукополагавшихъ—на основаніи подлинныхъ актовъ тогдашняго времени — должны быть признаны правильно посвященными еще до начала реформаціонныхъ движеній; и такъ какъ на основаніи апост. правилъ (прав. 1) достаточно трехъ и даже двухъ епископовъ для поставленія новаго архипастыря, то вопросъ о каноническомъ достоинствѣ *четвертаго* лица, участвовавшаго въ рукоположеніи Паркера, не имѣетъ въ настоящемъ случаѣ особенной важности.

Доказавъ такимъ образомъ іерархическое достоинство лицъ, сообщившихъ благодать священства родоначальнику нынѣшней англиканской іерархіи, авторъ раскрываетъ далѣе каноническую правильность самаго образа рукоположенія. Обратить вниманіе на эту сторону дѣла необходимо было потому, что до окончательнаго установленія богослужебныхъ формъ въ „преобразованной“ англиканской церкви бывали случаи поставленія свящ. лицъ безъ соблюденія тѣхъ внѣшнихъ формъ

священнодѣйствія, которыя составляютъ существенную принадлежность дѣйствительнаго таинства.

„Не трудно“, говоритъ авторъ, доказать, что надъ Паркеромъ совершено было требуемое канонами церкви рукоположеніе при посвященіи его въ архіепископы Кентерберійскіе. Всѣми признано, что даръ Св. Духа сообщается именно чрезъ возложеніе епископскихъ рукъ и что въ этомъ рукоположеніи заключается сущность посвященія во епископы. Въ чинопослѣдованіи же, по которому въ 1552 году совершено было посвященіе Паркера, говорится слѣдующее: „Присутствующіе (при хиротоніи) епископы должны возложить свои руки на главу избраннаго, и первенствующій имѣетъ произнести слѣдующія слова: „пріими Духа Святаго и помни, что ты долженъ воспламенять даръ Божій, который въ тебѣ отъ моего рукоположенія, ибо не духъ боязни далъ намъ Богъ, но духъ силы, любви и здравомыслія“ (¹). Что Паркеръ именно былъ посвященъ по этому чину, видно изъ хранящихся въ Ламбетѣ документовъ, которые раскрываютъ всѣ обстоятельства и обряды, происходившіе при самомъ посвященіи; въ этихъ документахъ упоминается и про имена совершителей хиротоніи и про возложеніе рукъ съ произнесеніемъ вышеприведенныхъ словъ. Копія съ этимъ документовъ донынѣ хранится въ Кембриджской „коллегіи тѣла Христова“ (Corpus Christi College). Нѣтъ такимъ образомъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Паркеръ дѣйствительно былъ посвященъ чрезъ возложеніе рукъ.

Раскрывъ доводы свои въ пользу канонически правильнаго поставленія перваго архипастыря нынѣшней

(¹) Таже совершительная формула употребляется и нынѣ въ Англіи при совершеніи таин. Священства. Смотр. Христ. чт. сент. 1864, стр. 24.

епископальной церкви, авторъ обращается къ разбору римскихъ притязаній, по которымъ, какъ сказано, англиканская іерархія не имѣетъ каноническихъ правъ священства, будучи виновна въ расколѣ чрезъ отдѣленіе отъ своей митрополіи, римской каѳедры. Опровергая эту мысль, авторъ съ полною рѣшительностію ссылается на авторитетъ древнихъ вселенскихъ соборовъ, какъ на *главное основаніе для рѣшенія всѣхъ церковно-каноническихъ недоумѣній*. Мы считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя мѣста изъ этой части разсматриваемой статьи и указать на нихъ, какъ на знаменательныя выраженія того пути, какимъ многіе изъ англичанъ идутъ къ сближенію съ православіемъ.

„Бросимъ взглядъ", говоритъ авторъ, „на коренной характеръ и устройство церковнаго управленія въ соборной (каѳолической) церкви вообще.

„Что каѳолическая церковь едина и нераздѣльна, находясь частію на небѣ, частію на землѣ, подъ единою верховною Главою и единымъ первосвященникомъ, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, — это такая истина, которую мы считаемъ общепризнанною и не требующею доказательствъ; но не менѣе истинно и то, что церковь въ територіальномъ отношеніи раздѣлена на разныя помѣстныя церкви подъ патріаршимъ (или синодальнымъ) управленіемъ и что такимъ образомъ существуютъ различныя вѣтви единой соборной церкви. Каждая подобная вѣтвь есть полная (perfect) церковь, будучи подчинена одному лишь авторитету церкви вселенской.

„Всякій, кто изучилъ каноническое право вселенской церкви, согласится съ тѣмъ, что основаніемъ всего церковнаго устройства у древнихъ христіанъ служила

патріаршая система управленія, въ силу которой главными каѳедрами признаны были: римская, константинопольская, александрійская, антіохійская и іерусалимская. Святители, занимавшіе эти каѳедры носили наименованія папъ, патріарховъ, архіепископовъ, экзарховъ и т. д.; преимущество ихъ заключалось, между прочимъ, въ правѣ поставлять митрополитовъ для подвѣдомственныхъ имъ областей, принимать аппеляцію и производить по ней судъ. Мы уяснимъ и подтвердимъ это словами нѣкоторыхъ изъ древнихъ каноническихъ постановленій: „Да хранятся древніе обычаи, принятые въ Египтѣ, и въ Ливіи, и въ Пентаполѣ, дабы александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всѣми сими. Понеже и римскому епископу сіе обычно. Подобно и въ Антіохіи и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества церквей“ (1-го Ник. соб. прав. 6). „Аще клирикъ со своимъ или со инымъ епископомъ имѣетъ судное дѣло, да судится въ *областномъ* соборѣ. Аще же епископъ или клирикъ на митрополита области имѣетъ неудовольствіе, да обращается или къ экзарху великія области или къ престолу (т. е. патріарху) царствующаго Константинополя; и предъ нимъ да судится“ (Халкид. соб. прав. 9). 28-е правило тогоже собора утвердило возвышеніе Константинопольской каѳедры на степень патріаршаго достоинства, равнаго достоинству римской каѳедры: и, „во всемъ послѣдуя опредѣленіямъ св. отецъ“, соборъ опредѣлилъ далѣе, чтобы „токмо митрополиты областей Понтійскія, Асійскія и Ѳракійскія и такожде епископы у иноплеменниковъ вышереченныхъ областей, да поставляются отъ престола константинопольскія церкви“... и т. д. Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ очевидно, что церковное управленіе основано на патріаршей или областной системѣ и что

въ каждой областной церкви представителями мѣстной церковной администраціи служили: 1) патріархъ или экзархъ, утвержденный въ правахъ своихъ помѣстнымъ соборомъ, 2) митрополиты или примасы, поставленные патріархомъ, и 3) епископы, посвященные своими областными митрополитами.

Но при этомъ возникаетъ еще другой ворось: имѣлъ ли римскій папа какой либо высшій авторитетъ и большія права по управленію церковью, чѣмъ прочіе патріархи? Имѣлъ ли онъ право поставлять патріарховъ или архіепископовъ для Франціи, Англіи или какой либо другой страны, непринадлежавшей по началу къ римскому патріархатству? На этотъ вопросъ древнія правила въ прискорбію Рима не даютъ никакого отвѣта. Вездѣ, гдѣ только въ каноническихъ постановленіяхъ древней церкви упоминается о римской каѳедрѣ, говорится о ней не иначе, какъ *на ряду* съ другими великими патріаршими престолами и въ такихъ выраженіяхъ, которыя свидѣтельствуютъ о полномъ равенствѣ между ними (смотр. напр. вышеприведенное правило 1-го Ник. соб.). Единственное преимущество, предоставляемое римской каѳедрѣ каноническими правилами церкви, заключается въ первенствѣ чести на основаніи того, что Римъ былъ царствующимъ городомъ. „Константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество чести по римскомъ епископѣ, потому что градъ оный есть новый Римъ“ (1-го Конст. Соб. прав. 3). Еще: „престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущество, поелику то былъ царствующій градъ“ (Халкид. соб. прав. 28). Такимъ образомъ римской каѳедрѣ, въ силу древнихъ каноническихъ постановленій, принадлежало преимущество чисто *формальное*, не соединенное ни съ какою особенною вла-

ствію римскаго епископа за предѣлами его собственной патріархіи. Папское главенство надъ всею церковію было совершенно неизвѣстно древнимъ христіанамъ и прямо противорѣчитъ каноническимъ постановленіямъ. Мысль объ этомъ главенствѣ стала проявляться уже по раздѣленіи римской имперіи и, постепенно утверждаясь, достигла полнаго своего развитія въ лицѣ знаменитаго Гильдебранда. Этотъ послѣдній имѣлъ притязаніе на верховную власть какъ надъ всѣми епископами, патріархами, митрополитами и проч., такъ и надъ царями, которыхъ онъ подвергалъ отлученію и, по личному усмотрѣнію своему, низводилъ съ престола, освобождая подданныхъ отъ присяги. Впрочемъ надобно сказать, что папское главенство признано было сравнительно только небольшою частію христіанской церкви, ибо четыре великіе восточные патріархи и съ ними всѣ митрополиты и епископы востока всегда отвергали главенство, какъ незаконное притязаніе, и донынѣ отвергаютъ его вмѣстѣ съ русскою церковью. *Вселенская* церковь такимъ образомъ *никогда* не допускала папскаго главенства и потому при разборѣ вопроса о законности священства въ какой либо помѣстной церкви мысль о папѣ, какъ о коренномъ и первичномъ источникѣ истиннаго пастырства, должна быть отвергаема, какъ несостоятельная.

Очевидно такимъ образомъ, что по первоначальному устройству каѳолической церкви, по устройству донынѣ сохраняемому повсюду, куда ни проникло владычество Рима, каждая помѣстная церковь есть церковь независимая, неподчиненная никакой главѣ, кромѣ Іисуса Христа, единаго верховнаго Первосвященника, и подлежитъ отвѣтственности лишь предъ авторитетомъ *вселенскихъ соборовъ.*

Если эта точка зрѣнія наша справедлива, то уже не трудно опредѣлить при какихъ условіяхъ въ извѣстной странѣ можетъ существовать вполнѣ законное священство въ смыслѣ составной части іерархіи вселенской церкви. Мы уже видѣли, что партріархи были поставляемы помѣстными соборами, другими словами, право избранія ихъ принадлежало епископамъ всей области. Мы указали и на то, что митрополиты, въ силу каноническихъ постановленій, принимали правá свои отъ областнаго патріарха и епископы, въ свою очередь, отъ митрополитовъ. Таковы были общій законъ и повсюдная практика въ древней церкви; таковъ законъ, который, вопреки всѣмъ притязаніямъ и увѣреніямъ Рима, *долженъ имѣть силу свою и въ настоящее время.*

Приложимъ теперь сказанное къ церкви англиканской. Примѣнимы-ли къ англійской церкви, тѣ каноническія постановленія вселенской церкви, которыя относились къ церквамъ патріаршимъ? Имѣлъ-ли Григорій Великій въ виду, при отправленіи въ Англію миссіонеровъ, включить англійскую церковь въ составъ своего (римскаго) патріархатства? Если у него и было такое намѣреніе,—имѣлъ-ли онъ на то право? И если заявлено было такое притязаніе,—было-ли оно признано законнымъ со стороны самой англиканской церкви? Въ отвѣтъ на эти вопросы замѣтимъ прежде всего, что—какъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ исторія — каѳолическая вѣра и церковь были весьма рано насаждены въ Англіи, *еще задолго* до Григорія Великаго (¹); исторія

(¹) О раннемъ распространеніи христіанства въ Британіи свидѣтельствуетъ уже Тертулліанъ (Adv. Jud. c. 7), утверждающій, что въ его время евангеліе успѣло проникнуть даже въ тѣ части Британіи, которыя не были подвластны римскимъ императорамъ; по опредѣленію, записанному Бедою въ VIII вѣкѣ, британскій царь Луцій въ концѣ II вѣка

же свидѣтельствуетъ о томъ, что древняя англиканская церковь находилась подъ управленіемъ архіепископовъ, исключительно подчиненныхъ своему собственному патріарху, каѳедра котораго находилась въ Церлонѣ (Caerleon). Это видно, между прочимъ, изъ отвѣта, даннаго британскими епископами Августину, когда этотъ послѣдній, именемъ римскаго епископа, сталъ требовать ихъ подчиненія: „всѣ мы", отвѣчали епископы, „готовы

обратился къ римскому епископу Элевѳерію съ просьбою прислать ему христіанскихъ миссіонеровъ. Но разныя особенности, долго отличавшія британскую церковь отъ римской и въ тоже время сходныя съ обычаями мало-азійскихъ церквей, обнаруживаютъ ясно, что англійская церковь была основана не Римомъ. Долго притомъ британская церковь противилась признанію римскаго главенства. Все это даетъ право предполагать, что бритты приняли христіанство изъ малой Азіи либо непосредственно, либо чрезъ Галлію, что весьма удобно могло имѣть мѣсто при частыхъ торговыхъ сношеніяхъ по берегамъ Атлантики и Средиземнаго моря. Утвердившіеся уже впослѣдствіи въ Британіи англо-саксы противодѣйствовали церковной независимости бриттовъ и признали надъ собою главенство Рима; они естественно склонны были поэтому приписать самое основаніе британской церкви миссіонерской дѣятельности римскихъ епископовъ, чѣмъ и объясняется происхожденіе упомянутаго преданія о сношеніяхъ Луція съ Элевѳеріемъ. Въ IV вѣкѣ вся Британія была уже христіанскою страною. Но когда призванные туда англосаксы покорили страну, то британская церковь сохранилась лишь въ Валлисѣ и въ гористыхъ мѣстностяхъ Нортумберландіи. Взаимная ненависть обоихъ племенъ, британскаго и англо-саксонскаго, препятствовала распространенію евангелія среди новыхъ переселенцевъ-завоевателей. Тогда римскій епископъ Григорій Великій воспользовался бракосочетаніемъ одного англосаксонскаго царя Этельберта съ христіанскою княжною, чтобы отправить къ нему посольство изъ 40 бенедиктинскихъ монаховъ для обращенія англо-саксовъ въ христіанство. Этельбертъ принялъ христіанство и глава посольства, Августинъ, сдѣлался первымъ архіепископомъ кентерберійскимъ. Постепенно христіанство затѣмъ распространялось и утверждалось между всѣми поселившимися въ Британіи англо-саксами; утверждалось вмѣстѣ съ тѣмъ и папское владычество въ этой странѣ. Но древняя британская церковь продолжала отказываться отъ подчиненія римскому престолу, пока обѣ народности не слились въ одну, и церковь англо-саксовъ вмѣстѣ съ папствомъ не восторжествовала окончательно надъ постепенно ослабѣвавшими остатками церкви британской.

питать должное уваженіе и братскую любовь къ церквамъ Божіимъ, къ римскому епископу и ко всѣмъ благочестивымъ христіанамъ; но намъ неизвѣстно ничего про обязанность подчиняться тому, котораго вы называете папою или отцомъ отцевъ; мы подчинены епископу церлонскому, который, по волѣ Божіей, есть нашъ главный архипастырь (Collier's Eccl. Hist. vol. 1. p. 177; London—1845) (¹).

Весьма сомнительно, имѣлъ-ли св. Григорій Великій намѣреніе включить Британію въ составъ своего патріархатства; но если и предположить у него такое намѣреніе, то оно было незаконно съ самаго начала, противорѣча коренным ъ каноническимъ постановленіямъ церкви. Полнымъ подтвержденіемъ словъ нашихъ можетъ служить примѣръ кипрской церкви. Эта церковь также была основана въ весьма раннее время и устройство ея внутренняго управленія согласно было съ общими началами церкви вселенской. Разъ антіохійскій патріархъ сталъ заявлять притязаніе на эту церковь, какъ на часть своего патріархатства. и на право поставлять для нея епископовъ. Но ефесскій вселенскій соборъ, по разсмотрѣніи этого дѣла, призналъ требованіе антіохійскаго патріарха неосновательнымъ и составилъ слѣдующее опредѣленіе: „понеже общественныя

(¹) Этотъ рѣшительный и замѣчательный отвѣтъ служитъ особенно яснымъ подверждeніемъ того, что бритты приняли христіанство не изъ Рима, но—посредственно-ли или непосредственно—отъ восточной церкви; они поэтому не привыкли относиться къ римской каѳедрѣ, какъ къ средоточію церковнаго единства, и считать себя въ какой-либо зависимости отъ нея. Продолжительное отчужденіе ихъ отъ прочихъ западныхъ церквей не могло притомъ не служить къ тому, чтобы еще болѣе утвердить въ нихъ духъ церковной независимости, тѣмъ болѣе, что многія изъ церковныхъ учрежденій ихъ отличались отъ обычаевъ и учрежденій римскихъ.

болѣзни требуютъ сильнѣйшаго врачевства, яко бόльшій вредъ приносящія, и наипаче, аще и древняго обыкновенія не было, чтобы епископъ града Антіохіи совершалъ поставленія въ Кипрѣ, какъ письменно и словесно возвѣстили намъ благоговѣйнѣйшіе мужи, къ святому собору пришедшіе: то начальствующіе во святыхъ кипрскихъ церквахъ да имѣютъ свободу, безъ притязанія къ нимъ, и безъ стѣсненія ихъ, по правиламъ святыхъ отецъ и по древнему обыкновенію, сами собою совершати поставленія благоговѣйнѣйшихъ епископовъ. Тоже да соблюдается и въ иныхъ областяхъ, т. е. патріархатствахъ, и по всюду въ епархіяхъ: дабы никто ихъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ не простиралъ власти на иную епархію, которая *прежде и сначала* не была подъ рукою его или его предшественниковъ; но аще кто простеръ и *насильственно какую епархію себѣ подчинилъ*, да отдастъ оную: да не преступаются правила отцевъ: да не вкрадывается, подъ видомъ священнодѣйствія, надменность власти мірскія: и да не утратимъ, помалу, непримѣтно, тоя свободы, которую даровалъ намъ Кровію Своею Господь нашъ Іисусъ Христосъ, освободитель всѣхъ человѣковъ. И такъ, святому и вселенскому собору угодно, чтобы всякая епархія сохраняла въ чистотѣ и безъ стѣсненія сначала принадлежащія ей правà, по обычаю, издревле утвердившемуся. Каждый митрополитъ для своего удостовѣренія, можетъ невозбранно взяти списокъ съ сего постановленія. Аще же кто предложитъ постановленіе противное тому, что нынѣ опредѣлено: угодно всему святому и вселенскому собору, да будетъ оно не дѣйствительно“ (Ефес. Соб. прав. 8). Никакое соборное опредѣленіе не можетъ быть болѣе ясно и опредѣлительное; приве-

денное правило прямо свидѣтельствуетъ: 1) что помѣстныя и областныя церкви должны сохранять свою іерархическую независимость, 2) что никакой патріархъ не имѣетъ права простирать власть свою на такую епархію, которая не была подчинена ему съ самаго начала, т. е. со времени основанія этой церкви, 3) что если какой нибудь патріархъ позволилъ себѣ „нѣчто таковое“, то онъ обязанъ возвратить похищенной епархіи ея независимость, и наконецъ, 4) если „кто предложитъ постановленіе противное“ этому правилу, то весь святой и вселенскій соборъ объявляетъ его недѣйствительнымъ.

Имѣя древнее британское и саксонское преемство рукоположенія (подъ патріаршимъ управленіемъ церлонскаго архіепископа), англиканская церковь была съ самаго начала независима отъ патріаршей каѳедры Рима, и англиканское священство имѣетъ слѣдовательно каноническую и законную силу само по себѣ; согласно съ кореннымъ кодексомъ вселенской церкви архіепископъ получалъ правá свои по управленію церковью отъ помѣстнаго собора британскихъ епископовъ. Конечно, наступилъ затѣмъ продолжительный періодъ времени, въ теченіи котораго папá присвоивалъ себѣ право на поставленіе епископовъ въ Англіи, точно также, какъ нѣкогда патріархъ антіохійскій поступалъ по отношенію къ Кипру; но, дѣйствуя такъ, папа прямо нарушалъ каноническое правило, запрещающее всякому епископу— а въ томъ числѣ и римскому — вмѣшиваться въ дѣлá чужой области или епархіи (см. Антіох. Соб. 341 г. прав. 22). Мы приходимъ такимъ образомъ къ заключенію, что продолжавшееся въ теченіи среднихъ вѣковъ подчиненіе англійской церкви римской каѳедрѣ никогда не имѣло каноническихъ основаній; поэтому, когда въ

XVI вѣкѣ англійскіе архипастыри дошли до сознанія о явныхъ заблужденіяхъ Рима и поняли важность господствовавшихъ въ римской церкви злоупотребленій, то они имѣли полное право расторгнуть узы, связывавшія ихъ съ Римомъ, и на *подлинно каноническихъ основаніяхъ* утвердить іерархическую независимость своей церкви.

На основаніи сказаннаго уже не трудно рѣшить, имѣлъ-ли архіепископъ Паркеръ каноническое право—въ качествѣ высшаго представителя англиканской церкви—чрезъ рукоположеніе передать апостольское преемство другимъ, поставленнымъ отъ него, лицамъ? Чтобы дать на это точный и рѣшительный отвѣтъ, надобно вспомнить о тѣхъ условіяхъ, въ какихъ кентерберійская и йоркская архіепископіи находились при восшествіи на престолъ королевы Елизаветы. Въ то время болѣе половины епископскихъ каѳедръ Англіи оставались вакантными и въ томъ числѣ каѳедра кентерберійскаго архіепископа. Остальныя каѳедры были заняты частію лицами, признавшими главенство Генриха VIII надъ англиканскою церковью, частію такими, которые поставлены были королевою Маріею. Изъ этихъ последнихъ всѣ, за исключеніемъ Анѳовія, епископа Ландофскаго, отказывались признать королевское главенство, не смотря на то, что, по словамъ королевы, это главенство только означало независимость и право престола управлять внутренними дѣлами страны и пользоваться *мірскимъ* мечемъ правосудія. Вслѣдствіе противленія ихъ, королева лишила ихъ епископскихъ каѳедръ и 24 епископскія каѳедры оставались вакантными въ то время, когда архіепископъ Паркеръ утвержденъ былъ примасомъ англійской церкви. Весь авторитетъ по управленію церковью, по постановленію и посвященію священныхъ лицъ, находился въ рукахъ оставшихся англій-

скихъ архипастырей, числомъ шесть, которые „de jure“ имѣли законное рукоположеніе, принятое ими еще до введенной Генрихомъ VIII церковной реформы. Четверо изъ нихъ, какъ мы видѣли, сообщили Паркеру чрезъ рукоположеніе благодать священства при поставленіи его архіепископомъ кентерберійскимъ.

Въ концѣ статей своихъ авторъ выводитъ слѣдующія заключенія изо всего сказаннаго имъ: 1) что Паркеръ принялъ законное священство чрезъ рукоположеніе отъ четырехъ епископовъ; 2) что участвовавшіе въ хиротоніи его имѣли, въ свою очередь, благодать священства, будучи поставлены еще до начала англійской реформаціи; 3) что съ избраніемъ и каноническимъ посвященіемъ архіепископа Паркера нить апостольскаго преемства, по отношенію къ священнодѣйствіямъ и праву церковнаго управленія, сохранилась и перешла чрезъ него къ англійской іерархіи позднѣйшихъ временъ и эта іерархія сохраняетъ, такимъ образомъ, до нынѣ истинное апостольское преемство въ рукоположеніи іерархическихъ лицъ.

Мы не беремся, конечно, рѣшить, на сколько вышеизложенные факты и соображенія могутъ для православной церкви служить основаніемъ къ признанію канонической законности англиканскаго священства и рукоположенія: это дѣло нашихъ церковныхъ авторитетовъ; но думаемъ, что вопросъ этотъ заслуживаетъ обсужденія, и желательно, чтобы на него, равно какъ и на другіе вопросы, относящіеся къ дѣлу сближенія и соединенія церквей православной и англо-американской, обратили надлежащее вниманіе и церковныя власти наши и само общество православныхъ христіанъ.

И. Осининъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. Правительственныя распоряженія: перемѣны въ іерархіи; назначеніе настоятеля нашей миссіи въ Іерусалимѣ: назначеніе ректора саратовской семинаріи; разрѣшеніе изданія таврическихъ епархіальныхъ вѣдомостей; упраздненіе минской римско-католической епархіи; высочайшія награды по духовно-учебному вѣдомству. — II. Библіографическія замѣтки: *Шестая* книжка „Чтеній въ московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія" (Москва 1869.). — Письма митрополита московскаго *Филарета* къ А. Н. М. 1832—1867 г. (Кіевъ. 1869 г.)— Библейскій богословскій словарь, изданіе священника Михайловскаго. (Санктпетербургъ. 1869 г.)—III. Разныя извѣстія: Реформы въ православномъ русскомъ монашествѣ.—Воспоминаніе о княгинѣ *Е. А. Васильчиковой* и *Т. Б. Потемкиной*.—Рѣчь высокопреосв. *Макарія* литовскаго, произнесенная имъ (7 іюня, 1869 г.) на заупокойной литургіи по почившей въ бозѣ *Т. Б. Потемкиной*. — Открытіе дневнаго дѣтскаго пріюта „обществомъ вспоможенія бѣдныхъ" при *Симеоновской* приходской церкви въ Санктпетербургѣ.—По поводу пятидесятилѣтняго юбилея Кіевской духовной академіи.

I.

Высочайше утвержденными всеподданнѣйшими докладами Св. Сѵнода повелѣно:

1) Викарія грузинской епархіи, епископа горійскаго *Геронтія*, вслѣдствіе прошенія его, уволить на покой, съ назначеніемъ ему пенсіи изъ государственнаго казначейства по тысячѣ рублей въ годъ.

2) Викаріемъ грузинской епархіи, епископомъ горійскимъ, назначить епископа абхазскаго *Александра*.

3) Управленіе абхазскою епархіей и церквами самурзаканскаго благочинія поручить епископу имеретин-

скому Гавріилу, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ онъ управляетъ епархіей имеретинскою, съ производствомъ ему, въ дополненіе къ получаемому имъ по этой епархіи содержанію, опредѣленныхъ по штату въ жалованье епископу абхазскому 1,500 руб. и съ предоставленіемъ ему, въ видѣ временной мѣры, права расходовать остальныя деньги изъ положенной по штату 15 апрѣля 1851 года на содержаніе абхазской каѳедры суммы, распредѣляя деньги эти, съ утвержденія Его Высочества Намѣстника Кавказскаго, по предварительномъ соглашеніи съ экзархомъ Грузіи.

4) Епископу вологодскому *Павлу* быть епископомъ *псковскимъ* и порховскимъ, а на его мѣсто назначить преосвященнаго *Палладія*, епископа *ладожскаго*, старшаго викарія с.-петербургской епархіи; второму же викарію с.-петербургской епархіи, епископу выборгскому *Павлу*, быть епископомъ *ладожскимъ* и первымъ викаріемъ с.-петербургской епархіи; смотрителю александроневскаго с.-петербургскаго духовнаго училища (бывшему *протоіерею* Александру Покровскому), архимандриту *Тихону* быть епископомъ выборгскимъ и вторымъ викаріемъ той же епархіи.

Именнымъ высочайшимъ указомъ, даннымъ Св. Суноду въ 7 день минувшаго іюля, архіепископъ *Аркадій*, во уваженіе преклонности лѣтъ и долговременности служенія, всемилостивѣйше *уволенъ* отъ управленія олонецкою епархіей.

Высочайше утвержденнымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ Св. Сунода повелѣно быть епископу *кинешемскому Іоанаѳану*, викарію костромской епархіи, епископомъ *олонецкимъ* и петрозаводскимъ.

Опредѣленіемъ Св. Сунода постановлено:

1) Настоятеля миссіи нашей въ Іерусалимѣ, временно отозваннаго въ Константинополь, архимандрита *Леонида* перемѣстить на должность настоятеля ставропигіальнаго воскресенскаго, называемаго „Новый Іерусалимъ,“ монастыря, съ окладомъ содержанія, присвоеннымъ настоятелямъ означеннаго монастыря; въ должности же настоятеля миссіи нашей въ Іерусалимѣ утвердить находящагося нынѣ въ Іерусалимѣ, по особому распоряженію Св. Сѵнода, настоятеля миссіи нашей въ Константинополѣ архимандрита *Антонина*.

2) Избраннаго въ общемъ собраніи правленія *саратовской* семинаріи на должность ректора оной, магистра, *священника* Іоанна *Смѣльскаго* утвердить, согласно представленію преосв. Іоанникія, въ этой должности, съ возведеніемъ его въ санъ протоіерея.

3) Разрѣшить изданіе *таврическихъ* епархіальныхъ вѣдомостей.

Высочайшимъ указомъ, отъ 15 іюля 1869 года, повелѣно: минскую римско-католическую епархію *упразднить*, епископа Войткевича отъ должности начальника епархіи *уволить* и принадлежащія къ минской епархіи церкви *присоединить* къ вѣдомству епархіи *виленской*.

Высочайше награждены слѣдующія лица, служащія по духовно-учебному вѣдомству: а) *орденомъ св. Владиміра 3-й ст.*: ординарный профессоръ московской духовной академіи, магистръ *Амфитеатровъ*; б) *орденомъ св. Анны 2-й ст. съ короною*: ординарный профессоръ той же академіи, магистръ *Кудрявцевъ-Платоновъ*; в) *орденомъ св. Анны 2-й ст. безъ короны*: *магистры*: ординарный профессоръ казанской духовной академіи *Порфирьевъ*; экстраординарные профессоры академій: с.-петербургской—*Глоріантовъ*, московской—*Лавровъ-Плато-*

новъ; наставники семинарій: смоленской—*Трофимовскій* (нынѣ смотритель рославльскаго училища), кишиневской —*Сахаровъ*; *кандидаты*: наставникъ архангельской семинаріи и смотритель тамошняго духовнаго училища *Громовъ*, наставники семинарій: вологодской — *Суворовъ* и Смоленской—*Куницынъ*. г) *Орденомъ св. Анны 3-й ст.*: *магистры*: экстраординарный профессоръ с.-петербургской духовной академіи *Троицкій*, наставникъ смоленской семинаріи (нынѣ смотритель смоленскаго духовнаго училища) *Смирновъ*; *кандидаты*: инспекторъ и наставникъ вологодской семинаріи *Добряковъ*; наставники: подольской семинаріи *Пашута*, вологодской *Поповъ* и рижской—*Шаховъ*; *студенты*: смотритель и учитель бѣлозерскаго духовнаго училища *Николаевскій*, помощникъ смотрителя и учитель одесскаго духовнаго училища *Левицкій*.

II.

Въ прежнихъ библіографическихъ замѣткахъ своего „обозрѣнія" мы знакомили своихъ читателей съ содержаніемъ каждой книжки „Чтеній въ московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія", по мѣрѣ выхода этого почтеннаго изданія въ свѣтъ. Нынѣ предъ нами лежитъ *шестая* книга „Чтеній". Содержаніе ея слѣдующее: 1) Статья архимандрита Порфирія „объ изданіи житій святыхъ въ хронологическомъ порядкѣ". Авторъ обращаетъ вниманіе членовъ общества любителей духовнаго просвѣщенія на необходимость издать въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ апостольскаго вѣка, житія святыхъ. Мысль о необходимости такого изданія онъ подтверждаетъ тѣмъ, что этотъ предметъ и разнообразенъ по своему содержанію, и имѣетъ

большое приложеніе къ жизни, и любимъ православнымъ народомъ, и много способствуетъ къ расширенію основательныхъ свѣдѣній по части церковной исторіи 2) Замѣчательная по своему достоинству статья „объ отношеніи къ расколу церкви, правительства и общества“. Она написана однимъ изъ московскихъ священниковъ по мысли покойнаго Филарета московскаго, въ отвѣтъ на статью о томъ же предметѣ, напечатанную въ 208 № „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1866 годъ. Авторъ предпосылаетъ своей статьѣ небольшое предисловіе слѣдующаго содержанія: „въ настоящее время вопросъ о расколѣ, такъ или иначе поставленный, обращаетъ на себя со дня на день возрастающее, вниманіе и духовныхъ и свѣтскихъ писателей. Можно безъ преувеличенія сказать, что нѣтъ журнала, нѣтъ газеты, въ которыхъ не высказывалось бы сужденій о противодѣйствіи расколу со стороны церкви и государства. Одни писатели совсѣмъ хотятъ отстранить послѣднее отъ участія въ противодѣйствіи расколу; другіе порицаютъ церковь или, точнѣе, духовенство, обвиняя его въ бездѣйствіи или въ излишней ревности относительно уничтоженія раскола. Были, а можетъ быть и есть еще, такіе писатели, которые положительно говорятъ, что мы не знали и не знаемъ даже теперь: „что такое расколъ?“ Слѣдствіе такого положенія понятно... Такъ, между прочимъ, въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 208, 1866 г.), гдѣ идетъ рѣчь объ отношеніи къ расколу церкви, правительства и общества, дѣло представлено на столько несоотвѣтственно исторіи, что мы считаемъ долгомъ внимательно разсмотрѣть эту статью, дабы авторитетъ (московской) газеты не покрылъ собою невѣрностей и ошибокъ писавшаго о расколѣ и

не ввелъ людей несвѣдущихъ въ заблужденіе относительно дѣла очень важнаго... Затѣмъ авторъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла, доказываетъ несправедливость обвиненій церкви, правительства и общества въ незнаніи ими раскола, возводимыхъ на нихъ писателемъ статьи „Московскихъ Вѣдомостей“.—Въ слѣдующій разъ, авторъ обѣщаетъ разсмотрѣть другіе три вопроса, которые ставятся на видъ „Московскими Вѣдомостями“, именно: „объ опредѣленіи гражданскихъ правъ раскольниковъ“; „объ опредѣленіи границъ терпимости ихъ богослуженія“ и „о правахъ раскольниковъ на образованіе въ своихъ собственныхъ училищахъ“. Вопросы очень важные: будемъ ждать серьёзнаго рѣшенія ихъ. 3) Нелишенная церковно-каноническаго интереса статья Н. *Розанова* „объ архивѣ московской духовной консисторіи“, и 4) окончаніе ученой статьи „о тридентскомъ соборѣ“. Послѣ этого помѣщены „матеріалы для біографіи Филарета, митрополита московскаго“, именно: четыре проповѣди покойнаго митрополита, двадцать два письма его къ преосвященнымъ викаріямъ московскимъ— Августину и Лаврентію; наставленіе его наставникамъ приходскихъ сельскихъ школъ и два письма юрьевскаго архимандрита Фотія. Въ заключеніе же всего помѣщенъ хронологическій указатель словъ и рѣчей митрополита Филарета и нѣкоторыхъ другихъ произведеній его доселѣ извѣстныхъ.

Въ упомянутыхъ письмахъ покойнаго митрополита московскаго проглядываетъ съ новой стороны его благородная душа, умѣвшая въ удивительною мудростію примирять чувство *родства* и чувство *правды*. „Престарѣвшій отецъ мой,—пишетъ онъ въ 1814 г. къ одному изъ московскихъ викаріевъ,—имѣетъ дочь, коея руки

желаетъ троицкой семинаріи студентъ... Какой сынъ не постарался бы всѣми мѣрами содѣйствовать чадолюбивому и уже изнемогающему отцу въ подобномъ случаѣ?—Для окончанія сего дѣла, надобно, чтобы студентъ имѣлъ пристойное мѣсто; для сего и явится онъ къ вашему преосвященству со всепокорнѣйшею просьбою; а вмѣстѣ съ нимъ и я повергаюсь къ святительскимъ стопамъ вашимъ... Зная сего студента, какъ ученика моего, по *долгу справедливости*, осмѣливаюсь присовокупить, что онъ и по добрымъ качествамъ своимъ достоинъ вашего милостиваго воззрѣнія. Я *не отягощаю* просити: діаконское мѣсто въ Москвѣ или священническое въ Коломнѣ будетъ для него наградою, а для меня и отца моего благодѣяніемъ"... Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ (въ 1816 г.) слѣдующее: „Долгъ природы требуетъ отъ меня теперь заботъ о вдовствующей матери и сиротствующемъ братѣ. Утѣшеніе, желаемое матерью моею,—сіе скажу собственными ея словами,—состоитъ въ томъ, чтобы провести остатокъ дней въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ онъ, и молиться о немъ тамъ, гдѣ онъ молился. Не осмѣлился бы я говорить о семъ вашему высокопреосвященству, если бы не представлялось такаго случая, которымъ желаніе матери моей можетъ быть исполнено, какъ мнѣ кажется, безъ *всякаго нарушенія общественнаго порядка*. При вознесенской, въ Коломнѣ, церкви находится *ученый* священникъ Иродіонъ, который и въ училищѣ коломенскомъ занимаетъ высшій классъ, и удостоенъ отъ вашего высокопреосвященства быть членомъ духовнаго правленія. Сей священникъ, имѣющій въ супружествѣ сестру мою, заступивъ мѣсто моего покойнаго родителя при соборѣ, доставилъ бы матери моей тотъ покой, котораго она же-

лаетъ... По службѣ старѣй его два благочинныхъ: *но они не отличились ученьемъ.* Онъ способнѣйшій изъ имѣющихся въ виду къ занятію ректорскаго мѣста; а посему, и по священнослужительскому мѣсту, пристойно и нужно быть ему близь училища... Ключарь, имѣющій крестъ, но *неученый*, также не можетъ соперничествовать ученому: и здѣсь часто видѣть можно священниковъ и іеромонаховъ съ крестами, которые однако ниже другихъ, не имѣющихъ отличій, считаются, и мѣста въ собраніяхъ занимаютъ низшія. Сіе изъясняю не для того, чтобы предупредить судъ вашего высокопреосвященства, но чтобы оправдать мою просьбу..."

Наставленіе митрополита Филарета наставникамъ приходскихъ школъ (писанное 22 сентября 1843 г.) исполнено истинно пастырской и просвѣщенно христіанской заботливости о народномъ образованіи. „Назначеннымъ въ наставники, пишетъ покойный владыка, объявить, чтобы они, принявъ сію должность, совершили молебствіе при открытіи училищъ. При семъ поставить имъ въ непремѣнную обязанность (между прочимъ)— недовѣрчивость крестьянъ къ полезнымъ нововведеніямъ и предразсудки противъ образованія здравыми внушеніями ослаблять и прекращать. Цѣлію преподаванія поставить не то одно, чтобы передать нѣкоторыя понятія памяти учениковъ, но то, чтобы въ сердцахъ ихъ утвердить православныя понятія о Богѣ и Христѣ Спасителѣ, благочестіе, благоговѣніе къ Самодержцу, послушаніе начальству, благонравіе, дабы ученіе сдѣлалось въ нихъ основаніемъ доброй и благополучной жизни. Въ образѣ и подробностяхъ ученія примѣняться тщательно къ возрасту, понятіямъ и званію наставляемыхъ, и стараться способъ простой вразумительнаго и занима-

тельнаго преподаванія перенимать у искуснѣйшихъ и опытнѣйшихъ... Съ учениками обращаться кротко и съ отеческою любовію, чтобы добрый учитель дѣлалъ пріятнымъ ученіе".

Свѣтлая личность покойнаго митрополита Филарета съ особенною рельефностію высказалась въ его письмахъ къ извѣстному писателю, весьма близко стоявшему къ покойному митрополиту, Андрею Николаевичу *Муравьеву*. У послѣдняго, въ теченіе тридцатипятилѣтняго знакомства его съ покойнымъ, накопилось около 500 писемъ и записокъ митрополита о самыхъ разнородныхъ предметахъ. Здѣсь покойный съ совершенною откровенностію касается и дѣлъ церковныхъ, и вопросовъ догматическихъ, и современныхъ событій, и самыхъ мелкихъ случаевъ своей частной жизни, а иногда дѣлаетъ критическій разборъ богословскихъ и другихъ литературныхъ произведеній того времени. Нынѣ эти сокровища изданы въ свѣтъ, благодаря просвѣщенному вниманію и усердію того, у кого они доселѣ хранились.

Кромѣ литературнаго и догматическаго достоинства многихъ изъ этихъ писемъ, увлекательныхъ вмѣстѣ и по своему остроумію, въ нихъ, какъ справедливо замѣчаетъ издатель ихъ въ своемъ предисловіи, есть еще одна разительная черта, которая выше красоты слога: это—теплая душа и горячее христіанское сердце, проглядывающія почти въ каждой строкѣ, тогда какъ его часто упрекали въ совершенной холодности и преобладаніи ума надъ сердцемъ. Здѣсь, напротивъ, они идутъ рядомъ, и даже чаще преобладаетъ сердце,—и все это проникнуто самымъ пламеннымъ чувствомъ вѣры и любви къ церкви. Если гдѣ либо, то здѣсь тѣмъ болѣе отражается его неукоризненное православіе. Болѣе другихъ

замѣчательны, по сердечному ихъ настроенію, письма владыки во время путешествія А. Н. Муравьева въ Римъ и Іерусалимъ. Сколько тутъ отеческой заботливости о путникѣ и любви къ нему. Самый нѣжный другъ и сверстникъ по годамъ не могъ бы высказать ничего болѣе трогательнаго. И такого человѣка осмѣливались нѣкоторые упрекать въ эгоистическомъ равнодушіи къ людямъ. Издатель его писемъ справедливо замѣчаетъ, что не всѣ понимали истинный характеръ этаго великаго дѣятеля и даже нѣкоторые представляли его себѣ совершенно въ иномъ видѣ. Люди, вообще, неохотно сознаютъ чужую добродѣтель; но здѣсь въ особенности поражаетъ то, до какой степени были превратны сужденія, основанныя отчасти на первыхъ еще неопытныхъ дѣйствіяхъ будущаго великаго мужа церкви и неизмѣнявшіяся иногда до послѣднихъ дней его старости. Такъ, напримѣръ, глубокое смиреніе, которымъ онъ былъ проникнутъ по чувству христіанскаго долга, равно воздавая Божія Богови и Кесарева Кесареви, объясняли потаеннымъ честолюбіемъ. Было даже время, когда въ немъ подозрѣвали и либеральное направленіе, такъ какъ его талантъ невольно привлекалъ къ себѣ умы, а не всѣ могли уразумѣть, что началомъ его премудрости былъ страхъ Божій. Но что всего оскорбительнѣе: лучшаго современнаго богослова всей православной церкви подозрѣвали въ протестанствѣ... Эти люди не хотѣли понять, что мудрый святитель, бывшій, подобно апостолу Павлу, *всѣмъ вся*, долженъ былъ не одностороннимъ взглядомъ смотрѣть на ученіе вѣры, касаясь иногда и щекотливыхъ вопросовъ для удовлетворенія испытующихъ, но никогда однако не переступая завѣтной черты отцевъ церкви. Въ оправданіе изложенныхъ нами мыслей,

а равно и для болѣе справедливой оцѣнки той заслуги, какую оказалъ исторіи и богословской наукѣ издатель писемъ митрополита Филарета, приведемъ здѣсь нѣсколько особенно характерныхъ и замѣчательныхъ выдержекъ изъ этаго изданія.

Въ тридцатыхъ годахъ возникло мнѣніе „о назначеніи въ консисторіяхъ прокуроровъ вмѣсто секретарей". По этому поводу митр. Филаретъ писалъ А. Н. Муравьеву слѣдующее: „если подлинно хотятъ дать прокуроровъ консисторіямъ: пусть дадутъ безъ меня, дабы при разсужденіи о семъ не поставили меня защитникомъ архіерейскаго самовластія, тогда какъ я защищалъ бы права іерархическія по ходу дѣлъ и пользы подчиненнаго консисторіямъ духовенства. Сія глаголя, не досаждаю ли вамъ, какъ сущему отъ оберъ-прокурорства? Простите"... (стран. 11).

Относительно *поставленія во священники*: „если испросятъ позволенія посвящать во священники неученыхъ прежде 30 лѣтъ возраста: то сдѣлаютъ дѣло, сколь противное церковнымъ правиламъ, столь же вредное и для управленія. Эти люди теперь обыкновенно исключенные ученики, т. е. выброшенные, какъ негодные. Ихъ долго надобно испытывать, чтобы годились во священники: а раннее производство во священника изъ таковыхъ даетъ самыхъ худыхъ священниковъ. Я знаю это по опыту, во время моего управленія Ярославскою епархіею, гдѣ мой предшественникъ надѣлалъ такихъ священниковъ. Вы не согрѣшите, если то, что̀ теперь пишу, перескажете кому вѣдать надлежитъ". (стр. 13).

Слѣдуетъ ли исповѣдаться въ грѣхахъ, уже разрѣшенныхъ? „Азъ есмь *заглаждаяй* грѣхи твоя, глаголетъ Господь, и *не помяну* ихъ. Сіе найдете у пророка, хотя

не слово въ слово. Потому, кромѣ особенныхъ обстоятельствъ, и новому духовному отцу *не нужно* исповѣдывать исповѣданное и разрѣшенное прежде" (стр. 114).

Какъ примѣнять строгость правилъ церковныхъ, при рукоположеніи, къ грѣхамъ юности, недопускающимъ до священства? Вопросъ:—не преграждаетъ ли пути будущему прошедшее—затруднительный въ нашей службѣ. Правила, большею частью, строги: но есть въ одномъ степень къ снисхожденію. Есть и примѣры святыхъ, хотя немногіе, которые допускаютъ снисхожденіе. О владыкѣ Платонѣ (вѣроятно, бывшемъ митрополитѣ Московскомъ) слыхалъ я, что онъ завѣдомо бралъ сторону снисхожденія... Думаю, что, по любви и смиренію, отцы церкви не осудятъ недостойнаго, и своимъ благословеніемъ и молитвою сдѣлаютъ его достойнымъ". (стр. 114).

На вопросъ: „священникъ римской церкви можетъ ли, присоединившись къ православію, вступить въ бракъ, не слагая съ себя священническаго сана,"—дается *отрицательный* отвѣтъ,—на основаніи 26 апост., прав. 3 и 6 прав. IV всел. соб., 1 прав. Неокесар. соб., и нѣкоторыхъ другихъ каноническихъ соображеній. „Папа,—пишетъ Филаретъ,—погрѣшилъ запрещеніемъ брака духовенству въ нарушеніе древнихъ правилъ: надобно остеречься, чтобы не погрѣшить разрѣшеніемъ брака при такомъ условіи, при которомъ онъ запрещенъ древними правилами, то есть по рукоположеніи въ священство"... Притомъ, если и согласится на сіе церковь россійская: то еще сомнительно, согласится ли на сіе греческая и прочія восточныя церкви. А конечно, не желательно, снисхожденіемъ къ немногимъ лицамъ, поколебать единомысліе церквей" (стран. 641—44).

Въ 1867 году пріѣхалъ въ Россію молодой французскій аббатъ *Мордрель* съ желаніемъ присоединиться къ православію. По этому поводу митрополитъ составилъ слѣдующій чинъ. Како священника римскія церкве пріяти въ общеніе православныя каѳолическія церкве: 1) „Присоединеніе таковаго къ православной церкви совершается по общему положенному на сіе чину. 2) Обычный при семъ воспріемникъ избирается наипаче изъ *священнослужителей*. 3) *Воспріемницѣ не подобаетъ быти*. 4) Признаніе присоединеннаго въ санѣ священства требуетъ разрѣшенія святѣйшаго Сѵнода. 5) Прежде допущенія его до священнослуженія, испытывается совѣсть его чрезъ духовнаго отца, по подобію готовящихся къ рукоположенію. 6) Егда усмотрѣно будетъ, яко ничтоже не возбраняетъ благословити ему совершеніе священнослуженія: тогда входящу архіерею во храмъ для совершенія божественныя литургіи, приходитъ и сей съ прочими священнослужителями, въ обычной православнымъ священнослужителямъ одеждѣ и пріемлетъ купно съ ними отъ архіерея благословеніе. Потомъ отходитъ въ діакониконъ, и стоитъ безъ облаченія до херувимскія пѣсни. Наконецъ, 7) по херувимской пѣсни, и по постановленіи св. даровъ на трапезѣ, приводится иподіаконами, не чрезъ царскія врата, но внутри алтаря къ святому престолу и къ архіерею, и поклоняется ему, по подобію приводимыхъ къ рукоположенію. И приносится облаченіе священническое, — и возлагается діаконами на пріемлемаго въ общеніе священства, архіерей же благословляетъ каждую часть облаченія, и облачаемый цѣлуетъ архіерейскую руку, а діаконъ глаголетъ стихи священническаго облаченія, не возгласно, но яко слышати облачаемому. Послѣди же

пріемлемый въ общеніе священства пріемлетъ отъ архіерея и прочіихъ цѣлованіе мира, по подобію рукополагаемыхъ, стоитъ съ прочими священниками, и участвуетъ въ совершеніи литургіи и въ пріобщеніи святыхъ таинъ. И оттолѣ имѣетъ власть священнодѣйствовати, яко православный священникъ“ (стр. 658—9).

Въ пятидесятыхъ годахъ поднятъ былъ вопросъ „*о недопущеніи дѣтей причетниковъ до высшаго образованія въ духовныхъ училищахъ*“. По этому поводу, покойный митрополитъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ. „Для сей мѣры представляется благовидное основаніе въ томъ, что гражданскій законъ уже различилъ степени правъ дѣтей священнослужительскихъ и церковнослужительскихъ. Но противъ сего возстаютъ многія соображенія, которымъ нельзя отказать во вниманіи. 1) Роды священнослужителей и церковнослужителей не такъ разграничены на дѣлѣ, какъ въ письмени закона. Сынъ церковнослужительскій по отцѣ часто бываетъ священнослужительскимъ по матери или по дѣду; и сынъ священнослужительскій часто бываетъ церковнослужительскимъ по матери или по дѣду. Итакъ, это одинъ родъ, который на два рода съ разными правами не столько можно раздѣлить, сколько *разрубить*. 2) Дѣти церковнослужителей часто воспитываются у родственниковъ священнослужителей, и, вообще, родятся, возрастаютъ и получаютъ начатки домашняго образованія въ одинаковомъ кругу съ священнослужительскими; и потому къ ученью *также способны*, какъ священнослужительскіе. Дѣти священнослужителей, менѣе стѣсненные въ способахъ жизни, при домашнемъ воспитаніи менѣе суровомъ, удобнѣе получаютъ нѣкоторую склонность къ разсѣянности, и потому, смиренными дѣтьми церковнослужите-

лей нерѣдко упреждаются въ ревности къ ученью и въ успѣхахъ. 3) Если рожденному въ податномъ и крѣпостномъ состояніи законъ дозволяетъ отпущеніе на волю, и потому вступать въ училище и достигать ученыхъ степеней: то несообразно было бы съ справедливостію закономъ запретить сіе сыну причетника, который отъ предковъ принадлежитъ къ неподатному и свободному состоянію. Сія мѣра, заграждающая открытый прежде и по рожденію принадлежащій путь церковнослужительскимъ дѣтямъ, безъ вины ихъ, предъ безпристрастнымъ разсужденіемъ представляется болѣе тяжелою, нежели назначеніе въ военную службу ненадежныхъ причетниковъ или исключенныхъ учениковъ, низко одобренныхъ въ поведеніи, и потому не находящихъ мѣста. 4) Бремя составляютъ не ученики богословія, но ученики низшихъ классовъ, чрезмѣрно наполняющіе классы, и не находящіе мѣста по исключеніи изъ училищъ. Отъ избытка же учениковъ, совершившихъ полный семинарскій учебный курсъ, есть своя польза. Когда ихъ было меньше, они, по представленному духовнымъ регламентомъ праву, сильнѣе домогались прямо священническихъ мѣстъ: а когда ихъ стало много, они охотнѣе поступаютъ на діаконскія мѣста, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже на причетническія, и мы получаемъ возможность отъ исключительнаго правила духовнаго регламента возвращаться къ древнему церковному правилу „о постепенномъ прохожденіи степеней клира“. (Значитъ, подъ этотъ взглядъ покойнаго митрополита, какъ нельзя болѣе подходитъ современная реформа въ духовенствѣ). Въ началѣ текущаго столѣтія, изъ ученыхъ въ монашество поступали только немногіе въ должностяхъ учителскихъ. Нынѣ совершившіе богословское ученіе нерѣдко посту-

паютъ въ монастыри просто на послушническое положеніе: и чрезъ сіе монашество получаетъ возможность образоваться лучше прежняго, съ большею пользою для церкви и общественнаго назиданія. Изъ сего видно, что не надобно стѣснять пути къ богословскому ученію, и слѣдовательно не надобно преграждать его и для церковнослужительскихъ дѣтей"... „Если бы прежде не допускали причетническихъ дѣтей до богословскаго ученія, то мы не имѣли бы Платона, Михаила, Иннокентія и многихъ въ высшей степени достойныхъ членовъ іерархіи, которые вышли изъ причетническихъ дѣтей" (стран. 481—4).

Кромѣ каноническихъ вопросовъ, въ письмахъ затронуто очень много вопросовъ: а) *догматическихъ*, напримѣръ: о первородномъ грѣхѣ (стран. 172—8), объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына (Filioque) (стр. 203), о времени освященія святыхъ даровъ при совершеніи литургіи (стр. 215 — 227 и 229 — 241) и друг.; б) *археологическихъ и церковно-богослужебныхъ*,—напримѣръ: по поводу „Римскихъ писемъ А. Н. Муравьева", покойный владыка дѣлаетъ слѣдующую замѣтку: „Въ изъясненіи подземной церкви, въ которой я радъ былъ найти горнее мѣсто и сопрестоліе, я предложилъ бы вамъ мою догадку о сѣверной храминѣ, которую, какъ вы говорите, называютъ притворомъ оглашенныхъ. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что эта часть храма для женскаго пола, который, стоя въ ней, пѣніемъ и словомъ могъ пользоваться изъ настоящей церкви. Но для чего здѣсь трапеза, которую вы хотите признать здѣсь жертвенникомъ? Быть ей жертвенникомъ было бы очень далеко отъ престола. Я думаю, что это мѣсто причащенія женскаго пола. Вы знаете, что въ древности святые

дары раздавали народу подъ двумя видами *порознь*. По сему, и по множеству причащающихся, нужно было употреблять много священнослужителей. Итакъ, естественно было, по освященіи даровъ въ главной церкви, отдѣлить для той части храма, гдѣ стоялъ женскій полъ, пресвятаго тѣла на особый дискосъ и пресвятыя крови въ особую чашу, и съ ними послать пресвитера и діакона, или двухъ діаконовъ, которымъ, для удобства и безопасности раздаянія, нужна была въ женскомъ отдѣленіи храма особая трапеза. Мнѣ кажется, это ясно. Впрочемъ, о катакомбахъ римскихъ, конечно, удобнѣе дѣлать вѣрныя догадки въ Римѣ, нежели въ Москвѣ" (стран. 159—60). Тамъ же сдѣланы замѣчанія относительно омофора (стр. 312—13), объ алтарѣ (стр. 443) и т. п. Разсуждая о послѣднемъ, покойный архипастырь, по вызову А. Н. Муравьева, рѣшаетъ, между прочимъ, вопросъ о томъ: *„позволительно-ли міряннину входить въ алтарь*. Вотъ это разсужденіе. „Наша старая кормчая, въ толкованіи 19 правила лаодикійскаго собора, говоритъ: *внутрь жертвенника единъмъ священникомъ достойно причащатися велитъ правило*". То есть, оно запрещаетъ міряннину пріобщаться св. таинъ въ алтарѣ у престола съ священниками. Толкованіе, стѣсняя, такимъ образомъ, смыслъ правила, какъ будто уклоняется отъ вопроса: позволительно-ли міряннину, кромѣ причащенія св. таинъ, стоять въ оградѣ алтаря, въ смиренномъ мѣстѣ, въ отдаленіи отъ престола и священнослужащихъ. Надобно при семъ вспомнить, что по древнему обычаю, алтарь долженъ быть съ предолтаріями, и жертвенникъ въ предолтаріи долженъ быть доступенъ міряннину для приношеній. Гдѣ сіе есть: тамъ совѣтую міряннину не проникать далѣе предолтарія. Къ сожалѣнію,

древнее расположеніе храма, большей частью утрачено, и идущій съ просфорою къ жертвеннику по необходимости идетъ въ общемъ алтарномъ пространствѣ. Въ такомъ случаѣ, совѣтую, какъ можно, не приближаться къ престолу, *и не ходить между престоломъ и горнимъ мѣстомъ* (¹), также какъ и между престоломъ и царскими вратами, ибо это совершенно алтарь и путь Христовъ. Мнѣ кажется, также снисхожденіе необходимымъ сдѣлали наши предшественники, допустивъ сокращеніе алтарей. Или не надобно снисхожденія? Или, по опасенію погрѣшности, надобно держаться самаго обширнаго смысла правила и изгнать васъ изъ ограды алтаря?— Можетъ быть. Но я боюсь строгости для другихъ, потому что боюсь ея для себя. И зная, что, по грѣхамъ моимъ, я первый достоинъ изгнанія (*какое высокое смиреніе!*), боюсь безъ крайней нужды изгонять другихъ. И признаюсь въ томъ, въ чемъ вы (разумѣется А. Н. Муравьевъ) меня обличаете, то-есть, что я позволилъ вамъ и даже приглашалъ (²) васъ быть въ предѣлахъ

(¹) Это не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію нашимъ настоятелямъ церквей. Сколько извѣстно, у насъ міряне, не считая себя въ правѣ проходить между престоломъ и царскими вратами, позволяютъ себѣ, безпрекословно со стороны священника, ходить между престоломъ и горнимъ мѣстомъ, и притомъ, нерѣдко въ такія важныя минуты, когда священнослужитель молится „*объ освященіи даровъ*“. Вообще, желательно, чтобы прислуживавшіе въ алтарѣ вели себя *возможно-тихо и благоговѣйно*, и чтобы, кромѣ ихъ, никто изъ мірянъ не присутствовалъ въ алтарѣ при богослуженіи, особенно при совершеніи литургіи, когда требуется отъ священнослужителей глубокая сосредоточенность въ самихъ себѣ.—*П. Н—въ*.

(²) Владыка разумѣетъ здѣсь слѣдующій случай. Въ 1849 году А. Н. Муравьевъ отправлялся въ путешествіе. Филаретъ, при прощаньи съ нимъ, пригласилъ его съ собою въ *алтарь* своей домовой церкви, и тамъ, *какъ простой священникъ*, надѣвъ на себя эпитрахиль и поручи, отслужилъ у самаго престола молебенъ „въ путь шествующихъ“ (см. стр. 306).

алтаря въ приличномъ мѣстѣ; и думаю, что предстоящіе здѣсь со страхомъ, съ признаніемъ своего недостоинства, но съ вѣрою и упованіемъ на милосердіе Божіе, не оскорбляютъ святости, а моей немощи и недостоинству спосиѣшествуютъ общеніемъ молитвы (стран. 443—4).

Въ письмахъ Филарета не мало находится также замѣтокъ, касающихся *церковно-историческихъ* предметовъ (смотр. напр. стран. 63—4; 77—8; 82; 104), встрѣчается переводъ и толкованіе нѣкоторыхъ мѣстъ священнаго писанія (стр. 105 — 9), а также и переводъ богослужебныхъ пѣсней (стр. 25 и 42). Много брошено свѣтлыхъ взглядовъ на различныя стороны религіозно-нравственной и общественной жизни христіанъ, напр. на монашество, на награды и почести, на христіанское церковное богослуженіе и т. п., и во всѣхъ этихъ взглядахъ ярко просвѣчиваетъ великая, мудрая, благородная и истинно-смиренная личность покойнаго архипастыря. Вотъ какъ, напримѣръ, онъ разсуждаетъ о православномъ богослуженіи: „Православное богослуженіе древнее, мудрое, полное благодати и назидательности, мы исполняемъ слабо: спѣшимъ, сокращаемъ и еще стѣсняемъ оное новосоставленными пѣснопѣніями (1), подражая одному или двумъ истинно церковнымъ, во внѣшней словесной формѣ, не много заботясь о томъ, ясенъ-ли въ нихъ *духъ жизни*. Что же нужнѣе: стараться-ли дать большую силу существенному богослуженію, или усложнить стѣсняющую его силу? Вотъ вопросъ, достойный вниманія и заботы"

(1) Сколько можно догадываться, эти строки написаны Филаретомъ по поводу составленія А. Н. Муравьевымъ акаѳиста св. Андрею Первозванному.—*П. Н—въ.*

(стр. 651). „Всѣмъ новымъ творцамъ акаѳистовъ надобно пожелать, чтобы ихъ акаѳисты были произведеніемъ *духа*, а *не литературы*, чтобы они читающаго возводили къ созерцанію, или погружали въ умиленіе, и питали назидательностію, *а не осыпали градомъ хвалебныхъ словъ съ напряженнымъ усиліемъ отсюду собранныхъ*. Св. Григорій Богословъ не писалъ акаѳиста св. Василію Великому“ (стр. 650—51).—А вотъ и другіе, не менѣе замѣчательные отрывки изъ писемъ:

О молчаніи: „Молчаніе такая вещь, которой у меня часто не достаетъ при разсужденіяхъ въ синодѣ и отъ которой я не могу избавиться въ отношеніи къ перепискѣ. Когда молчу: извольте, если угодно, подозрѣвать меня въ лѣности, а не въ чемъ-нибудь хуже (стр. 26)“.

Взглядъ на *почести* и награды: „Почести иногда искушаютъ; сего надобно беречься: но поелику онѣ введены въ устроеніе общества, то иногда помогаютъ полезному вліянію на людей и дѣла, и къ сему надобно употреблять ихъ“ (стр. 35). „Странно для меня то, что Григорій (¹) *просилъ* себѣ санъ архимандрита, и получилъ оный по *просьбѣ*, а не по избранію начальства. Удивительно также услышанное мною, что молодые оптинскіе іеромонахи уже получили кресты въ *задатокъ имѣющихъ быть или не быть* наградъ“ (стр. 525). „Скучно слушать, — пишетъ Филаретъ, прочитавши рукописное „судное дѣло патріарха Никона“, — какъ патріархъ у царя проситъ отчинки, будто нищій копѣйки, принужденно усиливаясь продолжать и разнообразить мило-

(¹) *Веллерисъ*, родственникъ бывшаго константинопольскаго патріарха Германа; обучался въ Кіевской академіи (былъ потомъ баккалавромъ въ С.-Петербургской дух. акад.), хотѣлъ поступить въ нашу миссію въ Константинополѣ, но опредѣленъ былъ въ Одессу къ греческой церкви, и такъ скончался (См. письма Филарета, стр. 526).

стырный напѣвъ, между тѣмъ, какъ изъ дѣяній собора 1667 года видимъ, какъ многимъ онъ владѣлъ" (стр. 42).

О монашествѣ: „Гуцевичъ хочетъ въ *военную службу*, а вы (А. Н. М—въ) присылаете его, чтобы опредѣлить *въ обитель*. Такъ-ли родатся добрые монахи?.. Исторіи общежитій (монашескихъ) составить вамъ не могу. Исторія ихъ у насъ должна быть собрана изъ устныхъ преданій, въ старѣйшихъ между ними. Начало ихъ въ началѣ христіанства. Вдовица или дѣва, рѣшаясь вести жизнь удаленную отъ міра, заключается въ своемъ домѣ, къ ней присоединяются единомысленныя и живутъ *въ уединеніи, въ молитвѣ, въ трудахъ, во взаимномъ послушаніи*, подъ руководствомъ облагодатствованнаго наставника, епископа или пресвитера. Это было прежде въ простотѣ духа, нежели явился образъ и чинъ монастырей. Можно сіе видѣть въ Четьи-Минеѣ, въ житіяхъ первыхъ вѣковъ, хотя жизнеописатель, смотря глазами своего вѣка, и одѣвалъ сіи простыя общежитія образами монастыря" (стр. 462—3)... „Хотя Аѳонъ и называютъ царствомъ монаховъ: но не назвалъ бы я Карею столицею Аѳона, а развѣ *станомъ турецкаго становаго пристава* (стр. 315)..., „Какъ это жаль, что царство монаховъ — *Аѳонъ*, раздѣлился на ся, и не только между греками и русскими, но и между малороссіянами и великороссіянами нѣтъ единства! Вы бы (разумѣется, А. Н. Муравьевъ) напомнили имъ слово Господне о царствѣ, раздѣлившемся на ся. И чего же тамъ ищутъ старцы В. и В" (стр. 314—15)? „Вы говорите, что если укорять русскихъ иноковъ, ищущихъ безмолвія на Аѳонѣ, то надобно укорять и іерусалимскихъ богомольцевъ. Поклоняться св. мѣстамъ совсѣмъ не то, что мѣнять русскій мона-

стырь на Аеонскій. Притомъ, я не укоряю и тѣхъ, которые дѣлаютъ сіе послѣднее: я указалъ только неудобства и столкновеніе съ законами, когда *русскіе, подъ именемъ аѳонскихъ*, приходятъ въ Россію. Иное дѣло идти на Аеонъ для безмолвія, а иное дѣло, послѣ удаленія на Аеонъ для безмолвія, съ именемъ аеонскаго безмолвника идти жить въ молву московскую на подворье (см. стр. 352)... „Вотъ вещь, требующая вниманія: есфигменскій архимандритъ (съ Аеонской горы), въ бытность въ Москвѣ, объявилъ въ вѣдомостяхъ о крестѣ у него съ частію животворящаго древа, и на своей келліи надъ дверью написалъ: „*желающій приложиться къ кресту долженъ положить столько-то серебромъ*. Епископъ Өиваидскій, видно, услышалъ объ этомъ, и едва-ли не расположенъ подражать“ (стр. 409).

Впрочемъ, съ нашей стороны, потребовалось бы— не одинъ, а нѣсколько печатныхъ листовъ, еслибы только мы стали выписывать здѣсь всѣ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, замѣчательныя мѣста изъ „писемъ Филарета“. Покойный архипастырь, какъ видно, внимательно слѣдилъ за теченіемъ жизни во всѣхъ видахъ и формахъ ея проявленія, и потому въ своихъ письмахъ касается самыхъ разнообразныхъ предметовъ,—говоритъ, напр. и о погодѣ, и объ урожаѣ, даже о картофелѣ и т. п. (смотр. стран. 120—1; 311; 524). По мѣстамъ онъ свои письма пересыпаетъ остротами и шутками въ родѣ слѣдующихъ: „не мое дѣло разсуждать о „*барсовой кожѣ*“. Но не нравятся мнѣ стихи, то дактилохореическіе, то анапестоямбическіе, а частію *невѣдомо какіе*. Если неудобно писать постоянно гомеро-ямбическими стихами, то не лучше ли было бы не притворяться, что пишете стихами“ (стр. 259). Или: „вы требовали *двухъ строчекъ*.

Извольте получить ихъ. *Первая* строчка: „Андрею Николаевичу радоватися въ новое свое лѣто, и многолѣтствовати. *Вторая* строчка: „теперь, кажется, и на моей улицѣ праздникъ, и я могу, какъ вы, жаловаться на ваше молчаніе даже о томъ, доѣхали-ль вы отъ Москвы до Петербурга (и все письмо) (стр. 272). Андрей Ник. Муравьевъ передаетъ также, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, слѣдующій разсказъ: „однажды митрополиту нужно было ѣхать въ академію наукъ, и онъ, садясь въ карету, велѣлъ ѣхать на Васильевскій островъ въ академію. Изъ лакеевъ никто не зналъ, что это за академія; одинъ только форейторъ выручилъ, закричавъ: „знаю, тамъ *сова на воротахъ*“. Митрополитъ засмѣялся и сказалъ: „ну ступай, гдѣ сова на воротахъ: это *ученая* птица“ (стр. 44). Не менѣе интересенъ также слѣдующій разсказъ: „ректоръ кіевской академіи Иннокентій, будучи вызванъ въ Петербургъ для рукоположенія его въ архіерея, во время своего посѣщенія московскаго митрополита, старался защитить предъ владыкою старинное мнѣніе протестантовъ, что въ первые вѣка христіанства, степень епископа ничѣмъ не отличалась отъ степени пресвитерской. Митрополитъ съ улыбкой отвѣчалъ ему: „я очень радъ, что послѣ завтра эта ересь у Васъ пройдетъ при Вашемъ рукоположеніи во епископа“ (стран. 15). Кстати, нужно отдать издателю „писемъ Филарета“ полную справедливость за сдѣланныя имъ примѣчанія въ дополненіе и объясненіе текста самыхъ писемъ. Въ этихъ примѣчаніяхъ, а равно и въ предисловіи къ изданію находится много любопытныхъ свѣдѣній: изъ предисловія, напр., мы узнаемъ объ истинныхъ отношеніяхъ покойнаго митрополита къ Иннокентію пензенскому, а равно и о томъ, что послѣд-

ній былъ назначенъ епископомъ оренбургскимъ *безъ избранія синодскаго*, вопреки церковному порядку, о чемъ митрополитъ петербургскій Михаилъ замѣтилъ князю Голицыну (бывшему тогда оберъ-прокуроромъ св. Сѵнода) въ присутствіи Сѵнода,—прибавивъ, впрочемъ, „что на этотъ разъ можно оправдать это тѣмъ, что архимандритъ Иннокентій былъ уже представляемъ однажды отъ Сѵнода въ числѣ кандидатовъ на архіерейскую каѳедру“ (см. пред. стр. VII—VIII).

Изданіе „писемъ Филарета“ составляетъ собою истинное пріобрѣтеніе въ нашей духовной литературѣ, не говоря уже, конечно, о томъ, что оно составляетъ богатый матеріалъ для полной біографіи покойнаго архипастыря.

Одновременно съ „Письмами митрополита Филарета“ намъ попался въ руки, только что вышедшій въ свѣтъ, досолѣ,—какъ выражается издатель его въ газетныхъ объявленіяхъ,—*небывалый* „*Библейскій богословскій словарь*“ (Спб. 1869 г.). Изданіе это принадлежитъ извѣстному составителю многихъ брошюръ по части объясненія церковнаго богослуженія, а также по части священной и церковной исторіи, священнику Василію *Михайловскому*. Трудъ этотъ, какъ обозначено въ предисловіи къ нему, есть переводъ французскаго сочиненія: Dictionnaire des parallélès, concordances et analogies bibliques par Lambert (Paris. 1862); а это французское сочиненіе есть, въ свою очередь, тоже переводъ съ англійскаго, только дополненный, противъ англійскаго оригинала, нѣкоторыми отдѣлами. Оно съ радостію принято было въ англійской публикѣ; было переведено, потомъ, на языки: французскій, голландскій, итальянскій и нѣмецкій, и заслужило до двадцати почетныхъ

библіографическихъ отзывовъ. Въ русской же литературѣ ничего не было извѣстно о такомъ словарѣ. И вотъ, отецъ Михайловскій, съ одной стороны, какъ самъ онъ говоритъ, „опытно“ убѣжденный въ большой пользѣ такаго словаря,—особенно при составленіи проповѣдей, при ученыхъ изслѣдованіяхъ (разумѣется, богословскихъ) и при благоговѣйномъ чтеніи и изученіи слова Божія въ семейномъ быту,—съ другой,—имѣя въ виду появленіе библіи въ русскомъ переводѣ, перевелъ это сочиненіе, дополнилъ и исправилъ его по духу православія.—Достоинство этаго словаря, въ сравненіи съ извѣстными у насъ „симфоніями на библію“, указано самимъ издателемъ словаря въ его предисловіи. Именно: „въ симфоніяхъ нашихъ помѣщены тексты въ азбучномъ порядкѣ, на основаніи созвучія начальныхъ слоговъ въ словѣ,—безъ всякой внутренней ихъ связи и близости между собою, и притомъ тексты эти распредѣлены по отдѣльнымъ книгамъ св. писанія; отъ чего иногда очень затруднительно искать какое-нибудь мѣсто изъ св. книгъ. Притомъ, однозвучные тексты въ симфоніяхъ представлены въ славянскомъ переводѣ, иногда отступающемъ отъ подлинника св. библіи; наконецъ, симфоніи были изданы не на всю библію. Въ „Библейскомъ же Словарѣ, изданномъ отцемъ Михайловскимъ, тексты св. писанія въ каждой статьѣ подобраны, сгруппированы въ алфавитномъ порядкѣ, не на основаніи созвучія начальныхъ слоговъ въ словахъ, а исключительно на основаніи ихъ единомыслія. Притомъ, эти тексты соединены въ одну статью изъ всѣхъ каноническихъ книгъ ветхаго и новаго завѣта.—Кромѣ того, въ концѣ почти каждой статьи, разъясняющей въ словарѣ главное слово, приведены историческіе примѣры изъ всей библіи, под-

тверждающіе изложенное въ ней догматическое или нравственное ученіе“.—Въ концѣ предисловія, помѣщено, на двухъ страничкахъ съ небольшимъ, „нѣсколько словъ о пониманіи текстовъ св. писанія“; статейка эта, по бѣдности своего содержанія, не придаетъ изданію ничего особеннаго, и почти совершенно лишняя. — Во всякомъ случаѣ трудъ этотъ заслуживаетъ полнаго сочувствія любителей слова Божія, и едва ли не самый полезный изъ всѣхъ литературныхъ изданій отца Михайловскаго. Не можемъ, впрочемъ, не замѣтить, что хотя о. Михайловскій и выставляетъ на видъ превосходство издаваго имъ словаря предъ симфоніями, все-таки этотъ словарь далеко уступаетъ симфоніямъ, какъ по своей полнотѣ, такъ даже, въ извѣстномъ отношеніи, и по удобству въ отыскиваніи текстовъ. Напримѣръ, намъ нужно было пріискать параллельные тексты о *безкорыстіи* и *честности* и мы не нашли въ изданіи о. Михайловскаго *ни того, ни другаго*. Въ добавокъ, о. Михайловскій не совсѣмъ справедливо приписываетъ своему словарю названіе *богословскій*. Въ немъ нѣтъ никакого авторскаго *богословствованія*, а — одинъ только подборъ св. текстовъ, что̀ совершенно достаточно характеризуется оглавленіемъ *библейскій* словарь. Судя по заглавію *богословскій*, мы думали найти въ немъ нѣчто *похожее* на то, что представляетъ собою *философскій* словарь Гогоцкаго, гдѣ объ извѣстномъ предметѣ собраны *разныя*, а въ томъ числѣ и *историческія* свѣдѣнія. Въ словарѣ же о. Михайловскаго нѣтъ ничего подобнаго.—Наконецъ, и самая цѣна за изданіе назначена *очень высокая*, именно 3 р. 50 к. за четыреста сорокъ страницъ, напечатанныхъ въ 16-ю долю листа.— Впрочемъ, это—не наше дѣло.

III.

Изъ явленій современной церковной жизни рѣзче всего бросаются въ глаза, слѣдующія одна за другою, реформы по духовному вѣдомству. Съ сущностію реформъ въ бѣломъ духовенствѣ, имѣющихъ на своей сторонѣ всѣ основанія церковно-историческія и каноническія,—что, между прочимъ, обстоятельно раскрыто было въ газетѣ „Голосъ“ (№№ 193 и 194),—мы уже познакомили своихъ читателей въ своемъ „іюньскомъ обозрѣніи“. Теперь стоитъ на очереди вопросъ о реформѣ *монастырской жизни*. И онъ, дѣйствительно, не ускользнулъ отъ просвѣщеннаго вниманія высшей духовной власти. Еще въ мартѣ текущаго года, господинъ синодальный оберъ-прокуроръ вошелъ съ предложеніемъ въ св. синодъ, представивъ полученную имъ записку слѣдующаго содержанія:

„Чѣмъ далѣе, тѣмъ, кажется, болѣе и болѣе слышатся разнаго рода нареканія на наши монастыри и монашествующихъ, а иногда высказываются даже мысли о совершенномъ уничтоженіи монастырей.

„Конечно, многія изъ нареканій видимо напрасны, а совершенное уничтоженіе монастырей (сокращеніе числа ихъ—дѣло иное) въ нашемъ православномъ отечествѣ, пока оно православно, есть совершенная невозможность, ибо если не будетъ видно монастырей открытыхъ, то они будутъ или въ тайныхъ клѣтахъ, или въ горницахъ, или въ лѣсахъ, или въ пещерахъ.

„Но, при всемъ томъ, сколько для уменьшенія таковыхъ нареканій, столько же и для того, чтобы монашествующіе имѣли менѣе средствъ и случаевъ подавать поводы къ справедливымъ нареканіямъ, представ-

ляется одинъ способъ дѣйствительный и, кажется, не неудобоисполнимый, а именно: всѣ мужскіе монастыри, исключая архіерейскихъ домовъ, сдѣлать *общежительными*, но съ нѣкоторыми подраздѣленіями.

„Одни изъ монастырей небольшихъ, управляемыхъ игуменами и строителями (а можетъ быть нѣкоторые и изъ большихъ), если они имѣютъ достаточныя средства къ своему существованію, обратить въ общежительные, безъ всякихъ исключеній. Въ другихъ правиламъ общежитія подвергнуть только простую братію, а настоятелю и казначеямъ предоставить пользоваться отъ монастыря всѣмъ тѣмъ, чѣмъ они пользуются нынѣ, но безъ всякаго увеличенія тѣхъ или другихъ средствъ и съ прекращеніемъ права завѣщавать свое имѣніе кому бы то ни было, какъ это дѣлается нынѣ; а въ тѣхъ монастыряхъ, кои управляются или будутъ управляемы преосвященными, поступившими на покой, предоставить настоятелямъ пользоваться всѣми правами и тою же частію доходовъ и угодій, какими они пользовались до нынѣ, а равно и намѣстникамъ ихъ и другимъ монастырскимъ властямъ; прочую же братію содержать на правилахъ общежитія.

„Если будетъ признано возможнымъ сдѣлать монастыри общежительными, то сдѣлать это надлежитъ вдругъ повсюду, дабы недовольныхъ новою реформою лишить повода и возможности переходить изъ монастыря въ монастырь; а иначе нѣкоторые монастыри могутъ быть поставлены въ большое затрудненіе.

„Нѣкоторые говорятъ, что чрезъ установленіе во всѣхъ монастыряхъ общежитія, современемъ, монашествующихъ не будетъ совсѣмъ. Напротивъ того, опытъ показываетъ, что монастыри, изъ штатныхъ сдѣлавшіеся

общежительными, процвѣли во всѣхъ отношеніяхъ, и число братіи увеличилось въ нѣсколько разъ болѣе прежняго; а если гдѣ число братіи чрезъ то и уменьшится, за то оставшіеся или вновь поступающіе будутъ ближе къ идеалу монашества.

„Съ обращеніемъ всѣхъ монастырей въ общежительные, если не вездѣ, то во многихъ мѣстахъ, средства ихъ будутъ достаточнѣе даже до изобилія; а чрезъ то прекратятся или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшатся сборщики на монастыри, а въ иныхъ мѣстахъ откроется возможность къ заведенію училищъ, или богадѣленъ.

„Не менѣе полезно было бы обратить въ общежительные и женскіе монастыри, какъ это видно на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но это можно сдѣлать только тамъ, гдѣ есть особыя средства къ устроенію и содержанію общей трапезы (что весьма рѣдко); а такъ какъ вообще сестры большей части монастырей пропитываются только своимъ рукодѣліемъ и милостынею, то, съ запрещеніемъ выхода имъ изъ монастыря (что необходимо слѣдуетъ съ учрежденіемъ общежитія), онѣ лишатся средствъ къ своему существованію“.

Св. Синодъ, признавъ осуществленіе *главной мысли* предложенной записки полезнымъ, опредѣлилъ: „разослать эту записку, при указахъ, синодальнымъ конторамъ и епархіальнымъ архіереямъ, предписавъ имъ доставить свѣдѣнія: въ какихъ именно изъ мужскихъ монастырей и какимъ порядкомъ полагали бы они ввести нынѣ же правила общежитія, какъ доказаннаго временемъ и обстоятельствами, наилучшаго способа монастырской жизни“.

Проэктъ—имѣющій своею цѣлію приблизить мона-

шество къ его идеалу—не можетъ быть иначе принятъ, какъ только съ самымъ живымъ христіанскимъ сочувствіемъ. Онъ имѣетъ въ виду не внѣшній только, а вмѣстѣ и, главнымъ образомъ, *внутренній* строй монашеской жизни,—уровень нравственнаго состоянія монашествующихъ, ихъ назначеніе быть *свѣтомъ для міра*. Для этой желанной цѣли, намъ кажется, кромѣ введенія въ монастырскую жизнь строгихъ нравственныхъ правилъ, необходимо обращать еще болѣе строгое вниманіе на *самое расположеніе* лицъ, желающихъ принять монашество, чтобы допускать въ монастыри только лицъ, дѣйствительно чувствующихъ въ себѣ внутреннее призваніе къ этой формѣ христіанской жизни,—а не всякаго безъ разбору, дабы не дѣлать, такимъ образомъ, монастыри убѣжищемъ людей, бѣгающихъ отъ общеполезнаго труда, и чрезъ то не унижать, какъ монашества, такъ и самаго христіанства. Полезно было бы также не постригать въ монашество лицъ *слишкомъ молодыхъ*, которымъ, естественно, трудно и даже невозможно, безъ нравственнаго насилія, отрѣшиться отъ условій общественной жизни. Психически извѣстно, что одиночество способствуетъ развитію духовныхъ силъ только тогда, когда въ душѣ человѣка ранѣе накопляется значительное количество матеріаловъ жизненной опытности, когда, слѣдовательно, сознанію этаго человѣка есть надъ чѣмъ поработать въ одиночествѣ. Только при такомъ условіи равновѣсіе душевныхъ силъ въ человѣкѣ не можетъ обратиться въ болѣзненное настроеніе воображенія и сказаться въ той или другой крайности.

Если мы привыкли питать глубокое уваженіе къ тѣмъ лицамъ, которые, *вдали отъ міра*, своимъ суро-

нымъ подвижничествомъ достигають высокой степени нравственнаго совершенства: то не большаго ли уваженія заслуживають тѣ лица, которыя, живя въ мірѣ, будучи связаны отношеніями семейной и общественной жизни, своими нравственными доблестями выдѣляются изъ своей среды и становятся свѣтомъ для многихъ? Такихъ свѣтлыхъ личностей, къ сожалѣнію, немного; но и изъ числа этихъ немногихъ наше общество потерпѣло нынѣ чувствительную утрату въ лицѣ двухъ недавно умершихъ приснопамятныхъ въ нашемъ отечествѣ особъ: княгини Екатерины Алексѣевны *Васильчиковой* и Татьяны Борисовны *Потемкиной*. И та и другая отличались истиннымъ благородствомъ души, неустанною дѣятельностію въ интересахъ общественныхъ, особенно же благотворительностію въ отношеніи къ христіанскимъ храмамъ, обителямъ, бѣднымъ и безпріютнымъ сиротамъ и, въ частности лицамъ, новообращеннымъ въ христіанство изъ магометанъ, евреевъ и даже язычниковъ. Общимъ предметомъ христіанской благотворительности со стороны обѣихъ означенныхъ особъ въ послѣднее время были тюрьмы въ С.-Петербургѣ и пріютъ для новообращенныхъ евреевъ. Но эти дѣла, въ сравненіи съ цѣлыхъ кругомъ широкой благотворительной дѣятельности обѣихъ покойницъ, есть почти тоже, что капля въ морѣ.

Главнымъ пунктомъ благотворительности со стороны княгини Е. А. Васильчиковой былъ Кіевъ. Заслуги ея, въ этомъ отношеніи вѣрно оцѣнены въ произнесенныхъ при погребеніи тѣла ея въ Кіевѣ рѣчахъ (1),

(1) Рѣчи эти были сказаны: а) священникомъ Александромъ *Борецкимъ* и б) А. *Линниченко*. (См. брошюру: „Рѣчи, произнесенныя надъ гробомъ княгини Е. А. Васильчиковой, урожденной Щербатовой. Кіевъ. 1869 г.).

проникнутыхъ самымъ неподдѣльнымъ чувствомъ. Такъ говорится, что Е. А. Васильчикова, безпримѣрная по своему самоотверженію и безграничному милосердію ко всѣмъ, во всѣхъ отношеніяхъ нуждавшимся, не обращая вниманія на свое, часто слабое, здоровье, какъ ангелъ хранитель, преодолѣвая всѣ препятствія, являлась среди страждущей братіи и всегда, вѣдомо и невѣдомо, подавала руку несомнѣнной помощи всѣмъ, прибѣгавшимъ и не прибѣгавшимъ подъ ея покровительство, не стѣсняясь ни ихъ званіемъ, ни состояніемъ, ни религіей, ни даже нравственнымъ недугомъ.... Тысячи несчастныхъ—и въ узахъ страдавшихъ, и въ нищетѣ томившихся, и вдовъ и сиротъ безкровныхъ, предоставленныхъ на произволъ судьбы, и удрученныхъ болѣзнями, какъ тѣлесными, такъ душевными и нравственными,—всю жизнь будутъ благословлять ея память за тѣ великія милости, съ которыми она всегда неудержимо спѣшила облегчать и облегчала ихъ скорбную участь...
Въ лицѣ ея вполнѣ осуществился достойный потомокъ замѣчательнаго ея отца, который, защищая одного невиннаго страдальца, писалъ изъ Москвы Императору: „Государь! Я уже одною ногою стою въ гробу; я немогу умереть спокойно, видя невинно страждущаго.“ И предстательство его увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ.

Кіевское общество для помощи бѣднымъ, до покойной княгини, существовало, можно сказать, только по имени: она первая дала ему дѣйствительную жизнь, изыскала средства для постоянно прочнаго его существованія, расширила его благотворительныя дѣйствія до такихъ предѣловъ, какихъ они ни прежде, ни послѣ не имѣли. Не менѣе ревностна и благотворна была дѣятельность княгини для кирилловскихъ богоугодныхъ за-

веденій. Много лѣтъ до того остававшіяся почти заброшенными на отдаленномъ концѣ обширнаго города, какъ будто нарочно удаленныя отъ надзора и заботливости начальства непроходимымъ до той поры путемъ, вмѣсто помощи больнымъ развивавшія въ нихъ, по признанію тамошнихъ еще живыхъ врачей, лишь скорбутъ, и моривапіія голодомъ эти заведенія,—благодаря энергически настойчивой дѣятельности княгини, являвшейся сюда во всякое время дня, неожиданно и безпрестанно, совершенно преобразились въ самое короткое время... Далѣе, усопшая княгиня, одна изъ первыхъ въ Россіи, исходатайствовала учрежденіе въ Кіевѣ „общины сестръ милосердія" и, въ своей патріотически религіозной ревности, задумала воспользоваться ею для достиженія еще иной, высшей цѣли, устройствомъ при нихъ „сестрицъ". Многія бѣдныя женщины—сестры милосердія нашли себѣ и безбѣдное существованіе и благородную дѣятельность у кровати больныхъ, а страждущіе, остававшіеся нерѣдко по цѣлымъ днямъ безъ всякаго присмотра, неусыпный и теплый уходъ. Учрежденная при томъ же домѣ „община сестрицъ" изъ дѣтей бѣдныхъ родителей образовала благодѣтельное воспитательное заведеніе, которому первоначально предназначалась высокая, хотя и трудная роль—„поборницъ православія на востокѣ", въ отпоръ иновѣрной пропагандѣ. Цѣль, потомъ, измѣнилась, а воспитательное заведеніе останется вѣчнымъ памятникомъ благотворной дѣятельности его основательницы... Нельзя умолчать и о томъ теплюмъ участіи, какое покойная принимала въ судьбѣ открытой въ Кіевѣ въ 1860 г., ходатайствомъ ея супруга, женской гимназіи, на скамьяхъ которой рядомъ помѣщаются дочери людей всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій. Покойная кня-

гиня не задумалась этому, только что возникшему, заведенію поручить образованіе своей дочери, посадивъ ее рядомъ съ дочерью ремесленника. Вообще, вся жизнь этой, не по имени только, а и по дѣламъ благородной женщины была неудержимымъ стремленіемъ дѣлать добро... Въ одинъ и тотъ же день она умѣла находить время и исполнить обязанности любящей и заботливой матери и воспитательницы, присутствуя лично при всѣхъ почти урокахъ дѣтямъ, и съ благоговѣніемъ искренно набожной христіанки помолиться въ любимомъ ею храмѣ, явиться съ утѣшеніемъ и помощью къ страждущимъ въ темницахъ, посѣтить больныхъ въ отдаленномъ кирилловскомъ заведеніи, осмотрѣть зоркимъ глазомъ заботливой матери общину сестрицъ, дать совѣтъ и наставленіе своимъ сотрудницамъ въ высокомъ дѣлѣ общественнаго благотворенія, и съ радушіемъ стариннаго русскаго гостепріимства, въ оживленной и разумной бесѣдѣ, одушевить къ благородной дѣятельности общество, собиравшееся въ ея открытый истинно боярскій домъ".

Благотворительная дѣятельность Т. Б. *Потемкиной*, супруги дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. М. Потемкина, сосредоточивалась, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ. Но имя ея извѣстно было чуть ли не всей Россіи, а потому и смерть ея, послѣдовавшая въ ночь на 1-е іюля, произвела потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ, которые только, хотя по слуху, знали покойницу. О смерти ея скорбятъ многочисленныя учрежденія, которымъ были посвящены всѣ ея заботы. Въ теченіе 30 лѣтъ, она была *попечительницею* темницъ и, притомъ,—*не по имени только*, а на самомъ дѣлѣ: до послѣднихъ дней своей жизни близко входила во всѣ нужды заключенныхъ, заботясь объ удовлетвореніи не од-

нихъ только матеріальныхъ, но и духовныхъ нуждъ узниковъ. Такъ, она много хлопотала о томъ, чтобы во всѣхъ домахъ заключенія были устроены церкви и говорились пастырскія бесѣды, чтобы священнослужители чаще посѣщали узниковъ и наставляли ихъ. Она смотрѣла на преступленія не съ одной лишь внѣшней (юридической) ихъ стороны, но больше всего съ внутренней, моральной; и тамъ, гдѣ строго осуждалъ законъ, она старалась исходатайствовать милость свыше, если только видѣла искреннее раскаяніе или неумышленную вину, хотя бы то и подлежавшую строгости суда. Такимъ образомъ, она нерѣдко испрашивала свободу узникамъ, уже лишеннымъ всякой надежды помилованія (¹). Она также устроивала на свое иждивеніе богадѣльни и пріюты въ разныхъ мѣстахъ столицы и поддерживала ихъ частною благотворительностію: иногда для призрѣнія дряхлыхъ и больныхъ, иногда для приготовленія къ святому крещенію, а иногда для кающихся въ заблужденіяхъ юной жизни. Обширный домъ Потемкиныхъ, на Милліонной улицѣ, непрестанно былъ полонъ гостей въ христіанскомъ смыслѣ этого слова: всякой, „мало мальски знакомый его радушнымъ хозяевамъ, а болѣе всего безпріютная или нуждающаяся въ утѣшеніи и помощи сирота, навѣрное находили себѣ убѣжище въ этомъ домѣ, если только въ немъ оставался хотя одинъ уголъ незанятымъ, но, что всего дороже и рѣже на свѣтѣ, находили самый искренній привѣтъ и всегда живое, теплое участіе. Многимъ, близко знавшимъ покойницу, часто казалось непостижимымъ, какъ она могла никому и никогда не отказывать въ помощи, какъ она все по-

(¹) См. „Нѣсколько словъ въ память Т. В. Потемкиной. Кіевъ, 1869 г. стран. 7.

лучаемое ею отъ достойнѣйшаго супруга ея отдавала нуждающимся, часто сама оставаясь безъ гроша,—какъ и самъ Александръ Михайловичъ Потемкинъ съ неистощимою любовію и кротостію не переставалъ до конца жизни своей супруги удовлетворять всѣмъ ея благотворительнымъ потребностямъ. И такой-то четѣ пришлось на время разлучиться! И такой-то благодѣтельной особѣ, которой бы слѣдовало жить долго-долго для благополучія и счастія другихъ, Промысломъ суждено было умереть, въ чужомъ краю (въ Берлинѣ). По счастію около Татьяны Борисовны, во время ея путешествія и предсмертной болѣзни неразлучно находился ея лучшій другъ,—это ея родная сестра Софья Борисовна Полторацкая, которая и всегда съ самоотверженіемъ раздѣляла всѣ труды покойницы,—а теперь должна была вынести одна первый самый тяжкій ударъ недовольно ожиданной смерти своей дорогой спутницы! Тѣло покойной привезено было изъ-за границы въ Россію для погребенія въ Сергіевой пустыни, гдѣ покоятся и другіе ближайшіе родственники покойницы, въ 17 верстахъ отъ Петербурга. Въ Вильнѣ, мѣстное православное духовенство почтило прахъ покойной встрѣчею его на станціи желѣзной дороги; причемъ, настоятелемъ Свято-духова монастыря, архимандритомъ Іоанномъ соборнѣ отслужена была въ вагонѣ, панихида, въ присутствіи многихъ лицъ, прибывшихъ поклониться праху усопшей. Тѣло ея, по привезеніи его въ Петербургъ, поставлено было въ домовой церкви, на Милліонной, гдѣ въ теченіи трехъ сутокъ совершались литургіи, и почти непрестанно панихида въ присутствіи собиравшихся въ церковь почитателей ея памяти.

8 іюля тѣло усопшей привезено было въ Сергіеву

пустыни. На другой день совершена была настоятелемъ обители божественная литургія, въ присутствіи Ея Императорскаго Высочества, великой княгини Александры Петровны, и Ихъ Императорскихъ Высочествъ: Евгенія Максимиліановича, Александра Петровича и Евгеніи Максимиліановны Ольденбургскихъ и многихъ другихъ знаменитыхъ особъ. Обширная монастырская церковь была полна молящагося народа. Простой гробъ безъ балдахина былъ усыпанъ вѣнками и цвѣтами. Духовенство было облачено не въ траурныя, а въ бѣлыя ризы, какъ бы въ знаменіе того, что объ усопшей не подобаетъ скорбѣть... [1] Намъ достовѣрно извѣстно, что во многихъ церквахъ, какъ въ самомъ Петербургѣ, такъ и внѣ его, по полученіи печальной вѣсти о кончинѣ Т. Б. Потемкиной, отслужены были: заупокойная обѣдня и панихида, а въ Вильнѣ высокопреосвященнымъ литовскимъ Макаріемъ сказана была при этомъ, глубокопрочувствованная и весьма трогательная, слѣдующая рѣчь:

„Одною прекрасною душою стало уже меньше на землѣ. Теперь эта душа уже тамъ—предъ престоломъ небеснаго Судіи, и ни въ чемъ столько не нуждается, какъ въ нашихъ молитвахъ.

И нѣтъ сомнѣнія, что не мы одни помолились о ней, — нѣтъ, о ней помолились уже, о ней молятся и долго будутъ молиться многіе, весьма многіе во многихъ, если не во всѣхъ, мѣстахъ нашего обширнаго отечества. О ней помолятся всѣ ея родные, близкіе и знакомые, которыхъ всѣхъ она привлекала къ себѣ своею неистощимою любовію. О ней помолятся многіе, весьма многіе пастыри и архипастыри нашей церкви,

[1] См. „Домашн. Бес." 1869 г., вып. 28, стр. 762—3.

къ которымъ всегда она оказывала искреннее уваженіе и въ судьбѣ которыхъ всегда принимала самое живое участіе. Помолятся тысячи бѣдныхъ и несчастныхъ всѣхъ званій и состояній, всякаго возраста и пола, тысячи сиротъ и узниковъ, которые знали ея имя, любили притекать къ ней, и которымъ всегда съ радостію благодѣтельствовала она, кому дѣломъ, кому словомъ утѣшенія, кому своимъ ходатайствомъ. Помолятся о ней въ тѣхъ многочисленныхъ храмахъ нашего отечества, которые она или создала, или обновила, или украшала своими усердными приношеніями. Помолятся о ней и въ св. обителяхъ, которыя также или созданы при ея ближайшемъ участіи, или возстановлены, или были поддерживаемы ея нескудными пособіями. Особенно помолятся о почившей въ ея любимой, какъ бы родной ей, обители святогорской,—и не престанутъ молиться дотолѣ, пока будетъ существовать самая обитель.

Поистинѣ, братіе, — на сколько мы можемъ судить другъ о другѣ по внѣшнимъ дѣйствіямъ,—это была въ наши дни рѣдкая христіанка. Ея вѣра въ Бога тріvnостаснаго и въ Господа-Іисуса, Искупителя міра, была искренняя, сердечная, всегда живая. Ея смиреніе, сознаніе своихъ немощей и недостатковъ, надежда на безконечное милосердіе Божіе, преданность въ волю Отца небеснаго—были глубокія, постоянныя, непоколебимыя. Еще видимѣе для всѣхъ, еще осязательнѣе была ея любовь,—любовь къ Господу—Іисусу Христу, къ Его святой вѣрѣ, къ Его святой церкви, любовь ко всѣмъ ближнимъ, особенно-же къ бѣднымъ и несчастнымъ: эта любовь свѣтилась всегда въ ея взорахъ, высказывалась въ ея словахъ, выражалась въ ея безчисленныхъ благодѣяніяхъ.

Господи Боже! Ты одинъ вѣдаешь наши сердца и самыя сокровенныя помышленія; одинъ можешь непогрѣшительно судить о каждомъ изъ насъ; а мы можемъ ошибаться.... Но если и почившая нынѣ раба Твоя— Татіана не чужда была многихъ слабостей и недостатковъ, не чужда была, быть можетъ, и многихъ грѣховъ сокровенныхъ: то молимъ Твое безконечное милосердіе, прости ей всѣ ея согрѣшенія, вольныя и невольныя, прости ради этихъ усердныхъ, пламенныхъ молитвъ, какія вознесутъ къ Тебѣ объ упокоеніи души ея тысячи душъ христіанскихъ. Да удостоится она вселиться въ Твоихъ небесныхъ обителяхъ, да удостоится узрѣть Тебя лицемъ къ лицу и насладиться тѣми вѣчными благами, которыя уготовалъ Ты для всѣхъ, любящихъ Тебя (1)".

Большинство журналовъ и газетъ почтили память усопшей своимъ теплымъ и добрымъ словомъ, а А. Н. *Муравьевъ*, всегда съ самымъ живымъ сочувствіемъ относящійся къ нравственнымъ интересамъ отечества, посвятилъ памяти умершей даже отдѣльную брошюру. И самъ Государь Императоръ соизволилъ утѣшить мужа покойной слѣд. всемилостивѣйшимъ рескриптомъ.

„Александръ Михайловичъ! Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣстясь о внезапной кончинѣ супруги вашей, вмѣняю себѣ въ сердечную обязанность выразить вамъ горячее участіе, принимаемое мною въ столь неожиданно постигшемъ васъ несчастіи. Постоянно питавъ глубокое уваженіе къ высокимъ качествамъ и добродѣтелямъ покойной Татьяны Борисовны, я искренно желаю, чтобы вы нашли нѣкоторое утѣшеніе въ томъ общемъ сочувствіи въ понесенной вами потерѣ, кото-

(1) См. Вилен. Вѣстн. № 74, 1869 г.

рое вызывается памятью о достойной супругѣ вашей. Да поможетъ вамъ Богъ смиренно покориться волѣ Всевышняго, подвергшей васъ столь тяжкому удару.— Пребываю къ вамъ благосклонный (На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано), *искренно васъ* любящій *Александръ*".

Благодаря силѣ и дѣйствію христіанской любви, христіанская благотворительность, бывшая у насъ, въ недавнемъ прошедшемъ, дѣломъ, большею частію, частныхъ лицъ, мало по малу принимаетъ болѣе широкіе размѣры, дѣлается достояніемъ цѣлаго кружка извѣстныхъ почтенныхъ лицъ, и сказывается въ такихъ отрадныхъ явленіяхъ, какъ учрежденіе при церквахъ „обществъ вспомоществованія приходскимъ бѣднымъ". Въ Петербургѣ учреждено нынѣ нѣсколько такихъ обществъ, оказывающихъ самые благотворные плоды. Такъ, между прочимъ, совѣтъ попечителей общества вспомоществованія приходскимъ бѣднымъ при *Симеоновской* церкви въ Петербургѣ, открывшій свои дѣйствія 15 сентября 1868 года, ознакомившись ближе съ потребностями прихода, пришелъ къ убѣжденію въ необходимости устроить дневной пріютъ для дѣтей бѣдныхъ родителей, занимающихся поденною работою, въ тѣхъ видахъ, чтобы бѣднымъ матерямъ доставить болѣе свободнаго времени для работы, а дѣтямъ ихъ дать начальное образованіе и нравственно-религіозное направленіе. Но осуществить эту мысль вдругъ не представлялось возможности, по недостатку денежныхъ средствъ общества и по неимѣнію въ самомъ уставѣ общества параграфа о правѣ открывать какія бы то ни было благотворительныя учрежденія.—Въ экстренномъ собраніи общества, 26 минувшаго марта, совѣтъ попечителей, по всесторон-

немъ обсужденіи вопроса объ открытіи дневнаго дѣтскаго пріюта, постановилъ, въ упованіи на помощь Божію и на сочувствіе прихожанъ къ благотворительному дѣлу, устроить дневной дѣтскій пріютъ при Симеоновской церкви для 30 обоего пола дѣтей, отъ 2 до 12 лѣтъ включительно, въ которомъ бы призрѣваемыя дѣти находились въ продолженіе дня, съ 8 часовъ утра до 5 или 7 часовъ вечера, получая начальное образованіе и пользуясь обѣдомъ и полдникомъ на средства общества.

Вслѣдъ за этимъ, въ маѣ мѣсяцѣ, совѣтъ попечителей вошелъ съ ходатайствомъ, чрезъ г. начальника губерніи, къ г. министру внутреннихъ дѣлъ о дополненіи 2 § своего устава дозволеніемъ, по мѣрѣ развитія денежныхъ средствъ и по указаніямъ опыта, учреждать въ приходѣ нѣкоторыя благотворительныя заведенія, какъ-то: дѣтскій пріютъ, богадѣльню, домовыя квартиры, воскресную школу и проч., и, съ своей стороны, усугубилъ старанія объ изысканіи способовъ къ открытію пріюта.

Въ августѣ мѣсяцѣ, разрѣшеніе на дополненія устава было получено, и совѣтъ, благодаря доброму участію почтенныхъ прихожанъ и членовъ благотворителей, нашелъ возможнымъ приступить къ открытію дневнаго дѣтскаго пріюта. Открытіе это послѣдовало 14 сентября, тотчасъ послѣ божественной литургіи, освященіемъ помѣщенія пріюта, при соборномъ служеніи симеоновскаго духовенства и при участіи въ этомъ торжествѣ членовъ общества, матерей съ дѣтьми, принятыми въ пріютъ, и прочихъ прихожанъ.—Такимъ образомъ, начало новаго рода дѣятельности симеоновскаго общества

на пользу бѣдныхъ прихожанъ ознаменовалось благотворительнымъ учрежденіемъ.

Въ пріютѣ будутъ обучать дѣтей: начаткамъ закона Божія, русскому чтенію и письму, ариѳметикѣ, славянскому чтенію и церковному пѣнію, и, сверхъ того, рукодѣлью. Въ нѣсколько дней комплектъ дѣтей наполнился, и уже нѣкоторыя дѣти записаны сверхъ комплекта кандидатами къ поступленію. Сколько намъ извѣстно, въ устройствѣ этого пріюта принималъ и нынѣ принимаетъ самое дѣятельное участіе настоятель симеоновской церкви, протоіерей Н. П. Содальскій.—Нельзя не пожелать отъ души, чтобъ этотъ добрый примѣръ нашелъ себѣ подражаніе въ другихъ. Особенно же желательно, чтобы и въ селахъ были, по возможности, устрояемы подобныя же „общества вспомоществованія приходскимъ бѣднымъ" и при нихъ открывались дневные пріюты для бѣдныхъ дѣтей, часто скитающихся безъ присмотра, а не рѣдко и безъ крова.—И какъ жаль, что, въ большинствѣ селъ, „приходскія попечительства" существуютъ *только по имени*...

28 минувшаго сентября, кіевская духовная академія праздновала, съ Высочайшаго разрѣшенія, пятидесятилѣтній свой юбилей, со дня реформы ея въ 1819 году. О порядкѣ самого торжества въ этотъ день въ Кіевѣ сообщено нѣсколько свѣдѣній въ газетахъ („Голосъ" № 275). На это торжество прибыли весьма многіе изъ бывшихъ воспитанниковъ кіевской академіи, въ томъ числѣ и многіе изъ высшихъ іерарховъ: бѣлградскій митрополитъ Михаилъ, Экзархъ Грузіи, Евсевій, архіепископы: Антоній казанскій, Димитрій одесскій, Антоній кишиневскій; епископы: Леонтій подольскій, Іоаннъ

переяславскій, Іоанникій саратовскій, Никандръ тульскій, Порфирій чигиринскій и Александръ, бывшій полтавскій. Кромѣ того, къ торжеству прибыло нѣсколько депутатовъ отъ разныхъ учебныхъ заведеній, (въ томъ числѣ и отъ петерб. акад. инспекторъ оной орд. проф. К. И. Лучицкій). Послѣ совершенія литургіи и молебна цѣлымъ соборомъ іерарховъ, въ залѣ академіи начался торжественный актъ. Говорились рѣчи, читались привѣтствія отъ разныхъ учебныхъ заведеній, раздавались дипломы на званіе почетныхъ членовъ университетовъ и т. п.; а отъ преосв. литовскаго Макарія получено письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ о пожертвованіи имъ 25,000 р. с. въ пользу академіи, для выдачи процентовъ на эту сумму за лучшія сочиненія по духовной литературѣ. Намъ извѣстно также, что почти всѣ воспитанники кіевской духовной академіи, состоящіе на службѣ въ Петербургѣ, праздновали юбилей своей академіи въ столицѣ, собравшись въ одинъ товарищескій кружокъ. Тутъ были воспитанники разныхъ курсовъ, притомъ и чиновники (въ томъ числѣ одинъ тайный совѣтникъ), и учителя и одно почтенное духовное лицо, украшенное сѣдинами и орденами. Около 2-хъ часовъ по полудни, юбиляры собрались во Владимірскую церковь, гдѣ однимъ изъ старѣйшихъ воспитанниковъ кіевской академіи (окоч. курсъ въ 1813 г.), протоіереемъ Прохоромъ Карповичемъ *Прокоповичемъ*, (потомкомъ извѣстнаго богослова и проповѣдника Ѳеофана Прокоповича), — состоящимъ при церкви гвардейскаго павловскаго полка, отслуженъ былъ молебенъ и произнесена была простая, но очень задушевная и трогательная рѣчь. Нельзя было, говорятъ, не чувствовать въ душѣ невольнаго и глубо-

наго умиленія въ тѣ минуты, когда этотъ почтенный старецъ возносилъ къ Богу сердечную молитву съ воздѣтыми кверху руками, и когда онъ съ трудомъ, отъ слабости престарѣлыхъ своихъ силъ, клалъ земной поклонъ, послѣ чего, поднимаясь съ земли, нуждался въ сторонней помощи. Изъ церкви присутствовавшіе отправились въ одну изъ ближайшихъ гостинницъ для общаго праздничнаго обѣда. Въ тотъ же разъ ими отправлена была въ кіевскую духовную академію поздравительная телеграмма за подписью всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ здѣшнемъ торжествѣ. Въ тотъ же день послана была въ кіевскую духовную академію поздравительная телеграмма отъ студентовъ с.-петербургской духовной академіи, на которую получена была и отвѣтная телеграмма отъ студентовъ кіевской академіи.

Нелишнимъ считаемъ прибавить, что кіевская духовная академія *не въ первый* разъ праздновала свой юбилей. Со дня своего основанія она прожила уже почти *триста* (¹) лѣтъ, въ теченіе которыхъ испытала нѣсколько переворотовъ въ своей судьбѣ (²). Въ первый періодъ своего существованія, продолжавшійся сорокъ лѣтъ съ небольшимъ (1589—1631 г.), она находилась, во всѣхъ отношеніяхъ, на самой низшей степени, и называлась только *кіевскою школою* (богоявленскою) или *училищемъ*. Уже при самомъ первомъ появленіи этой школы въ свѣтъ, злая судьба сурово смот-

(¹) Въ 1878 году исполнится ровно *триста* лѣтъ кіевской духовной академіи, со дня основанія ея въ видѣ кіевской школы.

(²) Подробныя историческія свѣдѣнія о кіевской академіи см. въ слѣд. соч.: а) „Исторія кіевской академіи"—іером. Макарія *Булгакова* (Спб. 1843) и б) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею", В. *Аскоченскаго* (Кіевъ. 1856). Два тома.

рѣла ей прямо въ глаза. Въ ту пору зарождались на югозападѣ Россіи, такъ называемая унія, бывшая виновницею безчисленныхъ золъ для тамошняго края. Въ то же время, на сеймѣ Польскомъ ограничены были права и вольности запорожскихъ казаковъ, которые желали отстоять ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и защитить вѣру православную отъ папистовъ и уніятовъ, и потому подняли оружіе противъ своихъ притѣснителей. Въ такую злосчастную пору когда все воеводство кіевское принимало дѣятельное участіе въ дѣлахъ брани, когда умы всѣхъ заняты были одною ужасною мыслію о бѣдствіяхъ, постигшихъ священную родину, когда всѣ храмы православные отданы были въ аренду жидамъ, когда, наконецъ, всѣ православныя училища были тѣснимы іезуитами, — въ такую пору, кіевская школа, понятное дѣло, должна была, вмѣстѣ съ другими, переносить тяжелые удары своей роковой судьбы. Въ добавокъ, въ 1614 году огонь испепелилъ все кіевское училище. Къ счастію, нашлись люди изъ среды православныхъ, которые возобновили эту школу. И самъ патріархъ іерусалимскій, Θеофанъ, проѣзжавшій изъ Москвы чрезъ Кіевъ, останавливался въ кіевской школѣ и благословилъ ее тремя, данными одна за другою, граматами своими.—Входъ въ это училище былъ открытъ для дѣтей всякаго званія, такъ какъ само оно было открыто и поддерживаемо „братствомъ", состоявшимъ изъ людей всѣхъ сословій.

Второй періодъ продолжался около 70 лѣтъ (1631—1701 г.). Здѣсь, сравнительно съ прежнимъ состояніемъ, кіевское училище является уже на значительной степени совершенства и называется *кіево-могилянскою коллегіею*.

Въ этотъ періодъ кіевское училище нашло себѣ высокаго покровителя въ лицѣ митрополита Петра Могилы, который былъ родомъ „воеводичъ земель молдавскихъ". Этотъ архипастырь посвятилъ кіевскому училищу лучшіе годы своей жизни и дѣятельности и пожертвовалъ въ пользу его всѣмъ огромнымъ своимъ состояніемъ. Онъ не забылъ училища и въ предсмертныя минуты своей жизни: въ своей завѣщательной граматѣ онъ называетъ его „единственнымъ залогомъ, который онъ, при всевышнемъ Провидѣніи Божіемъ, желалъ бы оставить на предбудущія времена", и затѣмъ умоляетъ всѣхъ важнѣйшихъ въ то время въ кіевской митрополіи свѣтскихъ начальниковъ, чтобы „коллегія его сей единственный залогъ православной русской церкви, подъ попеченіемъ, промышленіемъ и покровительствомъ ихъ милостей, ради умноженья хвалы Божіей и воспитанія дѣтей православно-русскихъ, вѣчно пребывалъ". За то и кіевское училище никогда не забывало своего величайшаго благодѣтеля. Названное, по его имени, *кіево-могилянскою* коллегіею, а потомъ академіею, она и доселѣ ежегодно чтитъ день его памяти.

Покровители и наставники іезуитской коллегіи не могли, конечно, равнодушно смотрѣть на постепенное возвышеніе коллегіи православной, и старались вредить ей самымъ низкимъ образомъ. Они старались убѣждать кіевлянъ въ томъ, будто наставники православной коллегіи всѣ неправославные, и будто одни изъ нихъ заражены аріанствомъ, другіе кальвинизмомъ, третіи лютеранствомъ. Невѣжество, подстрекаемое коварствомъ и злобою, рѣшилось вторгнуться въ святилище наукъ съ огнемъ и мечемъ. Одинъ изъ тогдашнихъ наставни-

ковъ коллегіи, по этому поводу, говоритъ слѣдующее: „Это было такое время, когда мы, исповѣдавшись, только ожидали, пока дворяне вздумаютъ начинять нами днѣпровскихъ осетровъ, или когда одного огнемъ, а другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ". Въ остальные годы этого періода, судьба кіевской коллегіи представляется еще безотраднѣе. Жизнь и дѣятельность коллегіи обнаруживаются только борьбою съ несчастіями, отвсюду грозившими и утѣснявшими ее.

Третій періодъ (до 1819 года) обнимаетъ собою цѣлыхъ сто семнадцать лѣтъ.—Въ это время въ могилянской коллегіи замѣтно большее и большее развитіе всѣхъ ея жизненныхъ силъ. Петръ великій, грамотою своею 26-го сентября 1701 года, ограждаетъ права воспитанниковъ кіевской коллегіи и усвояетъ ей имя „*Академіи*". Теперь отъ прежняго времени оставалось для нея *одно* только бѣдствіе, именно: недостаточный способъ содержанія воспитанниковъ и сборъ подаяній, продолжавшійся почти во весь этотъ періодъ — до 1778 года. Многіе бѣдные ученики каждый день, въ обѣденное время, ходили по улицамъ Кіева, и передъ каждымъ домомъ, у окна или у воротъ, пѣли разные священные стихи, испрашивая себѣ у жителей христіанской милостыни. Даже студенты, оканчивавшіе курсъ, не стыдились, подобно малолѣтнимъ, съ тою же цѣлью, каждый вечеръ, при захожденіи солнца, пѣть хорами, въ честь разныхъ святыхъ и чудотворныхъ иконъ, своего собственнаго сочиненія партесные канты. Жители Кіева еще доселѣ помнятъ эти былыя зрѣлища, извѣстныя подъ именемъ „миркованья" (¹) и „спѣванья". Для

(¹) Это названіе получило свое происхожденіе отъ перваго слова

сбора пожертвованій, воспитанники употребляли и время, на которое они увольняемы были отъ ученія. Въ свѣтлые дни праздниковъ—Рождества и Воскресенія Христовыхъ они ходили по домамъ граждан „со звѣздою" и „вертепомъ" или „райкомъ", представлявшими Рождество или Воскресеніе Христово. Въ лѣтніе каникулы, бѣдные и сироты составляли изъ себя многочисленныя странствующія труппы, и разсѣивались по разнымъ губерніямъ для того, чтобы — пѣніемъ кантовъ, сказываніемъ рѣчей и стиховъ, представленіемъ комедій, трагедій, драмъ, или отправленіемъ по приходскимъ церквамъ разныхъ службъ, достать себѣ насущный хлѣбъ.

Нечего и говорить, что скудость матеріальныхъ средствъ и другія несчастныя историческія обстоятельства, при которыхъ суждено было существовать и развивать свои силы кіевской духовной академіи, не могли не задерживать ея ученой дѣятельности и не препятствовать ея успѣхамъ. Но, несмотря и на это, отъ нея, какъ отъ чистаго источника, христіанское просвѣщеніе, вмѣстѣ съ истинно-христіанскою нравственною доблестью, распространялись не въ одной только Малороссіи, но во всѣхъ концахъ Россіи. Лучшими наставниками учебныхъ заведеній — даже по министерству народнаго просвѣщенія — были воспитанники Кіевской академіи. „Между всѣми — писалъ въ 1789 году митрополиту Самуилу тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій — присланными къ должностямъ учительскимъ въ коммиссію объ учрежденіи училищъ въ

школьнической пѣсни: „*Миръ* Христовъ да водворяется въ домѣхъ вашихъ; отсюда и самые пѣвцы этой пѣсни назывались „*миркачами*".

разныя времена, людьми наилучшими, способнѣйшими, а паче благонравнѣйшими, оказывались всегда обучавшіеся въ кіевской академіи". Изъ стѣнъ кіевской академіи вышли: а) славные *іерархи*,—какъ: Св. Иннокентій Иркутскій, епископъ Іоасафъ Горленко, Рафаилъ Заборовскій, Самуилъ Миславскій и др.; б) лица, отличавшіяся необыкновеннымъ *умомъ*, рѣдкою силою воли и *даромъ краснорѣчія*, какъ: Іоасафъ Кроковскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій, Георгій Конисскій и—ранѣе: Лазарь Барановичъ, Іоанникій Голятовскій и Епифаній Славеницкій, котораго современники единодушно называли „мужемъ мудрымъ, внѣшнія и духовныя премудрости исполненнымъ, многоученымъ, въ философіи и богословіи изящнымъ дидаскаломъ, искуснѣйшимъ въ Еллино-греческомъ и славянскомъ діалектахъ" и проч., и не находили подобнаго ему въ землѣ русской; в) *литераторы*: Амбодикъ, Бантышъ-Каменскій и др., г) *государственные дѣятели*: гетманы — Богданъ Хмѣльницкій и Иванъ Самуйловичъ, князь Безбородко, графъ Завадовскій, министръ Трощинскій и др.—Было, наконецъ, время, когда кіевская академія, въ лицѣ своихъ питомцевъ, заявила себя даже *воинскими* доблестями. Это было въ 1812 и 1813 годахъ, когда „съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ", вѣрные дѣти вставали на защиту своей родной матери—Россіи, когда зловѣщее имя Наполеона, какъ нарушителя европейскаго спокойствія, перелетало съ быстротою молніи изъ устъ въ уста. Въ ту несчастную для Россіи годину не отстала отъ приношенія общей жертвы и кіевская академія: академическое правленіе безпрерывно выдавало разрѣшенія студентамъ становиться въ ряды хри-

столюбиваго воинства, а iерархъ Кiевскiй напутствовалъ ихъ своимъ архипастырскимъ благословенiемъ (см. соч. В. Аскоченскаго: „Кiевъ, съ его древнѣйшимъ училищемъ академiею". Т. 2, стран. 468—9).

Въ последнее пятидесятилѣтiе кiевская академiя оставалась постоянно вѣрною древнимъ своимъ началамъ — „любви къ православiю и отчизнѣ". Живымъ памятникомъ этого направленiя кiевской академiи служатъ частiю литературные труды ея воспитанниковъ послѣдняго времени (достаточно, напримѣръ, указать на ученые богословскiе труды преосв. *Макарiя* литовскаго и преосв. *Антонiя* казанскаго), а болѣе всего издаваемые ею журналы: „Воскресное Чтенiе" и въ послѣднiе годы „Труды Кiевской Академiи". Редакцiя перваго изъ нихъ (Воскр. Чт.) брала нѣкогда на себя задачу противостоять западному рацiонализму, разлившемуся въ сороковыхъ годахъ почти по всей Европѣ, и оказала русскому православiю такiя же заслуги, какiя оказывало въ свое время (а отчасти и доселѣ оказываетъ) протестантству нѣмецкая газета „Evangelische Kirchenzeitung", основанiе которой положили въ 1827 году знаменитые протестантскiе богословы — Генгстенбергъ и Шлейермахеръ. Редакцiя „Трудовъ кiевской духовной академiи", своимъ серьёзнымъ и строго-научнымъ направленiемъ, поставила свое изданiе такъ высоко, что оно имѣетъ всѣ права на занятiе одного изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду нашихъ духовныхъ журналовъ.

Замѣчательно, что къ нынѣшнему юбилею кiевской духовной академiи какъ-разъ подоспѣла послѣдняя ея реформа (по новому академическому уставу). Какъ будто

сама исторія привѣтствуетъ кіевскую академію, въ вознагражденіе за тѣ скорби и лишенія, какія пришлось ей вытерпѣть въ продолженіе почти трехсотлѣтняго ея существованія. Да процвѣтаетъ же она и на будущее время на славу отечества и пользу православія!

П. Н—въ.

10 октября 1869 года.
С.-Петербургъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ

ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ

въ 1870 году

Издаваемый съ 1821 года С.-Петербургскою Духовною Академіею журналъ „Христіанское Чтеніе“ будетъ выходить и въ будущемъ 1870 году книгами отъ 10 до 12 листовъ каждый мѣсяцъ, по слѣдующей программѣ.

Въ первомъ отдѣлѣ журнала Редакція надѣется по прежнему помѣщать переводъ съ еврейскаго священныхъ книгъ ветхаго завѣта на русскій языкъ. Временная пріостановка этого перевода зависѣла отъ кончины одного изъ переводчиковъ.

Во второмъ отдѣлѣ редакція будетъ продолжать и въ будущемъ году: „Собраніе символовъ и вѣроизложеній Православной Церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней“, съ ученымъ разборомъ ихъ текста, обстоятельствъ происхожденія и догматической важности, составленное профессоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи *Чельцовымъ*. Ученыя достоинства этого обширнаго труда, долженствующаго занять видное мѣсто въ нашей богословской литературѣ, значеніе его для догматики и исторіи церкви и разнообразіе его содержанія освобождаютъ Редакцію отъ необходимости рекомендовать этотъ трудъ просвѣщеннымъ читателямъ.

Въ продолженіе сорока-девятилѣтняго своего существованія „Христіанское Чтеніе“ всегда служило лучшимъ выраженіемъ

современнаго уровня развитія у насъ духовнаго просвѣщенія. Въ будущемъ году Редакція надѣется по прежнему въ двухъ частяхъ третьяго отдѣла своего журнала помѣщать достойные нашего времени опыты изслѣдованія по всѣмъ отраслямъ богословскихъ наукъ. Постоянно поддерживаемыя сношенія съ представителями православія за границей дають ей возможность знакомить читателей съ ходомъ важнѣйшихъ событій въ средѣ Православной Церкви на Востокѣ, равно какъ и движеній въ пользу православія, съ силою обнаруживающихся въ нашу пору на западѣ. Но и состояніе внутренней жизни нашей отечественной Церкви также, надѣемся, не останется безъ отзыва на страницахъ нашего журнала. Вообще, всѣ наиболѣе замѣчательныя явленія нашей и иностранной богословской литературы, а также основательныя статьи свѣтскихъ русскихъ журналовъ касательно вѣры и Церкви, при новыхъ сотрудникахъ редакціи, найдутъ въ „Христіанскомъ Чтеніи" безпристрастную оцѣнку съ точки зрѣнія—*блага народнаго*, созидаемаго свѣтомъ православной *Вѣры* и теплотою всенародно - братской во Христѣ *любви*.

Кромѣ того съ 1870 г. въ видѣ приложенія и съ особымъ счетомъ страницъ будутъ печататься „Протоколы засѣданій академич. Совѣта".

Подписная цѣна за годовое изданіе въ С.-Петербургѣ безъ доставки на домъ шесть рублей, а съ доставкою и пересылкою во всѣ города 6 р. 60 к. Въ видахъ облегченія подписчиковъ, Редакція, по примѣру прошедшаго года, допускаетъ за годовое изданіе журнала разсрочку уплаты пополугодно, — за ручательствомъ, впрочемъ, лицъ и мѣстъ начальственныхъ.

При Академіи продаются также полные экземпляры „Христіанскаго Чтенія" за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868 и 1869 гг. Каждый экземпляръ отдѣльно за 1822—1848 годы стоитъ 5 р. безъ пересылки, а съ пересылкою 6 р.; экземпляры 1848—1869

годовъ продаются по 6 р. безъ пересылки, а съ пересылкою по 7 р. Кто пожелаетъ выписать имѣющіеся экземпляры журнала съ 1822 по 1847 годъ въ совокупности, или съ 1822 по 1827 и съ 1833 по 1847 включительно, тому будетъ уступленъ каждый экземпляръ одного года по 3 р. безъ пересылки, за которую нужно прилагать на 5 фунтовъ для каждаго экземпляра.

Редакція проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ обращаться съ требованіями журнала *прямо и исключительно въ С.-Петербургскую Духовную Академію* съ точнымъ обозначеніемъ: губерніи, уѣзда, города или почтовой конторы, въ которую слѣдуетъ доставлять журналъ, званія, имени и фамиліи подписчика.

Можно также получать въ Редакціи отдѣльными книгами:

1) *Бесѣды св. Златоуста на псалмы* (въ 2-хъ томахъ), помѣщенныя въ «Христ. Чт.» за 1860 г. Цѣна 3 р., на перес. за 2 ф.

2) Его же *Бесѣды на разныя мѣста Св. Писанія*. Т. I, II и III. Цѣна каждому тому 1 р. 50 к., на перес. за 2 ф.

3) Его же *Бесѣды на Евангеліе апост. и еванг. Іоанна Богослова*. Въ 2-хъ томахъ (около 70 листовъ). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

4) Его же *Бесѣды на 1-е посланіе св. апост. Павла къ Коринѳянамъ*. Въ 2-хъ томахъ. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

5) Его же *Бесѣды и слова на разные случаи*. Т. I и II. Цѣна каждому тому 1 р. 50 к., на перес. за 2 ф.

6) Его же *Бесѣды къ антіохійскому народу*. Цѣна 2 р., на перес. за 2 ф.

7) Его же *Письма къ разнымъ лицамъ*. Цѣна 1 р., на перес. за 2 ф.

8) *Церковную исторію Евсевія*. Цѣна 2 р., на перес. за 2 ф.

9) *Письма св. Ѳеодора Студита*. Т. I. Цѣна 1 р., на перес. за 2 ф.

10) Его же *Письма*. Т. II. Цѣна 1 р. 50 к., на пересылку за 2 ф.

Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Историческій очеркъ раскольническаго ученія о бракѣ. Профессора С. П. б. духовной академіи *И. Нильскаго.* **Выпускъ 1-й,** отъ начала раскола до царствованія императора Николая I. Ц. 1 руб. 75 коп., съ перес. 2 руб. **Выпускъ 2-й,** царствованіе императора Николая I. Ц. 1 р., съ перес. 1 руб. 25 коп.

Краткій очеркъ исторіи христіанской церкви, составленный примѣнительно къ гимназической программѣ московскаго учебнаго округа, законоучителемъ демидовскаго лицея и ярославской гимназіи свящ. *А. Лавровымъ.* 1869 г., Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

Православная вѣра. Книга для религіозно-нравственнаго чтенія, содержащая въ себѣ: 1) изложеніе догматовъ православной вѣры; 2) объясненіе православнаго богослуженія, церковныхъ таинствъ и чина погребенія усопшихъ; 3) примѣры и правила вѣры и нравственности. Свящ. *А. Свирилина.* 1868 г. Ц. 60 коп., съ перес. 80 коп.

О подражаніи Іисусу Христу. Издано въ пользу исправительнаго пріюта. М. 1869 г. Ц. 40 коп., съ перес. 55 коп.

Бесѣды на священный символъ вѣры священника *І. Елеазаровскаго.* 1869 г. Ц. 50 коп., съ перес. 65 коп.

Исторія апостольской церкви. Изъ апологетическихъ чтеній Лютарда и его же **Откровеніе въ своемъ историческомъ развитіи** (три чтенія). Переводъ съ нѣмецкаго *Фр. Шарно.* Ц. за обѣ брошюры 40 коп., съ перес. 50 коп.

О перекрещиваніи. Разговоръ православнаго съ старообрядцемъ-безпоповцемъ. *Миссіонера свящ. М. Дубровскаго.* 1869 г. Ц. 20 коп., съ перес. 30 коп.

Патріаршіе выходы или дѣйствія патріаршаго служенія, а также выходы патріарховъ и царей. *Соч. Н. Дубровскаго.* 1869 г. Ц. 50 коп., съ перес. 65 коп.

Рождественскаго Коневскаго монастыря историко-статистическое описаніе. 1869 г. Ц. 50 коп., съ перес. 65 коп., **Новая Коневская часовня** и рѣчь при освященіи ея, сказанная свящ. *І. Полисадовымъ.* Ц. 15 коп., съ перес. за фунтъ. **Праздникъ въ Коневской часовнѣ 12 іюня 1849 г.** и рѣчь

къ посѣтителямъ и благотворителямъ свящ. *Іоанна Полисадова*. Ц. 12 коп., съ перес. 20 коп.

Житіе иже во святыхъ отца нашего Евѳимія, новгородскаго чудотворца. 1869 г. Ц. 30 коп., съ перес. за фунтъ.

Географическій атласъ всѣхъ частей свѣта. Составленъ *Штилеромъ*, переведенъ съ нѣмецкаго и свѣренъ съ новѣйшими курсами географіи, принятыми въ руководство въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ А. Чайскимъ. Изданіе третье. 1870 г. Ц. 2 р., съ перес., 2 р. 50 коп.

Историческій атласъ древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ (подробный), составленный *Твельмейромъ*, состоящій изъ 23 картъ большаго формата. Изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное. 1864 г. Ц. 4 рубля.

Иногородныя особы благоволятъ обращаться съ требованіемъ, какъ за сими книгами, такъ за всѣми прочими публикуемыми отъ другихъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ, въ С.-Петербургѣ на имя книжнаго магазина Кораблева и Сирякова.

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ СВ. ПИСАНІЯ

ВЪ ВИДУ СОВРЕМЕННЫХЪ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЖИЗНИ И БОГОСЛОВСКОЙ НАУКИ (¹).

Кто присматривался къ современному порядку вещей, кто особенно вдумывался въ положеніе богословской науки въ наше время, тотъ не могъ не замѣтить того особенно важнаго и знаменательнаго значенія, какое съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ научное, обстоятельное знакомство съ словомъ Божіимъ не только въ кругу богослововъ и богословскаго образованія, но и въ жизни, въ быту современныхъ образованныхъ христіанскихъ обществъ вообще.

Нашъ вѣкъ давно уже и совершенно справедливо называютъ вѣкомъ положительнымъ, практическимъ,—и въ этой его положительности, практичности многіе видятъ самую блестящую сторону его, высшее торжество ума человѣческаго. Въ извѣстной степени съ такимъ взглядомъ нельзя, конечно, не согласиться. Видя и наблюдая, какъ въ наше время,—говоря словами одного французскаго ученаго (К. Фламмаріона),—повсюду сту-

(¹) Изъ вступительной лекціи, читанной студентамъ академіи I и III курсовъ, 20-го сентября 1869 года.

чать тяжелые молоты, визжать желѣзныя ножницы, свистять и кипять паровыя машины, какъ по твердой землѣ съ шумомъ несутся извергающіе огонь паровозы, а по волнамъ океановъ и морей ходятъ корабли и пароходы, не подчинясь, благодаря силѣ паровъ, законамъ волненія и вѣтра, какъ съ помощію телеграфа мы переговариваемся изъ одной части свѣта съ другою и слѣдимъ за ударами пульса цѣлаго человѣчества, какъ телескопъ астронома въ прозрачной небесной дали открываетъ величественное движеніе огромныхъ солнцевъ и даетъ понятіе о законахъ управленія всей вселенной и проч.,—видя и наблюдая все это и подобное, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ того же ученаго, что человѣческій родъ никогда еще не достигалъ подобнаго фазиса развитія, никогда грудь его не поднималась подъ дыханіемъ такой силы и жизни, какъ въ наше время, никогда въ глазахъ его не свѣтилось подобнаго луча самосознанія. И всѣми этими плодами цивилизаціи и прогресса современное человѣчество, безспорно, обязано главнымъ образомъ своей положительности, практичности въ своихъ вкусахъ и стремленіяхъ,—тому, что въ своей дѣятельности, и научной и практической, оно стремится по преимуществу къ такимъ цѣлямъ, которыя имѣютъ ближайшее, непосредственное приложеніе къ жизни, которыя приносятъ съ собою тѣ или другія удобства, выгоды для его внѣшняго быта. Но среди всѣхъ этихъ, несомнѣнно блестящихъ успѣховъ новѣйшей цивилизаціи и прогресса, самый ненаблюдательный глазъ не замѣчаетъ ли въ жизни и развитіи современнаго человѣчества нѣчто такое, что не можетъ не возбуждать самыхъ тревожныхъ и грустныхъ размышленій о его настоящемъ и еще болѣе будущемъ, что, при

всемъ быстромъ умноженіи удобствъ и улучшеній его внѣшняго быта, даетъ поводъ слишкомъ сомнѣваться въ его благѣ и счастіи? И это нѣчто заключается въ той же практичности, въ той же положительности его, которыя въ области нравственныхъ вопросовъ, въ сферѣ моральнаго порядка вещей сказываются въ наше время такими явленіями, которыя грозятъ подорвать, уничтожить въ жизни человѣческой все, что единственно благородитъ эту жизнь, возвышая ее надъ жизнію физическою, животною, что собственно и даетъ ей высоконравственный, идеальный смыслъ и значеніе,—словомъ что и дѣлаетъ именно человѣка человѣкомъ—царемъ, властелиномъ вселенной. Вы предугадываете, конечно, что за явленія разумѣю я при этомъ: это—вошедшій глубоко во вкусы, убѣжденія, стремленія нашего вѣка матеріализмъ,—не тотъ только матеріализмъ, который въ видѣ философской доктрины созданъ извѣстною германскою школою зафилософствовавшихся натуралистовъ (это только одинъ изъ симтпомовъ болѣзни нашего вѣка, лежащей глубже и гораздо дальше предѣловъ всякой школы), но матеріализмъ цѣлаго строя, характера современной жизни, который даетъ себя чувствовать всюду и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: въ жизни частной и общественной — чрезмѣрнымъ пристрастіемъ къ роскоши и чувственнымъ удовольствіямъ,—пристрастіи, приковывающемъ большею частію лучшія силы человѣчества къ предметамъ самымъ мелочнымъ, къ занятіямъ дѣтски-забавнымъ; въ наукѣ—стремленіемъ съузить горизонтъ ея изслѣдованій, отстранить пытливость ума человѣческаго отъ всѣхъ вопросовъ, касающихся Бога и вѣчности, ограничивъ его строго предѣлами опыта, матеріальныхъ явленій; на-

конецъ въ области соціальнаго, политическаго быта— построеніемъ такихъ идеаловъ, въ которыхъ всюду выступаютъ на первый планъ земные, матеріальные интересы и разсчеты, по теоріи которыхъ (по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ) весь дольній міръ нашъ слѣдовало бы обратить въ одну огромную мастерскую, а человѣчество—въ ассоціацію рабочихъ, не видящихъ и не знающихъ въ жизни никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ труда и наслажденія. А эта жажда скораго и легкаго обогащенія,—жажда, снѣдающая цѣлые милліоны душъ въ наши дни, эти новомодныя позитивныя теоріи, ставящія девизомъ жизни человѣчества слова Сократа, приводимыя Минуціемъ Феликсомъ: „что выше насъ, то не касается насъ" (¹), этотъ такъ часто встрѣчаемый въ наше время скептицизмъ или лучше пренебреженіе ко всему, что носитъ на себѣ печать религіознаго одушевленія, религіозныхъ симпатій, религіозныхъ стремленій,—все это и подобное развѣ не тотъ же матеріализмъ, принявшій только на себя разнообразныя, болѣе или менѣе утонченныя формы? Но не будемъ вдаваться въ подробности,—сказаннаго нами слишкомъ достаточно для того, чтобы понять, къ какимъ гибельнымъ результатамъ можетъ привести, до какого низкаго, монотоннаго существованія можетъ ниспасть жизнь человѣческая, если въ ней укоренятся, войдутъ въ силу и вліяніе такія убѣжденія и стремленія, какъ сейчасъ указанныя нами. Очевидно, въ современномъ человѣкѣ упало слишкомъ низко (или по крайней мѣрѣ близко къ такому паденію) его нравственное чувство, сердце, съ его неземными чаяніями и стремленіями, усиленная погоня всюду за чисто практическими, положительными цѣлями

(¹) „Октавій", стр. 324 (по рус. пер. свящ. П. Преображенскаго).

увлекаетъ его въ такую сторону жизни и дѣятельности, гдѣ ничего не остается для жизни и развитія высшихъ потребностей духа человѣческаго, гдѣ онѣ должны неминуемо заглохнуть, затеряться среди мелочныхъ, матеріальныхъ интересовъ и разсчетовъ жизни. Что же, спрашивается, дѣлать въ виду такого положенія вещей? Необходимо прежде всего, и главнымъ образомъ, конечно, оживить, выяснить предъ сознаніемъ современнаго человѣчества евангельскіе идеалы жизни, померкшіе въ немъ отъ облегающей его тьмы разнообразныхъ ученій и преданій человѣческихъ; необходимо пріучить мысль и нравственное чувство современнаго человѣка— относиться со всею серьёзностію, съ полнымъ благоговѣніемъ къ нравственной сторонѣ своего существованія, чтобы и эта сторона его жизни не только шла постоянно объ руку съ развитіемъ и улучшеніями его внѣшняго быта, но и стояла всегда выше его, не позволяла ни на минуту земному страннику и пришельцу, каковъ есть человѣкъ на землѣ, забыться, что за предѣлами этого міра есть иной, высшій міръ, иная жизнь, къ которой собственно, какъ къ конечной своей цѣли, и должна быть направлена вся его дѣятельность; при этомъ въ особенности нашему практическому, положительному вѣку, ищущему вездѣ и во всемъ, подъ разными видами, прежде всего хлѣба, нужно явить во всемъ свѣтѣ ту многознаменательную истину, что *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ 4, 4). Да,— въ наученіи истинамъ слова Божія, начертаннымъ въ немъ глаголамъ живота вѣчнаго, нуждается особенно нашъ вѣкъ, въ своемъ стремленіи къ практичности, къ положительности, подпавшій явному господству матеріа-

лизма, эпикурейскихъ воззрѣній на жизнь. Вотъ, между прочимъ, тѣ насущныя, настоятельныя потребности жизни нашего времени, въ виду которыхъ, по нашему мнѣнію, внимательное, обстоятельное изученіе писаннаго слова Божія получаетъ, въ глазахъ современнаго богослова, особенную важность и значеніе. На долю современнаго богослова, какъ мы видимъ, выпадаетъ по преимуществу трудный, апостольскій подвигъ — быть защитникомъ, поборникомъ высшихъ, идеальныхъ началъ христіанства въ окружающей жизни; было бы, безъ сомнѣнія, болѣе чѣмъ неблагоразумно—вступать въ это ратоборство, не изучивъ основательно, всесторонне того, что всегда было, есть и будетъ главнѣйшимъ духовнымъ орудіемъ богослова — слова Божія. Говоря это, мы не отрицаемъ необходимости другихъ познаній для современнаго богослова; но, неоспоримо, надъ всѣми его обширными и разнообразными познаніями должно стоять знаніе единой и единственной *истины освящающей* человѣческій родъ — слова Божія (Іоан. 17. 17), чтобы безъ руководства этой истины не погибнуть самому и не послужить причиною погибели другихъ—немощныхъ братій *въ своемъ разумѣ* (1 Кор. VIII, 11).

Наша православная церковь, въ чадолюбивой заботливости о нравственномъ развитіи и просвѣщеніи своей многочисленной паствы, даруетъ ей, какъ извѣстно, священныя и спасительныя книги на живомъ, понятномъ ей языкѣ. Это обстоятельство, въ связи съ указанными нами явленіями, представляетъ православному русскому богослову новыя и сильнѣйшія побужденія — обратить все вниманіе на изученіе слова Божія, чтобы быть готовымъ дать отвѣтъ всякому вопрошающему о разныхъ

неудобь разумныхъ предметахъ въ этомъ словѣ; а такихъ вопрошателей, при распространяющейся въ наше время грамотности среди простаго народа, при настоящемъ сильномъ возбужденіи умовъ, можно и нужно ожидать особенно много. Къ слову Божію, къ его чтенію нашъ православный русскій народъ искони питалъ особенную любовь и благоговѣніе; нужно позаботиться о томъ, чтобы всѣми мѣрами сохранить, поддержать въ немъ эту любовь, это благоговѣніе особенно теперь, въ періодъ его новой свободной и болѣе сознательной жизни и дѣятельности, и дать ему возможность читать слово Божіе *безъ покрывала на сердцѣ и откровеннымъ лицомъ взирать на славу Господню, явленную и повѣданную міру въ этомъ словѣ* (2 Кор. 3, 18). Пусть изъ разумнаго чтенія его, а не изъ другихъ какихъ либо книгъ и книжекъ, нерѣдко навязываемыхъ ему въ наше время разными печальниками его свободы и гражданскаго развитія, онъ почерпаетъ высокіе идеалы своей общественной и нравственной жизни, заимствуетъ уроки любви, равенства и братства въ духѣ истинно-христіанскомъ.

Но, быть можетъ, указанныя нами явленія изъ жизни современнаго христіанскаго міра вообще и въ частности изъ жизни русскаго православнаго міра, какъ явленія именно *жизни*, покажутся слишкомъ еще отдаленными отъ круга вашего теперешняго вліянія, вашей дѣятельности, чтобы на нихъ можно было ссылаться, какъ на живое побужденіе для вашихъ настоящихъ школьныхъ занятій, хотя школа и жизнь вовсе не столь далекія одна отъ другой области, какъ ихъ нерѣдко представляютъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, мы укажемъ на другія обстоятельства изъ современной жизни, обстоятельвааст не менѣе важныя, чѣмъ приведенныя нами, и кото-

рыя уже прямо касаются интересовъ нашей школы, нашей богословской науки, богословскаго образованія. Противъ богословскихъ наукъ издавна сложилось множество предубѣжденій и самыхъ ложныхъ взглядовъ на никъ. Нашъ прославленный, просвѣщенный вѣкъ не только не разсѣялъ этихъ предубѣжденій и этихъ взглядовъ, какъ слѣдовало бы ожидать, но прибавилъ, напротивъ, къ нимъ новые, тѣмъ болѣе прискорбные, что они подрываютъ значеніе и вліяніе богословской науки въ новѣйшемъ обществѣ въ такое время, когда этимъ значеніемъ и вліяніемъ, при страшномъ наплывѣ самыхъ разнообразныхъ теорій и ученій, нужно особенно дорожить. Намъ говорятъ,—и говорятъ со всею гласностію печатнаго слова, что мы специалисты богословскихъ наукъ, въ самой своей специальности, плохіе ученики вѣры и церкви и еще болѣе плохіе учители другихъ, что будто бы въ своемъ богословствованіи мы „сдвинулись съ твердаго материка церкви и перешли на ту зыбкую, изрытую, подкопанную почву, на которую заманили насъ западные богословы, что западный раціонализмъ просочился въ нашу православную школу и остылъ въ ней въ видѣ научной оправы къ догматамъ вѣры, въ формѣ доказательствъ, толкованій и выводовъ.“ А что сталось съ нашими учениками? „Цѣлыя поколѣнія, нами воспитанныя, съ укоромъ говорятъ намъ, прямо изъ подъ вашихъ каѳедръ, ударились, очертя голову, въ самое крайнее невѣріе, и при этомъ всего поразительнѣе не число отпаденій отъ васъ, а легкость отпаденія. Ваши ученики бросили церковь безъ внутренней борьбы, безъ сожалѣній, даже не задумываясь. И какими же силами они у васъ отбиты? Двѣ брошюры Бюхнера, да двѣ или три книжки Молешотта и Фогта,

да жизнь Христа—Ренана (даже не Штрауса), да десятокъ статей Добролюбова и Герцена, и дѣло было сдѣлано.“ Отъ чего это? „Не отъ того ли, что мы, рѣчь опять касается насъ же, предлагаемъ истины вѣры, какъ выводы изъ силлогизмовъ, въ старомъ, растрескавшемся сосудѣ, и что слушатели, бросая сосудъ, бросаютъ заразъ и то, что въ немъ сберегается? Не отъ того ли, что мы стараемся только о томъ, какъ бы путемъ формально-правильныхъ умозаключеній такъ сказать *довести* слушателей до догмата, вынудить у нихъ признаніе, заручиться ихъ согласіемъ, захватить ихъ въ плѣнъ, и на этомъ останавливаемся, не идя въ глубь, не вводя ихъ въ смыслъ самаго догмата? Не отъ того ли, наконецъ, что, ратуя съ раціонализмомъ, мы дали ему прокрасться въ наши ряды, такъ сказать приняли раціонализмъ внутрь себя?... Такъ ли бы легко увлеклись цѣлыя поколѣнія, еслибы церковь представлялась имъ въ настоящемъ свѣтѣ, еслибъ они видѣли предъ собою ее, т. е. именно церковь, а не призракъ церкви?“ (1). Вотъ какой страшный и тяжкій для совѣсти православныхъ учителей вѣры укоръ дѣлается православной богословской наукѣ нашего времени! Мы выставляемъ, впрочемъ, на видъ этотъ укоръ не съ тѣмъ, чтобы заниматься его обличеніемъ и разборомъ; но какъ нѣтъ вообще худа безъ добра, такъ и въ этомъ укорѣ, помимо его крайностей и увлеченій, есть одна *отчасти* справедливая сторона и мы приводимъ его, какъ выраженіе (хотя выраженіе болѣзненно-рѣзкое) тѣхъ особенныхъ запросовъ нашего времени по отношенію къ богословской наукѣ, которыхъ она не можетъ оставить безъ удов-

(1) См. сочиненія А. С. Хомякова, т. II, предисловіе, стр. XXX, XXXI, XXXXVI—VII.

летворенія, и въ тоже время удовлетвореніе которыхъ требуетъ отъ современнаго православнаго богослова, между прочимъ, опять самаго тщательнаго и основательнаго изученія истинъ вѣры въ ихъ первоисточникѣ— словѣ Божіемъ писанномъ. Постараемся уяснить нашу мысль.

Обстоятельства предшествовавшихъ лѣтъ внесли въ нашу богословскую науку, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя ея отрасли, нѣчто такое, что для нашего времени сдѣлалось уже негоднымъ, устарѣлымъ или по меньшей мѣрѣ недостаточнымъ, что, какъ совершенно справедливо замѣчаютъ, и со стороны самихъ спеціалистовъ теперь не безусловно одобряется, даже осуждается, какъ слабое и невѣрное, но осуждается какъ-то больше про себя, въ своей совѣсти, или въ кругу своихъ, а не на людяхъ. Увлекшись полемикою съ западными вѣроисповѣданіями,—полемикою, имѣвшею въ свое время самое жизненное значеніе, мы и въ положительномъ, научномъ развитіи и построеніи истинъ вѣры усвоили себѣ почти исключительно демонстративный методъ со всѣмъ его многосложнымъ механизмомъ логическихъ опредѣленій, подраздѣленій, доводовъ и пр. Такъ явилась въ нашихъ догматикахъ та „научная оправа къ догматамъ вѣры“, та „тяжелая, неудобная школьная арматура“, въ которыхъ всѣ заботы догматиста направлены на внѣшнюю, наружную обстановку предмета, а не на разъясненіе его внутренняго смысла и значенія, на то, чтобы чрезъ наивозможно-большее и искуснымъ образомъ сгруппированное приведеніе доказательствъ отъ писанія, преданія и разума убѣдить, заставить, если можно такъ сказать, вѣрить въ извѣстный догматъ (какъ будто бы вѣра христіанина, въ самомъ дѣлѣ,

есть плодъ логическихъ доводовъ, научныхъ изслѣдованій, а не даръ Божій, возгрѣваемый благодатію Божіею!), а не на то, чтобы раскрыть, выяснить, на основаніи писанія и преданій церкви, тѣ великія, многоцѣнныя духовныя сокровища, какія сокрыты въ глубинахъ христіанской вѣры, и которыми всѣ мы, какъ христіане, постоянно пользуемся, живемъ нравственно, духовно, хотя не всѣ и не всегда умѣемъ сознательно цѣнить, понимать ихъ надлежащимъ образомъ. Въ такомъ же духѣ велось доселѣ, по большей части, научное развитіе и построеніе нравственныхъ, практическихъ истинъ вѣры; даже въ самомъ проповѣдничествѣ нашемъ нельзя не замѣтить той же выдающейся склонности—непремѣнно доказывать извѣстную, избранную тему, обставлять ее предъ слушателями разными доводами и умозаключеніями, а не растолковывать, разъяснять ее, на что справедливо указываютъ, какъ на одну изъ немаловажныхъ причинъ малоуспѣшности, недѣйственности нашихъ проповѣдей на сердце, нравственное расположеніе слушателей, въ особенности изъ простаго народа. Повторяемъ, было время, когда такой способъ научнаго, систематическаго раскрытія и построенія истинъ вѣры былъ пригоденъ, даже необходимъ и вполнѣ отвѣчалъ требованіямъ и взглядамъ своего времени; но время это прошло и наступило другое, съ новыми требованіями, съ новыми запросами по отношенію къ наукѣ во всѣхъ ея отрасляхъ. Современная мысль, искушенная въ горнилѣ самой строгой критики, самаго неподкупнаго анализа, уже не довольствуется въ наукѣ, какого бы предмета она ни касалась, однимъ поверхностнымъ сопоставленіемъ фактовъ; ее нельзя убѣдить однѣми діалектическими тонкостями, логически-формальными доводами; она

всюду стремится проникнуть въ глубь предмета, обнять его со стороны внутреннихъ основъ его бытія и не прежде считаетъ свою работу оконченною, пока предметъ не будетъ, говоря языкомъ позитивистовъ, детерминированъ со всѣхъ сторонъ. По отношенію къ религіознымъ вопросамъ эта аналитико-критическая дѣятельность современной мысли проявляется тѣмъ съ большею энергіею, чѣмъ выше и необъятнѣе та область, въ которую она вступаетъ при разсмотрѣніи этихъ вопросовъ. Съ другой стороны, доселѣ нашею главною заботою было—охранить ввѣренную намъ святыню православной вѣры отъ всѣхъ догматическихъ, каноническихъ и другихъ искаженій, поврежденій со стороны западнаго иновѣрія, особенно католичества и протестантства; и этотъ священный долгъ свой православная богословская школа исполняла, неоспоримо, со всею безукоризненностію, во всей полнотѣ; всѣ разнаго рода подлоги, утайки, хитрости, антиномія католичества и протестанства разоблачены, опровергнуты (ни малѣйшаго предательства, измѣны церкви вселенской при этомъ отнюдь не было),—и святыня православія спасена отъ всѣхъ новизнъ иновѣрія западнаго. Теперь, въ виду указаннаго нами направленія современной мысли, равно какъ въ виду того особеннаго религіознаго положенія, какое съ нѣкотораго времени сталъ принимать къ намъ западъ, и въ какомъ находятся сами западныя вѣроисповѣданія въ отношеніи другъ къ другу,—въ виду всего этого мы должны въ своей богословской дѣятельности озаботиться достиженіемъ иныхъ цѣлей, выполненіемъ иныхъ задачъ, въ отношеніи къ которымъ прежній, почти исключительно демонстративный методъ научнаго, систематическаго развитія и построенія истинъ вѣры оказывается, какъ мы сказали, негоднымъ или по мень-

шей мѣрѣ недостаточнымъ. Доселѣ мы твердо стояли въ своемъ богословствованіи на материкѣ церкви и со всею заботливостію охраняли его, чтобы врагъ—человѣкъ не всѣялъ въ него плевелъ; теперь необходимо углубиться въ изслѣдованіе этаго самаго материка,—необходимо раскрыть, выяснить тѣ элементы, начала, изъ которыхъ слагается этотъ материкъ, или,—говоря безъ метафоръ,—необходимо въ научномъ раскрытіи и построеніи истинъ вѣры обратить все вниманіе на выясненіе этихъ истинъ со стороны ихъ внутренняго, исполненнаго глубочайшаго смысла и значенія, содержанія, въ ихъ фактической основѣ, въ ихъ взаимной связи и гармоніи; однимъ словомъ нужно внести болѣе положительной разработки, болѣе анализа въ область нашего богословствованія. Этимъ путемъ богословствованія, съ одной стороны, мы вполнѣ удовлетворимъ критическимъ притязаніямъ современной мысли, показавъ ей въ системѣ христіанскихъ догматовъ не простой агрегатъ стоящихъ внѣ всякой связи между собою и съ другими областями человѣческаго знанія истинъ, но ту высшую, законченную богооткровенную философію, въ которой одной можно найти разрѣшеніе всѣхъ высшихъ, идеальныхъ вопросовъ, томящихъ нашъ разумъ, успокоеніе надеждъ нашего сердца, высшій, чистѣйшій идеалъ нравственнаго совершенствованія; съ другой стороны, по отношенію къ самой богословской наукѣ, по отношенію къ ея прямымъ научнымъ интересамъ и цѣлямъ, этотъ путь богословствованія есть тотъ благоплоднѣйшій путь изслѣдованія въ области вѣры, который проложенъ для нея еще святыми, вселенскими отцами и учителями церкви—тѣми богопросвѣщенными руководителями въ дѣлѣ богословствованія, которыхъ наука богословская никогда не должна терять изъ виду. Но чтобы стать на

такую высоту богословствованія и чтобы при этомъ дѣйствительно не сойти съ твердаго материка церкви „на какой-нибудь досчатый помостъ, построенный на козлахъ,“ для этого, какъ понятно, требуется отъ богослова самое основательное и обстоятельное знаніе основныхъ началъ и источниковъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія, и прежде и болѣе всего, конечно, знаніе св. писанія. Theologus in scripturis nascitur—эта истина вполнѣ подтверждается и теоріею и опытомъ. Справедливо сравниваютъ также богословіе съ Маріею, сидѣвшею при ногу Іисусову и слушавшею слово Его: сравненіе весьма знаменательное! Въ чтеніи слова Божія, въ уясненіи смысла, значенія довѣданныхъ въ немъ истинъ, богословъ не только долженъ находить критерій, высшую норму своихъ сужденій и своихъ взглядовъ, но вмѣстѣ этимъ чтеніемъ, этимъ уясненіемъ долженъ постоянно питать, оплодотворять свое богословствующее мышленіе. Только при этомъ условіи возможно постоянное развитіе, совершенствованіе нашего богословія, какъ науки; безъ него же наше богословствованіе неминуемо должно сдѣлаться одною сухою, безплодною систематикою и тѣмъ можетъ, въ самомъ дѣлѣ, подавать соблазнъ разнымъ немощнымъ братіямъ нашимъ, немогущимъ отличить формы отъ сущности дѣла или, говоря языкомъ нашихъ обличителей, сосуда отъ того, что въ немъ сберегается.

Къ указаннымъ нами обстоятельствамъ изъ жизни современнаго христіанскаго міра вообще и въ частности изъ современнаго положенія православной богословской науки нельзя, наконецъ, не присоединить еще одного и при томъ такого, которое касается уже непосредственно нашей науки и ея вопросы дѣлаетъ, какъ говорится, вопросами дня. Давно уже, какъ извѣстно, наши еван-

гелія и излагаемая въ нихъ исторія служатъ предметомъ самыхъ горячихъ и самыхъ разнообразныхъ нападеній со стороны враговъ христіанства; но никогда вопросъ о нихъ не ставился съ такою рѣшительностію и прямотою, какъ въ наше время; въ этомъ вопросѣ и въ рѣшеніи его въ извѣстномъ, благопріятномъ для себя смыслѣ современные враги всего божественнаго и сверхъестественнаго въ христіанствѣ думаютъ, наконецъ, найти свое *δος μοι που ςῶ*, т. е. ту точку опоры, утверждаясь на которой они надѣются сдвинуть церковь Христову съ ея историческаго основанія и чрезъ то самое уничтожить ее до основанія; въ частности чрезъ это особенно надѣются замѣнить истинный, богочеловѣческій образъ Іисуса Христа, какъ онъ со всею живостію и во всемъ величіи изображается въ нашихъ евангеліяхъ, своимъ мнимо-историческимъ, вымышленнымъ образомъ и чрезъ это лишить христіанство его божественной Главы и Основателя. Въ этихъ-то видахъ представители современной такъ называемой отрицательной критики евангелій и евангельской исторіи поставили себѣ задачею—отвергнуть во чтобы-то ни стало подлинность происхожденія нашихъ каноническихъ евангелій въ ихъ настоящемъ видѣ отъ св. апостоловъ—очевидцевъ и слушателей самаго Іисуса Христа—и ихъ непосредственныхъ учениковъ, чтобы за тѣмъ имѣть полное право обращаться съ содержаніемъ ихъ, какъ съ расплавленнымъ металломъ, который можно отливать въ любую форму, или какъ съ мозаикою, въ которой можно переставлять части какъ угодно, смотря по личному вкусу и произволу. Такой способъ необузданно-произвольнаго обращенія съ нашими евангеліями мы и видимъ, напр., у Ренана. Такимъ образомъ борьба современнаго невѣрія противъ Христа и Его царства сосредоточилась въ

наше время около такихъ вопросовъ, которые принадлежать къ существеннымъ вопросамъ нашей науки—науки св. Писанія. И можемъ ли мы оставаться равнодушными въ этой борьбѣ? Недавній опытъ книги Ренана „Жизнь Іисуса“, надѣлавшей столько шума и соблазна во всей Европѣ, не исключая и нашего отечества, очень хорошо показалъ, въ какой сильной степени въ современномъ образованномъ обществѣ возбужденъ интересъ ко всѣмъ вопросамъ, касающимся первоначальной исторіи христіанства вообще и въ частности—исторіи земной жизни и дѣятельности Іисуса Христа, и при этомъ въ то же время, какъ мало распространено въ этомъ обществѣ здравыхъ, твердыхъ понятій о самыхъ существенныхъ предметахъ изъ этой исторіи и едва ли не менѣе всего о той книгѣ, которая должна быть настольною книгою всякаго христіанина, къ которой христіанинъ долженъ обращаться, по прекрасному выраженію одного отца церкви (св. Игнатія Богоносца), какъ къ плоти Іисусовой, т. е. какъ бы къ Самому, плотію присутствующему, Христу,—именно о Евангеліи. Но этотъ опытъ какъ былъ не первый, такъ, безъ сомнѣнія, онъ былъ и не послѣдній; и если соблазнъ, производимый сочиненіями, подобными сочиненію Ренана, не можетъ не возбуждать во всякомъ преданномъ сынѣ церкви заботливости — не допускать торжества, хотя бы временнаго, лжи надъ истиною, то онъ не можетъ, безъ сомнѣнія, не озабочивать особенно лицъ, посвятившихъ себя нарочитому служенію христіанской истинѣ,—не можетъ не побудить ихъ къ тому, чтобы противопоставить антихристіанскимъ теоріямъ и ученіямъ, разсѣеваемымъ въ христіанскомъ мірѣ этими сочиненіями, кромѣ простой сердечной вѣры, крѣпкій научный оплотъ, такъ какъ и представители этихъ теорій и этихъ ученій ста-

ляютъ ихъ только подъ знамя современной исторической науки: и притомъ и тѣмъ-то особенно увлекаютъ умы и сердца простодушныхъ, принимающихъ за науку все, что имѣетъ только одинъ видъ науки. Справедливо замѣчаютъ вообще, что огромный успѣхъ и популярность въ наше время такихъ отрицательныхъ произведеній, какъ опять сочиненіе Ренана, Шенкеля и др., даетъ весьма чувствительный урокъ защитникамъ Евангелія. И дѣйствительно, что показываетъ этотъ успѣхъ и эта популярность ихъ? Свидѣтельствуя, по выраженію Прессансе (¹), о совершенномъ незнаніи со стороны современнаго общества существеннаго характера христіанства и религіи вообще, они наводятъ,—справедливость требуетъ сказать,—не на особенно отрадныя мысли и о дѣлѣ самихъ представителей и защитниковъ евангельской истины. Въ самомъ дѣлѣ, такъ ли бы легко могъ увлечься христіанскій міръ (по крайней мѣрѣ многіе изъ его членовъ), принять за истинно-историческое изображеніе Іисуса Христа, Его земной жизни и дѣятельности, такія ложныя, романическія описанія Его Лица, какія, въ новѣйшее время, представили въ своихъ сочиненіяхъ Штраусъ, Ренанъ и Шенкель, если бы со стороны защитниковъ Евангелія были приняты всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы въ сознаніи христіанскаго міра (предъ очима его) былъ предначертанъ во всей ясности и исторической полнотѣ Богочеловѣческій образъ Іисуса Христа? Равнымъ образомъ, такъ ли бы смѣло разные представители отрицательной евангельской критики свои личныя, произвольныя теоріи, совершенно извращавшія и исторію и истинный харак-

(¹) Jésus-Christ, son temps sa vie, son oeuvre, p. E. de Pressensé, 3 ed., p. V.

торъ нашихъ божественныхъ писаній, могли выдавать за непреложныя историческія истины, если бы опять эти истины были вполнѣ раскрыты и поставлены во всемъ ихъ историческомъ свѣтѣ предъ общественнымъ мнѣніемъ христіанскаго міра? Пора положить конецъ такому порядку вещей, — пора отнять у лжи возможность являться во образѣ свѣтлой, небесной истины; достигнуть же этой цѣли мы всего успѣшнѣе можемъ тогда, когда мы—защитники евангельской истины—съ свѣточемъ этой истины будемъ постоянно стоять впереди христіанскаго общества и отвѣчать немедленно на его религіозные запросы и потребности, а не тогда лишь,—какъ это большею частію бываетъ,—когда уже на эти запросы и потребности даны въ извѣстномъ смыслѣ отвѣты, сдѣлано извѣстное удовлетвореніе нашими противниками и когда намъ приходится уже не развивать и укрѣплять вѣрованія и убѣжденія нашихъ братій, а исцѣлять ихъ, какъ больныхъ, исправлять, какъ заблудившихся,—что, очевидно, далеко не одно и тоже.

Итакъ, если для *каждаго* дня существуютъ свои заботы (Матѳ. 6, 34), то къ числу самыхъ настоятельныхъ заботъ нашихъ дней, нашего времени, въ области богословскаго образованія, принадлежитъ несомнѣнно забота—поставить науку св. Писанія на подобающую ей высоту значенія въ системѣ богословскаго образованія, углубить и расширить ея изученіе во всѣхъ ея отрасляхъ и такимъ образомъ усилить, упрочить ея вліяніе въ окружающей жизни; къ этому, какъ мы видѣли, побуждаютъ и собственные интересы богословской науки и самыя насущныя потребности и характеризующія наше время явленія жизни.

В. Рождественскій.

О ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРАХЪ.

(ПО ПОВОДУ СОВРЕМЕННЫХЪ ЯВЛЕНІЙ ВЪ ОБЩЕЙ ЖИЗНИ ХРИСТІАНСКИХЪ ЦЕРКВЕЙ И ТОЛКОВЪ ЛИТЕРАТУРЫ)

(продолженіе)

Созываемые по нуждамъ церкви, заявленнымъ ея пастырями, но властію и указами государей (1), все-

(1) Историки единодушно говорятъ, что первый вселенскій соборъ былъ созванъ властію и по указу императора Константина великаго (Евсев. о жизни Констант. III, 6. 12. Созом. I, 17. Θеодор. I, 7). Историки же свидѣтельствуютъ, что и второй вселенскій соборъ созванъ также по указу и желанію императора Θеодосія великаго (Сокр. V, 8. Созом. VII, 7. Θеодор. V, 7). „Собравшись по твоему распоряженію въ Константинополь", писали императору и сами отцы этого собора. (Дѣян. всел. собор. т. I, стр. 263). Подлинные акты соборовъ удостовѣряютъ, что и третій вселенскій соборъ былъ созванъ императоромъ Θеодосіемъ младшимъ (Дѣян. Собор. т. 1, стр. 445 — 482, 486 и др.); что учрежденіе четвертаго вселенскаго собора совершилось также по волѣ и распоряженію императора Маркіана (ibid т. III, 555, 666 и мн. др). Тѣ же акты говорятъ, что пятый вселенскій соборъ былъ созванъ указомъ Юстиніана и созванъ имъ по примѣру прежнихъ императоровъ, учреждавшихъ такіе соборы (Labb. t. V, 419 — 424, 562); что шестой вселенскій соборъ былъ собранъ Константиномъ Пагонатомъ (ibid. t. VI, 600—601, и мн. др.), седьмой—императрицею Ириною (ibid. VII, 40, 49 и мн. др.). Очевидныя указанія историковъ и актовъ соборныхъ рѣшительно опровергаютъ то мнѣніе католиковъ, будто созваніе вселенскихъ соборовъ древней церкви было исключительно дѣломъ правъ власти и распоряженій римскаго папы (см. Духов. Вѣстн. 1862 г. т. I, стр. 65—81).

ленскіе соборы, въ самомъ своемъ составѣ и способѣ веденія своихъ дѣлъ, имѣли также церковно-государственный характеръ. На нихъ собирались: съ одной стороны предстоятели церквей—епископы, прочія лица іерархіи: пресвитеры и діаконы, и члены клира ([1]); съ другой—императоры, уполномоченные отъ нихъ сановники государства и другіе вѣрующіе. Цѣль присутствованія всѣхъ этихъ лицъ на вселенскихъ соборахъ была неодинакова, смотря по различію значенія однихъ въ церкви и положенія другихъ въ государствѣ.

Епископы являлись на соборы и присутствовали на нихъ по обязанностямъ ихъ служенія, по требованію лежащаго на ихъ совѣсти долга—защищать дѣло Христовой истины и благоустроять нужды Христовой церкви. Они были главными дѣятелями соборныхъ совѣщаній. Прочія лица іерархіи: пресвитеры и діаконы, обыкновенно, присутствовали на соборахъ по званію всегдашнихъ помощниковъ своихъ епископовъ; но они могли по временамъ пользоваться и правами сихъ послѣднихъ. Это бывало въ томъ именно случаѣ, когда пресвитеры и діаконы, по довѣрію отъ своихъ церквей и ихъ настоятелей, присутствовали на соборахъ съ правами своихъ епископовъ и представляли ихъ лица. Члены клира всегда являлись на соборы, какъ спутники своихъ епископовъ; а прочіе вѣрующіе были привлекаемы на нихъ, кромѣ любопытства, похвальнымъ желаніемъ видѣть ходъ соборныхъ совѣщаній и поучиться урокамъ истины. Члены клира и прочіе вѣрующіе, а также и

([1]) Историкъ Сократъ такъ говоритъ о составѣ 1-го вселенскаго собора: „въ настоящемъ собраніи находилось множество епископовъ,—числомъ болѣе трехъ сотъ, а сопровождавшимъ ихъ пресвитерамъ, діаконамъ, чтецамъ и многимъ другимъ и числа не было“ (Церк. Истор. 1, 8, стр. 33).

лица іерархіи, не имѣвшія особаго полномочія и особыхъ занятій, оставались на соборѣ въ положеніи обыкновенныхъ зрителей, которые своимъ вниманіемъ охраняли священныя права истины, своимъ сочувствіемъ выражали одобреніе ратоборцамъ правды. Всѣмъ имъ вмѣстѣ принадлежало право голоса совѣщательнаго (jus consultationis). Если между всѣми этими лицами можно сдѣлать какое нибудь исключеніе: то только для людей ученыхъ, богослововъ, философовъ и вообще знатоковъ дѣла. Они могли подготовлять самые результаты соборныхъ опредѣленій своими разсужденіями и напередъ предуказывать другимъ подлинную истину предмета. Значеніе всѣхъ этихъ лицъ на вселенскихъ соборахъ—для ясности представленія—можно сравнить съ авторитетомъ, которымъ пользуется богословская наука въ общемъ сводѣ ученія церкви, съ цѣною частнаго, разумнаго убѣжденія, которую оно имѣетъ въ дѣлѣ общаго раскрытія христіанской истины. Простирать здѣсь значеніе этихъ лицъ далѣе указанной черты будетъ и произвольно и несправедливо. Одни изъ нихъ (напр. философы) могли предлагать и дѣйствительно предлагали отцамъ собора возраженія и вопросы для разрѣшенія и разъясненія (1); другіе (напр. богословы), замѣчательнѣйшіе по ихъ способностямъ и знаніямъ, помогая епископамъ въ разсужденіяхъ, вели открытыя пренія съ иномыслящими и опровергали заблужденія совопросниковъ. Объ Оригенѣ расказываютъ, что онъ неоднократно былъ приглашаемъ на соборы для указанныхъ занятій по уваженію именно къ его способностямъ и знаніямъ (2). О св. Аѳанасіѣ извѣстно, что

(1) Для примѣра см. Дѣян. 1-го всел. Собор. стр. 101—153 по рус. перевод. Казань 1849 г.

(2) Церк. Ист. Евсев. стр. 353—354.

онъ, въ присутствіи своего епископа Александра и отцевъ 1-го никейскаго собора, открыто состязался съ Аріемъ и опровергалъ его софизмы (1). Но эти и подобныя имъ лица, не смотря на всю знаменитость ихъ именъ, были только вспомогательными дѣятелями на вселенскихъ соборахъ. Вся истина и авторитетъ соборныхъ опредѣленій зависѣли именно отъ правъ и власти епископовъ, какъ богопоставленныхъ судей въ вопросахъ благочестія и дѣлахъ вѣры. На этомъ основаніи только числомъ и именемъ ихъ, какъ дѣйствительныхъ членовъ собора, надписываются всѣ вселенскіе соборы. Такъ никейскій, 1-й вселенскій соборъ, въ правилахъ обыкновенно называется соборомъ 318 отцовъ; константинопольскій, II-й вселенскій, соборомъ 150 отцовъ; другіе соборы обозначаются числомъ бывшихъ на нихъ епископовъ (2). Вмѣстѣ съ этимъ, только подписями однихъ епископовъ, какъ печатію высшей церковной власти, и утверждались соборныя опредѣленія. Подписи другихъ членовъ іерархіи, если и встрѣчаются, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда они представляли собою лица своихъ епископовъ, не присутствовавшихъ на соборѣ, и дѣйствовали отъ ихъ имени. Такъ въ актахъ никейскаго собора, 1-го вселенскаго, встрѣчаемъ имена Витона и Викентія, пресвитеровъ римскихъ; въ актахъ собора константинопольскаго, II-го вселенскаго, имена Флавіана и Еллидія, пресвитеровъ антіохійскихъ, Тиронна пресвитера аморійскаго, Авксанода пресвитера апамейскаго и другихъ (3).

(1) Сокр. 1. 8, стр. 34. Созом. 1. 17, стр. 64.

(2) См. Книгу Правилъ въ Указателѣ, подъ словомъ: соборъ вселенскій.

(3) См. Дѣян. вселен. соборовъ въ русс. перев. Казань. т. 1, стр. 176, 273, 278, 279.

Церковному характеру вселенскихъ соборовъ нимало не мѣшало то, что на нихъ присутствовали: сами императоры, или назначенныя отъ нихъ гражданскія лица. Такъ на никейскомъ соборѣ, 1-мъ вселенскомъ, присутствовалъ лично самъ Константинъ великій. На халкидонскомъ, IV вселенскомъ, именно въ шестомъ его засѣданіи, былъ императоръ Маркіанъ (1). Соборъ трульскій, VI-й вселенскій, большею частію происходилъ въ присутствіи императора Константина Погоната, котораго притомъ окружала блистательная свита изъ высшихъ сановниковъ государства (2). На II-мъ никейскомъ, VII-мъ вселенскомъ соборѣ, именно въ послѣднемъ его засѣданіи присутствовала лично императрица Ирина съ ея малолѣтнимъ сыномъ Константиномъ (3). На прочихъ соборахъ вмѣсто императоровъ присутствовали назначенныя отъ нихъ лица. Такъ на ефесскомъ соборѣ, III-мъ вселенскомъ, мы видимъ сначала графа Кандидіона, потомъ государственнаго статсъ-секретаря Іоанна, который замѣнилъ перваго (4). На халкидонскомъ присутствовала, можно сказать, цѣлая комиссія важнѣйшихъ, государственныхъ сановниковъ, состоящая изъ Анатолія военнаго министра, Палладія начальника лейбъ-гвардіи, Титіана константинопольскаго губернатора, Винкомаха министра двора, Спорана начальника царедворцевъ и многихъ другихъ лицъ (5). На V вселенскомъ соборѣ вмѣстѣ съ другими засѣдалъ квесторъ Константинъ (6); на VII-мъ мы видимъ Пет-

(1) Дѣян. всел. Соборовъ т. IV, стр. 123—133, 164—170.
(2) Для прим. см. Labb. VI. 605. 608.
(3) Labb. t. VII, 592—593.
(4) Дѣян. всел. собор. т. I, 486—489, 804—819 и др.
(5) Ibid. т. III, 122—124, 494—496; т. IV, 5—7, 170. 171 и др.
(6) Labb. V, 349.

рона консула, патриція и графа, и Іоанна, императорскаго логофета и Остіарія (1).

Какъ всѣ эти лица, такъ и сами императоры присутствовали на вселенскихъ соборахъ не въ качествѣ судей вѣры или начальниковъ церкви, а съ званіемъ охранителей мира, порядка и благочинія въ церкви, съ именемъ и правами покровителей вѣры. „Богъ поставилъ васъ пастырями церкви, говорилъ Константинъ Великій епископамъ на никейскомъ соборѣ; поэтому все, что относится къ Христовой вѣрѣ, вамъ надлежитъ разсматривать“ (2). „Какъ царь и сослужитель вашъ, я прошу отъ васъ этого общему Владыкѣ Богу угоднѣйшаго дара, который мнѣ прилично принять а вамъ подать“ (3). Согласно съ Константиномъ Великимъ мыслилъ и Ѳеодосій младшій, современникъ ефесскаго собора. Онъ, на просьбу Ѳеодорита кирскаго, который убѣждалъ императора запретить халкидонскому епископу дѣлать собранія—отвѣчалъ: „я не могу приказывать епископу“ (4); и послѣ писалъ Іоанну епископу антіохійскому: „всякое постановленіе и низложеніе епископовъ будетъ зависѣть отъ рѣшенія каѳолической Церкви, которое впрочемъ должно совершаться безъ шума и волненія“ (5). Подобно Константину Великому и императоръ Маркіанъ, въ присутствіи халкидонскаго собора, лично объяснилъ, что онъ „восхотѣлъ присутствовать на соборѣ для утвержденія вѣры и твердости

(1) Ibid. VII. 45. Можно по аналогіи думать, что подобные чиновники присутствовали и на пятомъ вселенскомъ соборѣ, хотя, по неимѣнію подлинныхъ его актовъ, мы не можемъ утверждать сего.

(2) Руфф. Ист. Цер. X, 2.

(3) Истор. Церк. Созомена. 1. 19, стр. 68.

(4) Дѣян. всел. собор. т. I, стр. 830. Посл. Ѳеодор. къ іеропол. епископу.

(5) Дѣян. всел. собор. т. II, стр. 346.

его дѣяній, а не для показанія какой либо власти и силы“ (1). Тотъ же императоръ и послѣ, слѣдуя его примѣру, императрица Ирина, выслушавъ уже составленныя опредѣленія современныхъ имъ соборовъ, торжественно спрашивали всѣхъ присутствовавшихъ отцовъ о единодушнымъ согласіи на прочитанныя опредѣленія. „Пусть скажетъ святый соборъ, спрашивалъ Маркіанъ, по согласію ли всѣхъ святѣйшихъ епископовъ провозглашено прочитанное теперь опредѣленіе? Всѣ воскликнули: всѣ такъ вѣруемъ: одна вѣра, одно мнѣніе; всѣ также мудрствуемъ; всѣ мы, согласившись, подписали; всѣ мы православны; сія вѣра православная, сія вѣра вселенную спасла“ (2).

Константинъ Великій, присутствуя на первомъ Вселенскомъ соборѣ, самъ лично слѣдилъ за ходомъ и предметами соборныхъ разсужденій; самъ оставался охранителемъ тишины и порядка на соборѣ, предотвращая личныя несогласія между епископами и обращая вниманіе ихъ на главный предметъ совѣщаній (3). Другіе императоры, сами не присутствуя, поручали это дѣло посланнымъ отъ нихъ лицамъ. Августы Ѳеодосій и Валентиніанъ такъ опредѣляютъ цѣль присутствія этихъ лицъ на вселенскихъ соборахъ: „справедливость требуетъ, говорятъ они, озаботиться и о благочиніи и тишинѣ, нужныхъ святѣйшему вашему собору (рѣчь о Ефесскомъ соборѣ) при совѣщаніяхъ; мы и не упустили изъ виду, чтобы была соблюдена для него невозмутимость со всѣхъ сторонъ. Хотя мы и увѣрены, что ваше

(1) См. его рѣчи Дѣян. всел. собор. т. IV, стр. 127—131.

(2) Дѣян. всел. соб. т. IV, стр. 164; см. Labb. t. IV, pag. 606; t. VII, pag. 591.

(3) Созом. Церк. Ист. 1, гл. 19. 20. Сокр. Церк. Ист. 1, гл. 8. 9, стр. 50—58, сн. Дѣян. всел. соб. т. I.

благочестіе не нуждается ни въ какой внѣшней помощи, чтобы доставить миръ и прочимъ, однакожъ тщательное наше попеченіе о благочестіи рѣшилось не пренебречь и этимъ. Посему знатнѣйшему придворному сановнику нашему Кандидіану повелѣно прибыть къ вашему святѣйшему собору съ тѣмъ однако же, чтобы онъ нисколько не вмѣшивался въ происходящее изслѣдованіе о догматахъ (ибо не принадлежащему къ чину святѣйшихъ епископовъ несправедливо вмѣшиваться въ дѣла церковныя), а съ другой стороны, чтобы онъ, какъ міранъ, такъ и монаховъ, и собравшихся уже, и имѣющихъ собраться, всячески отдалялъ отъ самаго города (ибо людей, нисколько не нужныхъ для предстоящаго изслѣдованія догматовъ, не надобно допускать, чтобы они производили смятенія и такимъ образомъ препятствовали мирнымъ постановленіямъ вашей святыни); равно онъ долженъ будетъ заботиться и о томъ, чтобы отъ непріязненныхъ взаимно расположеній разномысліе не дошло до большихъ размѣровъ, а отъ этаго не встрѣтило препятствій разсужденіе вашего святѣйшаго собора, и отъ могущаго произойти безпорядочнаго шума не замедлилось бы тщательное изслѣдованіе истины, но чтобы каждый, безъ злобы выслушивая, что говорится, или прилагалъ свое мнѣніе, или возражалъ, и такимъ образомъ чрезъ предложеніе мнѣній и рѣшеніе ихъ изслѣдованіе объ истинномъ ученіи окончилось бы безъ всякаго смущенія и по общему рѣшенію вашей святыни получило бы утвержденіе неоспоримое и всѣмъ угодное. Преимущественно же нашимъ величествомъ тому же знатнѣйшему мужу Кандидіану повелѣно наблюдать, чтобы никто не оставлялъ назначеннаго для разсужденій мѣста, ни съ тѣмъ, чтобы возвратиться домой, ни по желанію дойти до двора

нашего величества, ни съ намѣреніемъ пойти въ другое какое либо мѣсто; также, чтобы по чьему нибудь требованію не былъ предложенъ совершенно посторонній, церковный вопросъ, или отъ кого нибудь не возникло предложеніе, не относящееся къ предлежащему разсмотрѣнію святаго ученія, прежде, чѣмъ рѣшены будутъ всѣ недоумѣнія о вопросномъ предметѣ, и что нужно къ дозванію истины, все то, по точномъ изслѣдованіи, получитъ утвержденіе, приличное православному богопочтенію" (1). На соборѣ Халкидонскомъ, IV вселенскомъ, назначенная императоромъ Маркіаномъ комиссія государственныхъ сановниковъ, какъ показываетъ самое изложеніе дѣяній этаго собора, заправляла порядкомъ разсужденій, переводя вниманіе отцовъ собора отъ одного предмета къ другому и наблюдая за тѣмъ, чтобы прежде рѣшенія по одному извѣстному вопросу не поднималось разсужденій о другомъ. Означенная комиссія, въ качествѣ блюстителей за внѣшнею правильностію хода соборныхъ совѣщаній, слѣдила нетолько за общимъ порядкомъ дѣлъ и предметовъ, подлежавшихъ обсужденію, но и предлагала отцамъ собора дѣлать переходъ отъ одного вопроса къ другому (2). Такое формальное участіе уполномоченныхъ гражданскою властію въ дѣлахъ соборныхъ совѣщаній не говоритъ собою ничего противъ церковнаго характера соборовъ и внутренняго авторитета ихъ опредѣленій. Это участіе, добавимъ, совершенно умѣстно, естественно и необходимо въ томъ случаѣ, гдѣ дѣйствуютъ лица, облеченныя однимъ нравственнымъ довѣріемъ и духовнымъ ав-

(1) Дѣян. всел. соб. т. I, стр. 487—488; сн. Labb. t. III, pag. 441.
(2) Дѣян. всел. собор. въ русск. перев. т. III, IV; сн. Дух. Вѣстн. 1863. февраль, стр. 224—227.

торитетомъ, для которыхъ должны быть сторонними заботы объ утвержденіи внѣшняго порядка и сохраненіи гражданскаго благочинія.

Впрочемъ, въ актахъ соборовъ встрѣчаются прямыя указанія и на то, что сами императоры и присутствовавшіе вмѣсто нихъ на соборахъ чиновники не ограничивались однимъ внѣшнимъ надзоромъ за ходомъ дѣлъ на вселенскихъ соборахъ; напротивъ нерѣдко подвигали дѣятельность отцовъ какими либо предложеніями, относящимися до благоустройства церкви. Такъ императоръ Маркіанъ, при личномъ своемъ присутствіи, предложилъ Халкидонскому собору три правила касательно церковнаго благоустройства. Первымъ изъ этихъ правилъ предписывалось никому не сооружать монастыря безъ воли мѣстнаго епископа, а также и безъ соизволенія владѣтеля того имѣнія, въ которомъ предполагается построеніе монастыря; указывалось монахамъ всякой мѣстности быть въ подчиненіи епископу, соблюдать безмолвіе, прилежа только посту и молитвѣ, и не вмѣшиваться въ церковныя или общественныя дѣла, кромѣ случаевъ, когда они получатъ особенное на то повелѣніе отъ мѣстнаго епископа; отнималось у монашествующихъ право принимать въ свои монастыри рабовъ или приписныхъ безъ соизволенія ихъ господъ. Вторымъ правиломъ запрещалось монахамъ и клирикамъ, подъ угрозою церковнаго покаянія, или лишенія сана, брать на откупъ имѣнія и управлять ими, исключая только случаевъ, когда самъ епископъ укажетъ кому либо имѣть попеченіе о церковномъ имуществѣ. Третьимъ осуждался произвольный переходъ клириковъ отъ одной церкви къ другой, и вмѣнялось епископамъ въ обязанность обращать на прежнія мѣста тѣхъ, которые перешли къ нимъ,

оставивъ своихъ епископовъ ([1]). Эти правила сполна были приняты соборомъ и помѣщены въ числѣ его канововъ, съ новыми дополненіями и разъясненіями ([2]). Тотъ же императоръ выразилъ желаніе, чтобы городъ Халкидонъ былъ возведенъ въ почетное званіе митрополіи; что и было принято единодушнымъ согласіемъ отцовъ ([3]). Извѣстно, что на II вселенскомъ соборѣ, въ преемники св. Григорію Богослову, по желанію императора Θеодосія, былъ избранъ Нектарій, знатный мірянинъ ([4]). По волѣ и распоряженію императора Юстиніана, и римскій папа Вигилій, за непокорность власти монаршей и ослушаніе церковной, былъ исключенъ изъ церковныхъ диптиховъ пятымъ вселенскимъ соборомъ ([5]). На соборѣ Халкидонскомъ уполномоченные сановники, послѣ разсмотрѣнія дѣла и разъясненія мнѣній, первые высказываются касательно осужденія виновныхъ. „Мы усматриваемъ, говорятъ они, что точнѣйшее изслѣдованіе о православной вѣрѣ должно быть тщательнѣе произведено въ слѣдующій день, въ присутствіи собора. Но такъ какъ оказывается, что блаженной памяти Флавіанъ и почтеннѣйшій епископъ Евсевій осуждены несправедливо, какъ это видно изъ разсмотрѣнія документовъ и дознаній, также изъ самыхъ словъ нѣкоторыхъ бывшихъ тогда на соборѣ, и (теперь) сознающихся, что они заблуждались и напрасно осудили ихъ, ни въ чемъ не погрѣшившихъ противъ вѣры: то намъ кажется справедливымъ и богоугоднымъ, если благоугодно будетъ священнѣйшему и благочестивѣйшему государю нашему,

([1]) Дѣян. вселен. соб. т. IV, стр. 167—169.
([2]) Книга правилъ IV, прав. 4. 3. 20.
([3]) Дѣян. т. IV, стр. 169—170.
([4]) Созом. VII, 8.
([5]) Labb. V, 595; и Флёри. Церк. Ист. т. VII; стр. 143, 144.

подвергнуть тому же наказанію имѣвшихъ тогда власть и предсѣдательство на соборѣ.... и святымъ соборомъ, по канонамъ, лишить ихъ епископскаго достоинства и о всемъ воспослѣдовавшемъ довесть до свѣдѣнія высочайшей власти". На высказанное заявленіе сановниковъ послѣдовали самые единодушные и одобрительные отзывы со стороны отцовъ собора. Восточные и бывшіе съ ними епископы сказали: „это праведный судъ"! Иллирійскіе и бывшіе съ ними почтеннѣйшіе епископы сказали: „всѣ мы погрѣшили, всѣ мы просимъ прощенія" (¹).

Но, встрѣчаясь съ подобными фактами, необходимо здѣсь спросить: что могутъ значить всѣ эти и подобныя имъ предложенія, требованія и заявленія? Не переносятъ-ли они собою самую инициативу соборныхъ разсужденій и опредѣленій, которая должна принадлежать Церкви, въ руки власти государственной? Отвѣчаемъ прямо и рѣшительно: совсѣмъ нѣтъ! Эти предложенія и заявленія, съ одной стороны, слѣдуютъ—какъ результаты предшествовавшихъ имъ долгихъ разсужденій и розысканій самихъ соборовъ, съ другой—они служатъ изложеніемъ непосредственныхъ требованій яснаго закона и справедливости, а не внушеній властительскаго произвола. Въ томъ и другомъ случаѣ они только внѣшнимъ, формальнымъ путемъ предупреждаютъ и объявляютъ внутреннія, сознаваемыя самою церковною властію и желанныя для нея идеи и опредѣленія. Тѣ же предложенія и заявленія сполна служатъ нравственнымъ цѣлямъ Церкви, и отнюдь не противорѣчатъ ея авторитету: послѣднее слово на признаніе и узаконеніе этихъ предложеній и заявленій остается за правами Церкви,

(¹) Дѣян. всел. соб. III. стр. 492—493.

за голосомъ ея собственнаго авторитета. Словомъ, въ томъ обстоятельствѣ, — что нѣкоторыя изъ соборныхъ опредѣленій предварительно формулировались и заявлялись представителями власти государственной, но окончательно утверждались и узаконялись согласіемъ и приговоромъ отцовъ, присутствовавшихъ на соборахъ,— въ этомъ обстоятельствѣ мы усматриваемъ не преобладаніе власти надъ авторитетомъ Церкви, а осязательнѣйшее доказательство неотразимой правды и истины этихъ опредѣленій. То же обстоятельство выставляетъ соборныя опредѣленія не принадлежащими исключительно ни кому, а дѣлаетъ ихъ прямымъ результатомъ уясненія и дознанія настоящей истины всѣмъ соборомъ. На основаніи того же обстоятельства, мы, не стѣсняясь, утверждаемъ, что общія отношенія власти государственной къ авторитету Церкви на соборахъ были тѣ же самыя, какія обыкновенно бываютъ между лицемъ, предлагающимъ свое мнѣніе на утвержденіе, и лицемъ, узаконяющимъ это мнѣніе своими правами и согласіемъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго насилія для авторитета Церкви и никакой противозаконности и въ тѣхъ собственноручныхъ подписяхъ, которыми императоры утверждали соборныя постановленія. Въ общемъ смыслѣ эти подписи, по ихъ происхожденію, были удовлетвореніемъ желанію самой церковной власти, и по ихъ цѣли онѣ были знакомъ принятія соборныхъ постановленій за дѣйствительные и общеобязательные законы.

Въ самомъ дѣлѣ подписаніе императорами соборныхъ дѣяній было слѣдствіемъ того, что сами отцы, присутствовавшіе на соборахъ, обыкновенно обращались къ императорамъ съ просьбою, чтобы тѣ утвердили составленные на соборѣ каноны. Константинъ Великій, при-

сутствуя на 1-мъ вселенскомъ соборѣ и свято повинуясь авторитету Церкви, самъ торжественно исповѣдалъ предъ отцами никейскаго собора, что онъ искреннѣйше пріемлетъ ихъ опредѣленія, признавая согласіе всего собора дѣйствіемъ Божіимъ; мыслитъ во всемъ согласно съ соборомъ, приглашая также всѣхъ согласиться на эти опредѣленія и утвердить своимъ подписомъ ([1]). Для засвидѣтельствованія же собственнаго согласія на соборныя опредѣленія и признанія внѣшней ихъ силы, Константинъ Великій къ духовному наказанію Арія — отлученію отъ Церкви, опредѣленному отцами собора ([2]), присоединилъ и отъ себя наказаніе внѣшнее— ссылку, или удаленіе отъ общества; кромѣ того особымъ указомъ повелѣлъ сжечь самыя сочиненія Арія, угрожая смертію всякому, кто будетъ обличенъ въ намѣренной ихъ утайкѣ ([3]). Но что сдѣлалъ Константинъ Великій,—какъ покровитель вѣры и Церкви, самъ лично присутствовавшій на никейскомъ соборѣ,—по собственной его волѣ; о томъ послѣдующихъ императоровъ просили отцы прочихъ вселенскихъ соборовъ. „Просимъ твое благочестіе,—обращались, напр., отцы II-го вселенскаго собора къ императору Ѳеодосію Великому,— утвердить постановленія собора, дабы какъ ты почтилъ Церковь своимъ посланіемъ, которымъ созвалъ насъ; такъ ты же своимъ утвержденіемъ положилъ и конецъ нашимъ совѣщаніямъ“ ([4]). Подобнымъ же образомъ и отцы III-го вселенскаго собора просили императоровъ Ѳеодосія и Валентиніана объ утвержденіи своихъ опредѣленій. „Просимъ ваше величество, писали отцы, со-

([1]) Сокр. 1. гл. 8, стр. 41; см. гл. 9; стр. 50—63. Созом. 1, гл. 20.
([2]) Сокр. Церк. Ист. стр. 39, 49.
([3]) Ibid. стр. 53, 54; см. Созом. 1. 21, стр. 71.
([4]) Дѣян. всел. соб. т. I, стр. 264, по русс. перев.

бравшіеся въ Ефесѣ съ Кирилломъ Александрійскимъ, не считать соборомъ сборище людей, виновныхъ въ преступленіяхъ... Но, да повелитъ ваше величество, чтобы постановленное вселенскимъ и святымъ соборомъ въ утвержденіе благочестія противъ Несторія и его нечестиваго ученія возъимѣло свою силу, бывъ подтверждено согласіемъ и одобреніемъ вашего благочестія" (¹). „Просимъ ваше величество, писали и епископы, державшіе сторону Іоанна Антіохійскаго, не оставить безъ вниманія попираемые церковные законы, но, сколько возможно, скорѣе спасти обуреваемую вѣру и помочь намъ, преслѣдуемымъ кознями... Ибо невозможно, по нашему мнѣнію, чтобы составленное опредѣленіе утверждено было законнымъ порядкомъ, безъ воли вашего величества" (²). Отцы халкидонскаго IV вселенскаго собора, въ своемъ посланіи къ Валентиніану и Маркіану, писали: „Вы употребили всѣ средства, чтобы уничтожить случившееся разногласіе и укрѣпить ученіе отеческой вѣры. А мы, размышляя и отыскивая причину бури, поднявшейся во вселенной, нашли, что виновникъ этого дѣла — Діоскоръ, бывшій епископъ александрійскій... О чемъ истинно доносимъ вашей благочестивой власти, чтобы вы разсмотрѣли и его преступность, и чистоту справедливаго приговора, произнесеннаго надъ нимъ, какъ бы предъ лицомъ Божіимъ. Мы увѣрены, что и вы, благочестивѣйшіе и христіаннѣйшіе императоры, согласитесь съ нами: мы знаемъ, какой страхъ внушаетъ злымъ ваша почтенная власть и какую заботливость вы оказываете о церковномъ мирѣ, будучи

(¹) Указывается на первую просьбу, въ которой тѣ же отцы умоляли императоровъ „истребить въ церквахъ все ученіе Несторія и его книги предать огню". Дѣян. всел. соб. т. I, стр. 622, 727—826.

(²) Ibid. стр. 779—780.

научены опытомъ" (1). Тѣ же отцы и въ своей рѣчи къ императору Маркіану говорятъ: „вы, христолюбивые и достойные свыше дарованнаго вамъ царства, воздайте Благодѣтелю вѣрою и докажите благодарность за честь попеченіемъ объ исповѣданіи, стремленія злыхъ обуздывая, а всѣхъ (подвижниковъ) благочестиваго исповѣданія вознаграждая согласіемъ, подтвердивъ при собранномъ вами соборѣ ученіе благочестивыхъ догматовъ" (2). Отцы VI вселенскаго собора, въ своей рѣчи къ императору Константину Погонату, просятъ его утвердить соборныя опредѣленія—какъ собственноручною его подписью и печатію, такъ и царскими эдиктами. „Ты, государь боголюбивый и праволюбивый, говорили они, Даровавшаго тебѣ державу возблагодари за таковое благоволеніе: приложи къ опредѣленіямъ нашимъ печать, скрѣпи ихъ подписомъ своимъ царскимъ и утверди священными своими эдиктами и благочестивыми обычными распоряженіями, такъ чтобы никто послѣ этаго не прекословилъ постановленному и не входилъ въ новыя розысканія" (3). То же самое отцы собора повторили императору и на словахъ: „Просимъ государь... какъ просили и въ возваніи, представленномъ вашему благочестивому царскому величеству, чтобы подписанное нами опредѣленіе, которое сейчасъ было прочитано предъ богомудрымъ вашимъ смиреніемъ, скрѣпили и вы священнымъ своимъ подписомъ" (4). Отцы трульскаго собора, согласно съ отцами II вселенскаго собора, и подлинными ихъ словами, просили о томъ же императора Юстиніана II: „Просимъ, говорили они, твое благочестіе,

(1) Ibid. т. III, стр. 666, 668—669.
(2) Дѣян. всел. соб. т. IV, стр. 392.
(3) Labb. VI, 1055.
(4) Ibid. 1070.

чтобы какъ ты почтилъ Церковь пригласительными посланіями: такъ точно запечатлѣлъ своимъ подписомъ и конецъ нашихъ разсужденій" (1). На II никейскомъ, седьмомъ и послѣднемъ вселенскомъ соборѣ, когда, по требованію присутствовавшихъ на немъ, императрицы Ирины и сына ея Константина, было прочитано соборное опредѣленіе, и когда весь соборъ, какъ бы едиными устами одобрилъ это опредѣленіе; тогда предсѣдатель собора, патріархъ Тарасій, поднесъ императрицѣ и ея сыну прочитанный свитокъ и отъ имени собора просилъ ихъ скрѣпить и утвердить соборныя постановленія благочестивыми ихъ подписями (2). Только въ актахъ V вселенскаго собора мы не находимъ ни письменнаго посланія, ни устнаго обращенія отцовъ собора къ императору съ просьбою объ утвержденіи ихъ опредѣленій. Историки также не говорятъ, чтобы дѣянія этого собора были утверждены императоромъ. Но это исключительное обстоятельство удобно объясняется тѣми соображеніями, что ученіе Оригена и три главы, бывшіе предметомъ разсужденія на V вселенскомъ соборѣ, императоръ Юстиніанъ осудилъ еще прежде, и самъ же обнародовалъ во всемъ своемъ государствѣ составленныя на этомъ соборѣ опредѣленія (3).

Было бы крайнею, съ нашей стороны, неправдою и вмѣстѣ признакомъ узкаго пониманія настоящаго предмета то, если бы мы осмѣлились здѣсь сказать, что вселенскіе соборы и ихъ отцы, обращаясь съ своими просьбами къ императорамъ объ утвержденіи ихъ дѣяній, тѣмъ самымъ измѣняли авторитету церкви, дѣйство-

(1) Labb. VI, 11, 35.
(2) Labb. VII, 593.
(3) Hist. Ecclesiast. Fleur. VI, t. VII, 598, 645, 756.

вали противно началамъ ея самостоятельности и свойствамъ ея духовнаго характера. Подобная мысль, если и высказывается нѣкоторыми, то, безъ сомнѣнія, не серьёзнымъ образомъ и въ забвеніи той очевидной истины, что Христова Церковь и всѣ ея установленія— не идеи и законъ, существующіе только въ одномъ представленіи и для представленія; а сила и фактъ, назначенные для существованія и дѣятельности въ исторіи, для обновленія міра, для исправленія человѣка, для борьбы съ его грѣхомъ и порожденіями послѣдняго. Поэтому участіе государственной власти въ устроеніи церкви на землѣ и въ обществахъ людей на столько бываетъ неизбѣжно, на сколько необходимо для каждаго человѣка, ставшаго сыномъ церкви, быть ревнителемъ ея вѣры, охранителемъ ея истины, поборникомъ за ея уставы, врагомъ ея враговъ. Но эта власть, какъ совершенно самостоятельная въ ея кругѣ предметовъ, кромѣ того не лишена и печальной возможности противодѣйствовать распоряженіемъ церкви, вліять на своихъ подданныхъ во вредъ благу и спокойствію послѣдней. Поэтому, само собою становится понятнымъ для насъ то желаніе, чтобы было дано согласіе власти на распоряженія церкви, чтобы она открыто признала ихъ важность, ненарушимость и обязательность. Тѣмъ болѣе сіе желательно, что для справы съ человѣческимъ упорствомъ и ожесточеніемъ иногда оказываются недостаточными: внушенія, угрозы и наказанія одного нравственнаго авторитета церкви, а бываютъ необходимы самыя дѣйственныя мѣры внѣшней силы и власти. Вселенскіе соборы и ихъ отцы, когда обращались къ императорамъ съ просьбою объ утвержденіи ихъ опредѣленій, то этимъ самымъ они высказы-

вали свое желаніе и надежду, что составленныя ими опредѣленія не только не останутся не обязательными для членовъ общества, но и удостоятся защиты и огражденія отъ его власти въ случаѣ нападеній на нихъ со стороны упорства и нераскаянности виновныхъ. Желаніе вполнѣ святое и надежда спасительная! Можно бы было пожалуй говорить противъ сего явленія въ томъ случаѣ, еслибы самыя просьбы отцовъ къ императорамъ клонились къ утвержденію ими догматическаго т. е. церковнаго смысла соборныхъ опредѣленій, а не къ заявленію императорами только согласія на признаніе ихъ внѣшней силы и обязательности. Но отцы, какъ показываютъ самыя ихъ просьбы, обращались къ императорамъ потому, что признавали за ними права верховныхъ охранителей мира церкви, что считали ихъ главными послѣ себя споспѣшниками ея благоустройства, что видѣли въ нихъ единственныхъ законодателей внѣшне обязательныхъ законовъ. Отцы обращались къ императорамъ съ своими просьбами съ тою цѣлью, чтобы утвержденіемъ ихъ власти была ограждена ненарушимость соборныхъ опредѣленій, спасена ихъ внутренняя святость. „Невозможно, по нашему мнѣнію, выражались отцы ефесскаго собора въ посланіи къ императорамъ, чтобы составленное опредѣленіе было утверждено законнымъ порядкомъ безъ воли вашего величества" (¹). „Мы знаемъ, какой страхъ внушаетъ злымъ ваша почтенная власть, писали и отцы IV собора, и какую заботливость вы оказываете о церковномъ мирѣ, будучи научены опытомъ. Посему и молимъ Бога всѣхъ сохранить на долго вашу власть, которая обычно покровительствуетъ благочестію, царствуетъ надъ вселен-

(¹) Дѣян. всел. соб. т. I, стр. 780

ною мирно, судитъ каждаго подданнаго справедливо, покаряетъ поднятыя руки враговъ и заставляетъ повиноваться внѣшнимъ скипетрамъ (1).

Заявленныя императорамъ отъ отцовъ соборовъ просьбы объ утвержденіи ихъ опредѣленій, не оставались безъ исполненія. Свои утвержденія соборныхъ опредѣленій по этимъ просьбамъ императоры выражали: или собственноручнымъ подписомъ соборныхъ актовъ, или особо изданными по сему предмету эдиктами, или дѣйствительными распоряженіями, вполнѣ согласовавшимися съ соборными опредѣленіями, или, наконецъ, всѣмъ этимъ вмѣстѣ. Различіе этихъ способовъ не ослабляло одинаковой сущности предмета. Константинъ Великій не только призналъ дѣянія никейскаго собора, но и оградилъ ненарушимость ихъ особыми указами (2). Соизволяя на просьбу отцовъ, и императоръ Θеодосій великій также утвердилъ опредѣленія II го вселенскаго собора своимъ одобреніемъ, какъ выражается историкъ Созоменъ: „царь утвердилъ ихъ и далъ законъ" (3). Въ этомъ законѣ объявлялось, чтобы тѣ, кои несогласны съ соборомъ никейскимъ и константинопольскимъ, не только были лишаемы церковныхъ званій, но и изгоняемы изъ церквей, изъ городовъ и изъ всякаго общества (4). Согласно съ Константиномъ и Θеодосіемъ поступилъ и императоръ Константинъ Пагонатъ. Онъ, кромѣ собственноручной подписи соборныхъ актовъ послѣ всѣхъ отцовъ „мы Константинъ, царь во Христѣ Богѣ (5) и самодержецъ римскій, прочли и согласились",

(1) Ibid. т. III, стр. 669.

(2) Сокр. Церк. Ист. 1, 8, 9. Созом. 1, 20; см. Дѣян. всел. собор. т. 1, стр. 176—185.

(3) Созом. VII, 9, стр. 490. Сокр. V, 8, стр. 399.

(4) Cod. Theod. lib. XVI, tit I, lex 3. tit 5, l. 6, 14.

(5) Labb. VII. 1043.

далъ особый эдиктъ, въ которомъ, анаѳематствуя съ своей стороны еретиковъ, отлученныхъ отъ церкви прежними соборами и особенно соборомъ VI, строго предписываетъ и трогательно убѣждаетъ своихъ подданныхъ слѣдовать соборному опредѣленію: „потому что это догматы истинной вѣры въ Бога, это проповѣдь апостоловъ, евангелистовъ, это ученіе соборовъ и св. отцовъ“. Въ томъ же эдиктѣ повелѣвалось: „чтобы никто отнюдь не изобрѣталъ чего либо новаго въ разсужденіи вѣры и не выдумывалъ особенныхъ догматовъ, а главнымъ образомъ не разглашалъ и не пускалъ снова въ ходъ ученія объ одной волѣ и одномъ дѣйствіи во Іис. Христѣ. Но если кто, изъ угожденія людямъ, пренебрежетъ любовію къ Богу и станетъ пререкать настоящему указу; то тотъ, будетъ ли онъ епископъ, или клирикъ, или монахъ, лишится сана, будетъ ли гражданскій чиновникъ, накажется отнятіемъ чиновъ и имущества, будетъ ли простолюдинъ, изгонится изъ царства и всякаго города; и за всѣмъ этимъ всѣ они не избѣжатъ наказанія на страшномъ и праведномъ судѣ. (¹) Подъ актами собора трульскаго, который въ православной церкви извѣстенъ подъ именемъ пято-шестаго, встрѣчается слѣдующая подпись императора Юстиніана II: „Флавій Юстиніанъ, вѣрный во Іис. Христѣ Богѣ царь, римскій, согласившись со всѣми опредѣленіями соборными и принимая ихъ (consentiens... et recipiens), подписался“ (²). Подобно сему и императрица Ирина и сынъ ея Константинъ въ присутствіи всего собора также собственноручно подписали дѣянія VII вселенскаго собора (³).

(¹) Labb. VI. 1095. 1098, въ концѣ.
(²) Labb. VI. 1185, въ концѣ.
(³) Labb. VII. 593.

Если мы не находимъ собственноручныхъ подписей другихъ императоровъ подъ актами современныхъ имъ соборовъ: то мы видимъ дѣйствительныя ихъ распоряженія, которыя вполнѣ согласны съ постановленіями этихъ соборъ и съ просьбами отцевъ. Такъ императоръ Ѳеодосій младшій выразилъ свое полнѣйшее согласіе съ опредѣленіями собора Ефесскаго тѣмъ, что, не внимая никакимъ представленіямъ партіи Несторія, сослалъ его въ заточеніе, а епископамъ указалъ рукоположить новаго архипастыря для Константинополя (1). Тотъ же императоръ издалъ и особый эдиктъ противъ Несторія. Этотъ эдиктъ, „переименовывая несторіанъ въ симоніанъ", между прочимъ, узаконялъ: „Никто да не дерзаетъ имѣть у себя, или читать, или переписывать нечестивыя книги непотребнаго и святотатственнаго Несторія противъ святой религіи православныхъ и противъ догматовъ святаго собора епископовъ въ Ефесѣ. Книги эти, собравши со всевозможнымъ тщаніемъ, должно публично предать сожженію... Не должно ни тайно, ни явно давать имъ, для ихъ собраній никакого зданія, ни въ селеніяхъ, ни въ предмѣстіяхъ городскихъ, вообще нигдѣ, потому что мы постановляемъ, что они лишаются всякаго права на собранія. Да вѣдаетъ всякій, что преступникъ настоящаго закона, какъ послѣдователь Несторія, будетъ наказанъ лишеніемъ всего имѣнія" (2). Императоръ Юстиніанъ I, предварительно съ своей стороны осудивъ ученіе Оригена и три главы, бывшія предметомъ разсужденій на пятомъ вселенскомъ соборѣ, своимъ царскимъ указомъ, самъ потомъ обнародовалъ во всемъ государствѣ опредѣленія означеннаго собора.

(1) Флери. Церк. Ист. VI. 209. 215. 217. Labb. III. 1057.
(2) Дѣян. всел. соб. т. II, стр. 487, 488; сн. стр. 492—494.

Тотъ же императоръ, особою своею новеллою отъ 553 года, торжественно утвердилъ государственную важность всѣхъ соборовъ, бывшихъ до него. „Постановляемъ, гласила новелла, чтобы силу законовъ имѣли всѣ церковныя правила, изложенныя или утвержденныя на соборахъ: Никейскомъ, Константинопольскомъ, Ефесскомъ и Халкидонскомъ. Ибо догматы этихъ соборовъ мы принимаемъ, какъ слово Божіе, а правила ихъ сохраняемъ, какъ законы" (1).

Утверждая соборныя опредѣленія собственноручными подписями, особыми указами и дѣйствительными распоряженіями, императоры тѣмъ самымъ не только выражали свое личное согласіе на принятіе этихъ опредѣленій отъ власти церкви; но, принимая ихъ, они сообщали имъ и значеніе положительныхъ законовъ, обязательныхъ для всего государства. Такимъ утвержденіемъ, сверхъ духовнаго авторитета, который принадлежалъ соборнымъ опредѣленіямъ по самому ихъ происхожденію и существу, императоры усвояли имъ внѣшнюю обязательность, которая должна была сопровождаться и свидѣтельствоваться дѣйствительнымъ примѣненіемъ ихъ въ жизни гражданскаго общества (2). Въ этомъ случаѣ христіанскіе государи, какъ первородные и вмѣстѣ покорные сыны церкви, сами соглашались на несомнѣнно истинныя и спасительныя опредѣленія соборовъ, а какъ представители правъ народа, какъ стражи его нравственныхъ выгодъ, они ручались предъ церковію за всѣхъ своихъ подданныхъ въ томъ, что ея постановленія и законы, какъ священные и святые, не будутъ

(1) Cod. Just. Nov. 153.

(2) Правос. Собѣс. 1858 г. февраль, 201—202. Дух. Вѣстн. 1862 г. февраль, стр. 230—231.

унижены и оскорблены своеволіемъ и буйствомъ народнаго произвола, что они сдѣлаются руководительнымъ началомъ жизни и дѣятельности всѣхъ членовъ государства. Мы, дѣйствительно, имѣемъ полное право смотрѣть на императорскія подписи и утвержденія соборныхъ опредѣленій, какъ на заявленіе принятія этихъ опредѣленій и послушанія имъ всего состава членовъ гражданскаго общества, всего союза лицъ церковнаго народа. Смотрѣть такъ заставляетъ насъ самое понятіе о правахъ и власти государя, если разсуждать объ нихъ сравнительно съ правами и властію подданнаго ему народа; смотрѣть такъ побуждаетъ насъ и тотъ взаимный союзъ, который существуетъ между императоромъ и его народомъ. Въ самомъ дѣлѣ, общество и монархъ, народъ и его императоръ находятся между собою въ такомъ взаимномъ соотношеніи, что самодержавный монархъ, по всеобъемлемости усвоенныхъ ему правъ, по неограниченности принадлежащей ему власти, имѣетъ все полномочіе мыслить, говорить и дѣйствовать—какъ за все подчиненное ему общество, такъ и за каждаго члена его въ частности, въ видахъ и матеріальнаго и нравственнаго благоденствія всего народа. Кажется въ такомъ, а не другомъ общемъ воззрѣніи на взаимныя отношенія народа къ его правителю и на оборотъ скрываются основа и сущность тѣхъ коренныхъ началъ, на которыхъ утверждаются строй и порядокъ человѣческихъ обществъ, управляемыхъ законами самодержавной власти. Самодержавный правитель, глава подданнаго ему народа въ дѣлахъ гражданскаго управленія, по тому же праву можетъ быть представителемъ своего народа и въ дѣлахъ церковныхъ. Если каждый народъ не только имѣетъ право, а и обязанъ наблюдать,

чтобы распоряженія пастырей церкви и постановленія ея соборовъ приводились въ исполненіе и принимались общимъ согласіемъ его членовъ: то слѣдовательно можетъ исполнять это право и обязанность за народъ и его верховный помазанникъ. Если народъ имѣетъ право и даже обязанъ заботиться о благоденствіи церкви и отстаивать чистоту вѣры отъ всякаго непріязненнаго нападенія на нее: то слѣдовательно и его монархъ можетъ быть защитникомъ церкви и охранителемъ ея вѣры. Дѣйствуя и въ этихъ случаяхъ отъ своего имени, монархъ дѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ лица подданнаго ему народа (¹). А посему, утверждая опредѣленія вселенскихъ соборовъ своими подписями, указами и распоряженіями, государи чрезъ то самое дѣлали ихъ общимъ достояніемъ всего своего народа, напередъ объявляли врагами государства и общества тѣхъ, которые захотѣли бы противиться уставамъ и законоположеніямъ церкви.

Такимъ образомъ государственная власть, принимавшая самое живое участіе и въ созваніи вселенскихъ соборовъ, и въ ихъ производствѣ, и въ утвержденіи самыхъ опредѣленій ихъ, дѣйствовала въ этихъ случаяхъ, какъ внѣшняя вспомогательная, охранительная и законодательная сила. Гдѣ оканчивалось видимое участіе этой силы, тамъ открывалась область свободнаго дѣйствованія правъ высокаго авторитета самой церкви. Съ точки зрѣнія и по правамъ именно этого авторитета нами должна быть понята и каноническая важность вселенскихъ соборовъ.

Вселенскіе соборы, какъ высшіе и вмѣстѣ непогрѣ-

(¹) Развитіемъ этихъ общихъ мыслей покойный Хомяковъ защищается противъ обвиненія г. Лоренси, будто православная церковь признаетъ надъ собою главенство свѣтской власти. Богосл. сочинен. Прага. 1867 г., стр. 33—37.

шимые органы благоустройства нуждъ и управленія дѣлами всей каѳолической церкви, пользовались и располагали особыми правами принадлежащей имъ власти. Чтобы не говорить много объ этой власти, мы вообще замѣтимъ, что каноническая важность вселенскихъ соборовъ совершенно равносильна авторитету самой каѳолической церкви, яснѣе—тому полномочію, которымъ былъ облеченъ нашъ божественный Спаситель и Господь какъ непосредственный посланникъ и единородный Сынъ Бога Отца, совершившій на землѣ Его высочайшую волю, при содѣйствіи Св. Духа. Потому что въ авторитетѣ церкви, какъ тѣлѣ І. Христа, какъ органѣ Св. Духа, необходимо мыслить все то, что имѣлъ въ себѣ Самъ І. Христосъ,—какъ царь, ему же Отецъ *покори всяческая*,—какъ первосвященникъ съ своею кровію прошедшій небеса (Евр. IV. 14),—какъ Учитель, сказавшій людямъ волю Божію. Ограждаясь такимъ всеобъемлющимъ авторитетомъ, Христова церковь самостоятельно дѣйствуетъ въ указанномъ ей дѣлѣ спасенія всего міра, сохраняетъ неоскудѣваемый свѣтъ Христова ученія для всѣхъ народовъ и поколѣній человѣчества, оберегаетъ свое существованіе во всѣ времена, торжествуетъ всюду надъ страстями человѣческими. Но тотъ же всеобъемлющій авторитетъ Христовой церкви сполна и весь дѣйствовалъ и во вселенскихъ соборахъ, какъ высшихъ органахъ власти, представлявшихъ собою всю церковь. Вотъ раздѣльныя права этого авторитета, какъ они являются наблюденію въ самыхъ актахъ и опредѣленіяхъ соборовъ.

Вселенскіе соборы, дѣйствуя отъ лица всей каѳолической церкви, имѣли право опредѣлять по разуму слова Божія и въ духѣ всегдашняго преданія церкви

догматы ея вѣры и постановлять правила нравственнаго поведенія членовъ церковнаго общества. Соборы излагали свои догматы, по нуждамъ времени, какъ въ формѣ полныхъ символовъ: напр. Никеоцареградскій символъ, такъ и въ видѣ частныхъ опредѣленій (ὅρος): напр. догматы Халкидонскаго собора о двухъ естествахъ во единомъ лицѣ Господа нашего І. Христа; догматъ VI собора о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ въ томъ же І. Христѣ и догматъ VII собора объ иконопочитаніи (1). Соборы постановляли и правила нравственнаго поведенія въ формѣ церковныхъ правилъ и законовъ (κάνών), опредѣлявшихъ жизнь и поведеніе людей, какъ членовъ церковнаго общества, имѣющаго свое особое устройство и свои отдѣльные уставы. Какъ тѣ догматы, такъ и эти правила имѣли всю обязательную ихъ силу для всѣхъ членовъ церкви. Такимъ правомъ вселенскихъ соборовъ только отчасти пользовались соборы помѣстные: потому что разсужденія этихъ соборовъ о подобныхъ предметахъ не могли имѣть общеобязательнаго значенія, пока они снова не были разсмотрѣны и утверждены соборами вселенскими (2).

Вселенскіе соборы, представляя въ своемъ составѣ всю церковь, имѣли право провѣрять, изслѣдовать и утверждать самое преданіе церкви, отдѣляя въ немъ истину отъ примѣшавшейся лжи. На основаніи этого права VI-й вселенскій соборъ отвергъ каноническую важность такъ называемыхъ, апостольскихъ постанов-

(1) См. въ книгѣ правилъ, стр. 1 и слѣд.

(2) Изъ исторіи извѣстно, что такой вопросъ, какъ споръ о времени празднованія Пасхи, не могъ быть рѣшенъ окончательно до вселенскаго собора. Евсев. Церк. Ист. стр. 237. О жизни Констант. стр. 169, 177, 183; сн. Сокр. Церк. Ист. стр. 31, 49 и др. См. еще Книг. прав. VI. 2. III. 7. Коре. 1.

леній (διατάξεις τῶν αποςόλων), усмотрѣвъ въ нихъ „нѣчто подложное и чуждое благочестія, и помрачившее благолѣпную красоту божественнаго ученія“ (VI. 2).

Вселенскіе соборы, представляя собою органы для повѣрки всѣхъ явленій, возникающихъ въ церкви, пользовались правомъ обсуживать и окончательно отвергать всякое ученіе, вновь являвшееся въ церкви, противное ея преданію. Извѣстно, что именно это право вселенскихъ соборовъ со всею силою дѣйствовало въ судѣ надъ бывшими въ церкви Христовой ересями. Такъ 1-й соборъ осудилъ нечестивое ученіе Арія, отвергавшаго единосущіе и равночестность Сына Божія съ Богомъ Отцемъ (¹). II-й соборъ осудилъ Македонія, неправо мыслившаго о Св. Духѣ, и отвергъ лжеученія Аполлинарія, утверждавшаго, будто Господь нашъ І. Христосъ принялъ человѣческое тѣло безъ души и ума (²). III-й низложилъ Несторія, раздѣлявшаго естества во І. Христѣ (³). IV-й анаѳематствовалъ заблужденіе Евтихія, сливавшаго тѣже естества. V-й соборъ осудилъ Ѳеодора Мопсуэтскаго, бывшаго учителемъ Несторія, отвергъ мнѣніе Оригена, Дидима, Евагрія о переселеніи и превращеніи человѣческихъ душъ, мнѣнія Ѳеодорита Киррскаго, противныя правой вѣрѣ и письмо Ивы къ Марію Персу (⁴). VI-й отвергъ заблужденія моноѳелитовъ (⁵). VII-й осудилъ лжеученіе иконоборцевъ (⁶).

Вселенскимъ соборамъ, какъ главнымъ представителямъ власти и авторитета церкви, принадлежало право

(¹) VI, 1, III, 7; сн. Сокр. Церк. Истор. стр. 39,
(²) VI, 2.
(³) Ibid.
(⁴) Ibid.
(⁵) См. догм. сего собора и правила его.
(⁶) См. догм. и прав. сего собора.

устанавливать и опредѣлять общій для всей вселенской церкви и частный въ помѣстныхъ ея предѣлахъ образъ управленія; вмѣстѣ съ этимъ указывать: расширять или ограничивать самыя преимущества правительственныхъ органовъ въ церкви, опредѣлять надлежащій для нихъ порядокъ въ административномъ отношеніи. Соборы помѣстные обязывались только избирать и поставлять главныхъ и всѣхъ епископовъ области ([2]), и распоряжаться другими менѣе важными дѣлами церковнаго управленія: напр. разбирать несогласія между епископами, ихъ клирами и паствою, оберегать порядокъ и законность въ мѣстномъ управленіи ([3]).

Вселенскимъ соборамъ, какъ облеченнымъ всѣми правами авторитета церкви, принадлежало и право производить верховный судъ во всей церкви: разбирать несогласія предстоятелей знатнѣйшихъ церквей и изрекать судъ надъ цѣлыми помѣстными церквами. Первое ясно само собою; для доказательства послѣдняго сошлемся на нѣкоторыя указанія. Такъ VI-й вселенскій соборъ 32-мъ своимъ правиломъ осудилъ въ армянской церкви употребленіе вина безъ смѣшенія съ водою въ таинствѣ евхаристіи; 33-мъ—поставленіе въ церковныя степени лицъ только духовнаго званія (ἐκ γένȣς ἱερατικοῦ); тотъ же соборъ 55-мъ правиломъ осудилъ въ римской церкви употребленіе поста въ субботу; 81-мъ отвергъ допущенное въ нѣкоторыхъ церквахъ прибавленіе къ пѣсни: Святый Боже—словъ „распныйся за ны" и проч. ([4]).

Тѣмъ же вселенскимъ соборамъ, какъ главнымъ

([1]) I, 6. 7. II, 2. 3. III, 8. IV, 12. 17. 28. VII, 36. 39 и др.
([2]) I, 4. IV, 2. VII, 3. Ант. 19. 23. Лаод. 12 Сард. 6 и др.
([3]) I, 5. II, 2. IV, 17. VI. 25 и др.
([4]) См. Прав. 12. 13. 16. 29. 1. 18. 20. III, 8.

органомъ законодательной власти церкви, принадлежало право вновь разсматривать, обсуждать и окончательно утверждать для всеобщаго соблюденія, или отмѣнять, съ уничтоженіемъ даже мѣстнаго значенія, постановленія всѣхъ другихъ частныхъ соборовъ. Такъ VI-й и VII-й вселенскіе соборы особыми своими правилами утверждали и внесли въ общій канонъ церковныхъ правилъ постановленія бывшихъ до нихъ помѣстныхъ соборовъ. Но вселенскіе соборы и отмѣняли частныя постановленія помѣстныхъ соборовъ, которыя не согласовались съ истиннымъ преданіемъ церкви. Такъ Трульскій соборъ, VI-й вселенскій, 16-мъ своимъ правиломъ отвергъ постановленіе Неокесарійскаго собора относительно седьмиричнаго числа діаконовъ (¹); 29-мъ—определеніе Кареагенскаго собора, которымъ дозволялось по употребленіи пищи совершать литургію въ великій четвергъ (²).

Словомъ, вселенскіе соборы предписывали законы и правила для всей церкви, касавшіяся ея ученія и вѣры, устройства и дисциплины, своими опредѣленіями насаждали и утверждали внѣшній и внутренній порядокъ существованія церкви, своею дѣятельностію образовывали и сохраняли союзъ всѣхъ церквей обширнѣйшаго вселенскаго тѣла. Вселенскіе соборы выразили въ своихъ опредѣленіяхъ и утвердили на всѣ послѣдующія времена чистѣйшее, изначальное преданіе церкви, раскрыли и изложили догматы вѣры, постановили священнослужебныя, благочинныя, судныя и покаянныя правила для жизни церкви, произнесли судъ надъ неправомыслившими обществами и лицами, возмущавшими миръ вселенской церкви, оградили какъ исповѣданіе

(¹) Неокес. пр. 15.

(²) Кареа. 50. Опыт. Курс. Церк. Зак. т. II, стр. 389—390.

вѣры, такъ и самую жизнь церкви отъ нововведеній, противныхъ преданію (1).

Соображая все сіе, нельзя не согласиться, что подъ управленіемъ вселенскихъ соборовъ и во время ихъ дѣятельности, вселенская церковь наслаждалась совершеннѣйшею полнотою ея жизни, обладала совершеннѣйшею истиною христіанскаго ученія. Общеизвѣстные историческіе факты открываютъ, что церковь въ то время явилась обществомъ, твердо и стройно организованнымъ для собственныхъ, указанныхъ ей, цѣлей, обнаружила весь авторитетъ правъ, предоставленныхъ ей Самимъ ея Основателемъ. И нужно сказать, что, несмотря на непродолжительность эпохи вселенскихъ соборовъ (2), Церковь успѣла развить на практикѣ и выразить въ положительныхъ правилахъ составъ и образъ своего управленія, характеръ и сущность тѣхъ началъ, на которыхъ должно было утверждаться ея историческое существованіе. Съ одной стороны она успѣла представить идеалъ церкви апостольской,—полный внутренней свѣжести, но не совсѣмъ еще опредѣлившійся по внѣшнему очертанію,—въ наглядномъ и законченномъ образѣ видимой организаціи; съ другой—она успѣла достигнуть, примѣнительно къ будущему времени, той степени благоустройства, чтобы служить удовлетворительнымъ образомъ для церкви временъ послѣдующихъ (3).

---

(1) См. Дѣян. всел. соб. т. I, предисловіе.

(2) Она продолжалась отъ первой половины IV вѣка (т. е. 325) до послѣдней четверти VIII вѣка (т. е. 787 г.).

(3) Въ видимой организаціи церкви, начавшейся послѣ апостоловъ и завершенной дѣятельностію соборовъ вообще и вселенскихъ въ особенности, — въ этой организаціи, мы хотимъ замѣтить, протестантскіе историки и богословы обыкновенно видятъ наглядное и осязательное, историческое доказательство той, излюбленной ими, мысли, будто Христова Церковь послѣ временъ апостольскихъ и особенно послѣ союза

Но вселенскіе соборы — какъ всѣ вмѣстѣ, такъ и каждый изъ нихъ въ частности—не задавались тѣми мыслями и не имѣли своею цѣлію опредѣлить весь составъ догматовъ вѣры, начертать всѣ правила церковнаго благоустройства, обнять своими распоряженіями все время существованія церкви, т. е. вселенскіе соборы не сказали того, что для власти церкви не будетъ болѣе нужды въ той бдительности, которою подвигались сами означенные соборы, что въ существованіи церкви уже не откроется болѣе обстоятельствъ и вопросовъ, способныхъ

ея съ государствами, утратила свое первобытное устройство, уклонилась отъ подлинныхъ началъ своего существованія; ея чистый, евангельскій идеалъ омрачился темнымъ, безнужнымъ формализмомъ въ обрядахъ и іерархизмомъ въ самомъ управленіи, которые не только напоминаютъ собою ветхозавѣтное іудейство, а и служатъ дѣйствительнымъ сколкомъ съ его установленій, подражаніемъ его церкви. Эта мысль представлявтъ общее убѣжденіе протестанской науки. Доказывая благоплодность эпохи и дѣятельности вселенскихъ соборовъ—для церкви тѣмъ, что они содѣйствовали ея внѣшнему устройству и видимой организаціи, мы по необходимости должны досказать, что это устройство и организація были не слѣдствіемъ привнесенія въ церковь какихъ либо чуждыхъ ей началъ, а плодомъ естественнаго, какъ говорятъ, жизненнаго развитія организма церкви, было обнаруженіемъ того, что какъ зачатокъ, какъ зерно уже имѣлось въ организмѣ церкви, бывъ положено въ нее ея божественнымъ Основателемъ. Внѣшнее устройство и видимая организація церкви развились сами собою, какъ принадлежности дѣйствительнаго учрежденія, назначеннаго жить въ исторіи и подъ непосредственнымъ вліяніямъ ея обстоятельствъ. Мы охотно соглашаемся съ тѣмъ, что церковь апостольскаго времени должна служить образцомъ (идеаломъ) божественнаго на землѣ учрежденія, что надлежащимъ соотвѣтствіемъ и вѣрностію этому образцу должны свидѣтельствоваться правда и истина церкви всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Но мы, любя историческую истину, вынуждаемся замѣтить, что въ апостольской церкви, какъ идеалѣ святости, чистоты и неповрежденности божественнаго ученія, не было и не могло быть тѣхъ внѣшнихъ формъ порядка и жизни, которыя необходимы для всякаго общества, назначеннаго имѣть опредѣленное историческое существованіе и жить для опредѣленныхъ дѣйствительныхъ цѣлей. Апостольская церковь только что вступала на чреду той великой исторической миссіи, для которой вообще и были основаны

занять собою вниманіе всего ея общества. И мы вѣруемъ и несомнѣнно убѣждены, что Церковь, какъ тѣло Іисуса Христа, какъ органъ божественнаго Духа, всегда и вездѣ должна имѣть одинаковую силу и неоскудѣваемыя права своего высокаго, божественнаго полномочія. Мы также видимъ изъ исторіи и то, что Церковь, какъ общество людей, живущихъ въ исторіи, во всякое время болѣе или менѣе занята удовлетвореніемъ новыхъ и новыхъ нуждъ, разрѣшеніемъ другихъ и другихъ вопросовъ, которые возникаютъ по указанію потребностей жизни и въ согласіи съ религіознымъ настроеніемъ об-

---

Христова Церковь. А потому въ ней имѣлись только основаніе и закладка этой церкви, а не все ея устройство и организація; подобно тому, какъ въ обыкновенныхъ, человѣческихъ обществахъ на первыхъ порахъ ихъ существованія бываетъ незамѣтно вполнѣ сложившихся формъ общественной жизни, а завязываются только узлы взаимныхъ отношеній. Тѣмъ болѣе, что церковь—тоже общество, котораго члены—тѣже люди съ прирожденнымъ имъ закономъ постепеннаго и послѣдовательнаго развитія, съ неотдѣлимыми отъ нихъ внѣшними формами быта и существованія. Требованія этого закона, дѣйствіе этихъ формъ очевидно совершенно умѣстны и необходимы и при усвоеніи себѣ людьми божественнаго ученія церкви, при пользованіи ими ея духовною благодатію. Положимъ, что люди, какъ непосредственные члены церкви, могутъ привносить въ исторію ея развитія и нѣчто несродное, даже противное ея цѣлямъ: но они не въ силахъ исказить внутренняго плана церкви, какъ божественнаго зданія, коснуться ея духовной сущности. Какъ божественное учрежденіе, церковь утверждается на непреложныхъ основаніяхъ и предназначена въ ея историческомъ развитіи управляться безконечною, божественною силою. А потому она, нисколько неуклоняясь отъ своихъ началъ, могла и можетъ жить и не отдѣляться отъ исторіи человѣчества, могла и можетъ развиваться и вмѣстѣ совершенствовать требованія человѣческаго рода. Исторія открываетъ, что заблужденія людей заражали только нѣкоторыя части организма церкви и отторгали ихъ отъ его единства и жизни. И мы сами убѣждаемся, что живучесть различныхъ христіанскихъ обществъ всего лучше можно объяснить тѣмъ, что въ каждомъ изъ нихъ живетъ и развивается какая-либо истинная идея христіанства, видится какая нибудь связь съ христіанствомъ и церковію вѣка апостольскаго. Эта идея и эта связь—какъ ни говорятъ намъ объ истинѣ и правотѣ тѣхъ обществъ,—такъ и не-

щества. Слѣдовательно и послѣ бывшихъ семи вселенскихъ соборовъ у церкви нисколько не ослабѣлъ авторитетъ ея божественнаго полномочія, а съ нимъ значитъ уцѣлѣла и вся возможность образованія новаго вселенскаго собора; у церкви также могутъ возникать и новые важные вопросы и особенныя нужды, а вмѣстѣ съ ними развиваться и потребность созванія вселенскаго собора. Почему мы снова здѣсь повторяемъ вначалѣ предложенный нами вопросъ: на сколько на самомъ дѣлѣ основательны и несомнѣнны надежды православныхъ созвать и образовать вселенскій соборъ, подоб-

---

обязываютъ самыхъ ихъ членовъ навсегда оставаться при подобномъ положеніи дѣла; но тѣмъ не менѣе они показываютъ, что недостаточно человѣческихъ силъ къ совершенному отверженію всякой идеи христіанства, къ уничтоженію всякаго облика церкви. Обыкновенно апостольская церковь выставляется завѣтнымъ идеаломъ, къ осуществленію котораго въ своихъ учрежденіяхъ и порядкахъ стремится всякое христіанское общество. Но нужно-ли говорить, что тотъ идеалъ, по причинѣ своей отдаленности и неопредѣленности, недоступенъ и неуловимъ вполнѣ для нашего времени въ его духовности и простотѣ? Нужно ли добавлять, что, вслѣдствіе этого, подъ знаменемъ апостольскаго, можно или ввести въ церковь совершенно не апостольское, или назвать дѣйствительно апостольское изобрѣтеніемъ обстоятельствъ исторіи и людскихъ страстей? Нужно ли заключать, что какъ незаконно, такъ сказать, зачеркивая всю исторію церкви, какъ безсмысленный агрегатъ заблужденій, обращать свои взоры только къ вѣку апостольскому и только тамъ предполагать истину и присутствіе Духа? Не правильнѣе ли будетъ сказать, что идеалъ апостольской церкви, ясный по его внутреннему содержанію, не былъ достаточно опредѣленъ со стороны его внѣшняго выраженія, примѣнительно къ позднѣйшимъ требованіямъ исторіи? А потому ограничивать весь періодъ существованія истинной церкви только вѣкомъ апостольскимъ—несправедливо и очевидно произвольно. А потому историческая жизнь церкви въ эпоху времени вселенскихъ соборовъ, ея устройство и организація дѣятельностію этихъ соборовъ должны служить необходимымъ посредствующимъ терминомъ для вѣрнаго заключенія о православіи современной церкви восточной, каѳоличествѣ церкви западной-римской, а также правдѣ и истинѣ обществъ протестанскихъ. А потому самая эпоха соборовъ совершенно законно признается классическою и образцовою эпохою существованія Христовой Церкви.

ный древнимъ того же имени; сколько незаконнаго произвола въ своихъ дѣйствіяхъ допускаетъ папство, когда оно созваніе вселенскаго собора относитъ къ своему собственному усмотрѣнію? Для разъясненія сего вопроса и было предложено нами все предшествовавшее разсужденіе о вселенскихъ соборахъ. Къ посильному рѣшенію этого вопроса мы направимъ и послѣдующія наши замѣчанія.

(Окончаніе будетъ)

Т. Барсовъ.

АРСЕНІЙ,

ПАТРІАРХЪ НИКЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ,

и

АРСЕНИТЫ.

(*Къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкѣ*).

(продолженіе) ([1])

„Отдѣлавшись отъ Германа, царь вмѣстѣ съ архіереями сталъ разсуждать объ избраніи новаго патріарха ([2])“. Болѣе простые и недальновидные изъ членовъ освященнаго собора приняли дѣло серьёзно и начали предлагать то того, то другого кандидата, но болѣе проницательные поняли, что въ умѣ императора этотъ вопросъ рѣшенъ еще до удаленія Германа, и поспѣшили указать своимъ собратьямъ царскаго избранника. И вотъ 28 декабря 1267 года Іосифъ Галесійскій былъ нареченъ патріархомъ, а 1 января 1268 года хиротонисованъ ([3]).

([1]) Смотр. Христіан. Чтеніе за 1867 годъ, іюнь, іюль, августъ и декабрь.

([2]) Пахим. стр. 279.

([3]) Съ какою заботливостью царь и новый патріархъ старались устранить, при выборѣ и рукоположеніи послѣдняго, всѣ поводы къ „со-

Новый патріархъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, въ сущности добрыхъ, но слабыхъ натуръ, которыя съ вѣрностью термометра показываютъ уровень повышенія, или пониженія господствующихъ въ данное время въ обществѣ силъ и вліяній, и которыхъ личная самодѣятельность ограничивается лишь извѣстною степенью подражательности и увертливости. Это—мягкія, податливыя натуры, отчетливо, какъ воскъ, передающія форму всякаго давящаго тѣла. Онѣ, обыкновенно, со всѣми живутъ въ ладу, всѣмъ даютъ право на себя расчитывать, но оправдываютъ лишь ожиданія сильнѣйшихъ. Вѣчно служа пассивнымъ орудіемъ людей и обстоятельствъ, онѣ добиваются своихъ цѣлей посредствомъ интригъ, любятъ окольные пути и полумѣры и, вслѣдствіе этого, попадаютъ изъ одного затрудненія въ другое и кончаютъ тѣмъ, что запутываются и расходятся со всѣми, если не выручитъ ихъ какое нибудь случайное обстоятельство. Нравственный характеръ такихъ натуръ обыкновенно опредѣляется вполнѣ внѣшними вліяніями. Характеръ Іосифа образовался подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ сферъ—придворной и монашеской. Въ ранней молодости онъ былъ чтецомъ въ придворномъ клирѣ императрицы Ирины, первой супруги императора Ни-

благу", видно изъ слѣдующаго факта, разсказаннаго у Пахимера. Право рукополагать константинопольскаго патріарха издавна принадлежало архіепископу Иракліи ѳракійской, на томъ основаніи, что византійская епископія зависѣла первоначально отъ ираклійской митрополіи. Но въ это время каѳедру ираклійскую занималъ нѣкто Пинака, получившій хиротонію изъ рукъ Германа. Не желая подать повода отвергать законность своего рукоположенія, Іосифъ отказался принять хиротонію отъ Пинаки. Императоръ нашелъ основаніе къ отказу уважительнымъ и сдѣлалъ слѣдующій искусный оборотъ: Пинаку пригласилъ служить литургію въ дворцовомъ храмѣ и тотъ служилъ ее за большую награду. А между тѣмъ митиленскій епископъ Григорій, рукоположенный уже давно, избранъ былъ хиротонисать патріарха". Пахим. стр. 281.

кейскаго Іоанна Ватацы. Потерявши свою жену, онъ постригся въ монахи въ той же (вѣроятно) галесійской обители, которой былъ впослѣдствіи настоятелемъ, и отсюда былъ снова взятъ ко двору Михаила Палеолога, въ качествѣ его духовника (¹). Вліяніе этихъ противоположныхъ сферъ отразилось на его податливой натурѣ съ замѣчательной рельефностью. Изъ двора „истинно-царственной Ирины (²)“ онъ вынесъ величаво—мягкую манеру держать себя съ нѣкоторой „свободой въ словѣ,“ которую такъ любила эта замѣчательная женщина (³). Подъ вліяніемъ атмосферы двора Палеолога, эта „свобода въ словѣ“ превратилась въ расчитанную болтливость, въ соединеніи съ аффектированнымъ радушіемъ (⁴). Галесійскій монастырь, славившійся строгостью жизни своихъ иноковъ и суровымъ мѣстоположеніемъ (⁵), наложилъ на него печать внѣшняго аскетизма, умѣряемаго и управляемаго требованіями придворной жизни (⁶). На-

(¹) Когда и по какому случаю онъ былъ избранъ въ духовники Палеологомъ—нѣтъ возможности разъяснить, по недостатку данныхъ.

(²) Акроп. стр. 73. Сн. Пахим. стр. 279—280. 292.

(³) Тамъ же стр. 73—75. Сн. Пахим. стр. 280.

(⁴) „Любилъ онъ, что попадетъ ему въ руки и что можно было открыть *безопасно*, сообщать другимъ, тогда какъ прочіе все берегутъ про себя... Встрѣчается ли онъ съ кѣмъ, тотчасъ обнимается, дружески разговариваетъ, шутитъ и хохочетъ, когда кто сказалъ что-нибудь остроумно, или поступилъ забавно“. Пахим. стр. 280.

(⁵) Въ императорскомъ хрисовулѣ (грамотѣ, запечатанной золотой печатью), сохранившемся въ сочиненіяхъ Никифора (по другимъ, Насанаила) Хумна, такъ описывается галесійскій монастырь: „Галесійская гора обнажена и скалиста; нѣтъ въ ней ничего къ усладѣ и къ успокоенію тѣла, ибо нѣтъ на ней ни деревъ, ни растеній, ни зелени: ни какихъ полезныхъ земныхъ злаковъ она не произращаетъ; это—гора совершенно голая и неспособная къ растительности; но за то обильно произращающая добродѣтели“. Изъ того же хрисовула видно, что жизнь галесійскихъ иноковъ совершенно соотвѣтствовала суровой мѣстности, ими обитаемой. Vid. apud Boivin—in Comm. ad Byzant. Hist. Niceph. Gregorae. Vol I. ed. Bonn: 1829.

(⁶) „Но всего удивительнѣе то, что онъ душевно расположенъ былъ

склонность къ интригѣ, составляющая обыкновенную принадлежность слабыхъ натуръ, у Іосифа нашла себѣ пищу и поддержку въ его положеніи при дворѣ и въ іерархіи. Тамъ и здѣсь положеніе императорскаго духовника заключало въ себѣ внутреннее противорѣчіе между тѣмъ, чѣмъ былъ онъ de jure и de facto. Оффиціальнаго значенія ни при дворѣ, ни въ іерархіи онъ не имѣлъ. Ни въ спискѣ чиновъ Великой церкви, ни въ спискѣ чиновъ придворныхъ у Кодина онъ не упоминается (1). Но неоффиціально онъ могъ быть лицемъ очень важнымъ и вліятельнымъ, смотря по своему личному характеру и степени вліянія на совѣсть императора. У императорскихъ духовниковъ заискивали не только тѣ или другіе придворные, не только тѣ или другіе члены церковной іерархіи, добивавшіеся тѣхъ или другихъ милостей у императора, но иногда и самые братья, дѣти и даже супруги императоровъ, равно какъ и сами

къ монашеской жизни, проводимой въ псалмопѣніяхъ, въ бодрствованіи, въ постахъ, въ питьѣ воды, *когда нужно*, въ кротости, справедливости, добронравіи, простотѣ и вообще во всемъ, что не укоризненно, не нерадѣлъ ни о какой человѣческой добродѣтели... Умѣлъ онъ также подойти къ сильнымъ правителямъ и ходатайствовать о другихъ; но не бѣжалъ къ роскошнымъ столамъ, уставленнымъ различными винами и лакомствами, а кушалъ съ простонародьемъ и особенно съ тѣми, которые жизнь свою проводили въ бѣдности, въ отчужденіи и ни у кого не бывали въ гостяхъ". Пахим. стр. 280.

(1) Это отъ того, что званіе императорскаго духовника было только *званіемъ*, а не *должностью*, и въ силу этого совмѣщалось со всѣми церковными должностями (не ниже, конечно, священнической): иногда императорскими духовниками были протопопы (πρωτοπαπᾶς) Великой церкви, которые нерѣдко бывали вмѣстѣ съ тѣмъ и придворными, иногда игумены монастырей, иногда даже епископы. И во всѣхъ этихъ случаяхъ оффиціальное значеніе духовниковъ императорскихъ ограничивалось ихъ *должностью*, а не ихъ *званіемъ*. Этимъ и объясняется, почему извѣстный намъ священникъ царскаго дворца, за дисциплинарный проступокъ свой, былъ подвергнутъ дисциплинарному взысканію не духовникомъ императорскимъ, а великимъ хартофилаксомъ патріаршимъ.

патріархи. Поставленные въ самомъ центрѣ борьбы разныхъ придворныхъ и церковныхъ партій, подъ перекрестнымъ огнемъ интригъ и происковъ, они должны были обладать мудростью змія при цѣлости голубя, чтобы сохранить нейтралитетъ и не быть вовлечену въ водоворотъ этихъ интригъ,—что рѣдкому изъ нихъ удавалось. Благодаря противорѣчію между оффиціальнымъ положеніемъ и неоффиціальнымъ значеніемъ императорскихъ духовниковъ, между ними и патріархами постоянно существовалъ тайный антагонизмъ, нерѣдко заставлявшій ту и другую сторону прибѣгать къ интригѣ (¹).

Въ такой средѣ и подъ такими вліяніями образовался нравственный характеръ человѣка, которому суждено было взять въ руки кормило управленія церковію въ одну изъ труднѣйшихъ эпохъ ея жизни.

Патріаршество Іосифа началось подъ предзнаменованіями болѣе благопріятными, чѣмъ патріаршество Германа. Новый патріархъ былъ грекъ самой чистой крови, умѣлъ держать себя съ достоинствомъ, своимъ возведеніемъ на престолъ ни въ комъ не возбуждалъ зависти или соблазна, напротивъ всѣ находили въ немъ тѣ или другія хорошія качества (каждый съ своей точки зрѣнія) и никто не могъ сказать, чтобы въ чемъ нибудь были нарушены при этомъ и каноническія правила. Самая непопулярность его предшественника послужила въ его пользу. Кромѣ того, всѣ партіи имѣли причины смотрѣть на него, какъ на своего, и потому приняли фактъ его возведенія на престолъ не только безъ сопротивленія, но и съ затаеннымъ удовольствіемъ; каждая изъ нихъ на-

(¹) Смотр. напр. Пахим. стр. 442—446. Гефеле признаетъ Іосифа „душею интриги противъ Арсенія" (Conciliengeschichte t. VI, S. 106); но изъ сказаній современныхъ историковъ не видно, чтобы участіе Іосифа въ низложеніи Арсенія заходило такъ далеко.

дѣялась, что новый патріархъ будетъ дѣйствовать въ ея интересахъ. Все притихло и ждало, какъ выскажется новый патріархъ. Лишь братство галесійскаго монастыря позволяло себѣ, на основаніи своихъ отношеній къ бывшему собрату и настоятелю, забѣгать впередъ,—съ увѣренностью обѣщало арсенитамъ, отъ имени Іосифа, продолженіе „ревности" по Арсеніѣ, открыто обнаруживало шумную радость и предавалось самымъ сангвиническимъ надеждамъ. Не раздѣляя послѣднихъ вполнѣ, арсениты однакожъ тоже „уповали" на Іосифа и спокойно ждали отъ него обѣщаемаго галесійцами „продолженія". Благонамѣренные ждали отъ вліятельнаго и искуснаго патріарха водворенія мира въ церкви. Ждалъ и императоръ чего-то, но не съ шумной радостью галесійцевъ и не съ пассивнымъ спокойствіемъ арсенитовъ и благонамѣренныхъ, а съ серьёзнымъ видомъ человѣка, знающаго чтó дѣлаетъ, и въ своей стороны употреблялъ кое какія средства къ тому, чтобы облегчить патріарху исполненіе ожидаемаго. Въ то время, какъ Іосифъ, собираясь оправдать всеобщія ожиданія, первые дни своего патріаршества употреблялъ на разсмотрѣніе текущихъ церковныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ членами своего собора и на трапезованіе съ нищей братіей, императоръ „тщательно наблюдалъ каждый день, чтобы то, о чемъ просилъ его патріархъ, было тотчасъ же исполняемо; и патріаршія грамоты, разсылаемыя по всѣмъ провинціямъ римской (византійской) имперіи, приказалъ начальствамъ принимать въ значеніи собственныхъ своихъ указовъ, по его ходатайству отворялъ темницы, освобождалъ отъ оковъ многихъ заключенныхъ, удостоилъ помилованія осужденныхъ, возвратилъ въ отечество из-

тианныхъ и простилъ тѣхъ, на кого гнѣвался“ (¹). Тысячи благословеній неслись къ виновнику всѣхъ этихъ благъ и располагали къ нему сердца народа. Не помнили константинопольцы, чтобы при какомъ либо патріархѣ имъ было такъ хорошо, какъ при Іосифѣ. Всѣ партіи истолковывали эти факты въ благопріятномъ для себя смыслѣ и наперерывъ говорили; молчалъ одинъ лишь императоръ.

Чрезъ мѣсяцъ тайна усиленной благотворительности царя чрезъ патріарха, равно какъ и молчанія императорскаго раскрылась. Въ праздникъ Срѣтенія Господня 2 февраля 1268 г. благочестивые константинопольцы, бывшіе въ этотъ день у обѣдни въ Софійскомъ храмѣ, насладились невиданнымъ дотолѣ зрѣлищемъ. По окончаніи Божественной литургіи, императоръ сходитъ съ своего царскаго мѣста и, въ сопровожденіи своихъ оруженосцевъ, всѣхъ членовъ сената и прочихъ правительственныхъ лицъ подходитъ къ царскимъ вратамъ. Къ нимъ же съ противоположной стороны изъ алтаря выходитъ патріархъ съ сослужащими архіереями. Подошедши къ первосвятителю, императоръ снимаетъ съ своей головы калиптру и, повергшись ницъ, вслухъ всей церкви исповѣдуется предъ нимъ въ содѣянномъ противъ законнаго наслѣдника престола преступленіи и пламенно проситъ прощенія. Выслушавши исповѣдь, патріархъ развертываетъ находившійся въ его рукахъ свитокъ и читаетъ надъ поверженнымъ долу императоромъ подробное и раздѣльное изложеніе вины его относительно ослѣпленнаго царевича и, въ заключеніе, произноситъ ему прощеніе и разрѣшеніе. Тоже сдѣлали одинъ за другимъ и всѣ остальные архіереи. Каждому

(¹) Пахим. стр. 281—282.

изъ нихъ царь кланялся въ ноги, у каждаго просилъ прощенія; а они—одинъ за другимъ—держа бумагу въ рукахъ, читали ее и прощали, подобно патріарху. Слезы умиленія появились на глазахъ у многихъ присутствующихъ при этомъ уничиженіи царственнаго преступника,—„особенно же подвиглись къ жалости члены сената". „Наконецъ царь всталъ, обновился священнымъ веселіемъ духа, помолился и, простившись, пошелъ во дворецъ". Торжество заключилось благотвореніемъ: тутъ же сдѣлалъ онъ распоряженіе о томъ, чтобы несчастнаго царевича, все еще томившагося въ Никитской крѣпости, накормили получше (ради праздника) и впредь отпускали извѣстное количество денегъ на улучшеніе его содержанія ([1]).

Но день примиренія Палеолога съ церковью былъ послѣднимъ днемъ популярности Іосифа. Не успѣли еще почтенные члены сената утереть слезъ умиленія, какъ въ городѣ бушевала уже буря, тѣмъ болѣе сильная, чѣмъ дольше длилось затишье предъ нею. Арсениты подняли крикъ негодованія. Благонамѣренные опустили головы. Галесійцы не знали куда дѣваться отъ стыда и досады. Всѣ чувствовали себя обманутыми, а послѣдніе, вмѣстѣ съ арсенитами, и одураченными. Арсениты увидѣли, что Іосифъ не только не думалъ „ревновать" долѣе по Арсеніѣ, но и при помощи благодѣяній, съ такою щедростью расточаемыхъ императоромъ, хотѣлъ, очевидно, посѣять рознь между ними и народомъ, хотѣлъ не только безъ нихъ, но и противъ нихъ упрочить себѣ расположеніе народа. Галесійцы.... Но ихъ положеніе было жалко до трагизма! Они не только допустили Іосифа безпрепятственно пріобрѣтать любовь народа, но и своими

([1]) Пахим. стр. 282—283.

неумѣстными и опрометчивыми восхваленіями и обѣщаніями изъ всѣхъ силъ помогали ему въ этомъ. Чѣмъ болѣе вложили они, сравнительно съ другими, усердія въ его дѣло, чѣмъ неожиданнѣе обманулись въ своихъ расчетахъ и чѣмъ, вслѣдствіе этого, смѣшнѣе было ихъ положеніе, тѣмъ сильнѣе должно было быть ихъ раздраженіе противъ своего бывшаго настоятеля. Благонамѣренные поняли, что они должны разстаться съ своими мечтами на возстановленіе церковнаго мира. Но обманулся и императоръ: парадное примиреніе съ церковію не только не поправило его положенія въ глазахъ народа, но и ухудшило оное, не только не ослабило арсеніанской оппозиціи, напротивъ еще усилило ее. Въ самомъ этомъ примиреніи его враги нашли оружіе противъ него. Вмѣсто ожидаемаго мира, ему пришлось вмѣстѣ съ патріархомъ готовиться къ жестокой борьбѣ.

Иниціативу въ этой новой борьбѣ взяли на себя галесійцы. Они формально отреклись отъ всякаго общенія съ Іосифомъ. Ихъ примѣру послѣдовали ихъ собратья, монахи монтепонтскаго монастыря. Тѣ и другіе мотивировали свое отреченіе такимъ образомъ: „Іосифъ виновнѣе самаго Германа; Германъ виноватъ предъ Арсеніемъ только тѣмъ, что при его жизни занялъ его престолъ, отъ котораго, изъ уваженія къ неправильно низложенному святителю, онъ долженъ былъ отказаться; а Іосифъ не только не сдѣлалъ того же самаго, между тѣмъ какъ требовалъ этого отъ своего предшественника, но и не уважилъ отлученія, наложеннаго Арсеніемъ на императора, отлученія, на которое не дерзнулъ поднять руки его предшественникъ, и слѣдовательно виноватъ вдвойнѣ. Далѣе, заключали канонисты, Іосифъ, какъ отважившійся даровать царю разрѣшеніе, возможность и

законность котораго отрицалъ для своего предшественника, взялся разрѣшить неразрѣшимое и такимъ образомъ не только не разрѣшилъ императора, но тѣми же узами, которыми былъ связанъ послѣдній, связалъ и самаго себя (1)". Глухая петля затянулась на шеѣ Іосифа.

Оппозиція галесійцевъ была тѣмъ опаснѣе для Іосифа, что, съ одной стороны, между ними было много почтенныхъ людей, пользовавшихся общимъ уваженіемъ и довѣріемъ, съ другой ихъ прежнія отношенія къ Іосифу ни для кого не были тайною,—очень многіе помнили не только то, какъ они „ревновали" по Іосифѣ, но и то, какъ *вмѣстѣ съ нимъ* „ревновали" по Арсеніѣ. Начались толки и пересуды, оскорбительные для патріарха, подвергавшіе сильному испытанію его нравственный характеръ. Къ несчастію, Іосифъ оказался несостоятельнымъ на этомъ пунктѣ,—онъ далеко не былъ такъ равнодушенъ къ враждебной агитаціи своихъ бывшихъ почитателей и толкамъ и пересудамъ толпы, какъ его предшественникъ. „Обличенія" галесійцевъ „вонзались въ его душу, какъ острыя иглы", и, будучи не въ состояніи ни переносить ихъ, не имѣя ни сообразительности, ни твердости самостоятельно принять какія либо мѣры къ ослабленію оппозиціи, онъ имѣлъ слабость пожаловаться на галесійцевъ императору—и оба вмѣстѣ пришли къ несчастной мысли—или „убѣдить ихъ въ противномъ, или уничтожить". Такъ какъ первое не удалось (да и какъ было? спрашиваетъ нашъ историкъ), не смотря на личныя, совокупныя усилія царя и патріарха, то оставалось исполнить послѣднее. Исполненіе возложено было на великаго логоѳета Георгія Акрополита. Императорскій канцлеръ блистательно

(1) Пахим. стр. 289—290.

исполнилъ возложенное на него порученіе,—собралъ всѣхъ упрямцевъ въ свой домъ—„сѣкъ, держалъ на вѣсу, билъ, почетнѣйшихъ изъ нихъ безчестилъ, и какъ людей безчестныхъ торжественно водилъ по площади, причины же ихъ наказанія выставлялъ самыя постыдныя и вымышленныя. Послѣ того эти лица, по своей жизни и званію пользовавшіеся уваженіемъ, испытавъ горькое безчестіе, сосланы были въ ссылку и такимъ образомъ были лишены земли и всего земнаго" (1).

Тягостное впечатлѣніе произвела на всѣхъ эта свирѣпая расправа съ несчастными монахами. Общественная совѣсть была крайне скандализована ею. „Такимъ поступкомъ Іосифъ въ первый разъ тогда взволновалъ совѣсть многихъ" (2). Вслѣдъ за арсенитами отвернулись отъ него многіе изъ тѣхъ, которые держали до сихъ поръ нейтралитетъ. Даже не популярный Германъ выигралъ отъ этого въ глазахъ толпы,—стали находить, что „онъ дѣйствовалъ гораздо лучше, молча перенося все"; и то, что прежде ставили ему въ вину, теперь стали ставить въ заслугу—именно его умѣнье подходить къ правителямъ, умѣнье смягчать ихъ; вспоминали, какъ всегда онъ готовъ былъ даже по нѣсколько разъ въ недѣлю ходить къ царю для ходатайства за тѣхъ, кто просилъ его о ходатайствѣ. Должно быть съ большими достоинствами былъ человѣкъ, заключали теперь константинопольцы, когда самъ царь цѣнилъ его,—„наименовалъ его своимъ отцемъ, просилъ его совѣта, во многомъ искалъ его помощи и съ удовольствіемъ выслушивалъ его представительства" (3). Такимъ образомъ, желая поправить

(1) Пахим. стр. 291.
(2) Тамъ же.
(3) Тамъ же.

свои дѣла, Іосифъ неожиданно для себя поправилъ испорченную имъ же самимъ репутацію Германа.

Система застращиванія, которую приняло теперь правительство относительно арсенитовъ, вмѣсто того, чтобы парализовать ихъ страхомъ, лишь разогнала ихъ изъ столицы, гдѣ до сихъ поръ почти исключительно они сосредоточивались и такимъ образомъ открыла для ихъ темной пропаганды провинціи. Множество монаховъ, принадлежавшихъ большею частію къ числу учениковъ Іакинѳа, и не имѣвшихъ постояннаго мѣста жительства, начали бродить изъ монастыря въ монастырь, повсюду разнося свою „ревность" по изгнанномъ патріархѣ (1). Не менѣе многочисленныя толпы „лохмотниковъ и сумконосцевъ" разсыпались по городамъ и селамъ, распространяя повсюду самые скандальные слухи на счетъ императора. Дерзость ихъ при этомъ была истинно изумительная. Они сновали изъ дома въ домъ „и не задумываясь сплетали на царя многое, какъ онъ обидѣлъ законнаго наслѣдника и согналъ съ престола патріарха, какія давалъ клятвы, въ какія входилъ условія, какъ было то и то, — обо всемъ этомъ они подробно разсказывали и привлекали себѣ слушателей во множествѣ" (2).

Послѣ извѣстнаго истязанія галесійцевъ и монтепоптцевъ центрами агитаціи противъ правительства сдѣлались монастыри, а самыми дѣятельными двигателями ея монахи. Кромѣ оскорбительной несправедливости, сдѣланной всему монашеству въ лицѣ монтепоптцевъ и галесійцевъ, близкое участіе, принятое имъ въ

(1) Пахим. стр. 289.
(2) Пахим. стр. 288.

дѣлѣ Арсенія объясняется съ одной стороны старинными традиціями восточнаго монашества, съ другой—его отношеніемъ къ личности Арсенія. Монашество восточное съ давнихъ поръ привыкло принимать весьма живое и дѣятельное участіе во всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ дѣлахъ,—въ періодъ обсужденія догматическихъ вопросовъ—въ рѣшеніи этихъ вопросовъ; въ періодъ обсужденія вопросовъ обрядовыхъ и дисциплинарныхъ—въ рѣшеніи этого рода вопросовъ. Участіе это было такъ велико, что давало себя чувствовать нетолько помѣстнымъ, но и вселенскимъ соборамъ. Со времени смутъ иконоборческихъ вниманіе монашества обращено было преимущественно на вопросы каноническіе и—кто знаетъ—скольких безсонныхъ ночей стоили византійскимъ императорамъ и патріархамъ каноническія познанія смиренныхъ иноковъ (1)! Такимъ образомъ во вмѣшательствѣ монашества въ каноническій вопросъ, возникшій вслѣдствіе разрѣшенія Михаила Палеолога отъ церковныхъ узъ, наложенныхъ на него Арсеніемъ, не было ничего ни новаго, ни необычайнаго. Это вмѣшательство завѣщано было ему его традиціями. Съ другой стороны монашество вмѣшалось и въ этотъ вопросъ и въ дѣло Арсенія потому, что было сильно заинтересовано въ личности Арсенія, какъ аскета, какимъ онъ постоянно оставался на патріаршемъ престолѣ,—оно гордилось имъ, какъ своимъ лучшимъ представителемъ. Притомъ, кто знаетъ, какъ велико было то вліяніе, которое оно проводило чрезъ него въ церковную жизнь, и не былъ ли замѣшанъ въ его дѣлѣ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ

(1) Въ подтвержденіе достаточно напомнить исторію борьбы Студитовъ съ императорами—Константиномъ VI (790—797) и Никифоромъ (801—811).

этого влiянiя ([1])? Впрочемъ и указанныхъ выше причинъ достаточно для объясненiя того, почему первыми и самыми рѣшительными сторонниками Арсенiя оказались и до конца продолжали оставаться монашествующiе.

Благодаря необыкновенному радушiю, съ какимъ всѣ классы общества принимали къ себѣ въ домъ этихъ „земныхъ ангеловъ и небесныхъ человѣковъ“ (по любимому выраженiю того времени) и полной довѣренности къ ихъ рѣчамъ, они очень легко и быстро подвинули впередъ дѣло раскола: „теперь не только знавшiе лично бывшаго патрiарха (Арсенiя) становились на его сторону, но, увлекаясь другими, отдѣлялись отъ церкви и тѣ, которые не знали его“ ([2]). Напрасно Iосифъ обѣими руками разсыпалъ вокругъ себя золото, присылаемое императоромъ,—нравственное влiянiе арсенитовъ пересиливало влiянiе презрѣннаго металла. Тщетно императоръ трясъ въ своихъ рукахъ священную мантiю патрiарха и со слезами умиленiя благодарилъ его въ присутствiи всего своего двора за то, что онъ „открылъ ему врата эдема и вмѣстѣ съ собою введетъ его туда,“—арсениты упорно продолжали утверждать, что нетолько царю, но и патрiарху не видать вратъ эдема, что „разрѣшенiемъ“ царя отъ узъ, наложенныхъ на него Арсенiемъ, Iосифъ окончательно и безвозвратно заперъ и для себя и для императора эти врата ([3]). Къ этому же времени, по всей вѣроятности, относится и слухъ, распущенный арсенитами о томъ, будто Iосифъ еще заранѣе былъ „отлученъ“ Арсенiемъ за тайное „разрѣшенiе“ императора.

([1]) Къ сожалѣнiю недостатокъ данныхъ не позволяетъ намъ поставить этотъ вопросъ болѣе рѣшительно.

([2]) Пахим. стр. 291. 311.

([3]) Тамъ же, стр. 311.

На бѣду императора небо, повидимому, рѣшилось самымъ яснымъ образомъ выражать свое неодобреніе его дѣйствіямъ. 25 мая того же года, т. е. спустя три мѣсяца съ небольшимъ послѣ примиренія съ церковію, за три часа до полудни случилось такое солнечное затмѣніе, что показались даже звѣзды (1). Такимъ образомъ въ руки арсенитовъ неожиданно попало новое доказательство явнаго гнѣва Божія на императора и его патріарха, доказательство, которое увеличивало собою коллекцію доводовъ противъ него, а слѣдовательно и орудій для агитаціи.

Число темныхъ сѣятелей вражды умножалось съ каждымъ днемъ. Не замедлили произрасти и горькіе плоды подпольнаго сѣянія; съ расширеніемъ и усиленіемъ раскола стали разлагаться постепенно узы семейной и общественной жизни: „иначе сталъ жить отецъ и иначе сынъ, иначе мать и иначе дочь, иначе сноха и иначе свекровь“ (2). Отдѣлившіеся отъ церкви не хотѣли имѣть ничего общаго и съ государствомъ, не признававшіе Іосифа патріархомъ не хотѣли служить и императору, и одни бѣжали за границу къ недругамъ имперіи, другіе вступали въ ряды агитаторовъ и вели бродяжническую жизнь, разсѣевая плевелы раскола,—тѣ и другіе нетолько были потеряны для семейной и общественной жизни, но и одни безсознательно, другіе сознательно вредили той и другой, думая вредить только царю и патріарху.

---

(1) Григ. стр. 104. Если ученый Григора, повѣствующій объ этомъ затмѣніи, старается оправдать приписываемое подобнымъ небеснымъ знаменіямъ таинственное значеніе философскими соображеніями; то о роли, которую играли эти знаменія въ воображеніи толпы, было бы излишне говорить.

(2) Пахим. стр. 289.

Между тѣмъ, если когда, то особенно теперь необходимо было имперіи нравственное единство, сосредоточеніе всѣхъ ея наличныхъ силъ и полное довѣріе къ правительству. Она переживала одну изъ труднѣйшихъ эпохъ своей политической жизни. Много было у ней враговъ въ это время. Одни изъ нихъ давно уже сводили съ нею свои счеты, другіе явились вновь вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. Тѣ и другіе, какъ коршуны, дружной стаей слетались терзать ее. Съ сѣвера давно уже терзали ее давнишніе ея враги болгары (¹), съ сѣверо-запада венгры и лазы; съ юго-запада венеціане (²), французскіе синьоры (³) и греческіе деспоты (⁴); съ востока постоянно тревожили ее татары и турки—сельджуки; съ запада грозила обрушиться на нее вся запад-

(¹) Объ особенныхъ причинахъ вражды болгаръ къ грекамъ въ это время см. Христіан. Чтеніе за 1867 г. іюль стр. 90.

(²) Венеціане, въ это время, владѣли почти всѣми островами греческаго архипелага и флотъ ихъ постоянно крейсировалъ вокругъ этихъ острововъ, частію для ихъ охраненія, частію для наблюденія за движеніями греческаго флота. Морскія стычки и даже сраженія между обоими флотами были не рѣдки (Пахим. стр. 306—308). Венеціанскія владѣнія въ Архипелагѣ, охраняемыя венеціанскимъ флотомъ, совершенно преграждали грекамъ доступъ къ Средиземному морю.

(³) Французскими синьоріями были покрыты вся Ахаія и Пелопонезъ съ нѣсколькими островами Архипелага (въ томъ числѣ Евбея). Большая часть ихъ находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ князю Ахаіи и Пелопонеза Виллыгардуэну, нѣкоторыя были независимы, но тѣ и другія находились во враждебномъ отношеніи къ Византіи и служили аванпостами для западной Европы въ ея покушеніяхъ на востокъ. Это послѣднее обстоятельство достаточно объясняетъ тѣ отчаянныя усилія, которыя употреблялъ Палеологъ, въ теченіе всего своего царствованія къ тому, чтобы вытѣснить синьоровъ изъ занимаемыхъ ими земель. См. Geschichte der Halbinsel Morea während d. Mittelalters v. Falmerayer. Stuttgart u. Tübingen. 1830.

(⁴) Греческіе деспоты, изъ династіи Ангеловъ, владѣли Өессаліей и Эпиромъ, гдѣ находились самыя крѣпкія природныя позиціи, ограждавшія востокъ отъ покушеній запада, и тоже почти постоянно враждовали съ имперіей. См. между прочимъ Христіан. Чтеніе за 1867 г. августъ, стр. 194—203.

ная Европа, раздраженная отнятіемъ Константинополя [1]. Среди такого множества болѣе или менѣе опасныхъ враговъ положеніе имперіи и ея главы было крайне затруднительно, — приходилось употреблять отчаянныя усилія, чтобы не быть поглощену ими, „изворачиваться всѣми силами“, по мѣткому выраженію Пахимера, пускать въ ходъ всевозможныя средства, не стѣсняясь ихъ качествомъ: однихъ обезоруживать брачными союзами [2],

---

(1) До какой степени были раздражены на западѣ отнятіемъ Константинополя у латинянъ, видно изъ того, что, съ одного изъ двухъ пословъ, отправленныхъ Михаиломъ Палеологомъ къ папѣ, для смягченія горькаго чувства, возбужденнаго въ немъ отнятіемъ Константинополя, итальянцы содрали кожу съ живаго; другой спасся отъ той же участи поспѣшнымъ бѣгствомъ (Пахим. стр. 155). Папа Урбанъ IV (1261-1264), при которомъ совершилось это событіе, немедленно же сталъ хлопотать о созваніи крестоваго похода для отнятія Константинополя у грековъ. Крестоносцамъ обѣщали тѣ же преимущества, какими пользовались ратники св. Гроба (См. Histoire de pape Urbain IV et de son temps (1185—1264) par l'Abbé Etienne Georges de Troyes. Paris & Troyes. 1866 p. 282). Изгнанный латинскій императоръ Балдуинъ, дѣятельно поддерживаемый папою, лично объѣздилъ всѣ важнѣйшіе дворы въ западной Европѣ, возбуждая повсюду участіе къ своему положенію и собирая помощь людьми и деньгами. Плодомъ совокупныхъ усилій папы и Балдуина былъ сначала вооруженный союзъ послѣдняго съ венеціанскою республикой, французскими баронами Ахаіи и Пелопонеса и деспотомъ Эпирскимъ (въ 1263 г.) серьёзно и надолго озаботившій Палеолога своими враждебными дѣйствіями, и потомъ, по разрушеніи его (вслѣдствіе выхода изъ него венеціанъ и деспота Эпирскаго, благодаря ловкой политикѣ Палеолога) вторичный, болѣе страшный для имперіи, родственный и политическій союзъ Балдуина съ французскимъ королевскимъ домомъ въ лицѣ Карла анжуйскаго, короля сицилійскаго. Время заключенія этаго послѣдняго союза и открытія непріязненныхъ дѣйствій противъ имперіи со стороны союзниковъ падаетъ на время наибольшаго усиленія арсеніанской агитаціи, именно на 1268—71 г.г.

(2) Такъ въ 1265 г. онъ обезоружилъ деспота эпирскаго Михаила Ангела, выдавши за старшаго его сына Никифора третью дочь сестры своей Евлогіи, Анну (Пахим. стр. 221—222); въ 1272 г. болгарскаго царя Константина, выдавши за него вторую дочь Евлогіи, Марію (Тамъ же); въ 1273 г. предводителя татаръ Ногая, выдавши за него незаконнорожденную дочь свою Евросинію (Тамъ же, стр. 201. 216—219).

другихъ—подкупами (1), третьихъ интригами (2),—и въ то же время быть постоянно готову къ войнѣ со всѣми вмѣстѣ и съ каждымъ порознь.

Понятно, какъ опасна была арсеніанская агитація для императора при такихъ серьёзныхъ внѣшнихъ затрудненіяхъ. Кромѣ того, что она, распространяя недовольство правительствомъ, отнимала у него однихъ защитниковъ и парализовала энергію другихъ, она ставила его между двухъ огней:—принимая мѣры противъ внѣшнихъ враговъ, императоръ долженъ былъ осматриваться на нее и ея дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ предвидѣть вѣроятный ходъ и исходъ агитаціи? Кто могъ поручиться, что она при своемъ частію церковномъ, частію политическомъ, частію соціальномъ характерѣ, ограничится одной церковной сферой, а не попробуетъ сдѣлать воззванія къ политическимъ и соціальнымъ страстямъ? Кто могъ поручиться, что фанатизмъ толпы, постоянно наэлектризовываемый „ревнителями", не вспыхнетъ въ какую нибудь несчастную

---

(1) „Онъ часто отправлялъ посольства къ папѣ и сопровождалъ ихъ дарами (Пахим. стр. 191)... папскимъ кардиналамъ посылалъ онъ и деньги или крюкъ—στροφίξ сказалъ бы грекъ,—на которомъ поворачиваются вводящія ко Христу папскія двери (Тамъ же стр. 330), т. е. деньгами Палеологъ подмазывалъ дверныя крючья (cardo—отъ этого слова производилъ слово cardinalis—папа Пій II въ своей рѣчи къ кардиналамъ, примѣняя къ себѣ слова Спасителя: *Азъ есмь дверь*), чтобы дверь (папа) на нихъ легче поворачивалась. Извѣстно также, что Михаилъ Палеологъ денежными субсидіями поддерживалъ Манфреда Гогенштауфена въ его борьбѣ съ Карломъ анжуйскимъ.

(2) Интриги были любимымъ средствомъ Палеолога. Онъ интриговалъ всѣхъ своихъ враговъ, стараясь посѣять рознь и вражду между ними и тѣмъ отвлечь ихъ вниманіе и силы отъ имперіи. Вести одновременно войну и мирные переговоры съ однимъ и тѣмъ же лицомъ, или замиряясь съ однимъ, въ то же время подстрекать другаго къ нападенію на своего сегодняшняго союзника и друга, для него было дѣломъ обыкновеннымъ. См. Пахим. стр. 150.

минуту самъ собою даже помимо воли и противъ желанія послѣднихъ? Кто могъ наконецъ поручиться за то, что внѣшніе враги не воспользуются ею для своихъ цѣлей, какъ уже воспользовались разъ враги внутренніе? Что если они увлекутъ ее на путь политическихъ интригъ и чрезъ нее возбудятъ войну внутреннюю для усиленія внѣшнихъ затрудненій?

Особенно опасна была для церкви и государства арсеніатская агитація въ восточныхъ провинціяхъ. Эти провинціи находились въ то время въ исключительномъ положеніи, чрезвычайно благопріятномъ для успѣховъ агитаціи. При множествѣ внѣшнихъ враговъ, императоръ по необходимости долженъ былъ раздроблять свои силы — дѣйствовать не цѣлою ихъ массою, а по частямъ, сосредоточивая наибольшую часть ихъ на болѣе угрожаемыхъ пунктахъ, и оставляя другіе менѣе угрожаемые или совершенно беззащитными или подъ охраною ничтожныхъ отрядовъ. Такъ какъ наибольшая опасность угрожала съ латинскаго запада; то главныя средства обороны были сосредоточены вокругъ столицы и на пунктахъ, угрожаемыхъ западомъ, а восточныя провинціи, угрожаемыя мусульманами, были мало-по-малу оставлены на произволъ судьбы за недостаткомъ средствъ къ защитѣ [1]. Между тѣмъ, въ этихъ отдаленныхъ отъ центра политическаго и церковнаго управленія провинціяхъ, предоставленныхъ самимъ себѣ и какъ бы пренебрегаемыхъ правительствомъ, сравнительно съ европейскими провинціями, живѣе, чѣмъ гдѣ либо, сохранялось воспоминаніе о насильственно устраненной династіи, крѣпче держалась привязанность къ „любимому“ патріарху; здѣсь же, наконецъ, сильнѣе и вліятельнѣе,

[1] Пахим. стр. 222.

чѣмъ гдѣ либо, былъ и элементъ монашескій (1). Словомъ, почва востока была отлично подготовлена для сѣянія плевелъ раскола и въ тоже время агитаторамъ было здѣсь полное раздолье и никакихъ препятствій. И дѣйствительно, они массами хлынули на востокъ и разсѣялись по тамошнимъ монастырямъ съ цѣлію сдѣлать изъ нихъ операціонные базисы для дальнѣйшей борьбы съ правительствомъ.

Когда слухи о распространеніи „соблазна" въ монастыряхъ восточныхъ дошли до патріарха Іосифа, то онъ сильно перетревожился. Опасенія, внушенныя этими слухами, были такъ велики, что онъ пересталъ даже обращать вниманіе на окружавшихъ его агитаторовъ, „которые усильно возмущали и отклоняли отъ него народъ", и всѣ свои заботы сосредоточилъ на движеніи въ восточныхъ областяхъ. Тревожно прислушивался онъ ко всѣмъ вѣстямъ, приходившимъ съ востока, приглашалъ къ себѣ и распрашивалъ о тамошнихъ дѣлахъ всѣхъ восточныхъ монаховъ, прибывавшихъ въ столицу по дѣламъ своихъ монастырей, желая вывѣдать отъ нихъ, дѣйствительно ли такъ велика опасность, какъ ее представляютъ темные слухи. Полученныя отъ нихъ свѣдѣнія вполнѣ подтвердили справедливость доходящихъ слуховъ и заставили патріарха подумать о средствахъ къ пресѣченію зловредной пропаганды. Сначала онъ по-

(1) „Страна по Меандру (теперь Руюкъ-Мендеръ, рѣка въ Малой Азіи, берущая свое начало въ Фригіи, текущая по направленію съ запада на востокъ и впадающая въ Эгейское море между Иракліею и Пріеномъ; на берегахъ ея лежали Апамея, Колоссы, Антіохія, Пирры, Милетъ и др.) была другою Палестиною и изобиловала... множествомъ земныхъ странниковъ и небесныхъ жителей—монаховъ. Эта страна по всему другому на столько первенствовала предъ Палестиною, на сколько Палестина стояла выше ея тѣмъ величайшимъ преимуществомъ, что въ ней жилъ и училъ мой Христосъ и Богъ". Нахим. стр. 286.

пробовалъ произвести спасительную реакцію посредствомъ ласковаго пріёма и привлеченія на свою сторону тѣхъ же восточныхъ монаховъ, отъ которыхъ окончательно удостовѣрился въ серьёзныхъ размѣрахъ произведеннаго арсенитами зла; но вскорѣ долженъ былъ убѣдиться въ неудовлетворительности этого средства и обратиться за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ императору. Императоръ не менѣе патріарха былъ встревоженъ восточными событіями и такъ какъ опытъ съ галесійцами доказалъ непрактичность крутыхъ мѣръ; то, по долгомъ совѣщаніи, рѣшено было испробовать предварительно мѣры кротости и убѣжденія. Патріархъ долженъ былъ лично отправиться на востокъ и повліять на тамошнихъ монаховъ обаяніемъ своего сана, величавой фигуры, придворныхъ пріёмовъ и вкрадчиваго слова. И дѣйствительно, послѣ долгихъ сборовъ, Іосифъ выѣхалъ изъ столицы съ многочисленною свитою, повидимому, въ началѣ 1272 г. (1) и отправился на востокъ. Идоломъ восточныхъ монаховъ былъ тогда знаменитый аскетъ и ученый Влеммидъ, къ нему-то прежде всего и направилъ свой путь Іосифъ.

Встрѣча этихъ двухъ человѣкъ, столь различныхъ по характерамъ и общественному положенію, не лишена драматическаго интереса. „Со славою", въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, вступилъ „вселенскій патріархъ" въ убогую келью бывшаго учителя младшаго Ласкариса, а теперь смиреннаго настоятеля обители Сущаго (2). На грубомъ сѣдалищѣ, погружен-

(1) По крайней мѣрѣ къ этому году относитъ поѣздку эту Поссинъ въ своихъ Observationes Pachimerianae, p. 758. ed. Bonn.

(2) Самое названіе обители показываетъ, что она была основана философомъ. Но гдѣ она находилась? На этотъ вопросъ не всѣ отвѣчаютъ одинаково. По мнѣнію Гефеле (Conciliengeschichte t. VI S. 107), она находи-

ный въ глубокую думу, неподвижно сидѣлъ предъ нимъ бѣлый, какъ лунь, старецъ, съ рѣзкими чертами лица, въ грубой монашеской одеждѣ. Ни однимъ жестомъ не отвѣтилъ онъ на церемонный привѣтъ вошедшаго. Патріархъ, безъ приглашенія, сѣлъ неподалеку отъ негостепріимнаго хозяина, свита его размѣстилась гдѣ могла, стоя. Вкрадчиво, плавно, округленно полилась рѣчь изъ устъ гостя: онъ заговорилъ о томъ, какъ глубоко уважаетъ онъ Арсенія, какъ раздѣляетъ вмѣстѣ съ другими „ревность" по немъ, какъ неохотно принялъ онъ его престолъ, уступая лишь крайней необходимости и жертвуя собою пользамъ церкви, какъ любитъ его императоръ и какія дѣлаетъ изъ-за него благодѣянія всѣмъ и каждому, и проч... Молча слушалъ его странный хозяинъ, не перемѣняя позы, ни однимъ движеніемъ не обнаруживая, чтобы онъ понималъ что-либо изъ того, что говорилъ его гость. Какъ жилецъ другаго міра, совершенно чуждый интересамъ грѣшной земли,

---

лась въ Македоніи. Но а) исторія поѣздки Іосифа на востокъ показываетъ, что монастырь этотъ находился въ Малой Азіи, б) исторія съ Маркесиной, фавориткой императора Іоанна Ватацци, которую Влеммидъ не пустилъ въ церковь, когда она, съ блестящей свитою придворныхъ, пріѣхала въ его монастырь къ обѣдни, показываетъ, что монастырь находился неподалеку отъ какой нибудь изъ тогдашнихъ императорскихъ резиденцій— Никеи, Нимфея или Лескаря, и в) изъ того, что, по смерти Влеммида, его монастырь былъ приписанъ къ галесійскому, можно заключать, что онъ лежалъ по сосѣдству съ этимъ монастыремъ. О. архимандритъ Деметракопулъ (какъ и Удинъ in suo Commentario t. III. p. 221.) называетъ монастырь Влеммида Имаѳіями 'Ημαθίοι и полагаетъ его близъ Ефеса. См. его Bibliotheca ecclesiastica continens Graecorum theologorum opera, t. I. Lipsiae 1866 p. 27. Послѣднее мнѣніе находитъ для себя подтвержденіе въ автобіографіи патріарха константинопольскаго Григорія Кипрскаго (Vid. Des Patriarchen Gregorius aus Cypern Selbstbiographie herausgegeben v. D-r F. C. Matthiae. Frankfurt am Main 1817 S. 8). Мы надѣемся въ непродолжительномъ времени сообщить нашимъ читателямъ эту интересную автобіографію въ русскомъ переводѣ.

безмолвно и неподвижно сидѣлъ онъ предъ патріархомъ. Отъ долговременнаго уединенія и постояннаго самоуглубленія люди превратились для него въ отвлеченныя понятія; Арсеній и Іосифъ одинаково были для него пустыми звуками; не имѣлъ онъ ничего общаго съ церковными агитаторами, не хотѣлъ имѣть дѣла и съ правительствомъ. „Онъ былъ ко всему равнодушенъ, ни къ кому не имѣлъ ни симпатіи, ни антипатіи“. „Для него единственною необходимостью было благочестіе, все же остальное онъ предоставилъ людямъ, живущимъ по образу вѣка“. „Дѣла только его удивляли“. „Внутреннія достоинства чтилъ онъ и уважалъ, видя въ нихъ дары Божіи“ (1). Это былъ замѣчательный, типическій образчикъ совмѣщенія философскаго міросозерцанія съ аскетическими привычками и внѣшностью. Это былъ истый философъ въ рубищѣ средневѣковаго монаха. И предъ такимъ-то человѣкомъ расточалъ теперь Іосифъ свои сладкія рѣчи. Когда запасъ ихъ истощился и высокій гость, кончивши свою рѣчь, видимо находился въ затруднительномъ положеніи, безмолвный хозяинъ, послѣ нѣкоторой паузы, вдругъ предложилъ ему требованіе, „чтобы правительство утвердило за его обителью право получать по прежнему на содержаніе 300 литръ золота, ассигнованнаго на этотъ предметъ покойнымъ императоромъ, чтобы ему самому продолжено было право управлять ею на всей своей волѣ,

(1) Въ упомянутой нами автобіографіи Григорія Кипрскаго высказывается другой взглядъ на Влеммида: тамъ онъ представляется человѣкомъ „гордымъ, суровымъ, недоступнымъ для маленькихъ людей“. Очевидно эта разность взглядовъ обусловливается разностью точекъ зрѣнія на личность знаменитаго аскета—философа; факты же, лежащіе въ основаніи того и другаго взгляда, одни и тѣ же и, до извѣстной степени, могутъ если не примирить, то объяснить оба взгляда.

и чтобы право самоуправленія оставлено было за нею и послѣ его смерти, и чтобы затѣмъ императоръ, патріархъ и всякія другія власти оставили бы его и его обитель въ покоѣ". Занятый мыслію какою бы то ни было цѣною привлечь на свою сторону кумира восточныхъ монаховъ и чрезъ него расположить въ свою пользу ихъ самихъ, Іосифъ изъявилъ полную готовность подписать письменный актъ, утверждающій всѣ требованія Влеммида, и исходатайствовать такую же подпись и со стороны императора. Послѣ этого гость и хозяинъ разстались другъ съ другомъ такъ же, какъ и встрѣтились" (1).

Съ такими визитами объѣхалъ Іосифъ всѣ важнѣйшіе монастыри на востокѣ, побывалъ у всѣхъ болѣе вліятельныхъ настоятелей. О результатахъ этой поѣздки нашъ историкъ ничего не говоритъ, а замѣчаетъ только, что патріархъ, пробывъ довольно времени на востокѣ, возвратился въ Византію (2). Но дальнѣйшій ходъ событій на востокѣ показываетъ, что онъ не имѣлъ особенныхъ причинъ хвалиться пріобрѣтенными тамъ успѣхами.

Въ октябрѣ 1273 г, получено было въ Константинополѣ извѣстіе о смерти Арсенія. Низложенный святитель скончался на мѣстѣ своего заточенія 30-го сентября (3) того же года отъ карбункула на правой рукѣ,

(1) Пахим. стр. 311—314. „Но по смерти Влеммида, замѣчаетъ нашъ историкъ, марка перевернулась, утвердительный актъ былъ взятъ назадъ; условія нарушены, деньги присвоены великой церкви, а самая та обитель приписана къ галесійской и подчинена ей". А такъ какъ Влеммидъ скончался въ томъ же 1272 г. (Vid. Bibliotheca ecclesiastica continens graecorum theologorum opera; p. 27); то не долго же царь и патріархъ исполняли обѣщаніе, облеченное въ столь торжественную форму.

(2) Пахим. стр. 314.

(3) Мѣсяцъ и день смерти Арсенія Пахимеръ опредѣляетъ весьма точно. Разсказывая объ истязаніи ритора Оловола и монаха Іасита

окруженный немногими преданными ему друзьями. Если вѣрить оставшемуся съ его именемъ завѣщанію, то на смертномъ одрѣ своемъ онъ снова повторилъ произнесенное имъ на императора отлученіе (¹).

Мелія за сопротивленіе уніи съ латинянами, Пахимеръ говоритъ: „Это происходило въ шестый день Елафоволіона (октября) наступившаго года (византійскіе греки начинали годъ сентябремъ), спустя шесть дней послѣ смерти патріарха Арсенія, который умеръ на островѣ тридцатаго Гамиліона (сентября)“. стр. 363—364. Что же касается года смерти, то онъ опредѣляется слѣдующими обстоятельствами. Пахимеръ говоритъ, что упомянутое истязаніе Оловола и Іасита случилось „спустя около года послѣ того, какъ поднятый вопросъ о соединеніи (съ латинскою церковью) всколебалъ души восточныхъ христіанъ (стр. 363)“. Между тѣмъ изъ разсказа Пахимера (въ 12 г. V кн. 343, 344 стр.) о собраніи патріарха и греческихъ архіереевъ въ царскихъ палатахъ по случаю прибытія пословъ Григорія X въ Константинополь, съ предложеніемъ мира между церквами, видно, что на этомъ собраніи „впервые“ были всколнованы души восточныхъ христіанъ, такъ какъ на немъ „впервые“ былъ поставленъ серьёзно вопросъ объ уніи и несчастному Оловолу тогда же пришлось поплатиться изгнаніемъ въ Никею, откуда, „не прошло и года“, какъ онъ истребованъ былъ, по темному доносу, для извѣстнаго истязанія, въ Константинополь вмѣстѣ съ Іаситомъ Меліемъ. Послы же Григорія X, избраннаго въ папы въ концѣ 1271 г., въ бытность его папскимъ легатомъ въ Сиріи, не могли прибыть въ Константинополь раньше, какъ въ концѣ 1272 г., такъ какъ грамоты папы на имя императора и патріарха Іосифа даны были посламъ въ Римѣ и помѣчены 24 числомъ октября 1272 г. (Vid. Rayn. sub. 1272 n. 25.).

(¹) Котелеръ, отыскавшій это завѣщаніе между рукописями королевской парижской библіотеки, издалъ оное во 2 томѣ Ecclesiae Graecae Monumenta (цитованномъ выше), безъ всякихъ объясненій; ученый рецензентъ этаго сборника въ Acta eruditorum (An. 1682—1684 ed. Lipsiae 1682—1684 in. 4° p. 137) ограничивается передачею вкратцѣ содержанія этаго документа, не поднимая вопроса объ его подлинности. Значитъ ли это, что оба ученые считали оное подлиннымъ? Иначе отнесся къ этому вопросу современникъ завѣщанія, императоръ Андроникъ I Палеологъ. Онъ положительно оспаривалъ его подлинность на слѣдующихъ двухъ основаніяхъ: а) оно не было подписано Арсеніемъ и б) по своему содержанію противорѣчитъ духу Арсенія (Vid. apud Pachym. Andronicus Palaeologus, lib IV c. II p. 276, 277 ed. Venet. 1729 in f°). Но, очевидно, ни то, ни другое основанія нерѣшительны. Первое слишкомъ формально, второе слишкомъ апріорично. Если Арсеній поставленъ былъ своею болѣзнію въ невозможность подписать завѣщаніе,

Смерть Арсенія не прекратила, да и не могла прекратить вызваннаго имъ движенія: а) потому, что всѣ факты, связанные съ его личностью и съ его дѣломъ, продолжали оставаться во всей силѣ и послѣ его смерти, каковы, напр., несправедливость и насиліе относительно его лица, — этотъ фактъ пріобрѣталъ даже извѣстную

какъ доказывалъ Андроникъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что эта невозможность простиралась и на самый актъ составленія завѣщанія,—подъ его диктовку или по крайней мѣрѣ по его желанію, оно могло быть написано другими, и въ томъ и въ другомъ случаѣ выражать дѣйствительно *его послѣднюю волю*. Равнымъ образомъ „повтореніе отлученія", представляющееся Андронику не мыслимымъ для патріарха, обнаруживавшаго постоянно самую широкую любовь христіанскую ко всѣмъ, не исключая и отлученнаго императора, притомъ „повтореніе" на *смертномъ одрѣ*, когда и обыкновенные люди прощаютъ и разрѣшаютъ самыхъ смертельныхъ своихъ враговъ,—очень мыслимо, если перенести этотъ фактъ съ нравственной почвы на каноническую. Императоръ отлученъ былъ Арсеніемъ не за личное его оскорбленіе, а за нарушеніе клятвы, торжественно данной церкви въ лицѣ ея патріарха и епископовъ. Такимъ образомъ, какъ отлученіе, такъ и разрѣшеніе его выходятъ совершенно изъ сферы личныхъ отношеній къ нему патріарха. Арсеній очень легко могъ простить Михаилу личную свою обиду по христіанской любви, но, какъ представитель церкви, онъ могъ снять съ него церковное наказаніе только подъ условіемъ исполненія церковной эпитиміи (Слѣдуя завѣщанію, патріархъ требовалъ отъ императора, чтобы онъ облегчилъ народу и торговымъ людямъ безмѣрныя подати и налоги, и подъ этимъ условіемъ обѣщался снять съ него отлученіе, а по словамъ Андроника Палеолога, онъ требовалъ, чтобы императоръ призналъ себя недостойнымъ царства и отказался отъ него въ пользу своего сына Андроника). А такъ какъ императоръ не исполнилъ ея, то Арсеній, желая быть послѣдовательнымъ, не снялъ съ него и наказанія. Въ завѣщаніи указаны слѣдующія основанія къ повторенію отлученія: „поелику онъ (императоръ), говорится здѣсь, превратилъ церковь Божію въ вертепъ разбойниковъ и домъ блудилищный, поелику онъ посадилъ на мой престолъ человѣка мною отлученнаго (Іосифа), поелику усиливался ввести въ церковь Божію, очищенную тысячами кровей, излiянныхъ *до* и *послѣ* Христа, равно какъ и кровію Его великой жертвы, нечестіе и мерзости латинянъ, и воздвигъ на нее великое гоненіе послѣ того, какъ гоненія на нее давно уже прекратились; то я повторяю надъ нимъ отлученіе, *которому онъ самъ подвергъ себя по собственной своей волѣ*, по собственному изволенію и по собственному рѣшенію,—

законченность въ его смерти, — мнимое или истинное запрещеніе имъ Іосифа, отлученіе императора, снятіе этого отлученія Іосифомъ и пр.; б) движеніе, вызванное Арсеніемъ, держалось не имъ, а его именемъ и его дѣломъ, — самъ онъ лично столь же мало принималъ въ немъ участія при своей жизни, какъ и по смерти, а его имя и его дѣло остались жить и послѣ его смерти,

да будетъ анаѳема, и предаю его сатанѣ, какъ *самъ онъ сначала предалъ себя своимъ клятвопреступничествомъ, а теперь предаетъ гоненіемъ на церковь Божію* (Слѣдуя завѣщанію, Михаилъ Палеологъ заклялъ себя при вступленіи на престолъ слѣдующею клятвою: „если я замыслю учинить какое либо зло, самъ ли собою или чрезъ другаго, господину (αὐθέντῃ) моему и наслѣднику и преемнику царства (Іоанну), то да буду я отлученъ отъ Животворящей и Единосущной Троицы и преданъ діаволу“). Тому же отлученію завѣщаніе подвергало, далѣе, всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, принимавшихъ сознательное участіе въ исчисленныхъ преступленіяхъ Палеолога. Нельзя не согласиться, что указанныя завѣщаніемъ основанія къ вторичному отлученію Михаила могли достаточно оправдывать оное въ глазахъ Арсенія. Къ нимъ могло присоединиться еще очень естественное желаніе—не дозволить Михаилу эксплоатировать его смерть для своего разрѣшенія, какъ раньше хотѣлъ онъ эксплоатировать таинство покаянія, и очень также возможное среди тѣхъ стѣсненій и лишеній, которыя изгнанному патріарху приходилось переносить на мѣстѣ своего изгнанія, раздраженіе противъ своего гонителя, пробивающееся въ каждомъ словѣ завѣщанія. Если примемъ все это въ расчетъ, то должны будемъ согласиться, что доводы Андроника противъ подлинности завѣщанія слишкомъ слабы, хотя не считаемъ достаточными для доказательства противнаго и намѣченныхъ нами оснований. Вообще этотъ вопросъ нуждается еще въ серьёзномъ и всестороннемъ обсужденіи.

Кромѣ завѣщанія, имя Арсенія носятъ на себѣ а) сборникъ каноновъ (въ количествѣ 141), помѣщенный во II-мъ т. Bibliothecae juris canonici veteris. (Ex codd. bibl. Ch. Justelli, Lutetiae 1661), б) одно правило (Στυλ καὶ Ἀρσενίου. Περὶ γάμου δύο ἀδελφῶν μετὰ νύμφης καὶ ἀνδραδέλφης) въ Jus Graecoromanum Leunclavii. (Francofurti. 1596 t. I. p. 217). г) Nomocanon (въ концѣ рукописнаго греч. кодекса, упоминаемаго Удиномъ) и д) Lexicon (упоминаемый in Breviario et supplemento Commentariorum Lambecianorum de Biblioth. Caesarea Vindobonensi anno 1690. Vindobonae 1690 in f°, in parte 4, per Danielem de Nessel). Vid. *C. Oudini*, Commentarius de Scriptoribus ecclesiasticis. Lipsiae. 1722 in f°, t. III, p. 231. Conf. *Fabritii*. Biblioth.—Graeca. ed. Harles. in 4°. t. XI, p. 216.

слѣд.... в) съ самаго же начала, какъ мы видѣли, арсеніанское движеніе осложнилось такими элементами, которые не имѣли никакой генетической связи съ дѣломъ Арсенія и которыхъ самъ Арсеній никогда не призналъ бы солидарными съ собою, и, такимъ образомъ, питалось и поддерживалось такими началами и интересами, которые въ случаѣ нужды давали ему возможность самостоятельнаго существованія и независимо отъ личности Арсенія; наконецъ, г) благодаря системѣ преслѣдованій, принятой правительствомъ, арсеніанское движеніе, державшееся сначала однимъ только именемъ Арсенія, постепенно развилось до формы самостоятельной фракціи, у которой явились уже свои особые, отличные отъ номинальнаго главы ея, интересы; семилѣтняя борьба ея съ правительствомъ, ознаменованная жестокими истязаніями отдѣльныхъ ея членовъ со стороны послѣдняго, создала для ней свою собственную исторію, отдѣльную отъ исторіи Арсенія; — въ теченіе этого времени и при указанныхъ условіяхъ образовались у ней свои преданія, возникли особые счеты съ правительствомъ, требовавшіе продолженія борьбы. И борьба дѣйствительно продолжалась.

(Продолженіе будетъ)

И. Троицкій.

ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ПАМЯТНИКОВЪ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПОСЛАНІЕ ПАТРІАРХА ІОВА КЪ ГРУЗИНСКОМУ МИТРОПОЛИТУ НИКОЛАЮ.

Первый русскій патріархъ (1589—1605) меньше всѣхъ пользуется у насъ извѣстностію со стороны своей литературной дѣятельности. Между тѣмъ какъ напечатанныя уже въ разныхъ изданіяхъ (1) его произведенія, о которыхъ покойный преосв. Филаретъ черниговскій, скорѣе строгій, чѣмъ снисходительный въ своихъ приговорахъ, говоритъ, что они „писаны съ живымъ одушевленіемъ, перомъ краснорѣчивымъ (2),“ такъ, въ особенности печатаемое здѣсь въ первый разъ его посланіе къ грузинскому митрополиту Николаю, даютъ видѣть въ немъ пастыря сколько ревностнаго, столько

(1) Двѣ рѣчи царю Борису, двѣ грамоты — одна объ избраніи Годунова на царство, другая—по случаю войны съ Отрепьевымъ (Акты Арх. Эксп. т. II, №№ 1, 5, 8, 28), посланіе къ грузинскому царю Александру (А. И. т. 1, № 227) и служба преп. Іосифу Волоцкому, доселѣ печатающаяся для церковнаго употребленія.

(2) Обзоръ. Р. дух. Л. стр. 211, въ III кн. учен. зап. II отд. Акад. наукъ. Также ист. Р. ц. пер. 4, стр. 61.

же и просвѣщеннаго, обладавшаго значительною начитанностію, и дають основаніе думать, что своимъ высокимъ саномъ, избраніемъ въ патріархи, Іовъ былъ обязанъ не одной пріязни съ Годуновымъ, какъ привыкли у насъ думать въ слѣдъ за Карамзинымъ, но и дѣйствительнымъ своимъ достоинствамъ и заслугамъ — пастырской ревности и богословской образованности.

Предлагаемое посланіе Іова одно изъ всѣхъ, извѣстныхъ до настоящаго времени его сочиненій, оставалось доселѣ не напечатаннымъ. Представляется непонятнымъ, почему археографическая коммисія, напечатавшая въ „актахъ историческихъ“ „умное“, по выраженію преосв. Филарета, посланіе Іова къ грузинскому царю Александру, оставила безъ вниманія гораздо болѣе важное во всѣхъ отношеніяхъ посланіе къ митрополиту Николаю, написанное одновременно съ первымъ и находящееся въ томъ же самомъ сборникѣ новгородской софійской библіотеки, изъ котораго коммисія заимствовала (въ неоконченномъ видѣ) посланіе Іова къ царю Александру. Между тѣмъ и по своей обширности, и по своимъ литературнымъ достоинствамъ, и, главное, по важности своего содержанія, какъ одинъ изъ не многихъ памятниковъ вѣроизложенія древней русской церкви— посланіе къ митрополиту Николаю должно занимать, по нашему мнѣнію, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ не только между сочиненіями самаго патріарха Іова, но и вообще въ ряду учительныхъ пастырскихъ посланій древней Руси ([1]). Древне—русская богословская лите-

([1]) Пастырскія учительныя посланія были въ древней русской церкви едва ли не самымъ главнымъ видомъ церковнаго учительства. Значеніе ихъ для христіанскаго просвѣщенія древней Руси прекрасно выяснено въ замѣчательной статьѣ свящ. Николаевскаго: „русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ“ (см. журн. м—ва нар. просв. 1868 г. февраль, стр. 368—374.

ратура такъ не богата самостоятельными символическими вѣроизложеніями, что и независимо отъ своихъ литературныхъ достоинствъ „образъ здравыхъ словесъ“,— предлагаемый первостоятелемъ одной помѣстной церкви іерархіи другой—долженъ быть отмѣченъ крупными чертами въ исторіи отечественнаго богословія и заслуживаетъ сдѣлаться извѣстнымъ ученому міру. Таковы причины, почему предполагая, отъ времени до времени, печатать въ „Христіанскомъ Чтеніи“, по рукописямъ софійской библіотеки, не изданныя произведенія древней русской литературы, мы остановили, на первый разъ, свой выборъ на „посланіи патріарха Іова къ грузинскому митрополиту Николѣ и всему освященному собору иверскія земли“ (¹).

Обстоятельства происхожденія издаваемаго въ настоящій разъ памятника отчасти указываются въ немъ самомъ, и со всею подробностію изложены въ исторіи грузинской церкви г. Іосселіана (Спб. 1843 г. стр. 102—105). Паденіе византійской имперіи отозвалось тяжелыми послѣдствіями для единовѣрной съ нею Грузіи. Императоры византійскіе искони были защитниками не большой единовѣрной страны какъ отъ Персовъ, со времени Хозроя опустошавшихъ Грузію своими набѣгами, такъ и отъ Турокъ, еще за долго до паденія Византіи поселившихся также по сосѣдству съ Грузіей, въ Анатоліи и малой Азіи. Со взятіемъ Константинополя турками Грузія уже не имѣла болѣе защиты; магометанская пропаганда въ короткое

(¹) По времени мы имѣемъ въ виду печатать не изданныя сочиненія и другихъ русскихъ патріарховъ. Одни изъ нихъ мы имѣемъ въ рукописяхъ софійской б—ки, другія—въ Императорской публичной, въ отдѣленіи рукописей Погодинскихъ.

время сдѣлала быстрые успѣхи; паши Анатоліи постоянно грабили и опустошали Грузію. Къ этому по временамъ присоединялись внутреннія междоусобія владѣтелей Грузіи. Церковныя дѣла здѣсь постоянно находились не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ дѣла политическія. Поставленная въ постоянныя непосредственныя отношенія къ церкви греческой, состоя значительное время въ іерархической зависимости отъ патріарха антіохійскаго и въ самой тѣсной связи съ сопредѣльною церковію армянскою, Грузія постоянно находилась подъ живымъ воздѣйствіемъ религіозныхъ смутъ, волновавшихъ христіанскій Востокъ. Къ этому присоединялась по временамъ пропаганда папизма, успѣвшаго даже учредить здѣсь свои епископскія каѳедры (Іоссел: стр. 88—89, 90, 95), а также протестантизма (тамъ же стр. 97). Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ благоустройство церковное и христіанское просвѣщеніе страны къ концу XVI в. пришли въ крайній упадокъ. При такихъ обстоятельствахъ въ 1587 г. царь Грузіи Александръ II отправилъ въ Москву пословъ своихъ „князя Каплана, да Хуршита, да старца Кирилла" и слезно просилъ царя Ѳедора Іоанновича о помощи противъ невѣрныхъ. Митрополитъ Николай съ своей стороны въ особыхъ посланіяхъ къ царю Ѳеодору и патріарху Іову просилъ вразумленія и содѣйствія по части устроенія религіозныхъ и церковныхъ дѣлъ. Предлагаемое посланіе Іова и составляетъ отвѣтъ на посланіе митрополита Николая. Оно имѣетъ весь характеръ символическаго вѣроизложенія, предлагаемаго одною помѣстною церковію, благоденствующею и твердою въ вѣрѣ, другой, бѣдствующей и одолѣваемой еретическими смутами.

Послѣ обычнаго пастырскаго привѣтствія, упомянувши о неустроеніяхъ въ грузинской церкви и образовавшихся въ ней нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ чистоты православнаго ученія („не во всемъ исполнено христ. вѣру вамъ держащимъ, не во многѣ съ нами раздѣляетеся“), патріархъ указываетъ источникъ всѣхъ этихъ золъ въ исконномъ врагѣ человѣческаго спасенія діаволѣ, который, не довольствуясь вводить людей въ грѣхъ, зная, что никакой грѣхъ не губитъ такъ человѣка, какъ еретичество, съ самыхъ первыхъ временъ церкви возставлялъ въ ней еретиковъ, нарушавшихъ ея миръ. Перечисленіе и опроверженіе различныхъ еретическихъ заблужденій даетъ патріарху поводъ изложить въ общихъ чертахъ почти всѣ главные пункты христіанской догматики, примѣнительно къ предполагаемымъ потребностямъ грузинской церкви (ученіе о св. Троицѣ, о таинствахъ, о почитаніи иконъ, мощей, святыхъ, Богоматери и пр.). При этомъ мы замѣчаемъ любопытную черту нашихъ старинныхъ литературныхъ нравовъ: излагая ученіе еретиковъ и опровергая ихъ, патріархъ пользуется словомъ пресвитера Козьмы на богомиловъ (памятникъ болгарской литературы, вмѣстѣ съ сочиненіями болгарскаго царя Симеона и Іоанна экзарха, появившійся въ Россіи при самомъ началѣ въ ней христіанства (1)); онъ буквально заимствуетъ изъ него цѣлыя тирады, не указывая на источникъ и весьма искусно приспособляя вы-

---

(1) О словѣ Козьмы, составляющемъ первоначальный и лучшій источникъ для изученія секты Богомиловъ, см. въ изданіяхъ *Калайдовича* („Іоаннъ, экзархъ Болгарскій“), и *Палаузова* („вѣкъ царя Симеона“), также у Руднева, въ разсужденіи о ересахъ, гдѣ напечатанъ и отрывокъ изъ слова (въ примѣч. 33, стр. 7—10); другой отрывокъ напечатанъ въ прологѣ, подъ 21 января. Въ полномъ составѣ слово Козьмы см. въ „Правосл. собесѣдникѣ за 1864 годъ.

держки изъ слова Козьмы къ цѣлямъ своего посланія, такъ что только при самомъ близкомъ знакомствѣ съ словомъ Козьмы можно замѣтить ихъ. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту посланія мы указываемъ эти заимствованія. Затѣмъ перечисливши до мельчайшихъ подробностей всѣ обряды и установленія прав. церкви, патріархъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на изложеніи обязанностей пастырскаго служенія, обязанностей иноковъ, строго обличаетъ возможныя злоупотребленія монашеской жизни, затѣмъ особенно подробно излагаетъ ту теорію отношеній церкви къ государству, которая изъ кодекса Юстиніана и изъ другихъ, спеціальныхъ, памятниковъ церковнаго законодательства Византіи, перешла въ древнюю Русь, и болѣе, чѣмъ что-либо другое характеризуетъ ея церковную жизнь,— ту теорію, за которую послѣднимъ борцемъ является послѣдній изъ патріарховъ, Адріанъ, еще съ большимъ энтузіазмомъ и съ большею обстоятельностію раскрывшій ее въ своихъ доселѣ не изданныхъ сочиненіяхъ (Рукоп. Соф. б—ки № 1503): „два великія начальства устрои Богъ: святительство и царство; ово убо Божественнымъ служащи, ово человѣческимъ владущо"…. Патріархъ Іовъ горячо стоитъ за неприкосновенность правъ церкви въ области вѣроученія и священнодѣйствія, въ поставленіи на іерархическія степени, въ распоряженіи церковными имуществами. Наконецъ, въ заключеніе, послѣ нѣскольких замѣчаній о папствѣ, и о не задолго передъ тѣмъ возникшемъ протестантствѣ, („родъ фряжскій, въ Божественномъ (!) писаніи Германи глаголются"), которое патріархъ представляетъ себѣ весьма смутно, онъ еще разъ обращается къ пастырямъ грузинской церкви съ трогательнымъ воззва-

ніемъ о самоотверженномъ выполненіи обязанностей своего званія. Все посланіе проникнуто высокимъ религіознымъ одушевленіемъ и братскою любовію къ грузинскимъ христіанамъ.

Мы заимствовали посланіе Іова, какъ сказано, изъ рукописнаго сборника новгородской софійской библіотеки (№ 1475). Эта библіотека съ принадлежащею къ ней библіотекою Кириллова Бѣлозерскаго монастыря (послѣдняя присоединена къ ней въ к. XVIII в.), составляющая, въ слѣдствіе распоряженія св. синода, съ 1857 года, собственность нашей академіи, доселѣ еще ждетъ своего Востокова или лучше сказать—своихъ Горскаго и Невоструева. Преосв. Макарій, извлекшій изъ нея столько драгоцѣнныхъ матеріаловъ для своей исторіи русской церкви и исторіи раскола; м—тъ Евгеній и архіеп. Филаретъ, почерпнувшіе изъ нея столько свѣдѣній, одинъ для своего „словаря", другой для своего „обзора"; гг. Костомаровъ, Пыпинъ и Тихонравовъ, извлекшіе отсюда значительное количество изданныхъ ими памятниковъ древней русской литературы (преимущественно—такъ называемой „отреченной"); всѣ эти ученые далеко не исчерпали всего богатства этаго богатѣйшаго книгохранилища, содержащаго въ себѣ въ настоящее время около 3500 рукописныхъ сборниковъ (въ томъ числѣ пергаменныхъ рукописей 87: одна—XI в. пять—XII-го, три—XII—XIII-го, восемь—XIII-го, пять—XIII—XIV в., тридцать семь XIV-го и пр.) не считая книгъ старопечатныхъ. Самую капитальную собственность этой библіотеки составляетъ первоначальный экземпляръ великихъ миней-четіихъ м—та Макарія (¹),

(¹) Въ настоящее время эти минеи-четіи по списку нашей б—ки, издаются археограф. коммисіей, трудами члена оной П. И. Саввантова.

принесенный въ даръ св. Софіи самимъ составителемъ этой древней русской энциклопедіи, бывшимъ архіепископомъ новгородскимъ (кромѣ этого экземпляра извѣстны еще два, принадлежащіе нынѣ московской синодальной библіотекѣ)... Для ученой разработки софійской библіотеки, даже для простаго описанія ея сокровищъ, сдѣлано пока весьма не много. Г. Купреяновъ написалъ „историческій очеркъ софійской б—ки" („извѣстія II-го отд. Имп. ак. наукъ" т. V); онъ же составилъ „обозрѣніе пергаменныхъ рукописей ея (см. тамъ же); въ Русскомъ Вѣстникѣ Глинки за 1842 г. напечатанъ каталогъ софійской б—ки, составленный въ 1784 г. по распоряженію митрополита Гавріила; наконецъ въ 3-мъ выпускѣ „лѣтописи занятій археографич. коммисіи (1864 г.)" напечатано составленное по образцу Востоковскаго „описанія румянцевскаго музеума", г. Ф. Смирновымъ „описаніе 24-хъ рукописныхъ сборниковъ XVI в. библіотеки Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря": вотъ, все, что сдѣлано для ученаго описанія софійской б—ки! Будемъ надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ научная разработка рукописей этой б—ки, какъ и вообще памятниковъ древней русской литературы, остающихся доселѣ не изданными и хранящихся въ другихъ библіотекахъ, не замедлитъ дать намъ новыя доказательства высокой духовной энергіи древней русской церкви и все больше и больше будетъ способствовать утвержденію того уважительнаго взгляда на литературную производительность древней Руси, какой высказалъ самый почтенный дѣятель на этомъ поприщѣ покойный Шевыревъ.

Читателямъ извѣстенъ первый выпускъ этаго капитальнаго изданія, содержащій въ себѣ первые 13-ть дней сентября.

„Наконецъ—нѣсколько словъ о способѣ изданія, какого мы держались при напечатаніи настоящаго памятника. Печатая посланіе Іова съ рукописи XVII в. (писана хорошимъ полууставомъ), мы не считаемъ нужнымъ удерживать ореографію рукописи въ ея полномъ видѣ. Памятникъ этотъ имѣетъ интересъ литературно-богословскій, а, отнюдь, не палеографическій и не археологическій. Удерживая грамматичесія формы и фонетическія особенности стариннаго русскаго языка въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ представляются въ рукописи, чтобы облегчить чтеніе—мы позволили себѣ держаться правилъ современной ореографіи въ употребленіи буквъ *ѣ* и *е*, *і* и *и* (которыя въ рукописи употребляются совершенно безразлично), разставили знаки препинанія, которыя въ рукописи въ полномъ пренебреженіи, наконецъ уничтожили всѣ сокращенія и титлы. Мы совершенно раздѣляемъ взглядъ автора „опыта литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ", который говоритъ: „памятники XVII и XVII вв. не имѣютъ большой филологической важности, и въ перепискѣ ихъ достаточно сохранять чтеніе, а не способы написанія. Всѣ сокращенія, которыми обильны рукописи XVII в., разрѣшаются весьма обыкновеннымъ чтеніемъ и не нуждаются въ точномъ соблюденіи подлинника. Кромѣ того эти рукописи обильны и ошибками чисто ореографическими, которыя были ошибками и въ старину; сохраненіе ихъ нисколько не прибавило бы колорита памятнику, потому что онѣ обнаруживаютъ только незнаніе переписчиковъ" (¹). Наконецъ—трудами Калайдовича, Востокова, Погодина (образцы славяно—русскаго древне—писанія 1840—41), Иванова, Буслаева и Срезнев-

(¹) Учен. Запис. 2-го отд. Имп. Ак. наукъ, кн. 4-я стр. 21—22.

сково-русская палеографія поставлена на текущую степень научнаго совершенства, что сдѣлать точное воспроизведеніе неисправной рукописи XVII в. (напр. Софійскій сборникъ № 1475) можетъ прибавить что-нибудь. А между тѣмъ такое воспроизведеніе затруднило бы чтеніе памятника.

Илл. Барсовъ.

ПОСЛАНІЕ ІОВА, ПАТРІАРХА МОСКОВСКАГО И ВСЕЯ РУСІИ, КЪ МИТРОПОЛИТУ НИКОЛАЮ И ВСЕМУ СВЯЩЕННОМУ СОБОРУ ИВЕРСКІЯ ЗЕМЛИ ГРУЗИНСКАГО ЦАРСТВІЯ.

По благоволенію Господа Бога, Вседръжителя, безначальнаго Отца, и поспѣшеніемъ единороднаго его и събезначалнаго Сына, Господа нашего Іисуса Христа, и съдѣйствіемъ всесвятаго и животворящаго Духа — равнопокланяемыя и славимыя святые единосущныя и животворящія и нераздѣлимыя Троица, и моленіемъ пречистые преблагословенныя владычици нашія Богородици и присводѣвы Маріа, общіе всего христіанскаго рода помощница и заступница, и силою честнаго и животворящего креста Господня укрѣпляеми и святыхъ непобѣдимыхъ воеводъ и архистратигъ невещественныхъ силъ, Михаила и Гавріила и прочихъ небесныхъ бесплотныхъ, и предстателствомъ честнаго и славнаго пророка и предтечи крестителя Господня Іоанна и великыхъ чюдотворцовъ и всѣхъ святыхъ молитвами, неизреченная ([1]) намъ своимъ дивнымъ промысломъ

([1]) Въ рук. неизреченнаго.

оустрояющаго человѣчьскому роду полезная, паче же намъ христіаномъ его божественною благодатію съблюдаемымъ и отъ тля на нетлѣніе представляемымъ (¹), и отъ нижнихъ на вышнее восходящимъ, понеже не отъ земля въ землю плаваемъ, но отъ земля на небо. Благословеніе смиренаго Іева, патріарха царствующаго града Москвы и всея Руси, возлюбленному сыну и сослужбнику нашего смиреніа преосвященному митрополиту Николѣ, святые соборные апостольскіе церкви всемірнаго воздвиженіа честнаго и животворящего креста Господня и священноначалнику Божіего града Цхете, іверскіе земли грузинскаго царства, и священноначалникомъ: преосвященнымъ архіепископомъ и епископомъ, и честнѣйшимъ преподобнымъ архимандритомъ, и игуменомъ, и священноинокомъ, и инокомъ и презвитеромъ, и діакономъ, и всему освященному собору части и жребія пречистые владычици нашея Богородици (²).

Царь вашъ Александръ присылалъ бити челомъ пословъ своихъ: князя Каплана, да старца Кирила, да Хуршита (³), для исправленіа вѣры христіянскіа о оучителехъ, къ христолюбивому Государю, благочестивому царю и великому князю Феодору Ивановичю всеа Русіи. Благодатію Христовою сынъ святыа съборныя

(¹) Въ рук. представляемыхъ.

(²) „Части и жребія Богородици". Извѣстно преданіе восточной церкви, записанное Стефаномъ святогорцемъ, что когда, по вознесеніи Іисуса Христа на небо, апостолы, вмѣстѣ съ Богоматерью, собрались въ сіонской горницѣ ожидать обѣтованнаго Утѣшителя, то при этомъ „метнуша жребія, которая коемуждо отъ нихъ страна будетъ, еже бы тамо проповѣдати евангеліе. Рече же пресвятая: хощу и азъ съ вами метнути жребій... и паде ей жребіемъ иверская земля... Ангелъ же Божій рече: не отлучайся Іерусалима, жребій же твой просвѣтится въ послѣдния дни..." (Четіи-Минеи, подъ 15 августа).

(³) Карамзинъ, между посланными царя Александра, вмѣсто Каплана называетъ священника Іоакима (т. X, примѣч. 114).

великія апостольскія церкви и нашего смиренія, благовѣрный Государь, царь и великій князь Феодоръ Ивановичъ всея Русіи, богошественный святаго пути, богоуставному закону мудрый изыскатель, святыхъ правилъ богозрачнѣ цвѣтущи исходатай и спосиѣшникъ благоразумный, истиннѣ дѣлатель, по добротѣ сердецъ вашихъ и по желанію истинному царя вашего Александра, спасенія ради вашего, чтобы вы сынове Божіи сподоблени были, послалъ къ вамъ посла своего, князя Семена Григорьевича Звенигородскаго, да съ нимъ вмѣстѣ къ вамъ послалъ, по совѣту съ нами, оучителныхъ превеликія лавры пресвятыя живоначалныя Троицы и преподобнаго Сергіа чюдотворца, соборново старца Закхея ([1]), благовѣрія ради къ истинному извѣщенію правыя вѣры, непоколебимо бы вамъ и непревратно соблюдати истинныхъ церковныхъ преданій и просвѣтити(ся) благоразуміемъ, терніе посѣчи и лозу благовѣрія насадити, злорѣчіе посѣчи яко хврастіе, благочестіе исполнити. Яко убо и далече живущимъ вамъ любовными крылы достизаете до благочестиваго царя нашего и до насъ и молите духовнѣ вѣрою истинною христовою просвѣтити васъ въ недоумѣніи, чтобы вы съ нами были едина церковь и едина вѣра, и едино крещеніе, и единство въ всякомъ исправленіи по благовѣстію Христову и по апостольскому преданію и по святыхъ отецъ ученію. Пишетъ бо: волю боящихся его

([1]) По другимъ указаніямъ, кромѣ бывшаго казначея троицкой лавры Закхея, отправлены были іеромонахъ лавры Іероѳей, Чудова монастыря діаконъ Ѳеодосій, да иконописцы успенскій священникъ Богданъ, архангельскій священникъ Димитрій и діаконъ Ѳеодоръ. См. Исторію Рус. Церкви пр. Филарета, періодъ 4, стр. 60; откуда пр. Филаретъ заимствовалъ эти свѣдѣнія—неизвѣстно, такъ какъ ни у Карамзина, ни у Іосселіани, которыхъ онъ цитуетъ, объ упоминаемыхъ лицахъ ничего не говорится

сотворитъ Богъ и молитву ихъ оуслышитъ и спасетъ я. И самъ рече Господь: просите и прiиме(те), ищете, и обрящете, толцыте и отверзется вамъ; всякъ просяй прiиметъ и ищай обрящетъ, толкущему отверзется. И паки рече: (иже) вѣру иметъ (и) креститься, спасенъ будетъ, а иже вѣры не иметъ, осужденъ будетъ. Страшно есть впасти въ руцѣ Бога живаго. Христiане оубо васъ Божiею благодатiю изначала знаемъ, и не вѣмы, откуду возникоша соблазны и возбраниша божественному пути, завистiю истиннѣ врага и благочестiю сопостата, непрестанно многыми злыми лукавствы прелестными отводя отъ благовѣрiя, нынѣ не во всемъ исполнено христiанскую вѣру вамъ держащимъ, не во многѣ съ нами раздѣляетеся. И внемлите же себѣ видтелно отъ святыхъ апостолъ и святыхъ седми соборовъ вселенскихъ и отъ всѣхъ святыхъ исповѣдуема истинная благочестивая православная христiанская вѣра. Блюдите оубо себе и всего стада, въ немъже васъ постави Духъ святый охраняти блюсти церкви Господа нашего Iисуса Христа и пасти стадо его словесныхъ овецъ.

Яко восходя Господь на небеса, вдаде апостоломъ два завѣта: ветхiй и новый. Сiя же прiимше святiи апостоли, та же по нимъ церковные пастырiе и оучители: иже вси духомъ божественнымъ наставляеми, ова оубо оставиша, ова же оузаконоположиша и предаша святѣй церкви. И сiя вся церковная преданiя, писаная и не писаная, оузаконеная намъ отъ Бога и отъ св. апостолъ и богоносныхъ отецъ нашихъ, непреложно подобаетъ соблюдати. Многа и различна оустроенiя, чины же и оуставы, правила и законы, отъ божественныхъ апостолъ прiятъ святая церкви. Таже по апостолѣхъ богоноснiи отцы много предаша и навершиша

святѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви. Подобнѣ чины, и оустроенія, и весь оуставъ христіанскаго житія: и на поставленіе патріархомъ молитвы, и оуставы, и чины, и разчиненія, и предѣлы коегождо ихъ, и мѣста и сѣдалища митрополитомъ, и архіепископомъ, и епископомъ, архимандритомъ и игуменомъ, священникомъ и діакономъ, иподіакономъ, чтецемъ, и пѣвцемъ и свѣщеносцемъ, молитвы на крещенія еже отрицатися сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и на обрученіе же, и на вѣнчанія, и на покаяніе, и на причащеніе животворящаго тѣла и честныя крови Господа нашего Іисуса Христа, отрицанія жъ и обѣщанія, молитвы на постриженіе иноческаго образа, малаго и великаго, иже глаголется второе крещеніе, и на потребеніе инокомъ и мірскимъ, оуставы и тропари и молитвы, и иже въ литургіяхъ дивно освященно уставы счетанія: первая Василія великаго, вторая Златоустаго, третія папы римскаго, иже въ великій постъ поется. И молитва на Богоявленіе, на сшествіе святаго Духа, и въ началѣ индикта, еже есть начало новаго лѣта, и на освященіе церквамъ, и на освященія святаго масла, и на освященіе святаго мѵра, и на освященіе водѣ, и на поставленіе православныхъ царей. Пѣсни же, и пѣнія, и сѣдальны, тропари и кондаки, и степенны, и всенощныя оуставы, и пѣнія, господскимъ праздникомъ и прочимъ, другимъ же аллилуіа и посты, иныя же евангельскія праздники, иныя же славословныя нарекоша, и оуставиша чтенія жъ торжественна и обычна, и повѣсти, и словеса, и житія святыхъ въ праздничныя дни и обычныя оузаконоположиша и предаша святѣй церкви посты же и моленія и поклоненія животворящему кресту, и честнымъ и святымъ иконамъ, начертанія же

письмены и иными вещми въ святыхъ церквахъ и на священныхъ сосудѣхъ и ризахъ, и на стѣнахъ, и на дсках, и въ домѣхъ и на путехъ въображенія Господа нашего Іисуса Христа и пречистыя его Матере, и великаго пророка и предтечи крестителя Господня Іоанна, и божественныхъ апостолъ, и богоглаголивыхъ пророкъ и всѣхъ святыхъ. Сихъ завѣщаша писати и поклонятися имъ и божественному евангелію, и священнымъ сосудомъ, и священнымъ божественнымъ храмомъ, за еже въ рукотворенныхъ насъ ради пожити Изволившаго и того божественная словеса вещными написатися человѣколюбіе даровавшаго. Почитати же и поклонятися мощемъ святыхъ истинныхъ оугодниковъ христовыхъ и яко по истинѣ отъ Бога освятителну и цѣлебную пріимше благодать недуги отгоняти и болѣзни исцѣляти. Въ истинну чюдо преславно, яко кости наги источаютъ исцѣленія! Слава единому премудрому Зиждителю Богу, яко же писано есть. И прочія законы и оуставы, яже святая церкви пріятъ и пріемше намъ предаде, непреложно соблюдати подобаетъ. Сія есть вѣра святыхъ апостолъ, яже научени быша отъ Бога. По святыхъ же апостолѣхъ богоносніи отцы, яко же и предречеся, многа оуправленія и законы предаша святѣй церкви вдохновеніемъ святаго Духа. И оубо святіи апостоли о имени Іисусъ Христовѣ, и вѣры, яже въ онь, и о законѣ благодати многы труды и болѣзни показаша и кровію скончашася и вседушьно сташа противъ нечестивыхъ царей и мучителей, благочестіе соблюдоша, вѣнцы побѣдными отъ Христа Бога оувязъшася, и оубо своими о Христѣ болѣзньми и подвигы вселенную оукрѣпиша, и бѣсы прогнаша, и нечестивыхъ посрамиша. Презрѣша бо міръ и яже суть въ

мірѣ, и всяку сладость, и славу, и честь, и высоту, и гордость, и болярство, и возвышеніа престолы, и благородіе преизящное, и гордѣніе всякое, и царства и княженіа, и предстоящая отроки, и предрыщущая слугы, и безчисленное богатство, грады же и села, кони же и златыя утвари, и сладость ястія и питія, и златопрядныя постеля, и прочее плотское услаженіе ни во чтоже вмѣниша, но все свое желаніе и мудрость и разумъ показаша о вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа. Яже пріяша мы христіане отъ священныхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ и потомъ не преложно подобаетъ намъ съблюдати.

Вся оубо заповѣди Господа нашего Іисуса Христа спасенія ради бесѣдованы суть ([1]). Аще бо оудаляемся отъ заповѣдей его, но онъ, яко человѣколюбивый отецъ, терпитъ злобы наша, не хощетъ никого погубити, но желая всѣхъ насъ спасти, ово святымъ евангеліемъ, ово апостолы, ово святыми отцы, да не впадемся въ ровъ еретичьскій. Се вѣдый искони врагъ нашъ діаволъ не престаетъ блазня человѣческый родъ, начатъ отъ Адама даже доселѣ не отстанетъ ища кого бы прелстити отъ вѣры истинныа, да быша были съ ними въ мукѣ, и овы прелсти поклонитися кумиромъ и на прочая грѣхи. Но видѣвъ ихъ діаволъ, яко въ сѣти грѣшніи а не суть точни ереси ([2]), влѣзе прьвіе во Аріа, иже нача хулити Сына Божія, не творя его равна отцю, забывъ Христа глаголюща: азъ и отецъ едино есвѣ. Такоже и

([1]) Вся убо заповѣди... Съ этихъ поръ начинаются выдержки изъ слова пресвитера Космы, отчасти буквальныя, отчасти съ пропусками, съ незначительнымъ перифразомъ и небольшими вставками. Сличи Прав. Собесѣд. 1864 г. апрѣль, май, іюнь.

([2]) Вѣроятно слѣдуетъ читать: но видѣвъ, *яко всѣ ти грѣси* не суть точни ереси и пр.

въ Савелія, иже нача сливати, глаголя: Божествомъ и плотію Христосъ пострадалъ есть на крестѣ. Македоніе жъ святаго Духа хуляше, хужьдша творя Отца и Сына. И прочая единомысленики ихъ наполнишася различныхъ ересей, ихъ же оученія прокляша святіи отцы и истребиша отъ христіанъ. Пишу жъ богатствомъ Господа нашего Іисуса Христа, яко можетъ и нашь оуставити языкъ на обличеніе врагъ креста Христова о нихъ же Павелъ къ филипписіомъ пишетъ: блюдитеся песъ, блюдитеся раскола, обличайте жъ словеса ихъ злодѣйствія. Мню, яко и воздухъ скверніится дѣлы ихъ. Насъ бо ради сниде Господь съ небеси. Заповѣди его соблюдемъ и избавимся лютыхъ мукъ, да не на насъ збудется реченное Господемъ: аще не быхъ пришелъ и глаголахъ, грѣха не быша имѣли. Свинія бисера обинуется (1) а мотылы (2) беретъ, тако же еретицы свой смрадъ жируютъ, а божественныхъ ученій удаляющеся, и къ бѣсомъ приложишася. Но злѣйши суть бѣсовъ: бѣси бо креста Христова боятся, еретицы жъ посѣкаютъ кресты. Бѣси боятся праведникъ Божіихъ, не смѣяху прикоснутися ковчегомъ ихъ, въ нихже лежитъ безцѣнное сокровище. Еретицы же ругаются и насмѣхаются, видящи насъ кланяющихся имъ, забывше Господа рекша: вѣрующій въ мя, дѣла, яже азъ творю, и тіи сотворятъ. И болши тѣхъ еретицы глаголютъ: не суть апостоли литургіи и комканія (3) предали, но Іоанъ Златоустъ. Видите по вочеловѣченіи Христовѣ до Іоана лѣтъ болѣе трехъ сотъ, да толико лѣтъ церкви Божія безъ литургіа ли суть были и безъ комканія? Петръ

---

(1) Обиноваться—сомнѣваться, опускать.

(2) Мотыло—навозъ, пометъ.

(3) Комканіе—св. евхаристія, вѣроятно отъ лат. *communicatio*; слово, часто встрѣчающееся въ древнихъ памятникахъ.

апостолъ нѣсть ли литургіа сотворилъ? Іаковъ братъ Господенѣ по плоти первый епископъ Христомъ самѣмъ поставленъ въ Іерусалимѣ, и литургію сотворилъ. Потомъ великій Василей, отъ Бога извѣщеніа пріимъ, предавъ намъ литургію и о комканіи оустроивъ, и научи, якоже повелѣ ему Духъ святый. И послушаимъ апостола Павла глаголюща: чадо Тите, сего ради тя оставихъ въ Критѣ, да недоконча̀нная наполниши, во всѣхъ градѣхъ попы, яко же ти азъ повелѣхъ. Тимоѳея Павелъ поставилъ въ попы, таже и писаше къ нему: не лѣнись о своемъ дару, иже въ тебѣ возложеніемъ руку на поповство. Прилежащіи добрѣ попове сугубей чести да сподобляются, тружающеся словомъ и оученіемъ. Аще попове оупиваются, и сварливіи, злато — и сребро—любиви, и такихъ ради дѣлъ апостолу Павлу глаголющю: согрѣшающая предъ всѣми обличай, да прочіи страхъ имѣютъ. Плотская дѣлеса, рече Павелъ, блудъ, прелюбодѣяніе, служба кумиромъ, волшба, вражда, зависть, ревность, ярость, убійство, піянство и прочая: таковая царства Божіа не наслѣдятъ. Гласъ великій верховный Петръ: глагола Богъ оусты святыхъ пророкъ отъ вѣка. Слыши же и Павла повѣдающа: первіе постави апостолы, второе пророки, третіе оучители, потомъ же силы, таже дарованіе. И тѣхъ оусты святый духъ возвѣстилъ есть вся: проклятъ бо, рече, всякъ иже не пребудетъ во всѣхъ книгахъ законныхъ. Еретицы же ни во что же имуть словеса, яже оусты святыхъ възвѣща, и всѣхъ отмещутся, и не почитаютъ, ихже звѣри сверѣпіи убояшася и огнь оугасе. И еще надъ сѣми окаянніи творятъ: преславныя и преблагословеныя пречистые его Богоматери Господа нашего Іисуса Христа не чтятъ, ихъ же рѣчи и мерзскія гордости неудобно пи-

сати, о ней же пророцы провозвѣстиша: овъ дверь заключену нарече и никому же проходиму, развѣ единаго Бога, овъ же лѣствицу разумну, по ней же вѣрніи восходятъ на небеса, овъ гору святую, въ нюже Богъ вселися, овъ ручку прозва ю, манну небесную имущи. Давидъ же царицю и дщерь нарицаетъ ю, понеже небеснаго царя мати бысть, дщерь же понеже отъ сѣмени его родися. Премудрый и великій во царѣхъ Соломонъ вопіетъ о ней глаголя: многи дщери сотвориша силу, мнози стяжаша богатества, ты же превознесеся и превзыде выше всѣхъ. Иніи же инакими имены прозваша ю, якоже имъ даяше Духъ святый и разумъ. Боговидецъ Исаіа велегласно вопіетъ о ней глаголя: се дѣва я во чревѣ пріиметъ и родитъ сына и наречетъ имя ему Еммануилъ, еже есть сказаемо съ нами Богъ. Къ ней же архистратигъ Гавриилъ глаголетъ: радуйся обрадованная, Господь съ тобою. Мы же велегласно вопіемъ: благословенъ плодъ чрева твоего, яко родила еси намъ Христа Спаса, Избавителя душамъ нашимъ и всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ честнѣйши явися намъ. Мы же правовѣрніи людіе, видяще образъ Господень на иконѣ написанъ, кланяемся и руцѣ къ нему воздѣвше, изъ глубины сердца воздохнувше, вопіемъ глаголюще: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, иже симъ образомъ явися на земли спасенія ради нашего, изволивый своею волею пригвоздитися на крестѣ, давый намъ крестъ свой на прогнаніе всякого супостата видимыхъ и невидимыхъ. Егда ли паки видимъ святыя Богородицы Маріа икону, такожъ къ ней изъ глубины сердца вопіемъ глаголющи: пречистая Богородица, не забуди насъ, людій своихъ, тебе бо имамы заступницю и помощницу и ходатаицу къ

Сыну твоему и Богу нашему, и тобою мы грѣшніи надѣемся пріяти грѣхомъ прощеніе. Егда ли котораго видимъ святаго образъ, такожъ речемъ: оугодниче Христовъ іирк, имаши дръзновеніе къ Владыцѣ Христу Богу нашему, помолися о мнѣ, да спасуся твоими молитвами. И молящися (1) креститися подобаетъ двѣма прьсты: прежъ положити на чело главы своея, таже на перси, потомъ же на плече правое, таже и на лѣвое. Съгбеніе прьсту имеиуетъ сшествіе съ небесъ, а стоящіи перстъ указуетъ възнесеніе Господне, а три персты равны держати—исповѣдуемъ Троицу нераздѣльну, то есть истинное крестное знаменіе. Иже не любитъ Господа нашего Іисуса Христа, да будетъ проклятъ. Иже святаго компаніа честнаго тѣла и крови Христовы не пріимаетъ, да будетъ проклятъ. Иже не кланяется съ оусердіемъ кресту Господню, да будетъ проклятъ. Иже не молится съ оупованіемъ святѣй Богородици Маріи, да будетъ проклятъ. Иже иконы Господня и Богородицыны и всѣхъ святыхъ со страхомъ и любовію не цѣлуютъ, да будутъ прокляти. Иже иконамъ господнимъ и богородицынымъ оусердно съ желаніемъ не покланяются, да будутъ прокляти. Иже словесъ евангельскихъ и апостольскыхъ не иматъ въ честь, да будутъ прокляти. Иже святыхъ пророкъ не творятъ святымъ духомъ пророчествовавшихъ, да будутъ прокляти. Иже святыхъ всѣхъ не чтутъ и не кланяются съ любовію и трепетомъ мощемъ ихъ и иконамъ ихъ, да будутъ прокляти. Иже хулятъ святую литургію и вся молитвы, преданныя христіаномъ отъ апостолъ и святыхъ отецъ, да будутъ прокляти. Иже всея твари видимыя и невидимыя не истинствуютъ Богомъ сътворенная, да бу-

(1) До этаго мѣста—выдержки изъ Козьмы.

дутъ прокляти. Иже не творятъ Богомъ даннаго Моисеемъ закона, да будутъ прокляти. Иже не мнятъ церковныхъ сановъ Господемъ и апостолы строено, да будутъ прокляти. Иже женитву чистую хулятъ и богатыя носящихъ брачныя ризы съ говѣніемъ и цѣломудріемъ, да будутъ прокляти (¹). Прежъ распятіа Господня кумиромъ умножившимся на земли и требамъ скверныхъ, и величашеся діаволъ: еретицы жъ нарицаху властелина князя міра сего. Егда же изволи единородный Сынъ, Слово Божіе, и крестомъ своимъ разруши силу его, тогда жъ князь и властелинъ не зовется, нѡ врагъ и супостатъ. Глаголетъ же златорѣчивый Іоаннъ: діаволъ бо аки песъ нападаетъ на человѣки, оуясти хотя, но иже оузритъ въ руку нашею жезлъ и палицу Божію, иже есть честный крестъ, отбѣгаетъ со страхомъ. Мы же утѣшаемся по пророческому словеси: жезлъ твой и палица твоя та мя оутѣшиста (²).

И отвръгшимся міра и яже въ мірѣ, сущимъ инокомъ, вземшимъ крестъ Христовъ, и приходящая напасти крѣпце терпѣти, и хранити отъ всякаго зла и все хотѣніе свое отвръгнути и въ повиновеніи быти до смерти по общенію (³), и чтити игумена, аки Бога, братію, аки апостолы. То́ есть взятіе креста Господня, то есть отверженіе себе, то есть шествіе въ слѣдъ Господа. Красно есть во истину и многей хвалѣ достойно, иже видѣти мужа въ міру отрицающася міра и иже въ немъ красныхъ, и бывающа инока, хулно же и проклято, еже видѣти мниха санъ въ мірѣ пріемлюща и

(¹) Это мѣсто начиная со словъ: иже не любитъ Господа Іисуса... взято, съ незначительными пропусками изъ слова Козмы см. „Прав. Соб." 1864. т. 2, стр. 324.

(²) См. слово Козьмы Пр. С. т. 2 стр. 99.

(³) По обѣщанію?

мірская творяща, и богатство берущи. Отмещетъ обнищаніе, иже Христа ради обѣщася, и бываетъ другъ свѣту сему и врагъ Божій. Отъ царя и отъ вельможъ власти ищутъ, а отъ бояръ и отъ гостей имѣніа, а отъ меньшихъ чести и поклоненія. И таковое видя поганіи поношаютъ и оукоряютъ. Блюдитеся лукаваго и высокоумнаго бѣса, да не всѣетъ въ сердце пагубы, еже мнѣтися велику сущу. И оугодивъ Богу то помыслилъ бы грѣхы своа прьвыя. Аще и грѣхы простилъ есть милосердъ, но безконечнаго ради царства Божіа сугубы страсти лѣпо есть пріяти. И аще кто кому воспоменетъ: много еси согрѣшилъ, не можеши прощенъ быти, и вы наставницы поучайте, яко Господь Іисусъ Христосъ пріиде грѣшныхъ помиловати. Инiи же иноцы въ затворь влазятъ, свои воли творятъ, и ту кормящеся, аки свинія въ хлѣвинѣ, приносимымъ радующеся, монастырскаго же ради законнаго подвига оубѣжавше не хотяще потрудитися, ни покарятися игумену и съ братіею миромъ не могуще пребывати, хотяще же на земли честни быти явленіемъ: тацѣхъ возбраняйте. Се же мрьзкое высокоуміе пребываетъ въ нихъ: мнятся велицы суще и святи, и ту сѣдяще, чюжія домы строяще, своимъ безуміемъ отбѣгше. Таковымъ запрещайте и молите. Мнози оуклонившеся непотребни быша, забывше оученіе Павла апостола: еже въ лѣности живуще чюжый хлѣбъ ядятъ, таковымъ бо Павелъ въ селунстей епистоліи пишетъ: сами бо вѣсте, како подражати насъ: яко не безчинно ходихомъ въ васъ, ни туне хлѣба ядохомъ оу кого, но въ трудѣхъ день и нощь дѣлающе. Егда бо бѣхомъ въ васъ, сіе запрещахъ вамъ: яко аще кто не хощетъ дѣлати да не ястъ.

Видите епископи преданная намъ отъ Бога власти и величества, и его оученики и апостолы. Ничто же бо тако оугодно и любезно Богу, якоже священство и царство. Два оубо великая начала сія отъ Бога оуставлена суть въ мірѣ: священство и царство, и подъ тѣми суть князи мірстія и прочая власти. Архіерею оубо вся церкви и церковная и освященная возложена, и духовная. Царю повиновеніе тѣлесно токмо и урокомъ дани, и человѣческихъ вещей промышленіе міру возложенныхъ и прочая подобящая. Оба сіа велика начала отъ Бога, отъ божественныя его благодати сходяще, оустрояютъ и оукрашаютъ человѣческую жизнь. И подобаетъ со страхомъ слушати ихъ и повиноватися, яже божественныя писанія и священная правила повелѣваютъ. Архіереемъ же душевное купно и тѣлесное, яко пріимникомъ ангельскимъ ([1]) бывшимъ, и образъ Христовъ имущемъ, и сѣдящимъ не на Моисовѣ сѣдалищѣ, но на Христовѣ, и его заповѣди и оученіа возглашающе людемъ. Сего ради и имя архіереово на литургіахъ божественныхъ возглашати повелѣно есть. Преступающихъ же таковая преданіа, священныхъ изверженію предати, иноковъ же и мірскихъ отлучати всячески отъ церкви. Понеже епископи оубо пріимницы суть апостольскіи и наслѣдницы, яко образъ Христовъ суще и Христово пріяша оученіе и святыхъ его оученикъ и апостолъ, и честь имъ даде велію Богъ, якоже писано есть: оуставиша ихъ князей по всей земли: не ангеломъ ([2]) убо даде власть вязати и рѣшити, но апостоломъ и иже по нихъ пріимникомъ и ихъ наслѣдникомъ и архіереомъ

([1]) Вѣроятно слѣдуетъ читать: „апостольскимъ".

([2]) Въ рук. не ангелъ.

отъ Бога оубо оустановлено есть и оутверждено. Богъ бо есть оутверждая и связуя и разрѣшая ими вся. Церкви же и пресвитеры и прочая причетники и люди, за ними живущіи, и вся освященная и вся возложенная Богови, подъ епископы мѣстными да суть. Такоже и монастыри и молитвенныя храмы и нищепитательницы подъ епископы мѣстными да суть. И того есть всяческое попеченіе о нихъ и судъ и разсуженіе и оустроеніе и оуничиженіе и наказаніе. Всею силою и всею крѣпостію д'лъжни суть епископи имѣти стражбу о священныхъ и божественныхъ канонѣхъ, сирѣчь правилѣхъ. Поручено бысть намъ съблюдати, да не что преступаемо будетъ забытіемъ, или нерадѣніемъ преминуемо, или неизысканіемъ оставляемо. Въ день онъ въ мукахъ оныхъ изыскано будетъ. Хранящіи бо священныя каноны, отъ Бога помощи сподобляются, преступающіи же въ конечное осуженіе себе влагаютъ. Божественнымъ бо каноном не сохраняемымъ и не исправляемымъ, и того ради Божій гнѣвъ приходитъ на насъ и многіа казни и послѣдній судъ. Или преступающе по нѣкоей страсти, или по неразумію, а не трепещуще вышняго страха, иже суть клялися сохранити судбы и законы правды Божіа и предъ цари не стыдитися. О горе и лютѣ! каковъ судъ тѣмъ и по дѣломъ воздаяніе будетъ, иже оумолчатъ обидящимъ святыя церкви и восхищающимъ отъ нихъ неподвижимыя вещи, вданыхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ; земли и села, и винограды и езера, и прочая церковная оустроеніа. Не малъ бо есть гнѣвъ Божій на таковыхъ, еже восхищати отъ церкве возложенная Богови: или сосуды, или книги, или ризы, или земли, или села, или винограды, или люди, или суды, или пошлины, или

нѣкія оуставы и чины, преданыя отъ Бога и отъ апостолъ и отъ святыхъ отецъ архіереомъ. Възложи нѣкогда Іисусъ Наввинъ возложеніе Господу Богу, и отъ таковаго возложеніа восхити нѣчто Ахаръ, и бысть гнѣвъ Божій на вся люди, и побѣжени биваху отъ враговъ. И растерза Іисусъ Наввинъ ризы своа и паде на землю съ рыданіемъ и плачемъ и со слезами възопи къ Господу Богу. И рече Господь къ нему: согрѣшиша людіе твои, восхитиша отъ возложенныхъ, и не возмогутъ стати предъ лицемъ врагъ твоихъ, дондеже изметете отъ васъ самѣхъ восхитившаго возложеніе. И извѣщено бысть, и обрѣтеся. Ахаръ взя отъ возложенныхъ Богови ризу пестру и обручъ златъ и двѣсти дидрахмъ и языкъ златъ. И побиша его каменіемъ со всѣмъ родомъ его. И тако преста гнѣвъ Божій на всѣхъ сынѣхъ израилевыхъ. Аще быша таковая отмщеніа тогда, множае паче нынѣ подобаетъ боятися. Егда оубо святые и божественные безъ пакости немятежно въ мирѣ пребываютъ, тогда намъ вся благая оустроеніа отъ Бога бываютъ подаема, миръ и оумноженіе плодомъ и врагомъ одолѣніе. Егда же будутъ церкви обидимы и церковныя оуставы и законы разоряеми и презираеми: и тогда да слышатъ Исайю велегласно глаголющи къ нимъ: азъ, рече, предамъ вы въ оружіе и вси заколеніемъ падете, и чада ваша въ гладъ и въ плѣнъ предамъ: яко звахъ васъ и не отзвастеся, и глаголахъ и ослушастеся, повелѣніе мое отринуете и сътвористе злое предо мною: ихъ же не хотѣхъ азъ, вы возлюбисте. Сего ради тако глаголетъ Господь: се работающіи ми ясти имутъ, вы же вжаждете и взалчете. Се творящіи волю мою возрадуются зѣло въ веселіи сердца, вы же восплачете и возрыдаете съ болѣзнію сердца, яко оста-

висте законъ мой, исполнисте волю свою. Тако оубо подобаетъ православнымъ царемъ и священнымъ архіереомъ исполняти Божественное повелѣніе и святыхъ апостолъ преданіе и богоносныхъ отець безсоблазненно. Нѣсть бо ино ничтоже, яко же правило церковное крѣпко держати и не преходити предѣлъ святыхъ отецъ своихъ. Сего бо ради мірстіи князи же и люди приразящися ко священнымъ и вземлюще на себе таковая возложеніа Богови или восхищающи таковая священная владѣніа ради славы прелестныя и прибытковъ ради суетныхъ, осужаются божественными писаніи и священными правилы въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ, яко же глаголетъ великій Афонасіе и великій Василіе и божественный Іоаннъ Златоустый, и иніи мнози. Подобаетъ же къ сему благочестнѣ живущимъ и православнѣ вѣрующимъ повѣсти нѣкіа послѣдству на ползу приносити: якоже первозданный (¹), не сохранивъ заповѣди, пострадавъ. Якоже при Аронѣ приразившіися священничеству возложеннымъ Господу Богу освященнымъ вещемъ страшно Божіимъ судомъ мучими быша. Даѳана оубо и Авирона и Корреа и иныхъ многыхъ совѣтниковъ ихъ, приразившихся священничеству, овыхъ оубо разсѣдшися земля поглоти, овѣхъ же огнь, съ небесе пришедъ, пожже, память тверду будущимъ родомъ оустрои. Ахаръ же онъ не явѣ приразися возложеннымъ Богови, и того ради Божіимъ судомъ мученіе страшно пріятъ и со всѣми его сущими. Озія же царь колико многодобродѣтеленъ бѣ, и потомъ разгордѣся и восхотѣ не данная ему взяти, восхотѣ власти священическіа, восхотѣ честѣйши быти, и бысть безчестнѣйшій, восхотѣ богатство священическое, и погуби царство, и страшно

(¹) Въ рукопис первозванный.

Божіимъ судомъ мученіе пріять. Озанъ же онъ многодобродѣтельный, единъ отъ преимущихъ и славныхъ и отъ почитаемыхъ первый, видѣвъ кивотъ завѣта Господня, хотящь пастися, простеръ руку свою, хотя оудръжати кіотъ, да не падетъ, и въ той часъ Божіимъ судомъ страшну смерть пріятъ. И аще сей, не корысти ради, но хотя бреженіе сотворити, прикоснуся къ неповелѣннымъ ему, страшно пострада: много наипаче осуженіе пріемлютъ страшно, иже корысти ради и властованіа приасающеся священнымъ и вземлюще возложенная Богови. Августъ и Тиверій, Гайе, и Клавдіе, и Неронъ, и друзіи мучителіе и царіе, ратовавшіи святую церковь и святыя апостолы и святыхъ апостолъ пріемниковъ и наслѣдниковъ не страшно ли осуждены быша и погибоша! И по сихъ Константіе и Галла такожъ возмездіе пріяша злыхъ своихъ. Іоуліанъ же царь корысти ради и суетныхъ прибытковъ для приразися священнымъ, страшно отъ Бога осуженъ бысть и злѣй смерти преданъ. Евдоксіа же царица любовластнымъ и корыстнымъ нравомъ приражатеся священнымъ Божіимъ вещемъ и епископы во свою волю нуждаше и оустрояюще, такожъ и монастыри и игумены и иноки, такие и къ блаженному Іоанну Златоустому приразися во многихъ священныхъ вещехъ и съвратися въ конечное зло и судъ гнѣва Божіа пріа. Левъ же царь, иже отъ Саврія, и сынъ его, царь Копронимъ, вся епископія и монастыри во свою власть восхитиша, такожъ и игумены и прочая клирики, сирѣчь причетники и ереси оупомянувшіи, погибоша. И по сихъ прочіи цари и князи и мучители такожъ сотвориша и погибоша.

Понеже оубо святіи апостоли, яко отъ Бога наоучени суще, не царемъ и княземъ святыа церкви и вся правленіа

ихъ и вся власти ихъ и съдержаніа предаша. И заповѣдаша имъ твердо съблюдати ихъ, а еже отъ поспѣшества мірскихъ князей и людей пріяти кому священничество и держати церкви, възбраниша и запретиша, якоже писано есть въ завѣщаніи святыхъ апостолъ. Такожъ и въ тридесятомъ правилѣ глаголетъ: аще который епископъ мірскихъ князей помощію пріиметъ церковь, да извержется и отлучится, и вси пріобщающіися ему. Такожъ и седмаго собора, иже въ никѣи второе събравшагося, правило третіе глаголетъ, яко всякому избранію, бываему отъ князей, епископа или презвитера или діакона, не тверду быти, по канону глаголющему святыхъ апостолъ: аще кто епископъ мірскихъ князей помощію церковную власть получитъ, отъ церкви отверженъ будетъ и отлученъ и вси пріобщающеися ему. Подобаетъ бо хотящему быти на епископство, отъ епископьи избрану бывати и поставлятися, якоже отъ святыхъ отецъ нашихъ, иже въ никѣи оуставлено есть въ канонѣ глаголющемъ: епископу подобаетъ наипаче отъ всѣхъ областныхъ епископовъ поставлятися: аще ли же не возможно будетъ таковое, или находящіа ради нужди, или долготы ради пути, да всяко отъуду тремъ собравшимся вкупѣ и совѣтомъ всѣхъ прочихъ и съ согласными грамотами тогда поставленіе творити. Власть же бываемыхъ дастся въ коеиждо области митрополиту, понеже той глава есть и отецъ и мати всѣмъ иже въ области его соущимъ. Отъ собора, иже въ Лаодикіи: яко не подобаетъ попущати мірскимъ властемъ и народомъ избраніе творити хотящимъ поставленнымъ быти въ священничество. Вѣсте явѣ, яко божественными писаніи и священными правилы воспитани суще, какову подобаетъ быти сподобляемому святительства. Яко не сле-

вомъ токмо но и житіемъ подобаетъ устрояти начальствуемыхъ, и всякіа добродѣтели образъ себе предлагати и свидѣтельство добро имѣти оучительству, житіе благо и незазорно. Таковаго оубо и нынѣ на архіерейскихъ престолѣхъ посаждайте да яко имъ царство оувравляюще честнѣ ему главы подклоняйте, и радостнѣ ему повиновеніе и послушаніе творите и бываемая отъ него обличеніа, яко врачевное пріимати исцѣленіе. Человѣцы бо есмы и страстьми всюду связани бываемъ, и къ грѣху скоро оуклонителни. Сего ради отъ священныхъ пастырей должны суть наказаніе и обличеніе пріимати съ радостію и съ многимъ смиреніемъ и благодареніемъ, безо всякаго гнѣва и злопаметства, явѣ вѣдяще, яко по истинѣ сіе есть духовное врачеваніе и исцѣленіе душамъ и тѣлесемъ. Сіа къ священному собору самому царю явѣ изгласившу, соборъ же моляше его, яко да общекупно со всѣми съ ними совѣтовавъше, избирати достойнаго. Яко многоразумну и премудру сущу царю и добрыхъ дѣлъ исполнену и благовѣріемъ оукрашену. Царь же рече: больши насъ начинаніе есть: вы оубо, о священніи отцы, божественныя благодати сподоблени, и сіаніе оно въ себѣ пріимше, апостольстіи намѣстницы суще: вамъ бо сіе повелѣно есть, яко Богу возложенымъ и Божіа возложеніа оустрояющимъ и поставляющимъ, а не намъ міру возложенымъ и мірская оустрояющимъ, и благословеніе же и связаніе и разрѣшеніе и прощеніе отъ васъ пріемлющимъ намъ. Сице отъ Бога уставлено есть и оутвержено. И кто сице безуменъ, таковая можетъ поколебати и подвигнути, велиціа паче инѣхъ, иже въ человѣцѣхъ еста два раба Божіа отъ вышняго дарована человѣколюбіа: священничество и царство. Священничество оубо божест-

веннымъ слоужа и промышляя и пекійся, отъ единого того же начала обоя происходяща, человѣчьское оукрашають житіе. Яко ничтоже тако поспешеніе бываетъ царству, якоже святительское величество и честь. Сего ради о обоихъ самѣхъ тѣхъ-дву началѣхъ Богови молятся. Аще оубо они непорочни будутъ во всемъ, и къ Богу имутъ дерзновеніе, и праведно и благоподобно оукрашати грады начнутъ, и сущая подъ ними будетъ съгласіе, нѣкое благо все иже многая благая человѣчестей даруя жизни (1). Сему же быти вѣруемъ, аще священныхъ правилъ блюденіе сохранится, ихъ же праведно похваляеміи и покланяеміи самовидцы Божію слову предаша апостоли, и святіи отцы сохраниша и заповѣдаша.

Златорѣчивый же Иванъ глаголетъ, яко церковь небеси честнѣйши есть. Но хотя показати яко аще и церкви съжижемъ (2) и всячесвы оукрасимъ, грѣхы жъ и страстьми и скверными дѣлы себе оскверняемъ: тогда ни святыхъ церкви, ни своего воображенія, ни пречистыхъ таинъ щадитъ Богъ, въ страхъ и цѣломудріе хотя обратити съгрѣшающая. Аще бо святаго ковчега не пощадѣ, но предасть его иноплеменникомъ съ священникы беззаконными. И Соломону глаголетъ: аще съхраниши заповѣди Моя, вознесу престолъ твой во израили во вѣки, аще отвержеши повелѣніа моя, потреблю израиля отъ земли, и церковь, юже освятихъ имени Моему, отрину отъ лица моего. И боудетъ на погубленіе и смѣхъ во вся языки, еже и бысть. При Ехоніи и при Седекіи предаде градъ и церковь, и домъ царевъ пожже. Прочая же вся, священіа херувимѣ, славы, одежды и пророчествіа, и явленіе и священ-

(1) Подлинный текстъ посланія здѣсь очевидно испорченъ переписчикомъ.

(2) Созиждемъ.

ныя сосуды съ людьми возбѣсившимися въ попраніе и оскверненіе отдаде. При Зоровавелѣ жъ и Іисусѣ Оседековѣ и Ездрѣ паки церковь и градъ создашася. Яко егда людіе съ царемъ развратишася, тогда людіе и церковь въ попраніе и оскверненіе предашася, егда же Зоровавель и иже съ нимъ оумилосердиша божественное, тогда церковь и люди Богомъ наздани бывша. Егда же паки возвратишася въ скверная дѣла, и паки при Антіосѣ церковь и люди въ попраніе и оскверненіе предашася. И не токмо тогда бысть сіе, но и до конечнаго дни тако творится, якоже въ старчествѣ писано есть: яко старецъ святъ бѣ въ Іерусалимѣ, видѣ себе въ церкви святаго Христова въскресенія. И смраду велику бывшу во церкви, глагола ангелу: откуду исходитъ смрадъ сей, и что не очистиши его? Онъ же глагола: смрадъ сей исходитъ отъ беззаконій церковникъ, живущихъ здѣ, очистити же не мощно сего, но точію огнемъ. И по малѣ пріидоша Перси, церковь и иже въ ней недостойнѣ живущихъ огнемъ пожгоша. Егда же паки отвратишася злобы своея, и оумилосердися Господь Богъ и поможе благочестивому царю Ираклію, иже Перси побѣди и церкви раскопанныя паки созда, яко добрѣ глаголетъ Златоустъ: церкви не стѣны, но народъ благочестивыхъ людей. Подобаетъ оубо дѣлы благими Богу оугождати и церкви божественныя созидати, страхомъ же и трепетомъ стояти въ нихъ и почитати божественная вѣрою и любовію. Аще бо кто обезчеститъ образъ царевъ, главною казнію мучится: кольми паче небеснаго царя или святыхъ его подобнѣ, или церковь кто обезчеститъ, которые муки достоинъ есть. Но по божественныхъ правилѣхъ и здѣ главною казнью да казнится и проклятію вѣчному пре-

дастся; по смерти же съ діаволомъ и съ распеншими Христа Іюдеи, рекшими: кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ, во огнь вѣчный осудятся. А иже вѣрою и любовію, страхомъ и трепетомъ, покланяется и почитаетъ всечестныя иконы и честный и животворящій крестъ и святое евангеліе и пречистыя Божія тайны, и освященныя съсуды, въ нихъ же божественная таинства совершаются, и всечестныя святыхъ мощи и божественныя церкви, въ нынѣшнемъ вѣцѣ, яко доброправіи и блазіи раби добрѣ и благочестнѣ живутъ, въ будущемъ же вѣцѣ блаженный и славный гласъ оуслышатъ, еже благый рабе и вѣрный, вниди въ радость Господа своего. Подобаетъ намъ всегда въ заповѣдехъ божественныхъ ходити: не дати злымъ мыслемъ царствовати въ сердцехъ нашихъ. Не будите яко младенцы, плавающе порѣваеми всякыми вѣтры, будете въ заповѣдехъ Божіихъ и другъ другу блази и милосерди, якоже возлюби насъ Христосъ. Блуженіе жъ, и нечистоты, и лихоиманіе и всякое злодѣяніе не буди въ васъ. Аки чада свѣту ходите, не примѣшайтеся дѣломъ неподобнымъ, но паче обличайте, все бо обличаемо свѣтъ есть. Жены бы покарялись мужемъ своимъ, аки Богови, яко мужъ глава есть женѣ, якоже Христосъ есть глава церкви. И мужемъ любити жены своя, якоже и Христосъ возлюби церковь, тако суть мужи длъжны любити жены своя, аки своя тѣлеса. Чада слушайте родителей своихъ. Раби слушай(те) господій своихъ, да не на васъ збудется реченное пророкомъ: человѣкъ въ чести сый не разумѣ, оуподобися скоту не смысленному.

Родъ же фряжскій, въ божественныхъ писаніихъ германи глаголются, искоренища древняя римляны языкъ.

Избраша же отъ различныхъ ересей и мнящеся, яко премудри, и безуміемъ высокымъ исполнени суще и наполнишася различными ересми. Образу Господню и Богородицыну и святымъ не покланяются, и постятся въ субботу (¹). А святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ правила возбраняютъ въ субботу постъ имѣти, точію кромѣ великіе единыя субботы. Якоже сего ради и армени отъ безквасныхъ приносятъ и жидовствуютъ. Латына же безквасная сотворяюще и жидовствуютъ и въ службѣ во время причащенія единъ отъ служащихъ ядый опрѣсноки, а прочихъ цѣлуетъ и глаголетъ, яко Христосъ на вечери безквасная яде. Почто же и не обрѣзуются? Се ложная ихъ ересь. Истина же въ благовѣстіи речена: пріимъ хлѣбъ, даяше ученикомъ. А о опресноцѣ не глаголетъ ни Господь, ни апостоли. И божественное крещеніе сотворяютъ, въ едино погруженіе крещаютъ, и крещаемымъ оуста солію исполняютъ (²). Аще безквасныхъ причащаемся явѣ, яко еще сѣнь моусейскаго закона держимъ и трапезу жидовскую ямы, а не Божію словесную живую плоть. Не бо есмя подъ закономъ, но подъ благодатію. Нова бо есмя тварь о Христѣ, понеже древняа мимоидоша. О святѣмъ же крещеніи Богомъ оузаконено есть и апостоломъ повелѣ: шедше наоучите вся языки, крестяще я во имя Отца и Сына и св. Духа, оучаще и блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ. И апостоли возградиша и наоучиша со многымъ трудомъ. А яко отъ святыхъ вселенскихъ со-

(¹) Понятія автора о протестантахъ — смутны. Приписывая имъ постъ въ субботу, онъ очевидно смѣшиваетъ протестантство съ папствомъ.

(²) Преувеличенное представленіе древняго мѣстнаго обычая римской церкви, удержавшагося въ ней доселѣ—давать оглашаемому въ уста нѣкоторую частицу соли, въ знаменованіе того, что слово крещаемаго, по апостолу, должно быть всегда въ благодати солію растворено.

боръ во святыхъ тайныхъ жрътвахъ во церквахъ нашихъ воспоминаніе римскаго папы отсѣчено бысть многыхъ ради ересей. А Моамефово бѣсовское оученіе святыми отцы проклято.

Видите, оучители, како апостоли трудишася, и како святіи отцы подвизашася, и како о пастусѣхъ словесныхъ овецъ Божіихъ писано, иже млеко и волну вземлюще отъ стада, а о овцахъ не пекущеся. Како отвѣтъ имамы дати на судѣ Божіи, и кое слово въздамы великому пастуху, рекше(му) пророческими оусты: аще нисходящаго въ ровъ грѣховный не извлечеши, кровь его отъ руки твоея взыщу. Подобаетъ оубо епископу быти яко Божію приставнику, не себѣ оугожающе, пособствующе по вѣрнемъ словеси въ здравемъ оученіи, и противныхъ вѣрѣ обличати. Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, а иже есть наимникъ, а не пастырь, ему же не суть овца своа, аще видитъ волка грядуща, то бѣжитъ отъ овецъ; расхититъ я и распудитъ овецъ. Видите, откуду исходятъ волцы и зміи, псп, еретичьская оученіа: не отъ лѣности ли и грубости пастушьски? Откуду ли разбойницы и татіе, грѣси и неправды, не отъ ненаказаніа ли епископьска? Паки глаголю: пастуси, блюдите стада, порученаго вамъ, оучите кротостію и наказуйте съ любовію. Слышите господне благовѣстіе: и ины овцы (имамъ), яже не суть отъ двора сего, но и тѣхъ подобаетъ привести ми, да не на насъ збудется реченное: о горе вамъ вожеве слѣпіи, яко затворяете царствіе Божіе предъ человѣкы, ни сами въходяще, ни иному дасте внити. Внемлите пастушьскія старѣйшины: подражайте святымъ отцамъ, не почивайте, оучаще порученныя вамъ люди. И не погребайте таланта въ тицахъ, и не сыпейте бисера го-

сиодня въ піянствѣ. Разумѣйте: рабъ онъ, пріемъ сребреникъ единъ, и того не погуби и принесе господеви и рече: оубояхся тебѣ, яко яръ еси, жнеши идѣже не сѣявъ, събираеши, оудуже и не расточивъ; и рече рабу: почто оубо не дадяше сребра моего купцемъ, да быхъ пришелъ взялъ свое съ прибыткомъ. Послушайте, пастуси, страшнаго онаго отвѣта: и не погубивый сребреника господня кольми мученъ будетъ. Видите, архіепискони и епископи, попове и діакони, дѣлатели непостыдніи, правяще слово исьтинное, вводяще ко спасенію. Святители земніи, серафими плотяни небесніи, священноначальницы, послѣдуйте заповѣди первому пастырю, священноначальнику, архіерею и оучителю Христу, спасителю нашему и апостоломъ его и святымъ отцемъ и святымъ седми соборомъ вселенскимъ, еже носпѣшити и направити ноги наша на путь заповѣдей господнихъ. Помяните прьваго человѣка Адама, рукою Божіею създана. И отъ Бога наречется господинъ на земли, Богомъ почтенъ и въ рай введенъ, Богу собесѣдникъ бысть. Едину заповѣдь преступивъ и многа блага лишися, толикіа чести и славы царствіа и всѣхъ благыхъ даровъ. Видите владычне милосердіе на не хранящихъ заповѣди непощаженіе, а на сотворшихъ милость. Послушайте верховнаго апостола Петра, како васъ оучитъ: пасите, еже въ васъ стадо Божіе, не нужею, но волею, ни мздою, но любовію. Подражайте плодящая винограды, како тіи бдять день и нощь округъ ходяще, плещуще и кричуще, не дадуще ни звѣрю, ни татю, ни птицамъ озобати винограда. Тако и вы творите оучители, да не дивій вепрь діаволъ озоблетъ господня винограда. Аще и молитвы продлъжающе, а обидимыхъ сиротъ не исторгнуще отъ печали, вся та мрьзка суть. Стенанія бо и слезы оубогихъ и безъ

правды стражущихъ кровь наричютъ книги. Се же вся видящи предъ очима нашима пастуси, что обѣща Господь добрымъ и злымъ и кацѣмъ образомъ лѣпо быти. Подражайте бывшихъ преже васъ святыхъ отецъ, ихъ же имена помянувше боятся бѣси. Не рцыниктоже: не мощно есть вся лѣта такому быти, бѣша святіи велицы и крѣпцы и лѣта ихъ добра. Нынѣ же зла насташа. Христолюбцы, не помышляйте и не глаголите сего, той бо бывый Богъ и тогда и нынѣ той же есть и во вѣки на всѣхъ мѣстѣхъ милуетъ призывающихъ его.

Святительству твоему благодать и благословеніе и всему освященному собору и съ твоею паствою православною и христоименитымъ людемъ. Соблюдайте порученіе и обѣты и отъ діавола отвръженіе, и ко Христу обѣщаніе, да цѣломудреннѣ и праведнѣ и благочестнѣ живемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженныя надежди и явленіе славы великаго Бога Спасителя нашего Іисуса Христа. Поминайте же мя присно, и держите заповѣди, яже пріясте блаженныхъ мужъ, пророкъ, апостолъ и святыхъ отецъ, и Владыки всѣхъ. Слышите владычне человѣколюбіе, глаголюще: небо и земля преити имать, а словеса моа не имутъ преити. Единою кляхся святымъ моимъ: не хощу смерти грѣшникомъ, да того ради и азъ васъ позываю: идите, чада, послушайте мене, дондеже время имамы, варимъ лице его исповѣданіемъ. Пойдемъ, поклонимся предъ Господемъ, сотворшимъ ны, яко той есть Богъ нашъ, просвѣтитъ лице свое на ны и помилуетъ ны, той бо есть Богъ кающихся, той насъ имать спасти въ вѣкы вся, тому слава и дръжава и всяка похвала и поклоненіе Отцю и Сыну и св. Духу, нынѣ и присно и во вѣкы вѣкомъ, аминь.

ПИСЬМА

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ РЕЛИГІОЗНО-ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

VI.

Мадритъ: 24 октября (5 ноября) 1869.

Возрастающее вниманіе къ предстоящему въ Римѣ собору. Дѣло кармелита Іоакинѳа и его переписка съ еп. Дюпанлу. Сочиненіе еп. Маре и его характеристика. Манифестъ по поводу собора либеральныхъ католиковъ Франціи и картина положенія римской церкви по милости ультрамонтановъ. Противо-папское движеніе въ Германіи и Италіи. Анти-соборъ въ Неаполѣ. Приготовленія къ римскому собору. Крайности протестантизма въ Германіи. Движеніе въ Англіи по поводу назначенія въ епископы раціоналиста. Независимая англиканская церковь Ирландіи. Религіозный конгрессъ въ Ливерпулѣ. Протестанты въ Испаніи. Посланіе Константинопольскаго патріарха къ архіепископу кэнтерберійскому.

Чѣмъ ближе время открытія *Римскаго собора*, тѣмъ сильнѣе къ нему интересъ, тѣмъ больше онъ возбуждаетъ опасеній, сомнѣній, надеждъ, протестовъ и даже мѣропріятій не только между католиками, но и между протестантами всѣхъ толковъ и отличій. Что ни говорите объ уменьшеніи и ослабленіи римскаго и папскаго преобладанія, но то несомнѣнно, пока только Римъ задаетъ тонъ религіозной жизни, пока только папство

образуетъ религіозную атмосферу, въ которой вращается, дышетъ, живетъ весь религіозный западъ. Предѣлы римской церкви обширны, но и за предѣлами ея движеніе религіозной жизни совершается подъ ея вліяніями и давленіями. Не трудно замѣтить, что между разными протестантскими церквами и сектами вся религіозная жизнь опредѣляется тѣмъ, что или ведется ожесточенная борьба съ Римомъ и всѣмъ римскимъ, или совершается реорганизація по образцу крѣпкой организаціи Рима для борьбы съ тѣмъ же Римомъ, или возникаетъ и поднимается потокъ религіозныхъ идей, стремящійся на встрѣчу Риму, или течетъ другой потокъ все дальше и дальше отъ Рима, низвергающійся въ бездны, откуда возвратъ, кажется, невозможенъ. Нѣтъ ничего, поэтому, страннаго, если подъ впечатлѣніемъ готовящагося въ Римѣ собора, небывалаго уже триста лѣтъ, въ религіозной атмосферѣ запада чувствуется необыкновенное возбужденіе: всѣ зашевелились, всѣ всматриваются въ свое положеніе, всѣ провѣряютъ свои силы, всѣ какъ бы готовятся къ борьбѣ, сводятъ счоты стараго съ новымъ, задаютъ вопросы, спорятъ, рѣшаютъ и проч. И мы едва ли можемъ оставаться равнодушными къ этому необыкновенному религіозному движенію: въ немъ есть одна особенность, на которую мы должны обратить особенное наше вниманіе. Въ немъ то тамъ, то сямъ проявляются проблески православной истины, иногда слышится какъ бы знакомый намъ голосъ, но проблески эти изчезаютъ, голосъ этотъ заглушается безпорядочнымъ говоромъ и воплями. Какъ бы хотѣлось эти проблески превратить въ непрерывно горящій свѣтъ, какъ бы хотѣлось, чтобы эти отрывочно раздающіеся голоса превратились въ непрерывно льющуюся рѣчь!

Да, восточная церковь есть хранительница всецѣлой истины, проблески которой замѣчаются и на западѣ. *Съ востока свѣтъ!* Но мы, служители православной церкви, мы, дѣти православной церкви, достаточно ли освѣщаемъ и освѣщаемъ ли путь отъ востока къ западу, достаточно ли высоко мы поставили свѣтъ православной истины, чтобы онъ могъ свѣтить далеко, чтобъ онъ могъ быть видѣнъ отовсюду, чтобъ онъ могъ слиться съ тѣми свѣтовыми проблесками и образовать съ ними одну всеосвѣщающую свѣтлую атмосферу?!.. Да, у насъ говорили и говорятъ: къ намъ обращаетъ взоры церковь англиканская. Это весьма лестно. Но мы уже говорили и повторяемъ: зачѣмъ тутъ много самообольщаться? Факты доказываютъ, что англиканская церковь смотритъ на востокъ сквозь густую тьму и едва-едва можетъ различить что тамъ есть такого, что могло бы удовлетворять ея нуждамъ. А въ другихъ странахъ, въ Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи?... Да, и здѣсь наталкиваются на православную истину, да, и здѣсь то тамъ, то сямъ можно слышать голоса, которые могутъ быть по-сердцу всякому православному. Но, къ сожалѣнію, это не образуетъ пока движенія воды, стремящагося къ своему первоисточнику, это скорѣе капли засыхающія на мѣстѣ, или при своемъ паденіи только усиливающія теченіе въ противоположную сторону. Происходящее теперь на западѣ всего менѣе можетъ дать намъ поводы къ самоуспокоенію и самообольщенію. Обязанности, обязанности предъ православной истиной и предъ цѣлымъ человѣчествомъ напоминаетъ намъ западъ своимъ теперешнимъ положеніемъ,—обязанности, которыя, не похвалимся, мы далеко не исполнили и слишкомъ слабо исполняемъ!... Но перехожу къ фактамъ.

Послѣднее мое письмо я окончилъ передачею только что появившагося тогда *письма—протеста* о. *Іоакинфа*. Какъ и слѣдовало ожидать, протестъ этотъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на весь католическій міръ. Въ Римѣ онъ поразилъ всѣхъ какъ громомъ, въ первыя минуты папа рѣшилъ было написать о. Іоакинфу собственноручное успокоительное письмо и только іезуиты отговорили его отъ такого унизительнаго для главы церкви шага предъ босоногимъ кармелитомъ. Знаменитый орлеанскій епископъ *Дюпанлу* понялъ важность поступка знаменитаго проповѣдника и адресовалъ къ нему письмо, которое стоитъ того, чтобы передать его въ точномъ переводѣ. „Орлеанъ 25 сентября. Любезный мой братъ. Едва меня извѣстили изъ Парижа о томъ, что вы приготовились сдѣлать, я поспѣшилъ было разговорить васъ, что вы конечно не забыли, и во что бы то ни стало отклонить васъ отъ вашего намѣренія, которое для васъ должно быть громаднѣйшей ошибкой, а въ тоже время для церкви источникомъ величайшей скорби. Въ тотъ же часъ, въ который я получилъ эту вѣсть, въ полночь, я распорядился послать къ вамъ одного изъ вашихъ соучениковъ и любимаго вашего друга, чтобы онъ удержалъ васъ, если только еще оставалась возможность удержать васъ. Но было уже не время: скандалъ совершился. Послѣ того вы уже могли измѣрить, сколько скорби вашъ дурной поступокъ принесъ всѣмъ друзьямъ церкви и какую при этомъ единодушную радость возбудилъ онъ между всѣми ея врагами. Теперь не остается ничего, какъ молить Бога, а вмѣстѣ и просить васъ удержаться на той скользкой дорогѣ, на которую вы ступили,—на дорогѣ, ведущей къ глубокой пропасти, которой конечно и не замѣтилъ вашъ возгор-

дившійся и слѣпой умъ. Вы страдали, да, я знаю это, но позвольте сказать вамъ: отецъ Лакордэръ и отецъ Равиньякъ (оба знаменитые проповѣдники), это я также знаю, страдали даже больше, чѣмъ вы, но они крѣпились и терпѣли за любовь къ церкви и Христу. И какъ это вы не могли понять, что перваго, кого вы оскорбляете вашими обвинительными предположеніями—это саму вашу мать—Церковь, а потомъ Іисуса? И какимъ оскорбленіемъ! Вы наносите Ему заплеваніе, оказывая презрѣніе къ основанной Имъ церкви! Но я хочу надѣяться и надѣюсь, что все это есть не больше какъ минутное безумство. Возвратитесь къ намъ. Причиняемя великую скорбь, послушайтесь совѣта и дайте спасительный примѣръ. Отправляйтесь, бросьтесь къ ногамъ святаго отца (папы). Онъ приметъ васъ распростертыми объятіями къ своему отеческому сердцу и возвратитъ миръ вашей совѣсти и честь вашей жизни. Примите отъ того, кто былъ вашимъ епископомъ и кто никогда не перестанетъ любить вашей души, это свидѣтельство и эти совѣты глубочайшей и религіозной преданности. Феликсъ, епископъ Орлеана.“

О. Іоакинфъ не замедлилъ отвѣтить на этотъ дружескій зовъ не многими, но рѣшительными словами. „Монсеньёръ, писалъ о. Іоакинфъ, я весьма тронутъ вашимъ ко мнѣ письмомъ и весьма благодарю васъ за молитвы, возсылаемыя за меня къ небу; но со всѣмъ этимъ я не могу принять ни укоризнъ, ни совѣтовъ, которые вы мнѣ даете. Что вы называете ошибкой, которую будто я сдѣлалъ, то я считаю долгомъ, который я исполнилъ. Примите, монсеньёръ, выраженіе глубокаго почтенія, съ которымъ имѣю честь быть въ Іисусѣ

Христѣ и въ Его церкви вашимъ нижайшимъ и покорнымъ слугою, монахъ Іоакинфъ. Парижъ, 26 сентября 1869 г.“

Генералъ ордена кармелитовъ въ свою очередь обнародовалъ къ о. Іоакинфу письмо, въ которомъ увѣщевалъ его возвратиться въ монастырь, давая для этого десять дней сроку, послѣ котораго грозилъ ему отлученіемъ. Но какъ разъ въ десятый день о. Іоакинфъ сѣлъ на корабль и отправился въ Америку. Ультрамонтанская газета *L'Univers* имѣетъ корреспондента, который сообщаетъ ей каждый шагъ путешественника: онъ знаетъ всѣхъ до одного спутниковъ его на кораблѣ въ самой интимной ихъ жизни, онъ подслушиваетъ разговоры съ ними о. Іоакинфа, знаетъ не только гостиницу Нью-Йорка, въ которой остановился о. Іоакинфъ, но и хозяина ея со всѣмъ его семействомъ; знаетъ всѣхъ и каждаго его посѣтителей; онъ во всемъ и во всѣхъ ищетъ случая заплевать человѣка, дерзнувшаго объявить открытую борьбу ультрамонтанству. Это обыкновенная система ультрамонтановъ и ихъ теперешняго главы, редактора L'Univers, знаменитаго Вельё: когда нѣтъ доказательствъ, чтобы отразить жестокій ударъ,— пускай въ ходъ клевету ad majorem Dei gloriam....

Въ Римѣ, впрочемъ, умѣютъ вести дѣла. Потому, что протестъ о. Іоакинфа произвелъ поразительное впечатлѣніе на всѣхъ, не исключая и святаго отца, тамъ было рѣшено дать видъ, что онъ какъ будто не былъ даже и замѣченъ. Между тѣмъ какъ всюду въ газетахъ, во Франціи, Германіи, Англіи, Испаніи дѣло о. Іоакинфа было предметомъ толковъ іезуитскій римскій журналъ Civilta Cattolica, привыкшій отмѣчать всякое даже ничтожное обстоятельство изъ религіознаго міра, не упо-

минулъ о немъ ни даже словомъ; отлученіе о. Іоакинфа, которымъ грозилъ ему генералъ ордена, должно бы быть напечатано въ оффиціальной римской газетѣ *Giornale di Roma*, но вмѣсто того оно появилось только во французской ультрамонтанской газетѣ *Le Monde* и то не въ видѣ оффиціальнаго распоряженія римской куріи, а въ видѣ полуоффиціальнаго сообщенія. Въ настоящее время изъ Рима пишутъ, что тамъ рѣшено: на соборѣ не упоминать о дѣлѣ о. Іоакинфа ни даже словомъ, а считать его уже рѣшеннымъ окончательно и безъапелляціонно. А между тѣмъ о. Іоакинфъ въ своемъ письмѣ—протестѣ, хотя и не особенно увѣренный, однако же взываетъ къ собору и ко времени открытія собора имѣетъ намѣреніе возвратиться въ Европу и явиться предъ соборъ.

Книга епископа *Maret*, которой заглавіе я передалъ вамъ прошлый разъ, составляетъ другой важный предметъ, возбуждающій, въ виду предстоящаго собора, самые оживленные толки, споры и разсужденія. На нее печатаетъ ѣдкую критику іезуитскій парижскій журналъ *Etudes Religieuses*; противъ нея высказались окружными посланіями нѣсколько французскихъ епископовъ и не проходитъ ни одного номера ультрамонтанскихъ газетъ *Le Monde* и *L'Univers*, въ которомъ не было бы напечатано или письма или замѣтки, опровергающей то или другое мѣсто книги, то или другое выраженіе автора; дѣльныхъ опроверженій книги не встрѣчается, но употребляется все, что можетъ опошлить въ глазахъ публики ея автора. Я на дняхъ получилъ сочиненіе епископа Маре (два большихъ тома): предоставляя себѣ дать о немъ подробный отчётъ по внимательномъ его прочтеніи, въ настоящую минуту я могу подѣлиться съ вами

только тѣмъ впечатлѣніемъ, которое я вынесъ изъ бѣглаго его просмотра. Почтенный епископъ сказалъ въ своей книгѣ весьма много правды; онъ добросовѣстно выставляетъ и объясняетъ тѣ факты, которыми рѣшительно опровергаются претензіи папъ на преобладаніе въ церкви; онъ возводитъ начало юрисдикціи епископовъ къ Самому Іисусу Христу и апостоламъ, а не къ папѣ; онъ, поэтому, считаетъ епископовъ самостоятельными судьями въ дѣлахъ вѣры и нравственности, а не агентами только папы; онъ признаетъ соборное начало въ церкви, но нельзя сказать того, чтобы онъ строго последовательно провелъ свои справедливые взгляды. Находясь въ заколдованномъ кругу римскихъ предразсудковъ, онъ не только не обнаружилъ попытки выйти изъ этого круга, а напротивъ усиливается предчувствуемую имъ и полувысказываемую православную истину примирить съ римскою ложью. Въ этомъ отношеніи непослѣдовательность автора удивительна: онъ напр. признаетъ несомнѣннымъ, что многія церкви получили свое начало отъ Іисуса Христа и другихъ апостоловъ и вовсе не стояли ни въ какомъ подчиненномъ отношеніи ни къ апостолу Петру, ни къ его преемникамъ, епископамъ Рима, и изъ этого выводитъ право епископовъ разныхъ церквей на самостоятельность въ судѣ о дѣлахъ вѣры и нравственности сообразно съ апостольскимъ преданіемъ и преемствомъ; и въ тоже время, безъ всякихъ основаній, но какъ несомнѣнную истину принимаетъ латинское предубѣжденіе, будто епископъ каждой церкви, чтобы быть законно поставленнымъ, долженъ имѣть прямое или непрямое утвержденіе папы. Онъ напр. принимаетъ соборное начало въ управленіи церкви; тѣ факты, въ которыхъ соборы являлись дѣй-

ствительными и прямыми судьями даже папъ, онъ объясняетъ въ настоящемъ ихъ смыслѣ безъ всякихъ казуистическихъ доводовъ, свойственныхъ ультрамонтанамъ; казалось бы, поэтому, нужно было ждать отъ автора, что онъ прямо и рѣшительно признаетъ соборъ выше папы; но изъ этихъ фактовъ онъ выводитъ не все заключеніе, которое изъ нихъ слѣдуетъ, а только половину: онъ только доказываетъ этимъ, что папа есть полный и непогрѣшимый судья церкви только съ соборомъ епископовъ, а не внѣ его; онъ старается ограничить понятіе о папской непогрѣшимости, но не имѣетъ духу признать за соборомъ весь принадлежащій ему авторитетъ. Вообще въ сочиненіи епископа Маре чувствуется та искренность мысли, при которой авторъ, будучи не въ состояніи освободиться отъ тѣхъ предубѣжденій, которыми онъ окруженъ и съ которыми онъ сжился, не можетъ однако же скрыть истину, до которой онъ дошелъ продолжительнымъ и добросовѣстнымъ изученіемъ исторіи церковнаго управленія и церковной организаціи, онъ высказываетъ эту истину даже съ рискомъ явиться непослѣдовательнымъ самому себѣ, щадя и охраняя при этомъ и старыя предубѣжденія.

Въ Римѣ по отношенію къ сочиненію еп. Маре поступили по обычной тактикѣ. Публично о немъ еще невысказано тамъ ни порицанія, ни одобренія. Civiltà Cattolica,—этотъ доктринальный органъ папы, издаваемый іезуитами, имѣя обычай помѣщать довольно категорическіе отзывы о всѣхъ книгахъ, которыя касаются предстоящаго собора, напечаталъ только заглавіе книги епископа Маре, хотя и въ томъ отдѣленіи, гдѣ обыкновенно помѣщаются рецензіи. Эта особенность замѣчена всѣми. Того конечно нельзя предположить, чтобы

римскому органу іезуитовъ могло нравиться то, что порицаетъ ихъ парижскій органъ *Etudes Religieuses*. Но въ Римѣ предоставляютъ кричать тѣмъ, кто внѣ римскихъ стѣнъ, людямъ мелкимъ. Пускай себѣ кричатъ противъ книги Маре во Франціи, даже въ Италіи. Книга эта до того серьёзна, что *серьёзнымъ* людямъ Рима, въ рукахъ которыхъ находится вся католическая церковь, нужно уже не говорить, а дѣйствовать. Такова какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ, тактика Рима. Тамъ молчать о книгѣ еп. Маре, когда она подвергается самымъ жестокимъ анаѳемамъ отъ признанныхъ друзей Рима во Франціи, но тамъ втихомолку дѣйствуютъ. Епископъ Маре, состоя теперь деканомъ Сорбонны, былъ посвященъ для одной эпархіи Франціи, но папа не согласился утвердить его, и онъ остался безъ эпархіи, епископомъ *in partibus infidelium* съ титуломъ епископа Суры, какого то мѣстечка въ Малой Азіи, хотя онъ и живетъ среди вѣрныхъ католиковъ Парижа. Въ одномъ изъ приложеній къ своему сочиненію, епископъ Маре посвящаетъ цѣлую статью на доказательства правъ такихъ епископовъ участвовать на соборахъ. Но книга его показала іезуитамъ, что они имѣютъ въ епископѣ Суры не безъопаснаго врага: чтобы избавиться отъ него на предстоящемъ соборѣ для торжества своихъ мнѣній, они теперь въ приготовительныхъ коммиссіяхъ подняли вопросъ о правѣ безъепархіальныхъ епископовъ участвовать на соборахъ; они хотятъ такихъ епископовъ если не отстранить вовсе, то по крайней мѣрѣ ограничить ихъ право голоса. Неизвѣстно какъ рѣшенъ теперь этотъ вопросъ, но въ умѣньи устроить дѣло въ свою пользу іезуитамъ никто не отказываетъ.

Впрочемъ епископъ Маре во Франціи далеко не единственный опасный врагъ ультрамонтанства и іезуитизма. Тамъ существуетъ довольно сильная партія людей серьёзно религіозныхъ, которые еще не могутъ освободиться отъ римскихъ предубѣжденій, не видя ничего, что могло бы привлечь ихъ къ себѣ внѣ римской церкви, но которые далеки отъ крайностей ультрамонтанства. Этихъ людей ультрамонтаны въ насмѣшку называютъ *либеральными* католиками; сами себя они называютъ просто истинными католиками. Ихъ печатнымъ органомъ служитъ извѣстный журналъ *Le Correspondant*, выходящій книжками, нѣсколько больше чѣмъ „*Христіанское Чтеніе*", въ 10 и 25 дни каждаго мѣсяца. Его редакцію составляютъ: извѣстный Монталамберъ, извѣстный авторъ сочиненія „Христіанство въ IV вѣкѣ", князь *Broglie*, извѣстный графъ *Falloux*, знаменитый епископъ Орлеана, Дюпанлу и др. Здѣсь же печаталъ свои труды и кармелитъ Іоакинѳъ. Въ послѣдней книжкѣ этаго журнала (10 октября) появился подъ названіемъ *Le Concile* замѣчательный *манифестъ* отъ имени совѣта редакціи, стало быть выражающій единодушное мнѣніе всѣхъ участниковъ этого органа. Такъ приняла и поняла этотъ манифестъ вся ультрамонтанская печать, которая напала на него съ неменьшею яростію, какъ и на книгу еп. Маре. Въ манифестѣ этомъ авторы стараются успокоить общественное мнѣніе и себя самихъ относительно двухъ пунктовъ, именно они стараются доказать, во-первыхъ, что не можетъ быть, чтобы епископы на соборѣ не имѣли свободы разсужденія, какъ то представляютъ и хотятъ ультрамонтаны, и во-вторыхъ, не можетъ быть, чтобы соборъ утвердилъ и провозгласилъ безусловную непогрѣшимость

пами, сосредоточивъ такимъ образомъ всю церковь въ лицѣ папы, какъ опять проповѣдуютъ и хотятъ того ультрамонтаны. Все это, впрочемъ, они выражаютъ какъ свои искреннія желанія, а не какъ положительную увѣренность. Время, конечно, покажетъ, сбудутся ли эти желанія. Я считаю излишнимъ передавать все содержаніе этого замѣчательнаго документа. Но въ немъ есть одно мѣсто, которое особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя: это изображеніе того положенія, до котораго римскую церковь довело прекращеніе въ ней соборовъ. Въ этомъ изображеніи авторы манифеста весьма вѣрно объясняютъ причины утвержденія и распространенія ложнаго мнѣнія о папской непогрѣшимости, а вмѣстѣ превосходно опредѣляютъ ту роль, которая принадлежитъ тутъ партіи ультрамонтановъ. Я передамъ вамъ сущность этого изображенія. Впрочемъ, напередъ замѣчу, что авторы манифеста, подобно епископу Маре, не могутъ представить соборнаго начала управленія церкви безъ папы во главѣ. После тридентскаго собора, когда обычай собирать соборы прекратился, власть въ церкви, принадлежащая папѣ (мы передаемъ мысль авторовъ манифеста) вмѣстѣ съ епископами, мало по малу начала сосредоточиваться въ лицѣ одного епископа Рима. „Сосредоточивая въ себѣ одномъ одно изъ самыхъ высочайшихъ преимуществъ, которое Іисусъ Христосъ даровалъ Своей церкви“, говорятъ авторы манифеста, „папство поглотило собою однимъ весь авторитетъ и все вліяніе, которое вмѣстѣ съ этимъ теряли епископы. Отношеніе властей, установленное въ церкви божественнымъ правомъ, оказалось извращеннымъ именно потому, что епископы перестали соединяться съ папой для суда въ дѣлахъ вѣры и низошли

до роли толкователей мысли своего начальника, а часто до роли простыхъ органовъ для передачи его приказаній. Вотъ раздается звучный голосъ перваго пастыря (*sic*, а не главы) среди всеобщаго молчанія церкви, голоса епископовъ возвышаются лишь для того, чтобы служить ему эхомъ,—что же еще нужно, чтобы утвердить въ душахъ простыхъ совершенно ложное мнѣніе, будто въ одномъ папствѣ сосредоточивается вся церковь! И что еще нужно было для того, чтобы изначальный и величественный характеръ, напечатлѣнный Іисусомъ Христомъ, основанной имъ монархіи (т. е. церкви: какъ епископъ Маре, такъ и авторы манифеста представляютъ церковь конституціонной монархіей), которая есть живое тѣло, въ которой глава получаетъ отъ членовъ столько жизни, сколько самъ даетъ имъ,—монархіей истинно братской, слѣдуя выраженію прежнихъ учителей *monarchia inter fratres*, чтобы этотъ характеръ въ ихъ глазахъ принялъ видъ одной изъ этихъ централизованныхъ имперій, гдѣ есть только владыка и рабы и гдѣ движеніе сообщается только сверху къ краямъ съ механическою регулярностію автомата! Поэтому часто и не безъ основанія укоряютъ католиковъ новѣйшаго времени въ томъ, что они, ожидая и требуя всего отъ импульса папства, потеряли почтенную независимость, которую древнія церкви умѣли соединять съ покорностію,—безсознательно и по привычкѣ впали въ родъ практическаго ультрамонтанизма, который во сто разъ мелочнѣе и распространенъ гораздо больше, чѣмъ ультрамонтанизмъ доктрины. Этотъ-то практическій ультрамонтанизмъ и служитъ источникомъ тѣхъ ошибокъ и опасностей, которыя напрасно приписываютъ ультрамонтанизму доктринальному. Кто не знаетъ и не

испыталъ на дѣлѣ этотъ ультрамонтанизмъ? Кто не слышитъ его проповѣдь въ ежедневныхъ газетахъ? Нужно ихъ видѣть, этихъ импровизированныхъ учителей печати: они на столько рьяны и неблагоразумны, на сколько истинные учители римскихъ школъ строги и сдержанны; они смѣшиваютъ все, что Римъ отличаетъ, они ставятъ на одну и ту же доску самые различные и самые неодинаковые акты папской власти, навязывая ихъ съ одинаковою *тяжестію* не только почтенію, но и совѣсти вѣрныхъ; они смѣшиваютъ простыя извѣщенія римскихъ конгрегацій или записки папской канцеляріи, ничего не опредѣляющія, а иногда даже просто фразы, взятыя изъ разговоровъ и частныхъ корреспонденцій съ торжественными рѣшеніями папы; они ежечасно апеллируютъ къ вмѣшательству Рима во внутреннее управленіе епархій и готовы обвинять всякаго вѣрнаго, священника или епископа, который не одушевленъ въ той же степени избыткомъ ревности не по разуму; они не презираютъ, однимъ словомъ, ничего для того, чтобы подчиненію христіанъ святому престолу (т. е. папѣ) придать видъ рабства, и чтобы сыновнюю любовь заставить говорить „языкомъ идолопоклонническаго суевѣрія“. Ничего не можетъ быть лучше этой характеристики современнаго ультрамонтанства, которое господствуетъ теперь въ римской церкви и грозитъ наложить свою печать на предстоящій соборъ. „Но остережемся, прибавляютъ авторы манифеста, скорѣе, впрочемъ, въ смыслѣ благонамѣреннаго желанія, чѣмъ въ видѣ положительнаго утвержденія, остережемся винить папство въ этихъ смѣшныхъ преувеличеніяхъ, къ которымъ оно не разъ высказывало свое неодобреніе. Замѣтимъ только, что это было однимъ изъ самыхъ плачевныхъ слѣдствій

того состоянія, которое, благодаря Пію IX, приближается къ своему концу, и мы смѣло можемъ сказать, что, если бы святая свобода церкви, какъ и сама вѣра, не была охраняема Святымъ Духомъ, если бы основанія ея божественнаго учрежденія, подобно человѣческимъ учрежденіямъ, были доступны разрушенію времени и злоупотребленій, однимъ словомъ, если бы возобладалъ ею деспотизмъ (папства, какимъ хотятъ его ультрамонтаны), который совершенно также, какъ и ересь, составляетъ *врата ада*, мы смѣло можемъ сказать, что врагъ проникъ бы въ ея крѣпость именно чрезъ проломъ, который открытъ въ ней прекращеніемъ соборовъ". Авторы манифеста заявляютъ желаніе и надежды, что папство перестанетъ быть италіанскимъ и римскимъ, а сдѣлается тѣмъ, чѣмъ оно называетъ себя, католическимъ. Послѣднему желанію, намъ кажется, едва ли легко уступитъ римская курія: какъ извѣстно, папа уже съ давняго времени выбирается изъ италіанцевъ, а его sacrum collegium состоитъ всегда изъ кардиналовъ-италіанцевъ.

Въ *Германіи* противо-ультрамонтанское движеніе по поводу собора нѣсколько успокоено тѣмъ, что въ Римѣ, именно въ *Civiltá Cattolica* данъ одобрительный отзывъ объ окружномъ посланіи нѣмецкихъ католическихъ епископовъ. Прошлый разъ я сообщилъ вамъ содержаніе этого посланія. То вѣрно, что оно не понравилось ультрамонтанской партіи, потому что слишкомъ положительно говорило о свободѣ епископовъ на соборѣ; но въ Римѣ не могли его не одобрить, оставляя, разумѣется, впереди за собою право дѣйствовать по обстоятельствамъ. Этимъ успокоена, конечно, только масса; люди серьёзные изъ католиковъ попрежнему не довѣряютъ Риму.

Послѣ книги *Der Papst und das Concil. Von Janus*,

приписываемой Дёллингеру, о которой я сообщалъ вамъ прошлый разъ, въ Германіи появилась другая замѣчательная книга: *Die Reform der Römischen Kirche in Haupt und Gliedern*. Авторъ, называя себя австрійскимъ католикомъ, также скрылъ свое имя; но догадываются, что это также католическій священникъ и едва-ли не нашъ соплеменникъ, чехъ изъ Богеміи. Авторъ въ своей книгѣ является гораздо рѣшительнѣе и логичнѣе, чѣмъ епископъ Марè, даже рѣшительнѣе, чѣмъ авторъ сочиненія Der Papst und das Concil. Онъ прямо соборъ ставитъ выше папы, онъ откровенно называетъ провозглашеніе догмата о *непорочномъ зачатіи* величайшимъ заблужденіемъ папства. Вотъ тезисы, которые онъ развиваетъ въ своей книгѣ: 1) Временная власть папы должна быть уничтожена, какъ противная благу Церкви и Евангелію. 2) Возстановленіе уничтоженнаго папствомъ управленія церкви митрополитами. 3) Возстановленіе законнаго и полнаго авторитета епископовъ въ ихъ епархіяхъ,—авторитета, поглощеннаго папской монархіей: церковь не есть монархія и папская власть гибельна. 4) Реформа церковнаго законодательства: кардиналы должны быть избираемы изъ всѣхъ народовъ пропорціонально числу вѣрныхъ; папа можетъ быть избранъ даже изъ лицъ внѣ *sacrum collegium*; законодательство триденскаго собора должно быть измѣнено; священники могутъ быть женаты; безполезные и вредные монашескіе ордена должны быть уничтожены, особенно компанія іезуитовъ. 5) Богослуженіе должно быть на народномъ языкѣ: когда, напримѣръ, народонаселеніе будетъ вполовину нѣмецкое и вполовину славянское, какъ въ Богеміи и Моравіи, то должны совершаться двѣ литургіи на томъ и на другомъ языкѣ, потому что весьма

важно, чтобы присутствующіе понимали богослуженіе и чтеніе священныхъ книгъ. 6) Народъ долженъ принять участіе въ управленіи церкви. 7) Уровень богословскаго знанія весьма упалъ во Франціи, Венгріи, Италіи и даже въ Германіи: въ этомъ виноваты семинаріи, которыя недостаточны для этого дѣла, отличаясь узкими взглядами и мелкими знаніями; богословское знаніе можетъ свободно цвѣсти только въ университетахъ. 8) Церковь наводнила область государства; она должна возвратиться въ свою область и государство, какъ понятіе безличное, не имѣетъ никакой религіи; государство должно предоставить полную свободу культовъ, но должно сохранить за собою право надзора за всѣми культами.

Чтобы покончить на этотъ разъ съ литературными явленіями по поводу предстоящаго собора,—явленіями, въ которыхъ слышится что-то намъ знакомое, которыя отражаютъ въ себѣ весьма замѣтные проблески православной истины, мнѣ остается еще сказать о замѣчательномъ, въ этомъ родѣ, явленіи въ *Италіи.* Тамъ начался рядъ изданій, имѣющихъ цѣлію реформу католической церкви или могущихъ содѣйствовать этой реформѣ не по началамъ протестантизма, а по началамъ строгой церковности. Появилось уже три такихъ сочиненія, изданныя весьма аккуратно, украшенныя на обертках медальонами изображеній Савонаролы, Арнольдо де-Бресчіа, Сарпи, Реали, Таска и другихъ болѣе извѣстныхъ древнихъ и новыхъ реформаторовъ Италіи; надъ изображеніемъ креста, украшающимъ каждую книжку, написанъ девизъ: *Pro Christo et Ecclesiae Puritate.* Одно изъ появившихся сочиненій носитъ заглавіе: *Della Pretesa Infallbilitá Personale del Romano Pontifice* (О пре-

тендуемой личной непогрѣшимости римскаго первосвященника). Авторъ является противникомъ папской непогрѣшимости. Изслѣдованію взятаго имъ вопроса онъ предпосылаетъ письмо къ орлеанскому епископу, въ которомъ въ почтительныхъ выраженіяхъ онъ говоритъ, что въ такомъ, а не въ иномъ рѣшеніи этого вопроса онъ поддержанъ „молчаніемъ, которое краснорѣчивѣе самыхъ словъ,—молчаніемъ объ этомъ вопросѣ такого преданнаго святому престолу прелата, каковъ монсеньёръ Дюпанлу". Кстати замѣтимъ, Дюпанлу даже въ своемъ окружномъ посланіи по поводу собора обошелъ вопросъ о папской непогрѣшимости, не сказалъ противъ него ни да, ни нѣтъ: нужно думать, какъ сотрудникъ журнала Le Correspondant, онъ противникъ этого крайняго ультрамонтанскаго ученія. Другое изданное сочиненіе, это: *Del Futuro Concilio Ecumenico é del Concilio di Basilea* (*О будущемъ вселенскомъ соборѣ и соборѣ базельскомъ*). Въ немъ авторъ въ общедоступной формѣ старается выставить, чего требуютъ отъ имѣющаго открыться собора настоящій вѣкъ и настоящее положеніе церкви, чего ждетъ отъ него общество, и что собравшіеся епископы и отцы не должны идти наперекоръ этимъ требованіямъ и ожиданіямъ. Третье изданіе составляетъ брошюра *Il Credo della Chiesa e Il Credo della Corona* (*Вѣра* (или Символъ) *церкви и вѣра короны*). Это то превосходное письмо г. Фаукса къ католическому архіепископу Маннингу, которое напечатано въ №№ 5, 6 и 7 Христіанскаго Чтенія 1869 г. Замѣчательнѣе всего при этомъ то, что эти изданія публикуются особымъ издательскимъ домомъ, который положилъ своею задачею распространять именно сочиненія подобнаго рода. Изданія эти предприняла книжная лавка Rosmini

(№ 9, на улицѣ *Via Maggio*) во Флоренціи, которая направила въ своихъ изданіяхъ преслѣдовать три цѣли: a) католическую реформу итальянской церкви; b) примиреніе между церковію и государствомъ на основаніи этой реформы и признаніе свободной католической итальянской церкви, и c) наконецъ, на этихъ основаніяхъ возстановленіе христіанскаго единства. Для достиженія этихъ-то цѣлей издатели предположили публиковать на итальянскомъ языкѣ коллекцію наиболѣе замѣчательныхъ сочиненій, оригинальныхъ и иностранныхъ, которыя имѣютъ въ виду именно эти цѣли. Упомянутыя три сочиненія составляютъ начало этой коллекціи: готовится изданіе перевода сочиненія Януса (Деллингера) *Der Papst und das Concil*. Издательское предпріятіе этого рода и уже обнаружившійся успѣхъ его въ быстромъ расходѣ, по всей Италіи, вышеупомянутыхъ сочиненій показываютъ, что почва въ Италіи подготовлена къ реформѣ католической церкви. Дай Богъ только, чтобы эта реформа не дошла до крайностей реформы Германіи! А какъ легко это можетъ случиться, когда реформаторы, въ своихъ исканіяхъ еще неяснаго и неопредѣлившагося въ ихъ глазахъ идеала церкви, не имѣютъ близъ себя и не видятъ вдали опоры, которая могла бы поддержать ихъ при паденіи!...

Въ *Неаполѣ*, въ день открытія собора въ Римѣ 8 декабря предполагается открыть анти-соборъ. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ, мы не можемъ еще составить опредѣленнаго понятія ни о составѣ этого анти-собора, ни о его цѣляхъ. Анти-соборъ этотъ называютъ соборомъ *свободныхъ мыслителей*. Мы, дѣйствительно, имѣемъ предъ глазами письмо одного изъ свободныхъ мыслителей, извѣстнаго Мишле, который

отвѣчаетъ на сдѣланное ему приглашеніе присутствовать на этомъ соборѣ однимъ изъ начинателей этого анти-собора, нѣкіемъ Рикчіарди. Тонъ письма г. Мишле совершенно шутовской и если по нему судить о характерѣ будущаго анти-собора, то о немъ нельзя составить добраго мнѣнія и можно пожелать, чтобы такого анти-собора лучше не было: иначе онъ только можетъ возвысить въ глазахъ міра соборъ Рима. Но есть основанія предполагать, что анти-соборъ Неаполя будетъ состоять не изъ такихъ шутовъ, какъ Мишле, но изъ людей, которые искренно желаютъ уничтоженія римскихъ злоупотребленій и вовсе не хотятъ вдаваться въ крайности свободомыслія. Припомнимъ, что въ Италіи есть много лицъ, которыя разорвали связь съ Римомъ, но вовсе не хотятъ еще вдаваться въ крайности протестантизма, есть нѣсколько сотенъ священниковъ, непризнающихъ главенства папы, есть, наконецъ, цѣлая сицилійская церковь, которая управляется *трибуналомъ монархіи*, который проклятъ папой за непризнаніе его главенства. Намъ кажется, что на анти-соборѣ не окажется недостатка въ людяхъ серьёзныхъ, намъ кажется даже, что анти-соборъ можетъ имѣть свое и, пожалуй, благодѣтельное значеніе, по крайней мѣрѣ, для Италіи, если только люди въ родѣ Мишле не сдѣлаютъ изъ него шутовской комедіи. Впрочемъ, повторяемъ, опредѣленнаго понятія объ анти-соборѣ мы теперь составить еще не можемъ, такъ какъ, кажется, и сами начинатели его еще неопредѣлили ни его состава, ни его цѣлей.

Приготовленія къ римскому собору приближаются къ своему концу. Вы знаете, что засѣданія собора будутъ происходить въ храмѣ св. Петра, въ боковой капеллѣ

св. Процесса и Мартиніана. Для этого капелла отгорожена отъ остальнаго храма перегородкой, образуя такимъ образомъ особую залу. Перегородка эта устроена изъ прочныхъ матеріаловъ: въ ней сдѣланы большія ворота съ небольшими калиточками. Доступъ въ залу для публики будетъ воспрещенъ, но калиточки воротъ перегородки будутъ открыты во время публичныхъ засѣданій, такъ что изъ храма сквозь калиточки можно будетъ заглядывать внутрь залы. Смотря въ эти калиточки, прямо, въ глубинѣ залы, виднѣются на высотѣ семи ступенекъ расположенныя полукругомъ сѣдалища кардиналовъ, въ центрѣ которыхъ, возвышаясь, впрочемъ, надъ ними еще на четыре ступеньки, находится тронъ папы. Позади папскаго трона есть особый выходъ; папа, такимъ образомъ, можетъ проходить не чрезъ залу, а чрезъ этотъ выходъ, который ведетъ по темному корридору чрезъ секретную лѣстницу прямо въ Ватиканъ. На высотѣ четырехъ метровъ надъ сѣдалищами кардиналовъ возвышаются двѣ трибуны, одна направо, другая налѣво, могущія каждая вмѣстить человѣкъ до двѣнадцати. Эти трибуны назначаются для стенографовъ. Стѣна надъ этими трибунами будетъ украшена медальонами 23 или 24 прежнихъ папъ, которые созывали соборы. Отъ сѣдалищъ кардиналовъ въ непосредственныхъ линіяхъ по ту и другую сторону въ видѣ полукруга идутъ сѣдалища епископовъ: онѣ раздѣлены на шесть разрядовъ,—первый на самомъ полу, другіе слѣдують, возвышаясь одинъ надъ другимъ, какъ ступеньки амфитеатра. Линіи сѣдалищъ перпендикулярно перерѣзываются четырьмя поднимающимися проходами, по которымъ отцы будутъ подниматься для занятія своихъ мѣстъ. Надъ епископскими мѣстами по

обѣимъ сторонамъ находятся трибуны, которыя назначены для богослововъ и которыя простираются во всю ширину корабля капеллы отъ стѣны до самой перегородки. Графъ *Vespignani*, который служитъ архитекторомъ по устройству залы для засѣданій собора, будто забылъ назначить особыя сѣдалища для патріарховъ. Странная забывчивость! Папа приказалъ исправить эту забывчивость: мѣста патріарховъ будутъ непосредственно за мѣстами кардиналовъ. Что касается трибуны для христіанскихъ государей и ихъ представителей, или, какъ говорили на прежнихъ соборахъ римской церкви, *трибуны ораторовъ*, ее еще не устроили, но устроятъ по близости папскаго трона. Папа недавно сказалъ, что если государи и ихъ послы хотятъ присутствовать на соборѣ, они вольны въ этомъ, но что они ни въ какомъ случаѣ не могутъ заявлять тѣхъ претензій и правъ, которыя уже нейдутъ нашему времени. Залу для засѣданій хотятъ еще покрыть стеклянньмъ куполомъ, потому что иначе громадная высота свода капеллы, по своей громадности равняющейся самымъ обширнымъ катедраламъ запада, будетъ поглощать голоса ораторовъ. Особая пожарная команда постоянно наблюдаетъ за залой, потому что партіи дѣйствія приписываютъ преступное намѣреніе поджечь эстрады и сѣдалища отцовъ. Хотя, вообще, публику не будутъ пускать въ залу засѣданій, но будетъ сдѣлано исключеніе для особенныхъ и знатныхъ лицъ, которыя могутъ получить право присутствовать при торжественныхъ засѣданіяхъ. Полъ обширнѣйшей залы будетъ покрытъ цѣльнымъ великолѣпнымъ ковромъ, который, говорятъ, составляетъ подарокъ прусскаго короля: коверъ этотъ торговался папой въ Пруссіи, но, по дороговизнѣ его,

папа просилъ выплачивать стоимость его не вдругъ, а по частямъ; прусскій король узналъ объ этомъ и купилъ его въ подарокъ папѣ. Въ приготовительныхъ коммиссіяхъ рѣшено предстоящій соборъ назвать первымъ *ватиканскимъ* вселенскимъ соборомъ. На обязанностяхъ спеціальной коммиссіи, состоящей изъ прелатовъ, говорящихъ на иностранныхъ языкахъ, лежитъ принятіе и размѣщеніе епископовъ по той мѣрѣ, какъ они пріѣзжаютъ въ Римъ. Для встрѣчи прибывающихъ епископовъ въ пограничныхъ городахъ, Чивита-Веккіи, Орте и Чепрано разъ навсегда сдѣланы особыя распоряженія; тамошнія власти тотчасъ же, какъ только кто нибудь изъ епископовъ покажется на границѣ, телеграфируютъ въ Римъ спеціальной коммиссіи; члены коммиссіи встрѣчаютъ епископовъ на станціи желѣзной дороги въ Римѣ, озабочиваются для нихъ экипажемъ и сопровождаютъ ихъ въ предназначенное для нихъ жилище. До половины октября уже 140 епископовъ просили папу, чтобы онъ содержалъ ихъ въ Римѣ на свой счетъ; просьбы все еще поступаютъ. Каждый епископъ, если онъ заявитъ на то свое желаніе, имѣетъ право на гостепріимство папы для себя, своего секретаря и своего слуги. Помѣщенія, приготовленныя по приказанію папы для отцовъ собора, очень многочисленны и въ разныхъ мѣстахъ. Епископы будутъ имѣть помѣщенія не только удобныя, но и комфортабельныя: изъ Марселя выписаны цѣлые транспорты мебели, ковровъ, матрацовъ и прочихъ нужныхъ вещей для меблированія епископскихъ помѣщеній. Нѣкоторые частные люди въ Римѣ также заявили желаніе содержать кто одного, кто двоихъ епископовъ во все время продолженія собора. Папа хочетъ принять епископовъ самымъ гостепріимнѣйшимъ

позднимъ. Что касается церемоніала собора, оно служитъ предметомъ изученія особенной коммисіи, которая постоянно собирается у своего президента, кардинала Патрици, то у префекта апостольскихъ церемоній, монсиньора Феррари: приходится много ворочаться въ пыли старыхъ пергаментовъ, чтобы оживить преданіе церемоній, не повторявшихся уже три вѣка. Стараются сколько возможно справедливѣе опредѣлить *сторону чести* при засѣданіяхъ. Всѣ присутствующіе будутъ занимать мѣста не по степени, какую занимаютъ въ католической церкви различныя архіепископскія и епископскія каѳедры, но по старшинству посвященія въ той категоріи, къ которой каждый принадлежитъ. Этихъ категорій будетъ пять: патріархи, примасы, архіепископы, епископы на епархіяхъ или дѣйствительные, архіепископы и епископы *in partibus infidelium*. Два патріарха Антіохіи, греческій (?) и латинскій оба спрашивали, на какихъ правахъ они будутъ присутствовать. О нихъ было рѣшено, что они будутъ сидѣть по старшинству посвященія независимо отъ обряда. Кромѣ того, чтобы упростить вопросъ этикета, папа рѣшилъ, чтобы всѣ епископы, присутствующіе на соборѣ, назывались ассистентами папскаго трона. Кардиналы въ ихъ качествѣ совѣтниковъ папы, кандидаты на папство и члены верховнаго сената церкви, непосредственно окружаютъ папу и имѣютъ, поэтому, преимущество предъ всѣми другими церковными сановниками. Въ этомъ случаѣ, латинская церковь совершенно забыла начальное происхожденіе кардиналовъ: это діаконы, окружающіе своего епископа; а между тѣмъ она помѣщаетъ ихъ даже выше епископовъ и патріарховъ. Вопросъ о допущеніи на соборъ аббатовъ, называемыхъ *nullius*,

и генераловъ орденовъ рѣшенъ утвердительно, какъ то было на тридентскомъ соборѣ. Папа назначитъ четырехъ кардиналовъ — легатовъ, которые поочередно будутъ представлять его въ засѣданіяхъ собранія всякій разъ, когда онъ не будетъ присутствовать лично. Двое изъ этихъ легатовъ уже избраны, это: кардиналъ Рейзахъ и кардиналъ Биліо, котораго считаютъ главнымъ редакторомъ *Силлабуса*. Общимъ секретаремъ собора назначенъ епископъ Сан-Плотэна, монсеньоръ Фесслеръ, бенедиктинецъ и нѣмецъ, человѣкъ весьма дѣятельный и необыкновенно точный формалистъ. Кромѣ него будутъ назначены еще другіе секретари. Работы комиссій продолжаютъ происходить по прежнему въ секретѣ; въ настоящее время, говорятъ, онѣ уже кончили всѣ черновыя работы и занимаются редакціей рѣшеній и декретовъ, которые будутъ представлены собору. Въ разсужденіяхъ собора, увѣряютъ, будетъ полная свобода, если только эта свобода не будетъ походить на свободу птицы, запертой въ клѣткѣ. Папа, будто бы, недавно сказалъ одному знатному лицу, что онъ хочетъ, чтобы всѣ епископы имѣли самую широкую свободу высказывать всѣ свои идеи и свои чувства и что вопросы, которые не будутъ рѣшены единодушно или, по крайней мѣрѣ, громаднѣйшимъ большинствомъ голосовъ, будутъ передаваться *ad acta*, т. е. останутся неразрѣшенными и не перейдутъ въ церковныя опредѣленія. Неизвѣстно еще, какой будетъ избранъ способъ публичности для извѣщенія католическаго міра о ходѣ дѣлъ собора. Одни хотятъ, чтобы Giornale di Roma ежедневно давалъ отчетъ о сессіяхъ и разсужденіяхъ собора, другіе предлагаютъ, чтобы Civilta Cattolicà, выходящая теперь разъ въ мѣсяцъ, сдѣлавшись *Мони-*

теромъ собора, появлялась чаще и давала, вмѣстѣ съ отчетомъ о разсужденіяхъ, и провозглашаемыя рѣшенія; есть, наконецъ, третьи господа, которые желаютъ, чтобы разсужденія собора были окружены такимъ же секретомъ, какъ и работы приготовительныхъ комиссій, и чтобы результаты собора были объявлены послѣ. Епископы дружно начинаютъ прибывать въ Римъ: чрезъ Парижъ проѣзжаютъ епископы изъ Америки, изъ Чили, Соединенныхъ Штатовъ, епископы Испаніи уже большею частію взяли паспорты и пустились въ дорогу; епископы Франціи одни уже отправились въ Римъ, другіе также простились съ своими паствами и готовы къ отъѣзду. Правительство Франціи, Австріи, Италіи, Испаніи и другихъ государствъ не оказываютъ никакихъ препятствій къ отъѣзду своихъ епископовъ въ Римъ, каждое оставило, впрочемъ, себѣ право употребить всѣ зависящія мѣры противъ тѣхъ рѣшеній собора, которыя могутъ противорѣчить государственнымъ учрежденіямъ.

Въ виду приготовляющагося въ Римѣ величественнаго событія —мы называемъ предстоящій соборъ величественнымъ, потому что, будемъ справедливы, нельзя же отказать въ чертахъ величественности собранію, на которое стекаются со всѣхъ странъ міра, изъ странъ Америки, Азіи, Африки, Японіи, Австраліи, которое обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ,—въ виду этого событія, *протестантскія общества*, отщепенцы древней латинской церкви, въ своей жизни обнаруживаютъ какія-то судорожныя явленія. Да, они давно отдѣлились отъ римской церкви, давно не имѣютъ съ ней ничего общаго, но они все еще оглядываются на нее. Въ настоящія минуты они даже воображаютъ, что она за

ними гонится какъ охотникъ, что она ихъ настигаетъ, они бѣгутъ отъ нея все дальше и дальше, куда ни попало, лишь бы скрыться отъ ея ненавистныхъ глазъ. Куда же они скроются? гдѣ найдутъ безопасное убѣжище?... Сердце кровію обливается, читая извѣстія о томъ, что на дняхъ происходило въ нашемъ сосѣдствѣ, въ Берлинѣ. Тамъ 6 октября, вмѣстѣ съ открытіемъ парламента, открыло свои засѣданія извѣстное общество Protestantenverein. Вы помните, что члены этого общества въ маѣ мѣсяцѣ имѣли свое многочисленное собраніе въ Вормсѣ, на которомъ они протестовали противъ папскаго приглашенія протестантовъ подчиниться римской церкви. Настоящее собраніе имѣло болѣе частную цѣль: это въ Берлинѣ, въ центрѣ лютеранизма, который еще сохранилъ вѣру въ богодухновенность писанія и христіанства, объявить войну всему, что осталось еще въ Германіи христіанскаго. Члены *протестантскаго единенія* хотѣли было открыть свои засѣданія въ какой-нибудь церкви, но имъ такой не дали на томъ основаніи, что людямъ, которые не имѣютъ почти-что ничего христіанскаго, было бы неприлично заниматься разсужденіями въ какомъ бы то ни было христіанскомъ храмѣ. Тогда они открыли свои засѣданія въ одной гимнастической залѣ. Собраніе было открыто рѣчью доктора Шварца, капеллана герцога Кобургъ-Готскаго: въ своей рѣчи онъ выразилъ идеи и цѣли общества. Мы приведемъ сущность этой рѣчи, чтобы показать, что это общество только сохранило еще нѣсколько христіанскихъ терминовъ, а въ существѣ дѣла оно уже не имѣетъ ничего христіанскаго. „Мы вѣримъ, говоритъ Шварцъ, во Христа, какъ историческое лице, котораго образъ былъ затемненъ

фантастическими преданіями, но котораго мы почитаемъ какъ чистаго и благороднаго основателя церкви. Мы вѣримъ въ Евангеліе и его ученіе о всеобъемлющей любви, какъ ей училъ Христосъ. Мы отрицаемъ чудеса (а говоритъ, что вѣритъ въ Евангеліе!), зная, что вселенная управляется опредѣленными законами; но мы признаемъ чудеса, творимыя духомъ, мы признаемъ силу любви и считаемъ существенно важною надежду. Мы протестуемъ противъ предположенія нашихъ противниковъ, будто съ отрицаніемъ произвольнаго вмѣшательства Бога въ прогрессъ явленій міра мы оставили вѣру въ живаго Бога.“ Какъ мирится послѣднее отрицаніе и утвержденіе, ораторъ не объяснилъ, да и не могъ объяснить. Президентомъ собранія былъ избранъ докторъ *Bluntschli*, профессоръ юриспруденціи въ Гейдельбергѣ: благодаря за честь избранія, въ своей рѣчи онъ развивалъ ту мысль, что въ настоящее время наука мирится съ религіей, но съ какой религіей? Ораторъ отвергъ всѣ догматы христіанства и какой-то измышленной имъ скелетъ религіи взялъ въ друзья наукѣ. Любопытно-нелѣпа была бесѣда доктора Шелленберга, пастора изъ Мангейма, которую онъ говорилъ на тему, для которой онъ взялъ мѣсто изъ пророка Исаіи о продолжаемости пророческаго дара: по его мнѣнію, Лютеръ, Лессингъ, Шиллеръ, Фихте старшій, Шлейермахеръ, Гумбольтъ были преемниками іудейскихъ пророковъ древности. На другой день засѣданія докторъ Шифманъ пасторъ изъ Штетина говорилъ рѣчь по поводу того, почему собраніе имѣетъ свои разсужденія не въ церкви, а въ помѣщеніи вовсе не церковнаго характера. Онъ говорилъ, что Богъ живетъ вездѣ, и всѣ религіи, придерживающіяся храма, жесто-

но клеймилъ фарисеями и саддукеями; въ рѣчи его была слышна злоба противъ оскорбившихъ общество недозволеніемъ имѣть свои собранія въ храмѣ. Вы знаете, что душа *протестантскаго единенія*—это извѣстный Шенкель, которому нѣсколько лѣтъ тому назадъ нельзя было отказать въ добрыхъ намѣреніяхъ и взглядахъ, но который чѣмъ дальше, тѣмъ больше впадаетъ въ крайности раціонализма и совершеннаго отрицанія... Онъ говорилъ послѣ всѣхъ и высказалъ много крайностей о свободѣ совѣсти; въ заключеніе предложилъ слѣдующія, принятыя собраніемъ, рѣшенія: „1) Самая главная причина разногласія, которое господствуетъ въ германской евангелической церкви, и ея слѣдствія, именно то, что она слаба и открыта нападеніямъ Рима, заключаются въ политикѣ нѣкоторыхъ германскихъ правительствъ, которыя нарочно дѣйствуютъ такъ, чтобы воспрепятствовать свободному развитію началъ и жизненной силы протестантизма. 2) Вмѣсто церкви, управляемой личностями и консисторіями, которыя назначаются относительными правительствами, мы требуемъ, чтобы истинная германская церковь была подъ контролемъ конгрегацій. Такъ называемые сvноды, недавно введенные въ шести восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, суть только обманчивыя уступки началу самоуправленія въ церкви. 3) Ограничивать научное изслѣдованіе, стѣснять свободу религіознаго ученія догматическими предѣлами—это значитъ подкапывать основанія евангелической жизни, которой единственный наставникъ есть Іисусъ Христосъ, Искупитель и Совершитель человѣчества. 4) Твердо содержа эту существенную истину протестантской вѣры, мы протестуемъ противъ абсолютной роли догмата и насильственнаго

навязыванія религіозныхъ ученій. Кто захочетъ видѣть въ этомъ нашемъ заявленіи отрицаніе мудрыхъ истинъ христіанства и, подражая фарисеямъ, захочетъ исключить насъ изъ христіанскаго общества, тотъ повиненъ грѣху противъ главнѣйшей добродѣтели христіанской нравственности—любви. 5) Мы апеллируемъ и рѣшительно протестуемъ противъ недоказанныхъ обвиненій, взведенныхъ на наше общество властями прусской церкви. Мы не возражаемъ ни противъ какого догматическаго ученія, если только оно можетъ намъ оказать содѣйствіе къ обновленію и оживленію церкви на ея древнемъ негибнущемъ основаніи — на духѣ евангельской свободы и въ согласіи съ цивилизаціей вѣка. 6) Всѣ сыны Германіи, которые одного съ нами мнѣнія, этимъ публично и торжественно приглашаются соединиться съ нами въ борьбѣ противъ всѣхъ непротестантскихъ и іерархическихъ нападеній и въ защитѣ права, чести и свободы германскаго протестантизма". Въ собраніи Протестантскаго Единенія на этотъ разъ было 250 членовъ, съѣхавшихся со всей Германіи и даже изъ Голландіи; посѣтителей насчитываютъ до 400 или 500 человѣкъ,—это немного для громаднаго Берлина. Но это объясняютъ не тѣмъ, чтобы общество не имѣло сочувствующихъ, а тѣмъ, что помѣщеніе собранія не было слишкомъ обширно; къ тому же общество считаетъ бóльшее число своихъ послѣдователей въ центрѣ Германіи, а не въ окраинахъ ея. Въ Берлинѣ оно собралось для того, чтобы стать лицомъ къ лицу противъ лютеранской церкви Пруссіи. Неутѣшительны подобныя явленія!

Въ *Англіи* самымъ живымъ и горячимъ вопросомъ служитъ вопросъ о назначеніи доктора *Temple* въ епи-

скопы Экзетера. Докторъ Тампль еще не епископъ, еще не избранъ въ епископы, но уже указанъ короной. Назначеніе въ епископы въ Англіи опредѣляетъ слѣдующій законъ Генриха VIII (Актъ 25 Генриха VIII, гл. 20): „Король можетъ дать декану и капитулу діоцеза дозволеніе выбрать архіепископа или епископа и съ этимъ дозволеніемъ онъ посылаетъ грамату, которая заключаетъ въ себѣ имя того, кто долженъ быть избранъ; капитуломъ должно быть избрано *именно это лицо, а не другое*; а если избраніе не состоится въ продолженіе двѣнадцати дней, то государь можетъ назначить своею властію то лицо, какое ему будетъ угодно". Какъ видите, законъ этотъ предоставляетъ капитулу весьма любопытное право избрать того, кого ему приказываютъ избрать, кого уже назначаютъ. Въ настоящій разъ законъ этотъ имѣлъ слѣдующее практическое приложеніе. Скончался епископъ Экзетера; капитулъ Экзетера вмѣстѣ съ своимъ деканомъ докторомъ *Close* явился къ королевѣ, которая лично приняла его и дозволила ему выбрать новаго епископа, указавъ для этого доктора Тампля, капеллана королевы и директора извѣстной высшей школы *Rugby*. По давней практикѣ, которая въ Англіи тотъ же законъ, и по смыслу самаго закона, указаніе королевы, сдѣланное по внушенію Гладстона, равнялось назначенію. Такъ оно было и принято. Но пока не была еще исполнена формальность избранія, можно еще толковать о докторѣ Тамплѣ, какъ только кандидатѣ на епископію. И вотъ начались толки. Докторъ Тампль былъ участникомъ извѣстнаго раціоналистическаго изданія *Essays and Reviews*, которое въ свое время надѣлало столько шуму и возбудило столько протестовъ; его статья въ

этомъ изданіи развивала ту мысль, что христіанство есть не больше какъ продуктъ постепеннаго развитія человѣчества и что догматы церкви суть результаты постепеннаго ассимилированія мнѣній и ученій, которыя въ неопредѣленномъ состояніи существовали въ умахъ древняго общества въ ту минуту, когда появилось на сцену христіанство. Однимъ словомъ, докторъ Тампль принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, къ которымъ принадлежитъ извѣстный епископъ Коленсо, отвергающій даже всѣ основы епископства, а между тѣмъ остающійся епископомъ. Назначеніе доктора Тампля возбудило горячіе протесты какъ въ рядахъ пьюзеистовъ, такъ и между строгими англиканцами. Докторъ Пьюзей отозвался объ этомъ фактѣ энергическимъ письмомъ, въ которомъ объявлялъ, что онъ предпочитаетъ рѣшительное отдѣленіе церкви отъ государства вмѣшательству послѣдняго въ вопросы ученія и церковной дисциплины, За нимъ протестовалъ извѣстный уже читателямъ „Христіанскаго Чтенія“ архидіаконъ Денисонъ и другіе пьюзеисты. Лордъ Шефтсбери (Shaftesbury), извѣстный глава *церковной ассоціаціи*, ревнитель строгаго англиканизма и гонитель всѣхъ ритуалистовъ и пьюзеистовъ, также высказался противъ доктора Тампля; самъ деканъ Экзетера, почтенный *Close* и нѣсколько членовъ капитула тоже высказали недовольство противъ указанія королевы. Уже началось дѣло о рѣшительномъ сопротивленіи назначенію королевы. Но тутъ-то и высказалась слабая сторона англиканской церкви. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основана эта церковь? на сдѣлкѣ между догматами, которые у ней отчасти общи съ догматами церкви православной, отчасти же составляютъ остатокъ латинизма, и между проте-

стантизмомъ, какимъ онъ явился въ XVI вѣкѣ въ Германіи, и новѣйшимъ раціонализмомъ. Всѣ эти мнѣнія, часто непримиримыя между собою, уживаются въ англиканской церкви: между ними нѣтъ никакой дисциплинарной, собственно церковной, связи, но онѣ соединяются только общимъ имъ всѣмъ участіемъ въ однѣхъ и тѣхъ же матеріальныхъ выгодахъ. Архидіаконъ Денисонъ сталъ употреблять всѣ мѣры, чтобы убѣдить декана Экзетера и членовъ капитула, что это ихъ обязанность отказаться выбирать себѣ первымъ пастыремъ человѣка, который отрицаетъ богодухновенность священнаго писанія и самаго христіанства. Газета *John Bulle* и другіе органы болѣе или менѣе строгаго англиканизма вторили архидіакону Денисону и требовали немедленно приступить къ дѣлу. Какъ всегда, такъ и теперь въ Англіи сопротивленіе организуется подписками и петиціями и силы оппозиціи сосредоточиваются въ назначенномъ *ad hoc* комитетѣ. Архидіаконъ Денисонъ началъ уже собирать подписки между клиромъ и мірянами діоцеза Экзетера. Нѣсколько дней тому назадъ всѣ противники доктора Тампля уже съ радостію объявляли, что докторъ Пьювей и лордъ Шефтсбери, представители двухъ совершенно враждебныхъ между собою религіозныхъ партій, соединились, наконецъ, для защиты національной церкви отъ профанаціи ея такими раціоналистами, какъ Коленсо и Тампль. Побѣда казалась несомнѣнною. И какъ же Гладстонъ, указавшій королевѣ на доктора Тампля, рѣшится противиться такой сильной коалиціи. Для большей важности пьюзеисты предложили лорда Шефтсбери въ президенты оппозиціоннаго комитета. Но лордъ Шефтсбери соглашался быть членомъ оппозиціоннаго

комитета только съ условіемъ, чтобы не объявляли его имени: онъ не хотѣлъ явныхъ сношеній съ пьюзеистами. Его имя было объявлено и онъ счелъ себя свободнымъ отъ всякаго обязательства въ отношеніи къ пьюзеистамъ: благородный лордъ теперь написалъ письмо въ газету *Times*, въ которомъ говоритъ, что онъ далъ своимъ друзьямъ отдѣльно адресоваться къ первому министру съ своими наблюденіями, оставивъ сторонниковъ Пьюзея дѣйствовать самимъ по себѣ сообразно съ своими убѣжденіями. Теперь вопроса о союзѣ больше не было. Самъ деканъ Экзетера докторъ Close высказался еще яснѣе: въ письмѣ своемъ, адресованномъ въ одну газету, онъ говоритъ, что онъ скорбитъ о назначеніи доктора Тампля въ епископы, но что, поэтому, вовсе не видитъ необходимости соединиться съ „главнымъ представителемъ другой ереси,“ т. е. докторомъ Пьюзеемъ, для борьбы съ раціоналистическими заблужденіями. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, въ демонстраціи противъ доктора Тампля пьюзеисты остаются почти одни. Докторъ Пьюзей въ своихъ рѣчахъ, въ своихъ письмахъ увѣщеваетъ, грозитъ опасностями отъ такого вторженія раціонализма въ нѣдро англиканской церкви; но демонстрація эта все-таки, кажется, будетъ имѣть тотъ же исходъ, какой имѣли другія подобныя демонстраціи, какъ напр. противъ епископа Коленсо, который послѣ всѣхъ сужденій и осужденій остается законно-признаннымъ лордомъ епископомъ Натама. Гладстонъ не откажется отъ своего выбора: онъ, предполагаютъ, нарочно настоитъ на этомъ назначеніи, чтобы имѣть больше причинъ для совершенія того же отдѣленія церкви отъ государства, какое онъ сдѣлалъ въ Ирландіи. Большинство клира англиканской

церкви не отзывается сочувственно на предложеніе Пьюзея: лучше отдѣлить церковь отъ государства, чѣмъ терпѣть такое вмѣшательство государства въ церковныя дѣла; потому что въ этомъ для него лежитъ опасность лишиться матеріальныхъ выгодъ, которыя служатъ для него самымъ главнымъ связующимъ и прикрѣпляющимъ узломъ. На дняхъ должны совершиться формальности выбора доктора Тампля. Нѣсколькихъ членовъ капитула Экзетера считаютъ положительно готовыми принять докт. Тампля, другіе навѣрное пойдутъ за ними.

Другое интересное дѣло въ этомъ великомъ заморскомъ государствѣ — это организація свободной англиканской церкви *Ирландіи*. Я писалъ вамъ въ прошломъ письмѣ о собраніи по этому поводу въ Дублинѣ клира дублинской архіепископіи. Но дѣло организаціи свободной церкви, по самому акту реформы, не есть дѣло только клира, но и міранъ. Теперь собрались для той же цѣли и послѣдніе. Они явились весьма щедрыми: на нужды новаго положенія собраны были по подпискѣ весьма значительныя суммы. Если бы деньги, которыя называютъ нервомъ войны, были бы также нервомъ религіозной пропаганды, то ирландскому англиканизму нечего бы бояться конкурренціи католицизма и другихъ сектъ. Но, въ обмѣнъ своихъ денежныхъ пожертвованій, англиканцы-міряне Ирландіи въ своемъ собраніи потребовали въ церковно-административной области такихъ уступокъ, которыя сдѣлаютъ положеніе епископовъ и клира англиканской церкви также мало независимымъ, какъ и положеніе ихъ братій въ Англіи и какъ прежнее положеніе ихъ самихъ, съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто того, чтобы терпѣть вмѣшательство государства, англо-ирландскіе прелаты должны

будутъ имѣть дѣло съ различными мнѣніями и личными капризами своихъ конгрегацій. Міряне англиканской церкви Ирландіи хотятъ быть избирательнымъ элементомъ въ администраціи церкви и для закрѣпленія за собою рѣшительнаго большинства въ могущихъ возникнуть какихъ бы то ни было разсужденіяхъ, они рѣшили, что число мірскихъ представителей на общемъ *Синодѣ* церкви, должно быть вдвое больше числа церковныхъ представителей. Впрочемъ, благодаря дѣятельному вліянію архіепископа Дублина, это требованіе нѣсколько измѣнено, что конечно ослабитъ и эффектъ этой радикальной мѣры. Президентъ собранія мірянъ, дукъ Аберкорнъ (Abercorn), по просьбѣ архіепископа Дублина, взялъ подъ свою защиту интересы клира и собраніе согласилось имѣть членовъ въ синодѣ по ровному числу, какъ со стороны мірянъ, такъ и со стороны церкви; синодъ будетъ раздѣляться на двѣ палаты, мірскую и церковную; разсужденія этихъ двухъ палатъ будутъ происходить вмѣстѣ, но вотироваться рѣшенія будутъ отдѣльно каждою палатою. Такимъ образомъ спасены, по крайней мѣрѣ повидимому, достоинство епископства и іерархическаго начала церкви; но не трудно предвидѣть, что англиканизмъ, предоставленный собственному развитію и лишенный опоры гражданской власти, кончитъ тѣмъ, что перейдетъ въ пресвитеріанизмъ и, даже больше, въ демократизмъ секты. Мы, впрочемъ, желали бы, чтобы этого не случилось.

Третій замѣчательный фактъ въ Англіи за послѣдніе дни—это *церковный конгрессъ въ Ливерпулѣ*. Это уже девятый такой конгрессъ: онъ открылся въ первые дни октября; на него собрались со всей Англіи епископы, священники, міряне всѣхъ классовъ. Церковь св. Ми-

женіе, въ которой происходили засѣданія и разсужденія конгресса, вмѣщала въ себѣ постоянно до 3.000 человѣкъ. Здѣсь поднимались самые различные вопросы, чисто религіозные, нравственно-общественные, нравственно-экономическіе, обсуждались всѣ предметы начиная отъ учрежденій приличныхъ развлеченій для народа до великаго вопроса о соединеніи и примиреніи всѣхъ христіанъ между собою. Мнѣ хотѣлось бы — и это стоило бы того — дать подробную характеристику этого конгресса; но это слишкомъ бы увеличило размѣры моего письма, и безъ того уже довольно большого, а потому я откладываю это до другого раза. Теперь я только замѣчу, въ подтвержденіе моихъ мыслей, высказанныхъ мною въ началѣ моего письма: были на этомъ конгрессѣ разсужденія и объ отношеніи англиканской церкви къ церкви православной. Да, были... И ужели мы еще будемъ самообольщаться относительно сочувствія къ намъ церкви англиканской? Англичане народъ дѣла; они сочувствуютъ видному, блестящему, практическому осуществленію идеи, но не идеѣ самой по себѣ. Да, истина, хранимая православною церковію, не можетъ не возбудить ихъ сочувствія; но, чтобы это сочувствіе перешло у нихъ въ дѣло, намъ нужно не самоуслаждаться, а дѣйствовать. Распространимъ, поднимемъ *свѣтъ* православной истины такъ, чтобы всѣ видѣли *наши добрыя дѣла* и *прославили* Господа истиннымъ служеніемъ!... Мало сочувственнаго было высказано въ конгрессѣ Ливерпуля въ пользу православной церкви. Здѣсь даже была рѣчь о томъ, что магометане востока имѣютъ болѣе права на сочувствіе англичанъ, чѣмъ христіане, потому что будто въ религіи магометанъ найдется больше чертъ сходныхъ съ англиканскими

момъ, чѣмъ въ церкви православной. И это говорилъ не ораторъ-міряninъ, а почтенный докторъ (т. е. священникъ) *Тристрамъ*. Когда на его слова раздался свистъ и крики въ рядахъ пьюзеистовъ, президентъ строго замѣтилъ: „свистовъ не должно быть здѣсь; джентльменамъ неприлично свистать въ случаяхъ этого рода“. Слова президента были встрѣчены аплодисментами. О неприличіи рѣчи доктора Тристрама президентъ не замѣтилъ ничего. А архидіаконъ Денисонъ, близкій другъ доктора Пьюзея и, можетъ быть, одинъ изъ людей наиболѣе близкихъ по своимъ вѣрованіямъ къ православной церкви... его встрѣтили въ конгрессѣ шиканьемъ и криками: фарисей, фарисей!... Я выставляю эти непріятные для насъ факты. Но зачѣмъ скрывать ихъ? Лучше знать ихъ, лучше понять, убѣдиться, что то, по чему мы называемся служителями и сынами православной церкви, есть наше наслѣдство, а не наша заслуга,—это талантъ, врученный намъ Богомъ; наше дѣло теперь не только сохранить чистымъ это драгоцѣнное наслѣдіе, но и пріумножить его своею дѣятельностію, не только не давать повода къ оскорбленію носимаго нами великаго имени, но и заставить преклониться предъ нимъ всякаго. Если мы сдѣлали что-нибудь для этого, ужели же мы остановимся и скажемъ: довольно? Да, по совѣсти говоря, кто же осмѣлится изъ насъ сказать, что мы сдѣлали все для этого?...

Я давно ни слова не говорилъ вамъ о томъ, что всего ближе для моего наблюденія, *о протестантахъ Испаніи*. Протестантизмъ положилъ для себя въ Испаніи, кажется, крѣпкую основу, проповѣдниками его являются не иностранцы, а сами же испанцы. Не мало испанцевъ и даже испанокъ, еще вчера бывшихъ католичками

при болѣзни, при смерти призываютъ къ себѣ протестантскаго пастора, завѣщеваютъ хоронить себя безъ всякаго католическаго обряда; многіе отцы и матери несутъ крестить своихъ дѣтей не въ католическій храмъ, а въ протестантскіе капеллы. Развитіе протестантизма едва ли не будетъ благодѣтельно для Испаніи: оно можетъ быть вызоветъ реакцію къ религіи и религіознымъ чувствамъ среди того страшнаго, поразительнаго равнодушія къ религіи и практическаго атеизма, которые приняли здѣсь такіе обширные размѣры при исключительномъ господствѣ католицизма. Та громаднѣйшая масса недовольныхъ католицизмомъ, которая доселѣ переходила въ ряды положительныхъ безбожниковъ, можетъ быть выдѣлитъ изъ себя нѣкоторую долю также людей, которые найдутъ для себя хотя нѣкоторое религіозное удовлетвореніе въ протестантизмѣ. Въ настоящее время протестанты имѣютъ у себя два печатныхъ органа, одинъ въ Мардитѣ: *El Libre Examen*, а другой въ Севильѣ *El Cristianismo*. Послѣдній журналъ довольно серьёзнаго характера и съ умѣреннымъ направленіемъ. Въ Севильѣ недавно было общее собраніе протестантовъ, на которомъ обсуждались вопросы о правильной организаціи общества. Результатомъ этихъ разсужденій былъ кодексъ дисциплины, сообразно съ которымъ отнынѣ будетъ управляться протестантское общество Испаніи. Правила этого кодекса не многочисленны и я вамъ передамъ ихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ даютъ нѣкоторое понятіе о характерѣ протестантизма Испаніи. Вотъ этотъ кодексъ:

„Испанская реформированная церковь въ своемъ первомъ собраніи 1869 года, бывшемъ въ Севильѣ, приняла для своего управленія, временно и до тѣхъ поръ,

пока другое собраніе не опредѣлитъ болѣе обширнаго и полнаго, слѣдующій

Кодексъ дисциплины.

„1. Вся церковь управляется консисторіей, состоящей изъ президента, двухъ гласныхъ и двухъ секретарей, которые избираются ежегодно въ общемъ собраніи. Также избираются двое кандидатовъ въ гласные, которые заступаютъ мѣсто настоящихъ въ случаѣ смерти, болѣзни или отсутствія ихъ. Первый гласный есть въ тоже время вице-президентъ.

„2. Консисторія назначаетъ пасторовъ и евангелистовъ (sic), а также посылаетъ ихъ для основанія новыхъ конгрегацій въ тѣ пункты, гдѣ находитъ то нужнымъ. Она рѣшаетъ всѣ вопросы, которые могутъ возникнуть между церквами и ихъ пасторами и между этими послѣдними между собою. Она даетъ общее направленіе трудамъ всей церкви. Она собираетъ фонды для постройки или найма помѣщеній для храмовъ и школъ. Она наблюдаетъ за исполненіемъ рѣшеній собранія.

„3. Всѣ рѣшенія консисторіи представляются на пересмотръ и одобреніе ближайшаго общаго собранія. Въ случаѣ какого нибудь важнаго проступка со стороны пасторовъ и евангелистовъ, консисторія можетъ только временно удалить виновное лицо отъ должности, а окончательное рѣшеніе должна предоставить ближайшему собранію.

„4. Консисторія собирается три раза въ годъ для рѣшенія дѣлъ, представленныхъ ей на разсмотрѣніе; но она собирается всегда, когда требуютъ того чрезвычайныя обстоятельства.

„5. Къ личному составу консисторіи, который по

возможности долженъ состоять изъ служителей церкви, прибавляются два или три міряннна для управленія матеріальными интересами, подъ дирекціей и надзоромъ консисторіи.

„6. Частныя церкви управляются хунтами, избранными изъ прихожанъ подъ предсѣдательствомъ пастора. Послѣдній совершаетъ богослуженіе, проповѣдуетъ слово Божіе и совершаетъ таинства. Другіе члены хунты завѣдуютъ всѣми другими предметами, но всегда подъ завѣдываніемъ пастора.

„7. Хунты церквей заботятся о собраніи приношеній вѣрныхъ для содержанія культа, и пасторы объявляютъ подписки, когда то считаютъ нужнымъ, для вспоможенія больнымъ бѣднымъ.

„8. Частнымъ церквамъ предоставляется свобода во всемъ, что онѣ считаютъ нужнымъ сообразно мѣстности, лишь бы это не нарушало единства вѣры и дисциплины.

„9. Храмы и мѣста общественныхъ молитвъ не должны имѣть никакихъ изображеній, ни крестовъ, кромѣ предметовъ существенно необходимыхъ для культа.

„10. Было бы прилично, еслибы на переднемъ мѣстѣ въ церквахъ были начертаны заповѣди Божіи, апостольскій символъ и молитва Господня. Кромѣ того на стѣнахъ и сводахъ можно надписывать тѣ тексты изъ библіи, которые могутъ служить къ оживленію вѣры, надежды и любви вѣрнымъ. Непремѣнною заботою должно быть, чтобы были мѣста для всей конгрегаціи и чтобы всѣ части храма были достаточно освѣщены.

„11. Непремѣнною заботою должно быть, чтобы въ храмахъ было прилично и чисто.

„12. Запрещаются колокольчики и драпировка въ храмахъ при совершеніи богослуженія.

„13. Запрещается зажигать свѣчи собственно для совершенія таинствъ.

„14. Въ храмахъ не должно быть никакихъ другихъ собраній, кромѣ какъ для богослуженія и поученія или для тѣхъ предметовъ, которые касаются управленія церкви.

„15. Всѣ культы, равно какъ и преподаніе таинствъ, совершаются сообразно принятому служебнику.

„16. Хоть заповѣдано посвящать Богу только одинъ день въ недѣлю, которымъ со времени воскресенія нашего Господа Іисуса Христа былъ день воскресный; но въ церкви должно совершаться богослуженіе и въ нѣкоторые другіе дни, равные воскресному, именно въ дни воспоминанія Рождества и смерти нашего Господа Іисуса, которые обыкновенно называются Рождествомъ и Великимъ Пяткомъ.

„17. Предоставляется на волю церквей праздновать день *пятаю* мая, какъ воспоминаніе провозглашенія свободы культовъ въ Испаніи, а равно тѣ дни, которые въ различныхъ мѣстностяхъ могутъ быть посвящены общественнымъ молитвамъ или воздаянію благодарности Господу.

„18. Каждое воскресенье должно совершаться два богослуженія: одно поутру, а другое пополудни въ тѣ часы, которые окажутся наиболѣе удобными сообразно мѣстности. Также должно быть одно богослуженіе среди недѣли вечеромъ, а также одно собраніе для чтенія библіи и также вечеромъ.

„19. Предоставляется благоразумію пастора опредѣлить дни, когда онъ сочтетъ нужнымъ совершать Евхаристію. Онъ можетъ преподавать ее какъ поутру, такъ и по полудни; и было бы желательно, еслибы она преподавалась ежегодно въ ночь ея установленія.

„20. Въ церквахъ, которыя будутъ находиться въ завѣдываніи евангелиста (кажется евангелистъ—родъ діакона), для совершенія евхаристіи призывается пасторъ изъ ближайшаго прихода, или пресвитеръ, назначенный консисторіей.

„21. Крещеніе совершается въ храмѣ публично и во время богослуженія.

„22. Бракъ совершается въ храмѣ во всякій день и часъ.

„23. При погребеніи пасторъ часть похоронной службы совершаетъ въ домѣ покойника, а другую на кладбищѣ надъ могилой. Было бы весьма желательно, еслибы пасторы сопровождали трупъ, облачившись въ тогу; впрочемъ это предоставляется благоразумію пастора сообразно съ обстоятельствами мѣстности. Нужно только имѣть въ виду, что при погребеніи не должно быть никакого различія между богатымъ и бѣднымъ. Исключенія изъ этого дѣлаются только въ чрезвычайныхъ случаяхъ чумы, холеры и проч.: тогда пасторъ подчиняется распоряженіямъ мѣстной власти.

„24. Непремѣнною заботою должно быть открытіе воскресныхъ школъ.

„25. Всѣ акты церкви должны быть публичные, при отпертой двери.

„26. Пасторы должны совершать богослуженіе и таинства, одѣтые въ чорную длинную тогу и съ бѣлымъ воротничкомъ.

„27. Пасторы стараются посѣщать своихъ прихожанъ, пользуясь этими посѣщеніями для возбужденія семейнаго благочестія. И особенно они должны посѣщать больныхъ.

„28. Пасторы ежемѣсячно посылаютъ въ консисто-

iю донесенія объ успѣхахъ своей церкви, какъ и о семъ, что считаютъ нужнымъ довести до свѣденія консисторіи.

„29. Пасторы не могутъ требовать никакого рода латы ни за богослуженіе, ни за совершеніе таинствъ, ни за какое служеніе, которое они совершаютъ какъ асторы.

„30. Пусть они особенно имѣютъ въ виду, что, бyучи пасторами, они должны подавать примѣръ своему гаду во всякое время и во всякомъ случаѣ, являясь ервыми въ осуществленіи на практикѣ того, чему они чатъ вѣрныхъ въ своей проповѣди.

„31. Пасторы въ обыкновенной жизни не обязаны осить особеннаго костюма; только должны одѣваться кромно и прилично своему званію.

„32. Служители церкви свободны оставаться холотыми, или вступать въ бракъ, какъ то они считаютъ учшимъ для своего совершенства и спокойствія своей овѣсти.

„33. Пасторамъ рѣшительно запрещается мѣшаться ъ политическія партіи и говорить о политикѣ въ хранахъ.

„34. Каждый годъ собирается общее собраніе пасторовъ и представителей церквей, въ каковомъ собраніи обсуждаются и рѣшаются всѣ подлежащіе вопросы, дѣсь же пресвитеры возлагаютъ руки на кандидатовъ въ ьяконы и пресвитеры. Также здѣсь повѣряются общіе тчеты и назначается консисторія на слѣдующій годъ.

Соглашенія.

„1. Церковь не отвѣчаетъ ни за какое печатное произведеніе, которое не имѣетъ одобренія консисторіи.

„2. Авторы и издатели религіозныхъ сочиненій посылаютъ въ консисторію два экземпляра для архива, чтобы такимъ образомъ положить начало общей библіотекѣ.

„3. Пресвитеры, которые перейдутъ изъ римской церкви, считаются посвященными; но они подвергаются испытанію въ удовлетворительности ихъ свѣденій и благочестія, прежде чѣмъ могутъ быть посланы для проповѣди.

„4. Консисторія чрезъ своего президента созываетъ ближайшее собраніе за мѣсяцъ раньше дня его открытія, оповѣстивъ вмѣстѣ пункты, о которыхъ будутъ происходить разсужденія. Въ слѣдующемъ году собраніе будетъ созвано къ 30 сентября“.

Въ настоящій разъ президентомъ консисторіи избранъ пресвитеръ Кабрера, перешедшій въ протестантизмъ изъ католическихъ священниковъ. Одинъ изъ секретарей консисторіи также изъ католическихъ священниковъ, нѣкто Луисъ Фернандесъ. Кабрера есть редакторъ и издатель журнала *El Cristianismo* и кажется человѣкъ весьма образованный. Въ настоящія минуты онъ находится въ Мадритѣ, куда онъ явился изъ Севильи за тѣмъ, чтобы дать знать Кортесамъ, что въ Испаніи не только существуютъ протестанты, но даже правильно организованная протестантская церковь или общество; ему хочется добиться если не покровительства правительства, то по крайней мѣрѣ признанія протестантскаго общества какъ факта, а вмѣстѣ оффиціальнаго признанія значенія фактовъ совершаемыхъ въ протестантскихъ храмахъ, особенно въ дѣлѣ браковъ. Но Кортесы пока не тѣмъ заняты, и о. Кабрерѣ придется пождать результатовъ въ своихъ исканіяхъ, хотя есть не мало

путатовъ, которые весьма интересуются его дѣломъ даже его личностію.

PS. Я было уже думалъ покончить мое письмо, которое сверхъ моего ожиданія, приняло довольно больie размѣры; но послѣдній N англійской газеты *The Guardian* принесъ такой важный и интересный докуентъ, что я не могу не поспѣшить передать вамъ его теперь же. Это посланіе константинопольскаго патріарха къ архіепископу кэнерберійскому. Его препровождаетъ редактору упомянутой газеты г. Вильямсъ, извѣстный у насъ въ Россіи тѣмъ живымъ интересомъ, который онъ питаетъ къ восточной церкви. Вотъ письмо Вильямса къ редактору The Guardiian и самое посланіе патріарха къ архіепископу Кэнтербери:

„Сэръ! Я посылаю вамъ для обнародованія въ вашей газетѣ переводъ въ высшей степени важнаго посланія, которое патріархъ Константинополя адресовалъ архіепископу Кэнтербери въ отвѣтъ на письмо его милости къ его святѣйшеству, посланное, какъ кажется, въ сопровожденіи копіи англійской *Prayer-Book*.

„Посланіе патріарха помѣчено 26 сентября (т. е. 8 октября н. с.) и было обнародовано въ константинопольской газетѣ *Неологосъ* октября 11 (23 н. с.). Мой переводъ букваленъ даже до нелѣпости: и я сдѣлалъ это нарочно, чтобы всѣ, кто знакомъ съ манерами и обычаями восточныхъ церквей и кто знаетъ, какъ много важности придаютъ тамъ титуламъ чести и пріемамъ въ отношеніяхъ къ другимъ, увидѣли въ этомъ посланіи нѣчто гораздо важнѣйшее, чѣмъ обыкновенный актъ величайшей вѣжливости. Я впрочемъ хочу попросить васъ напечатать это посланіе также и въ оригинальномъ греческомъ текстѣ на слѣдующей недѣлѣ (The

Guardian недѣльная газета), чтобы съ вашего дозволенія показать полную его важность и значеніе. Георгъ Вильямсъ. Vicarage, Ringwood. Ноября 8 дня 1869“.

„Григорій, милостію Божіею архіепископъ Константинополя, новаго Рима, и вселенскій патріархъ святѣйшему архіепископу, митрополиту Кэнтербери и экзарху христіанъ англійскаго исповѣданія въ Великой-Британіи, лорду Арчибальду Камбелю: миръ отъ Бога и братское цѣлованіе во Христѣ.

„Получивши съ великою радостію высокопочтенное письмо, посланное вашею почтенною святостію нашему смиренію, мы, какъ то было прилично, и въ благодарность за выраженное вами намъ благорасположеніе, во глубинѣ сердца были подвигнуты на исполненіе того, что всегда было христіанскою и каноническою обязанностію, пославъ нашего протосинкелла на посвященіе (?) совершавшееся возлюбленнѣйшимъ отъ Бога епископомъ Гибралтара, лордомъ Карломъ Аміандъ, а слѣдовательно для общенія, въ духѣ братской любви, въ вашихъ желаніяхъ и молитвахъ о томъ, чтобы здѣсь на землѣ было одно избранное стадо и одинъ пастыреначальникъ—нашъ Господь, соединяющій всѣхъ, которые раздѣлены, и руководящій всѣхъ, такъ чтобы всѣ могли думать и говорить одно и тоже и трудиться вмѣстѣ къ возрастанію его царства.“

„И мы также, ночь и день моля нашего Бога и Спасителя о томъ же самомъ, не перестаемъ при всякомъ случаѣ какъ радоваться, такъ, сколько то отъ насъ возможно, и охотно содѣйствовать этому истинно благому дѣлу и истинно благому намѣренію, заботясь о назиданіи и совершенствованіи нашихъ близкихъ, и о просвѣщеніи и общемъ примиреніи всѣхъ и объ объедине-

ніи всѣхъ во Христѣ Іисусѣ. Мы не только молимся объ этомъ, но мы также надѣемся и предчувствуемъ осуществленіе этого отъ общаго Отца и отъ Бога Спасителя и Его Духа, когда народъ будетъ наученъ и будетъ распространено знаніе о древнѣйшемъ и неизмѣнномъ православіи, которое намъ преподала свободная отъ заблужденія и начальная и каѳолическая Христова церковь чрезъ апостольскихъ вѣстниковъ Бога, и богоносныхъ отцовъ и седмь почтенныхъ и Бого-руководимыхъ вселенскихъ соборовъ.

„Но что касается погребенія вашихъ соотечественниковъ, вашей много-желанной святости извѣстно, что, когда даже никто изъ почтенныхъ британскихъ епископовъ и не убѣждалъ и не просилъ насъ, мы сами по себѣ давали всякое дозволеніе погребать англійскихъ скончавшихся путешественниковъ на нашихъ кладбищахъ съ подобающею честію, зная, что *Господня земля и исполненіе ея*. Тѣмъ охотнѣе мы будемъ дозволять это на будущее время въ уваженіе къ вашей святости, возлюбленной во Христѣ, и въ отплату, какъ то прилично, за выраженіе братскаго къ намъ расположенія, съ однимъ только условіемъ, чтобы не нарушалось въ подобныхъ случаяхъ пріобрѣтенное частное право собственности, требующее уплаты за мѣсто, гдѣ совершается погребеніе.

„Съ истинною благодарностію получивъ священную Prayer-Book вашего англиканскаго исповѣданія, посланную намъ вами, мы замедлили нашимъ отвѣтомъ главнымъ образомъ потому, чтобы, болѣе досужно перечитавъ эту церковную книгу, мы могли болѣе точно объявить, на сколько она близка или на сколько она отклоняется отъ точнаго евангельскаго и каѳолическаго

ученія и какъ вѣрно утвержденіе предисловія ея (стр. 7), что и она не содержитъ ничего противнаго слову Божію и здравому ученію".

„Между тѣмъ, съ радостію получивши энциклику—посланіе, обнародованное англиканскими епископами, собравшимися два года тому назадъ въ Англіи ([1]), которому предпослано одобрительное письмо вашей всегда памятной эминенціи, и узнавши изъ него, что они (т. е. епископы) ясно исповѣдуютъ и утверждаютъ, въ простыхъ и общепринятыхъ терминахъ, что они твердо и неизмѣнно признаютъ священное писаніе словомъ Божіимъ и что они содержатъ символы единой святой апостольской церкви и чистый и несквернный ея древній порядокъ и богослуженіе.... ([2]) и отвергаютъ всѣ нововведенія и стараются по всей землѣ распространять мудрую проповѣдь евангелія,—узнавши, говоримъ мы, обо всемъ этомъ, выраженномъ въ такихъ ясныхъ и общепринятыхъ терминахъ, мы весьма возрадовались въ нашей душѣ, прозрѣвая приближеніе и зарю собранія въ одно и тоже стадо Господне и соединенія всѣхъ духовныхъ овецъ, гдѣ бы онѣ не находились.

„Но, низходя до частностей содержанія Prayer-Book и особенно заключающагося въ ней исповѣданія *тридцати девяти членовъ*,—послѣ перечтенія ихъ, *утвержденія* какъ относительно вѣчной сущности Святаго Духа, такъ относительно божественной евхаристіи и, далѣе, относительно числа таинствъ, относительно апостоль-

---

([1]) Это извѣстный соборъ Ламбетскій. Какъ посланіе этаго собора въ полномъ переводѣ, такъ и свѣденія о засѣданіяхъ его мы въ свое время сообщили въ нашихъ письмахъ въ „Прав. Обозрѣніи". *Авт.*

([2]) Мы не знаемъ, что значатъ эти точки... или пропускъ въ переводѣ можетъ быть какой нибудь оговорки патріарха, которая не понравилась англичанамъ, или еще что нибудь. *Авт.*

скаго и церковнаго преданія, относительно авторитета истинно подлинныхъ вселенскихъ соборовъ, положенія и взаимнаго отношенія церквей земной и небесной и особенно касательно уваженія и почитанія, которымъ мы одолжены тѣмъ, которые и въ словѣ и дѣлѣ были героями вѣры—адамантовыми мучениками и атлетами,—послѣ, говоримъ мы, перечтенія ихъ, эти утвержденія намъ показались отзывающимися запахомъ больше чѣмъ новшества. А то, что говорится (стр. 592, арт. 19): „какъ церкви Іерусалима, Александріи и Антіохіи заблуждались, такъ и римская церковь впала въ заблужденія, не только въ своей жизни и совершеніи обрядовъ, но также и въ предметахъ вѣры“, вѣдь эти слова лишаютъ восточныя церкви православія и совершенства вѣры—(да будетъ позволено намъ замѣтить, что этихъ обвиненій со стороны нашихъ близкихъ нѣтъ въ особенномъ исповѣданіи вѣры). Эти утвержденія забросили въ наше сердце подозрѣніе, такъ что мы недоумѣваемъ, какой судъ произнести о мѣрѣ англиканскаго православія. Во всякомъ случаѣ мы отъ всей нашей души молимъ Творца и Виновника нашего спасенія просвѣтить разумѣніе всѣхъ свѣтомъ Своего вѣденія и даровать всѣмъ народамъ языкъ единой вѣры, единой любви и единой надежды евангелія, чтобы, какъ благодарныя дѣти одной и той же матери, церкви—церкви каѳолической, первородной,—мы могли едиными устами и единымъ сердцемъ славить Тріединаго Бога.

„Да пребудетъ Его хранящая благодать съ вашею святостію, такъ дорого намъ любезнымъ во Христѣ, и со всѣмъ Бого-любезнымъ стадомъ, вами пасомымъ. Сентября 26, 1869“.

Надѣюсь, что я передалъ вамъ самый точный пере-

водъ этого важнаго документа. Первосвятитель православной церкви, въ своемъ посланіи, оказываетъ къ англиканской церкви въ высшей степени достойное снисхожденіе, но онъ не скрываетъ и правды. Замѣчательно одно: онъ избѣгаетъ называть англиканскую церковь *церковію*, но называетъ только исповѣданіемъ—довольно мудрая предосторожность. Вообще все посланіе написано такъ же искусно, какъ сдѣланъ былъ и тотъ отвѣтъ, который нѣкогда патріархъ далъ на папское приглашеніе,—отвѣтъ, заслужившій всеобщее одобреніе всей англійской печати. Каковъ-то будетъ отзывъ англичанъ объ этомъ посланіи, которое касается прямо ихъ самихъ?...

Священникъ. К. Кустодіевъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Открытіе Александро-Невскаго дома призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія.—Открытіе благочинническихъ совѣтовъ въ Петербургѣ.—Общество распространенія св. Писанія въ Россіи. — Статья А. Н. Майкова о великихъ московскихъ святителяхъ въ журналѣ „Заря". — Засѣданіе славянскаго комитета въ Петербургѣ 26 октября 1869 года.—Курсъ богословскаго факультета въ Дерптѣ.—Брошюрки о. Василья Михайловскаго въ Дерптѣ. — По поводу одной изъ парижскихъ корреспонденцій „Голоса". — „Святорусскіе двоевѣры" г. Кельсіева.—Богословіе Хомякова въ свѣтской журналистикѣ.

Въ церковной жизни нашей столицы самое крупное явленіе за послѣднее время составляетъ, безъ сомнѣнія, открытіе „Александро-невскаго дома призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія". Устройство этого замѣчательнаго учрежденія, долженствующаго занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между благотворительными учрежденіями въ Петербургѣ, и по началу и по осуществленію, составляетъ всецѣло плодъ архипастырской попечительности нашего Высокопреосвященнаго Владыки и навсегда останется краснорѣчивымъ памятникомъ заботливости Его Высокопреосвященства о дѣйствительныхъ, неотложныхъ нуждахъ духовенства Петербургской епар-

хіи. Сооруженіе громаднаго зданія и первоначальное обзаведеніе его всѣми необходимыми принадлежностями должно было стоить большихъ денежныхъ средствъ, и мы слышали, что только при усиленной заботливости и энергіи, при самой строгой разсчетливости въ издержкахъ, это предпріятіе могло быть доведено до конца... Торжество освященія устроенной въ богадѣльнѣ церкви и самаго зданія, въ присутствіи благотворителей, жертвовавшихъ на устроеніе дома деньгами и строительными матеріалами, а также представителей духовенства— членовъ консисторіи и благочинныхъ, совершено было самимъ Его Высокопреосвященствомъ 8-го сего ноября. По окончаніи литургіи, протоіереемъ С. С. Тапильскимъ произнесенъ предъ Его Высокопреосвященствомъ благодарственный адресъ отъ лица петербургскаго духовенства... Можно съ рѣшительностію утверждать, что учрежденіемъ этаго дома положеніе вдовъ и сиротъ духовнаго званія въ петербургской епархіи, при имѣющей продолжаться совмѣстной дѣятельности епархіальнаго попечительства и эмеритальной кассы (существующей пока въ проектѣ), обезпечено навсегда. Громадное четырех-этажное зданіе, украсившее окрестности Александро-Невской лавры, устроенное со всѣми необходимыми удобствами и примѣненіями новѣйшей строительной техники, содержитъ въ себѣ до 120 удобныхъ, свѣтлыхъ и теплыхъ, помѣщеній различнаго размѣра, для вдовъ одинокихъ и семейныхъ, а въ случаѣ нужды, говорятъ, число это можетъ быть и увеличено. Независимо отъ этого въ зданіи богадѣльни имѣетъ быть устроено начальное сиротское училище для дѣвочекъ, въ которомъ, кромѣ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, будутъ преподаваться и рукодѣлья... Къ сожалѣ-

нію, мы не имѣемъ данныхъ, необходимыхъ для того, чтобы разсказать какъ слѣдуетъ исторію этаго предпріятія, его организацію и условія дальнѣйшаго его развитія. Будемъ надѣяться, что специальный органъ церковной жизни Петербурга — „Церковная лѣтопись Духовной Бесѣды"—сочтетъ себя обязаннымъ сдѣлать это дѣло... Александро-Невская лавра, по предложенію своего священно-архимандрита, уступила для богадѣльни нужный участокъ земли и снабдила строителей главнымъ строительнымъ матеріаломъ—кирпичемъ съ своихъ заводовъ. Завѣдываніе пріемомъ вдовъ и сиротъ въ богадѣльню и управленіе по дому поручено особой коммиссіи изъ почетнѣйшихъ членовъ столичнаго духовенства.

— Другое важное явленіе въ церковной жизни Петербурга составляетъ учрежденіе новой административной и судебной инстанціи въ помѣстномъ управленіи петербургской епархіи—*благочинническихъ совѣтовъ*. Въ новомъ учрежденіи мудро соглашены права и прерогативы епархіальной власти съ желаніемъ выборнаго начала, столь энергически заявленнымъ на съѣздѣ петербургскаго духовенства. Благочиннический совѣтъ будетъ состоять изъ благочиннаго, который, какъ органъ епархіальной власти, будетъ, по прежнему, назначаться административнымъ порядкомъ, и двухъ *помощниковъ благочиннаго*, избираемыхъ самимъ духовенствомъ благочинническаго округа, посредствомъ закрытой балотировки, на три года. Избирателями могутъ быть не только протоіереи и священники, но также діаконы и причетники, съ тѣмъ различіемъ, что протоіерей и священникъ имѣютъ полный голосъ, діаконъ—половину, а причетникъ—четверть голоса. Благочиннический совѣтъ — инстанція не только административная, но и судебная. Консисто-

рія изъ круга своихъ дѣлъ уступаетъ завѣдыванію благочинническаго совѣта: проступки духовныхъ лицъ противъ должности, благочинія и благоповеденія, нетребующія формальнаго изслѣдованія, за которые, по закону, опредѣляются замѣчанія, внушенія и выговоры, безъ внесенія въ формулярные списки; взаимныя претензіи между членами причтовъ по раздѣлу братскихъ доходовъ и пользованію церковною собственностію, также жалобы прихожанъ на мѣстное духовенство; просьбы о вознагражденіи за ущербы и убытки до 25 р.; жалобы на неуплаты безспорныхъ долговъ и нарушенія безспорныхъ обязательствъ на сумму до 100 р.; иски о личныхъ обидахъ, не соединенныхъ съ поступками, противными достоинству духовнаго сана, которые, по закону, могутъ быть прекращаемы взаимнымъ примиреніемъ; представленіе къ наградамъ священнослужителей, отличившихся особенными заслугами, выходящими изъ круга обыкновенныхъ обязанностей приходскаго священника, какъ то: особенною ревностію въ проповѣдываніи слова Божія, въ устроеніи приходскихъ и воскресныхъ школъ и т. п.; наблюденіе за исправною выдачею церквами пособія духовнымъ училищамъ; собираніе свѣдѣній о положеніи вдовъ и сиротъ духовнаго званія и пр. Разбирательство дѣлъ по спорамъ и жалобамъ въ благочинническихъ совѣтахъ происходитъ словесно, и лишь рѣшенія совѣта записываются кратко въ особую шнуровую книгу. Вообще намъ кажется, что новое учрежденіе петербургской епархіи представляетъ значительную аналогію съ мировыми учрежденіями гражданскаго вѣдомства. Не есть-ли это поводъ надѣяться, что соглашеніе новыхъ судебныхъ учрежденій съ церковными уставами, необходимость котораго такъ ощути-

тельна, будетъ ускорено? Развѣ нѣтъ у насъ канонистовъ, достаточно компетентныхъ для этого важнаго дѣла?

—Содѣйствіе общества церкви въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія народа — всегда дѣло въ высшей степени желательное и благоплодное по своимъ результатамъ. Вотъ почему мы съ полнымъ сочувствіемъ привѣтствуемъ „общество для распространенія св. писанія въ Россіи“, объявленіе котораго о своей цѣли и устройствѣ, недавно изданное, находится теперь предъ нами. Негласно и въ небольшихъ размѣрахъ, въ видѣ частнаго кружка, общество существуетъ въ Петербургѣ еще съ 1863 года. Въ октябрѣ 1866 года послѣдовалъ циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ, запрещавшій всякія собранія, не испросившія предварительно разрѣшенія у правительства; тогда лица, составлявшія упомянутый кружокъ, составили для себя уставъ и представили его на утвержденіе правительству. Въ маѣ настоящаго года послѣдовало Высочайшее утвержденіе этого устава, и изданнымъ теперь объявленіемъ общество приглашаетъ всѣхъ сочувствующихъ его дѣлу принять участіе въ его трудахъ, какъ личнымъ сотрудничествомъ по продажѣ книгъ св. писанія, такъ и денежными пожертвованіями. Конечно, одного распространенія слова Божія въ народѣ еще недостаточно для развитія въ немъ здравыхъ религіозныхъ понятій; мало того, чтобы слово Божіе читалось народомъ,—нужно, чтобы оно достаточно и правильно было имъ понимаемо. Закавказскіе укленицы, о которыхъ разсказываетъ г. Максимовъ („За Кавказомъ“, От. Зап. 1867 годъ), саратовскіе молокане, въ состязаніяхъ съ которыми даже г. Костомаровъ, (хорошо знакомый съ св. писаніемъ, въ своихъ

лекціяхъ о русскихъ сектахъ, читанныхъ въ петербургскомъ университетѣ въ 1861 году, приводившій, какъ мы помнимъ, наизусть большіе отрывки изъ библіи) оказывался недостаточно сильнымъ, „святорусскіе двоевѣры", какъ называетъ г. Кельсіевъ (Заря, октябрь 1869 г.) хлыстовъ, таврическіе духоборцы и шелапуты—всѣ вообще, сектанты—большіе начетчики въ св. писаніи... Конечно, не такой начитанности желало бы для нашего народа общество распространенія св. писанія... Но это уже дѣло пастырей церкви—позаботиться о правильномъ пониманіи слова Божія; толкованіе слова Божія народу—предметъ учительства церковнаго. Мы не совсѣмъ согласны также съ тѣмъ, чтобы удобно было предлагать слово Божіе посѣтителямъ питейныхъ домовъ въ самыхъ этихъ домахъ. Конечно, можно предположить, что посѣтитель питейнаго дома, купившій въ немъ экземпляръ Новаго Завѣта въ порывѣ разгульной щедрости, возвратившись домой, отнесется къ св. книгѣ съ должнымъ благоговѣніемъ; но можетъ быть и иначе; во всякомъ случаѣ дѣйствовать по догадкамъ и предположеніямъ—дѣло не умное, какъ выражается преосв. Филаретъ Черниговскій. Не довольно ли было бы книгоношамъ общества ограничиться продажею экземпляровъ слова Божія при церквахъ, на улицахъ, на фабрикахъ и тому подобныхъ болѣе удобныхъ мѣстахъ, предварительно убѣдившись въ дѣйствительномъ желаніи покупателя читать слово Божіе, и не пользуясь минутнымъ и можетъ быть случайнымъ порывомъ даже вполнѣ трезваго человѣка? Но, повторяемъ, мы во всякомъ случаѣ радуемся появленію общества книгоношъ, и отъ души привѣтствуемъ его, какъ радуемся всякому проявленію

сближенія и взаимодѣйствія общества и церкви, какъ привѣтствуемъ повсемѣстное учрежденіе въ Россіи братствъ и церковныхъ попечительствъ, дѣятельность обществъ миссіонерскаго и распространенія православія на Кавказѣ, общества распространенія грамотности (въ Петербургѣ, при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ обществѣ), выпустившаго столько полезныхъ изданій для народа, между прочимъ и религіознаго характера,—московское „общество распространенія полезныхъ книгъ", изъ изданій котораго ни объ одномъ нельзя сказать, чтобы оно не было вполнѣ удачно и какъ нельзя болѣе пригодно для своей цѣли, — „товарищество общественной пользы", которое, еслибы и ничего не издало кромѣ прекрасныхъ разсказовъ изъ русской исторіи для народа г. Безстужева-Рюмина, заслуживало бы полной благодарности... Вотъ какъ объясняетъ общество свое происхожденіе, цѣль и устройство.

„Въ настоящее время и правительство и частныя лица заботятся о распространеніи грамотности въ народѣ. Извѣстно, какое неизгладимое впечатлѣніе оставляетъ *первая* прочитанная книга, какъ важно поэтому, чтобы эта первая книга, попавшая въ руки грамотному простолюдину, была не вздорная какая-нибудь книжонка, а *слово Божіе*, „вѣрное свидѣтельство Господне, умудряющее простаго" (Псал. 18: 8). Народъ нашъ чуетъ это инстинктивно, онъ жаждетъ слова Божія. Сколько разъ случалось намъ слышать изъ устъ простолюдина выраженіе желанія имѣть „божественную книжку"—именно „божественную", а не иную.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сталъ издаваться Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ, по цѣнѣ доступной

всякому; въ чемъ, очевидно, выразилось желаніе возможно большаго распространенія его въ народѣ. Но распространяется ли дѣйствительно эта св. книга въ народѣ въ такой степени, какъ это было бы желательно? Иной простой человѣкъ, можетъ быть, даже и не знаетъ о существованіи ея. А если и знаетъ, то пойдетъ ли за нею въ книжный магазинъ? Да и въ каждомъ ли городѣ, не говоря уже о селеніяхъ, есть у насъ книжныя лавки? Сколько, съ другой стороны, такихъ, какъ напримѣръ рабочіе на заводахъ, которымъ трудно отъ работы оторваться, чтобы пойти купить себѣ эту книгу, или которые вовсе лишены возможности пойти за нею, напримѣръ находящіеся въ больницахъ и тюрьмахъ; иные наконецъ (разумѣемъ посѣтителей питейныхъ домовъ) и не подумаютъ о Евангеліи, пока его не покажутъ имъ. Очевидна въ этомъ случаѣ польза, можно сказать необходимость распространенія у насъ св. книги, сверхъ другихъ способовъ, также и *въ разносъ*. У иного одинъ видъ принесенной ему книги и удобство пріобрѣтенія ея можетъ возбудить желаніе купить ее".

„Подобныя мысли возникли въ небольшомъ кружкѣ близкихъ другъ другу лицъ, въ С.-Петербургѣ, съ появленіемъ Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ. Нашлось и лицо, соединявшее въ себѣ всѣ качества необходимыя для человѣка, который рѣшился бы посвятить себя трудному, но благому дѣлу распространенія книгъ св. писанія въ разносъ. Вокругъ этого перваго „книгоноши" образовался скромный кружокъ, съ цѣлію дѣлать сборъ, какъ между собою, такъ и въ кругу своихъ знакомыхъ, чтобы доставить г. Ф. возможность продавать его всюду по синодальнымъ цѣнамъ. Число

участниковъ въ этомъ дѣлѣ постепенно увеличивалось. Такимъ образомъ въ первые четыре года распространено было до 40.000 книгъ св. писанія, преимущественно Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ,—по разнымъ городамъ и селамъ, наиболѣе же въ Петербургѣ и окрестностямъ его и по Приволжью до Перми и Астрахани".

Любопытны и поучительны похожденія этихъ книгоношъ. „Разъ предложилъ я", говоритъ Ф., „встрѣтившемуся мнѣ работнику купить Евангеліе. Онъ взялъ его съ радостью, воскликнувъ: „Какъ это Господь привелъ тебя ко мнѣ съ этою книгою? Мнѣ давно уже хотѣлось ее имѣть!" — Въ г. Аткарскѣ зашелъ я въ одну столярню. Молодой подмастерье, увидя Новый Завѣтъ и спросивъ о цѣнѣ, торопливо купилъ его, ни мало не торгуясь; снявъ затѣмъ шапку, онъ набожно перекрестился и громко воскликнулъ: „Слава Тебѣ, Господи, *добился!*" — Одинъ покупатель на нижегородской ярмаркѣ сталъ торговать у меня Новый Завѣтъ; я сослался на цѣны въ книжаыхъ лавкахъ. „Да мнѣ и не вздумается въ книжныя лавки идти покупать себѣ Новый Завѣтъ", возразилъ онъ, „а вотъ какъ ты мнѣ его принесъ, такъ я взялъ бы, если бы ты мнѣ его уступилъ за мою цѣну". Съ этими словами онъ отошелъ прочь, но я догналъ его и убѣдилъ купить св. книгу. — Тамъ же, на ярмаркѣ, разъ зашелъ я въ трактиръ. За отдѣльнымъ столикомъ сидѣло четверо солдатъ и пили чай; я подошелъ къ нимъ и предложилъ купить Новый Завѣтъ. Одинъ изъ нихъ, взглянувъ на меня пристально, воскликнулъ: „А, эту книгу я лѣтомъ у васъ купилъ!" и сказалъ, гдѣ именно купилъ ее у меня. Затѣмъ, обратясь къ товарищамъ, со

слезами на глазахъ, сталъ имъ разсказывать, что онъ прочелъ въ этой книгѣ о Спасителѣ; „Чудо какое чтеніе!" воскликнулъ онъ въ заключеніе. Взявъ книгу подъ мышку, и вынимая деньги, онъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ: „Помоги мнѣ Богъ эту книгу читать!" Одинъ саратовскій купецъ, купивъ у меня Новый Завѣтъ, спросилъ меня съ какою цѣлью собственно продаю я свои книги (такъ какъ онъ понималъ, что барыша отъ этой продажи я не могу имѣть)? Я разсказалъ ему тогда о своихъ петербургскихъ друзьяхъ, какъ они, жертвуя на покрытіе издержекъ, стараются по возможности распространить по всей Россіи Новый Завѣтъ. Тутъ онъ понялъ въ чемъ дѣло, и со слезами воскликнулъ: „это уже давно бы надо сдѣлать, потому что намъ эту книгу достать нельзя!"

Въ Петербургѣ старушка Ф—ва, идя съ Евангеліями по Невскому проспекту, встрѣчаетъ однажды бѣдно одѣтаго человѣка, съ виду чиновника. Онъ самъ останавливаетъ ее: „Продаете книжки?"—„Да, вотъ въ 35 коп." — „Это дорого,—у меня всего 20 коп. Я, вы видите, безъ рубашки", продолжаетъ онъ, раскрывъ пальто, „я шелъ купить себѣ рубашку, но купилъ бы Евангеліе, если бы вы уступили мнѣ за 20 коп."— „Извольте! я сама бѣдная..." и *подарила* ему книгу. Бѣднякъ перекрестился и пожелалъ ей добраго здоровья. Другая книгоноша, г-жа С., обошла всѣ присутственныя мѣста въ Петербургѣ и продала тамъ нѣсколько сотъ экземпляровъ Новаго Завѣта. Одинъ чиновникъ, купивъ у нея Евангеліе, сказалъ: „вотъ мы бы во весь вѣкъ не купили этой книги, а теперь купили, какъ намъ принесли". Одинъ петербургскій книжный торговецъ, торгующій книгами со столика

у Полицейскаго моста, купилъ однажды у нашей старушки Ф-вой экземпляръ Новаго Завѣта въ хорошенькомъ переплетѣ, и положилъ его вмѣстѣ съ прочими книгами на виду тысячъ людей, ежедневно проходящихъ мимо. „Любопытство все меня беретъ“, говорила Ф—ва, „проданъ ли онъ? Какъ ни иду мимо, взгляну, — нѣтъ, все лежитъ: побѣлѣлъ даже, лежа!“ Сама же она продавала въ разносъ ежемѣсячно 200—300 экземпляровъ! Вотъ что значитъ книга лежитъ, или книга *ходитъ*...“ Такимъ образомъ общество успѣло уже распространить въ народѣ болѣе 80,000 экземпляровъ Новаго Завѣта“.

„Отъ души желали бы, продолжаетъ далѣе объявленіе, найти себѣ искреннее содѣйствіе въ лицахъ духовнаго званія, чтобы имѣть возможность учредить небольшіе книжные склады при церквахъ. Мы желали бы доставить св. Евангеліе каждому, не имѣющему его по невѣдѣнію, бѣдности или инымъ, подобнымъ, причинамъ, и потому, между прочимъ, человѣку бѣдному, не имѣющему чѣмъ заплатить за св. книгу, а между тѣмъ очень желающему пріобрѣсть ее, она уступается за полцѣны или даже дарится. Равнымъ образомъ Евангелія дарятся въ больницы, тюрьмы, богадѣльни, бѣдныя школы и т. п.; хотя вообще принятъ нами принципъ *продажи* св. писанія, но по самой дешевой цѣнѣ, напр. не выше синодальной, при чемъ издержки пересылки и перевоза къ цѣнѣ книги не прикладываются, такъ что и въ Тифлисѣ напр. книга продается по той же цѣнѣ какъ и въ Петербургѣ; солдатамъ же вообще принято продавать 5 коп. дешевле“.

Выписываемъ нѣкоторые параграфы изъ устава общества.

§ 2. Общество составляется изъ членовъ дѣйствительныхъ и членовъ-сотрудниковъ.

Дѣйствительными членами считаются: во 1-хъ, учредители общества и во 2-хъ, тѣ, которые избраны будутъ въ сіе званіе по предложенію двухъ дѣйствительныхъ членовъ.

Число дѣйствительныхъ членовъ общества не должно быть свыше 40.

Членами-сотрудниками могутъ быть лица обоего пола, всѣхъ состояній и званій, содѣйствующія вообще успѣху общества—распространеніемъ книгъ св. писанія (въ разносъ или иначе), пріемомъ пожертвованій въ пользу общества, по книжкамъ и въ кружки (§ 8) и т. п.

— § 6. Суммы общества расходуются на надобности онаго по опредѣленію собранія общества, чрезъ казначея.

§ 7. Предъ каждымъ годовымъ собраніемъ избираются три члена для повѣрки денежной отчетности общества за истекшій годъ.

§ 8. Средства общества составляются изъ взносовъ членовъ онаго и добровольныхъ приношеній постороннихъ благотворителей. Для пріема пожертвованій всѣмъ вообще членамъ могутъ быть выдаваемы, по опредѣленію собранія, особыя книжки и кружки: первыя — съ скрѣпою (по листамъ) председателя, а вторыя — за печатью общества. Приношенія принимаются также въ правленіи общества.

§ 9. Распространеніе книгъ св. писанія (въ разносъ) возлагается, подъ ближайшимъ наблюденіемъ общества, съ надлежащаго разрѣшенія, на членовъ общества, по ихъ желанію. Членамъ симъ выдается отъ общества, за подписью председателя, письменное удостовѣреніе въ

настоящемъ ихъ званіи. Кромѣ того общество принимаетъ на себя учрежденіе, по мѣрѣ возможности, и съ разрѣшенія духовнаго вѣдомства, небольшихъ книжныхъ складовъ при церквахъ, для распространенія св. писанія въ народѣ чрезъ церковныхъ старостъ или другихъ довѣренныхъ лицъ.

§ 10. Продажа св. книгъ производится по возможно-дешевымъ цѣнамъ; людямъ же бѣднымъ, равно какъ и въ больницы, богадѣльни, тюрьмы и проч. могутъ быть доставляемы онѣ по уменьшенной цѣнѣ или даже безплатно, по усмотрѣнію.

§ 11. Годовые отчеты общества печатаются въ повременномъ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ; отчеты сіи, равно какъ и другія свѣдѣнія, относящіяся къ дѣятельности общества, могутъ быть также печатаемы и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ или отдѣльными брошюрами.

§ 12. Общество имѣетъ свою печать съ изображеніемъ на ней словъ: „*Матѳ. XXII, 29*“ и надписью вокругъ: „Печать общества для распространенія св. писанія въ Россіи“ (¹).

— Говоря объ обществѣ распространенія св. писанія, мы упомянули объ обществахъ „грамотности“, „распространенія полезныхъ книгъ“ и „общественной пользы“. Мы надѣемся имѣть случай на страницахъ „Христ. Чтенія“ заняться подробною библіографическою оцѣнкой нашей народной литературы, имѣющей весьма важное значеніе въ виду того обширнаго развитія, какое при-

(¹) По всѣмъ дѣламъ общества слѣдуетъ обращаться въ правленіе онаго (въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ острову, у Тучкова моста, въ домѣ Крюкова, кв. № 2). Правленіе открыто по вторникамъ: 6—8 час. и по субботамъ: 4—6 час., пополудни.

нимаетъ у насъ народное образованіе вслѣдствіе новой организаціи этого дѣла и учрежденія губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, — какъ изданій упомянутыхъ обществъ, такъ равно и талантливыхъ разсказовъ г. Погосскаго, изданій покойнаго Щербины, самаго почтеннаго дѣятеля на этомъ поприщѣ, и журнала г. Гейирота. Самое замѣчательное, что мы имѣемъ въ народной литературѣ за послѣднее время, это, безспорно, разсказъ нашего извѣстнаго поэта А. Н. Майкова—о великихъ московскихъ святителяхъ Петрѣ, Алексіѣ, Іонѣ и Филиппѣ, составленный съ тщательностію и любовію, достойною предмета, и съ искуствомъ, достойнымъ нашего извѣстнаго поэта. Разсказъ этотъ, напечатанный въ журналѣ „Заря", издаваемомъ г. Кашпиревымъ, представляетъ прекрасный образецъ того, о чемъ и какъ слѣдуетъ писать для народа. Если г. Майковъ продолжитъ свои разсказы, то мы будемъ имѣть книгу для народа, съ которою не могутъ равняться даже такія изданія, какъ „Сельское Чтеніе" покойнаго князя Одоевскаго или „Есть ли гдѣ конецъ свѣту" г. Даниловскаго... Вообще нельзя не порадоваться тому, что великое дѣло народнаго образованія начинаетъ привлекать къ себѣ лучшія интеллектуальныя силы нашего общества. Почтенный историкъ Соловьевъ перелагаетъ для народа Несторову лѣтопись, гг. Костомаровъ и Бестужевъ-Рюминъ пишутъ для него разсказы изъ русской исторіи, поэтъ Щербина составляетъ для него прекрасную антологію (нельзя не пожалѣть, что „Пчела" стоитъ такъ дорого—1 р. 60 к.: дешевизна—существенное условіе изданій для народа), нашъ лучшій лирикъ посвящаетъ свой талантъ составленію разсказовъ о священной родной старинѣ...

— Всегдашнее сочувствіе и братская любовь русскаго общества къ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ нашимъ братьямъ югозападнымъ славянамъ недавно имѣли новый случай выразиться съ обычною силою по поводу посѣщенія Россіи высокопреосвященнымъ митрополитомъ сербскимъ Михаиломъ. Петербургъ привѣтствовалъ именитаго первостоятеля церкви сербской съ тѣмъ же глубокимъ уваженіемъ, радушіемъ и энтузіазмомъ, съ какими встрѣчали его Кіевъ и Москва. Заимствуемъ изъ газеты „Голосъ" описаніе засѣданія с.-петербургскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета 26 октября, въ которомъ присутствовалъ высокопреосвященный Михаилъ.

„Такъ какъ извѣстно было, что это собраніе почтитъ своимъ присутствіемъ высокопреосвященный митрополитъ сербскій Михаилъ, то число членовъ комитета, прибывшихъ въ засѣданіе, было особенно значительно; обширная зала въ квартирѣ г. Кирѣева едва могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ участвовать въ собраніи. Между ними мы видѣли почтенныхъ представителей нашего духовенства: І. В. Васильева, И. Л. Янышева, І. В. Вознесенскаго, М. Я. Морошкина, П. П. Травлинскаго, И. К. Яхонтова.

Когда владыка и сопровождавшіе его архимандритъ Никифоръ Дучичъ и игуменъ Іосифъ заняли мѣста, предсѣдатель, А. Ѳ. Гильфердингъ, обратился къ его высокопреосвященству съ слѣдующими словами:

„Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшимъ дѣламъ, которыя еще остались нерассмотрѣнными, я считаю своею обязанностью, отъ имени всего комитета, изъявить вашему высокопреосвященству искреннѣйшую признательность за честь, которую вы изволили оказать

вамъ, удостоивъ посѣщеніемъ наше собраніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразить вамъ, преосвященнѣйшій владыко, наше глубокое сочувствіе и уваженіе къ особѣ вашей. Намъ всѣмъ извѣстно, что весь югославянскій міръ съ особенною любовью взираетъ на архипастырскій престолъ въ Бѣлградѣ; — я, бывавши самъ въ этихъ земляхъ, могу сказать, что не только съ любовію, но почти даже съ завистью. Для всего южнославянскаго міра православная церковь составляетъ высшую святыню — не религіозную только, но и народную, такъ сказать—палладіумъ славянской народности. Но во многихъ земляхъ славянскаго юга православная церковь является, увы! какъ бы обезглавленною. Не мало тамъ епархій, которыхъ пастыри чужіе своей паствѣ, и паства ихъ чуждается.. Счастливая Сербія видитъ во главѣ своей церкви лучшаго изъ ея сыновъ и служителей, достойнаго преемника Неманича Саввы. Я позволю себѣ напомнить одну черту изъ жизни древняго просвѣтителя Сербіи. Писатель, сохранившій намъ подробности его жизни, разсказываетъ, что Савва, бывши еще юношей, плѣнился рѣчами русскаго человѣка, который пришелъ за подаяніемъ къ могущественному государю Сербіи; за этимъ русскимъ человѣкомъ онъ послѣдовалъ изъ родительскаго дома, чтобы въ русскомъ монастырѣ искать духовнаго образованія. Ваше высокопреосвященство также нѣкогда искали духовнаго образованія въ русской средѣ. Древнее духовное единеніе и общеніе Россіи съ южнославянскимъ міромъ, принесшее столько же пользы Россіи, сколько и южнославянскимъ народамъ, никогда не прекращалось и въ настоящее время оно сознается болѣе, чѣмъ когда либо. Мы всѣ питаемъ твердую надежду и убѣжденіе, что это благотворное

общеніе еще болѣе усилится, благодаря пріѣзду вашему въ Россію, что благословеніе ваше, намъ преподанное, и личное ваше знакомство съ нами скрѣпятъ наши духовныя связи съ южнославянскимъ міромъ, связи, въ поддержаніи и развитіи которыхъ нашъ комитетъ полагаетъ свою священнѣйшую задачу".

Его высокопреосвященство, отвѣчалъ:

„Особенно пріятно мнѣ видѣть, что здѣсь, въ Петербургѣ, живо сознается славянское дѣло, что здѣшніе жители намъ оказываютъ такое глубокое сочувствіе, какъ къ славянамъ, роднымъ братьямъ русскаго народа. Да благословитъ Господь Богъ труды и усилія славянскаго комитета въ пользу православнаго просвѣщенія, духовнаго единенія и братства всѣхъ славянскихъ народовъ".

Затѣмъ членъ комитета, Т. И. Филипповъ, обратился къ митрополиту съ слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ:

„Доблестный предстоятель церкви сербской!

„Блаженнѣйшій киръ Михаилъ!

„Движимый естественнымъ чувствомъ признательности къ мѣсту твоего воспитанія, ты предпринялъ изъ своей благословенной родины неблизкій путь въ торжествующій Кіевъ, чтобы украсить своимъ присутствіемъ праздникъ его знаменитой академіи, даровавшей Россіи и вообще православному міру великое множество замѣчательныхъ высотою просвѣщенія и нравственною крѣпостью дѣятелей, къ славному сонму которыхъ она имѣетъ утѣшеніе сопричислять и тебя.

„Удивительно-ли, что тамъ, въ этихъ родныхъ тебѣ мѣстахъ, свидѣтеляхъ твоихъ раннихъ умственныхъ подвиговъ, приготовившихъ тебя къ настоящему высо-

кому призванію, ты былъ встрѣченъ, какъ пріятный и вожделѣнный гость, и окруженъ подобающимъ тебѣ почётомъ и вниманіемъ?

„Но оттуда ты подвигся далѣе на сѣверъ, въ глубь русской земли, чтобы посѣтить другую древнюю ея столицу,—и что же? Такъ точно такъ же, хотя прежде ты и „не былъ знаемъ лицомъ церкви московской", ея досточтимая іерархія и весь священный клиръ, высшія власти города, ученыя и другія общественныя учрежденія, именитыя сословія и, наконецъ, весь православный народъ, которому ты явился въ день одного изъ его торжественнѣйшихъ воспоминаній, встрѣтили тебя тѣмъ же единодушіемъ, и любовію, соревнуя другъ другу въ изъявленіи своей радости о твоемъ къ нимъ пришествіи.

„Откуда же эта радость и эта любовь?

„Источникъ ихъ возвышенъ и чистъ. Москва, вѣрный и испытанный стражъ завѣщанныхъ русскому народу его прошлою жизнію преданій, въ числѣ ихъ съ особенною ревностію хранитъ священный завѣтъ духовнаго союза русской земли со всѣми славянскими странами, и въ особенности съ тѣми, которыя донынѣ пребыли съ нами въ общеніи вѣры, несмотря на всѣ бѣдствія, въ теченіи слишкомъ 4-хъ вѣковъ, насылаемыя на нихъ изъ широко растворенныхъ и высокихъ вратъ (ὑψηλὴ πύλη Excelsa Porta)... адовыхъ.

„Вотъ почему, увидавъ въ своихъ стѣнахъ предстоятеля единовѣрной намъ церкви сербской и представителя одного изъ доблестнѣйшихъ народовъ славянской семьи, Москва не могла удержать своего восторга и встрѣтила тебя всенароднымъ выраженіемъ своего искренняго сочувствія.

„Въ обители преп. Сергія, котораго нетлѣннымъ останкамъ ты пожелалъ воздать благоговѣйное поклоненіе, ты нашелъ ту же Москву, и тамъ, изъ устъ свѣтильника русской церкви и науки, имѣлъ случай выслушать слова признательности сербской землѣ за услуги, оказанныя ею духовному просвѣщенію русскаго народа въ иные лучшіе дни ея исторической жизни.

„И мы охотно присоединяемся къ этому признательному заявленію и просимъ тебя засвидѣтельствовать передъ твоимъ народомъ истину сложившейся у насъ пословицы: „русскій человѣкъ добро помнитъ".

„Наконецъ, ты достигъ до третьей, нынѣ предержащей, столицы русскаго царства, которая носитъ странное иноязычное имя, способное смутить слухъ славянина. Что дѣлать? Мы сами, не смотря на ежеминутное обращеніе въ нашихъ устахъ этого имени, никакъ не можемъ освоиться, и думаю, что никогда не освоимся съ нимъ, какъ съ знакомъ того духовнаго плѣна, въ который русскій народъ былъ отведенъ по особымъ судьбамъ своей исторіи и въ которомъ его верхніе слои, а за ними отчасти и средніе, отчуждались, мало по малу, отъ началъ собственной народной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ естественнаго родства съ славянствомъ.

„Но „ослѣпленіе Израилю бысть отчасти", и, благодареніе Богу, мы видимъ тебя среди насъ въ такіе дни, когда узы этого плѣна уже ослабли и готовы ежеминутно порваться. Ты знаешь, что, два года назадъ, иноязычное имя этой столицы не помѣшало ей привѣтствовать собравшихся сюда славянскихъ гостей съ такимъ поразительнымъ единодушіемъ, котораго не

превзошла въ своихъ изъявленіяхъ даже самая Москва. Ты, конечно, съ участіемъ слѣдилъ за подробностями этого восторженнаго пріёма, о которомъ провозгласили въ слухъ всей Европы газеты и журналы и еще ближе и точнѣе могли возвѣстить тебѣ возвратившіеся отсюда твои соотечественники. Но какая еще нужда въ свидѣтеляхъ, когда ты самъ, при первой встрѣчѣ съ членами этого собранія, пришедшими къ тебѣ съ привѣтомъ, благоволилъ сказать, что здѣсь, въ сѣверной столицѣ русскаго государства, ты чувствуешь себя какъ бы дома, на югѣ.

„Итакъ, три столь отличные одинъ отъ другаго города, представители трехъ различныхъ эпохъ русской исторіи, великокняжескій Кіевъ, царская Москва и императорскій Петербургъ (не вся-ли тутъ нынѣшняя и историческая Русь)? слились въ единой мысли и въ единомъ чувствѣ, когда имъ пришлось принимать у себя высокаго славянскаго гостя. Не явный ли это знакъ, что вся русская земля, изъ края въ край, приступаетъ къ служенію великой идеѣ славянской взаимности, въ которой залогъ близкаго избавленія нашихъ братій и нашей собственной крѣпости и дальнѣйшаго преуспѣянія на всѣхъ путяхъ жизни?

„Правда, есть еще во тьмѣ гнѣздящіяся злыя силы, которыя рады были бы воспрепятствовать торжеству этой идеи; но близокъ часъ, когда въ конецъ сокрушатся ихъ „немощныя дерзости“: подобно мрачному чудовищу древняго баснословія, которое за противоборство свѣтлому Олимпу поражено было стрѣлою свѣтоносанаго бога, и эти порожденія тьмы не устоятъ противъ неотразимопобѣднаго свѣта сознанія, и часть ихъ будетъ съ смрадно издохшимъ Пиөономъ.

„Доблестный святитель! Позволь намъ надѣяться, что, по возвращеніи къ своей паствѣ, ты возвѣстишь ей, какъ очевидецъ и вѣрный свидѣтель, о тѣхъ успѣхахъ, которые съ каждымъ днемъ дѣлаетъ въ русскомъ обществѣ славянская идея, и тѣмъ утвердишь ее еще крѣпче въ чувствахъ взаимной преданности и довѣрія къ Россіи. Въ словахъ моихъ нѣтъ тѣни сомнѣнія въ этихъ чувствахъ сербскаго народа; нѣтъ! они вызваны не сомнѣніемъ, которое было бы для тебя оскорбительно, но весьма понятною заботливостью о прочности нашихъ взаимныхъ связей, внушаемою особымъ положеніемъ твоей родины и вообще юговостока Европы.

„Для насъ не тайна, что по всему его пространству разсѣяны усердные служители враждебныхъ намъ властей и силъ, принимающіе на себя притворный образъ вашихъ друзей и ищущіе отвлечь васъ отъ природнаго союза съ нами, чтобъ потомъ обратить васъ въ орудіе своихъ хищническихъ цѣлей. Безъ устали и безъ стыда они сѣютъ среди васъ разнообразныя клеветы на Россію, пугая васъ призракомъ нашего властолюбія. Предостереги же своихъ родичей отъ этихъ опасныхъ внушеній и не облѣнись повторять имъ, что у насъ нѣтъ на умѣ ничего, кромѣ заботы о счастіи и свободѣ (безъ которой нѣтъ и счастія!) нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, что приписываемая намъ алчность къ поглощенію иныхъ народностей совершенно противна нашей природѣ; что мы не иначе, какъ съ трудными усиліями рѣшаемся даже на необходимую оборону своихъ народныхъ правъ отъ посягательствъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ собственныхъ инородцевъ, которые безнаказанно шлютъ намъ вызовъ за вызовомъ.

„Это-ли черты народа жаднаго и склоннаго къ за-

хватамъ? Захваты, дѣйствительно, грозятъ вамъ, только не отъ насъ, а отъ того же клевещущаго на насъ Запада, приближающагося къ вамъ съ притворнымъ участіемъ—образомъ евангельскаго татя, который „не приходитъ, развѣ да украдетъ и убіетъ и погубитъ".

„У насъ же одна о васъ мысль и одно попеченіе: чтобъ, по исполненіи временъ, когда Господу, въ рукѣ Котораго власть земли, угодно будетъ услышать воздыханія окованныхъ и возвратить плѣненіе людей Своихъ, всѣ единовѣрные и единокровные намъ народы устроили судьбу свою на основаніи ихъ дѣйствительныхъ правъ, не преступая въ предѣлъ братень, и представили изъ себя союзъ мирныхъ, никому неугрожающихъ силъ, не ищущихъ возмездія за прошлое, но достаточно крѣпкихъ для отпора новыхъ посягательствъ на ихъ покой и свободу.

„Заключаю мое слово сердечнымъ желаніемъ, обращеннымъ собственно къ твоему, блаженнѣйшій архипастырь, лицу: да продлятся, на счастіе Сербіи, на пользу славянства, благодатные дни твоей жизни до крайнихъ предѣловъ человѣческаго долголѣтія и да будетъ дано очамъ твоимъ узрѣть спасеніе твоего народа и исполненіе чаяній всего славянства! Да на мѣстахъ, обезславленныхъ насиліемъ, возсіяетъ еще во дняхъ твоихъ правда и множество мира, *дондеже отъимется луна*".

Митрополитъ сербскій отвѣчалъ на рѣчь г. Филиппова:

„Благодарю васъ отъ души за вашу очень хорошую бесѣду. Крѣпка надежда сербскаго народа на великодушіе русскихъ. Сербскій народъ искренно надѣется на великаго Государя русскаго и весь русскій народъ. Я уповаю и твердо вѣрю, что мы дождемся, наконецъ,

той счастливой минуты, когда можно будетъ всѣмъ намъ, православнымъ, свободно воспѣть хвалебную пѣснь Богу въ храмахъ, неменѣе благоустроенныхъ и благолѣпныхъ, чѣмъ тѣ, которые украшаютъ великую славянскую державу на славу и честь всего славянства“.

Засѣданіе оставило въ присутствовавшихъ самое отрадное впечатлѣніе, благодаря привѣтливости сербскаго архипастыря и братскому сочувствію его къ дѣятельности комитета.

Въ тотъ же день 26 октября утромъ, его высокопреосвященство прежде, чѣмъ отправиться на засѣданіе славянскаго комитета, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ нашу академію (въ которой, замѣтимъ кстати, въ настоящее время обучается нѣсколько молодыхъ людей изъ южныхъ и западныхъ славянъ) и обозрѣвши аудиторіи и студенческія комнаты, посѣтилъ о. ректора и г. инспектора академіи въ ихъ квартирахъ.

— Богословскій факультетъ дерптскаго университета, обратившаго на себя въ послѣднее время особенное вниманіе русскаго общества памфлетомъ одного изъ своихъ (бывшихъ) профессоровъ Ширрена, и антирусскими демонстраціями своихъ студентовъ—единственное учебное учрежденіе въ Россіи, снабжающее пасторами протестантскіе приходы въ цѣломъ государствѣ. Между прочимъ этотъ университетъ имѣетъ похвальный обычай обмѣниваться своими изданіями съ другими учебными учрежденіями Россіи, въ томъ числѣ съ нашей академіей. Такимъ образомъ мы имѣемъ подъ руками „Обозрѣніе лекцій въ Императорскомъ дерптскомъ университетѣ на 2-й семестръ 1869 года“. Извлекаемъ изъ этой брошюры то, что̀ можетъ интересовать читателей нашего журнала—обозрѣніе лекцій богословскаго факультета, которое мо-

жетъ дать намъ понятіе о составѣ богословскаго курса въ Дерптѣ. „Д-ръ Ѳ. *Гарнакъ*, орд. профессоръ практическаго Богословія, деканъ, будетъ: 1) читать исторію и теорію христ. Богослуженія и 2) руководить практическими упражненіями въ гомилетической и катихизической семинаріи. Д-ръ *Г. Курцъ* (авторъ, между прочимъ, учебника по Церковной исторіи, такъ неудачно эксплуатированнаго въ нашей духовной литературѣ о. Василіемъ Михайловскимъ), орд. профессоръ экзегетическаго Богословія будетъ читать: 1) историческое и критическое введеніе въ ветхій завѣтъ, ч. II (введеніе въ апокрифическія книги, исторію канона и текста); 2) поясненіе 1-й части пророчествъ Исаіи. Д-ръ *А. фонъ-Эттингенъ*, орд. профессоръ систематическаго богословія, будетъ читать: 1) пролегомены и исторію догматики, и 2) библейское богословіе новаго завѣта. Д-ръ *М. фонъ-Энгельгардтъ*, орд. профессоръ историческаго богословія, будетъ читать: 1) церковную исторію, ч. I, и 2) введеніе въ новый завѣтъ. Д-ръ *В. Волькъ*, орд. профессоръ семитическихъ языковъ, будетъ читать: 1) избранные псалмы, 2) о евангеліи отъ Матѳея въ отношеніи къ евангеліямъ отъ Марка и отъ Луки; 3) продолжать курсъ сербскаго языка, и 4) преподавать халдейскую грамматику. Магистръ *I. Люткинсъ*, доцентъ, пасторъ университетскаго прихода, будетъ 1) читать исторію страданій и славы Спасителя, слѣдуя четыремъ евангелистамъ, и 2) производить репетиціи изъ догматики“. На историко-филологическомъ факультетѣ единственный преподаватель изъ русскихъ, экстр.-орд. профессоръ русскаго языка и славянскаго языковѣдѣнія, магистръ А. Котляровскій, сдѣлавшій себѣ извѣстность въ нашей литературѣ прекрасной монографіей „о погребальныхъ обычаяхъ сла-

винъ“ и другими учеными статьями по своему предмету (между прочимъ въ „Филологическихъ записках“, Хованскаго, столь несправедливо игнорируемыхъ нашими учебными заведеніями), будетъ читать: 1) исторію руской литературы съ практическими упражненіями въ русскомъ языкѣ, 2) славянскія древности, и 3) исторію русскаго языка и древней русской литературы—privatissime“.

—Въ обширномъ каталогѣ книгъ, пріобрѣтенныхъ для университетской библіотеки въ Дерптѣ въ теченіе 1868 года, въ отдѣлѣ богословія изъ всей нашей богословской литературы значится лишь „Исторія русской церкви“ преосв. Макарія и... восемь брошюрокъ о. Василія Михайловскаго. Мы хотимъ, впрочемъ, думать, что эти послѣднія поступили въ библіотеку *безмездно*...

— По поводу имѣющаго быть въ Римѣ мнимо-вселенскаго собора, наша періодическая печать наполнена корреспонденціями и толками объ этой грозной затѣѣ римскаго первосвященника. Между прочимъ парижскій корреспондентъ „Голоса“, въ одномъ изъ своихъ писемъ, какъ-то извѣщалъ, что одинъ изъ его французскихъ друзей приготовляетъ къ предстоящему вселенскому собору брошюру „о вселенскихъ соборахъ и современныхъ европейскихъ церквахъ“ и высказываетъ желаніе, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ спеціалистовъ-богослововъ, чрезъ посредство газеты г. Краевскаго, сообщилъ ему перечень книгъ на французскомъ языкѣ, которыя въ настоящемъ случаѣ могли бы служить пособіями французскому другу г. Щербаня и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать ознакомленію западнаго міра съ ученіемъ и установленіями церкви православной... Хотя представляется не совсѣмъ понятнымъ, почему г. Щербань обращается съ своимъ запросомъ въ Петербургъ, когда

въ самомъ Парижѣ уже много лѣтъ издается православный журналъ „L'union Chretienne", посвященный именно той цѣли, которую имѣетъ въ виду парижскій другъ г. Щербаня — ознакомленію запада съ православіемъ, и когда всѣ нужныя указанія онъ могъ бы найти въ бюро этого журнала или отъ редакторовъ его, изъ которыхъ одинъ, достопочтенный о. Владиміръ Геттэ, докторъ православнаго богословія и соотечественникъ будущаго автора брошюры о вселенскихъ соборахъ, занятый къ тому же въ настоящее время исторіей церкви, слѣдовательно и исторіей и теоріей вселенскихъ соборовъ,— тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что вызовъ г. Щербаня доселѣ остается безъ отвѣта. Именно въ настоящее время, когда предпріятіемъ Пія IX въ высшей степени возбужденъ религіозный интересъ на всемъ западѣ, а энергическими брошюрами благороднаго Овербека обращено до нѣкоторой степени его вниманіе и на церковь православную, была бы какъ нельзя болѣе умѣстна и своевременна полная библіографія православныхъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ, и напечатать ее слѣдовало бы не въ „Голосѣ", а въ какой-либо или даже въ нѣсколькихъ французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, болѣе распространенныхъ. Указываемъ въ особенности на бельгійскій Nord, такъ какъ эта газета взяла на себя однажды на всегда благородную, хотя и тяжелую обязанность быть присяжнымъ повѣреннымъ русскихъ интересовъ на лицепріятномъ судѣ западной Европы и, не смотря на не совсѣмъ вѣрное иногда пониманіе этихъ интересовъ, служитъ имъ усердно. Если бы кто-либо принялъ на себя это полезное дѣло,—думаемъ, составилась бы изрядная брошюра. Сочиненій православныхъ, начиная съ брошюръ Стурдзы и Хо-

мякова и оканчивая богословіемъ преосв. Макарія, переведеннымъ на французскій языкъ княземъ М. Д. Волконскимъ, не мало,—достойные представители нашей церкви за границей — настоящіе и бывшіе, не мало потрудились на этомъ поприщѣ. Назовемъ нѣкоторые изъ такихъ изданій, какія на скорую руку мы можемъ припомнить, на тотъ случай, если бы какими нибудь судьбами настоящая книжка Христіанскаго Чтенія дошла до Парижа. Прежде всего — брошюры Хомякова, которыя, можетъ быть, найдутся и въ книжныхъ магазинахъ Парижа (хорошо бы сдѣлали наслѣдники покойнаго, если бы еще разъ издали ихъ во Франціи или въ Германіи) и въ которыхъ французскій другъ г. Щербаня найдетъ обстоятельную теорію вселенскаго собора съ православной точки зрѣнія. Вотъ ихъ полныя заглавія: Quelques mots par un chretien orthodoxe sur les communions occidentales, á l'occasion d'une brochure de M-r Laurentie. Paris, 1853. Quelques mots sur les communions occidentales, á l'occasion d'un mandement de Mgr l'archeveque de Paris. Leipzig. 1855. Encore quelques mots d'un chretien orthodoxe sur les confessions occidentales. Leipzig. 1858. (Въ англ. переводѣ брошюры Хомякова носятъ слѣдующее заглавіе: The orthodoxe doctrine on the church. An essay by A. Chomiakoff. Translated from the original russe. Brussels. 1864. 2) Богословіе преп. Макарія: Introduction á la theologie orthodoxe de Macaire, docteur de theologie, eveque á Vinniza, et cet... Traduite par un Russe. Paris. Librairie de Joel Cherbuliez, 1857. Theologie dogmatique orthodoxe. Paris. Volume 1-e 1859. Vol. 2. 1860. М-а Филарета: 5) Cathechisme detaillé de l'eglise catholique orthodoxe d'orient, examiné et approuvé par

le S. Synode, et publié à l'usage des ecoles... traduit de russe. Paris 1851 (нѣмецкій переводъ S.-Peterb. 1840.). 3) Entretiens d'un sceptique et d'un croyant sur l'orthodoxie de l'eglise orientale, par M-r Philaret, metropolitain de Moscou, traduit par l'archiprêtre Sondakoff, Paris 1862. 7) Отвѣтъ восточныхъ патріарховъ Пію IX: Reponse de l'eglise orthodoxe d'orient à l'encyclique du pape Pie IX, adressée par S. S. aux chretiens orthodoxe Grecs en janvier 1848. Paris 1850. Мы не знаемъ, есть-ли во французскомъ переводѣ извѣстное сочиненіе А. В. Горскаго о флорентійскомъ соборѣ,—вотъ заглавіе англійскаго перевода этого сочиненія, сдѣланнаго въ 1861 г. студентомъ нашей академіи В. Е. Поповымъ: The history of the concil of Florence. Translated from the russian by Basil Popoff... London, joseph Masters 1861.

— Тотъ же журналъ „Заря" (едва ли не лучшій изъ нашихъ свѣтскихъ журналовъ, замѣтимъ мимоходомъ), о которомъ мы упоминали выше по поводу разсказа А. Н. Майкова, въ октябрской своей книгѣ помѣстилъ разсказъ г. Кельсіева: „святорусскіе двоевѣры", который всѣми интересующимися нашимъ простонароднымъ сектантствомъ будетъ прочитанъ съ большимъ интересомъ. Мы впрочемъ противъ того, чтобы *ученіе* секты можно было излагать въ беллетристической формѣ, представляющей столько соблазна для фантазіи и сочинительства, тогда какъ въ такомъ темномъ дѣлѣ, какъ тайныя секты, нужно прежде всего строгонаучное изслѣдованіе. Другое дѣло — внѣшній, своеобразный *бытъ* раскола: „матушка Мавра Кузьмовна" Щедрина или „Гриша" г. Печерскаго—явленія вполнѣ законныя. Г. Кельсіевъ въ упомянутой статьѣ продолжаетъ настаивать на людоѣдствѣ людей Божіихъ" и

влагаетъ въ уста хлыстовской богородицы ужасный разсказъ объ этомъ людоѣдствѣ, хотя, какъ мы имѣли случай замѣтить въ другомъ мѣстѣ, кромѣ голословнаго заявленія о немъ барона Гакстгаузена (книга котораго замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ, недавно переведена на русскій языкъ), никакими другими свидѣтельствами не подтверждается. Въ другихъ автобіографическихъ разсказахъ г. Кельсіева о времени пребыванія его внѣ Россіи, въ родѣ помѣщеннаго въ „Зарѣ", которые отъ времени до времени появляются въ другихъ нашихъ свѣтскихъ журналахъ, равно какъ въ изданной въ прошломъ году г. Кельсіевымъ книгѣ: „Пережитое и передуманное" (говоря вообще не представляющей ничего замѣчательнаго, если не считать мастерскаго, чисто-тургеневскаго описанія пинскихъ болотъ — стр. 192—198) для нашихъ читателей могутъ имѣть нѣкоторый интересъ бесѣды автора съ раскольниками и сообщаемыя имъ свѣдѣнія о томъ, какъ смотрятъ раскольники на наше правительство. Сужденія ихъ по этому предмету, отнюдь не подтверждаютъ прежней теоріи автора объ исключительно-противогосударственномъ значеніи раскола, которую онъ развивалъ въ предисловіяхъ къ своимъ сборникамъ. Одинъ филиповецъ, по словамъ г. Кельсіева, провозгласилъ даже здравицу за Государя Императора и за Св. Сvнодъ (стр. 34—48). Въ другой своей книгѣ—„Галичина и Молдавія" — составляющей единственный въ нашей литературѣ источникъ свѣдѣній о положеніи русскихъ, находящихся подъ австрійскимъ владычествомъ, авторъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ дѣятельности православнаго духовенства въ Галичинѣ, которое, по его взгляду, представляетъ высокій образецъ самоотверженнаго служенія народному и церковному дѣлу своей родины.

—Въ другой статьѣ того же журнала—„Россія и Европа“, Данилевскаго, составляющей, по нашему мнѣнію, самое замѣчательное явленіе во всей русской журналистикѣ за настоящій годъ, излагая исторію образованія культурно-историческихъ типовъ, авторъ пользуется статьями Хомякова о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ и вообще относится сочувственно къ богословскимъ принципамъ нашего автора. Послѣ сочувственнаго отзыва покойнаго А. Григорьева, одного изъ лучшихъ нашихъ критиковъ, въ „Эпохѣ“, о сочиненіи архим. Θеодора „о новомъ завѣтѣ Господа нашего Іисуса Христа“ едва ли это не единственный случай, когда свѣтская журналистика обратила вниманіе на богословіе. Обыкновенно же, по прежнему наша свѣтская литература игнорируетъ религіозные и церковные вопросы и если говоритъ о церкви и вѣрѣ, то развѣ только по поводу явленій церковной жизни запада... Въ упоминаніи г. Данилевскаго о брошюрахъ Хомякова мы видимъ доказательство высказаннаго нами въ другомъ мѣстѣ замѣчанія, что богословскія сочиненія Хомякова, если бы они были допущены къ продажѣ въ Россіи, могли бы сдѣлаться однимъ изъ средствъ къ оживленію религіозныхъ интересовъ въ нашемъ обществѣ.

Н. Б.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

ВЪ 1870 ГОДУ.

„Православный Собесѣдникъ", издаваемый при казанской духовной академіи, по распоряженію святѣйшаго синода, съ 1855 года, и выходившій въ первые три года (1855, 1856, 1857) повременно въ четырехъ книжкахъ, а съ 1858 года выходящій ежемѣсячно по двѣнадцати книжекъ въ годъ, въ слѣдующемъ 1870 году будетъ издаваться по прежней программѣ, въ строго-православномъ духѣ и въ ученомъ направленіи, съ 1-го января, *ежемѣсячно*, книжками, не менѣе 10 печатныхъ листовъ въ каждой.

„Православный Собесѣдникъ" раздѣленъ на двѣ половины, изъ которыхъ первая состоитъ *исключительно* изъ приложеній, а вторая—*преимущественно* изъ оригинальныхъ статей, составляющихъ собственно „Православный Собесѣдникъ".

Въ первой половинѣ, составляющей приложенія къ „Православному Собесѣднику", будутъ помѣщаемы:

1) Дѣянія (акты) вселенскихъ соборовъ, *въ русскомъ переводѣ*, въ полномъ ихъ составѣ (окончаніе V всел. собора).

2) „Благовѣстникъ", или толкованіе блаж. Θеофилакта, архіепископа болгарскаго, на евангелія—Луки и Іоанна, *въ русскомъ переводѣ* (продолженіе изданнаго прежде).

3) Толкованіе блаж. Өеофилакта, архіепископа болгарскаго, на книгу Дѣяній апостольскихъ, *въ русскомъ переводѣ* (продолженіе прежде изданнаго).

4) Дѣянія мучениковъ (acta martyrum), *въ русскомъ переводѣ*, подъ заглавіемъ: „Сказанія о мученикахъ христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою церковію" (окончаніе 2-го тома).

5) Памятники древне-русской духовной письменности.

Каждое изъ упомянутыхъ приложеній составитъ, по окончаніи его, особую книгу, съ особымъ—заглавнымъ листомъ, счетомъ страницъ и оглавленіемъ.

Примѣчаніе. Чтобы, при многосложности означенныхъ приложеній къ „Православному Собесѣднику", не раздроблять ихъ на мелкія части для помѣщенія всѣхъ ихъ въ каждой книжкѣ, но давать читателямъ болѣе цѣлостное чтеніе, помѣщается въ каждой книжкѣ по одному приложенію изъ означенныхъ выше, отъ четырехъ до пяти печатныхъ листовъ, такъ: въ одной напр. книжкѣ—„Дѣянія вселенскихъ соборовъ", въ другой—„Благовѣстникъ", и такъ далѣе.

Во второй половинѣ, собственно въ „Православномъ Собесѣдникѣ", будутъ помѣщаться статьи:

1) Догматическаго содержанія,

2) Нравственнаго содержанія,

3) Истолковательнаго содержанія,

4) Церковно-историческаго содержанія,

5) Другія, болѣе или менѣе подходящія къ утвержденной прежде святѣйшимъ синодомъ программѣ „Православнаго Собесѣдника", статьи духовнаго содержанія, и

6) По временамъ извлеченія изъ журнальныхъ постановленій совѣта и правленія казанской духовной академіи.

Примѣчаніе. При обширности этой программы „Православнаго Собесѣдника", и по не большому объему книжекъ его, не всѣ означенные здѣсь отдѣлы входятъ въ каждую книжку, но въ одной помѣщаются статьи по однимъ отдѣламъ, въ другой—по другимъ, и такъ далѣе.

Изъ двѣнадцати книжекъ этой второй половины журнала, по окончаніи года, составится *три* тома „Православнаго Со-

бесѣдника", отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ въ каждомъ, съ особыми—заглавными листами, счетомъ страницъ и оглавленіями.

Цѣна за полное годовое изданіе „Православнаго Собесѣдника" на 1870 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, не смотря на увеличеніе платы за почтовую пересылку, остается прежняя: *съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи*

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается *въ Казани въ редакціи „Православнаго Собесѣдника" при духовной академіи.*

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ.

Съ 1867 года при „Православномъ Собесѣдникѣ" издается отдѣльное прибавленіе подъ заглавіемъ „Извѣстія по казанской епархіи", которыя будутъ выходить и въ 1870 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, весьма убористаго шрифта.

Цѣна „Извѣстій" для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій* и *другихъ вѣдомствъ*: а) отдѣльно отъ „Православнаго Собесѣдника" *четыре* руб., б) а для выписывающихъ и „Православный Собесѣдникъ" *три* руб. (всего за два изданія *десять* руб. сер. съ пересылкою).

Подписка принимается также *въ редакціи „Православнаго Собесѣдника".*

Въ той же редакціи продаются

ПО ПОНИЖЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ

и съ пересылкою:

А. *„Православный Собесѣдникъ"* въ полномъ составѣ книжекъ: за 1855, 1856 и 1857 годы (по 4 книги въ каж-

домъ) по 3 руб., за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 и 1868 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 6 руб., а за 1869 годъ (12 книгъ) 7 р. сер.

Б. *Отдѣльно* отъ приложеній:

1) „*Православный Собесѣдникъ*" за 1855 г. (гдѣ, между прочимъ, статья: „День святой жизни"). Одинъ томъ. Цѣна 1 руб. сер.

2) „*Православный Собесѣдникъ*" за 1856 г. Одинъ томъ. Цѣна 1 руб.

3) „*Православный Собесѣдникъ*" за 1857 г. (гдѣ, между прочимъ, „Молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа туровскаго"). Одинъ томъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

4) „*Православный Собесѣдникъ*" за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866 и 1867 годы, по три тома въ каждомъ, по 3 руб. сер. за годъ.

В. *Отдѣльно* отъ „*Православнаго Собесѣдника*" приложенія къ нему:

1) *Посланія св. Игнатія богоносца* (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 1 руб.

2) *Дѣянія вселенскихъ соборовъ*. Четыре тома. 1859—1867. Цѣна за первый томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 3 руб. 50 коп., за четвертый 3 руб. 50 к., за всѣ четыре тома 13 руб. 50 коп.

3) *Благовѣстникъ*, или толкованіе блаженнаго Ѳеофилакта, архіепископа болгарскаго, на св. евангелія—Матѳея и Марка (съ предисловіемъ). Два тома. 1855—1857. Цѣна 3 руб. за оба тома.

4) *Бл. Ѳеофилакта*, архіепископа болгарскаго, толкованіе на соборныя посланія святыхъ апостоловъ. Одинъ томъ. 1865. Цѣна 1 руб. 25 коп.

5) *Бл. Ѳеофилакта*, архіепископа болгарскаго, толкованіе на посланіе къ римлянамъ. Одинъ томъ. 1866. Цѣна 1 руб. 25 коп.

6) *Святаго отца нашего Григорія двоеслова* собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1858. Цѣна 1 руб. 50 коп.

7) *Сказанія о мученикахъ* христіанскихъ, чтимыхъ пра-

вославною каѳолическою церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1865—1866. Цѣна 2 руб. 75 коп.

8) *Посланія Игнатія*, митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

9) *Просвѣтитель или обличеніе ереси жидовствующихъ*. Твореніе преподобнаго отца нашего Іосифа, игумена волоцкаго (съ обширнымъ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1855—1857. Цѣна 2 руб. 50 коп.

10) *Сочиненія преподобнаго Максима грека* (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ препод. Максима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб., за всѣ три тома 5 руб.

11) *Стоглавъ* (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 руб. 50 коп.

12) *Сочиненіе инока Зиновія*: Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 4 руб.

13) *Остенъ*. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ предисловіемъ и съ портретомъ патріарха всероссійскаго Іоакима). Одинъ томъ. 1865. Цѣна 1 руб. 25 коп. сер.

14) *Мечецъ духовный*. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Сочиненіе Іоанникія и Софронія Лихудовъ (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1866—1867. Цѣна 1 руб. 50 коп.

15) *Указатель* статей, помѣщенныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ" съ 1855—1864. Цѣна 30 коп.

16) *Портретъ патріарха всероссійскаго Іоакима*. Цѣна 20 коп. сер.

Редакція „Православнаго Сборника" проситъ желающихъ выписывать означенныя въ семъ объявленіи изданія ея—обращаться съ своими требованіями *прямо* въ эту редакцію, съ приложеніемъ за нихъ денегъ по вышеозначеннымъ цѣнамъ, и прописывать свои адресы ясно и точно. Въ почтовыхъ же мѣстахъ подписка на ея изданія не принимается.

О ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРАХЪ.

(по поводу современныхъ явленій въ общей жизни христіанскихъ церквей и толковъ литературы)

(окончаніе)

Предшествующее, историко-каноническое разсужденіе о вселенскихъ соборахъ показало намъ, что соборы вообще представляютъ собою естественное и канонизованное явленіе въ церкви, современное ея существованію, что въ частности вселенскій соборъ представляетъ собою самое вѣрное отображеніе существа Христовой церкви, ея вселенскаго характера, а также основныхъ законовъ ея жизни и свойствъ ея ученія. Но то же разсужденіе открыло намъ и то, что вселенскіе соборы не—обыкновенныя явленія въ жизни церкви, возможныя для нея во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ; напротивъ они представляютъ собою собранія особыя и чрезвычайныя, для созванія которыхъ были нужны особыя причины, а для образованія ихъ требовались особыя условія; что въ созваніи вселенскихъ соборовъ и ихъ производствѣ, на ряду съ влас-

тію церкви, принимала дѣятельное участіе и власть государства. Изъ того же разсужденія мы, наконецъ, видѣли, что опредѣленія вселенскихъ соборовъ, составлявшіяся по вопросамъ вѣры и церковной дисциплины на основаніи преданія, хранящагося въ церкви, были изрекаемы отцами присутствовавшими на соборахъ, но приводились во всеобщее свѣденіе властію государства, по крайней мѣрѣ, не безъ ея согласія; что правами и дѣятельностію этихъ соборовъ достигалось полное всестороннее устройство церкви. Въ согласіи съ этими указаніями, нисколько не думая противорѣчить исторіи, мы считаемъ нужнымъ добавить, что вселенскіе соборы принадлежатъ только извѣстному періоду жизни Христовой церкви: они начинаются со времени союза ея съ государствомъ и кончаются эпохою раздѣленія церквей. При существованіи ихъ, т. е. вселенскихъ соборовъ, нужды всей церкви устроялись общимъ ея голосомъ, въ которомъ участвовали всѣ мѣстныя церкви; въ періодъ ихъ дѣятельности совершалось самое успѣшное раскрытіе вопросовъ христіанства при неустанномъ движеніи вѣрующей мысли на пользу и истину церкви; это раскрытіе и движеніе, при общемъ и единодушномъ участіи всѣхъ церквей, всегда клонились къ умиротворенію церкви, къ очищенію ея истины, къ утвержденію ея вѣры, т. е. всегда получали законный и надежный исходъ.

Но такой, счастливый для церкви, порядокъ вещей, говоритъ исторія, какъ существовалъ при вселенскихъ соборахъ, такъ и окончился вмѣстѣ съ ними. Наступившая эпоха печальнаго разрыва христіанскихъ церквей произвела свои и уже особыя явленія. Восточная и западная церкви, бывшія однимъ тѣломъ, взаимно

уединились другъ отъ друга: каждая начала отдѣльно вести свои дѣла и думать о своемъ собственномъ положеніи. Восточная церковь, оставшись съ устройствомъ быта древней вселенской церкви, признала храненіе ея уставовъ и вѣрность ея законоположеніямъ основнымъ началомъ своей исторической жизни. Западная, уклонившись отъ союза съ церковію восточною, быстро пошла по пути нововведеній, свидѣтельствующихъ объ ея несогласіи съ древнею вселенскою церковію. Востокъ и западъ стали не свои другъ другу и много измѣнились въ послѣдовательномъ ихъ существованіи. Жизнь восточной церкви стала непохожею на жизнь древней, восточной же церкви, особенно по политическимъ ея судьбамъ. Жизнь церкви западной преобразовалась не только во внѣшней ея судьбѣ, но и во внутреннихъ ея основаніяхъ; такъ что современное римско-католичество является новымъ, небывалымъ прежде въ церкви вѣроисповѣданіемъ. Сыны восточной церкви уже не узнаютъ въ членахъ западной своихъ братій по вѣрѣ, но удерживаются отъ единенія съ ними, какъ людьми новаго исповѣданія; послѣдователи западной церкви чуждаются сыновъ восточной церкви, будто бы отпавшихъ отъ истины, осыпаютъ ихъ укоризнами какъ отщепенцевъ вѣры, какъ схизматиковъ церкви.

Въ самую эпоху раздѣленія церквей и послѣ него, если бывали общія, многочисленныя собранія предстоятелей восточной и западной церкви, напоминавшія собою собранія прежнихъ вселенскихъ соборовъ: то результаты ихъ совѣщаній не имѣли счастливаго конца и не получили вселенскаго значенія. Изъ двухъ соборовъ, бывшихъ при Фотіѣ—за и противъ него,—одинъ, притомъ темный по нѣкоторымъ обстоятельствамъ его

исторіи ([1]), только латинянами считается осьмымъ вселенскимъ, но совершенно отвергнутъ греками; другой,— состоявшій изъ 383 епископовъ, между которыми были представители отъ всѣхъ патріаршихъ престоловъ ([2]),— только греками признается за вселенскій (VIII) ([3]), но совершенно не уважается латинянами.

Бывшіе—послѣ означенныхъ соборовъ и послѣ состоявшагося раздѣленія—соборы ліонскій и ферраро—флорентинскій,—въ которыхъ вмѣстѣ съ западною церковію принимала участіе и церковь восточная,—остаются съ именемъ святыхъ и вселенскихъ на западѣ, но отзываются самыми горькими воспоминаніями на востокѣ. Эти соборы, ни по характеру ихъ образованія, ни по результатамъ ихъ совѣщаній, ни по самымъ слѣдствіямъ для церкви, не сравниваются и не могутъ быть сравниваемы съ древними вселенскими соборами. Для видимаго отличія этихъ соборовъ отъ древнихъ вселенскихъ довольно сказать, что свобода совѣщаній объ изслѣдуемомъ предметѣ, единодушіе вѣры, взаимное общеніе братской любви,—которыя лежали въ основѣ совѣщаній древнихъ вселенскихъ соборовъ, и необходимо требуются самою идеею этихъ соборовъ, — всѣ эти начала были лишь искомыми на ліонскомъ и флорентинскомъ соборахъ. Извѣстно, что главнымъ предметомъ совѣщаній на этихъ соборахъ было возсоедине-

---

([1]) Именно: разсказываютъ, будто намѣстники патріаршихъ престоловъ, присутствовавшіе на этомъ соборѣ, были неистинные намѣстники патріарховъ, а послы эмира сирійскаго, т. е. правителя измаильтянъ, незадолго предъ тѣмъ прибывшіе въ Константинополь. См. Камень Соблазна Ильи Минятія, стр. 37—45, по русс. перев. 1854 г. Спб.

([2]) Нѣкоторыя историческія обстоятельства и дѣянія этого собора можно видѣть въ томъ же сочиненіи Ильи Минятія на стр. 54—60.

([3]) См. Окружное посл. единой святой соборной и апостольской церкви 1849 г. Спб. стр. 8, п. XI.

іе разобщенныхъ церквей: но и эта цѣль не была остигнута означенными соборами. Составлявшіеся по олитическихъ цѣлямъ византійскихъ императоровъ и воекорыстнымъ видамъ римскихъ папъ, соборы ліонкій и ферраро-флорентинскій устанавливали только ременныя, формальныя сдѣлки (уніи) между востокомъ западомъ, которыя, въ концѣ концовъ, еще больше силивали разобщеніе и предубѣжденіе между членами осточной и западной церквей [1].

Но неудачи соборныхъ совѣщаній въ Ліонѣ и Флоенціи не произвели отрезвляющаго дѣйствія на западъ. ападная церковь, увлекаясь своимъ независимымъ положеніемъ и правами римскаго первосвященника, не гѣсняется усвоять титло вселенскихъ другимъ своимъ оборамъ, бывшимъ послѣ ліонскаго и флорентинскаго, ъ которыхъ предстоятели восточной церкви уже не ринимали никакого участія. Объявленный папою въ астоящее время новый вселенскій соборъ въ Римѣ лужитъ свѣжимъ доказательствомъ высокомѣріа римкаго епископа и неправыхъ дѣйствій всей западной ,еркви.

Въ самомъ дѣлѣ, своевольное отпаденіе Рима отъ динства вселенской вѣры и вселенской церкви видимо аздѣлило собою древній христіанскій міръ на двѣ половины, ставшія совершенно отличными одна отъ друой по духу, направленію и по самому теченію ихъ сторической жизни; такъ что западная церковь безъ осточной никакъ не составляетъ собою полнаго тѣла ревней вселенской церкви. А потому и постановленія я соборовъ никакъ не могутъ выражать собою голоса сей вселенской церкви и пользоваться ея авторите-

[1] См. Камень Соблазна стр. 67—77, 85—86.

томъ. Эти постановленія, какъ законъ и правило, принимаемыя послѣдователями западной церкви, справедливо, какъ произведенія схизматической лжи и заблужденія, отвергаются сынами церкви восточной. Съ тѣмъ же своевольнымъ отпаденіемъ запада отъ вселенскаго единства для него изчезли и тѣ общіе вопросы вѣры, которые обыкновенно служили главнымъ предметомъ соборныхъ совѣщаній и давали собою самымъ соборамъ право быть и называться вселенскими. Но эти болѣе внѣшнія явленія дополняются еще внутренними слѣдствіями.

Западная церковь, отвергнувъ въ своемъ отпаденіи начало общаго разъясненія церковныхъ вопросовъ, оказавшееся стѣснительнымъ для нея, тѣмъ самымъ произнесла приговоръ своего рѣшительнаго отчужденія отъ церкви восточной, которая одна сохранила у себя подлинный образъ Христовой церкви и осталась вѣрною началамъ ея благоустройства. Отвергнувъ коренныя основанія бытія церкви, мы хотимъ сказать, начала общецерковнаго, общеобязательнаго, соборнаго авторитета,—предуказаніе которому далъ самъ Іисусъ Христосъ, силу котораго привели въ дѣйствіе Его святые апостолы, примѣненіе которому дала вся вселенская церковь въ формѣ взаимныхъ сношеній ея пастырей и въ образѣ ея вселенскихъ соборовъ, — западная церковь отказалась тѣмъ отъ самой истины вселенской вѣры, отреклась отъ самой сущности вселенской церкви, измѣнила основнымъ законамъ ея жизни: свободѣ, единодушію и любви. Доказательства всего этого на лицо въ очевиднѣйшихъ фактахъ всей исторіи католицизма и его папства. Католицизмъ видимо отступаетъ отъ истиннаго преданія вселенской церкви, когда онъ

называетъ мѣстные обычаи западной церкви общимъ церковнымъ закономъ; разрушаетъ чистоту и цѣлость вѣры, когда объявляетъ произвольныя мнѣнія ея догматами; уничтожаетъ характеръ вселенства Христовой вѣры и церкви, когда ограничиваетъ средоточіе ихъ истины и благодати однимъ Римомъ, какъ мѣстопребываніемъ папы. Папство католицизма направляется своими заблужденіями не противъ частнаго какого-либо догмата вѣры и правила церковной жизни; напротивъ оно касается своими крайностями самой нормы Христовой церкви, искажаетъ основныя начала ея существованія, разстроиваетъ права ея духовнаго авторитета. Сосредоточивая всѣ права церкви въ лицѣ римскаго первосвященника, католицизмъ дѣлаетъ его одного центромъ всего христіанскаго міра. Но всякому должно быть ясно: на сколько не законно само по себѣ и гибельно по послѣдствіямъ подобное направленіе католицизма. Абсолютизмъ папы извращаетъ начала церковнаго устройства, разрушаетъ авторитетъ церкви, который законнымъ образомъ проявляетъ себя только въ соборѣ предстоятелей, въ единствѣ свободной вѣры, въ союзѣ взаимной любви, въ знакахъ братскаго общенія всѣхъ членовъ церкви; тотъ же абсолютизмъ преобразуетъ самую церковь—царство Христа—въ монархію папы, какъ Его намѣстника. Не указывая на дальнѣйшія слѣдствія всего этого, мы для нашей цѣли только замѣтимъ, что въ первые вѣка исторіи и для церкви западной, какъ и для церкви восточной, верховнымъ органомъ власти служили вселенскіе соборы: теперь, когда папа заступилъ мѣсто вселенской непогрѣшимости, оказывается совершенно излишнимъ въ западной церкви всякое разсужденіе собора; голосъ папы, какъ

владыки всей церкви и верховнаго судіи вѣры, можетъ отмѣнять и перевершать самыя опредѣленія соборныхъ совѣщаній. Въ первые вѣка внутреннее единство всей церкви было дѣломъ свободы, управляемой единодушіемъ взаимной любви, было выраженіемъ самаго единства общей для всѣхъ вѣры: съ явленіемъ папства это единство не только отвергнуто въ западной церкви, но и замѣнено деспотизмомъ папы и преобладаніемъ всей іерархіи. Поработивъ себѣ церковь западную, папство и въ отношенія къ восточной всегда руководствовалось однимъ желаніемъ подчинить ее своему абсолютизму.

Но, при такомъ положеніи дѣлъ, когда порвана всякая нравственная связь между востокомъ и западомъ, когда въ нѣдрахъ самаго католицизма свобода попрана деспотизмомъ, а взаимная любовь всѣхъ замѣнена преобладаніемъ только нѣкоторыхъ, можно ли не только браться за дѣйствительное осуществленіе намѣренія, но даже и задаваться серьезною мыслію о вселенскомъ соборѣ, который долженъ служить выраженіемъ внѣшняго разнообразія предстоятелей церквей христіанскаго міра, собравшихся для одной цѣли и составившихъ изъ себя дивный сонмъ свободнаго согласія единой вѣры, единодушной любви и упованія? Можно ли? Отвѣтъ прямой и ясный даютъ исторія и современная дѣйствительность. Исторія говоритъ, что даже имѣвшіе внѣшній видъ вселенскихъ—соборы ліонскій и ферраро-флорентійскій остались не только не признанными на востокѣ, но и самыя дѣянія ихъ осуждены мѣстными соборами греческой церкви. Современная дѣйствительность убѣждаетъ, что предположенный римскій соборъ, проектированный папою быть вселенскимъ, если состоится, будетъ происходить въ присутствіи однихъ западныхъ

епископовъ, чтобы не сказать друзей папы и приверженцевъ его куріи; предстоятели церкви восточной отказались принять въ немъ какое-либо участіе. Эти факты удостовѣряютъ, что истинный вселенскій соборъ— не только какъ собраніе пастырей со всего христіанскаго міра, но и какъ естественное выраженіе единства, свободы и нераздѣльности Христова тѣла—не мыслимъ и не возможенъ въ данное время вообще и для западной церкви въ особенности.

Соборъ, какъ собраніе пастырей со всего христіанскаго міра, дѣйствительно немыслимъ потому, что православіе и римское католичество, какъ два отличныя и отдѣльныя другъ отъ друга, — по ихъ общему духу и частнымъ догматамъ, — вѣроисповѣданія исключаютъ другъ друга: православіе своимъ храненіемъ истинной вѣры, римское католичество своимъ уклоненіемъ отъ правоты ея ученія; православіе своею вѣрностію началамъ и устройству древней вселенской церкви; римское католичество искаженіемъ ея внутренняго строя и законовъ, преобладаніемъ и деспотизмомъ папы. Невозможенъ вслѣдствіе того, что римская церковь правами всевластія и преобладанія папы отрицаетъ равенство голоса, свободу и самостоятельность дѣйствій въ представителяхъ іерархіи церкви восточной, руководствуется своими исключительными возрѣніями на самый вселенскій соборъ. „Невозможно совѣщаніе и собесѣдованіе,—сказалъ старѣйшій іерархъ востока въ отвѣтъ духовному главѣ латинствующаго запада на его приглашеніе ко вселенскому собору,—невозможно совѣщаніе и собесѣдованіе соборное, когда нѣтъ общаго, исходнаго пункта въ однихъ и тѣхъ же началахъ". Римская церковь разошлась съ церковію восточною въ самыхъ основныхъ

пунктахъ ея догматики, развила свое исключительное понятіе о церкви и держится своеобразныхъ воззрѣній на самые вселенскіе соборы. „По нашему, продолжаетъ тотъ же старѣйшій іерархъ, вселенскимъ соборомъ, вселенскою церковію и истиннымъ каѳоличествомъ можетъ быть и называться то святое и непорочное цѣлое (σῶμα), въ коемъ, независимо отъ вещественной численности, сосредочивается чистое ученіе апостоловъ и вѣра всѣхъ мѣстныхъ церквей, ученіе утвержденное и искушенное въ теченіе первыхъ семи вѣковъ, отъ основанія церкви, когда отцы востока и запада и семь — ни болѣе, ни менѣе—вселенскихъ святѣйшихъ соборовъ, движимыхъ Духомъ Святымъ, изрекли одинъ и тотъ же небесный глаголъ евангельскій" (1). Нормою и для современнаго, истинно вселенскаго собора очевидно должны служить тѣ древніе соборы, когда всѣ частныя христіанскія церкви, какъ одно цѣлое, представляли собою общій вселенскій союзъ вѣры, единодушія и любви. „При настоящемъ положеніи дѣлъ, заключилъ патріархъ свой отвѣтъ, мы съ прискорбіемъ должны заявить вамъ, что считаемъ излишнимъ и безполезнымъ какъ приглашеніе, такъ и принесенное вами письмо" (2).

Безполезность и безуспѣшность вселенскаго собора изъ предстоятелей церквей всего христіанскаго міра, проэктированнаго папою, должны быть вполнѣ ясны и очевидны для всякаго изъ послѣдующихъ указаній. Еще гордый Римъ не разубѣдился въ его вѣковыхъ предразсудкахъ и заблужденіяхъ, будто вся истина божественной вѣры и благодать Христовой церкви сохра-

(1) Христ. Чтен. 1868 г. Декабрь стр. 902—903, 904.
(2) Ibid. стр. 906.

няются только въ нѣдрахъ его мѣстной церкви, бывъ поручены заботамъ и храненію папы, будто все полномочіе вселенскаго авторитета церкви сосредоточено въ рукахъ одного духовнаго владыки Ватикана, будто безусловное послушаніе и рабская покорность его распоряженіямъ спасаютъ и права церкви и залогъ правой вѣры для всякаго другаго христіанскаго общества. Еще римская церковь не оставила своихъ привычекъ тщеславиться своимъ мнимымъ первенствомъ предъ прочими христіанскими церквами, хвалиться своимъ, осуждаемымъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, папствомъ и примѣшивать ко всѣмъ начинаніямъ свои своекорыстныя цѣли, противныя святости вѣры и несогласныя съ духомъ церкви. Еще послѣдователи римскаго католичества не научились снова смотрѣть на христіанъ православія, какъ на своихъ прежнихъ братій по вѣрѣ, видѣть въ нихъ такихъ же, какъ и они, равноправныхъ сыновъ Христовой Церкви, любить и уважать ихъ, какъ необходимыхъ своихъ соучастниковъ въ дѣлѣ раскрытія вселенской истины и сохраненіи духа вселенской церкви. Еще и восточная церковь, какъ оставшаяся вѣрною древней вселенской церкви, не видѣла и не слышала той спасительной исповѣди, въ которой бы католическій западъ созналъ свои грѣхи предъ судомъ древней вселенской церкви и раскаялся въ гибельныхъ послѣдствіяхъ своего раскола, причинившаго столько бѣдъ восточной церкви — какъ въ политическомъ ея существованіи,—такъ и въ тѣхъ нравственныхъ испытаніяхъ, которымъ она подверглась для сохраненія и защиты православной истины. Еще восточная церковь не убѣдилась въ томъ, что западная ищетъ и желаетъ искренняго союза и единенія съ нею, а не усиливается

только подчинить ее папскому гнету и деспотизму, пріобрѣсти въ ней новую силу для своихъ властолюбивыхъ и мірскихъ цѣлей, что западъ, чувствуя угрызенія въ своей совѣсти, склоняется къ дѣйствительному миру и единодушію съ востокомъ. Словомъ, пока христіанскій востокъ и западъ не составятъ собою единаго цѣлаго, пока единомысліе вѣры не соединитъ всѣхъ Христовыхъ послѣдователей въ единой, святой, соборной и апостольской церкви, до тѣхъ поръ всякому должны быть ясны и очевидны: не только невозможность образованія вселенскаго собора,—но вмѣстѣ и безцѣльность его разсужденій. „Къ чему соборъ, говоритъ Хомяковъ, съ свойственною ему мѣткостію мысли, къ чему соборъ, если западный міръ сподобился получить столь ясное откровеніе божественной истины, что счелъ себя уполномоченнымъ включить его въ символъ вѣры и не нашелъ даже нужнымъ выждать подтвержденія отъ востока? Что бы сталъ дѣлать на соборѣ жалкій илотъ, грекъ или русскій, рядомъ съ избранными сосудами, съ представителями народовъ, помазавшими себя елеемъ непогрѣшимости? Соборъ дотолѣ невозможенъ, пока западный міръ, вернувшись къ самой идеѣ собора, не осудитъ напередъ своего посягательства на соборность и всѣхъ истекшихъ отсюда послѣдствій, иначе: пока не вернется къ первобытному символу и не подчинитъ своего мнѣнія, которымъ символъ былъ поврежденъ, суду вселенской вѣры. Однимъ словомъ, когда будетъ ясно понятъ и осужденъ раціонализмъ, ставящій на мѣсто взаимной любви гарантію человѣческаго разума или иную, тогда и только тогда соборъ будетъ возможенъ“ (1).

(1) Богосл. Сочиненія стр. 64—65. Прага. 1867 г.

Возможность истиннаго вселенскаго собора прежде всего требуетъ дѣйствительнаго возсоединенія западной церкви съ церковію восточною въ союзѣ единой вѣры, братской любви и общаго упованія, требуетъ того, чтобы весь западный, католическій міръ свободно отказался отъ своихъ нововведеній, которыя безобразятъ преданіе вѣры, отрекся отъ своего папства, которое злоупотребляетъ вселенскими правами церкви, разрушаетъ самую свободу и авторитетъ ея предстоятелей. Для возможности законнаго вселенскаго собора желательно, чтобы западный, христіанскій міръ, соединивъ свои разрозненныя части въ одинъ цѣлый составъ, присталъ къ союзу древней вселенской вѣры, къ единству древней вселенской церкви, чтобы всѣ христіанскія общества и церкви, которыя ищутъ войти во вселенскій составъ Христовой церкви, свободно отказавшись отъ своихъ крайнихъ заблужденій, самымъ дѣломъ вошли въ истинную Христову церковь, подчинились общимъ правиламъ ея вѣры, законамъ ея авторитета, уставамъ ея благоустройства. Безъ подобнаго обращенія немыслимо единеніе всего христіанскаго міра, невозможно обобщеніе вопросовъ, нуждъ и цѣлей, способныхъ равно занимать всѣ христіанскія церкви; а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть и мѣста для общаго совѣщанія и взаимнаго обмѣна мыслями предстоятелей этихъ церквей. Одинъ Богъ знаетъ тотъ часъ, когда наступитъ торжество этаго единенія, когда его послѣдователи едиными устами и единымъ сердцемъ прославятъ своего Спасителя и Господа. Но начало этого единенія, а равно и средства къ нему зависятъ и отъ воли людей и ихъ собственнаго расположенія. Пусть только совершится это единеніе; тогда безъ всякихъ искуственныхъ мѣръ,

къ которымъ обращается католицизмъ, вселенскій соборъ явится самъ собою, какъ первый, живой плодъ этого единенія, какъ знакъ мира и единомыслія церквей. Цѣлью сего собора будетъ утвержденіе братскаго общенія; а главнымъ предметомъ его разсужденій послужатъ разъясненія того члена символа вѣры, который заставляетъ насъ вѣровать *во едину святую, соборную и апостольскую церковь*... Римская церковь, а за нею и прочія общества западнаго христіанскаго міра прежде всего погрѣшаютъ противъ этого догмата; отъ искаженія его смысла одними и совершеннаго непризнанія другими и происходятъ всѣ прочія частнѣйшія и дальнѣйшія ихъ заблужденія.

До открытія этого единенія, какъ акта совершенной свободы и самоосужденія послѣдователей западныхъ вѣроисповѣданій, православная церковь, не раздѣляя несвойственныхъ ей заблужденій и не дѣлая своего авторитета орудіемъ чужихъ страстей, будетъ взирать на отчужденіе ихъ съ состраданіемъ, ждать ихъ обращенія и молиться съ надеждою объ ихъ покаяніи. Иного рода отношеній къ нимъ истинной церкви мы не можемъ представить: „Восточная православная церковь, писалъ одинъ изъ членовъ восточной іерархіи по поводу папской буллы, возвѣщавшей созваніе римскаго вселенскаго собора, глубоко отъ всего сердца скорбя о надменности и упорствѣ римскаго первосвященника, будетъ продолжать денно и нощно молиться отцу мира и любви, дабы онъ вложилъ благія мысли и чувства въ сердце его святѣйшества и его іерарховъ, да, отложивъ всякое мечтаніе неподобное и оставивъ извилистый и скользкій путь, выйдутъ на прямую стезю Господню къ соединенію всего христіанскаго исполненія (πληρώματος), во славу

святой, Христовой церкви, на радость, спасеніе и ликованіе всѣхъ вѣрующихъ во Іисуса Христа" (1). „Обратитесь сами къ исторіи и къ вселенскимъ соборамъ, говорилъ и патріархъ константинопольскій посланнымъ отъ папы, чтобы историческимъ путемъ устроилось для всѣхъ желанное, истинное и христіански правильное единеніе, или мы по прежнему будемъ довольствоваться непрерывными молитвами и прошеніями о мирѣ всего міра, благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ" (2).

Но, показывая безполезность дѣйствій папства по дѣлу образованія вселенскаго собора изъ представителей всѣхъ церквей христіанскаго міра, мы должны показать также и всю незаконность поведенія всей западной церкви, когда она, отпавъ отъ единства вселенской вѣры, уничтоживъ самую идею собора въ принципѣ папства, не стѣсняется называть прежніе свои мѣстные соборы именемъ вселенскихъ, не стѣсняется объявлять и созваніе новыхъ, также будто бы вселенскихъ соборовъ. Въ подобномъ поведеніи западной церкви открывается много несообразностей съ существомъ предмета и противорѣчій собственному ея ученію. *Вселенскій соборъ западной или западно-католической церкви*. Сколько внутренняго несоотвѣтствія между обозначаемыми здѣсь предметами и видимаго противорѣчія въ сопоставленіи самыхъ понятій. Названіе *вселенскій соборъ* прямо вызываетъ собою у насъ представленіе о цѣломъ вселенскомъ тѣлѣ церкви, о всемірномъ обществѣ Христовыхъ послѣдователей; между тѣмъ выраженіе *западной*, или *западно-католической церкви* не только предполагаетъ собою

(1) Христ. Чтен. 1868 года. Декабрь стр. 913—914.
(2) Ibid. 905—906.

еще восточную и восточно-каѳолическую церковь, но и противополагается западнымъ, протестантскимъ обществамъ. Выраженія: *западная и западно-католическая церковь* обозначають собою только часть христіанскаго міра, только церковь въ собственномъ смыслѣ мѣстную, которая притомъ не сохранила ни цѣлости вѣры, ни подлиннаго устройства Христовой церкви, которая отреклась отъ обязательнаго повиновенія ея вселенскому авторитету, а вмѣстѣ съ симъ, слѣдовательно, и отъ участія въ немъ. А потому соборъ западной церкви,—какъ церкви мѣстной,—не только неудобно и несправедливо, но святотатственно приравнивать соборамъ дѣйствительно вселенскимъ, въ которыхъ принимала участіе вся каѳолическая церковь, и которые дѣйствовали ея именемъ и правами. Соборъ западно-католической церкви,—какъ церкви уклонившейся отъ правой истины,—очевидно не можетъ ни имѣть авторитета древнихъ вселенскихъ соборовъ, ни быть органомъ правъ и власти вселенской церкви, простирающихся на все общество Христовыхъ послѣдователей, ни сопровождаться слѣдствіями, свойственными вселенскому собору. Появленіе вселенскихъ соборовъ въ западно-католической церкви, послѣ отпаденія ея отъ церкви восточной, служитъ только наглядными доказательствомъ самонадѣянныхъ ея дѣйствій, когда западная церковь, нисколько не стѣсняясь своимъ уединеннымъ положеніемъ, не задумываясь надъ духомъ своихъ стремленій, посвящаетъ свои мѣстные соборы въ званіе святыхъ и вселенскихъ. Подобное поведеніе западной церкви только обнаруживаетъ предъ всѣми тотъ духъ ея самомнѣнія и гордости, который такъ не раздѣленъ съ притязаніями папства, только даетъ всѣмъ понять крайнее

ея неуваженіе къ древней вселенской церкви. Названіе *вселенскій соборъ римской церкви* кажется намъ еще болѣе страннымъ. Сказать *вселенскій соборъ римской церкви* значитъ ненамѣренно подтвердить ту произвольную мысль, будто извѣстная народность можетъ служить показателемъ правовѣрія для всякой другой народности, будто духовныя требованія и религіозные инстинкты этой народности непремѣнно обязательны для всѣхъ прочихъ, будто римская церковь, потому только, что она римская, одна является хранительницею вселенской истины и вселенской благодати.

Есть также и другія, очень крупныя несообразности въ обсуждаемомъ нами предметѣ. Ограничимся краткимъ указаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. *Папа* обращается *къ собору*. Папа, по ученію символическихъ книгъ римской церкви, благодатный преемникъ св. апостола Петра, будто бы князя и главы прочихъ апостоловъ, на римскомъ престолѣ, единственный, самовластный намѣстникъ Христа на землѣ, всемощный глава, единоличный судія всей каѳолической церкви, Богоуказанный органъ непогрѣшимости, посредствомъ котораго изливаются на нашу грѣшную землю потоки чистыхъ глаголовъ божественной мудрости, божественной правды, божественной истины — папа обращается къ собору, т. е. собранію такихъ лицъ, которыя всѣ вмѣстѣ могутъ употреблять свои права законнымъ образомъ только подъ условіемъ совершенной зависимости отъ римской каѳедры и по ея непосредственному указанію, которыхъ голосъ можетъ имѣть самостоятельную силу въ дѣлахъ вѣры только въ томъ случаѣ, если самъ папа соглашается съ ними. Развѣ здѣсь нѣтъ видимыхъ противорѣчій въ понятіяхъ и

безцеремоннаго кощунства надъ высокимъ смысломъ предмета? Всякому ясно, что папа обращается къ собору не за тѣмъ, чтобы его свободными разсужденіями изслѣдовать, провѣрить, утвердить, или отвергнуть ученія и догматы католичества: это дѣло не столько собора, сколько личной непогрѣшимости папы; соборъ въ этомъ случаѣ обязывается слѣдовать усмотрѣнію папы. Папа обращается къ собору очевидно для того, чтобы сдѣлать возможно большее число лицъ участниками своихъ намѣреній, освятить согласіемъ множества издѣлія своего ума и работы своей изобрѣтательной куріи, чтобы дать дѣлу, какъ говорится, законную форму и тѣмъ, хотя сколько нибудь, избѣжать упрековъ въ произвольномъ деспотизмѣ, а главное кажется за тѣмъ, чтобы произвести пробу общественнаго настроенія умовъ въ пользу падающаго величія Рима. Папа созываетъ *вселенскій* соборъ. Когда внутреннее величіе власти начинаетъ оказываться сомнительнымъ и встрѣчать протесты открытаго неповиновенія и даже презрѣнія, когда самыя права нравственнаго вліянія начинаютъ заподозрѣваться въ самомъ источникѣ ихъ происхожденія и утрачивать свое прежнее обаяніе: тогда обыкновенно ищутъ мѣръ поддержать падающее величіе, спасти отвергаемыя права; и для сего, прибѣгаютъ не только къ грознымъ запрещеніямъ, укорительнымъ воззваніямъ, но и къ напыщеннымъ заявленіямъ, гигантскимъ предпріятіямъ, которыя способны остановить на время и въ нѣкоторыхъ умахъ разливъ враждебныхъ идей либеральнаго направленія. Такой, т. е. искуственный вовсе неканоническій смыслъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, и объявленный папою *вселенскій* соборъ. Созваніемъ *вселенскаго* собора папа очевидно

хочетъ доказать своимъ противникамъ, что его власть недосягаемо высока: поколику она поставлена пещись о нравственныхъ судьбахъ всего христіанскаго міра, имѣетъ права, если то окажется нужнымъ, располагать вселенскимъ авторитетомъ Христовой церкви. Тѣмъ же актомъ папа хочетъ заявить всѣмъ, что его величіе, свидѣтельствуясь всемірнымъ вліяніемъ, совсѣмъ не такъ упало, какъ это кажется общественному мнѣнію, что это величіе можетъ выставить за себя цѣлый сонмъ преданныхъ ему поклонниковъ и почитателей. Но если *вселенскій* соборъ, созываемый папою, и можетъ сколько нибудь служить означенной цѣли: то мы никакъ не можемъ признать за нимъ никакого истинно каноническаго значенія. Настоящій вселенскій соборъ, отличаясь во всемъ отъ древнихъ соборовъ того же имени, будетъ только затѣйливымъ издѣліемъ папства, а не выраженіемъ духа и правъ церкви. По этому собранію, выразилась газеза Times, міръ въ самой вещи просто на просто узнаетъ только то, что церковь, надъ которою председательствуетъ папа есть церковь болѣе, чѣмъ когда либо, римская, и менѣе, чѣмъ когда либо каѳолическая. Оно соберется для того только, чтобы поставить еще новую преграду между собою и остальнымъ христіанствомъ, чтобы примиреніе сдѣлать еще болѣе безнадежнымъ, чѣмъ когда либо, и прибавить еще нѣсколько проклятій къ ея длинному списку отлученій [1]. И мы прибавимъ къ этому отзыву, что вселенскій соборъ, созываемый по нуждамъ одной западной церкви и для ея мѣстныхъ интересовъ, служитъ свидѣтельствомъ нарушенія правъ вселенской церкви и вмѣстѣ открытаго посягательства на самую идею вселенскаго собора.

---

[1] Христ. Чтен. 1869 г. Февраль стр. 265—266.

Наконецъ *созываетъ вселенскій* соборъ *папа*. Сколько здѣсь противоисторической лжи и противо канонической неправды! Каноника признаетъ римскаго епископа только за старѣйшаго между такими же старѣйшими; только за перваго между равными (¹). Исторія увѣряетъ, что ни одинъ, истинно вселенскій соборъ не былъ созванъ по распоряженіямъ папы; а созваніе нѣкоторыхъ изъ нихъ обнародовалось даже безъ участія римскаго епископа. Но лучше не распространяться о томъ, о чемъ такъ много написано въ полемикѣ противъ папства, и что, безъ сомнѣнія, знаетъ, только упорствуетъ открыто сознаться въ томъ, всякій папистъ, серьёзно думавшій о главномъ членѣ вѣры своего исповѣданія. Нельзя признать созваніе вселенскаго собора и за знакъ искренней заботливости папы о желанномъ возсоединеніи разобщенныхъ церквей; въ этомъ созваніи, и по его поводу, такъ много высказано высокомѣрія и гордости, іезуитской расчитанности, что за ними совсѣмъ не видно чувства братской любви, смиреннаго раскаянія и сожалѣнія, безъ которыхъ немыслимо ни какое начало истиннаго примиренія. „Если блаженнѣйшій папа древняго Рима искренно желаетъ умиренія и возсоединенія всей Христовой церкви, — отвѣчалъ посланнымъ отъ папы мѣстоблюститель и намѣстникъ патріаршаго престола въ Александріи, — то онъ пусть обращается съ своими посланіями, какъ братъ и какъ равный къ равнымъ, къ другимъ, святѣйшимъ патріархамъ и независимымъ церквамъ, и предварительно совѣщается съ ними относительно изысканія способа для сей цѣли... Поступая же не такъ, онъ напрасно

(¹) 1, 6. II, 2. IV, 28. VI, 36.

тратить свои усилія: раздѣляющая насъ бездна увеличивается болѣе и болѣе (1).

Словомъ, созывая новые вселенскіе соборы, папы тѣмъ самымъ только прилагаютъ новыя и новыя неправды къ старымъ и тяжкимъ грѣхамъ, только обнаруживаютъ предъ всѣми свою исконную привычку безбоязненно играть священными правами церкви, свою смѣлость тщеславиться мнимымъ главенствомъ. Судъ исторіи и Промысла не оставитъ подобныхъ дѣйствій папства безнаказанными. Знаменія этого суда уже начинаютъ обнаруживаться. Папство уже утратило свой духовный характеръ и лишилось своего нравственнаго вліянія на жизнь западныхъ народовъ; лишившись духовнаго характера, папство вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждено отступаетъ и отъ незаконно захваченныхъ имъ правъ свѣтской власти и мірскихъ преимуществъ, страшится за самую цѣлость наслѣдія св. Петра. Папа, на правахъ опекуна общества и главы церкви, созываетъ соборъ; а ему изъ среды его же паствы отвѣчаютъ невниманіемъ, недоброжелательствомъ и даже упреками, думаютъ заподозрить его даже въ чистотѣ самыхъ намѣреній (2). Папа по сему поводу обращается съ пригласительными посланіями къ другимъ церквамъ, но, вмѣсто положительнаго отвѣта, его укоряютъ въ непомѣрной гордости и открытой незаконности подобнаго поведенія, напоминаютъ всему католическому міру объ искаженіи имъ чистой и святой истины (3). Все

(1) Христ. Чтен. 1869 г. Апрѣль стр. 614.

(2) Съ нѣкоторыми явленіями сего рода читатели Христіанскаго Чтенія знакомы по тѣмъ корреспонденціямъ и переводнымъ статьямъ, которыя присылаются редакціи отъ настоятелей нашихъ заграничныхъ церквей въ Лондонѣ Е. И. Попова, въ Мадритѣ К. Д. Кустодіева.

(3) См. Отвѣтъ конст. патр. Христ. Чтен. 1868 г. Декабрь, также

это явленія, въ которыхъ нельзя не видѣть глубокаго смысла поучительныхъ уроковъ. Все это вмѣстѣ и доказательства той мысли, что самому папству не воскресить подлинной идеи собора, имъ же отвергнутой, не владѣть полнымъ авторитетомъ церкви, имъ же порабощенной, не возстановить вселенскаго единства, имъ же расторгнутаго. Но эту идею оно можетъ занять только у церкви восточной; этимъ авторитетомъ оно можетъ воспользоваться только чрезъ союзъ съ церковію православною; этого единства оно можетъ достигнуть только путемъ полнѣйшаго и тѣснѣйшаго мира съ православнымъ востокомъ. Ex oriente lux сознаются сами достойные ревнители дѣла церковнаго единенія!

Дѣйствительно, восточная церковь, по отдѣленіи отъ нея церкви западной, главною своею заботою поставляла то, чтобы удержать и сохранять во всей чистотѣ и цѣлости уставы, законы и преданія древней вселенской церкви, остаться неизмѣнною въ православіи вѣры, истинною въ началахъ устройства церкви; словомъ: быть послѣдовательною самой себѣ и единою съ древнею вселенскою церковію. А потому всѣ свойства богопреданной истины, всѣ права авторитета Христовой церкви, всѣ начала соборности ея управленія уцѣлѣли и сохранились въ церкви восточной, православной, какъ единой, святой, соборной и апостольской церкви. А потому соборъ, какъ выраженіе идеи собранія, — будемъ ли понимать его въ смыслѣ дѣйствительнаго соединенія многихъ, или только въ смыслѣ всегдашней возможности такого соединенія,—всецѣло принадлежитъ

отвѣтъ намѣстника и мѣстоблюстителя александрійскаго патріаршаго престола—Христ. Чтен. 1869 г. Апрѣль.

церкви восточной, какъ такой церкви, которая чуждается идей папства, уничтожающихъ свободу каөоличества, не знаетъ и сепаратизма протестанства, отвергающаго соборный авторитетъ церкви. Созваніе собора въ церкви восточной должно быть признано дѣломъ не только совершенно законнымъ, но и канонически обязательнымъ. „Ради нуждъ церковныхъ, и ради разрѣшенія сомнительныхъ случаевъ за благо признано быти въ каждой области соборомъ епископовъ", говорятъ древнія правила церкви ([1]). „Отцы судили, говорится въ тѣхъ же правилахъ, что ни для единыя области не оскудѣваетъ благодать св. Духа, чрезъ которую правда іереями Христовыми и зрится разумно и содержится твердо и наипаче, когда каждому еще настоитъ сомнѣніе о справедливости рѣшенія ближайшихъ судей позволено приступати къ соборамъ своея области и даже къ вселенскому собору" ([2]). На непосредственной обязанности предстоятелей лежитъ непремѣнный долгъ— слѣдить за появленіемъ всѣхъ нуждъ въ церкви и заботиться объ удовлетвореніи ихъ, потому что церковь всегда имѣетъ при себѣ силу и власть благоустроять свое существованіе и устанавливать правильное пониманіе содержимыхъ ею истинъ. Но всякое недоумѣніе въ такомъ случаѣ обращаетъ каждаго предстоятеля къ совѣту прочихъ его сослуживцевъ и даже полному собору области; недоумѣніе цѣлаго областнаго собора разрѣшается голосомъ собора большаго, въ которомъ принимаютъ участіе предстоятели церквей прочихъ областей; за нимъ слѣдуетъ высшій и завершительный во всей церкви авторитетъ собора чрезвычайнаго, вселен-

([1]) Акт. 20; сн. Апост. 37. 1 всел. 5 и др.
([2]) Книга Правилъ стр. 407—408.

скаго. Такой порядокъ вещей былъ всегдашнимъ въ Христовой церкви; онъ же во всемъ внѣшнемъ его разнообразіи сохранился и въ церквахъ православныхъ, восточныхъ. Доказательствомъ сему прежде всего тѣ, существующіе въ каждой мѣстной церкви, постоянные синоды, къ которымъ епископы области обыкновенно обращаются съ ихъ недоумѣніями; свидѣтельствомъ сему тѣ, никогда непрерывавшіяся, дѣятельныя сношенія между православными церквами, въ которыхъ предстоятели одной церкви обращаются къ мнѣнію и совѣту предстоятелей другихъ церквей: или за разъясненіемъ занимающихъ ихъ недоумѣній, или только для извѣщенія другъ друга о состояніи и дѣлахъ своихъ частныхъ церквей. Продолженіемъ того же порядка вещей служатъ и тѣ, время отъ времени собиравшіяся, дѣйствительныя собранія, на которыхъ предстоятели разныхъ церквей востока обсуждали вопросы и нужды или одной какой либо церкви, или всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Въ совершенномъ согласіи съ тѣмъ же порядкомъ устройства затруднительныхъ дѣлъ и разрѣшенія недоумѣнныхъ случаевъ и современный намъ, старѣйшій іерархъ восточной церкви обратился къ общему собору предстоятелей церквей восточныхъ, чтобы положить конецъ несогласіямъ, раздѣляющимъ болгаръ съ константинопольскимъ, патріаршимъ престоломъ.

Безъотносительно къ настоящему заявленію старѣйшаго іерарха восточной церкви, мы вообще замѣтимъ, что общій православный соборъ въ настоящее время можетъ составиться изъ представителей всѣхъ самостоятельныхъ, православныхъ церквей, которыя управляясь сами собою въ частности, всѣ въ совокупности образуютъ одно каѳолическое цѣлое. Части этого цѣ-

лаго въ данное время составляютъ: четыре древнихъ патріаршихъ престола: Константинопольскій, Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій; автокефальныя церкви: церковь обширнѣйшаго, всероссійскаго государства, церковь королевства новогреческаго; церковь сербская, а также и тѣ православныя церкви, которыхъ члены разсѣяны въ предѣлахъ иновѣрныхъ территорій. Такой соборъ, по участію въ немъ предстоятелей всѣхъ православныхъ церквей будетъ имѣть характеръ общаго православнаго собора, безусловно обязательнаго для всего православія; а самыя опредѣленія сего собора, бывъ изложены съ согласія со всегдашнимъ преданіемъ церкви и въ духѣ ея вселенской вѣры, безъ сомнѣнія могутъ дать сему собору, если бы то оказалось нужнымъ, и имя собора вселенскаго. Потому что эти опредѣленія, какъ согласныя съ преданіемъ церкви, по ихъ духу и содержанію будутъ тѣ же самыя, которыя изложили бы и предстоятели всей вселенной.

Но могутъ спросить: почему же православная церковь, сохранивъ у себя основанія вселенской истины, наслѣдовавъ права авторитета вселенской церкви, удержавъ начала соборности ея управленія, не называла и не называетъ своихъ соборовъ вселенскими? Такое поведеніе православной церкви не служитъ ли нѣкоторымъ доказательствомъ той мысли, будто отдѣленіе запада произвело разстройство въ правахъ ея авторитета и замѣшательство въ дѣлахъ ея управленія? Соглашаемся, что отпаденіе Рима,—какъ старѣйшаго и многолюднѣйшаго патріархата,—отъ вселенскаго единства церкви, повліяло на характеръ ея вселенства, но только внѣшнимъ, пространственнымъ образомъ; внутренно, канонически этотъ характеръ остался ненарушимъ для церкви.

вмѣстѣ съ существомъ ея вселенской вѣры, вмѣстѣ съ основаніями ея вселенской истины и благодати, соглашаемся, что послѣ этого отпаденія и вмѣстѣ съ нимъ Христова церковь лишилась только значительной половины своихъ внѣшнихъ членовъ: но вѣруемъ и убѣждены, что она осталась церковію единою съ ея единымъ Божественнымъ главою—Іисусомъ Христомъ, святою съ ея освящающимъ всѣхъ—св. Духомъ, каѳолическою съ ея соборнымъ устройствомъ, съ ея разнонародными послѣдователями, апостольскою съ ея истинно апостольскимъ ученіемъ и преданіемъ. Словомъ мы вѣруемъ и убѣждены, что Христова церковь осталась и пребываетъ церковію—царствомъ самаго Христа, носительницею дарованій св. Духа, хранительницею апостольскаго преданія и проповѣдницею чистой истины. А если это дѣйствительно такъ; то предложенное возраженіе, если бы оно на самомъ дѣлѣ было предложено кѣмъ либо, рѣшается само собою и собственно не имѣетъ силы возраженія. Остается лишь не рѣшеннымъ и неуясненнымъ тотъ вопросъ: почему православная церковь, подобно церкви западной, не называла своихъ соборовъ вселенскими?

Православная церковь дѣлала это по многимъ, уважительнымъ для нея самой и поучительнымъ для насъ ея членовъ, причинамъ. Но прежде нежели мы сами станемъ раскрывать эти причины, воспользуемся уже готовымъ отвѣтомъ, данымъ нѣкогда на тотъ же самый вопросъ. „По смиренномудрію востока, столь назидательному въ сравненіи съ надменностію запада, самые многолюдные соборы патріаршіе въ Москвѣ не принимали на себя громкаго имени вселенскихъ, хотя именовались и каѳолическими и православными по соборному своему

единству и чистотѣ догматовъ, но не оглашали себя вселенскими; такъ какъ одна обширная часть древней вселенской церкви отпала отъ единства по своимъ заблужденіямъ" (1). И такъ смиренномудріе востока—вотъ первая причина подобнаго поведенія православной церкви. Но вмѣстѣ съ смиренномудріемъ, добавимъ отъ себя, въ томъ же поведеніи церкви дѣйствуютъ и другія основанія, свидѣтельствующія объ ея высокихъ свойствахъ. А именно, ограничивая свое законное число вселенскихъ соборовъ только семью бывшими до раздѣленія церквей, православная церковь тѣмъ самымъ высказываетъ свое поучительное благоговѣніе — какъ къ авторитету этихъ соборовъ,—такъ вмѣстѣ и къ правамъ самой церкви, собиравшей эти соборы. „Наши догматы, говорятъ, восточные патріархи въ своемъ посланіи къ британскимъ епископамъ, и наше ученіе восточной церкви еще древле изслѣдованы, правильно и благочестно опредѣлены и утверждены святыми и вселенскими соборами: прибавлять къ нимъ, или отнимать отъ нихъ, что либо не возможно. Посему желающіе согласоваться съ нами въ божественныхъ догматахъ православной вѣры, должны съ простотою, послушаніемъ, безъ всякаго изслѣдованія и любопытства послѣдовать и покориться всему, что опредѣлено и постановлено древнимъ преданіемъ отцовъ и утверждено святыми и вселенскими соборами со временъ апостоловъ и ихъ преемниковъ, богоносныхъ отцовъ нашихъ (2)". „Эти соборы и эти досточтимые отцы, говоритъ и современный нашъ первоіерархъ восточной церкви, творенія

(1) См. Прибав. къ Твор. св. отц. 1858 г. ч. XVII: Письмо къ графу П. С. С. стр. 319.

(2) Посл. Вост. патр. стр. 24—25.

которыхъ извѣстны всѣмъ, да будутъ непреложнымъ и твердымъ руководствомъ для каждаго христіанина, и для каждаго епископа западнаго желающаго и ищущаго евангельской истины. Они представляютъ высшій критерій христіанской истины; они тотъ твердый путь, на которомъ мы можемъ сойтися въ святомъ лобзаніи догматическаго единенія" (1). Говоря такъ устами своихъ первоіерарховъ, восточная церковь ясно показываетъ, что она подчиняетъ себѣ, свою истину и свой авторитетъ голосу, опредѣленіямъ и правамъ древнихъ вселенскихъ соборовъ, что на опредѣленіяхъ этихъ соборовъ, какъ на изначальномъ преданіи церкви она утверждаетъ истину и сущность своего православія. И въ подобномъ поведеніи православной церкви высказываются: сколько заботливость ея о сохраненіи установленій древнихъ вселенскихъ соборовъ, столько и законное уваженіе ея къ правамъ и авторитету ихъ, какъ великихъ и верховныхъ въ Христовой церкви.

Но подобное поведеніе восточной церкви уясняется для насъ еще болѣе, если мы вникнемъ въ отличительный ея признакъ: *православная*. Въ самомъ дѣлѣ, признакъ: *православная* (ὀρθόδοξος отъ ὀρθὸς прямой, правильный и δόξα мнѣніе, слава), который усвояетъ себѣ церковь восточная, не есть переводъ слова каѳолическій—καθολικός, которымъ всегда называла себя древняя церковь; этотъ признакъ не есть и переложеніе слова вселенскій—οἰκουμενικός, которымъ обыкновенно украшались древніе вселенскіе соборы. Признакъ: *православная* въ приложеніи къ церкви не указываетъ собою ни на повсемѣстные предѣлы ея распространенія, ни на права ея авторитета, ни на пространство ея власти: онъ обоз-

(1) Христ. Чтен. 1868 г. Декабрь, стр. 904—906.

начаетъ собою только то неотъемлемое, внутреннее свойство восточной церкви, по которому она есть и справедливо называется церковію истинною, церковію апостольскою, церковію Христовою. Этотъ признакъ указываетъ собою на то, что ученіе,—которое сохранила и содержитъ церковь восточная,—что устройство—которому она осталась и пребываетъ вѣрною—есть ученіе апостольское, есть устройство древней вселенской церкви. Словомъ, признакъ: *православная* въ приложеніи къ восточной церкви указываетъ только на правый образъ вѣрованія этой церкви, на законный составъ ея догматовъ, говоритъ только о правильномъ порядкѣ жизни, устройства и всей прочей ея дисциплины по сравненію, сходству и соотвѣтствію всего этого съ ученіемъ, законами и практикою древней вселенской церкви. Но если въ этомъ заключается весь смыслъ слова: православная; если оно прежде всего обязываетъ восточную церковь къ сохраненію ученій, правъ и законовъ древней вселенской церкви: то мы встрѣчаемся съ новымъ основаніемъ: почему восточная церковь удерживается называть свои соборы вселенскими, объявлять ихъ равноправными и равносильными съ соборами древней вселенской церкви и ставить ихъ въ одинъ рядъ съ послѣдними, т. е. церковь дѣлаетъ это въ согласіи съ существомъ и назначеніемъ своего православія, по мудрой любви и уваженію къ самой себѣ.

Дѣйствительно, православіе, какъ опредѣленный образъ вѣрованія, отличный отъ католичества и протестанства, требуетъ отъ своихъ послѣдователей совершенно свободнаго, но вмѣстѣ и добросовѣстнаго принятія, усвоенія и содержанія истинъ вселенскаго христіанства, требуетъ, чтобы эти истины были надлежа-

ваны личною вѣрою и благочестіемъ каждаго, какъ неизмѣнные догматы, какъ совершеннѣйшія правила жизни, утвержденныя и завѣщанныя древнимъ вѣрованіемъ и всегдашнею практикою христіанской церкви. Православіе, какъ отдѣльная и самостоятельная церковь, независимая ни отъ церкви римско-католической, ни отъ обществъ протестантскихъ, всемѣрно уклоняется отъ строенія новыхъ догматовъ, отъ изобрѣтенія нововведеній, несогласныхъ съ требованіями древней вселенской вѣры и правилами древней вселенской церкви. Оно усвояетъ себѣ и хранитъ у себя преданія, догматы и обычаи древней вселенской церкви, оставаясь наслѣдницею ея непосредственнаго духа. Православіе, какъ вѣроисповѣданіе и церковь вмѣстѣ, сохраняя смыслъ и духъ общей вселенской истины, призывается къ широкому раскрытію и живому примѣненію началъ Христовой вѣры и церкви въ современной исторической жизни къ полному и всестороннему ихъ обнаруженію. Но такая задача всего православія оказывается совершенно одинаковою съ задачею существованія каждой, истинной церкви, если разсматривать ея назначеніе по отношенію къ церкви древней вселенской. А потому удовлетвореніе нуждъ и устройство дѣлъ всего православія, совершаясь собственными его средствами, по началамъ обыкновеннаго управленія, нимало не вынуждаютъ его прибѣгать къ мѣрамъ особеннымъ и чрезвычайнымъ—каковы вселенскіе соборы. Православная церковь, сполна участвующая во всѣхъ правахъ власти вселенской церкви, нераздѣльно дѣйствующая всѣмъ ея полномочіемъ на устроеніе ея собственной судьбы, удерживается объявлять свои соборы и ихъ опредѣленія вселенскими, чтобы не подать тѣмъ врагамъ повода укорить ее въ гордости и самомнѣніи, чтобы не поставить новой пре-

грады для ищущихъ союза и единенія съ нею, чтобы невысказать никакой мысли о собственномъ отчужденіи, или пренебреженіи по отношенію къ церквамъ и обществамъ иновѣрнымъ. Православная церковь признаетъ всѣ западныя вѣроисповѣданія уклонившимися отъ истинной церкви и правой вѣры, однакожъ не произноситъ своего сужденія ни о характерѣ, ни о степени важности ихъ заблужденій, не высказываетъ своего взгляда на сравнительную ложность этихъ вѣроисповѣданій въ отношеніи къ истинѣ, содержимой православіемъ. Она всегда осуждала и осуждаетъ только частныя нововведенія запада, несогласныя съ духомъ и преданіемъ вселенской церкви, но не изрекала и не изрекаетъ положительнаго приговора о природѣ и сущности этихъ нововведеній. Какъ въ настоящемъ случаѣ православная церковь руководствуется особыми, поучительными для насъ—ея сыновъ основаніями: такъ она имѣетъ свои же и достаточныя основанія, и въ томъ случаѣ, когда удерживается объявлять свои соборы вселенскими. Православная церковь дѣлаетъ это по благоговѣйному уваженію къ древней вселенской церкви и ея соборамъ, по собственному, поучительному смиренію, по мудрой заботливости о достоинствѣ своего православія. Какъ западная церковь, объявляя новые и новые вселенскіе соборы, тѣмъ самымъ видимо удаляется отъ истины и правды древней вселенской церкви: такъ восточная церковь, поучаемая такими уроками западной, мудро удерживается отъ подобнаго поведенія, чтобы не явиться подражательницею ей, чтобы не стать въ противорѣчіе съ церковію древнею вселенскою, чтобы вполнѣ быть и остаться наслѣдницею и хранительницею ея ученія и вѣры.

Т. Барсовъ.

АРСЕНІЙ

ПАТРІАРХЪ НИКЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ,

и

АРСЕНИТЫ.

(Къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкѣ).

(продолженіе)

Гораздо болѣе вліянія на дальнѣйшую судьбу арсеніанскаго движенія имѣло другое событіе, совершившееся въ слѣдующемъ 1274 г. Это—ліонская унія. Что она была дѣломъ чисто политическихъ расчетовъ императора Михаила Палеолога, въ этомъ въ настоящее время не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но насколько въ этихъ расчетахъ имѣли мѣсто внутренніе затрудненія, вызванныя арсеніанскимъ движеніемъ, это не можетъ быть опредѣлено даже приблизительно. Во всякомъ случаѣ можно принять за вѣрное, что если и имѣли, то очень скромное. Правда, во время возникшихъ для него затрудненій, вслѣдствіе наложеннаго патріархомъ Арсеніемъ отлученія, онъ неоднократно грозилъ архіереямъ греческимъ обратиться къ папѣ за раз-

рѣшеніемъ; но въ серьёзность этой угрозы и самъ онъ не могъ вѣрить, такъ какъ очень хорошо зналъ, что папское разрѣшеніе въ глазахъ греческаго народа значило еще менѣе, чѣмъ разрѣшеніе его духовника Іосифа. Угроза эта имѣла и могла имѣть одну только цѣль—напугать архіереевъ, а чрезъ нихъ и Арсенія, перспективой не желанныхъ для нихъ сношеній съ Римомъ и побудить послѣдняго къ бо́льшей уступчивости. По удаленіи же Арсенія онъ уже ни разу не возвращался къ этой угрозѣ. Равнымъ образомъ когда завязалось дѣло объ уніи съ Римомъ, въ числѣ побужденій къ этой уніи онъ ни разу не упомянулъ о надеждѣ при посредствѣ ея подавить арсеніанскій расколъ, а постоянно и неизмѣнно указывалъ на коалицію западныхъ державъ противъ имперіи, какъ на единственное побужденіе къ уніи, представлявшейся ему лучшимъ и единственнымъ средствомъ устранить отъ имперіи опасности, которыми она ей угрожала. Значитъ въ его глазахъ внѣшняя опасность, и именно угрожавшая съ запада, была гораздо серьёзнѣе опасности внутренней, созданной арсенитами. Да иначе и не могло быть. Арсеніанская агитація, при отсутствіи опредѣленнаго плана, единства въ дѣйствіяхъ и опытной руководящей руки, могла быть для него опасна только относительно,—т. е. при извѣстномъ только настроеніи народа; тогда какъ коалиція западныхъ державъ, силу которыхъ не разъ уже испытывала на себѣ имперія, была для него опасна безусловно. Притомъ она была направлена на Константинополь, на обладаніи которымъ онъ главнымъ образомъ и основывалъ права своей династіи на похищенный престолъ, такъ что съ нимъ она держалась и падала. И въ самомъ дѣлѣ если бы, въ случаѣ очень возможной потери этого го-

рода, ему пришлось снова возвратиться въ Никею; то, при доказанномъ сочувствіи никейцевъ къ послѣднему представителю низложенной династіи и при успѣхахъ здѣсь арсеніанской пропаганды, удержаніе престола превратилось бы въ вопросъ. Притомъ внутренняя опасность, созданная арсенитами, не вызывала неизбѣжно опасности внѣшней со стороны запада: между тѣмъ какъ опасность внѣшняя неизбѣжно питала и поддерживала опасность внутреннюю: успѣхъ внѣшней коалиціи неизбѣжно усиливалъ бы недовольство и раздраженіе въ народѣ, привыкшемъ искать послѣдняго источника и своего благоденствія и своихъ несчастій въ личностяхъ своихъ государей, усиливалъ бы и дерзость агитаторовъ и при народномъ раздраженіи дѣлалъ бы ее очень опасною. А такъ какъ размѣры внутреннихъ опасностей обусловливались въ очень сильной степени опасностями внѣшними, но не на оборотъ: то и естественно, что послѣднія должны были занимать первое мѣсто въ политическихъ соображеніяхъ Михаила Палеолога, разрѣшившихся ліонской уніей. Внутреннія же опасности могли имѣть въ нихъ мѣсто настолько, насколько были связаны съ внѣшними, т. е. насколько устраненіе первыхъ могло способствовать ему къ устраненію послѣднихъ. Въ этомъ смыслѣ мы готовы допустить, что, при обсужденіи мотивовъ къ уніи, приходило иногда императору на мысль, что, отстранивши посредствомъ ея затрудненія со стороны запада, онъ гораздо легче могъ справиться съ внутренними затрудненіями. Но мы должны сказать, что для современныхъ историковъ этого мотива не существуетъ.

Какъ бы впрочемъ ни было, но унія состоялась и во многомъ измѣнила положеніе арсеніанской фракціи.

Она затронула и вызвала къ жизни болѣе широкія, общіе и существенные интересы греческой церкви, чѣмъ тѣ, которые отстаивала арсеніанская фракція,—она затронула коренную основу ея — православіе. Ліонской уніей императоръ греческій, для спасенія цѣлости имперіи и своей династіи, принесъ въ жертву Риму то, чѣмъ болѣе всего дорожилъ его народъ,—именно православіе. Этотъ фактъ, возмутившій до глубины души національное чувство грековъ, заставилъ ихъ позабыть на время объ арсенитахъ и ихъ борьбѣ съ правительствомъ и обратить все свое вниманіе на одинъ этотъ пунктъ,— арсениты со своими интересами и счетами должны были отойти на время на задній планъ. Этимъ и объясняется странное на первый взглядъ молчаніе историковъ о дальнѣйшихъ цѣляхъ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ арсеніанской фракціи во все время съ провозглашенія ліонской уніи до смерти Михаила Палеолога. Имъ было не до арсенитовъ, и не до ихъ предположеній и дѣйствій; другія дѣла и дѣятели занимаютъ ихъ,—дѣла и дѣятели, связанные непосредственно съ новымъ интересомъ, затронутымъ уніей. Этотъ интересъ дѣлается— по крайней мѣрѣ на время—новою силою, управляющею судьбами православнаго востока.

Но оттѣсненные могучимъ народнымъ движеніемъ съ передовой позиціи на полѣ битвы, арсениты не оставили ее совершенно, не потерялись въ массѣ новыхъ бойцовъ, а продолжали сохранять и свое знамя и свою самостоятельность. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе члены лѣвой стороны раскола, т. е. знаменитые „сумконосцы и лохмотники", дезертировали въ новый лагерь подъ сѣнь болѣе широкаго и внушительнаго знамени, но несомнѣнно и то, что большинство ихъ сохраняло въ то же время

вѣрность и прежнему знамени и, смотря по обстоятельствамъ, поднимало то одно, то другое, то оба вмѣстѣ. Что же касается остальныхъ членовъ фракціи, то сохранилось положительное свидѣтельство о томъ, что послѣ ліонской уніи они тѣснѣе сблизились другъ съ другомъ, почуяли въ себѣ приливъ новыхъ силъ и удвоили свою агитацію противъ императора (¹). До ліонской уніи была между ними партія умѣренныхъ, наружно мирившихся съ Іосифомъ и церковію, а послѣ нея и эта партія примкнула къ „рьянымъ ревнителямъ" Арсенія и отвернулась отъ всего, что было не за него (²).

Въ виду опасности, которою угрожало спеціальнымъ интересамъ арсеніанской фракціи новое народное движеженіе, обнаруженная арсенитами тревожная энергія совершенно понятна. Имъ предстояло одно изъ двухъ,—или увлечься волнами этого новаго движенія и исчезнуть въ немъ, или овладѣть имъ и дать ему направленіе сообразное съ своими спеціальными цѣлями. Чувство самосохраненія заставляло ихъ употребить всѣ усилія къ тому, чтобы избѣжать перваго. А на пути къ послѣднему они встрѣтили почти неодолимыя препятствія частію въ характерѣ и размѣрахъ новаго движенія, частію въ новыхъ дѣятеляхъ, вызванныхъ этимъ движеніемъ и претендовавшихъ на руководительную роль въ немъ. Ввести могучій порывъ народнаго духа въ тѣсныя рамки, очерченныя спеціальною задачей партіи, значило почти тоже, что вводить бурную много-

(¹) Pachym. Andron. Palaeolog. lib. 1, c. 12, p. 23—24, ed Venet.

(²) Хотя нѣкоторые и послѣ провозглашенія уніи колебались между вѣрностью Арсенію и признаніемъ Іосифа, въ виду сопротивленія послѣднию уніи, сильно говорившаго въ его пользу. См. прилагаемое ниже письмо Каллиста къ Мануилу, епископу ѳессалоникскому.

водную рѣку въ берега узкаго ручья. И при этомъ приходилось еще вести борьбу съ лицами, созданными самимъ же этимъ движеніемъ и поставленными въ челѣ его. Но жребій былъ брошенъ. Для арсенитовъ не было другаго выхода.

Народное движеніе противъ уніи началось гораздо раньше ея формальнаго провозглашенія въ церкви большаго дворца въ Константинополѣ 16 января 1275 г. Начало его можно возводить ко времени первыхъ серьёзныхъ попытокъ императора втянуть греческое духовенство въ свои уніональные планы,—именно къ 1272 г. По крайней мѣрѣ къ этому времени относятся первые извѣстные намъ публичные протесты противъ уніи и первыя насильственныя мѣры императора, обозначившія собою переходъ отъ словъ къ дѣлу. Замѣчательно, что первый открытый протестъ противъ уніи сдѣланъ былъ арсенитомъ — риторомъ Оловоломъ ([1]). Не входя

([1]) Мануилъ Оловолъ, „очень молодой человѣкъ, состоявшій въ штатѣ придворныхъ грамматиковъ (παιδίῳ γε ὄντι καὶ εἰς τοὺς οἰκείους τότε τελοῦντα γραμματικούς)“, за сочувствіе къ ослѣпленному Іоанну былъ лишенъ носа и губъ, по приказанію Палеолога, вслѣдствіе чего и долженъ былъ „одѣть рясу и вступить въ монастырь Предтечи (Пахим. стр. 176)“. Сдѣланный впослѣдствіи, по ходатайству патріарха Германа (тамъ же стр. 260), начальникомъ патріаршей школы, онъ оказалъ не мало услугъ дѣлу церковнаго образованія. Послѣдняя милость, оказанная ему императоромъ чрезъ патріарха, по видимому, примирила его и съ своимъ несчастіемъ и съ императоромъ: нѣкоторое время онъ казался даже сторонникомъ уніи (см. Пахим. стр. 243); но... вотъ что съ нимъ случилось: „Былъ день собранія въ священныхъ царскихъ палатахъ—продолжаемъ словами Пахимера,—и на священное собраніе явились іеромонахи, священники и монахи, сколько находилось ихъ въ городѣ. Пришелъ и патріархъ и весь соборъ. Предметомъ разсужденія былъ тотъ, занимавшій всѣхъ миръ (унія съ Римомъ). Когда всѣ усѣлись и двое приверженцевъ царя — архидіаконъ Мелитиніотъ и Протоапостоларій кипрскій (Григорій впослѣдствіи патріархъ) удостоены были чести занять мѣста,— риторъ Оловолъ стоялъ и ожидалъ отъ царя позволенія сѣсть. Такъ какъ ему не было указано кресло, то онъ вышелъ въ другую комнату

въ разборъ случайныхъ побужденій, руководившихъ въ данномъ случаѣ Оловола, мы однакожъ не можемъ при-

---

и сѣлъ. Потомъ, когда начали разсуждать и стали искать ритора, считая полезнымъ его присутствіе, онъ позванъ былъ и, чувствуя нанесенное себѣ безчестіе, предсталъ предъ царя не съ видомъ кротости, — на вопросы не отвѣчалъ; и между тѣмъ, какъ царь надѣялся найти въ немъ поддержку (на первомъ засѣданіи по этому вопросу Оловолъ, по замѣчанію Пахимера, *слегка говорилъ въ пользу царя* стр. 343) своихъ мнѣній, тотъ совершенно измѣнилъ прежній образъ мыслей и объявилъ царю противное, утверждая, что никогда не согласится на предложенное требованіе. Царемъ вдругъ овладѣла ярость, и онъ разразился крикомъ: ты всегда непріязненъ царю и постоянно мѣняешься въ своихъ мысляхъ — не по другой какой причинѣ, а только по своей ко мнѣ ненависти, которая написана у тебя на носу, напоминающемъ тебѣ о понесенномъ наказаніи. Выведенный изъ себя непомѣрною страстію честолюбія и раздраженный вмѣстѣ мыслію о своемъ униженіи, риторъ высказалъ дѣйствительную причину испытаннаго наказанія: причина состояла въ томъ, говорилъ Оловолъ, что онъ былъ преданъ малолѣтнему царю Іоанну. Едва онъ сказалъ это, какъ приверженцы царя... бросились... и хотѣли растерзать его... Но царь... сослалъ его въ Никею (Пахим. стр. 361, 362)". Какъ ни случайною представляется здѣсь оппозиція Оловола уніональнымъ планамъ императора; но она была бы не мыслима при серьёзномъ его убѣжденіи въ законности уніи и при искреннемъ примиреніи съ императоромъ. Очевидно до тѣхъ поръ онъ маскировалъ свои истинныя отношенія къ уніи и царю, оставаясь въ душѣ враждебнымъ и той и другому.

От Оловола осталось полемическое сочиненіе, направленное противъ уніи, подъ названіемъ: Ἀπολογία καὶ ἀνατροπὴ τῶν κεφαλαίων τοῦ φρὰρ φραγζίσκου, оно помѣщено у Муана въ его Varia sacra. Lugd. Batavor. MDCLXXXV p. 268—298. У Муана, какъ письмо Франциска, такъ и отвѣтъ на оное Оловола, помѣщены вмѣстѣ; вмѣстѣ же находятся они и въ нѣкоторыхъ рукописныхъ кодексахъ (какъ напр въ кодексѣ Бодлейянской библіотеки подъ № 3377, въ кодексѣ I. Сельдена № 3 и 6, и въ той же Бодлейянской библіотекѣ въ кодексѣ подъ № 294 между рукописными кодексами Оливера Кромвеля 115 num. 3, цитуемыхъ Удиномъ въ своемъ Commentario de scriptor. et scriptis ecclesiasticis, t. III, p. 467, равно какъ и въ сборникѣ греческихъ рукописей, хранящихся въ Московской синодальной библіотекѣ, подъ № CCCXI по Accurata codicum graecorum MSS. bibl. Mosquensium S. Synodi notitia et recensio Chr. de Matthiae, t. I. Lipsiae 1805, p. 202). Кромѣ того хранятся въ рукописныхъ сборникахъ разныхъ библіотекъ и другія сочиненія, носящія на себѣ имя Оловола, каковы: a) Manueli Holoboli Rherоris Rhetorum versus politici in Micha-

знать этого факта совершенно случайнымъ, не имѣющимъ никакой связи съ общимъ дѣломъ арсенитовъ. Оппозиція императору на этомъ пунктѣ должна была прямо входить въ программу арсенитовъ, такъ какъ съ одной стороны она давала имъ новое оружіе противъ него, съ другой открывала для нихъ возможность явиться въ новой очень важной по обстоятельствамъ времени роли защитниковъ православія.

Еще болѣе замѣчательно то, что Оловолъ находился въ то же время въ сношеніяхъ съ извѣстными тогда сторонниками Іосифа,—и именно съ правою рукою его монахомъ Яситомъ Меліемъ,—что впослѣдствіи объединило ихъ въ позорномъ тріумфѣ, устроенномъ для нихъ императоромъ (¹). Это объясняется тѣмъ, что Оловолъ принадлежалъ къ умѣренной партіи въ расколѣ, пред-

---

elem Palaeologum Imperatorem—въ греческомъ кодексѣ библіотеки Кольбертинской подъ № 6044; и b) Versus politici XXV de vanitate et instabilitate verum hujus vitae omnium et c. (Не есть ли это одно и то же сочиненіе съ предъидущимъ?) въ кодексѣ Барокчіанскомъ подъ № 125. Vid. Удина lib. cit.

(¹) Вотъ какъ описываетъ этотъ тріумфъ Пахимеръ: „не прошло еще и года послѣ того, какъ поднятый вопросъ о соединеніи (съ западною церковью) всколебалъ души восточныхъ христіанъ. Царь, пользуясь нисколько неприличными ему доносами, услышалъ уже, что риторъ (Оловолъ) отказывается принять предписанное соглашеніе, и, находя въ этомъ удобный случай—его наказать, а насъ убѣдить, что онъ стóитъ такого наказанія, даетъ приказъ привести его въ городъ въ оковахъ, и сперва подвергаетъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ пыткамъ, а потомъ устрояетъ слѣдующій новый тріумфъ. Онъ велѣлъ надѣть на шеи длинныя веревки, сперва ему, затѣмъ второму—Іаситу Мелію, и такъ далѣе подъ рядъ до десяти человѣкъ, а на концѣ всѣхъ—племянницѣ его, какъ будто за чародѣйство; потомъ первыхъ двухъ велѣлъ обвѣшать овечьими внутренностями со всѣми находившимися въ нихъ нечистотами, за то будто они не покорны царю, а ритора сверхъ того приказалъ постоянно бить по устамъ овечьими печенями и въ такой торжественной процессіи водить ихъ по всему городу, около же церкви подвергать ихъ еще большему безчестію, угрожая чрезъ это духовнымъ лицамъ и наводя на нихъ страхъ“, стр. 363.

ставители которой простирали свое внѣшнее общеніе съ Іосифомъ до солидарности на тѣхъ по крайней мѣрѣ пунктахъ, на которыхъ самъ Іосифъ расходился съ императоромъ ([1]). А то обстоятельство, что солидарность Оловола съ Іосифомъ и его приверженцами на пунктѣ сопротивленія уніи не встрѣчала порицанія со стороны арсенитовъ, даетъ право заключать, что они на пер-

([1]) Еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи другой примѣръ. Нѣкто Іоанникій Терникопулъ, ревностный арсенитъ, „явно отдѣлявшійся отъ Іосифа", не затруднился предложить свои услуги этому патріарху и его партіи для составленія письменнаго отвѣта на записку, составленную придворными богословами въ оправданіе предположенной уніи и, по приказанію императора, присланную патріарху съ требованіемъ отвѣта. Пахим., стр. 348.

Весьма вѣроятно, что этотъ „отвѣтъ" составляетъ одно и то же съ „апологіей" патріарха Іосифа, хранящейся доселѣ въ рукописяхъ (именно въ кодексѣ подъ № CCLXXXI Вѣнской библіотеки. Vid. C. Oudini, Comment. de scriptoribus et scriptis ecclesiasticis; t. III, p. 468). По крайней мѣрѣ, по своему содержанію, на сколько оно можетъ быть понято изъ заглавія и изъ нѣсколькихъ отрывковъ, приведенныхъ Гергенрётеромъ, во II и III том. своего Photius Patriarch v. Constantinopel, онъ долженъ былъ весьма близко походить на эту апологію. Вотъ ея заглавіе: Ἀπολογία τοῦ παναγιωτάτου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κυροῦ Ἰωσὴφ ἐπὶ τοῖς προβληθεῖσι ὑπὲρ τῶν λατίνων ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ θεομεγαλοδυνάτου καὶ ἁγίου βασιλέως Μιχαὴλ καὶ Θεοδώρας ἐμπονηθεῖσα τῷ ἱερομονάχῳ Ἰὼβ τῷ μαθητῷ τούτου διὰ τῆς τούτου παρακελεύσεως, καὶ δεικνῦσα μὴ δεῖν εἶναι, μήτε τῶν πρωτείων ὡς ἀρχιερεῖ τῷ Πάπᾳ παραχωρεῖν, μήτε ἔκκλητον τούτῳ διδόναι, μήτε ἀναφέρειν ἐν τοῖς ἱεροῖς διπτύχοις αὐτὸν ἕως ἂν στέργῃ τὰ καινοτομηθέντα τῇ Ἐκκλησίᾳ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης παρὰ τὰς ἁγίων πατέρων παραδόσεις, καὶ τὰ θεσπίσματα... etc. Что она приписывается здѣсь исключи- Іову Яситу, это весьма легко можетъ быть объяснено тѣмъ, что, по словамъ Пахимера, ему принадлежала главная роль при составленіи означеннаго „отвѣта" (Vid. loco cit.). Непосредственное обращеніе къ императору, обращеніе, которымъ она начинается, говоритъ также за ея тождество съ „отвѣтомъ", который, какъ непосредственно представленный императору, и не могъ иначе начинаться. Вотъ ея начало въ извлеченіи Удина: Κράτιστε, θεόστεπτε, θεοκυβέρνητε, θεοδόξαστε ἅγιε Δέσποτα μοῦ καὶ βασιλεῦ, χάριν, εἰρήνην, ἔλεος, εὐστάθειαν κράτους, καὶ ὑγείας μακροημερωτάτης ἀπολαύειν ἡ μετριότης ἡμῶν παρὰ τοῦ εἰρηνάρχου Χριστοῦ etc. Наконецъ изъ сказаній современныхъ историковъ не видно, чтобы Іосифъ писалъ въ свою защиту и подавалъ императору какое либо другое сочиненіе кромѣ извѣстнаго „отвѣта".

выхъ порахъ не находили ничего особенно зазорнаго во внѣшнемъ союзѣ съ своими противниками для защиты одинаково дорогаго тѣмъ и другимъ православія противъ угрожавшей ему опасности. Притомъ сближеніе съ Іосифомъ на тѣхъ пунктахъ, на которыхъ онъ расходился съ императоромъ, могло входить и въ спеціальныя цѣли фракціи—она могла расчитывать посредствомъ этого сближенія укрѣпить рознь между патріархомъ и императоромъ, поссорить ихъ другъ съ другомъ,—что̀ во всякомъ случаѣ могло быть выгодно для нея. Правда, это было не благовидно; но какая же партія затрудняется въ выборѣ средствъ, когда дѣло идетъ о борьбѣ съ противницей?

Но съ другой стороны несомнѣнно и то, что этотъ внѣшній союзъ нѣкоторыхъ умѣренныхъ членовъ фракціи съ ея противниками, былъ крайне непродолжителенъ. Онъ едва ли пережилъ первыя минуты негодованія, пробужденнаго въ тѣхъ и другихъ первыми насильственными дѣйствіями императора. Не могъ онъ быть продолжителенъ потому, а) что строгіе арсениты никакъ не могли простить Іосифу его поведенія относительно Арсенія, б)—нерѣшительное положеніе, принятое на первыхъ порахъ Іосифомъ относительно проэктируемой уніи (1), не

(1) Колебаніе и нерѣшительность его были такъ велики, что его приверженцы принуждены были помочь ему искуственно. „Монахъ Іовъ Іаситъ, видя безпокойство патріарха (Іосифа) и опасаясь, какъ-бы онъ, ослабѣвъ, не отказался отъ своей настойчивости, придумалъ способъ укрѣпить его мысли. Онъ предлагаетъ ему совѣтъ—написать окружное посланіе и разослать его во всѣ мѣста къ лицамъ благочестивымъ, а для удостовѣренія присоединить и клятву, чтобы они не уклонялись въ сторону латинянъ, но были тверды, чтобы не вѣрили также, будто патріархъ ослабѣваетъ и такимъ образомъ готовъ увлечь ихъ куда ему угодно, лишь бы принять отдѣлившихся прежде. Убѣжденный этими словами, іерархъ позволяетъ изложить дѣло, и бумага въ скоромъ времени была готова. Но прежде чѣмъ послали ее, патріархъ пожелалъ спросить архіереевъ и узнать, будутъ ли они стоять до конца. Для этого окруж-

могло нравиться не только строгимъ, но и умѣреннымъ арсенитамъ, и в)—арсениты не могли не понимать, что ихъ дальнѣйшія цѣли и стремленія совершенно расходятся съ цѣлями и стремленіями защитниковъ православія, сгруппировавшихся вокругъ Іосифа. И потому хотя не сохранилось положительныхъ свидѣтельствъ (1), тѣмъ не менѣе, мы кажется не ошибемся, если предположимъ, что еще до формальнаго провозглашенія уніи арсениты въ своей оппозиціи ей шли врозь съ іосифитами, не смотря на то, что интересы тѣхъ и другихъ были совершенно солидарны на этомъ пунктѣ.

А когда унія состоялась и была провозглашена формально, когда патріархъ Іосифъ, послѣ долгихъ колебаній и нерѣшительности и благодаря искуственнымъ помочамъ своихъ приверженцевъ, волей-не-волей сталъ наконецъ во главѣ (2) ея противниковъ, когда народ-

ное посланіе патріарха прочитано было въ общемъ собраніи, и потомъ предложенъ вопросъ: устоятъ ли они въ этомъ? Архіереи тотчасъ изъявили свое согласіе и засвидѣтельствовали его собственноручными подписями, кромѣ немногихъ, болѣе предусмотрительныхъ. Затѣмъ бумага была скрѣплена и запечатана. Когда это посланіе было разослано, патріархъ *по необходимости* не могъ ничего перемѣнить, что̀ бы ни случилось; ибо связанъ былъ клятвою, а потому объявилъ всѣмъ, да говорилъ и царю, что онъ и самъ не начнетъ и другимъ не будетъ содѣйствовать въ пользу принятаго намѣренія (Пахим., стр. 350—351)".

Не желая употреблять насилія относительно своего бывшаго духовника, императоръ, во время переговоровъ объ уніи, заключалъ съ Іосифомъ условіе, по которому патріархъ обязывался добровольно отказаться отъ престола, если унія состоится.

(1) Если не принимать во вниманіе извѣстнаго завѣщанія, приписываемаго Арсенію, гдѣ арсениты прямо представляются единственными *законными представителями и защитниками православія* отъ латинства. Да иначе они и не могли смотрѣть на себя, если хотѣли быть послѣдовательными, а такой взглядъ необходимо долженъ былъ привести ихъ къ антагонизму іосифитамъ и въ дѣлѣ защиты православія.

(2) Не смотря на условіе, заключенное съ императоромъ, когда дѣло дошло до исполненія, у Іосифа не достало духа разстаться съ престоломъ и онъ упрямо сталъ отказываться отъ выполненія условія, такъ

ная масса въ первомъ порывѣ негодованія противъ уніи забыла всѣ недостатки и слабости низложеннаго патріарха, провозгласила его мученикомъ православія и слѣпо устремилась за нимъ и его приверженцами, тогда арсениты уже ясно увидѣли, что для нихъ и для ихъ дѣла наступила критическая минута, увидѣли, что общественное вниманіе, поглощенное новымъ народнымъ интересомъ, затронутымъ уніей, дѣлается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе равнодушнымъ къ нимъ и ихъ „ревности", что народное движеніе, вызванное этимъ интересомъ и управляемое ихъ соперниками, готово совершенно отбросить ихъ со сцены, поняли, что они стоятъ совершенно особнякомъ, не могутъ пристать ни къ противникамъ уніи, ни къ ея сторонникамъ, не пожертвовавши всѣми своими спеціальными интересами, не отрекшись не только отъ своего прошедшаго, но и отъ будущаго.... поняли и собрали всю свою энергію, всѣ свои силы, чтобы не дать новому движенію поглотить себя, не дать своимъ противникамъ посмѣяться надъ собою а, если можно, то и овладѣть самымъ движеніемъ и направить его противъ своихъ недруговъ.

Но какъ это сдѣлать? Положеніе ихъ было менѣе выгодно, чѣмъ положеніе обѣихъ враждебныхъ имъ партій. Та и другая изъ нихъ имѣла на своей сторонѣ патріарха, а уніональная партія кромѣ того—и правительство и всю оффиціальную церковь, и потому обѣ имѣли возможность выдавать себя за истинную церковь въ глазахъ народа, который не могъ представить себѣ

что вынудилъ императора предложить дѣло на разсмотрѣніе епископовъ, которые и присудили его къ лишенію престола (Пахим., стр. 368). Въ этихъ двухъ фактахъ видѣнъ весь Іосифъ—слабый, бесхарактерный, неспособный ни къ какой инициативѣ, а—къ одному лишь пассивному сопротивленію.

церкви безъ патріарха. Между тѣмъ на сторонѣ арсенитовъ въ это время не было уже патріарха, а было два-три епископа ([1]), — если считать и отказавшагося

([1]) Мануилъ Ѳессалоникскій, раздѣлявшій протестъ Андроника Сардскаго послѣ добровольнаго удаленія Арсенія съ престола и выѣхавшій за границу (Пахим., стр. 110), въ это время снова занималъ свой престолъ (возвращенный ему, вѣроятно, во время вторичнаго патріаршества Арсенія), продолжая оставаться вѣрнымъ памяти Арсенія, какъ это видно изъ дошедшаго до насъ письма къ нему нѣкоего Каллиста. Письмо это писано на второй годъ послѣ удаленія Іосифа отъ престола, слѣдовательно въ 1276 г., и проливаетъ не мало свѣта на взаимныя отношенія арсенитовъ и іосифитовъ. Вотъ отрывокъ изъ него, заимствуемый нами изъ Ἱςορία τοῦ σχίσματος τῆς λατινικῆς ἐκκλησίας ἀπὸ τῆς ὀρθοδόξε ἑλληνικῆς ὑπὸ Α. Δημητρακοπούλε. Ἐν Λειψίᾳ 1867. σελ. 68. 69 (Подлинникъ хранится между рукописями Вѣнской библіотеки): Οἶδεν ἡ ἁγιωσύνη σοῦ ὡς ὁ παναγιώτατος δεσπότης καὶ αὐθέντης ἡμῶν, ὁ οἰκουμενικὸς πατριάρχης κύριος Ἀρσένιος μετέβη πρὸς κύριον, τὰ τῶν πόνων ἔπαθλα ληψόμενος προς αὐτοῦ· ἆρ οὖν μεμπτέοι φανώμεθα ταῖς ἐχέφροσι καὶ τοῦ προσήκοντος διεςαμενοι, εἰ κοινωνήσωμεν τῷ κυρίῳ Ἰωσὴφ τῷ γενομένῳ πατριάρχῃ, καὶ τῆς πατριαρχίας ἐκβληθέντι ἀπὸ πέρυσι διὰ τὸ μὴ θελῆσαι κοινωνῆσαι τῷ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης Πάπα... Εἰπὲ ἡμῖν τὸ ἀληθές· κοινωνήσωμεν τῷ κυρίῳ Ἰωσὴφ, καὶ μάλιςα νῦν ἐκπεμφθέντι πρὸς ἐξορίαν διὰ τὴν ὀρθοτομίαν τῆς πίστεως, т. е. „святыня твоя вѣдаетъ, что святѣйшій владыка и господинъ нашъ вселенскій патріархъ киръ Арсеній преставился ко Господу, чтобы воспріять отъ Него награду за (свои) подвиги: итакъ не окажемся ли мы въ глазахъ благомыслящихъ людей заслуживающими порицанія и забывшими свой долгъ, если вступимъ въ общеніе съ киръ Іосифомъ, который былъ сдѣланъ патріархомъ, и въ прошломъ году низложенъ за нежеланіе войти въ общеніе съ папою ветхаго Рима... Скажи намъ по сущей справедливости: вступать ли намъ въ общеніе съ киръ Іосифомъ, и особенно теперь, когда онъ отправленъ въ ссылку за правомысліе въ вѣрѣ?“ Что отвѣчалъ на это письмо Мануилъ, мы не знаемъ. Не знаемъ также и того, былъ ли живъ въ это время александрійскій патріархъ Николай, „отсѣченный“ отъ церкви о.о. Константинопольскаго собора 1266 г. за несогласіе на низложеніе Арсенія, и если былъ живъ, то какъ относился онъ къ арсенитамъ? Извѣстный историкъ Нилъ на томъ основаніи, что въ 1270 г. на александрійскомъ патріаршемъ престолѣ сидѣлъ уже Аѳанасій, заключаетъ, что Николай въ этомъ году скончался; но такъ какъ Аѳанасій могъ смѣнить въ этомъ году Николая и не вслѣдствіе смерти послѣдняго, а низложенія, или добровольнаго удаленія его; то мы и не можемъ принять вывода, сдѣланнаго изъ этого факта Нилемъ. Впрочемъ и самъ Нилъ не настаиваетъ на своемъ выводѣ. Vid. A history of the holy eastern church. by Neale. London. M.DCCCXLVII. Vol. II. 312.

отъ своей каѳедры и сана Андроника Сардскаго,—да и тѣ скрывали свою принадлежность къ партіи. Въ наличномъ духовенствѣ, составленномъ большею частію во время патріаршества Іосифа, частію чрезъ непосредственную хиротонію этого патріарха, частію чрезъ посредство лицъ, имъ хиротонисанныхъ, и потому болѣе или менѣе связанномъ съ Іосифомъ, они имѣли мало сторонниковъ. Оно массой объявило себя за Іосифа (¹). Больше насчитывали они приверженцевъ между монашествомъ—особенно мало-азійскимъ, гдѣ цѣлые монастыри принадлежали къ ихъ фракціи, но за то монастыри европейскіе,—одни объявили себя за Іосифа и православіе, другіе — и между ними знаменитая аѳонская гора (²)—просто за православіе. Такимъ образомъ борьба

(¹) Григора ставитъ сопротивленіе духовенства уніи въ прямую связь съ сопротивленіемъ Іосифа и его удаленіемъ: „послѣ сего понятно, говоритъ онъ, почему и все вообще духовенство не хотѣло успокоиться и старалось отшатнуть народъ отъ царя, говоря, что наступило время мученичества и побѣдныхъ вѣнцовъ". Григ., стр. 119—120.

(²) Между рукописями Московской сvнодальной библіотеки сохранилась одна, носящая слѣдующее заглавіе: Διήγησις περὶ τῶν ἀναιρεθέντων ἁγίων πατέρων ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει τοῦ Ἄθω ὑπὸ Μιχαὴλ βασιλέως τοῦ λατινόφρονος καὶ τῶν σὺν αὐτῷ λατίνων καὶ λατινοφρόνων (т. е. повѣствованіе о св. отцахъ, на св. горѣ Аѳонской избіенныхъ латиномудрствующимъ царемъ Михаиломъ и находившимися съ нимъ латинянами и латиномудрствующими). Въ этомъ повѣствововіи (оно перепечатано въ книгѣ о. Деметракопула Ἱστορία τοῦ σχίσματος... σελ. 70—74) разсказывается о погромѣ, произведенномъ будто бы (другіе писатели не подтверждаютъ этого факта) Михаиломъ Палеологомъ на аѳонской горѣ надъ тѣми монастырями и монахами, которые отказались принять унію. Историческое значеніе этого сказанія ничтожно. Оно наполнено анахронизмами и сказками, свидѣтельствующими о невѣрности источника, изъ котораго почерпалъ свои свѣдѣнія авторъ. Изъ ссылки на συνοδικὸς τόμος, составленный на адрумитскомъ соборѣ 1283 г. при Андроникѣ старшемъ, видно, что оно написано послѣ этого собора; изъ явнаго искаженія фактовъ (каково напр. извѣстіе о мнимомъ путешествіи Михаила Палеолога вмѣстѣ съ патріархомъ Веккомъ въ Италію, для принятія уніи и отнесеніе нашествія Палеолога на аѳонскую гору къ 1285 г., между тѣмъ, какъ въ концѣ

съ этой партіей, и притомъ борьба, имѣвшая характеръ не совсѣмъ благовиднаго соревнованія, не могла обѣщать большихъ успѣховъ.

Не больше было шансовъ на успѣшное состязаніе и съ правительственной партіей. Сознавая важность момента, императоръ употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы дать ей возможно лучшую организацію. Церковнымъ главою ея онъ поставилъ человѣка, обладавшаго, кромѣ важной, внушительной наружности (что не мало значило въ глазахъ византійцевъ), обширнымъ

1282 г. его не было уже въ живыхъ), видно, что оно написано лицомъ, далекимъ отъ описываемыхъ событій, если не по времени, то по мѣсту, а изъ легендарнаго тона повѣствованія и явнаго желанія автора возвеличить подвигъ св. горы, можно заключать, что оно написано кѣмъ либо изъ ея иноковъ... Изъ сказанія этого мы узнаемъ, что аѳонскіе иноки, послѣ провозглашенія ліонской уніи, посылали императору Михаилу посланіе, въ которомъ заявляли свой протестъ противъ уніи и умоляли его отвергнуть ее. Это посланіе тоже сохранилось между рукописями московской сvнодальной библіотеки вмѣстѣ съ повѣствованіемъ (Ἱςορία τοῦ σχίσματος σελ. 70). Но ни въ повѣствованіи, ни въ посланіи нѣтъ ни малѣйшаго намека на какую либо солидарность аѳонскихъ противниковъ уніи, какъ съ арсеніанской, такъ и съ іосифитской партіей. Это объясняется исключительнымъ положеніемъ св. горы въ то время. Со взятія Константинополя латинянами и до 1313 г. она находилась подъ властію папы и потому не могла стоять так близко къ личностямъ патріарховъ константинопольскихъ и принимать такого близкаго участія въ дѣлахъ константинопольской церкви, какое принимала послѣ этого года. Vid. *I. Müller*: Historische Denkmäler in d. Klöstern des Athos, in Miklosich, Stavische Bibliothek. B. 1. Wien. S. 123—147.

Имена аѳонскихъ иноковъ, пострадавшихъ въ это время за православіе, внесены и въ аѳонскій патерикъ (Спб. 1867, стр. 273—274) изъ пространной рукописной повѣсти—какъ объяснено въ подстрочномъ примѣчаніи издателями—на славянскомъ (въ Зографѣ) и греческомъ языкахъ. Въ Зографѣ—узнаемъ изъ этого же примѣчанія—есть даже книга подъ названіемъ „Рай мысленный", въ которой между прочими статьями изложена и эта повѣсть. Изданіе валдайскаго иверскаго монастыря 7167 г., октября 28-го. Въ аѳонскомъ патерикѣ она озаглавливается: „Преподобномученики, пострадавшіе отъ латиномудренныхъ царя Михаила Палеолога и патріарха Векка, за обличеніе ихъ въ ереси", и занимаетъ всего двѣ страницы.

умомъ, замѣчательной эрудицей, даромъ слова и рѣдкими административными способностями, изощренными многолѣтнею опытностью. Это былъ извѣстный уже намъ великій хартофилаксъ Іоаннъ Веккъ (1). Искуснаго, опытнаго патріарха окружали, въ качествѣ его ближайшихъ помощниковъ, лучшіе богословы тогдашняго времени — архидіаконы Метохитъ (2) и Мелетиніо-

(1) Григора дѣлаетъ такой отзывъ о Веккѣ: „въ это время былъ хартофилаксомъ великой церкви нѣкто по прозванію Веккъ, человѣкъ умный, питомецъ краснорѣчія и науки, надѣленный такими дарами природы, какими—никто изъ его современниковъ. Ростомъ, пріятнымъ и важнымъ лицомъ, свободною и плавною рѣчью, гибкимъ и въ высшей степени находчивымъ умомъ, всѣмъ этимъ природа щедро надѣлила его, какъ бы для того, чтобы имя его съ уваженіемъ произносили цари, правители и всѣ ученые... Правда, хотя греческою ученостью нѣкоторые превосходили его, но по гибкости ума, по оборотливости языка и знанію церковныхъ догматовъ, всѣ предъ нимъ казались дѣтьми (стр. 122—123)". Сначала онъ былъ противникомъ уніи, но потомъ сдѣлался ея сторонникомъ, потому ли, что познакомился съ неудобствами „страшнѣйшей" темницы, куда за сопротивленіе уніи былъ посаженъ вмѣстѣ со всѣми своими родными (Пахим. стр. 347. Григор. стр. 123), или потому, что лучше познакомился съ сущностью „обвиненій", которыми одна церковь осыпала другую и не нашелъ, чтобы онѣ могли служить достаточнымъ основаніемъ къ раздѣленію церквей, какъ увѣрялъ послѣ самъ онъ (Vid. его сочиненіе Περὶ τῆς ἑνώσεως καὶ εἰρήνης τῶν τῆς παλαιᾶς καὶ νέας Ῥώμης ἐκκλησιῶν in scriptorum Graeciae orthodoxae bibliotheca selecta ed. Laemmer, Friburgi Briscoviae. 1864; см. Пахим. стр. 350, 352)—рѣшить трудно.

Патріаршій престолъ былъ объявленъ празднымъ и имя патріарха Іосифа перестали поминать на церковныхъ службахъ 9 января 1275 г. (Пахим. стр. 368), а Іоаннъ Веккъ возведенъ былъ на престолъ 2 мая того же года въ день Сошествія Св. Духа (Пахим. стр. 372 — 373). „Поставивъ его (Векка) на этотъ духовный постъ, прибавляетъ Пахимеръ, царь не много думалъ о церковномъ управленіи, но заботился о дѣлахъ свѣтскихъ; ибо зналъ, что Веккъ имѣетъ довольно опытности и различныхъ свѣдѣній, чтобы управлять церковію". Нѣсколько ниже онъ называетъ патріаршество Векка „прекраснымъ", стр. 415.

(2) Отъ него остались два полемическія сочиненія, изъ коихъ одно—направлено противъ Максима Плануда, другое противъ Мануила критскаго, извѣстныхъ противниковъ уніи. Оба напечатаны въ сборникѣ Алляція Graeciae Orthodoxae. Romae. 1652, во II-мъ томѣ, отрывки

отъ [1] и протоапостоларій Георгій Кипрскій [2]. Къ нему же примыкали волей-не-волей всѣ высшіе представители церкви и государства,—все, что было богатаго, знатнаго, чиновнаго,—представители высшей финансовой и чиновной аристократіи, люди, которымъ жаль было разстаться съ обезпеченными и вліятельными положеніями. Къ этой же партіи должно было присоединиться все, что было апатичнаго, коснаго, индиферентнаго къ высшимъ духовнымъ интересамъ, своекорыстнаго, пронырливаго... Словомъ на сторонѣ правительства были и умъ, и власть, и сила, и матеріальныя средства, и всѣ дурные инстинкты толпы...

Составъ и средства арсеніанской партіи намъ уже извѣстны.

Борьба этихъ партій, при такомъ разнообразіи въ стремленіяхъ, обѣщала быть не совсѣмъ обыкновенною. И дѣйствительно, своимъ лихорадочнымъ одушевленіемъ и неразборчивостью въ средствахъ, она напомнила самыя шумныя времена борьбы ересей IV, V и VI вѣковъ.

Тонъ задавала уніональная партія, за которой, благодаря правительству, было преобладающее положеніе на полѣ битвы.

Ближайшій планъ дѣйствій императора и его партіи былъ основанъ на отношеніи двухъ оппозиціонныхъ

изъ третьяго сочиненія Метохита Libri V de processione Spiritus sancti, напечатаны въ сочиненіи Алляція de Purgatorio, Combefis Auctar. ad bibliothecam Patrum; и въ сочин. Алляція Adversus Hottingerum.

(1) Отъ него остались двѣ рѣчи объ исхожденіи Св. Духа: a) De ecclesiastica unione Graecorum et Latinorum et de processione Spiritus sancti per Filium. Oratio I (Graeciae Orthodoxae II. p. 642—7 5; b) De processione Spiritus sancti etiam ex Filio, Oratio II (l. c., p. 765—941).

(2) По смерти Михаила Палеолога перешедшій на сторону противниковъ уніи и возведенный на патріаршій престолъ Андроникомъ старшимъ.

партій другъ къ другу. Притворившись равнодушнымъ къ энергической оппозиціи, съ которой была встрѣчена ліонская унія сторонниками обѣихъ партій и народной массой, онъ повелъ хитрую интригу противъ первыхъ, имѣвшую цѣлью — отвлечь отъ нихъ послѣднюю. При враждебномъ отношеніи партій планъ этотъ обѣщалъ, по видимому, благопріятные результаты. И вотъ многочисленные агенты, въ которыхъ византійскій дворъ никогда не встрѣчалъ недостатка, каково бы ни было употребленіе, для котораго они предназначались, — люди безъ совѣсти и убѣжденій, готовые служить всякому дѣлу, лишь бы оно хорошо оплачивалось, — разсѣялись повсюду интриговать всѣхъ и каждаго. Разборчивость въ средствахъ не входила въ программу этихъ людей. Изъ правительственной власти и денегъ они сдѣлали самое широкое употребленіе: „люди бѣдные были подкупаемы щедрыми подарками злонамѣренныхъ...“ „всякое беззаконіе отступниковъ (отъ православія) считалось ни во что“... Оппозиціонныя партіи отвѣчали на интриги правительственной интригами съ своей стороны, и такъ какъ эти интриги приходилось имъ вести въ разныхъ направленіяхъ—и противъ правительства и другъ противъ друга, то легко себѣ вообразить, какая происходила отсюда путаница. Эта путаница увеличивалась еще отъ того, что,—какъ всегда бываетъ при борьбѣ партій, — расплодились шпіоны и наушники, злонамѣренно интриговавшіе не угодныхъ имъ—почему либо—людей. Такъ какъ многіе изъ нихъ служили всѣмъ партіямъ, изъ каждой извлекая свою выгоду: то сѣть интриги раскинулась, наконецъ, по всему государству; трудно было отличать своего отъ чужаго, врага отъ друга; стало тяжело дышать и опасно говорить: „кто,

подъ предлогомъ утвержденія себя въ вѣрѣ, тронулъ бы и поднялъ извѣстный вопросъ, тотъ—охъ какой получилъ бы насморкъ!" восклицаетъ нашъ историкъ. „Но если, напротивъ, начинали въ чемъ-либо убѣждать его самого,—онъ долженъ былъ слушать скромно, показывая видъ, что дальше лопаты, заступа, да насущнаго хлѣба ничего не знаетъ"... (¹). И если мы примемъ въ соображеніе то обстоятельство, что послѣднія нити этихъ перекрестныхъ интригъ держали въ своихъ рукахъ разные члены императорскаго семейства, — такъ какъ каждая партія имѣла своихъ патроновъ и милостивцевъ при дворѣ, снабжавшихъ ее и матеріальными и моральными средствами для борьбы,—то лихорадочная энергія, одушевлявшая всѣ партіи, будетъ для насъ вполнѣ понятна.

Такъ какъ всѣ три партіи въ сущности употребляли православіе, какъ средство для достиженія своихъ спеціальныхъ цѣлей, отождествляя оное съ личностями своихъ вождей; то лица, не заинтересованныя въ этихъ личностяхъ, составили свою самостоятельную партію, поставившую своею цѣлью защиту одного православія безъ отношенія къ тѣмъ или другимъ его оффиціальнымъ представителямъ. Это послужило сигналомъ къ образованію множества новыхъ партій, которыя, по самымъ ничтожнымъ причинамъ, или выдѣлялись изъ существовавшихъ уже партій, или сформировывались вновь изъ индифферентной толпы. Словомъ, ліонская унія усѣяла восточную имперію драконовыми зубами, изъ которыхъ возникла борьба всѣхъ противъ всѣхъ (²).

(¹) Пахим. стр. 370.

(²) Вотъ какъ описываетъ Пахимеръ тогдашнее состояніе константинопольской церкви: „съ того времени (со времени провозглашенія ліонской уніи) церковныя дѣла пришли въ совершенное разстройство,

Тяжеле всѣхъ въ этой перекрестной борьбѣ было положеніе народа, надъ которымъ пробовали свои силы и средства всѣ партіи. Онъ рѣшительно не зналъ, что̀ ему дѣлать, кого слушать, къ кому пристать. Правительство съ высшею церковною и чиновною іерархіею приглашало его къ уніи съ Римомъ; его симпатіи тянули его на сторону ея противниковъ; но эти противники сами раздѣлились на нѣсколько враждебныхъ лагерей, позорили и интриговали другъ друга... И мудрено ли, что бѣдный народъ шелъ за кѣмъ ни попало — и за іосифитами, и за арсенитами, и за Акакіемъ фригійскимъ (¹) и другими темными вожаками...

Это дѣленіе партій, угрожавшее идти въ безконеч-

люди начали чуждаться другъ друга и, между тѣмъ какъ одинъ желалъ общенія въ Божественныхъ собраніяхъ, другіе говорили: „не прикасайся ниже осяжи“, и отчужденіе простирали до того, что не хотѣли ни изъ одной посуды пить, ни вмѣстѣ разговаривать. Раздѣленіе увеличивалось съ каждымъ днемъ, и съ кѣмъ кто сходился вчера, отъ того отворачивался сегодня. Какъ больной желудкомъ, подвергаясь сверхъ того какой нибудь новой болѣзни, вдвойнѣ страдаетъ и чувствуетъ, что первая болѣзнь, отъ столкновенія съ другою, еще болѣе усиливается, особенно, если онѣ столь различны, что лекарство, служащее къ облегченію первой, дѣйствуетъ на другую противоположно и разслабляетъ больного: такъ точно было тогда и съ церковію Божіею. Претерпѣвая довольно зла отъ раскола арсеніанъ, она испытывала теперь еще другое зло, и притомъ такъ, что обѣ эти болѣзни, терзавшія великое и прежде здоровое тѣло церкви, когда бы сталъ ты разсматривать ихъ отдѣльно, не только сами по себѣ — величайшее зло, но и несродны одна съ другою. Тѣ самые люди, которые одинаково несогласны были со всякою другою партіей, разногласили еще и между собою, и способствовали умноженію раздѣленій—одни такъ, другіе иначе, одни просто, другіе съ большею ревностію“, стр. 369, 370. Сн. Григоры, стр. 119—122. 153—155.

(¹) Кто былъ этотъ Акакій фригійскій, равно какъ и его ученикъ Германъ, во главѣ какой партіи они стояли, и чѣмъ эта партія отличалась отъ другихъ, мы не знаемъ. Въ исторіи Пахимера они появляются одинъ только разъ, именно въ собраніи представителей всѣхъ партій,— на которомъ императоръ говорилъ свою притчную рѣчь, убѣждая раскольниковъ къ миру съ церковію словами параволики Ихнилата (Пахим. стр. 427, 428)—и затѣмъ исчезаютъ навсегда.

ность и осложненіемъ интриги окончательно запутать внутреннія дѣла имперіи, не могло не озабочивать императора и его патріарха. Но пока борьба ограничивалась внутренними — домашними, такъ сказать, предѣлами, они удерживались отъ радикальныхъ мѣръ, вѣроятно въ предположеніи, что порожденія драконовыхъ зубовъ пожрутъ другъ друга сами. Три года ограничивались они лишь наблюденіемъ за этой борьбой и косвеннымъ направленіемъ ея, прибѣгая къ рѣшительнымъ мѣрамъ только изрѣдка, въ единичныхъ случаяхъ. Не позволяли себѣ измѣнить этой системѣ и тогда, когда начали появляться анонимныя сочиненія, направленныя противъ уніи ([1]), ни даже тогда, когда фанатизмъ ея противниковъ выразился въ такихъ крайнихъ формахъ, какъ поруганіе святыни православныхъ храмовъ ([2]).

Но не нужно было обладать даромъ пророчества для того, чтобы предсказать, что игра въ интриги не ограничится внутренними предѣлами имперіи. Она слишкомъ энергично велась, слишкомъ широко раскинулась, слишкомъ много самыхъ разнообразныхъ интересовъ затронула, слишкомъ много низкихъ страстей разшевелила, слишкомъ много всякой грязи со дна народной жизни подняла, чтобы ограничиться такими тѣсными, сравнительно, предѣлами. Она должна была выйти за эти предѣлы ужъ по тому одному, что внѣшнія отношенія имперіи составляли самое больное мѣсто императора,— ударъ, нанесенный ему съ этой стороны, былъ бы особенно тяжелъ и чувствителенъ для него,—и потому не мы-

([1]) Пахим. стр. 384—385.

([2]) Пахим. стр. 227. „Эти люди (противники уніи) стали гнушаться и нашими (православными) священными предметами и бросали ихъ то въ рытвины, то въ рѣки, то на горы, какъ вещи незаслуживающія никакого уваженія, и чрезъ то препятствовали ходу вѣры“.

слимо, чтобы многочисленные и разнородные противники его устояли противъ искушенія—уязвить его съ этой стороны. Не дремали съ своей стороны и внѣшніе враги имперіи.

Но первый ударъ съ этой стороны былъ нанесенъ императору не внѣшними, а внутренними врагами, не посторонними, а домашними, не чужими, а родными. Рука, нанесшая ему этотъ ударъ, принадлежала его родной сестрѣ, извѣстной уже намъ Евлогіи.

Въ началѣ 1274 г., когда императоръ, рѣшившись принять участіе въ ліонскомъ соборѣ, объявилъ объ этомъ своему духовенству и настоятельно потребовалъ его согласія на предполагаемую унію, она открыто стала въ ряды оппозиціи и съ тѣхъ поръ принимала близкое участіе во всѣхъ ея дѣйствіяхъ—неоднократно присутствовала на явныхъ и тайныхъ засѣданіяхъ противниковъ уніи и старалась поддерживать ихъ энергію всѣми зависящими отъ нея средствами. Партія іосифитовъ имѣла въ ней самаго энергическаго и дѣятельнаго сочлена ([1]).

Но не любовь къ православію,—хотя она и старалась выставлять ее единственнымъ мотивомъ своихъ дѣйствій,—не слабость прослыть ученой богословкой—хотя она и не чужда была этой слабости,—не страсть къ интригамъ—хотя съ этой стороны она не знала себѣ соперницы,—а жажда мести заставила ее вступить въ опасную борьбу съ своимъ братомъ, къ которому до сихъ поръ питала такую нѣжную привязанность, для котораго такъ много сдѣлала, и котораго характеръ и принципы ей были извѣстнѣе, чѣмъ кому либо. Эта гордая, злая, властолюбивая женщина считала себя

([1]) Пахим., стр. 348—349.

оскорбленною въ своихъ чувствахъ матери и, становясь въ ряды оппозиціи, мстила тѣмъ за поруганныя права своей дочери. Дѣло въ томъ, что за два года предъ тѣмъ—именно въ 1272 году—ея братъ императоръ изъ политическихъ разсчетовъ выдалъ дочь ея Марію — съ согласія, впрочемъ, невѣсты и ея матери, — за болгарскаго короля Константина Тиха ([1]), обѣщавшись уступить за нею, въ видѣ приданаго, города Месемврію и Анхіалъ (принадлежавшіе прежде болгарамъ). Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы; Константинъ потребовалъ городовъ; но императоръ, желая, по его словамъ, почтить этимъ даромъ племянницу въ лицѣ ея потомства, отложилъ передачу ихъ впредь до рожденія Маріею сына или дочери. Прошелъ годъ; у Маріи родился сынъ; но императоръ нашелъ какой-то новый предлогъ къ отсрочкѣ, изъ котораго Константинъ и его жена должны были заключать, что онъ и не думалъ уступать обѣщанныхъ городовъ. Ярость обманутой женщины не знала предѣловъ,—она неотступно стала докучать своему мужу просьбами „нарушить мирныя условія съ царемъ, объявить войну и требовать городовъ“ ([2]), и до тѣхъ поръ не успокоилась, пока Константинъ въ началѣ 1274 года дѣйствительно не вторгся въ предѣлы имперіи и не овладѣлъ не только Месемвріею и Анхіаломъ, но и Агаѳіополемъ, Созополемъ, Костричиномъ и нѣкоторыми другими пограничными крѣпостями.

([1]) Того самаго, который раньше былъ женатъ на старшей дочери императора Ѳеодора Ласкариса II Иринѣ и часто тревожилъ имперію своими вторженіями въ ея предѣлы, по просьбамъ своей жены, мстившей Палеологу за ослѣпленіе своего брата—Іоанна. Въ 1272 г. она скончалась и императоръ поспѣшилъ связать руки безпокойному сосѣду родственнымъ съ нимъ союзомъ.

([2]) Пахим., стр. 316.

Озлобленіе дочери сообщилось и матери, и вотъ въ то время, когда ея зять бралъ одну за другою означенныя крѣпости, она, какъ бы для подкрѣпленія его требованій, объявила своему брату войну на поприщѣ церковномъ. Долго связь между политической интригой племянницы и церковной оппозиціей сестры оставалась тайною для императора, пока, наконецъ, не удалось ему, уже въ 1279 году, овладѣть особою болгарской королевы и разоблачить всѣ нити замѣчательной, по своей смѣлости и обширности, церковно-политической интриги, въ которой мать оказалась столько же замѣшанною, какъ и дочь ([1]). Старая ин-

---

([1]) Главная роль въ этой интригѣ принадлежала Маріи. Посредниками между обѣими интригантками служили монахи. Узнавая отъ нихъ о „презрѣніи" императора къ своей матери, Марія „старалась сдѣлать ему столько же или еще больше зла, чѣмъ сколько можно было ожидать отъ женщины". „Она отправляетъ посольство въ палестину и, чрезъ избраннаго для этой цѣли Іосифа, называемаго также Каеаромъ, въ сопровожденіи другихъ, *съ одной стороны открываетъ элійскому* (іерусалимскому) *патріарху все, что сдѣлалъ царь, съ другой—располагаетъ султана къ возстанію за царя* (Михаила); такъ чтобы султану оттуда, а болгарамъ отсюда сойтись въ его земляхъ и разорить ихъ; ибо царь, какъ нарушитель данной Богомъ вѣры, ненавистенъ Ему, и ничто столько не привлекаетъ на людей Его гнѣва, какъ нарушеніе древле откровеннаго Имъ ученія (Дочь, очевидно, вошла отлично въ роль матери и столь же ловко владѣетъ всеоружіемъ православія). Патріархъ эти расказы пословъ Маріиныхъ почиталъ очень вѣроятными; потому что подобные слухи доходили до него и отъ другихъ. Стало быть, посольство это, если не смотрѣть на преувеличеніе дѣла, представлялось ему говорившимъ правду, и онъ уже не входилъ въ намѣренія того, отъ кого оно было прислано; даже съ своей стороны удостовѣрилъ пословъ, что если бы александрійскій (патріархъ) Аѳанасій и антіохійскій Евеимій пришли къ единомыслію съ царемъ, — *онъ будетъ дѣйствовать и одинъ.* А что касается султана, то для него болгарское посольство было явленіемъ вовсе неожиданнымъ; да и предшествовавшіе ему правители Египта не видывали подобнаго. Притомъ народъ болгарскій не пользовался такою славою, чтобы можно было возводить его на степень государства. По этому послы показались султану подозрительными, и онъ отпустилъ ихъ молча".Пахим. стр. 395 -396.

тригантка Евлогія поплатилась заключеніемъ въ крѣпость (¹).

Примѣръ сестры и племянницы императора поощрительно подѣйствовалъ и на другихъ его противниковъ. И вотъ одни изъ нихъ спѣшили завязать сношенія съ его политическими врагами, другіе — поссорить его съ политическими друзьями и союзниками; первые, въ сопровожденіи многочисленной толпы, бѣжали къ деспоту эпирскому, владѣтелю (Дуксу) Патрасскому, Севастократору, Іоанну Ватардѣ, императору Трапезундскому (²) и др. съ предложеніемъ своихъ услугъ; послѣдніе дали понять папѣ чрезъ его агентовъ, что миръ церквей (провозглашенный ліонской уніей) есть ничто иное, какъ забавная шутка. И когда происки тѣхъ и другихъ не замедлили увѣнчаться успѣхомъ, когда севастократоръ Іоаннъ взялся за оружіе, чтобы, пользуясь внутренними затрудненіями имперіи, увеличить на ея счетъ

Между тѣмъ предположеніе іерусалимскаго патріарха о томъ, что патріархи александрійскій и антіохійскій войдутъ въ единомысліе съ царемъ, до извѣстной степени оправдалось. Антіохійскій патріархъ въ это время искалъ убѣжища въ Константинополѣ отъ преслѣдованій армянскаго царя и ему было не до комплотовъ противъ императора, радушно предложившаго ему свое гостепріимство и защиту. Въ подобномъ же положеніи находился и александрійскій патріархъ: „Взошедши на престолъ уже послѣ описанныхъ выше событій (т. е. сопровождавшихъ введеніе уніи,—что впрочемъ несправедливо, такъ какъ Аѳанасій взошелъ на александрійскій патріаршій престолъ въ 1270 г. и слѣд. еще до формальнаго провозглашенія уніи), онъ не хотѣлъ пересматривать то, что состоялось прежде, и, *почитая это дѣло къ себѣ не относящимся,* былъ спокоенъ. Спрашивать его—не спрашивали; а самъ онъ извинялъ себя тѣмъ, что, живя между безбожниками и перенося много оскорбленій, прибѣгалъ къ царю, будто въ пристань, и потому, узнавъ о новыхъ постановленіяхъ церкви, считалъ нужнымъ молчать". Пахим. стр. 397.

Но и іерусалимскій патріархъ, не смотря на свою похвальбу, ровно ничего не сдѣлалъ.

(¹) Pachym. Andronicus Palaeol. lib. 1, c. 2, p. 12, ed. Venet.

(²) Григор., стр. 121.

свои владѣнія, когда императоръ Трапезундскій и деспотъ эпирскій, подъ предлогомъ защиты православія, стали явно поддерживать и поощрять эмиграцію, когда, наконецъ, папа прислалъ въ 1279 г. посольство въ Константинополь съ порученіемъ „освѣдомиться на мѣстѣ, какъ исполняются греческимъ императоромъ обязательства, возложенныя на него уніей“, то императоръ понялъ, что путемъ интригъ не сломить оппозиціи, и что нужно подумать о другихъ, болѣе дѣйствительныхъ средствахъ.

Съ этихъ поръ начинается отчаянная борьба между императоромъ и оппозиціей, борьба, ознаменованная самыми крайними проявленіями жестокости съ одной стороны и фанатизма съ другой,—борьба, окончательно испортившая отношеніе между императоромъ и народомъ, омрачившая послѣдніе годы замѣчательно счастливаго царствованія, отравившая остатокъ жизни императора, разстроившая имперію матеріально и испортившая народонаселеніе морально. Императоръ и его патріархъ обнаружили въ этой борьбѣ необыкновенную дѣятельность, ловкость и энергію, не говоря уже о громадныхъ матеріальныхъ средствахъ, пущенныхъ ими въ ходъ для обезпеченія успѣха. И при всемъ томъ борьба кончилась полнѣйшимъ пораженіемъ и позоромъ для обоихъ. Какой урокъ для тѣхъ экспериментаторовъ надъ народной жизнью, которые усиливаются навязать народу то, противъ чего возмущаются всѣ его инстинкты и протестуетъ его исторія.

Заплативши послѣднюю дань выжидательной системѣ рѣчью къ вождямъ враждебныхъ партій, прозвучавшей среди такой же зловѣщей тишины, какъ и знаменитая рѣчь его съ дворцоваго балкона по низложеніи Арсенія, императоръ круто повернулъ на болѣе свойственный

его натурѣ и привычкамъ путь насилій. „По волѣ царя, оно (насиліе) употреблено было во многихъ и разнообразныхъ формахъ: лишеніе состоянія, ссылка, тюрьма, ослѣпленіе, бичи, отсѣченіе рукъ,—вообще употреблено было все, чрезъ чтó только узнаютъ, мужественъ-ли кто, или малодушенъ“ (1). Тюрьмы, крѣпости, острова греческаго Архипелага и Мраморнаго моря, города малоазійскихъ греческихъ областей наполнились заключенными и изгнанными (2). Сотни семействъ были пущены пó-міру; сотни людей были изувѣчены на всю жизнь; другія сотни не пережили своего увѣчья.

На ряду съ этими гражданскими казнями шли мѣры церковныя. Патріархъ неутомимо писалъ въ защиту уніи (3), собиралъ соборы (4), отлучалъ отъ церкви.

(1) Григор., стр. 121.

(2) Καὶ πάντες φυγάδες, καὶ μετανάςαι γεγόνασιν, ὅσοι μὴ πεπώκασι τὸ τῆς ἀνατροπῆς θολερὸν τῆς αἱρέσεως ἐκεῖνο πόμα. Καὶ διηρπάγησαν μὲν οὐσίαι. Ἐςενοχωροῦντο τὰ δεσμωτήρια τῷ πλήθει τῶν κατακλείςων, καὶ πάντα θορύβε, καὶ ταραχῆς ἐπληρώθησαν, говоритъ авторъ жизни патріарха Аѳанасія у Аллація. Vid. De ecclesiae Occident. et Orient. perpetua consensione. lib. II, c. XV. § VII, col. 759.

(3) До нашего времени сохранились слѣд. сочиненія Векка въ защиту уніи: α) περὶ τῆς ἑνώσεως καὶ εἰρήνης τῶν τῆς παλαιᾶς καὶ νέας ρώμης ἐκκλησιῶν; β) σημείωμα συνοδικὸν; γ) Απολογία; δ) Ἐπιγραφαί; ε) ῥήσεις γραφικαί; ζ) ἡ διαθήκη η) ἐπιστολαὶ (τρεῖς) προς τὸν Σουγδαίας Θεόδωρον: ι) τῶν πρὸς Κωνςαντῖνον (4 книги); ν) εἰς τὸν τόμον τοῦ κυπρίυ κατὰ τῶν νεοφανῶν αἱρέσεων αὐτοῦ σχεδιασθεὶς (λόγοι β); λ) Ἀντιρρητικὰ τῶν ἐπὶ ταῖς περὶ τοῦ ἁγίυ Πνεύματος γραφικαῖς χρήσεσιν ἐμιςασίων κυρίυ Ἀνδρονίκυ τοῦ Καματήρυ δρυγγαρίυ τῆς βίγλας; μ) Ἐπιςολὴ πρὸς τὸν Ἀγαλλιανὸν κύριν Ἀλέξιον τῆς μεγάλης Ἐκκλησίας διάκονον. Всѣ эти сочиненія изданы отчасти Аркудіемъ въ его сборникѣ подъ названіемъ: Opuscula aurea theologica. Romae. MDCXXX, p. 4 — 159; частію Алляціемъ въ Graeciae Orthodoxae. Romae 1652 t. I. II, частію Лэммеромъ въ Scriptorum graeciae orthodoxae bibliotheca selecta. Friburgi Briscoviae. MDCCCLXIV t. I, p. 189—652. Въ сборникѣ Лэммера помѣщены первыя шесть изъ поименованныхъ выше сочиненій Векка, и каждому отдѣльному сочиненію предпослано Monitum, знакомящее читателя съ исторіей и задачей сочиненія. Въ Monitum, предпосланномъ всѣмъ вообще сочиненіямъ Векка, помѣщеннымъ въ сборникѣ, даются краткія свѣдѣнія о лицѣ и судьбѣ автора.

(4) Пахим. стр., 444. Въ письмѣ Векка къ папѣ Іоанну XIX

Но тѣ и другія мѣры вели къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Апологетическія сочиненія Векка лишь умножали число полемическихъ сочиненій противъ уніи ([1]), своимъ крайне раздражительнымъ тономъ ясно показывавшія, что оппозиція ей не только не ослабѣваетъ, но и усиливается. На соборы патріарха его противники отвѣчали соборами, на отлученія — отлученіями ([2]).

Мѣры императорскія сопровождались еще болѣе печальными результатами. Онѣ увеличили озлобленіе и дерзость противниковъ: „въ обличеніе злоупотребленій властію стала выползать наружу говорливая смѣлость людей свободныхъ: начали появляться сочиненія, направленныя уже прямо противъ личности императора ([3])“. Внутренняя и внѣшняя интрига приняла болѣе широкіе и злокачественные размѣры. Сдѣлана была попытка поссорить императора съ его патріархомъ ([4]), — что,

отъ 1277 г. (у Ляббея Concilior. t. XI, col. 1033) упоминается о константинопольскомъ соборѣ, бывшемъ въ этомъ году подъ предсѣдательствомъ Векка и о признаніи на немъ главенства папы всѣми присутствующими. Въ XI же томѣ сборника соборовъ Ляббея помѣщены акты другаго константинопольскаго собора, бывшаго въ 1280 г. по поводу злонамѣренной порчи одного мѣста въ твореніяхъ св. Григорія Нисскаго. Опредѣленіе (Σημείωμα) этого собора перепечатано въ сборникѣ Ляммера (p. 411—422).

([1]) Пахим., стр. 384, 440 и 442.

([2]) Въ 1278 г. у севастократора Іоанна Батарды, владѣтеля Патръ, былъ церковный соборъ, на которомъ присутствовало 8 епископовъ, нѣсколько игуменовъ и до ста монаховъ, большею частію эмигрировавшихъ изъ Константинополя и другихъ мѣстъ имперіи, и произнесена была анаѳема на унію и ея приверженцевъ. Vid. Annal. Raynaldi, ad an. 1278, n. 13—14.

([3]) Пахим., стр. 454. Онѣ назывались βασιλογράφια (сочиненія, написанныя противъ царя). Къ сожалѣнію всѣ эти пасквилеты впослѣдствіи были сожжены на соборѣ въ Атрумитѣ 1283 г., а они, вѣроятно, объяснили бы намъ многое въ событіяхъ того времени.

([4]) Пахим., стр. 417. Душею интриги противъ Векка оказался ду-

при ревности къ своей власти со стороны перваго (1) и довольно безтактной назойливости со стороны последняго (2), — оказалось вовсе не труднымъ и едва

хозяинъ императорскій, Исаакъ, епископъ ефесскій, который, по словамъ нашего историка, „не имѣлъ причины ненавидѣть патріарха, а только хотѣлъ сдѣлать пріятное державному (которому Веккъ успѣлъ уже надоѣсть своею настойчивостью)".

(1) Короновавши своего сына Андроника и провозгласивши его своимъ соправителемъ въ 1272 г., императоръ сначала велѣлъ было сдѣлать для него жезлъ въ родѣ того, который носилъ самъ онъ. „Но потомъ ему показалось иначе: такъ какъ власть одна, а жезлъ есть символъ власти; то надобно, чтобы и жезлъ былъ одинъ, и жезлъ сына отмѣненъ" (Пахим., стр. 294).

Иногда эта ревность къ своей власти выражалась довольно комично. Патріархъ Іосифъ, бывшій уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, ожидая смерти, составилъ духовное завѣщаніе. Обычай и этикетъ требовали, чтобы въ завѣщаніе включена была молитва за царствующаго императора. Молитва была включена, но изъ царскаго титула опущенъ былъ эпитетъ ἅγιος (святый), „который обыкновенно носили цари мvропомазанные". Когда завѣщаніе въ такомъ видѣ прислано было къ императору, онъ пришелъ въ негодованіе и тотчасъ же написалъ и патріарху, написалъ и начальнику города (Іосифъ жилъ тогда на островѣ Хилѣ), чтобы онъ спросилъ и узналъ, какъ это сталось, что отъ царскаго его титула отнято слово ἅγιος. Не считаетъ ли меня Іосифъ не достойнымъ святости, говорилъ царь, что такъ пишетъ? Написано было объ этомъ и антіохійскому патріарху Принкипсу. Тѣ послали спросить Іосифа о причинѣ, по которой онъ такъ написалъ, и говорили, что спрашиваютъ по желанію царя; а Іосифъ причину этого сложилъ на окружающихъ его монаховъ, и въ доказательство представлялъ другой, точно такой же экземпляръ, только съ прибавленіемъ *святости*. „Объявивъ этотъ подлинный документъ, онъ сказалъ, чтобы сняли съ него копію; но монахи соблазнились имъ и сообщили ему такой видъ, въ какомъ онъ перешелъ въ руки царя". Императоръ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко въ своей подозрительности и велѣлъ прекратить это дѣло, показавши видъ, „что дѣлалъ розыски ради смѣха, а не серьёзно" (Пахим., стр. 468—469).

(2) У Пахимера приведено два случая, дающіе понятіе объ этой особенности въ характерѣ Векка. Вотъ одинъ изъ этихъ случаевъ: „однажды въ знойное время лѣта, въ самый полдень, державный, проснувшись отъ послѣобѣденнаго сна, сидѣлъ на террасѣ и прохлаждался. Недалеко оттуда, въ сторонѣ, сидѣлъ и патріархъ, ожидая, пока онъ проснется, чтобы тотчасъ подойти къ нему. Наконецъ подошелъ онъ и сталъ ходатайствовать за человѣка, который, какъ ему сдѣлалось извѣстно, обвиненъ былъ несправедливо. Но, думая о томъ человѣкѣ не хорошо, царь

было не повело къ серьёзной размолвкѣ между ними къ великому удовольствію оппозиціи ([1]). Умножились зловредные толки, дерзость нѣкоторыхъ фанатиковъ дошла до того, что открыто, въ глаза одинъ изъ нихъ

не соглашался помиловать его. Настойчивость съ той и другой стороны была такова, что могла смутить и сторонняго слушателя. Между тѣмъ дѣло не оканчивалось: напротивъ патріархъ, какъ ходатай за правду, разгорался еще большею ревностью и все смѣлѣе приступалъ къ царю съ просьбою; а царь, у котораго непріятное чувство къ защищаемому обратилось уже на защищавшаго, сталъ приходить въ раздраженіе. Одинъ просилъ, а другой не соглашался, тотъ настойчиво умолялъ, а этотъ тѣмъ болѣе ожесточался, первый говорилъ, что обвиняемый несправедливо потерпитъ наказаніе, а послѣдній не обращалъ на это вниманія. Наконецъ патріархъ объявилъ, что будетъ дѣйствовать рѣшительно, если царь не послушаетъ его, а царь отвѣчалъ, что никакъ не проститъ, чтобы онъ ни дѣлалъ. Тогда іерей вскипѣлъ ревностію, и сказалъ: „что же это? Чѣмъ архіереи лучше поваровъ и конюховъ, которые необходимо повинуются вамъ во всемъ, чего ни захотите". И, сказавъ это, бросилъ символъ патріаршей власти—жезлъ, упавшій прямо къ ногамъ царя, а самъ всталъ и со всѣхъ ногъ побѣжалъ вонъ. Видя, что это дѣло не ладное, царь всталъ молча; а патріархъ, не смотря на то, что его удерживали, и что многіе, одни за другими, посланные царемъ, просили возвратиться, увѣряя, что царя очень огорчитъ это,—ничего не слушалъ; но пошелъ пѣшкомъ и зашелъ въ сосѣдній монастырь, показавъ самымъ дѣломъ, какъ была велика ревность его и какъ „не обращалъ онъ вниманія на лицо, когда требовалъ угоднаго Богу". Пахим., стр. 375—376.

Императоръ потомъ жаловался своимъ приближеннымъ, что „патріархъ часто бываетъ упоренъ, не вѣритъ никакому посреднику и, по своей недовѣрчивости, требуетъ непрестаннаго свиданія съ нимъ, что походя обезпокоиваемый его докуками, я чувствую то же, что чувствуютъ сытые люди, когда предлагаютъ имъ множество блюдъ. Какъ эти досадуютъ, когда не могутъ отдѣлаться отъ предлагаемаго, такъ досадно и мнѣ, когда патріархъ ежедневно докладываетъ о множествѣ дѣлъ, и притомъ не на бумагѣ, а лично; такъ что по всякому предмету приходится заводить съ нимъ споръ и съ неудовольствіемъ оскорблять его достоинство отказами; а между тѣмъ дѣла наплываютъ и съ другихъ сторонъ и развлекаютъ вниманіе ума царскаго. Чтобы избѣгнуть такого затрудненія, царю внушили избрать изъ семи дней одинъ и назначить его для сношеній съ патріархомъ". Пахим., стр. 377—378.

([1]) Пахим., стр. 420—425.

дерзнулъ назвать его Юліаномъ отступникомъ ([1]). Лучшіе сановники, люди облагодѣтельствованные императоромъ и даже состоявшіе въ родствѣ съ нимъ, отказывались служить ему ([2]). Ближайшіе его родные, его сестры, племянники и племянницы строили противъ него и домашніе и политическіе ковы ([3]). Даже на своего сына и наслѣдника престола Андроника онъ не могъ безусловно положиться ([4]).

([1]) Это былъ монахъ изъ монастыря св. и праведнаго Лазаря, Мелетій, по прозванію святой (ὅς τὸ ἅγιος); за это ему отрѣзали языкъ. Другой монахъ Галесійскаго монастыря, (вѣроятно, арсенитъ) по имени Галактіонъ, распустилъ молву, будто бы видѣлъ собственными глазами, что императоръ въ свой объѣздъ восточныхъ провинцій причащался опрѣснокамн. Этого лишили зрѣнія. Vid. Pachym. Andronicus Palaeolog. ed. Venet. p. 12—13.

([2]) Такъ напр. логоѳетъ общихъ дѣлъ Константинъ Акрополитъ (сынъ великаго логоѳета Георгія Акрополита), еще мальчикомъ взятый ко двору и здѣсь получившій воспитаніе вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола, Андроникомъ, подъ личнымъ наблюденіемъ императора, и виночерпій Ѳеодоръ Музалонъ отказались, по не сочувствію къ уніи, отправиться послами въ Римъ въ 1280 г.,—за что первый изъ нихъ былъ удаленъ отъ двора, а второй, кромѣ удаленія отъ всѣхъ дѣлъ, былъ жестоко избитъ палками своимъ роднымъ братомъ, по приказанію императора. Пах., стр. 458.

([3]) Племянникъ императора Андроникъ Тарханіотъ, старшій сынъ его сестры Мароы, еще въ 1270 г., будучи губернаторомъ адріанопольской провинціи (θέμα), подговорилъ татаръ сдѣлать нападеніе на ввѣренную ему провинцію, и, пользуясь происшедшею при семъ суматохою, бѣжалъ вмѣстѣ со своей женой къ тестю своему, владѣтелю патраскому, Іоанну Ангелу—Ватардѣ, одному изъ самыхъ безпокойныхъ сосѣдей имперіи. Живя у своего тестя, онъ принималъ потомъ дѣятельное участіе въ его предпріятіяхъ противъ имперіи (Пах., стр. 298). Племянница императора, жена Рауля, старшая дочь Евлогіи, была замѣшана въ интригу своей матери и сестры, королевы болгарской, и вмѣстѣ съ первою заключена была въ крѣпость св. Григорія въ 1280 г. Pachym. Andron. Palaeol. p. 6.

([4]) Андроникъ дѣйствительно держалъ себя весьма двусмысленно относительно уніи: писалъ, или по крайней мѣрѣ подписывалъ весьма почтительныя письма къ папѣ, и потомъ по смерти своего отца торжественно объявилъ, что все это онъ дѣлалъ нéхотя, исполняя лишь волю отца. Vid. Andron. Palaeol. lib. I, c. II, p. 11—12, lib. VI, c, II, p. 177, ср. Пахим., стр. 461—463.

Ожесточеніе оппозиціи въ свою очередь усиливало раздраженіе императора и вызывало его на большія жестокости. Встрѣчая всюду то прямое, то косвенное сопротивленіе и даже противодѣйствіе своимъ планамъ, потерявши вѣру во всѣхъ и все, изступленный дикими мыслями и подозрѣніями, онъ производилъ ужасы,... такъ что, по словамъ историка-очевидца, „сдѣланное имъ въ послѣдніе годы своей жизни стоило бы описать не чернилами, а слезами"..... Никому не было пощады. Ни знатность рода, ни государственныя заслуги, ни кровное родство съ царствующимъ домомъ,—ничто не спасало отъ его гнѣва (1).

Особенно лютъ былъ гнѣвъ императора на духовныхъ (2) и на монаховъ. Съ искреннимъ или притворнымъ сожалѣніемъ, онъ неоднократно говаривалъ, что, „прослывъ съ дѣтства другомъ монашества, доведенъ теперь до необходимости ненавидѣть монаховъ за враждебное ихъ къ себѣ расположеніе. Монахи въ свою очередь платили ему откровенностью за откровенность:

---

(1) Изъ многочисленныхъ жертвъ лютости Михаила мы должны назвать здѣсь его близкихъ родственниковъ и знатнѣйшихъ особъ имперіи, протостратора Андроника Палеолога (родственникъ императора), виночерпія Мануила Рауля (зять его сестры Евлогіи), брата его Исаака и родного племянника протостратора Іоанна Палеолога. Всѣ эти знатныя лица послѣ долгихъ томленій въ темницѣ (Пахим., стр. 423—424) и жестокихъ истязаній лишены были зрѣнія (Пахим., стр. 447. Кромѣ протостратора Андроника, который умеръ раньше въ темницѣ). Всѣмъ этимъ истязаніямъ они подверглись за сопротивленіе уніи, но въ то же время они были и ревностными арсенитами. Vid. Andron. Palaeologus. lib. III, c. VII, p. 120 ed. Venet.

Кромѣ поименованныхъ той же участи подверглись еще два арсенита — Лазарь Гаріанита, „человѣкъ достопочтенный", и монахъ Макарій, „за свое незлобіе и простоту прозванный голубемъ". Пахим., стр. 451—452. conf. Andronic. Palaeolog. l. IV, c. XXXIII, p. 211.

(2) Пахим., стр. 363, 455.

„они считали дни и часы его жизни,—когда наконецъ отъ него избавятся“ (1).

Всѣ свои жестокости императоръ оправдывалъ государственной необходимостью, приговаривая, что „не хорошо и несправедливо римлянамъ (грекамъ) управляться *монашескими уставами, по которымъ преступленіе можно заглаживать покаяніемъ* (2).

Какой злой ироніей надъ нимъ самимъ должны были звучать эти слова!

Глубокіе, неизгладимые слѣды оставила эта ожесточенная борьба, какъ на личномъ характерѣ императора, такъ и на матеріальномъ и нравственномъ бытѣ имперіи. Императоръ сдѣлался мраченъ, крайне раздражителенъ и подозрителенъ (3), боязливъ и суевѣренъ (4). По цѣлымъ недѣлямъ не показывался онъ изъ своего дворца, боясь злого умысла противъ своей

---

(1) Пахим., стр. 451, 453.

(2) Пахим., стр. 453.

(3) „Царь дошелъ до такой раздражительности, что едва только доносили ему, что такой-то возмутился, за доносомъ тотчасъ же слѣдовала казнь: онъ вѣрилъ всякому, кто ни говорилъ, основываясь на подозрѣніяхъ, будто на достаточныхъ свидѣтельствахъ противъ (своихъ) подданныхъ“. Пахим., стр. 452.

(4) Одинъ тогдашній ученый, по имени Георгій Пахомій лишенъ былъ зрѣнія между прочимъ (формально осудили его за связь съ стратигопулономъ Михаиломъ, заподозрѣннымъ въ домогательствѣ престола,—подозрѣніе основано было на ночныхъ бесѣдахъ его съ Пахоміемъ, какъ оказалось послѣ, имѣвшихъ чисто ученый характеръ) за свое *имя*, которое наводило на царя суевѣрный страхъ, и „о которомъ онъ слышалъ, какъ о магическомъ... такъ какъ оно содержало въ себѣ что-то *злое*, или выражалось какое-то соотвѣтствующее ему *прорицаніе*. Итакъ *желая избѣжать предопредѣленій рока*, царь отдалъ приказъ ослѣпить этого человѣка. И вотъ тогда какъ Пахомій на своей родинѣ въ Македоніи, гдѣ давно ожидали его, былъ уже оплаканъ, какъ умершій, этотъ слѣпецъ бродилъ между людьми и возбуждалъ въ нихъ не столько жалость, сколько удивленіе, неужели и такіе люди могли подвергнуться подозрѣнію въ посягательствѣ на царствованіе“. Пахим., стр. 451.

особы; еще рѣже показывался онъ въ провинціяхъ; восточныя же провинціи за послѣдніе 3 года его жизни видѣли его только разъ и то не задолго до смерти.

Не порадовали онѣ его въ этотъ послѣдній, какъ бы прощальный, объѣздъ ихъ. Мѣстности, за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ, во дни блаженной памяти Ласкариса младшаго, находившіяся въ цвѣтущемъ состояніи, сдѣлались неузнаваемыми,—онѣ оказались до того разворенными и опустошенными, что изъ очей императора невольно полились горькія слезы.

И тѣмъ горчѣе должны были быть эти поздніе слезы, что жалкое зрѣлище, ихъ вызвавшее, было подготовлено не врагами императора, а людьми, выдававшими себя за его вѣрныхъ и преданныхъ слугъ, пользовавшихся его полнымъ довѣріемъ. Это были губернаторы провинцій. Пользуясь печальнымъ недоразумѣніемъ между императоромъ и его народомъ, предполагая (что̀ оказалось и справедливымъ), что, при постоянно возраставшемъ озлобленіи съ той и другой стороны, императоръ не посмѣетъ предпринять путешествія для обзора этихъ провинцій, переполненныхъ политическими и церковными агитаторами и ссыльными, они присвоивали себѣ деньги, предназначаемыя на содержаніе войскъ и укрѣпленій, продавали врагамъ имперіи ея тайны, позволяли себѣ возмутительныя насилія и самоуправство съ жителями, ввѣренными ихъ охранѣ и попеченію, и, чтобы скрыть свои безчестныя дѣйствія отъ императора, усыпить его бдительность, присылали самыя успокоительныя донесенія о благосостояніи провинцій, имъ ввѣренныхъ ([1]), и, вѣроятно,

---

([1]) Пахим., стр. 464.

не одинъ изъ нихъ прибѣгалъ къ способу племянника императорскаго, Андроника Тарханіота — накликалъ толпы татаръ, или сельджуковъ на ввѣренную себѣ провинцію, и, среди произведенной ими суматохи, скрывался вмѣстѣ съ награбленнымъ имуществомъ за границу. Не однѣ восточныя провинціи находились въ такомъ плачевномъ состояніи. Не много было лучше и состояніе западныхъ (европейскихъ) и особенно пограничныхъ съ Болгаріей и Ѳессаліей. Благодаря постояннымъ эмиграціямъ и почти непрерывнымъ войнамъ съ болгарами, лазами и съ севастократоромъ Батардою, многолюдные нѣкогда города обезлюдѣли, богатыя и цвѣтущія селенія опустѣли, поля и виноградники заросли сорными травами и дикими кустарниками. И среди этихъ пустырей бродили толпы лохмотниковъ, нищихъ, калѣкъ, монаховъ и монахинь, своими зловѣщими фигурами и рѣчами придававшихъ печальной картинѣ еще болѣе печальный видъ.

А кто исчислитъ и опредѣлитъ громадную сумму нравственнаго зла, порожденнаго разнузданностью грубыхъ инстинктовъ и страстей, развивавшихся и изощрявшихся въ темныхъ ухищреніяхъ всякаго рода для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей? Чѣмъ ожесточеннѣе была борьба партій, тѣмъ громаднѣе должна была быть сумма мелкихъ и крупныхъ интригъ, происковъ, лжи, коварства, измѣнъ, доносовъ, большихъ и малыхъ преступленій, неизбѣжно соединенныхъ съ борьбами такого рода, такъ что, соображая печальныя послѣдствія этой несчастной борьбы для народной нравственности, невольно соглашаешься съ суровымъ приговоромъ, произнесеннымъ надъ внутренней политикой

Iихаила Финлеемъ, — дѣйствительно „онъ испортилъ вой народъ“ (1).

И теперь, проливая горькія слезы надъ опустошенными провинціями, проклиная безчестныхъ правителей, стрѣчая повсюду недоброжелательство, измѣну, коварство, онъ пожиналъ плоды горькихъ плевелъ, посѣянныхъ его собственной державной рукой.

Вотъ чѣмъ разрѣшились никейскіе праздники, сулившіе возстановленіе древнихъ свободныхъ учрежденій и возвращеніе на землю золотого вѣка, подъ скипетромъ державнаго Палеолога.

Правы были вы, темные предвѣщатели (2)!

Но худшее было еще впереди. Вскорѣ онъ долженъ былъ убѣдиться, что раззорилъ и испортилъ свой народъ *напрасно*. Папа Мартинъ IV, по вступленіи на престолъ въ 1281 г., вмѣсто отвѣта на дружеское привѣтствіе императора, прислалъ ему анаѳему за неискренность отношеній къ уніи.

Вѣсть о новомъ вторженіи севастократора Іоанна въ предѣлы имперіи, полученная вслѣдъ за тѣмъ, была уже излишней жестокостью со стороны судьбы.

Собравши послѣднія, надломленныя уже тяжкой борьбой, силы, онъ отправился въ опустошаемыя неугомоннымъ врагомъ провинціи для отпора ему; но дни его были сочтены. Неумолимая смерть шла по его пятамъ, и 11 декабря 1282 г. не стало основателя династіи Палеологовъ.

За нѣсколько минутъ до смерти онъ спросилъ ок-

(1) History of the byzantine and greek empires. Edinburg and London. 1854, p. 463.

(2) См. Пахим., стр. 95—96.

ружавшихъ: „какъ называется мѣстность, на которой мы находимся?“ „Пахоміева“ — былъ отвѣтъ.

Такимъ образомъ „думая избѣжать опредѣленій рока, царь, однако же, не избѣжалъ ихъ,“ замѣчаетъ нашъ историкъ ([1]).

Пигмеи сломили исполина и готовились праздновать свою побѣду на его одинокой могилѣ.

(Продолженіе будетъ)

И. Троицкій.

([1]) Пахим , стр. 451.

ПИСЬМО КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО ПАТРІАРХА

КЪ КЭНТЕРБЮРІЙСКОМУ АРХІЕПИСКОПУ

И

ОТЗЫВЪ О НЕМЪ ГАЗЕТЫ „TIMES“ (¹).

---

† „Григорій, Божіею милостію, архіепископъ Константинограда, новаго Рима, и вселенскій патріархъ преосвященнѣйшему (πανιερωτάτῳ) архіепископу, митрополиту кэнтербюрійскому, и экзарху христіанъ англиканскаго исповѣданія, сущихъ въ Великобританіи, Лорду (Κυρίῳ) Архибальду Кампбеллу: миръ отъ Бога и братское лобзаніе во Христѣ.

(¹) Читатели Христіанскаго Чтенія знакомы уже съ содержаніемъ этого любопытнаго и весьма важнаго документа изъ корреспонденціи уважаемаго настоятеля нашей посольской церкви въ Мадритѣ К. Л. Кустодіева. Къ сожалѣнію, о. Кустодіевъ имѣлъ подъ руками текстъ англійскаго перевода, который оказался недостаточно точнымъ для такого важнаго документа, что неизбѣжно должно было отразиться и на русскомъ переводѣ. Получивши на дняхъ оригинальный греческій текстъ этого письма, редакція сочла дѣломъ справедливости предъ высокимъ авторомъ и предъ публикою, сдѣлать новый возможно точный переводъ посланія по оригинальному тексту и, напечатать его снова на страницахъ своего журнала. Относительно впечатлѣнія, произведеннаго этимъ письмомъ на англійскую церковную публику, редакція имѣетъ изъ вѣрнаго источника слѣдующія свѣдѣнія: „желающіе возвести англиканскую церковь на степень вѣтви вселенской церкви раду-

„Съ великою радостію получивъ столь вожделѣнное письмо Вашего досточтимаго преосвященства къ нашей мѣрности, мы тронуты были, какъ и надлежало, до глубины сердца,—тронуты были и тѣмъ, что вы такъ „εὐγενῶς“ благодарите насъ за то, что мы исполнили христіанскій и въ тоже время каноническій долгъ, а именно послали нашего протосинкелла на освященіе, совершенное боголюбезнѣйшимъ епископомъ гибралтарскимъ, благимъ и добрымъ господиномъ Карломъ Amyand'омъ,—и тѣмъ, что Вы, въ духѣ братолюбія, сообщаете намъ Ваши желанія и моленія, да будетъ на землѣ единое избранное стадо и единъ Архипастырь—Господь нашъ, связующій разстоящаяся, и ведущій и направляющій всѣхъ такъ, да всѣ едино мудрствуютъ, говорятъ и творятъ къ умноженію Его царства.

„О томъ же самомъ и мы, молясь денно-нощно Богу и Спасителю нашему, не престаемъ, при всякомъ благовременіи (εὐκαιρία), и радоваться и, сколько тó въ нашихъ силахъ, отъ всего сердца содѣйствовать всякому

ются появленію его, потому что въ щедрыхъ титулахъ патріарха, усвояемыхъ имъ архіепископу кэнтербюрійскому, думаютъ видѣть признаніе апостольскаго преемства и проч. въ англиканской церкви; простодушные и въ простотѣ сердца желающіе единенія съ православно-каѳолическою церковію, видятъ въ этомъ письмѣ близкую возможность возсоединенія съ нею, хотя лишены всякаго яснаго сознанія, что требуется для исторически-каноническаго соединенія съ нею; настроенные въ духѣ „широко-церковной партіи“, т. е. полураціоналисты, если не раціоналисты, любуются этимъ письмомъ, какъ какимъ-то документомъ, будто бы допускающимъ „*законное* существованіе разныхъ партій въ нѣдрахъ одной и той же церкви“; принадлежащіе къ „низко-церковной партіи“ негодуютъ на мнимый или дѣйствительный успѣхъ „высоко-церковной партіи“ въ глазахъ вселенскаго патріарха, называя подобныя попытки „лестью, ласкательствомъ, хитростью, однимъ словомъ—недобросовѣстностью“. Въ видѣ прибавленія къ этому письму, редакція позволяетъ себѣ присовокупить замѣтку по поводу его газеты Times, не лишенную интереса. *Ред.*

доброму дѣлу и всякому доброму намѣренію и желанію, которыя служатъ къ созиданію и совершенію ближняго, къ просвѣщенію, единомыслію и единенію всѣхъ во Христѣ Іисусѣ. И мы не просто молимся о томъ; но и чаемъ того отъ Общаго Отца, и Бога Спаса, и Его Духа, и въ чаяніи уповаемъ, (что наступитъ время) когда многіе будутъ научены, и умножится вѣдѣніе древнѣйшаго и ничѣмъ неповрежденнаго православія, которое первобытная каѳолическая церковь предала намъ во всей чистотѣ, устами богопроповѣдниковъ—апостоловъ, богоносныхъ отцевъ и седьми досточтимыхъ, Богомъ подвигнутыхъ и Богомъ движимыхъ вселенскихъ соборовъ.

„Что же до погребенія (ταφή) Вашихъ соотечественниковъ, то да будетъ извѣстно Вашему столь вожделѣнному намъ преосвященству, что, если бы и никто изъ Вашихъ благочестивыхъ британскихъ епископовъ не говорилъ и не просилъ о томъ нарочито, во всякомъ случаѣ мы сами по себѣ дали бы всякаго рода позволеніе англійскихъ пришельцевъ, умершихъ у насъ, хоронить на нашихъ кладбищахъ, по просьбѣ ихъ родныхъ,—хорошо зная, что и здѣсь и вездѣ подъ солнцемъ—„Господня земля и исполненіе ея“. Тѣмъ больше устроимъ теперь такъ и на будущее время, сколько изъ уваженія къ Вашему христолюбивому преосвященству, столько же и въ исполненіе долга братолюбія, съ однимъ однакоже условіемъ, чтобъ земля, на которой будутъ хоронить, не обращаема была въ собственность и не считалась какимъ-либо личнымъ владѣніемъ.

„Получивъ,—ктому еще,—съ великою благодарностію, Вами же дарованный намъ священный молитвословъ Вашего англиканскаго исповѣданія, мы отложили отвѣтъ нашъ на сей разъ главнымъ образомъ потому,

что, разбирая эту церковную книгу неспѣшно, въ болѣе свободное время, желали съ большею тщательностію развѣдать, на сколько она подходитъ къ истинному евангельскому и каѳолическому ученію или на сколько отъ него уклоняется, и на сколько подверждаются слѣдующія, сказанныя въ предисловіи къ ней слова (стр. 7): „Она ничего не содержитъ противнаго слову Божію и здравому ученію".

„Тѣмъ же временемъ съ удовольствіемъ получивъ и окружное посланіе, изданное англиканскими епископами, два года тому назадъ, собиравшимися въ Англіи, которому предшествуетъ рекомендательное письмо *συστατήριος ἐπιστολή* Вашего приснопамятнаго предсѣдательства, и замѣтивъ изъ онаго, что они ясно исповѣдуютъ и безусловно, какъ вообще (*γενικῶς*), такъ въ частности, утверждаютъ, что они твердо и непоколебимо содержатъ святое Писаніе, яко слово Божіе, пріемлютъ символы вѣры единой святой и апостольской церкви, и тщатся хранить древній ея чинъ и богочестіе (*εἶτον τελετουργικὴν καὶ λατρείαν*) (¹) въ чистотѣ и неповрежденности, всякую же новизну отвергать и всю землю оглашать спасительною проповѣдію Евангелія,—замѣтивъ, говоримъ, что все это такъ ясно и положительно „*διαπιστούμενα διὰ τοῦ λόγου*", мы много порадовались душею, предвидя наступающую и занимающуюся зарю (того дня, когда) повсюду духовныя овцы соберутся и съединятся во одномъ и томъ же дворѣ Господнемъ.

„Но входя съ подробностію въ содержаніе того, что находится въ молитвенникѣ и въ символическомъ исповѣданіи XXXIX членовъ, и читая тамъ то, что утверждается относительно вѣчнаго бытія Святаго Духа, божественной эвхаристіи, числа таинствъ, апостольскаго и

(¹) Слова эти въ англійскомъ переводѣ выпущены. *Переводч.*

церковнаго преданія, авторитета истинныхъ—настоящихъ вселенскихъ соборовъ, положенія и взаимно-отношенія церкви земной и церкви небесной, далѣе—относительно чести и почитанія, подобающихъ героямъ вѣры,—и въ дѣлѣ умозрѣнія и въ практикѣ жизни, ничѣмъ и никѣмъ не сокрушимымъ мученикамъ и подвижникамъ,—читая, говоримъ, все это, мы нашли, что все это *καινοτομώτερον* позднѣйшее нововведеніе. А то, что говорится на стр. 592 (въ 19 членѣ вѣры), а именно:

„Какъ погрѣшали церкви іерусалимская, александрійская и антіохійская, такъ равно погрѣшала и церковь римская, и погрѣшали не только жизнію своею,—и образомъ богочтенія (*εἰς τὸν τρόπον τῶν τελετῶν*), но и въ дѣлѣ вѣры,

„лишаетъ восточныя церкви православія или правоты (*ὀρθότης*) и совершенства вѣры, и, (да будетъ позволено здѣсь сказать, что неумѣстно обвиненіе ближняго въ оффиціальномъ исповѣданіи вѣры), смущаетъ (*μετεωρίζει*) наши души, такъ что мы недоумѣваемъ, что́ должно сказать о правилѣ англиканскаго православія. Вотъ почему отъ всей души мы молимъ Первовиновника и Совершителя спасенія нашего—просвѣтить разумѣніе всѣхъ свѣтомъ познанія Его и сотворить изъ всѣхъ языкъ единыя уста единыя вѣры, единыя любви и единаго упованія во благовѣстіи, да вси едиными устами и единымъ сердцемъ, яко помилованныя чада единой и той же матери церкви,—церкви перворожденной и каѳолической, прославимъ единое Тріипостасное Божество: Его же спасительная благодать да будетъ съ Вашимъ преосвященствомъ, возлюбленнымъ намъ во Христѣ, и со всею Вашею боголюбезной паствою“.

Сентября 26, 1869 г.

Считаемъ не лишнимъ выписать изъ „Times" нѣсколько строкъ, написанныхъ имъ въ передовой его статьѣ, одновременно съ появленіемъ въ печати письма константинопольскаго патріарха.

„Если бы, говоритъ онъ, всѣ добрые и почтенные люди, мечтающіе о примиреніи съ Римомъ, прямо рѣшились взглянуть въ лицо тѣмъ событіямъ, которыя совершились и совершатся (имѣется въ виду догматическое опредѣленіе непогрѣшимости папы), то они увидали бы, что цѣль ихъ недостижима, что отъ нихъ потребуютъ, и потребуютъ безъусловно, уступокъ по всѣмъ тѣмъ пунктамъ, въ которыхъ они или ихъ отцы и праотцы расходились съ Римомъ, и увидавъ это, конечно рѣшились бы искать чего-либо, что есть „practical". „Interesting letter", которое мы помѣстили въ нынѣшнемъ номерѣ, отъ константинопольскаго патріарха, очень кстати и во всемъ свѣтѣ представляетъ собою контрастъ съ надменными притязаніями Рима. Патріархъ, какъ видно, занимался разборомъ нашего молитвенника и XXXIX Articuli Fidei, думая нѣтъ ли возможности вступить въ болѣе близкое сношеніе съ англиканскими церквами. Говоря вообще, онъ очень „complimentary", но нѣкоторыя опредѣленія въ 39 членахъ вѣры кажутся ему „неудовлетворительными — unsatisfactory". Его смущаютъ нѣкоторыя мнѣнія относительно таинствъ и призыванія святыхъ, и въ особенности эта „declaratio", что какъ церкви іерусалимская, александрійская и антіохійская погрѣшали, такъ равно погрѣшала и церковь римская". Держась своего начала, онъ не позволяетъ себѣ высказывать прямо, что то или другое ему противно, по его суду. Онъ только просто говоритъ, что такія-то мнѣнія приводятъ его въ недоумѣніе, такъ что онъ сомнѣвается, какъ

ему думать и судить о правилѣ англиканскаго православія, и все заключаетъ молитвою о вразумленіи свыше. Мы рекомендуемъ это письмо прочитать папѣ. Если бы, подобно патріарху, онъ призналъ возможнымъ для другихъ церквей lawfully (1) (законно, по закону) не соглашаться съ его церковію, если бы онъ допустилъ возможность сдѣлать взаимныя уступки, то тотчасъ же открылся бы путь къ взаимному соглашенію. Но если одна только воля римской церкви властна рѣшать все, то тутъ конецъ—долженъ быть—конецъ всякому препирательству. Насъ укоряютъ, будто мы не такъ толкуемъ права совѣсти, будто мы говоримъ, что все то право—въ томъ или другомъ дѣлѣ, что мы находимъ правымъ по нашей совѣсти. Нѣтъ, свобода совѣсти не заключаетъ подъ собою такой нелѣпости. Вотъ все, что мы говоримъ,—мы говоримъ, что римско-католическая церковь не есть единственный и безусловный авторитетъ въ дѣлахъ совѣсти; въ самой вещи, in fact, нѣтъ такого непогрѣшимаго авторитета, живущаго на землѣ, и, слѣдовательно, и частныя лица и общества, въ извѣстныхъ случаяхъ, кромѣ своей совѣсти, не могутъ имѣть никакого конечнаго, окончательнаго авторитета на землѣ. Если они ошибаются въ своемъ поведеніи, то, само собою разумѣется, страдаютъ отъ послѣдствій; но величайшимъ изо всѣхъ заблужденій было бы отдать свою совѣсть въ руки папѣ. Кто-то сказалъ: только тотъ можетъ сдѣлаться настоящимъ римскимъ католикомъ, у кого сломанъ крестецъ или спинная кость его совѣсти“.

---

(1) А гдѣ же патріархъ призналъ? *Ред.*

БЛАГОПРОМЫСЛИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ
ПРАВОСЛАВНОЙ РОССІИ
И
ЕЯ ПРИЗВАНІЕ КЪ ВОЗСТАНОВЛЕНІЮ ПРАВОСЛАВНОЙ ЗАПАДНОЙ КАѲОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Соч. I. I. Овербека,

доктора богословія и философіи (и профессора въ одной изъ англійскихъ коллегій). Галле, 1869.

«Въ той день возставлю скинію Давидову падшую, и возгражду падшая ея, и раскопанная ея возставлю, и возгражду ю яко же дніе вѣка». Амос. 9, 11.

1.

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, гуляя съ однимъ другомъ, богословомъ, коснулся я одного вопроса, важность котораго, съ каждымъ днемъ, все больше и больше теперь выступаетъ. Мы говорили о прагматическомъ воззрѣніи на исторію, которое любитъ открывать перстъ Божій въ судьбахъ человѣковъ и народовъ, и домогается изслѣдовать благопромыслительный планъ міроправленія. Мы говорили о возрастаніи и паденіи народовъ и ихъ многоразличномъ призваніи въ исторіи воспитанія

человѣчества. Въ этомъ случаѣ другъ мой высказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: „какъ романскіе народы должны были уступить мѣсто германцамъ, полнымъ молодой жизни; такъ и мы, сказалъ онъ, скоро вступимъ въ тотъ періодъ времени, когда славяне, пробудившись къ самосознанію, со всѣмъ напоромъ силъ займутъ свое мѣсто въ исторіи, и возьмутъ себѣ ту роль на сценѣ міровой исторіи, которую указалъ имъ Божій Промыслъ“. Эти слова друга моего были для меня въ то время темны и загадочны; все однакожъ мнѣ часто приходилось ихъ вспоминать. Онѣ казались мнѣ въ началѣ чѣмъ-то въ родѣ „оксиморона“ (¹) ученыхъ, которые дѣлаютъ своимъ конькомъ какую-нибудь странную идею и пробуютъ на ней свое остроуміе. Но какъ мало по малу славянскіе народы стали пробуждаться и получать значеніе въ исторіи; какъ они видимо стали устраивать свой политическій бытъ и усвоивать право свободнаго самоопредѣленія; то и слѣпой невольно увидѣлъ бы, что движеніе, начавшееся между славянами, не можетъ остаться безъ послѣдствій, и къ тому еще важныхъ послѣдствій, слѣдовательно требуетъ внимательнаго наблюденія. На первыхъ порахъ мы обыкновенно замѣчаемъ, что элементы движенія бываютъ еще грубы, народы еще неподвижны или неразвязны, механизмъ еще не довольно подвиженъ, и искомыя цѣли и средства, ведущія къ достиженію ихъ, темны и неопредѣленны. Далѣе—мы замѣчаемъ разныя ошибки въ выборѣ средствъ и способовъ; но самой злополучной ошибкой бываетъ то, что бросаются на чужое и чужому слѣпо подражаютъ. Что выросло не на своей собственной

(¹) Ὀξύμωρον (ὀξύς, μωρός) — странное сочетаніе противорѣчущихъ словъ, напр. insaniens sapientia. *Переводч.*

почвѣ, или что не вполнѣ однородно съ нею, то никуда не годится и только можетъ вредить подобно ядовитому или тунеядному растенію. Славянскіе народы, также какъ и всѣ прочіе народы, выработывавшіе себѣ извѣстное положеніе, еще часто будутъ ошибаться въ выборѣ средствъ, еще много сдѣлаютъ промаховъ, еще многому должны будутъ учиться и во многомъ разъучиться, прежде чѣмъ дойдутъ до того состоянія національной солидарности, которое внушаетъ къ себѣ уваженіе и которымъ обусловливается и упрочивается здоровый ростъ и которымъ, наконецъ, упрочивается особенность положенія въ кругу народовъ.

2.

Что доселѣ было сказано о славянахъ, то должно сказать и о всѣхъ молодыхъ народахъ, движимыхъ разными порывами. Они должны поплатиться за ученье „durch Schaden klüg werden“, какъ это бываетъ и съ каждымъ изъ насъ въ жизни. Но славянское движеніе (Erhebung) имѣетъ *одну особенность*, которая не встрѣчалась и не встрѣчается ни въ какихъ другихъ народныхъ семействахъ, а именно — *стремленіе къ центру*. Правда, соплеменнымъ народамъ естественно примыкать другъ къ другу; но столь же естественно и раждаться между ними нѣкоторой ревности и опасенію, чтобы тотъ или другой изъ нихъ не захватилъ себѣ наибольшую власть, наибольшее вліяніе, и потомъ мало по малу, какъ бы не поглотилъ въ себя слабѣйшихъ изъ нихъ. Вотъ почему замѣчательно то явленіе, что славянскіе народы движутся въ направленіи къ Россіи, какъ къ центру. Даже тамъ, гдѣ политическія отношенія связали ихъ не съ славянскими государствами, они смотрятъ на

Россію, какъ бы на свой нравственный центръ. Безспорно, нѣкоторые славянскіе народы ревнуютъ по своей индивидуальной независимости, и всячески хотятъ сохранить свою національную самостоятельность; тѣмъ не менѣе, однакожъ, они влекутся къ Россіи, влекутся,—не смотря на безпрестанныя возгласы иностранной прессы на любимую ея тему о страсти Россіи къ всепоглощенію. На чемъ же держится эта притягательная сила Россіи? Или то, можетъ быть, личная притягательная сила царя, который, подобно Карлу Великому или Наполеону, умѣетъ съединять народы въ одинъ очарованный кругъ? Или то, можетъ быть, русскія деньги, которыя заставляютъ славянскихъ братьевъ „русѣть?“ Но откуда же Россіи взять столько денегъ, чтобы подкупить иностранныя правительства? И не говоритъ ли намъ ежедневный опытъ, что деньги могутъ только дѣлать льстецовъ, но никогда не могутъ привлекать сердца цѣлыхъ народовъ? Нѣтъ, не личное вліяніе, не подкупъ и интрига влекутъ сердца славянскихъ народовъ къ русскому центру; но есть *одна великая идея*, да, есть *величайшая идея*, какая только можетъ существовать для человѣка; *не безсодержательная идея*, нѣтъ, *идея, имѣющая существеннѣйшую дѣйствительность*; и вотъ она-то нерасторжимо связуетъ славянъ съ Россіей, и связуетъ не прибѣгая ни къ какимъ пріёмамъ поглощенія. Эта великая идея вовсе не то, что у политиковъ извѣстно подъ именемъ *всеславянство*, нѣтъ, она безконечно выше; это есть—выразимся такъ—*всеправославіе*.

3.

Жизненная сила *славянства* только тамъ прочна, гдѣ оно произрастаетъ изъ религіознаго корня *право-*

славія, и слѣдовательно дѣлается религіозно-политическимъ понятіемъ. Тамъ же, напротивъ, гдѣ на него смотрятъ, какъ на чисто политическое понятіе, онъ слабъ и шатокъ, какъ и сама политика, когда она не имѣетъ въ основаніи своемъ истинной религіи.

Въ Италіи и Германіи сильныя сдѣланы попытки въ видахъ объединенія и централизаціи: но гдѣ или что такое этотъ *Pan-Italismus*,—это *всеитальянство*? Это не больше какъ неудавшаяся попытка подвести подъ одну шапку различныя, отталкивающія другъ друга племена. Піемонтецъ ненавидитъ тосканца, тосканецъ ненавидитъ неаполитанца и пр. Религіознаго же союза вовсе нѣтъ; ибо папизмъ, невѣріе и суевѣріе по частямъ раздѣляютъ народъ.

Правда, сѣверо-нѣмецкій союзъ служитъ предвѣстникомъ объединенія Германіи; но положимъ, что это дѣло объединенія кончено: какой же выйдетъ отсюда *Pan-Germanismus* (объединеніе Германіи)? Тутъ выйдетъ воплощеніе новѣйшаго цивилизованнаго, безъ всякой религіи, государства, которое потому самому, что оно ни знать, ни слышать не хочетъ о существованіи истинной религіи, будетъ само въ себѣ носить многоплодныя сѣмена раздора и распаденія.

4.

Въ новѣйшемъ смыслѣ цивилизованное государство есть произведеніе совокупныхъ дѣйствій протестантизма и римскаго католицизма въ области политики. Это есть вынужденная сдѣлка (compromis); это есть отчаянный *modus vivendi* непримиримыхъ противорѣчій. Тогда какъ каждый человѣкъ, вѣрующій въ Бога и въ безсмертіе души, убѣжденъ, что онъ сотворенъ Богомъ и для Бога,

и его конечное назначеніе за предѣлами сей жизни, что, слѣдовательно, *религія должна быть душею и основаніемъ его жизни*, новѣйшее государство говоритъ: „мы до того разошлись въ религіозныхъ мнѣніяхъ, что намъ нѣтъ возможности сойтись на какомъ-либо общемъ религіозномъ основаніи, и однакожъ мы должны жить вмѣстѣ и въ одномъ домѣ. Чтожъ тутъ дѣлать? Одно, а именно: ради добраго мира каждому предоставить религію, какъ частное дѣло, и затѣмъ заниматься только земными дѣлами. И такъ пусть государство отрѣшится отъ церкви и церковь отъ государства; пусть будетъ свободная церковь въ свободномъ государствѣ"!

Для поверхностнаго наблюдателя это умозаключеніе кажется дѣльнымъ и толковымъ, тѣмъ больше, что его провозглашаютъ, какъ аксіому новѣйшей модной политики, съ скамеекъ всѣхъ европейскихъ парламентовъ. Ужъ конечно это должно быть истинно; иначе—какъ бы могли столь многіе просвѣщенные мужи сойтись во взглядѣ? „Гласъ народа, гласъ Божій!" Но—нѣкогда и въ іудейской синагогѣ слышалось единогласное и единодушное: „распни, распни Его!"

Новѣйшія начала иррелигіознаго государства конечно были бы хороши и толковы, если бы государство и религія могли быть отдѣлимы; но это столь же невозможно, какъ если бы захотѣли въ живомъ человѣкѣ отдѣлить тѣло отъ души и душу отъ тѣла. И то и другое взаимно связуются между собою тысячами тончайшихъ нитей; и это-то взаимно-отношеніе и составляетъ жизнь человѣка; кто захотѣлъ бы раздѣлить эти связующія ихъ нити, тотъ просто причинилъ бы смерть. Даже врачъ, который ближайшимъ образомъ имѣетъ дѣло только съ нашимъ тѣломъ, долженъ бываетъ преж-

де всего брать во вниманіе духовное расположеніе и настроеніе своего паціента; иначе съ своими врачебными средствами онъ не уйдетъ далеко. А религія—эта душа человѣчества — должна быть отдѣлена отъ государства безъ всякихъ околичностей?!

5.

„Свободная церковь въ свободномъ государствѣ"— есть величайшая ложь нашего времени, и означаетъ не что другое, какъ „не-свободную церковь въ не-свободномъ государствѣ". Конечно, есть области въ жизни государства и церкви, гдѣ эти двѣ власти не соприкасаются и дѣйствуютъ вполнѣ независимо одна отъ другой. Въ этихъ областяхъ онѣ могутъ параллельно двигаться безъ всякаго столкновенія, подобно соподчиненнымъ силамъ: но гдѣ эта линія разграниченія, обусловливающая миръ? Она не существуетъ. Обѣ эти власти, съ свойственными имъ притязаніями, не явно ли вторгаются въ не принадлежащіе имъ предѣлы? И борьба эта—начавшись разъ—не перейдетъ ли съ теченіемъ времени въ отъявленную разрушительную борьбу? Взглянемъ, напримѣръ, хоть на эти два спорные пункта, каковы: народное просвѣщеніе и бракъ. Безспорно оба они принадлежатъ къ области государства и церкви; пока эти двѣ власти идутъ рука объ руку и движутся на общемъ основаніи, то нѣтъ и вопроса, которой изъ нихъ по праву принадлежитъ почва взаимно воздѣлываемыхъ областей. Но какъ скоро нарушается гармонія между этими двумя властями, какъ скоро онѣ начинаютъ требовать опредѣленнаго дѣлежа отеческаго достоянія, для того чтобъ завестить своимъ, независимымъ хозяйствомъ, то тутъ же начинается и споръ,—споръ не-

перестающій, или кончающійся тѣмъ, что или одна власть поглощаетъ другую, или обѣ—одна о другую—сокрушаются.

Посмотримъ теперь поближе на эти два спорные пункта. Очевидно, что государство въ вопросѣ о просвѣщеніи должно находить жизненный интересъ: „теорія одурачиванія, которая нѣкогда имѣла въ виду большую массу служебныхъ лицъ обратить въ покорныя колеса мертвой машины, уже перестала существовать; ибо эти колеса начали мыслить и бросать искры, которыхъ нельзя было болѣе гасить. Народъ мыслитъ и хочетъ учиться и воспитываться. Тутъ-то государство выходитъ и говоритъ: „школа принадлежитъ мнѣ, ибо мнѣ слѣдуетъ заботиться объ образованіи народа, для того чтобъ изъ него выходили разумные граждане государства. Какъ государство обязано изыскивать гигіеническія средства къ благу своихъ гражданъ, такъ оно же считаетъ себя обязаннымъ пещись о духовномъ образованіи народа. Здоровое тѣло и образованный умъ суть основныя условія хорошаго гражданина; это-то именно школа моя и имѣетъ въ виду“. Напротивъ, выступаетъ тутъ церковь и говоритъ: „школа принадлежитъ мнѣ, ибо я должна заботиться объ образованіи народа, для того, чтобъ изъ него выходили добрые христіане. Но христіанство такъ тѣсно связано со всѣми отраслями знанія, что едва ли найдется какой-либо отдѣлъ, который, такъ или иначе, не зависѣлъ бы отъ религіозныхъ или иррелигіозныхъ убѣжденій учителя. Одно преподаваніе религіи никакъ не можетъ удовлетворить требованій церкви, ибо религія должна входить во все школьное ученье. И вообще къ чему послужитъ преподаваніе религіи, если она систематически будетъ устраняема и

въ исторіи, и въ естествознаніи, и въ философіи и пр.?" Ктожъ изъ нихъ имѣетъ право? И церковь и государство, только вмѣстѣ, а не порознь. Гдѣ же здѣсь свободная церковь въ свободномъ государствѣ? Посмотрите на землю Кавура. Тамъ заведены народныя школы, которыя отравляютъ ядомъ сердца и малыхъ и большихъ, которыя порождаютъ ненависть и къ религіи и къ служителямъ ея, которые внушаютъ и умственное и нравственное своеволіе, и нерѣдко подаютъ тому примѣръ въ лицѣ самыхъ наставниковъ. И такъ не будетъ ли то простой ироніей говорить о свободной церкви тамъ, гдѣ эта церковь имѣетъ только свободу терпѣть насмѣшки и поруганіе надъ собою? А что сказать о бракѣ? Государство имѣетъ право знать своихъ гражданъ, слѣдовательно съ полнымъ правомъ можетъ вести свои гражданскія записи и вносить туда число родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся. Священники съ своей стороны, могутъ то же дѣлать въ своихъ приходскихъ книгахъ. Покуда все въ порядкѣ. Государство—ктому еще можетъ требовать, чтобы браки равно совершались и гражданскимъ образомъ, подобно всѣмъ прочимъ договорамъ: оно можетъ тогда формально принимать ихъ къ свѣдѣнію. Но если государство имѣетъ понятіе объ условіяхъ, продолженіи и значеніи брака, противное понятіямъ церкви, то тутъ неизбѣжно выходитъ непримиримая борьба, которая именно потому особенно и тяжела, что дѣло касается и чести и добраго имени, а это есть первое и верховное изъ земныхъ благъ человѣка. Представьте себѣ теперь,—а эти случаи часто встрѣчаются,—что государство сочетаваетъ два лица, которыя, по уставамъ церкви, не могутъ быть въ брачномъ союзѣ. Не узаконяетъ ли въ семъ случаѣ государство

и не ограждаетъ ли этими законами отношеніе, которое, въ глазахъ церкви, беззаконно? Государство, напротивъ, отвѣчаетъ: „мнѣ нѣтъ дѣла до совѣсти брачущихся: съ дѣлами совѣсти пусть они обращаются къ своей церкви“. Но если теперь церковь скажетъ: „вашъ граждански-дѣйствительный бракъ не есть дѣйствителенъ предъ церковію, и потому несуществуетъ предъ глазами Бога“,—что́ тогда должно дѣлать государство? Оно не обратитъ вниманія на голосъ церкви и останется при своемъ. Какія же оттуда слѣдствія? Во 1-хъ то, что противорѣчіе между гражданскою и церковною практикою относительно брака необходимо погубитъ церковный авторитетъ; во 2-хъ, что государство ослабитъ значеніе брака и вмѣстѣ съ тѣмъ общественную нравственность, и въ 3-хъ, въ гражданское общество внесетъ разъединеніе, котораго церковь не можетъ устранить неразрушая сама себя.

И такъ мы видимъ изъ вопроса о школѣ и бракѣ, что дѣло идетъ не о „свободной церкви въ свободномъ государствѣ“, а что государство считаетъ себя единовластителемъ въ домѣ, на церковь смотритъ какъ на нѣчто несуществующее, распоряжается всѣмъ по произволу, и спокойно предоставляетъ церкви или довольствоваться его дѣйствіями, или сѣтовать и роптать про себя. Значитъ—„государство дѣлаетъ, что хочетъ“ т. е. наслаждается неограниченною свободой, а церковь дѣлаетъ, что можетъ“, т. е. столько, сколько позволяетъ ей дѣлать государство, слѣдовательно наслаждается несомнѣннымъ рабствомъ. Такъ скажемъ ли мы теперь: „несвободная церковь въ свободномъ государствѣ“? „Нѣтъ, и того не скажемъ: государство не свободно, когда оно вторгается въ чужую область. Время пока-

жетъ, что подобные пріёмы вызовутъ реакцію, которая иррелигіозное государство потрясетъ въ самомъ основаніи и поставитъ въ опасность самое его существованіе. Борьба уже началась и не скоро кончится.

6.

Кто виноватъ въ этомъ разъединеніи между государствомъ и церковію? Гдѣ корень этого зла? Многіе указываютъ на французскую революцію, какъ на исходный пунктъ новой эры, откуда начинается оторвавшаяся отъ церкви жизнь государства. Но откуда же происходятъ государственные принципы французской революціи? Отъ англо-французской философіи энциклопедистовъ. А гдѣ же было основаніе этой философіи? Въ томъ началѣ свободныхъ изслѣдованій, которое введено и выработано было протестантизмомъ. А что извело на свѣтъ протестантизмъ? Романизмъ съ его безмѣрными духовными и свѣтскими притязаніями. Еще со временъ Виктора и Стефана папство стало показывать свое властолюбіе; но востокъ удерживалъ его въ должныхъ предѣлахъ. Притязанія Рима все больше и больше возрастали, такъ что, наконецъ, востокъ, вслѣдствіе не-каѳолическихъ нововведеній и требованій папства, долженъ былъ разойтись съ западной своей сестрой и предоставить ее самой себѣ. Римъ, т. е. западный патріархатъ, избавившись отъ контроля восточной церкви, сталъ тогда наслаждаться свободой во всѣхъ похотяхъ сердца. Въ краткій періодъ времени, въ продолженіе лѣтъ пятидесяти (1123—1179), онъ имѣлъ не менѣе трехъ, такъ называемыхъ вселенскихъ соборовъ, и все для того, чтобы западъ сдѣлать *единственнымъ* представителемъ каѳолической церкви, а папѣ усвоить главенствующее положеніе, ко-

торое и доселѣ составляетъ существо романизма, но *которую церковь нераздѣльнаго христіанства никогда* не усвояла папѣ, и котораго самъ папа, въ тотъ періодъ времени, не отваживался домогаться, хорошо зная, что подобное притязаніе было бы отринуто. Римляне обыкновенно отождествляютъ первенство и главенство, какъ однозначущія понятія, а между тѣмъ именно въ существенномъ различеніи этихъ понятій и заключается правильное разумѣніе каѳоличества, въ томъ его видѣ, какъ оно существовало до *схизмы* (?), и какъ оно доселѣ неизмѣнно существуетъ въ православной церкви. Ловкая ухватка римлянъ состоитъ въ томъ, чтобы со всей отвагой *игнорировать*, не понимать этого различія, или просто увертываться отъ него, или, наконецъ, сдувать его, какъ пылинку. Если приматство необходимо заключаетъ подъ собою главенство, какъ его послѣдовательную форму развитія (такъ утверждаютъ римляне); то отъ чего же первые акты папскаго главенства, при Викторѣ и Стефанѣ, вызвали въ церкви такую бурю негодованія? Если бы тогдашніе епископы разумѣли подъ приматствомъ то, что разумѣетъ подъ нимъ настоящая римская партія, то отъ чего бы этой бурѣ подняться? Необъяснимо. Римляне слово—„первенство—*Primat*“ удержали, но *вложили въ него ложное не историческое понятіе*; сначала на приматство=первенство они положили клеймо суприматства=верховности или главенства, а потомъ легохонько и доказываютъ, что оба понятія однозначительны. Православная церковь всегда, напротивъ, крѣпко держалась той древней каѳолической истины, что „первенство“ и „верховность или главенство“ суть два понятія, радикально различныя одно отъ другаго и отстоящія другъ отъ друга

еще дальше, чѣмъ небо отъ земли; что „приматство" есть человѣческое учрежденіе, а „супрематство" есть мнимо-божественное учрежденіе, и что между ними нѣтъ никакого сообщенія или перехода, т. е. что либо первоначально человѣческое не можетъ съ теченіемъ времени превратиться во что либо божественное, ибо здѣсь понятія различны одно отъ другаго не только *количечественно*, но и *качественно*.

7.

Остановимся здѣсь на минуту; ибо вопросъ о первенствѣ и главенствѣ и составляетъ собственно тотъ пунктъ, откуда православіе и романизмъ расходятся между собою. Если бы могли согласиться въ этомъ пунктѣ съ праводушною и благорасположенною частію римскихъ католиковъ, то столь затруднительный, запутанный, повидимому, вопросъ, раздѣляющій западную и восточную церкви, разрѣшился бы самымъ простымъ образомъ. Правы тѣ, которые утверждаютъ, что папство (въ томъ его видѣ и развитіи, какія оно приняло послѣ схизмы) есть настоящая, *единственная* преграда къ соединенію двухъ церквей; этимъ мы вовсе не устраняемъ важность прочихъ спорныхъ пунктовъ, а хотимъ только сказать, что всѣ эти спорные пункты корнемъ своимъ лежатъ въ томъ главномъ пунктѣ, т. е. въ пунктѣ о папѣ, и съ нимъ вмѣстѣ распались бы заразъ. Если, напримѣръ, папство не есть всевластный главный органъ догматики и церковнаго права, — какъ утверждаютъ то римляне, то и „Filioque" не есть догматъ, и ограниченіе епископской власти не есть невозвратимая потеря, и обязательное безбрачіе духовенства не есть обязующій, властный законъ церкви и пр.

Исходный пунктъ для надлежащаго различенія между приматствомъ и супрематствомъ представляетъ намъ папа Викторъ I, о которомъ Рудольфъ Baxmann („Die Politik der Päpste“, Elberfeld 1868—1869, Band I. p. 7) такъ говоритъ: „Викторъ I, при которомъ для многихъ (¹) папство исторически начинаетъ проявляться въ полномъ сознаніи той каѳедры, которая ссылалась на Петра, въ дѣлахъ и богослуженія и вѣроученія, безспорно, велъ себя, какъ человѣкъ, ни на кого и ни на что не обращающій вниманія, какъ человѣкъ, которымъ обладаетъ іерархическая гордость; словомъ, то былъ прототипъ Григоріевъ и Иннокентіевъ. Но и онъ, подобно своимъ преемникамъ, *получилъ надлежащее вразумленіе*. Національныя церкви продолжали существовать одна подлѣ другой, не вредя единству духа, а именно—малоазійская, африканская въ Египтѣ и латино-африканская“. Но на той же страницѣ протестантскій писатель дѣлаетъ одно рѣзкое замѣчаніе, которое обличаетъ предъ нами романизмъ и увѣряетъ насъ, что онъ есть родоначальникъ протестатизма и врагъ православія, а именно: „такимъ-то образомъ вѣчный Римъ можетъ похвалиться предъ малоазійскою церковію, что онъ *не только держался древняго, обычнаго, но зналъ еще и развитіе и прогрессъ*“. И такъ развитіе и прогрессъ на счетъ древняго, преданнаго Апостолами!—Ибо въ одномъ и томъ же дѣлѣ нельзя держаться древняго, и въ то же время поклоняться прогрессу, какъ то оказалось въ малоазійскомъ церковномъ спорѣ. Но что же это за идея развитія и прогресса? На сколько она открывается въ римской церк-

(¹) напр. „fur den Römischen Katholiken Niehues, „Kaiserthum und Papstthum im Mittelalters“, Münster, 1863, S. 65).

ви въ области вѣроученія и апостольскаго преданія, это есть не что другое, какъ новѣйшая протестантская идея *усовершимости* (Perfectibilität) христіанства. Послушаемъ, что говоритъ ревнитель римскій, профессоръ H. Hagemann („Die Römische Kirche und Jhr Einfluss auf Disciplin und Dogma in den ersten drei Jahrhunderten". Freiburg in Breisgau, 1864). Вкратцѣ изложивъ замѣчанія Евсевія о спорѣ между Поликратомъ и Викторомъ, онъ такъ продолжаетъ: „Явно, здѣсь требовалось поддержать то, что прежде существовало и именно *въ угоду преданію*, не смотря на то, что умъ и христіанство (!?) говорятъ въ пользу лучшей, западной церковной практики. Здѣсь есть какая-то принужденная неподвижность, которая служитъ препятствіемъ всякому здравому прогрессу, т. е. *не законное преувеличеніе совершенно законнаго въ себѣ и церковнаго начала*". И такъ традиціонное начало признается и церковнымъ и каѳолическимъ, а только преувеличеніе не законно: между тѣмъ преданіе было на сторонѣ Поликрата, и однако же Викторъ былъ правъ! Что же и пользы въ преданіи, если оно невѣрно руководитъ нами? И что это за правила или начала, которыя должны охранять насъ отъ преувеличеній тамъ, гдѣ мы пользуемся преданіемъ? Гагеманнъ отвѣчаетъ: *умъ* и *христіанство*. Слѣд. начало субъективнаго раціонализма, какъ его проповѣдуетъ протестантизмъ, есть первое начало, которое должно руководить нами при выборѣ и употребленіи преданія! Если же теперь умъ Поликрата говорилъ, что всего разумнѣе держаться апостольскихъ предписаній и наставленій, потому что Апостолы конечно лучше должны были знать дѣло, чѣмъ мы, то умъ Поликрата не столь же ли былъ полномоченъ въ

своихъ правахъ, какъ и умъ Виктора, приведшій къ противоположному результату? Но всегда вотъ такъ и бываетъ въ царствѣ раціонализма: только собственный умъ есть „*умъ*", а все прочее, уклоняющееся отъ него „*безуміе*". Что же подъ вторымъ началомъ разумѣетъ г. Гагеманъ, т. е. что̀ онъ разумѣетъ подъ христіанствомъ, того мы не знаемъ, да вѣроятно и онъ самъ столь же мало знаетъ. Христіанство учитъ насъ *держать* преданіе (2 Сол. II, 15), а не передѣлывать его подъ ладъ раціонализма.

Гагеманнъ продолжаетъ: „для объясненія этого преувеличенія въ дѣлѣ преданія у малоазійцевъ, очень кстати указать на письмо Фирмиліана кесарійскаго къ Кипріану, по вопросу о значеніи еретическаго крещенія. Папа Стефанъ, въ сильныхъ выраженіяхъ, ссылался по этому дѣлу на преданіе. Отъ всякой новизны, говорилъ онъ, должно уклоняться и преданіе должно сохранять ненарушимо. Этимъ уваженіемъ преданія онъ сильно затронулъ малоазійцевъ. Отъ того Фирмиліанъ въ письмахъ своихъ къ Кипріану нарочито и неоднократно касается этого пункта. Повидимому, почти вся цѣль его и состоитъ въ томъ, чтобы обезсилить этотъ наиболѣе сильный аргументъ своего противника. Онъ замѣчаетъ: *сами Римляне не во всѣхъ случаяхъ соблюдаютъ то, что первоначально было предано, и потому напрасно укрываются подъ авторитетъ Апостоловъ*. Стефанъ домогался снова выдвинуть то верховенство, которое напрасно силился ввести Викторъ. Какъ Викторъ для этой цѣли ослаблялъ преданіе, такъ Стефанъ дѣлалъ тому противное, въ спорѣ своемъ о еретическомъ крещеніи, *потому и онъ-де побѣдилъ*. Да, вообще дѣло христіанства пошло бы гораздо лучше,

если бы Стефанъ и прочіе папы апостольское преданіе сдѣлали руководною для себя нитію во всѣхъ своихъ притязаніяхъ. Но—какъ очень сильно и вѣрно замѣтилъ Фирмиліанъ—можно ли тому ссылаться на преданіе, который въ одномъ пунктѣ опирается на него, а въ другомъ устраняетъ его отъ себя? А такова именно практика папъ: покуда преданіе говоритъ имъ въ ихъ пользу, они призываютъ его на помощь, а какъ скоро оно начинаетъ свидѣтельствовать противъ нихъ, они или игнорируютъ его, или поддѣлываютъ его, или не придаютъ ему никакой важности.

8.

Таково естественное слѣдствіе перворо наго грѣха, что папское высокомѣріе продолжало себѣ строить храмъ самообожанія. Богъ попустилъ то, какъ Онъ попустилъ и построеніе башни Вавилонской; но Онъ устроитъ такъ, что эта башня не вознесется до небесъ. *Подчиненіе Риму*—вотъ лозунгъ папъ, жаждущихъ главенства. Покуда уступали и подчинялись имъ, они были, говоря вообще, благосклонными и снисходительными господами (Herren): не очень то строго смотрѣли за тѣмъ и за другимъ, и путь къ небу не особенно дѣлали труднымъ. А вотъ когда св. Меѳодій ввелъ славянскую литургію, не испросивъ напередъ покорнѣйше позволенія папы, то сейчасъ вышелъ самый непріятный споръ, о которомъ Baxmann такъ замѣчаетъ: (II. S. 56): „главное, на что смотрѣлъ во всемъ этомъ дѣлѣ папа, было то, какъ бы *это подчинить Риму*: то же замѣтно и въ письмѣ къ Salona, гдѣ имѣется въ виду и грековъ и славянъ расположить къ подобному подчиненію (Jaff.№ 2481, Hergenröther II, 611). Лишь

бы главенство папскаго престола было признано, *хотя бы то на словахъ*, Іоаннъ былъ бы готовъ на уступки, онъ не сталъ бы настаивать и на *Filioque*, и слѣд. не пошелъ бы противъ Фотія, съ которымъ въ послѣднее время онъ снова примирился".

Пока папское главенство ограничивалось только тѣмъ, чтобы покорять себѣ владѣтельныхъ князей и епископовъ и всѣхъ и все видѣть у ногъ своихъ, дѣло еще было сносно. Но когда папа восхотѣлъ быть и властителемъ *Вѣры*, когда онъ вздумалъ, по своему произволу ковать (schmieden) и *догматы* и *каноны*, тогда открылось—сколь разрушительна была его власть для церкви. И не удивительно: главенство, выродившееся изъ небреженія къ апостольскому преданію, должно было распространить свой произволъ и на залогъ вѣры; все однако же благоговѣйная боязнь предъ лицемъ восточной церкви и союзъ съ нею удерживали покуда Римъ въ предѣлахъ православія. Были правда и тогда нѣкоторыя особенныя западныя *мнѣнія*; но только послѣ схизмы папа имѣлъ духъ, или лучше—дерзкую отвагу возвести ихъ на степень догматовъ. За тѣмъ, когда уже папство выступило разъ на эту стремнистую дорогу, конца не было развитіямъ, и не будетъ, или лучше—кончится тѣмъ, что изъ первой лжи, будто папство есть *Iuris divini*, божественнаго происхожденія, извлечено будетъ конечное слѣдствіе, будто папа и непогрѣшимъ—*будете яко бози!* Такимъ то образомъ первая и послѣдняя ложь, подобно змію, который кусаетъ себѣ хвостъ, встрѣтятся между собою въ заколдованномъ своемъ кругу.

Не удивительно, что такое злокачественное созданіе, каково „главенство" и для построенія своего пользо-

валось ложью и обманомъ. „Основаніе и утвержденіе римской церковной власти совершилось", какъ говоритъ Frohschammer (Das Recht der eigenen Überzeugung, Leipzig, 1869), большею частію посредствомъ поддѣлокъ, въ особенности же посредствомъ такъ называемыхъ ложныхъ исидоровыхъ декреталій; посредствомъ поддѣлокъ, которыя состояли въ томъ, что права и опредѣленія, усвоенныя римскою церковію въ позднѣйшее время, переносимы были на времена гораздо древнѣйшія, чѣмъ и уваженіе къ нимъ ограждалось и значеніе ихъ утверждалось. Чтó бы тутъ ни говорили, вѣрно только то, что эти поддѣлки,—и въ большомъ размѣрѣ,—оказывались въ пользу римской іерархіи, и что они дознаны, какъ поддѣлки, и, какъ поддѣлки, открыто обличены только въ позднее время,—и ктому же еще—дознаны и обличены не римскою церковію, а наукою; такъ что въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій верховная церковная власть и ссылалась на эти ложные документы, и основывала на нихъ свои притязанія, и отражала ими всякое противорѣчіе или прекословіе. Спрашивается теперь: достойно ли это дѣйствительно божественнаго авторитета? Могутъ ли такая фальша и такой обманъ быть правымъ основаніемъ для церкви, яже есть столпъ и утвержденіе истины? И почему, если папство непогрѣшимо, не тотчасъ же оно узнало этотъ обманъ и не тотчасъ же отвратилось отъ него? Такъ нельзя возражать, будто это было дѣломъ историческаго изслѣдованія, ибо здѣсь идетъ рѣчь не о простыхъ, обыкновенныхъ историческихъ фактахъ, но о такихъ фактахъ, на которые ссылались для основанія божескаго права, и на которыхъ римская іерархія утверждала свои высшія, крайнія притязанія. Поло-

жимъ, теперь будутъ предложены церкви подобныя поддѣлки, подъ печатію ненарушимаго молчанія, — и также для того, чтобы основать на нихъ извѣстныя притязанія: ужели церковь, при всей сокровенности дѣла, закрытаго отъ всѣхъ и для всѣхъ, не должна будетъ отказаться отъ нихъ, и отказаться въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, именно потому, что она праведна и свята? Такъ вотъ, какъ теперь, такъ и тогда она должна была сдѣлать это, въ огражденіе своей правды и святости; и если она была дѣйствительно непогрѣшима, то она тотчасъ же должна была распознать этотъ обманъ, потому что обманъ этотъ касался *ея собственнѣйшаго внутреннѣйшаго существа*. Ужели Богъ могъ бы основать непогрѣшимый церковный авторитетъ, не давъ ему способности разпознать такую фальшу, которая, рано или поздно, такъ странно должна была компрометировать его и навести сомнѣніе не только на его прозорливость, но и на обыкновенную честность? Слѣд. непогрѣшимость папы и здѣсь не оказывается какъ что либо фактическое, ибо наукѣ, а не ей суждено было распознать и открыть эту фальшу. Какъ же теперь этотъ церковный авторитетъ можетъ наставить науку на всякую истину и быть для государства неложнымъ вождемъ ко всякой истинѣ и правдѣ, послѣ того какъ онъ въ собственной своей организаціи, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, не съумѣлъ распознать означеннаго обмана?

Протоіерей Н. Поповъ.

(*Окончаніе будетъ*)

ОЧЕРКЪ СЛУЖЕНІЯ

МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО ІОСИФА,

скончавшагося въ 1868 году.

(Извлеченіе изъ отчета г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода графа Д. А. Толстаго за 1868 годъ).

Кончина митрополита литовскаго Іосифа послѣдовала чрезъ годъ съ небольшимъ послѣ того, какъ скончался митрополитъ московскій Филаретъ. Такъ скоро, одинъ за другимъ, переселились эти два великіе святителя русской православной Церкви, полвѣка подвигомъ добрымъ подвизавшіеся для ея славы и блага. Дѣятельность святителя московскаго обозрѣна въ предшествующемъ отчетѣ; нынѣ предстоитъ изложить, въ главныхъ чертахъ, дѣятельность святителя литовскаго.

Вся жизнь покойнаго митрополита Іосифа посвящена была одному великому дѣлу—возсоединенію съ православною Церковію, нѣкогда насильственно отторгнутыхъ отъ нея, полутора милліоновъ греко-уніатовъ, и за тѣмъ утвержденію православной вѣры и русской народности въ западномъ краѣ.

По собственнымъ словамъ покойнаго митрополита Іосифа, родившись въ кіевской губерніи отъ уніатскаго священника, но среди православнаго населенія, и ходя постоянно, въ младенческомъ возрастѣ, къ богослуженію въ мѣстную православную церковь, онъ изъ дѣтства привыкъ питать чувства приверженности къ грекороссійской церкви, которой чадами нѣкогда были его предки. Этихъ чувствъ не ослабили въ немъ латино-польскія школы, гдѣ Іосифъ получилъ образованіе; напротивъ, размышленіе, изысканіе и потомъ опытность болѣе зрѣлыхъ лѣтъ убѣдили его совершенно: въ неизмѣнной чистотѣ вѣры греко-восточной церкви, въ нововведеніи римскою церковію догматовъ и постановленій, древней церкви неизвѣстныхъ, а также въ гибельныхъ послѣдствіяхъ возникшей въ Польшѣ уніи, какъ для отечества, такъ и для самихъ уніатовъ. Это убѣжденіе, по свидѣтельству митрополита, совершилось въ немъ въ 1826 году, чрезъ шесть лѣтъ послѣ окончанія курса въ главной семинаріи, бывшей при виленскомъ университетѣ, и онъ тогда же принялъ непоколебимое намѣреніе присоединиться къ прародительской грекороссійской православной церкви; но открывшіяся вскорѣ послѣ того обстоятельства заставили его думать, что онъ можетъ быть полезнымъ благому дѣлу возсоединенія уніатовъ съ православною церковію, и онъ отложилъ до времени исполненіе личнаго своего намѣренія.

Іосифъ въ то время былъ каноникомъ, и уже четыре года состоялъ членомъ римско-католической коллегіи, въ С.-Петербургѣ, по уніатскому ея департаменту. Здѣсь ему выяснились всѣ гоненія претерпѣваемыя уніатскою церковью, а къ завѣтному желанію возвращенія не только собственнаго, но и всего уніатскаго

народа на лоно православія, присоединялась надежда на счастливый исходъ этого великаго дѣла. Она сказалась въ его душѣ со вступленіемъ на престолъ блаженныя памяти императора Николая I, и еще болѣе усилилась съ появленіемъ Высочайшаго указа 18 октября 1827 года, предписывавшаго: наблюдать, чтобы уніаты не были обращаемы въ латинство; не допускать въ уніатское монашество латинянъ, во множествѣ устремлявшихся принять оное единственно въ видахъ пропаганды и корысти; учредить училища для обученія дѣтей греко-уніатскаго духовенства, получавшихъ дотолѣ образованіе подъ гнетущимъ вліяніемъ латинскаго духовенства, жаждавшаго, вмѣстѣ съ поляками, путемъ обученія растлить въ греко-уніатскомъ духовенствѣ, а чрезъ него и въ народѣ, и вѣру и народность.

Обрадованный появленіемъ этого указа и въ немъ предусматривая свѣтлую зарю желанной ясной будущности греко-уніатской церкви, молодой каноникъ Іосифъ тогда же (1827 г.) рѣшился представить справедливому и мудрому вниманію Державнаго Вѣнценосца истинное положеніе своей церкви. Имъ составлена и, по начальству, представлена была на Высочайшее усмотрѣніе записка. Въ этой замѣчательной запискѣ Іосифъ, изложивъ все бѣдственное положеніе современной уніатской церкви подъ гнетомъ римско-католической іерархіи и особенно базиліанскаго ордена, представлялъ, что въ недалекомъ будущемъ грозитъ опасность совершеннаго совращенія полутора милліона уніатовъ въ латинство, и умолялъ отдѣлить уніатовъ, какъ можно больше, отъ римлянъ, отъ вліянія базиліанскаго ордена, особенно же привести въ дѣйствіе Высочайшую волю относительно учрежденія училищъ для уніатскаго духовнаго юноше-

ства. „Стоитъ дать, посредствомъ воспитанія, надлежащее направленіе умамъ духовенства полутора тысячъ уніатскихъ приходовъ, и народъ легко пойдетъ путемъ, пастырями своими указываемымъ",—писалъ Іосифъ; настаивалъ же онъ въ своей запискѣ на непремѣнномъ исполненіи этой мѣры потому, что видѣлъ, по его словамъ, уже не разъ „распоряженія правительства по части католическаго исповѣданія не достигшими преднамѣренной цѣли, и невольно опасался, дабы и сіе не осталось втунѣ по проискамъ интереса, ревностію къ вѣрѣ прикрываемаго, и недосмотру мѣстныхъ властей".

Это было первое заявленіе Іосифа передъ правительствомъ, сильное, настойчивое, исполненное, по его словамъ, „смѣлости, можетъ быть слишкомъ далеко простертой; но да простится сіе, прибавлялъ онъ, тому усердію и ревности, съ каковыми я желалъ бы видѣть полтора милліона истинно-русскаго народа ежели не соединеннымъ, то по крайней мѣрѣ, приближеннымъ, ежели не совершенно дружнымъ, то и не враждебнымъ къ старшимъ своимъ братьямъ, — видѣть сей народъ усерднымъ къ вѣрѣ своихъ предковъ, къ пользамъ своего отечества, къ службѣ общаго отца-Государя".

Вѣнценосный Отецъ выслушалъ горячую мольбу вѣрноподданнаго сына, и не далѣе какъ въ первой половинѣ слѣдующаго года (22 апрѣля 1828 г.) состоялся Высочайшій указъ какъ бы въ отвѣтъ на записку Іосифа. Этимъ указомъ предписывалось: образовать для управленія уніатами особую духовную коллегію, совершенно независимую отъ римско-католической; учредить подъ вѣдѣніемъ оной, вмѣсто бывшихъ четырехъ, двѣ епархіи: бѣлорусскую и литовскую, и при нихъ — консисторіи; всѣ базиліанскіе монастыри подчинить архіереямъ этихъ

епархій и консисторіямъ; въ каждой изъ этихъ епархій учредить семинарія и низшія училища.

Съ изданіемъ этого указа дѣятельность Іосифа на пользу предпринятаго имъ дѣла принимаетъ широкіе размѣры. Онъ отражаетъ появившіеся вскорѣ противу упомянутаго указа протесты со стороны римскаго двора. Въ качествѣ члена новосозданной грекоуніатской коллегіи, Іосифъ руководитъ ея дѣятельностію и достигаетъ между прочимъ того, что въ 1834 г. всѣ уніатскіе епископы, собравшись въ этой коллегіи, составляютъ соборное опредѣленіе о томъ, чтобы принять для богослуженія въ руководство книги, употребляемыя православною церковію, устроить въ уніатскихъ храмахъ иконостасы и завести утварь и облаченіе по примѣру греко-восточной церкви. Въ санѣ епископа литовской уніатской епархія Іосифъ самъ приводитъ въ строгое исполненіе указъ 22 апрѣля 1828 г. и упомянутое положеніе греко-уніатской коллегіи; по порученію правительства, обозрѣваетъ бѣлорусскую епархію, всматривается въ положеніе тамъ уніатскаго дѣла и представляетъ соображенія о мѣрахъ къ наилучшему направленію его для достиженія одной для обѣихъ епархій общей цѣли возсоединенія уніатовъ.

Изумительна, за это время, дѣятельность Іосифа по литовской епархіи и по обозрѣнію бѣлорусской, значительно подвинувшая впередъ дѣло возсоединенія. Въ короткій періодъ времени, именно съ 1833 г. по 1837 годъ, литовская епархія какъ бы переродилась подъ неотразимымъ вліяніемъ Іосифа, за всѣмъ зорко слѣдившаго, неотступно настаивавшаго и проницательно предусматривавшаго и отстранявшаго все, что сколько нибудь могло препятствовать осуществленію святаго дѣла.

Такъ какъ къ уніатскому исповѣданію принадлежалъ почти одинъ простой народъ, а для него наружность составляла, по соображеніямъ Іосифа, едва ли не важнѣйшее препятствіе обращенія къ православію, то Іосифъ находилъ нужнымъ прежде всего возстановить по уніатскимъ церквамъ устройство и обряды богослуженія, свойственныя греко-россійской церкви. Мѣру эту преосвященный Іосифъ находилъ нужнымъ привести въ дѣйствіе прежде другихъ мѣръ и потому особенно, что она, при всей своей практической важности, не касалась догматическихъ основаній вѣры и не представляла ни уніатскому духовенству, ни римлянамъ, никакого основательнаго повода къ противодѣйствію или къ справедливымъ жалобамъ.

Начато было съ иконостасовъ. Ихъ было до 1833 г. въ литовской епархіи только 123, а въ указанномъ году преосвященный Іосифъ назначилъ сто десять лучшихъ приходскихъ церквей для сооруженія въ нихъ иконостасовъ въ теченіи одного года, подъ отрѣшеніемъ, въ случаѣ неисполненія этого распоряженія, настоятелей сихъ церквей отъ приходовъ. Мѣра эта оказалась успѣшною и съ одной стороны устранила предлогъ къ отговоркамъ прочаго духовенства, а съ другой дала преосвященному Іосифу, по его объясненію, болѣе смѣлости требовать содѣйствія мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ къ устройству иконостасовъ по остальнымъ бѣднѣйшимъ церквамъ, такъ что въ 1837 году, кромѣ помянутыхъ 123 иконостасовъ, ими снабжено было 641 приходскихъ или приписныхъ церквей, и осталось безъ иконостасовъ только 15 приходскихъ церквей, большею частію требовавшихъ предварительной капитальной починки. Вмѣстѣ съ устройствомъ иконо-

стасовъ упразднены были какъ главные, такъ и боковые престолы, бывшіе въ уніатскихъ церквахъ, по обыкновенію римлянъ, у стѣнъ церковныхъ. На мѣсто первыхъ сооружено 774 престола по правиламъ восточной церкви среди олтаря; послѣднихъ же упразднено 732. Кромѣ того проданы или разобраны бывшіе по приходскимъ и монастырскимъ церквамъ органы въ числѣ 117, и упразднено 414 амбоновъ, безобразившихъ только церкви. Дискосовъ въ литовской епархіи преосвященный Іосифъ нашелъ только 2, звѣздицъ 52 и копій 2. Въ теченіи же четырехъ первыхъ лѣтъ управленія преосвященнаго Іосифа епархіею сдѣлано вновь: дискосовъ 748; звѣздицъ 705; копій 767, знаменниковъ, коихъ совсѣмъ не было, 760; пріобрѣтено плащаницъ 148. Приличныя ризы едва находились въ 94 церквахъ,— сдѣлано ихъ вновь для 517 церквей. Святые Дары хранились въ циборіяхъ и пушкахъ (чаши съ крышкою) по римскому обыкновенію; въ замѣнъ ихъ пріобрѣтены дарохранительницы для 503 церквей. „Мнѣ пріятно было видѣть, писалъ преосвященный Іосифъ, что и вновь сдѣланные по церквамъ сосуды и утвари, по большей части изъ Москвы выписанные, и для тамошнихъ мѣстъ довольно красивые, дѣлаютъ удовольствіе народу и располагаютъ оный къ благой цѣли.“ На покрытіе отчасти издержекъ по пріобрѣтенію означенныхъ выше сосудовъ и утварей обращены были преосвященнымъ Іосифомъ бывшія при уніатскихъ церквахъ такъ называемыя монстранціи, употреблявшіяся по римскому обыкновенію для ношенія Св. Даровъ во время крестныхъ ходовъ, чѣмъ, по замѣчанію преосвященнаго Іосифа, „не только упразднился самымъ дѣломъ таковый не свойственный восточной Церкви обрядъ, но и какъ бы ос-

тался безъ дѣйствія праздникъ Тѣла Христова, уніатами у римлянъ заимствованный.“

Совокупно съ этими матеріальными преобразованіями слѣдовало возстановленіе богослуженія, до невѣроятности искаженнаго. Здѣсь, по свидѣтельству преосвященнаго Іосифа, не только нужно было наставлять духовенство въ правилахъ и обрядахъ богослуженія, но большую часть его учить понимать даже обѣдню, учить пѣнію, правильному произношенію и самому чтенію. Ближайшее наученіе духовенства возложено было на благочинныхъ, предварительно поставленныхъ и испытанныхъ предъ епархіальнымъ начальствомъ. Чтобы усилить успѣхъ этого дѣла, преосвященный Іосифъ назначилъ священникамъ для той же цѣли бывать лично при каѳедральномъ соборѣ по очереди или по особымъ случаямъ. Въ теченіи четырехъ лѣтъ перебывало такимъ образомъ священниковъ при соборѣ четыреста тридцать одинъ.

Для введенія однообразія въ богослуженіи и для сближенія уніатовъ съ православными, розданы по всѣмъ уніатскимъ церквамъ служебники и книги молебныхъ пѣній, печатанныя въ Москвѣ для церквей православныхъ. Отдаленною цѣлію раздачи сихъ книгъ было также выведеніе изъ употребленія искаженныхъ уніатскихъ служебниковъ; а такъ какъ изъ этихъ служебниковъ читались также Евангеліе и Апостолъ, въ большей же половинѣ церквей литовской епархіи этихъ священныхъ книгъ уже не имѣлось, то для такихъ церквей пріобрѣтены преосвященнымъ Іосифомъ Евангеліе и Апостолъ московской печати. За симъ сдѣланъ былъ уже опытъ изъятія изъ употребленія уніатскихъ служебниковъ по одному благочинію (новогруд-

скому), заключавшему въ себѣ 56 церквей. Отобраны были почти всѣ служебники, въ числѣ 120, и отданы для храненія въ каѳедральный соборъ безъ малѣйшаго, по свидѣтельству преосвященнаго Іосифа, сопротивленія. Распространенію тогда этой мѣры на всю епархію препятствовало то, что при большей части церквей не имѣлось октоиховъ, миней и тріодей, безъ коихъ нѣкоторыя церковныя моленія должны были по необходимости заимствоваться изъ прежнихъ уніатскихъ служебниковъ.

Въ видахъ возстановленія правильнаго богослуженія по всѣмъ уніатскимъ церквамъ литовской епархіи, принимались преосвященнымъ постоянно мѣстныя мѣры къ образованію наличныхъ причетниковъ; кромѣ того, они обучались въ особомъ училищѣ при каѳедральномъ соборѣ. Въ теченіи трехъ лѣтъ изъ этого училища выпущено 150 дьячковъ. Изъ нихъ 57 опредѣлены къ церквамъ, вовсе не имѣвшимъ дьячковъ, а остальные отпущены на прежнія ихъ мѣста. Оставалось еще 237 церквей, при коихъ не было штатныхъ дьячковъ, почему не могли еще быть воспрещены вездѣ читанныя обѣдни, называвшіяся мшами. По отношенію къ такимъ церквамъ, въ видѣ предварительной мѣры, предписано было, чтобы на этихъ обѣдняхъ сохранялись всѣ обряды правильнаго богослуженія. За исключеніемъ этихъ церквей, заимствовавшихся впрочемъ иногда сторонними дьячками, богослуженіе, особенно литургія, по прочимъ церквамъ заведено было въ достаточномъ порядкѣ и, по свидѣтельству преосвященнаго Іосифа, часъ отъ часу утверждалось, къ удовольствію самого народа, смотрѣвшаго прежде съ недовѣрчивостію на производившіяся въ его глазахъ перемѣны.

Между тѣмъ преосвященнымъ предпринимаемы были мѣры, долженствовавшія дѣйствовать и направлять все по епархіи къ благой цѣли. Такъ, каѳедральный Жировицкій соборъ, съ самаго начала управленія преосвященнымъ Іосифомъ литовскою епархіею, по случаю новой отдѣлки его, очищенъ отъ наполнявшихъ его принадлежностей римскаго богослуженія и устроенъ по правиламъ восточной Церкви. Къ этому собору назначенъ штатъ изъ свѣдущихъ въ богослуженіи духовныхъ лицъ, извѣстныхъ своимъ благоразуміемъ и благонадежностію. Тутъ правильное богослуженіе и обряды онаго возстановлялись постепенно съ должною осмотрительностію; духовенство, сюда стекавшееся, прилѣплялось къ нимъ одною привычкою и разносило по епархіи здравыя понятія, такъ что преосвященный Іосифъ не имѣлъ нужды издавать преждевременныя общія расположенія, а сѣялъ, по его выраженію, на приготовленные уже умы. Далѣе, со вступленіемъ на литовскую епархію, преосвященный Іосифъ очистилъ, подъ благовидными предлогами, консисторію и семинарію отъ бывшихъ въ нихъ нѣсколькихъ неблагонадежныхъ лицъ, и съ того времени оба эти мѣста сдѣлались самыми полезными орудіями благаго дѣла. Точно также въ самомъ началѣ управленія литовскою епархіею преосвященный Іосифъ учредилъ епархіальныхъ экзаменаторовъ и назначилъ на эти должности шесть изъ первѣйшихъ членовъ консисторіи и правленія семинаріи. Они собирались по временамъ и совмѣстно испытывали назначаемыхъ для того священниковъ въ свѣдѣніяхъ, необходимыхъ вообще для духовнаго лица, а въ особенности въ знаніи правильнаго богослуженія. Эта мѣра, по свидѣтельству преосвященнаго, оказалась весьма полезною

не только къ доброму направленію умовъ и распространенію по епархіи здравыхъ понятій, но также для возстановленія, безъ крутыхъ мѣръ, чрезвычайно ослабѣвшей между духовенствомъ дисциплины; довольно было, говорилъ преосвященный, подвергнуть какого либо безпокойнаго священника испытанію и обличить въ невѣжествѣ, чтобы сдѣлать его смирнымъ и лишить вліянія на духовенство.

Приготовляя такимъ образомъ средства епархіальнаго управленія и направленія умовъ, преосвященный Іосифъ заботился о томъ, чтобы сдѣлать уніатское духовенство по возможности русскимъ, приблизить его къ системѣ іерархическаго управленія греко-россійской Церкви, убѣдить въ истинѣ вѣры, исповѣдуемой сею Церковію. Въ видахъ введенія между уніатами употребленія русскаго языка, преосвященный, не останавливаясь на ожиданіи медденныхъ послѣдствій воспитанія духовнаго юношества въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ, съ самаго начала управленія литовскою епархіею, всѣ распоряженія и предписанія чрезъ консисторію и благочинныхъ дѣлалъ на русскомъ языкѣ; равно и къ нему всѣ представленія, рапорты и прошенія представлялись только на русскомъ языкѣ; на этомъ же языкѣ велись всѣми священниками метрическія книги. Чтобы разогрѣть уніатское духовенство чувствомъ русскаго духа—возобновлялась при всякомъ возможномъ случаѣ память русскаго происхожденія уніатовъ, понесенныя ими отъ поляковъ угнѣтенія, и отеческое попеченіе русскаго правительства объ уніатахъ. „Могу увѣрить, писалъ преосвященный, что, чуждая прежде, мысль — гордиться именемъ и происхожденіемъ русскаго нынѣ драгоцѣнна для весьма значительной части подчиненнаго мнѣ духо-

венства". Для охлажденія отношеній этого же духовенства къ латинянамъ — представлялись ему постоянныя усилія сихъ послѣднихъ къ уничтоженію и истребленію уніатовъ, возобновлялись пріостановленныя разныя дѣла между уніатами и римлянами, а особенно о возвращеніи опять въ унію совращенныхъ римлянами уніатовъ; объяснялось также, что уніаты держатся противъ преобладанія латинянъ единственно защитою русскаго правительства и законовъ, изданныхъ въ охраненіе православнаго исповѣданія. Чтобы сближать и часъ отъ часу болѣе напоминать единство уніатовъ съ православными—вводились постепенно постановленія греко-россійской Церкви; заведено управленіе посредствомъ консисторіи; упразднены прежнія римскія канцелярскія формы; введены ставленическія граматы на славянскомъ языкѣ по формѣ, употребляемой въ православной церкви; возобновлено забытое уніатами посвященіе въ протопресвитеры и игумены, а также въ низшія причетническія должности; назначены во многимъ церквамъ діаконы; возстановлено благословеніе отличнѣйшихъ духовныхъ набедренниками. Чтобы ознакомить духовенство съ мыслію лишиться папы — уничтожена присяга на вѣрность папѣ, произносившаяся уніатами-священниками предъ рукоположеніемъ, а также предъ назначеніемъ въ настоятели; введена присяга предъ рукоположеніемъ въ самомъ каѳедральномъ соборѣ по формѣ, употребляемой въ греко-россійской Церкви; велѣно производящимся въ настоятели произносить вѣрноподданническую присягу въ самой консисторіи; выведено первоначально именованіе папы въ церковныхъ моленіяхъ *вселенскимъ*, а потомъ, при большихъ входахъ на литургіи, преосвященный уже вовсе не поминалъ папы.

Чтобы убѣдить духовенство въ православіи греко-россійской Церкви — распространялись здравыя понятія преимущественно чрезъ словесныя наставленія и внушенія благонадежныхъ должностныхъ лицъ; раздавался священникамъ изданный отъ Святѣйшаго Синода пространный катихизисъ; распространены между духовенствомъ извѣстные разговоры о православіи греко-россійской Церкви, сочиненіе митрополита Филарета. Самая раздача служебниковъ московской печати употреблена преосвященнымъ Іосифомъ какъ средство догматическое. При открытіи по сему случаю нѣкотораго противодѣйствія, преосвященный Іосифъ назначилъ брать отъ вызываемыхъ къ каѳедральному собору священниковъ безусловныя подписки въ томъ, что они будутъ служить по этимъ служебникамъ. Такія подписки въ 1837 г. взяты были уже отъ 302 священниковъ, которые почти всѣ были убѣждены, что этими подписками обязались принять православіе. „Мнѣ извѣстно также, писалъ преосвященный Іосифъ, что многіе священники, иные по простотѣ, а иные нарочно, придерживаясь буквально московскаго служебника, пропускаютъ уже, особенно въ эктеніяхъ, воспоминаніе папы".

Но догматическому убѣжденію въ православіи греко-россійской Церкви едва ли не болѣе всего способствовала Литовская семинарія, по заботливости преосвященнаго, замѣщенная усердными и благонадежными наставниками. Здѣсь, по его свидѣтельству, не довольствовались хладнокровнымъ историческимъ прохожденіемъ спорныхъ вопросовъ, раздѣляющихъ восточную и западную церкви; но разбирали ихъ добросовѣстно, повѣряли тщательно и торжественно утверждали вѣрованіе восточной Церкви. Такимъ образомъ семинарія не

только доставляла уже православныхъ по убѣжденію новопоставляемыхъ священниковъ, но и необходимо дѣйствовала, посредствомъ юношества, на убѣжденіе самихъ родителей; „не естественно же родителямъ, по замѣчанію преосвященнаго, считать еретиками своихъ дѣтей, особенно лучше себя образованныхъ“.

Результатомъ такой энергической и многообъемлющей дѣятельности преосвященнаго Іосифа въ Литовской епархіи, въ теченіи первыхъ четырехъ лѣтъ управленія ею, было то, что, по свидѣтельству преосвященнаго, многіе изъ принадлежавшихъ къ его епархіи уніатскихъ священниковъ готовы были по убѣжденію принять православіе. Въ подтвержденіе сего преосвященный представлялъ въ 1837 г. списки 114 духовныхъ лицъ, письменно изъявившихъ готовность присоединиться во всякое время къ православной церкви, и собственноручныя ихъ о томъ объявленія. Въ числѣ сихъ лицъ были всѣ начальствующіе по епархіальному и училищному управленію, всѣ учители семинаріи и находившагося при ней уѣзднаго училища, всѣ почти настоятели монастырей, всѣ благочинные, почти всѣ вице-благочинные, множество духовныхъ депутатовъ и другихъ должностныхъ лицъ—словомъ почти всѣ, имѣвшіе какое нибудь оффиціальное или нравственное вліяніе. Преосвященный находилъ въ это время неблагоразумнымъ усиливаться получить подобныя объявленія отъ остальнаго низшаго духовенства, а только вытребовалъ отъ благочинныхъ формальные рапорты съ удостовѣреніемъ о готовности подчиненныхъ имъ священниковъ присоединиться къ греко-россійской Церкви. Многіе изъ благочинныхъ поручились безусловно за свое духовенство, а прочіе показали приблизительно священниковъ, на коихъ можно со-

вершенно положиться, а также и таких, из коих одни еще сомнительны, а другіе не благонадежны. Впрочемъ преосвященный испыталъ, что благочинные были слишкомъ осторожны въ своихъ рапортахъ, такъ что нѣкоторые священники, показанные ими въ числѣ неблагонадежныхъ, оказывались передъ преосвященнымъ рѣшительно готовыми обратиться къ православію. Поляки же и римляне въ предѣлахъ Литовской епархіи, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, ослабѣли въ своихъ усиліяхъ препятствовать намѣреніямъ правительства, не находя къ сему ни предлога, ни пособія въ самомъ ходѣ уніатскаго дѣла. Они видѣли въ то время противодѣйствіе невозможнымъ и послѣдствія необходимыми. „Колеи проложены, писалъ преосвященный, машина устроена и поставлена на мѣстѣ; стоитъ только тронуть,—и нужна весьма уже неискусная рука, чтобы не доставила тяжести по назначенію".

Такъ было направлено дѣло возсоединенія уніатовъ въ Литовской епархіи преосвященнымъ Іосифомъ. Совершенно въ иномъ положеніи оказалось оно въ другой грекоуніатской епархіи, именно Бѣлорусской, находившейся не подъ его начальствомъ. По отчету преосвященнаго Іосифа, представленному имъ по обозрѣніи въ 1837 г., по порученію правительства, Бѣлорусской епархіи, четыре года дѣятельности, употребленной въ Литовской епархіи на перерожденіе уніатовъ въ русскихъ православныхъ, въ Бѣлорусской прошли преимущественно въ попыткахъ православнаго духовенства частно обращать уніатовъ къ православію. Было обращено 100 т. уніатовъ, но, по замѣчанію преосвященнаго Іосифа, этихъ уніатовъ не было надобности въ то время и обращать: они почти исключительно нахо-

дились въ имѣніяхъ казенныхъ или русскихъ помѣщиковъ; они такъ мало измѣнились въ римлянъ, такъ были близки къ православнымъ, что во всякое время было бы легко присоединить ихъ къ православію. Преждевременное же отдѣленіе ихъ отъ прочихъ уніатовъ повредило дальнѣйшему успѣху въ тѣхъ мѣстахъ уніатскаго дѣла. Эти сто тысячъ уніатовъ, по соображеніямъ преосвященнаго Іосифа, были бы надежною опорою для дѣйствій собственно уніатскаго духовнаго начальства на прочихъ уніатовъ; но эта опора была потеряна, и остававшіеся въ предѣлахъ Бѣлорусской епархіи 620 т. уніатовъ находились почти исключительно въ имѣніяхъ и подъ вліяніемъ польскихъ помѣщиковъ и римскаго духовенства.

Между тѣмъ православное духовенство, въ обращеніяхъ этихъ, по духу самой принятой имъ системы, дѣйствовало противъ уніатовъ какъ бы противъ чуждыхъ ему. Гражданское Бѣлорусское начальство, по словамъ преосвященнаго Іосифа, обращало единственно вниманіе на то, чтобы способствовать системѣ православнаго духовенства.—Уніатское епархіальное начальство было какъ бы разобщено и не имѣло необходимаго единства; а отъ главнаго начальника епархіи, по свидѣтельству преосвященнаго Іосифа, къ сожалѣнію, издавались иногда распоряженія, возбуждавшія въ латинствующихъ уніатахъ надежду на его покровительство. Консисторія и правленіе семинаріи должны были необходимо колебаться въ своихъ дѣйствіяхъ и по недостатку силы, и по запутанности самихъ обстоятельствъ.

Въ такомъ положеніи, духовенство Бѣлорусской епархіи, по объясненію преосвященнаго Іосифа, должно было по необходимости или наблюдать мертвое равнодушіе,

или, уступая чувству личной защиты, обратить свои взоры къ единственной точкѣ, откуда могло ожидать таковой защиты, т. е. къ римляно-польской партіи. А этой партіи, при указанномъ расположеніи умовъ, легко было дѣйствовать: ей во всемъ готовы были вѣрить. Ей вѣрили, что уніатскіе священники, по принятіи православія, будутъ отосланы въ великороссійскія епархіи, а на ихъ мѣста будутъ выписаны оттуда православные священники. Ей вѣрили, что всѣмъ уніатамъ, не желающимъ принять православія, дозволено будетъ перейдти въ римское исповѣданіе, а священники получатъ или римскіе приходы или пенсіи отъ правительства. Нельзя было, писалъ преосвященный Іосифъ, выдумать болѣе дѣйствительнаго средства, чтобы съ одной стороны отклонить уніатское духовенство отъ принятія православія, а съ другой—представить болѣе привлекательную надежду латинствующимъ уніатскимъ священникамъ.

При такомъ колебаніи въ Бѣлорусской епархіи, очевидно, въ ней не могло быть ни того постояннаго, твердаго и всеобъемлющаго направленія дѣйствій къ общему перерожденію уніатовъ, ни тѣхъ результатовъ, что по Литовской епархіи. При меньшемъ, сравнительно съ этою послѣднею, числѣ церквей въ Бѣлорусской епархіи, при бывшихъ уже въ ней прежде 230 иконостасахъ, при большихъ удобствахъ къ устроенію и меньшемъ противъ оныхъ предубѣжденіи — еще болѣе ста церквей въ Бѣлорусской епархіи оставалось безъ иконостасовъ. На устройство церквей въ прочихъ отношеніяхъ и снабженіе ихъ приличною утварью и священными облаченіями еще менѣе обращено было вниманія, за исключеніемъ церквей въ окрестностяхъ Витебска, гдѣ по этой части преосвященнымъ Іосифомъ усмотрѣна

была особенная старательность. О пріобрѣтеніи евангелій и апостоловъ не думали. Попеченіе о возстановленіи правильнаго богослуженія ограничивалось почти одними общими предписаніями, чтобы оно отправлялось по правиламъ восточной церкви. Впрочемъ нѣкоторыя распоряженія по Литовской епархіи объ устройствѣ церквей были примѣняемы и къ Бѣлорусской, но здѣсь онѣ не опирались на предварительномъ подготовленіи умовъ и не были сопутствуемы нужными мѣрами исполненія, а потому и не принесли плодовъ. Слабость однакожъ дѣйствій по матеріальному преобразованію Бѣлорусской епархіи преосвященный Іосифъ признавалъ не особенно важнымъ дѣломъ: онъ находилъ, что это упущеніе легко исправить. Болѣе и особенно важнымъ находилъ онъ то, что дѣйствія эти очень мало имѣли вліянія на религіозное и нравственно-политическое убѣжденіе духовенства. При всѣхъ мѣрахъ, какія только нашелъ возможнымъ принять преосвященный Іосифъ при ревизіи Бѣлорусской епархіи, едва нашлось пятнадцать должностныхъ лицъ, обязавшихся присоединиться къ православію, и то съ оговорками, обнаруживавшими недовѣрчивость и опасеніе.

Изображая въ своемъ обозрѣніи положеніе дѣлъ въ Бѣлорусской епархіи, преосвященный Іосифъ не находилъ впрочемъ оное отчаяннымъ, такъ какъ бѣлорусскіе уніаты менѣе переродились въ римлянъ, чѣмъ въ прежнѣе время литовскіе, и еще болѣе утверждены были за восточною церковію благонамѣренными пастырями, покойными: митрополитомъ Лисовскимъ и архіепископомъ Красовскимъ. И то самое, что при колебаніи бѣлорусскихъ уніатовъ въ разныя стороны, не открылось тамъ еще большаго разстройства, — это, по соображе-

ніямъ преосвященнаго Іосифа, свидѣтельствовало уже, что еще не все испорчено, и можно дѣло поправить. Нужно только, писалъ онъ, дать самому епархіальному начальству хорошее направленіе и единство въ дѣйствіяхъ; нужно, чтобы это начальство, при надлежащемъ благоразуміи, имѣло довольно силы для защиты благонадежныхъ изъ духовенства и обузданія злонамѣренныхъ; нужно, чтобы дѣйствія по уніатскому епархіальному управленію соединены были одною мыслію съ дѣйствіями по мѣстному гражданскому и духовному грекороссійскому управленіямъ; нужно особенно, прибавлялъ преосвященный Іосифъ, чтобы гражданское начальство обуздывало всякое противодѣйствіе со стороны чуждыхъ уніатамъ польскихъ помѣщиковъ и римскаго духовенства.

При объѣздѣ же Бѣлорусской епархіи, преосвященный Іосифъ, указаніями и наставленіями, по возможности, исправлялъ усмотрѣнные имъ недостатки въ устройствѣ церквей и дѣлалъ даже общія распоряженія, давая Бѣлорусской консисторіи предложенія отъ себя: такъ напр. онъ предложилъ консисторіи назначить шестимѣсячный срокъ для сооруженія иконостасовъ и престоловъ, выписать для церквей Евангелія и Апостолы московской печати и т. п. Во многихъ церквахъ Бѣлорусской епархіи, подобно какъ и при обозрѣніи Литовской, преосвященный Іосифъ заставлялъ служить монастырскихъ настоятелей и мѣстныхъ благочинныхъ, избирая для сего такіе особенно пункты, изъ которыхъ данныя имъ наставленія могли бы болѣе дѣйствовать на сосѣднее духовенство; особенно заботился онъ распространять здравыя понятія о тогдашнемъ положеніи уніатскаго дѣла, дѣйствовать на нравственное и религіозное убѣжденіе духовенства, и пріобрѣсть надежныхъ дѣ-

лателей на благомъ поприщѣ, людей же вредныхъ удалялъ. Сдѣланныя преосвященнымъ Іосифомъ внушенія и наставленія къ Бѣлорусской епархіи, по его замѣчанію, хотя и не могли имѣть такого успѣха, какъ тѣ, которыя даны имъ были при обозрѣніи своей епархіи, гдѣ, управляя ею непосредственно, направляя постоянно, въ теченіи четырехъ лѣтъ, всѣ дѣйствія по оной, наблюдая неусыпно послѣдствія и впечатлѣнія дѣланныхъ имъ распоряженій, держа въ рукѣ, такъ сказать, всѣ нити частныхъ и общихъ соотношеній, онъ легко могъ располагать умами; при всемъ томъ оставленныя имъ въ Бѣлорусской епархіи наставленія произвели довольно благопріятное впечатлѣніе въ умахъ духовенства. Такъ преосвященный Іосифъ, приводя свою паству къ православію, явился горячимъ пособникомъ сего святаго дѣла и въ Бѣлорусской епархіи.

Завѣдываніе всѣми духовными дѣлами греко-уніатскаго исповѣданія возложено было въ 1837 г., по Высочайшему повелѣнію, на оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, съ тѣми же правами и на томъ же основаніи, какъ это было предоставлено дотолѣ министру внутреннихъ дѣлъ. Осуществленія подобной мѣры преосвященный Іосифъ постоянно желалъ, и не далѣе, какъ за годъ передъ тѣмъ настоятельно обращалъ вниманіе правительства на положительную необходимость поспѣшить приведеніемъ ея въ исполненіе въ видѣ переходящей мѣры, выражая при этомъ, что окончательно уніаты должны быть подчинены прямо Святѣйшему Синоду. Эту мѣру онъ признавалъ самою надежною для уніатскаго дѣла: по прочности, которую она дала бы этому дѣлу, по рѣшительному нравственному вліянію на уніатовъ, по доставляемой возможности

удобнѣе бороться съ противодѣйствующими, наконецъ потому, что этимъ распоряженіемъ можно было бы вскорѣ воспользоваться для поминанія уніатами при богослуженіи Святѣйшаго Синода вмѣсто папы.

Ту же мысль преосвященный Іосифъ оффиціально выражалъ въ 1838 году, будучи уже предсѣдателемъ греко-уніатской коллегіи вмѣсто греко-уніатскаго митрополита Іосафата Булгака, управлявшаго бѣлорусскою епархіею, и въ началѣ того года скончавшагося. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представлялъ о необходимости начавшееся и существующее уже духовное единеніе между православною и уніатскою церквами въ Россіи утвердить сколь можно поспѣшнѣе единеніемъ наружнымъ, юридическимъ, и подробно выяснялъ не только общія основанія для сего, но и всѣ дальнѣйшія мѣры, которыя должны будутъ истечь изъ этого акта. Представленіе это преосвященный Іосифъ основывалъ на общей почти готовности духовенства его епархіи къ возсоединенію съ православіемъ, въ чемъ онъ удостовѣрился чрезъ новыя собственноручныя подписки духовныхъ лицъ и чрезъ вызовъ, для испытанія при каѳедральномъ соборѣ, всѣхъ ихъ, за исключеніемъ тѣхъ, въ благонадежности коихъ ручались благочинные. Въ 1838 г. изъ 1.057 человѣкъ бѣлаго духовенства изъявили подписками полную готовность присоединиться 926 лицъ. И по бѣлорусской епархіи, гдѣ послѣ обозрѣнія преосвященнымъ Іосифомъ, принятыми по его представленію мѣрами, дѣла быстро пошли впередъ, изъ числа 680 духовныхъ лицъ 415 дали въ томъ же году подписки принять православіе въ случаѣ общаго къ оному присоединенія.

Въ дѣлахъ главнаго духовнаго управленія сохранились три собственноручныя записки: преосвященнаго Ан-

тонія, бывшаго епископа брестскаго, викарія литовской епархіи, и покойныхъ митрополитовъ: кіевскаго Филарета и московскаго Филарета, подписанныя: первая 4 іюля, вторая 13 декабря и третья 16 декабря 1838 г. Записки эти вполнѣ подтверждали всю справедливость приведенныхъ настояній преосвященнаго Іосифа. Епископъ Антоній, свидѣтельствуя, что въ литовской епархіи никакого нѣтъ препятствія къ скорому окончательному присоединенію греко-уніатской церкви къ греко-россійской, и что въ бѣлорусской епархіи должно ожидать быстрыхъ успѣховъ за принятыми тамъ рѣшительными мѣрами и за распространившимся извѣстіемъ о совершенной готовности литовской епархіи къ присоединенію, признавалъ нужнымъ поспѣшить окончаніемъ присоединенія. Митрополитъ кіевскій Филаретъ писалъ, что, во время проѣзда его чрезъ губерніи Витебскую и Могилевскую и пребыванія въ Кіевѣ, при личныхъ совѣщаніяхъ съ преосвященными: могилевскимъ, волынскимъ и полоцкимъ, онъ совершенно убѣдился въ томъ, что справедливость и самое состраданіе къ греко-уніатскому духовенству и прихожанамъ требуютъ, чтобы правительствомъ приняты были надежныя мѣры къ возвращенію ихъ въ нѣдра праотеческой греко-россійской церкви. Митрополитъ московскій Филаретъ между прочимъ писалъ: „всѣ епископы греко-уніатскіе, большая часть начальниковъ монастырей и двѣ трети приходскихъ священниковъ, послѣ внутреннихъ между ними совѣщаній, письменно изъявили согласіе на возсоединеніе — сумма согласія, которая не только даетъ право, но нѣкоторымъ образомъ налагаетъ обязанность дѣйствовать, дабы оказана была справедливость дѣлу, безспорно достойному покровительства, и дабы возбу-

дившееся благое расположеніе, при замедленіи содѣйствія, не подверглось искушенію охлажденія."

Эти свидѣтельства и соображенія весьма важны. Они ясно показывали, съ одной стороны, что преосвященный Іосифъ, доказывая необходимость поспѣшить возсоединеніемъ, не увлекался своимъ дѣломъ, но, сохраняя къ нему строгое безпристрастіе, указывалъ истинное его положеніе, а съ другой—что послѣдовавшее за тѣмъ возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію совершилось не путемъ насилія со стороны послѣдней и не по безотчетной рѣшимости.

Наступилъ незабвенный въ исторіи русской церкви 1839 г., когда дѣлу, начатому преосвященнымъ Іосифомъ, и съ такою апостольскою ревностію имъ веденному, суждено было рѣшиться согласно его завѣтному желанію. Въ Полоцкѣ собрались всѣ уніатскіе въ Россіи епископы, которые, вмѣстѣ съ прочимъ знатнѣйшимъ уніатскимъ духовенствомъ, составили актъ о желаніи всецѣло принадлежать къ прародительской православной русской церкви. Актъ этотъ, подписанный 1.305 лицами, поручено было отвезти въ С.-Петербургъ преосвященному Іосифу, какъ главному виновнику событія, и представить на Высочайшее воззрѣніе.

Преосвященный Іосифъ такъ описывалъ самое совершеніе возсоединенія: „Благодареніе Всевышнему! Священное дѣло возприсоединенія насъ къ православной восточной церкви совершилось уже окончательно. Въ 30-й день истекшаго марта приглашенъ я былъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ. Здѣсь, въ полномъ присутствіи, объявлена мнѣ и вручена подписанная всѣми членами грамота къ намъ епископамъ со священствомъ и духовными паствами о принятіи насъ

по прежнему въ нѣдра православной церкви. За симъ я, въ лицѣ всѣхъ уніатовъ, принялъ братское лобзаніе отъ членовъ Святѣйшаго Синода. Послѣ объявлено мнѣ Высочайше утверженное положеніе Святѣйшаго Синода объ оставленіи нынѣшнихъ двухъ нашихъ епархій въ прежнемъ составѣ, о переименованіи греко-уніатской коллегіи коллегіею бѣлорусско-литовскою, о назначеніи меня предсѣдателемъ сей коллегіи, равно о возведеніи въ санъ архіепископа. Затѣмъ синодальные члены отправились въ синодскую церковь, гдѣ отслужили благодарственный молебенъ по случаю настоящаго благополучнаго въ церкви Божіей событія. Во время молебствія я находился въ священныхъ облаченіяхъ вмѣстѣ съ членами Святѣйшаго Синода, а по окончаніи онаго совершилъ у престола обыкновенную присягу по случаю возведенія меня въ санъ архіепископа."

Въ концѣ того же 1839 года преосвященный Іосифъ сообщалъ слѣдующіе общіе выводы и соображенія о положеніи совершившагося возсоединенія. „При всѣхъ церквахъ литовской епархіи находятся священники надежные, и во всѣхъ церквахъ поминается Святѣйшій Синодъ вмѣсто папы, а изъ символа вѣры исключается слово *и Сына*. Если къ этому присовокупить, что въ теченіе уже 6 мѣсяцевъ послѣ возсоединенія ни малѣйшаго по приходамъ литовской епархіи не случилось противодѣйствія, что бывшія совокупныя служенія съ древлеправославнымъ духовенствомъ нигдѣ не сдѣлали вреднаго впечатлѣнія, то, по истинѣ, дѣло возсоединенія должно уже считать не только совершившимся, но и утвердившимся. Многіе изъ монашествующихъ, несогласившихся на принятіе православія, уже поминаютъ

Святѣйшій Синодъ вмѣсто папы, или участвують въ богослуженіи вмѣстѣ съ возсоединеннымъ духовенствомъ."

Остальные затѣмъ 30 лѣтъ своего святительства преосвященный Іосифъ всецѣло посвятилъ заботамъ объ утвержденіи въ духовныхъ паствахъ истинной вѣры и охраненіи оной.

Весьма важнымъ для этой цѣли средствомъ преосвященный Іосифъ почиталъ сколь можно частое обозрѣніе церквей и приходовъ литовской епархіи, которое или самъ производилъ, или поручалъ своимъ викаріямъ и другимъ духовнымъ сановникамъ епархіи. При личномъ обозрѣніи преосвященный Іосифъ всегда бесѣдовалъ съ духовенствомъ, вникалъ въ общее и частное положеніе его, старался наставить и направить все къ лучшему устройству и находилъ почти во всѣхъ безпрекословную готовность исполнять распоряженія начальства, такъ что остававшіяся еще въ разныхъ мѣстахъ разныя несовершенства онъ приписывалъ не недостатку доброй воли въ духовенствѣ, а скудости нужныхъ средствъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ. Какъ на доказательство добраго настроенія возсоединеннаго духовенства, преосвященный Іосифъ въ 1846 г. между прочимъ указывалъ на то, что оно по многимъ благочиніямъ добровольно приняло одежду древлеправославнаго духовенства, такъ что во всей епархіи не оставалось въ то время и третьей части съ прежнимъ одѣяніемъ. Внимательно всматривался онъ и въ то, насколько удовлетворительно утверждался народъ въ принятомъ православіи: и всюду на пути совершалъ архіерейскія служенія, не виданныя до того времени въ тѣхъ странахъ, и своею красотою, великолѣпіемъ и зна-

менательностію, исполнявшія, по свидѣтельству преосвященнаго, чувствами благоговѣнія не только возсоединенныхъ, но даже самихъ иновѣрцевъ. Точно также викаріи и другія лица, коимъ преосвященный Іосифъ поручалъ обозрѣніе церквей, обращали лично вниманіе на устройство церквей, на богослуженіе, на благочестіе и благочиніе среди духовенства и паствы, и исправляли личными замѣчаніями и указаніями мѣстныя отступленія отъ общаго порядка въ православной церкви, сколько это было возможно и благовременно; другія же свои замѣчанія представляли самому преосвященному Іосифу, по которымъ онъ дѣлалъ общія или частныя распоряженія. Таковое обозрѣніе епархіи, личное или чрезъ посредство довѣренныхъ людей, такъ было располагаемо преосвященнымъ, что въ теченіи каждыхъ трехъ лѣтъ осматривались почти всѣ церкви епархіи.

Среди трудовъ по обозрѣнію своей епархіи, а иногда, по порученію Святѣйшаго Синода, и нѣкоторыхъ другихъ епархій того края, преосвященный Іосифъ особенно заботился о добромъ, въ духѣ истиннаго православія, воспитаніи и образованіи юношества въ епархіальной семинаріи и училищахъ, считая это дѣло существенно важнымъ для дальнѣйшаго успѣха совершившагося возсоединенія. Неусыпные труды его въ этомъ отношеніи нельзя лучше изобразить, какъ словами самаго же преосвященнаго, сказанными имъ 8 сентября 1845 года воспитанникамъ семинаріи и духовныхъ училищъ, при открытіи этихъ заведеній въ Вильнѣ по перемѣщеніи ихъ изъ Жировицъ. „Куда вы ни обратитесь, говорилъ онъ воспитанникамъ, всюду найдетесь въ соприкосновеніи съ разномыслящими по

вѣрѣ. На всякомъ шагу встрѣтите необходимость или защищать собственную церковь отъ неправыхъ толковъ, или разсѣевать заблужденія иновѣрцевъ, укоренившіяся вѣковыми предразсудками. И горе вамъ, если не пріобрѣтете столько познаній, чтобы святая истина восторжествовала въ устахъ вашихъ! Паче же горе вамъ, если жизнію порочною, не благочестивою, будете уничтожать плоды вашего ученія. Многіе изъ васъ помнятъ, а другіе слышали, въ коль безпомощномъ и безпріютномъ положеніи находилось духовное юношество здѣшняго края 15 лѣтъ тому назадъ. Если оно теперь исторгнуто изъ прежняго уничиженія, обезпечено средствами отличнаго духовнаго воспитанія, то вы сами обязаны, по Богѣ, милости и щедротамъ общаго нашего отца, Благочестивѣйшаго Государя Императора. Но не какъ ли отецъ вашъ заботился и я объ устройствѣ для васъ многочисленныхъ пріютовъ духовнаго просвѣщенія? Не какъ ли отецъ призрѣвалъ въ нихъ особенно сиротъ и неимущихъ? Не какъ ли отецъ радѣлъ я о возможномъ для васъ удобствѣ, при всей ограниченности прежнихъ средствъ содержанія? Не какъ ли отецъ старался я доставить вамъ достойнѣйшихъ наставниковъ? Не какъ ли отецъ руководилъ я васъ при всякомъ случаѣ спасительными наставленіями? Не какъ ли отецъ заботился я обезпечивать участь оканчивавшихъ ученіе, соотвѣтственно достоинству каждаго, безъ всякаго лицепріятія? И послѣ всего этого, не слышали ли вы неоднократно, что отъ васъ я не требую другой благодарности, кромѣ того только, чтобы вы были достойными пастырями въ церкви православной? Такъ, возлюбленныя дѣти, и любовью, и заботами, и трудами, и благовѣствованіемъ, пріобрѣлъ я, кажется,

названіе вашего отца. О, не отказывайте же мнѣ никогда въ семъ сладостномъ имени, а еще болѣе не посрамите его поступками, чуждыми благодати. По моему недостоинству не смѣю сказать съ дерзновеніемъ апостола: *молю вас, подобни мнѣ бывайте*. Но не найдете ли и во мнѣ нѣчто къ подражанію? По крайней мѣрѣ, я могу сказать: будьте мнѣ подобными въ стремленіи къ строгому исполненію долга, будьте мнѣ подобны въ ревностномъ усердіи къ преуспѣянію святыя нашея православныя церкви, будьте мнѣ подобны въ твердости на трудномъ поприщѣ служенія. Остальное, надѣюсь, благодать Божія восполнитъ изобильно. И когда достигнете нѣкогда пастырскаго званія, васъ уже не удивятъ, не опечалятъ слова апостола Павла: *укоряеми благословляемъ; хулими утѣшаемся*". Эту бесѣду съ воспитанниками преосвященный Іосифъ, въ письмѣ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Сvнода отъ того же 8 сентября, называлъ своимъ завѣщаніемъ, и такъ описывалъ свои чувства по поводу открытія въ Вильнѣ любимыхъ имъ духовно-учебныхъ заведеній: „не повѣрите, какъ я счастливъ сегодня — у меня не обошлось безъ слезъ, и я этого не стыжусь. Если бы мнѣ пришлось завтра умереть, съ радостію сказалъ бы я: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко*".

Дѣятельно наблюдая за наличнымъ духовенствомъ, ревностно подготовляя новыхъ служителей православной церкви и сохраняя народъ въ послушаніи ей, преосвященный Іосифъ зорко слѣдилъ за всѣми проявленіями ненависти и вражды ко всему православному и русскому въ краѣ со стороны латино-польской партіи, усиливавшейся разстроить, такъ или иначе, совершившееся дѣло возсоединенія. Въ этой невольной борьбѣ со врагами

ему приходилось спасать не только дѣло православія, но и дѣло русской народности. Хорошо изучивъ систему дѣйствованія этихъ враговъ, многое устранялъ онъ лично, о многомъ представлялъ высшимъ властямъ, разъясняя положеніе дѣлъ, предупреждая объ угрожающемъ, но никакъ не жалуясь и не донося. „Если я не смогу, писалъ однажды преосвященный, чего отстранить, то мнѣ позволительно по крайней мѣрѣ умыть руки“,—таковъ истинный смыслъ помянутыхъ его сообщеній высшему начальству. Благодаря неусыпной бдительности и ревности преосвященнаго Іосифа, ковы латинянъ и поляковъ не наносили существеннаго вреда дѣлу православія. „Православное вѣдомство на столь твердой стало уже здѣсь ногѣ, писалъ преосвященный, что пойдетъ впередъ собственною тяжестію, не смотря на какія бы то ни было препятствія. Жаль только, присовокуплялъ преосвященный, что эти успѣхи могли бы быть очень быстры и важны при общемъ единодушіи. Жаль и того, что и десятой части умственнаго своего труда не обращаю я здѣсь на дѣйствительное служеніе пользамъ церкви; остальное теряется на предосторожности, чтобы охранить ее и себя отъ враждебныхъ сѣтей, чтобы не дать себя скомпрометировать даже тѣмъ, отъ которыхъ долженъ былъ ожидать поддержанія“. Этотъ подвигъ въ общей дѣятельности преосвященнаго не былъ впрочемъ для него неожиданнымъ. Еще въ концѣ 1842 г. онъ писалъ: „предавъ себя съ 1827 г. всею душею благому дѣлу возсоединенія уніатовъ съ православною церковію, сдѣлавъ оное цѣлію моей жизни, я вовсе не ослѣплялся на счетъ будущей моей участи. Я зналъ, что съ этимъ дѣломъ обратится на меня вся ненависть римляно-польской партіи сколько

отъ негодованія за прошедшее, столько, можетъ быть еще и больше, отъ опасенія за будущее". Но чѣмъ ожиданнѣе былъ для него тяжелый подвигъ, тѣмъ, конечно, онъ выше.

Подъ вліяніемъ общихъ и частныхъ мѣръ и распоряженій преосвященнаго Іосифа, исчисленіе коихъ было бы слишкомъ обширно, литовская православная паства, по справедливому донесенію преосвященнаго, преобразилась постепенно духомъ и ученіемъ, преобразилась въ богослуженіи и церковномъ устройствѣ, преобразилась въ ея духовенствѣ, и можетъ уже стоять съ честію на ряду другихъ православныхъ епархій.

Лучшимъ подтвержденіемъ сего служилъ 1863 г., когда на всемъ пространствѣ и литовской епархіи кипѣлъ безумный мятежъ, возбужденный врагами Россіи и православія. „Среди навѣтовъ коварства, писалъ Святѣйшему Синоду митрополитъ Іосифъ, среди угрозъ и насилія, юная литовская православная паства трудному подвергалась испытанію; однакожъ, благодареніе Всевышнему, достойно перенесла это испытаніе. По совѣсти, могу съ полною признательностію отозваться о пастыряхъ и о пасомыхъ. Рѣдкій изъ духовенства не потерпѣлъ отъ стѣснительныхъ обстоятельствъ времени; весьма многіе понесли важные убытки и разореніе отъ насильныхъ поборовъ и грабежей; многіе пострадали отъ побоевъ и истязаній, а иные удостоились и мученической кончины позорною смертію. И я, смиренный предстоятель, хотя и немоществующій, присовокуплялъ покойный митрополитъ, бодро стоялъ среди доброй литовской паствы: скорбѣлъ ея скорбями, страдалъ ея страданіями—и счастливымъ себя считаю, если эта бодрость и посильныя указанія имѣли хотя малое вліяніе на достойное

поведеніе паствы, на ея непоколебимую вѣрность Государю, Церкви и отечеству".

Нѣсколькими годами позднѣе, къ концу жизни покойнаго митрополита, еще болѣе былъ онъ утѣшенъ дальнѣйшими успѣхами его дѣланія въ литовской епархіи: умноженіемъ паствы, православныхъ приходовъ, постройкою новыхъ храмовъ, возобновленіемъ древнихъ, дальнѣйшимъ благоустройствомъ монастырей, духовно-учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, умноженіемъ приходскихъ училищъ, разливающихъ постепенно между всею литовскою паствою русскую грамотность и русскія понятія. „Все предвѣщаетъ, писалъ Святѣйшему Синоду, уже дрожащею рукою, въ 1867 г., престарѣлый святитель, какъ бы предчувствовавшій уже близость скончанія его земнаго пути, все предвѣщаетъ для литовской паствы желаемую для Церкви православной и Россіи будущность, если не помѣшаютъ тому какія либо, сохрани Господи, непредвидимыя обстоятельства".

Такова была дѣятельность покойнаго митрополита литовскаго Іосифа, только въ главнѣйшихъ чертахъ изложенная на основаніи точныхъ оффиціальныхъ данныхъ.

Личный характеръ почившаго архипастыря отличался, какъ можно видѣть и изъ вышеизложеннаго, необыкновенною твердостію, спокойствіемъ и ровностію. Онъ, не щадя себя, не отступалъ до послѣдней крайности ни предъ какими препятствіями и затрудненіями, и въ своихъ правилахъ и убѣжденіяхъ былъ непоколебимъ. Когда долго, напр., не исполняли его законнаго требованія о выводѣ 6 латинскихъ ксендзовъ и 17 клириковъ изъ зданій, назначенныхъ для православныхъ духовныхъ училищъ, то онъ хотѣлъ лучше помѣстить эти училища въ своихъ архіерейскихъ комнатахъ, а

самъ жить въ простой кельѣ, чѣмъ дозволить римскому духовенству оставаться среди воспитанниковъ православныхъ духовныхъ училищъ. Онъ безстрашно смотрѣлъ въ глаза всѣмъ опасностямъ угрожавшимъ лично ему самому. „Вы знаете, писалъ онъ въ сентябрѣ 1845 г., что я слишкомъ свыкся съ угрозами, чтобы обращать на нихъ какое-либо вниманіе. Мнѣ угрожали пороховымъ взрывомъ при освященіи въ 1840 г. Николаевскаго собора. Въ меня бросили тросточкой, или, какъ хотѣли назвать, стрѣлой, въ Ковнѣ при открытіи губерніи. Меня предостерегали во время служенія при открытіи въ нынѣшнемъ году виленскаго каѳедральнаго собора о слышанныхъ въ церкви угрозахъ. Послѣ этого не извинительно ли мнѣ не обращать вниманія на бывшія часто менѣе оффиціальныя вѣсти и предостереженія?“ Въ это время онъ получилъ предостереженіе, что его хотятъ убить во время прогулки и, не смотря на то, онъ, по обыкновенію, поѣхалъ гулять. Замѣчательно, что донощикъ показывалъ, будто онъ видѣлъ у одного изъ лицъ мѣстнаго римско-католическаго епархіальнаго начальства человѣка, подговаривавшаго къ убійству. При всѣхъ такихъ случаяхъ преосвященный обыкновенно просилъ объ немъ не безпокоиться. По поводу одного покушенія онъ говорилъ, что въ теченіе его поприща благость Божія сохранила его отъ всякихъ личныхъ опасностей и что онъ, съ другой стороны, по характеру своему неприступенъ ни къ малѣйшей робости. „Если бы мнѣ, говоритъ онъ, даже предстояла дѣйствительная опасность, повѣрьте, я бы тому порадовался. Едва ли мнѣ въ жизни остается желать и ожидать чего лучшаго, какъ сподобиться пострадать за правое дѣло. Я столько же не смущенно, безтрепетно

и безропотно принялъ бы стрѣлу въ мое сердце, какъ и павшую у ногъ моихъ". Въ другомъ случаѣ онъ заключаетъ свое письмо такъ: „военные считаютъ счастьемъ пасть на полѣ чести. Почему же и мнѣ не желать счастья умереть на добромъ подвигѣ?"

Подчиненные покойнаго митрополита сохраняютъ о немъ самую благодарную память. Всѣ отношенія его къ нимъ были растворяемы христіанскою кротостію и терпѣніемъ. А объ отношеніяхъ своихъ къ иновѣрцамъ онъ самъ торжественно засвидѣтельствовалъ въ одномъ изъ своихъ немногихъ словъ: „Ты, обращается онъ къ Богу, знаешь, исполненіе лежащаго на мнѣ долга никогда не сопровождалось во мнѣ непріязненными чувствами къ отдѣленнымъ отъ насъ по вѣрѣ братіямъ; что всѣ мои съ ними сношенія растворялись внутреннимъ чувствомъ любви и долготерпѣніемъ, часто, можетъ быть, даже излишнимъ; что это чувство любви къ нимъ есть обѣтъ всей моей жизни, — и ненависть не коснется моего сердца даже тогда, если бы мнѣ пришлось запечатлѣть кровью это душевное расположеніе". Эта могучая сила христіанской любви невольно покоряла ему сердца всѣхъ, его знавшихъ, и пріобрѣтала уваженіе къ нему въ людяхъ противныхъ ему убѣжденій.

При высокихъ качествахъ мужественнаго и любвеобильнаго ревнителя православія и горячаго патріота, покойный архипастырь оставилъ по себѣ память щедраго благотворителя. Вотъ нѣкоторыя изъ его многочисленныхъ пожертвованій: въ 1844 г. онъ пожертвовалъ полторы тысячи въ пользу попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія литовской епархіи; черезъ четыре года послѣ того — 3 т. въ пользу виленскаго Святодухова

монастыря; въ 1851 г. свыше полутора тысячь на библіотеку литовской семинаріи. Во время восточной войны преосвященный Іосифъ половину получаемаго имъ архіерейскаго жалованья отдалъ на военныя потребности для русской арміи. Въ послѣдніе годы преосвященный жертвовалъ: въ пользу училища дѣвицъ духовнаго званія въ Вильнѣ 5 т., въ пользу неимущихъ города Вильны 500 р., и въ послѣдній годъ его жизни имъ назначена была тысяча рублей на возобновленіе церкви въ виленскомъ Святодуховомъ монастырѣ.

Печальная вѣсть о кончинѣ преосвященнаго Іосифа, обходя предѣлы нашего отечества, повсюду была принимаема съ искренними чувствами скорби о понесенной утратѣ и повсюду вызывала молитвы объ упокоеніи почившаго архипастыря, много лѣтъ подвизавшагося на пользу церкви и отечества.

Святѣйшій Сѵнодъ, по полученіи извѣстія о смерти митрополита Іосифа, совершивъ въ своей церкви панихиду, тотчасъ же увѣдомилъ объ этой утратѣ всѣхъ епархіальныхъ преосвященныхъ. Въ то же время Сѵнодъ, во исполненіе воли Вашего Величества, поручилъ присутствующему въ ономъ архіепископу, тогда харьковскому, Макарію немедленно отправиться въ Вильну для торжественнаго совершенія отпѣванія и погребенія усопшаго вмѣстѣ съ литовскими викаріями, равно какъ съ бывшими нѣкогда сотрудниками митрополита Іосифа, нынѣ проживающими на покоѣ, преосвященными: Антоніемъ и Михаиломъ, и съ пресвященнымъ минскимъ Александромъ, который, не задолго передъ тѣмъ бывъ викаріемъ митрополита, самъ пожелалъ отдать ему послѣдній долгъ любви и уваженія. Ваше Величество Вы-

сочайше повелѣть изволили и мнѣ отправиться въ Вильно ко времени погребенія митрополита.

Отпѣваніе совершено было въ каѳедральномъ Свято-Николаевскомъ соборѣ 29 ноября и погребеніе въ тотъ же день въ церкви Свято-Духовскаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи трехъ виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія, подъ ихъ ракою. Это мѣсто избрано было самимъ покойнымъ еще въ 1850 году.

При отпѣваніи и погребеніи стеченіе народа было необыкновенное. Кромѣ духовенства города Вильны и нарочно прибывшаго изъ епархіи, здѣсь присутствовали: начальствующіе и служащіе въ Вильнѣ, воспитанники всѣхъ христіанскихъ учебныхъ заведеній города и наконецъ почти все виленское православное населеніе. Собравшійся отдать послѣдній долгъ почившему архипастырю народъ наполнялъ обширный Николаевскій соборъ, прилегающую къ нему площадь и весь путь отъ собора до Свято-Духова монастыря, по которому шествовала погребальная процессія. Столь необыкновенное стеченіе народа наглядно свидѣтельствовало, какимъ глубокимъ уваженіемъ пользовался почившій на мѣстѣ служенія, и какъ сильно почувствована была его утрата.

ПИСЬМА

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ РЕЛИГІОЗНО-ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

VII.

Мадритъ. 26 ноября (8 декабря) 1869.

Картина открытія римскаго собора.—Дѣятельность епископа Дюпанлу: его прощальное посланіе къ клиру, его брошюра противъ папской непогрѣшимости, его *предостереженіе* г-ну. Вельё —*Memorandum* противъ папской непогрѣшимости.—Новая брошюра о. Деллингера противъ того же.—Поведеніе восточныхъ (кат.) епископовъ на соборѣ.—Раздѣленіе въ латинской церкви.—Пьюзеисты.—Предварительное засѣданіе отцовъ собора.—Стража собора.

Свое письмо къ вамъ я начинаю подъ необыкновенный, какой-то разгульный звонъ колоколовъ, раздающійся по всему городу. Испанцы — съ необыкновеннымъ упоеніемъ—я бы сказалъ даже больше, *съ необузданностью*, если бы это слово не звучало слишкомъ грубо въ приложеніи къ празднеству, имѣющему претензію на христіанскій характеръ — празднуютъ свой національный праздникъ Immaculada Concepcion (я называю его испанскимъ именемъ). Теперь они дозволяютъ себѣ собираться въ храмы не для молитвы только,

но даже для... пляски. Я прежде какъ то разсказывалъ о пляскѣ въ честь Immaculada Concepcion, такъ называемыхъ *шестерокъ*, которая ежегодно происходитъ между алтаремъ и *коро* громаднѣйшаго собора Севильи, города, который собственно можетъ считаться отечествомъ новаго догмата. И какъ же послѣ этого протестанты не въ правѣ въ культѣ Божіей Матери, доведенномъ испанцами до такихъ крайностей и принятомъ въ этихъ крайностяхъ всею латинскою церковію, съ провозглашеніемъ новаго догмата, какъ же они не въ правѣ видѣть здѣсь повтореніе того, что нѣкогда совершалось между народами до-христіанскими, служившими Астартѣ, Цибеллѣ и проч?... Но не о томъ я хочу теперь говорить съ вами. Я хотѣлъ въ настоящія минуты перенестись съ вами въ Римъ и присутствовать тамъ при открытіи собора, принявшаго своимъ знаменемъ новый испанско-римскій догматъ. Я не бывалъ въ Римѣ, не присутствовалъ при большихъ папскихъ церемоніяхъ Ватикана, можетъ быть, и вы не имѣли этого удовольствія; но мы знаемъ, что папскія церемоніи торжественны и блестящи. Мы знаемъ это отъ нашихъ же соотечественниковъ, особенно тѣхъ, которые участвуютъ въ *Денежкѣ св. Петра*: они, эти наши соотечественники и соотечественницы, гдѣ бы ни были, въ какихъ бы тѣсныхъ обстоятельствахъ ни находились, каждый годъ стремительно несутся въ Римъ, чтобы напр. присутствовать въ Сикстинской капеллѣ во время церемоніи *Miserere*, или въ то время, когда папа съ балкона своего дворца даетъ благословеніе *Urbi et Orbi*. Открытіе собора, конечно, будетъ церемоніей изъ церемоній.

Нынѣ (¹) съ ранняго утра колокола всѣхъ церквей Рима гудятъ, раздаются самымъ *заливающимся* звономъ (á volo), съ крѣпости святаго Ангела раздаются безпрестанные пушечные выстрѣлы. Уже въ семь часовъ утра около 600 или 700 епископовъ, окруженныхъ въ трое большимъ количествомъ священниковъ, находятся въ полномъ собраніи въ верхнемъ *atrium'ѣ* Ватикана. Чрезъ часъ сюда имѣетъ торжественный входъ самъ папа. Теперь это многочисленное собраніе съ папою во главѣ въ торжественной процессіи съ пѣніемъ *Veni Creator* двигается въ залу, назначенную для засѣданій собора. Всѣ заняли свои мѣста. Смотрите, во глубинѣ залы, обстроенной сѣдалищами въ формѣ амфитеатра, на тронѣ, возвышающемся одинадцатью ступеньками отъ пола возсѣдаетъ папа. По его правую и лѣвую руку, впрочемъ четырьмя ступеньками ниже, на сѣдалищахъ изъ малиноваго бархата возсѣдаютъ въ своихъ пурпурныхъ одѣяніяхъ высшіе сановники римской церкви, кардиналы. А вотъ на сѣдалищахъ, устроенныхъ подъ ногами папы (какая же злая насмѣшка!) возсѣдаютъ въ своихъ роскошныхъ и живописныхъ одѣяніяхъ лжепатріархи (²) востока. По правую и по лѣвую руку въ

(¹) Мы воображаемъ эту картину по дошедшимъ до насъ свѣденіямъ объ утвержденномъ папою церемоніалѣ открытія собора. Думаемъ, что она близка къ дѣйствительности. Просимъ при этомъ имѣть въ виду данное нами прошлый разъ описаніе залы собора. Послѣ того до насъ дошли нѣкоторыя другія характеристическія частности, которыя мы выставляемъ на видъ теперь. По телеграфнымъ извѣстіямъ, въ Римѣ теперь есть уже больше 600 епископовъ, изъ которыхъ при каждомъ есть одинъ или два священника-богослова.

(²) Католическихъ восточныхъ патріарховъ мы имѣемъ право, съ точки зрѣнія самой же католической церкви, называть лже-патріархами: это право намъ даетъ признаніе католическою церковію апостольской преемственности въ іерархіи православной церкви, которое должно бы

линіяхъ, слѣдующихъ отъ сѣдалищъ кардиналовъ, размѣстились, согласно старшинству своего посвященія, архіепископы, епископы, генералы орденовъ и аббаты *nullius*. На стѣнахъ картины, это изображенія соборовъ Іерусалимскаго, Никейскаго 1-го, Ефесскаго и Тридентскаго. Всмотритесь въ нихъ пристальнѣе: видите, св. апостолъ Петръ съ ключами въ рукахъ изображенъ на возвышенномъ тронѣ президентомъ собора. Смиренный и горячо вѣрующій рыбарь-апостолъ, думалъ ли онъ когда нибудь о тронѣ, на которомъ его помѣстилъ его гордый преемникъ! А соборы Никеи и Ефеса... Картины васъ хотятъ увѣрить, вопреки всякой исторической правдѣ, что легаты папы занимали на этихъ соборахъ такіе же возвышенные троны, какъ тотъ, на которомъ теперь сидитъ Пій IX. Читайте, что написано вокругъ верхняго карниза: *Rogavi pro te ut non deficiat fides tua... Confirma fratres tuos.* (Я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя... Утверди братьевъ твоихъ. Лук. XXII. 32). Этими словами іезуиты хотятъ всѣхъ епископовъ убѣдить въ непогрѣшимости папы: имъ нѣтъ нужды до того, что если уже примѣнять эти слова къ папѣ, то только въ доказательство противнаго, потому что послѣ этихъ словъ совершилось паденіе св. апостола Петра. Но вотъ кардиналъ Патрици на едва замѣтномъ, прислоненномъ къ стѣнѣ, престолѣ началъ *мессу Св. Духа.* Кончилась месса, монсеньеръ Пасаральи начинаетъ на латинскомъ

заставить ее отказаться отъ злоупотребленія ставить, при существованіи законныхъ преемниковъ апостоловъ, еще другихъ епископовъ и патріарховъ. На западѣ, впрочемъ, епископъ Лиссабона носитъ званіе патріарха; но его пока нѣтъ на соборѣ, потому что одинъ недавно скончался, а другой пока еще не избранъ.

языкѣ проповѣдь *открытія* собора. Кончилась и проповѣдь. Всѣ присутствующіе, лжепатріархи, архіепископы, епископы и аббаты встаютъ съ своихъ мѣстъ и *повергаются на землю* предъ его святѣйшествомъ — папой, который даетъ имъ свое благословеніе и объявляетъ соборъ открытымъ. Вообразите себѣ при этомъ престарѣлаго папу. Можетъ ли еще когда-нибудь человѣческое честолюбіе достигать большей высоты, чѣмъ та, на которой стоитъ Пій IX? Его желаніе, желаніе многихъ лѣтъ исполнилось; около него собрались представители всей его церкви со всей вселенной; здѣсь есть епископы изъ Америки, здѣсь вы видите епископовъ въ костюмѣ китайцевъ и японцевъ, и всѣ они *повергаются предъ нимъ* въ прахъ; вѣдь это, можетъ воображать себѣ папа, повергаются представители всей вселенной, вѣдь это вся вселенная у ногъ римскаго владыки! Мы поймемъ, послѣ этого, какъ это императоръ Кай Каракалла, человѣкъ вовсе не съумасшедшій, воображалъ, и воображалъ серьёзно, что онъ Богъ; мы поймемъ послѣ этого, какъ это Пій IX, человѣкъ не съумасшедшій, хочетъ возвести себя въ боги провозглашеніемъ своей непогрѣшимости!.. Но о церемоніи и о другихъ частностяхъ открытія собора намъ, вѣроятно, придется говорить въ другой разъ. Въ настоящій разъ нужно отмѣтить нѣсколько высшей степени важныхъ, предшествовавшихъ этому открытію, обстоятельствъ.

По отношенію къ римскому собору самымъ важнымъ предметомъ толковъ, разсужденій и опасеній продолжаетъ служить все еще вопросъ о предполагаемомъ на соборѣ провозглашеніи догмата о папской непогрѣшимости. Въ Римѣ іезуиты и ультрамонтаны заручились, кажется, всѣми средствами, чтобы рѣшить этотъ

вопросъ утвердительно. Но не оказывается недостатка и въ противникахъ такого рѣшенія. Вы уже знаете о противо-ультрамонтанскомъ движеніи въ Германіи, о дѣятельности въ этомъ же смыслѣ мюнхенскаго университета и баварскаго правительства; во Франціи книга епископа Марè произвела свое впечатлѣніе; всѣ считали важнымъ то молчаніе, которое до послѣдняго времени хранилъ объ этомъ вопросѣ знаменитый орлеанскій епископъ Дюпанлу. Его молчаніе никто не принималъ за сочувствіе приготовляемому догмату. Но сколько ни казалось важнымъ и опаснымъ ультрамонтанамъ молчаніе Дюпанлу, важнѣе его слово.

Онъ наконецъ высказался. Рѣчь орлеанскаго епископа всегда энергична, голосъ его звученъ, раздается отъ конца до конца католическаго міра; онъ всегда умѣетъ сказать такъ кстати и такъ во время, что его сильное слово не бьетъ только воздухъ, но производитъ сильное дѣйственное впечатлѣніе. Римъ перепугался этой энергической рѣчи, іезуиты и ультрамонтаны, хотя это далеко не было для нихъ сверхъ ожиданія, такъ оцѣпенѣли, что въ первыя минуты въ своей печати отзывались на нее только какими-то неопредѣленными звуками, какъ будто заикались, и имъ нужно было время, чтобы оправиться. Епископъ Дюпанлу высказался въ трехъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, документахъ: *въ своемъ прощальномъ посланіи клиру* предъ отъѣздомъ на соборъ, въ *особой брошюрѣ противъ папской непогрѣшимости*, адресованной тоже клиру и наконецъ въ *предостереженіи*, которое онъ адресовалъ извѣстному главѣ ультрамонтановъ и редактору газеты *L'Univers*, г. Вельё. Мы познакомимъ со всѣми этими документами: мы считаемъ ихъ весьма важными не

только для сужденій о предстоящей дѣятельности собора, но и вообще о характерѣ и стремленіяхъ римской церкви въ настоящій моментъ ея существованія. Изъ нихъ мы увидимъ, что даже такой вліятельный пастырь, можетъ быть одинъ изъ самыхъ вліятельнѣйшихъ, дѣятельныхъ и наиболѣе уважаемыхъ епископовъ римской церкви, чувствуетъ что-то давящее въ ультрамонтанской атмосферѣ, чувствуетъ не по себѣ атмосферу католической церкви въ ея настоящемъ положеніи. Просимъ только, при этомъ, твердо помнить, что мы слышимъ тутъ рѣчь все-таки католическаго епископа, который остается и дѣйствуетъ въ предѣлахъ римской церкви; въ его словахъ давящее впечатлѣніе римской церкви не столько высказывается, сколько чувствуется.

Въ своемъ прощальномъ посланіи клиру епископъ Дюпанлу старается нарисовать характеръ будущаго собора; онъ усиливается увѣрить себя и другихъ, что характеръ его будетъ такой, а не иной. Но самыя его необыкновенныя въ этомъ усилія даютъ чувствовать, что изображаемый имъ идеалъ собора составляетъ предметъ его пламенныхъ желаній, но что ему самому какъ то не вѣрится, при настоящемъ положеніи римской церкви, въ осуществленіе этого идеала. „Когда вы слышите, говоритъ онъ своему клиру, что соборъ приготовляетъ рѣшенія и анаѳемы, помните, что это значитъ просто, что онъ обращается къ вѣрѣ, къ разуму, къ совѣсти, онъ говоритъ именно имъ понятнымъ языкомъ и съ свойственнымъ ему авторитетомъ; для убѣжденія онъ не думаетъ прибѣгать къ силѣ и насилію, его могущество духовное (1)... Церковь со-

(1) Эти слова ясно противорѣчатъ прямому смыслу *Силлабуса*. Кстати здѣсь отмѣтимъ фактъ, можетъ быть, не всѣмъ извѣстный. Когда въ

бирается для того, чтобы изыскать средства къ излеченію золъ настоящаго вѣка. Въ настоящемъ вѣкѣ много великаго, но и много зла... Напомнить людямъ великія вѣчныя истины, сдѣлать ихъ, если то возможно, еще болѣе ясными и болѣе твердыми; защитить священное хранилище истины противъ всякаго нововведенія, но также и противъ всякаго застоя и ослабленія — вотъ первая миссія собора. Но есть другая... Соборъ долженъ исполнить великій долгъ во имя любви. Истина требуетъ, чтобы мы не измѣнялись никогда. Любовь требуетъ, чтобы мы, если я смѣю такъ сказать, измѣнялись безпрестанно, я хочу сказать, чтобы наша любовь, какъ благодать, умѣла принимать всѣ формы, чтобы умѣла примѣняться къ нуждамъ всѣхъ людей и всѣхъ временъ. Наши начала не могутъ измѣняться, но образъ нашей дѣятельности долженъ разнообразиться. Мы должны проповѣдывать Бога людямъ, Того же Бога, но на разныхъ языкахъ, того же Бога, но различнымъ народамъ, того же Бога, но въ разныя времена. Горе намъ, если мы исказимъ понятіе о Богѣ и измѣнимъ истинѣ! Горе намъ, если мы забудемъ любовь и нанесемъ оскорбленіе душамъ! Съ какими высокими, страшными и вмѣстѣ глубоко-любящими словами Господь нашъ Іисусъ Христосъ обращается ко всѣмъ своимъ служителямъ и всѣмъ христіанамъ: *Я не пришелъ погубить, но спасти. Я добрый пастырь. Я пришелъ призвать не праведныхъ, но грѣшниковъ на покаяніе. Я не ломаю даже надломленной трости, я не тушу даже едва горящей свѣчи. Вы*

1864 г., папская энциклика и Силлабусъ, въ которыхъ проявились папскія крайности, произвели слишкомъ дурное впечатлѣніе на умѣренныхъ католиковъ, епископъ Дюпанлу сдѣлалъ попытку объяснить ихъ и объяснялъ ихъ, но въ угоду Риму, въ смягченномъ смыслѣ.

требуете, чтобъ огонь палъ съ неба на этотъ городъ: вы не знаете, чего требуете. Я пришелъ исцѣлить больныхъ: не здоровые требуютъ врача, но больные. И что Онъ говорилъ, то Онъ и дѣлалъ. Какое сокровище любви и снисхожденія въ этомъ сердцѣ! Какъ нѣжна и какъ неусыпна Его забота о спасеніи грѣшниковъ! Какая любовь ко спасенію душъ! Какъ за сердце хватаетъ этотъ вопль объ Іерусалимѣ: *Іерусалиме, Іерусалиме, сколько разъ Я хотѣлъ собрать твоихъ дѣтей, какъ кокошь собираетъ своихъ дѣтей подъ свои крылья!* Вотъ слова и примѣры Наставника, а слѣдовательно и обязанности учениковъ. Нужно нѣкоторымъ образомъ и намъ сдѣлаться людьми подобными Ему, и намъ облечься плотію и кровію нашихъ братьевъ, чтобы привлечь ихъ къ Нему. Мы тоже, что Андрей и Петръ на берегу: мы безпрестанно должны осматривать и держать на готовѣ нашй лодки и поправлять наши сѣти, чтобы снова и снова начинать наше рыболовство, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, то при такихъ, то при иныхъ обстоятельствахъ. Мы еще работники на полѣ Отца великой фамиліи: мы безпрестанно должны воздѣлывать и удобрять почву, и снова и снова бросать въ нее сѣмена... Никогда еще жатва не была такъ обильна... Но въ этотъ вѣкъ, который имѣетъ нужду въ насъ и въ которомъ также и мы имѣемъ нужду, намъ должно еще проложить для себя дорогу. Нужно, чтобы любовь приготовила путь къ истинѣ. Т. е. нужно открыть этому вѣку наши объятія, нужно открыть ему особенно наши сердца. Тогда только онъ послушаетъ нашихъ словъ. Дѣло не въ томъ, чтобы пожертвовать ему хотя частичкою вѣчной истины, дѣло не въ недостойныхъ уступкахъ и угодничествахъ: нужно только любить его

и, любя его, понимать его, просвѣщать его, воспитывать его, кроткимъ и любящимъ сердцемъ и участіемъ приводить его къ истинѣ. Вотъ что знаетъ и чего хочетъ церковь, вотъ чего она отъ насъ требуетъ, вотъ что будетъ дѣлать соборъ. Не не бойтесь, люди вѣка сего! Соборъ будетъ говорить вамъ только истину, истину всецѣлую и ничего кромѣ истины; онъ вовсе не думаетъ подъ именемъ истины навязать вамъ неудобоносимаго ига, котораго не было бы ни въ вѣрѣ, ни въ законѣ. Онъ не осудитъ, не выскажетъ порицанія ни противъ одного изъ даровъ Божіихъ въ людяхъ, даже тѣхъ, которыми злоупотребляетъ этотъ вѣкъ“.

Орлеанскій епископъ хочетъ видѣть христіанскую церковь и ея служителей тѣмъ, чѣмъ они должны быть; онъ хочетъ, чтобы и соборъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ грозитъ быть. Благородная его рѣчь еще понятнѣе при сравненіи его посланія съ большинствомъ посланій, написанныхъ другими епископами по тому же случаю: между тѣмъ какъ орлеанскій епископъ говоритъ какъ достойный служитель церкви и во имя Евангелія; по-посланія другихъ епископовъ ([1]) не видятъ ничего дальше папы и наполнены самымъ недостойнымъ, самымъ унизительнымъ угодничествомъ предъ папой и римской куріей.

Но особенно глубокое впечатлѣніе произвела слѣдовавшая за посланіемъ брошюра епископа Дюпанлу:

([1]) Мы должны указать здѣсь еще, какъ на исключеніе, на посланіе архіепископа парижскаго, Дарбуа. Независимость его характера извѣстна; такую же независимость онъ показалъ и въ своемъ посланіи къ клиру. Передавая содержаніе посланія еп. Дюпанлу, мы считаемъ излишнимъ передавать содержаніе подобнаго же посланія арх. Дарбуа. Мы просимъ только припомнить переданное нами въ свое время письмо къ нему папы, которое напечаталъ прошлою зимою Оливье и въ которомъ такъ ясно указывается его вѣрное пониманіе характера епископа.

Observations sur la controverse soulevè relativement á la definition de l' infaillibilitè au prochain Concile (Замѣчанія на споръ поднятый относительно опредѣленія непогрѣшимости на предстоящемъ соборѣ). Она помѣчена 11 ноября. Познакомившись съ ней сначала по журнальнымъ извлеченіямъ, въ настоящія минуты мы имѣемъ ее въ полномъ ея оргиналѣ. Она стоитъ того, чтобы съ ней познакомится подробнѣе.

Епископъ Дюпанлу сначала изображаетъ настоящее положеніе вопроса о папской непогрѣшимости. „Этотъ вопросъ, говоритъ онъ, касается собора и подлежитъ его разсмотрѣнію. Но, къ сожалѣнію, неумѣренные журналисты не предоставили этого труда будущему собранію церкви. Вламываясь въ ворота собора, прежде и даже за-долго прежде до его открытія, они поспѣшили возбудить споръ объ этомъ, одномъ изъ самыхъ щекотливыхъ богословскихъ предметовъ, и напередъ объявляютъ, въ какомъ смыслѣ соборъ его рѣшитъ и долженъ рѣшить. Они задумали создать въ общественномъ мнѣніи потокъ, благопріятный ихъ желаніямъ, чтобы потомъ всею тяжестію этого предосудительнаго мнѣнія пасть на собравшихся епископовъ. Упоминать ли еще о тѣхъ *благочестивыхъ ухищреніяхъ* (pieuses industries), которыя они выдумали для той же цѣли? Я видѣлъ это собственными глазами два года тому назадъ и это они не переставали дѣлать послѣ: они дошли до того, что по улицамъ раздавали тысячами маленькіе печатные листки, въ которыхъ выражалось обѣщаніе вѣрить въ личную и одиночную непогрѣшимость папы. Эти—то листки они заставляли подписывать добросердечныхъ вѣрныхъ, которыхъ большая часть не только не были богословами, но не понимали и перваго слова вопроса. Особенно два

журналы *Civiltà Cattolica* и *L'Univers* приняли въ этомъ дѣлѣ странную инціативу. Между тѣмъ какъ святой отецъ обязалъ къ благоразумному и строгому молчанію членовъ римскихъ конгрегацій, которымъ поручены предварительныя работы собора, они не побоялись выдвинуть на публичный позоръ вопросы, которые, по ихъ мнѣнію, должны быть рѣшены предстоящимъ собраніемъ, они объявили именно, что здѣсь будетъ предписанъ догматъ о личной непогрѣшимости папы, даже больше, что онъ будетъ опредѣленъ безъ разсужденій, единодушнымъ мнѣніемъ. Когда щекотливый вопросъ этотъ разъ поднятъ, когда о немъ уже разсуждали на перепутьяхъ и въ печати, одинъ бельгійскій прелатъ, новый архіепископъ Малинскій, мой святой другъ, монсеньёръ Дешанъ (Dechamps) обнародовалъ спеціальное сочиненіе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Est-il opportun de definir, dans le prochain Concile, l' infaillibilité du Pape? (Благовременно ли на предстоящемъ соборѣ опредѣлять непогрѣшимость папы)? На поставленный имъ вопросъ онъ отвѣтилъ утвердительно. Новый архіепископъ Вестминстера, благочестивый и краснорѣчивый монсеньёръ Маннингъ обсуждалъ тотъ же вопросъ, съ той же точки зрѣнія, сначала въ одномъ сочиненіи, а потомъ еще рѣшительнѣе въ другомъ, именно въ своемъ посланіи къ своимъ пасомымъ. Католическіе и протестантскіе журналы Англіи приняли въ спорѣ самое живѣйшее участіе. А между тѣмъ, съ другой стороны нѣмецкіе епископы, собравшіеся въ Фульдѣ, кромѣ того, полнаго умѣренности, высокаго пониманія и важности, посланія [1], которое заслужило удивленіе всей Европы, отправили

(1) Въ одномъ изъ предшествующихъ писемъ мы познакомили съ содержаніемъ этаго посланія.

къ верховному первосвященнику, не выдавая впрочемъ этого жадной публичности журналовъ, памятную записку, въ которой просятъ его не дозволять, чтобы вопросъ о его личной непогрѣшимости былъ даже предлагаемъ предстоящему собору.... Вопросъ въ самомъ дѣлѣ весьма важенъ: ибо дѣло идетъ о провозглашеніи новаго догмата, догмата личной и одиночной непогрѣшимости папы. Я говорю новаго въ томъ смыслѣ, что прошло вотъ уже осмнадцать вѣковъ и вѣрные, не переставая быть католиками, никогда не обязывались вѣрить этому. Дѣло идетъ о томъ, чтобы отнынѣ обязать всѣхъ католиковъ подъ страхомъ анаѳемы, вѣрить, что папа не погрѣшимъ, даже тогда, пользуюсь выраженіями архіепископа Вестминстера, когда онъ говоритъ одинъ *внѣ синклита епископовъ, собранныхъ или разсѣянныхъ*, и что онъ можетъ опредѣлять догматы одинъ *отдѣльно, независимо отъ епископства* (¹), безъ всякаго сношенія или согласія епископовъ, выраженнаго ими прямо или молчаніемъ, предшествующаго или послѣдующаго. Таковъ этотъ вопросъ, который каждый день трактуетъ и рѣшаетъ безумный журналистъ съ самою странною свободою. Многіе относятся къ нему даже такъ, какъ будто онъ не представляетъ никакого затрудненія. Для его рѣшенія, говорятъ они, довольно знать свой катихизисъ... Слушая этихъ журналистовъ, провозглашеніе догмата о непогрѣшимости папы такъ необходимо, такъ легко и такъ вѣрно, что соборъ даже не будетъ и изслѣдовать его; сомнѣваться хоть минуту въ его рѣшеніи—это значитъ наносить ему (собору) оскорбленіе, значитъ дать поводъ подозрѣвать себя по крайней

(¹) The oecumenical Council and the infaillibility ofthe Roman Pontiff. A pastoral letter to the clergy. Postscriptum.

ней мѣрѣ въ холодности къ церкви и папѣ. И это они говорятъ съ страшными оскорбленіями противъ тѣхъ, кто не думаетъ подобно имъ.. А между тѣмъ пока никто рѣшительно ничего не знаетъ, что по этому вопросу рѣшитъ соборъ, который пока даже и несуществуетъ. А между тѣмъ эта запальчивость спора смущаетъ вѣрныхъ и ставитъ тѣмъ ихъ въ опасное положеніе. Ибо если соборъ сочтетъ нужнымъ не слѣдовать пути, который такъ *безразсудно ему начертываютъ*, не покажется ли многимъ, что онъ неисполнилъ своей обязанности? Увѣряютъ, и основательно, что епископы будутъ пользоваться на соборѣ полною и совершенною свободою, но, по сущей правдѣ, какая же имъ останется свобода послѣ этихъ разсужденій, веденныхъ и ведомыхъ журнализмомъ такимъ образомъ? Манера, съ которой они ведутъ этотъ споръ, не показываетъ ли, что они вѣдь напередъ обвиняютъ схизматиками или еретиками тѣхъ, которые дозволяютъ себѣ быть противнаго мнѣнія? Я раздумывалъ долго, чтобы рѣшиться сказать слово объ этомъ предметѣ. Меня безпокоило не то, что *извѣстные люди* заподозрятъ меня или оклевещутъ мою ревность къ папѣ и церкви, но то, что́ именно я долженъ былъ сдѣлать, чтобы послужить этимъ дорогимъ для меня предметамъ. Вопросъ, рѣшаемый журналами, я долго обдумывалъ со всѣхъ сторонъ и особенно съ точки зрѣнія практической. Я нашелъ здѣсь затрудненія такого рода, которыя, кажется, должны поразить даже наиболѣе убѣжденныхъ богословски въ папской непогрѣшимости... Эти-то затрудненія, не касаясь самой сущности богословскаго вопроса, я хочу изложить въ настоящемъ сочиненіи. *Я не разсуждаю о непогрѣшимости* (папы), *но о благовременности* (провозглашенія этого догмата). Наконецъ взгляды, которые

я здѣсь представляю, принадлежать не мнѣ только лично. Я часто сносился объ этомъ со многими изъ моихъ почтенныхъ товарищей во Франціи и за границей; и эти затрудненія какъ имъ, такъ и мнѣ всегда казались столь важными, что по крайней мѣрѣ они должны бы заставить религіозную печать поразмыслить и убѣдить ее, что лучше де представить эти щекотливыя разсужденія епископамъ".

Остановимся нѣсколько на этомъ. Изъ словъ епископа Дюпанлу видно, что онъ рѣшился высказаться противъ папской непогрѣшимости только послѣ того, какъ увидѣлъ, что іезуиты и ультрамонтаны запаслись всѣми средствами къ провозглашенію этого догмата, что они могутъ, наконецъ, восторжествовать. Дѣйствуя своими печатными органами, каковы особенно L'Univers и іезуитскій журналъ *Civiltà Cattolica*, они закабанили подъ свое вліяніе многихъ епископовъ. Дюпанлу конечно знаетъ, что іезуиты держутъ въ кабалѣ и самаго папу, но онъ счелъ пока благоразумнѣе представлять папу свободнымъ. Онъ рѣшается разбить ультрамонтановъ ихъ же оружіемъ, въ своихъ мнѣніяхъ о папской непогрѣшимости, онъ ставитъ подъ вліяніе *безумныхъ* журналистовъ даже такихъ личностей, какъ архіепископъ Маннингъ и примасъ Бельгіи, архіепископъ Малинскій. Онъ хочетъ заставить ихъ устыдиться, что они въ такомъ важномъ дѣлѣ справляются не съ христіанскими вѣрованіями, а съ безумными криками какого-нибудь Вельё. Журналисты, *безумные* журналисты-крикуны начертываютъ путь собору!... Стыдъ и срамъ! Дюпанлу знаетъ, что *Civiltà Cattolica*, издаваемая въ Римѣ, считается доктринальнымъ органомъ папы; но онъ считаетъ благоразумнѣе не знать этого и ста-

вить этотъ журналъ на одну доску съ *L'Univers*. Со стороны епископа Дюпанлу это смѣло и рѣшительно. Но онъ понимаетъ силу іезуитовъ и ультрамонтиновъ. Онъ рѣшается возвысить свой голосъ только *противъ благовременности* провозглашенія догмата и папской непогрѣшимости. То правда, что, какъ мы увидимъ ниже, изъ оснований, которыя онъ приводитъ противъ благовременности, слѣдуетъ заключеніе о ложности этого догмата. Но епископъ Дюпанлу считаетъ пока благоразумнѣе не высказывать этого заключенія, за которое іезуиты осудили бы его напередъ. Книга Януса (Деллингёра), которая прямо отвергаетъ догматъ о папской непогрѣшимости, уже попала въ *Index*; извѣстная книга епископа Марэ, которая съ почтеніемъ относится къ папѣ, но не выражаетъ вѣры въ его личную непогрѣшимость, попала туда же. Епископъ Дюпанлу счелъ благоразумнѣе пока не подвергать себя опасности быть связаннымъ index'омъ по рукамъ и по ногамъ; онъ рѣшился высказаться только противъ *благовременности* провозглашеія новаго догмата. Онъ хорошо знаетъ тактику іезуитовъ и хочетъ дѣйствовать ихъ же оружіемъ — осторожностію.

Противъ *благовременности* епископъ Дюпанлу сначала выставляетъ ближайшія обстоятельства. Когда въ 1867 году Пій IX объявилъ собравшимся епископамъ о своемъ намѣреніи собрать вселенскій соборъ, онъ не сказалъ ни слова о необходимости или пользѣ, чтобы будущее собраніе возвело въ догматъ вѣры его личную непогрѣшимость; пятьсотъ бывшихъ тогда въ Римѣ епископовъ въ своемъ отвѣтномъ адресѣ тоже не сказали объ этомъ ни слова; въ своей созывательной буллѣ, въ которой папа подробно распространился о

цѣляхъ собора, онъ тоже ни словомъ не упомянулъ о необходимости провозглашенія догмата о своей непогрѣшимости. Да нѣтъ и никакой нужды для церкви провозглашать этотъ догматъ. „Въ этомъ церковь видитъ свою нужду и свою силу? спрашиваетъ епископъ Дюпанлу ультрамонтановъ и іезуитовъ. „Къ этому принуждаютъ ее опасности времени? Нѣтъ. Мнѣ говорятъ, что здѣсь дѣло въ принципѣ. Въ принципѣ? Въ какомъ? Я спрашиваю: и необходимо этотъ принципъ возвести въ догматъ? Этого требуетъ жизнь церкви? Какъ же вы объясните тогда, что церковь жила осьмнадцать вѣковъ и не знала объ этомъ существенномъ для ея жизни принципѣ? Какъ же вы объясните тогда, что она формулировала все свое ученіе, произвела всѣхъ своихъ учителей, осудила всѣ ереси, и не нуждалась въ провозглашеніи этого догмата? Очевидно, въ этомъ нѣтъ никакой нужды и рѣшеніе этого вопроса не необходимо. Основаніе этого просто. Церковь непогрѣшима и непогрѣшимость церкви достаточна на все... Вы боитесь, что церковь на будущее время не можетъ жить на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ она держалась девятнадцать вѣковъ? И вы говорите о необходимости, чтобы соборъ далъ новое опредѣленіе правила вѣры, чтобы догматически установилъ новое правило вѣры? Какъ! Только въ нашъ вѣкъ сознали необходимость поставить этотъ вопросъ, коснуться этого основнаго принципа, этой главной пружины церковной жизни! Мы, значитъ, жили столько вѣковъ съ несовершенной и неполной организаціей церкви! Послѣ тысячи восьми сотъ семидесяти лѣтъ ученія на соборѣ мы соберемся спрашивать, да кто же имѣетъ право учить непогрѣшимо! И это въ виду невѣровъ и протестантовъ, которые смотрятъ на

насъ внимательными глазами! Нѣтъ, оставимъ эти вопросы: вѣдь на нихъ насъ не вызываетъ никто. Пусть безумные публицисты, которые напередъ хотятъ навязать епископамъ эти вопросы, пусть они прежде времени не смущаютъ и не сбиваютъ съ толку своими запальчивыми спорами здраваго смысла вѣрныхъ! Что касается меня, моя мысль, я подвергаю ее на судъ моихъ почтенныхъ товарищей, моя мысль объ этомъ предметѣ формальна: *подкапывать двадцативѣковый дубъ для того, чтобы отыскать подъ его корнями родившій его жолудь—это значитъ погубить все дерево!*" Мы должны уважить осторожность орлеанскаго епископа; но этими словами ужели онъ говоритъ одно только то, что провозглашеніе новаго догмата неблаговременно? Въ потокѣ его рѣчи мы чувствуемъ, что онъ клеймитъ это провозглашеніе безумствомъ, только осторожность заставляетъ его удержаться сказать, что и самый этотъ догматъ есть величайшее заблужденіе и безумство.

Епископъ Дюпанлу указываетъ на тридентскій соборъ, который положилъ слѣдующее правило для своихъ разсужденій: *Ne definirentur, nisi ea, de quibus inter Patres unanimi consensione constaret.* Въ исполненіе этого правила тридентскій соборъ избѣгалъ рѣшать вопросъ, по которому было трудно добиться единодушнаго согласія. Епископъ Дюплану утверждаетъ, что и Пій IX, когда ему въ 1867 году, желая отклонить его отъ созванія собора, говорили, что на немъ могутъ возникнуть несогласія по нѣкоторымъ вопросамъ, указывалъ на *мудрое* поведеніе тридентскаго собора. Это, конечно, обращеніе къ совѣсти Пія IX, если только іезуиты не устроятъ такъ, что онъ окажется вовсе и не говорившимъ того, что ему навязываетъ орлеанскій епископъ.

Но особенно замѣчательны въ брошюрѣ Дюпанлу тѣ основанія противъ папской непогрѣшимости, которыя онъ выводитъ изъ отношеній римской церкви къ церквамъ восточнымъ. Не смотря на выражаемую имъ вѣру въ свою церковь, здѣсь слышится горькое его недовольство ея поведеніемъ, чувствуется глубокое внутреннее негодованіе на ультрамонтанскую систему папства,—негодованіе, которое такъ открыто и такъ рѣзко выразилъ въ извѣстномъ своемъ письмѣ о. Іоакинѣ. Вотъ эти замѣчательныя слова:

„Мы говорили о нашихъ братьяхъ исповѣданій инославныхъ. Въ самомъ дѣлѣ съ этой точки зрѣнія вопросъ объ опредѣленіи личной непогрѣшимости папы является особенно важнымъ и опаснымъ. Пусть подумаютъ объ этомъ: вѣдь есть 75 милліоновъ *отдѣлившихся* (*Separés*: епис. Дюпанлу, какъ не любитъ на каждой строкѣ угодничать предъ папой и ставить вмѣсто церкви имя папы, какъ то дѣлаютъ другіе епископы, такъ остерегается и восточную церковь называть *схизматическою*) христіанъ восточныхъ и около 90 милліоновъ протестантовъ всѣхъ толковъ. И это высшій интересъ церкви, это пламенное желаніе всѣхъ истинно-католическихъ сердецъ—возвращеніе къ единству столькихъ братьевъ, вышедшихъ изъ лона той же матери, но теперь отъ насъ удаленныхъ. Вотъ то великое дѣло, за которое мы должны быть готовы, всѣ, пролить нашу кровь, и наше сердце должно содрагаться при одной мысли только, что мы чѣмъ-нибудь можемъ повредить этому. Какъ настоятельно приглашеніе святаго отца восточнымъ церквамъ! Какъ зоветъ онъ общества протестантскія!

„А между тѣмъ, что отдѣляетъ восточныхъ отъ насъ?

главенство папы. Они не хотят признать его божественнаго права. Это такой пунктъ, относительно котораго намъ никогда не удавалось серьезно убѣдить ихъ ни послѣ ліонскаго, ни послѣ флорентинскаго собора, ни добиться отъ нихъ прочнаго обращенія.

„И вотъ къ этой еще не побѣжденной трудности которая уже девять вѣковъ отдѣляетъ ихъ отъ церкви и отъ насъ, хотятъ прибавить новое и важнѣйшее затрудненіе! Хотятъ воздвигнуть между ними и нами еще стѣну, которая не существовала никогда! Однимъ словомъ, хотятъ навязать имъ догматъ, о которомъ еще не говорили никогда, угрожая имъ, въ случаѣ непринятія, новой анаѳемой! Они должны будутъ признать не только первенство юрисдикціи, но еще личную непогрѣшимость папы, *внѣ и отдѣльно отъ собора епископовъ* (слова арх. Маннинга).

„Я спрашиваю—и я повторяю здѣсь то, что говоритъ здравый смыслъ всякаго, кто захочетъ вдуматься въ этотъ предметъ — я спрашиваю: относительно восточныхъ церквей можно ли имѣть поведеніе еще противорѣчивѣе и языкъ еще менѣе убѣдительный, какъ этотъ: „мы-де васъ приглашаемъ воспользоваться великимъ событіемъ вселенскаго собора для того, чтобы вы съ нами объяснились и мы съ вами согласились. Но напередъ мы вотъ что сдѣлаемъ: мы возведемъ новую стѣну раздѣленія, поставимъ новую и болѣе высокую ограду между вами и нами. Насъ раздѣлялъ ровъ; мы обратимъ его въ пропасть. Досель вы отказывались признать простое первенство юрисдикціи римскаго первосвященника; такъ предварительно мы васъ обяжемъ еще вѣрить въ нѣчто другое и допустить то, чего досель не допускали и сами католическіе учители: мы

возведемъ въ догматъ ученіе для васъ, какъ въ Писаніи, такъ и въ преданіи, еще болѣе темное, чѣмъ тотъ догматъ, который доселѣ вы не приняли, т. е. личную непогрѣшимость папы, одного, *независимо и отдѣльно отъ епископовъ*. Вотъ какія условія мы предлагаемъ вамъ для переговоровъ".

„Говорить такъ—не значитъ ли это зло смѣяться? И не будетъ ли это несчастіемъ? Призывать и отталкивать въ одно и то же время!...

„Эти размышленія покажутся еще поразительнѣе, если поразмыслить о состояніи умовъ схизматическихъ христіанъ Востока. Когда имѣютъ дѣло съ людьми, нужно хорошо знать, гдѣ они. Относительно этого пункта, гдѣ находятся наши отдѣлившіеся братья? Они остановились именно на временахъ раскола, въ IX вѣкѣ. Дальше они не заходили. Они не знаютъ о тѣхъ преніяхъ, которыя происходили объ этихъ предметахъ въ церкви западной. Они не читали ни Боссюэта, ни Беллярмина, ни Мельхіора Кано. И каково бы ни было личное убѣжденіе, которое можно имѣть о непогрѣшимости римскаго первосвященника, непремѣнно нужно признать, что IX вѣкъ былъ далеко еще не расположенъ опредѣлить этотъ догматъ. Въ самомъ дѣлѣ, до того времени соборы были великой формой церковной жизни; церковь собирала ихъ безпрестанно; всѣ наиболѣе важныя догматическія опредѣленія были передаваемы собору. Итакъ греки ни мало не приготовлены къ опредѣленію, которое хотятъ имъ навязать соборомъ ватиканскимъ. Я глубоко убѣжденъ, что самымъ вѣрнымъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого опредѣленія будетъ то, что оно далеко-далеко отодвинетъ единеніе церквей восточныхъ. Это соображеніе не покажется ничтожнымъ никому изъ тѣхъ, кто знаетъ цѣну душъ.

„Недавній случай показываетъ, основательно ли выражаемое нами опасеніе: припомните отвѣтъ, какой далъ посланному верховнаго первосвященника протосинкеллъ (1) схизматическаго патріарха Константинополя. Между причинами, которыя онъ выставилъ для отклоненія приглашенія, сдѣланнаго изъ Рима, онъ представилъ и слѣдующую: „Греческая церковь не можетъ признать непогрѣшимости папы, ни его верховности надъ вселенскими соборами“.

Схизматическіе армяне говорятъ тѣмъ же языкомъ и я имѣлъ въ рукахъ одинъ армянскій журналъ, который высказываетъ предположеніе, что если Римъ приглашаетъ ихъ на соборъ, то это „для того, чтобы навязать имъ непогрѣшимость папы“.

„Можетъ быть скажутъ: но о чемъ вы безпокоитесь? Схизматики не хотятъ единенія. Что же за важность, если между ними и нами будетъ стѣною больше?—Что касается меня, я далекъ отъ того, чтобы впасть въ такую безнадежность; я не вѣдаю намѣреній Божіихъ о народахъ, но я не думаю, не могу дозволить себѣ такимъ образомъ запечатать могилу этихъ древнихъ христіанскихъ народовъ,—особенно когда помыслю, что въ этой могилѣ, въ этой землѣ Востока покоятся прахи Аѳанасіевъ, Кирилловъ, Василіевъ, Григоріевъ, Златоустовъ вмѣстѣ съ Павлами, Антоніями, Илларіонами, Пахоміями и столько другихъ нѣкогда славныхъ святыхъ.

(1) Дѣло, конечно, идетъ объ извѣстномъ отвѣтѣ, который далъ лично самъ константинопольскій патріархъ и при которомъ его протосинкеллъ *только* присутствовалъ. Дюпанлу вѣрно измѣнила память. Выше онъ говорилъ, что на востокѣ мало знаютъ о западѣ. Да и на западѣ путаютъ свѣденія о востокѣ. А между тѣмъ Дюпанлу можетъ быть единственный епископъ, который такъ зорко, такъ внимательно слѣдитъ за всею современностію.

„Но пусть бы случилось и такъ, пусть бы никакое божественное дыханіе, никакое человѣческое усиліе не было въ состояніи избавить эти древніе народы Востока отъ заблужденія, которое ихъ погубило.... нѣтъ, я не могу повѣрить, чтобы это было достойно любви Іисуса Христа и миссіи великаго собора удалить ихъ еще болѣе и сдѣлать ихъ возвращеніе еще болѣе затруднительнымъ.

„Я часто имѣлъ счастливые случаи долго бесѣдовать объ интересахъ этихъ древнихъ церквей съ восточными епископами, которыхъ я встрѣчалъ въ Римѣ, во время нашихъ великихъ собраній (въ 1864 и 1867 г.); и кромѣ того дѣятельная корреспонденція со многими изъ нихъ дозволила мнѣ нѣсколько узнать состояніе вещей. Что я узналъ—это о великомъ желаніи сближенія. Да, на этомъ неподвижномъ востокѣ много душъ живутъ этими желаніями. Но въ тоже время они въ высшей степени щекотливы даже относительно мельчайшихъ подробностей ихъ древнихъ обычаевъ, и тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о великихъ догматическихъ вопросахъ“.

Мы не могли не сдѣлать этой довольно длинной выписки. Мы не можемъ не выслушать со всѣмъ должнымъ вниманіемъ этой благородной возвышенной рѣчи. Здѣсь мы можемъ читать не только то, что епископъ Дюпанлу говоритъ словами, но и то, что скрывается во глубинѣ его души. Римская церковь, по его мнѣнію, готовится воздвигнуть новую стѣну, чтобы помѣшать единенію между двумя раздѣленными церквами. А прежде, не она воздвигнула первую стѣну раздѣленія и потомъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ постоянно громоздила камень на камнѣ?... Она, она, она!

Епископъ Дюпанлу не говоритъ этого прямо, но мы слышимъ это въ его огненной рѣчи.

Относительно протестантовъ, епископъ Дюпанлу говоритъ, что провозглашеніе новаго догмата еще дальше удалитъ ихъ отъ церкви, удалитъ даже и тѣхъ, которые склонны къ сближенію. Здѣсь онъ упоминаетъ, что два года тому назадъ у него въ Орлеанѣ былъ докторъ Пьюзей и говорилъ ему: „мы, восемь тысячъ, въ Англіи каждый день молимся о единеніи“.

Провозглашеніе новаго догмата относительно правительствъ, по мнѣнію Дюпанлу, пробудитъ самыя живыя и основательныя подозрѣнія и ненависть къ католической церкви не только въ правительствахъ не католическихъ, но даже и католическихъ. Если догматъ то, что папа непогрѣшимъ, значитъ и прежніе папы непогрѣшимы, значитъ тѣ папы, которые поднимали подданныхъ противъ королей, которые разрѣшали подданныхъ отъ присяги, тоже дѣйствовали непогрѣшимо, значитъ теперешній и слѣдующіе папы могутъ дѣйствовать также, и католики должны будутъ имъ повиноваться.

Епископъ Дюпанлу долго останавливается на богословскихъ затрудненіяхъ къ провозглашенію новаго догмата. Мы считаемъ излишнимъ передавать всѣ эти подробности. Замѣтимъ только, что епископъ Дюпанлу здѣсь снова оговаривается, что эти затрудненія онъ выставляетъ только противъ *благовременности* провозглашенія новаго догмата, но не противъ самаго догмата. Оговорка напрасная! Всѣ богословскія затрудненія, которыя онъ выставляетъ, именно говорятъ, что ученіе о личной непогрѣшимости папы — чистая нелѣпость. Вотъ вькороткѣ что говоритъ епископъ Дюпанлу:

соборъ не можетъ опредѣлить условія личной непогрѣшимости папы; говорятъ—папа непогрѣшимъ, когда говоритъ *ex cathedra*. А когда это и какія нужны условія для того, чтобы онъ говорилъ *ex cathedra*? На этотъ вопросъ есть столько самыхъ разнорѣчивыхъ отвѣтовъ, что примирить ихъ нѣтъ никакой возможности. Нѣкоторые, не находя для этого яснаго условія, доходятъ до такой наивной нелѣпости, что утверждаютъ, что папа говоритъ-де *ex cathedra*, когда захочетъ такъ говорить. Основаній для опредѣленія этихъ условій нѣтъ ни въ писаніи, ни въ преданіи. Папы Ливерій, Гонорій, Левъ II, Паскаль II—признаны или еретиками или заблуждавшимися въ своихъ публичныхъ актахъ. Если въ своихъ публичныхъ актахъ папы заблуждались, то въ какихъ же актахъ они не могутъ заблуждаться? Провозглашеніе папы непогрѣшимымъ сдѣлаетъ безполезными соборы, уничтожитъ учительскую власть епископовъ, вопреки ясныхъ словъ Самаго Іисуса Христа, Который въ лицѣ всѣхъ апостоловъ говорилъ всѣмъ епископамъ: *шедше научите вся языки. Се Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка*. Провозглашеніе новаго догмата произведетъ только раздоръ въ римской церкви.

Ультрамонтаны и іезуиты не могли и не могутъ простить епископу Дюпанлу такого смѣлаго слова противъ папской непогрѣшимости, и особенно въ минуты, когда дѣло своихъ рукъ они считали почти что покончeннымъ. L'Univers съ своимъ редакторомъ Вельё былъ ошеломленъ. Вельё въ первыя минуты явился тѣмъ, чѣмъ является надѣлавшій какую нибудь бѣду школьникъ, который, не зная чѣмъ оправдаться, только и твердитъ: *я не знаю, да это не я, да это такъ было*. Первое слово его, которымъ онъ оправдывался

противъ взводимаго на него орлеанскимъ епископомъ обвиненія, было: *я не поднималъ и не предрѣшалъ вопроса о папской непогрѣшимости*. Вельё, очевидно, былъ въ страшномъ замѣшательствѣ: онъ, въ оправданіе, лгалъ самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. Епископъ Дюпанлу рѣшился поддержать это впечатлѣніе новымъ ударомъ: онъ, наканунѣ отъѣзда изъ Орлеана въ Римъ, послалъ г. Вельё и напечаталъ въ особой брошюрѣ для разсылки своему клиру *предостереженіе* (avertissement), въ которомъ, какъ день, показалъ и то, что вопросъ о папской непогрѣшимости поднятъ и предрѣшается г. Велье и что г. Велье принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ недобросовѣстныхъ личностей, которыя мутятъ міръ и лгутъ не краснѣя. Вы знаете, кто такой Велье и L'Univers; вы знаете какое значеніе имѣетъ на западѣ печатное слово, это,—говорятъ: четвертая сила государства. *L'Univers*—это евангеліе тысячей католиковъ во Франціи и внѣ Франціи; они изъ L'Univers каждое утро черпаютъ, какъ изъ источника живой воды, свои чувства и свои вѣрованія; они мыслятъ и говорятъ мыслями и словами L'Univers. Это можно сказать безъ преувеличенія. Значитъ, орлеанскому епископу, который рѣшился дѣйствовать противъ тенденцій L'Univers, было изъ чего горячиться. Убить или по крайней мѣрѣ уменьшить значеніе газеты L'Univers въ глазахъ католиковъ, значитъ, вещь немаловажная. *Предостереженіе* выразило собою самое глубокое, самое горячее негодованіе орлеанскаго епископа. На мальчишески недобросовѣстное оправданіе г-на Велье, онъ отвѣчалъ: „Вы, милостивый государь, вы именно разыгрываете въ церкви роль, которая болѣе не терпима. Вы, простой міранинъ, одинъ изъ тѣхъ писателей, о кото-

рыхъ одинъ изъ нашихъ епископовъ только вчера говорилъ на страницахъ вашего журнала, что „они не имѣютъ никакого авторитета и суть въ церкви ничто“; вы-то являетесь страшно злоупотребляющимъ. Вы волнуете и возмущаете умы въ церкви, вы производите родъ *благочестиваго* бунта при воротахъ собора; вы начертываете ему его дорогу; вы поднимаете вопросы, о которыхъ не говорилъ даже святой отецъ; вы говорите объ опредѣленіяхъ, которыя, по вашему мнѣнію, *неизбѣжны;* вы высказываете даже образъ и форму этихъ опредѣленій. Вы рѣшаете вопросы ученія и дисциплины; вы ставите себя судьею между епископами, чтобы позорить однихъ и господствовать надъ другими; вы берете сторону за и противъ насъ по богословскимъ предметамъ самымъ важнымъ, самымъ щекотливымъ и самымъ сложнымъ. Вы оскорбляете, доносите, клевещете, отлучаете отъ католицизма всѣхъ католиковъ, которые не думаютъ и не говорятъ подобно вамъ. Вы даже не терпите, чтобы они воздерживались отъ вмѣшательства въ разсужденія епископовъ по своей некомпетентности или просто по уваженію: въ вашихъ глазахъ не вмѣшиваться въ поднимаемую вами полемику и не думать подобно вамъ—это значитъ отступничество! Это уже слишкомъ, милостивый государь! Время вамъ отвѣтить. Вотъ почему я заговорилъ. Вы говорите, что я нападаю во всеоружіи. Нѣтъ, милостивый государь, я не нападаю, я только защищаюсь. Время защититься отъ васъ. Итакъ, я въ свою очередь возвышаю голосъ и противополагаю торжественное *Предостереженіе* вашимъ затѣямъ, въ которыхъ я васъ обвиняю. Я васъ обвиняю въ вашихъ злоупотребленіяхъ относительно епископства, въ вашемъ постоянномъ и

коварномъ вмѣшательствѣ въ его самыя важныя и щекотливыя дѣла. Я обвиняю васъ особенно въ вашихъ крайностяхъ ученія; въ вашей плачевной гонкѣ за вопросами раздражающими и за рѣшеніями самыми жестокими и опасными. Я васъ обвиняю въ томъ, что вы доносите, оскорбляете, клевещете на вашихъ братьевъ въ вѣрѣ. Никто никогда больше васъ не заслужилъ этого жестокаго слова священныхъ книгъ: *Accusator Fratrum!* Кромѣ того, я васъ обвиняю въ томъ, что вы церковь дѣлаете участницей вашихъ вѣроломныхъ жестокостей, съ рѣдкою дерзостію выдавая за ея ученіе самыя личныя (les plus personnelles) идеи".

Въ доказательство своихъ обвиненій епископъ Дюпанлу дѣлаетъ множество выписокъ изъ газеты l'Univers, въ которыхъ Велье не только предрѣшаетъ вопросъ о папской непогрѣшимости, но просто возводитъ папу въ Бога, въ которыхъ онъ является самымъ наглымъ клеветникомъ. Мы не можемъ передавать этихъ выписокъ, но вотъ для образца нѣсколько выраженій главы ультрамонтановъ, по которымъ можно судить, куда влекутъ римскую церковь іезуиты и к°: „церковь создана по образу Святой Троицы: какъ Отецъ рождаетъ Сына и какъ отъ Отца и Сына исходитъ Святой Духъ, такъ папа раждаетъ епископовъ и отъ папы происходитъ этотъ Святой Духъ, Который проявляется въ непогрѣшимомъ законѣ и образуетъ и руководитъ стадомъ. Когда папа думаетъ—это Самъ Богъ думаетъ. Папа не можетъ заблуждаться ни въ вѣрѣ, ни въ нравственности. Папа есть не просто Сынъ Божій, но Сынъ-Богъ. Онъ (т. е. папа) есть мой Богъ и я хочу славить его. Имя Пій въ одномъ извѣстномъ гимнѣ поставлено на мѣсто имени Богъ. Другой гимнъ пяти-

десятницы, обращенный къ Святому Духу, отнесенъ прямо къ Пію IX. Папа, по словамъ Велье, имѣетъ слово вѣчной жизни, его слово-истина". Могъ ли епископъ Дюпанлу не придти въ негодованіе отъ этого ученія, возсоздающаго чистѣйшее идолопоклонство съ непогрѣшимымъ папой, съ папой-Богомъ! И между тѣмъ Велье управляетъ посредствомъ своего журнала совѣстію милліоновъ не только мірянъ, но даже епископовъ.

Особенно неумолимъ и жестокъ Велье къ умѣреннымъ католикамъ, ко всѣмъ тѣмъ, кто не раздѣляетъ его идолопоклонническихъ взглядовъ. Онъ поражаетъ ихъ клеветами, насмѣшками самыми площадными. Дюпанлу выставляетъ нѣсколько образчиковъ такихъ братскихъ отношеній главы ультрамонтановъ. Намъ въ этомъ отношеніи особенно любопытною показалась, упомянутая орлеанскимъ епископомъ, статья г-на Велье: *Les liberaux et les singes*. Здѣсь Велье сравниваетъ умѣренныхъ католиковъ съ обезьянами: „между обезьянами, по его мнѣнію, самыя либеральныя тѣ, которыя не имѣютъ хвоста; а тѣ, которыя имѣютъ хвостъ, принадлежатъ партіи умѣренной... Они держатъ этотъ хвостъ всегда поднятымъ къ небу, какъ бы для того, чтобы взять его въ повѣрители правоты своихъ намѣреній, своей любви къ порядку, монархіи, истинно понимаемой религіи и своего серьезнаго желанія жить въ мирѣ со всѣми, исключая іезуитовъ". По мнѣнію Велье, обезьяны безхвостыя—это католики, которые не хотятъ ничего съ партіей ультрамонтановъ, а тѣ, которыя съ хвостами,—это тѣ католики, которые еще не разорвали съ ультрамонтанами. Все это пошло, но пошлость и есть отличительная черта этого столпа папской власти, который имѣетъ громаднѣйшее вліяніе даже въ Римѣ

и, посмотримъ, не будетъ ли даже направителемъ дѣлъ собора. Тогда оцѣнка его епископомъ Дюпанлу получитъ особенную цѣну...

Когда г. Велье нѣсколько оправился отъ поразившаго его удара епископа Дюпанлу, онъ началъ въ L'Univers свои оправданія. Это въ системѣ ультрамонтановъ и іезуитовъ дѣйствовать противъ сильнаго противника окольными путями, стараться откопать что-нибудь постороннее, чѣмъ бы можно было набросить тѣнь подозрѣнія на противника: клевета тутъ идетъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Дѣйствовать прямо, честно— это не въ ихъ духѣ. Вотъ гдѣ причина той ненависти къ іезуитамъ, которую питаетъ къ нимъ всякое честное сердце даже католика; въ этомъ причина и ихъ необыкновенной силы. Велье въ этомъ случаѣ іезуитъ первой степени: мы ссылаемся на вышеприведенныя слова епископа орлеанскаго. Онъ ихъ оправдалъ и на этотъ разъ какъ нельзя лучше. Не зная, что сказать прямо противъ доводовъ епископа Дюпанлу, онъ чрезъ нѣсколько дней познакомилъ своихъ читателей съ новостію, которою была брошюра: *Memorandum addressed to the Bishops of Germany, respectfully offered in translation to the Bishops of the United Kingdom and its colonies and to the Bishops of the United States*. (*Меморандумъ*, адресованный нѣмецкимъ епископамъ, почтительно представленный въ переводѣ епископамп Англіи и ея колоній и епископамъ Соединенныхъ Штатовъ). Велье говорилъ, что эта брошюра только-что передана была ему однимъ американскимъ епископомъ, проѣзжавшимъ изъ Парижа въ Римъ, и что до этого времени онъ о ней не зналъ. Странно! Велье, по запаху чуящій всѣ секреты, не зналъ объ этомъ весьма важномъ до-

кументѣ, который рѣзко, мѣтко и основательно говорилъ противъ папской непогрѣшимости. По соображеніямъ Memorandum былъ напечатанъ на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ и разосланъ былъ нѣмецкимъ, англійскимъ, ирландскимъ и американскимъ, католическимъ епископамъ мѣсяца три тому назадъ. Документъ этотъ показываетъ, что воюющіе противъ папской непогрѣшимости огранизованной силѣ іезуитовъ и ультрамонтановъ также противупоставляютъ организованную оппозицію. Откуда же вышелъ этотъ документъ? Велье представилъ параллель нѣсколькихъ весьма сходныхъ выраженій изъ Memorandum'a и брошюры Дюпанлу, выводя изъ этого заключеніе, что авторъ Memorandum'a Дюпанлу, что онъ-де и есть тотъ человѣкъ, который заправляетъ организованной оппозиціей, подкапывающейся подъ папскую непогрѣшимость. Но по всему было видно, что Велье въ душѣ самъ сознается, что онъ проведенъ, что ему не проникнуть въ секреты весьма умно и осторожно дѣйствующей оппозиціи. Естественнѣе предположить, что этотъ Memorandum вышелъ изъ Мюнхена, хотя можетъ быть и былъ написанъ съ вѣдома епископа орлеанскаго; изъ самаго его заглавія видно, что прежде всего онъ былъ написанъ по нѣмецки, а въ Германіи центромъ такой оппозиціи служитъ Мюнхенъ. И сначала онъ былъ разосланъ къ епископамъ саксонской и нѣмецкой расы, среди которыхъ онъ надѣялся найти наибольшее сочувствіе. Теперь же мы знаемъ, что этотъ Memorandum наканунѣ своихъ отъѣздовъ въ Римъ получили и всѣ епископы Испаніи—въ чистомъ испанскомъ переводѣ, равно какъ и епископы Италіи—въ переводѣ италіанскомъ. Кто же былъ авторъ его? Деллингеръ?...

Но лишь только Memorandum сдѣлался извѣстенъ въ европейской печати, Дёллингеръ напечаталъ особую брошюру разомъ на трехъ языкахъ: нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ, которая говорила тоже, что Memorandum, но была все-таки другимъ заявленіемъ. Мы имѣемъ эту брошюру на французскомъ языкѣ, на которомъ она носитъ слѣдующее заглавіе: *Considérations proposées aux évêques du Concile sur la question de l'infaillibilité du Pape. Octobre 1869.* Дёллингеръ не подписалъ на брошюрѣ своего имени, но онъ не отказывался отъ нея, и что онъ ея авторъ, сдѣлалось несомнѣннымъ послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстнымъ письмо баварскаго короля, въ которомъ онъ благодаритъ Деллингера за публикованіе этой брошюры. Кто же авторъ Memorandum'а? Это опять остается неизвѣстнымъ. Во всемъ этомъ, впрочемъ, очевидно одно, что оппозиція противъ папской непогрѣшимости дѣйствуетъ систематически; но въ то же время она употребляетъ всѣ мѣры, чтобы скрыть свою систему. Это и нужно для того, чтобы дѣйствовать противъ такихъ испытанныхъ бойцовъ, каковы іезуиты.

Мы не передаемъ содержанія брошюры Дёллингера, потому что для этого пришлось бы передать ея полный переводъ. Впрочемъ, мы желали бы, чтобы кто-нибудь передалъ ее въ русскомъ переводѣ для нашихъ окатоличенныхъ братій западныхъ губерній. Переводъ ея можно сдѣлать весьма скоро, потому что вся-то брошюра во французскомъ текстѣ имѣетъ 20 страницъ; а между тѣмъ содержаніе ея весьма важно: оно способно убѣдить каждаго, въ комъ не заглохло чувство истины, что папство есть небольше какъ одно изъ самыхъ крайнихъ и недобросовѣстныхъ злоупотребленій.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея мысль: правило вѣры есть преданіе. Какъ свидѣтели преданія — всѣ церкви равны. Когда поднимается какой-нибудь вопросъ, одно средство рѣшить его: общее обсужденіе всѣхъ церквей. Больше чѣмъ въ продолженіи тысячи лѣтъ церковь не знала другаго закона. За римскою церковію не признавали никакой въ этомъ отношеніи привиллегіи, никакого авторитета. Только мало по малу жажда преобладанія овладѣваетъ этою церковію: съ шестаго вѣка она начала подготовлять средства, при помощи которыхъ она потомъ несправедливо присвоила себѣ верховную власть. Для этого дѣлались самыя наглыя искаженія въ сочиненіяхъ святыхъ отцовъ ([1]) и поддѣлки цѣлыхъ документовъ; шесть вѣковъ сознательно, систематически она подготовляла средства, а съ XIII вѣка она уже начинаетъ пожинать плоды своего нечестія и обмановъ.

Въ Римъ прибыло нѣсколько восточныхъ католическихъ епископовъ, между которыми есть арабы, копты и халдеи. Ихъ поведеніе тамъ весьма любопытно. Не смотря на свое соединеніе съ римскою церковію, они твердо хранятъ древнее преданіе о независимости восточныхъ церквей отъ Рима. Іезуиты и ультрамонтаны, которые, по словамъ орлеанскаго епископа, еще два года тому назадъ стали собирать подписи для выраженія папѣ безусловной преданности и вѣры въ его не-

([1]) Въ настоящей брошюрѣ Деллингеръ коротко говоритъ о поддѣлкахъ и искаженіяхъ мѣстъ святыхъ отцовъ. Но въ книгѣ *Януса*, между прочимъ, говорится, что извѣстное мѣсто въ сочиненіи св. Кипріана *De Unitate Ecclesiae*, на основаніи котораго католики доказываютъ, что римская церковь есть средоточіе единства, искажено. Изслѣдованіе объ искаженіяхъ въ сочиненіяхъ святыхъ отцовъ,—пока, можетъ быть, не всѣ еще спрятаны концы,—въ настоящее время, намъ кажется, было бы не безплоднымъ, особенно же по вопросамъ спорнымъ. Для этого, конечно, нужно видѣть еще сохранившіяся древнія рукописи.

погрѣшимость, съ появленіемъ въ Римѣ восточныхъ епископовъ, и у нихъ попросили этой подписи: тѣ отказались на отрѣзъ.

„Это неудивительно“, замѣчаетъ на этотъ фактъ корреспондентъ французской газеты *Liberté*; и епископы востока (т. е. католическіе) слишкомъ далеко отъ римской куріи какъ по своимъ обрядамъ, такъ и по своимъ вѣрованіямъ относительно значенія епископовъ; они имѣютъ слишкомъ высокое понятіе о себѣ самихъ и своемъ достоинствѣ, чтобы согласились когда-нибудь такъ унизиться предъ римскимъ первосвященникомъ, котораго они едва признають и главенство“.

При этомъ припоминается любопытный случай: въ 1867 году, во время осьмнадцати-сот-лѣтняго юбилея св. Петра, Пій IX, думая доставить особенное удовольствіе одному восточному лже-патріарху, явившемуся на это торжество, и въ тоже время выразить этимъ особенное благоволеніе и уваженіе епископамъ востока, за которыми въ Римѣ всегда стараются ухаживать какъ за балованными дѣтьми, потому что знаютъ, что они привязаны къ папѣ только тонкою нитью,—приказалъ передать этому патріарху, что онъ-де удостоиваетъ его чести во время торжественной мессы юбилея поднести ему, папѣ, умывальникъ и воду для умыванія рукъ. Монсиньеръ, которому было поручено передать эту лестную новость патріарху, исполнилъ свое дѣло съ нескрываемымъ сознаніемъ высоты своей миссіи. Но каково же было его изумленіе, когда восточный лже-патріархъ отвѣтилъ ему съ негодованіемъ, что онъ не унизится до исполненія такой обязанности, можетъ быть пріятной для какого нибудь европейца, но не для него. Озадаченный монсиньеръ принесъ этотъ отвѣтъ папѣ,

который приказалъ поручить эту почетную обязанность
другому прелату. Но фактъ этотъ былъ въ то время
замѣченъ. Можно предвидѣть, поэтому, поведеніе вос-
точныхъ епископовъ на соборѣ. Оно, говорятъ, съ каж-
дымъ днемъ выражается все яснѣе и яснѣе, благодаря
еще при этомъ неосторожности римскаго клира, кото-
рый теперь не щадитъ сарказмовъ для прелатовъ Ма-
лой Азіи, Египта, Аравіи и Халдеи. И странно будетъ,
если съ ихъ стороны это не кончится серьёзной оппо-
зиціей. Можетъ быть они не вступятъ въ союзъ съ тѣми
прелатами, которые возстаютъ противъ папской непо-
грѣшимости, но въ тоже время признаютъ и покоря-
ются папѣ какъ главѣ церкви,—потому что этимъ они
не останутся довольны, по ихъ мнѣнію, и эти европейскіе
прелаты слишкомъ еще зависятъ отъ папы; но они об-
разуютъ особую группу оппозиціи, которую ультрамон-
танамъ трудно будетъ одолѣть.

Будетъ ли же, наконецъ, на римскомъ соборѣ про-
возглашена папская непогрѣшимость? Больше думаютъ
да, чѣмъ *нѣтъ*. Фактически папа уже присвоилъ себѣ
непогрѣшимость. Въ 1854 году Пій IX призвалъ къ
себѣ до пятисотъ епископовъ, чтобы сказать имъ, что
онъ провозглашаетъ какъ догматъ *Непорочное Зачатіе*;
когда нѣкоторые епископы хотѣли было возражать про-
противъ этого, имъ сказали, что поздно, что догматъ
уже—догматъ и не допускаетъ возраженій,—ему нужно
только вѣрить. Папа, такимъ образомъ, одинъ опредѣ-
лилъ догматъ. Признать его теперь по теоріи такимъ
рѣшителемъ будетъ только подтвержденіемъ совершив-
шагося факта. Папская система въ этомъ окажется по-
слѣдовательною себѣ. И для насъ съ стороны ничего не
будетъ страннаго, когда мы услышимъ, что соборъ

провозгласилъ личную непогрѣшимость папы: къ тому дѣло шло во всей исторіи папства. Но замѣчателенъ и не останется безъ послѣдствій тотъ фактъ, что наиболѣе добросовѣстные изъ католиковъ видятъ, даже больше—осязательно чувствуютъ, до какой же пропасти они наконецъ дошли съ своимъ папствомъ. Они хотѣли бы удержать римскую церковь сдѣлать послѣдній шагъ на ея плачевной дорогѣ. Но этого имъ кажется, не удастся. *Кого Господь захочетъ погубить*, говоритъ въ русскомъ переводѣ латинская пословица, *отниметъ прежде разумъ*. Поздно удерживаться римской церкви на дорогѣ въ концѣ ея, когда она безъ задержки прошла всю дорогу. Самая гордость прежнихъ успѣховъ толкнетъ ее до конца и можетъ быть во глубину пропасти. Отступятъ ли назадъ тѣ изъ католиковъ, которые теперь стараются удержать ее на полдорогѣ въ ея крайностяхъ, или будутъ увлечены ея общимъ стремленіемъ? Время отвѣтитъ на этотъ вопросъ. Теперь же очевидно *одно*: между Іоаннинеами, епископами Маре, Дюпанлу, нѣмецкими епископами, Янусами съ одной стороны, и ультрамонтанами и іезуитами съ другой — можетъ быть только недобросовѣстная сдѣлка, но примиренія быть не можетъ. Для однихъ папа верховный непогрѣшимый судья человѣчества во всѣхъ предметахъ вѣры и *нравственности*, для другихъ онъ обыкновенный смертный, подверженный человѣческимъ страстямъ и искушеніямъ; одни провозглашаютъ за несомнѣнную историческую истину то, что другіе считаютъ *постоянными источникомъ заблужденія, заразы и раскола*; на что одни смотрятъ какъ на чудовищную басню среднихъ вѣковъ, то другіе считаютъ несомнѣннымъ догматомъ истинной христіанской вѣры. Хваленое единство римской церкви

кончилось; соборъ долженъ послужить окончательному ея разложенію.

Въ прошломъ письмѣ я сообщалъ вамъ свѣденія о волненіяхъ, которыя вызваны были въ Англіи назначеніемъ въ епископы доктора Тампля. Я уже тогда говорилъ вамъ, что выборъ раціоналиста въ епископы, несмотря на оппозицію, состоится. Все дѣло кончилось шумомъ. Когда дѣло дошло до выборовъ, то даже деканъ экзетерскаго капитула, который былъ противъ Тампля, подалъ голосъ за него. Что же теперь сдѣлаютъ тѣ изъ рѣшительныхъ пьюзеистовъ, которые заявляли, что они скорѣе хотятъ отдѣленія церкви отъ государства, чѣмъ терпѣть то, что государство навязываетъ имъ епископовъ, которые не вѣрятъ въ Откровенный характеръ христіанства? Мы знаемъ объ этомъ пока мало. Впрочемъ съ этой исторіей совпадаютъ два любопытные факта: папа послалъ въ Англію извѣстнаго профессора Сорбонны, аббата Фреппеля, для переговоровъ съ пьюзеистами. Въ чемъ тутъ дѣло, мы пока не знаемъ. Другой фактъ: появленіе въ Римѣ многихъ священниковъ изъ пьюзеистовъ. Они добиваются, чтобы соборъ занялся разсмотрѣніемъ вопроса объ апостольскомъ преемствѣ англиканскаго священства. Если соборъ не признаетъ этого преемства, то они будто бы готовы согласиться на новое посвященіе.

2 декабря (н. с.) отцы собора имѣли предварительное собраніе въ Сикстинской капеллѣ. Папа, являясь въ это собраніе, по словамъ L'Univers, имѣлъ вполнѣ *фигуру Іисуса Христа*. L'Univers, конечно, и не можетъ иначе выражаться. Здѣсь присутствовало до 600 епископовъ. Папа произнесъ небольшую рѣчь, говоря въ

ней о мирѣ въ церкви. Собраніе занималось выборомъ нотаріевъ, секретарей, переводчиковъ и такиграфовъ, которые почти всѣ были выбраны изъ личностей, окружающихъ папу.

Во все продолженіе собора Римъ будетъ занятъ военнымъ образомъ десятью батальонами инфантеріи, тремя батареями, четырьмя эскадронами кавалеріи и батальономъ жандармъ, не считая легіона полицейскихъ, палатинской гвардіи, швейцарской гвардіи и гвардіи благородныхъ, которая, вмѣстѣ съ кавалерами мальтійскаго ордена будетъ держать стражу при залѣ собора, во время торжественныхъ засѣданій.

Священникъ К. Кустодіевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОБЪ ИЗДАНІИ
ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ
въ 1870 году.

Сближеніе между духовною наукою и жизнію, между духовенствомъ и обществомъ, благодаря предпринятымъ реформамъ въ образованіи и бытѣ духовенства, начинаетъ переходить изъ области идеальныхъ желаній въ практическую жизнь. Добрыя предвѣстія въ настоящемъ даютъ надежду еще на лучшее будущее. Въ настоящемъ положеніи вещей *Православное Обозрѣніе* находитъ для себя новыя сильнѣйшія побужденія продолжать служеніе тому дѣлу, которымъ оно задалось съ перваго года своего существованія. Не отступая отъ первоначальной своей задачи—способствовать разъясненію религіознаго вопроса самаго въ себѣ, не выходя изъ круга предметовъ непосредственно относящихся къ дѣлу религіи и церкви,—мы не можемъ оставлять безъ вниманія разнообразныхъ сторонъ жизни общественной, съ которыми такъ или иначе соприкасается дѣло религіозное. Мы надѣемся постепенно, съ большею и большею полнотою, раскрывать значеніе религіозной идеи въ примѣненіи къ разнообразнымъ вопросамъ и сферамъ общественной жизни. Искренно сочувствуя предпринимаемымъ ко благу церкви правительственнымъ реформамъ, мы будемъ стараться по мѣрѣ силъ содѣйствовать

разъясненію смысла этихъ реформъ для общества и духовенства, отстраненію отъ нихъ всякихъ недоразумѣній и возможному облегченію трудностей въ переходѣ отъ старыхъ порядковъ духовнаго быта къ новымъ.

Православное Обозрѣніе въ 1870 году будетъ издаваться по прежней программѣ, ежемѣсячно, книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ, подъ редакціею священника Г. П. Смирнова-Платонова, при постоянномъ участіи въ трудахъ редакціи священниковъ А. М. Иванцова-Платонова и П. А. Преображенскаго.

Въ составъ *Православнаго Обозрѣнія* будутъ входить:

1) *Статьи научно-богословскаго, нравственно-назидательнаго и церковно-историческаго содержанія* (преимущественно по исторіи церквей восточныхъ—греческой, славянскихъ, русской), имѣющія близкое отношеніе къ современнымъ, научнымъ и жизненнымъ вопросамъ.

2) *Обозрѣніе замѣчательныхъ событій современной церковной жизни* въ восточныхъ православныхъ церквахъ, особенно въ церквахъ славянскихъ, и въ западныхъ христіанскихъ обществахъ.

3) *Статьи, касающіяся практическихъ вопросовъ*—о положеніи церкви, о бытѣ духовенства и отношеніяхъ его къ обществу, о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, о новомъ устройствѣ приходовъ, о положеніи семейнаго быта духовенства, о задачахъ духовной журналистики и литературы, о религіозномъ и нравственномъ воспитаніи народа и т. п.

4) *Критическіе и библіографическіе обзоры* замѣчательныхъ явленій духовной науки и литературы—русской и иностранной; изъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій будутъ по временамъ предлагаемы *переводы*.

5) *Извѣстія и замѣтки*: новѣйшія постановленія по духовному вѣдомству, епархіальныя распоряженія о новомъ устройствѣ приходскихъ штатовъ, извѣстія о ходѣ духовно-учебной реформы и другихъ дѣлъ въ жизни церковно-общественной, внутреннія и заграничныя извѣстія, библіографическія новости и т. д.

6) Въ *приложеніи* будетъ продолжаться печатаніе перевода сочиненія Св. Иринея Ліонскаго „Противъ ересей“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна годоваго изданія *Православнаго Обозрѣнія* на 1870 годъ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП.,—съ доставкою на домъ въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города СЕМЬ РУБ. СЕР.

Подписка принимается *въ Москвѣ, въ редакціи Православнаго Обозрѣнія, Остоженка, приходъ Новаго Воскресенія, д. свящ. Смирнова-Платонова*,—и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями прямо и исключительно: *въ редакцію Православнаго Обозрѣнія, въ Москвѣ.*

Въ газетныхъ экспедиціяхъ и почтовыхъ конторахъ подписка не принимается.

Подписка на Православное Обозрѣніе 1869 года продолжается по прежнему.

Редакторъ *Православнаго Обозрѣнія* съ 1869 года *священникъ Григорій Смирновъ-Платоновъ.*

ОБЪ ИЗДАНІИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ"

въ 1870 году.

Изданіе журнала **Душеполезное Чтеніе**, при помощи Божіей, будетъ продолжаемо въ 1870 году на прежнихъ основаніяхъ. Редакція постарается остаться вѣрною своей первоначальной задачѣ—служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности общеназидательнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА БУДУТЪ ВХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕМУ:

1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія. По этой части редакція будетъ продолжать начатый ею въ 1866

году трудъ истолкованія церковныхъ чтеній изъ Св. Писанія, извѣстныхъ подъ именемъ *паремій*. 2) Статьи догматическаго и нравоучительнаго содержанія. Въ нихъ не будутъ упускаемы изъ виду современныя явленія въ общественной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной церкви. Иногда обсужденію этихъ явленій будутъ посвящаемы особыя статьи. 3) Разсказы изъ общей церковной исторіи, и изъ исторіи русской церкви. 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи относящіяся къ православному Богослуженію. 6) Очерки изъ священной географіи. 7) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 8) Описаніе путешествій ко святымъ мѣстамъ. 9) Миссіонерскія записки. 10) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 11) Разныя извѣстія и замѣтки.

Въ одной изъ первыхъ книжекъ будетъ приложенъ *Указатель* статей, помѣщенныхъ въ Душеп. Чтеніи за 10 лѣтъ отъ начала изданія. Цѣна *Указателю*: 30 коп.

Душеполезное Чтеніе по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

Цѣна годовому изданію съ приложеніемъ къ нему „Указателя“ статей помѣщенныхъ въ Душеполезномъ Чтеніи за 10 годовъ,—безъ доставки и пересылки 3 р. 30 к.; съ пересылкою иногороднымъ вмѣстѣ съ „Указателемъ“, согласно съ новыми почтовыми правилами: 3 р. 60 к., съ доставкою московскимъ подписчикамъ, также вмѣстѣ съ „Указателемъ“— 3 р. 80 к.

Цѣна годовому изданію безъ „Указателя“, и безъ пересылки и доставки, остается прежняя: 3 рубля, но подписка на Журналъ отдѣльно отъ „Указателя“ не принимается.

Оставшіеся неразобранными полные экземпляры Душеполезнаго Чтенія за 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы отпускаются по 2 рубля съ пересылкой, за 1867, 1868 и 1869 годы по 3 р. 50 к. съ пересылкою.

Подписка на Душеполезное Чтеніе принимается: въ Москвѣ въ домѣ редактора, священника Николаевской, въ Толмачахъ, церкви Василія Нечаева; въ конторѣ Университет-

---

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ"

ВЪ 1870 ГОДУ.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей", издаваемый по благословенію Святѣйшаго Сѵнода, при кіевской духовной семинаріи, продолжится и въ слѣдующемъ 1870 г., и начнетъ съ 1-го января свой одиннадцатый годъ.

Этотъ журналъ, избравъ однажды особенную цѣль—способствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей таинъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, будетъ имѣть въ виду эту цѣль неизмѣнно; поэтому и въ слѣдующемъ году онъ будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какихъ держался до сихъ поръ.

Въ составъ „Руководства для сельскихъ пастырей", по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Сѵнодомъ, будутъ входить:

I. Поученія къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, обрядоваго и проч., а также извлеченія и выписки изъ твореній св. отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части церковныхъ библіотекъ.

II. Изслѣдованія о разныхъ церковныхъ и духовно-нрав-

ственныхъ предметахъ, пригодныя для приходскаго пастыря какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Произведенія проповѣднической литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части церковной, преимущественно отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіеся къ ней, съ надлежащею ихъ обработкою. Изъ матеріаловъ избираются исключительно тѣ, которые по содержанію своему могутъ имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

V. Замѣчанія, совѣты и наставленія, пригодныя священнику въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И во 1хъ, замѣчанія касательно отправленія богослуженія, церковнаго благочинія, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ иновѣрцамъ и въ особенности къ раскольникамъ и т. под. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прохожанъ. Въ 3-хъ, свѣдѣнія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, а также о предразсудкахъ, суевѣріяхъ, притивныхъ духу православной вѣры и церкви, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ. Въ 4-хъ, педагогическія замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ дѣтей прихожанъ и матеріалы для уроковъ въ этихъ школахъ. Въ 5-хъ, библіографическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того иногда сообщаются: 1) общія замѣчательныя извѣстія, касающіяся русской церкви и въ частности свѣдѣнія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ; 2) свѣдѣнія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи, и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ

религіозныхъ явленіяхъ и перемѣнахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

Само собою разумѣется, что невозможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ, выходящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Раздѣленіе того или другаго отдѣла указывается современными потребностями пастырей и пасомыхъ; поэтому главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вызываются текущими обстоятельствами, впрочемъ для того, чтобы журналъ нашъ могъ доставить приходскимъ пастырямъ руководительное и образовательное чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ не будутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозначенныя въ програмиѣ.

Статьи постороннихъ сотрудниковъ, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и вознагражденіемъ. Лучшія изъ поученій сельскихъ пастырей также будутъ напечатаны въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей". При семъ редакція заявляетъ, что она не беретъ на себя обязанности возвращать авторамъ статьи и проповѣди, оказавшіяся непригодными къ печати, и — на основаніи цензурныхъ правилъ,—покорнѣйше проситъ гг. сотрудниковъ переписывать свои статьи разборчиво и съ полями для отмѣтокъ цензуры, и заявлять свои фамиліи даже и въ такомъ случаѣ, если бы не пожелали печатать ихъ подъ статьями своими.

„Руководство для сельскихъ пастырей" выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ одного до двухъ съ половиною печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 30-ти до 35-ти печатныхъ листовъ, съ особеннымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ.

Подписная **цѣна** *на мѣстѣ* 4 рубл., *а съ* пересылкою *во всѣ мѣста Россіи* 5 рубл. *Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, духовныхъ правленій и благочинныхъ можетъ быть. по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1870 года.*

Въ редакціи находятся также экземпляры „Руководства для

сельскихъ пастырей“ за 1861, 1863, 1864, 1865, 1866 и 1869 годы. Желающіе могутъ получать оные въ бумажномъ переплетѣ, по обыкновенной цѣнѣ съ пересылкою 5 рубл., за исключеніемъ экземпляровъ 1861 и 1865 г., которые можно получать по 4 рубл. съ пересылкою. Подписчикамъ рекомендуемъ обращаться съ своими требованіями: *Въ редакцію «Руководства для сельскихъ пастырей», въ Кіевъ.*

Редакція „Руководства для сельскихъ пастырей“ покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ вдали отъ почтовыхъ конторъ, чтобы они въ адресахъ своихъ означали губернію, уѣздъ и село, куда слѣдуетъ высылать журналъ, и разборчиво прописывали званіе и фамилію получателя. Въ случаѣ неполученія подписчиками какихъ нибудь №№ журнала, редакція покорнѣйше проситъ обращаться къ ней съ своими требованіями, которыя немедленно будутъ удовлетворяемы, по примѣру прежнихъ годовъ, если только, по справкѣ съ почтовымъ вѣдомствомъ, окажется, что вторично требуемые №№ дѣйствительно не досланы.

Редакторъ, ректоръ кіевской семинаріи,
Архимандритъ *Ѳерапонтъ.*

Въ редакціи „Руководства для сельскихъ пастырей“ продаются изданныя ею въ настоящемъ году слѣдующія книги:

1. *Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно-и церковно-служителей.* Свящ. Л. Державина. Изданіе 2-е. Цѣна 25 коп., съ пересылкою 35 коп.

2. *Законныя требованія новыхъ судебныхъ установленій въ отношеніи къ лицамъ духовнаго званія.* Протоіерея Ал. Луканина. Изданіе 2-е. Цѣна 50 коп., съ пересылкою 60 к.

Съ требованіями можно адресоваться исключительно *въ редакцію «Руководства для сельскихъ пастырей, въ Кіевъ.*

Принимается также подписка 1) на вышедшее изъ печати Руководство *къ начальному обученію.* Цѣна 75 к. съ пересылкою и 2., на печатаемую *третьимъ* изданіемъ книгу: *Земная жизнь Господа Спасителя нашего Іисуса Христа.* Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

МОСКОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЪ 1870 ГОДУ

будутъ издаваться, по благословенію Святѣйшаго Синода, при Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, по слѣдующей программѣ:

Отдѣлъ I.

Часть оффиціальная.

Правительственныя распоряженія:

а) Высочайшіе указы, граматы и рескрипты, относящіеся къ духовенству, указы и распоряженія Святѣйшаго Синода.

б) Распоряженія московскаго епархіальнаго начальства, извлеченія изъ отчетовъ и протоколовъ по разнымъ частямъ епархіальнаго управленія.

Примѣчаніе. По временамъ будутъ помѣщаться и прежде обнародованныя постановленія и распоряженія по духовному вѣдомству вообще, и въ частности по московской епархіи, дѣйствующія и въ настоящее время, но не довольно извѣстныя частнымъ лицамъ.

в) Постановленія и распоряженія московскаго училищнаго совѣта, московскаго комитета грамотности и московскаго земства, насколько послѣднія будутъ касаться дѣла народнаго образованія; извѣстія объ открытіи церковно-приходскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ и о состояніи ихъ; свѣдѣнія о приходскихъ попечительствахъ, церковныхъ братствахъ и другихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ въ московской епархіи.

Отдѣлъ II.

Часть неоффиціальная.

1) Епархіальная статистика, церковная археологія и исторія. Свѣдѣнія и замѣтки о религіозномъ и нравственномъ

состоянія народа и средствахъ къ возвышенію онаго; о мѣстныхъ ересяхъ и расколахъ, предразсудкахъ, суевѣріяхъ, поговркахъ; о благочестивыхъ обычаяхъ и обрядахъ, о крестныхъ ходахъ, особенно чтимыхъ святыхъ иконахъ, мощахъ святыхъ угодниковъ; описаніе древнихъ замѣчательныхъ утварей церковныхъ, соббровъ, монастырей, церквей; жизнеописанія пастырей московской церкви и другихъ лицъ, оставшихъ по себѣ добрую память въ епархіи своею благочестивою жизнію и общеназидательною дѣятельностію; вообще описаніе всего достопримѣчательнаго въ епархіи.

2) Современное обозрѣніе. Здѣсь займутъ мѣсто свѣдѣнія обо всемъ замѣчательномъ въ другихъ епархіяхъ въ церковномъ отношеніи; библіографическія замѣтки о вновь появляющихся въ духовной и свѣтской литературѣ замѣчательныхъ сочиненіяхъ, а равно замѣчательныхъ въ томъ или другомъ отношеніи журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ; также отзывы о книгахъ, издаваемыхъ для народа; статьи по поводу тѣхъ или другихъ современныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ въ литературѣ и имѣющихъ отношеніе къ православной вѣрѣ, церкви, духовенству, религіозно-нравственному состоянію народа и т. под.

3) Разныя извѣстія и замѣтки. Корреспонденціи, выписки, указанія на важнѣйшія событія и болѣе замѣчательныя явленія въ нашей церковно-религіозной жизни.

„*Московскія Епархіальныя Вѣдомости*“ будутъ выходить еженедѣльно, въ объемѣ одного листа большаго формата, въ 4-ю долю листа. Въ листѣ новаго формата будетъ больше строкъ, чѣмъ въ двухъ листахъ прежняго формата—именно въ прежнихъ двухъ листахъ было 1,600 строкъ, а въ новомъ листѣ 1,752 строки. Бумага будетъ значительно улучшена.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: *)

Годовая цѣна безъ доставки и пересылки 3 р. 50 к., съ

(*) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, 7 августа 1869 года, за доставку въ Москвѣ еженедѣльныхъ и ежедневныхъ изданій возвышена плата, а стоимость пересылки по почтѣ внутри Имперіи, на основаніи того же Высочайшаго повелѣнія, увеличена расходомъ за укупорку, бандероли, печатные адресы и пр.

пересылкою иногороднымъ—4 р. $2^{1}/_{2}$ к., съ доставкою въ Москвѣ—4 р. 50 к. *Полугодовая* 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., съ дост. 2 р. 50 к.; *за три мѣсяца*—1 р., съ перес. 1 р. 15 коп., съ дост. 1 р. 25 к.; *за мѣсяцъ*—40 к., съ пересылкою 46 к., съ доставкою 48 к. Отдѣльные №№ по 10 коп.

При подпискѣ на одинъ экземпляръ дробь можетъ быть отсѣчена; въ замѣнъ мелкихъ денегъ можно прилагать почтовыя *марки*.

За перемѣну *адреса*, московскаго на московскій или иногороднаго на иногородный, взимается 10 к.; но желающіе перемѣнить московскій адресъ на иногородный, или обратно, приплачиваютъ сумму, означенную въ таблицѣ, а внесенная прежде за доставку, или пересылку, въ разсчетъ не принимается.

Подписка принимается *въ Москвѣ*: въ Епархіальной библіотекѣ—въ Высокопетровскомъ монастырѣ; въ редакціи Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей — на Донской, въ приходѣ Ризположенской церкви, въ квартирѣ священника Рождественскаго; у книгопродавцевъ: Соловьева—на Страстномъ бульварѣ, Ѳерапонтова—на Никольской улицѣ, и въ лавкѣ „Русская Грамота"—въ зданіи университета; *въ С.-Петербургѣ*: у Кораблева и Сирякова.

Въ газетныхъ экспедиціяхъ и почтовыхъ конторахъ подписка не принимается.

Желающіе подписаться на Епархіальныя Вѣдомости благоволятъ заблаговременно присылать свои требованія, чтобы можно было еще до выпуска первыхъ номеровъ заготовить печатные адресы и устранить всѣ препятствія къ своевременному удовлетворенію требованій.

Редакція покорнѣйше проситъ редакціи вѣдомостей, газетъ и журналовъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, присылать въ обмѣнъ свои изданія, если то найдутъ для себя удобнымъ, адресуя на имя секретаря общества любителей духовнаго просвѣщенія и редактора Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, священника Ризположенской, близь Донскаго монастыря, церкви Виктора Петровича Рождественскаго.

Къ нему же должны быть присылаемы статьи для помѣщенія въ вѣдомостяхъ. Всѣ статьи, замѣтки и свѣдѣнія, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія, будутъ принимаемы съ благодарностію. Редакціи необходимо знать званіе, имя, отчество, фамилію и мѣсто жительства присылающихъ статьи, замѣтки и свѣдѣнія. Безъ сего присланныя рукописи не будутъ печатаемы. По желанію автора можно и не означать его имени подъ статьею, или означать другимъ, вымышленнымъ.

Объявленія принимаются о продажѣ книгъ духовнаго содержанія, учебниковъ, книгъ для народнаго чтенія, предметовъ церковнаго употребленія, о праздникахъ и торжествахъ церковныхъ—вообще соотвѣтствующія характеру духовнаго изданія. За напечатаніе объявленій взимается: за одинъ разъ 10 коп. за строку или ея мѣсто; за два раза 18 коп.; за три раза 24 коп.

Объ изданіи въ 1870 году ЧТЕНІЙ при московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія.

СЪ 1863 ГОДА ОБЩЕСТВО ИЗДАЕТЪ

ЧТЕНІЯ

въ Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія.

Въ будущемъ 1870 году оно предполагаетъ выпустить 4 книжки ЧТЕНІЙ въ размѣрѣ отъ 10-ти до 12-ти листовъ каждая.

Въ нихъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будутъ помѣщаться статьи догматическія, нравственныя, полемическія, церковно-историческія, матеріалы для біографіи московскаго митрополита Филарета и исторія московскаго епархіальнаго управленія съ 1721 г.

Годовая цѣна 3 р., съ доставкою 3 р. 50 к., съ пересылкою 4 р.; (за почтовую пересылку 30 к. и 70 коп. за бандероли, печатные адресы и проч.).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ: въ Епархіальной библіотекѣ въ Высокопетровскомъ монастырѣ и у книгопродавцевъ Ѳерапонтова, Салаевыхъ, Глазунова, Соловьева, Черенина, въ книжныхъ лавкахъ: „Русская грамота" и „Коммиссіонеръ".

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ книжномъ магазинѣ Кораблева и Сирякова.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ВЪ 1870 ГОДУ ИЗДАНІЙ

ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА „СТРАННИКЪ",

ГАЗЕТЫ

„СОВРЕМЕННЫЙ ЛИСТОКЪ"

И НАРОДНОЙ ГАЗЕТЫ

„МІРСКОЕ СЛОВО".

Съ окончаніемъ нынѣшняго года, исполнится ровно *десять лѣтъ* изданія журнала „Странникъ". Въ этотъ періодъ смѣнилось нѣсколько направленій въ религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ и жизни нашего общества, нерѣдко уклонявшихся отъ духа евангельской истины и, такъ или иначе, отражавшихся и въ нашей періодической литературѣ. Редакція же „Странника", поставившая своею задачею поддерживать и воспитывать въ русскомъ православномъ обществѣ духъ святой вѣры и чувство истиннаго христіанскаго благочестія,—составляющихъ собою основу душевнаго мира и залогъ вѣчнаго спасенія,—при помощи Божіей, оставалась всегда вѣрною своей цѣли, руководясь во всемъ словомъ

Божіимъ и голосомъ св. православной Церкви. Благодаря дивному промышленію Господа, *испытующаго сердца и утробы* (Апок. 2, 23), благая цѣль редакціи „Странника“ была скоро понята нашими благочестивыми читателями и достойно оцѣнена ими. Мы съ сердечною благодарностію къ Богу, укрѣпляющему наши слабыя силы въ нашей литературной дѣятельности, направленной исключительно на пользу нашихъ собратій во Христѣ, и съ полною увѣренностію можемъ сказать, что ни одна редакція духовныхъ нашихъ журналовъ не имѣетъ у себя такого большаго круга читателей, какъ редакція „Странника“. Даже съ размноженіемъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, сократившихъ число подписчиковъ почти на всѣ духовные журналы, кругъ читателей „Странника“ уменьшился, сравнительно говоря, довольно незначительно, потому что постоянно находилъ для себя читателей во всѣхъ слояхъ общества.

Все это приводитъ насъ къ тому отрадному убѣжденію, что направленіе нашего журнала вполнѣ отвѣчаетъ духовнымъ потребностямъ нашихъ благочестивыхъ читателей. Въ силу этого, мы, твердо уповая на помощь и милость Божію, готовимся дерзновенно вступить во второе десятилѣтіе своей литературной общественной дѣятельности, намѣреваясь оставаться вполнѣ вѣрными навсегда принятому нашимъ журналомъ направленію.

При этомъ, не можемъ не заявить о томъ, что съ слѣдующаго 1870 года редакція „Странника“ будетъ имѣть у себя притокъ новыхъ силъ — въ лицѣ нѣкоторыхъ энергическихъ дѣятелей на поприщѣ современной богословской науки, изъявившихъ полную свою готовность принять самое живое и постоянное участіе въ изданіи нашего журнала. Надѣемся, что и другіе наши собратія во Христѣ, единомудренно ищущіе путемъ литературнымъ духовнаго блага и себѣ и ближнимъ,—особенно же пастыри духовные, изъ которыхъ многіе доселѣ обогащали своими религіозными наблюденіями и духовно-литературными трудами наше повременное изданіе, не откажутся и впредь отъ такой поддержки общеполезнаго нашего дѣла, ко благу св. православной Церкви.

Издаваемая при духовномъ журналѣ „Странникъ", особою редакціею, газета Современный Листокъ политическихъ, общественныхъ и литературныхъ извѣстій, уже пріобрѣвшая огромное число читателей, особенно въ средѣ духовенства, будетъ издаваться по прежней программѣ и въ будущемъ 1870 году, по возможности въ улучшенномъ видѣ.

Равнымъ образомъ и народная газета Мірское Слово, издаваемая тоже подъ особою редакціею, какъ весьма пригодная для простаго народа, по своему религіозно-нравственному характеру и популярному изложенію общеполезныхъ свѣдѣній, будетъ издаваться и въ 1870 году, въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ нынѣшнемъ.

Высочайше утвержденнымъ въ 7-й день августа 1869 г. новымъ устройствомъ газетной почтовой операціи, измѣнены существующія въ нынѣшнемъ году условія пересылки періодическихъ изданій. Вновь установленное правило—пріемъ на почту журналовъ и газетъ для отсылки къ иногороднымъ подписчикамъ, допускать не иначе, какъ подъ бандеролями и съ адресами, — служитъ ручательствомъ за вѣрность доставки и нашихъ изданій, послѣ нынѣшняго — несчастнаго въ этомъ отношеніи года, вслѣдствіе господствовавшей въ немъ отмѣны адресовъ и конвертовъ.

Условія подписки на будущій годъ. Примѣняясь къ новой таксѣ за пересылку, и вмѣстѣ желая по возможности оставить безъ надбавки прежнюю плату за наши періодическія изданія, мы установляемъ на нихъ слѣдующую годовую цѣну:

Странникъ, духовный учено-литературный журналъ, состоящій изъ 12-ти книжекъ, ц. *безъ пересылки*: 3 р. 64 к., а *съ пересылкою* иногороднымъ (по прежнему): 4 р. За доставку въ Петербургѣ по городской почтѣ, по новой таксѣ, платится 50 к., что съ цѣною на журналъ составитъ 4 р. 14 коп.

Современный Листокъ, политическихъ, общественныхъ и литературныхъ извѣстій выходящій два раза въ недѣлю, или 104 №№ въ годъ, ц. *безъ пересылки*—4 р., а *перес.* иногороднымъ, всѣмъ, безъ исключенія,—5 р. При этомъ прежняя сбавка цѣны на „Современный Листокъ" для подписчиковъ

„Странника“ отмѣняется. За доставку на домъ по городской почтѣ въ С.-Петербургѣ, по новой таксѣ нужно будетъ платить 1 р. 50 к., что въ сложности съ цѣною за газету составитъ 5 р. 50 к.

Мірское Слово, народная газета, выходящая два раза въ мѣсяцъ,—въ годъ 24 №№, *безъ пересылки* 87 к.; *съ пересылкою* иногороднымъ 1 р., а съ доставкою въ Петербургѣ на домъ по городской почтѣ 1 р. 87 к.

Издатель имѣетъ честь покорнѣйше просить всѣхъ своихъ почтенныхъ подписчиковъ заблаговременно присылать свои требованія на означенныя періодическія изданія, такъ чтобы можно было еще до выпуска первыхъ нумеровъ заготовить печатные адресы и устранить всѣ препятствія къ своевременному удовлетворенію требованій.

Редакторъ-издатель духовнаго журнала „Странникъ“
Протоіерей *Василій Гречулевичъ*.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ УСТУПКѢ ИЗДАНІЙ

РЕДАКЦІИ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА „СТРАННИКЪ“

для приходскихъ библіотекъ за меньшую цѣну.

Редакція „Странника“, въ заключеніе перваго десятилѣтняго періода своей литературной дѣятельности, находитъ, по милости Божіей, возможнымъ для себя представить новый опытъ своего усердія къ общему благу. Имѣя въ виду учреждаемыя повсюду, по распоряженію правительства, приходскія библіотеки и соображаясь съ ограниченными средствами большинства своихъ собратій, мы рѣшились и безъ того малую плату за нашъ журналъ прошедшихъ годовъ, и другія наши изданія, еще болѣе уменьшить. Мы уступаемъ полное изданіе Странника за всѣ десять лѣтъ, состоящее *изъ 120 мѣсячныхъ книжекъ, или сорока томовъ*, со всѣми бывшими при нихъ приложеніями, а также особыхъ *два тома* Проповѣдей *и два тома* Чтенія для дѣтей, вмѣсто прежней цѣны 44 р., за тридцать пять рублей съ пересылкою.

Сверхъ того мы предлагаемъ пріобрѣтать и отдѣльныя книжки журнала по уменьшенной цѣнѣ изъ разрозненныхъ экземпляровъ (образовавшихся вслѣдствіе почтовыхъ утратъ и вторичной высылки разныхъ книжекъ, ибо печаталось одинаковое число экземпляровъ всѣхъ вообще книжекъ); но если для требуемой книжки придется снова разрознивать полный годовой экземпляръ, то за нее плата должна остаться прежняя. А именно прежняя цѣна 50 к. съ пересылкою, за мѣсячную книжку, отдѣльно выписываемую, остается, за *ноябрь и декабрь 1860 г.*, *мартъ 1861 г.*, *январь*, *февраль и мартъ 1862 г.*, *іюль и ноябрь 1863 г.*, *январь и декабрь 1864 г.*, *февраль и августъ 1865 г.*, *октябрь 1866 г.*, *апрѣль 1867 г.*, *январь*, *іюль и сентябрь 1868 г.* и за каждую изъ книжекъ *1869 г.*; а за *всѣ прочія* книжки разныхъ мѣсяцевъ и разныхъ годовъ, вмѣсто 50 к., 30 к. съ пересыл.

Тѣ, которые будутъ выписывать нашъ журналъ за прошедшіе годы порознь, могутъ видѣть отдѣльную плату за каждый годъ журнала, равно и на другія изданія, въ слѣдующемъ спискѣ.

Странникъ за 1860 годъ. 12 книгъ (при нихъ 5 портретовъ и 2 изображенія) Ц. съ пересылкою за 1 экз. (прежняя): 4 р. Отдѣльныя книжки—за *Ноябрь и Декабрь по* 50 к. съ пересылкою, а за прочіе мѣсяцы по 30 к. съ перес.

Странникъ за 1861 г., 12 кн. (3 портрета, 1 изображеніе и 3 приложенія духовно-литературныя) Ц. съ перес., за 1 экз., вмѣсто 4 р.,—3 р., отдѣльныя книжки за *Мартъ* съ перес. 50 к., а за прочіе мѣсяцы по 30 к. съ перес.

Странникъ за 1862 г., 12 кн. (3 портрета, 1 изображеніе и 2 приложенія). Ц. съ перес. за 1 экз., вмѣсто 4 р., 3 р.; отдѣльныя книжки за *Январь*, *Февраль и Мартъ* по 50 к., прочія всѣ по 30 к.

Странникъ за 1863 г., 12 кн. (4 портрета и 2 приложенія) Ц. за 1 экз. съ перес., вмѣсто 4 р.,—3 р. Отдѣльно *Іюль и Ноябрь* по 50 к., а за прочіе мѣсяцы по 30 к., съ перес.

Странникъ за 1864 г., 12 кн. (3 портр. и 3 вида: приложеніе: Указатель статей за 5 лѣтъ изданія Странника). Ц. за 1 экз. съ пересылкою, вмѣсто 4 р.,—3 р. Отдѣльно

Январь и Декабрь по 50 к., а прочія мѣсячныя книжки по 30 к., съ перес.

Странникъ за 1865 г., 12 кн. (2 портрета и 1 изображеніе). Ц. съ пересылкою за 1 экз., вмѣсто 4 р.,—3 р. Отдѣльныя: за *Февраль и Августъ* 50 к., а за прочіе мѣсяцы по 30 к., съ перес.

Странникъ за 1866 г., 12 кн. (1 портретъ и 1 свящ. изображеніе). Ц. съ пересылкою за 1 экз. вмѣсто 4 р.—3 р. Отдѣльно *Октябрь* 50 к., а прочія мѣсяч. книжки по 30 к., съ перес.

Странникъ за 1867 г., 12 кн. (3 портрета и 19 рисунковъ). Ц. съ перес. за 1 экз., вмѣсто 4 р.,—3 р. Отдѣльно *Апрѣль* 50 к., а прочія мѣсячн. книжки по 30 к., съ перес.

Странникъ за 1868 г., 12 кн. (съ портретомъ высокопр. Филарета, митр. московскаго). Ц. съ перес. за 1 экз., вмѣсто 4 р.,—3 р. Отдѣльно *Январь, Іюль и Сентябрь* по 50 к., а за прочія книжки по 30 к., съ перес.

Странникъ за 1869 г., 12 кн. (съ портретомъ высокопр. Іосифа, митроп. литовскаго, и 1 изображеніемъ). Ц. съ перес. 4 р. Отдѣльно каждая книжка по 50 к.

Проповѣди на всѣ воскресные и праздничные дни, изданныя при духовномъ журналѣ „Странникъ" за 1863 годъ г. (641 и I—IУ страницъ, въ 8-ю долю л., и Словоуказатель новозавѣтныхъ св. книгъ. 1—34 стр.). 105 Поученій 62-хъ современныхъ священнослужителей изъ 24 епархій. Ц. за 1 экз., вмѣсто 1 р. 50 к., 1 р. 30 к.

Проповѣди на всѣ воскресные и праздничные дни, изданныя при духовномъ журналѣ „Странникъ" на 1864 г. (804 и I—XIV страницъ, въ 8-ю долю лист.). 119 Поученій 77-ми современныхъ служителей-проповѣдниковъ 37-ми епархій Ц. съ перес. за 1 экз., вмѣсто 1 р. 50 к.,—1 р. 30 к.

Чтеніе для дѣтей, изданное при духовномъ журналѣ „Странникъ" за 1863 г. (до 50 статей религіозно-нравственнаго содержанія, съ 1 свящ. изображеніемъ). Ц. съ перес. за 1 экз., вмѣсто 1 р. 50 к.,—1 р.

Чтеніе для дѣтей, изданное при духовномъ журналѣ „Странникъ" за 1864 г. (въ 4-хъ выпускахъ, съ 1 свящ.

изображеніемъ). Ц. съ перес. за 1 экз., вмѣсто 1 р. 50 к.,— 1 руб.

Современный Листокъ, за 1868 г., 104 №№ (первые 9 №№ печатаны вторымъ изданіемъ). Ц. съ перес. за 1 экз., 3 р.

Современный Листокъ, за 1869 г., 104 №№. Ц. съ пересыл. 4 р. (За 1863, 1864, 1865, 1866 и 1867 г. полныхъ экземпляровъ въ редакціи нѣтъ).

Мірское Слово, народная газета, за 1869 годъ, 24 №№ (съ приложеніемъ при послѣднемъ № картины). Ц. съ перес. 1 р.

Что можетъ сдѣлать священникъ для благосостоянія своего прихода? Соч. протоіерея *Өеодора Гиляровскаго*. Изданіе редакціи дух. журн. „Странникъ". (Около 600 страницъ, въ 12-ю долю листа). Ц. съ перес. за 1 экз., вмѣсто 1 р. 50 к.,—1 р.

Бесѣды матери съ дѣтьми о предметахъ воспитанія. *Вл. Петровскаго*. Изданіе ред. дух. журн. „Странникъ". Ц. съ перес. за 1 экз. 30 к.

Притчи Христовы, съ 20 политипажами, изд. 2-е, Спб. 1864. Ц. съ перес. за 1 экз. 20 к.

Подробный сравнительный обзоръ четвероевангелія въ хронологическомъ порядкѣ, какъ пособіе къ изученію евангельской исторіи, составленъ протоіереемъ *Василіемъ Гречулевичемъ*. Двѣ части, въ 3-хъ выпускахъ, 1859—1866 г. (1564 страницы, съ картою Палестины, фронтисписомъ и 9-ю картинами, изображающими 108 евангельскихъ событій). Ц. съ перес. за 1 экз., вмѣсто 4 р.,—3 р. 50 к.

Тоже на *веленевой бумагѣ* цѣна съ перес. за экз. вмѣсто 5 р.,—4 р. 50 к.

Указатель церковныхъ чтеній изъ свящ. книгъ новаго и ветхаго завѣта, на всѣ дни недѣль и числа мѣсяцевъ, какого бы то ни было года. Спб. 1853. *Его же*. Ц. за 1 экземпляръ съ пересылкою, вмѣсто 70 к.,—50 к.

Прибавленіе къ Указателю церковныхъ чтеній. С.-Петербургъ, 1866 г. Цѣна съ пересылкою за 1 экземпл. 20 к.

Христіанскія разсужденія и размышленія, предложенныя и въ особыхъ статьяхъ, и въ словахъ, бесѣдахъ и рѣчахъ, законоучителя Императорскаго Воспитательнаго общества

благородныхъ дѣвицъ, *протоіерея Василія Гречулевича*. Изданіе новое. Спб. 1868. Три части, въ двухъ томахъ. Цѣна съ пересылкою за 1 экземпляръ 2 р. На второй томъ, который по обстоятельствамъ не можетъ выйти раньше 1870 года, прилагается къ 1-му билетъ. Имѣющіе выписывать это изданіе уже по выходѣ 2-го тома,—будутъ вносить 2 р. 50 коп. за экземпляръ.

Бесѣды катихизическія на символъ вѣры и молитву Господню, на малорос. языкѣ. *Протоіерея Василія Гречулевича* (*отца*). Цѣна съ перес. за экземпл. 70 к.

Бесѣды катихизическія на девять блаженствъ Евангельскихъ и десять заповѣдей Божіихъ, на малорос. языкѣ. *Его же.* Цѣна съ пересылкою за 1 экземп. 50 к.

Бесѣды о семи спасительныхъ таинствахъ, на малороссійскомъ языкѣ. *Его же.* Цѣна съ пересылкою за 1 экзем. 30 коп.

Бесѣды (двѣ) о должностяхъ родителей и дѣтей, на малороссійскомъ языкѣ. *Его же.* Цѣна съ пересылкою за 1 экземп. 10 к.

Слова и Бесѣды Анатолія архіепископа, бывшаго могилевскаго и мстиславскаго. **Пять частей.** (Въ каждой части по 40 словъ или бесѣдъ и рѣчей). Спб. 1853—1866. Изданіе *прот. В. Гречулевича*. Цѣна съ пересыл. за 1 экземпл., вмѣсто 7 р.,—6 р.

Вторую и третью часть можно выписывать отдѣльно, каждую по 1 р. 50 к.—Послѣднія двѣ части, какъ изданныя одновременно, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ первыхъ трехъ выписываются также особо: цѣна съ пересыл. за 1 экземп., вмѣсто 1 р. 50 к.,—1 р. 30 коп.

Объ иконописаніи, *Архіепископа Анатолія*. Изданіе второе. Спб. 1867 г. Цѣна съ пересылкою за 1 экземпл., вмѣсто 75 к.,—60 к.

Досуги, *Архіепископа Анатолія*, съ портретомъ автора Спб. 1868 г. Цѣна съ пересылкою за 1 экземпляръ, вмѣсто 1 р. 50 к.,—1 р. 30 коп.,—со включеніемъ статьи **объ иконописаніи**, а безъ этой статьи 75 к. съ пересыл.

Вѣра, Надежда и Любовь, въ бесѣдахъ и размышленіяхъ преосв. *А. А.*, съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотво-

ній. Изданіе 5-е, дополненное, *П. В. Г.* Спб. 1867 г., печатанное на зеленой бумагѣ, тремя красками, съ 12-ю гравюрами на стали. Два томика малаго формата, цѣна за 1 экземп. 2 р., съ пересыл.

Объ отношеніяхъ Римской Церкви къ другимъ христіанскимъ Церквамъ и ко всему человѣческому роду, записки *Андрея Востокова*. Изданіе прот. В. Гречулевича, 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1864 г. Двѣ части. Цѣна за 1 экземп., вмѣсто 2 р. 50 к.,—2 р. съ пересыл.

Перегринъ. Аллегорическая повѣсть *Андрея Востокова*, съ картиною. Цѣна съ пересылкою за 1 экземпляръ, вмѣсто 15 к.,—10 к.

Торжество христіанскаго ученія надъ ученіемъ талмуда, или душеполезный разговоръ христіанина съ іудеемъ о пришествіи Мессіи. Составлено *Александромъ Алексѣевымъ* (бывшимъ Вульфомъ Нахласомъ). Изданіе свящ. *В. Гречулевича*. Спб. 1859 г. Цѣна съ пер. за 1 экземп., вмѣсто 75 к.,—50 к.

Записки по богословію собесѣдовательному, или Гомилетикѣ, составленныя въ духѣ православной Христовой Церкви, въ воронежской духовной семинаріи, инспекторомъ архимандритомъ *Аѳанасіемъ*, Спб. 1862 г. Изданіе редакціи духовн. журнала „Странникъ“. Цѣна съ пересыл. за 1 экземп., вмѣсто 60 к.,—50 к.

Іисусъ Христосъ на Голгоѳѣ, или семь Его словъ на крестѣ. Изд. 7-е, малаго формата, съ тремя картинами. Спб. 18 4 г. Цѣна съ пересыл. за 1 экземпляръ, вмѣсто 40 к.—30 коп.

Опытъ Библейско-естественной исторіи, или описательное изложеніе Библейской геологіи, ботаники и зоологіи. Составлено преподавателемъ архангельской духовн. семинаріи *Михаиломъ Сибирцевымъ*. Изданіе редакціи духовнаго журнала „Странникъ“. Спб. 1867 г. Цѣна съ пересылкою за 1 экземпляръ, вмѣсто 1 р. 25 к.,—1 р.

Историко-статистическое описаніе Смоленской епархіи. Съ планомъ Смоленска. Спб. 1864 г. Цѣна съ пересылкою за 1 экземпляръ, вмѣсто 1 р. 50 к.,—1 р.

Взглядъ православнаго на папскую мессу, въ день Рож-

дества Христова, въ базиликѣ св. Петра. Преосв. *Софонія, епископа новомиргородскаго*. Спб. 1868 г. Цѣна съ пересылкою за 1 экземпляръ, вмѣсто 40 к., —30 к.

Праздничное чтеніе, посвященное всѣмъ православнымъ дѣвицамъ, *Е. Баратынской*. Спб. 1861 г. Цѣна съ пересылкою за 1 экземпляръ 10 к.

Путевыя записки странницы, *Е. Хрипковой*. Спб. 1860 года. Цѣна съ пересылкою за 1 экземпляръ, вмѣсто 40 к., 30 коп.

Духовныя стихотворенія *Ѳ. Ваарушева*. Спб. 1862 года. Цѣна съ пересылкою за 1 экземп. вмѣсто 30 к., — 20 к.

Духовныя стихотворенія. *В. Бажанова*. Изданіе редакціи духовнаго журнала „Странникъ". Спб. 1868 г. (на веленевой бумагѣ). Цѣна съ пересылкою за 1 экземпляръ, вмѣсто 75 к., —50 к.

Обозрѣніе вышедшей въ Парижѣ книги: Мое обращеніе и мое призваніе. Спб. 1861 г. Цѣна съ перес. за 1 экземп., вмѣсто 1 р., —50 к.

Краткія поученія, при совершеніи св. таинствъ и нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ. Протоіерея *Аѳанасія Лотоцкаго*. Спб. 1867 г. Цѣна съ пер. за 1 экз. 30 к.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СБОРНИКЪ

изъ лекцій бывшихъ профессоровъ кіевской духовной академіи—архимандрита Иннокентія, протоіерея Ивана Михайловича Скворцова, И. С. Авсенева (архимандрита Ѳеофана) и Я. К. Амфитеатрова, изданный по случаю пятидесятилѣтняго юбилея ея 1819—69 г.

Большой томъ, болѣе 700 страницъ. Цѣна съ пересылкою 3 р. 50 к.

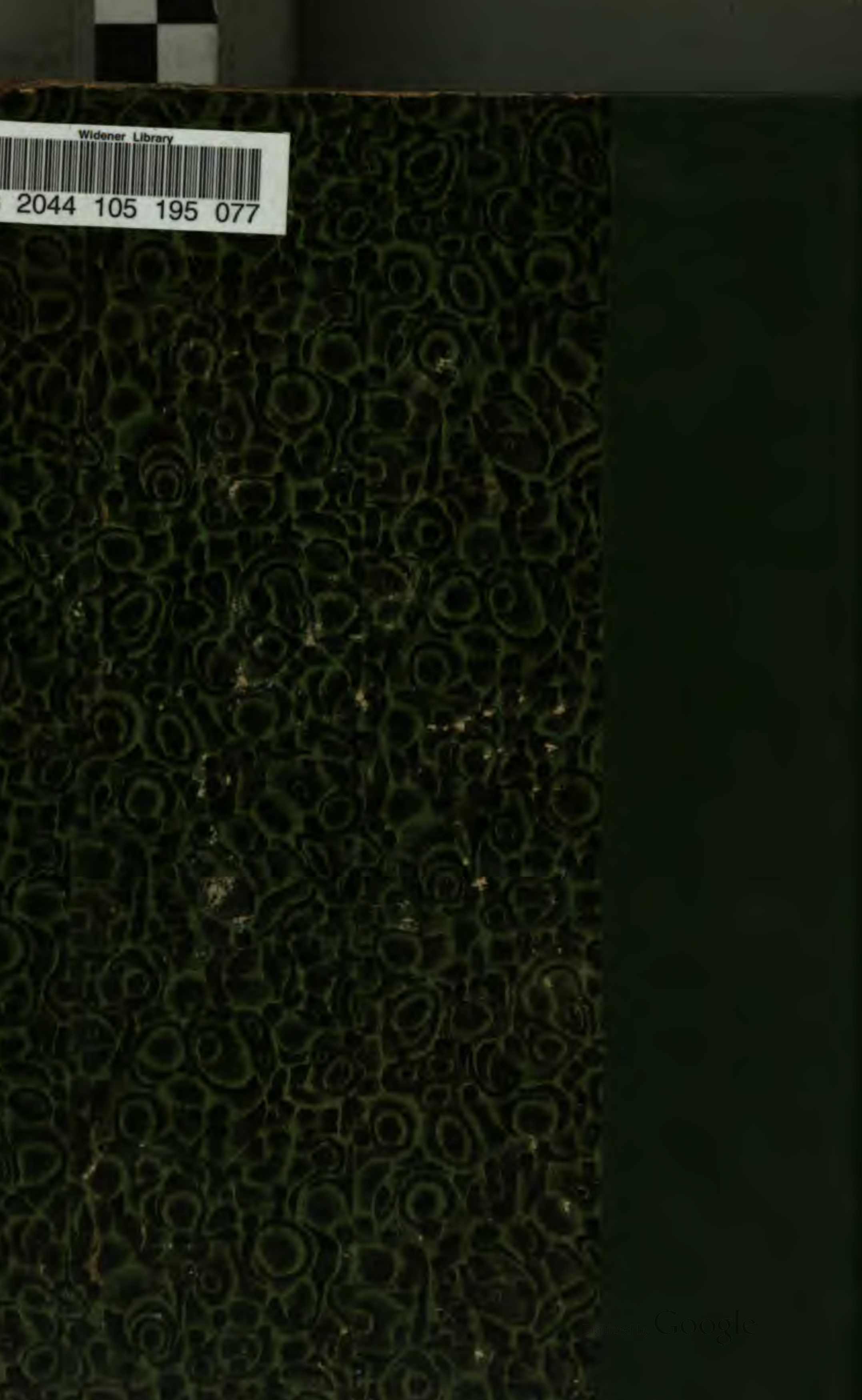
Адресъ: въ Редакцію трудовъ академіи и воскреснаго чтенія въ Кіевѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ „ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ"

за 1869 годъ.

ПРІЮТА


Widener Library
3 2044 105 195 077